Материалы по Археологии, Истории и Этнографии Таврии

Выпуск XXX

Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria

Volume XXX

Симферополь
Simferopol
2025

УДК 94(477.75)082
ББК 63.3(2Рос.Кры)я43
М34

Научная подготовка журнала осуществляется
Научно-исследовательским центром истории и археологии Крыма
Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского

Рекомендовано к изданию Научно-техническим советом
Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
(Протокол № 9 от 28.10.2025 г.)

Редакция:

Айбабин А. И., ответственный редактор
Власова С. И., ответственный секретарь

М 34 **Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XXX** — Симферополь : ООО «Антиква», 2025. — 704 с.

ISSN 2413-189X

© Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, 2025
© Авторы, текст, 2025
© Оформление. ООО «Антиква», 2025

МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ ТАВРИИ

Научный журнал

Основан в 1990 году

Выходит один раз в год

Сайт журнала: http://maiet.cfuv.ru

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского».

Адрес редакции: 295007, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, проспект Академика Вернадского, 4, НИЦ истории и археологии Крыма.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-61809 от 18.05.2015 г.).

Журнал включен в базы данных: Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index), European Reference Index for the Humanities (ERIH) и Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученых степеней доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям наук: 5.6.1 – Отечественная история (исторические науки), 5.6.2 – Всеобщая история (соответствующего периода) (исторические науки), 5.6.3 – Археология (исторические науки), 5.6.4 – Этнология, антропология и этнография (исторические науки).

Редакционная коллегия:

Айбабин А. И., главный редактор, д.и.н., Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)

Герцен А. Г., к.и.н., Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)

Дайм Ф., д.и.н., Центральный Римско-германский музей (Майнц, Германия)

Зинько В. Н., д.и.н., Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)

Иштванович Э., к.и.н., Музей им. Андраша Йожа (Ньиредьхаза, Венгрия)

Казанский М., д.и.н., Центр истории и цивилизации Византии Коллеж де Франс (Париж, Франция)

Кузнецов В. Д., д.и.н., Институт археологии РАН (Москва, Россия)

Кульчар В., к.и.н., Университет Сегеда (Сегед, Венгрия)

Майко В. В., д.и.н., Институт археологии Крыма РАН (Симферополь, Россия)

Степаненко В. П., д.и.н., Уральский федеральный университет (Екатеринбург, Россия)

Тункина И. В., член-корреспондент РАН, д.и.н., Архив Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия)

Хайрединова Э. А., к.и.н., Институт археологии Крыма РАН (Симферополь, Россия)

Храпунов И. Н., д.и.н., Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)

Цукерман К., д.и.н., Центр истории и цивилизации Византии Коллеж де Франс, Практическая школа высших исследований в Париже (Париж, Франция)

MATERIALS IN ARCHAEOLOGY, HISTORY AND ETHNOGRAPHY OF TAURIA

Academic Periodical
Publishes from 1990
One volume a year

English version of Website: http://maiet.cfuv.ru/en/

Founder: V.I. Vernadsky Crimean Federal University

Editorial Office: V. I. Vernadsky Crimean Federal University, History and Archaeology of the Crimea Research Centre, 4 Akademika Vernadskogo Ave, Simferopol, Republic of the Crimea, 295007.

The journal is included into Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index), European Reference Index for the Humanities (ERIH), Russian Science Citation Index.

Editorial Board:

Aibabin Aleksandr, DSc, Professor, Director of the History and Archaeology of the Crimea Research Centre at the V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia)

Daim Falko, Dr. hab., Director of the Romano-Germanic Central Museum (Mainz, Germany)

Gertsen Aleksandr, CSc, Dean of the Historic Faculty at the V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia)

Istvánovits Eszter, Dr, Academic Secretary of the Jósa András Múzeum (Nyíregyháza, Hungary)

Kazanski Michel, DSc., Directeur de Recherche, Centre national de la recherche scientifique (CNRS), UMR-8167 «Orient et Méditerranée» (Paris, France)

Khairedinova Elzara, CSc, Head of the Mediaeval Archaeology Department of the Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences (Simferopol, Russia)

Khrapunov Igor', DSc, Professor at the Ancient and Mediaeval History Department at the V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia)

Kulcsár Valéria, Dr, Associate Professor at the University of Szeged (Szeged, Hungary)

Kuznetsov Vladimir, DSc, Head of the Classical Archaeology Department of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Maiko Vadim, DSc, Director of the Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences (Simferopol, Russia)

Stepanenko Valery, DSc, Professor at the Ancient and Mediaeval History Department at the Ural Federal University (Ekaterinburg, Russia).

Tunkina Irina, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, DSc, leading researcher, Director of the Saint Petersburg Branch of the Russian Academy of Sciences Archive (Saint Petersburg, Russia).

Zin'ko Viktor, DSc, Leading Researcher of the History and Archaeology of the Crimea Research Centre at the V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia).

Zuckerman Constantin, Dr. hab., Professor of Byzantine history at the Ecole pratique des hautes études / Université Paris Sciences et Lettres (EPHE / PSL), Deputy Director of the Centre d'histoire et civilisation de Byzance, Collège de France (Paris, France)

К ПУБЛИКАЦИИ XXX ВЫПУСКА МАИЭТ

В годы так называемой «перестройки» стихийно началось массовое возвращение в Крым депортированных крымских татар и других народов. Были отменены практиковавшиеся в СССР нелепые запреты на изучение проблем истории, этнографии и религии этносов, живших в Таврике и примыкающих степях в Средние века и Новое время. В 1989 г. я организовал в Симферопольском государственном университете хозрасчетную «Лабораторию по изучению этнической истории Крыма». Появилась возможность основать ежегодный сборник для публикации результатов актуальных этноисторических исследований. Первый выпуск Материалов по археологии, истории и этнографии Таврии (МАИЭТ) увидел свет в 1990 г. В следующем году автор и сотрудники лаборатории А.Г. Герцен и И.Н. Храпунов сформировали редколлегию ежегодника, подготовившую выпуски II и III. С 1995 г. обязанности ответственного секретаря журнала выполняет С.И. Власова.

В соответствии с традициями изданий Императорской археологической и Таврической ученой архивной комиссий, в МАИЭТе публикуются не только статьи, но и большие монографические труды объемом до 20 печатных листов. Для расширения источниковедческой базы в каждый том включены отчеты археологических и этнографических экспедиций и архивные материалы. В последующих выпусках редколлегия ввела постоянные рубрики: «Археология», «Нумизматика и Сфрагистика» «История», «Этнография», «Научное наследие», «Доклады и сообщения», «Персоналии» и «Рецензии». Ежегодник получил признание отечественных и зарубежных специалистов. МАИЭТ был включен в список Высшей аттестационной комиссии СССР, Украины, а в 2014 г. – в список ВАКа России. До 2022 г. журнал индексировался в Web of Science (WOS). Крупные библиотеки России, Западной и Восточной Европы и США выразили желание получать МАИЭТ по обмену. О его популярности свидетельствуют многочисленные ссылки на МАИЭТ в научных трудах по археологии и истории Таврики.

Ведущие отечественные и зарубежные археологи и историки в разные годы работали в редколлегии МАИЭТа и печатали свои труды. С грустью и благодарностью вспоминаю уже ушедших членов редколлегии и авторов МАИЭТа, настоящих профессионалов, известных археологов, историков и сотрудников музеев Г.Ф. Корзухину, С.А. Плетневу, Т.И. Макарову, Ю.Н. Воронова, Г.Ю. Ивакина, Т.Н. Высотскую, В.С. Шандровскую, Д.Е. Афиногенова, Г.И. Смирнову, А.Д. Столяра, И.П. Русанову, М.П. Абрамову, И.С. Каменецкого, О.М. Иоанисяна, Г.Н. Санина, А.М. Обломского, В.К. Михеева, французского академика Ж. Дагрона, Н. Икономидеса, Р. Рашева, Т. Сарновского, К. Пиле.

Я так же благодарен за сотрудничество с журналом и ныне здравствующим А.Г. Герцену, И.Н. Храпунову, Л.А. Голофаст, И.П. Засецкой, В.П. Степаненко, В.Н. Зинько, В.В. Майко, И.В. Тункиной, В.Д. Кузнецову, И.А. Завадской, А.И. Романчук, Т.М. Калининой, Э.Д. Зиливинской, Л.В. Седиковой, Е.В. Степановой, М.Г. Крамаровскому, Д.А. Прохорову, Н.И. Храпунову, А.В. Смокотиной, В.Ю. Радочину, Д.В. Конкину, Н.А. Алексеенко, Д.А. Ломакину, М.А. Ломакиной, Д.А. Шалыге, А.С. Козлову, В.Е. Науменко, М.М. Казанскому, К.Б. Цукерману, В. Зайбту, М.-Ф. Озепи, М. Мачинской, Ж.-К. Шене, Дж. Ховард-Джонсону, К. Тотеву, В. Йотову, Ф. Дайму, П. Голдену, Э. Иштванович, В. Кульчар и многим другим авторам.

Незаметно прошли тридцать пять лет, на протяжении которых почти каждый год издавался очередной выпуск. В последнее десятилетие количество страниц увеличилось до 740, а число статей превысило 40. В этом году собран XXX выпуск.

В рубрике «Археология» рассмотрены материалы от VI в. до н.э. до XIX в. н.э. В нескольких работах научные выводы обоснованы археометрическими методами или сравнением картографирования с космическими снимками. В ряде статей содержится новая информация о могильниках позднескифского периода. Для обоснования хронологии городской застройки важны изданные закрытые комплексы ранневизантийской керамики из Боспора и Херсо-

неса, тогда как результаты изучения некрополя и обороны Дороса расширяют наши знания о столице Готии. Впервые публикуемая реконструкция византийского поясного бронзового позолоченного набора с инкрустацией стеклом первой половины VI века из Юго-Западного Крыма существенно дополняет сведения Прокопия Кесарийского о влиянии империи в регионе. Заслуживает внимания аналитический анализ керамики Солхата, который дополняет наши представления о материальной культуре Золотой Орды. Новые сведения содержатся в рубриках «Нумизматика» и «Эпиграфика». В рубрике «История» впервые публикуется перевод на русский язык глав несколько более пространной версии Жития Иоанна Готского, признанного достоверным источником информации об истории Юго-Западного Крыма и Готской епархии во второй половине VIII в. В статье, посвященной воинским контингентам тюркских наемников в армии Византийской империи середины IX – XI в., анализируются модели и способы привлечения к службе тюркских наемных отрядов. В публикации об известном источнике сведений о языке крымских готов в четвертом «Турецком письме» Ожье Гислена де Бусбека рассмотрена гипотеза локализации топонима Сциварин. Автор обратила внимание на возможность готского происхождения топонима. В нескольких статьях описаны средневековые мечети и медресе, а также процесс инкорпорации крымских татар в сословную структуру Российской империи в конце XVIII – начале XIX в. В публикациях освещены крымские сюжеты в английской прессе первой половины XIX в. и приключения майора Семпл-Лайла на Юге России в 1783 г. В серии статей впервые проиллюстрированы различные аспекты политики Санкт-Петербурга по внедрению законодательства Российской империи в Таврике, а также освещены страницы жизнедеятельности известных крымчан – великого художника К.Ф. Богаевского и талантливого археолога П.Н. Шульца. Том завешается ставшими традиционными рецензиями на новые книги.

Целью статей, содержащихся в уже опубликованных выпусках и в представленном на суд специалистов, является введение в научный оборот новых письменных и археологических источников, а также познание неизвестных страниц прошлого Таврики и написание объективной этнической истории региона.

В заключение выражаю свою признательность Эльзаре Айдеровне Хайрединовой за большую работу по составлению и редактированию МАИЭТа.

Александр Айбабин

АРХЕОЛОГИЯ

DOI: 10.29039/2413-189X.2025.30.7-29

ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЧЕРНОЛАКОВЫХ МИНИАТЮРНЫХ СОСУДОВ ИЗ НЕКРОПОЛЯ ВОЛНА 1 НА АЗИАТСКОМ БОСПОРЕ

Татьяна Валерьевна Егорова
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия
tvegorova@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-8479-0518
Вероника Сергеевна Смирнова
Объединённый институт ядерных исследований, Дубна, Россия; Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия
veronicasm@jinr.ru, https://orcid.org/ 0000-0001-7652-1863
Евгений Янович Зубавичус
Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия
teremion@gmail.com, https://orcid.org/0009-0002-3323-6602
Булат Айратович Бакиров
Объединённый институт ядерных исследований, Дубна, Россия; Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия
bulatbakirov4795@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-8526-7091
Куаныш Мейыргазыулы Назаров
Институт ядерной физики, Агентство Республики Казахстан по атомной энергии, Алматы, Казахстан
k.nazarov@inp.kz, https://orcid.org/0000-0003-4637-2486
Сергей Евгеньевич Кичанов
Объединённый институт ядерных исследований, Дубна, Россия
ekich@nf.jinr.ru, https://orcid.org/0000-0002-2324-3051
Ирина Анатольевна Сапрыкина
Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия
dolmen200@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0059-0170

Аннотация. В статье приводятся данные аналитических исследований керамического теста и лаковых покрытий восьми миниатюрных сосудов из некрополя Волна 1, расположенного на Таманском полуострове: пиксиды, калафа, кружки, двух миниатюрных мисок варианта *Early and heavy* второй – третьей четвертей V в. до н.э., мисок с выпукло-вогнутым профилем последней трети V в. до н.э., а также солонки рубежа первой – второй четверти IV в. до н.э. Анализ выполнялся методами рентгеновской томографии, дифракции, рамановской спектроскопии и СЭМ-ЭДС. При том, что археометрия играет всё более заметную роль в изучении археологических материалов, комплексные исследования керамической коллекции одного из наиболее полно раскопанных на данный момент боспорских некрополей проводятся впервые. В результате были получены дополнительные данные о составе глин, покрытий, температуре и продолжительности некоторых фаз обжига. Интересными итогами стало определение одной из причин плохой сохранности лакового покрытия, заключавшегося в низкой степени измельчения глиняной суспензии на стадии подготовки, а также подтверждение использования в его составе поташа, подвергавшееся сомнению для аттических глин.

Ключевые слова: Азиатский Боспор, некрополь Волна 1, чернолаковая керамика, миниатюрные сосуды, рентгеновская томография, СЭМ-ЭДС, рамановская спектроскопия, рентгеновская дифракция

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 23-18-00196 «Комплексные исследования нового городского некрополя архаического и классического времени Волна 1 на территории Азиатского Боспора».

FIRST RESULTS OF THE ANALYTICAL RESEARCH OF FINE BLACK-SLIP POTTERY FROM THE CEMETERY OF VOLNA 1 IN THE ASIAN BOSPOROS

Tatyana V. Egorova
M. V. Lomonosov Moscow State University; Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
tvegorova@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-8479-0518
Veronika S. Smirnova
Joint Institute of Nuclear Research, Dubna, Russia; Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
veronicasm@jinr.ru, https://orcid.org/ 0000-0001-7652-1863
Evgeniy Ya. Zubavichus
Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
teremion@gmail.com, https://orcid.org/ 0009-0002-3323-6602
Bulat A. Bakirov
Joint Institute of Nuclear Research, Dubna, Russia; Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
bulatbakirov4795@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-8526-7091
Kuanysh M. Nazarov
Institute of Nuclear Physics, Agency of the Republic of Kazakhstan for Atomic Energy, Almaty, Kazakhstan
k.nazarov@inp.kz, https://orcid.org/0000-0003-4637-2486
Sergey E. Kichanov
Joint Institute of Nuclear Research, Dubna, Russia
ekich@nf.jinr.ru, https://orcid.org/0000-0002-2324-3051
Irina A. Saprykina
Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
dolmen200@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0059-0170

Abstract. The article presents data from analytical studies of ceramic body and slip coatings of eight fine vessels from the cemetery of Volna 1 located on the Taman Peninsula: a pyxis, a kalathos, a cup, two fine bowls of the *Early and Heavy* type from the second and third quarters of the fifth century BC, and bowls with a convex-concave profile from the last third of the fifth century BC, as well as a salt cellar from the turn of the first and second quarter of the fourth century BC. The analysis was performed with X-ray tomography, diffraction, Raman spectroscopy, and SEM-EDS. While archaeometry is playing an increasingly prominent role in the study of archaeological materials, so far this is the first comprehensive study of the ceramic collection from one of the most comprehensively excavated Bosporan cemeteries. In result, additional data was obtained on the composition of the clays, glazed coatings, and the temperature and duration of certain firing phases. Interesting results were the identification of one of the reasons for the poor preservation of the black-slip coating, namely, the low degree of grinding of the clay suspension during the preparation stage, as well as confirmation of the use of potash in its composition, which had been questioned for Attic clays.

Keywords: Asian Bosporos, cemetery of Volna 1, black-glazed ware, fine vessels, X-ray tomography, SEM-EDS, Raman spectroscopy, X-ray diffraction

Acknowledgements: This study was funded by the Russian Science Foundation, project no. 23-18-00196 *Integrated studies of the new urban necropolis of archaic and classical time Volna 1 in the Asian Bosporos.*

Введение. Богатая керамическая коллекция, полученная в ходе раскопок некрополя Волна 1 VI–III вв. до н.э. (Таманский полуостров) [1; 2; 3], содержит более 300 экземпляров миниатюрных сосудов (мисок, солонок, скифосов, блюд, лекифов, амфорисков и пр.), небольшие размеры которых были обусловлены как изначальным функциональным назначением некоторых форм, так и особенностями их использования в погребальной практике, в том числе в качестве вотивов или копий полноразмерных вещей для практического применения, как в случае с миниатюрными глиняными мортарами [4].

Миниатюрные сосуды редко подвергаются отдельным специальным исследованиям глин и покрытий, хотя такие работы тоже известны (например, о металлических покрытиях

глиняных солонок [5; 6, с. 163–166] и др.). Основное же внимание исследователей чаще обращено на античную «парадную» столовую посуду (расписную и чернолаковую), позволяющую изучать технологические особенности ее изготовления, типы формовочных масс, рецептуры покрытий, с определенной долей уверенности определять центры производства и т.п. (подробнее: [7]). Проводимые в последнее десятилетие аналитические исследования, в частности, чернолаковой керамики, комбинация новейших высокочувствительных аналитических методов исследования позволяют получать новую информацию о минералогическом и химическом составе формовочной массы, технологических процессах ее подготовки, детализированные данные о составе и морфологии лакового слоя сосудов и условиях его формирования [8; 9; 10; 11; и др.]. Основной акцент аналитического изучения античной керамики с НАА и РФА смещен в сторону применения таких методов, как сканирующая электронная микроскопия в сочетании с энергодисперсионной рентгеновской спектроскопией (СЭМ-ЭДС), рамановская спектроскопия, дифракция, ИК-спектроскопия с преобразованием Фурье, томография [12; 13; 14; и др.].

Эти методы были применены при изучении небольшой выборки миниатюрных сосудов из керамической коллекции некрополя Волна 1. Основное внимание было сосредоточено на получении первых аналитических данных о составе глин, покрытий, температуре и продолжительности некоторых фаз обжига[1]. Задачей исследования является, прежде всего, методическая отработка аналитических процедур и получение необходимых данных для возможных дальнейших сопоставлений с известными рецептурами формовочных масс и покрытий античной керамики.

Выборка состоит из восьми миниатюрных сосудов редких (калаф, кружка) или, напротив, распространенных (пиксида, солонки, миски) форм из семи погребений: №№ 235, 315, 362, 376, 505, 496, 563, датированных, за единственным исключением (солонка из погребения № 315 второй четверти IV в. до н.э.), в пределах второй и третьей четвертей V в. до н.э. Все они отличаются близкими визуальными характеристиками глиняного теста (рис. 1): бежевого или светло-розового (Munsell: 7.5 YR 6/4, 7/6 и 5 YR 7/4), с плотной структурой, без видимых включений, или в одном случае (№ 563) с редкими мелкими блестками (слюдой?), позволяющего, вкупе с особенностями форм, изначально с определенной долей вероятности, предположить их аттическое производство, хотя подобная цветовая гамма встречается и у изделий из коринфских мастерских синхронного времени [15, с. 145–147], поэтому это предположение требует дополнительной проверки. Качество и степень сохранности лакового покрытия каждого изделия разнятся.

Анализ сосудов из выборки выполнялся методом рентгеновской томографии для анализа пространственного расположения, распределения размеров и форм внутренних пор и визуального определения доли органических включений в объеме сосудов [16]; пробы, отобранные с части сосудов, были исследованы методами рамановской спектроскопии, сканирующей электронной микроскопии и рентгеновской дифракции для получения данных о минералогическом и химическом составе формовочной массы и «лакового» слоя.

Характеристика анализируемой выборки. В число отобранных образцов вошли пиксида, четыре миниатюрные миски двух типов, солонка, миниатюрный калаф и кружка.

Пиксиду из погребения 235 [17, с. 226–227] можно условно отнести к типу D в соответствии с классификациями классической и эллинистической аттической чернолаковой керамики [18, с. 177–178; 19, с. 191][2]. В целом, для сосудов этого типа, использовавшихся начиная с V в. до н.э. на протяжении продолжительного времени (вплоть до римской эпохи) в краснофигурном, чернолаковом, красноглиняном и других исполнениях[3] в качестве контейнеров для косметических средств или украшений, характерно цилиндрическое тулово с выпуклыми или вогнутыми стенками, плоское дно и закраина под крышку. Сама крышка имеет углу-

[1] Подробнее о трехэтапном обжиге античной чернолаковой и расписной керамики, истории его выявления, изучения и реконструкции процесса: [7, p. 95, 96].

[2] Размеры: чаша: D (венчика)–6,0 см, D (дна)–6,4 см, H–3,8 см; крышка: D–6,5 см, толщина макс.–1,0 см.

[3] Помимо керамических, аналогичные по форме и назначению изделия делали из металла, дерева, стекла или даже фаянса [19, p. 191].

бление в центральной части соответствующего диаметра. У найденного в некрополе Волна 1 экземпляра есть одно существенное отличие – плоский венчик без закраины, к которому прилагается крышка не с углублением в центре, а с утолщением подходящей к нему формы и размера для более плотного прилегания (рис. 2). Вместе с тем, такой уплощенный край (в нашем случае он выглядит дополнительно сточенным от регулярного контакта с крышкой), вкупе с вогнутыми стенками и плоским дном, типичен для одного из типов солонок [18, p. 301, pl. 34, fig. 9,927–929], довольно часто встречавшихся в Аттике и за ее пределами, в том числе в погребальных комплексах (например: [20, S. 53; 21, S. 125, Taf. 40]). Наличие у некоторых подобных солонок ободка под венчиком – своего рода имитации упора под крышку, позволило Б. Спарксу и Л. Талькотт предположить прямую хронологическую и функциональную связь между этими формами [18, p. 137]. Ближайшая аналогия форме тулова пиксиды из погребения 235 представлена именно среди солонок, датирующихся концом второй четверти V в. до н.э. [20, S. 53, 139, Abb. 20,216/2], что не противоречит контексту находки: из того же погребения происходят три миниатюрные миски типа *Early and heavy* с массивным поддоном (прямые аналогии в аттических материалах 475–450 гг. до н.э.: [18, p. 134, 297, pl. 33,856,858]) и миниатюрное блюдо на ножке, имеющее многочисленные параллели в слоях и комплексах 70-х гг. V в. до н.э. (подробнее: [18, p. 305. pl. 35,981; 22, с. 88, рис. 16,158]). Пиксида покрыта тонким, относительно ровным слоем чуть блестящего черного лака. В цвете глины оставлены внутренняя поверхность крышки, а также край и дно сосуда, окрашенное красной краской.

Две из четырех миниатюрных мисок (из погребений 362.17 и 505) практически идентичны по форме и размерам[4] (рис. 2) и относятся к варианту *Early and heavy* по Б. Спарксу и Л. Талькотт, довольно широко распространенному на античных памятниках в слоях, преимущественно, второй и третьей четвертей V в. до н.э. [18, p. 134; 23, p. 22, 110]. Венчик обоих мисок загнут внутрь, край заглажен; низкий кольцевой поддон продолжает направление стенок, сужаясь к подошве, что характерно для сосудов третьей четверти столетия (типологически близки: [18, p. 267, pl. 49, fig. 5,457–461]). При сходных визуальных характеристиках глины, заметна существенная разница в качестве покрытия. Если на миске № 362.17 лак черный, чуть блестящий, нанесен тонким ровным слоем, то у миски № 505 он имеет красный цвет. При этом степень его стертости (вероятно, результат длительного или интенсивного использования до помещения в могилу) примерно одинакова, со значительным увеличением количества сколов к краю венчика (подробнее: [24, с. 245]).

Еще две однотипные миски (из погребений 362 и 563)[5] являются миниатюрными вариантами мисок с выпукло-вогнутым профилем (рис. 2). Это довольно массивные (особенно в их верхней трети) сосуды с рельефной внешней поверхностью с утолщением у края и низким кольцевым поддоном относительно большого диаметра. Оба экземпляра отличаются небольшой толщиной стенки поддона. Это обстоятельство позволяет датировать их 30-ми гг. V в. до н.э. [18, p. 131; 25, p. 92, 98, beil. 3; 26, p. 217; 27, с. 105; 28, с. 167, 182, 183; 29, p. 91], что соответствует хронологии сопутствующего инвентаря погребений, из которых они происходят. Миска № 362 покрыта тонким неровным слоем черного, чуть блестящего лака. В тесте миски № 563 можно различить мельчайшие включения слюды, лак черный с бурыми пятнами, матовый.

Солонка[6] из погребения 315а относится к популярному (особенно в IV в. до н.э.) типу «с вогнутыми стенками» (рис. 2): внешний контур стенки завершается сверху слегка утолщенным отогнутым краем, снизу продолжением стенки является поддон с плоской подошвой; край венчика и поддон симметрично отогнуты наружу. Лаковое покрытие довольно толстое, черного цвета с выраженным металлическим блеском, сильно стерто, особенно по краю. Как по известным аналогиям (например: [18, p. 302, pl. 34,936]), так и по контексту комплекса, в который входят кубковидный скифос с массивными стенками (аналогичен: [18, p. 262, pl. 27, fig. 6,621; 21, S. 150, Abb. 38,299; 30, p. 133–134, 48; 22, с. 34, 35, рис. 6, табл. 11,52]), куб-

[4] Размеры: D (венчика)–7,0 см, D (поддона)–4,5 см, H–2,5 см.

[5] Размеры: № 362: D (венчика)–10,0 см, D (поддона)–6,8 см, H–3,5 см; № 563: D (венчика)–8,6 см, D (поддона)–7,0 см, H–2,4 см.

[6] Размеры: D (венчика)–6,7 см, D (поддона)–6,7 см, H–2,6 см.

ковидный канфар с низким горлом (аналогичен: [18, p. 284, pl. 28,681]), миска с отогнутым наружу краем (типологически близка: [18, p. 293, pl. 32, fig. 8,803]), две миниатюрные миски варианта *Light and later* (типологически близки: [18, p. 298, pl. 33, fig. 9,876]) и аск уплощенного типа (аналогичен: [18, p. 318, pl. 39,1177,1178]), дата сосуда может быть определена в пределах конца первой – начала второй четверти IV в. до н.э.

Миниатюрный калаф[7] (погребение 376) – довольно редкий тип сосудов, очевидно не использовавшихся в быту, но периодически встречающийся в погребениях (например: [20, S. 181, Abb. 49,ES32]) (рис. 2). Венчик с прямым краем плавно отогнут наружу, массивные подвертикальные стенки в верхней трети имеют горизонтальный выступ-ребро, низкий относительно массивный кольцевой поддон выходит за границы плоского дна. Лак черный с оливковым оттенком, матовый, тонкий неровный слой. Красной краской окрашены бортик и подошва поддона, а также внешняя поверхность дна, декорированная лаковыми точкой и кольцом малого диаметра. Форма довольно статична и по ее особенностям сложно говорить о точной хронологии сосуда. Однако по многочисленному сопутствующему инвентарю, а именно чаше типа *Stemless* со смещенным венчиком (типологически близка: [18, p. 268, fig. 5], 471/470–450 гг. до н.э.), миниатюрным мискам с широким уплощенным краем (аналогичны: [18, p. 134, 296, fig. 9,849; 29, p. 219, pl. 60,1105], 475–450 гг. до н.э.) и с выпукло-вогнутым профилем (аналогичны: [18, p. 294, fig. 8,817; 26, p. 217; 20, с. 105; 28, с. 167, 182, 183; 29, p. 91], 450–400 гг. до н.э.), блюдам на ножках (типологически близки: [18, p. 305, pl. 35,984,985 и 982], ок. 480 г. до н.э. и 460 г. до н.э., соответственно), его можно датировать второй четвертью – серединой V в. до н.э.

Кружки, аналогичные миниатюрному сосуду из погребения 496[8] (рис. 2), на протяжении всего V в. до н.э. производили в аттических мастерских [18, p. 70; 25, p. 105]. Для анализируемого экземпляра характерны отогнутый наружу венчик с заглаженным краем, низкое широкое горло и объемное каннелированное тулово на плоском дне; двуствольная уплощенная в сечении ручка крепится к краю и плечику. Стык горла и тулова декорирован валиком с имитацией кручения. Лак черный, блестящий, тонким ровным слоем покрывает весь сосуд. Ближайшие аналогии происходят из раскопок афинской агоры, где датируются концом второй четверти V в. до н.э. [18, p. 250, pl. 11,201,202].

Методика аналитического исследования. Аналитические исследования выполнялись на приборной базе Лаборатории нейтронной физики им. И. М. Франка Объединенного института ядерных исследований и Центра коллективного пользования Института археологии РАН.

Визуализация распределения материала внутри объема керамических сосудов из погребений №№ 235, 315, 362, 376, 505, 496, 563 выполнялась методом рентгеновской томографии с использованием настольной системы компьютерной микротомографии «ПРОДИС. Компакт» (Россия). Полученные в эксперименте рентгеновские изображения корректируются на фоновые шумы детекторной системы и нормализуются на падающий рентгеновский пучок с помощью встроенного программного обеспечения. Для визуализации и анализа получаемых трехмерных данных использовался программный комплекс VGStudio MAX 2.2 фирмы Volume Graphics (Германия).

С сосудов удалось отобрать образцы для дальнейшего аналитического исследования состава покрытия и керамического теста. Для образцов № 235, 315, 362.17, 376, 496, 505, 563 элементный анализ по методу СЭМ-ЭДС выполнялся без пробоподготовки на растровом электронном микроскопе CX-200P Coxem (Южная Корея) с детектором ULTIM MAX 65 (Oxford instruments) при ускоряющем напряжении 20 кВ, в режиме низкого вакуума; и на электронном сканирующем микроскопе TESCAN VEGA Compact LMH (Чехия) с энергодисперсионным детектором Xplore 15 при ускоряющем напряжении 20 кВ и токе пучка 3 nA в режиме высокого вакуума (10^{-3} Па). Накопление ЭДС спектров длилось до набора 1000000 импульсов.

Образцы № 315, 496, 563, 235 были дополнительно исследованы на поперечных непрозрачных шлифах, подготовленных с использованием автоматического шлифовально-полировального станка. Образцы помещались в эпоксидную смолу так, чтобы пло-

[7] Размеры: D (венчика)–7,9 см, D (поддона)–5,8 см, H–4,9 см.

[8] Размеры: D (венчика)–8,2 см, D (поддона)–5,9 см, H–8,5 см.

скость слоя покрытия на фрагменте была перпендикулярна поверхности шлифа. На поверхность шлифов было нанесено токопроводящее покрытие (углерод). Элементный анализ выполнялся методом СЭМ-ЭДС на сканирующем электронном микроскопе TESCAN VEGA Compact LMH (Чехия) с энергодисперсионным детектором Xplore 15 при ускоряющем напряжении 20 кВ и токе пучка 3 nA в режиме высокого вакуума (10^{-3} Па). Измерение элементного состава формовочной массы проводилось в центральной части шлифа на участке площадью 1×1 мм, а элементного состава покрытия – на небольших участках 50×50 мкм.

Эти же образцы были исследованы методом рамановской спектроскопии на оптическом микроскопе ADF U300M, оснащенном анализатором "Инспектр" R532 с лазером 532 нм (Россия). Мощность лазера подбиралась в зависимости от типа образца (обычно 0,8–1,5 мВт). Измерения проводились в спектральном диапазоне 160–4000 $см^{-1}$ с разрешением 4–6 $см^{-1}$. Идентификация спектров проводилась с использованием базы спектров RRUFF и научных публикаций [31].

Анализ фазового состава минеральной составляющей для нескольких образцов (№ 315, 496) методом рентгеновской дифракции был выполнен на многофункциональном рентгеновском дифрактометре ДРОН-8Н Буревестник (Россия) с вертикальным тета-тета гониометром, рентгеновской трубкой БСВ-29Cu, детектором Mythen 2R 1D. Полученные рентгеновские данные анализировались методом Ритвельда с использованием программного комплекса «Качественный и количественный фазовый анализ по базе COD»[9].

Обсуждение результатов и дискуссия.

Рентгеновская томография. Из томографических проекций были реконструированы трехмерные модели керамических сосудов, из которых, в свою очередь, были выделены данные по объёмному распределению материалов в образцах, в частности внутреннего порового пространства и включений (рис. 3). Полученные трехмерные модели являются массивом вокселей, каждый из которых характеризует коэффициент ослабления рентгеновского излучения в определенной точке объема объекта. Относительный объем пор несколько отличается от образца к образцу, хотя и не превышает 1% (табл. 1). Минимальное значение пористости присутствует в сосудах № 362 и № 496 и составляет 0,06% и 0,09% соответственно, а максимальная – в миске № 563 (0,62%) и солонке № 315 (0,69%). Также незаметна существенная разница в содержании включений, составляющих 0,01–0,02% от объема образцов, за исключением пиксиды № 235 (0,19%) и калафа № 376 (0,35%), в которых наблюдаются довольно специфические включения. В образцах № 235 и № 376 крупные включения присутствуют в области с наиболее тонкими стенками, что может намекать на намеренное внесение дополнительного материала в качестве технологической присадки для улучшения прочностных свойств в тонкой области (или являться особенностями глины).

С помощью процедуры сегментации трехмерных проекций были получены и проанализированы объемные и морфологические характеристики пор внутри образцов. В первую очередь был рассмотрен параметр эквивалентного диаметра, который соответствует диаметру сферы того же объема в вокселях, что и рассматриваемая пора неправильной формы. Полученные распределения эквивалентных диаметров пор для образцов показаны на рис. 4, представляющем собой скрипичную диаграмму, которая в свою очередь сочетает диаграммы размаха и графики плотности. Получили, что средний и медианный размер пор во всех образцах находится в диапазоне от 0,49 до 0,67 мм. Однако пиксида № 235 и кружка № 496 выбиваются из выборки со средними значениями 0,96 и 0,38 мм соответственно. В большинстве образцов распределение по эквивалентному диаметру имеет асимметричный характер с одним выраженным максимумом. Для пиксиды № 235 и солонки № 315 наблюдается ярко выраженное плечо со вторым пиком на кривой распределения. Также значительный перекос графика плотности распределения вероятности относительно межквартильного диапазона и доверительного интервала обуславливается наличием крупных единичных пор в этой обла-

[9] Аналитическая обработка дифракционных спектров с расшифровкой данных выполнена к.г.-м.н, зав. лаб. рентгеновских дифрактометров и методов АО «ИЦ «Буревестник» Т. И. Ивановой. Авторы выражают ей свою искреннюю признательность.

сти. Мы предполагаем, что такие крупные пустоты могут быть результатом интенсивного выделения газа из дополнительных примесных компонентов в материале.

Форма пор оценивалась с помощью параметра вытянутости (элонгации). В этом случае объем поры аппроксимируется эллипсоидом, по соотношению полуосей которого определяется степень вытянутости. Если полученное значение параметра приближается к 1, то соответствующая пора считается сферичной, если же значение приближается к 0 – поры максимально вытянутые, приближенные к линии.

Полученные вероятностные распределения параметров вытянутости пор представлены на рис. 5. Видно, что распределение по вытянутости пор имеет довольно сложный характер. Присутствуют мультимодальные распределения как с ярко выраженным одним максимумом, так и с неявными максимумами.

Для систематизации структурных данных, полученных с помощью нейтронной томографии, были построены контурные диаграммы отношения размера пор к параметру вытянутости, и обобщенная контурная диаграмма всех исследованных керамических объектов (рис. 6). Можно заметить, что большинство пор имеют размер в диапазоне примерно 0,4–0,5 мм, при этом значения вытянутости находятся в диапазоне от 0,1 до 0,3 мм, независимо от размера частиц. Также существует область с более крупными порами, размером примерно 3–6 мм в этом же диапазоне параметра вытянутости. Это говорит о наличии небольшого количества крупных нерегулярных пустот в некоторых образцах керамики. Интересно, что пиксида № 235 демонстрирует самое широкое распределение по размеру с максимальным значением ~6,2 мм.

Элементный анализ методом СЭМ-ЭДС выполнен для сосудов № 235, 315, 362.17, 376, 505, 496, 563; точность анализа различается, так как часть образцов исследовалась при низком, часть – при высоком вакууме. Сводные данные по элементному составу представлены в таблицах 2–3: все вариации по содержанию основных элементов (Na, Mg, Al, Si, S, K, Ca, Ti, Fe) для каждого исследованного образца суммированы и представлены отдельно для покрытия (в таблице – «лак») и для формовочной массы («тесто»). Отметим, что только в некоторых точках анализа зафиксированы такие микроэлементы, как Mn, P, Cl, Cr, Ba – они нами не учитываются; набора таких микроэлементов, как Co, Cu, Zn, Pb, As не зафиксировано. В представленных данных (табл. 2; 3) хорошо прослеживаются различия в % содержании стандартного набора элементов по поверхности покрытия (лак) и без покрытия (тесто).

Среди образцов, изученных при низком вакууме, особо выделяется образец № 376, где отмечается повышенное содержание Ca в формовочной массе (табл. 2); повышенное содержание Ca в тесте дал и образец № 235, изученный в высоком вакууме, также без пробоподготовки (табл. 3). Собственно, кальций указывает на присутствие в керамике большого объема карбоната кальция, легко реагирующего с глинистыми минералами [35]. Но зафиксированное количество кальция в этом образце может и не относиться именно к рецептуре керамического теста: известно, что керамика после выпадения в захоронение активно насыщается кальцитом из почвы, когда он заполняет пустоты и глинистые комки [34].

Детальный анализ формовочной массы четырех образцов (№ 235, 563, 496, 315), выполненный по подготовленным шлифам, показал, что они имеют алевропелитовую структуру, характерную для керамики из отмученной глины. Крупных включений, которые могли бы рассматриваться как антропогенные добавки, не зафиксировано. Небольшие включения, являющиеся естественной составной частью глины, имеют неокатанную, часто удлиненную форму и размеры не более 200–300 мкм. Несмотря на общую схожесть структуры, в шлифах наблюдались различия в размере частиц включений, минеральном составе и строении слоя покрытия. В образцах керамического теста наблюдается присутствие некоторых примесей – отдельных частиц кварца, калиевого полевого шпата, мусковита, альбита, следы анатаза и апатита (табл. 5; рис. 7).

Среди данных, полученных по специально подготовленным шлифам, выделяется пиксида № 235, где фиксируется значительное, по сравнению с иными, содержание оксида кальция в тесте (CaO) (табл. 4). В шлифе наблюдаются обломки кристаллов размером 5–100 мкм, доминирует 20 мкм. Большинство частиц ориентированы случайно, но крупные пластинки слюд часто лежат параллельно поверхности сосуда или под острым углом к ней. Включения

занимают до 40% площади шлифа. Большинство включений составляет кварц, щелочные полевые шпаты, мусковит и неидентифицированная фаза (возможно, продукты разложения минералов группы хлорита) с теоретической формулой $(Mg,Fe)_2(Al,Si)_2O_6$ (рассчитано по элементному составу). В небольшом количестве присутствуют альбит, гематит и оксид титана (анатаз или рутил). Отмечаются отдельные включения коллофана (апатита).

В тесте миски № 563 включения в основной массе занимают до 50% шлифа. Они имеют размеры 5–70 мкм, доминирует 20 мкм. Крупные пластинки слюды и вытянутые обломки кристаллов ориентированы параллельно поверхности. Большинство включений составляет кварц, кали-натровые полевые шпаты, мусковит и неидентифицированная фаза с теоретической формулой $(Mg,Fe)_2(Al,Si)_2O_6$. Присутствуют крупные обломки альбита (до 65 мкм); включения меньшего размера представлены гематитом и оксидом титана (анатаз или рутил). Отмечаются единичные включения коллофана (апатита) (табл. 5).

С точки зрения элементного состава формовочной массы, образцы демонстрируют достаточную однородность. Можно заметить закономерность в содержании железа, магния и титана: в тесте пиксиды № 235 этих элементов обнаружено наибольшее количество, а в № 315 – наименьшее. Формовочные массы миски № 563 и солонки № 315 оказываются близки по содержанию большинства элементов, но по некоторым существенно различаются: тесто миски № 563 содержит K в пределах 1,73%, Ti – 2,12%, солонки № 315 – K в пределах 4,06%, Ti – 0,27% (табл. 3).

В шлифах была измерена толщина покрытия поверхности («лак») – в среднем, она составляет ок. 30 мкм (рис. 8), но покрытие миски № 563 имеет малую толщину (до 10 мкм) и содержит много пор размером 0,1–1 мкм, а солонки № 315 – максимально пористое (в верхней части) и толстое (до 35 мкм). В трех образцах отмечается доминирование оксида калия (K_2O; поташ) в «лаке» (№ № 235, 496, 563); во всех шлифах в лаковом слое отмечено повышенное содержание оксида алюминия (Al_2O_3; корунд), основных составляющих образовавшегося при высокотемпературном обжиге стекловидного покрытия (табл. 4). В целом, набор доминирующих элементов в «лаковом» слое стандартен [32]. Элементный состав слоя покрытия у всех образцов существенно отличался от состава основной формовочной массы. Во всех случаях они содержат больше железа и алюминия, меньше кальция. «Лак» пиксиды № 235 и кружки № 496 содержит больше калия, по сравнению с формовочной массой, он имеет наиболее плотные и однородные слои (табл. 4).

Дополнительно была построена диаграмма рассеяния по соотношению K/Si, Fe/Si: в отдельную группу по этому соотношению «выпали» данные по слою покрытия («лаку») и формовочной массы (теста) для солонки № 315 и миски № 563, тогда как данные по соотношению K/Si, Fe/Si в «лаковом» слое и тесте пиксиды № 235 и кружки № 496 отстоят отдельно и от этой группы, и друг от друга (рис. 9). Аналогично диаграмма рассеяния была построена по соотношению Al/Si, Fe/Si: здесь наблюдается иная картина – в «лаке» только солонка № 315 отличается от общей группы, сформированной тремя образцами; по соотношению пар Al/Si, Fe/Si формовочная масса пиксиды № 235 и миски № 563 составляют одну группу, тогда как образцы солонки № 315 и кружки № 496 отстоят отдельно и от этой группы, и друг от друга. Предположительно, степень измельчения глиняной суспензии на поверхности солонки № 315 была значительно ниже, чем у остальных (рис. 8), возможно, также был нарушен режим дегидратации и декарбонизации, что привело к образованию вторичной пористости [33].

Для этих двух сосудов: солонки № 315 и кружки № 496, минералогический состав формовочной массы был дополнительно исследован методом *рентгеновской дифракции*. Одними из основных фаз в керамическом тесте солонки № 315 оказались магнетит (Fe_3O_4), шпинель ($MgAl_2O_4$) и доломит; также определенную долю занимают кварц и полевой шпат (низкий альбит). Более сложный состав наблюдается у кружки № 496: основные фазы принадлежат кварцу, диопсиду, полевым шпатам, в частности, микроклину ($KAlSi_3O_8$); в небольших количествах в пробе зафиксированы также гематит, магнетит, хлоритоид (гидроксидный алюмосиликат) и следы родохрозита.

Детализированные данные к минералогической характеристике керамического теста сосудов дали результаты анализа по методу *рамановской спектроскопии*. Анализ лакового

покрытия образцов показал, что основная составляющая их – магнетит (табл. 6), только для двух образцов было зафиксировано присутствие аморфного углерода (№ 315, 563), в лаке миски № 563 также зафиксировано присутствие следов гипса, а в лаке калафа № 376 – следы неопределимой фазы. Чёрное покрытие большинства образцов давало достаточно явные пики магнетита, однако «лаки» миски № 563 и солонки № 315 отличались от остальных: в них наблюдался более слабый пик магнетита, а также присутствовали толстые пики в районе 1340–1600, характерные для аморфного углерода.

Формовочная масса всех исследованных образцов (табл. 7) представлена гематитом (α-Fe_2O_3); полевые шпаты выявлены в тесте образцов № 235, 376, 563; кварц – в тесте образцов № 376, 505, 563; единично зафиксировано присутствие гипса (№ 376, 563), альбита (№ 505), полосы магнетита (№ 563), следы аморфного углерода (№ 362.17, 505).

Дискуссия. Проведенными анализами зафиксировано присутствие первичных минералов в формовочной массе (прежде всего, кварц), также зафиксировано присутствие значительного объема кальция и обжигаемых минералов [33]. Кварц, относящийся к первичным минералам, выявлен во всех исследованных образцах, он сохраняется без структурных изменений при обжиге до 1000^0 С. К первичным минералам формовочной массы также относится кальций (Ca, CaO): глины, содержащие менее 6% оксида кальция, считаются неизвестковыми – в нашей выборке только два сосуда (миски № 362.17, 563) по данным СЭМ-ЭДС могут быть условно отнесены к таким типам глин, источник которых может быть расположен вблизи метаморфических пород[10]; небольшое количество кальцита в керамическом тесте указывает на возможность проводить обжиг при температуре ниже 750^0 С [34]. Но для этих сосудов такое низкое содержание кальция может быть объяснено и по-другому: по данным рентгеновской томографии, в тесте зафиксировано максимальное количество пор (по крайне мере, для № 563). Здесь можно предположить влияние процесса разложения карбонатов в жидкую фазу, проходящих при температуре обжига около 800^0 С – это приводит к образованию вторичной пористости [33].

Из условно известковых глин[11], судя по результатам анализов, были выполнены пиксида № 235, солонка № 315, калаф № 376, кружка № 496, что указывает на другой источник глины (вблизи мраморов, доломитов, неогеновых отложений) [34]: тесто этих образцов содержит негашеную известь (CaO; табл. 4), которая образуется только при обжиге известковых глин выше 850^0 С [9]. На температуру обжига до 1000^0 С миски № 505 косвенно указывает фаза альбита, который, как и калиевый полевой шпат, стабилен до этой температуры. Для солонки № 315 температура обжига устанавливается более достоверно по присутствию фазы шпинели ($MgAl_2O_4$): кристаллы шпинели начинают образовываться при температуре выше 800^0 С, полностью формируются при $900–950^0$ С. В то же время, доломит, зафиксированный в тесте этой же солонки, начинает разлагаться уже при температуре 750^0 С[12] [35]. По наличию диопсида, возникающего в результате реакции свободной извести с обожженной глиной, температура обжига кружки № 496 может быть определена выше $750–850^0$ С [9].

В то же время, в исследованных образцах керамики зафиксированы следы присутствия, прежде всего, анатаза (TiO_2), переходящего в рутил в диапазоне $750–950^0$ С [35]. О температуре обжига в диапазоне от 500 до 750^0 С свидетельствует также присутствие фазы микроклина ($KAlSi_3O_8$) в тесте кружки № 496, а также следов хлоритоида. Присутствие фазы хлоритоида (спутника мусковита), даже в таком небольшом количестве (2%) – крайне необычно, так как этот минерал разлагается в диапазоне температур $300–500^0$ С [36]; скорее всего, этот вариант полевого шпата изначально присутствовал в большем объеме в керамическом тесте. Судя по данным рентгеновской томографии, наибольший объем включений присутствовал в формовочной массе пиксиды № 235 и калафа № 376; для пиксиды № 235, где зафиксировано самое широкое распределение пор по размеру с максимальным значением ~6,2 мм, можно предположить позднюю стадию спекания, в отличие от остальных сосудов [37].

[10] Низкое содержание кальция может указывать на т.н. «кальцитовую закалку» [34].

[11] Кальцит может вырастать в порах археологической керамики в ходе постдепозиционных процессов, так что его присутствие не всегда связано с обжигом.

[12] Предполагаем его большее изначальное присутствие в формовочной массе данного образца.

Об условиях обжига в восстановительной атмосфере, прежде всего, свидетельствует присутствие гематита (α-Fe_2O_3) (табл. 7) в формовочной массе сосудов; в случае с миской № 563 одновременное присутствие полосы магнетита говорит о неполном окислении [9]. В составе черного покрытия (лака) всех образцов обнаружен магнетит, в двух образцах (№ 315, 563) – фаза аморфного углерода. Технология получения такого покрытия заключалась во временном прекращении подачи кислорода в короткий промежуток времени при температуре от 1000 до 850–800^0 С [9; 32]. Это приводило к началу восстановления в поверхностном слое, где формировались черные нанокристаллы магнетита [10].

Заключение. Проведенные аналитические исследования методами рентгеновской томографии, дифракции, рамановской спектроскопии и СЭМ-ЭДС позволяют совокупно сделать следующие предварительные общие заключения по составу формовочной массы и технологии обжига миниатюрных сосудов второй и третьей четвертей V – второй четверти IV в. до н.э.

Для изготовления миниатюрных сосудов из погребений №№ 235, 315, 362, 376, 505, 496, 563 некрополя Волна 1 использовалась условно известковая глина. Учитывая имеющиеся данные о процессе вторичного насыщения кальцием керамики, в частности, из погребений, мы опираемся здесь на данные по рентгеновской томографии. По крайней мере, по соотношению количества и размера пор с объемом формовочной массы выделяются пиксида № 235, солонка № 315, миска № 362.17 и кружка № 496: наличие этих пор мы интерпретируем как явление вторичной пористости, возникшей в процессе разложения карбонатов при температуре 800^0 С и выделению газа CO_2. Соответственно, мы предполагаем большее изначальное содержание кальция в глине исследованных сосудов; это предположение подтверждается и присутствием некоторых минералов в формовочной массе, таких как доломит, диопсид.

Формовочная масса пиксиды № 235, солонки № 315, калафа № 376, кружки № 496, мисок № 505 и № 563 содержит следующие минералы: полевые шпаты, альбит, мусковит, апатит и анатаз-рутил, а также доломит, шпинель, диопсид. В тесте сосудов также присутствуют зерна кварца без следов их преобразования под воздействием высокой температуры, и негашеная известь. Это косвенно указывает на температуру обжига в диапазоне, преимущественно от 800 до 900^0 С. Этому диапазону, в целом, не противоречат и зафиксированные следы присутствия минералов и соединений, распад которых начинается уже при температуре от 500^0 С; скорее, они указывают на их значительно большую изначальную долю в тесте и краткий временной режим высокотемпературного обжига.

Из общего ряда данных по составу формовочной массы выбивается миска № 362.17 – в ней не удалось зафиксировать значительной доли включений минералов и, по данным СЭМ-ЭДС, она характеризуется содержанием Ca<6%. Мы предполагаем, что данное явление явилось результатом высокой температуры обжига на финальном этапе (в районе 1000^0 С) в большем, чем в других исследованных случаях, временном диапазоне, когда минералы начали процесс своего разложения.

Также интересные результаты дала миска № 563: присутствие магнетита в тесте указывает на обжиг в печи с недостаточной вентиляцией [35], а следы гипса в лаковом слое и в составе формовочной массы говорят о несколько иной рецептуре формовочной массы. По-видимому, здесь присутствие гипса в составе теста также привело, в том числе, к значительному объему пористости.

В исследованных шлифах в лаковом слое зафиксировано присутствие корунда (вероятно, герцинит-железной шпинели [9]), низкое содержание Ca и высокое содержание Fe, Al и K (за исключением солонки № 315) по отношению к формовочной массе, что в целом указывает на классическую рецептуру получения лакового покрытия на исследованной выборке миниатюрных сосудов и его обжиге в температурном режиме в пределах 850–1000^0 С. Чёрное покрытие большинства образцов давало достаточно явные пики магнетита, однако «лаки» миски № 563 и солонки № 315 отличались от остальных: в них наблюдался более слабый пик магнетита, а также присутствовали толстые пики в районе 1340–1600, характерные для аморфного углерода – предполагается, что такой углерод попал в слой лака из топлива [9].

В состав для покрытия дополнительно вводился поташ (K_2O), лак пиксиды № 235 и кружки № 496 содержит больше калия по сравнению с формовочной массой, он имеет наиболее

плотные и однородные слои лакового покрытия. Превышение количества калия в слое лака над его содержанием в тесте позволяет нам по косвенным данным с некоторой долей вероятности исключить глины в пригороде Амаруси, характеризующиеся его повышенным содержанием, из числа возможного источника сырья [7, p. 97]. Толщина слоя лака разнится от 10 до 35 мкм; максимальная его толщина, а также повышенное насыщение порами зафиксированы для солонки № 315. Здесь мы можем говорить о дефекте подготовки лакового покрытия: по-видимому, сказалась низкая степень измельчения глиняной суспензии, что привело к образованию масштабной вторичной пористости слоя покрытия в результате дегидратации и декарбонизации. Итогом стала низкая сохранность покрытия, его слоистость.

На данный момент, на основании проведенных исследований, к сожалению, невозможно говорить о причинах разницы в цвете лаковых покрытий однотипных мисок № 362.17 и 505, однако опираясь на результаты работ, в том числе по реконструкции процесса изготовления посуды такого рода [7, p. 97, 98; 38, S. 13–35; 39, p. 347–351; 40, p. 15], можно предполагать, что это стало следствием нарушения температурного режима обжига на второй фазе процесса в печи, где в числе прочих обжигалась миска № 505.

В дальнейшем расширение выборки сосудов, а также спектра методов их исследований позволит дополнить сведения о технологии изготовления, характере подготовки сырья и причинах различий в качестве и степени сохранности покрытий.

Таблица 1. Объемные характеристики керамических образцов из некрополя Волна 1

Образец	Общий объем, см^3	Пористость, %	Включения, %
235	82,2	0,35	0,19
315	44,7	0,69	–
362	87,8	0,06	0,02
362.17	29,7	0,31	0,02
376	70,1	0,26	0,35
505	28,8	0,45	0,02
496	52,8	0,09	–
563	44,5	0,62	0,01

Таблица 5. Состав включений в керамике до данным СЭМ-ЭДС (размер более 10 мкм)

Фаза	Кварц	К-ПШ	K-Na ПШ	Альбит	Мусковит	(Mg,Fe)2 (Al,Si)2O6	Гематит	TiO2	Апатит
№235	42	10	7	3	17	18	3	1	<1%
№315	42	4	7	14	14	14	4	1	<1%
№496	38	13	6	3	22	13	3	1	<1%
№563	46	8	3	8	21	10	3	1	<1%
№563	46	8	3	8	21	10	3	1	<1%

Таблица 6. Результаты аналитического исследования лакового покрытия для некоторых керамических образцов из некрополя Волна 1 по методу рамановской спектроскопии

	магнетит	неопр. фаза	гипс	углерод аморф.
П. 235	+			
П. 315	+			+
П. 362	+			
П. 376	+	+		
П. 496	+			
П. 563	+		+	+

Таблица 2. Результаты элементного анализа методом СЭМ-ЭДС керамических образцов из некрополя Волна 1 на растровом электронном микроскопе СХ-200Р Coxem (без пробоподготовки)

		Na	Mg	Al	Si	P	S	K	Ca	Ti	Mn	Fe	Ba
235	лак	0,63	7,87	19,99	47,39		0,74	2	7,45	1,12	1,1	10,49	
	лак	0,64	6	19,78	48,84		1,22	2,82	8,24	1,03		9,78	
	лак	0,71	5,90	16,39	47,11			3,49	10,25	1,39		13,80	
	лак	0,69	6,31	16,24	48,13			2,26	9,60	1,27		14,89	
	лак	0,78	5,50	14,78	39,66			3,42	11,37	1,52		22,33	
сумма		**0,69**	**6,31**	**17,43**	**46,22**		**0,39**	**2,79**	**9,38**	**1,26**	**0,22**	**14,25**	
	граница	1,70	3,69	27,06	48,28			4,93	4,08	0,80		8,46	
	тесто	1,76	2,52	31,69	47,62			5,86	1,41	0,53		8,20	
	тесто	2,04	2,42	31,74	48,04			6,05	1,08			8,37	
	тесто	1,39	2,30	28,21	42,40		0,66	6,21	3,29	1,11		14	
сумма		**1,72**	**2,73**	**29,67**	**46,58**		**0,16**	**5,76**	**2,46**	**0,61**		**9,75**	
362.17	Лак	1,38	3,20	31,67	45,31		1,23	2,98	4,39	0,48		9,35	
	Лак	1,28	2,99	26,63	38,50		10,11	3,06	10,60	0,45		6,12	
	Лак	1,53	3,20	33,81	44,97		1,06	3,81	1,53	0,60		9,50	
	Лак	1,29	3,72	26,24	46,28		5,02	2,92	6,20			8,32	
сумма		**1,37**	**3,27**	**29,58**	**43,76**		**4,35**	**3,19**	**5,68**	**0,38**		**8,32**	
	Тесто	1,18	4,85	16,85	55,14			3,05	5	0,83		12,90	
	Тесто	1,04	5,33	18,42	53,89			3,47	5,89	0,71		11,27	
	Тесто	1,34	5,64	20,40	50,75			2,94	6,28	0,89		11,76	
сумма		**1,18**	**5,27**	**18,55**	**53,26**			**3,15**	**5,72**	**0,81**		**11,97**	
376	Лак	1,47	2,19	30,82	42,64	0,38	2,22	6,28	2,27	0,46		11,13	
	Лак	1,32	2,24	31,58	43,05		0,56	6,66	1,13	0,61		12,85	
	Лак	0,78	2,29	16,98	27,56	0,88	24,53	2,98	17,14	0,43		5,87	
	Лак	1,29	2,08	27,39	38,53		8,93	4,86	6,63			9,48	0,80
	Лак	0,97	2,46	29,07	40,17	0,84	1,84	6,18	2,56	0,72		14,94	
сумма		**1,16**	**2,25**	**27,16**	**38,39**	**0,42**	**7,61**	**5,39**	**5,94**	**0,44**		**10,85**	
	Тесто	1,15	1,89	12,03	30,07		28,36	1,42	20,42	0,48		4,18	
	Тесто	0,57	1,95	11,08	27,59		28,73	1,67	23,05			5,36	
	Тесто	1,03	1,86	14,15	32,66		20,28	2,67	17,26	1,34		8,24	
сумма		**0,91**	**1,9**	**12,42**	**30,1**		**25,79**	**1,92**	**20,24**	**0,6**		**5,92**	
505	Лак	0,76	5,18	19,74	52,04			3,47	5,38	1,26		12,17	
	Лак	0,82	4,49	18,80	51,76			3,60	6,38	1,32		12,83	
	Лак	0,63	4,88	18,49	53,15			3,51	5,95	1,10		12,28	
	Лак	0,75	4,05	17,97	50,12			3,78	6,80	1,20		15,33	
сумма		**0,74**	**4,65**	**18,75**	**51,76**			**3,59**	**6,12**	**1,22**		**13,15**	

Таблица 3. Результаты элементного анализа методом СЭМ-ЭДС керамических образцов из некрополя Волна 1 на сканирующем электронном микроскопе TESCAN VEGA Compact LMH (без пробоподготовки)

		O	Na	Mg	Al	Si	P	S	Cl	K	Ca	Ti	Cr	Mn	Fe
235	Лак	39,34	0,22	1,07	16,98	22,64	0,09			5,92		0,5			13,03
	Лак	37,76	0,43	1,09	16,87	22,28	0,08		0,08	6,32		0,49	0,11		14,5
	Лак	39,537	0,45	1,12	17,03	22,45				5,77		0,51			13,11
сумма		**38,89**	**0,36**	**1,09**	**16,96**	**22,45**	**0,05**		**0,02**	**6**		**0,5**			**13,54**
	тесто	40,26	0,68	5,75	9,97	16,8			0,47	2	1,84	0,29	0,08	0,13	27,13
	тесто	22,4	0,27	1,89	5,71	1				4,7	14,3	1,05		0,61	33,79
	тесто	43,92	0,59	3,43	9,56	24,98			0,54	2,88	5,89	0,57			7,64
сумма		**35,52**	**0,51**	**3,69**	**8,41**	**14,26**			**0,33**	**3,19**	**7,34**	**0,63**			**22,85**
315	Лак	45,56		1,43	16,23	22,94	0,09			2,53	0,53	0,33			10,35
	Лак	45,45		1,4	16,36	22,72	0,11			2,72	0,39	0,35			10,49
	Лак	45,34		1,32	16,32	22,74				2,72	0,43	0,35			10,77
сумма		**45,45**		**1,38**	**16,3**	**22,8**	**0,06**			**2,65**	**0,45**	**0,34**			**10,53**
	Тесто	47,06	1,18	1,51	15,44	26,27				6,89		0,31			1,34
	Тесто	33,51	0,85	1,74	5,52	12,17	0,19		0,12	2,6	0,52	0,13			42,63
	Тесто	46,1	0,9	2,63	8,71	27,85	0,13	0,05	0,17	2,71	4,9	0,39		0,18	5,28
сумма		**42,22**	**0,97**	**1,96**	**9,89**	**22,09**	**0,1**	**0,01**	**0,09**	**4,06**	**1,8**	**0,27**		**0,06**	**16,41**
496	Лак	44,22	0,8	1,31	16,05	21,47				6,26	0,57	0,43			8,89
	Лак	44,06	0,79	1,3	15,69	21,38				5,98	0,8	0,55			9,46
	Лак	44,01	0,77	1,34	15,91	21,24				6,03	0,64	0,38			9,67
сумма		**44,09**	**0,78**	**1,31**	**15,88**	**21,36**				**6,09**	**0,67**	**0,45**			**9,34**
	Тесто	45,57	0,6	2,93	9,85	26,12	0,15		0,16	2,97	4,95	0,54	0,06	0,09	6,01
	Тесто	41,42		9,45	13,91	14,94				0,87	0,65			0,14	18,63
сумма		**43,49**	**0,3**	**6,19**	**11,88**	**20,53**	**0,07**		**0,08**	**1,92**	**2,8**	**0,27**	**0,03**	**0,11**	**12,32**
563	Лак	45,55	0,35	2,16	15,56	23,13				2,7	1,13	0,3		0,12	8,98
	Лак	45,53	0,41	1,74	15,76	23,15				3,1	1,01	0,37			8,93
	Лак	45,76	0,42	1,97	16,35	23,03				2,87	0,83	0,29			8,47
	Лак	45,71	0,46	1,73	15,99	23,54				5,01	0,65	0,26			6,63
сумма		**45,63**	**0,41**	**1,9**	**15,91**	**23,21**				**3,42**	**0,9**	**0,3**		**0,03**	**8,25**
	Тесто	40,49	0,25	7,96	11,6	15,54	0,16			0,85	0,62	0,12		0,35	22,06
	Тесто	43,3	0,5	3,36	8,4	20,88			0,2	1,88	1,81	7,63			12,03
	Тесто	37,17	0,9	3,66	7,78	14,99	0,17		0,29	1,25	1,93	0,2			31,4
	Тесто	46,18	0,72	2,88	9,47	27,57	0,06	0,04	0,18	2,95	3,38	0,56	0,04	0,07	5,89
сумма		**41,78**	**0,59**	**4,46**	**9,31**	**19,74**	**0,09**	**0,01**	**0,16**	**1,73**	**1,93**	**2,12**	**0,01**	**0,1**	**17,84**

Таблица 4. Результаты исследований шлифов для некоторых керамических образцов из некрополя Волна 1

		Na_2O	MgO	Al_2O_3	SiO_2	P_2O_5	K_2O	TiO_2	FeO	Cr_2O_3	CaO	MnO	SO_3
235	Лак	0,55	1,67	30,03	44,64	0,2	6,58	0,76	15,57				
	Лак	0,54	1,68	29,45	43,23	0,16	6,92	0,74	17,08	0,14			
	Лак	0,57	1,76	30,24	44,48		6,44	0,72	15,73				
Лак сумма		**0,55**	**1,7**	**29,9**	**44,11**	**0,12**	**6,64**	**0,74**	**16,12**	**0,04**			
	Тесто	**0.79**	**5.65**	**17.71**	**52.55**	**0.13**	**3.44**	**1.08**	**9.93**	**0.09**	**7.8**	**0.2**	**0.04**
563	Лак	0,48	3,58	29,41	49,49		3,26	0,50	11,56		1,58	0,16	
	Лак	0,55	2,88	29,78	49,53		3,74	0,62	11,48		1,42		
	Лак	0,57	3,26	30,89	49,27		3,46	0,49	10,89		1,16		
	Лак	0,63	2,87	30,22	50,36		6,04	0,44	8,53		0,91		
Лак сумма		**0,55**	**3,14**	**30,07**	**49,66**		**4,12**	**0,51**	**10,61**		**1,26**	**0,04**	
	Тесто	**0,97**	**4,78**	**17,9**	**58,99**	**0,14**	**3,55**	**0,94**	**7,58**	**0,05**	**4,72**	**0,1**	**0,09**
496	Лак	1,08	2,17	30,33	45,94		7,54	0,72	11,43		0,80		
	Лак	1,07	2,16	29,64	45,73		7,20	0,92	12,16		1,12		
	Лак	1,04	2,22	20,07	45,43		7,26	0,63	12,45		0,90		
Лак сумма		**1,06**	**2,18**	**26,68**	**45,7**		**7,33**	**0,75**	**12,01**		**0,94**		
	Тесто	**0,81**	**4,86**	**18,61**	**55,84**	**0,33**	**3,58**	**0,9**	**7,73**	**0,08**	**6,92**	**0,12**	**0,05**
315	Лак		2,37	30,67	49,08	0,22	3,05	0,56	13,31		0,75		
	Лак		2,32	30,90	48,61	0,26	3,28	0,58	13,50		0,55		
	Лак		2,19	30,84	48,65		3,27	0,59	13,86		0,60		
Лак сумма			**2,29**	**30,8**	**48,78**	**0,16**	**3,2**	**0,57**	**13,55**		**0,63**		
	Тесто	**1,19**	**4,59**	**16,68**	**58,4**	**0,21**	**3,24**	**0,78**	**7,19**	**0,05**	**7,17**	**0,16**	**0,15**

Таблица 7. Результаты аналитического исследования формовочной массы для некоторых керамических образцов из некрополя Волна 1 по методу рамановской спектроскопии

	гипс	гематит	полевые шпаты	кварц	альбит	магнетит	углерод аморф.
П. 235		+	+				
П. 362		+					+
П. 376	+	+	+	+			
П. 505		+		+	+		+
П. 563	+	+	+	+		+	
П. 563	+		+	+			

Рис. 1. Макрофото скола кружки № 496

Рис. 2. Выборка миниатюрных сосудов из некрополя Волна 1 (номер дан по погребению): 235 – пиксида; 315 – солонка; 362, 362.17, 505, 563 – миска; 376 – калаф; 496 – кружка

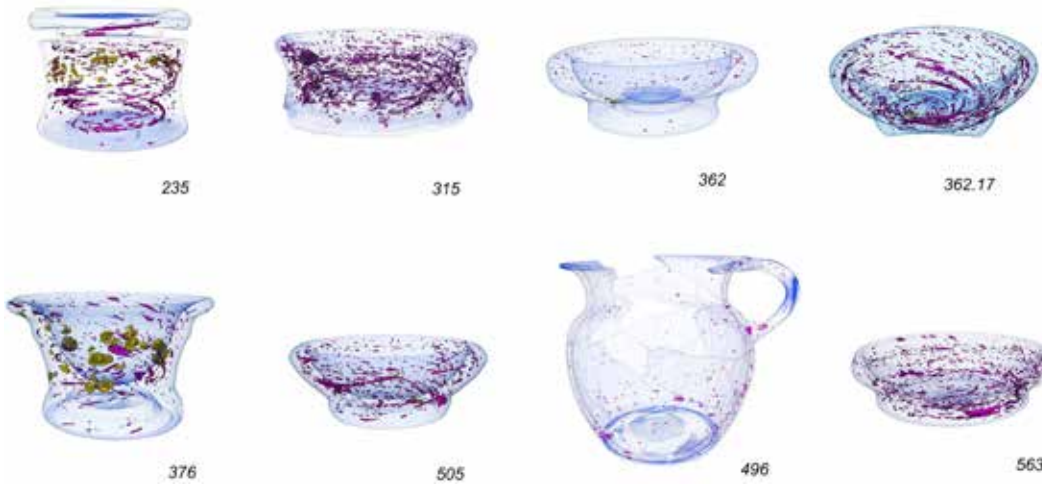


Рис. 3. Результаты рентгеновской томографии, восстановленные из данных рентгеновской томографии трехмерные модели пиксиды (235), солонки (315), мисок (362, 362.17, 505, 563), калафа (376), кружки (496), с выделенным поровым пространством (фиолетовый цвет) и включениями (желтый цвет)

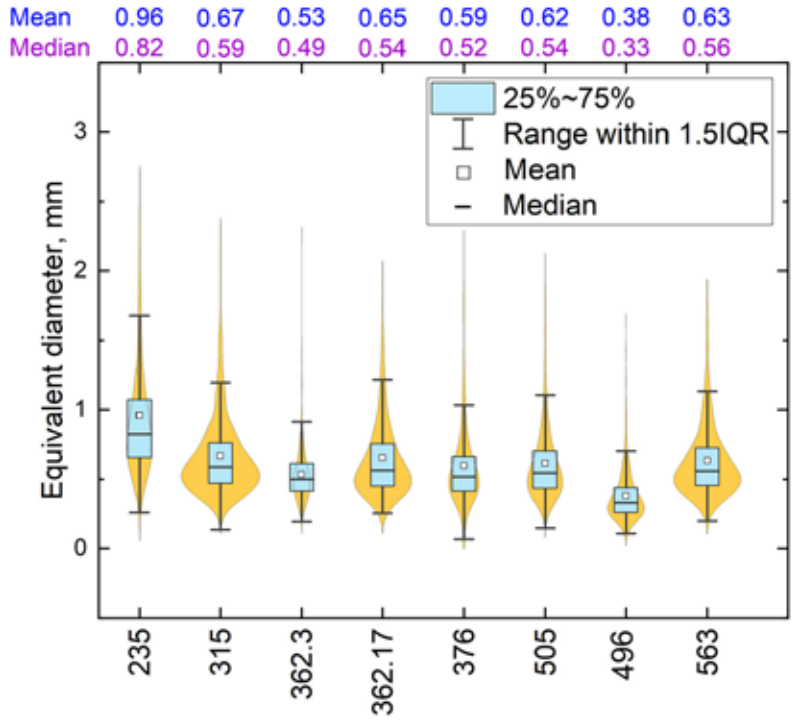


Рис. 4. Скрипичный график распределения данных и плотности вероятности эквивалентного диаметра пор

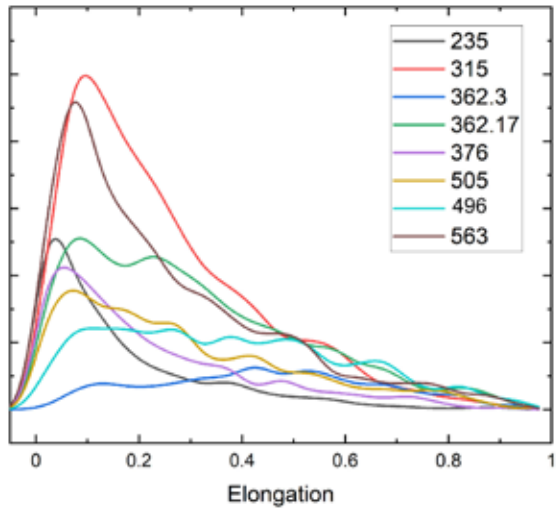


Рис. 5. Плотность распределения вероятности вытянутости пор в исследуемых керамических сосудах

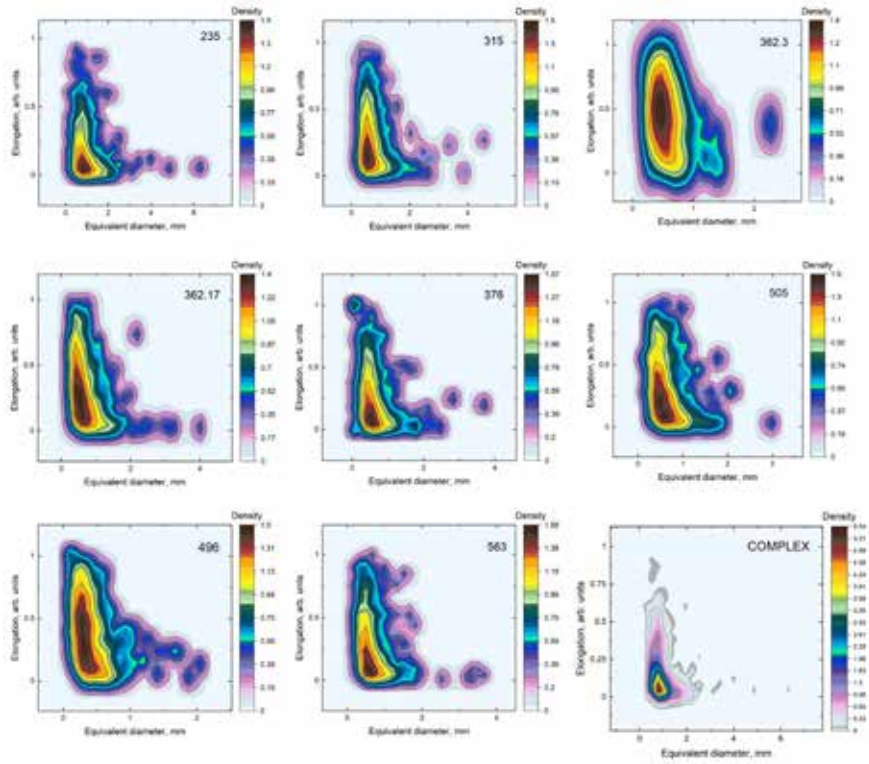


Рис. 6. Контурные диаграммы зависимости размера пор от их вытянутости и обобщенная контурная диаграмма всех исследованных керамических объектов

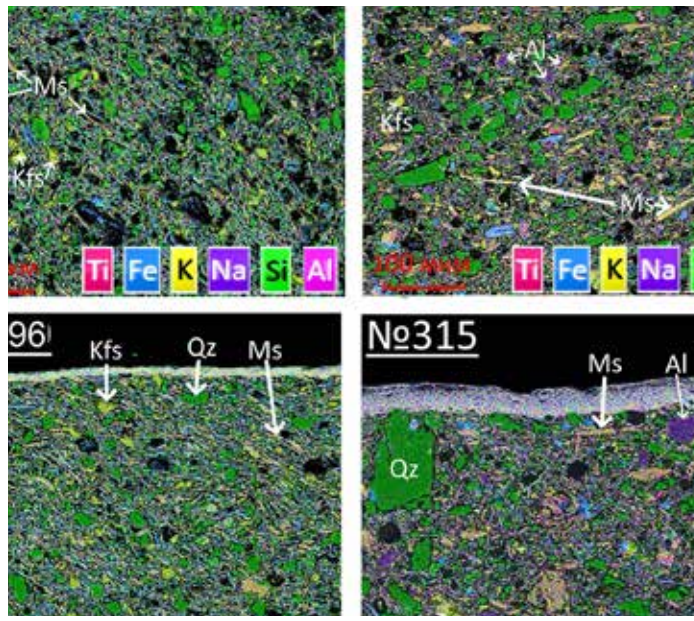


Рис. 7. Карта микропримесей в составе формовочной массы образцов, картирование выполнено методом электронной сканирующей микроскопии

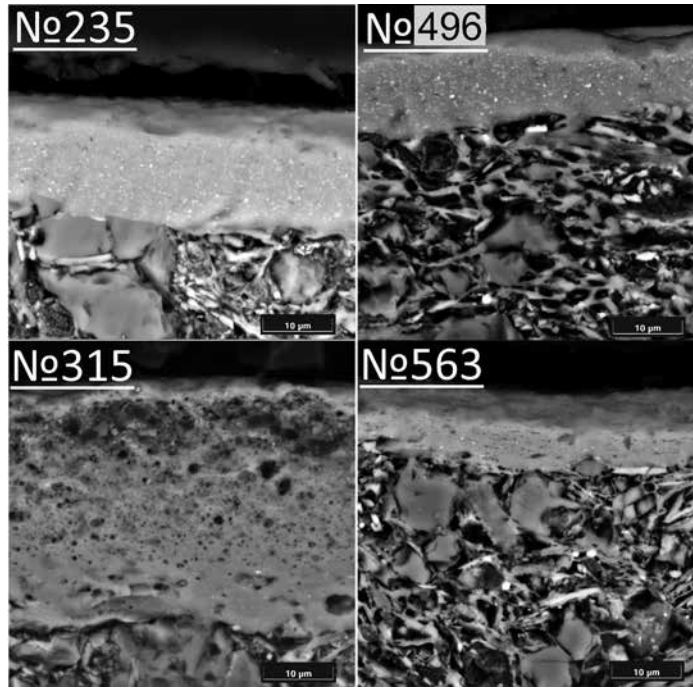


Рис. 8. Микрофотографии образцов № 235, 315, 496, 563, полученные с помощью обратного электронного рассеяния – сравнение внешнего (лакового) слоя и внутреннего (формовочной массы) слоя

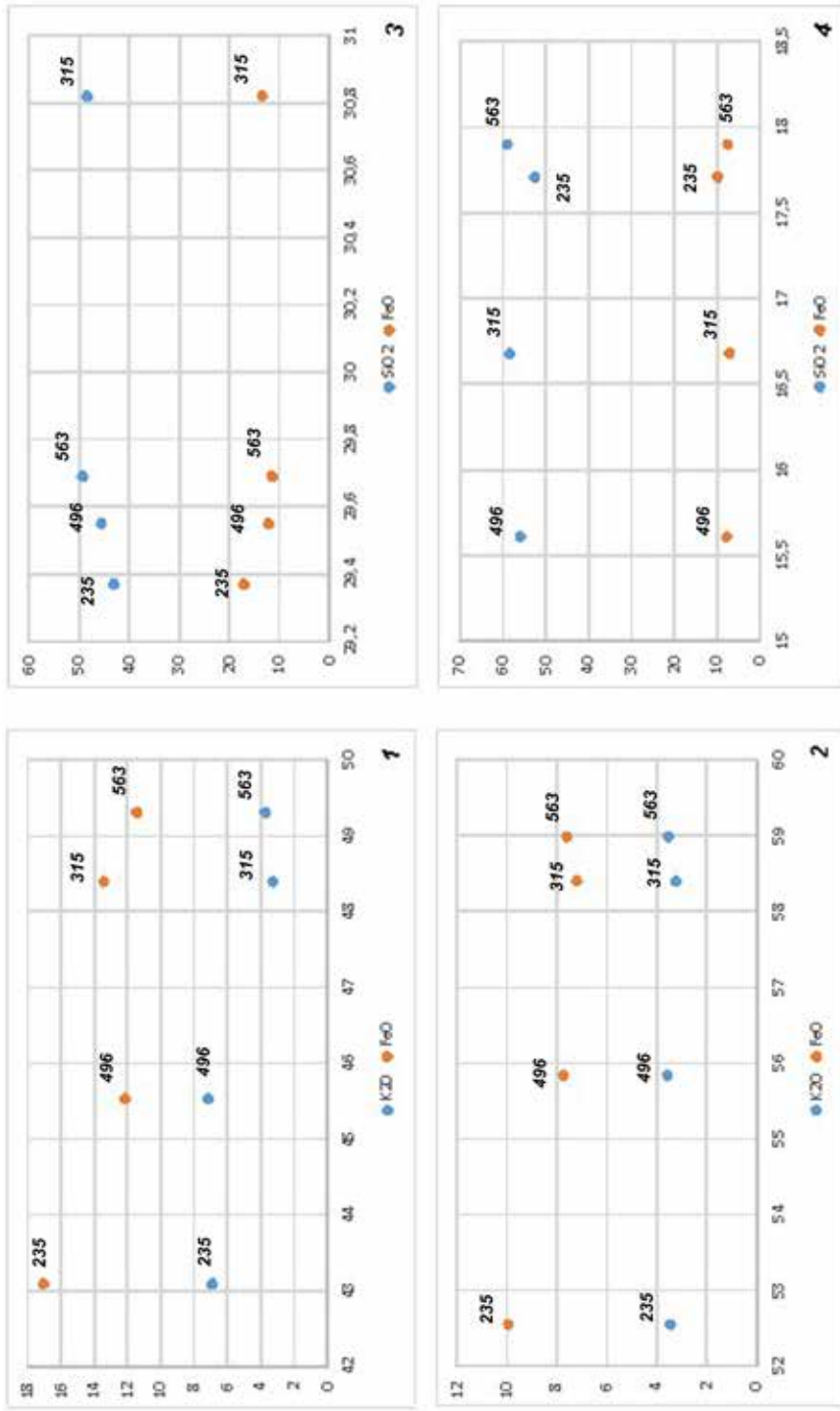


Рис. 9. Диаграммы рассеяния по соотношениям: 1 – K/Si, Fe/Si в «лаке»; 2 – K/Si, Fe/Si в тесте; 3 – Al/Si, Fe/Si в «лаке»; 4 – Al/Si, Fe/Si в тесте

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мимоход Р.А., Сударев Н.И., Успенский П.С. Новый «городской» некрополь архаического и классического времени на Таманском полуострове (предварительная информация) // Древности Боспора. 2017. № 21. С. 294–310.
2. Мимоход Р.А., Сударев Н.И., Успенский П.С. Некрополь Волна-1 (2017 г.) (Краснодарский край, Таманский полуостров) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017. М.: ИА РАН, 2018. С. 220–231. (Материалы спасательных археологических исследований. Т. 25).
3. Цокур И.В., Сударев Н.И., Шаров О.В. Волна 1. Некрополь архаического – эллинистического периодов на Таманском полуострове: В двух частях. Часть 1. М.: ИА РАН, 2022. 400 с. (Материалы спасательных археологических исследований. Т. 30).
4. Егорова Т.В., Сударев Н.И., Берлизов А.Н. Миниатюрные миски и солонки в погребальном обряде некрополя Волна 1 // Stratum plus. 2025. № 3. С. 313–330.
5. Kotitsa Z., Schüssler U. Zinn auf Keramik: Entstehung und Verwendung eines Statussymbols in Makedonien // Archäologischer Anzeiger. 2002. Pt. 2. P. 65–84.
6. Kotitsa Z., Adusumalli C.-I., Chiaradia M. Tin-foiled ceramics from Macedonia // Modern Trends in Scientific Studies on Ancient Ceramics / eds. V. Kilikoglou et al. Oxford: Archaeopress, 2002. P. 157–162. (BAR International Series 1011).
7. Jons R. The Decoration and Firing of Ancient Greek Pottery: A Review of Recent Investigations // Advances in Archaeomaterials, 2021. Vol. 2. P. 67–127.
8. Scarpelli R., Robustelli G., Clark R.J.H., De Francesco A.M. Scientific investigations of the provenance of the black glazed pottery from Pompeii: a case study // Mediterranean Archaeology and Archaeometry. 2017. Vol. 17, no. 2. P. 1–10.
9. Akyuz S., Celik S., Kurap G., Ozel A.E., Basaran S. Investigations of black and red figure pottery shards and local clay, excavated at Ainos (Enez-Turkey), by multiple analytical techniques // Vibrational Spectroscopy. 2023. Vol. 129. 103613.
10. Aloupi-Siotis E. Ceramic technology: hoe to characterise black Fe-based glass-ceramic coatings // Archaeological and Anthropological Sciences. 2020. Vol. 12. Article No. 191.
11. Montana G. Ceramic raw materials: hoe to recognize them and locate the supply basin – mineralogy, petrography // Archaeological and Anthropological Sciences. 2020. Vol. 12. Article No. 175.
12. Ospitali F., Sabetta T., Tullini F., Nannetti M.C., Di Lonardo G. The role of Raman microspectroscopy in the study of black gloss coatings on Roman pottery // Journal of Raman Spectroscopy. 2005. Vol. 36. P. 18–23.
13. Wopenka B., Popelka R., Pasteris J.D., Rotroff S. Understanding the Mineralogical Composition of Ancient Pottery through Raman Microprobe Spectroscopy // Applied Spectroscopy. 2002. Vol. 56, no. 10. P. 1320–1328.
14. Cianchetta I., Maish J., Saunders D., Walton M., Mehta A., Forane B., Trentelman K. Investigating the firing protocol of Athenian pottery production: A Raman study of replicate and ancient sherds // Journal of Raman Spectroscopy. 2015. Vol. 46. P. 996–1002.
15. Егорова Т.В. К вопросу об определении производственных центров импортной чернолаковой керамики из Северного Причерноморья // Древности Боспора. 2024. Т. 29. С. 142–156.
16. Kenessarin M., Nazarov K., Smirnova V., Kichanov S., Torezhanova N., Myakisheva O., Zhomartova A., Mukhametuly B., Nemkayeva R., Myrzabekova E. An Analysis of the Pore Distribution in Ceramic Vessels from the Akterek Burial Archeological Site Using Neutron Tomography Data // Heritage. 2025. Vol. 8, issue 10. 210.
17. Егорова Т.В. Традиционный набор чернолаковой посуды в греческих погребальных комплексах Азиатского Боспора конца VI – конца IV в. до н. э. (по материалам некрополя Волна 1) // Stratum plus. 2024. № 3. С. 213–231.
18. Sparkes B.A., Talcott L. Black and Plain pottery of the 6th, 5th, 4th centuries B.C. Princeton: American School of Classical Studies at Athens, 1970. 500 p. (The Athenian Agora XII).
19. Rotroff S.I. Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material. Princeton: American School of Classical Studies at Athens, 1997. 612 p. (The Athenian Agora XXIX).
20. Knigge U. Der Südhügel. Berlin: W. de Gruyter, 1976. 211 S. (Kerameikos. Ergebnisse der Ausgrabungen. Band IX).
21. Knigge U. Der bau Z. München: *Hirmer Verlag,* 2005. 269 S. (Kerameikos. Ergebnisse der Ausgrabungen. Band XVII).
22. Егорова Т.В. Античная чернолаковая керамика из собрания Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. М.: НП-Принт, 2017. 203 с.
23. Rotroff S.I., Oakley J.H. Debris from a Public Dining Place in the Athenian Agora. Princeton: American School of Classical Studies at Athens, 1992. 170 p. (Hesperia. Suppl. 25).
24. Егорова Т.В. К вопросу о продолжительности использования чернолаковой посуды (по материалам Пантикапея и Танаиса) // Античный мир и археология. 2019. Т. 19. С. 242–257.
25. Kuze-Götte E., Tancke K., Vierneisel K. Die Nekropole von der Mitte des 6. bis zum Ende des 5. Jahrhuderts. München : Hirmer *Verlag*, 1999. 180 S. (Kerameikos. Ergebnisse der Ausgrabungen. Band VII,2).

26. Hermary A., Panayotova K., Baralis A., Damyanov M., Riapov A. Apollonia du Pont (Sozopol). La necropole de Kalfata (Ve–IIIe s. av. J.-C.). Paris: Errance, 2010. 300 p.
27. Кашаев С.В. Раскопки некрополя Артющенко-2 в 2014–2018 гг. // Археологические вести. 2019. Вып. 25. С. 101–112.
28. Егорова Т.В. Краснофигурная и чернолаковая керамика. Каталог-приложение // Рукавишникова И.В., Бейлин Д.В., Федосеев Н.Ф. Курган Госпитальный. М.: ИА РАН. 2022. С. 163–210. (Материалы спасательных археологических исследований. Т. 28).
29. Chechulina I. From Athens to Olbia Pontica: the artistry of Black-Glazed ware. Kyiv: IA NAS of Ukraine, 2024.
30. Williams Ch.K. Corinth, 1978: Forum Southwest // Hesperia. 1979. Vol. 48 (2). P. 105–144.
31. Hanesch M. Raman spectroscopy of iron oxides and (oxy) hydroxides at low laser power and possible applications in environmental magnetic studies // Geophysical Journal International. 2009. Vol. 177, No. 3. P. 941–948.
32. Solard B., Amicone S., Aloupi-Siotis E., Heinze L., Berti F., Lambrugo K., Berthold Ch. Back to black: a mineralogical and chemical characterization of Atticising fourth century BCE black gloss ware // Archaeological and Anthropological Sciences. 2023. Vol. 15. Article no. 135.
33. Grammatikakis I.E., Kyriakidis E., Demadis K.D., Diaz A.C., Leon-Reina L. Mineralogical Characterization and Firing Temperature Delineation on Minoan Pottery, Focusing on the Application of Micro-Raman Spectroscopy // Heritage. 2019. Vol. 2. P. 2652–2664. doi:10.3390/heritage2030163.
34. Santosa Y., Kondopouloua D., Papadopouloua L., Saridakib N., Aidonaa E., Rathossic C., Serletis C. An archaeometric contribution to the study of Late Classic-Hellenistic ceramics of Northern Greece // Journal of Archaeological Science: Reports. 2020. Vol. 29. 102097.
35. Caner E., Güney B.A. Characterization of ceramic ware fragments from Aizanoi-Turkey by micro Raman, XRPD and SEM-EDX spectrometry // Spectrochimica Acta Part A: Molecular and Biomolecular Spectroscopy. 2017. Vol. 177. P. 135–139.
36. Aseev V.A., Prokuratov D.S., Jolshin D.D., Mironov L.Yu., Bulygina N.A., Leonidova A.A., Ivanova T.I., Nikonorov N.V., Menu M.A. Ceramic floor tiles with yellow pigment from Kievan Rus': A technological study // Journal of Archaeological Science: Reports. 2024. Vol. 53. 104385.
37. Germinario Ch., Cultrone G., De Bonis A., Izzo F., Langella A., Mercurio M., Nodari L., Vyhnal Ch.R., Grifa C. μ-Raman spectroscopy as a useful tool for improving knowledge of ancient ceramic manufacturing technologies // Applied Clay Science. 2024. Vol. 25. 107347.
38. Winter A. Die Antike Glanztonkeramik: Praktische Versuche. Mainz am Rhein: Verlag Philipp Von Zabern, 1978.
39. Noble J.V. The Techniques of Painted Attic Pottery. London: Faber, 1988. 216 p.
40. The Colors of Clay: Special Techniques in Athenian Vases. Los Angeles: The J. Paul Getty Museum, 2006. 372 p.

REFERENCES

1. Mimokhod R.A., Sudarev N.I., Uspensky P.S. New "urban" necropolis of the archaic and classical times on the Taman Peninsula (preliminary information). *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus], 2017, no. 21, pp. 294–310.
2. Mimokhod R.A., Sudarev N.I., Uspensky P.S. Necropolis Volna-1 (2017) (Krasnodar Territory, Taman Peninsula). *Goroda, selishcha, mogil'niki. Raskopki 2017* [Cities, villages, burial grounds. Excavations 2017], Moscow, Institute of Archaeology RAS Publ., 2018, pp. 220–231. (Materials of rescue archaeological research. Vol. 25).
3. Tzokur I.V., Sudarev N.I., Sharov O.V. *Volna 1. Nekropol' arkhaicheskogo – ellinisticheskogo periodov na Tamanskom poluostrove* [Volna 1. Necropolis of the Archaic – Hellenistic Periods on the Taman Peninsula]. Part 1. Moscow, Institute of Archaeology RAS Publ., 2022, 400 p. (Materials of rescue archaeological research. Vol. 30).
4. Egorova T.V., Sudarev N.I., Berlizov A.N. Small Bowls and Saltcellars in Funerary Rite of Volna 1 Necropolis. *Stratum plus*, 2025, no. 3, pp. 313–330.
5. Kotitsa Z., Schüssler U. Zinn auf Keramik: Entstehung und Verwendung eines Statussymbols in Makedonien. *Archäologischer Anzeiger*, 2002, Pt. 2, pp. 65–84.
6. Kotitsa Z., Adusumalli C.-I., Chiaradia M. Tin-foiled ceramics from Macedonia. V. Kilikoglou et al. (eds.), *Modern Trends in Scientific Studies on Ancient Ceramics*, Oxford, Archaeopress, 2002, pp. 157–162. (BAR International Series 1011).
7. Jons R. The Decoration and Firing of Ancient Greek Pottery: A Review of Recent Investigations. *Advances in Archaeomaterials*, 2021, vol. 2, pp. 67–127.
8. Scarpelli R., Robustelli G., Clark R.J.H., De Francesco A.M. Scientific investigations of the provenance of the black glazed pottery from Pompeii: a case study. *Mediterranean Archaeology and Archaeometry*, 2017, vol. 17, no. 2, pp. 1–10.
9. Akyuz S., Celik S., Kurap G., Ozel A.E., Basaran S. Investigations of black and red figure pottery shards and local clay, excavated at Ainos (Enez-Turkey), by multiple analytical techniques. *Vibrational Spectroscopy*, 2023, vol. 129, 103613.
10. Aloupi-Siotis E. Ceramic technology: hoe to characterise black Fe-based glass-ceramic coatings. *Archaeological and Anthropological Sciences*, 2020, vol. 12, article no. 191.

11. Montana G. Ceramic raw materials: hoe to recognize them and locate the supply basin – mineralogy, petrography. *Archaeological and Anthropological Sciences*, 2020, vol. 12, article no. 175.
12. Ospitali F., Sabetta T., Tullini F., Nannetti M.C., Di Lonardo G. The role of Raman microspectroscopy in the study of black gloss coatings on Roman pottery. *Journal of Raman Spectroscopy*, 2005, vol. 36, pp. 18–23.
13. Wopenka B., Popelka R., Pasteris J.D., Rotroff S. Understanding the Mineralogical Composition of Ancient Pottery through Raman Microprobe Spectroscopy. *Applied Spectroscopy*, 2002, vol. 56, no. 10, pp. 1320–1328.
14. Cianchetta I., Maish J., Saunders D., Walton M., Mehta A., Forane B., Trentelman K. Investigating the firing protocol of Athenian pottery production: A Raman study of replicate and ancient sherds. *Journal of Raman Spectroscopy*, 2015, vol. 46, pp. 996–1002.
15. Egorova T.V. On the issue of determining the production centers of imported black-glazed ceramics from the Northern Black Sea region. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus], 2024, vol. 29, pp. 142–156.
16. Kenessarin M., Nazarov K., Smirnova V., Kichanov S., Torezhanova N., Myakisheva O., Zhomartova A., Mukhametuly B., Nemkayeva R., Myrzabekova E. An Analysis of the Pore Distribution in Ceramic Vessels from the Akterek Burial Archeological Site Using Neutron Tomography Data. *Heritage*, 2025, vol. 8, issue 10., 210.
17. Egorova T.V. Traditional Set of Black-Glazed Vessels in Greek Burial Complexes of the Asian Bosporus of the Late 6th – Late 4th Centuries BC (Based on the Materials from the Volna 1 Necropolis). *Stratum plus*, 2024, no. 3, pp. 213–231.
18. Sparkes B.A., Talcott L. *Black and Plain pottery of the 6th, 5th, 4th centuries B.C.* Princeton, American School of Classical Studies at Athens, 1970, 500 p. (The Athenian Agora XII).
19. Rotroff S.I. *Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material.* Princeton, American School of Classical Studies at Athens, 1997, 612 p. (The Athenian Agora XXIX).
20. Knigge U. *Der Südhügel*. Berlin, W. de Gruyter, 1976, 211 S. (Kerameikos. Ergebnisse der Ausgrabungen. Band IX).
21. Knigge U. *Der bau Z.* München, *Hirmer Verlag,* 2005, 269 S. (Kerameikos. Ergebnisse der Ausgrabungen. Band XVII).
22. Egorova T.V. *Antichnaia chernolakovaia keramika iz sobraniia Gosudarstvennogo muzeia izobrazitel'nykh iskusstv imeni A.S. Pushkina* [Antique black-lacquer ceramics from the collection of the A.S. Pushkin State Museum of Fine Arts]. Moscow, NP-Print Publ., 2017, 203 p.
23. Rotroff S.I., Oakley J.H. *Debris from a Public Dining Place in the Athenian Agora*. Princeton, American School of Classical Studies at Athens, 1992, 170 p. (Hesperia. Suppl. 25).
24. Egorova T.V. On the duration of use of black glaze tableware (based on materials from Panticapaeum and Tanais). *Antichnyi mir i arkheologiia* [The Ancient World and Archaeology], 2019, vol. 19, pp. 242–257.
25. Kuze-Götte E., Tancke K., Vierneisel K. *Die Nekropole von der Mitte des 6. bis zum Ende des 5. Jahrhuderts*. München, Hirmer *Verlag*, 1999, 180 S. (Kerameikos. Ergebnisse der Ausgrabungen. Band VII,2).
26. Hermary A., Panayotova K., Baralis A., Damyanov M., Riapov A. *Apollonia du Pont (Sozopol). La necropole de Kalfata (Ve–IIIe s. av. J.-C.)*. Paris, Errance, 2010, 300 p.
27. Kashaev S.V. Excavations of the Artyushchenko-2 necropolis in 2014–2018. *Arkheologicheskie vesti* [Archaeological News], 2019, vol. 25, pp. 101–112.
28. Egorova T.V. Red-figure and black-glaze ceramics. Catalogue-supplement. Rukavishnikova I.V., Beilin D.V., Fedoseyev N.F. *Kurgan Gospital'nyi* [Hospital Kurgan], Moscow, Institute of Archaeology RAS Publ., 2022, pp. 163–210. (Materials of rescue archaeological research. Vol. 28).
29. Chechulina I. *From Athens to Olbia Pontica: the artistry of Black-Glazed ware*. Kyev, Institute of Archaeology NAS of Ukraine Publ., 2024.
30. Williams Ch.K. Corinth, 1978: Forum Southwest. *Hesperia*, 1979, vol. 48 (2), pp. 105–144.
31. Hanesch M. Raman spectroscopy of iron oxides and (oxy) hydroxides at low laser power and possible applications in environmental magnetic studies. *Geophysical Journal International*, 2009, vol. 177, no. 3, pp. 941–948.
32. Solard B., Amicone S., Aloupi-Siotis E., Heinze L., Berti F., Lambrugo K., Berthold Ch. Back to black: a mineralogical and chemical characterization of Atticising fourth century BCE black gloss ware. *Archaeological and Anthropological Sciences*, 2023, vol. 15, article no. 135.
33. Grammatikakis I.E., Kyriakidis E., Demadis K.D., Diaz A.C., Leon-Reina L. Mineralogical Characterization and Firing Temperature Delineation on Minoan Pottery, Focusing on the Application of Micro-Raman Spectroscopy. *Heritage*, 2019, vol. 2, pp. 2652–2664.
34. Santosa Y., Kondopouloua D., Papadopouloua L., Saridakib N., Aidonaa E., Rathossic C., Serletis C. An archaeometric contribution to the study of Late Classic-Hellenistic ceramics of Northern Greece. *Journal of Archaeological Science: Reports*, 2020, vol. 29, 102097.
35. Caner E., Güney B.A. Characterization of ceramic ware fragments from Aizanoi-Turkey by micro Raman, XRPD and SEM-EDX spectrometry. *Spectrochimica Acta Part A: Molecular and Biomolecular Spectroscopy*, 2017, vol. 177, pp. 135–139.
36. Aseev V.A., Prokuratov D.S., Jolshin D.D., Mironov L.Yu., Bulygina N.A., Leonidova A.A., Ivanova T.I., Nikonorov N.V., Menu M.A. Ceramic floor tiles with yellow pigment from Kievan Rus': A technological study. *Journal of Archaeological Science: Reports*, 2024, vol. 53, 104385.

37. Germinario Ch., Cultrone G., De Bonis A., Izzo F., Langella A., Mercurio M., Nodari L., Vyhnal Ch.R., Grifa C. μ-Raman spectroscopy as a useful tool for improving knowledge of ancient ceramic manufacturing technologies. *Applied Clay Science*, 2024, vol. 25, 107347.
38. Winter A. *Die Antike Glanztonkeramik: Praktische Versuche*. Mainz am Rhein, Verlag Philipp Von Zabern, 1978.
39. Noble J.V. *The Techniques of Painted Attic Pottery*. London, Faber, 1988, 216 p.
40. *The Colors of Clay: Special Techniques in Athenian Vases*. Los Angeles, The J. Paul Getty Museum, 2006, 372 p.

Информация об авторах

Егорова Т.В. – кандидат исторических наук, преподаватель кафедры археологии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; научный сотрудник Отдела сохранения археологического наследия Института археологии РАН, Researcher ID: OGP-4750-2025, Scopus ID: 56527991300.

Смирнова В.С. – младший научный сотрудник группы ДН-12 Лаборатории нейтронной физики им. И.М. Франка, Объединенный институт ядерных исследований; младший научный сотрудник Отдела сохранения археологического наследия Института археологии РАН, Researcher ID: JPA-3284-2023, Scopus ID: 57212565721.

Зубавичус Е.Я. – аспирант Института археологии РАН, младший научный сотрудник лаборатории архитектурной археологии и междисциплинарного изучения архитектурных памятников Института археологии РАН, Researcher ID: JOJ-5924-2023, Scopus ID: 58164008300.

Бакиров Б.А. – младший научный сотрудник группы ДН-12 Лаборатории нейтронной физики им. И.М. Франка, Объединенный институт ядерных исследований; младший научный сотрудник Отдела сохранения археологического наследия Института археологии РАН, Researcher ID: ABE-3006-2021, Scopus ID: 57405760000.

Назаров К.М. – PhD, заведующий лабораторией нейтронной физики, Институт ядерной физики, Агентство Республики Казахстан по атомной энергии, Researcher ID: GPP-3408-2022, Scopus ID: 57218710021.

Кичанов С.Е. – доктор технических наук, начальник группы ДН-12 Лаборатории нейтронной физики им. И.М. Франка, Объединенный институт ядерных исследований, Researcher ID: ACY-5783-2022, Scopus ID: 7801632882.

Сапрыкина И.А. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела сохранения археологического наследия Института археологии РАН, Researcher ID: F-3875-2014, Scopus ID: 55513038300.

Authors information

Egorova T.V. – Candidate of Science (History), Lecturer at the Department of Archaeology, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University; Research Fellow at the Department of Preservation of Archaeological Heritage, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Researcher ID: OGP-4750-2025, Scopus ID: 56527991300.

Smirnova V.S. – Junior Researcher, DN-12 Group, Frank Laboratory of Neutron Physics, Joint Institute for Nuclear Research; Junior Researcher, Department for Preservation of Archaeological Heritage, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Researcher ID: JPA-3284-2023, Scopus ID: 57212565721.

Zubavichus E.Ya. – postgraduate, Junior Research Fellow, Laboratory of Architectural Archaeology and Interdisciplinary Research of Architectural Sites of the Institute of Archeology of RAS, Researcher ID: JOJ-5924-2023, Scopus ID: 58164008300.

Bakirov B.A. – Junior Researcher, DN-12 Group, Frank Laboratory of Neutron Physics, Joint Institute for Nuclear Research; Junior Researcher, Department for Preservation of Archaeological Heritage, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Researcher ID: ABE-3006-2021, Scopus ID: 57405760000

Nazarov K.M. – PhD, Head of Laboratory of Neutron Physics, Institute of Nuclear Physics, Agency of the Republic of Kazakhstan for Atomic Energy, Researcher ID: GPP-3408-2022, Scopus ID: 57218710021.

Kichanov S. E. – Doctor of Science (Technical), Group Leader DN-12, Frank Laboratory of Neutron Physics, International Intergovernmental Organization Joint Institute for Nuclear Research, Researcher ID: ACY-5783-2022, Scopus ID: 7801632882.

Saprykina I.A. – Candidate of Science (History), Senior Researcher, Department of Archaeological Heritage Conservation of the Institute of Archeology of RAS, Researcher ID: F-3875-2014, Scopus ID: 55513038300.

DOI: 10.29039/2413-189X.2025.30.30-35

НОВАЯ НАХОДКА РИМСКОГО ПОРТРЕТНОГО МЕДАЛЬОНА В ХЕРСОНЕСЕ

Денис Валерьевич Журавлев
Государственный исторический музей; НИЦ «Курчатовский институт», Москва, Россия
denzhuravlev@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1139-6621

Аннотация. В статье публикуется фрагмент краснолакового рельефного медальона с изображением мужского профиля. Предполагается, что изображение представляло портрет Гнея Помпея Теофана, интеллектуала и историка середины I в. до н.э. из Митилен, и было связано с римской пропагандой.

Ключевые слова: краснолаковый медальон, римская пропаганда, Гней Помпей Теофан

Благодарности: Благодарю С. Г. Рыжова за предложение опубликовать медальон, а О. П. Дорошко – за предоставленную фотографию и информацию о предмете.

A NEW FIND OF A ROMAN PORTRAIT MEDALLION IN CHERSONESOS

Denis V. Zhuravlev
State Historical Museum; National Research Center "Kurchatov Institute," Moscow, Russia
denzhuravlev@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1139-6621

Abstract. This article publishes a fragment of red slip relief medallion depicting male profile. It is assumed that the image was a portrait of Gnaeus Pompeius Theophanes, an intellectual and historian from Mytilene from the mid-first century BC, and was associated with Roman propaganda.

Keywords: Red slip medallion, Roman propaganda, Gnaeus Pompeius Theophanes

***Acknowledgements*:** I would like to thank Stanislav G. Ryzhov for his kind proposal to publish the medallion and Olga P. Doroshko for providing a photograph and information on the artefact.

Каждая находка, прямо или косвенно связанная с римским присутствием в Херсонесе, неизменно вызывает интерес среди специалистов. Помимо эпиграфических и нумизматических памятников, деталей воинской амуниции и оружия, определенную роль играют и находки керамики и светильников, хотя они свидетельствуют, в первую очередь, скорее об экономических связях Херсонеса с провинциально-римскими городами Причерноморья и Восточного Средиземноморья. В контексте исследования связей между городами Северного Причерноморья и Римом большой интерес представляют собой портретные медальоны на краснолаковых чашах I в. до н.э. – I в. н.э.

Сюжетом этой небольшой заметки является краснолаковый портретный медальон из раскопок Херсонеса (рис. 1; 2,*1*). Фрагмент был найден С. Г. Рыжовым в 2007 г. в цистерне 2 в квартале IX Северного района Херсонеса и хранится в фондах Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» (№ 13/37505). Судя по самому позднему материалу, выявленному в заполнении цистерны, засыпь была произведена, скорее всего, в пределах VII в. (подробно см. в статье Л. А. Голофаст и С. Г. Рыжова в этом сборнике), т.е. медальон попал в засыпь многие столетия спустя после своего изготовления.

Исследуемый памятник представляет собой фрагмент краснолаковой чаши на невысоком кольцевом поддоне. В центре дна – медальон, обрамленный рельефным валиком с двумя кольцевыми бороздками. В центре медальона – мужской профиль влево, выполненный в довольно высоком рельефе. Изображен безбородый мужчина: высокий открытый лоб, длинный прямой нос, полуоткрытые полные губы, резко очерченный подбородок, отделенный от губ ямочкой, глаза глубоко посажены.

Медальон был сформован отдельно и затем закреплен на дне при помощи жидкой глины: под профилем даже сохранилась пустота между наложенным медальоном и дном

блюда. Глина светло-красная (10R 6/6), плотная, хорошо отмученная, с редкими мелкими бежевыми включениями. Лак красный (10R 5/6), с легким блеском, наложен неравномерно, поверхность медальона очень гладкая; снаружи – подтеки темного лака. Диаметр поддона 7 см, диаметр медальона 4,6–5 см, высота рельефного изображения 0,3–0,4 см. К сожалению, медальон сохранился не полностью, что затрудняет идентификацию изображенного персонажа.

Удивительно, но наиболее романизованный из всех северопричерноморских городов Херсонес пока не может похвастаться находками подобных медальонов, во всяком случае, их публикации пока отсутствуют[1]. Но их находки известны на ряде памятников Западного Крыма – городищах Алма-Кермен (рис. 2,*5*) [3, рис. 9,1; 9, с. 27, рис. 1,10], Южно-Донузлавском [12, с. 256–258, рис. 1]; Кара-Тобе [15, с. 354–357, рис. 1; 16, с. 429, рис. 2,4], а также на позднескифском поселении Фронтовое 2 [17, с. 249, 270, рис. 18,5]. Практически не вызывает сомнений факт, что они попали сюда через Херсонес.

На Боспоре также известны находки подобных медальонов – с акрополя Пантикапея (рис. 2,*4*) [23, p. 505–506, fig. 4; 14, с. 419–420, рис. 2,1; 3; см. также: 1, с. 157, рис. 44], из Китея (рис. 2,*3*) [10, с. 207–208, рис. 2; 11, с. 85–86, рис. 128–129; 14, с. 421, рис. 1,3; 3; 23, p. 505–506, fig. 5] и из крепости Артезиан [2, с. 270–278, рис. 1–2; 14, рис. 2,3–4; 23, p. 505–506, fig. 2–3]. Из Керчи также происходят три экземпляра из старых покупок, находящиеся в собрании ГИМ (рис. 2,*2*) [4, с. 234–235, рис. 8; 9,2; 6, с. 205, рис. 2; 7, рис. 1]. Кроме того, находки портретных медальонов зафиксированы в Ольвии [4, рис. 7], Тире [13, с. 545–546, рис. 1], городище Золотая Балка в Поднепровье [4, рис. 1]. Еще два медальона из Северного Причерноморья (покупка у Мерле де Массано) хранятся в античном собрании музеев Берлина [4, с. 229, 234, рис. 6]. Значительно число подобных медальонов и на территории Малой Азии, Греции и других регионов античного мира [23, p. 321–336]. Недавняя сводка М. Ю. Трейстера позволяет не останавливаться еще раз на этом перечне [23, с. 273; 14, с. 421–422; 22, p. 504–505].

Существует несколько версий, кто изображен на этих медальонах, из которых наиболее убедительной является атрибуция части медальонов как изображений Гнея Помпея Теофана, интеллектуала и историка середины I в. до н.э. из Митилен, друга Помпея Великого [22, S. 63–70; 14, с. 418–426, рис. 5–6]. Часть медальонов изображает разных представителей династии Юлиев-Клавдиев. Публикуемый медальон напоминает изображения из Китея, Пантикапея [10, с. 207–208, рис. 2; 14, рис. 2,1–2; 3–4] и Кара-Тобе [15, с. 354–357, рис. 1], хотя есть и небольшие различия. Неполная сохранность публикуемого экземпляра, в частности утрата изображения прически, мешает его точной атрибуции, но полагаю возможным считать его изображением Гнея Помпея Теофана и датировать в пределах середины – третьей четверти I в. до н.э., хотя исключить возможность производства сосудов с подобными медальонами и в раннеимператорский период мы не можем.

М. С. Шапцев не согласился с атрибуцией этих изображений как портретов Гнея Помпея Теофана, в качестве аргумента используя тезис, что «вряд ли этот политический деятель был широко известен в Северо-Причерноморском регионе и пользовался здесь большой популярностью» [16, с. 430]. Не могу не согласиться с тем, что Гней Помпей Теофан [см. подробнее о нем: 20, p. 312–32] являлся не самым известным римлянином как в Херсонесе, так и на Боспоре, но, возможно, этого и не требовалось. Он был представителем римской политической элиты, что в глазах жителей Северного Причерноморья, возможно, было вполне достаточным. Более того, портретные черты на некоторых медальонах достаточно условны; не исключено, что изображения, зачастую затертые и неоднократно копированные, для жителей столь отдаленного от Рима региона могли выступать в виде некого собирательного образа «облеченного властью римлянина».

Говорить о месте производства чаш с подобными медальонами без проведения серии археометрических исследований преждевременно. Одним из центров мог быть город Митилены на Лесбосе [24], где была найдена и форма для изготовления таких медальонов [18, S. 71–

[1] М. И. Вязьмитина упоминает и херсонесскую находку с портретом Максимиана Геркула [4, с. 235, сноска 84], но это изображение не на краснолаковой керамике, а на светильнике [5, с. 53, рис. 1а].

72, N B12, Taf. 29b], а также было сделано значительное число находок. Нельзя исключать и возможности существования локальных имитаций, в том числе и боспорских [2, с. 275].

Интересная параллель может быть проведена со светильником с изображением вооружающейся Венеры (Афродиты) с Амуром (Эротом) из Херсонеса, хранящимся в Государственном историческом музее и датирующимся в пределах второй половины I в. до н.э. – начала I в. н.э. [19, p. 58–59; 8, с. 72]. Сюжет этот встречался в Северном Причерноморье и на других памятниках, но, учитывая возможную датировку этого светильника, можно осторожно предположить, что он также мог использоваться как средство пропаганды культа Юлия Цезаря, чей род, как известно, возводил свое происхождение именно к Венере. Как хорошо показал К. Фарка, изображение Венеры на светильниках и ряде других памятников было связано с символом политической программы Юлия Цезаря [20, S. 104–105]. Появление в Херсонесе светильника с такой иконографией могло быть связано с событиями после возвращения из Рима посольства Г. Юлия Сатира, сына Феагена [IOSPE I² 691; IOSPE III 10], после которого Херсонесу была предоставлена элевтерия. Не предлагая исторической интерпретации, все же отмечу, что находки и светильника, и публикуемого в статье медальона прекрасно вписываются в исторический контекст херсонесской жизни третьей четверти – второй половины I в. до н.э., будучи связаны с римской пропагандой.

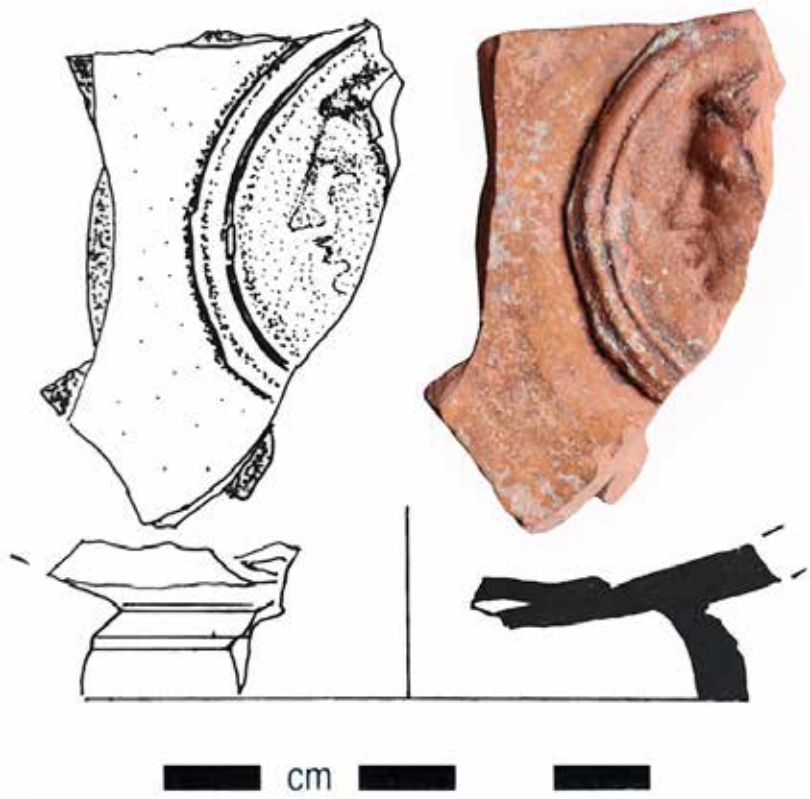


Рис. 1. Портретный медальон из Херсонеса

Рис. 2. Портретные медальоны с памятников Крыма:
1 – Херсонес; *2* – покупка в Керчи; *3* – Китей [по: 23, fig. 5];
4 – Пантикапей; *5* – Алма-Кермен

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блаватский В.Д. Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М.: Наука, 1964. 232 с.
2. Винокуров Н.И., Трейстер М.Ю. Портретные медальоны краснолаковых чаш I в. до н.э. – I в. н.э. на поселении Артезиан в Крымском Приазовье // Боспорский феномен: Греки и варвары на Евразийском перекрёстке: Мат-лы междунар. науч. конф. / Ред. М.Ю. Вахтина и др. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 270–278.
3. Высотская Т.Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев: Наукова думка, 1972. 192 с.
4. Вязьмитина М.И. Портретная эмблема из Золотой Балки // Ольвия / Ред. С.Д. Крыжицкий. Киев: Наукова думка, 1975. С. 220–244.
5. Гилевич А.М. Могила с двумя подбоями // ХСб. 1961. Вып. II. С. 51–56.
6. Журавлев Д.В. Западная сигиллата в Северном Причерноморье // Древности Боспора. 2006. Т. 10. С. 168–173.
7. Журавлев Д.В. Боспор и Рим: столовая посуда как индикатор экономических связей // Боспорский феномен. Боспорское царство М.И. Ростовцева (взгляд из XXI века): Мат-лы междунар. науч. конф. / Ред. В.А. Хршановский и др. СПб., 2020. Часть 2. С. 174–180.
8. Журавлев Д.В., Хршановски Л. Римские светильники из Херсонеса в собрании Государственного Исторического музея (I) // ХСб. 2003. Вып. XII. С. 69–88.
9. Зайцев Ю.П., Волошинов А.А., Масякин В.В., Мордвинцева В.И., Фирсов К.Б., Флесс Ф. Охранные исследования городища и некрополя Алма-Кермен // Археологічні дослідження в Україні 2005–2007 рр. Киев, 2007. С. 27–29.

10. Молев Е.А. Рельефные медальоны из Китея // Античный мир и археология. 2002. Вып. 11. С. 205–209.
11. Молев Е.А. Боспорский город Китей. Симферополь, Керчь: АДЕФ-Украина, 2010. 315 с. (Боспорские исследования. Suppl. 6).
12. Павленков В.И. Фрагмент портретной эмблемы с Южно-Донузлавского городища // СА. 1988. № 1. С. 256–258.
13. Савельев О.К. Портретные рельефные изображения на керамике римского времени из Тиры // Древнее Причерноморье. Одесса, 2013. Т. X. С. 544–547.
14. Трейстер М.Ю. Кто изображен на портретных медальонах из Пантикапея и Китея? // Древности Боспора. 2014. Т. 18. С. 417–430.
15. Шапцев М.С. Портретный оттиск с городища Кара-Тобе // Боспорские исследования. 2007. Вып. XVI. С. 354–357.
16. Шапцев М.С. Портретные эмблемы римского времени на донъях краснолаковых сосудов из раскопок античных памятников Крыма // Боспорские исследования. 2016. Вып. XXXIII. С. 428–434.
17. Шаров О.В. Археологические исследования позднескифского поселения Фронтовое // Крым – Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017–2018 гг. / Ред. С.Ю. Внуков, О.В. Шаров. М.: ИА РАН, 2019. Том II. С. 239–275.
18. Buchholz H.-G. Methymna: Archäologische Beiträge zur Topographie und Geschichte von Nordlesbos. Mainz: von Zabert, 1975. 273 S.
19. Chrzanovski L., Zhuravlev D. Lamps from Chersonesos in the State Historical Museum, Moscow. Roma: «L'erma» di Bretschneider, 1998. 296 p. (Studia archaeologica, 94).
20. Farka C. Die Römische Lampen vom Magdalensberg. Klagenfurt: Verlag des Landesmuseum für Kärnten, 1977. 336 S. (Kärntner Museumsschriften, 61).
21. Gold B.K. Pompey and Theophanes of Mytilene // The American Journal of Philology. 1985. Vol. 106, no. 3. P. 312–327.
22. Grimm G. "Der als Gott erscheint". Gnaeus Pompeius Theophanes von Mytilene, ein wenig bekannter Wohltäter Griechenlands // Antike Welt. 2004. Bd. 35. Heft 1. S. 63–70.
23. Treister M., Vinokurov N. Two Emblemata with Portrait Heads on Red-gloss Bowls from the Site of Artezian in Eastern Crimea // Traditions and Innovations. Tracking the Development of Pottery from the Late Classical to the Early Imperial Periods. Proceedings of the 1st Conference of IARPotHP. Berlin, November 2013, 7th–10th. Wien, 2016. P. 503–516.
24. Williams C. Late Hellenistic "Portrait Bowls" from Mytilene // Echos du monde classique: Classical news and views. 1998. Vol. XLII, n.s. 17, No. 2. P. 321–336.

REFERENCES

1. Blavatsky V.D. *Pantikapei. Ocherki istorii stolitsy Bospora* [Panticapaeum. Essays on the History of the Capital of the Bosporos]. Moscow, Nauka Publ., 1964, 232 p.
2. Vinokurov N.I., Treister M.Iu. Portrait medallions of red-gloss bowls of the 1st century BC – 1st century AD at the Artesian settlement in the Crimean Azov region. M.Iu. Vakhtina et al. (eds.), *Bosporskii fenomen: Greki i varvary na Evraziiskom perekrestke: Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Bosporan Phenomenon: Greeks and Barbarians at the Eurasian Crossroads: Proceedings of the International Scientific Conference], St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2013, pp. 270–278.
3. Vysotskaia T.N. *Pozdnie skify v Iugo-Zapadnom Krym*u [Late Scythians in Southwestern Crimea]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1972, 192 p.
4. Viazmitina M.I. Portrait emblem from Zolotaya Balka. S.D. Kryzhitsky (ed.), *Ol'viia* [Olbia], Kiev, Naukova dumka Publ., 1975, pp. 220–244.
5. Gilevich A.M. Grave with two linings. *Khersonesskii sbornik* [Chersonesos collection], 1961, vol. 2, pp. 51–56.
6. Zhuravlev D.V. Western sigillata in the Northern Black Sea region. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporos], 2006, vol. 10, pp. 168–173.
7. Zhuravlev D.V. Bosporus and Rome: tableware as an indicator of economic ties. V.A. Khrshanovsky et al. (eds.), *Bosporskii fenomen. Bosporskoe tsarstvo M.I. Rostovtseva (vzgliad iz XXI veka): Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Bosporan phenomenon. Bosporan kingdom of M.I. Rostovtseva (a view from the 21st century): Proceedings of the international scientific conference], St. Petersburg, 2020, Part 2, pp. 174–180.
8. Zhuravlev D.V., Chrzanovski L. Roman lamps from Chersonesos in the collection of the State Historical Museum (I). *Khersonesskii sbornik* [Chersonesos collection], 2003, vol. 12, pp. 69–88.
9. Zaitsev Iu.P., Voloshinov A.A., Masiakin V.V., Mordvintseva V.I., Firsov K.B., Fless F. Security studies of the ancient settlement and necropolis of Alma-Kermen. *Arkheologichni doslidzhennia v Ukraini 2005–2007 rr.* [Archaeological research in Ukraine 2005–2007], Kiev, 2007, pp. 27–29.
10. Molev E.A. Relief medallions from Kytaia. *Antichnyi mir i arkheologiia* [The Ancient World and Archaeology], 2002, vol. 11, pp. 205–209.

11. Molev E.A. *Bosporskii gorod Kitei* [Bosporos city of Kytaia]. Simferopol, Kerch, ADEF-Ukraina Publ., 2010, 315 p. (Bosporos Studies, suppl. 6).
12. Pavlenkov V.I. Fragment of a portrait emblem from the South Donuzlav settlement. *Sovetskaia arkheologiia* [Soviet Archaeology], 1988, no. 1, pp. 256–258.
13. Savel'ev O.K. Portrait relief images on ceramics of the Roman period from Tyra. *Drevnee Prichernomor'e* [Ancient Black Sea region], Odessa, 2013, vol. 10, pp. 544–547.
14. Treister M.Iu. Who is depicted on the portrait medallions from Pantikapaion and Kytaia? *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporos], 2014, vol. 18, pp. 417–430.
15. Shaptsev M.S. A portrait emblem from Kara-Tobe city-site. *Bosporskie issledovaniia* [Bosporos Studies], 2007, vol. 16, pp. 354–357.
16. Shaptsev M.S. Portrait emblems of the Roman Time in the bottoms of red slip vessels from the excavation of ancient settlement of the Crimea. *Bosporskie issledovaniia* [Bosporos studies], 2016, vol. 33, pp. 428–434.
17. Sharov O.V. Archaeological explorations at the Late Scythian settlement of Frontovoe 2. S.Iu. Vnukov, O.V. Sharov (eds.), *Krym – Tavrida. Arkheologicheskie issledovaniia v Krymu v 2017–2018 gg.* [Crimea – Taurida. Archaeological research in Crimea in 2017–2018], Moscow, Institute of Archeology of RAS Publ., 2019, Vol. 2, pp. 239–275.
18. Buchholz H.-G. *Methymna: Archäologische Beiträge zur Topographie und Geschichte von Nordlesbos.* Mainz, von Zabert, 1975, 273 p.
19. Chrzanovski L., Zhuravlev D. *Lamps from Chersonesos in the State Historical Museum, Moscow.* Roma, «L'erma» di Bretschneider, 1998, 296 p. (Studia archaeologica, 94).
20. Farka C. *Die Römische Lampen vom Magdalensberg.* Klagenfurt. Verlag des Landesmuseum für Kärnten, 1977. 336 p. (Kärntner Museumsschriften, 61).
21. Gold B.K. Pompey and Theophanes of Mytilene. *The American Journal of Philology*, 1985, vol. 106, no. 3, pp. 312–327.
22. Grimm G. "Der als Gott erscheint". Gnaeus Pompeius Theophanes von Mytilene, ein wenig bekannter Wohltäter Griechenlands. *Antike Welt*, 2004, Bd. 35, Heft 1, pp. 63–70.
23. Treister M., Vinokurov N. Two Emblemata with Portrait Heads on Red-gloss Bowls from the Site of Artezian in Eastern Crimea. *Traditions and Innovations. Tracking the Development of Pottery from the Late Classical to the Early Imperial Periods. Proceedings of the 1st Conference of IARPotHP. Berlin, November 2013, 7th–10th.* Wien, 2016, pp. 503–516.
24. Williams C. Late Hellenistic "Portrait Bowls" from Mytilene. *Echos du monde classique: Classical news and views*, 1998, vol. XLII, n.s. 17, no. 2, pp. 321–336.

Информация об авторе

Журавлев Д. В. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологических памятников Государственного исторического музея, ведущий специалист НИЦ «Курчатовский институт», Researcher ID: AAE-5572-2022.

Author information

Zhuravlev D. V. – Candidate of Science (History), Senior Researcher of the Department of Archaeological Monuments of the State Historical Museum, Leading Specialist of the National Research Centre "Kurchatov Institute", Researcher ID: AAE-5572-2022.

DOI: 10.29039/2413-189X.2025.30.36-47

ЛЕПНЫЕ ОДНОРУЧНЫЕ МИСКИ ИЗ ПОЗДНЕСКИФСКИХ ПАМЯТНИКОВ КРЫМА

Александр Анатольевич Труфанов
Институт археологии Крыма Российской академии наук, Симферополь, Россия
trufanov.a67@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-6036-4004

Аннотация. Лепные миски с вертикальной ручкой (иначе: ковши, черпаки) выявлены при исследовании ряда памятников позднескифской культуры Крыма, в том числе отстоящих один от другого на значительном расстоянии. Некоторые из них происходят из погребений (учтено 12 экземпляров). Археологический контекст находок позволяет относить распространение таких сосудов и их использование в погребальном обряде к концу II – I в. до н.э., допуская, что отдельные экземпляры попадали в захоронения и в первой трети I в. н.э. В качестве вероятных факторов, способствовавших распространению сосудов данной формы, называются локальные переселения местных жителей и деятельность странствующих ремесленников в период после походов Диофанта.

Ключевые слова: Крым, позднескифская культура, варварские могильники, Усть-Альминский некрополь, лепная керамика

HAND-MADE ONE-HANDLED BOWLS FROM THE LATE SCYTHIAN SITES IN THE CRIMEA

Alexandr A. Trufanov
Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia
trufanov.a67@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-6036-4004

Abstract. Hand-made bowls with a vertical handle were found by the excavations of several sites of the Late Scythian culture in the Crimea, located at a considerable distance from each other. Some of the artefacts in question were grave goods (12 specimens total). From the archaeological context of the finds there are reasons to date the distribution of such vessels in the Crimea to the late-second and first century BC. There probably were several specimens of hand-made vessels of the type which appeared in the burials in the first third of the first century AD. The factors that contributed to the distribution of the vessels under study presumably include local migrations and activities of travelling craftsmen in the period after the campaigns of Diophantos.

Keywords: Crimea, Late Scythian culture, barbarian cemeteries, cemetery of Ust'-Al'ma, hand-made vessels

Лепная посуда считается одним из важнейших признаков, позволяющих выделять археологические культуры. Применительно к крымским древностям раннего железного века исходным пунктом для этих воззрений является представление о том, что такая посуда в основном изготавливалась в домашних условиях обычными поселянами, от случая к случаю делавшими такие сосуды для себя и своих родственников, или местными умельцами-гончарами, обеспечивающими своими поделками все население поселка или стойбища. Предполагается, что, не становясь товаром, лепные сосуды чаще всего оставались в пределах того населенного пункта, где были сделаны, а если речь идет о населении, ведшем подвижный образ жизни – в границах района расположения стоянок. Следуя этой логике, можно было бы ожидать, что в оседлых археологических культурах каждому поселению должен быть присущ свой комплекс лепной керамики, состоящий из форм, отличающих его от наборов посуды из других населенных пунктов.

На примере позднескифских памятников Крыма видно, что в действительности это не совсем так. В удаленных один от другого пунктах порой встречаются лепные сосуды одних и тех же форм. В ряде случаев это может объясняться тем, что они восходят к единым исходным прототипам – сосудам, создававшимися предками, если ранее те представляли собой единую общность. Схожая форма других сосудов может быть обусловлена их функциональностью и общими представлениями о том, как ее обеспечить. Вместе с тем, в комплексе позднескифской

керамики известны сосуды, которые трудно отнести к одной из перечисленных категорий, но которые, обладая очевидным единством формы, встречены на нескольких удаленных один от другого памятниках. Это касается, в частности, плоскодонных сосудов открытого типа с отогнутым венчиком и одной вертикальной ручкой.

Для их обозначения используют различные названия: «ковш» [5, с. 264, табл. VII,9; 11, с. 13, 14, 18, 40, табл. 10,10; 23,7; 95,7], «одноручный ковш» и «черпак» [18, с. 98, рис. 4,3], «ковши или черпаки» [7, с. 82], «миска» [21, с. 32, табл. III,7], «чашка» [19, с. 7, рис. 5,10], «миска с вертикальной ручкой» и «чашка с вертикальной ручкой» [14, с. 57, 100, рис. 36,2; 100,13]. Единого общепринятого наименования для этих сосудов нет, но, судя по находкам внутри некоторых из них, выявленных в погребениях, ножа (склеп 2 в Беляусе) и кости бараньей или козлиной ноги (склеп 77 в Беляусе, склепы 1191 и 1220 в Усть-Альме), можно думать, что предназначались такие сосуды, или, по меньшей мере, порой использовались не для черпания жидкости, а для помещения в них пищи. Поэтому далее в тексте они будут именоваться мисками с ручкой или одноручными мисками. При цитировании статей других исследователей сохраняются оригинальные авторские наименования.

Рассматриваемые сосуды выявлены на нескольких памятниках, связываемых с ранним этапом позднескифской культуры. В. П. Власов отнес их (ковши типа 1 в типологии ЛК Булганакского городища) к группе «позднескифской керамики», которая охарактеризована им как «неизвестная у скифов на стадии кочевания, а возникшая у них в период оседлости», не имеющая аналогий среди находок из синхронных памятников соседних культур [5, с. 294], причем «это самая распространенная у крымских поздних скифов форма ковшей или черпаков» [7, с. 82].

Такие сосуды и их фрагменты встречены в Неаполе скифском и в относящемся к нему могильнике, в позднескифских слоях городища «Чайка», на Булганакском городище, в ранних слоях Алма-Кермена, в некоторых погребениях некрополя Беляуса, в подкурганном склепе у с. Крыловка, в Усть-Альминском некрополе и в могильнике Левадки (рис. 1). Наличие сосудов данной формы среди материалов исследования различных памятников может иметь разные варианты объяснения, в немалой степени зависящие от того, к какому времени относятся наиболее ранние находки.

Неаполь скифский (городище). Т. Н. Высотская именовала найденные на городище обломки подобных сосудов «горшками с петлеобразными ручками» и опубликовала графические изображения 4 фрагментов, ничего не сообщая об их датировке [8, рис. 33,1–4]. Еще один фрагмент, профиль которого, однако, отличается тем, что венчик у него не отогнут, а сам сосуд отнесен к «лощеным мискам с вертикальными ручками», был обозначен ею как образец керамики III–II вв. до н.э. [8, с. 100, рис. 34,24]. Таким образом, в перечне форм лепной «посуды III–II вв. до н.э.» из Неаполя, приведенном в этой работе, горшки с петлеобразными ручками (в том числе 4 указанных фрагмента) не упоминаются [8, с. 100, рис. 33,1–4], и их отнесение к III–II вв. до н.э. из текста монографии напрямую не следует.

Рисунки двух фрагментов из Неаполя (один – с реконструкцией полной формы сосуда), соответствующих формальным признакам рассматриваемых изделий, приведены в монографии О. Д. Дашевской с подрисуночной подписью, указывающей на то, что это керамика III–II вв. до н.э. [10, табл. 11,4,6], но можно допустить, что они воспроизводят какие-то из находок, представленных в работе Т. Н. Высотской [8, рис. 33,1–4].

В любом случае, такая датировка ныне является устаревшей. Хронология позднескифских культурных отложений на территории Неаполя, включая даже самый ранний «докрепостной» период, начало которого отнесено к 175–150 гг. до н.э. [13, с. 21, табл. 2], не допускает начало формирования скифских слоев ранее этой даты. Вывод, который можно сделать на основании приведенных сведений, состоит в том, что фрагменты одноручных мисок в культурных слоях Неаполя присутствуют, но ссылаться на эти находки в попытках обоснования начала изготовления подобных сосудов в более раннее время, чем третья четверть или середина II в. до н.э., некорректно.

Могильник Неаполя скифского. Кроме находок, выявленных на территории городища, по меньшей мере, один сосуд рассматриваемой формы обнаружен и в относящемся к Неаполю могильнике. Эта «грубая миска серого цвета» («поверхность ее прилощена», ручка

утрачена в древности) из склепа-катакомбы 6 (рис. 1,*1*; 2,*1*), где помимо нее были найдены кольцевидные пряжки с выступом, «портупейный крюк» и другие менее выразительные находки. В публикации совершение захоронений в склепе было отнесено к I в. н.э. [21, с. 32, табл. III,7], но в соответствии с нынешними представлениями о датировке найденных в нем вещей, функционирование данного погребального сооружения определяется в пределах второй половины II – I в. до н.э.

Еще один «лепной сосуд» с вертикальной ручкой происходит из дореволюционных раскопок памятника [21, рис. 6,2], но он отличается от прочих образцов тем, что его венчик не отогнут или отогнут очень слабо.

Городище «Чайка». Фрагмент такого сосуда (рис. 1,*7*) приведен в числе обломков, иллюстрирующих комплекс лепной керамики из слоев конца II в. до н.э. – I в. н.э., относящихся к варварскому периоду существования городища, начавшемуся «примерно в третьей четверти II в. до н.э.» [19, с. 5–7, рис. 5,10].

Булганакское городище. Сосуд рассматриваемой формы (рис. 1,*2*; 2,*3*) найден в одной из хозяйственных ям I в. до н.э. – I в. н.э. этого позднескифского памятника [5, с. 264, табл. VII,9; 25, рис. 21,6].

Алма-Кермен (городище). Чернолощеный сосуд с вертикальной ручкой (рис. 1,*13*; 2,*2*) в виде фрагментов найден в хозяйственной яме, заполнение которой было датировано концом II в. до н.э. – началом I в. н.э. и соотнесено с самым ранним периодом существования городища [7, с. 81, 82, рис. 2,5].

Беляусский некрополь. Высказано мнение, состоящее в том, что «поздние скифы осваивают территорию некрополя с самого начала II в. до н.э.» и это согласуется с материалами городища [11, с. 92]. Иная точка зрения предполагает, что смена греческого населения позднескифским в регионе произошла около середины II в. до н.э. [10, с. 44]. Но и в том и в другом случае актуальным остается то обстоятельство, что все найденные в некрополе Беляуса лепные одноручные миски происходят из захоронений значительно более позднего времени. Они выявлены в трех склепах-катакомбах многократного использования, из которых только один датирован в публикации «от конца II до конца I в. до н.э.», второй отнесен к I в. до н.э., а о третьем сказано, что он содержит материалы конца I в. до н.э. – первой половины I в. н.э.

Могила 1 (грунтовый склеп с двумя камерами). «Лепной лощеный ковш» (рис. 1,*3*; 2,*6*) находился среди костных останков 30 человек, погребенных в северной камере, инвентарь из которой «датируется промежутком времени от конца II до конца I в. до н.э.» [11, с. 13, 14, табл. 10,10].

Могила 2 (грунтовый склеп). Лепной сосуд, ручка которого была отбита (рис. 1,*4*; 2,*8*), а внутри лежал нож, предположительно связан с мужским погребением 20. В камере склепа найдены фибулы («воинские» и железная лучковая) конца I в. до н.э. – первой половины I в. н.э., а также бусы, ассортимент которых «типичен для рубежа эр» [11, с. 18, табл. 23,7].

Могила 77 (грунтовый склеп). В камере выявлены останки 10 человек, причем лепной сосуд (рис. 1,*5*; 2,*7*) относился к женскому захоронению 10, располагавшемуся у самого входа и являвшемуся самым поздним. Сосуд стоял у головы погребенной, внутри него лежала кость бараньей ноги. В публикации склеп «датируется I в. до н.э.» [11, с. 40, табл. 95,7].

Крыловка. *Курган 2.* Сосуд найден в подкурганной каменной гробнице IV в. до н.э., вновь использованной для захоронений «поздними скифами» (рис. 1,*6*; 2,*5*) [14, с. 56, 57, рис. 36,2]. Время повторного использования определяется наличием бус конца II – I в. до н.э. и I в. до н.э. – первой половины I в. н.э.

Усть-Альминский некрополь. К настоящему времени здесь выявлено пять сосудов рассматриваемой формы (рис. 1,*8–12*; 2,*9*; 3,*1–4*): изображения четырех из них уже опубликованы (склепы 390, 1191, 1220, могила 1228), еще 1 экземпляр (могила 274) публикуется впервые, поэтому прилагается более полное описание контекста этой находки.

Могила 274. В грунтовой могиле с каменным перекрытием находилось захоронение взрослого человека (длина скелета около 1,5 м), погребенного на спине головой на восток (рис. 4), которое, судя по скоплениям бусин в области шеи и щиколоток, принадлежало женщине. В отчете [17, с. 11, 12] указано, что скопление в районе шейных позвонков и ключиц состояло из 21 бусины, в том числе из стекла (15 экз.) и «египетского фаянса» (6 экз.) (рис. 4,*1*). В состав бус,

обнаруженных в области щиколоток, тоже входили изделия из «египетского фаянса» (28 экз.) и «стеклянные» (13 экз.) (рис. 4,*2*). Кроме того, погребение сопровождалось посудой: гончарным кувшином с красноватым покрытием (в отчете оно названо «красно-бурым ангобом») (диаметр венчика 9,5 см, высота 16,6 см, диаметр дна 9,3 см) (рис. 4,*4*) и лепным сосудом открытого типа, обозначенным как «миска темно-сероглиняная лепная одноручная» (диаметр венчика 17,3 см, высота 7,7 см, диаметр дна 6,5 см) (рис. 3,*4*; 4,*3*) [17, с. 11, рис. 48,1235]. На плане миска изображена как сосуд с двумя выступами на венчике по бокам от верхнего прилепа ручки. Найденный в могиле кувшин может быть отнесен ко второй половине I в. до н.э. – первой половине I в. н.э., основанием для чего служит его формальное сходство с другим кувшином из Усть-Альмы (склеп 440/7) [22, с. 143, рис. 11,3,4], найденным вместе с лучковой фибулой 1-го варианта по А. К. Амброзу [1, с. 48]. Эта аналогия и определяет предполагаемую дату могилы.

Склеп 390. Лепной одноручный сосуд (диаметр венчика 15,7 см, высота 9,1 см, диаметр дна 6,9 см) (рис. 1,*12*; 3,*2*) выявлен в одной из двух камер (основной) этого склепа, использовавшейся в конце II – первой половине I в. до н.э. [12, с. 166, рис. 4,1] или в середине I в. до н.э. – начале I в. н.э. [20, с. 82], притом, что не исключается его функционирование на протяжении долгого времени, включающего обе датировки. Важно отметить, что рассматриваемый сосуд был найден среди вещей, относящихся к верхнему горизонту захоронений, являвшихся самыми поздними в камере. То есть, в зависимости от того, какой из предложенных датировок придерживаться, его попадание в камеру можно относить либо ко второй четверти – середине I в. до н.э., либо ко времени, близкому к рубежу эр, или же, объединяя обе датировки – к хронологическому отрезку между этими датами.

Склеп 1191. Заполнение камеры этого склепа было прорезано современным грабительским шурфом, вследствие которого часть костных останков перемешалась или отсутствовала. По находкам из нижних ярусов 3 и 4 (фибула среднелатенской схемы с треугольной ножкой, «портупейный» крюк, наконечник ножен) склеп был датирован второй половиной / концом II – I в. до н.э. Лепной сосуд рассматриваемой формы (диаметр венчика 17,5 см, высота 11,6 см, диаметр дна 7,2 см) (рис. 1,*10*; 3,*3а–в*) с костью животного и ножом внутри находился в заполнении камеры на уровне расположения более поздних захоронений 2 яруса [23, рис. 2, 3,4; 24, с. 181, рис. 1,3].

Склеп 1220. Функционирование этого склепа с 9 захоронениями, условно разделенными на 3 яруса, отнесено ко второй половине / концу II – I в. до н.э. [24, с. 181, рис. 3,10]. Лепной одноручный сосуд (диаметр венчика 14,8 см, высота 8,5 см, диаметр дна 7 см) (рис. 1,*11*; 3,*1а–в*) с костью животного внутри находился рядом с черепом погребения 7, являвшегося одним из самых поздних во 2 ярусе (костяк располагался у самого входа в камеру). Более ранние захоронения (не менее 5) из этого склепа сопровождались среднелатенской фибулой, «портупейным» крюком, монолитной четырехугольной пряжкой и бусами.

Могила 1248. В камере этой подбойной могилы находились костные останки 3 человек. Лепной сосуд (диаметр венчика 17,7 см, высота 8,6 см, диаметр дна 7 см), ручка которого была утрачена (рис. 1,*8*; 2,*9а,б*), находился у торцовой стенки подбоя [23, рис. 4,4]. Захоронения были совершены в пределах I в. до н.э. – первой трети I в. н.э. Основанием для поздней даты служит найденный в этой же могиле краснолаковый (с красно-бурым покрытием) кубок без ручек, формально близкие которому выявлены в захоронениях I в. н.э. [9, табл. 21,66; 29,33; 47,2; 22, с. 162, рис. 24,1–6] и в комплексах более раннего времени не известны.

Могильник Левадки. Опубликована информация о двух сосудах рассматриваемой формы из погребений этого памятника.

Склеп 60 с двумя разграбленными камерами. Фрагментированный лепной лощеный плоскодонный сосуд со следами прилепов от утраченной ручки выявлен в основной погребальной камере (рис. 1,*14*; 2,*4*). Большая часть находок из боковой камеры относится ко второй половине II – первой половине III в. н.э., но что касается основной, то допускается ее функционирование в I в. до н.э. На вероятность этой ранней даты, по мнению автора публикации, помимо «ковша», указывают и другие находки, предположительно относящиеся к этому времени: еще один лепной сосуд, фрагмент лепной миски (с сегментовидным выступом) и краснолаковая чашка [18, с. 98, 99, 104, рис. 4,3].

Склеп 97. В качестве аналогии находке из склепа 60 в публикации упомянуто «идентичное изделие» (названное на этот раз «черпаком») из катакомбы 97 того же могильника, тоже датированной I в. до н.э. [18, с. 98].

Подытоживая информацию об археологическом контексте учтенных находок, можно заключить, что большинство из них происходит из комплексов конца II – I в. до н.э., а в датировке отдельных экземпляров не исключается и первая треть I в. н.э. Находки сосудов рассматриваемой формы, которые происходили бы из комплексов, обоснованно датируемых более ранним временем (т.е. относящихся к первым трем четвертям II в. до н.э.), мне не известны. Примечательно, что и в Беляусском, и в Усть-Альминском некрополях такие сосуды попали в склепы не вместе с первыми погребениями, совершенными в их камерах, а спустя некоторое, порой – довольно продолжительное, время после начала их функционирования.

Тенденция к смещению акцента в датировании сосудов рассматриваемой формы в сторону поздних дат прослеживается и в работах В. П. Власова. В типологии лепной керамики из Булганакского городища упоминание такого сосуда (ковш типа 1) сопровождается списком аналогий из слоев и погребений с датами от III–II вв. до н.э. до I в. н.э. [5, с. 264, табл. VII,9]. Но в разработанной позже типологии лепной керамики из городища Алма-Кермен перечень аналогий подобному сосуду (тоже ковш типа 1) составили находки «конца II в. до н.э. – I в. н.э.» [7, с. 82, рис. 2,5].

На основании приведенных данных можно прийти к выводу о том, что лепные одноручные миски начали применяться в Крыму при совершении погребений в качестве посуды для напутственной пищи в конце II или в начале I в. до н.э., что они определенно использовались на протяжении всего I в. до н.э., а иногда попадали в захоронения и в первой трети I в. н.э.

Типологически близкие, но не аналогичные сосуды изготавливались и позже, но их прямая связь с предшествующими образцами неочевидна, и в погребения их уже не помещали. Таков, к примеру, сосуд «из слоя II–III вв. н.э. городища Алма-Кермен», отличающийся почти вертикальным венчиком и наличием поддона [10, табл. 27,3]. Некоторое сходство с рассматриваемыми образцами имеет и фрагментированный «ковш», происходящий «из погибшего в пожаре около середины 3 в. н.э. дома с фресками» Алма-Кермена, в форме которого (выраженное ребро) автором публикации, однако, усмотрена близость «керамическим традициям германцев» [6, с. 150, 151, рис. 3,3, цв. вкл. 2,3].

Феномену распространения однотипных сосудов на относительно обширной территории, занимаемой памятниками позднескифской культуры, должно быть какое-то объяснение. Важную роль в прояснении причин этого явления могут сыграть материалы Беляуса, но здесь имеется сложность, заключающаяся в определении времени начала функционирования варварского некрополя, относящегося к этому городищу.

Принято считать, что Херсонес потерял территорию Северо-Западного Крыма «около середины II в. до н.э.» [10, с. 44], и скифское население прибыло в регион занимать оставленные греками пункты не ранее этой даты или «не ранее второй половины II в. до н.э.» [19, с. 5]. С другой стороны, материалы Беляусского некрополя вроде бы указывают на то, что варвары начали хоронить на его территории уже в начале II в. до н.э., что, якобы, не противоречит материалам городища [11, с. 92]. Если соглашаться с этим заключением, то придется допускать, что «смена греческого населения позднескифским» в Северо-Западном Крыму происходила неравномерно, «раньше всех, в начале II в. до н.э. был занят скифами Беляус» и это позднескифское поселение «около 50 лет сосуществовало с греческими городищами», что «выглядит […] странным» [2, с. 181, 183].

Иное мнение заключается в том, что, поскольку скифы прибыли в регион занимать оставленные греками пункты не ранее середины II в. до н.э. или даже «около 130/120 гг.» [3, с. 45, 49], то это касается и Беляуса, а найденные в варварских погребениях его некрополя черлаковые сосуды конца III – начала II в. до н.э. «не могут быть надежным хронологическим индикатором» и объясняются продолжительным их использованием [15, с. 98, 104]. Самые ранние фибулы раннелатенской и среднелатенской схемы Беляусского некрополя тоже датируются не ранее второй половины («или последней четверти») II в. до н.э. [16, с. 39, 44].

Как бы то ни было, но лепные одноручные миски появляются в погребениях Беляусского некрополя только в самом конце II – начале I в. до н.э. Получается, что позднескифские

переселенцы, начавшие хоронить своих умерших в этом некрополе, поначалу не знали сосудов этой формы, или, во всяком случае, не помещали их в могилы. Напрашивающийся вывод состоит в том, что распространение одноручных мисок произошло не только после уже случившегося перехода скифов к оседлости, но и спустя некоторое время после совершения первых позднескифских захоронений на территории некрополя Беляуса, так что прямая связь между рассматриваемым феноменом и появлением первых позднескифских поселенцев в Беляусе маловероятна. Между этими событиями наблюдается хронологический разрыв, продолжительность которого зависит от принятия той или иной датировки наиболее ранних варварских захоронений данного некрополя. Но даже если придерживаться мнения, что смена населения Беляуса, как и в остальных пунктах Северо-Западного Крыма, произошла не ранее середины II в. до н.э., разница в датах остается существенной.

Однако распространение таких сосудов могло осуществляться при последующих локальных и разнонаправленных переселениях, вероятно, происходивших в ситуации конца II – начала I в. до н.э. Поражение скифов в военном столкновении с понтийско-херсонесскими силами в 113–111 гг. до н.э., так или иначе перекроившее политическую карту, могло вызывать у некоторых местных жителей желание сняться с обжитых мест и податься в другие в поисках лучшей доли. Нельзя исключать и некоторую вероятность принудительных переселений.

Наряду с таким развитием событий феномену распространения одноручных мисок на территории, занимаемой носителями позднескифской культуры, можно предложить еще один вариант объяснения, переплетающийся с первым. Речь идет о деятельности странствующих мастеров, совмещающих свои гончарные навыки с мобильностью, переходивших из одного населенного пункта в другой и производивших на местах посуду освоенных ими форм.

Привязанность оседлого населения к пунктам своего проживания предполагает некоторую разобщенность обитателей далеко отстоящих поселений. В такой ситуации преодолевать их изолированность помимо торговцев, вероятно, помогали и странствующие ремесленники, явившиеся проводниками гончарных инноваций. В дальнейшем, ознакомившись с новой формой посуды, местные жители, занимавшиеся ее изготовлением на местах, следуя образцу, могли воспроизводить ее самостоятельно.

При всей своей формальной близости, рассматриваемые сосуды не единообразны. Даже в пределах одного памятника, какими являются Беляусский и Усть-Альминский некрополи, формальные различия между некоторыми из находок весьма заметны. С другой стороны, есть и примеры очевидного сходства, а кроме того – известны очень похожие миски, происходящие из довольно далеко отстоящих один от другого пунктов. Все это может косвенно указывать на отсутствие единой модели распространения. И локальные переселения, и деятельность перемещающихся ремесленников могли быть теми взаимодополняющими факторами, которые в конечном итоге и привели к распространению лепных сосудов означенной формы.

Из числа таких возможных факторов нельзя полностью исключать и торговлю в том ее виде, который включает транспортировку готовой продукции для ее реализации в другом месте, но, говоря о торговле и поздних скифах, исследователи обычно перечисляют свидетельства контактов местного населения с греко-римским миром, и мало что могут сказать о торговле внутренней. В числе востребованных местными жителями товаров традиционно называют амфоры с их содержимым, гончарную и стеклянную посуду и разного рода украшения, решительно опуская при этом лепную керамику.

Видимо, принято считать, что лепные изделия создавались скифами исключительно в формате домашнего ремесла. Кажется, основанием для такой уверенности является предубеждение, состоящее в том, что изготовление простого и небольшого сосуда доступно почти каждому, имеющему представление о том, как это делается, раздобывшему глину, нашедшему место для обжига и время на то, чтобы осуществить весь процесс. Так действительно можно вылепить сосуды простейших форм вроде слабообожженных плошек или «рюмкообразных» курильниц. Но для изготовления качественных сосудов нужно обладать развитыми навыками, а их можно приобрести только за долгое время практики, так что даже в пределах одного селения более сложные сосуды, вероятнее всего, делались немногими мастерами-умельцами.

В зависимости от особенностей реализации лепной посуды, ее изготовление разделяют на «домашнее производство» (когда сосуды в основном делаются для себя и семьи, дарятся родственникам внутри поселка), «ремесленное производство на заказ» (когда сосуды обмениваются или продаются в пределах поселка) и «ремесленное производство с рыночным сбытом», различающееся радиусом сбыта: минимальный (1–8 км) – местной рынок для ближайшей округи, средний (20–30 км) – с развозом по селениям, и дальний (более 1 дня пути) с вывозом в город [4, с. 26].

Деятельность странствующих гончаров, перемещавшихся от поселка к поселку и делавших горшки на местах, не могла не сопровождаться какой-то оплатой, дававшей им средства к существованию, и в этом смысле тоже может считаться «ремесленным производством с рыночным сбытом». Оно-то и может являться одним из факторов, послужившим распространению лепных одноручных мисок в ареале позднескифской культуры. Другим, как отмечалось, могли стать локальные перемещения населения в непростой для скифов период, наступивший после поражений, нанесенных им отрядами Диофанта и херсонеситов.

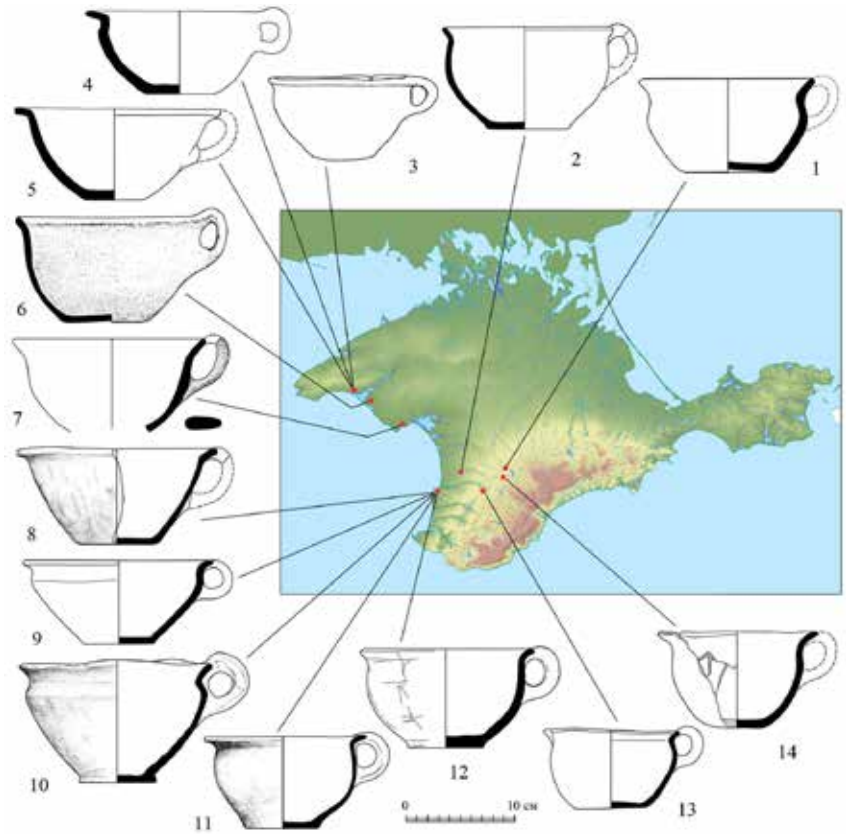


Рис. 1. Карта Крыма с обозначением пунктов обнаружения одноручных мисок: *1* – могильник Неаполя скифского (склеп 6); *2* – Булганакское городище; *3–5* – некрополь Беляуса (3 – могила 1; 4 – могила 2; 5 – могила 77); *6* – склеп в кургане 2 у с. Крыловка; *7* – городище «Чайка»; *8–12* – Усть-Альминский некрополь (8 – могила 1248; 9 – могила 274; 10 – склеп 1191; 11 – склеп 1220; 12 – склеп 390); *13* – городище Алма-Кермен; *14* – могильник Левадки (склеп 60) [1 – по: 21, табл. III,7; 2 – по: 25, рис. 21,6; 3–5 – по: 11, табл. 10,10; 23,7; 95,7; 6 – по: 14, рис. 36,2; 7 – реконструкция по: 19, рис. 5,10; 8, 10 – по: 23, рис. 2,4; 4,4; 9 – по: 17, рис. 48,1235; 11 – по: 24, рис. 3,10; 12 – по: 12, рис. 4,1; 13 – по: 7, рис. 2,5; 14 – по: 18, рис. 4,3]

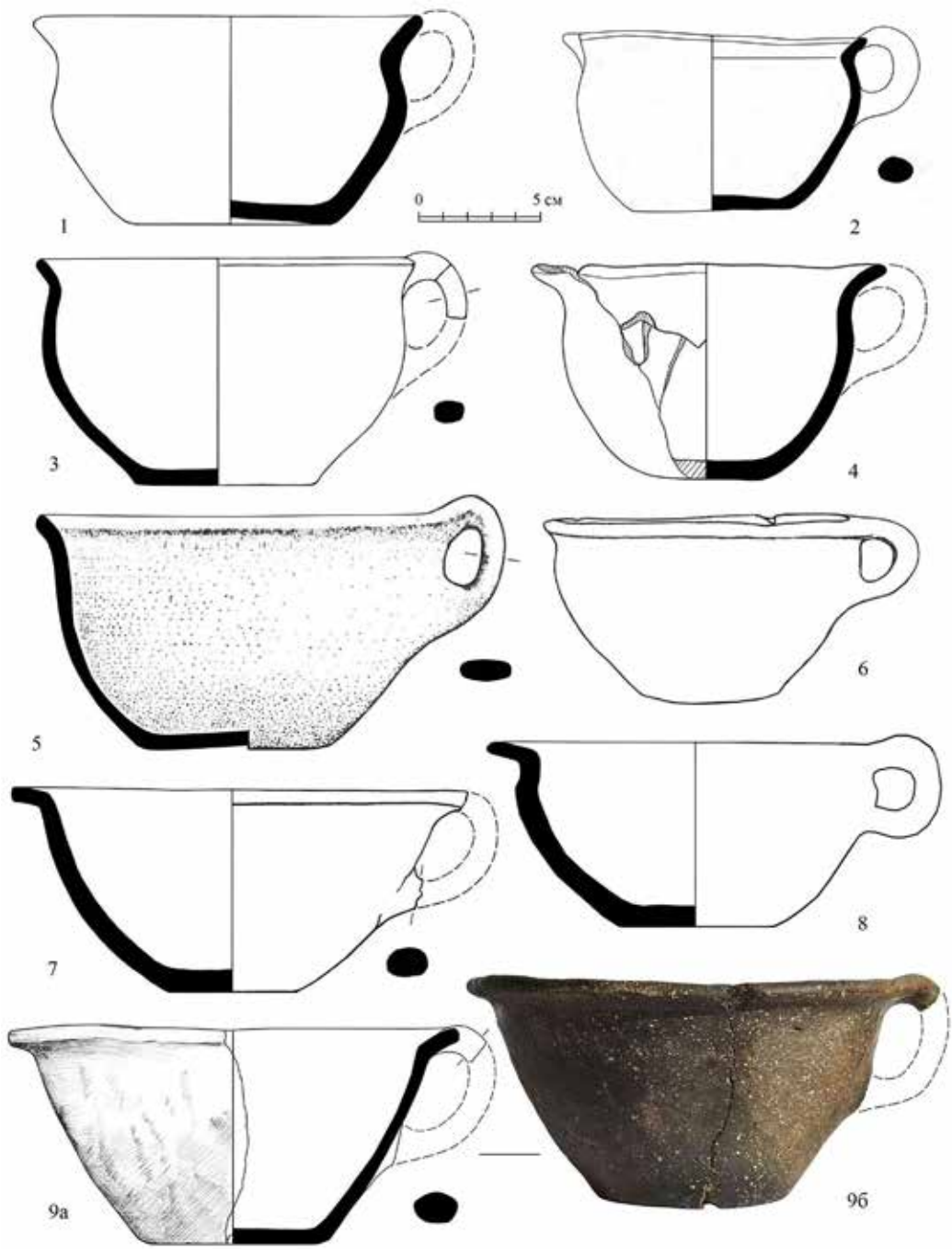


Рис. 2. Одноручные миски: *1* – могильник Неаполя скифского, склеп 6; *2* – городище Алма-Кермен; *3* – Булганакское городище; *4* – могильник Левадки, склеп 60; *5* – склеп в кургане 2 у с. Крыловка; *6–8* – некрополь Беляуса (6 – могила 1; 7 – могила 77; 8 – могила 2); *9* – Усть-Альминский некрополь, могила 1248 [1 – по: 21, табл. III,7; 2 – по: 7, рис. 2,5; 3 – по: 25, рис. 21,6; 4 – по: 18, рис. 4,3; 5 – по: 14, рис. 36,2; 6–8 – по: 11, табл. 10,10; 23,7; 95,7; 9 – по: 23, рис. 4,4]

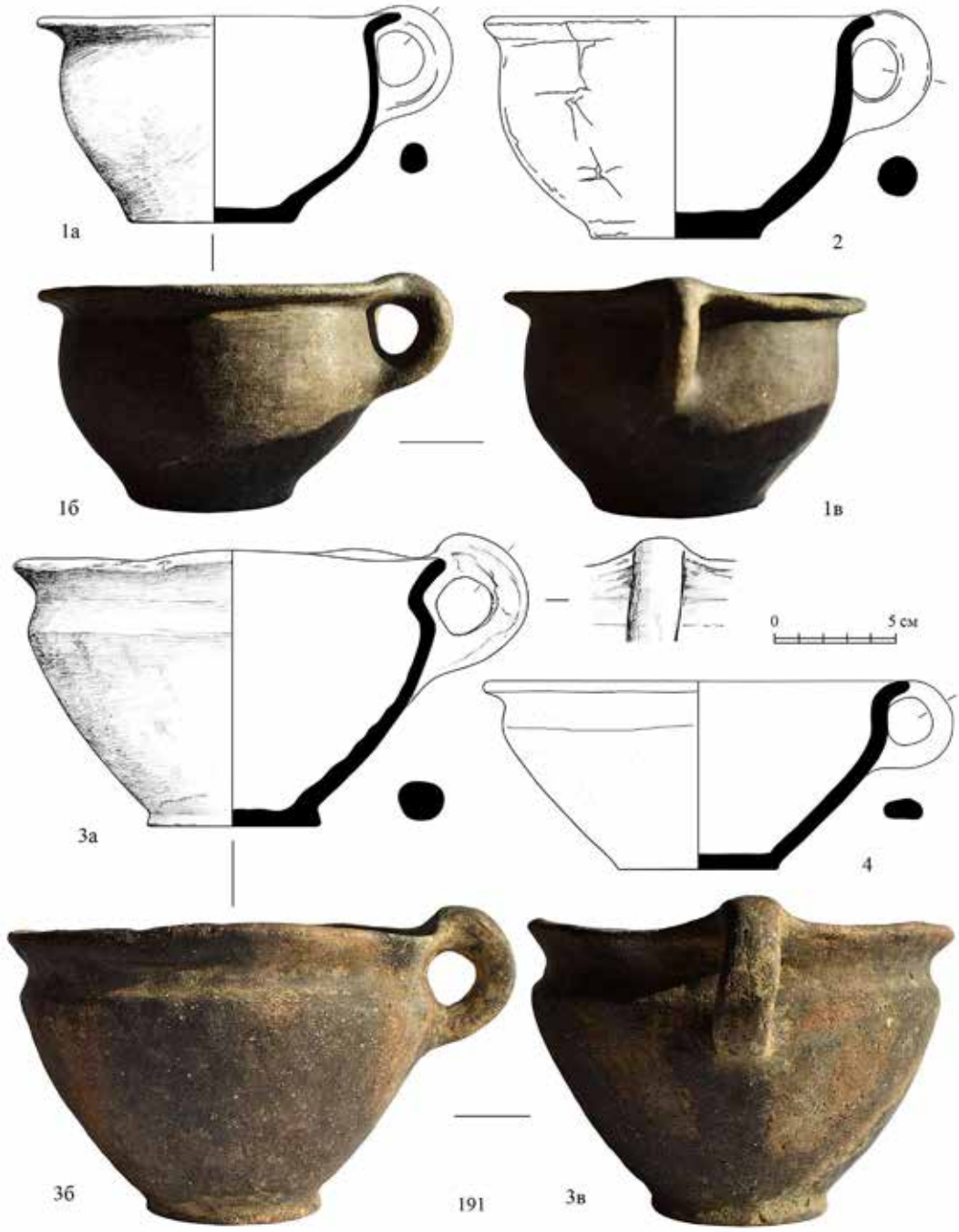


Рис. 3. Одноручные миски из Усть-Альминского некрополя
(1 – склеп 1220; 2 – склеп 390; 3 – склеп 1191; 4 – могила 274)
[1 – по: 24, рис. 3,10; 2 – по: 12, рис. 4,1;
3 – по: 23, рис. 2,4; 4 – по: 17, рис. 48,1235]

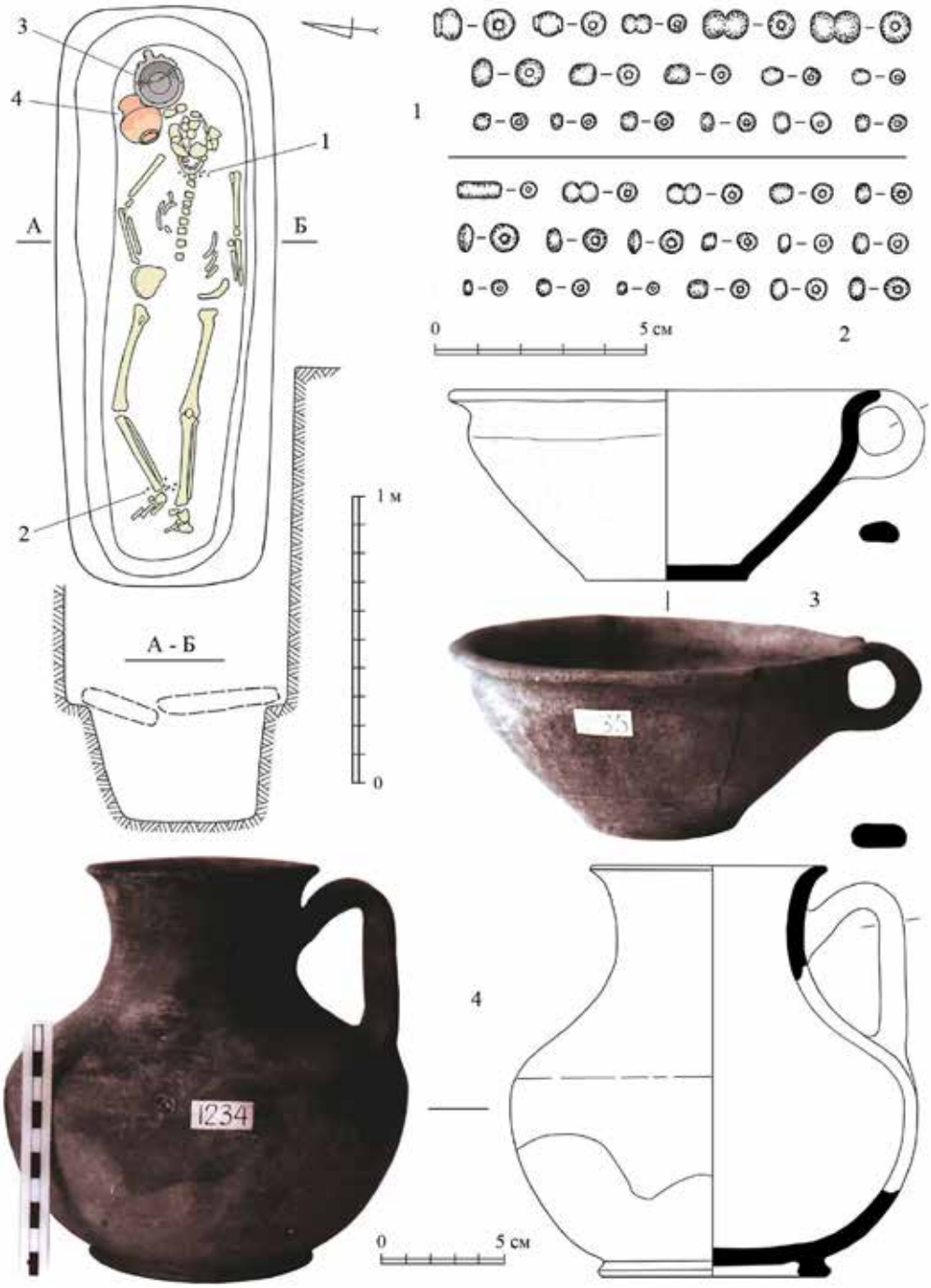


Рис. 4. Усть-Альминский некрополь, могила 274.
План погребения, разрез, находки: *1, 2* – стеклянные бусы; *3* – лепной сосуд; *4* – краснолаковый кувшин [по: 17, рис. 46; 48,1234,1235; 49; 51,1172–1233]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР II в. до н.э. – IV в. н.э. М.: Наука, 1966. 142 с. (САИ. Вып. Д1–30).
2. Антонов Е.Е. Появление позднескифских поселений в Северо-Западном Крыму: проблемы датировки и атрибуции // ПИФК. 2016. № 2 (52). С. 178–195.
3. Антонов Е.Е. «Локальные» периодизации позднескифских поселений в Северо-Западном Крыму: маркеры синхронизации // ПИФК. 2023. № 4 (82). С. 43–60.
4. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
5. Власов В.П. Лепная керамика позднескифского Булганакского городища // Бахчисарайский историко-археологический сборник / Ред.-сост. И.Н. Храпунов. Симферополь: Таврия, 1997. Вып. I. С. 204–303.
6. Власов В.П. Об одной группе лепных сосудов городища Алма-Кермен // Древняя Таврика / Под общ. ред. Ю.П. Зайцева, В.И. Мордвинцевой. Симферополь: Универсум, 2007. С. 149–152.
7. Власов В.П. Лепная керамика городища Алма-Кермен (материалы раскопок 2004–2007 гг.) // МАИЭТ. 2015. Вып. XX. С. 79–94.
8. Высотская Т.Н. Неаполь – столица государства поздних скифов. Киев: Наукова думка, 1979. 205 с.
9. Высотская Т.Н. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев: Киевская Академия Евробизнеса, 1994. 208 с.
10. Дашевская О.Д. Поздние скифы в Крыму. М.: Наука, 1991. 140 с. (САИ. Вып. Д1–7).
11. Дашевская О.Д. Некрополь Беляуса. Симферополь: ЧП «Предприятие Феникс», 2014. 284 с.
12. Зайцев Ю.П. Склеп № 390 Усть-Альминского позднескифского некрополя // Бахчисарайский историко-археологический сборник / Ред.-сост. И.Н. Храпунов. Симферополь: Таврия, 1997. Вып. I. С. 156–166.
13. Зайцев Ю.П. Неаполь скифский (II в. до н.э. – III в. н.э.). Симферополь: Универсум, 2003. 212 с.
14. Колтухов С.Г. Скифы Северо-Западного Крыма в VII–IV вв. до н.э. (погребальные памятники). Донецк: Изд-во «Донбасс», 2012. 268 с. (Археологический альманах. № 27).
15. Коршун К.С. Погребальные традиции позднескифского населения Северо-Западного Крыма // ПИФК. 2024. № 3 (85). С. 98–120.
16. Кропотов В.В. Фибулы сарматской эпохи. Киев: ИД «АДЕФ-Украина», 2010. 384 с.
17. Лобода И.И. Отчет о раскопках Усть-Альминского могильника I в. до н.э. – III в. н.э. у с. Песчаное Бахчисарайского района в 1992 году // НА ИАК РАН. Ф. О-1. Оп. 1. Д. 566.
18. Мульд С.А. Склеп с двумя погребальными камерами из могильника Левадки // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII. С. 94–115.
19. Попова Е.А. Городище «Чайка» позднеэллинистического времени и проблема истоков позднескифской культуры // ПИФК. 2012. № 2 (36). С. 3–17.
20. Пуздровский А.Е. Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. 480 с.
21. Сымонович Э.А. Население столицы позднескифского царства (по материалам Восточного могильника Неаполя скифского). Киев: Наукова думка, 1983. 172 с.
22. Труфанов А.А. Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н.э. – III в. н.э. // Stratum plus. 2009. № 4. С. 117–328.
23. Труфанов А.А., Зайцев Ю.П., Медведев Г.В., Соломоненко А.Е., Шкрибляк И.И. Исследования Усть-Альминского некрополя в 2019 году // История и археология Крыма. 2020. Вып. XIII. С. 393–400.
24. Труфанов А.А., Зайцев Ю.П. Ранние погребальные комплексы Усть-Альминского некрополя (по материалам исследований 2019 г.) // РА. 2022. № 3. С. 168–184.
25. Храпунов И.Н. Булганакское позднескифское городище (по раскопкам 1981–1989 гг.) // МАИЭТ. 1991. Вып. II. С. 3–34.

REFERENCES

1. Ambroz A.K. *Fibuly iuga evropeiskoi chasti SSSR (II v. do n.e. – IV v. n.e.)* [Fibulae in the south of the European part of the USSR (2nd century BC – 4th century AD)]. Moscow, Nauka Publ., 1966, 142 p.
2. Antonov E.E. The appearance of the Late Scythian settlements in the North-Western Crimea: the problem of dating and attribution. *Problemy istorii, filologii i kul'tury* [Journal of historical, philological and cultural studies], 2016, no. 2 (52), pp. 178–195.
3. Antonov E.E. «Local» periodizations of Late Scythian settlements in the North-Western Crimea: synchronization markers. *Problemy istorii, filologii i kul'tury* [Journal of historical, philological and cultural studies], 2023, no. 4 (82), pp. 43–60.
4. Bobrinskii A.A. *Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniia* [Pottery of Eastern Europe. Sources and Study Methods]. Moscow, Nauka Publ., 1978, 272 p.
5. Vlasov V.P. Hand-Made Pottery from the Late-Scythian Settlement of Bulganak. I.N. Khrapunov (ed.), *Bahchisaraiskii istoriko-arkheologicheskii sbornik* [Bakhchisaray Historical and Archaeological Collection]. Simferopol, Tavriia Publ., 1997, vol. 1, pp. 204–303.

6. Vlasov V.P. About one group of hand-made pottery from the Alma-Kermen settlement. Iu.P. Zaitsev, V.I. Mordvintseva (eds.), *Drevniaia Tavrika* [Ancient Taurica]. Simferopol, Universum Publ., 2007, pp. 149–152.
7. Vlasov V.P. Hand-made pottery of the Alma-Kermen settlement (materials from excavations in 2004–2007). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2015, vol. 20, pp. 79–94.
8. Vysotskaia T.N. *Neapol' – stolitsa gosudarstva pozdnikh skifov* [Neapolis, the Capital of the Late Scythian State]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1979, 205 p.
9. Vysotskaia T.N. *Ust'-Al'minskoe gorodische i necropol'* [Ust'-Al'ma settlement and necropolis]. Kiev, Kievskaia Akademiia Evrobiznesa Publ., 1994, 207 p.
10. Dashevskaia O.D. *Pozdnie skify v Krymu* [Late Scythians in Crimea]. Moscow, Nauka Publ., 1991, 140 p.
11. Dashevskaia O.D. *Nekropol' Beliausa* [The Beliaus Necropolis]. Simferopol, Feniks Publ., 2014, 284 p.
12. Zaytsev Iu.P. Crypt 390 of the Ust'-Al'ma Late Scythian necropolis. I.N. Khrapunov (ed.), *Bakhchisaraiskii istoriko-arkheologicheskii sbornik* [Bakhchisaray Historical and Archaeological Collection], Simferopol, Tavriia Publ., 1997, vol. I, pp. 156–166.
13. Zaitsev Iu.P. *Neapol' skifskii (II v. do n.e. – III v. n.e.)* [Neapolis Scythian (2nd century BC – 3rd century AD)]. Simferopol, Univesum Publ., 2003, 212 p.
14. Koltukhov S.G. *Skify Severo-Zapadnogo Kryma v VII–IV vv. do n.e. (pogrebal'nye pamiatniki)* [The Scythians of Northwestern Crimea in the 7th–4th centuries BC (Cemeteries)]. Donetsk, Donbass Publ., 2012, 268 p.
15. Korshun K.S. Funeral traditions of the Late Scythian population of Northwestern Crimea. *Problemy istorii, filologii i kul'tury* [Journal of historical, philological and cultural studies], 2024, no. 3 (85), pp. 98–120.
16. Kropotov V.V. *Fibuly sarmatskoi epokhi* [Fibulae of Sarmatian Epoch]. Kiev, ADEF-Ukraine Publ., 2010, 384 p.
17. Loboda I.I. *Otchet o raskopkakh Ust'-Al'minskogo mogil'nika I v. do n.e. – III v. n.e. u s. Peschanoe Bakhchisaraiskogo raiona v 1992 godu* [Report on the excavations of the Ust'-Al'ma cemetery of the 1st century BC – 3rd century AD near the village of Peschanoye, Bakhchisarai district in 1992]. Archive of the Institute archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences. F. O-1. Op. 1. D. 566.
18. Mul'd S.A. Crypt with two burial chambers from the Levadki cemetery *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2011, vol. 17, pp. 94–115.
19. Popova E.A. Late Hellenistic settlement "Chaika" and the problem of origin of Late Scythian Culture. *Problemy istorii, filologii i kul'tury* [Journal of historical, philological and cultural studies], 2012, no. 2 (36), pp. 3–17.
20. Puzdrovsky A.E. *Krymskaia Skifiia II v. do n.e. – III v. n.e. Pogrebal'nye pamiatniki* [Crimean Scythia 2nd century BC – 3rd century AD. Burial Monuments]. Simferopol, Biznes-Inform Publ., 2007, 480 p.
21. Symonovich, E.A. *Naselenie stolitsy pozdneskifskogo tsarstva (po materialam Vostochnogo nekropolia Neapolia skifskogo)* [Population of the capital of the Late Scythian Kingdom (based on the materials of the Eastern Necropolis of Scythian Neapolis)]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1983, 172 p.
22. Trufanov A.A. Chronology of cemeteries of the Foothill Crimea of the 1st century BC – 3rd century AD. *Stratum plus*, 2009, no. 4, pp. 117–328.
23. Trufanov A.A., Zaitsev Iu.P., Medvedev G.V., Solomonenko A.E., Shkribliak I.I. Research of the Ust'-Al'ma necropolis in 2019. *Istoriia i arkheologiia Kryma* [History and archaeology of Crimea], 2020, vol. 13, pp. 393–400.
24. Trufanov A.A., Zaitsev Iu.P. Early burial complexes of the Ust'-Al'ma necropolis (based on the 2019 research). *Rossiyskaia arkheologiia* [Russian Archaeology], 2022, no. 3, pp. 168–184.
25. Khrapunov I.N. Bulganak Late Scythian settlement (based on excavations in 1981–1989). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, History and Ethnography of Tauria], 1991, vol. 2, pp. 3–34.

Информация об авторе

Труфанов А. А. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии раннего железного века Института археологии Крыма РАН; AuthorID: 790403.

Author information

Trufanov A. A. – Candidate of Science (History), Senior Researcher of the Mediaeval Archaeology Department of the Institute of Archaeology of the Crimea of RAS.

DOI: 10.29039/2413-189X.2025.30.48-60

КОНСТРУКТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЗДНЕСКИФСКИХ СКЛЕПОВ МОГИЛЬНИКА ОПУШКИ В ЦЕНТРАЛЬНОМ КРЫМУ

Сергей Альфредович Мульд
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия
muld@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9613-5601

Аннотация. Значительное количество открытых погребальных комплексов могильника Опушки в Центральном Крыму (I в. до н.э. – IV в. н.э.) позволяет выделить некоторые закономерности и особенности этого памятника. В статье рассматриваются склепы раннего периода функционирования памятника, относящиеся к позднескифской археологической культуре. В целом ряде случаев зафиксировано наличие ям столбовых конструкций, как в погребальных камерах, так и во входных ямах склепов. Анализ полученного материала дает возможность высказать некоторые предположения, связанные с обустройством погребальных сооружений в древности и найти причины, заставившие устроителей приспосабливаться к геологической ситуации местности и вносить коррективы в погребальный обряд.

Ключевые слова: Крым, могильник Опушки, поздние скифы, склепы, погребальный обряд

Благодарности: Статья написана в рамках проекта Минобрнауки РФ, государственное задание FZEG-2023-0004 «Исторический опыт межэтнического взаимодействия в Крыму с древности до Нового времени».

CONSTRUCTION FEATURES OF THE LATE SCYTHIAN BURIAL VAULTS FROM THE CEMETERY OF OPUSHKI IN THE CENTRAL CRIMEA

Sergei A. Mul'd
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
muld@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9613-5601

Abstract. A great part of the burial assemblages uncovered in the cemetery of Opushki in the central Crimea (first century BC to fourth century AD) allows the one to identify certain patterns and features of the site in question. This article examines the burial vaults from the early period of the site, which belong to the Late Scythian archaeological culture. There are many cases with postholes documented both in the burial chambers and entrance pits of the vaults. From the analysis of the materials in possession, there are reasons to raise hypotheses concerning the arrangement of burial structures in the past and to identify the reasons why the builders adapted to the geology of the area and thus corrected burial rite.

Keywords: Crimea, Opushki cemetery, Late Scythians, burial vaults, funeral rite

Acknowledgments: This article has been written as a part of the project supported by state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation FZEG-2023-0004 *Historical Experience of Interethnic Interaction in the Crimea from Antiquity to Modernity.*

Могильник Опушки расположен в предгорьях Центрального Крыма, в 15 км к востоку от городской черты Симферополя. Археологическая экспедиция Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского и благотворительного фонда «Наследие тысячелетий» с 2003 г. ведет систематические исследования памятника с незначительными перерывами по настоящее время. Обнаруженный здесь материал датирует его I в. до н.э. – IV в. н.э. [3, с. 236]. В этот период могильник принадлежал разным этническим группам населения полуострова, о чем свидетельствуют элементы погребальных обрядов, типичных для позднескифской, средне- и позднесарматской археологических культур. На позднем этапе на этом месте хоронили люди, которых принято считать предками северокавказских алан. Открыто одно трупосожжение, фиксирующее присутствие носителей германских погребальных традиций.

Площадь и количество открытых на сегодняшний день погребальных сооружений могильника позволяют отметить некоторые закономерности и особенности памятника. В данной работе речь пойдет о конструктивных деталях позднескифских склепов, активно использо-

вавшихся с рубежа эр до середины II в. н.э. Таких могил открыто 20. Для понимания ситуации не лишним будет описать типичный склеп этой культуры. Он состоит из двух основных элементов – открытой сверху входной ямы и подземной погребальной камеры. Камера непосредственно примыкает к отверстию-лазу, вырубленному в торцевой стенке входной ямы на уровне ее дна. Вход закрывался каменной плитой или несколькими камнями. Входные ямы вытянутой, подпрямоугольной в плане формы. Длина в пределах 2–3,5 м, ширина 0,7–1 м. Часто, из-за длительного использования могилы, они приобретали округлые очертания по верхнему контуру. Нередко, в противоположной входу в камеру стенке имеются вырубленные ступеньки. Яма заполнялась каменным бутом с различной степенью плотности. Дно ямы и пол камеры соединяет одна или несколько ступеней, высотой в пределах 1 м. Погребальная камера может быть различной в плане формы. В могильнике Опушки встречаются прямоугольные или трапециевидные камеры, причем их длинная ось продолжает длинную ось входной ямы. Они просторные, предназначены для большого количества погребений. Длина и ширина камер варьируют в пределах 2–4 м. Высота свода камеры 1–1,2 м, он плоский или подцилиндрический.

Все позднескифские склепы могильника Опушки ограблены с разной степенью тщательности. Грабителям мешали значительная глубина сооружений и большие площади погребальных камер. Последнее обстоятельство иногда вынуждало преступников копать несколько шурфов. В некоторых случаях остались непотревоженными отдельные участки камер, что позволило более детально изучить погребальный обряд. Склепы использовались как усыпальницы для большой группы людей, вероятно, связанных не только семейными узами. Это десятки и даже более сотни человек, умерших в течение полутора столетий. Укладывали умерших поверх предыдущих захоронений без прослоек. В ходе этих действий часто ранние погребения непреднамеренно смещались или разрушались. Сложно найти логичное объяснение многообразию ориентировок погребенных, поскольку даже в одном комплексе их может быть несколько.

Сравнивая планы склепов, относящихся к позднескифскому периоду функционирования могильника в Опушках, легко заметить, что все они отличаются пропорциями элементов и наличием в некоторых случаях отдельных конструктивных деталей. На этом фоне особо выделяются две уникальные конструкции. Это каменный склеп № 250 – сооружение типичное для подкурганных комплексов Крыма начиная с IV в. до н.э., но впервые зафиксированное на территории грунтового могильника без курганной насыпи [6]. Находки датируют склеп I – первой половиной II в. н.э. Входная яма и погребальная камера, сложенные из камня, возвышались над дневной поверхностью и были перекрыты с помощью деревянной конструкции и каменных плит [2]. Уникальным является и склеп № 340 с каменными облицовкой и перекрытием входной ямы и каменными облицовками пола и задней стенки камеры. Аналогии приемам такого оформления погребального сооружения нам не известны. Яму и камеру соединял короткий (0,8 м) коридор-лаз или дромос, как часто его называют в крымской археологической литературе. Эта деталь является одним из обязательных элементов склепов, сооружаемых в исторические периоды, последующие за позднескифским.

В семи склепах, включая перечисленные, обнаружены ямы от столбовых конструкций. Наличие в каменном склепе № 250 восьми небольших ям в камере и во входной яме, а также двух больших ям у входа, совершенно очевидно указывает на устройство достаточно сложной конструкции перекрытия. Какую роль выполняли столбовые конструкции в обычных грунтовых склепах, попробуем разобраться, рассмотрев их детально.

В склепе № 340 обнаружены три ямы от столбовых конструкций: в центре камеры и по краям ступеньки, соединяющей дно входной ямы и пол камеры (рис. 1; 7,*5*). В камерах склепов № 420 и № 448 было по четыре ямы (рис. 2,*2*; 3,*1*; 8,*1,4*). Парные ямы, расположенные симметрично относительно осевой линии могилы, зафиксированы во входных ямах пяти склепов: в могилах № 328 и № 448 они находились в углах торцевой стенки противоположной входу в камеру (рис. 2,*1*; 3,*1*; 7,*4*; 8,*3*); в могилах № 199 и № 284 – в углах, образованных торцевой ступенькой и длинными стенками ямы (рис. 4,*1,2*; 7,*1–3*); в могиле № 420 – в центре ямы (рис. 2,*2*; 8,*2*). Их размеры: глубина 0,15–0,5 м, диаметр 0,2–0,5 м. В заполнении некоторых ям были бутовые камни. В могиле № 78 вместо ям в углах торцевой стенки сдела-

ны подрубки, по всей видимости, служившие опорой для столбов. В склепе № 199 еще одна яма для столбовой конструкции примыкала к длинной стенке входной ямы, ближе к входу в погребальную камеру (рис. 4,*2*). Здесь же обнаружены останки двух погребенных. Фрагментированные погребения также были найдены во входной яме могилы № 328.

Своды погребальных камер за долгое время использования могил разрушались. Причиной могла стать большая площадь подземной части конструкции. В перечисленных комплексах только в одном случае камера была размером 2,2×2,5 м (могила № 328), размеры остальных были в пределах 2,6×3 – 3,25×3,65 м. Безусловно, геологическая ситуация влияла на строительство и сохранность погребальных сооружений. Достаточно сказать, что на исследованных участках мы видим примеры меняющегося зонально материкового слоя от скальных выходов до мягких глинистых пород. Неизбежно устроителям приходилось укреплять своды с помощью вертикальных деревянных столбов-подпорок, о чем свидетельствуют ямы для их установки. Асимметрия в их расположении, вероятно, является показателем того, что обрушению могли быть подвержены отдельные участки свода. Есть примеры, когда доступ в камеру становился невозможным, и приходилось умерших располагать на границе ступеньки и камеры или полностью во входной яме. Такая ситуация подробно описана в публикации склепа № 42 [5]. Многократные погребения совершены во входных ямах склепов № 288 и № 340. Логично предположить, что в этих случаях над ямами приходилось сооружать перекрытие. Каменный портал во входной яме склепа № 340, вероятнее всего, был сооружен с целью продолжения захоронений в пределах комплекса родовой усыпальницы, доступ в погребальную камеру которого стал не возможен из-за обрушения свода. В отдельных случаях перекрытие могло быть в виде простого наката, когда бревна укладывались поперек осевой ямы, по ее верхнему краю. В склепе № 42 устроители удлинили входную яму и перенесли каменный заклад на 2 м от первоначального места, что фиксирует вероятную длину такого перекрытия (рис. 4,*1*).

Более сложная конструкция перекрытия могла представлять собой навес, опирающийся на вертикальные столбы, для которых и были выкопаны описанные ямы. Эти парные столбы, расположенные симметрично относительно центральной осевой могилы, служили опорой для закрепленного на них горизонтального бревна, на которое в свою очередь укладывали бревна перекрытия. Одним из вариантов покрытия деревянной основы могли быть камни/каменные плиты. Забутовка камнем входных ям – непременный элемент во всех позднескифских склепах. Но в перечисленных склепах бут лежит не во всем объёме входной ямы, а лишь в верхней части или в части, не перекрытой предполагаемым навесом. В его составе часто использованы уплощенные камни, зафиксированные во время раскопок в вертикальном положении или под углом понижения от длинных краев ямы к ее центру, что подтверждает предположение о наличии перекрытия, которое со временем рухнуло (рис. 2,*2 разрез Г-Г1*; 3,*1 разрез Г-Г1*). В графической реконструкции представлен вариант, как могло выглядеть описанное перекрытие (рис. 4,*2*).

В контексте рассматриваемой темы отметим три любопытных момента.

Первый момент. Могила № 21, исследованная в 2004 г. на позднескифском участке могильника и датированная I – первой половиной II в. н.э., представляла собой широкую грунтовую яму, в которой зафиксированы многократные захоронения 20 человек в несколько ярусов [4]. Аналогий могила не имеет и в связи с этим представляет большой интерес. Она прямоугольной в плане формы (2,25×1,1 м, глубина в материке 1,1 м), расположена вдоль склона (рис. 5). Нижняя по склону торцевая стенка оформлена в виде высокой ступени, ширину которой ограничивают две округлые в плане подрубки диаметром 0,3 и 0,35 м, сделанные в углах ямы. В поперечном вертикальном разрезе ступеньки эти подрубки выглядят как две столбовые ямы глубиной 0,3 м (рис. 5, *разрез В-В1*). Назначение ям так и не удалось установить. Предположение о том, что в них были установлены столбы, неправдоподобно, поскольку два последних погребенных перекрывали одну из ям головой и ногами.

С учетом накопившегося в ходе проведенных раскопок могильника материала, в том числе и описанных примеров со столбовыми ямами во входных ямах склепов, видится некая идентичность ситуаций. Вероятно, могила представляет собой начатый склеп, точнее вход-

ную яму склепа, которую не удалось выкопать из-за выхода скального массива. Примеры таких «недостроев» мы находим в более позднее время в могильнике Нейзац, где входные ямы незавершенных склепов использовались для совершения погребений [1, с. 53]. Яму начали использовать для захоронений, соорудив над ней перекрытие. Каменные плиты, слой которых зафиксирован на уровне материка, могли быть уложены на деревянную основу. Косвенно это подтверждают и размеры камней, не соответствующие стандартам могил с плитовым перекрытием. Со временем часть деревянных деталей могла сгнить и последние погребения совершались уже с разрушенной конструкцией навеса.

Второй момент. Склеп № 448 с парными столбовыми ямами во входной яме и еще двумя в камере был использован вторично в IV в. Для этого была выкопана вторая входная яма и дромос, который соединял яму с погребальной камерой через ее западный угол (рис. 3,*1*). В камере совершили несколько захоронений в один ярус на грунтовой прослойке, перекрывшей многочисленные кости ранних погребенных. Камера частично ограблена через свод, но сохранившиеся участки дают представление о том, что вторично она была использована по всей площади. Это обстоятельство противоречит высказанной мысли, что сооружения в виде навесов или перекрытий во входной яме возводились вследствие частичного или полного обрушения сводов в камере. Наличие двух столбовых ям в камере говорит об укреплении свода, правда это могло произойти в процессе вторичного использования. Нет и следов ранних погребений во входной яме. Таким образом, можно полагать, что конструкции перекрытий носили иные задачи, нежели организация еще одного пространства для погребений из-за невозможности их совершения в камере. Интересно, что в ранней входной яме склепа № 448 в IV в. было совершено одиночное погребение (могила № 458), причем таким образом, что умерший оказался между двух столбовых ям по уровню его груди (рис. 3,*2*).

Третий момент. В двух поздних склепах (могилы № 443 и № 506) могильника на слое провалившихся сводов камер и частично над входными ямами зафиксированы обгоревшие массивные деревянные балки или стволы. Некоторые из них были длиной более 3 м. В склепе № 443 вместе с бревнами найдена римская монета первой трети IV в. н.э., что исключает возможность относительно недавних действий. Каких-то предположений, объясняющих данные находки, не связанных с культовыми целями, не высказывалось. Поэтому выдвинем аккуратное предположение о возможном наличии деревянных деталей в конструкциях склепов на позднем этапе функционирования могильника в Опушках.

***

Описанные конструктивные особенности позднескифских склепов могильника Опушки являются следствием вынужденного приспосабливания устроителей к геологической ситуации местности. Материковый грунт оказался слишком мягким для просторных погребальных камер склепов и длительного их использования. Видимо, соблюдая традиционные нормы, выражающиеся в повторении форм конструкции и размерах погребальных камер, на могильнике одновременно было сооружено несколько склепов, которые со временем стали разрушаться. Ремонтные работы приводили к нестандартным решениям и, как следствие, изменению норм погребального обряда. Так появились погребения, вынесенные во входные ямы склепов. Сооружение над ними перекрытия стало необходимым. Вместе с тем отсутствие захоронений во входных ямах, где зафиксированы следы столбовых конструкций, возможно, говорит о разных, ритуальных и практических, причинах сооружения навесов.

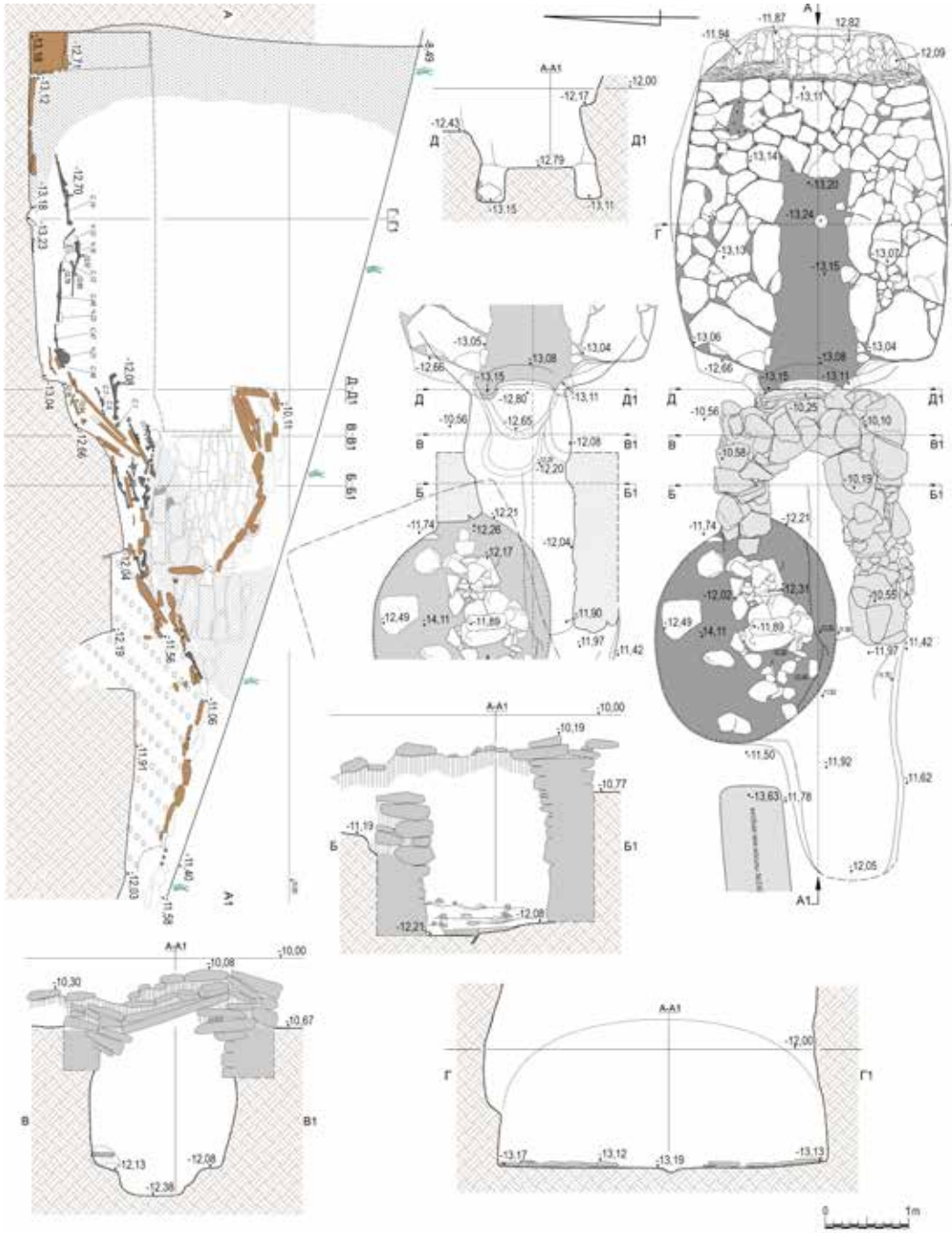


Рис. 1. Могильник Опушки. Планы и разрезы могилы № 340

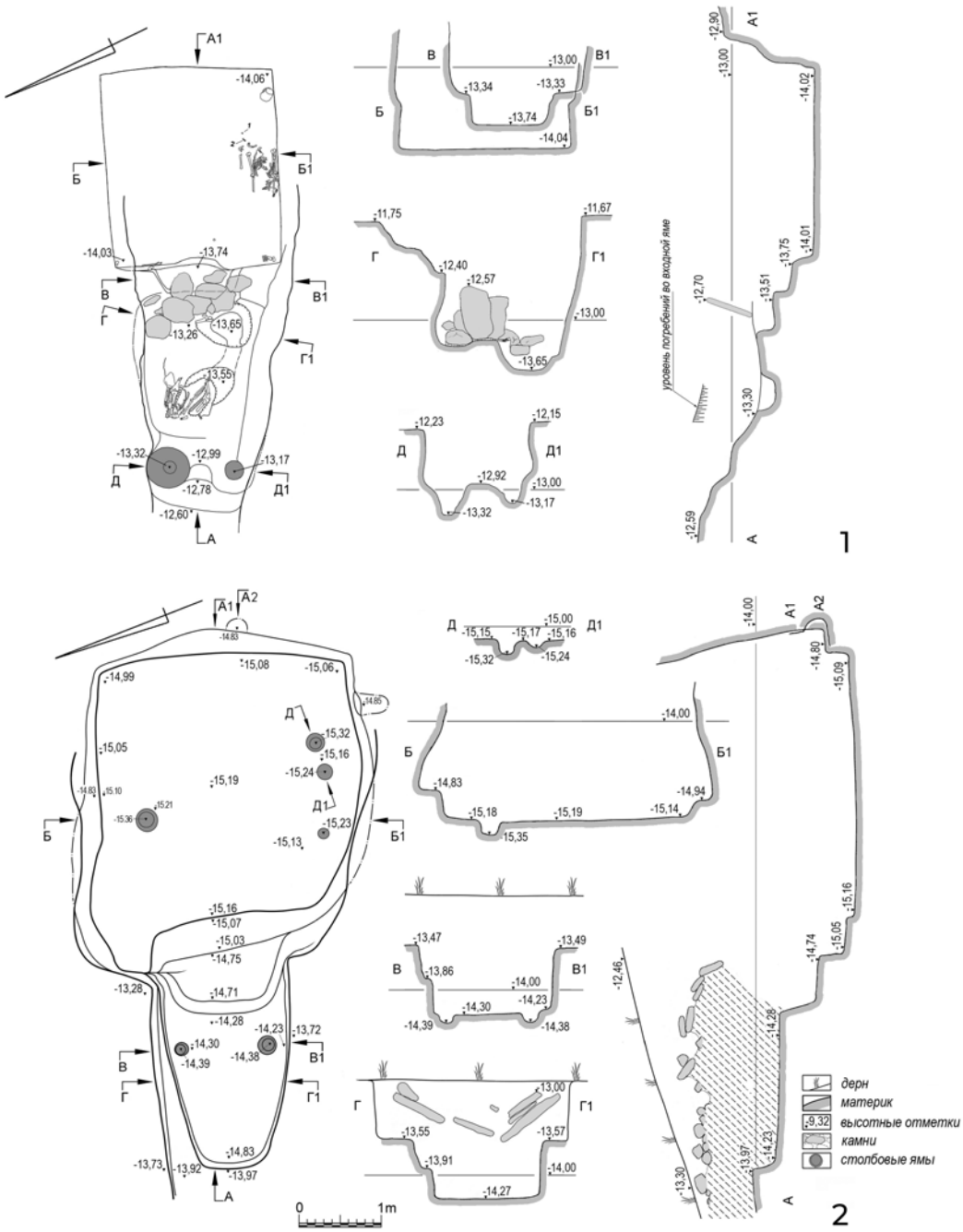


Рис. 2. Могильник Опушки. Планы и разрезы могил № 328 (*1*) и № 420 (*2*)

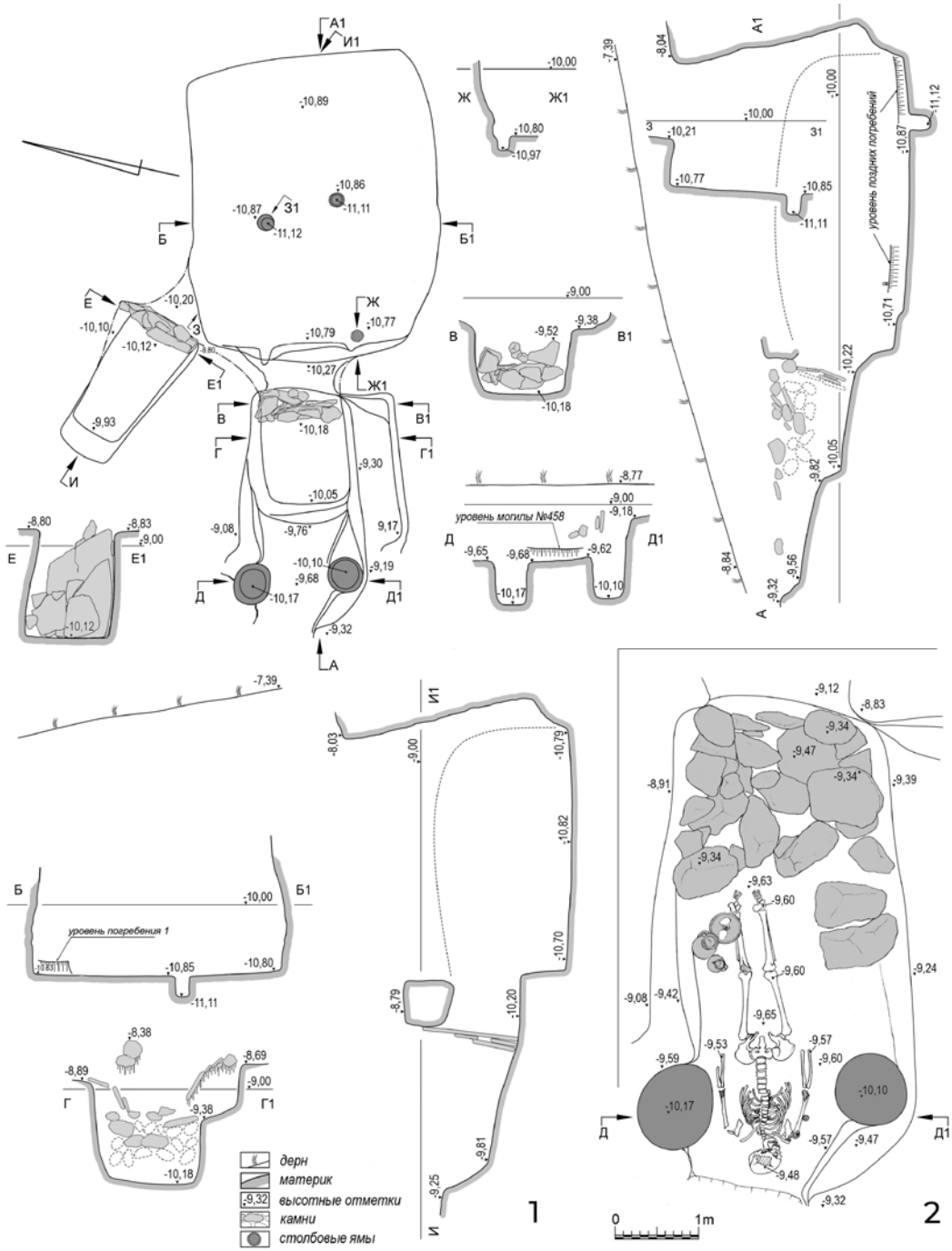


Рис. 3. Могильник Опушки. План и разрезы могилы № 340 (*1*).
План входной ямы и могилы № 458 (*2*)

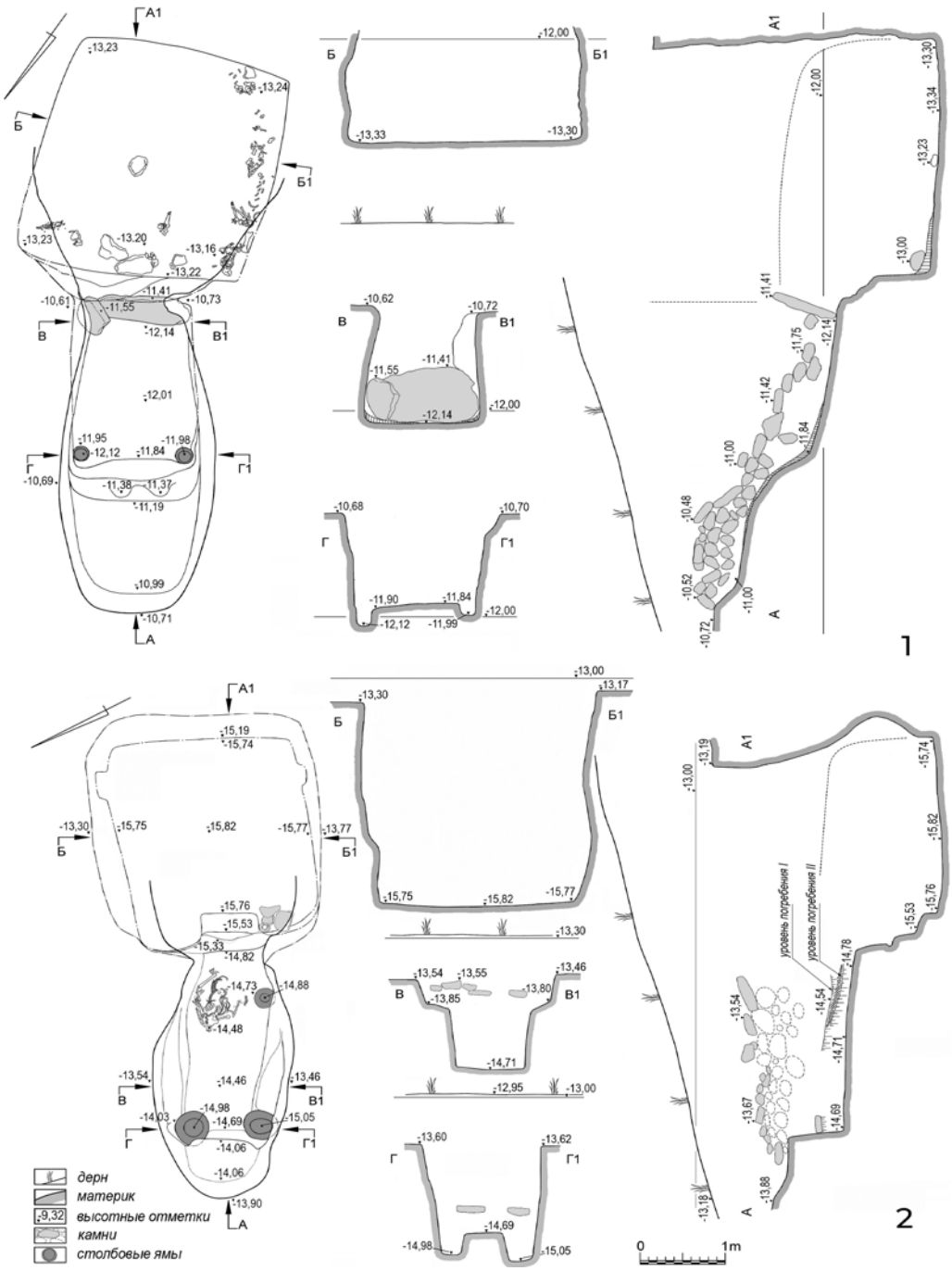


Рис. 4. Могильник Опушки. Планы и разрезы могил № 284 (*1*) и № 199 (*2*)

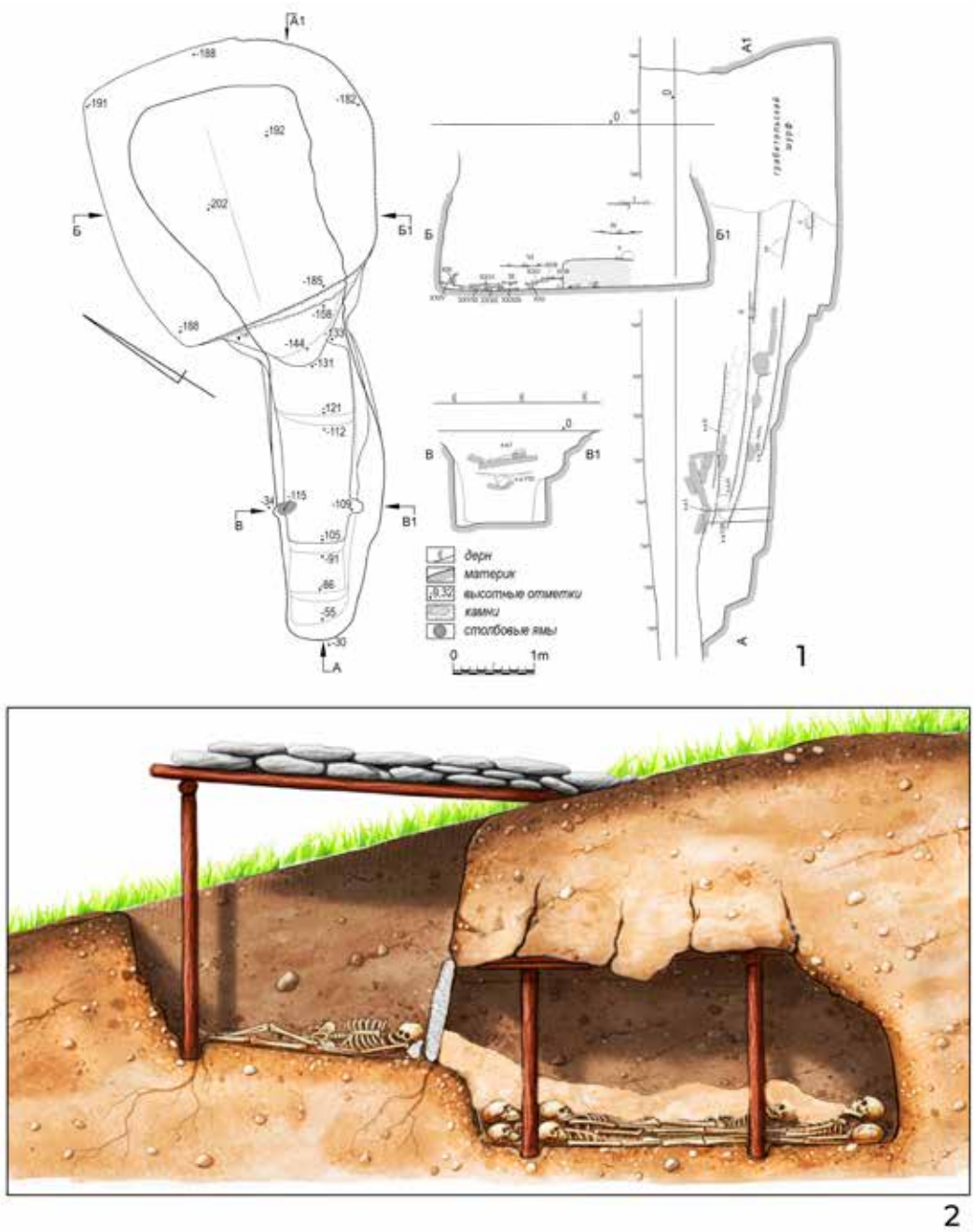


Рис. 5. Могильник Опушки. План и разрезы могилы № 42 (*1*). Реконструкция склепа (*2*)

Рис. 6. Могильник Опушки. План и разрезы могилы № 21

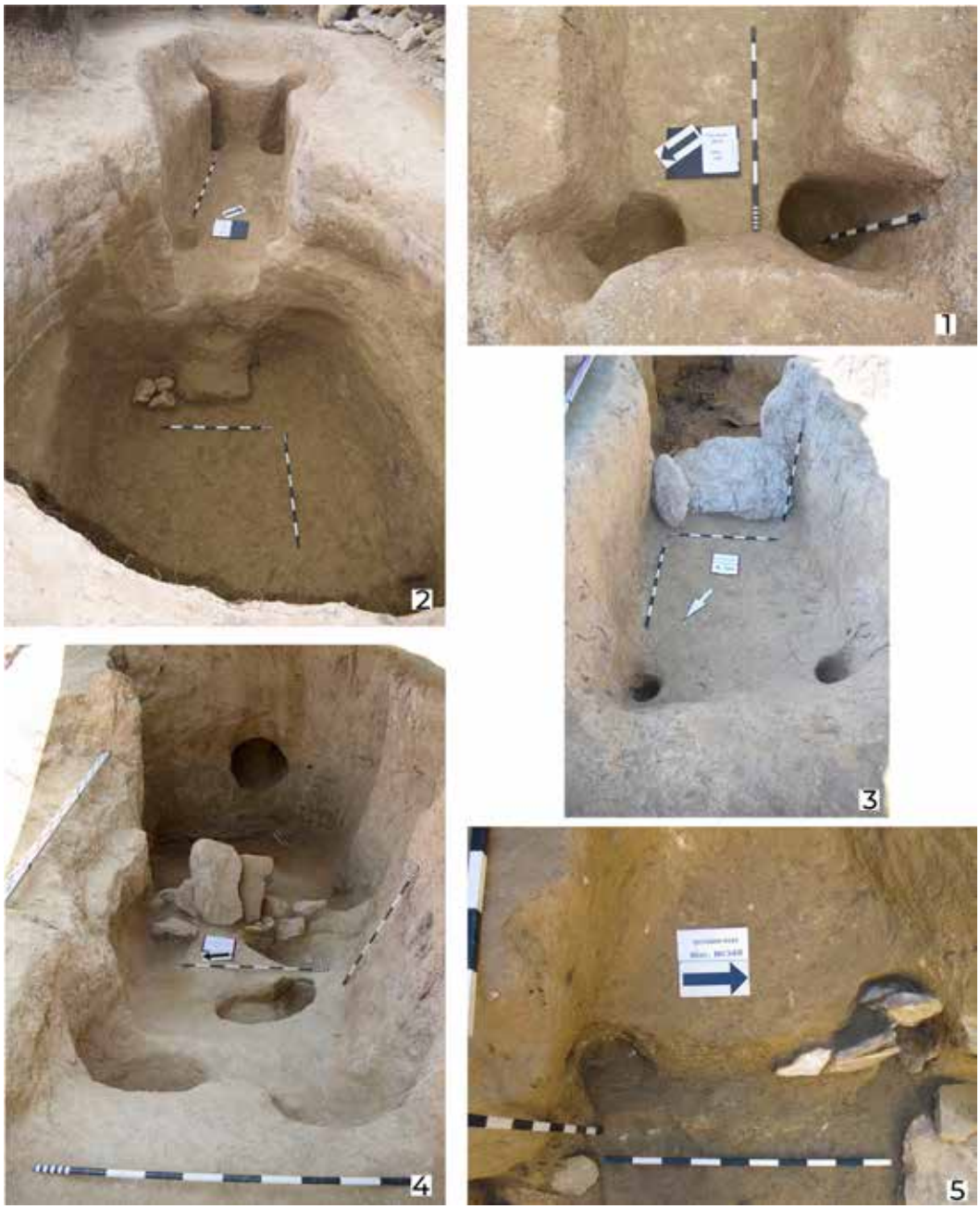


Рис. 7. Могильник Опушки: *1, 2* – могила № 199; *3* – могила № 284; *4* – могила № 328; *5* – могила № 340

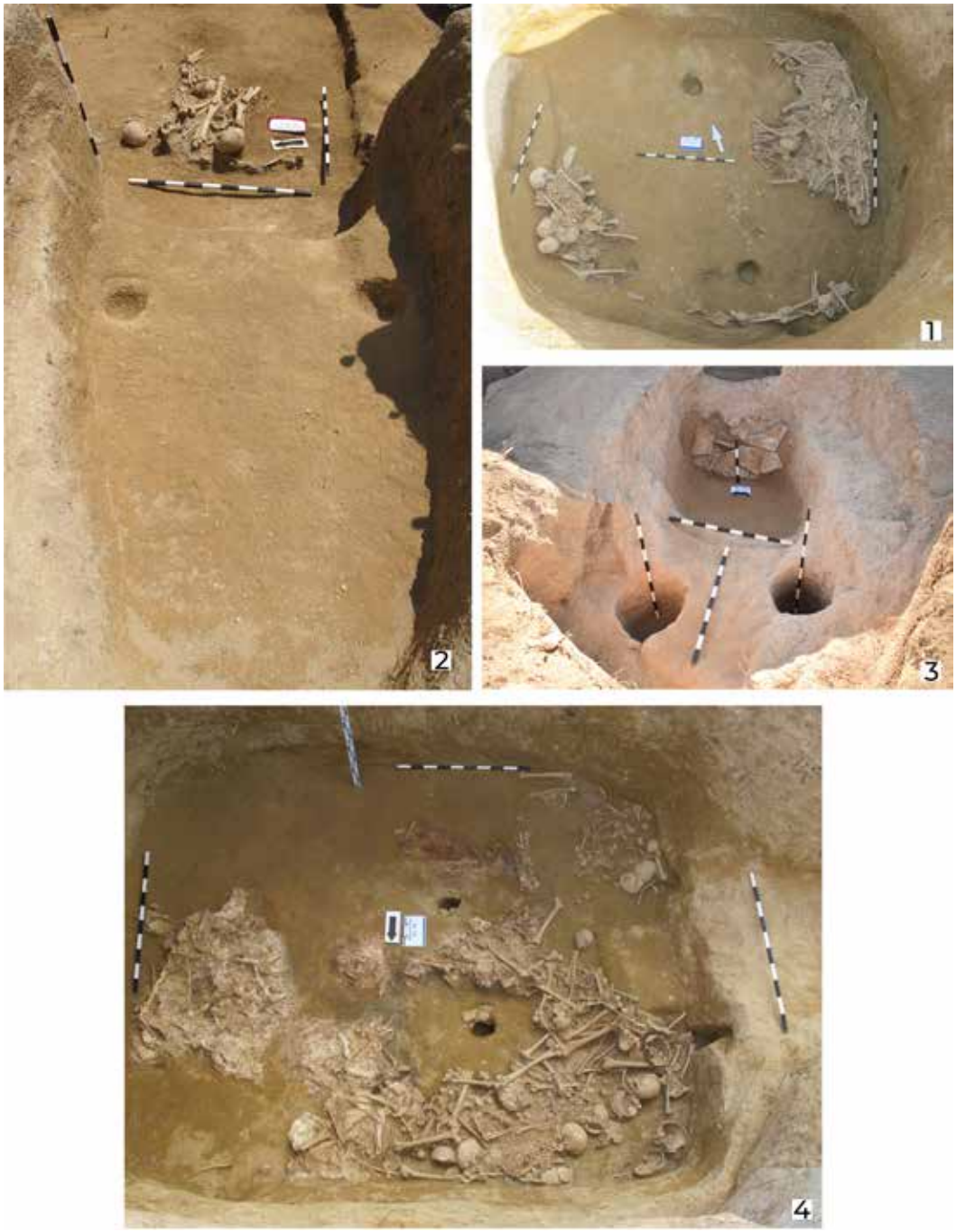


Рис. 8. Могильник Опушки: *1, 2* – могила № 420; *3, 4* – могила № 448

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мульд С.А. Погребальные сооружения могильника Нейзац // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). Т. II: 20 лет исследований могильника Нейзац / Отв. ред. И.Н. Храпунов. Симферополь, 2016. С. 37–75.
2. Мульд С.А. Опыт реконструкции каменного позднескифского склепа из могильника Опушки в центральном Крыму // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). Т. X / Отв. ред. И.Н. Храпунов. Симферополь, 2024. С. 110–134.
3. Храпунов И.Н. Исследования могильника Опушки: итоги и перспективы // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). Т. VII / Отв. ред. И.Н. Храпунов. Симферополь, 2021. С. 235–259.
4. Храпунов И.Н. Необычное позднескифское погребальное сооружение из могильника Опушки в Крыму // ПИФК. 2023. № 4. С. 61–78.
5. Храпунов И.Н., Мульд С.А, Стоянова А.А. Позднескифский склеп из могильника Опушки. Симферополь: Доля, 2009. 96 с.
6. Храпунов И.Н., Стоянова А.А. Каменный склеп Опушкинского могильника // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). Т. VI / Отв. ред. И.Н. Храпунов. Симферополь, 2020. С. 66–112.

REFERENCES

1. Mul'd S.A. Burial Structures of the Cemetery of Neyzats. I.N. Khrapunov (ed.), *Krym v sarmatskuiu epokhu (II v. do n.e. – IV v. n.e.). T. 2: 20 let issledovanii mogil'nika Neizats* [The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC – AD 400)], Simferopol, 2016, pp. 37–75.
2. Mul'd S.A. An Experience in the Reconstruction of the Late Scythian Stone Burial Vault at the Cemetery of Opushki in the Central Crimea. I.N. Khrapunov (ed.), *Krym v sarmatskuiu epokhu (II v. do n.e. – IV v. n.e.)* [The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC – AD 400)]. Vol. 10. Simferopol, 2024, pp. 110–134.
3. Khrapunov I.N. The Researches of the Cemetery of Opushki: The Results and Perspectives. I.N. Khrapunov (ed.), *Krym v sarmatskuiu epokhu (II v. do n.e. – IV v. n.e.)* [The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC – AD 400)]. Vol. 7. Simferopol, 2021, pp. 235–259.
4. Khrapunov I.N. An unusual Late Scythian burial structure in the cemetery of Opushki, the Crimea. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of history, philology, culture], 2023, no. 4, pp. 61–78.
5. Khrapunov I.N., Mul'd S.A, Stoianova A.A. *Pozdneskifskii sklep iz mogil'nika Opushki* [A Late Scythian Crypt from the Opushki Cemetery]. Simferopol, Dolia Publ., 2009, 96 p.
6. Khrapunov I.N., Stoianova A.A. A Stone Burial Vault at the Cemetery of Opushki. I.N. Khrapunov (ed.), *Krym v sarmatskuiu epokhu (II v. do n.e. – IV v. n.e.)* [The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC – AD 400)]. Vol. 6. Simferopol, 2020, pp. 66–112.

Информация об авторе

Мульд С. А. – научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Researcher ID: AAH-8150-2019.

Author information

Mul'd S. A. – Researcher at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: AAH-8150-2019.

DOI: 10.29039/2413-189X.2025.30.61-74

О СВЯЗИ КУРГАННЫХ И ГРУНТОВЫХ НЕКРОПОЛЕЙ ВАРВАРСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮГО-ЗАПАДНОГО КРЫМА В РИМСКОЕ ВРЕМЯ

Виктор Константинович Максименков
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского; Институт археологии Крыма РАН, Симферополь, Россия; Государственный музей-заповедник «Херсонес Таврический», Севастополь, Россия
victorskiff@mail.ru, https://orcid.org/0009-0006-3923-7808

Аннотация. Статья посвящена группе погребальных памятников, захоронения в которых на раннем этапе совершались в курганной насыпи, а на позднем – вышли за ее пределы. Дана характеристика ранее известных памятников этой группы, а также привлечены материалы новых раскопок могильника у аэропорта «Бельбек». Выдвинуто предположение о промежуточном положении данной группы памятников между впускными погребениями и грунтовыми некрополями. Предпринята попытка связать предложенное деление некрополей с этнокультурными процессами на полуострове в римское время. Подчеркнута важность комплексного рассмотрения всех групп варварских некрополей вне зависимости от их этнической и культурной принадлежности.
Ключевые слова: Крымский полуостров, Юго-Западный Крым, римское время, погребальный обряд, Крымский Барбарикум

ON THE CONNECTION OF BARROW AND FLAT CEMETERIES OF THE BARBARIAN POPULATION OF THE SOUTH-WESTERN CRIMEA IN THE ROMAN PERIOD

Viktor K. Maksimenkov
V. I. Vernadsky Crimean Federal University; Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia; State Museum-Preserve of Tauric Chersonese, Sevastopol, Russia
victorskiff@mail.ru, https://orcid.org/0009-0006-3923-7808

Abstract. This article addresses the group of sites with the burials initially made into barrow mound and later extended beyond its boundaries. The characteristics of previously known sites of this group is provided, and the materials from new excavations of the cemetery near Bel'bek Airport are also cited. It has been suggested that this group of sites occupies an intermediate position between secondary burials in barrows and flat cemeteries. An attempt has been made to link the proposed classification of cemeteries with the ethno-cultural processes on the peninsula in the Roman Period. The importance of a comprehensive examination of all groups of barbarian cemeteries despite of their ethnic and cultural attribution is highlighted.
Keywords: Crimean Peninsula, South-Western Crimea, Roman Period, funeral rite, Crimean Barbaricum

В первые века н.э. отмечается продвижение варварского населения вглубь Юго-Западного Крыма[1]. Ранее, в позднеэллинистический период, памятники местного населения были распространены преимущественно в долинах рек Альма и Западный Булганак. Это городища и некрополи, которые традиционно относят к позднескифской культуре. На рубеже эр в речных долинах Юго-Западного Крыма появляется ряд новых памятников, в основном погребальных. Этим некрополям, их типологии, особенностям и взаимосвязи посвящена данная работа.

Все погребальные памятники римского времени можно разделить на 3 группы. **Группу I** составляют одиночные впускные погребения в курганах более ранних эпох. К ней отнесен ряд погребений: в кургане № 3 Кулаковского 1895 г. [29, с. 117–119], у совхоза «Коминтерн» [25, с. 65–71], у колхоза им. Ильича [8, с. 72, рис. 21,1–9], у пос. Железнодорожный [35,

[1] Традиционно граница Юго-Западного Крыма проходит по р. Альма. В данной работе к Юго-Западному Крыму будут причислены также памятники долины р. Западный Булганак.

с. 101], в районе с. Вилино [30, с. 304]. К сожалению, многие указанные памятники либо исследовались в конце XIX – начале XX в., либо были обнаружены в результате спасательных археологических работ в советский период и не были должным образом зафиксированы и опубликованы. Датировки этих погребений укладываются в рамки конца I в. до н.э. – первой половины III в. н.э. [45, с. 189–194, рис. 15].

Группа II представлена грунтовыми некрополями. К ним относится большинство погребальных памятников региона. Данную группу можно разделить на три подгруппы. К ***подгруппе 1*** причислены погребальные памятники, связанные с позднескифскими поселениями и существовавшие еще в прошлую, позднеэллинистическую эпоху. Это некрополи Усть-Альма [9] и Кольчугино [51, с. 76–155]. Характерной чертой данных памятников является использование грунтовых склепов с многократными погребениями и каменной забутовкой входных ям. Данные погребальные конструкции являются наиболее яркой чертой позднескифской погребальной культуры. В них совершалось большинство погребений на могильниках.

К ***подгруппе 2*** отнесены некрополи, возникшие после рубежа эр, но также расположенные вблизи от укрепленных поселений. Это могильники Брянское [44, с. 315–326], Заветное [2, с. 17–70; 20, с. 249–290], Вишневое [47, с. 184–196], Суворово [36, с. 33], Тенистое [52, л. 17–23], Краснозорье [6, с. 303–318], Долинное [34, с. 77–92], Балта-Чокрак [22, с. 169–196]. В отличие от предыдущих, на этих некрополях грунтовые позднескифские склепы не обнаружены, а погребальные конструкции, в основном, представлены одиночными захоронениями в простых грунтовых, подбойных, плитовых могилах и могилах с заплечиками. Однако в них часто встречаются иные черты позднескифского погребального обряда. Например, забутовка входных ям камнями[2].

Подгруппу 3 составляют грунтовые некрополи, возникшие после рубежа эр и не связанные с поселениями[3]. Погребальный обряд (в рамках I – середины III в. н.э.) представлен одиночными погребениями в могилах разных конструкций. Наиболее ранние материалы этих могильников относятся к середине – второй половине I в. н.э. В это время возникают некрополи Бельбек IV [12; 13; 44], Скалистое III [4, с. 121–152] и Поворотное [10, с. 53–58]. Во второй половине I – начале II в. н.э. появляются могильники Бельбек II, Бельбек III [11, с. 33, прил. III, IV], Скалистое II [3, с. 132–139], Фронтовое 3 [41, с. 13–21], Киль-Дере 1 [54, с. 136–145] и Совхоз № 10 «Севастопольский» [43, с. 27–277]. К этой же группе относятся ранний участок могильника Сувлу-Кая [7, с. 146–173] и некрополь у с. Танковое [5, с. 82–88].

Наиболее интересна **группа III**. В нее входят некрополи, ранний этап существования которых, аналогично памятникам группы I, представлен впускными погребениями в курганы более ранних эпох. Однако от первой группы данные некрополи отличаются продолжительностью функционирования, в результате чего погребения начинают появляться за пределами насыпи, образуя вокруг кургана грунтовый некрополь. К ней относятся курган у Братского кладбища [14, с. 98–141], Мамай-Оба [23, с. 74–83] и Холмовка [45, с. 183–209]. Информацию о данной группе значительно дополняют результаты новейших раскопок некрополя у аэропорта «Бельбек».

Наиболее ранние погребения выявлены в **кургане у Братского кладбища** (рис. 1,*2*). Это подбойная могила № 1 и грунтовые могилы № 4 и № 5. Они датируются концом I в. до н.э. – началом I в. н.э. Верхняя хронологическая граница выявленного участка датирована последней четвертью I в. н.э. Большая часть погребенных уложена головой на юг. Два погребения (№ 5 и № 7) слегка отклонены от стандартной ориентировки, что может объясняться тем, что при их сооружении древние строители могли выкапывать могилы, ориентируя их длинной осью по окружности кургана. На такой способ «выравнивания» могил указывает и расположение конструктивных элементов. Все подбойные могилы (за исключением двойного подбоя № 2, 3) ориентированы нишей к центру кургана, где в более мощном слое земли выкопать подбой было проще.

[2] Ввиду слабой изученности поселенческих структур, их связь с расположенными рядом некрополями остается дискуссионной и является скорее допущением, требующим дополнительного обоснования.

[3] По крайней мере, поселения рядом с ними не выявлены или хронология поселений и могильников отличается.

Ко второй половине I – первой половине II в. н.э. относятся подбойные могилы некрополя **Мамай-Оба (**рис. 1,*3*). Памятник был обнаружен в ходе рытья траншей при реконструкции виноградника на территории бывшего совхоза им. Софьи Перовской. Согласно тексту публикации, всего было обнаружено 8 погребальных сооружений[4]. Все погребения расположены за пределами курганной насыпи, к северо-западу от нее. Вероятно, был открыт участок некрополя, образовавшийся уже на втором этапе функционирования памятника. О первом, курганном, этапе известно очень мало. Насыпь частично срыта, а на ее вершине расположен домик бывшего полевого стана. Раскопки в пределах насыпи не проводились, но по сведениям местных жителей предпринимались попытки ограбления центрального погребения, расположенного под фундаментом здания.

До недавнего времени наиболее исследованным памятником этой группы являлся **могильник у с. Холмовка**. На материалах этого некрополя было отмечено несколько важных закономерностей. Сам курган расположен на вершине естественного холма. Наиболее ранние захоронения были совершены во второй трети или около середины I в. н.э. на его вершине, непосредственно в кургане. В последующее время, на протяжении II – первой половины III в. н.э. некрополь разрастался по склонам холма, выходя за пределы насыпи. При этом наиболее ранние погребения были совершены в простых грунтовых и подбойных могилах, а наиболее поздние, конца II – первой половины III в. н.э. (№ 9, № 10) – в могилах с заплечиками и плитовым перекрытием. Однако могильник был раскрыт не сплошной площадью, а несколькими участками [45, рис. 1], из-за чего целостного представления об этапах функционирования этого типа некрополей до недавнего времени не существовало.

Эту лакуну в некоторой степени заполняют результаты исследования **могильника у аэропорта «Бельбек»**[5]. Некрополь расположен в юго-западной части плато Кара-Тау, в верховьях балки, спускающейся с плато в юго-западном направлении в долину р. Бельбек. В 4 км к северо-востоку от перекрестка улиц Южногородская и Федоровская пос. Любимовка, в 1,57 км к северу от правого берега р. Бельбек, в 100 м к юго-западу от КПП аэропорта, в 350 м к северо-западу от перекрестка Качинского шоссе (67К-14) и дороги на аэропорт. Весной 2023 г. могильник был выявлен и поставлен на учет. Тогда же была открыта подбойная могила № 1 [10, с. 50–53]. При последующем сопоставлении доступных спутниковых и аэрофотоснимков, а также картографических материалов обнаружено, что на территории выявленного могильника был расположен курган[6], в последствии срытый и распаханный под посадку винограда.

С целью подтверждения высказанного предположения весной 2025 г. в месте, наиболее близком к предполагаемой насыпи кургана, был заложен раскоп, изначальной площадью в 100 м². В результате раскопок выявлено 23 погребальных конструкции, из них 19 подбойных могил, 2 простые грунтовые могилы и 2 могилы с заплечиками (рис. 1,*1*). Открытый участок предварительно датируется в рамках середины I – начала III в. н.э. Большая часть могил (№№ 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24) сконцентрирована в северо-восточной части раскопа. На основании изменения глубины погребальных сооружений и коммуникаций времен Великой Отечественной войны, а также по заполнению могил определено, что они действительно были расположены в пределах курганной насыпи[7]. Ориентация погребений неустойчивая. Большая часть могил расположена так, что одна из длинных стенок обращена к предполагаемому центру кургана. В этой стенке выкапывался подбой. Данная схема нарушалась только в тех случаях, когда одна могила частично попадала

[4] На опубликованном авторами статьи плане в срезах траншей зафиксировано 9 могил. В тексте отчета О. Я. Савели также приводится описание 9 могил. Причина, по которой в итоговой публикации одна могила была пропущена – неизвестна [37, л. 32–43].

[5] Выражаю искреннюю благодарность научному сотруднику благотворительно фонда «Наследие тысячелетий» Р. Е. Гальченко за возможность опубликовать результаты исследований.

[6] На карте генерального штаба 1957 г. имеется обозначение кургана, высотой 2 м.

[7] Через раскопанный участок по линии север–юг проходил немецкий окоп с остатками линии связи. При этом в южной части раскопа он углублялся в материк примерно на 0,5 м, частично перерезав могилы № 7 и № 8, а в северной, ближе к предполагаемому центру кургана, поднимался выше уровня материка. Аналогично и глубина могил в материке уменьшалась по мере приближения к центру насыпи.

на другую, вследствие чего подбой приходилось выкапывать с противоположной стороны. Реже могилы были ориентированы по направлению север–юг (№№ 6, 17, 21). Ориентировка умерших также неустойчивая, но подчинена единой системе. В могилах, расположенных по кругу насыпи, все погребенные уложены головами по часовой стрелке относительно центра кургана. В могилах с меридиональной ориентировкой – погребенные обращены головой на юг. Концентрация могил увеличивается ближе к центру кургана. В некоторых случаях плотность погребений настолько велика, что конструкцию друг друга нарушили сразу шесть могил. Это очередной раз подчеркивает важность насыпи для раннего этапа захоронений.

Особенно интересно определить время перехода от курганного этапа к грунтовому. Могила № 15 предварительно является наиболее поздней, вписанной в границы курганной насыпи. Ее инвентарь определяет дату погребального комплекса в рамках второй половины II в. н.э. При выкапывании этой могилы древними строителями были частично задеты стенки могил № 13 и № 16, из-за чего подбой пришлось выкапывать в противоположной от центра кургана стенке. При этом могила № 13 подверглась точно такой же корректировке. Ее входная яма оказалась выкопана слишком близко к могиле № 14.

Наиболее поздние погребения открыты в юго-западной части раскопа. Это могилы с заплечиками, у одной из которых (№ 2) было каменное, а у другой (№ 3), вероятно, деревянное перекрытие. Данный участок находился уже за границами курганной насыпи. Расположение могил здесь более разряженное, а сами они ориентированы по оси север–юг. В могилах обнаружены предметы, датируемые концом II – началом III в. н.э.

Вероятно, переход от курганного этапа к грунтовому не был единовременным, а происходил постепенно. Ранее за пределами курганной насыпи была открыта подбойная могила № 1, широко датированная II в. н.э. То есть процесс перехода от первого этапа ко второму происходил в течение указанного столетия. Не исключено, что на подобных некрополях процесс перехода от первого этапа ко второму протекал аналогичным образом.

Некоторые косвенные признаки указывают на то, что еще ряд некрополей, традиционно считающихся грунтовыми, могли быть изначально курганными. Так, в некрополе **Фронтовое 3** обнаружено четыре могилы эпохи бронзы. Они открыты на самом раннем участке могильника. Их расположение на плане может указывать на наличие не одного, а двух курганов поблизости друг от друга. Вероятно, первые погребения римского времени были совершены в пределах насыпей этих курганов, после чего границы некрополя расширились. К такому же мнению приходят и авторы статьи [41, с. 15–16, рис. 1]. Еще одним памятником группы III может являться некрополь **Казан-Таш**, в непосредственной близости от которого также расположен курган [15, с. 114–116][8].

Другие случаи менее однозначны. В **кургане к северу от с. Некрасовка** обнаружено одиннадцать одиночных погребений, впущенных в курган эпохи бронзы. К сожалению, результаты раскопок не опубликованы, а информация о нем известна только из сообщения Ю. П. Зайцева [16, с. 96]. Среди вещей упомянуты пергамский краснолаковый кубок и фибула типа Алезия, датированные второй половиной I в. до н.э. – рубежом эр. Сам факт столь многочисленных впускных погребений намекает на близость данного памятника к курганно-грунтовым могильникам. Последним могильником, который можно условно отнести к данной группе, является **некрополь, открытый О. Я. Савелей в 1989 году**. Согласно тексту отчета, на склоне высоты к западу от с. Поворотное обнаружен курган эпохи бронзы, центральное погребение в котором совершено в каменном ящике. Сам курган был распахан под посадку сосны, в потревоженном грунте обнаружены пятна семи разрушенных погребений с каменной обкладкой или перекрытиями и остатки погребального инвентаря II–IV вв. н.э. Ниже по склону холма, спускающемуся в Бельбекскую долину, в срезе террас под установку опор ЛЭП также зафиксированы контуры пяти разграбленных могил, а из грабительских выбросов собран материал римского времени [38, л. 16–22].

При этом нельзя не отметить, что ряд новых некрополей, вероятно, не были связаны с курганными насыпями и изначально развивались как грунтовые. Это могильники Бельбек II,

[8] Выражаю искреннюю благодарность научному сотруднику ИА РАН А. А. Волошинову за консультацию по данному вопросу.

Бельбек III, Совхоз № 10, Поворотное 1. Все они находятся в низменностях, в относительной близости к руслам рек. На возвышенности расположен только некрополь Киль-Дере 1, на котором также не зафиксировано курганной насыпи или погребений эпохи бронзы [54, с. 136–145].

Попытка вписать полученные результаты в общий контекст этнокультурных процессов в Предгорном Крыму приводит к следующим выводам (рис. 2). Во II–I вв. до н.э. варварские погребальные памятники были представлены грунтовыми некрополями и являлись местом упокоения жителей расположенных рядом укреплённых поселений. Памятники этого времени устойчиво связываются с ранним этапом позднескифской культуры Предгорного Крыма [21, с. 174–204]. Отличительной особенностью некрополей этого времени является практически полное доминирование так называемых позднескифских грунтовых склепов-катакомб, предназначенных для коллективных погребений. Памятники этого времени в Юго-Западном Крыму обнаружены в долинах рек Западный Булганак, Альма и Кача[9].

На рубеже эр, или немного ранее, в Предгорном Крыму появляется новый тип погребальных памятников варварского населения. Самые ранние из них представлены курганными насыпями более ранних эпох, в которых совершены одиночные погребения в грунтовых и подбойных могилах. К ним относятся первые погребения в курганах у Братского кладбища и у с. Некрасовка. Впускные погребения в курганных насыпях обнаружены преимущественно в Юго-Западном Крыму[10], в долинах рек Альма, Кача и Бельбек. Особенно велика их концентрация в двух последних, где погребальные памятники позднескифской культуры в это время неизвестны. Факт появления в этом регионе нового типа могильников, с отличным от ранее известного здесь позднескифского обряда погребения, склоняет к мысли о проникновении в Предгорный Крым нового населения. Выбор курганных насыпей в качестве места упокоения родственников, а также некоторые элементы погребального обряда указывают на кочевнический образ жизни мигрантов.

Одиночные впускные погребения в курганы более ранних эпох ранее были распространены в Степном Крыму [26, с. 22–39; 28, с. 115–122]. Они датируются I в. до н.э. – серединой I в. н.э. и связываются с раннесарматской культурой Северного Причерноморья [27, с. 154–160]. Однако нет уверенности в том, что именно данная группа кочевников появляется в крымских предгорьях [см.: 31, с. 174–177].

Проникая на ранее пустующие территории, мигранты какое-то время сохраняют типичные для них погребальные традиции. Попадая в речные долины крымских предгорий, у нового населения появляется возможность регулярно возвращаться на места предыдущих захоронений. Вероятно, под влиянием новых природно-географических условий, а также в силу близких контактов с носителями позднескифской культуры, их образ жизни постепенно трансформируется, и недавние кочевники переходят к оседлому или полуоседлому образу жизни [49, с. 315–316]. В этой связи особенно остро встает вопрос о поселениях, которые можно было бы связать с данными некрополями. К сожалению, в настоящий момент этот вопрос изучен очень слабо. Несколько поселений выявлено в Бельбекской долине. Это Фронтовое 2 [53, с. 239–275], Фронтовое 4 [40, с. 315–325], 4-й сектор СОР [48, с. 319–336], а также Усть-Бельбекское Северное и Усть-Бельбекское Южное [33]. Наиболее ранние слои на некоторых из них датируются рубежом эр, как раз временем появления новых памятников. Однако полноценного представления об их особенностях, хронологии и связи с некрополями не существует. Вероятно, будущие исследования поселенческих структур, а также публикация уже полученного материала смогут прояснить многие вопросы, касающиеся хозяйства и образа жизни этого населения.

Возможность этой новой группы людей возвращаться к одним и тем же курганам позволила постоянно использовать их для последующих погребений, что, в свою очередь, вело к постепенному заполнению насыпи. Причем, как показали раскопки на некрополе у

[9] Самые южные памятники зафиксированы в долине р. Кача. Это городища Вишневое и Краснозоринское, на которых отмечены слои II–I и I вв. до н.э. [42, с. 25–28, 32–34]. Однако материалы исследованных участков принадлежащих этим городищам некрополей пока датируются не ранее I в. н.э.

[10] В Центральном Крыму, в данный момент, известно только одно впускное погребение рубежа эр. Это погребение 6 в кургане № 5 у с. Строгоновка [24, с. 26–27, рис. 109–111].

аэропорта «Бельбек», погребения в насыпи продолжали совершать даже тогда, когда для новых могил не оставалось места, что приводило к регулярному разрушению предыдущих погребальных конструкций. Однако рано или поздно населению приходилось отказываться от привязки могил к кургану и хоронить своих родственников за его пределами, в результате чего курганный некрополь превращался в обычный грунтовый.

Одновременно с возникновением первых курганных некрополей, во второй половине или конце I в. до н.э. появляются одиночные погребения на позднескифских некрополях. В Усть-Альминском и Кольчугинском могильниках они соседствуют с ранее существовавшими здесь грунтовыми склепами с многократными погребениями. Появление одиночных погребений на этих памятниках является свидетельством встраивания части нового населения в позднескифское общество [о подбойных могилах см.: 16, с. 93–96; 31, с. 170–185]. С середины – второй половины I в. н.э. одиночные погребения становятся массовым явлением. В это же время возникает ряд новых некрополей вблизи укрепленных поселений: Вишневое, Суворово, Тенистое, Краснозоринский, Долинное, Заветное, Балта-Чокрак. Примечательно, что на этих некрополях грунтовые склепы с многократными погребениями не обнаружены. Однако прослежено значительное влияние позднескифской культуры на погребальный обряд одиночных погребений.

Таким образом, определяется два способа миграции нового населения в Юго-западный Крым. Первый – это расселение на пустующих, не занятых поздними скифами территориях. Второй – это встраивание в структуру местного позднескифского населения, в ходе которого происходит взаимовлияние и взаимопроникновение элементов культурных и погребальных традиций [49, с. 315–316].

В первые века н.э. позднескифские памятники хорошо известны в долинах рек Альма и Кача. Южнее, в среднем течении р. Бельбек, с поздними скифами предположительно связываются уже упомянутые поселения Фронтовое 2 и Фронтовое 4. Однако ярких погребальных памятников позднескифской культуры в данном районе не обнаружено.

Впускные погребения римского времени в курганах более ранних эпох встречаются в долинах всех крупных крымских рек: от Альмы до Бельбека. Однако преимущественно в последней[11] они перерастают в грунтовые могильники. Вероятно, в силу отсутствия в данной долине поздних скифов, мигранты смогли закрепиться на этой территории. Об этом свидетельствует и массовое появление в Бельбекской долине изначально грунтовых некрополей, не связанных с позднескифскими поселениями (Бельбек II, Бельбек III, Бельбек IV, Фронтовое 3, Танковое). Встреченные в них конструкции, обряд и погребальный инвентарь ничем не отличаются от аналогичных погребений в курганных насыпях. Кроме того, в этих некрополях отсутствуют яркие черты позднескифской культуры – склепы с многократными погребениями и каменной забутовкой[12], что подчеркивает близкую связь этих двух групп погребальных памятников. Вероятно, появление изначально грунтовых некрополей группы II/3 также маркирует время перехода части нового населения к оседлому или полуоседлому образу жизни.

Несколько позже чем в Бельбекской, в конце I – начале II в. н.э., некрополи появляются в долине р. Черная (Киль-Дере 1, Совхоз № 10). Здесь они встречаются с волной другого населения, носителями раннего кремационного обряда погребений, которые, предположительно, спустились вниз по течению из района Байдарской и Варнутской долин [39, с. 269–288]. Совместное проживание носителей двух, отличных по своей сути, погребальных традиций породило особое явление биритуальных некрополей.

Помимо долин рек Черная и Бельбек грунтовые могильники нового населения вытянуты узкой полосой вдоль границы внешней и внутренней гряды крымских гор (ранний участок Сувлу-Кая, Скалистое II, Скалистое III). Все это наталкивает на мысль о некотором территориальном разделении между поздними скифами и новым населением, определенно условном, в силу значительной смешанности населения. В таком виде некрополи существуют вплоть до середины III в. н.э., когда часть из них перестают функционировать, а на других

[11] За исключением кургана к северу от с. Некрасовка и некрополя Казан-Таш.

[12] Один склеп был открыт в некрополе Бельбек II, однако он оказался полностью ограбленным, а его этнокультурная принадлежность не определена [1, л. 2].

наблюдаются изменения в погребальном обряде. Появляются новые типы конструкций, изменяются категории погребального инвентаря и его соотношения в могилах. Наиболее яркими они становятся к концу III – началу IV в. н.э.[13]

***

Накопленные за последние годы данные позволяют по-новому взглянуть на этнокультурные процессы, происходившие в Юго-Западном и, шире, в Предгорном Крыму в римское время. Выделение новой группы памятников, являющихся связующим звеном между грунтовыми некрополями и одиночными впускными погребениями в курганы более ранних эпох позволяют лучше понять процесс заселения мигрантами речных долин Юго-Западного Крыма, а также их взаимодействия с местным населением. Наличие значительного сходства в погребальных конструкциях, обрядах и инвентаре разных групп некрополей, вызванные значительной степенью смешанности варварского населения, заставляет рассматривать все эти памятники в комплексе. Работы в этом направлении уже ведутся [17, с. 102–122; 18, с. 199–205; 19, с. 119–139; 32, с. 88–90). Всестороннее рассмотрение всех варварских некрополей Предгорного Крыма, их сравнение, выработка хронологии и периодизации позволят выделить те или иные культурные элементы, участвовавшие в складывании уникального облика погребальных традиций Крымского Барбарикума, что, в свою очередь, поможет лучше понять этнокультурные процессы в Таврике в римское время.

[13] Подробнее об инновациях на грунтовых могильниках см. [50, с. 80–91].

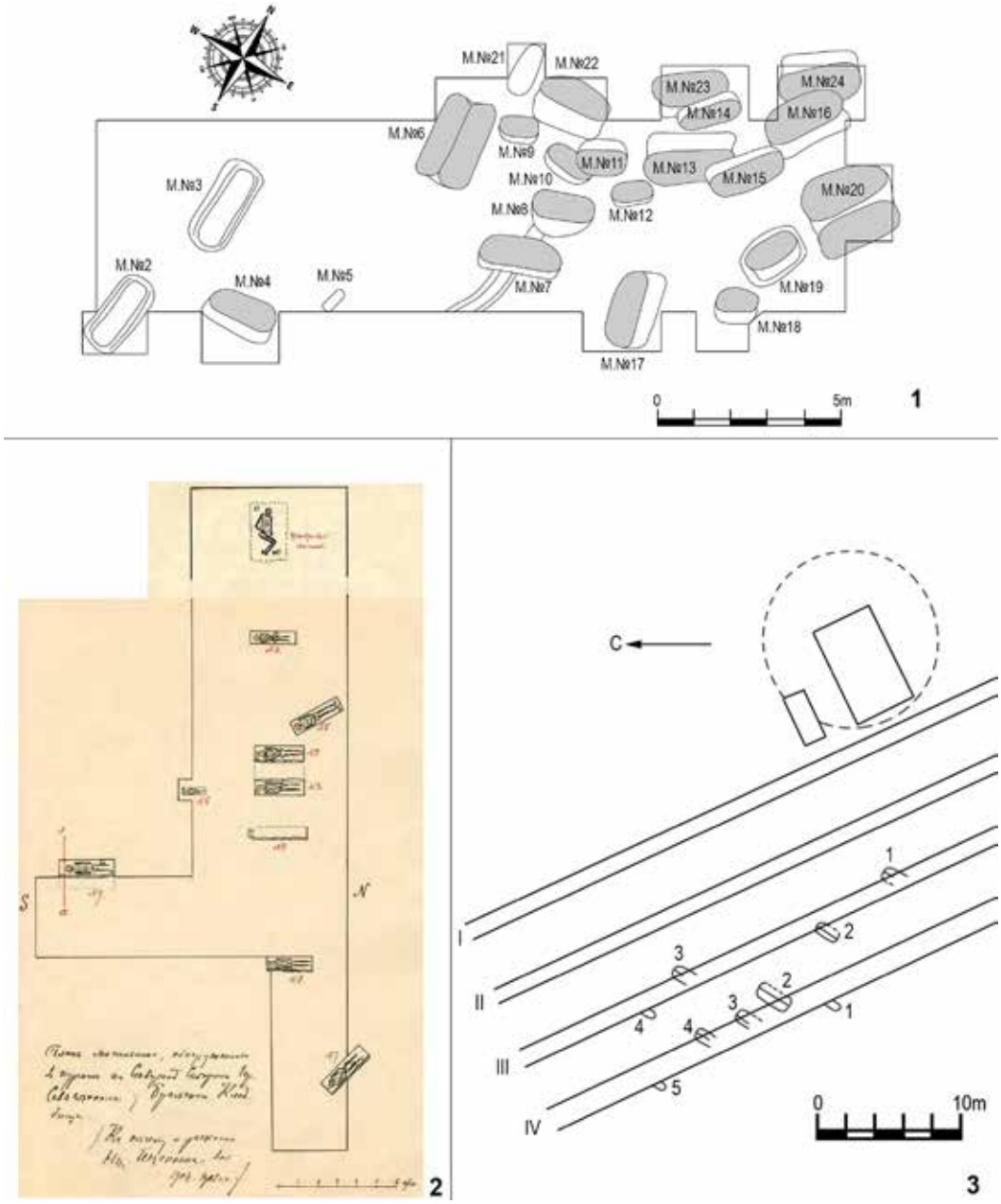


Рис. 1. Археологические планы могильников группы III
1 – план могильника у аэропорта «Бельбек», раскопки 2025 г.; *2* – курган у Братского кладбища, совмещенный план раскопов 1904–1905 гг. [по: 14, рис. 56, 57]; *3* – ситуационный план раскопок у кургана Мамай-Оба, исследования 1982 г. [по: 23, рис. 2,1]

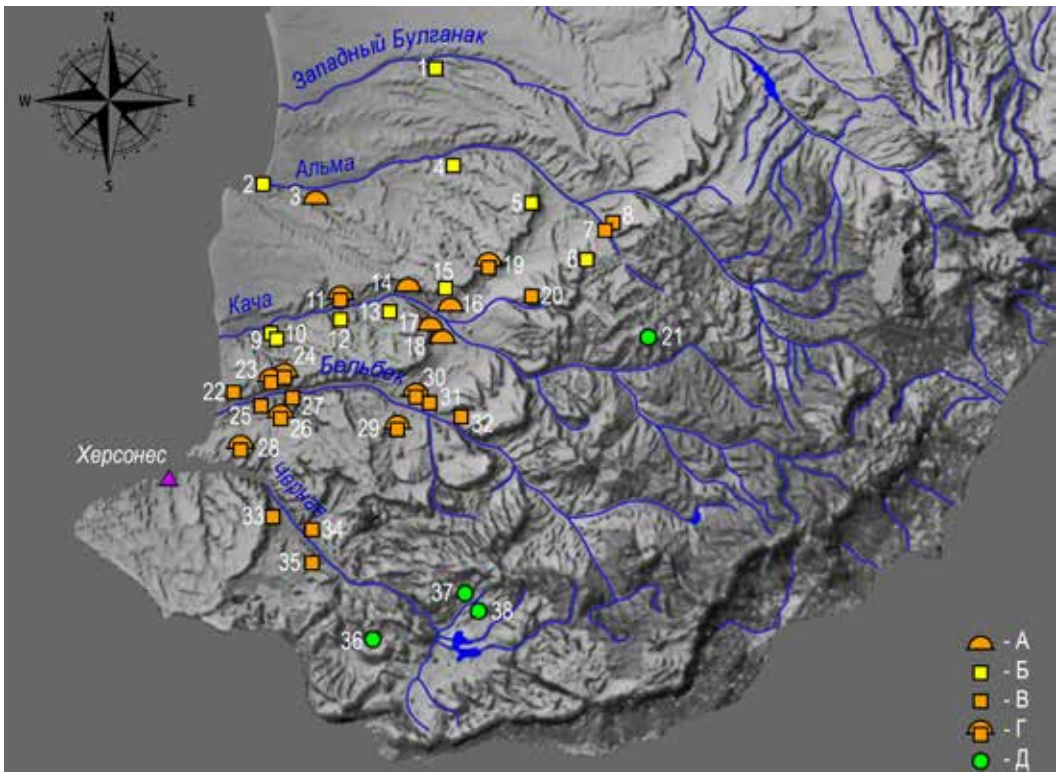


Рис. 2. Карта варварских некрополей Юго-Западного Крыма римского времени
А – одиночные впускные погребения в курганах (группа I);
Б – позднескифские некрополи (группы II/1, II/2); *В* – грунтовые некрополи группы II/3;
Г – некрополи группы III; *Д* – некрополи с кремациями; *1* – Кольчугино,
2 – Усть-Альма, *3* – курганы у с. Вилино, *4* – Брянское, *5* – Заветное, *6* – Балта-Чокрак,
7 – Скалистое II, *8* – Скалистое III, *9* – Вишневое, *10* – Суворово,
11 – курган к северу от с. Некрасовка, *12* – Тенистое, *13* – Краснозоринский,
14 – курган Кулаковского 1895 г., *15* – Долинное, *16* – курган у колхоза им. Ильича,
17 – курган у совхоза Коминтерн, *18* – курган у пос. Железнодорожный, *19* – Казан-Таш,
20 – Сувлу-Кая, *21* – Темир-Чаир, *22* – Бельбек IV, *23* – у аэропорта «Бельбек», *24* – Мамай-Оба,
25 – Поворотное 1, *26* – некрополь Савели, 1989 г., *27* – Бельбек III, *28* – курган у Братского
кладбища, *29* – Фронтовое 3, *30* – Холмовка, *31* – Бельбек II, *32* – Танковое, *33* – Киль-Дере 1,
34 – Совхоз № 10, *35* – Черноречнский, *36* – Гончарное, *37* – Передовое, *38* – Муловский

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богданова Н.А. Альбом иллюстраций Бельбек II – 1961 // БИКАМЗ НА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 18.
2. Богданова Н.А. Могильник первых веков нашей эры у с. Заветное // Археологические исследования на юге Восточной Европы / Ред. М.П. Абрамова. М.: ГИМ, 1989. С. 17–70.
3. Богданова Н.А., Гущина И.И. Новые могильники I–III вв. н.э. у с. Скалистое в Крыму // КСИА. 1967. Вып. 112. С. 132–139.
4. Богданова Н.А., Гущина И.И., Лобода И.И. Могильник Скалистое III в Юго-Западном Крыму (I–III вв.) // СА. 1976. № 4. С. 121–152.
5. Вдовиченко И.И., Колтухов С.Г. Могильник римского времени у с. Танковое // Проблемы истории и археологии Крыма / Ред.-сост. Ю.М. Могаричев. Симферополь: Таврия, 1994. С. 82–88.

6. Волошинов А.А., Масякин В.В., Неневоля И.И. Два комплекса с римскими импортами из Краснозоринского некрополя // Древняя Таврика / Ред. Ю.П. Зайцев, В.И. Мордвинцева. Симферополь: Универсум, 2007. С. 303–318.
7. Волошинов А.А., Масякин В.В. Могильник Сувлу-Кая III – первой половины V в. в Юго-Западном Крыму: особенности погребального обряда и инвентаря // Могильник римского времени Фронтовое 3: варвары на границах Империи / Ред. А.В. Мастыкова, Э.А. Хайреди нова. М.: ИА РАН, 2022. С. 146–173. DOI: 10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-373-2.146-173.
8. Высотская Т.Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев: Наукова думка, 1972. 192 с.
9. Высотская Т.Н. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев: Киевская Академия Евробизнеса, 1994. 208 с.
10. Гальченко Р.Е., Максименков В.К. Заселение нижнего течения р. Бельбек в римское время в свете новейших археологических исследований // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). X / Ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: Наследие Тысячелетий, 2024. С. 49–73.
11. Гущина И.И. Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму (по материалам могильников) // Археологические исследования на Юге Восточной Европы / Ред. М.П. Абрамова. М.: ГИМ, 1974. С. 32–64.
12. Гущина И.И., Журавлев Д.В. Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму: В 2-х ч. М.: ГИМ, 2016. Ч. 1. 272 с.
13. Гущина И.И., Журавлев Д.В. Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму: В 2-х ч. М.: ГИМ, 2016. Ч. 2. 320 с.
14. Журавлев Д.В., Фирсов К.Б., Бельских С.В. Могильник Бельбек I и курган у Братского Кладбища в Юго-Западном Крыму: археологические раскопки Н.М. Печенкина в 1903–1905 гг. СПб.: Алетейя, 2021. 172 с.
15. Зайцев Ю.П. Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах // Археологические исследования в Крыму. 1994 год / Ред. В.А. Кутайсов. Симферополь: Сонат, 1997. С. 102–116.
16. Зайцев Ю.П. Некоторые аспекты «сарматизации» Крыма в раннем железном веке // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). V / Ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: Фирма «Салта» ЛТД, 2019. С. 90–102.
17. Зайцев Ю.П. Некрополи Крымского Барбарикума I–IV вв. н.э. // Могильник римского времени Фронтовое 3: варвары на границах Империи / Ред. А.В. Мастыкова, Э.А. Хайреди нова. М.: ИА РАН, 2022. С. 102–122. DOI: 10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-373-2.102-122.
18. Зайцев Ю.П. Крымский Барбарикум (III в. до н.э. – IV в.) в контексте новейших археологических исследований // Боспорский феномен: quarta pars saeculi. Итоги, проблемы, дискуссии / Ред. В.А. Хршановский. СПб., 2023. С. 199–205.
19. Зайцев Ю.П. Кремации Крымского Барбарикума. Археологическая карта и современное состояние источника // КСИА. 2024. Вып. 276. С. 119–139. DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.276.119-139.
20. Зайцев Ю.П., Волошинов В.В., Кюнельт Э., Масякин В.В., Мордвинцева В.И., Фирсов К.Б., Флесс Ф. Позднескифский некрополь Заветное (Алма-Кермен) 1–3 вв. н.э. в Юго-Западном Крыму. Раскопки 2004 г. // Древняя Таврика / Ред. Ю.П. Зайцев, В.И. Мордвинцева. Симферополь: Универсум, 2007. С. 249–290.
21. Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. Варварские погребения Крыма 2 в. до н.э. – 1 в н.э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» / Ред. Б.А. Раев. Краснодар, 2004. С. 174–204.
22. Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И., Неневоля И.И., Фирсов К.Б., Радочин В.Ю. Позднескифский могильник Балта-Чокрак у с. Скалистое Бахчисарайского района АРК // ХСб. 2005. Вып. XIV. С. 169–196.
23. Зубар В.М., Савеля О.Я. Новий сарматський могильник другої половини I – початку II ст. н.е. в південно-західному Криму // Археологія. 1989. № 2. С. 74–83.
24. Колтухов С.Г., Майко В.В. Курганы у с. Строгоновка (исследования 2021 г.). Симферополь: Ариал, 2024. 212 с.
25. Крис. Х.И., Веймарн Е.В. Курган эпохи бронзы близ Бахчисарая // КСИИМК. 1958. Вып. 71. С. 65–71.
26. Кропотов В.В. Сарматские погребальные памятники Степного Крыма // Нижневолжский археологический вестник. 2016. Т. 15. №1. С. 22–39. DOI: 10.15688/nav.jvolsu.2016.1.2.
27. Кропотов В.В. К проблеме выделения раннесарматских памятников Северного Причерноморья // Крым в Сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). V / Ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: Фирма «Салта» ЛТД, 2019. С. 154–160.
28. Кропотов В.В. Новые раннесарматские памятники в Степном Крыму // Западный Кавказ в контексте контактов культур, народов, цивилизаций / Ред. Б.А. Раев. Краснодар, М.: Традиция; Центр палеоэтнологических исследований, 2023. С. 115–122.
29. Кулаковский Ю.А. Отчет проф. Ю.А. Кулаковского о его расследованиях в Крыму // ОАК за 1895 г. СПб.: Типография главного управления уделов, 1897. С. 117–124.

30. Лобода И.И. Охранные раскопки в Юго-Западном Крыму // Археологические открытия 1986 года / Ред. В.П. Шилов. М.: Наука, 1988. С. 304–305.
31. Максименков В.К. О времени и обстоятельствах появления подбойных могил в Крыму в римский период // ПИФК. 2025. № 1. С. 170–185. DOI: 10.18503/1992-0431-2025-1-87-170-185.
32. Максименков В.К. Периодизация грунтовых некрополей Предгорного Крыма II в. до н.э. – IV в. н.э. на основе изменения типов погребальных сооружений // Новые материалы и методы археологического исследования: территории и границы в археологическом измерении. Материалы VIII конференции молодых ученых / Ред. В.Е. Родинкова. М.: ИА РАН, 2025. С. 88–91.
33. Намойлик А.С. Отчет об археологических разведках на территории Нахимовского района г. Севастополя в 2019–2020 гг. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Р-1. Оп. 1. Д. 5059/1–3.
34. Неневоля И.И., Волошинов А.А. Раскопки могильника Долинное // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). I / Ред. И.Н. Храпунов. Симферополь, Бахчисарай: Доля, 2013. С. 77–92.
35. Пуздровский А.Е. Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. 480 с.
36. Пуздровский А.Е., Зайцев Ю.П., Неневоля И.И. Новые памятники III–IV вв. н.э. в Юго-Западном Крыму // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII. С. 32–50.
37. Савеля О.Я., Пахалков И.П. Охранные доследования могильника первых веков н.э. Мамай-Оба в междуречье Бельбека и Качи в Юго-Западном Крыму в 1982 году // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Р-1. Оп. 1. Д. 2324. Л. 31–42.
38. Савеля О.Я., Савеля Д.Ю., Филлипенко А.А. Археологические разведки в низовье реки Бельбек в 1989 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Р-1. Оп. 1. Д. 2912.
39. Савеля О.Я., Савеля Д.Ю. Поля погребальных урн в горах Юго-Западного Крыма (по материалам разведок 2014–2015 гг. в Байдарской и Варнутской долинах) // ХСб. 2018. Вып. XIX. С. 269–288.
40. Свиридов А.Н., Алейников С.В., Сивожелезов И.В., Язиков С.В. Спасательные работы на поселении Фронтовое 4 // Крым – Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017–2018 гг.: В 2-х т. / Ред. С.Ю. Внуков, О.В. Шаров. М.: ИА РАН, 2019. Том II. С. 315–325. DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-276-6.315-325.
41. Свиридов А.Н., Язиков С.В. Могильник Фронтовое 3. Общие сведения и характеристика погребального обряда // Могильник римского времени Фронтовое 3: варвары на границах Империи / Ред. А.В. Мастыкова, Э.А. Хайрединова. М.: ИА РАН, 2022. С. 13–21. DOI: 10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-373-2.15-21.
42. Смекалова Т.Н., Колтухов С.Г., Зайцев Ю.П. Атлас позднескифских городищ предгорного Крыма. СПб.: Алетейя, 2015. 248 с.
43. Стржелецкий С.Ф., Высотская Т.Н., Рыжова Л.А., Жесткова Г.И. Население округи Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз №10») // Stratum plus. 2005. № 4. С. 27–277.
44. Труфанов А.А. Исследования могильника у с. Брянское в 1995–1996 гг. // ХСб. 2005. Вып. XIV. С. 315–326.
45. Труфанов А.А. Могильник I–III вв. н.э. у с. Холмовка и впускные погребения первых веков н.э. в курганах Юго-Западного Крыма. // История и археология Крыма. 2014. Вып. I. С. 183–209.
46. Труфанов А.А., Стоянова А.А. Некрополь Бельбек IV (исследования 2021 г.). Симферополь: Ариал, 2023. 260 с.
47. Туровский Е.Я., Колодченко П.Н. Варварский могильник I–III вв. у с. Вишневое // Наукові студії: Збірник наукових праць. Вип. 7. Культові та поховальні пам'ятки у Вісло-Дніпровському регіоні: проблеми інтерпретації / Ред. Л.В. Войтович. Львів, Винники: Апріорі, 2014. С. 184–196.
48. Тюрин М.И. Античное поселение «4-й Сектор СОР» в нижнем течении р. Бельбек (по материалам разведок 2014–2015 гг.) // ХСб. 2018. Вып. XIX. С. 319–336.
49. Храпунов И.Н. Сарматы в Крыму по данным археологии // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). V / Ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: Фирма «Салта» ЛТД, 2019. С. 314–319.
50. Храпунов И.Н. Инновации IV в. н.э. в культуре населения Крымских Предгорий // ПИФК. 2021. № 3. С. 80–91. DOI: 10.18503/1992-0431-2021-3-73-80-91.
51. Храпунов И.Н., Масякин В.В., Мульд С.А. Позднескифский могильник у с. Кольчугино // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. I / Ред.-сост. И.Н. Храпунов. Симферополь: Таврия, 1997. С. 76–155.
52. Чореф М.Я. Отчет об охранных археологический работах на территории Бахчисарайского района в 1970 г. // БИКАМЗ НА. Ф. 2. Оп. 27. Д. 10.
53. Шаров О.В. Археологические исследования позднескифского поселения Фронтовое 2 // Крым – Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017–2018 гг.: В 2-х т. / Ред. С.Ю. Внуков, О.В. Шаров. М.: ИА РАН, 2019. Том II. С. 239–275. DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-276-6.239-275.
54. Язиков С.В., Свиридов А.Н. Могильник Киль-Дере 1. Итоги полевых исследований // Могильник римского времени Фронтовое 3: варвары на границах Империи / Ред. А.В. Мастыкова, Э.А. Хайрединова. М.: ИА РАН, 2022. С. 136–145. DOI: 10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-373-2.136-145.

REFERENCES

1. Bogdanova N.A. Album of illustrations Belbek II. *Archive of the Bakhchisarai Historical, Cultural and Archaeological Museum-Reserve*, F. 2, Op. 1, D. 18.
2. Bogdanova N.A. Cemetery of the first centuries AD near the village of Zavetnoe. M.P. Abramova (ed.), *Arkheologicheskie issledovaniia na Iuge Vostochnoi Evropy* [Archaeological research in the South of Eastern Europe], Moscow, State Historical Museum Publ., 1989, pp. 17–70.
3. Bogdanova N.A., Gushchina I.I. New cemetery of 1st–3rd centuries AD near the village of Skalistoe in the Crimea. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 1967, vol. 112, pp. 132–139.
4. Bogdanova N.A., Gushchina I.I., Loboda I.I. Cemetery Skalistoe III (1st–3rd centuries AD). *Sovetskaia arkheologiia* [Soviet Archaeology], 1976, no. 4, pp. 121–152.
5. Vdovichenko I.I., Koltukhov S.G. Roman Period cemetery near the village of Tankovoe. Iu.M. Mogarichev (ed.), *Problemy istorii i arkheologii Kryma* [Problems of history and archaeology of Crimea], Simferopol, Tavriia Publ., 1994, pp. 82–88.
6. Voloshinov A.A., Masiakin V.V., Nenevolia I.I. Two complexes with Roman imports from the Krasnozorye necropolis. Iu.P. Zaitsev (ed.), *Drevniaia Tavrika* [Ancient Taurica], Simferopol, Universum Publ., 2007, pp. 303–318.
7. Voloshinov A.A., Masiakin V.V. The third- to the first half of the fifth – century cemetery of Suvlu-Kaia in the South-Western Crimea: the features of the funeral rite and grave goods. Mastykova A.V. (ed.), *Mogil'nik rimskogo vremeni Frontovoe 3: varvary na granitsakh Imperii* [The Roman Period cemetery of Frontovoe 3: The Barbarians on the borders of the Empire], Moscow, Institute of Archaeology RAS Publ., 2022, pp. 146–173. DOI: 10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-373-2.
8. Vysotskaia T.N. *Pozdnie skify v Iugo-Zapadnom Krymu* [The Late Scythians in the South-Western Crimea]. Kyev, Naukova dumka Publ., 1972, 192 p.
9. Vysotskaia T.N. *Ust'-Al'minskoe gorodishche i nekropol'* [Ust-Alma Settlement and Necropolis]. Kyev, Kievskaia Akademiia Evrobiznesa Publ., 1994, 208 p.
10. Gal'chenko R.E., Maksimenkov V.K. The settlement of the lower course of the Bel'bek River in Roman Period in the light of the current archaeological researches. I.N. Khrapunov (ed.), *Krym v sarmatskuiu epokhu (II v. do n.e. – V v. n.e.)* [The Crimea in the Age of the Sarmatians, 200 BC – AD 400]. Vol. 10. Simferopol, Nasledie Tysiacheletii Publ., 2024, pp. 49–73.
11. Gushchina I.I. The population of the Sarmatian Period in the Bel'bek River Valley in Crimea (Based on cemetery). M.P. Abramova (ed.), *Arkheologicheskie issledovaniia na Iuge Vostochnoi Evropy* [Archaeological Research in the South of Eastern Europe], Moscow, State Historical Museum Publ., 1974, pp. 32–64.
12. Gushchina I.I., Zhuravlev D.V. *Nekropol' rimskogo vremeni Bel'bek IV v Iugo-Zapadnom Krymu* [The Roman Period necropolis of Bel'bek IV in South-Western Crimea]. Part 1. Moscow, State Historical Museum Publ., 2016, 272 p.
13. Gushchina I.I., Zhuravlev D.V. *Nekropol' rimskogo vremeni Bel'bek IV v Iugo-Zapadnom Krymu* [The Roman Period necropolis of Bel'bek IV in South-Western Crimea]. Part 2. Moscow, State Historical Museum Publ., 2016, 320 p.
14. Zhuravlev D.V., Firsov K.B., Bel'skikh S.V. *Mogil'nik Bel'bek I i kurgan u Bratskogo Kladbishcha v Iugo-Zapadnom Krymu: arkheologicheskie raskopki N.M. Pechenkina v 1903–1905 gg.* [Necropolis Belbek I and burial mound at the Bratskoe Cemetery in the South-Western Crimea: archaeological investigations of N.M. Pechenkin in 1903–1905]. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2021, 172 p.
15. Zaitsev Iu.P. Safeguard investigation in Simferopol, Belogorsk and Bakhchisarai districts. V.A. Kutaisov (ed.), *Arkheologicheskie issledovaniia v Krymu. 1994 god* [Archaeological Research in Crimea. The Year 1994], Simferopol, Sonat Publ., 1997, pp. 102–116.
16. Zaitsev Iu.P. Several aspects of the "Sarmatization" of the Crimea in the Early Iron. *Krym v sarmatskuiu epokhu (II v. do n. e. – V v. n. e.)* [The Crimea in the Age of the Sarmatians, 200 BC – AD 400]. Vol. 5. Simferopol, Salta LTD Publ., 2019, pp. 90–102.
17. Zaitsev Iu.P. The first- to fourth-century AD cemeteries in the Crimean Barbaricum. A.V. Mastykova (ed.), *Mogil'nik rimskogo vremeni Frontovoe 3: varvary na granitsakh Imperii* [The Roman Period cemetery of Frontovoe 3: The Barbarians on the borders of the Empire], Moscow, Institute of Archaeology RAS Publ., 2022, pp. 102–122. DOI: 10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-373-2.102-122.
18. Zaitsev Iu.P. The Crimean Barbaricum (III century BC – IV century AD) in the context of the latest archaeological research. V.A. Khrshanovskii (ed.), *Bosporskii fenomen: quarta pars saeculi. Itogi, problemy, diskussii* [Bosporanum Phaenomenon: quarta pars saeculi. Results. Problems. Discussions], St. Petersburg, Tabula Rasa Publ., 2023, pp. 199–205.
19. Zaitsev Iu.P. Cremations in Crimean Barbaricum. Archaeological map and current state of the source. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 2024, vol. 276., pp. 119–139. DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.276.119-139.

20. Zaitsev Iu.P., Voloshinov V.V., Kiunel't E., Masiakin V.V., Mordvintseva V.I., Firsov K.B., Fless F. The Late Scythian Necropolis of Zavetnoye (Alma-Kermen) I–III Centuries AD in the South-Western Crimea. Excavations in 2004. Zaitsev Iu.P. (ed.), *Drevniaia Tavrika* [Ancient Taurica], Simferopol, Universum Publ., 2007, pp. 249–290.
21. Zaitsev Iu.P., Mordvintseva V.I. The Barbaric Burials of the Crimea of the II century BC – I century AD. B.A. Raev (ed.), *Sarmatskie kul'tury Evrazii: problemy regional'noi khronologii. Doklady k 5 mezhdunarodnoi konferentsii «Problemy sarmatskoi arkheologii i istorii»* [Sarmatian cultures of Eurasia: problems of regional chronology. Reports for the 5th International Conference «Problems of Sarmatian Archaeology and History»], Krasnodar, Firma NSS Publ., 2004, pp. 174–204.
22. Zaitsev Iu.P., Mordvintseva V.I., Nenevolia I.I., Firsov K.B., Radochin V.Iu. The Late Scythian Balta-Chokrak cemetery near the village of Skalistoe in the Bakhchisarai district of the Autonomous Republic of Crimea. *Khersonesskii sbornik* [The Chersonese Collection], 2005, vol. 14, pp. 169–196.
23. Zubar V.M., Savelia O.Ia. New Sarmatian cemetery of the second half of the I – beginning of the II centuries AD in the South-Western Crimea. *Arkheologiia* [Archaeology], 1989, no. 2, pp. 74–83.
24. Koltukhov S.G., Maiko V.V. *Kurgany u s. Strogonovka (issledovaniia 2021 goda)* [Burial Mounds near the village of Strogonovka (research in 2021)]. Simferopol, Arial Publ., 2024, 212 p.
25. Kris Kh.I., Veimarn E.V. The Bronze Age mound near Bakhchisarai. *Kratkie soobshcheniia instituta istorii material'noi kul'tury* [Brief Communications of the Institute of the History of Material Culture], 1958, vol. 71, pp. 65–71.
26. Kropotov V.V. Sarmatian burial monuments of the Steppe Crimea. *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], 2016, vol. 15, no. 1, pp. 22–39. DOI: 10.15688/nav. jvolsu.2016.1.2.
27. Kropotov V.V. On the question of the determination of the Early Sarmatian sites in the Northern Black Sea Area. I.N. Khrapunov (ed.), *Krym v sarmatskuiu epokhu* (II v. do n. e. – V v. n. e.) [The Crimea in the Age of the Sarmatians, 200 BC – AD 400]. Vol. 5. Simferopol, Salta LTD Publ., 2019, pp. 154–160.
28. Kropotov V.V. New Early Sarmatian Monuments in the Steppe Crimea. B.A. Raev (ed.), *Zapadnyi Kavkaz v kontekste kontaktov kul'tur, narodov, tsivilizatsii* [The Western Caucasus in the context of contacts between cultures, peoples, and civilizations], Krasnodar, Moscow, Traditsiia Publ., 2023, pp. 115–122.
29. Professor Yu.A. Kulakovsky's report on his investigations in Crimea. *Otchet imperatorskoi arkheologicheskoi komissii za 1895 god* [Reports of the Imperial Archaeological Commission for 1895], St. Petersburg, Tipografiia glavnogo upravleniia udelov Publ., 1897, pp. 117–124,
30. Loboda I.I. Safeguard Excavations in South-Western Crimea. V.P. Shilov (ed.), *Arkheologicheskie otkrytiia 1986 goda* [Archaeological Discoveries in 1986], Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 304–305.
31. Maksimenkov V.K. Toward chronology and circumstances of the appearance of undercut graves in the Crimea in the Roman Period. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of historical, philological and cultural studies], 2025, no. 1, pp. 170–185. DOI: 10.18503/1992-0431-2025-1-87-170-185.
32. Maksimenkov V.K. Periodization of ground necropolises in the foothills of Crimea from the 2nd century BC to the 4th century AD based on changes in the types of burial structures. V.E. Rodinkova (ed.), *Novye materialy i metody arkheologicheskogo issledovaniia: territorii i granitsy v arkheologicheskom izmerenii. Materialy VIII konferentsii molodykh uchenykh* [New materials and methods of archaeological research: territories and borders in the archaeological dimension. Proceedings of the 8th Conference of Young Scientists], Moscow, Institute of Archaeology RAS Publ., 2025, pp. 88–91.
33. Namoylik A.S. Report on archaeological exploration in the Nakhimovsky district of Sevastopol in 2019–2020. *Archive of the State Museum-Reserve "Tauric Chersonesos"*, F. 1, R-1, Op. 1, D. 5059/1–3.
34. Nenevolia I.I., Voloshinov A.A. Excavations of the Dolinnoye Cemetery. I.N. Khrapunov (ed.), *Krym v sarmatskuiu epokhu (II v. do n. e. – V v. n. e.)* [The Crimea in the Age of the Sarmatians, 200 BC – AD 400]. Vol. 1. Simferopol, Bakhchisarai, Dolia Publ., 2013, pp. 77–92
35. Puzdrovskii A.E. *Krymskaia Skifiia II v. do n.e. – III v. n.e. Pogrebal'nye pamiatniki* [Crimean Scythia in the 2nd century BC – 3rd century AD. Funerary monuments]. Simferopol, Biznes-Inform Publ., 2007, 480 p.
36. Puzdrovskii A.E., Zaitsev Iu.P., Nenevolia I.I. New monuments from the 3rd–4th centuries AD in South-Western Crimea. A.I. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2001, vol. 8, pp. 32–50.
37. Savelya O.Ia., Pakhalkov I.P. Additional investigations of the Mamai-Oba burial ground from the first centuries AD in the Belbek and Kacha interfluve in southwestern Crimea in 1982. *Archive of the State Museum-Reserve "Tauric Chersonesos"*, F. 1, R-1, Op. 1, D. 2324.
38. Savelya O.Ia., Savelya D.Iu., Filippenko A.A. Archaeological exploration in the lower reaches of the Belbek River in 1989. *Archive of the State Museum-Reserve "Tauric Chersonesos"*, F. 1, R-1, Op. 1, D. 2912.
39. Savelia O.Ia., Savelia D.Iu. Burial fields of urns in the mountains of the South-Western Crimea (2014–2015, Bajdarskaja and Varnutskaja Valleys). *Khersonesskii sbornik* [The Chersonese collection], 2018, vol. 19, pp. 269–288.

40. Sviridov A.N., Aleinikov S.V., Sivozhelezov I.V., Iazikov S.V. Rescue operations at the Frontovoye 4 settlement. S.Iu. Vnukov (ed.), *Krym – Tavrida. Arkheologicheskie issledovaniia v Krymu v 2017–2018 gg.* [Crimea – Taurida. Archaeological research in Crimea in 2017–2018], Vol. 2. Moscow, Institute of Archaeology RAS Publ., 2019, P. 315–325. DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-276-6.315-325.
41. Sviridov A.N., Iazikov S.V. The cemetery of Frontovoe 3: general information and funeral rite features. A.V. Mastykova (ed.), *Mogil'nik rimskogo vremeni Frontovoe 3: varvary na granitsakh Imperii* [The Roman Period cemetery of Frontovoe 3: The Barbarians on the borders of the Empire], Moscow, Institute of Archaeology RAS Publ., 2022, pp. 13–21. DOI: 10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-373-2.15-21.
42. Smekalova T.N., Koltukhov S.G., Zaitsev Iu.P. *Atlas pozdneskifskikh gorodishch predgornogo Kryma* [Atlas of Late Scythian fortresses in the Crimean foothills]. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2015, 248 p.
43. Strzheletskii S.F., Vysotskaia T.N., Ryzhova L.A., Zhestkova G.I. The population in the neighborhood of Chersonesos Tauricus in the first half of lst. Millennium AD (by materials of the necropolis "Sovkhoz No. 10"). *Stratum plus*, 2003–2004, no. 4, pp. 27–277.
44. Trufanov A.A. Research of the cemetery near the village of Bryanskoe in 1995–1996. *Khersonesskii sbornik* [The Chersonese collection], 2005, vol. 14, pp. 315–326.
45. Trufanov A.A. Burial mounds from the I–III centuries AD near the village of Kholmovka and entrance burials of the first centuries AD in the mounds of the South-Western Crimea. *Istoriia i arkheologiia Kryma* [History and Archaeology of Crimea], 2014, vol. 1, pp. 183–209.
46. Trufanov A.A., Stoianova A.A. *Nekropol' Bel'bek IV (issledovaniia 2021 g.)* [Belbek IV Necropolis (2021 research)]. Simferopol, Arial Publ., 2023, 260 p.
47. Turovskii E.Ia., Kolodchenko P.N. Barbarian cemetery from the I–III centuries near the village of Vishneve. L.V. Voitovich (ed.), *Naukovi studiï: Zbirnik naukovikh prats'. Vipusk 7. Kul'tovi ta pokhoval'ni pam'iatki u Vislo-Dniprovs'komu regioni: problemi interpretatsiï* [Scientific Studies: Collection of scientific works. Issue 7. Cult and burial sites in the Vistula-Dnieper region: problems of interpretation], Lviv, Vinniki, Apriori Publ., 2014, pp. 184–196.
48. Tiurin M.I. The Ancient settlement of the «SOR 4th Sector» in the lower reaches of Belbek River (According to 2014–2015 Reconnaissance). *Khersonesskii sbornik* [The Chersonese collection], 2018, vol. 19, pp. 319–336.
49. Khrapunov I.N. The Sarmatians in the Crimea according to archaeological data. I.N. Khrapunov (ed.), *Krym v sarmatskuiu epokhu (II v. do n. e. – V v. n. e.)* [The Crimea in the Age of the Sarmatians, 200 BC – AD 400]. Vol. 5. Simferopol, Salta LTD Publ., 2019, pp. 314–319.
50. Khrapunov I.N. The fourth-century AD innovations in the culture of the Crimean submountain area population. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of historical, philological and cultural studies], 2021, no. 3, pp. 80–91. DOI: 10.18503/1992-0431-2021-3-73-80-91.
51. Khrapunov I.N., Masiakin V.V., Mul'd S.A. Late Scythian Cemetery near the Village of Kolchugino. I.N. Khrapunov (ed.), *Bakhchisaraiskii istoriko-arkheologicheskii sbornik* [Bakhchisaray Historical and Archaeological Collection]. Vol. 1. Simferopol, Tavriia Publ., 1997, pp. 76–155.
52. Choref M.Ya. Report on archaeological security work on the territory of the Bakhchisarai region in 1970. *Archive of the Bakhchisarai Historical, Cultural and Archaeological Museum-Reserve*, F. 2, Op. 27, D. 10.
53. Sharov O.V. Archaeological research on the Late Scythian settlement of Frontovoye 2. S.Iu. Vnukov (ed.), *Krym – Tavrida. Arkheologicheskie issledovaniia v Krymu v 2017–2018 gg.* [Crimea – Taurida. Archaeological research in Crimea in 2017–2018]. Vol. 2. Moscow, Institute of Archaeology RAS Publ., 2019, pp. 239–275. DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-276-6.239-275.
54. Iazikov S.V., Sviridov A.N. The Roman Period Cemetery of Kil'-Dere 1: The Results of Field Researches. A.V. Mastykova (ed.), *Mogil'nik rimskogo vremeni Frontovoe 3: varvary na granitsakh Imperii* [The Roman Period cemetery of Frontovoe 3: The Barbarians on the borders of the Empire], Moscow, Institute of Archaeology RAS Publ., 2022, pp. 136–145. DOI: 10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-373-2.136-145.

Информация об авторе

Максименков В. К. – аспирант исторического факультета КФУ им. В.И. Вернадского; младший научный сотрудник отдела раннего железного века Института археологии Крыма РАН; научный сотрудник отдела античной истории Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический», Researcher ID: OJT-7311-2025.

Author information

Maksimenkov V. K. – Postgraduate student in the Faculty of History at the Vernadsky Kazan Federal University; Junior Researcher in the Early Iron Age Department at the Institute of Crimean Archaeology of the Russian Academy of Sciences; Researcher in the Classical History Department at the State Museum-Reserve "Tauric Chersonesos"; Researcher ID: OJT-7311-2025.

DOI: 10.29039/2413-189X.2025.30.75-84

ТАРАПАН ИЗ НЕКРОПОЛЯ КАРА-ТАУ. К ПРОБЛЕМЕ ВИНОГРАДАРСТВА И ВИНОДЕЛИЯ В КРЫМСКОМ БАРБАРИКУМЕ

Юрий Павлович Зайцев
Историко-археологический музей-заповедник «Неаполь Скифский», Симферополь, Россия
skilur46@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-6549-0520

Аннотация. В работе публикуется погребальный комплекс – грунтовый склеп из некрополя Кара-Тау, исследованный в 2016 г. экспедицией историко-археологического музея-заповедника «Неаполь Скифский». В нем было совершено четыре погребения, относящихся ко второй половине II – первой половине III в. н.э. В качестве закладной плиты, закрывающей входное отверстие, был использован известняковый переносной тарапан. Такая находка рассмотрена в контексте других подобных случаев на варварской территории Крыма, которых известно десять. Это и стационарные давильные площадки, вырубленные в монолитной скале, и переносные экземпляры, найденные на городищах и некрополях. Находка тарапана в надежном археологическом контексте не позже конца II – III в. н.э., в сочетании с наличием подобных объектов в окрестностях соседнего крупного городища Бурундук-Кая, позволяет говорить о новом микрорегионе Крымского Барбарикума (горный массив Кубалач, Восточный Крым), где в позднеримское время существовало развитое многоотраслевое оседлое сельское хозяйство, включавшее в себя виноградарство и виноделие.

Ключевые слова: Крым, Барбарикум, римское время, виноделие и виноградарство, тарапан, некрополь

Благодарности: Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 24-28-01266 «Горный массив Кубалач как новый феномен археологии Крыма в IV в. до н.э. – V в. н.э.», https://rscf.ru/project/24-28-01266/

WINEPRESS FROM THE CEMETERY OF KARA-TAU: FOR THE QUESTION OF VINE-GROWING AND WINE-MAKING IN THE CRIMEAN BARBARICUM

Yuri P. Zaytsev
Historical and Archaeological Museum Preserve of Scythian Neapolis, Simferopol, Russia
skilur46@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-6549-0520

Abstract. This article publishes a burial complex of an underground vault from the cemetery of Kara-Tau, which was researched in 2016 by the team of the Historical and Archaeological Museum Preserve of Scythian Neapolis. It contained four burials from the second half of the second to the first half of the third century AD. A portable limestone winepress was used as a slab covering the entrance. This find has been analysed in the context of ten similar cases known in the barbarian territory in the Crimea. There are both stationary crushing platforms carved into monolithic bedrock and portable presses uncovered at ancient settlements and cemeteries. Taking the find of the winepress in reliable archaeological context from no later than the late-second or third century AD in combination with the presence of similar objects in the vicinity of the neighboring large settlement of Burunduk-Kaia into account, we have all the reasons to identify a new microregion of the Crimean Barbaricum (the mountain group of Kubalach in the Eastern Crimea), where in the Late Roman Period there was developed multi-sector sedentary agriculture, including vine-growing and wine-making.

Keywords: Crimea, Barbaricum, Roman Period, wine-making and vine-growing, winepress, cemetery

Acknowledgments: This study was funded by the Russian Science Foundation, project no. 24-28-01266 *Mountain Group Kubalach as a New Phenomenon in the Crimean Archaeology from the Fourth Century BC to the Fifth Century AD*, https://rscf.ru/project/24-28-01266

В границах горного массива Кубалач, расположенного в восточной части крымских предгорий, между современными городами Белогорск и Старый Крым, наиболее крупным археологическим памятником в настоящий момент является комплекс на горе Кара-Тау, рас-

положенный непосредственно к западу от села Сенное и состоящий из цитадели, городища, поселений и некрополя (рис. 1,*1*).

Поселенческая часть памятника была открыта по факту ограбления святилища на ее территории в 2013 г. [7], а в 2016–2018 гг. весь археологический комплекс (цитадель, городище, святилище, поселения, некрополи) на горе Кара-Тау планомерно исследовался Крымской предгорной экспедицией Историко-археологического музея-заповедника «Неаполь Скифский» [12, с. 147–148].

Полученные данные позволяют датировать культурный слой памятника в границах II–I вв. до н.э. – IV в. н.э., святилище – I–III вв. н.э. [13], а исследованные оборонительные сооружения цитадели и хозяйственные объекты (подвал и хозяйственную яму) – III–IV вв. н.э. Не противоречат таким датировкам и случайные нумизматические находки с территории памятника [7, с. 156–157].

Грунтовый некрополь расположен непосредственно к северу от городища, на северных склонах горы Кара-Тау и занимает площадь ок. 7 га. Из них не менее пяти гектаров приходится на участок с подземными грунтовыми сооружениями (могилы и склепы-катакомбы), около двух – на зону расположения каменных склепов, локализованных на западном, каменистом гребне склона. С конца 1990-х и до 2016 г. некрополь подвергался интенсивным грабительским раскопкам, в 2016 г. здесь было зафиксировано не менее 500 грабительских шурфов.

В результате раскопок 2016 и 2018 гг. на территории некрополя были исследованы тридцать погребальных комплексов (каменные склепы, грунтовые склепы-катакомбы, подбойные могилы и могилы с заплечиками, простые грунтовые могилы) в хронологическом диапазоне II в. до н.э. – IV в. н.э. Помимо прочего, такие широкие временные границы позволяют поставить этот памятник на первое место по продолжительности функционирования среди некрополей Крымского Барбарикума [12, с. 148].

Среди погребальных комплексов некрополя Кара-Тау привлекает внимание объект № 4 – грунтовый склеп, исследованный в 2016 г. Он был обнаружен по полузасыпанному грабительского шурфу в центральной части некрополя, расчистка которого показала наличие камеры грунтового склепа-катакомбы, устроенной в плотных мергелевых отложениях.

Исходя из предполагаемых габаритов погребального сооружения, был заложен раскоп 6×3 м, ориентированный по линии юго-запад – северо-восток, в границах которого оно и было исследовано.

Описание погребального сооружения. Входная яма вытянутой прямоугольной формы, размером 1,95×1,11/1,04 м, ориентирована по оси ЮЗ–СВ (рис. 2,*1*; 3,*1–2*) Глубина входной ямы 0,6–1,7 м от современной поверхности. Северо-восточный ее торец оформлен в виде пяти ступеней высотой и шириной 0,2 м. Ее заполнение представляло собой плотный однородный переотложенный материковый мергель желтоватого цвета. В верхней части заполнения, на высоте 0,7 м от ступеней, в СВ части входной ямы была зафиксирована поперечная кладка из шести небольших известняковых камней.

Каменный заклад входного отверстия представлял собой вертикально установленный известняковый тарапан неправильной округлой формы размером 0,95×1,2×0,35 м, расклиненный по бокам несколькими камнями (рис. 2,*2*; 3,*3*).

За каменным закладом был устроен дромос-коридор размером 1×0,5 м, верхняя часть которого обрушилась в древности вместе с потолком камеры.

Камера в плане относительно правильной квадратной формы с закругленными углами, ее ось несколько смещена к югу по отношению к оси входной ямы. Размер камеры 2,1/2,3×2,1/2,0 м. Глубина дна от современной дневной поверхности 3,2 м. Перепад дна входной ямы и камеры составляет 0,3 м. Высота сохранившейся части камеры у ЮЗ стенки 1,45 м.

Ненарушенная грабительским шурфом основная часть заполнения камеры представляла собой плотный слежавшийся рушенный мергель, разделенный тонкими линзами более темного гумуса.

Прямоугольный в плане грабительский шурф в нижней части (у дна камеры) поменял свою конфигурацию и расширился в виде подбоев, в одном из которых торчали человеческие кости.

Окончательная зачистка камеры показала, что большая ее часть была свободна от погребений и сопровождающего инвентаря. Костные останки четырех человек, заключенные в единый контур органического тлена и, очевидно, захороненные в одном вместилище, компактно залегали у юго-западной стенки камеры, головами на юго-восток. Под костями находилось два плоских камня – вероятно, подкладки под гробовище или колоду. Центральная часть погребений (грудные отделы, кости рук) была разрушена грабительскими подкопами (рис. 2,*3*; 3,*4*).

Описание погребений (рис. 3,*4*).

Погребение 1 (верхнее) совершено у юго-западной стенки камеры, на спине, в вытянутом положении, головой на юго-восток. Кости рук и ног смещены, череп завален влево, грудной отдел и тазовые кости отсутствовали. Согласно антропологическому анализу, принадлежало подростку возрастом 15–17 лет[1]. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 2 (среднее) совершено на спине, в вытянутом положении, головой на юго-восток. Кости рук и ног ниже колен не сохранились, грудной отдел и кости рук разрушены при ограблении, ноги сдвинуты в щиколотках. Принадлежало взрослому человеку (женщина?) 25–35 лет. Находки: у левого коленного сустава – лепное лощеное пряслице усечено-конической формы (рис. 3,*4(1),5*), в области щиколоток – стеклянные бусы нескольких типов (рис. 3,*4(2),6*).

Погребение 3 (нижнее) совершено на спине, в вытянутом положении, головой на юго-восток, ноги вытянуты параллельно туловищу. Кости рук, таза и грудной клетки разрушены при ограблении. Принадлежало мужчине возрастом 30–40 лет.

Погребение 4 – фрагментированный череп взрослого человека, локализованный к северу от черепов предыдущих трех погребений. Относящихся к нему других костей скелета достоверно не определено.

Кроме упомянутых находок, в перекопанном грабителями грунте был найден железный нож со следами деревянной ручки и кожаных ножен (рис. 3,*7*).

Хронология. Из всего немногочисленного инвентаря полноценным хроноиндикатором является только достаточно выразительный набор бус из погребения 2 (рис. 3,*6*).

Согласно новейшим разработкам, его можно отнести к комплектам ножных украшений (подол?, обувь?, связки бус на щиколотках?), «…основу которых составляют цилиндрические пронизи красного и белого цвета, призматические красные, белые и зеленые пронизи, бусы 14-гранной формы зеленого, синего и лилового цветов, округлые бусы с внутренней металлической прокладкой … На основании датировок фибул можно сделать заключение о появлении рассматриваемых наборов бус во второй половине II в. н.э., возможно, ближе к концу столетия, и их использовании всю первую половину III в. н.э.» [15, с. 92, 108].

В конкретном случае представлен неполный, сокращенный набор, в котором отсутствуют бусы с металлической прокладкой и экземпляры из синего и лилового стекла.

Таким образом, рассмотренный склеп-катакомба № 4 может быть уверенно датирован второй половиной II – первой половиной III в. н.э.

Главной, довольно необычной и редкой находкой здесь является каменный тарапан, вторично использованный в качестве закладной плиты.

Изделие изготовлено на основе плоской известняковой плиты неправильной четырехугольной формы со скругленными углами, в верхней плоскости которой вытесано углубление неправильной овальной формы, дополненное узким желобом-сливом (рис. 4). Размеры предмета 95×77 см, средняя толщина плиты 16 см, размеры вместилища 68×58 см, его глубина и глубина желоба 7–8 см.

Согласно специальным исследованиям, данный тарапан можно отнести к переносным или условно переносным монолитным давильням, которые в основном использовались для отжима винограда при производстве вина, а также для других целей [3, с. 19, 153].

Помимо большого количества подобных находок на территории Боспора и Херсонеса, в гораздо меньшем количестве они известны на так называемых варварских территориях Крыма. К настоящему времени таких пунктов, включая некрополь Кара-Тау, известно десять.

[1] Здесь и далее – определение В. В. Безбородых.

Бурундук-Кая, ближайшие окрестности городища (рис. 1,*2*). Отсюда происходит один переносной известняковый тарапан, найденный на прилегающем к городище поселении римского времени[2] и два, вытесанные в скальных выступах. При зачистке одного из них обнаружен амфорный материал IV в. н.э.[3]

Беляус, городище (рис. 1,*3*). Переносная бортовая давильня I в. н.э. происходит из раскопок башни [9, с. 13; 3, с. 112, 113, 401, табл. 5,1; 4, с. 26].

Неаполь Скифский (рис. 1,*4*). На одном из плоских скальных выступов восточных обрывов городища зафиксирована высеченная в скале крупная прямоугольная в плане давильня со сливом [16, с. 78; 5, с. 170; 10, с. 13]. Прямых данных для ее датировки нет, скорее всего, она относится к позднейшему периоду существования городища в рамках конца II – первой четверти III в. н.э. (Горизонт А). Также фрагментированная условно переносная монолитная давильня была найдена недалеко от вкопанных четырех пифосов в контексте Южного дворца Неаполя Скифского с датировкой в рамках второй половины – последней четверти II в. до н.э. [9, с. 41; 3, с. 405; 4, с. 26].

Усть-Альминское городище и некрополь (рис. 1,*5*). Фрагмент известнякового тарапана в археологическом контексте I в. до н.э. известен из раскопок городища [6, с. 38, рис. 14; 3, с. 405]. Из раскопок некрополя происходит переносная известняковая давильня правильной формы и хорошего качества выделки, использованная в качестве закладной плиты склепа 770 последней трети I – первой половины II в. н.э. Впрочем, авторы раскопок относят его к более раннему, эллинистическому времени [14, с. 33, рис. 64,4; 4, с. 28].

Алма-Кермен, некрополь при одноименном городище (рис. 1,*6*). Три фрагментированных тарапана обнаружены среди камней заклада могил 39 и 295 с датировкой II в. н.э. [1, с. 22; 5, с. 169; 8, с. 61, табл. 5,1; 3, с. 405; 4, с. 27].

Скалистое III, некрополь (рис. 1,*7*). Переносная известняковая давильня обнаружена среди плит перекрытия погребения 30 с датировкой II–III вв. н.э. [8, с. 51, рис. 5; 4, с. 153].

Балта-Чокрак, некрополь при одноименном городище (рис. 1,*8*). Две половинки крупного известнякового переносного тарапана использованы в числе закладных плит могилы 7, датирующейся концом II – первой половиной III в. н.э. [11, с. 170–171, рис. 5].

Тас-Тепе, окрестности городища (рис. 1,*9*). Монолитная, вытесанная в скальном выступе, крупная бортовая давильня с системой стока сусла была обнаружена к юго-востоку от городища, прямые данные для датировки отсутствуют, предположительно отнесена к римскому времени (III–IV вв. н.э.) [2, с. 110; 5, с. 170; 9, с. 13; 3, с. 405].

Устье р. Бельбек, левый берег, пляж Учкуевка (рис. 1,*10*). В нескольких работах упомянуты два вырубленных в скальных выступах тарапана, один из которых зафиксирован Н. М. Печенкиным в 1903 г. Прямых данных для датировки нет, предположительно отнесены к римскому («досредневековому») времени [16, с. 78; 2, с. 110, рис. 2,3; 5, с. 170; 3, с. 405].

Впервые на находки тарапанов на варварской территории Крыма обратил внимание Е. В. Веймарн, который перечислил и кратко охарактеризовал известные к тому времени случаи [2, с. 110–112] и предположил, что: «Находки давилен в районе с. Заветное, Неаполя скифского и с. Тенистое позволяют сделать вывод о том, что виноградарство и виноделие в первые века н.э. не было достоянием только античных городов на юге современной Украины, а уже имело место у поздних скифов, которым принадлежали в то время предгорные районы юго-запада Крыма. … Зародившись, по-видимому, в античных государствах (Боспорское царство и Херсонес) они проникают в предгорные районы юго-западного Крыма и получают некоторое распространение у поздних скифов» [2, с. 115–116].

Н. И. Винокуров в специальной обобщающей работе, посвященной виноделию и виноградарству Северного Причерноморья, уже выделил специальную главу, посвященную виноградарству скифского государства в Крыму. В ней, помимо прочего, он отметил находки виноградных ножей, зерен винограда, виноградных лоз, а также случаи размежевания у городища Заячье и в окрестностях Неаполя Скифского [3, с. 77]. На основании всех данных

[2] Хранится в Историко-археологическом музее-заповеднике «Неаполь Скифский».

[3] Разведки экспедиции Историко-археологического музея-заповедника «Неаполь Скифский», материалы не опубликованы.

был сделан вывод о том, что «…после захвата хоры Херсонеса скифы продолжали, где это было возможно, использовать греческие виноградники по назначению – собирали виноград в винодельческих и пищевых целях. Красноречивым свидетельством наличия у скифов виноградарства и виноделия являются обнаруженные целые и фрагментированные монолитные давильни. … По-видимому, виноградарство пришло к скифам от греков. Культивировали виноград скифы только в Крыму, в благоприятных климатических условиях» [2, с. 111; 5, с. 75, рис. 6]. Возможно, население северо-западного побережья Крыма, тесно связанное с Херсонесом, восприняло у греков культуру винограда раньше, чем скифы, жившие в других районах полуострова. Предполагают, что виноделие у поздних скифов в Крыму приняло широкие размеры, и местное вино было предметом купли-продажи и обменных торговых операций. Представляется, что роль виноградарства и виноделия в хозяйстве поздних скифов еще недооценена и ученым еще предстоит переосмыслить не только структуру скифского землепользования, но и степень участия греческих элементов в ее сложении [3, с. 77].

Также необходимо упомянуть новейшее исследование А. А. Волошинова, в котором сделано интересное предположение о том, «…что переносные давильни использовались на территории некрополей в культовых целях, например, для производства и/или смешивания ритуального напитка (сока, вина), либо как своеобразные алтари или жертвенные столики, емкости для омовений. Позднее давильни и их фрагменты были применены вторично, в качестве строительного материала в конструкции погребальных сооружений, … Скорее всего, помещение подобных предметов в могилу носило сакральный характер, подобно использованию в погребальных конструкциях фрагментов надгробной и вотивной скульптуры» [4, с. 31–32].

Таким образом, находка тарапана на некрополе Кара-Тау в надежном археологическом контексте не позже конца II – III в. н.э., в сочетании с наличием подобных объектов в окрестностях соседнего крупного городища Бурундук-Кая, предоставляет новые важные данные по заявленной теме. Прежде всего, это позволяет говорить о новом микрорегионе Крымского Барбарикума (горный массив Кубалач, Восточный Крым), где в позднеримское время существовало развитое многоотраслевое оседлое сельское хозяйство (земледелие), включавшее в себя виноградарство и виноделие. Помимо упомянутых находок, об этом свидетельствуют также многочисленные следы террасирования [12, с. 152–153] и находки разнообразных сельскохозяйственных орудий для обработки земли по передовым технологиям своего времени[4].

[4] Доклад Ю. П. Зайцева «Клад железных изделий позднеримского времени из горного массива Кубалач (Центральный Крым)» на Международной научной конференции «IMPERIUM ET BARBARICUM: взаимодействие цивилизаций», посвященной 70-летию Михаила Казанского. Симферополь, 29 мая – 2 июня 2023 г.

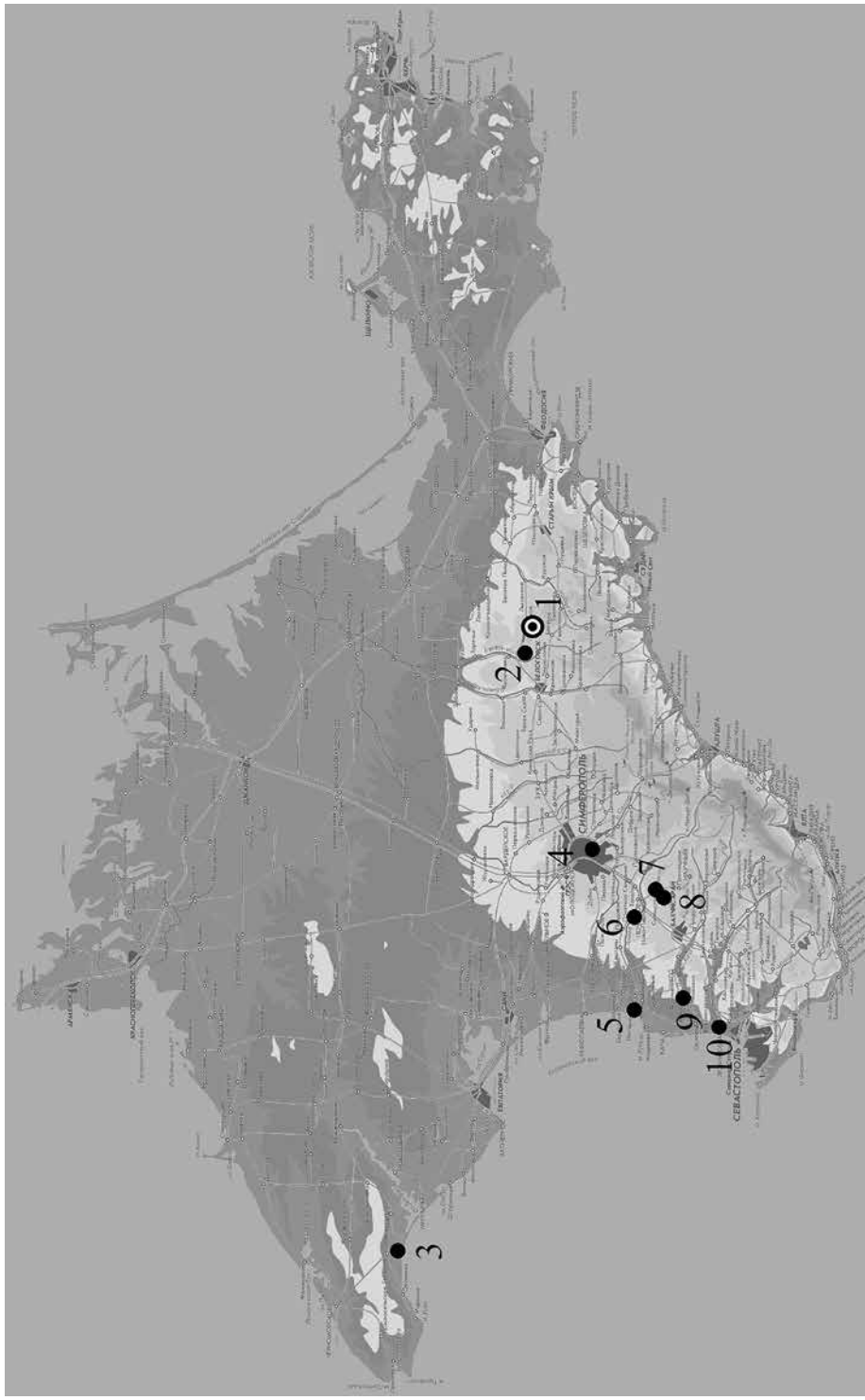


Рис. 1. Карта Крыма с обозначением мест находок тарапанов на «варварской» территории
1 – Кара-Тау, *2* – Бурундук-Кая, *3* – Беляус, *4* – Неаполь Скифский,
5 – Усть-Альминское городище и некрополь, *6* – Алма-Кермен, *7* – Скалистое III,
8 – Балта-Чокрак, *9* – Тенистое, *10* – устье р. Бельбек

Рис. 2. Склеп № 4 некрополя Кара-Тау
1 – фотоплан, 2 – тарапан в закладе, 3 – погребения в камере. Фото автора

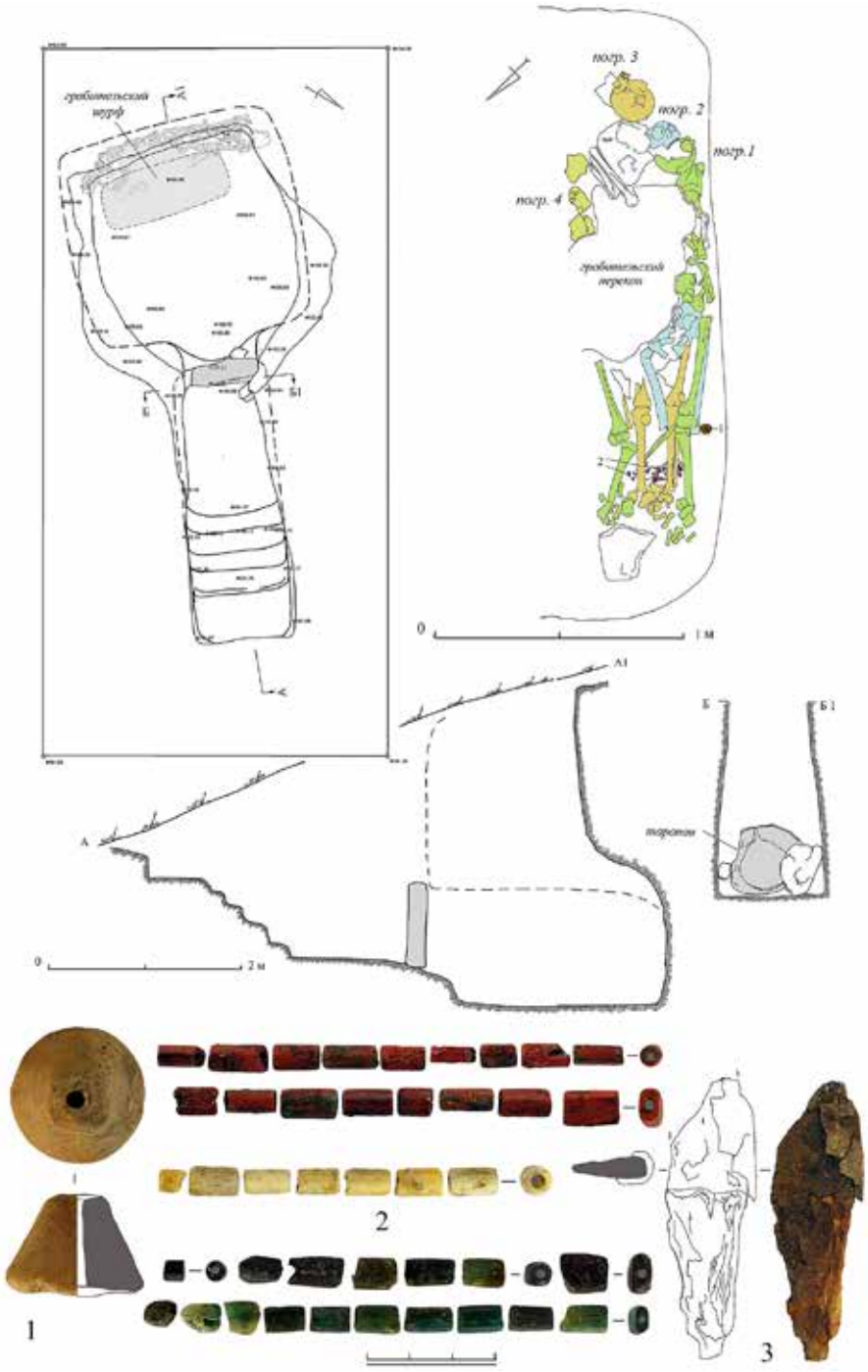


Рис. 3. Склеп № 4 некрополя Кара-Тау
1 – план, 2, 3 – разрезы, 4 – план погребений, 5 – лепное пряслице, 6 – стеклянные бусы, 7 – железный нож. Рисунки и фото автора

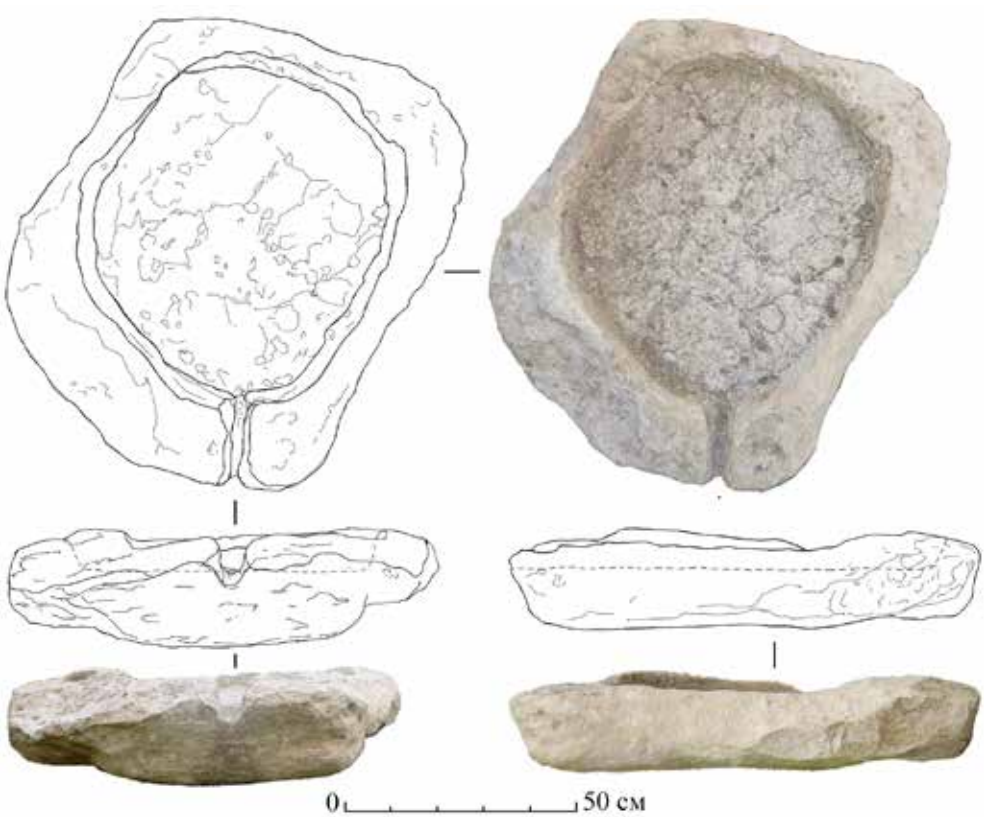


Рис. 4. Известняковый тарапан из склепа № 4 некрополя Кара-Тау. Фото и рисунок автора

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богданова Н.А. Могильник первых веков нашей эры у с. Заветное // Труды ГИМ. 1989. Вып. 70. С. 17–70.
2. Веймарн Е.В. О виноградарстве и виноделии в древнем и средневековом Крыму // КСИА АН УССР. 1960. Вып. 10. С. 109–117.
3. Винокуров Н.И. Виноградарство и виноделие античных государств Северного Причерноморья. Симферополь, Керчь, 2007. 456 с. (Боспорские исследования. Suppl. 3).
4. Волошинов А.А. Находки переносных монолитных давилен в варварских могильниках римского времени // Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории. Материалы научной конференции, Севастополь, 18–22 сентября 2023 г. Москва: Буки Веди, 2023. С. 26–34.
5. Высотская Т.Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев: Наукова думка, 1972. 191 с.
6. Высотская Т.Н. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев: Киевская академия евробизнеса, 1994. 207 с.
7. Гаврилов А.В., Труфанов А.А. Новый античный памятник на горе Кара-Тау у северных склонов Внешней гряды Крымских гор // Древности Боспора. 2013. Т. 18. С. 126–164.
8. Гущина И.И. О сарматах в Юго-Западном Крыму (по материалам некоторых могильников I–IV вв.) // СА. 1967. № 1. С. 40–51.
9. Дашевская О.Д. Поздние скифы в Крыму. М.: Наука, 1991. (САИ. Вып. Д1–7).
10. Зайцев Ю.П. Южный дворец Неаполя Скифского // ВДИ. 1997. № 3. С. 36–50.
11. Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И., Неневоля И.И., Фирсов К.Б., Радочин В.Ю. Позднескифский могильник Балта-Чокрак у с. Скалистое Бахчисарайского района АРК // ХСб. 2005. Вып. XIV. С. 169–196.
12. Зайцев Ю.П., Шкрибляк И.И. Горный массив Кубалач как новый феномен археологии Крыма // Крым в эпоху эллинизма. Межкультурные процессы по данным новейших археологических исследований. Симферополь: Тарпан, 2017. С. 139–153.

13. Зайцев Ю.П., Шкрибляк И.И. Святилище римского времени на горе Кара-Тау в Предгорном Крыму // Stratum plus. 2022. № 4. С. 129–149.
14. Пуздровский А.Е., Труфанов А.А. Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2000–2003 гг. Симферополь: ИП Бровко А.А., 2017. 300 с.
15. Стоянова А.А. Об одном типе наборов бус из женских погребений римского времени предгорного Крыма // ПИФК. 2021. № 4. С. 92–120.
16. Шульц П.Н. Исследование Неаполя Скифского (1945–1950 гг.) // История и археология древнего Крыма. Киев: Изд-во АН УССР, 1957. С. 61–93.

REFERENCES

1. Bogdanova N.A. Burial ground of the first centuries of our era near the village of Zavetnoye. *Trudy GIM* [Proceedings of the State Historical Museum], 1989, vol. 70, pp. 17–70.
2. Veimarn E.V. On viticulture and winemaking in ancient and medieval Crimea. *Kratkie soobshcheniia AN USSR* [Brief communications of the Academy of Sciences of the Ukrainian SSR], 1960. Vyp. 10. S. 109–117.
3. Vinokurov N.I. *Vinogradarstvo i vinodelie antichnykh gosudarstv Severnogo Prichernomor'ia* [Viticulture and winemaking in the ancient states of the Northern Black Sea region]. Simferopol, Kerch, 2007, 456 p.
4. Voloshinov A.A. Finds of portable monolithic presses in barbarian cemeteries of the Roman period. *Antichnye relikvii Khersonesa: otkrytiia, nakhodki, teorii. Materialy nauchnoi konferentsii, Sevastopol', 18–22 sentiabria 2023 g.* [Ancient relics of Chersonesos: discoveries, finds, theories. Proceedings of the scientific conference, Sevastopol, September 18–22, 2023], Moscow, Buki Vedi Publ., 2023, pp. 26–34.
5. Vysotskaia T.N. *Pozdnie skify v Iugo-Zapadnom Krymu* [Late Scythians in Southwestern Crimea]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1972, 191 p.
6. Vysotskaia T.N. *Ust'-Al'minskoe gorodische i necropol'* [Ust'-Al'ma settlement and necropolis]. Kiev, Kievskaia Akademiia Evrobiznesa Publ., 1994, 207 p.
7. Gavrilov A.V., Trufanov A.A. New antique monument on Mount Kara-Tau near the northern slopes of the Outer Ridge of the Crimean Mountains. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus], 2013, vol. 18, pp. 126–164.
8. Gushchina I.I. On the Sarmatians in Southwestern Crimea (based on materials from some burial grounds of the 1st–4th centuries). *Sovetskaia arkheologiia* [Soviet Archaeology], 1967, no. 1, pp. 40–51.
9. Dashevskaia O.D. *Pozdnie skify v Krymu* [Late Scythians in Crimea]. Moscow, Nauka Publ., 1991, 140 p.
10. Zaitsev Yu.P. Southern Palace of Scythian Naples. *Vestnik drevnei istorii* [Bulletin of Ancient History], 1997, no. 3, pp. 36–50.
11. Zaitsev Yu.P., Mordvintseva V.I., Nenevolia I.I., Firsov K.B., Radochin V.Yu. Late Scythian burial ground Balta-Chokrak near the village of Skalistoe, Bakhchisarai district, Autonomous Republic of Crimea. *Khersonesskii sbornik* [Chersonesus collection], 2005, vol. 14, pp. 169–196.
12. Zaitsev Yu.P., Shkribliak I.I. The Kubalach mountain range as a new phenomenon of Crimean archaeology. *Krym v epokhu ellinizma. Mezhkul'turnye protsessy po dannym noveishikh arkheologicheskikh issledovanii* [Crimea in the Hellenistic era. Intercultural processes based on the latest archaeological research], Simferopol, Tarpan Publ., 2017, pp. 139–153.
13. Zaitsev Yu.P., Shkribliak I.I. Sanctuary of Roman Time on the Kara-Tau Mount in Piedmont Crimea. *Stratum plus*, 2022, no. 4, pp. 129–149.
14. Puzdrovskii A.E., Trufanov A.A. *Polevye issledovaniia Ust'-Al'minskogo nekropolia v 2000–2003 gg.* [Field studies of the Ust-Alma necropolis in 2000–2003]. Simferopol, Brovko Publ., 2017, 300 p.
15. Stoianova A.A. A type of sets of beads from female burials of the of the Roman Period from the foothill Crimea. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of historical, philological and cultural studies], 2021, no. 4, pp. 92–120.
16. Shul'ts P.N. Study of Scythian Naples (1945–1950). *Istoriia i arkheologiia drevnego Kryma* [History and archeology of ancient Crimea], Kiev, Academy of Sciences of the Ukrainian SSR Publ., 1957, pp. 61–93.

Информация об авторе

Зайцев Ю. П. – кандидат исторических наук, директор Историко-археологического музея-заповедника «Неаполь Скифский»; AuthorID: 1137684.

Author information

Zaytsev Yu. P. – Candidate of Sciences (History), Director of the Historical and Archaeological Museum-Reserve “Scythian Neapolis”.

DOI: 10.29039/2413-189X.2025.30.85-111

КЛАД ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ С ГОРОДИЩА КАРА-ТАУ

Юрий Павлович Зайцев
Историко-археологический музей-заповедник «Неаполь Скифский», Симферополь, Россия
skilur46@mail.ru, https://orcid.org/ 0000-0001-6549-0520
Игорь Олегович Гавритухин
Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия
gavritukhin@rambler.ru
Ирина Ивановна Шкрибляк
Историко-археологический музей-заповедник «Неаполь Скифский», Симферополь, Россия
vejde_v_l@mail.ru

Аннотация. Публикуется клад, найденный археологической экспедицией музея-заповедника «Неаполь Скифский» при раскопках в 2016 г. на городище Кара-Тау. Городище входит в комплекс археологических памятников на территории заказника «Урочище Кубалач» близ с. Сенное Белогорского района Республики Крым. Клад происходит из грунтово-каменного завала в юго-восточном углу подвала, расположенного близ цитадели городища. Функционирование подвала прекратилось во второй половине IV в. Клад состоит из трех серебряных предметов – браслета, позолоченной серьги и фрагмента позолоченной фибулы. Для аналогий фибуле от Галии до Крыма предложена новая типология и рассмотрены основания датировок. Прототипами для нее и ей подобных были фибулы середины V в. из Среднего Подунавья. Экземпляр из Кара-Тау связан с контекстом переработки дунайских образцов, которые стали основой производства пальчатых фибул на Боспоре, начавшегося около последней трети / четверти V – начала / первой четверти VI в. Браслет с расширенными концами, украшенными поперечными врезными линиями, и «серьга» с 14-гранником на дужке не противоречат такой датировке. Вещи из клада соответствуют женскому убору варваров Крыма второй половины V – первой половины VI в., хотя аналогии им распространены намного шире географически и хронологически. Данный комплект, по-видимому, составляет половину изделий из драгоценных металлов одного из таких уборов. Высказано предположение, что это доля одного из двух подельников, разграбивших погребение с таким убором. Поселений и могильников V–VII вв. в восточной части Крымских предгорий пока не известно. Данный клад и ряд единичных находок позволяют предполагать, что такие памятники будут найдены в будущем.

Ключевые слова: Крым, V–VI вв., традиции Среднего Подунавья, клады, пальчатые фибулы, серьги / височные подвески с 14-гранником, браслеты с расширенными концами, женский убор, ограбление могил

Благодарности: Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 24-28-01266 «Горный массив Кубалач как новый феномен археологии Крыма в IV в. до н.э. – V в. н.э.», https://rscf.ru/project/24-28-01266/. Часть И. О. Гавритухина подготовлена в рамках выполнения НИР ИА РАН по теме «Панорама историко-культурных процессов на территории Восточной Европы в римское время и эпоху Великого переселения народов по археологическим данным (I–VII вв.)» (НИОКТР № 122011200267-0).

GREAT MIGRATION HOARD FROM THE ANCIENT FORTIFIED SETTLEMENT OF KARA-TAU

Yurii P. Zaytsev
Historical and Archaeological Museum Preserve of Scythian Neapolis, Simferopol, Russia
skilur46@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-6549-0520
Igor O. Gavritukhin
Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
gavritukhin@rambler.ru
Irina I. Shkribliak
Historical and Archaeological Museum Preserve of Scythian Neapolis, Simferopol, Russia
vejde_v_l@mail.ru

Abstract. This article publishes a hoard discovered by the archaeological expedition of the Museum Preserve of Scythian Naples making excavations in 2016 at the ancient fortified settlement of Kara-Tau. This settlement is a part of the complex of archaeological sites of the Preserve of Kubalach Area located at the modern village of Sennoe in the Belogorsk District of the Republic of the Crimea. The hoard originates from a soil and stone collapse in the south-eastern corner of a basement room located near the settlement citadel. The basement room ceased to exist in the second half of the fourth century. The hoard comprises of three silver artefacts: a bracelet, a gilded ear-ring, and a gilded brooch fragment. For the parallels to the brooch under study from Gaul to the Crimea, this article suggests a new typology and discusses the background of their chronologies. The prototypes for this and similar brooches were the mid-fifth-century clasps from the Middle Danube Area. The Kara-Tau artefact is related to the context of the re-working of the Danubian samples, which formed the background for the production of radiate-headed brooches in the Bosporos from ca the last third/quarter of the fifth or the early/first quarter of the sixth century on. The bracelet with widened ends decorated with transverse incised lines and an the "earring" with 14-hedral bead do not contradict the above chronology. The artefacts from the hoard in question correspond to the female attire of the Crimean barbarians from the second half of the fifth and the first half of the sixth century, with their parallels much more widespread geographically and chronologically. This set apparently makes up a half of the precious metal artefacts within one of such attires. It has been suggested that this was the share of one of two persons who plundered a burial containing the attire in question. So far we know none of the fifth- to seventh-century settlements and settlements located in the eastern are of the Crimean foothills. The hoard under publication and a group of isolated finds suggest that such monuments will be discovered in the future.

Keywords: Crimea, fifth and sixth centuries, Middle Danube traditions, hoards, radiate-headed brooches, earrings / temple pendants with 14-hedral bead, bracelets with widened ends, female attire, tomb plunder

Acknowledgments: This study was funded by the Russian Science Foundation, project no. 24-28-01266 *Mountain Group Kubalach as a New Phenomenon in the Crimean Archaeology from the Fourth Century BC to the Fifth Century AD*, https://rscf.ru/project/24-28-01266. I. O. Gavritukhin's contribution has been made withing the framework of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences' research project *Panorama of Historical and Archaeological Processes in Eastern Europe in the Roman Period and the Great Migration Period according to Archaeological Data (First to Seventh Century)* (NIOKTR no 122011200267-0).

Археологический контекст клада

Комплекс археологических памятников на горе Кара-Тау, включающий в себя синхронные городище с цитаделью, два поселения, два некрополя и святилище, расположен близ с. Сенное Белогорского района Республики Крым. Городище с многочисленными искусственными террасами занимает вершину, северный и северо-восточный склоны горы, поселения располагаются к северу и северо-востоку от подножия горы, некрополи – у подножия северо-восточного склона, святилище – на одной из нижних террас поселения к северо-западу от вершины горы (рис. 1,*1,2*). Городище, поселения и святилище находятся в густом дубовом лесу на территории государственного природного заказника регионального значения Республики Крым «Урочище Кубалач», часть поселения и некрополи расположены на открытых задернованных площадках на холмистых склонах к северо-востоку от городища [6, с. 147–148; 5, с. 209–210].

Первая информация о существовании этого памятника появилась в научной литературе в 2014 г. Научным сотрудником Института археологии Крыма РАН А. В. Гавриловым в 2013 г. по сообщениям местных жителей на северо-восточном склоне горы было обнаружено сильно ограбленное в 2010–2012 гг. святилище античного времени, при обследовании вершины горы локализована укрепленная цитадель и комплекс хозяйственных сооружений [3]. В 2016 г. на святилище были проведены полноценные раскопки [21; 7].

Территория Кубалача до 2013 г. крайне редко привлекала внимание исследователей и была в известном смысле *terra incognita* на археологической карте древностей Центрального Крыма. Это обстоятельство, а также весьма любопытные находки, собранные А. В. Гавриловым на отвалах ограбленного святилища, стали причиной организации археологической экспедиции музея-заповедника «Неаполь Скифский» в 2016–2018 гг.

Благодаря залесенности территории и относительной труднодоступности памятника на вершине горы хорошо сохранились оборонительные сооружения цитадели позднеримского времени. В некоторых местах высота сохранившихся стен, сложенных из мелкого плитчато-

го известняка на грязевом растворе, достигает 3 метров. К стенам с внешней и внутренней стороны примыкают мощные каменные развалы. С внутренней стороны оборонительных стен прослежены остатки крепостной каменной застройки. Центральная, самая возвышенная часть цитадели не была застроена.

В 2018 г. двумя раскопами здесь были выявлены оборонительные конструкции двух хронологических периодов: крепостная стена и башенный выступ первой, небольшой крепости II–III вв. и участок крепостной стены более поздней крепости IV в., которая охватила бóльшую площадь возвышенности и включила в свой периметр ранние фортификационные сооружения. Следов присутствия культурного слоя, датирующегося временем ранее II в. н.э., в пределах оборонительных сооружений не обнаружено. Финал существования поздней крепости маркируется слоем пожара, зачищенного с внешней стороны оборонительного периметра с зафиксированными *in situ* фрагментами амфоры типа C Snp I (Делакеу, Зеест-100) [12, с. 128] и может быть датирован временем не ранее середины IV в. На слое пожара единым массивом залегал слой разрушения оборонительной стены.

К северу и северо-востоку от цитадели на территории городища выявлено не менее 10 зольников высотой 2–4 м, частично перекрывших более ранние искусственные террасы. Хронологически весь керамический материал из зольников однороден, их накопление укладывается в рамки I–III вв. Признаков более ранних каменных жилых и хозяйственных конструкций, которые были бы перекрыты мусорными отложениями, ни в одном из случаев не зафиксировано.

В ходе визуальных разведок 2016 г. по территории памятника, поблизости от развалин цитадели на вершине горы Кара-Тау, в 200 м к северу, в границах лесной просеки была обнаружена заросшая кустарником и корневой дубовой порослью полузасыпанная скальная полость. После осмотра был сделан вывод о ее искусственном происхождении, после чего объект был исследован в границах небольшого раскопа. В результате здесь был открыт монументальный каменный подвал с узким длинным входом, перекрытым каменными плитами (рис. 2–4)[1].

Помещение подвала в плане трапециевидной формы, суженной в части, примыкающей к коридору, и расширенной в дальней части полости. Параметры основного помещения подвала 3,4×2,3 м, высота полости 2,3 м, параметры коридора 3,4×0,96 м, высота стенок коридора 1–1,35 м. Пол подвала представлял собой неровную поверхность скалы с естественными трещинами, стены представляли собой кладки из насухо сложенного плитчатого известняка, встроенные по периметру скальной полости. Верхние камни кладок восточной и западной стенки подложены вплотную к скальному потолку, южная стенка камеры сильно разрушена современными грабителями, за ней пространство скальной полости было разбито и сильно расширено в южном направлении. В восточной стенке камеры близ входа на высоте 0,5 м от пола была организована хозяйственная ниша, устроенная в специально вырубленном скальном пространстве.

В процессе исследований подвала в нижней части заполнения камеры был обнаружен биллоновый боспорский статер Рескупорида IV, отчеканенный в 263–264 гг. н.э. (рис. 1,*3*)[2]. Несколько глубже, на глубине 1,5 м от скального потолка полости, над поверхностью пола было зачищено скопление фрагментов амфор и лепных сосудов (рис. 4,*5*), среди которых присутствуют венчики и ручка амфоры типа C Snp I [12, с. 128], что указывает на датировку в границах IV в.

Расчистка грунтово-каменного завала в юго-восточном углу подвала, на высоте 0,3 м от уровня пола, выявила скопление разрозненных костей неполного скелета взрослого мужчины (возраст 50+), череп отсутствовал (рис. 4,*3*).

[1] Для фиксации внутреннего объема помещения и фасировок кладок был использован лазерный сканер Leica BLK 360, с его помощью получена точная трехмерная модель подвала. Впоследствии с помощью программного компьютерного комплекса Autodesk Recap отдельные файлы облаков точек были слиты в единый массив данных. Эта объединенная модель является основой для оформления любого желаемого сечения конструкции, получения фаса каменной кладки, расчета объема и выявления признаков деформации конструкции.

[2] ΒΑCΙΛΕΩC ΡΗCΚΟΥΠΟΡΙΔΟC, аверс – мужской бюст с трезубцем вправо, реверс – два бюста лицами друг к другу, год ΞΦ (560 г. б.э.).

В этой же части камеры, на высоте 0,2 м от пола, было обнаружено три серебряных предмета (рис. 2,*2, сверху слева*), залегавших компактной группой и, вероятно, составляющие небольшой клад (рис. 5). К сожалению, положение предметов *in situ* зафиксировать не удалось, так как обнаружены они были в процессе выборки взрыхленного киркой каменистого заполнения полости подвала.

Верхнюю хронологическую границу использования подвала следует ограничить IV в. Судя по стратиграфической ситуации, клад и человеческие кости связаны с уже заброшенной и полузасыпанной полостью. Как они соотносились между собой – остается неясным, но очевидно то, что если кости являются остатками погребения, то предметы не являются его инвентарем.

Состав клада

Браслет, серебро (рис. 5,*2*). Имеет вид незамкнутого овала (65×56 мм), с расширенными концами, овально-миндалевидным сечением (максимальное 4×5 мм, минимальное 2×3 мм); на одном из торцов имеется небольшое углубление. По краям концов нанесены тонкие врезные линии, с внешней стороны браслета они, похоже, частично затерты.

Серебряные или бронзовые браслеты с расширенными концами являются массовым типом украшения рук у варварского населения Крыма эпохи Великого переселения народов. Нередки они и в ряде других культур; если не считать нескольких малочисленных сложно орнаментированных вариаций, их локальные или хронологические разновидности не выделяются, а массовость позволяет считать большинство этих изделий местными [среди обзоров: 11, с. 66–67; 1, с. 156; 18]. В Крыму и ряде других культур V–VII вв. такие браслеты характерны для женского костюма и носились обычно парами (по одному на руке). К наиболее часто встречаемым способам их украшения относятся врезные линии поперек концов [1, с. 250, 260], как и у публикуемого нами экземпляра.

Э. А. Хайрединова связывает появление браслетов рассматриваемого типа с культурами Среднего Подунавья середины V в., в Крыму их появление относит ко второй половине этого столетия, а массовое использование фиксирует со второй половины VI в. [1, с. 156, 250, 260]. Однако в Крыму браслеты с расширенными концами – не редкость и в римское время. Например, во Фронтовом 3 на 328 могил позднего I – IV вв. их не менее 36 [13, рис. 30,1; 42,3; 43,1; 60,15,16; 69,6; 73,6; 98,10; 99,26; 116,1; 126,9; 128,2; 189,1; 202,11; 218,5; 227,3; 272,4; 292,19; 302,3–5; 306,1; 313,1; 348,4; 359,13; 14, рис. 20,10; 158,1; 199,3; 204,1; 210,12; 214,10; 245,36; 259,7; 15, рис. 170,4; 230,36; 337,5]. И. Н. Храпунов, указав 35 экземпляров разновидности 2 («круглые в сечении с более или менее утолщенными концами») из 130 браслетов, найденных в могильнике Нейзац (не позднее IV в.), пишет: «Хронологические и территориальные границы распространения этих браслетов столь широки, что нет смысла их обсуждать» [19, с. 347].

Правда, создается впечатление о хронологической лакуне в бытовании интересующих нас браслетов в Крыму, приходящейся на гуннское время. Однако в Керчи есть золотые браслеты с расширенными концами этого времени [9, с. 72 (№ 11), 98 (№ 66)]. Дата набора 1903 г. из подбойной могилы в саду Н. Тумковского в Керчи, включающего пару таких серебряных браслетов [9, с. 201 (№ 281)], вполне укладывается в гуннское время [9, с. 201–202]. Аналогичные браслеты отмечены в подбойной могиле 20/1904 из Керчи [9, с. 229 (№ 353)], в инвентаре которой упомянута «фибула в виде самострела» [20, с. 8], т.е. типа, обычного на Боспоре в позднеримское и гуннское время.

В пользу точки зрения Э. А. Хайрединовой свидетельствует то, что орнаментация браслетов с расширенными концами врезными поперечными линиями в Крыму пока не встречена ранее второй половины V в., а в Подунавье она не редкость. Обращают на себя внимание некоторые отличия в ношении (часто по одному) и морфологии (например, не мало число экземпляров с четырех- и многоугольным сечением) крымских браслетов римского времени на фоне более поздних крымских и дунайских. Впрочем, картина может измениться при увеличении выборки комплексов V в., для Крыма пока не слишком многочисленной. Следует учитывать и возможность местной эволюции убора и/или его элементов.

К особенностям публикуемого браслета из Кара-Тау относятся углубления на одном из его торцов. К сожалению, подобные детали часто не отражаются в публикациях, например,

см. фото и прорисовку находки второй половины V в. из Фикароло в Италии (рис. 9,*9*). Более обширные углубления зафиксированы у обеих торцов упомянутого выше браслета с расширенными концами из могилы 91 во Фронтовом 3, датированной второй – третьей четвертями IV в. [13, рис. 292,19]. Вдавленные торцы отмечены И. О. Гавритухиным на браслетах этого же типа с городища V/VI–VII вв. Хачки (Северо-Восточная Польша; неопубликованные раскопки Збигнева Кобылинского, которого мы благодарим за разрешение использовать его материалы). Мы затрудняемся сказать, что может объединять эти (и, наверное, другие подобные) случаи.

Ряд затронутых вопросов мог бы снять систематический (с каталогами, картами и т.д.) анализ рассматриваемых украшений. Заслуживающую всяческой поддержки попытку сделать это, предпринятую О. А. Хомяковой [18], к сожалению, следует признать неудачной, т.к. в ее базе данных зияют значительные пропуски (ср. даже упомянутые выше выборочные обзоры), ряд сведений не точны, а иногда просто не верны (в этом легко убедиться, если перепроверить ее ссылки, локализацию и другие характеристики ряда комплексов).

Таким образом, в отношении публикуемого браслета из Кара-Тау не исключена гипотеза о его западных (вероятнее всего, дунайских) прототипах, а может быть (чисто теоретически) и изготовлении в Подунавье. В этом случае его нижней хронологической границей становится вторая половина (середина?) V в. Вполне вероятно и то, что это изделие местного происхождения, как и то, что его прототипы следует искать в древностях гуннского и/или римского времени. Возможны и комбинации этих (крайних) точек зрения, например, местная форма и заимствованная (тогда, вероятно, из Подунавья) орнаментация.

«Серьга» (височная подвеска?), серебро, полностью позолочена (рис. 5,*3*). Состоит из дужки в виде незамкнутого слегка ассиметричного овала (29,5×25 мм) из дрота круглого сечения (диаметр 2 мм), на одном из концов дужки вместе с ней отлит 14-гранник – почти куб (8,5×7,7×7,5 мм) со срезанными углами и четкими гранями.

Изделия с литым или ажурным (тогда обычно со вставками) многогранником, насаженным на дужку, в могилах Крыма и ряда других территорий *in situ* находят близ головы, обычно парами, по одному у каждого виска. В ряде случаев (как и у публикуемого экземпляра) дужка бывает весьма толстой с тупым концом, что явно мешает удобству использования таких вещей в качестве серег, хотя и не исключает этого. Использование их в качестве височных «колец» / подвесок вполне вероятно, но не доказано, впрочем, как не доказана и правильность применения к ним термина «серьги». Однако последний получил широкое распространение, и мы будем его использовать без кавычек, несмотря на условность. Принадлежность этих украшений женскому убору для Крыма, кажется, у специалистов сомнений не вызывает.

Серьги с литым 14-гранником на дужке особенно широко распространены в V–VI вв., когда известны от Западного Средиземноморья до Урала и Кавказа [базовые обзоры: 29; 11, с. 72–74; 27, p. 18–19; 16; 10, с. 91–92; 2; 1, с. 113, 155–156, 250, 259–260]. Крымские находки детально рассматривались Э. А. Хайредииновой. Согласно ее разработкам, публикуемый образец из Кара-Тау следует отнести к варианту 2 (с бусиной длиной 0,8–1,3 см, дужкой от 1,6×2,0 до 3,3×4,0 см), который распространяется в Крыму около середины или во второй половине V в. и бытует до конца первой четверти VII в. [16, с. 100–102, 107]. Появление серег с многогранником около рубежа IV и V вв. она, как и большинство исследователей, связывает с римским населением Среднего Подунавья, откуда мода на эту группу украшений распространилась на огромные территории, в т.ч. в Крым в первой половине V в. Увеличение размера бусины (т.е. появление варианта 2) объясняется стремлением местных мастеров подражать привозным из Подунавья серьгам с крупным ажурным многогранником.

Однако А. В. Мастыкова отметила, что могилы горизонта Чаквар на Среднем Дунае, где встречены серьги с многогранником, считающиеся наиболее ранними, допускают датировку в пределах конца IV – второй трети V в., а в бассейне Верхней Тисы, на Боспоре и Нижнем Дону можно назвать комплексы, относящиеся к ранней части этого хронологического отрезка [11, с. 73]. Не исключает она и гипотезу о появлении таких серег на востоке Кавказа и распространении их на западе с аланами, отметив, что имеющиеся даты опорных кавказских

комплексов слишком широки для этих утверждений. Вскоре появившееся уточнение датировок могильника Паласа-Сырт (юг Дагестана) с учетом новых материалов позволяет говорить о бытовании здесь серег с многогранником (в т.ч. ажурным, который рассматривался как сравнительно поздний) с последних десятилетий, а может быть и с середины IV в. [10, с. 91–92, 117–118, рис. 226–227].

Таким образом, вопрос о происхождении серег с напускным многогранником пока остается открытым. Вне зависимости от этого, их появление в Крыму датируется не позднее первой половины V в. Следует согласится и с тем, что серьги со сравнительно небольшим многогранником (вариант 1 по Э. А. Хайрединовой) появились раньше, чем их аналоги с более крупной бусиной (вариант 2), но вопросы о причинах и датировке этих изменений пока нельзя признать решенными. Вопрос о верхней хронологической границе таких серег для нашей публикации не имеет значения, т.к. они бытовали явно дольше, чем позднейшая из возможных дат рассматриваемого комплекса.

Ножка и основание дужки фибулы, серебро (рис. 5,*1*). Сохранилась на 41 мм в длину, максимальная ширина 15 мм. Окончание у ножки каплевидное, полукруглое в сечении; по бокам в верхней части сделаны два полукаплевидных углубления, в которых выступами обозначены глаза, а ближе к окончанию – треугольные ноздри; углубления позолочены, правое немного крупнее левого. Окончание отделено от остальной части ножки валиком. Основная часть ножки шестиугольная (в виде асимметричного по высоте ромба со срезанными острыми углами), украшена кербшнитным орнаментом и позолочена; резьба неглубокая и неаккуратная, но четкая. Ближе к концу ножки орнаментальную композицию образует трапеция, в которую вписаны два треугольника; остальное поле заполнено четырьмя спиралевидными завитками в два оборота, между которыми расположены два маленьких полушаровидных выступа. Дужка (ширина у основания 8,5 мм) – полая, с вертикальным ребром и не менее, чем одной неглубокой широкой врезкой у основания; ее сохранившаяся часть полностью позолочена. Оборотная сторона ножки заполирована. Приемник (высота 7 мм) отлит вместе с корпусом фибулы, прокован и загнут.

Для атрибуции данной находки необходимо рассмотрение фибул с ромбовидной (в виде ромба с усеченными верхним и нижним углом, иногда асимметричным по вертикали) ножкой без боковых выступов, украшенной рельефной (в кербшнитной или близкой ей технике) композицией, центрированной на два парных завитка, и имеющей концевой выступ в виде звериной головки. Исследование таких застежек готовится к печати И. О. Гавритухиным, откуда взяты нужные для нынешней статьи данные и наблюдения [важные для данной темы обзоры см. также: 33, S. 59; 35, S. 180–182, 241–244; 32, p. 37–39; 31, p. 121–125].

Ножку, соответствующую приведенным выше характеристикам, имеют пальчатые фибулы с тремя или пятью выступами-«пальцами» на головной пластине. Такие трехпалые изделия относят к типу, для которого эталоном чаше всего выступают находки из Сокольниц (рис. 6,*2*, иногда и 6,*4*), используемым нередко и в качестве названия типа, хотя зачастую без четкого обозначения набора диагностирующих признаков. Мы предлагаем закрепить это название за всеми трехпалыми фибулами рассматриваемого круга, с более дробным подразделением внутри типа (см. ниже). Вариант таких фибул из Фикароло (рис. 9,*3*), исходя из аналогий в орнаментации, рассматривался в контексте не только трехпалых, но и пятипалых изделий, в т.ч. имеющих боковые выступы на ножке, например, типа Чонград, подборка из алеманских могильников в Базеле, находка из Цукарице в Белграде [25, S. 322–324]. Ценность таких сопоставлений не отменяет целесообразности различать в качестве разных таксонов трех- и пятипалые фибулы, как и фибулы с разным набором выступов на ножке. Пятипалые фибулы рассматриваемого круга без боковых выступов на ножке по одной из ярких находок (рис. 10,*3–4*) мы предлагаем назвать типом Котай, с подразделениями внутри типа. Застежки, схожие по орнаментации с типами Сокольнице и Котай, но имеющие боковые выступы на ножке, как указанные выше, так и другие, например, боспорские фибулы видов I и II [8], в данной работе не рассматриваются, т.к. ножка публикуемой фибулы из Кара-Тау им явно не принадлежит.

На рис. 6–11 приведены фибулы с ножкой, наиболее близкой той, что у рассматриваемого экземпляра из Кара-Тау (для удобства сравнения его изображение приведено на каждом

из этих рисунков). Сравнение строится отдельно для каждой серии фибул, выделяемой в рамках двух указанных типов по особенностям орнаментации, в первую очередь, головной пластины.

Тип Сокольнице

Серия Сексард, с головной пластиной, украшенной парой крупных S-видных завитков, расположенных по отношению друг к другу под углом, немного более острому, чем прямой. Выделяется два размерных стандарта: длиной 10–11 см (рис. 6,*1–4*) и 8–9 см (рис. 6,*17–19*). Выделяются также «стильные» варианты, с наиболее сложным хорошо проработанным орнаментом (рис. 6,*1,2,17,18*), и, видимо, его переработки в сторону упрощения (рис. 6,*3,4,19*). Ножка из Кара-Тау по пропорциям и структуре орнамента ближе всего экземпляру из коллекции Диргардта (рис. 6,*3*), указание на происхождение которого («Южная Россия») вызывает сомнения [ср.: 54, S. 25 (No 81) и 36, S. 771 (No 5)]. Однако они заметно отличаются размерами, по этому параметру экземпляр из Кара-Тау лишь с трудом сопоставим с наименьшим размерным стандартом данной серии. К этой же или типологически близкой серии следует отнести образец из Хеммингена (рис. 7,*10*), но он явно типологически дальше от образца из Кара-Тау, чем отмеченные выше.

Серия Борнхайм, с головной пластиной, украшенной 4–5 дуговидно расположенными завитками. Она распадается на два варианта, различающиеся как рядом деталей, так и размерами: длина образцов 8 см (рис. 7,*6*) и 6,8 см (рис. 7,*1–2*). По длине и структуре орнамента ножка из Кара-Тау ближе находке из Борнхайма (рис. 7,*6*), а по сдвинутому ближе к дужке максимальному расширению и прогибу боков – паре из Вайнгартена (рис. 7,*1–2*). Однако все они типологически дальше от экземпляра из Кара-Тау, чем отмеченные выше вариации серии Сексард.

Серия Отвёшпуста, с головной пластиной, украшенной парой крупных округлых завитков. Две фибулы этой серии размерного стандарта 1 (длина около 9 см) принадлежат вариантам, отличающимся по ряду признаков как между собой (рис. 8,*8,11*), так и от фибул размерного стандарта 2 (рис. 8,*2,3*; 9,*3*), имеющих длину около 7 см. По сумме признаков ножка из Кара-Тау в этой выборке более всего напоминает экземпляр из Аквасанты (рис. 8,*11*), хотя широкая дужка в сочетании с легкой прогнутостью боков сближает ее с трехпалой застежкой из Мельстеда (рис. 8,*8*).

Серия Люманда, с головной пластиной, украшенной тремя завитками, представлена пока 1 экземпляром (рис. 9,*4*). От ножки из Кара-Тау он резко отличается уже размерами.

Серия Штернвальде выделяется орнаментацией, по структуре близкой тем, что характерны для рассмотренных выше серий, но составляющие ее завитки превратились фактически в чашевидные углубления (рис. 9,*5–7*). Ножка из Кара-Тау явно не имеет отношения к этой серии.

Отметим и то, что структура орнаментации серии Штернвальде сопоставима, например, с той, что на застежке из Лютцена (рис. 7,*7*). Ее головная пластина украшена завитками, композиция которых занимает как бы промежуточное положение между той, что показательна для серии Борнхайм, и той, которая отличает серию Сексард. Орнамент ее ножки может рассматриваться как производный от характерного для типа Сокольнице или сделанной в близкой ему стилистике. Число примеров орнаментации, напоминающей тип Сокольнице, но отличающейся по структуре, составу элементов и другим показателям, легко умножить (на рис. 9,*8* – лишь один из ярких). Как эти вещи соотносятся с типом Сокольнице, должно стать предметом особого исследования, далеко выходящего за рамки данной статьи.

Тип Котай

Серия Керчь, с головной пластиной, украшенной почти так же, как образцы серий Сексард и Борнхайм типа Сокольнице, с ножкой, структура орнаментации которой наиболее близка той, что обычна у серии Отвёшпуста того же типа (рис. 10,*3–4,7–10*). Варианты образуют типологический ряд от экземпляров длиной 8,4 и 8,5 см, с головной пластиной, наиболее близкой серии Сексард (рис. 10,*3–4*), до экземпляров длиной около 8 см, с головной пластиной, наиболее близкой серии Борнхайм (рис. 10,*7–8*). Ножка из Кара-Тау более близка тем, что у фибул, завершающих этот ряд (рис. 10,*7–8,10*).

Серия Варна, с головной пластиной, украшенной так же, как образцы серии Борнхайм типа Сокольнице, с ножкой, структура орнаментации которой наиболее близка той, что представлена у варианта Вайнгартен серии Борнхайм типа Сокольнице (рис. 11,*4,7–9*). Серии Варна и Борнхайм сближает и использование для украшения бордюра ножки орнамента «волчий зуб». Экземпляр из Будапешта (рис. 11,*4*) – наиболее крупный (длина 8,2 см); остальные не сильно, но заметно меньше (длина 7,8 см). Ножке из Кара-Тау по сумме признаков наиболее близок экземпляр из Монсо-ле-Нёф (рис. 11,*9*).

Серия Готтербармвег, с головной пластиной и ножкой, украшенными так же, как образцы серии Отвёшпуста типа Сокольнице (рис. 11,*10–12,14*). В ее рамках по размерам, структуре и деталям орнаментации ножки вариации из могильников в Базеле (рис. 11,*11–12,14*) отличаются от представленной в Бойне на западе Словакии (рис. 11,*10*). Уже исходя из размеров фибул понятно, что ножка из Кара-Тау не имеет отношения к этой серии.

Анализ других фибул, имеющих сходство с рассмотренными, был бы весьма полезным для понимания интересующего нас круга древностей, но выходит за рамки данной работы, т.к. они явно типологически дальше от публикуемой ножки фибулы из Кара-Тау, чем те, что отмечены выше.

Хронология

Общепризнанно, что происхождение фибул рассматриваемого круга связано со Средним Подунавьем[3]. К наиболее ранним относятся вариации, близкие образцу из погр. 5 в Сокольницах (рис. 6,*2* – тип Сокольнице в узком значении термина), согласно хронологической системе Я. Тейрала, появившиеся на ступени D2/D3, синхронизируемой с фазой перехода от «протомеровингского» периода к меровингской эпохе около середины V в. [50]. К этому типу Я. Тейрал относил еще несколько экземпляров (рис. 6,*17–18*; 8,*2–3,5,11*), указывая на схожесть с особым вариантом (Белград–Цукарице), представленным находкой более крупного размера, с пятью кнопками-«пальцами» [48, S. 321][4]. Отмечает он и то, что стиль, характерный для типа Сокольнице, не менее показателен для изделий ступени D3 [47, S. 350], датированной около 450–470/480 гг. К ней Я. Тейрал относит вторую (купленную у местного крестьянина) интересующую нас фибулу из Сокольнице (рис. 6,*4*), в ряду тех, что синхронизируются с фазами 2 и 3 южногерманской шкалы по У. Кох [48, S. 321].

По южногерманской (алеманской) хронологической шкале, предложенной К. Тойне в основном по материалам Вайнгартена, погр. 241 этого могильника (рис. 7,*1–5*) отнесено к началу периода 1, датированному 450–470 гг. [51]. В альтернативной шкале У. Кох, построенной на материалах более обширного круга памятников (в т.ч. ряда швейцарских), но без учета бус, этот комплекс должен относиться к фазе 3 (480–510 гг.), исходя из датировки птицевидных брошей (рис. 7,*3–4*), при том, что остальные находки из этого комплекса допускают более раннюю дату [37, S. 44–75: F80, X39, X65]. Отметим, что птицевидные броши, отнесенные У. Кох к индикатору F80 («без выступающих крыльев»), вполне могут датироваться раньше, чем обычные для этой и следующей фазы «птички» с «выступающими в виде треугольника ножками» (X103). Пряжка же (рис. 7,*5*), конечно, относится к предмеровингским стилям, и по другим меровингским шкалам датируется не позднее 440/450–470/480 гг. [38, Phase PM] или 440–480/490 гг. [41, Phase 2: Gür-1.2]. Все индикаторы комплекса из погр. 24 в Хеммингене (рис. 7,*9–10* и стеклянный сосуд) по У. Кох соответствуют как фазе 2, так и 3, т.е. датируются 460–510 гг. [37, S. 46–47, 71–75: X39, X64, X95]. Фибулы из Базеля (рис. 11,*11–12,14*) по У. Кох соответствуют индикатору X40a, встреченному лишь в фазе 2, датируемой 460–480 гг. [37, S. 46, 71–72].

Не так давно т.н. южногерманская шкала стала подвергаться корректировке, связанной с уточнением позиций некоторых индикаторов и комплексов, а главное, с пониманием того, что фазы, даже если принять их выделение У. Кох, не жестко меняют, а заметно перекрывают друг друга, и их абсолютные (календарные) датировки не столь жесткие [39]. Исходя из типологических наблюдений, нам представляется, что в алеманском ареале наиболее ран-

[3] Для интересующего нас времени Я. Тейрал выделяет Среднедунайский культурный круг, включающий группы памятников от Моравии до Нижней Дравы, Карпатскую котловину, полосу от низовий Савы до Железных Ворот [50, Abb. 5].

[4] Добавим, что фибула из Цукарице имеет и боковые выступы на ножке.

ним является экземпляр из Хеммингена (рис. 7,*10*), синхронизируемый хотя бы частично с дунайской ступенью D2/D3. Пара из Вайнгартена (рис. 7,*1–2*), с учетом того, что обе эти фибулы ремонтировались, и наличие ранней пряжки синхронизируется с дунайской ступенью D3, чему не противоречит стилистика орнаментации фибул. В отношении базельских находок (рис. 11,*11–12,14)* и аналогичных с вставками в небольшие выступы по бокам ножки, наверное, стоит вернуться к предложенной М. Мартином и поддержанной Ф. Бирбрауером их датировке последней третью V в. [25, S. 322].

Экземпляр из Фикароло (рис. 9,*3*) датирован Ф. Бирбрауером второй половиной V в., отмечена и его близость не только упомянутым чуть выше базельским, но и более ранним дунайским [25, S. 322–324]. Пару из Отвёшпусты (рис. 8,*2–3*) М. М. Казанский предложил рассматривать как звено в типологическом ряду от фибул типа Сокольнице (в узком значении термина) к образцу из Фикароло, отнесенного к особому типу [32, p. 38–39]. Это наблюдение мы считаем правильным, хотя эскизно намеченный «тип Фикароло» представляется нам слишком пестрым. Схожая датировка вполне приемлема и для фибулы из Мельстеда (рис. 8,*8*).

Интересующие нас находки из Галии, археологический контекст которых неизвестен, обстоятельнее всего рассматривались А. Кохом, который мог опираться лишь на непрямые аналоги и связанные с ними разные хронологические системы. Экземпляр из Шарне (рис. 6,*19*) был датирован им в рамках второй половины V в., не исключая начало VI в., с упоминанием и даты около конца V в., предложенной К. Пиле [35, S. 180–182]. Понятно, что эти хронологические рамки в одном случае явно слишком широки, в другом слишком узки, но более корректную датировку пока обосновать трудно. В отношении предложенной И. Вернером атрибуции фибул из Монсо-ле-Нёф (рис. 11,*9*) как «итало-готского импорта» первой половины VI в. А. Кох отметил, что это касается лишь некоторых стилистических элементов, не чуждых восточногерманским традициям и севернее Альп, в т.ч. дунайским, приведя как пример трехпалые фибулы из Отвёшпусты (рис. 8,*2–3*). Типологические наблюдения позволяют для пары из Монсо-ле-Нёф предложить датировку двумя последними десятилетиями V в. – около 500 г., не исключая раннего VI в., т.е. началом меровингской эпохи [35, S. 241–242].

В Подунавье стили, сложившиеся на ступенях D2/D3 и D3, продолжили развитие и позднее, особенно там, где этому не препятствовали миграции или сильные инокультурные влияния. Так, фибулу из Старой Буды (рис. 11,*4*) Я. Тейрал отнес к кругу древностей последней предлангобардской фазы, датируемых около перехода от V к VI в. [49, S. 267], практически приняв дату, предложенную автором публикации этого комплекса из Буды А. Тот [52, там литература].

Фибулы из Котай (рис. 10,*3–4*) Э. Иштванович и В. Кульчар отнесли к кругу изделий, прототипом которых были среднедунайские восточногерманские фибулы типа Сокольнице/Сексард. Уже эти образцы различаются деталями, не говоря о производных от них вариациях, распространившихся до Галии и Италии на западе и Боспора на востоке. Их относят к разным типам, выделяемым по разным основаниям, датируя в рамках второй половины / конца V – начала / первой половины VI в. Пара из Котай на этом фоне стилистически тяготеет к ранним вариациям, обычным до рубежа V и VI вв. [31, p. 122–124].

Этими венгерскими исследователями отмечена и близость экземпляров из Котай боспорским фибулам, соответствующим варианту 3 вида I по И. П. Засецкой, принимают они и точку зрения о происхождении этих и ряда других типов крымских фибул от дунайских второй половины V в. [31, p. 122]. В качестве единственного отличия упомянутых боспорских изделий от котайских Э. Иштванович и В. Кульчар указано наличие у первых небольших боковых выступов на ножке. Однако у пары из Котай есть прямые аналогии в Северном Причерноморье (вероятнее всего, на Боспоре), что и позволяет выделять серию Керчь (рис. 10,*3–4,7–10*). Причем их размеры (длина около 8–8,5 см) отличаются от образцов варианта 3 вида I по И. П. Засецкой, имеющих длину 9,6 и 9,7 см [8, с. 443, №№ 35–38]. Скорее всего, серия Керчь показывает линию переработки дунайских образцов параллельную той, что привела к формированию вида I боспорских фибул, включающего вариант 3 и близкий ему как по стилистике, так и размерам вариант 1. В основе всех их, судя по структуре орнаментации, лежат переработки образцов серии Сексард типа Сокольнице, но разных размерных стандартов.

Реперов для датировки интересующих нас ранних боспорских фибул только два. Подбойная могила 19/1904 из Керчи (с фибулами варианта 3 вида I) датирована И. П. Засецкой второй половиной V – началом VI в. [8, с. 427–429, 443 (№ 35–36), табл. III,35–36; XI–XII; 9, с. 24, 250–254]. Однако из нее происходят т.н. фокейские краснолаковые миски/тарелки формы 3F, датируемые первой половиной – третьей четвертью (возможно, и всей второй половиной) VI в. [см. обзор с учетом могильников Крыма: 4, с. 198]. С учетом отмеченной И. П. Засецкой близости стеклянных сосудов из этой могилы образцам, датированным V в., дата комплекса может быть сужена до первой трети или четверти VI в. Фибулы варианта 1 вида I происходят из погр. 12 склепа 78(1)/1907 в Керчи. Предлагавшиеся датировки материалов из этого склепа имеют очень большой разброс; мы присоединяемся к предложенной И. О. Гавритухиным и М. М. Казанским дате в рамках первой половины – середины VI в. [аргументы, обзор точек зрения и литературу см.: 4, с. 188–189; новая публикация находок: 9, с. 24–25, 262–277]. Отметим, что погр. 12 расположено в склепе 78/1907 на лежанке, то есть относится в этом сооружении не к поздним, которые были положены на пол склепа.

Учитывая, что дериваты могли появиться лишь тогда, когда их прототипы еще оставались актуальными, время появление серии Керчь типа Котай и вида I боспорских фибул следует относить к последней четверти (как минимум) или даже трети V в. Соответственно, время бытования их прототипа – серии Сексард типа Сокольнице – должно быть продлено до хотя бы части этого отрезка времени. Следует сказать, что и И. П. Засецкая, обобщая свои наблюдения, пишет о начале боспорского производства интересующих нас фибул «в конце», «в пределах последней четверти», «вероятнее всего, … последней четверти» V в. [8, с. 427, 435; 9, с. 27], хотя по непонятным причинам при характеристике конкретных изделий или комплексов постоянно включает в их хронологические рамки всю вторую половину V в.

Особый вопрос связан с местом изготовления фибул серии Керчь типа Котай. Весьма вероятно, что оно началось в Подунавье (может быть в бассейне Верхней Тисы), а потом мастер перебрался в Северное Причерноморье (вероятнее всего, на Боспор), что способствовало выработке стандартов местного производства. Однако, учитывая довольно активные в это время дунайско-крымские связи, которые едва ли были односторонними, вполне возможно, что эта серия сложилась по дунайским образцам на Боспоре, откуда хозяйка фибул переехала в Потсье[5]. Можно предположить и подарок с Боспора, например, от мастера, перебравшегося туда из Подунавья, или просто родственника. Возможны и другие варианты. Как бы то ни было, серию Керчь типа Котай следует отнести к периоду дунайско-крымских связей, положивших начало производству боспорских пальчатых фибул, т.е. датировать в рамках последней трети / четверти V – начала / первой четверти VI в.

Итак, полного соответствия рассматриваемой ножке фибулы из Кара-Тау нам найти не удалось. В качестве вероятных прототипов этого изделия можно назвать некоторые (явно не самые ранние) образцы серии Сексард (рис. 6,*3,17–18*) и крупные вариации серии Отвёшпуста (рис. 8,*8,11*) типа Сокольнице, а также серию Керчь типа Котай, в которой экземпляру из Кара-Тау особенно близки небольшие вариации (рис. 10,*7–8,10*). В этот ряд стоит поместить и фрагмент из Книнице (рис. 8,*5*), который мог принадлежать любой из упомянутых серий.

В любом случае, это был довольно грубо сделанный дериват указанных образцов. Исходя из этого, наиболее вероятным представляется его местное (крымское) изготовление. Тогда для датировки этой поделки вполне применимы выкладки, сделанные выше для серии Керчь типа Котай, даже если прототипом послужил импортный образец другой серии. Это определяет дату около последней трети / четверти V – начала / первой четверти VI в. Раннюю часть второй половины V в. в нашем случае из датировки следует исключить и потому, что орнаментация данной фибулы из Кара-Тау явно не принадлежит стилистике ступени D2/D3, показательной для этого времени. Более поздняя дата исключатся, исходя из того, что публикуемый экземпляр не принадлежит сериям, массовое производство которых было в Крыму было налажено не позднее первой половины VI в.

[5] Это могла быть и не та женщина, что похоронена с этими вещами. Напомним, что авторы раскопок считают, что рассматриваемые фибулы были положены в могилу, а не являлись частью костюма погребенной [31, p. 124–125].

Комплект клада

Комплексов с фибулами рассматриваемого круга немного. Легко убедиться, что с такими фибулами сочетаются серьги с 14-гранной напускной бусиной, обычно парные (рис. 6,*5–6*; 8,*4*; 10,*1–2*; 11,*13*), и/или браслеты с расширенными концами (рис. 9,*9*). Набор металлических украшений часто включал также довольно крупные пряжки (рис. 6,*11*; 7,*5,8,9*; 8,*1*; 11,*5*); реже перстни (рис. 6,*15,16*; 9,*10*), пронизи (рис. 8,*6*; 11,*1–2*); иногда подвески (рис. 6,*8–9,12–14*), бусы (рис. 6,*7*, в данном случае золотые), застежки (рис. 6,*10*), цепочки, соединявшее фибулы (10,*5–6*). Булавки (рис. 9,*1*), фибулы других типов (рис. 7,*3–4*; 8,*7,9,10*) и т.д. отражают или влияние на этот убор других культур, или его бытование (часто – только элементов) в инокультурной среде.

В целом же, костюм с фибулами (обычно парой) характерных типов, серьгами (зачастую с 14-гранником), ожерельем, парой браслетов (нередко с утолщенными концами) и (реже) перстнями на руках, большой пряжкой (характерны с прямоугольным щитком и ряда других типов) современные специалисты относят к женскому убору восточногерманских и связанных с ними традиций V–VII вв. [обзор крымских материалов в этом контексте см.: 1, с. 111–115, 154–156, 168–170, 250–271].

Публикуемый набор из Кара-Тау полностью вписывается в структуру женского убора этого круга, соответствуя его половине. Особенно показательны крымские комплексы второй половины V в., когда комплект из пары серег с 14-гранником и пары браслетов с утолщенными концами, в т.ч. с линейным врезным орнаментом концов, стал обычным, а фибула нередко использовалась одна или в сочетании с фибулой другого типа [напр.: 1, рис. 90,3–7,10–13; 91]. Отметим и датируемый чуть позднее (см. выше о хронологии фибул) набор из подбойной могилы 19/1904 в Керчи, включавший образцы варианта 3 вида I боспорских пальчатых фибул, типологически близких серии Керчь типа Котай, пару серег с 14-гранником, пару браслетов с утолщенными концами, фрагмент щитка пряжки [8, с. 427–428, 443 (№ 35–36), табл. III,35–36; XI,1–3,5–*6*; 9, с. 250–254].

Из часто встречаемых элементов наборов интересующего нас круга в кладе из Кара-Тау не хватает ожерелья и пряжки. Однако ожерелья во многих случаях не включали металлических деталей, а пряжка, как и вторая фибула (если фибул было две), могли быть сделаны из железа. Таким образом, мы получаем практически половину предметов женского убора, сделанных из драгоценных металлов – серебряные (в т.ч. с позолотой) серьгу, браслет, половину фибулы.

Представляется, что такой состав более всего соответствует добыче из разграбленного женского погребения, разделенной пополам, вероятно, двумя грабителями-подельниками. Один из них или тот, кто получил долю этой добычи, спрятал вещи в укромном месте – заброшенном полуразрушенном подвале на уже необитаемой вершине горы Кара-Тау. Впоследствии клад остался не востребованным.

Заключение

Рассмотрение вещей, составляющих клад Кара-Тау–2016, свидетельствует в пользу того, что они относятся к женскому убору восточногерманской и связанных с ней традиций V–VI вв. Для хронологии наиболее показательна ножка фибулы, являющаяся довольно грубым, скорее всего, местным дериватом изделий, прототипы которых восходят к среднедунайским образцам. Она датируется в рамках около последней трети / четверти V – начала / первой четверти VI в., вероятно, ближе к последней четверти V в. Остальные вещи (серьга, браслет) не противоречат такой датировке и культурной атрибуции комплекса, отражающего переработки влияний из Подунавья в местной среде.

Исследование комплекта клада привело к предположению, что он связан с одним из двух подельников, ограбивших женское захоронение, вполне типичное для Крыма V–VI вв. Когда это произошло – можно только гадать, никаких данных о времени совершения этого у нас нет. Все же дележ поровну (о чем свидетельствует практически половина фибулы), небольшая по меркам современности и недавнего времени стоимость вещей, тем не менее, спрятанных в глухом месте, склоняет к мысли о том, что ограбление произошло значительно раньше XIX–XX вв.

Незначительность депозита свидетельствует в пользу того, что составляющие его вещи едва ли были привезены издалека. Правда, могильников и поселений V–VI вв. ни на Кара-Тау, ни на северо-востоке региона Крымских гор пока не известно, что не исключает нахождение таких комплексов, например, в некрополе Кара-Тау, в будущем. К тому же, в фондах Музея-заповедника «Неаполь Скифский» собирается довольно представительная подборка находок из Белогорского района вне археологического контекста, «покрывающих» все выделяемые специалистами периоды крымской истории V–VII вв.

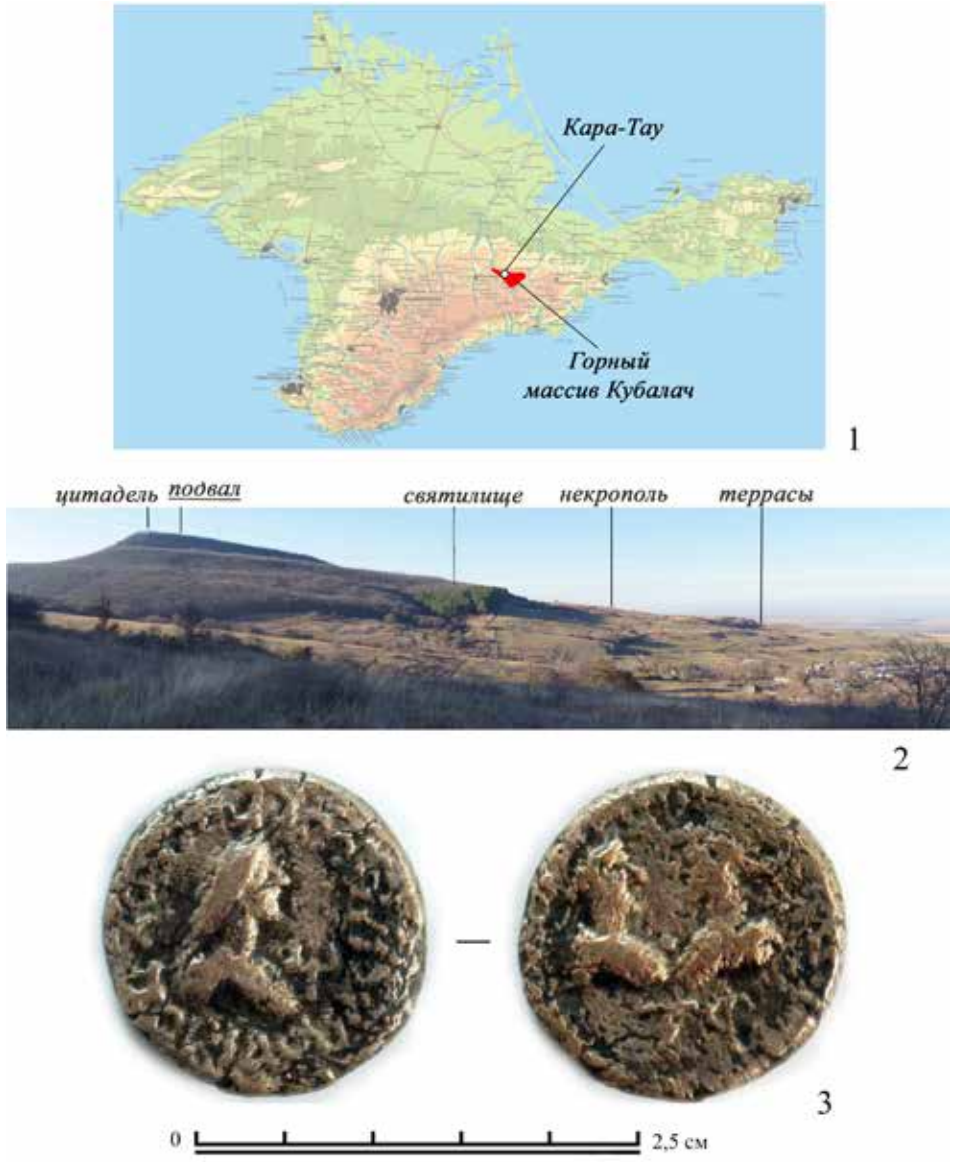


Рис. 1. *1* – Карта Крыма с обозначением горного массива Кубалач и археологического комплекса Кара-Тау.
2 – Фотопанорама археологического комплекса Кубалач, вид с востока.
3 – Боспорский статер Рескупорида IV 263–264 гг. н.э.

Рис. 2. План (*1*) и поперечный разрез (*2*) подвала

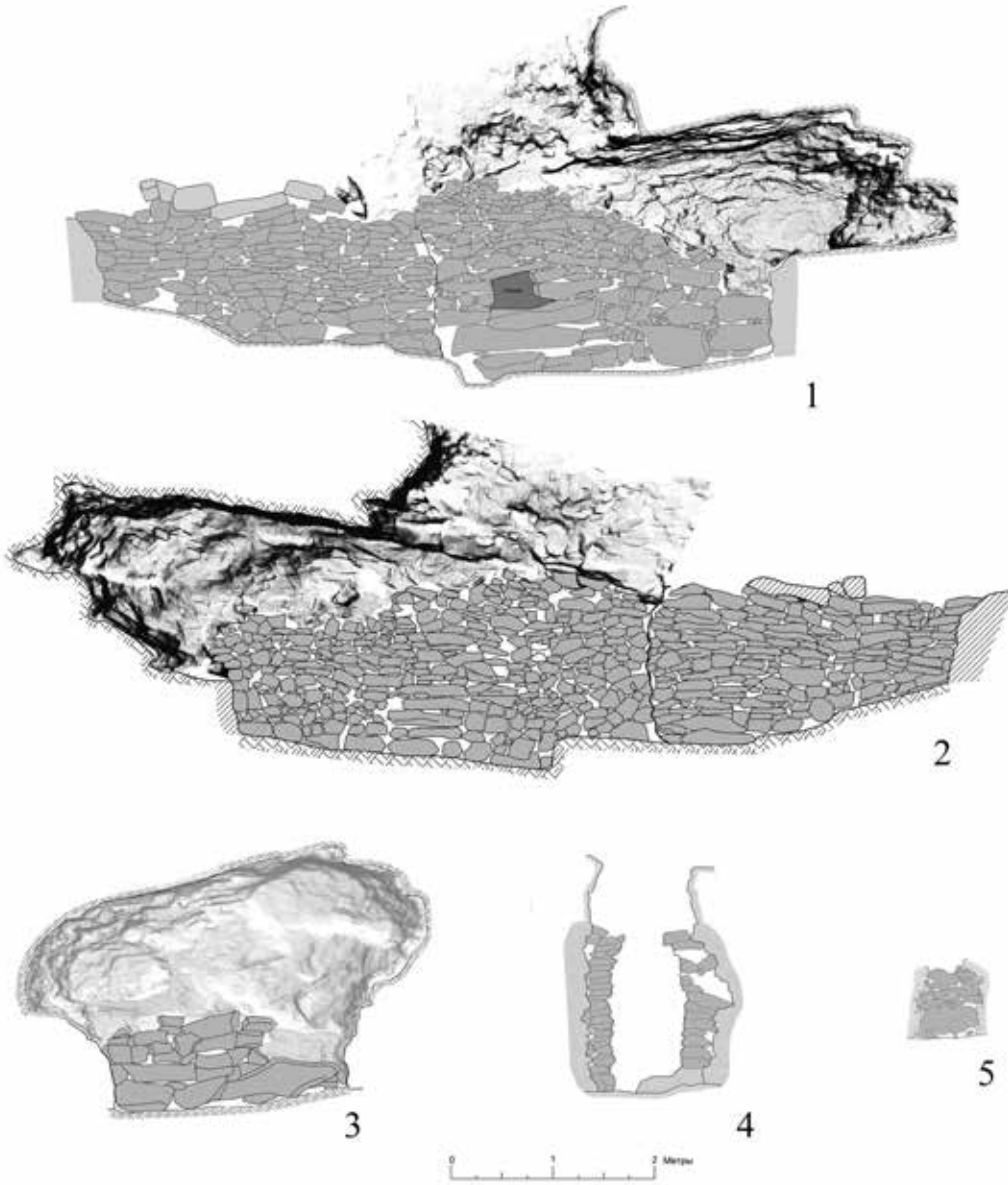


Рис. 3. Фасировки стен и разрезы подвала (по 3D модели): *1* – восточная стена, *2* – западная стена, *3* – южная стена, *4* – разрез коридора, *5* – северная стенка коридора

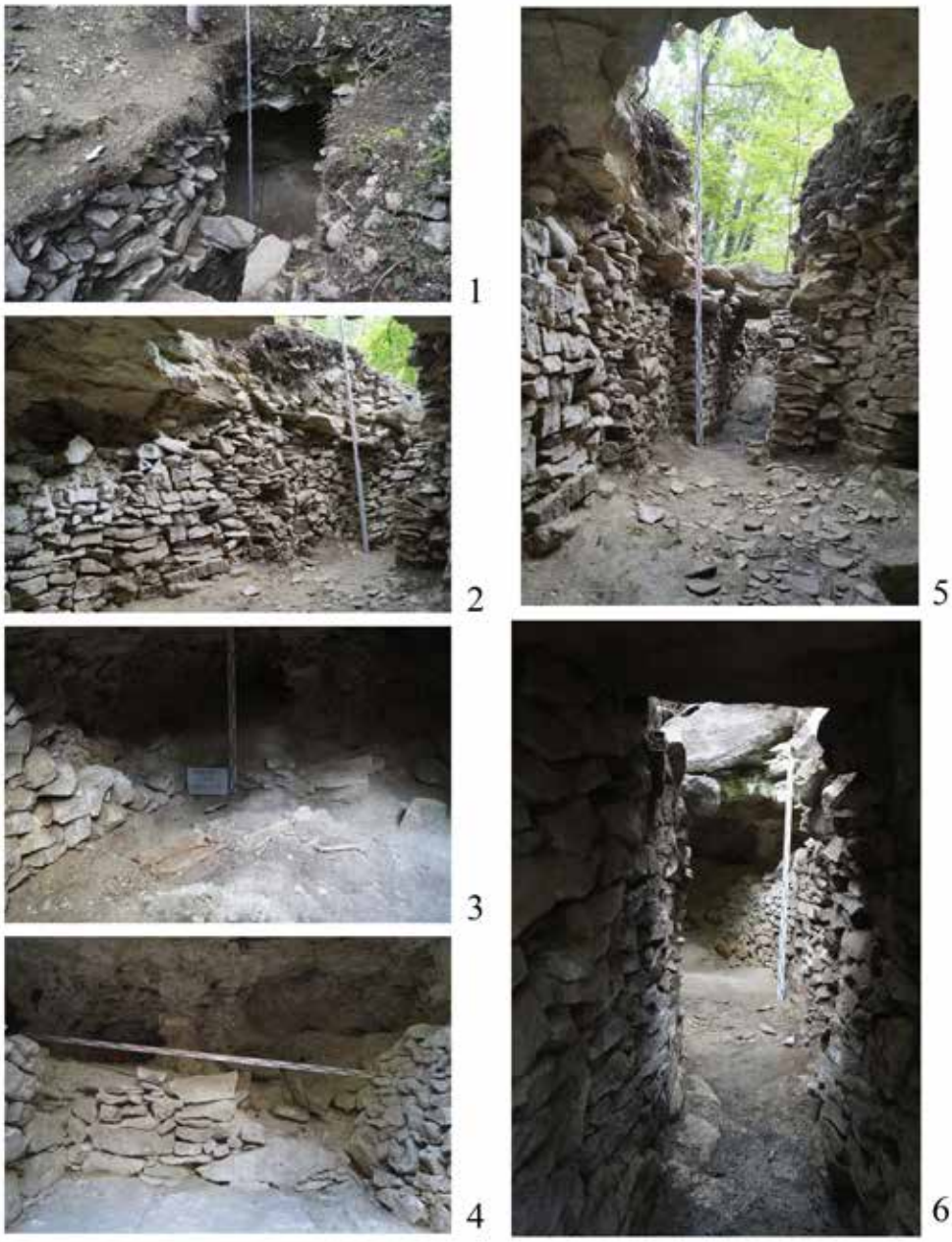


Рис. 4. Фотофиксация подвала: *1* – вид с севера на провал потолка, *2* – вид с юго-востока на западную стену, *3* – человеческие кости в юго-восточном углу, *4* – вид с севера на южную стенку, *5* – вид с юга на северную часть камеры и коридор, *6* – вид с севера через коридор в камеру

Рис. 5. Серебряные предметы: *1* – фрагмент фибулы, *2* – браслет, *3* – серьга или височное кольцо

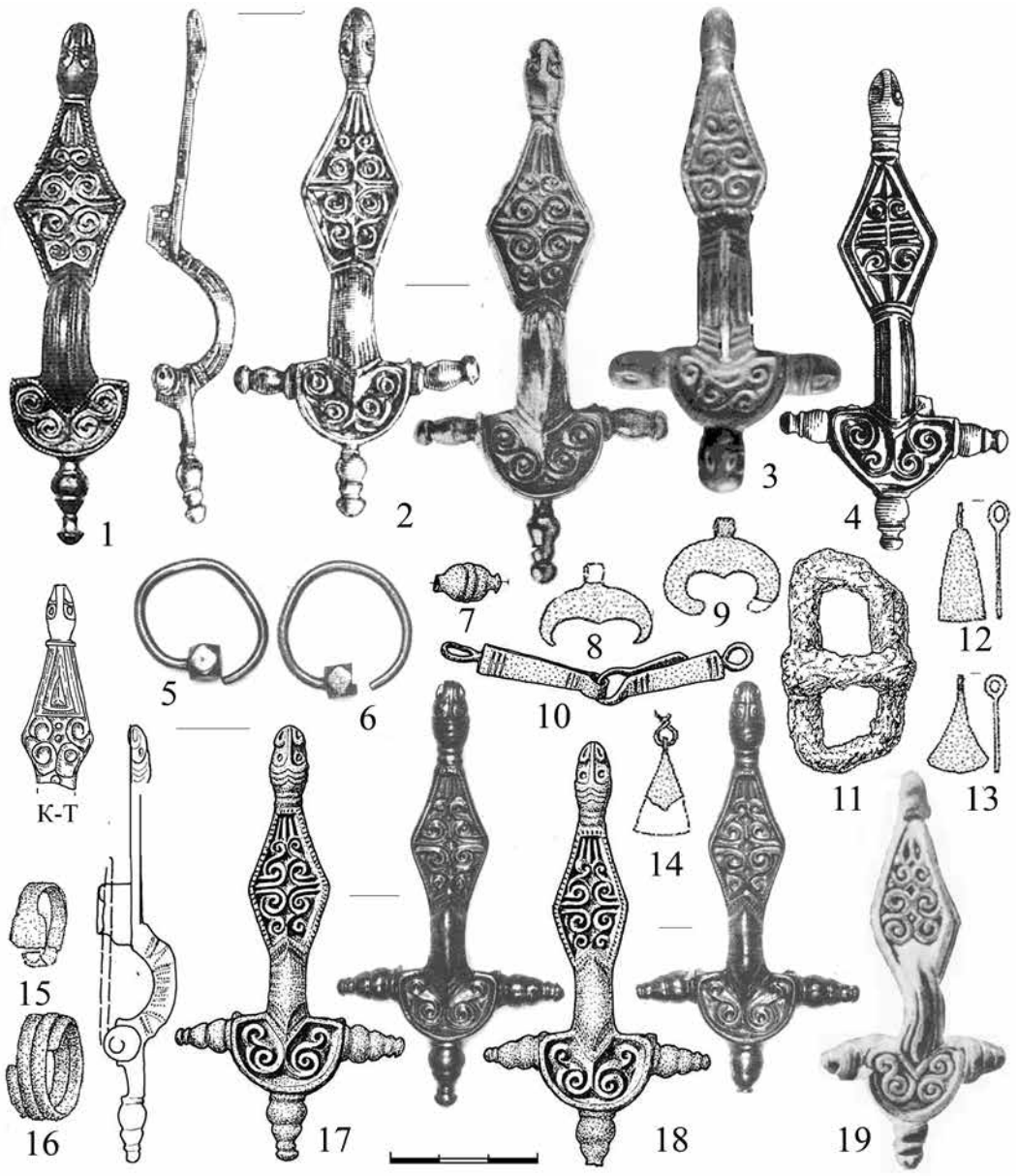


Рис. 6. *1* – «Венгрия»; *2, 4* – Сокольнице / Sokolnice (2 – погр. 5);
3 – коллекция Диргардта / Diergardt; *5–18* – Сексард– Паланк / Szekszárd-Palánk, погр. 217;
19 – Шарне / Charnay; К-Т – Кара-Тау (см. рис. 5,1)
По: 1 – [26, Taf. LII,5]; 2, 4 – [36, Taf. 266/68,25; 46, obr. 94,6; 96,2]; 3 – [54, Taf. 18,81];
5–18 – [33, Abb. 6,1–4,7; 7,1,5,38,39; 8,7,9,10; 15,5,6]; 19 – [36, Taf. 266/68,28]

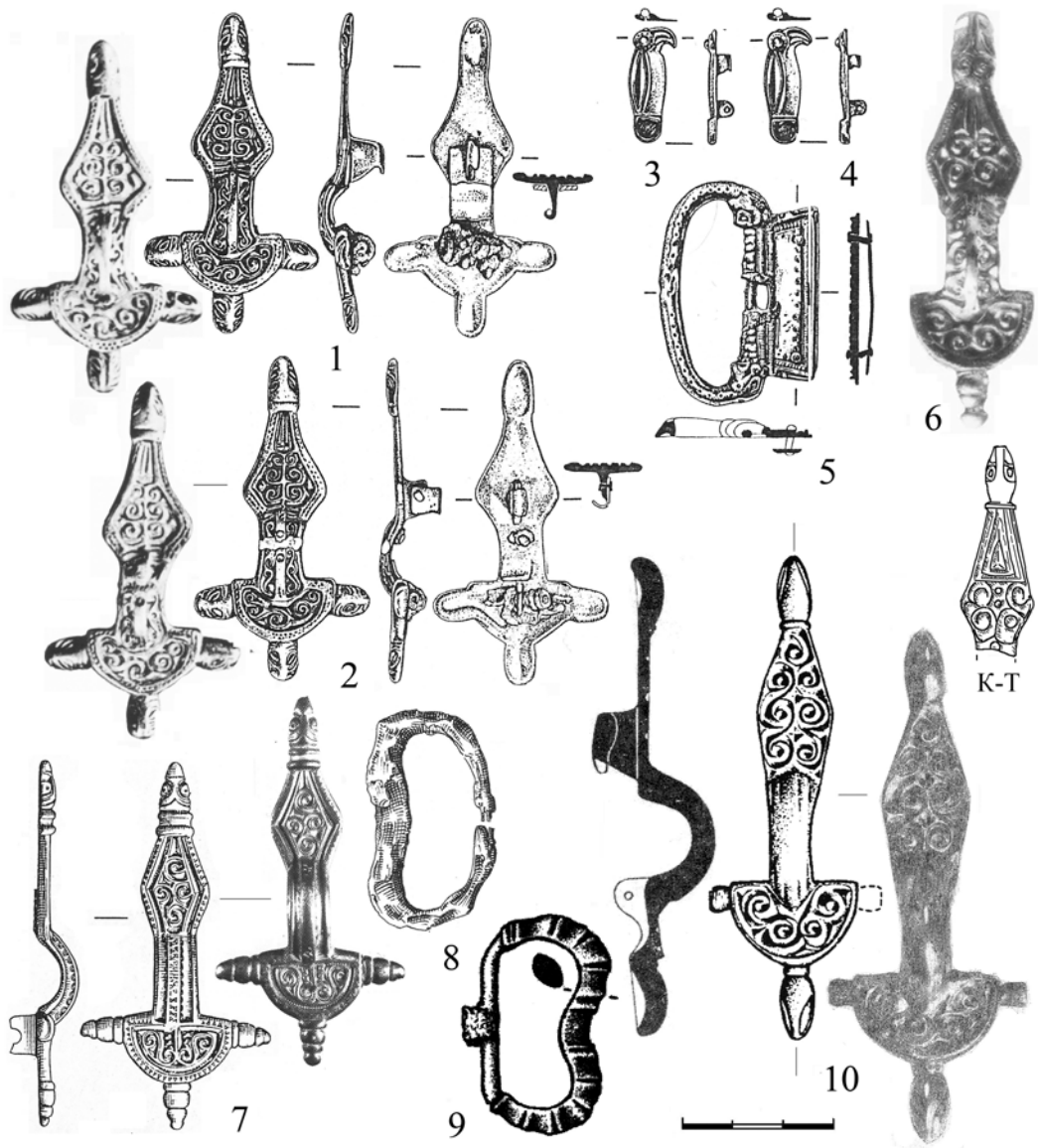


Рис. 7. *1–5* – Вайнгартен / Weingarten, погр. 241; *6* – Борнхайм / Bornheim; *7 –8* – Лютцен / Lützen, погр. 19; *9–10* – Хемминген / Hemmingen, погр. 24; К-Т – Кара-Тау (см. рис. 5,1)
По: 1–5 – [43, Taf. 76B,1–3]; 6 – [36, Taf. 265/68,2]; 7–8 – [23, Abb. 20,2–3,5]; 9–10 – [40, Taf. 5,24–2,3]

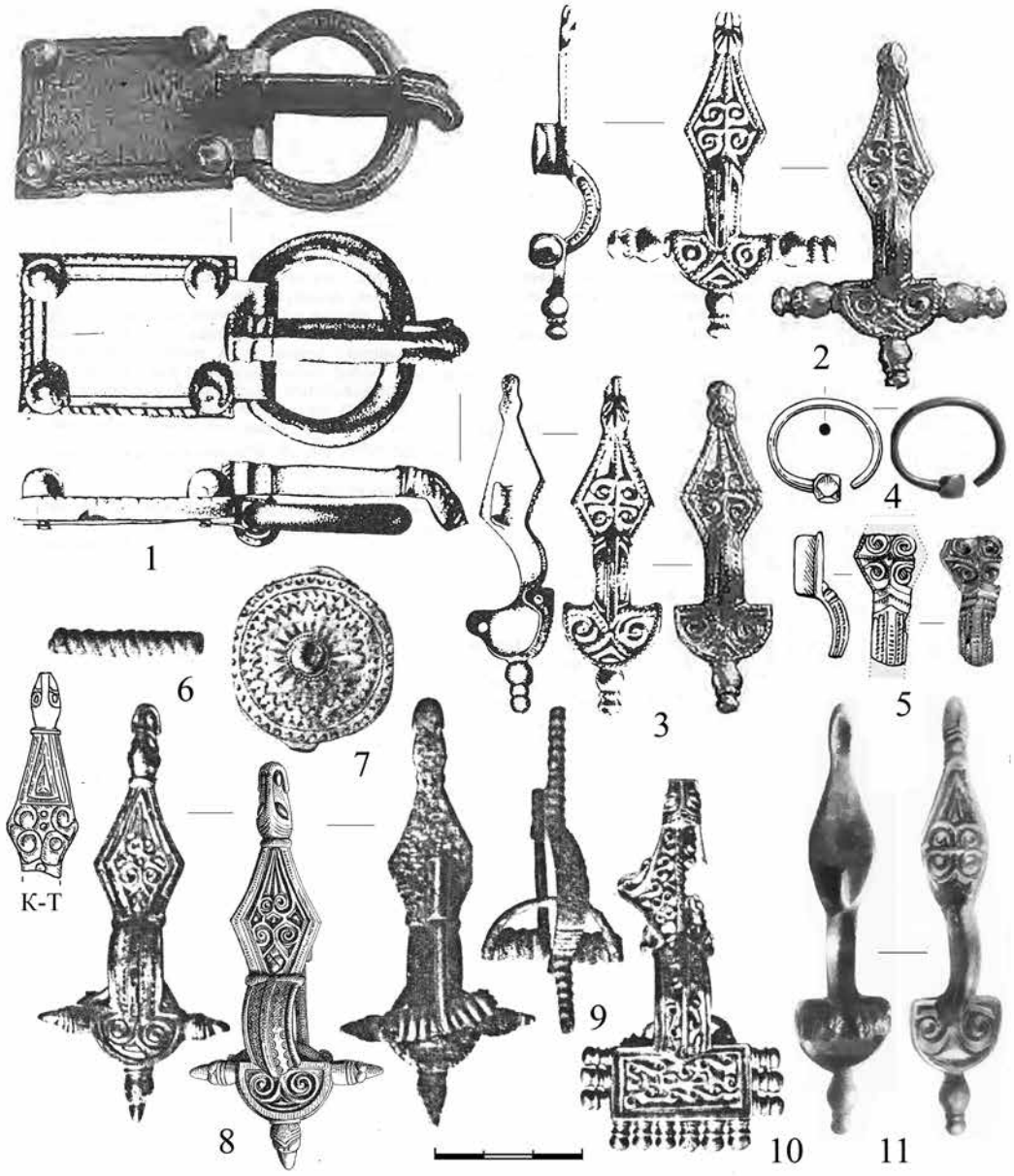


Рис. 8. *1–3* – Дабронк–Отвёшпуста / Dabronc-Ötvöspuszta; *4–5* – Книнице / Knínice; *6–10* – Мельстед / Melsted, погр. 8; *11* – Аквасанта / Acquasanta; К-Т – Кара-Тау (см. рис. 5,1)
По: 1–3 – [44, 3,1–3 ábra; 24, Abb. 20,4–6]; 4–5 – [28, Fig. 16];
6–10 – [34, fig. 58,6,7,9,20; 75,4,7; 23, Abb. 20,1]; 11 – [22, Taf. 41,4a,4b]

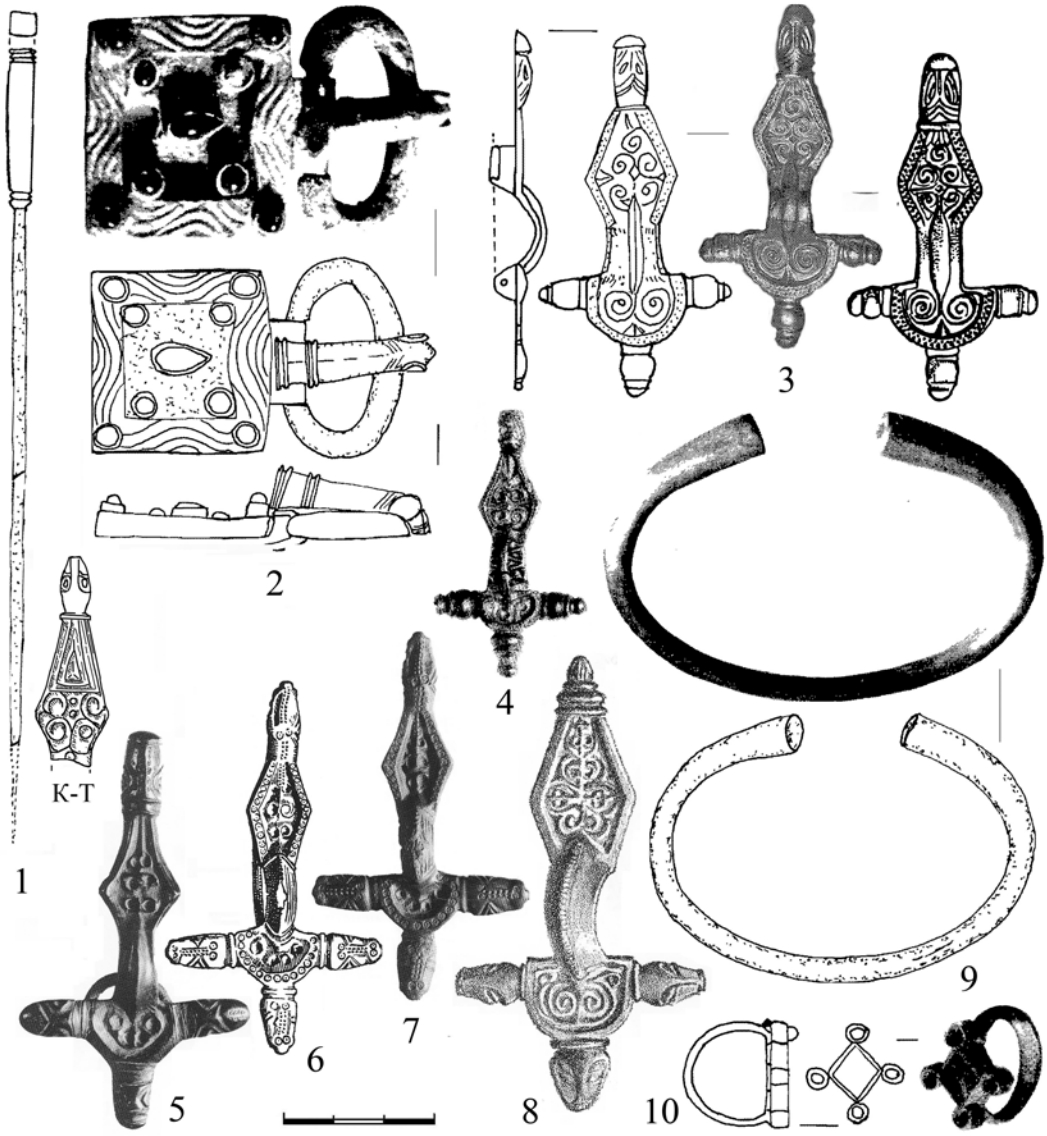


Рис. 9. *1–3, 9–10* – Фикароло / Ficarolo, скелет 4; *4* – Люманда / Lümanda; *5* – Кюссен / Kussen; *6* – Штернвальде / Sternwalde; *7* – Варенген / Warengen, погр. 18; *8* – «Восточная Пруссия»; К-Т – Кара-Тау (см. рис. 5,1)
По: 1–3, 9–10 – [25, fig. 2; 3,1; 4,1–4; 8, рис. 5,3]; 4–8 – [30, Abb. 5.34,a–c; 5.37, Taf. 28,245]

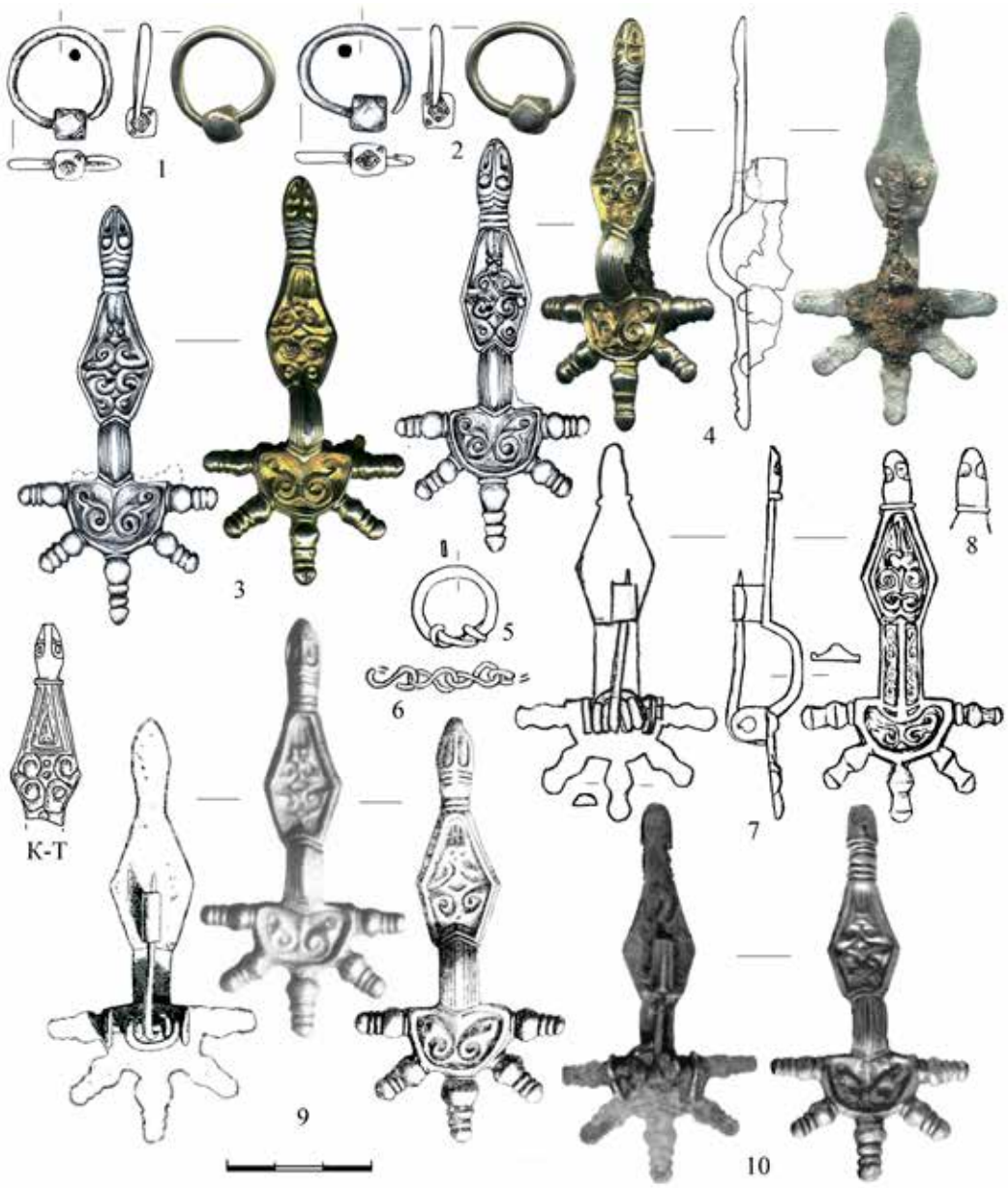


Рис. 10. *1–4* – Котай, ферма Верба / Kótaj–Verba-tanya, погр. 55;
5–9 – «Керчь» (5–8 – Одесский археологический музей;
9 – Государственный Исторический музей, Стокгольм);
10 – «Южная Россия», коллекция Диргардта / Diergardt; К-Т – Кара-Тау (см. рис. 5,1)
По: 1–4 – [31, fig. 8,2–3; 9]; 5–8 – Архив ИА РАН, фонд А. К. Амброза;
9 – [45, Fig. 39, 36, Taf. 265/68,6]; 10 – [54, Taf. 28,112]

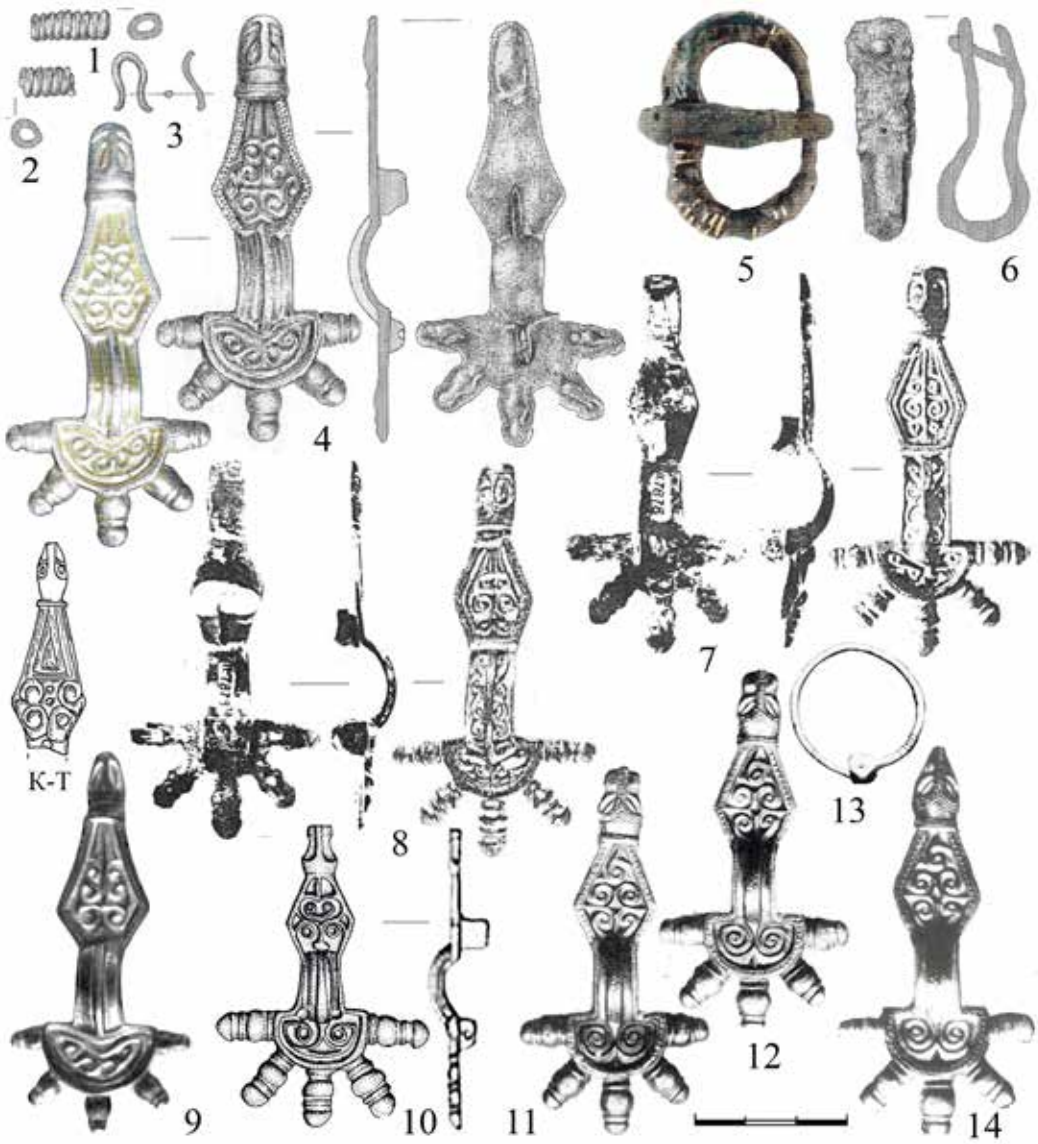


Рис. 11. *1–6* – Будапешт, Старая Буда / Budapest, Óbuda; *7–8* – Варна;
9 – Монсо-ле-Нёф / Monceau-le-Neuf; *10* – Бойна II / Bojná II; *11–13* – Базель–Готтербармвег / Basel–Gotterbarmweg, погр. 22; *14* – Базель–Кляйнхюнинген / Basel–Kleinhüningen, погр. 75; К-Т – Кара-Тау (см. рис. 5,1)
По: 1–6 – [52, fig. 6.3,1,3; 6.4,3,6,8, pl. I.1; I.2]; 7–8 – [17, T. 1,1,2]; 9 – [54, Taf. 5,15a]; 10 – [42, obr. 3,1]; 11–13 – [53, S. 159, Pl. X; XXII-2-4]; 14 – [39, Abb. 2,4]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Крымские готы страны Дори (середина III – VII в.). Симферополь: Антиква, 2017. 368 с.
2. Богачев А.В. Серьги с многогранником V–VII вв. на Средней Волге и в Предуралье (к вопросу о готоаланском присутствии в регионе) // Вояджер: мир и человек. 2016. № 6. С. 7–56.
3. Гаврилов А.В., Труфанов А.А. Новый античный памятник на горе Кара-Тау у северных склонов Внешней гряды Крымских гор // Древности Боспора. 2014. Т. 18. С. 126–164.
4. Гавритухин И.О., Обломский А.М., Торгоев А.И. Антропоморфные амулеты-фигурки из Стаево на фоне находок из Евразии // Торгово-ремесленный комплекс у с. Стаево в верховьях р. Воронеж (конец V – VII вв.) и некоторые проблемы археологии Верхнего Подонья эпохи раннего Средневековья / Ред. А.М. Обломский. М., СПб.: Нестор-История. 2022. С. 170–226, 487–509, 542. (Раннеславянский мир. Вып. 21).
5. Зайцев Ю.П. У западных границ Боспора. Варвары Центрального Крыма по результатам новейших исследований // Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира: Материалы международной научной конференции. СПб., 2018. Ч. 2. С. 206–211.
6. Зайцев Ю.П., Шкрибляк И.И. Горный массив Кубалач как новый феномен археологии Крыма // Крым в эпоху эллинизма. Межкультурные процессы по данным новейших археологических исследований / Ред. Ю.П. Зайцев. Симферополь: Тарпан, 2017. С. 139–153.
7. Зайцев Ю.П., Шкрибляк И.И. Святилище римского времени на горе Кара-Тау в Предгорном Крыму // Stratum plus. 2022. № 4. С. 129–149.
8. Засецкая И.П. Датировка и происхождение пальчатых фибул боспоркого некрополя раннесредневекового периода // МАИЭТ. 1998. Вып. VI. С. 394–478.
9. Засецкая И.П. Боспорский некрополь эпохи Великого переселения народов. Последняя четверть IV – начало VII века: каталог коллекции. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2024. 376 с.
10. Малашев В.Ю., Гаджиев И.С., Ильюков Л.С. Страна маскутов в Западном Прикаспии. Курганные могильники Прикаспийского Дагестана III–V вв. н.э. Махачкала: Мавраевъ, 2015. 451 с.
11. Мастыкова А.В. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н.э. М.: ИА РАН, 2009. 502 с.
12. Сазанов А.В. Амфоры с SNP I: проблемы классификации и хронологии // ПИФК. 2022. Вып. 1. С. 90–144.
13. Свиридов А.Н., Язиков С.В. Могильник римского времени Фронтовое 3 в Юго-Западном Крыму. Ч. 1. М.: ИА РАН, 2023. 460 с. (Материалы спасательных археологических исследований. Т. 33).
14. Свиридов А.Н., Язиков С.В. Могильник римского времени Фронтовое 3 в Юго-Западном Крыму. Ч. 2. М.: ИА РАН, 2024. 452 с. (Материалы спасательных археологических исследований. Т. 33).
15. Свиридов А.Н., Язиков С.В. Могильник римского времени Фронтовое 3 в Юго-Западном Крыму. Ч. 3. М.: ИА РАН, 2024. 436 с. (Материалы спасательных археологических исследований. Т. 33).
16. Хайрединова Э.А. Серьги с литым неподвижным многогранником из Крыма // МАИЭТ. 2015. Вып. XX. С. 95–132.
17. Хараламбиева А. Две готски фибули от западния некропол на Одесос // Известия на Народния музей. Варна, 1992. Т. 28 (43). С. 137–143.
18. Хомякова О.А. Браслеты с расширенными концами, изготовленные из драгоценных металлов в позднеримское время и эпоху Великого переселения народов: дунайско-днепровско-прибалтийские параллели // Нижневолжский археологический вестник. 2024. Т. 23, № 1. С. 102–135.
19. Храпунов И.Н. Могильник Нейзац (II–IV вв. н.э.): в 3-х тт. Том 1 (текст). Севастополь: Альбатрос, 2025. 472 с.
20. Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1904 г. // ИАК. 1907. Вып. 25. С. 1–66.
21. Шкрибляк И.И. Античное святилище на г. Кара-Тау в Предгорном Крыму // Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории: Материалы научной конференции. Севастополь, 2019. С. 336–342.
22. Annibaldi G., Werner J. Ostgotische Grabfunde aus Acquasanta, Prov. Ascoli Piceno (Marche) // Germania. 1963. Bd. 41–2. S. 356–373.
23. Bemmann J. Mitteldeutschland im 5. Jahrhundert – Eine Zwischenstation auf dem Weg der Langobarden in den mittleren Donauraum? // Kulturwandel in Mitteleuropa. Langobarden – Awaren – Slawen, Akten der Internationalen Tagung in Bonn vom 25. bis 28. Februar 2008 / Hrsg. J. Bemmann, M. Schmuder. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2008. S. 145–227.
24. Bierbrauer V. Das Frauengrab von Castelbolognese in der Romagna (Italien). Zur chronologischen, ethnischen und historischen Auswertbarkeit des ostgermanischen Funastoffs des 5. Jahrhunderts in Südosteuropa und Italien // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. 1995. Bd. 38 (1991). S. 541–592.
25. Bierbrauer V., Büsing H., Büsing Kolbe A. Die Dame von Ficarolo // Archeologia medieval. 1993. Vol. 20. S. 303–332.
26. Bona I. Die Langobarden in Ungam // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1956. Vol. 7. P. 183–242.

27. Dobos A., Opreanu C.H. Migration period and early medieval cemeteries at Fântânele (Bistriţa-Năsăud county). Cluj-Napoca: Editura Mega, 2012. 160 p. (Patrimonium Archaeologicum Transylvanicum. Vol. 5).
28. Droberjar E., Knápek R., Jarůšková Z. The importance of finds from the Migration period in Malá Haná (Moravia) // Přehled vyzkumů. 2019. Vol. 60 (1). P. 109–41.
29. Eger Chr. Zur Verbreitung und Herkunft der Polyederohrringe im südwestlichen Mittelmeerraum // Madrider Mitteilungen. 2005. Bd. 46. S. 437–471.
30. Hilberg V. Masurische Bügelfibeln. Studien zu den Fernbeziehungen der völkerwanderungszeitlichen Brandgräberfelder von Daumen und Kellaren. Neumünster: Wachholz Verlag, 2009. 616 S. (Schriften des archäologischen Landesmuseums. Bd. 9).
31. Istvánovits E., Kulcsár V. A 5th–6th century catacomb grave from Kótaj–Verba farm (Hungary, Szabolcs-Szatmár-Bereg County) // Travaux et mémoires. 2023. Vol. 27. P. 105–130.
32. Kazanski M. Fibules digitées de tradition « danubienne» de l'époque des Grandes Migrations, découvertes en Gaule du Sud // Archeologie du Midi medieval. 2016. Vol. 34. P. 37–49.
33. Kiss A. Das Gräberfeld von Szekszárd-Palánk aus der zweiten Hälfte des 5. Jh. und der ostgotische Fundstoff in Pannonien // Zalai Muzeum: Kozlemenyek Zala megye muzeumaibol. 1997. Vol. 6. S. 53–86.
34. Klindt-Jensen O. Bornholm i folkevandringstiden og forudsaetningerne i tidlig jernalder. København: Nacionalmuseet, 1957. 323 S.
35. Koch A. Bügelfibeln der Merowingerzeit im westlichen Frankenreich. Bd. 1–2. Mainz: Verlag der RGZM, 1998. 748 s. (Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. Bd. 41).
36. Kühn H. Die germanischen Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit in Süddeutschland. Garz: Akademische Drick- und Verlagsabstalt, 1974. 1386 S.
37. Koch U. Das alamannisch-fränkische Gräberfeld bei Pleidelsheim. Stuttgart: Konrad Theiss Verlag, 2001. 647 S. (Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Württemberg. Bd. 60).
38. Legoux R., Périn P., Vallet F. Chronologie normalisée du mobilier funéraire mérovingien entre Manche et Lorraine. Saint-Germain-en-Laye: Association française d'archéologie mérovingienne, 2009. 66 p.
39. Meier T. Methodenprobleme einer Chronologie der Merowingerzeit in Süddeutschland. Eine Diskussion anhand von Matthias Friedrich „Archäologische Chronologie und historische Interpretation: Die Merowingerzeit in Süddeutschland" (2016) // Germania. 2020. Bd. 98. S. 237–290.
40. Muller H. F. Das alamannische Graberfeld von Hemmingen, Kreis Ludwigsburg. Stuttgart: Muller & Graff, Kommissionsverlag, 1976. 159 S. (Forschungen und Berichte zur Vor- und Früchgeschichte in Baden-Württemberg. Bd. 7).
41. Nieveler E., Siegmund F. The Merovingian chronology of the Lower Rhine area: results and problems // The Pace of Change. Studies in Early-Medieval Chronology / Eds. J. Hines, K. Høilund Nielsen, F. Siegmund. Oxford: Oxbow Books, 1999. P. 3–22.
42. Pieta K. Hradiská Bojná II a Bojná III. Významné sídlo z doby sťahovania národov a opevnenia z 9. storočia // Bojna, hospodarske a politicke cenrum Nitrianskeho kniežatstva / Eds. K. Pieta, A. Ruttkay, M. Ruttkay. Nitra: Archeologický ústav Slovenskej akadémie vied, 2007. S. 173–190.
43. Roth H., Theune C. Das frühmittelalterliche Gräberfeld bei Weingarten (Kr. Ravensburg). Katalog der Grabinventare. Stuttgart: Konrad Theiss Verlag, 1995. 536 S. (Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Württemberg. Bd. 44/1).
44. Sági K. Az Ötvöspusztai V. századi sír // A Veszprém Megyei Múzeumok Közleményei. 1985. Vol. 17 (1984). P. 81–91.
45. Salin B. Die altgermanische Thierornamentik. Typologische Studie über germanische Metallgegenstände aus dem IV. bis IX. Jahrhundert, nebst einer Studie über irische Ornamentik. Berlin: K.L. Beckmans büchdruckerei, in Kommission bei A. Asher, 1904. 400 S. (Neue Aufl.: Stockholm: Wahlström & Widstrand, 1935).
46. Tejral J. Morava na sklonku antiky. Praha: Academia, 1982. 256 s.
47. Tejral J. Neue Aspekte der frühvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonauraum // Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donauraum / Hrsg. J. Tejral, H. Friesinger, M. Kazanski. Brno: Archeologický Ústav Akademie Věd České Republiky, 1997. S. 321–392. (Spisy Archeologického ústavu AV ČR Brno. Bd. 8).
48. Tejral J. Beiträge zur Chronologie des langobardischen Fundstoffes nördlich der mittleren Donau // Probleme der frühen Merowingerzeit im Mitteldonauraum / Hrsg. J. Tejral. Brno: Archeologický Ústav Akademie Věd České Republiky, 2002. S. 313–358. (Spisy Archeologickeho ustavu AV ČR Brno. Bd. 19).
49. Tejral J. Ein Abriss der frühmerowingerzeitlichen Entwicklung im mittleren Donauraum bis zum Anfang des 6. Jahrhunderts // Kulturwandel in Mitteleuropa. Langobarden – Awaren – Slawen / Hrsg. J. Bemmann, M. Schmauder. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GhbH, 2008. S. 248–283.
50. Tejral J. Spätantik – merowingisch – frühmittelalterlich. Strittige Übergänge im mittleren Donauraum aus der Sicht der Archäologie // Grenz Übergänge. Spätrömisch, frühchristlich, frühbyzantinisch als Kategorien der historisch-archäologischen Forschung an der mittleren Donau / Hrsg. I. Bugarski, O. Heinrich-Tamáska, V. Ivanišević, D. Syrbe. Remshalden: Verlag Bernhard Albert Greiner, 2016. S. 103–120.

51. Theune C. On the chronology of Merovingian period grave goods in Alamannia // The pace of change. Studies in early medieval chronology / Eds. J. Hines, K.H. Nielsen, F. Siegmund. Oxford: Oxbow Books, 1999. P. 23–33.
52. Tóth Á.B. A fifth-century burial from Old Buda (Budapest) // Neglected Barbarians / Ed. F. Curta. Turnhout: Brepols, 2010. P. 177–208. (Studies in the early Middle Ages. Vol. 32).
53. Vogt E. Das alamannische Gräberfeld am alten Gotterbarmweg in Basel // Anzeiger fur schweizerische Altertumskunde, Neue Folge. 1930. XXXII (3). S. 145–164.
54. Werner J. Katalog der Sammlung Diergardt (Völkerwanderungszeitliche Schmuck). Die Fibeln 1. Berlin: Verlag Gerb. Mann, 1961. 68 S.

REFERENCES

1. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. *Krymskie goty strany Dori (seredina III – VII v.)* [Crimean Goths in the region of Dory (mid-third to seventh century)]. Simferopol, Antikva Publ., 2017, 368 p.
2. Bogachev A.V. Polyhedron earrings from the 5th–7th centuries in the Middle Volga and the Cis-Urals (on the issue of the Gothic-Alanian presence in the region). *Voiadzher: mir i chelovek* [Voyager: World and Man], 2016, no. 6, pp. 7–56.
3. Gavrilov A.V., Trufanov A.A. New antique monument on mount Kara-Tau in the northern slopes of the outer ridge of the Crimean mountains. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of Bosporos], 2014, vol. 18, pp. 126–164.
4. Gavritukhin I.O., Oblomsky A.M., Torgoev A.I. Anthropomorphic amulets-figurines from Staevo against the background of findings from Eurasia. A.M. Oblomsky (ed.), *Torgovo-remeslennyi kompleks u s. Staevo v verkhov'iakh r. Voronezh (konets V – VII vv.) i nekotorye problemy arkheologii Verkhnego Podon'ia epokhi rannego Srednevekov'ia* [The trade and handicraft complex near the village Staevo in the upper reaches of the Voronezh River (late 5th – 7th centuries) and some problems of archaeology of the Upper Don area of the Early Middle Ages], St. Petersburg, Nestor-Istoria Publ., 2022, pp. 170–226, 487–509, 542. (Early Slavic world. Vol. 21).
5. Zaytsev Yu.P. At the Western Borders of the Bosporus. Barbarians of Central Crimea based on the results of the latest research. *Bosporskii fenomen. Obshchee i osobennoe v istoriko-kul'turnom prostranstve antichnogo mira: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [The Bosporan phenomenon: general and peculiar features of historical and cultural space in the world of classical antiquity. Proceedings of the international conference], St. Petersburg, 2018, part 2. pp. 206–211.
6. Zaytsev Yu.P., Shkribliak I.I. The Kubalach mountain massif as a new phenomenon in Crimean archaeology. Yu.P. Zaytsev (ed.), *Krym v epokhu ellinizma. Mezhkul'turnye protsessy po dannym noveishikh arkheologicheskikh issledovanii* [Crimea in the Hellenistic Era. Intercultural processes based on recent archaeological research], Simferopol, Tarpan Publ., 2017, pp. 139–153.
7. Zaytsev Yu.P., Shkribliak I.I. Sanctuary of Roman Time on the Kara-Tau mount in piedmont Crimea. *Stratum plus*, 2022, no. 4, pp. 129–149.
8. Zasetskaya I.P. Dating and the provenance of radiate-headed brooches (finger-shaped fibulas) from Bosporos necropolis of Early-Medieval period. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 1998, vol. 6, pp. 394–478.
9. Zasetskaya I.P. *Bosporskii nekropol' epokhi Velikogo pereseleniia narodov. Posledniaia chetvert' IV – nachalo VII veka: katalog kollektsii* [Bosporan Necropolis of the Great Migration Period. Last quarter of the 4th – early 7th century: Collection catalogue]. St. Petersburg, State Hermitage Museum Publ., 2024, 376 p.
10. Malashev V.Iu., Gadzhiev I.S., Il'iukov L.S. *Strana maskutov v Zapadnom Prikaspii. Kurgannye mogil'niki Prikaspiiskogo Dagestana III–V vv. n.e.* [The country of the Maskuts in the Western Caspian Region. Burial mounds of Caspian Dagestan, 3rd–5th centuries AD]. Makhachkala, Mavraev Publ., 2015, 451 p.
11. Mastykova A.V. *Zhenskii kostium Tsentral'nogo i Zapadnogo Predkavkaz'ia v kontse IV – seredine VI v. n.e.* [Women's costume of the Central and Western Ciscaucasia in the late 4th – mid 6th century AD]. Moscow, Institute of Archaeology of RAS Publ., 2009, 502 p.
12. Sazanov A.V. Amphorae SNP I: problems of classification and chronology. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies], 2022, vol. 1, pp. 90–144.
13. Sviridov A.N., Iazikov S.V. *Mogil'nik rimskogo vremeni Frontovoe 3 v Iugo-Zapadnom Krymu* [The Roman burial ground Frontovoye 3 in Southwestern Crimea]. Part 1. Moscow, Institute of Archaeology of RAS Publ., 2023, 460 p. (Materials of rescue archaeological research. Vol. 33).
14. Sviridov A.N., Iazikov S.V. *Mogil'nik rimskogo vremeni Frontovoe 3 v Iugo-Zapadnom Krymu* [The Roman burial ground Frontovoye 3 in Southwestern Crimea]. Part 2. Moscow, Institute of Archaeology of RAS Publ., 2024,. 452 p. (Materials of rescue archaeological research. Vol. 33).
15. Sviridov A.N., Iazikov S.V. *Mogil'nik rimskogo vremeni Frontovoe 3 v Iugo-Zapadnom Krymu* [The Roman burial ground Frontovoye 3 in Southwestern Crimea]. Part 3. Moscow, Institute of Archaeology of RAS Publ., 2024, 436 p. (Materials of rescue archaeological research. Vol. 33).
16. Khairedinova E.A. Earrings with a Cast Immobile Polyhedron in the Crimea. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2015, vol. 20, pp. 95–132.

17. Kharalambieva A. Two Gothic brooches from the western necropolis on Odessos. *Izvestiia na Narodniia muzei* [News of the People's Museum], Varna, 1992, vol. 28 (43), pp. 137–143.
18. Khomiakova O.A. Bracelets with Widened Ends Made from Precious Metals of the Late Roman and the Great Migration Period: Danube-Dnieper-Baltic Parallels. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 23, no. 1, pp. 102–135.
19. Khrapunov I.N. *Mogil'nik Neizats (II–IV vv. n.e.): v 3-kh tt. Tom 1 (tekst)* [The Neyzats burial ground (2nd–4th centuries AD): in 3 volumes. Volume 1 (text)]. Sevastopol, Al'batros Publ., 2025, 472 p.
20. Shkorpil V.V. Report on Excavations in Kerch in 1904. *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii* [Proceedings of the Imperial Archaeological Commission], 1907, vol. 25, pp. 1–66.
21. Shkribliak I.I. Ancient sanctuary on mount Kara-Tau in the foothills of Crimea. *Antichnye relikvii Khersonesa: otkrytiia, nakhodki, teorii: Materialy nauchnoi konferentsii* [Ancient Relics of Chersonesos: Discoveries, Finds, Theories: Proceedings of a Scientific Conference], Sevastopol, 2019, pp. 336–342.
22. Annibaldi G., Werner J. Ostgotische Grabfunde aus Acquasanta, Prov. Ascoli Piceno (Marche). *Germania*, 1963, Bd. 41–2, S. 356–373.
23. Bemmann J. Mitteldeutschland im 5. Jahrhundert – Eine Zwischenstation auf dem Weg der Langobarden in den mittleren Donauraum? J. Bemmann, M. Schmuder (Hrsg.), *Kulturwandel in Mitteleuropa. Langobarden – Awaren – Slawen, Akten der Internationalen Tagung in Bonn vom 25. bis 28. Februar 2008.* Bonn, Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2008, S. 145–227.
24. Bierbrauer V. Das Frauengrab von Castelbolognese in der Romagna (Italien). Zur chronologischen, ethnischen und historischen Auswertbarkeit des ostgermanischen Funastoffs des 5. Jahrhunderts in Südosteuropa und Italien. *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz,* 1995, Bd. 38 (1991), S. 541–592.
25. Bierbrauer V., Büsing H., Büsing Kolbe A. Die Dame von Ficarolo. *Archeologia medieval,* 1993, vol. 20, pp. 303–332.
26. Bona I. Die Langobarden in Ungam. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae,* 1956, vol. 7, pp. 183–242.
27. Dobos A., Opreanu C.H. *Migration period and early medieval cemeteries at Fântânele (Bistriţa-Năsăud county).* Cluj-Napoca, Editura Mega, 2012, 160 p. (Patrimonium Archaeologicum Transylvanicum. Vol. 5).
28. Droberjar E., Knápek R., Jarůšková Z. The importance of finds from the Migration period in Malá Haná (Moravia). *Přehled vyzkumů*, 2019, vol. 60 (1), pp. 109–41.
29. Eger Chr. Zur Verbreitung und Herkunft der Polyederohrringe im südwestlichen Mittelmeerraum. *Madrider Mitteilungen*, 2005, Bd. 46, S. 437–471.
30. Hilberg V. *Masurische Bügelfibeln. Studien zu den Fernbeziehungen der völkerwanderungszeitlichen Brandgräberfelder von Daumen und Kellaren*. Neumünster, Wachholz Verlag, 2009, 616 S. (Schriften des archäologischen Landesmuseums. Bd. 9).
31. Istvánovits E., Kulcsár V. A 5th–6th century catacomb grave from Kótaj–Verba farm (Hungary, Szabolcs-Szatmár-Bereg County). *Travaux et mémoires*, 2023, vol. 27, pp. 105–130.
32. Kazanski M. Fibules digitées de tradition « danubienne» de l'époque des Grandes Migrations, découvertes en Gaule du Sud. *Archeologie du Midi medieval*, 2016, vol. 34, pp. 37–49.
33. Kiss A. Das Gräberfeld von Szekszárd-Palánk aus der zweiten Hälfte des 5. Jh. und der ostgotische Fundstoff in Pannonien. *Zalai Muzeum: Kozlemenyek Zala megye muzeumaibol*, 1997, vol. 6, pp. 53–86.
34. Klindt-Jensen O. *Bornholm i folkevandringstiden og forudsaetningerne i tidlig jernalder.* København, Nacionalmuseet, 1957, 323 S.
35. Koch A. *Bügelfibeln der Merowingerzeit im westlichen Frankenreich.* Bd. 1–2. Mainz, Verlag der RGZM, 1998, 748 s. (Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. Bd. 41).
36. Kühn H. *Die germanischen Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit in Süddeutschland.* Garz, Akademische Drick- und Verlagsabstalt, 1974, 1386 S.
37. Koch U. *Das alamannisch-fränkische Gräberfeld bei Pleidelsheim. Stuttgart,* Konrad Theiss Verlag, 2001, 647 S. (Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Württemberg. Bd. 60).
38. Legoux R., Périn P., Vallet F. *Chronologie normalisée du mobilier funéraire mérovingien entre Manche et Lorraine.* Saint-Germain-en-Laye, Association française d'archéologie mérovingienne, 2009, 66 p.
39. Meier T. Methodenprobleme einer Chronologie der Merowingerzeit in Süddeutschland. Eine Diskussion anhand von Matthias Friedrich „Archäologische Chronologie und historische Interpretation: Die Merowingerzeit in Süddeutschland" (2016). *Germania*, 2020, Bd. 98, S. 237–290.
40. Muller H.F. *Das alamannische Graberfeld von Hemmingen, Kreis Ludwigsburg.* Stuttgart, Muller & Graff, Kommissionsverlag, 1976, 159 S. (Forschungen und Berichte zur Vor- und Früchgeschichte in Baden-Württemberg. Bd. 7).
41. Nieveler E., Siegmund F. The Merovingian chronology of the Lower Rhine area: results and problems. J. Hines, K. Høilund Nielsen, F. Siegmund (eds.), *The Pace of Change. Studies in Early-Medieval Chronology.* Oxford. Oxbow Books, 1999. pp. 3–22.

42. Pieta K. Hradiská Bojná II a Bojná III. Významné sídlo z doby sťahovania národov a opevnenia z 9. Storočia. K. Pieta, A. Ruttkay, M. Ruttkay (eds.), *Bojna, hospodarske a politicke cenrum Nitrianskeho kniežatstva.* Nitra, Archeologický ústav Slovenskej akadémie vied, 2007, pp. 173–190.
43. Roth H., Theune C. *Das frühmittelalterliche Gräberfeld bei Weingarten (Kr. Ravensburg). Katalog der Grabinventare.* Stuttgart, Konrad Theiss Verlag, 1995, 536 S. (Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Württemberg. Bd. 44/1).
44. Sági K. Az Ötvöspusztai V. századi sír. *A Veszprém Megyei Múzeumok Közleményei,* 1985, vol. 17 (1984), pp. 81–91.
45. Salin B. *Die altgermanische Thierornamentik. Typologische Studie über germanische Metallgegenstände aus dem IV. bis IX. Jahrhundert, nebst einer Studie über irische Ornamentik*. Berlin, K.L. Beckmans büchdruckerei, in Kommission bei A. Asher, 1904, 400 S. (Neue Aufl.: Stockholm, Wahlström & Widstrand, 1935).
46. Tejral J. *Morava na sklonku antiky*. Praha, Academia, 1982, 256 s.
47. Tejral J. Neue Aspekte der frühvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonauraum. J. Tejral, H. Friesinger, M. Kazanski (Hrsg.), *Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donauraum*. Brno, Archeologický Ústav Akademie Věd České Republiky, 1997, pp. 321–392. (Spisy Archeologického ústavu AV ČR Brno. Bd. 8).
48. Tejral J. Beiträge zur Chronologie des langobardischen Fundstoffes nördlich der mittleren Donau. J. Tejral (Hrsg.), *Probleme der frühen Merowingerzeit im Mitteldonauraum*. Brno, Archeologický Ústav Akademie Věd České Republiky, 2002, pp. 313–358. (Spisy Archeologickeho ustavu AV ČR Brno. Bd. 19).
49. Tejral J. Ein Abriss der frühmerowingerzeitlichen Entwicklung im mittleren Donauraum bis zum Anfang des 6. Jahrhunderts. J. Bemmann, M. Schmauder (Hrsg.), *Kulturwandel in Mitteleuropa. Langobarden – Awaren – Slawen*. Bonn, Dr. Rudolf Habelt GhbH, 2008, S. 248–283.
50. Tejral J. Spätantik – merowingisch – frühmittelalterlich. Strittige Übergänge im mittleren Donauraum aus der Sicht der Archäologie. I. Bugarski, O. Heinrich-Tamáska, V. Ivanišević, D. Syrbe (Hrsg.), *Grenz Übergänge. Spätrömisch, frühchristlich, frühbyzantinisch als Kategorien der historisch-archäologischen Forschung an der mittleren Donau*. Remshalden, Verlag Bernhard Albert Greiner, 2016, S. 103–120.
51. Theune C. On the chronology of Merovingian period grave goods in Alamannia. J. Hines, K.H. Nielsen, F. Siegmund (eds.), *The pace of change. Studies in early medieval chronology*. Oxford, Oxbow Books, 1999, pp. 23–33.
52. Tóth Á.B. A fifth-century burial from Old Buda (Budapest). F. Curta (ed.), *Neglected Barbarians*. Turnhout, Brepols, 2010, pp. 177–208. (Studies in the early Middle Ages. Vol. 32).
53. Vogt E. Das alamannische Gräberfeld am alten Gotterbarmweg in Basel. *Anzeiger fur schweizerische Altertumskunde, Neue Folge*, 1930, XXXII (3), S. 145–164.
54. Werner J. *Katalog der Sammlung Diergardt (Völkerwanderungszeitliche Schmuck). Die Fibeln 1*. Berlin, Verlag Gerb. Mann, 1961, 68 S.

Информация об авторах

Зайцев Ю. П. – кандидат исторических наук, директор Историко-археологического музея-заповедника «Неаполь Скифский», AuthorID: 1137684.

Гавритухин И. О. – старший научный сотрудник отдела археологии эпохи великого переселения народов и раннего средневековья Института археологии РАН, AuthorID: 109296.

Шкрибляк И. И. – заместитель директора Историко-археологического музея-заповедника «Неаполь Скифский», AuthorID: 1186302.

Authors information

Zaytsev Yu. P. – Candidate of Sciences (History), Director of the Historical and Archaeological Museum-Reserve “Scythian Neapolis”.

Gavritukhin I. O. – Senior Researcher, Department of Archaeology of the Migration Period and Early Middle Ages of the Institute of Archaeology of RAS.

Shkribliak I. I. – Vice Director of the Historical and Archaeological Museum-Reserve “Scythian Neapolis”.

DOI: 10.29039/2413-189X.2025.30.112-137

ПОЯСНОЙ НАБОР С ИНКРУСТАЦИЕЙ ПЕРВОЙ ТРЕТИ VI ВЕКА ИЗ ЮГО-ЗАПАДНОГО КРЫМА

Эльзара Айдеровна Хайрединова
Крымских федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия
khairedinovaz@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-1362-757X

Аннотация. В мужском погребении первой трети VI в. из склепа 124 могильника у с. Лучистое найдены пряжка и бляшка, украшенные стеклянными вставками в технике перегородчатой инкрустации. Детали поясного набора относятся к широко распространенной продукции византийских мастерских, функционировавших, в основном, в Восточном Средиземноморье, и считаются принадлежностью воинского византийского костюма. В мастерских изготавливались не отдельные детали, а полностью готовый пояс – с пряжкой и соответствующей ей гарнитурой. Такие пояса носили солдаты и офицеры армии Восточной Римской империи, они служили знаком отличия, показателем ранга и положения. Редкие находки пряжек в Юго-Западном Крыму – в Лучистом и на Мангупе позволяют предположить, что в первой трети VI в. некоторые представители местных готов нанимались на службу в византийскую армию, где и получали соответствующие пояса. Один из этих наемников, похороненный в могильнике у с. Лучистое, судя по «статусному» поясу с пряжкой и контр-бляшкой, мог дослужиться до офицерского чина. Вернувшись на родину, он привез с собой и пояс, вместе с которым позже был погребен в семейном склепе.

Ключевые слова: Византия, Юго-Западный Крым, могильник у села Лучистое, пряжка, бляшка, перегородчатая инкрустация

Благодарности: Статья написана в рамках проекта Минобрнауки РФ, государственное задание FZEG-2025-0001 «Этнические трансформации в Крыму и Таврических степях в Средние века и Новое время».

INLAYED BELT SET FROM THE FIRST THIRD OF THE SIXTH CENTURY FROM THE SOUTH-WESTERN CRIMEA

Elzara A. Khairedinova
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
khairedinovaz@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-1362-757X

Abstract. A male burial from the first third of the sixth century in burial vault 124 of the cemetery located near the present-day village of Luchistoe contained a buckle and a badge decorated with glass inlays featuring cloisonné technique. These belt-set fittings belong to widely distributed products of Byzantine workshops, primarily working in the Eastern Mediterranean, and are considered details of the Byzantine military costume. These workshops produced not particular details but rather fully ready belt comprising of a buckle and appropriate fittings. These belts were worn by soldiers and officers of the Eastern Roman (Byzantine) army as rank badges, indicating the rank and status. There are a few finds of buckles in the south-western Crimea (Luchistoe and Mangup) suggesting that, in the first third of the sixth century, some members of the local Goths were recruited into the Byzantine army, where they received the belts in question. According to his "high-status" belt with a buckle and a counter-badge, one of these mercenaries, buried in the cemetery of Luchistoe, was possibly promoted to an officer's rank. When he returned to his homeland, he brought the belt with him, and was later buried with this artefact in the family vault.

Keywords: Byzantium, South-Western Crimea, cemetery near the present-day village of Luchistoe, buckle, badge, cloisonné

Acknowledgments: This article has been written as a part of the project supported by state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation FZEG-2025-0001 *Ethnic Trans-formations in the Crimea and the Tauria Steppe in the Middle Ages and the Modern Period.*

В 1999 г. на северо-восточном, раннем участке гото-аланского могильника у с. Лучистое, в одном из мужских погребений в склепе 124 найдены пряжка с прямоугольным щитком и

бляшка D-образной формы, украшенные стеклянными вставками в технике перегородчатой инкрустации (рис. 1) [4, с. 53, рис. 27,11,12]. Аналогичные по форме и декору аксессуары одежды относятся специалистами к продукции византийских мастерских, функционировавших, в основном, в Восточном Средиземноморье, и считаются принадлежностью престижного воинского костюма [1, с. 37, рис. 37,3; 31, p. 147–148; 39, S. 126, 129; 30, p. 28; 27, S. 219–223]. Вещи этого круга редки для Юго-Западного Крыма и заслуживают отдельной публикации.

Конструкция и особенности изготовления изделий

Пряжка состоит из трех деталей – узкой овальной рамки, подвижного язычка и прямоугольного щитка, отлитых отдельно из разных сплавов на основе меди (рис. 2,*2*). Длина пряжки 4,9 см. Круглая в сечении рамка шириной 4 см в тыльной части сделана с тонким стержнем – перекладиной для крепления язычка и петлей щитка. Подтреугольный в сечении язычок длиной 2 см снабжен узкой пластинчатой скобой, при помощи которой он фиксировался на перекладине рамки и мог свободно двигаться.

Щиток представляет собой сложную в изготовлении деталь пряжки. Первоначально отливался каркас в виде прямоугольной оправы размером 2,7×3,8 см с высоким фигурным бортиком и расположенной на передней стороне вытянутой трапециевидной пластиной длиной 4,3 см, служившей заготовкой для петель держателя рамки и зажима ремня (рис. 3,*1а,2*). К оправе снизу припаивалась тонкая прямоугольная пластина, создававшая основу для инкрустации (рис. 3,*1б,2*). Внутри получившегося на лицевой части щитка прямоугольного углубления размещались фигурные ячейки под стеклянные вставки, образованные напаянными ребром узкими пластинками-перегородками (рис. 2,*1*). В центре напаивалась круглая ячейка, к которой примыкали перегородки полукруглой формы (рис. 3,*3*). Поверхность щитка покрывалась позолотой – ее остатки до сих пор видны на прилегающем к петлям участке щитка и его тыльной части (рис. 1,*1а,1в*). Для соединения с рамкой отлитая на передней стороне щитка вытянутая трапециевидная пластина с прорезью сгибалась. Две петли, образовавшиеся в месте сгиба, охватывали перекладину рамки, сохраняя при этом подвижность щитка. Остальная часть согнутой пластины служила зажимом для ремня, вставленным между ней и лицевой частью щитка (рис. 2,*2*). На ремне пряжка дополнительно фиксировалась при помощи трех заклепок-гвоздиков с круглыми шляпками. Они размещались в отверстиях, просверленных по центру тыльной и боковых сторон лицевой части щитка (рис. 2,*2,3*).

В отличие от пряжки, корпус поясной бляшки не отливался, а изготавливался из пластины размером 2,7×3,2 см, по контуру которой ребром напаивался узкий пластинчатый бортик высотой 0,5 см (рис. 4,*1*). Стык концов узкой пластины – бортика хорошо виден на передней стороне бляшки (рис. 1,*2*; 4,*1,2*). Внутри получившейся «коробочки» пластинчатыми перегородками формировался узор из ячеек – большой круглой по центру, двух овальных, вытянутых вдоль боковых сторон, и одной миниатюрной круглой, расположенной в тыльной части (рис. 4,*2*). Бляшку прикрепляли к ремню четырьмя заклепками-гвоздиками, для которых посреди инкрустации были сформованы специальные цилиндрические ячейки – по две вдоль боковых сторон (рис. 4,*5*). Заклепки-гвоздики выполняли и декоративную функцию: их полусферические шляпки вписывались в общий орнамент, подчеркивая геометрическую инкрустацию (рис. 4,*6*).

Детали поясного набора украшены в едином стиле: в центре щитка пряжки и бляшки размещена крупная полусферическая стеклянная вставка диаметром 1,8 см, обрамленная плоскими фигурными темно-синими и светло-зелеными полупрозрачными стеклышками (рис. 1,*1,2*; 3,*5,6*; 4,*4–6*). Цвет центральной вставки определить трудно – сохранившееся во фрагментах стекло обесцвечено под воздействием окружающей среды. В стекле на поясной бляшке видны желто-коричневые вкрапления (рис. 1,*2а*), что позволило нам предложить вариант реконструкции деталей поясного набора с центральной вставкой темно-желтого цвета (рис. 1,*1,2*).

Стеклянные вставки укреплялись в ячейках на специальном наполнителе. Его остатки в виде светло-серой пасты сохранились на щитке пряжки – на дне ячеек, и хорошо видны под стеклянными вставками на бляшке (рис. 1,*1а,1в*,*2а*). По наблюдениям А. В. Антипенко,

проводившей изучение элементного состава изделий при помощи портативного рентгенофлуоресцентного анализатора, заполнитель представляет собой кристаллы органического происхождения, состав которых не удалось установить из-за ограниченных возможностей измерительного прибора [32, p. 651].

Известно, что в ранневизантийское время при изготовлении предметов в технике перегородчатой инкрустации применение белой пасты или так называемого тенакса для наполнения ячеек было общепринятой практикой [30, p. 23]. Этот технологический прием связан с необходимостью надежной фиксации тонких пластин камня или стекла в относительно глубоких ячейках. Обычно слой заполняющего и укрепляющего тенакса толщиной 3–5 мм изготавливался из измельченных минералов и органического связующего вещества. Зачастую его делали из гипса, который измельчали, затем нагревали и добавляли воду. В процессе консолидации пластичная, мягкая паста становилась цементоподобным материалом [30, p. 23–24; 29, p. 38–41]. Использование гипса или пасты на его основе в качестве наполнителя зафиксировано и на других раннесредневековых предметах – украшениях и аксессуарах одежды, производившихся в Византии и на сопредельных территориях [18, с. 696–698].

По мнению Б. Аррениус, состав массы под каменными или стеклянными вставками позволяет говорить о месте производства изделия. Так, наполнитель, изготовленный из гипсосодержащего цемента, должен был производиться в Константинополе, куда сырье поступало из египетских гипсовых месторождений. В так называемых мастерских-сателлитах столичной мастерской, например, в Сирии, вместо гипса использовали арагонит или кальцит. Заполнитель из песчанистой массы должен указывать на локализацию производства в Центральной и Северной Италии, Рейнской области или Подунавье [19, S. 100–102, 119].

Существовали и иные по составу наполнители. Так, согласно результатам исследований пряжки и бляшки из погребения 512 г. в Лусои (Греция), значительным компонентом массы, заполнявшей ячейки под стеклянными вставками, являлся пчелиный воск. Кроме того, по остаткам алифатического соединения установлено, что стеклянные вставки подстилал тонкий слой некоего смолистого вещества, назначение которого не ясно. Такие же прослойки смолистого вещества – шеллака, олифы или сосновой смолы, прослежены и в некоторых изделиях, выполненных в технике перегородчатой инкрустации, но с каменными вставками. В этих предметах смолистое вещество служило связующим элементом между камнем и подстилающей его золотой фольгой, что, по мнению некоторых исследователей, способствовало изменению показателя преломления света и приводило к усилению цветового эффекта инкрустации. Правда, в случае со стеклянными вставками металлической фольги не обнаружено [21, S. 51–52].

Со своей стороны, обратим внимание на то, что в ранневизантийское время существовала практика использования шеллака – смолы животного происхождения в замазке для оконного стекла. Остатки извести и шеллака в качестве связующего вещества зафиксированы в порошкообразной замазке, сохранившейся на краях оконных стекол V–VI вв. из часовни Северо-Западного некрополя Адрианополя (Пафлагония, Малая Азия). Считается, что добавление смолы животного происхождения содействовало созданию стекловидного слоя и герметизации мелких трещин, уменьшало водопроницаемость частиц извести, а также обеспечивало долговечность замазке [23, p. 87]. Возможно, именно эти свойства смолистого вещества способствовали его применению и в изготовлении предметов, инкрустированных стеклом.

По результатам исследований элементного состава сплава изделий из Лучистого, проведенных А. В. Антипенко, установлено, что детали публикуемого поясного набора выполнены из материалов разного состава на основе меди [32, p. 649–651, tabl. 1]. Скорее всего, это связано с серийным производством, при котором детали массово отливались отдельно, а затем, уже из полученных заготовок, собиралась целая вещь. В таком случае следует говорить о мастерских, специализировавшихся на изготовлении именно этого типа изделий. Изготовление перегородчатой инкрустации требовало привлечение высококвалифицированных мастеров, имевших навыки работы с металлом, стеклом и знавших, а, возможно, и самостоятельно разрабатывавших рецепты по изготовлению специальной пасты для крепления вставок в ячейках. В этих мастерских производились не отдельные пряжки или бляшки,

а целиком ремень. Изготовление пряжки завершалось креплением на ремне, вставленным между лицевой частью щитка и согнутой пластиной – зажимом. Бляшка приобретала законченный вид лишь после того, как в ячейки, специально выделенные среди инкрустации, были вставлены гвоздики-заклепки, крепившие ее к коже ремня.

Аналогии и ареал находок

Пряжка из склепа 124 относится к византийским застежкам, выделенным М. Казанским в тип I.3.F [31, p. 147–148], а М. Шульце-Доррлямм – в тип C15 [39, S. 123–129]. М. Казанский объединил в один тип все пряжки с овальной рамкой и прямоугольным щитком с размещенной в центре крупной полусферической стеклянной вставкой – кабошоном, без учета их конструкции и техники изготовления [31, fig. 8,1,7,9–11]. М. Шульце-Доррлямм основывалась, прежде всего, на морфологических и конструктивных особенностях изделий, в числе которых: вытянутая овальная рамка, массивный язычок, прямоугольный щиток с высоким бортиком, ограничивающим центральное поле с инкрустацией, крепление на ремне при помощи трех заклепок-гвоздиков, расположенных посередине узкого края (рис. 5–8). Детали пряжек изготовлены из бронзы и сверху покрыты позолотой. Декор на щитках застежек типа C15 выполнялся по одной схеме: в центре размещалась крупная ячейка круглой (рис. 5,*1–11*; 6,*7*; 7,*1,3,4*) или ромбической формы (рис. 6,*8,9*), либо в виде свастики (рис. 8,*1*), а остальное пространство делилось пластинчатыми перегородками на небольшие фигуры различной формы. Вставки выполнялись из стекла или эмали, в единой цветовой гамме, с преобладанием желтого, синего и зеленого тонов. В качестве центральной вставки могла быть использована стеклянная или каменная гемма.

По декору пряжка из Лучистого относится к самому распространенному варианту застежек типа C15 – с центральной ячейкой круглой или овальной формы. Они найдены на юго-западе Франции – в визиготском некрополе Белу Норд (Сен-Лоран-Дез-Ом, Аквитания) второй половины V – первой трети VI в. (рис. 5,*3*) [41, ill. 13], на севере Италии – в Кьюзе (рис. 6,*7*) и на Сицилии – в Маккари (рис. 5,*1*) [36, S. 202, Abb. 20], на территории Болгарии (рис. 5,*7–10,14*) [11, с. 374, табл. 12,90–94], Иордании – в могильнике Яжуж (рис. 5,*4*) и Израиля – в могильнике Аль-Джиш (рис. 5,*2*) [26, p. 167, 170, fig. 2,1,3], в Юго-Западном Крыму – на плато Мангуп, в Лагерной балке, где выявлены остатки раннесредневекового поселения[1] (рис. 5,*7*) [9, с. 141, рис. 163,6], а также в Абхазии – в могильнике Лар (рис. 5,*5*) [31, p. 161, 183, fig. 10, 13]. Упомянем также экземпляры, точное место находки которых не известно – щиток пряжки из коллекции Музея Эшмола при Оксфордском университете (рис. 5,*6)* [20, Nr. 1976.531] и застежку из Национальной библиотеки Франции (рис. 7,*1*), украшенную геммой из сердолика, вставленной в центральное круглое гнездо на щитке. Несколько отличается от приведенных аналогий формой язычка и меньшими размерами рамки пряжка, выявленная в могиле 330 некрополя на Баюваренштрассе в г. Штраубинг (Бавария, Германия) [39, S. 127, Abb. 46].

К вариации пряжек типа C15 с центральной ячейкой круглой или овальной формы нами причислены и две застежки, щиток которых почти полностью занят крупной овальной вставкой – геммой из желтого стекла, а оставшееся свободным небольшое пространство по углам покрыто плоскими стеклышками зеленого или красного цвета (рис. 8,*3,4*). Одна из них, неизвестного происхождения, хранится в коллекции Кофлер-Трюнигер (Люцерн) (рис. 8,*3*), вторая – найдена в Сирии и находится в собрании Британского музея [42, p. 94, Kat. Nr. 552, 561, Pl. 68, 69].

Композиция из крупной круглой или овальной вставки, окруженной мелкими фигурами различной формы, является одной из наиболее популярных декоративных схем, использовавшихся на византийских деталях поясной гарнитуры с перегородчатой инкрустацией. В таком стиле украшены не только перечисленные выше пряжки, но и другие застежки, отличающиеся формой щитка и способом его крепления на ремне, а также литые бляшки-накладки прямоугольной формы [31, p. 147–148, type I.3.F]. Для примера назовем пряжки с прямоугольным щитком с небольшими круглыми выступами под заклепки, происходящие из Греции (рис. 6,*2*) и Малой Азии (рис. 7,*5*) [31, p. 187, fig. 14,7; 25, S. 383, Kat. Nr. 889; 42, p. 94, Kat. Nr. 551, Pl. 68], застежки

[1] За предоставленную информацию благодарю Валерия Евгеньевича Науменко.

с щитком D-образной формы типа С7 по М. Шульце-Доррлямм из Сирии (рис. 6,*4*), Болгарии (рис. 6,*5*) [39, S. 127, Abb. 46; 11, с. 393, табл. 31,280], поясные наборы из Сиро-Палестинского региона, состоящие из выполненных в одном стиле деталей (рис. 9,*1*; 10,*4–9*) [42, p. 94, Kat. Nr. 563, Pl. 70], и найденные отдельно прямоугольные бляшки-накладки из Испании (рис. 5,*13*) и Северной Африки (рис. 5,*12*) [34, p. 192, fig. 3; 27, Taf. 4,14,16; 5,1,4; 6,7; 15,12,13].

Прямые аналогии поясной бляшке D-образной формы из Лучистого нам не известны. По форме, размерам и технике изготовления лучистинской находке близки бляшки из Западной Сирии (Эр-Растан, Хомс) и Алжира (Константа, древняя Цитра) [31, p. 187, fig. 14,1; 37, p. 234, fig. 3; 27, S. 213, 367, Taf. 10,9]. Однако они отличаются декором: на бляшке из Сирии пластинчатыми перегородками сформирован сложный растительный орнамент из мелких ячеек (рис. 10,*1*), а бляшка из Алжира украшена крупной овальной вставкой по центру, от которой радиально расходятся лучи с небольшими овальными гнездами на завершении (рис. 6,*6*). Характерные для лучистинской бляшки признаки в различных комбинациях встречаются в деталях поясной гарнитуры с инкрустацией ранневизантийского времени. Сочетание D-образной формы щитка и декора с крупной круглой ячейкой в центре можно увидеть на пряжках из Болгарии и Сирии (рис. 6,*4,5*) [39, S. 102, Typ C7, Kat. Nr. 82; 11, с. 393, табл. 31,280]. При этом щитки выполнены иначе – в технике литья. Судя по находкам из Туниса и Алжира, в Северной Африке пользовались популярностью поясные бляшки, изготовленные, как и лучистинская находка, с пластинчатой основой и напаянным бортиком, в декоре которых использованы различные композиции из крупной круглой или овальной центральной вставки с мелкими фигурными ячейками, но прямоугольной формы (рис. 5,*12*) [27, S. 212, 359, Taf. 4,16; 5,1,4; 6,7; 15,12,13]. В такой же технике сделан прямоугольный щиток пряжки из Болгарии, украшенный в одном стиле с бляшкой из Лучистого (рис. 5,*14*) [11, с. 374, табл. 12,95].

Датировка находок

Детали поясной гарнитуры, подобные лучистинским находкам, датируются исследователями первой половиной VI в. [1, с. 37, рис. 37,3; 2, с. 313, табл. XXVII,171], второй половиной V – первой половиной VI в. [31, p. 147–148, type I.3.F] или последней четвертью V – началом VI в. [39, S. 123–129, 245, Typ C15]. Большинство интересующих нас предметов беспаспортны или происходят из захоронений с широко датированным сопутствующим инвентарем, как, например, погребение воина из Лар (Абхазия), отнесенное ко второй половине V – первой половине VI в. [31, p. 148]. На сегодняшний день известно лишь несколько погребений, позволяющих обоснованно говорить о времени бытования этого типа аксессуаров. Так, могила 330 некрополя Штраубинг-Баювареншрассе относится к периоду не ранее начала VI в. [27, S. 220]. На основании радиоуглеродного датирования захоронение с поясным набором из могилы 1 в Лусои, на северо-западе Пелопоннеса, отнесено к 512 г. (рис. 7) [21, S. 39]. В некрополе Эль Руэдо (Кордова), в погребении 2 из могилы 34АТ поясная бляшка, идентичная щиткам пряжек типа С15 (рис. 5,*13*), найдена вместе с овальной поясной застежкой, характерной для периода 525–580 гг. древностей вестготской Испании. Само погребение 2 отнесено ко второй четверти VI в., поскольку сверху его перекрывало захоронение, сопровождавшееся поясной застежкой, датированной второй половиной VI в. [34, p. 192–194; 27, S. 220–221]. В Болгарии щиток пряжки типа С15 (рис. 5,*14*) найден в ранневизантийской крепости на полуострове Хрисосотира (Червенка, г. Черноморец) в контексте с монетой Юстиниана I [11, с. 34, кат. № 95, карта 1,249].

В могильнике у с. Лучистое поясной набор с инкрустированными деталями выявлен в мужском погребении 9 на полу камеры склепа 124, вместе с дополнительной пряжкой овальной формы с перекладиной в тыльной части для крепления язычка и ремня (рис. 11,*1*), аналогии которой известны по находкам из Северной Африки, датированным первой половиной VI в. [27, S. 240, Taf. 4,2; 12,1; 14,10; 17,4]. Рядом с мужчиной одновременно или чуть позже похоронили женщину в парадном восточногерманском костюме с парой двупластинчатых фибул и большой пряжкой с изображением льва на прямоугольном щитке. Этот тип женского костюма возник у крымских готов во второй четверти VI в. и существовал не менее века [6, с. 156, 251, 277, рис. 175]. Скорее всего, интересующее нас погребение было совершено в первой трети VI в.

Реконструкция пояса из могильника у с. Лучистое

В погребении 9 из склепа 124 пряжка и бляшка лежали в области пояса, справа, в темно-коричневом тлене от кожаного ремня, лицевой стороной вниз. Расположение деталей поясного набора позволяет говорить о том, что пояс был снят с умершего и уложен рядом с телом во время погребения. Такая практика зафиксирована в воинских погребениях позднеантичного и ранневизантийского времени. Расстегнутый пояс воина, вероятно, был символом того, что смерть освободила его от военных обязанностей [40, S. 298].

Судя по размерам щитка, пряжка крепилась на ремне шириной 3,8 см. В большинстве мужских погребений VI в. из Лучистого с прослеженным *in situ* положением деталей поясной гарнитуры пряжки располагались рамкой влево [5, табл. 29,21; 165,2,3; 168,3,4; 17, с. 216, рис. 4,В], а в редких случаях застежки лежали иначе – рамкой вправо [5, табл. 120,8]. Поэтому на реконструкции нами представлено два варианта застегнутого пояса – справа налево (рис. 11,*3,4*) и наоборот (рис. 11,*2,5*).

Вторая деталь поясного набора, бляшка D-образной формы, лежала в погребении у тыльной стороны щитка пряжки. Поскольку пояс был перевернут, уверенно говорить о местоположении бляшки на ремне невозможно. Очевидно, что она не могла использоваться в качестве поясного наконечника – ее размеры больше отверстия для ремня в рамке пряжки. Обычно исследователи рассматривают бляшки с инкрустацией в качестве так называемой контр-бляшки – накладки, крепившийся на ремне напротив застежки, симметрично ее щитку [31, p. 144]. Часто бляшки повторяют форму и декор щитка, и такое их использование в наборе из двух деталей вполне логично, однако оно не подтверждено ни иконографическими данными, ни находками в погребениях. Предложенные Л. А. Трайковой по материалам из Болгарии реконструкции поясов с симметрично расположенными деталями – искусственны, поскольку в них в один набор объединены однотипные находки, происходящие с разных памятников [11, табл. 164,3; 165,2].

Инкрустированные поясные наборы, состоящие из двух деталей, помимо Лучистого, найдены на северо-западе Пелопоннеса, в погребении из Лусои (рис. 8,*1,2*) и в Сирии[2] (рис. 10,*1,2*). Только в наборе из Сирии бляшка по форме, декору и технике исполнения идентична щитку пряжки. Детали из Лучистого и Лусои, явно принадлежавшие одному поясу, выполнены в едином стиле, но заметно отличаются друг от друга: в первом случае – формой и техникой исполнения (рис. 1), во втором – декором (рис. 8). В Лусои, как и в Лучистом, пряжка и бляшка лежали рядом, но не сохранили своего первоначального положения [21, S. 25, Abb. 10].

Учитывая сказанное, нами реконструировано два варианта положения бляшки на ремне: у тыльной стороны щитка пряжки, в соответствии с тем, как детали лежали в захоронении (рис. 11,*2,5*), и на противоположной стороне ремня – рядом с рамкой пряжки (рис. 11,*3,4*). Во втором случае «контр-бляшка», наряду с декоративной функцией, могла иметь практическое назначение, прикрывая и дополнительно укрепляя место сужения ремня (рис. 8,*А*; 10,*А*). О том, что ремень к концу должен был сужаться, свидетельствует конструкция пряжек типа С15: щиток в месте крепления на ремне шире отверстия в рамке, через которое ремень продевается при застегивании. На пряжке из Лучистого разница в ширине деталей составляет 0,7 см. Приходится констатировать, что при отсутствии зафиксированных *in situ* находок в погребениях или полностью сохранившихся поясов, наши рассуждения остаются гипотетическими, а вопрос о назначении бляшек и их расположении на ремне – открытым.

[2] В состав этого поясного набора М. Казанский, а вслед за ним и Д. Кваст включили круглую фрагментированную бляшку, выполненную в стиле перегородчатой инкрустации (рис. 10,3) [31, p. 144, fig. 14,1–3; 37, p. 234, 236, fig. 3]. Все три предмета хранятся в собрании Британского музея, куда они поступили в 1926 г. вместе с другим деталями поясной гарнитуры (рис. 10,4–9), как происходящие из Реастана (Эр-Растан, древняя Аретуса), из одной гробницы (www.brishmuseum.org/collection/object/H_1926-1014-1). Однако принадлежность бляшки поясному набору не очевидна: она отличается декором и чуть крупнее (диаметр 3,8 см) пояса, на котором крепились интересующие нас выполненные и декорированные в одном стиле пряжка и бляшка D-образной формы (судя по размерам щитка пряжки, ширина пояса равнялась 3,4 см). Кроме того, круглая «бляшка» по форме, размерам и декору (в форме креста с расширяющимися концами, образованного ячейками под инкрустацию) близка круглым фибулам в стиле клуазоне (Cloisonné-Scheibenfibeln) второй половины V – первой половины VI в., известным по находкам из Северной Африки [27, S. 189–191, 369, Taf. 13,1,2; 22,1,2; 25,10], и, возможно, таковой и является.

В погребении из Лучистого, помимо публикуемого поясного набора, у правого тазобедренного сустава лежала бронзовая пряжка с овальной рамкой размером 2,5×2,6 см, предназначавшаяся для ремешка 1,5 см (рис. 11,*1*). Судя по находкам из мужских погребений VI в. Юго-Западного Крыма, такие пряжки могли использоваться в качестве застежки для поясной сумочки (рис. 11,*5*) или для застегивания пояска от штанов (рис. 11,*4*). В Лусои поясной набор с инкрустацией также сопровождался небольшой пряжкой, предназначавшейся для узкого пояса, от которого на внутренней стороне рамки сохранились остатки ткани (рис. 8,*3,Б*) [21, S. 50].

Существование поясков для штанов подтверждается письменной традицией, изобразительными данными и находками подлинных штанов. На фресках гробницы IV в. из Силистры (Дуросторума) изображены слуги, подающие одежду своему господину [28, fig. 9]. У одного из слуг через плечо перекинуты господские штаны и хорошо видно, что ремень с пряжкой продет через специально нашитые петли – шлевки. Прокопий Кесарийский в «Тайной истории» (около середины VI в.) в пикантном сюжете про Велисария, заставшего свою жену с Феодосием, пишет о том, что у любовника был «*распущен пояс, поддерживающий штаны у срамных мест*» [10, с. 318, I.20]. Судя по сохранившимся подлинным образцам, штаны имели низкую посадку и подвязывавший их пояс располагался на 10–15 см ниже линии талии.

Пояс в мужском костюме

Согласно письменным источникам, в ранневизантийское время мужской пояс имел большое значение. Как у военных, так и у гражданских должностных лиц он служил знаком отличия, показателем ранга и положения [37, p. 233–236; 21, S. 48–49]. Прокопий Кесарийский в «Тайной истории», рассказывая об отрядах молодежи – стасиотах, сбивавшихся в шайки и грабивших по ночам горожан, сообщает, что по этой причине «*большинство людей впредь стало пользоваться медными поясами и пряжками* [вместо золотых – авт.] *и носить одежду много хуже той, что предписывал их сан*» [10, с. 338–339, VII.15–18]. В сочинении Феофилакта Симокатты, созданном около 630 г. и посвященном истории правления императора Маврикия, имеется примечательный эпизод о том, как в столице некий гепид был изобличен в воровстве благодаря золотому поясу, не соответствовавшему его варварскому облику. Этот гепид принес «*какому-то золотых дел мастеру перелить украшения золотого пояса. Мастер, заметив, что отдельные части пояса сделаны замечательно, что форма сгибов обличает высокое положение владельца, и обратив внимание на его чисто варварскую внешность, решил, что этот человек совершил кражу*» [12, Кн. 6, гл. X.5].

Изобразительные материалы также показывают, что пояс являлся статусным аксессуаром костюма. На настенной завесе V в., происходящей из Египта и хранящейся в Музее изящных искусств (Бостон, США), представлен слуга, отодвигающий занавеску в аркаде (рис. 12,*1*). Мужчина нарочито нарядно одет: его туника, по-видимому, из оливково-золотистого «переливающегося» шелка, опоясана широким поясом, украшенным прямоугольными бляшками-накладками с разноцветными вставками (рис. 12,*1а*), а на шее видно золотое ожерелье. Подобные изображения богато одетых слуг на настенных коврах ассоциировались с изобилием и благосостоянием дома, подчеркивали престиж и статус хозяев [38, p. 5, fig. 3]. В парадном одеянии изображен и мальчик – подросток в сцене встречи Марии и Елизаветы на мозаике середины VI в. из базилики Евфразия в Порече (Хорватия) (рис. 12,*2*). Его талия охвачена широким поясом с прямоугольными бляшками с круглыми красными вставками по центру, размещенными на равном расстоянии друг от друга (рис. 12,*2а,2б*).

Хорошо известно, что в Восточной Римской империи пояс служил и символом принадлежности воинскому сословию, а его лишение могло означать непригодность к службе. Прокопий Кесарийский, критикуя политику Юстиниана I в отношении армии, рассказывает, как разосланные по всей державе люди из придворной гвардии выявляли среди занесенных в списки военных совсем негодных к службе и «*у некоторых они осмеливались отнимать пояса, якобы как у непригодных или состарившихся*» [10, с. 396, XXIV.15–18].

Наглядным вещественным подтверждением свидетельств письменных и изобразительных источников являются детали поясной гарнитуры с инкрустацией, прежде всего – пряжки типа С15 по М. Шульце-Доррлямм, и выполненные в едином с ними стиле поясные бляшки. Их находки за пределами империи в могилах воинов, а в самой Византии – в мужских

захоронениях, позволяют говорить о том, что эти изделия являются маркером мужского воинского костюма [27, S. 222; 39, S. 129; 21, S. 42, 50]. О принадлежности воинской материальной культуре свидетельствуют и некоторые изображения на геммах, использованных в качестве центральной вставки на щитках некоторых застежек этого типа. Так, в овальной ячейке на щитке пряжке типа С15, хранящейся в Национальной библиотеке Франции (рис. 7,*1,1а*), укреплена сердоликовая инталия размером 1,0×1,8 см с прорезанной фигурой воина в доспехах, опирающегося на копье, со щитом у правой ноги (рис. 8,*1б*). Мужчина представлен фронтально, в полный рост, с повернутой влево головой. Левая рука поднята и опирается на копье, острие которого направлено вверх, в правой, протянутой руке виден неопределенный предмет (патера?). На голове мужчины изображен шлем с высоким гребнем, на ногах – кальцеи с завязками по бокам. Около правой ноги воина стоит щит. Иконографический тип близок сцене «Приношение Марсу», популярной на геммах римского времени, в которой воин (Марс или Арес) изображался с вытянутой рукой, держащей патеру над алтарем с горящим пламенем. Вотивный сюжет, представляющий бога с фиалой в руке во время возлияния, символизировал готовность божества отвечать на просьбы верующих и выслушивать их [35, p. 196]. В римское время, когда военное покровительство Марса было введено в официальную идеологию империи [35, p. 197], предмет с таким изображением мог служить оберегом, защищающим от опасностей войны или приносящим удачу в сражениях.

Существует и другая интерпретация изображения мужского божества с копьем и щитом, позволяющая говорить о камне, на котором оно выполнено, как о целительном магическом амулете. В коллекции Британского музея хранятся позднеримские инталии из гематита, на которых выгравирована фигура Ареса с копьем и щитом в руках, сопровождающаяся надписью: Ἄρης ἔτεμεν τοῦ ἥπατος τὸν πόνο(ν) – *Арес остановил боли в печени* [33, p. 63, Pl. 4]. Аналогичное изображение Ареса встречается и на позднеримских гематитовых геммах с надписью, призывающей Тантала выпить кровь. В этом случае и к камню, и к божеству обращались для остановки кровотечений [16, с. 89, 98, рис. 3, 5]. По мнению А. Мастрочинкве, Арес на «кровоостанавливающих» геммах – не древнегреческий бог, а результат культурного синтеза, в котором сирийские божества Азизос и Арсу приняли иконографию гомеровского бога [33, p. 63, Pl. 5]. Судя по пряжке из собрания Национальной библиотеки Франции, традиция использования гемм с изображением древних божеств, придававших предметам характер оберега или целительного амулета, сохранялась и в ранневизантийское время. Такие предметы могли быть востребованы среди воинов для магической защиты в бою и в случае ранения.

Совершенно иной образ, связанный с христианским мировоззрением, можно увидеть на инталиях из желтого полупрозрачного стекла, украшавших щитки двух пряжек из частных коллекций, одна из которых, неизвестного происхождения, относится к типу С15 по М. Шульце-Доррлямм (рис. 7,*3*), вторая – найденная в Малой Азии, принадлежит застежкам с выступами под заклепки для крепления на ремне (рис. 7,*5*) [42, p. 94, Kat. Nr. 551, 552, Pl. 68]. Почти вся лицевая часть щитка обеих пряжек занята круглой или овальной ячейкой, в которой укреплена инталия с прорезанной фигурой стоящего вполоборота ангела, держащего в правой руке длинный крест. Изображение появилось с конца IV в. и часто встречается на инталиях и монетах [42, p. 95]. Идентифицировать персонаж помогают надписи «Михаил» или «Святой Михаил», сделанные на обороте гемм VI–VII вв., происходящих из Египта и Сирии [42, p. 104–105, Cat. № 598–601, pl. 78, 79; 15, с. 35, 40, рис. 2,8,9]. На лицевой стороне одной из сирийских гемм над фигурой стоящего с крестом ангела прорезана инвокативная надпись: «Михаил, помоги Антиоху» [25, S. 333, Kat. Nr. 693; 42, p. 104, Cat. № 599, pl. 78,599]. Упомянем также хранящийся в Британском музее фрагмент краснолакового блюда VI в., на дне которого размещена фигура ангела в профиль с крестом в руках, подписанная «Михаил», а рядом – греческая монограмма, содержащая буквы его имени [24, p. 163, Cat. № 930; 15, с. 35, 40, рис. 2,10]. Появление изображения архангела Михаила на воинских аксессуарах легко объяснимо. Согласно Апокалипсису (12: 7–9), именно он возглавляет армию ангелов в борьбе с драконом – дьяволом [22, p. 13]. Имя архангела, как и его изображение, входило в традиционный набор оберегающих средств, использовавшихся на ранневизантийских магических и христианских амулетах, предназначавшихся для защиты от всякого зла [42, p. 83, 104–105,

110–111, Cat. № 472, 598, 604, 630–632, 652; 13, с. 153–154, 157, 167, рис. 3, 2; 4,7,11,12; 8,2–4; 15, с. 35], а в западной части Малой Азии архангела Михаила почитали и как чудесного целителя, чья деятельность была тесно связана со священными источниками [44, p. 1360].

По материалу, использованному при изготовлении, М. Шульце-Доррлямм отнесла бронзовые позолоченные пряжки, инкрустированные камнем и цветными стеклами, к категории II, а бронзовые пряжки с простой стеклянной инкрустацией – к категории III застежек, бытовавших в ранневизантийское время, охарактеризовав их владельцев как «зажиточный средний класс» [39, S. 142, 144–145]. На наш взгляд, важным показателем статуса владельца служило не только качество материала, из которого была изготовлена пряжка, но и количество деталей, размещенных на поясе. Самые простые пояса, имевшие только пряжку, получили распространение на широкой территории и известны далеко за пределами империи. Присутствие в могилах воинов, вместе с оружием, позволяет говорить о принадлежности такого пояса обмундированию солдат армии Восточной Римской империи, среди которых были и германские наемники, по окончанию службы вернувшиеся на родину и впоследствии там же похороненные [39, S. 129]. Рангом выше следует считать пояса, на которых помимо застежки имелась дополнительная, выполненная в таком же стиле деталь – накладная бляшка. Крепилась она, скорее всего, напротив пряжки, и при застегнутом ремне составляла симметричную композицию с щитком. В качестве примера можно назвать три подобных пояса, найденных на территории империи – в Западной Сирии (рис. 10,*1,2,Б*) и на Пелопоннесе в Греции (рис. 8,*1,2,А*), а также в союзной Византии области Дори в Юго-Западном Крыму (рис. 11). Ширина поясов в месте крепления пряжки – 3,4 см (Сирия), 3,8 см (Лучистое) и 4,5 см (Лусои). Определенной изящностью выделяются щиток пряжки и бляшка пояса из Сирии: на их поверхности мелкие ячейки под инкрустацию формируют растительный орнамент с хорошо проработанными деталями – трехлепестковым цветком и листиками, а контур подчеркнут заклепками-гвоздиками, чередующимися со стеклянными вставками. В представленной нами реконструкции не сохранившиеся вставки воспроизведены в цветах, наиболее часто использовавшихся в деталях поясной гарнитуры с инкрустацией (рис. 10,*А*). Пояса из Лусои и Лучистого не столь изысканны, их детали, выполненные в одном стиле, различаются декором (рис. 8), либо формой и способом изготовления (рис. 11). Заметим, что мужчины, похороненные с такими поясами в Лусои и Лучистом, имели еще дополнительную застежку, относящуюся к штанам или поясной сумочке.

И, наконец, мужчинам более высокого статуса принадлежали пояса с многочисленными бляшками-накладками, выполненными в одном стиле и украшенными крупными стеклянными вставками, имитирующими камни-кабошоны. Нам известно два великолепных образца таких поясов, происходящих из Сиро-Палестинского региона, сохранившихся в виде наборов металлических деталей (рис. 9; 10). Один из них, найденный в Западной Сирии (Эр-Растан, Хомс), состоит из семи деталей, в числе которых: прямоугольный щиток пряжки (рис. 10,*5*), застежка с В-образной рамкой и овальным щитком (рис. 10,*8*), три квадратные и две прямоугольные бляшки (рис. 10,*4,6,7,9*). Пряжки крепились на ремне при помощи заклепок, под которые на щитках при отливке были сделаны небольшие круглые выступы. На бляшках крепежные гвоздики размещались по углам. Наличие двух пряжек позволяет говорить об основном ремне, носившемся на поясе, и вспомогательном, служившем, скорее всего, для застегивания штанов или портупеи. На представленном нами варианте реконструкции (рис. 10,*Б*) прямоугольный щиток и бляшки отнесены к основному ремню, поскольку все они украшены в едином стиле: по центру, в круглой или овальной ячейке размещена крупная вставка-кабошон из полупрозрачного темно-желтого стекла, а оставшееся свободное пространство по углам покрыто плоскими треугольными стеклышками зеленого цвета. Пряжка от вспомогательного ремня декорирована иначе – ее щиток полностью заполнен овальной вставкой-кабошоном. Судя по размерам щитка застежек, ширина основного ремня достигала 3,7 см, а вспомогательного – 3,4 см.

Второй «статусный» пояс, детали которого найдены на территории современного Израиля, застегивался пряжкой с прямоугольным щитком (рис. 9,*1*) и был украшен пятью прямоугольными бляшками-накладками (рис. 9,*2–4,6,7*). Ширина пояса равнялась 3,8 см. К нему при помощи пластинчатого зажима крепилось небольшое колечко, служившее, вероятно, для подвешивания сумочки или ножа (рис. 9,*5,А*). На реконструкции пояса утраченные вставки

восстановлены нами в зеленом и синем цветах (рис. 9,*Б*), которые, в сочетании с желтым, чаще других применялись при оформлении инкрустированных деталей поясной гарнитуры.

Пояс из Израиля примечателен тем, что в декоре его деталей в качестве центральной вставки использовано несколько гемм из желтого полупрозрачного стекла. На одной из вставок-инталий представлен лев, идущий вправо с высоко поднятой головой (рис. 9,*4,4а*). Сюжет восходит к гностическим амулетам римского времени, на которых лев, знак зодиака и дом солнца, олицетворял солярное божество и, как считалось, был наделен силой светила и способностью защищать. В ранневизантийское время это изображение зачастую ассоциировалось с Христом и символизировало оберегающую силу бога. В VI–VII вв. изображение идущего и рычащего льва под звездой или без звезды пользовалось особой популярностью в Византии и использовалось не только на амулетах: его штамповали на краснолаковой столовой посуде и помещали на личные печати [14, с. 77–79, 86–87, рис. 2, 3].

В центре двух других бляшек-накладок размещены одинаковые круглые геммы из желтого прозрачного стекла с прорезанным изображением персонификации Константинополя в виде сидящей на троне женщины, опирающейся левой ногой на нос корабля (рис. 9,*6а,7а*). Голова женщины покрыта шлемом с гребнем и повернута вправо; в правой руке она держит сферу с крестом (*globus cruciger*), а левой удерживает скипетр. У трона справа стоит щит. Персонифицированное изображение Константинополя известно на монетах и геммах с IV в. [42, p. 95, Kat. Nr. 28–34, Pl. 6]. Иконографический тип на геммах из поясного набора, представляющий персонификацию со сферой и крестом в руках, появился на монетах Феодосия II примерно в 430-х гг. Такое же изображение встречается на редких бронзовых монетах Анастасия, выпущенных в самом начале VI в., и выгравировано на одновременном золотом перстне византийского производства [42, p. 95; 43, p. 195, Pl. 15, 16]. Согласно письменным источникам, персонифицированное изображение Константинополя помещали на монетах и во время правления Юстина II. Иоанн Эфесский упоминает случай изображения персонификации Константинополя на солиде Юстина II, которую возмущенное население приняло за Венеру [7, с. 111, прим. 2]. Судя по происходящей из Сирии и хранящейся в Британском музее пряжке типа С15 (рис. 7,*4,4а*), стеклянные геммы, изображающие персонификацию Константинополя, пользовались популярностью при декоре пряжек со стеклянной инкрустацией. Присутствие изображения Константинополя на нескольких идентичных геммах может свидетельствовать о том, что мастерская по изготовлению и пряжек, и украшавших их инталий располагалась именно в столице [42, p. 95].

Пояса с инкрустированными стеклом пряжками делались по индивидуальному заказу, а некоторые были даже именными. Об этом можно судить по бляшке-накладке овальной формы, всю лицевую часть которой занимает гемма из желтого стекла с монограммой имени владельца (рис. 7,*2*) [43, p. 199, Pl. 39]. Буквы из монограммы позволяют прочитать «Анастасий» в родительном падеже (Ανάστασιου), что указывает на принадлежность вещи человеку именно с этим именем (рис. 7,*2в*).

***

Поясной набор, выполненный в сложной технике перегородчатой инкрустации, найденный в Юго-Западном Крыму, в склепе 124 могильника у с. Лучистое, был изготовлен в одной из византийских мастерских, функционировавших в первой трети VI в. в Восточном Средиземноморье. Продукция этих мастерских легко узнаваема по морфологическим (особые формы рамки, язычка и щитка) и стилистическим признакам (использование позолоты, геометрический декор из разноцветных стеклянных вставок), а также особым технологическим приемам (литые детали, перегородчатая инкрустация, крепление стеклянных вставок на специальной пасте, фиксация на ремне при помощи заклепок-гвоздиков с полусферической шляпкой). В мастерских изготавливались не отдельные детали, а полностью готовый пояс – с пряжкой и соответствующей ей гарнитурой. Такие пояса носили солдаты и офицеры армии Восточной Римской империи, они служил знаком отличия, показателем ранга и положения.

Следует отметить, что находки вещей этого круга не многочисленны в Крыму. Можно назвать лишь три предмета: щиток аналогичной пряжки, отличающийся лишь формой боковых ячеек под вставки (сердцевидные вместо полукруглых), обнаруженный на Мангупе,

на поселении в Лагерной балке (рис. 5,*7*) [9, с. 141, рис. 163,6], пряжку с овальной рамкой и прямоугольным щитком, украшенным стеклянными вставками в овальных гнездах (рис. 6,*1*) из Херсонеса [1, с. 37, рис. 37,4] и происходящую из Керчи лицевую часть щитка прямоугольной формы с центральной каплевидной ячейкой (рис. 6,*3*) [8, с. 341, кат. № 634а]. Видимо, эти детали поясной гарнитуры не были предметом торговли, а появились на полуострове вместе с людьми, носившими их.

Находки пряжек в Юго-Западном Крыму – в Лучистом и на Мангупе позволяют предположить, что в эпоху Анастасия I или Юстина I некоторые представители местных готов нанимались на службу в византийскую армию, где и получали соответствующие пояса. Один из этих наемников, судя по «статусному» поясу с пряжкой и контр-бляшкой (рис. 11), не был рядовым солдатом, а мог дослужиться до офицерского чина. Вернувшись на родину, он привез с собой и пояс, вместе с которым позже был погребен в семейном склепе. В конце V – первой трети VI в. институт наемничества не имел широкого распространения у готов Юго-Западного Крыма. Ситуация поменялась с приходом к власти Юстиниана I, который, после включения в состав империи Боспора, проводил в регионе активную политику вовлечения в сферу влияния готов страны Дори. Когда же готы станут *энсподнами* – союзниками империи и будут выступать с византийцами «*против их врагов каждый раз, когда император так желает*» [6, с. 7; 3, с. 88], в костюме их воинов появятся совсем другие пояса, со вспомогательными ремешками и многочисленными деталями геральдического стиля.

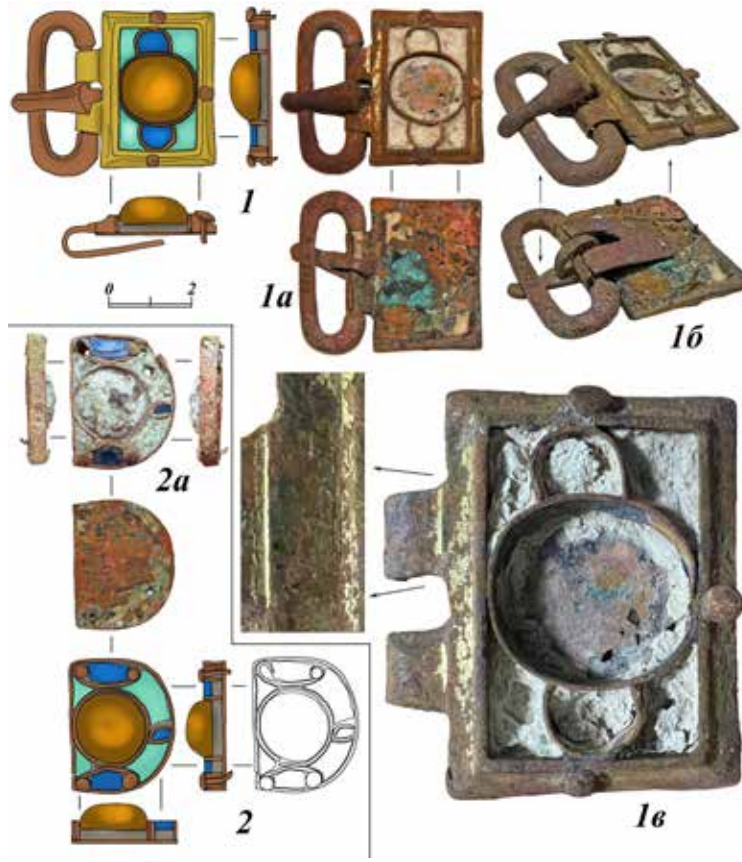


Рис. 1. Могильник у с. Лучистое, склеп 124. Византийский поясной набор, украшенный стеклянными вставками в технике перегородчатой инкрустации. Общие виды и детали. Современное состояние изделий (*1а–в, 2а*) и их реконструкция (*1, 2*). Фото и рисунок автора

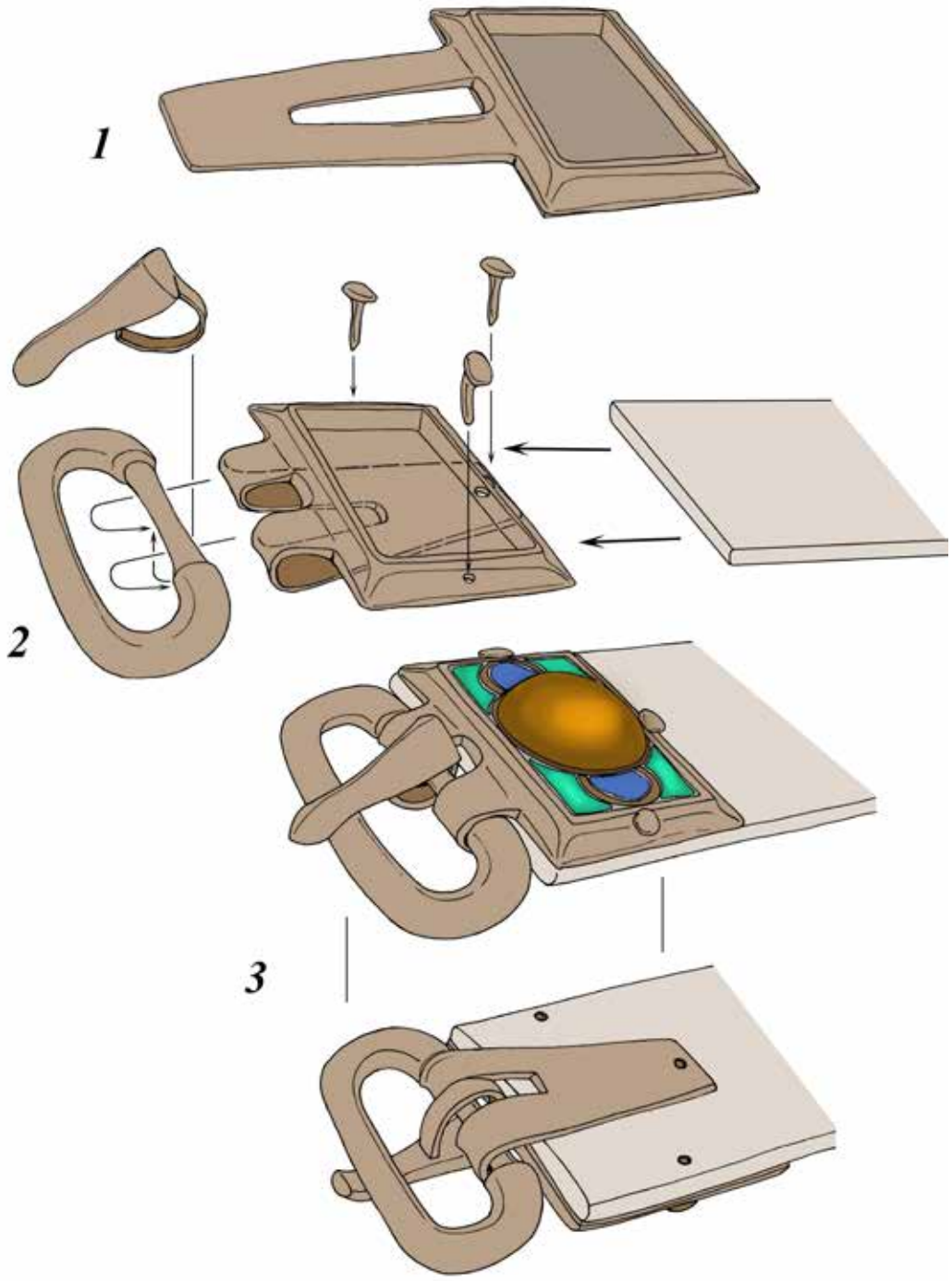


Рис. 2. Могильник у с. Лучистое, склеп 124. Составные детали пряжки (*1, 2*) и схема крепления застежки на ремне (*3*). Рисунок автора

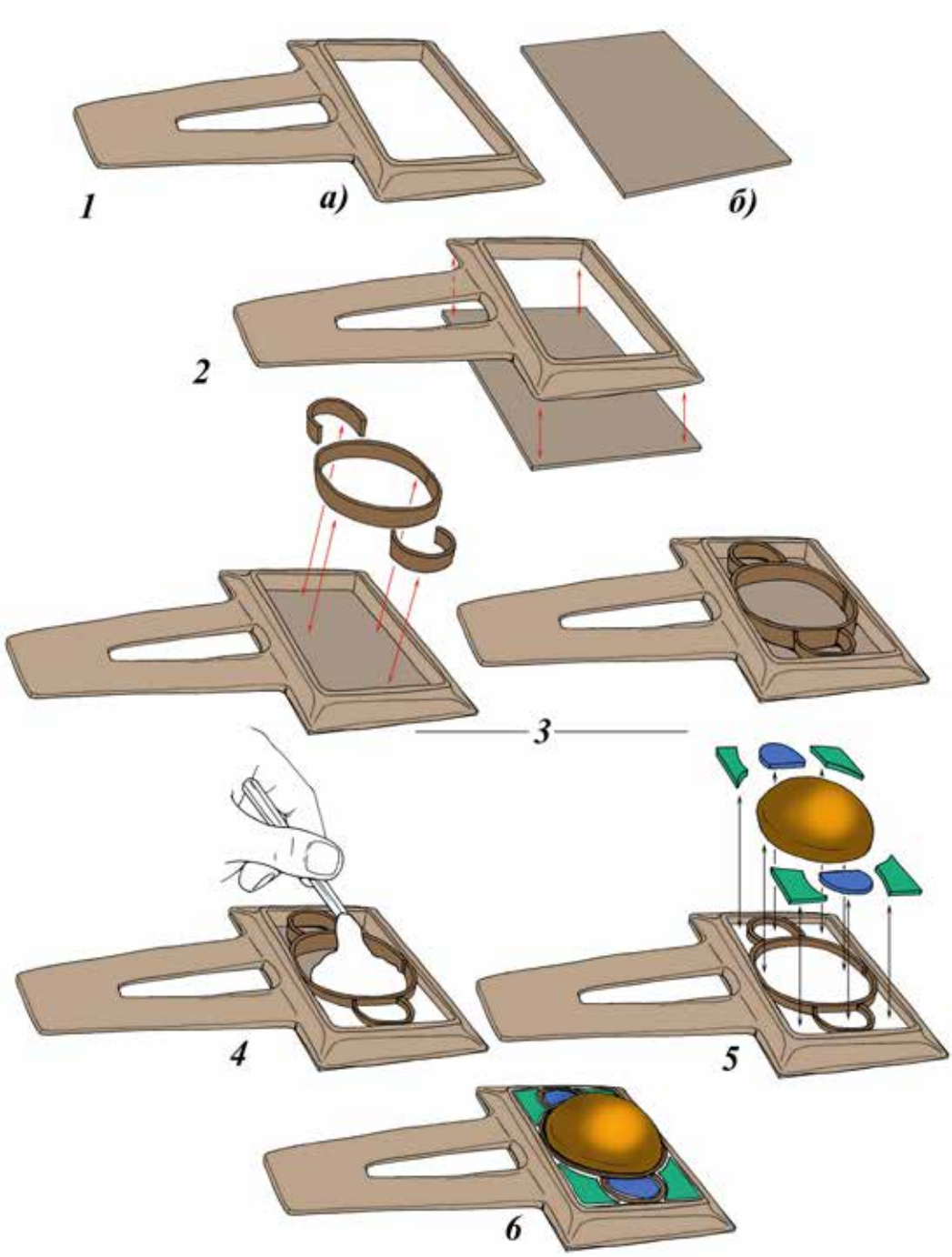


Рис. 3. Могильник у с. Лучистое, склеп 124. Процесс изготовления щитка пряжки. Рисунок автора

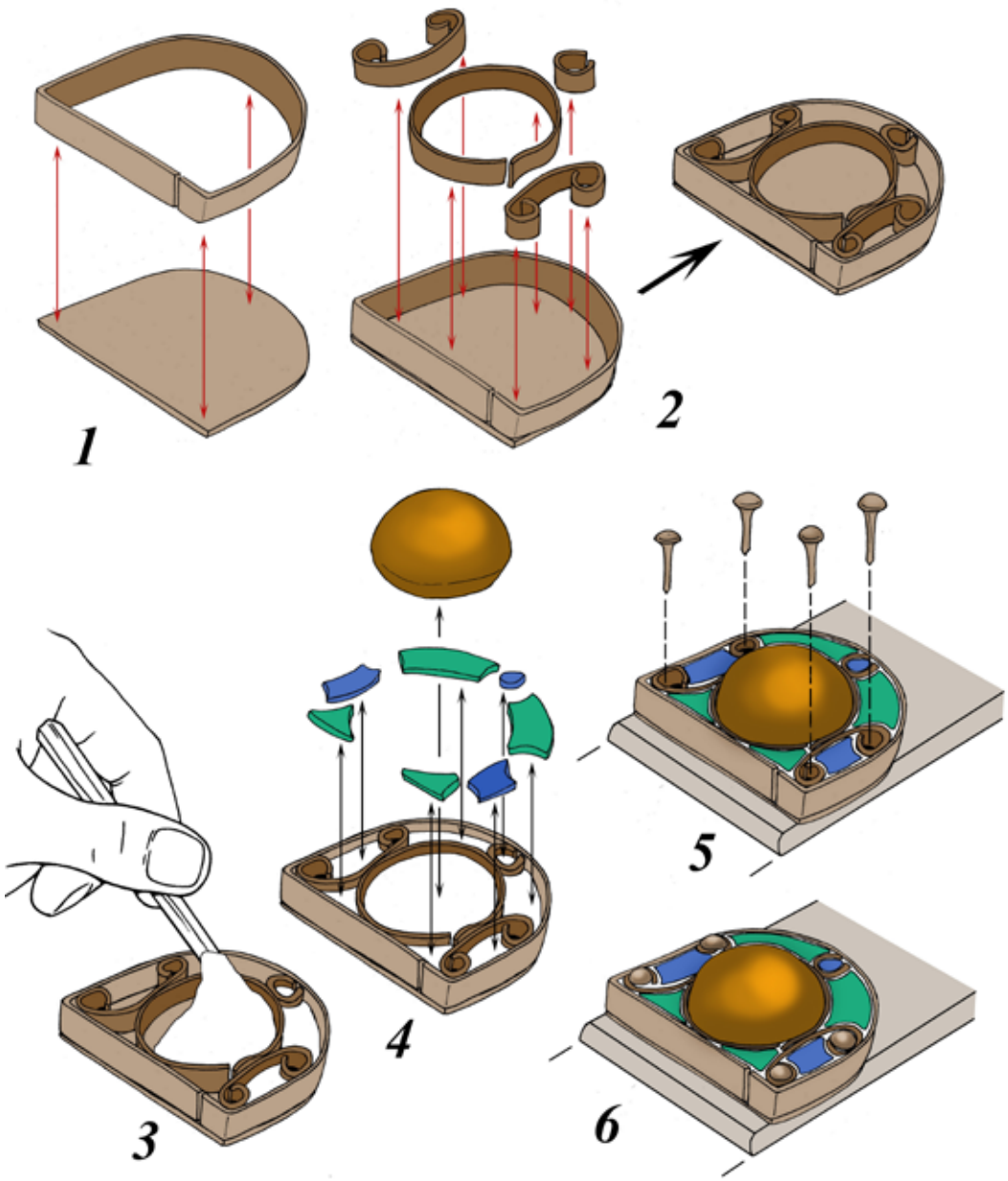


Рис. 4. Могильник у с. Лучистое, склеп 124. Процесс изготовления поясной бляшки. Рисунок автора

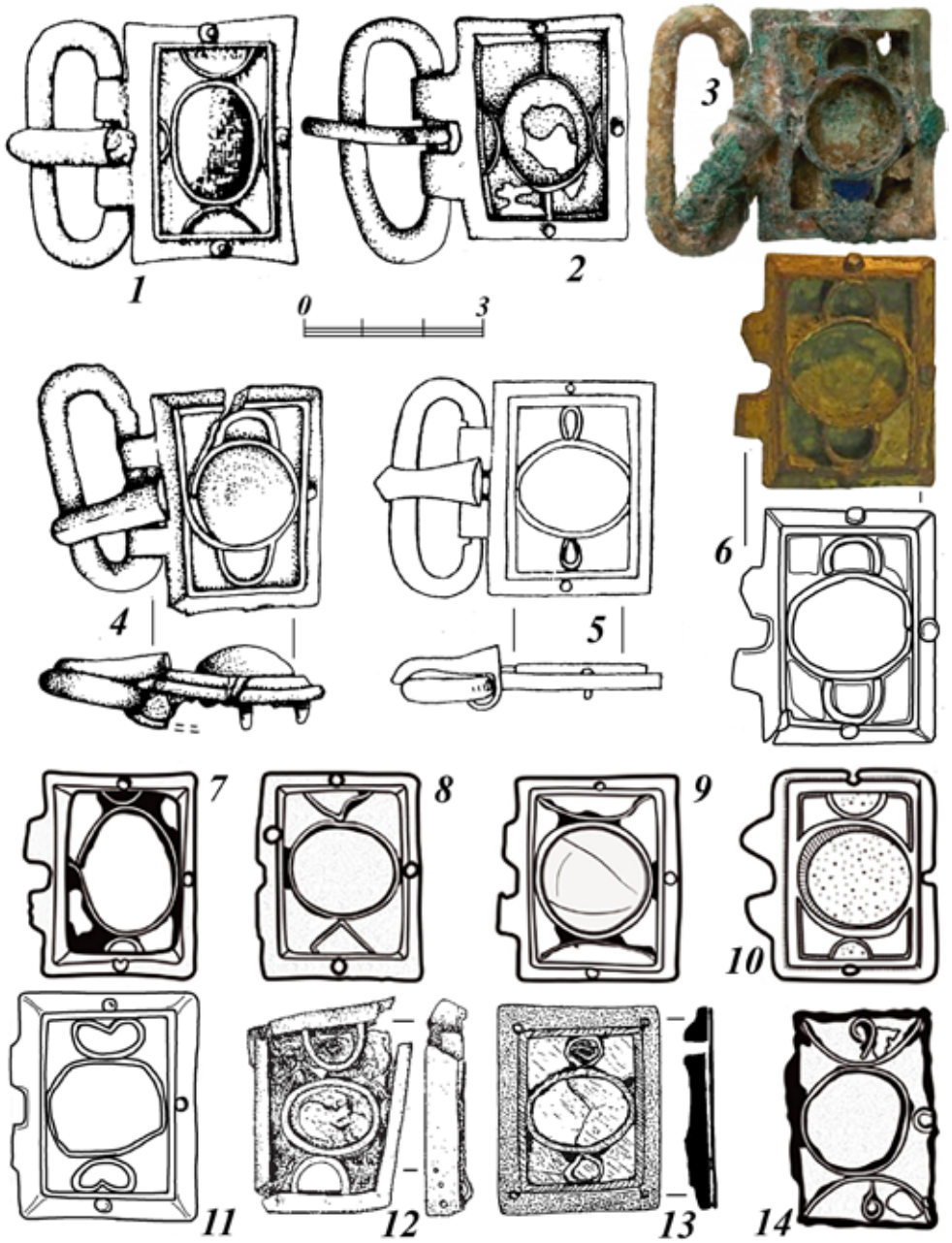


Рис. 5. Византийские детали поясной гарнитуры, выполненные в технике перегородчатой инкрустации с круглой или овальной центральной ячейкой под стеклянную вставку:
1 – Маккари, Сицилия; *2* – Аль-Джиш, Израиль; *3* – Белу Норд, Аквитания, Франция; *4* – Яжуж, Иордания; *5* – Лар, Абхазия; *6* – место находки не известно, коллекция Музея Эшмола; *7–10, 14* – Болгария; *11* – Мангуп, Лагерная балка; *12* – Карфаген, ул. Ибн Шабаат (Тунис); *13* – Эль-Руэдо, Кордова, Испания
По: 1, 5 – [31, fig. 8,8,9]; 2, 4 – [26, fig. 2,1,3]; 3 – [41, ill. 13; 7–10, 14 – [11, табл. 12,90–95]; 11 – [9, с. 141, рис. 163,6]; 12 – [27, Taf. 5,1]; 13 – [34, fig. 3]

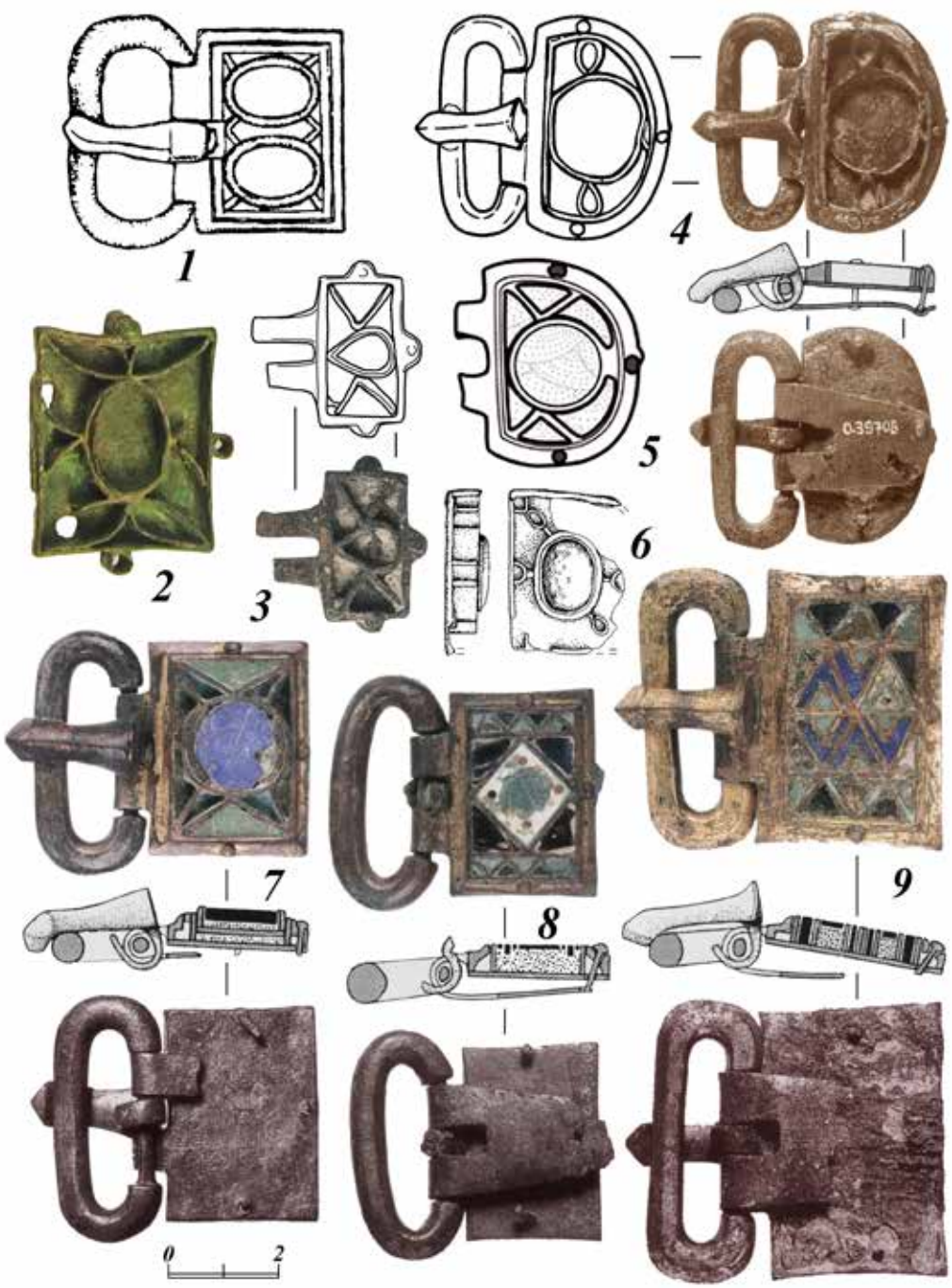


Рис. 6. Византийские детали поясной гарнитуры, выполненные в технике перегородчатой инкрустации: *1* – Херсонес; *2* – Олимпия, Греция; *3* – Боспор; *4* – Сирия; *5* – Болгария; *6* – Цитра / Константина (Алжир); *7* – Кьюзи, Италия; *8* – Малая Азия; *9* – Анталия, Турция
По: 1 – [1, рис. 37,3]; 2 – [25, Kat. Nr. 889]; 3 – [8, кат. № 634а]; 4, 7–8 – [39, Kat. Nr. 82, 99, 100, 102]; 5 – [11, табл. 31,280]; 6 – [27, Taf. 10,9]

Рис. 7. Византийские детали поясных наборов, украшенные инталиями из сердолика (*1*) или из желтого полупрозрачного стекла (*2–5*): *1, 1а, 1б* – место находки неизвестно, коллекция Де Клерк, Французская национальная библиотека, Nr.: de Clercq.III.548 (*1а* – реконструкция пряжки; *1б* – увеличенное изображение геммы); *2* – Восточное Средиземноморье; *3* – место находки неизвестно, коллекция Кофлер-Трюнигер, Люцерн; *4* – Сирия, Британский музей, Nr. 1982,1103.1; *5* – Малая Азия
По: 2–5 – [42, Cat. Nr. 551, 552, 561]; 1а, 1б, 2в, 3–5 – прорисовка и реконструкция в цвете автора

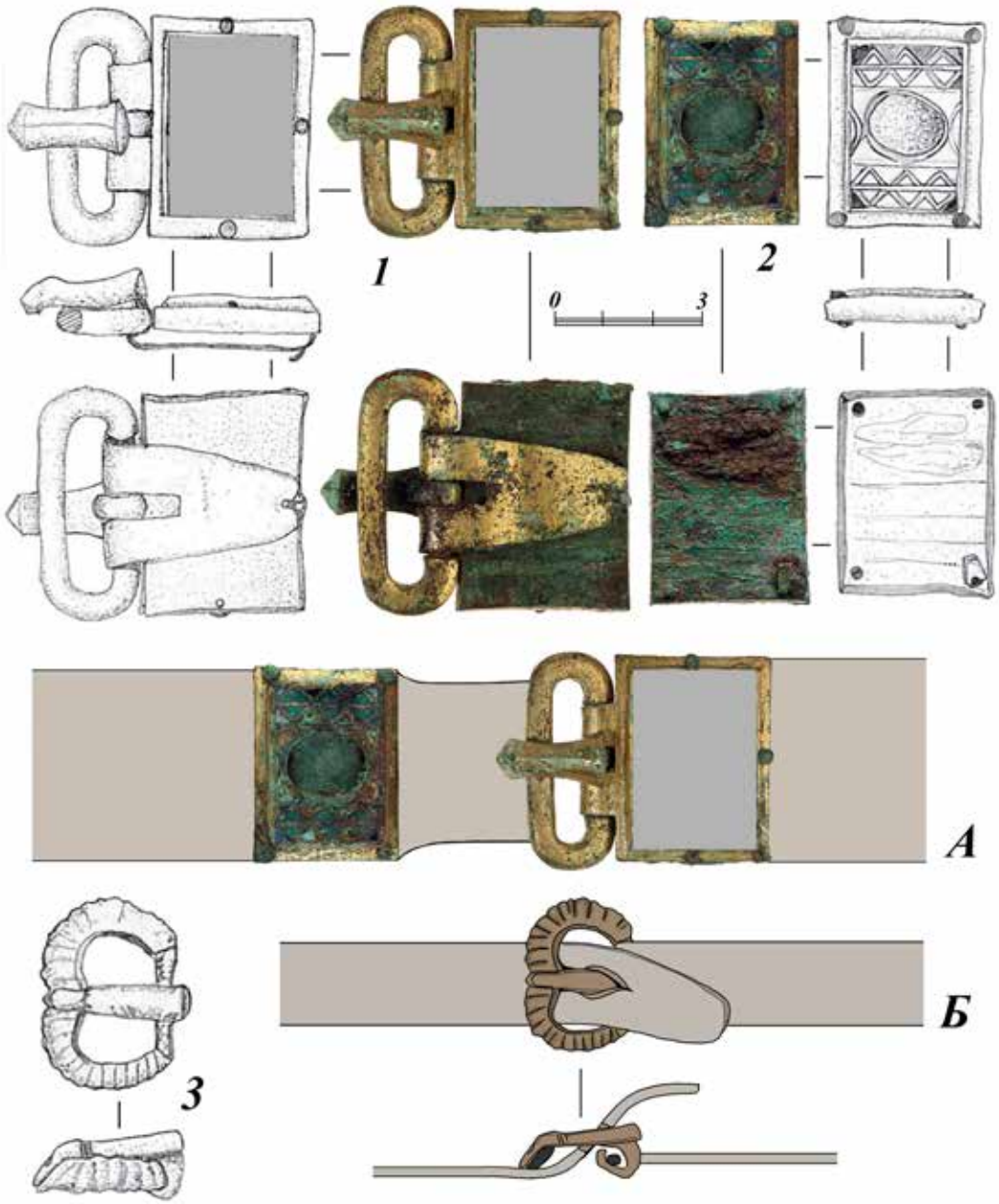


Рис. 8. Лусои, северо-западный Пелопоннес. Могила 1, находки из погребения нижнего слоя
По: 1–3 – [21, Abb. 24–26, 28, 30]; А, Б – реконструкция и рисунок автора

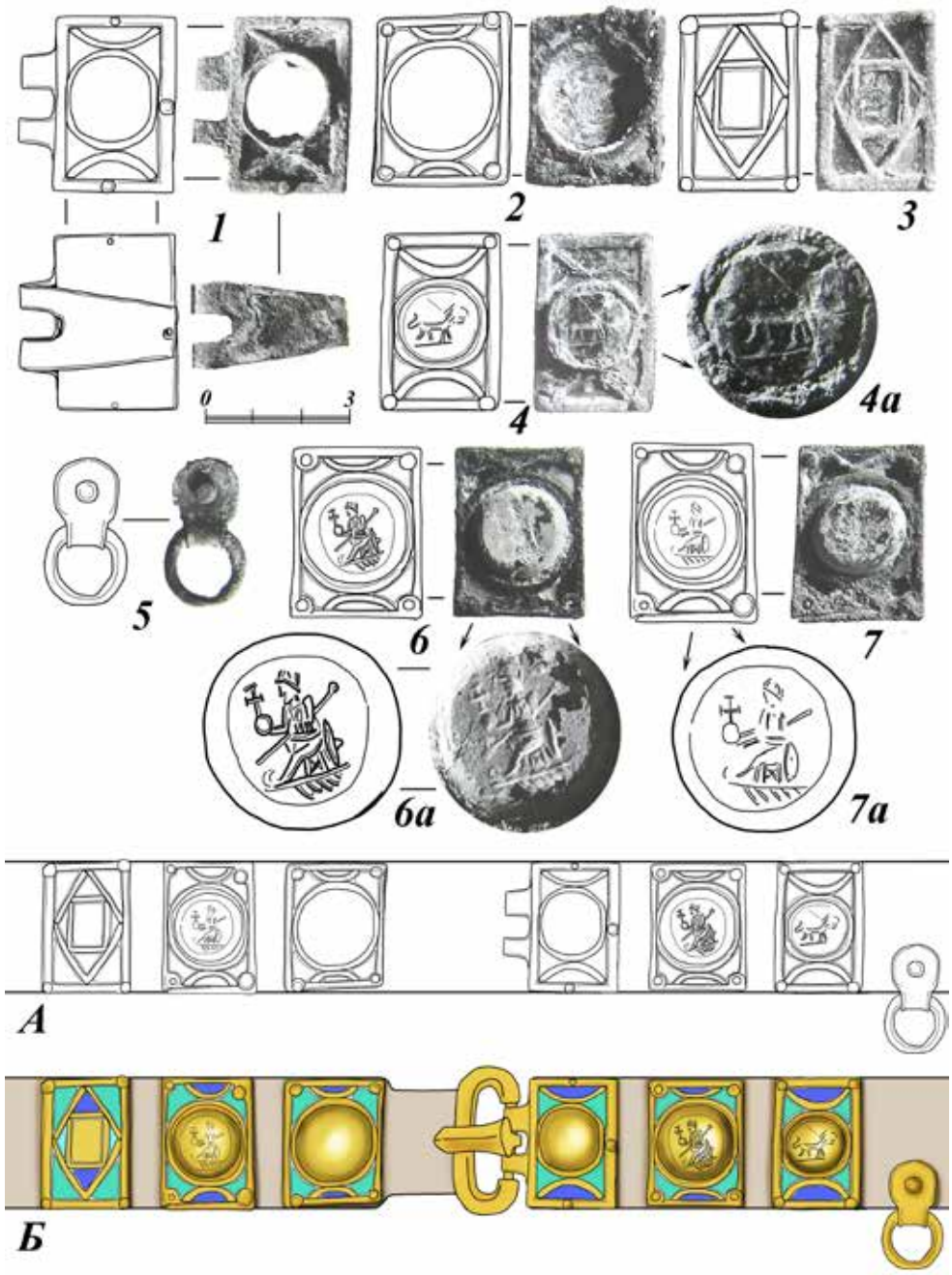


Рис. 9. Поясной набор конца V – первой половины VI в., найденный на территории современного Израиля: *1–7* – детали поясного набора, инкрустированные стеклом и геммами из желтого полупрозрачного стекла; *А* – схема расположения деталей на ремне; *Б* – вариант реконструкции поясного набора в цвете
Фото по: [42, Cat. Nr. 563]; прорисовки и реконструкции автора.

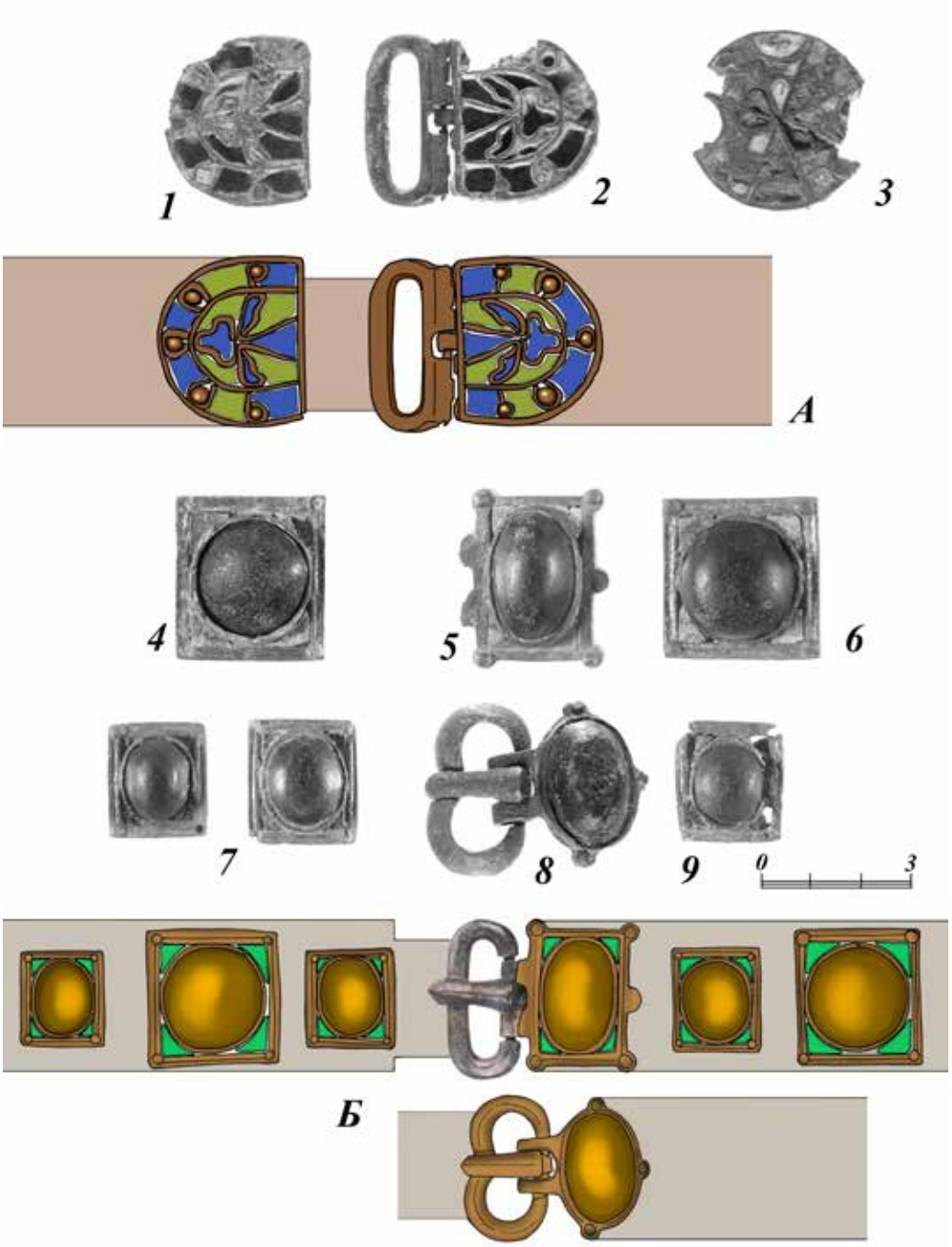


Рис. 10. Детали поясных наборов первой половины VI в. из Сирии (Эр-Растан / Аретуса) (*1–9*) и варианты реконструкции поясов (*А, Б*)
1–9 – Британский музей, Nr. 1926,1014.1–11; А, Б – реконструкции и рисунок автора

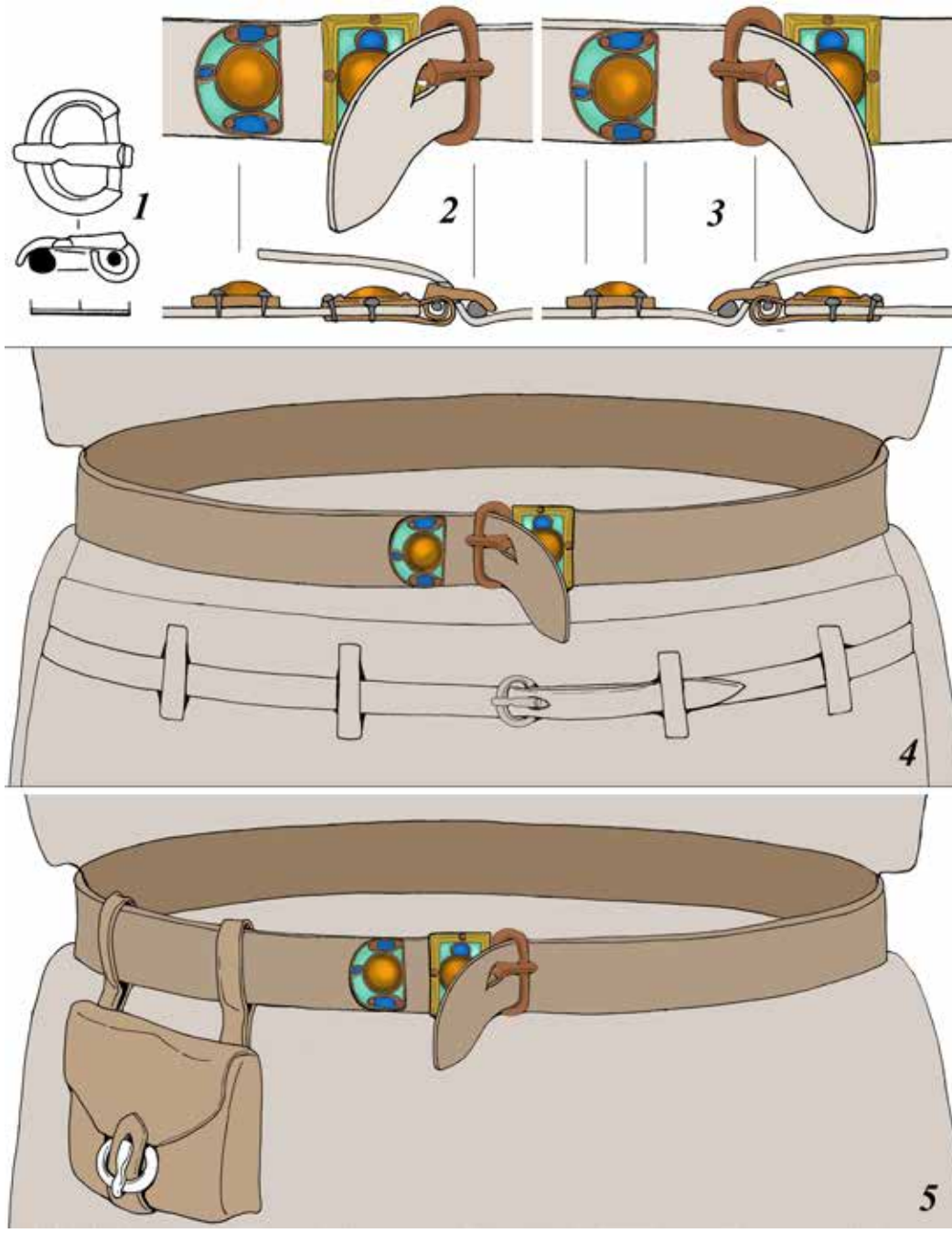


Рис. 11. Могильник у села Лучистое, склеп 124, погребение 9: *1* – пряжка от сумочки или пояска для штанов; *2, 3* – варианты реконструкции поясного набора; *4, 5* – варианты реконструкции костюма погребенного. Реконструкция и рисунок автора

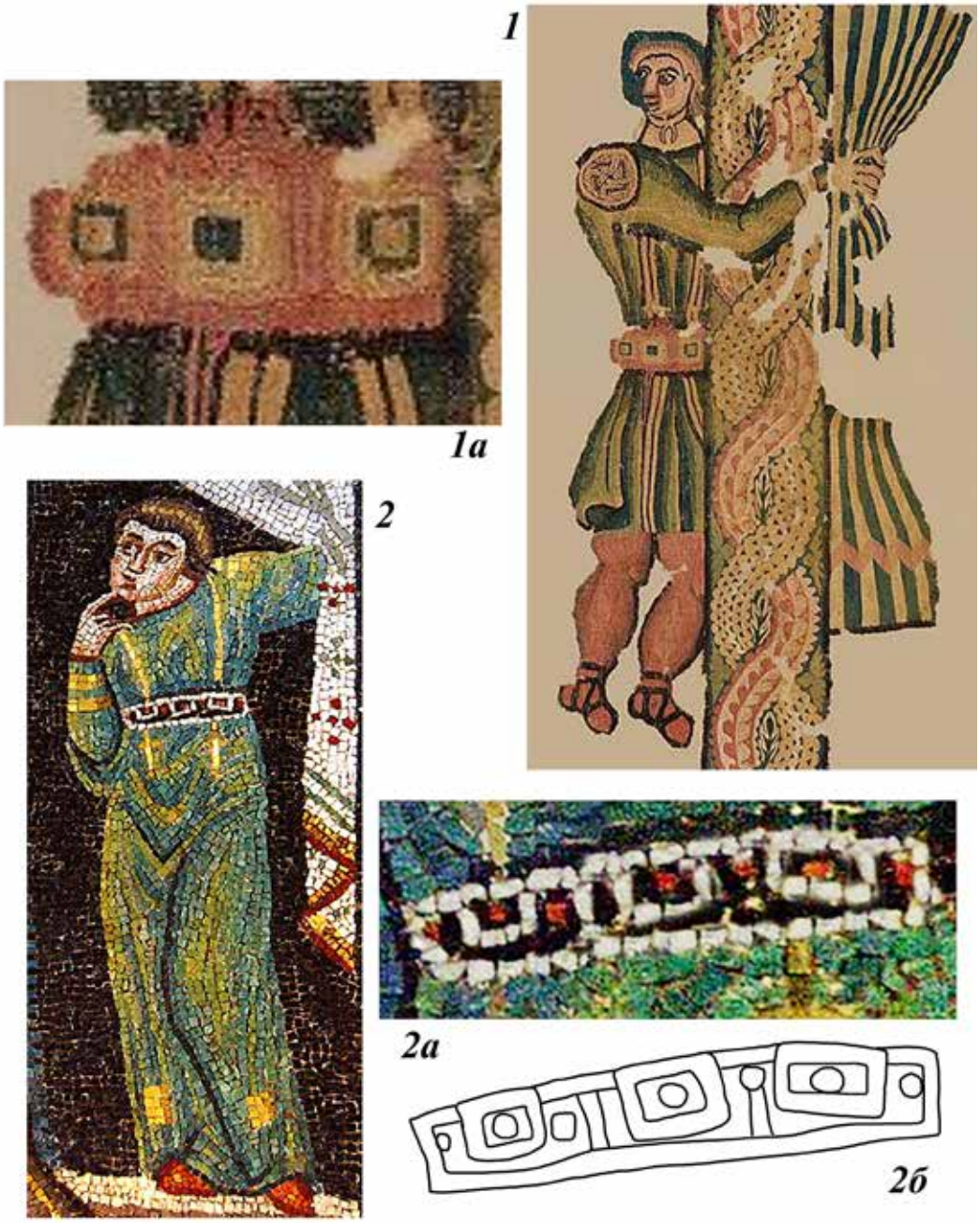


Рис. 12. Изображения византийских поясов V–VI вв. с инкрустацией: *1* – фрагмент завесы, Египет, V в. Музей изящных искусств, Бостон, Фонд Чарльза Поттера Клинга, № 57.180 (*1а* – деталь с изображением пояса), по: [38, fig. 3]; *2* – мозаика Базилики Евфразия, Пореч (Хорватия), середина VI в. (*2а* – деталь с изображением пояса; *2б* – прорисовка пояса)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. I. С. 3–85, 175–241.
2. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар, 1999. 352 с.
3. Айбабин А.И. Очерки истории владений Восточной Римской империи в Крыму в IV–XII веках. Симферополь: Антиква, 2024. 320 с.
4. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Могильник у села Лучистое. Т. I. Раскопки 1977, 1982–1984 гг. Симферополь, Керчь: АДЕФ-Украина, 2008. 336 с.
5. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Могильник у с. Лучистое. Т. II. Раскопки 1984, 1986, 1991, 1993–1995 гг. Симферополь, Керчь, 2014. 400 с.
6. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Крымские готы страны Дори (середина III – VII в.). Симферополь: Антиква, 2017. 366 с.
7. Грабар А. Император в византийском искусстве. М.: Ладомир, 2000. 328 с.
8. Засецкая И.П. Боспорский некрополь эпохи Великого переселения народов. Последняя четверть IV – начало VII века. Каталог коллекции. Санкт-Петербург: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2024. 376 с.
9. Набоков А.И. Раннесредневековые некрополи Мангупского городища (Юго-Западный Крым). Дисс. … канд. ист. наук. Симферополь, 2024.
10. Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер., коммент. А.А. Чекаловой. М.: Наука, 1993. 570 с.
11. Трайкова Л.А. Коланът южно от Долен Дунав – края на III – началото на VII в. София: Национален археологически институт с музей, 2017. 556 с.
12. Феофилакт Симокатта. История / Пер. С.П. Кондратьева; Послесловие Н. Пигулевской. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 225 с.
13. Хайрединова Э.А. Медальоны с изображением святого всадника из могильника у с. Лучистое // МАИЭТ. 2014. Вып. XIX. С. 147–210.
14. Хайрединова Э.А. Византийские цельнолитые пряжки-апотропеи второй половины VII в. из Крыма // АДСВ. 2016. Вып. 44. С. 72–98.
15. Хайрединова Э.А. Перстни с изображением архангела Михаила конца VI – VII в. из Крыма // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24, № 6. С. 32–46. DOI: 10.15688/jvolsu4.2019.6.3.
16. Хайрединова Э.А. Византийские целительные амулеты из Юго-Западного Крыма // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25, № 6. С. 82–99. DOI: 10.15688/jvolsu4.2020.6.6.
17. Хайрединова Э.А. Серьги-калачики из Крыма // Imperium et Barbaricum: взаимодействие цивилизаций: Сборник статей в честь 70-летия Михаила Казанского / Отв. ред. А.И. Айбабин, Э.А. Хайрединова. Симферополь: Антиква, 2023. С. 210–218.
18. Хайрединова Э.А., Антипенко А.В. Позолоченные нашивные бляшки второй половины VII века из могильника у села Лучистое (Юго-Западный Крым) // Российские нанотехнологии. 2024. Т. 19, № 5. С. 694–698. DOI: 10.56304/S1992722324602477.
19. Arrhenius B. Merowingian Garnet Jewellery: emergence and social implications. Stockholm: Kungl. vitterhets historie och antikvitets akademien, 1985. 229 S.
20. Ashmolean Museum, University of Oxford, collection online. URL: https//collections.ashmolean.org/object/477861. Дата обращения 12.09.2025 г.
21. Baier Ch., Pülz A.M., Baudouin E., Binder M., Maniatis Y., Oberndorfer D., Talamo S. Spätantike Bestattungen aus Lousoi. Neue Evidenz zur Verbreitung cloisonnierten Gürtelschmucks und zur Siedlungsdynamik in der gebirgigen Nordpeloponnes // Jahreshefte des Österreichischen Archäologischen Institutes in Wien. 2022. Bd. 91. S. 17–64.
22. Walter Ch. The Warrior Saints in Byzantine Art and Tradition. Aldershot: Ashgate, 2003. 317 p.
23. Çelikbaş E., Gündüz B. Windowpanes fragments from the northwest necropolis church of Paphlagonian Hadrianopolis // МАИЭТ. 2024. Вып. XXIX. С. 85–95.
24. Dalton O.M. Catalogue of Early Christian antiquities and objects from the Christian East. London: British Museum, 1901. 186 p.
25. Die Welt von Byzanz. Europas Östliches Erbe / Hrsg. L. Wamser. Munchen: Theiss, 2004. 475 S.
26. Eger Ch. Dress Accessories of Late Antiquity in Jordan // Levant. 2003. Vol. 35. P. 163–178.
27. Eger Ch. Spätantikes Kleidungszubehör aus Nordafrika I. Trägerkreis, Mobilität und Ethnos im Spiegel der Funde der spätesten römischen Kaiserzeit und der vandalischen Zeit. Wiesbaden, 2012.
28. Frova A. Pittura Romana in Bulgaria. Roma: Fratelli Palombi, 1943. 33 p.
29. Hanus R., Hladky P., Hanus T. Cell Paste Analysis // Royal Insignia of Late Antiquity from Mšec and Řevničov, Magnificent Finds from the Migration Period from Central Bohemia / Eds. J. Jiřík, K. Blažková, J. Bezáková, B. Ager. Rakovník: Muzeum T.G.M Rakovník, 2023. P. 38–41.

30. Horváth E., May Z., Kovács J.S., Tóth M. An early medieval buckle with cloisonné decoration // Archeometriai Műhely. 2009. No. 4. P. 15–29.
31. Kazanski M. Les plaques-boucles méditerranéennes des Ve–VIe siècles // Archéologie médiévale. 1994. T. XXIV. P. 137–198.
32. Khairedinova E.A., Antipenko A.V. Byzantine Cloisonné Belt Set of the First Half of the 6th Century from the Burial Ground near the Village of Luchistoye (Southwestern Crimea) // Nanobiotechnology Reports. 2025. Vol. 20, No. 5. P. 648–653.
33. Mastrocinque A. The Colours of Magical Gems // 'Gems of Heaven'. Recent Research on Engraved Gemstones in Late Antiquity, c. AD 200–600 / Eds. Ch. Entwistle, N. Adams. London: The Trustees of the British Museum, 2012. P. 62–68.
34. Muñiz Jaén I., Bravo Carrasco A. La Toréutica en la necrópolis tardorromana y de época visigoda de El Ruedo (Almedinilla-Córdoba) // Antiquitas. 2000. Vol. 11/12. P. 189–198.
35. Nemeti S., Nemeti I. Ara Martis. Notes on an anepigraphic Altar from Dacia // Acta Musei Napocensis. 2024. 61/I. P. 191–201. DOI: 10.54145/ActaMN.I.61.08.
36. Orsi P. Byzantina Siciliae // Byzantinische Zeitschrift. 1912. XXI. S. 196–210.
37. Quast D. Garnitures de ceintures méditerranéennes à plaques cloisonnées des Ve et début VIe siècles // Antiquités Nationales. 1999. No. 31. P. 233–250.
38. Raff K.A. The Waiting-Servant Motif in a Late Antique Textile in Chicago: Iconography, Visuality, and Materiality // Arts. 2022. Vol. 11 (3), 64. DOI: 10.3390/arts11030064.
39. Schulze-Dörrlamm M. Byzantinische Gürtelschnallen und Gürtelbeschläge im Römicsch-Germanischen Zentralmuzeum. Mainz: Verlag des RGZM, 2002. 258 S.
40. Schulze-Dörrlamm M. Byzantinische Gürtelschnallen und Gürtelbeschläge im Römicsch-Germanischen Zentralmuzeum. Tail II: Die Schnallen mit Scharnierbeschläg und die Schnallen mit Angegossenem Riemendurchzug des 7. bis 10. Jahrhunderts. Mainz: Verlag des RGZM, 2009. 404 S.
41. Scuiller Ch., Hernandez J. Le Belou nord de Saint-Laurent-des-Hommes. Une des plus vastes nécropoles du haut Moyen Âge en Aquitaine // Archéopages. Archéologie et société. 2022. Vol. 6. P. 373–382.
42. Spier J. Late Antique and Early Christian Gems. Wiesbaden: Reichert Verlag, 2007. 221 p.
43. Spier J. Late Antique and Early Christian Gems: Some Unpublished Examples // 'Gems of Heaven'. Recent Research on Engraved Gemstones in Late Antiquity, c. AD 200–600 / Eds. Ch. Entwistle, N. Adams. London: The Trustees of the British Museum, 2012. P. 193–207.
44. The Oxford Dictionary of Byzantium / Ed. A.P. Kazhdan. Vol. I–III. New York, Oxford: Oxford University Press, 1991. 2223 p.

REFERENCES

1. Aibabin A.I. The Chronology of the Cemeteries in the Crimea in the Late Roman and Early Byzantine Periods. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 1990, vol. 1, pp. 3–85, 175–241.
2. Aibabin A.I. *Etnicheskaya istoriya rannevizantijskogo Kryma*. Simferopol, Dar Publ., 1999, 352 p.
3. Aibabin A.I. *Ocherki istorii vladenii Vostochnoi Rimskoi imperii v Krymu v IV–XII vekakh* [Essays on the history of the possessions of the Eastern Roman Empire in Crimea in the 4th–12th centuries]. Simferopol, Antikva Publ., 2024, 256 p.
4. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. *Mogil'nik u sela Luchistoe. T. 1. Raskopki 1977, 1982–1984 gg.* [Cemetery near the village of Luchistoye. Tom 1. Excavations 1977, 1982–1984]. Simferopol, Kerch, ADEF-Ukraina Publ., 2008, 336 p.
5. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. *Mogil'nik u sela Luchistoe. T. II. Raskopki 1984, 1986, 1991, 1993–1995 gg.* [Cemetery near the village of Luchistoye. Tom 1. Excavations 1984, 1986, 1991, 1993–1995]. Simferopol, Kerch, 2014, 400 p.
6. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. *Krymskie goty strany Dori (seredina III – VII v.)* [Crimean Goths in the region of Dory (mid-third to seventh century)]. Simferopol, Antikva Publ., 2017, 366 p.
7. Grabar A. *Imperator v vizantiiskom iskusstve* [The Emperor in Byzantine Art]. Moscow, Ladomir Publ., 2000, 328 p.
8. Zasetskaia I.P. *Bosporskii nekropol' epokhi Velikogo pereseleniia narodov. Posledniaia chetvert' IV – nachalo VII veka. Katalog kollektsii* [Bosporan Necropolis of the Great Migration Period. Last Quarter of the 4th – Early 7th Century. Collection Catalogue]. St. Petersburg, State Hermitage Museum Publ., 2024, 376 p.
9. Nabokov A.I. *Rannesrednevekovye nekropoli Mangupskogo gorodishcha (Iugo-Zapadnyi Krym)* [Early Medieval Necropolises of the Mangup Settlement (Southwestern Crimea)]. Cand. Sci. (Hist.) Diss. Simferopol, 2024.
10. Prokopii Kesariiskii. *Voina s persami. Voina s vandalami. Tainaia istoriia* [War with the Persians. War with the Vandals. Secret History]. Transl. and comment. by A.A. Chekalova. Moscow, Nauka Publ., 1993, 570 p.
11. Traikova L.A. *Kolan"t iuzhno ot Dolen Dunav – kraia na III – nachaloto na VII v.* [Kolant south of Dolen Dunav – edges in the 3rd – beginning in the 7th century]. Sofia, National Archaeological Institute with Museum Publ., 2017, 556 p.

12. Feofilakt Simokatta. *Istoriia* [History]. Transl. S.P. Kondratieva, Afterword by N. Pigulevskaya. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1957. 225 p.
13. Khairedinova E.A. Medallions with the Image of Holy Rider from the Necropolis near the Village of Luchistoye. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2014, vol. 19, pp. 147–210.
14. Khairedinova E.A. Byzantine unit-cast Apotropaic buckles of the second half of 7th century from the Crimea. *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2016, vol. 44, pp. 72–98.
15. Khairedinova E.A. Finger Rings with the Image of Archangel Michael of the Late 6th – 7th Centuries from Crimea. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 6, pp. 32–46. DOI: 10.15688/jvolsu4.2019.6.3.
16. Khairedinova E.A. Byzantine Healing Amulets from Southwestern Crimea. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 6, pp. 82–99. DOI: 10.15688/jvolsu4.2020.6.6.
17. Khairedinova E.A. The Crescent-shaped Earrings from the Crimea. A.I. Aibabin, E.A. Khairedinova (eds.), *Imperium et Barbaricum: vzaimodeistvie tsivilizatsii: Sbornik statei v chest' 70-letiia Mikhaila Kazanskogo* [Imperium et Barbaricum: Interaction of Civilizations: Papers Collected in Honour of Michel Kazanski's 70th Birthday]. Simferopol, Antikva Publ., 2023, pp. 210–218.
18. Khairedinova E.A., Antipenko A.V. Gilded sewn-on plaques of the second half of the 7th century from a burial ground near the Village of Luchyste (Southwestern Crimea) // *Nanobiotechnology Reports*, 2024, vol. 19, no. 5, pp. 694–698.
19. Arrhenius B. *Merowingian Garnet Jewellery: emergence and social implications*. Stockholm, Kungl. vitterhets historie och antikvitets akademien, 1985, 229 S.
20. *Ashmolean Museum, University of Oxford, collection online*. URL: https//collections.ashmolean.org/object/477861.
21. Baier Ch., Pülz A.M., Baudouin E., Binder M., Maniatis Y., Oberndorfer D., Talamo S. Spätantike Bestattungen aus Lousoi. Neue Evidenz zur Verbreitung cloisonnierten Gürtelschmucks und zur Siedlungsdynamik in der gebirgigen Nordpeloponnes. *Jahreshefte des Österreichischen Archäologischen Institutes in Wien*, 2022, Bd. 91, pp. 17–64.
22. Walter Ch. *The Warrior Saints in Byzantine Art and Tradition*. Aldershot: Ashgate, 2003, 317 p.
23. Çelikbaş E., Gündüz B. Windowpanes fragments from the northwest necropolis church of Paphlagonian Hadrianopolis. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2024, vol. 29, pp. 85–95.
24. Dalton O.M. Catalogue of Early Christian antiquities and objects from the Christian East. London: British Museum, 1901. 186 p.
25. *Die Welt von Byzanz. Europas Östliches Erbe*. Hrsg. L. Wamser. Munchen, Theiss, 2004, 475 S.
26. Eger Ch. Dress Accessories of Late Antiquity in Jordan. *Levant*, 2003, vol. 35, pp. 163–178.
27. Eger Ch. Spätantikes Kleidungszubehör aus Nordafrika I. Trägerkreis, Mobilität und Ethnos im Spiegel der Funde der spätesten römischen Kaiserzeit und der vandalischen Zeit. Wiesbaden, 2012.
28. Frova A. *Pittura Romana in Bulgaria*. Roma, Fratelli Palombi, 1943, 33 p.
29. Hanus R., Hladky P., Hanus T. Cell Paste Analysis. J. Jiřík, K. Blažková, J. Bezáková, B. Ager (eds.), *Royal Insignia of Late Antiquity from Mšec and Řevničov, Magnificent Finds from the Migration Period from Central Bohemia*. Rakovník, Muzeum T.G.M Rakovník, 2023, pp. 38–41.
30. Horváth E., May Z., Kovács J.S., Tóth M. An early medieval buckle with cloisonné decoration. *Archeometriai Műhely*, 2009, no. 4, pp. 15–29.
31. Kazanski M. Les plaques-boucles méditerranéennes des Ve–VIe siècles. *Archéologie médiévale*, 1994, vol. 24, pp. 137–198.
32. Khairedinova E.A., Antipenko A.V. Byzantine cloisonné belt set of the first half of the 6th century from the burial ground near the Village of Luchistoye (Southwestern Crimea). *Nanobiotechnology Reports*, 2025, vol. 20, no. 5, pp. 648–653.
33. Mastrocinque A. The Colours of Magical Gems. Ch. Entwistle, N. Adams (eds.), *'Gems of Heaven'. Recent Research on Engraved Gemstones in Late Antiquity, c. AD 200–600*. London, The Trustees of the British Museum, 2012, pp. 62–68.
34. Muñiz Jaén I., Bravo Carrasco A. La Toréutica en la necrópolis tardorromana y de época visigoda de El Ruedo (Almedinilla-Córdoba). *Antiquitas*, 2000, vol. 11/12, pp. 189–198.
35. Nemeti S., Nemeti I. *Ara Martis*. Notes on an anepigraphic Altar from Dacia. *Acta Musei Napocensis*, 2024, 61/I, pp. 191–201. DOI: 10.54145/ActaMN.I.61.08.
36. Orsi P. Byzantina Siciliae. *Byzantinische Zeitschrift*, 1912, Bd. 21, pp. 196–210.
37. Quast D. Garnitures de ceintures méditerranéennes à plaques cloisonnées des Ve et début VIe siècles. *Antiquités Nationales*, 1999, no. 31, pp. 233–250.

38. Raff K.A. The Waiting-Servant Motif in a Late Antique Textile in Chicago: Iconography, Visuality, and Materiality. *Arts*, 2022, vol. 11 (3), 64. DOI: 10.3390/arts11030064.
39. Schulze-Dörrlamm M. *Byzantinische Gürtelschnallen und Gürtelbeschläge im Römicsch-Germanischen Zentralmuzeum*. Mainz, Verlag des RGZM, 2002, 258 S.
40. Schulze-Dörrlamm M. *Byzantinische Gürtelschnallen und Gürtelbeschläge im Römicsch-Germanischen Zentralmuzeum. Tail II: Die Schnallen mit Scharnierbeschläg und die Schnallen mit Angegossenem Riemendurchzug des 7. bis 10. Jahrhunderts*. Mainz, Verlag des RGZM, 2009, 404 S.
41. Scuiller Ch., Hernandez J. Le Belou nord de Saint-Laurent-des-Hommes. Une des plus vastes nécropoles du haut Moyen Âge en Aquitaine. *Archéopages. Archéologie et société*, 2022, vol. 6, pp. 373–382.
42. Spier J. *Late Antique and Early Christian Gems*. Wiesbaden, Reichert Verlag, 2007, 221 p.
43. Spier J. Late Antique and Early Christian Gems: Some Unpublished Examples // Ch. Entwistle, N. Adams (eds.), *'Gems of Heaven'. Recent Research on Engraved Gemstones in Late Antiquity, c. AD 200–600*. London, The Trustees of the British Museum, 2012, pp. 193–207.
44. *The Oxford Dictionary of Byzantium*. Ed. A.P. Kazhdan. Vol. I–III. New York, Oxford, Oxford University Press, 1991, 2223 p.

Информация об авторе

Хайрединова Э. А. – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник НИЦ истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Researcher ID: Y-5905-2019.

Author information

Khairedinova E. A. – Candidate of Science (History), Leading Researcher at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: Y-5905-2019.

DOI: 10.29039/2413-189X.2025.30.138-157

КЕРАМИКА ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ VI В. В РЫБОЗАСОЛОЧНОМ КОМПЛЕКСЕ РАННЕВИЗАНТИЙСКОГО БОСПОРА

Анна Викторовна Смокотина
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия
asmokotina@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1298-6092

Аннотация. В 2007–2009 гг. в Босфорском переулке г. Керчи были исследованы рыбозасолочный комплекс римского и ранневизантийского времени, а также перекрывающий его слой. Шестнадцать выявленных ванн засыпались на протяжении почти двух столетий, начиная с периода не ранее конца IV – начала V в. Наиболее поздние комплексы – заполнение ванн II-10A–D и слой серого золистого суглинка над ваннами – образовались, по-видимому, после нападения тюрков на город Боспор в 576 г. В связи с тем, что находки краснолаковой керамики в слоях второй половины VI – первой половины VII в. в значительной степени утрачивают свою датирующую ценность, особое значение приобретает выделение хронологических маркеров среди других категорий посуды. Было установлено, что с последней трети VI в. в боспорских комплексах появляются редкие находки эгейских амфор типа LR 2C, кухонные лепные горшки нового облика (выделенные на основании макроскопических характеристик глиняного теста, морфологии и декора), а также столовые сосуды закрытого типа с горизонтальной линейной росписью светлым ангобом двух производственных центров.

Ключевые слова: Боспор, амфоры, кухонная керамика, столовая посуда

Благодарности: Статья написана в рамках проекта Минобрнауки РФ, государственное задание FZEG-2025-0001 «Этнические трансформации в Крыму и Таврических степях в Средние века и Новое время».

LAST THIRD OF THE SIXTH CENTURY POTTERY IN THE FISH-SALTING COMPLEX OF EARLY BYZANTINE BOSPOROS

Anna V. Smokotina
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
asmokotina@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1298-6092

Abstract. The 2007–2009 excavations at Bosporskii Lane in present-day Kerch researched a fish-salting complex from the Roman and Early Byzantine Periods with the layer covering it. There were sixteen vats which were filled in over almost two centuries, from no earlier than the late-fourth or early-fifth century on. The latest assemblages, specifically the fills of vats II-10A–D and the grey ashy clay loam layer above the vats, probably developed after the Turkic attack on the town of Bosporos in 576 AD. As the finds of red slip ware in the layers from the second half of the sixth to the first half of the seventh century largely lose their chronological significance, particularly important is the identification of chronological markers among other categories of pottery. It has been determined that from the last third of the sixth century on rare finds of Aegean amphorae of type LR 2C appeared in Bosporan contexts along with new types of hand-made cooking pots (attributed according to macroscopic characteristics of clay fabric, morphology, and decoration), as well as closed-shaped table vessels with horizontal linear decoration with light engobe made in two production centers.

Keywords: Bosporos, amphorae, cookingware, tableware

Acknowledgments: This article has been written as a part of the project supported by state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation FZEG-2025-0001 *Ethnic Transformations in the Crimea and the Tauria Steppe in the Middle Ages and the Modern Period.*

В ходе археологических исследований экспедиции под руководством А. И. Айбабина в Босфорском переулке г. Керчи выявлен рыбозасолочный комплекс II римского и ранневизантийского времени (рис. 1). В 2007–2009 гг. были изучены 16 ванн разных размеров, при этом их границы в северо-западной части выходили за пределы раскопа и не были полностью исследованы. Необходимо учитывать, что в предварительных публикациях использовалась полевая нумерация ванн (цистерн), уточненная затем в 2024 г. (табл. 1) [6; 7]. Отдель-

ные аспекты функционирования комплекса и хронология засыпи ванн уже рассматривались в предварительных публикациях и при анализе некоторых групп находок [3, с. 16–18; 15, табл. 1; 16, табл. 1; 19, табл. 1; 4]. Итоговые результаты изучения материалов раскопок представлены в вышедшей недавно коллективной монографии [6; 7]. Детальный анализ всех датирующих находок, прежде всего амфор, краснолаковой керамики и некоторых других категорий, позволил не только уточнить время прекращения функционирования отдельных ванн, но и реконструировать общую историческую ситуацию на участке исследования.

Ванны рыбозасолочного комплекса засыпались в несколько этапов на протяжении примерно двух столетий. По характеристике материала из заполнения выделены шесть групп ванн, наиболее ранние из которых прекратили использовать не ранее конца IV – начала V в. (табл. 2). Во второй четверти VI в., после присоединения Боспора к Византийской империи, поверх ванн в северо-западной части комплекса была простроена усадьба 2 (рис. 1,*в*). Установлено, что наиболее длительное время действовали ванны в юго-восточной части (II-5 и II-10A–D). Одна из них (II-5) была засыпана около середины VI в. После этого, до самой гибели усадьбы 2, вероятно, во время набега тюрков в 576 г., ее жители продолжали эксплуатировать только четыре небольшие ванны 10A–D. В дальнейшем жизнедеятельность на данном участке не возобновлялась. В тот же период была заброшена и усадьба (СК–III) на соседнем юго-западном участке [2, с. 11]. Начиная с VII в. эту территорию на склоне горы Митридат занимает городской некрополь, где вплоть до первой половины VIII в. производили захоронения в грунтовых и плитовых могилах [5].

Анализ керамических материалов, относящихся к финальной стадии функционирования рыбозасолочного комплекса, позволяет не только уточнить его датировку и проследить эволюцию использования городского пространства в данном районе, но и выявить керамические маркеры ключевых этапов в пределах VI в. После присоединения Боспора к Византийской империи в начале второй четверти VI в. [1, с. 94–95] снизилась роль региональной причерноморской торговли, а импорт товаров в амфорах и краснолаковой керамики из других регионов Восточного Средиземноморья резко вырос. К этому времени, по-видимому, полностью прекратилось местное боспорское производство амфор и импорт гераклейской продукции, резко сократился ввоз синопского вина и поступление Понтийской краснолаковой посуды (PRS). Взамен заметно выросли поставки продукции в амфорах из региона Киликии и Кипра (LR 1) [38, p. 212–216, fig. 91,337,338,346,347; 39, p. 120, fig. 14; 36, p. 69–85, pl. 1–22]. В этот период на боспорский рынок начали массово доставляться амфоры с острова Крит (TRC 4, 6 и 9) [37, p. 263, 302–313; 40, p. 189–197; 19, с. 161–163] и новый тип понтийских амфор из Южного Причерноморья (V/АДСВ-71 или Антонова V) [8, с. 85, рис. 6; 35, p. 28–29; 20, с. 531–533]. Одновременно наблюдается бум распространения Фокейской краснолаковой керамики (LRC/PhRS, формы 3F и 3G) [28, p. 331, 333–335, 338, fig. 69,17–25; 30, p. 86; 18, с. 272–275].

Во второй четверти VI в. на Боспор в небольшом количестве начали поступать также некоторые другие группы столовой посуды, такие как Late Roman Pontic Burnished Ware (LRPB) или Позднеримская Понтийская лощеная керамика [26, p. 69–71; 12, с. 31–35; 11, с. 53–54]. В комплексах Босфорского переулка единичные находки таких сосудов появляются в ванне II-5 и продолжают встречаться в более поздних ваннах II-10, а также в слое над ваннами.

Со второй четверти VI в. импортируются также некоторые новые группы гончарной кухонной керамики, производство которых началось в более ранний период, однако массовый ввоз в регион фиксируется именно с этого времени. Среди них выделяются горшки, кружки и кастрюли из Константинополя [29, p. 53–55, fig. 31,8.3; 45,30.140] и западно-балканского региона (Северная Албания, Македония и Косово) [9, с. 118–119; 31, p. 112–115; 21, с. 118, ил. 85,M80.6,105.14,M53.1]. Перечисленные категории керамики в разном соотношении были обнаружены в заполнении поздних ванн рыбозасолочного комплекса, засыпанных в первой трети или в самом начале второй четверти VI в. (ванна II-9), во второй четверти – середине VI в. (ванна II-5) и в последней четверти VI в. (ванны II-10A–D), а также в перекрывавшем рыбозасолочный комплекс слое серого золистого суглинка, в котором в начале VII в. уже были выкопаны могилы некрополя [5]. Очевидно, что слой в северо-западной части мог образоваться только после разрушения строительного комплекса 2, впущенного

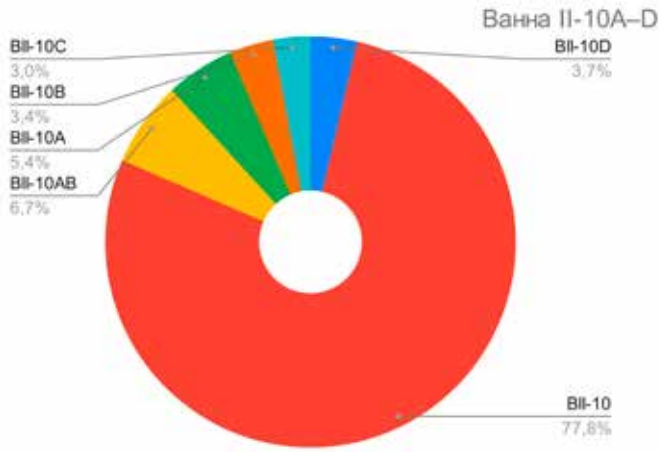
в ванны II-1 и II-2, а в юго-восточной части – после прекращения функционирования наиболее поздних ванн II-10 в последней четверти VI в. При этом наибольшая концентрация поздних находок в слое (от второй четверти VI в. и позднее) также фиксируется над наиболее поздними ваннами II-5 и II-10A–D.

Заполнение четырех ванн II-10A–D выбиралось последовательно и раздельно: сначала верхний горизонт всех ванн II-10, затем второй горизонт над ваннами II-10AB, и отдельно нижнее заполнение всех четырех резервуаров. Скорее всего, засыпь всего комплекса произошла единовременно. В пользу этого вывода говорит как близкий набор керамического материала, так и наличие склеившихся фрагментов сосудов из верхних горизонтов II-10 и II-10AB (например, рис. 3,*BII-10AB.6*)[1].

Всего в заполнении ванн II-10A–D было обнаружено 3220 фрагментов строительной, тарной, кухонной и столовой посуды, лутериев, кружков, без учета других (индивидуальных) находок, а также костей животных и ракушек, печины, строительного раствора и штукатурки. При этом абсолютное большинство из них были найдены в верхнем заполнении ванн (около 84,5%, диаграмма 1). Анализ керамических изделий из ванн II-10A–D, наряду с изучением отдельных находок из перекрывавшего рыбозасолочный комплекс слоя серого золистого суглинка, позволяет проследить основные тенденции развития направлений керамического импорта в VI в., оценить изменения в соотношении групп керамики из разных центров, а также отдельных типов и форм сосудов внутри разных категорий посуды в развитии в рамках выделенного периода.

При этом важно рассмотреть весь комплекс находок, выделить хронологические маркеры не только среди амфор и краснолаковой керамики, но также определить их в составе кухонной лепной и гончарной посуды, простой столовой керамики и некоторых других групп столовой посуды.

Диаграмма 1. Соотношение керамических находок из заполнения ванны II-10A–D (%)



Амфоры

В исследованных комплексах рыбозасолочных ванн и слоя над ними было выявлено всего 10556 фрагментов амфор. В ваннах, которые прекратили функционировать в несколько этапов, начиная с конца IV – начала V в. и до первой трети (начала второй четверти) VI в., абсолютно доминирует продукция причерноморских центров – прежде всего местные боспорские

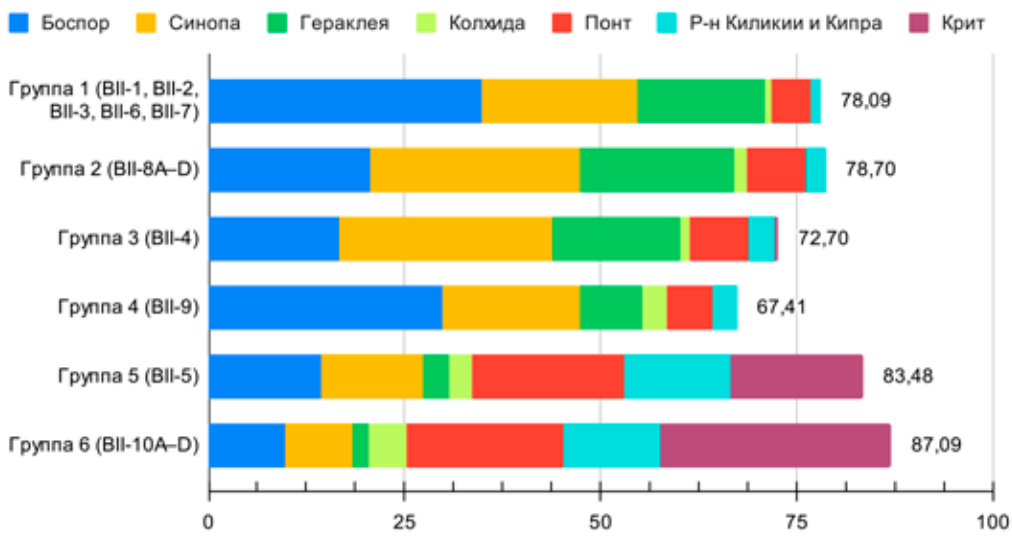
[1] В статье используется нумерация предметов (BII-10AB.6) в соответствии с местом находки (BII-10AB) и номером по каталогу (6) в общей публикации материалов раскопок рыбозасолочного комплекса [6; 7]. Рисунки керамики выполнены А. Е. Катюшиным, при участии И. А. Александровой. Фотографии находок и фотообработка сделаны К. Д. Шульман, А. А. Ковпаком, И. Д. Денисенко и М. А. Никитиной. Макрофотографии глиняного теста подготовлены автором.

амфоры, а также импорт из Синопы и Гераклеи (табл. 2, группы 1–4). В заполнении ванны II-5 второй четверти – середины VI в. (табл. 2, группа 5) в большом количестве появляются находки критских амфор, главным образом типов TRC 4, 6 и 9 (138 фр., 17,02%), и нового типа понтийских сосудов типа V/АДСВ-71 (149 фр., 18,37%), а также резко возрастает доля амфор LR 1 из региона Киликии и Кипра (109 фр., 13,44%) (диаграмма 2, группы 1–5).

Только в заполнении ванн II-10A–D последней четверти VI в. (табл. 2, группа 6) амфоры причерноморского региона (804 фр. из 1774 фр., 45,32%) впервые уступают изделиям других центров. Заметно увеличивается импорт критских амфор (522 фр., 29,43%), при этом доля типа V/АДСВ-71 (333 фр., 18,77%) и LR 1 (219 фр., 12,34%) примерно соответствует характерной для более ранней ванны II-5. Продолжает сокращаться примесь находок более раннего времени, в первую очередь местных боспорских амфор, а также сосудов из Синопы и Гераклеи, которые преобладали в комплексах IV–V вв. (диаграмма 2, группа 6).

В то же время обращает на себя внимание концентрация находок абсолютного большинства синопских амфор C Snp II-3b (Carrot) и всех сосудов группы D Snp в комплексах именно VI в. (диаграмма 3). Амфоры C Snp II-3b найдены в основном в виде небольших обломков стенок и ручек. В связи с этим при выделении данного типа я по большей части руководствовалась наблюдениями Д. Кассаб Тезгёр о более светлом цвете глиняного теста данного варианта амфор [33, p. 21], оттенки которого у наших находок очень вариативны: от светлого красновато-коричневого (2.5YR 6/3, 5YR 6/4) до светлого коричневато-серого (2.5Y 6/2)[2]. Красноглиняные амфоры с валикообразным венчиком диаметром 7,8–9 см, с желобчатым, слегка расширяющимся кверху горлом, овальными с ребром ручками и округлым дном с небольшим выступом в центре (например, *BII-9.50, CII-5.10*), скорее всего, принадлежат типам D Snp I или II (рис. 2; 5) [33, p. 36, 37, pl. 37,66–70; 38,71–77]. У крупного фрагмента предположительно группы D Snp с остатками дипинти в виде меноры на горле венчик не сохранился (*CII-8-9.17*). Такие сосуды имеют преимущественно красное глиняное тесто (2.5YR 5/6), но иногда в сколе черепка встречаются и другие оттенки, в том числе в виде прослоек на одном сосуде. Например, у фрагмента с менорой цвет изменяется от красного (2.5YR 5/6) у внутренней до бледно-желтого (2.5Y 7/3) у внешней поверхности (рис. 5,*CII-8-9.17*).

Диаграмма 2. Находки амфор основных регионов производства из заполнения ванн рыбозасолочного комплекса по хронологическим группам (%)



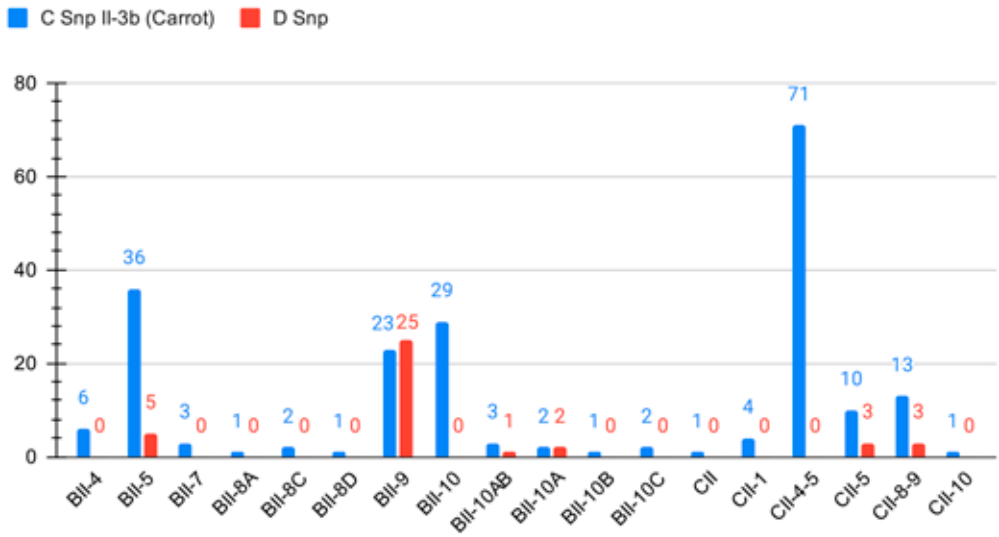
[2] Колориметрические измерения находок выполнены при помощи спектроколориметра Pantone Munsell Soil Capsure RM200.

По наблюдениям Д. Кассаб Тезгёр, амфоры группы C Snp производились в Демирджи с IV до начала VI в., при этом типы C Snp II и III, вероятно, изготавливались одновременно с типом C Snp I, хотя, предположительно, появились несколько позже [33, p. 27–28]. Учитывая наибольшую концентрацию амфор C Snp II-3b (Carrot) в Босфорском переулке в поздних комплексах с первой трети VI в., а также тот факт, что их хронология пока окончательно не определена, я не исключаю возможности их импорта на Боспор именно в этот период.

Хронология амфор группы D Snp определяется в пределах с конца V / начала VI в., но, несомненно, не позднее второй четверти VI в., и до какого-то пока точно не определенного периода в VII в. [33, p. 37–38]. Такая датировка подтверждается также находками этих амфор в комплексах Босфорского переулка, где они впервые представлены в заполнении ванны II-9 первой трети VI в. с наиболее вероятной датировкой в начале второй четверти VI в.

Важную роль для датировки как засыпи наиболее поздних рыбозасолочных ванн II-10A–D, так и всего периода завершения хозяйственной деятельности на исследованном участке до начала использования его под захоронения некрополя, играют немногочисленные находки эгейских амфор позднего варианта типа **LR 2C**, который Д. Пьери датировал последней третью VI – первой половиной VII в. [36, p. 88–89, fig. 45, pl. 27]. В верхнем заполнении четырех ванн II-10A–D, а также в верхней части ванн II-10AB было выявлено всего 6 фрагментов сосудов LR 2C, в том числе обломки с утолщенным венчиком диаметром около 12,5 см с прилепом ручки от горла (*BII-10AB.6*) и с поясом прямого мелкого рифления на плечиках (*BII-10AB.7*) (рис. 3; 5). Не исключено, что они могут происходить от одного сосуда. Глиняное тесто найденных фрагментов очень напоминает стандартное тесто ранних вариантов LR 2A–B с примесью известняка и мелкой слюды [22, p. 168]. Преобладают обычные для LR 2 оттенки красного (2.5YR 5/6) и коричневого (7.5YR 5/4) цвета черепка, фиксируется примесь известняка и редких точечных красных включений, хотя слюда и песок визуально не прослеживаются. Найденные фрагменты амфор отличаются от более ранних вариантов также некоторыми морфологическими деталями (форма горла, очень мелкое рифление на плечиках), что дополнительно делает их выделение в качестве последнего варианта типа LR 2C наиболее вероятным. С конца VI и в VII в. широкое распространение в Средиземноморье получают так называемые шаровидные или «глобулярные» амфоры, производившиеся в различных центрах [22, p. 169–170]. Поэтому для идентификации подоб-

Диаграмма 3. Находки синопских амфор C Snp II-3b (Carrot) и D Snp в рыбозасолочном комплексе и слое над ним (фр.)



ных сосудов необходимо учитывать в первую очередь макроскопические характеристики глиняного теста. Такой подход позволит более уверенно дифференцировать различные типы «глобулярных» амфор, происходящие из разных производственных центров (как, например, кипрские LR 13), и избежать их ошибочной атрибуции [24, p. 175].

Кроме того, важно отметить находку в слое серого суглинка над ванной II-4 и II-5 фрагмента эгейской амфоры с воронковидным в верхней части горлом и утолщенным венчиком диаметром 12 см (*CII-4-5.72*) (рис. 2) [18, с. 268, рис. 4,10]. Он принадлежит варианту LR 2B, датирующемуся серединой VI в. или немного раньше, и вплоть до конца VI в. [36, p. 88, fig. 45, pl. 25–26]. Аналогичная форма горла была характерна для амфор четвертого подтипа LR 2 второй половины VI в. из раскопок Трофея Траяна (Tropaeum Traiani) в Добрудже [27, p. 94, pl. XIII,75].

Кухонная керамика

В ассортименте кухонной посуды (всего 2073 фр.) наблюдаются существенные различия между категориями находок по способу производства, который полностью коррелируется с различиями по центрам производства – все или почти все местные сосуды лепные, а импортные гончарные. Лепная боспорская керамика в исследованных комплексах рыбозасолочных ванн и в слое над ними составляет около трех четвертей кухонной посуды (1567 фр., 75,59%). Соотношение фрагментов гончарной и лепной керамики в отдельных комплексах заметно варьируется. Однако, это обусловлено ограниченным объемом выборки в ряде случаев и не имеет хронологического значения. То есть такое соотношение три к одному, по-видимому, сохранялось на протяжении, как минимум, V–VI вв. Похожие пропорции гончарной и лепной посуды были зафиксированы и в других ранее опубликованных комплексах Босфорского переулка: в заполнении хозяйственной ямы 3 второй половины – конца VI в. (26,12% и 73,88%), а также в некрополе VII – первой половины VIII в. (26,57% и 73,43%) [14, с. 115, табл. 3; 21, с. 106, 129, гистограмма 4].

Подавляющее большинство боспорских лепных сосудов сформованы из серого или черного глиняного теста с характерной примесью толчёной ракушки в различной концентрации, а также нередко с включениями мелкой слюды, песка и точечных красных частиц. Кроме того, были выявлены единичные находки фрагментов сосудов, которые отличались от основной массы лепной посуды. Небольшая серия обломков горшков выделяется как составом глиняного теста, морфологическими деталями, так и общностью декоративных элементов (4 фр., 0,26%, например *BII-10.114, BII-10.115, BII-10A.23*). Они представлены фрагментами верхних частей сосудов с подпрямоугольным венчиком диаметром 18–24 см, с четко выделенным усеченно-коническим горлом высотой 3,7–4,4 см и резким перегибом к округлым плечикам, особенно на внешней стороне (рис. 3). Сохранность одного из фрагментов (*BII-10.114*), позволяет предполагать диаметр тулова не менее 30 см. Все найденные обломки горшков украшены косыми насечками по верхней стороне венчика. Глиняное тесто черное (10YR 2/1), очень темно-серое (5YR 3/1; 2.5Y 3/1), или очень темное зеленовато-серое (5G 3/1), с примесью шамота, иногда с мелкими блестками слюды, бывает с коричневой (7.5YR 5/2, 7.5YR 5/3) или серовато-коричневой (10YR 5/2) внутренней поверхностью (рис. 5). На внешней и внутренней стороне некоторых экземпляров прослеживаются следы заглаживания.

Появление похожих горшков на Боспоре обычно связывают с салтово-маяцкой культурой [13, с. 14, рис. 7,8–11]. Однако в исследованных комплексах Босфорского переулка горшки не имеют декора на плечиках и найдены исключительно в двух контекстах: в заполнении наиболее поздней ванны II-10 последней четверти VI в. (3 фр. в верхнем горизонте всех четырех ванн и в нижнем горизонте ванны II-10A) и в слое серого золистого суглинка над ванной II-5, которая была засыпана не ранее второй четверти – середины VI в. (1 фр.). Формирование этих комплексов произошло скорее всего после нападения в 576 г. тюрков на город Боспор [4, с. 144]. Таким образом, присутствие в боспорских слоях уже в последней трети VI в. кухонных горшков нового типа, изготовленных из нестандартного глиняного теста с необычным набором примесей, может быть связано с появлением в городе новых групп населения – мирных переселенцев или военного контингента.

Гончарная кухонная керамика стабильно импортировалась на протяжении V–VI вв. и составляет около четверти всех находок кухонной посуды. В наиболее ранних комплексах отмечается присутствие значительного числа сосудов с темными минеральными включениями в глиняном тесте, вероятно, из региона юго-восточного и южного Понта. Примерно со второй четверти VI в. или немного раньше фиксируются находки тонкостенных кухонных сосудов – горшков и кружек западнобалканского региона, которые изготавливались с IV до начала VII в. в Северной Албании, Македонии и Косово и предположительно могли поступать на Боспор с военными переселенцами из Подунавья [31, p. 115, 118, 121; 9, с. 119; 21, с. 118, ил. 85,M80.6,105.14,M53.1]. В этот же период фиксируется импорт, вероятно, из Константинополя – в первую очередь горшков с венчиком с закраиной на внутренней стороне и ручками с перекрученными желобками, которые появились около середины V в. и наиболее широко экспортировались в VI–VII вв. [29, p. 53–55, fig. 31,8.3; 32,13.3; 33,14.27–14.32; 34,16.7; 35,21.12; 37,26.9,26.13; 14, с. 115, рис. 12,3,6,7; 21, с. 118, ил. 84,M77.4,105.12,105.13].

Простая столовая посуда

В рыбозасолочном комплексе среди простой столовой посуды (всего 4754 фр.) абсолютно преобладают находки местного боспорского производства (98,55%), встречаются также редкие фрагменты импортных сосудов из Крыма, Синопы, региона Киликии и Кипра, а также других пока не идентифицированных центров. Боспорская продукция представлена в основном сосудами закрытого типа – кувшинами, ойнохоями, горшками и кружками. Миски, тарелки и чаши встречаются намного реже. Подавляющее большинство боспорских столовых сосудов не имело украшений. Тем не менее, на некоторых экземплярах изредка встречаются отдельные декоративные элементы (налепы, врезной декор).

Наибольший интерес представляет небольшая группа боспорских тонкостенных сосудов закрытого типа, по-видимому, кувшинов, с горизонтальной линейной росписью светлым ангобом на плечиках и горле (всего 7 фр., например *ВII-10.157, ВII-10.158, ВII-10.159, СII-1.20, СII-6-7.68*) (рис. 4). Цвет ангоба варьируется от светло-серого (2.5Y 7/2) и розового (7.5YR 7/3; 7.5YR 7/4) до бледно-желтого (2.5Y 7/3) и светло-коричневого (7.5YR 6/3) оттенков (рис. 5). На одном из фрагментов роспись ангобом зафиксирована под сколотой ручкой, что свидетельствует о ее нанесении на сосуд, который, вероятно, находился еще на гончарном круге, до крепления ручки и обжига (*СII-1.20*). В других случаях декор на горле комбинируется с поясом врезного гребенчатого орнамента под прилепом ручки (*ВII-10.157*) или бывает расположен ниже пояса врезных желобчатых горизонтальных прямых линий (*СII-6-7.68*).

Важно отметить, что все боспорские сосуды с росписью светлым ангобом происходят исключительно из заполнения ванны II-10 последней четверти VI в. и из слоя серого золистого суглинка над ваннами. Примечательно, что именно в засыпи ванны II-10 найдены также сосуды с росписью светлым ангобом крымского происхождения, сформованные из глины, соответствующей амфорам так называемого «причерноморского типа» (*ВII-10.178, ВII-10.179, ВII-10.180, ВII-10А.31*) (рис. 4; 5). Такие сосуды изготавливались в Крыму, по-видимому, в херсонесском регионе, и датируются третьей четвертью VI – первой половиной XI в. [10, с. 66, 90, рис. 18,5*;* 46]. В отличие от боспорской посуды, украшенной довольно широкими полосами ангоба (обычно в пределах 0,5–1 см), у сосудов с тестом «причерноморского типа» роспись нанесена более тонкой кистью – толщина линий составляет около 0,2–0,3 см, а среди элементов декора встречаются как одиночные полосы, так и пояса из нескольких рядов линий.

Вероятно, закрытые столовые сосуды начали расписывать горизонтальными полосами светлого ангоба в разных региональных северопричерноморских центрах почти одновременно, но не позднее последней трети или последней четверти VI в. Несколько фрагментов сосудов с такой росписью боспорского производства были найдены также в Босфорском переулке в заполнении могил некрополя VII – первой половины VIII в. (всего 8 фр., 1,86% боспорских столовых сосудов) [21, с. 122, ил. 92,M84.8, табл. 3,84; 4,1,17,35; 6; кат. M1.8, M17.2, M35.25]. Один из них принадлежит сосуду типа ойнохои [5, с. 262; 21, с. 122, ил. 92,M84.8].

Краснолаковая керамика

В рыбозасолочном комплексе и в слое над ним преобладает краснолаковая посуда позднеримского и ранневизантийского периода (345 фр. и 67,12% из 514 фр.). Она представлена находками четырех групп: Понтийская краснолаковая (Pontic Red Slip ware – PRS), Поздний Римский С / Фокейская краснолаковая (Late Roman C / Phocean Red Slip ware – LRC/PhRS), Позднеримская светлоглиняная краснолаковая (Late Roman Light-Colored – LRLC) и Африканская краснолаковая керамика (African Red Slip ware – ARS) (диаграмма 4).

Соотношение находок краснолаковой посуды разных центров отличается в зависимости от хронологии комплексов. В группах рыбозасолочных ванн, которые прекратили использоваться и были засыпаны в несколько этапов, начиная со времени не ранее конца IV – начала V в. и до первой трети (или начала второй четверти) VI в., преобладают сосуды Понтийской краснолаковой керамики (PRS) (табл. 2; диаграмма 5, группы 1–4).

Во второй четверти – середине VI в. в комплексах Босфорского переулка Фокейская краснолаковая керамика (LRC/PhRS) начинает доминировать и составляет свыше половины всей позднеримской и ранневизантийской посуды в рыбозасолочных ваннах II-5 (группа 5) и II-10A–D (группа 6), а также в слое над ваннами (диаграмма 5). Параллельно происходит значительное сокращение доли Понтийской краснолаковой посуды (PRS), которая прекращает широко экспортироваться, а, возможно, и производиться к середине VI в. [25, p. 50]. Эти тенденции продолжают нарастать и достигают своего пика к моменту засыпи последних ванн II-10A–D в последней четверти VI в., когда фиксируется наибольшее преобладание фокейского импорта (61 фр., 64,9% всех находок и 72,62% изделий ранневизантийского времени). При этом продукция других центров в поздних комплексах или полностью отсутствует (LRLC), или встречается в качестве примеси единичных обломков сосудов более раннего периода как в верхнем заполнении ванны II-10 (ARS, 2 фр., *BII-10.227*) или в слое над ваннами II-8 и II-9 (ARS 50B.61, 1 фр., *CII-8-9.108*).

Краснолаковая керамика в боспорских комплексах IV – первой половины VI в. обычно служит надежным хронологическим индикатором. В то же время для периода второй половины VI – первой половины VII в. ее датирующая ценность существенно ограничена. В этот период в комплексах продолжают преобладать формы сосудов, импортированные во второй четверти VI в., и находки краснолаковой посуды в значительной степени утрачивают свою хронологическую информативность. Только отдельные единичные краснолаковые сосуды второй половины VI – первой половины VII в. (формы 10A–C LRC/PhRS, формы 105B/C и 109A ARS) встречались при раскопках в разных районах столицы – города Боспора, но не зафиксированы на других боспорских поселениях [17, с. 320–321, рис. 5,15,16; 8,3–6].

Диаграмма 4. Группы краснолаковой керамики позднеримского и ранневизантийского времени в рыбозасолочных ваннах и слое над ними

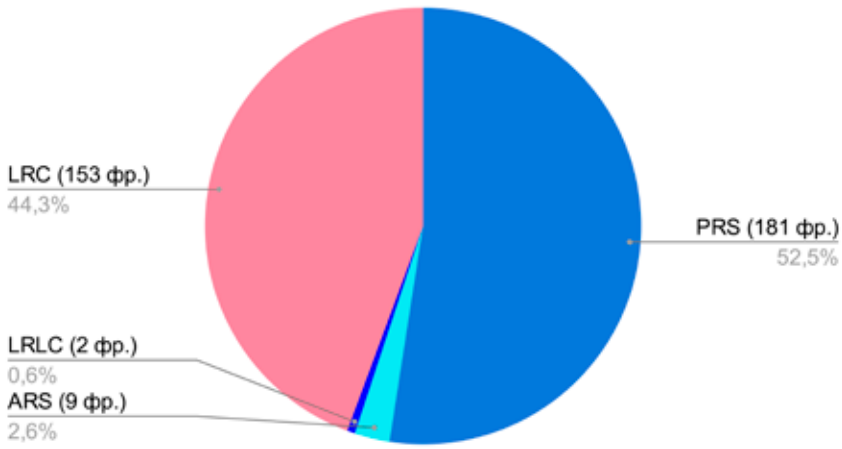
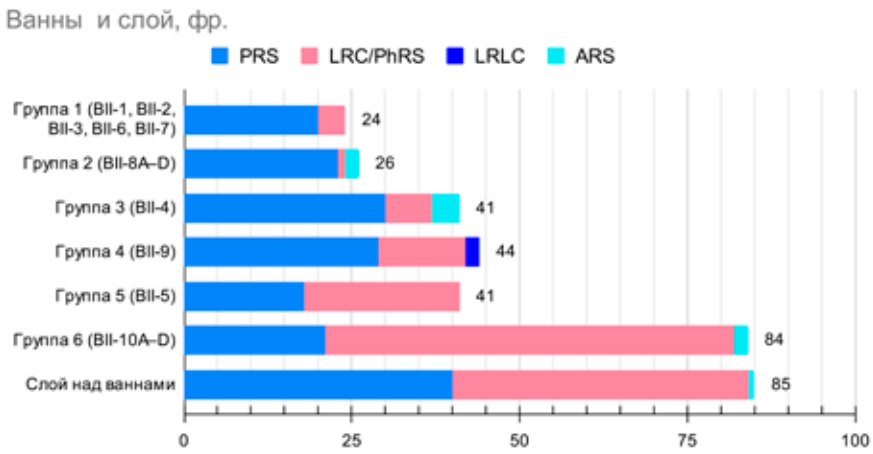


Диаграмма 5. Находки краснолаковой керамики позднеримского и ранневизантийского времени в рыбозасолочных ваннах и слое над ними по хронологическим группам



Среди профильных фрагментов фокейской посуды, обнаруженных в рыбозасолочных ваннах и в слое над ними, более половины венчиков представлены обломками мисок с клювовидным венчиком поздних вариантов формы 3 LRC/PhRS (3F и 3G), которые датируются второй четвертью VI в. (около 520–550 гг.) [28, p. 331, 333–335, 338, fig. 69,17–25; 30, p. 86]. В то же время в исследованных комплексах Босфорского переулка отсутствуют как находки самой поздней формы 10 LRC/PhRS, производившейся в середине/второй половине VI – первой половине VII в. [28, p. 343–346, fig. 71], так и других синхронных групп малоазийской (LRLC) и африканской (ARS) краснолаковой керамики. В комплексах, сформировавшихся в последней четверти VI в., на финальном этапе жизнедеятельности и до возникновения некрополя на участке (в ваннах II-10A–D и в слое над ваннами), увеличивается доля фокейских сосудов, но продолжают преобладать формы сосудов второй четверти VI в.

***

Таким образом, археологические исследования в Босфорском переулке зафиксировали напластования, образовавшиеся, по-видимому, после нападения тюрков на город Боспор в 576 г. – заполнение ванн II-10A–D и слой серого золистого суглинка над всем рыбозасолочным комплексом. Среди находок абсолютно преобладает керамический материал, типичный для боспорских комплексов предшествующего периода – второй четверти – середины VI в.: амфоры критские (TRC 4, 6 и 9), понтийские (V/АДСВ-71) и региона Киликии и Кипра (LR 1) – в сумме около 60%; краснолаковая керамика преимущественно фокейского производства LRC/PhRS, кухонная лепная боспорская и гончарная импортная посуда, местная простая столовая керамика и некоторые другие группы столовой посуды (например, фрагменты блюд и миски Позднеримской Понтийской лощеной керамики – LRPB). По сравнению с более ранним периодом увеличивается доля критских амфор (примерно до 30%) и фокейской краснолаковой посуды (около двух третей всех находок).

После краткого всплеска поставок амфор и краснолаковой посуды из Восточного Средиземноморья во второй четверти VI в., поступление на Боспор импортной керамики во второй половине VI – первой половине VII в. продолжалось, но, очевидно, в заметно меньших объемах. Снижение интенсивности торговых связей Византийской империи с отдаленными территориями могло быть связано как с последствиями эпидемии чумы, так и с другими природно-климатическими и военно-политическими потрясениями, начавшимися в 530–540-х годах и продолжавшимися до середины VIII в. [32, p. 23–30; 23, p. 7–21, 84; 34].

Тем не менее, при раскопках рыбозасолочного комплекса в Босфорском переулке удалось выявить несколько групп сосудов различных категорий, появление которых датируется последней третью VI в. К ним относятся эгейские амфоры LR 2C (*BII-10AB.6, BII-10AB.7*), кухонные

лепные горшки нового облика, выделенные на основании макроскопических характеристик глиняного теста, морфологии и декора (*ВII-10.114, ВII-10.115, ВII-10А.23*), а также столовые сосуды закрытого типа с горизонтальной линейной росписью светлым ангобом на плечиках и горле. Последние производились как на Боспоре (*ВII-10.157, ВII-10.158, ВII-10.159, СII-1.20, СII-6-7.68*), так и, по-видимому, в херсонесском регионе Крыма, из глины аналогичной амфорам так называемого «причерноморского типа» (*ВII-10.178, ВII-10.179, ВII-10.180, ВII-10А.31*) (рис. 3–4). Все эти изделия встречаются в заполнении ванн II-10A–D и слое серого золистого суглинка над рыбозасолочным комплексом, который сформировался на финальном этапе жизнедеятельности на участке перед возникновением некрополя в VII – первой половине VIII в. [5].

Выделение тарной, кухонной и столовой керамики последней трети VI в. приобретает особое значение, поскольку находки краснолаковой керамики в слоях второй половины VI – первой половины VII в. во многом утрачивают свою хронологическую значимость. Вся краснолаковая посуда из заполнения четырех небольших ванн II-10A–D и слоя над рыбозасолочным комплексом принадлежит сосудам более раннего периода – преимущественно фокейским мискам с клювовидным венчиком форм 3F и 3G LRC/PhRS.

Таблица 1. Нумерация ванн в полевой документации, использованная в предварительных публикациях

Год раскопок	Итоговое название комплекса	Сокращение	Полевое название	Полевые № контекстов
2009	Ванна II-1	ВII-1	Цистерна II-1	353
2009	Ванна II-2	ВII-2	Цистерна II-2	354
2009	Ванна II-3. Слой с рыбными костями	ВII-3	Цистерна II-3	302, 303
2009	Ванна II-4, верхний горизонт	ВII-4	Цистерна II-4	311
2009	Ванна II-4, нижний горизонт	ВII-4	Цистерна II-4	312
2007, 2009	Ванна II-5	ВII-5	Цистерна II-5	168
2009	Ванна II-6	ВII-6	Цистерна II-6	355
2009	Ванна II-7	ВII-7	Цистерна II-7	356
2009	Ванна II-8A	ВII-8A	Цистерна II-8A1	301
2009	Ванна II-8B	ВII-8B	Цистерна II-8A2	291
2009	Ванна II-8C	ВII-8C	Цистерна II-11	276
2009	Ванна II-8C. Образцы керамики из обмазки	ВII-8C	Цистерна II-11	350
2009	Ванна II-8D	ВII-8D	Цистерна II-12	282
2009	Ванна II-8D. Образцы керамики из обмазки	ВII-8D	Цистерна II-12	351
2009	Ванна II-9	ВII-9	Цистерна II-9	305
2009	Ванна II-10A–D, верхний горизонт	ВII-10	Цистерна II-10, верхний горизонт	258
2009	Ванны II-10AB, верхний горизонт	ВII-10AB	Цистерна II-10A, верхний горизонт	266
2009	Ванна II-10A	ВII-10A	Цистерна II-10A1	265
2009	Ванна II-10B	ВII-10B	Цистерна II-10A2	267
2009	Ванна II-10C	ВII-10C	Цистерна II-10Б1	281
2009	Ванна II-10D	ВII-10D	Цистерна II-10Б2	280
2007	Слой над ванной II-1	СII-1	Цистерна II-1. Заполнение	62
2009	Слой над ванной II-1. Над СВ стеной	СII-1	Над СВ стеной цистерны II-1	344
2009	Слой над ванной II-2	СII-2	Цистерна II-2. Выше уровня основания стены 3	347
2007	Слой над ваннами II-4, II-5. Штык 4	СII-4-5	Участок 2. СК-4. Штык 4	20
2007	Слой над ваннами II-4, II-5. Развал керамики у стены	СII-4-5	Участок 2. СК-4. Развал керамики у стены	21

Год раскопок	Итоговое название комплекса	Сокращение	Полевое название	Полевые № контекстов
2007	Слой над ваннами II-4, II-5. Штык 5. Около стены 12	СII-4-5	Участок 2. СК-4. Штык 5. Около стены 12	22
2007	Слой над ваннами II-4, II-5. Штык 5. К северу от стены 12	СII-4-5	Участок 2. СК-4. Штык 5. К северу от стены 12	23
2007	Слой над ваннами II-4, II-5. Штык 5. К югу от стены 12	СII-4-5	Участок 2. СК-4. Штык 5. К югу от стены 12	24
2007	Слой над ваннами II-4, II-5. Штык 5	СII-4-5	Участок 2. СК-4. Штык 5	25
2009	Слой над ваннами II-4, II-5	СII-4-5	Р. 1. Штык 5. Между СК-4 и ЮЗ бортом	189
2009	Слой над ванной II-5. С внешней стороны от ЮЗ стены	СII-5	Цистерна II-5. С внешней стороны от ЮЗ стены	169
2009	Слой над ванной II-5. Снятие бровки	СII-5	Бровка между участками 1 и 2 (над цистерной №5)	256
2007	Слой над ванной II-5. Зачистка стен	СII-5	Цистерна II-5. Зачистка стен	61
2009	Слой над ваннами II-6 и II-7	СII-6-7	Р. 3. Над цистернами II-6 и II-7	336
2009	Слой над ваннами II-8 и II-9	СII-8-9	Цистерна II-8, II-9. Слой над цистернами	285, 288, 298
2009	Слой над ваннами II-8 и II-9. Зачистка стен ванн II-8C и II-8D	СII-8-9	Р. 3. Зачистка стен цистерн II-11 и II-12	295
2009	Слой над ваннами II-10A–D	СII-10	277+299. Р. 3. Зачистка стен цистерны II-10	277, 299
2009	Слой над ванной II. Зачистка стены 4	СII	Р. 3. Цистерна II. Зачистка стены 4 (над стеной)	319

Таблица 2. Периодизация засыпи рыбозасолочных ванн

Группа засыпи	Ванна	Датировка
1	BII-1	конец IV – начало V в.
	BII-2	
	BII-3	
	BII-6	
	BII-7	
2	BII-8A	середина/третья четверть V в.
	BII-8B	
	BII-8C	
	BII-8D	
3	BII-4	первая половина/середина V в. (+ вторая половина V – первая половина VI в.) mixed
4	BII-9	первая треть VI в.
5	BII-5	вторая четверть – середина VI в.
6	BII-10A–D (верх. гор-т)	последняя четверть VI в.
	BII-10AB (верх. гор-т)	
	BII-10A	
	BII-10B	
	BII-10C	
	BII-10D	

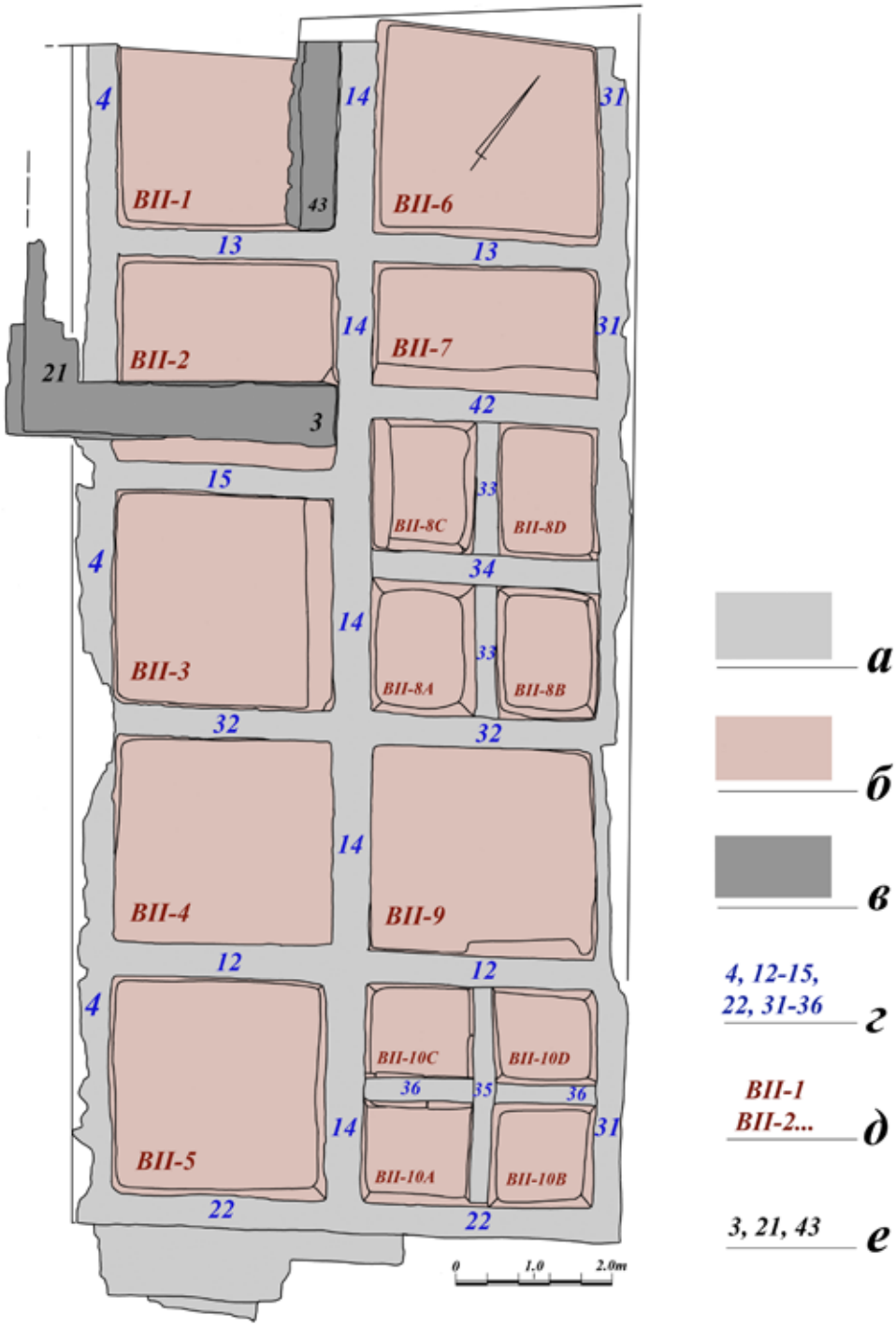


Рис. 1. Схема обозначения ванн рыбозасолочного комплекса: а – стены ванн; б – цемянка; в – стены строительного комплекса II, впущенные в ванны; г – нумерация стен ванн; д – нумерация ванн; е – нумерация стен строительного комплекса II [по: 7, схема на с. 4]

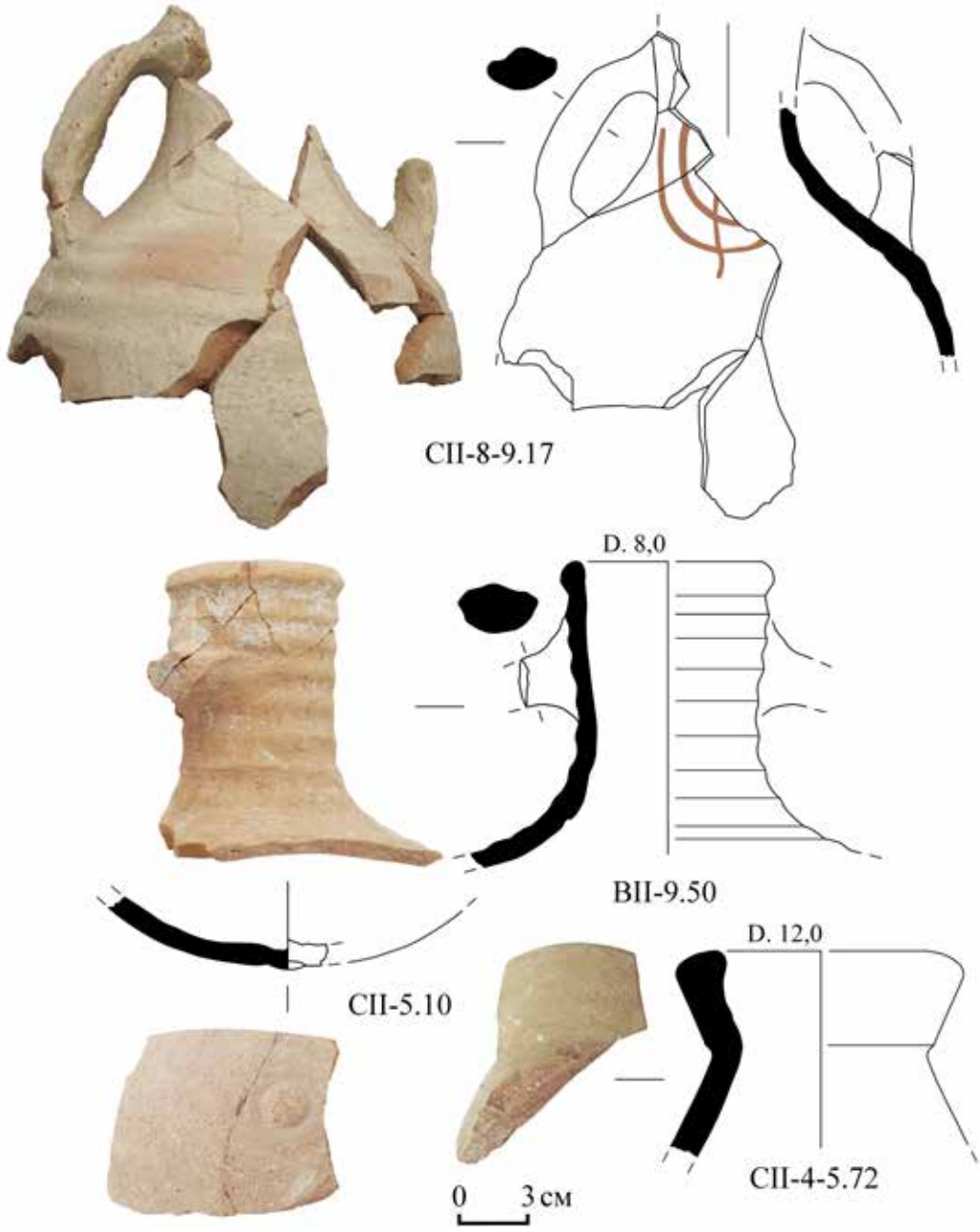


Рис. 2. Находки из рыбозасолочного комплекса:
амфоры D Snp (СII-8-9.17, BII-9.50, СII-5.10), LR 2B (СII-4-5.72)

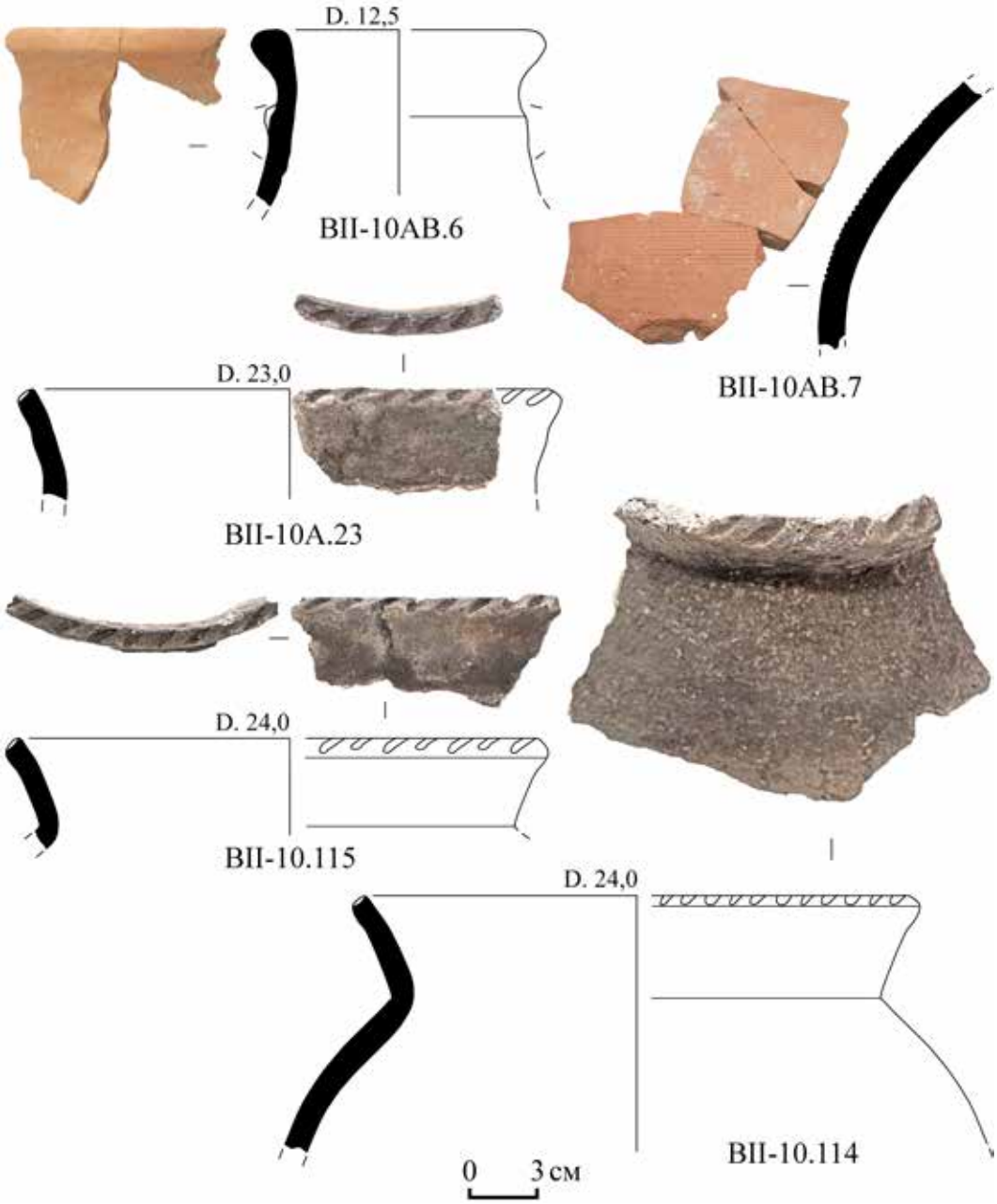


Рис. 3. Находки из рыбозасолочного комплекса: амфоры LR 2C (BII-10AB.6, BII-10AB.7), кухонные лепные горшки (BII-10.114, BII-10.115, BII-10A.23)

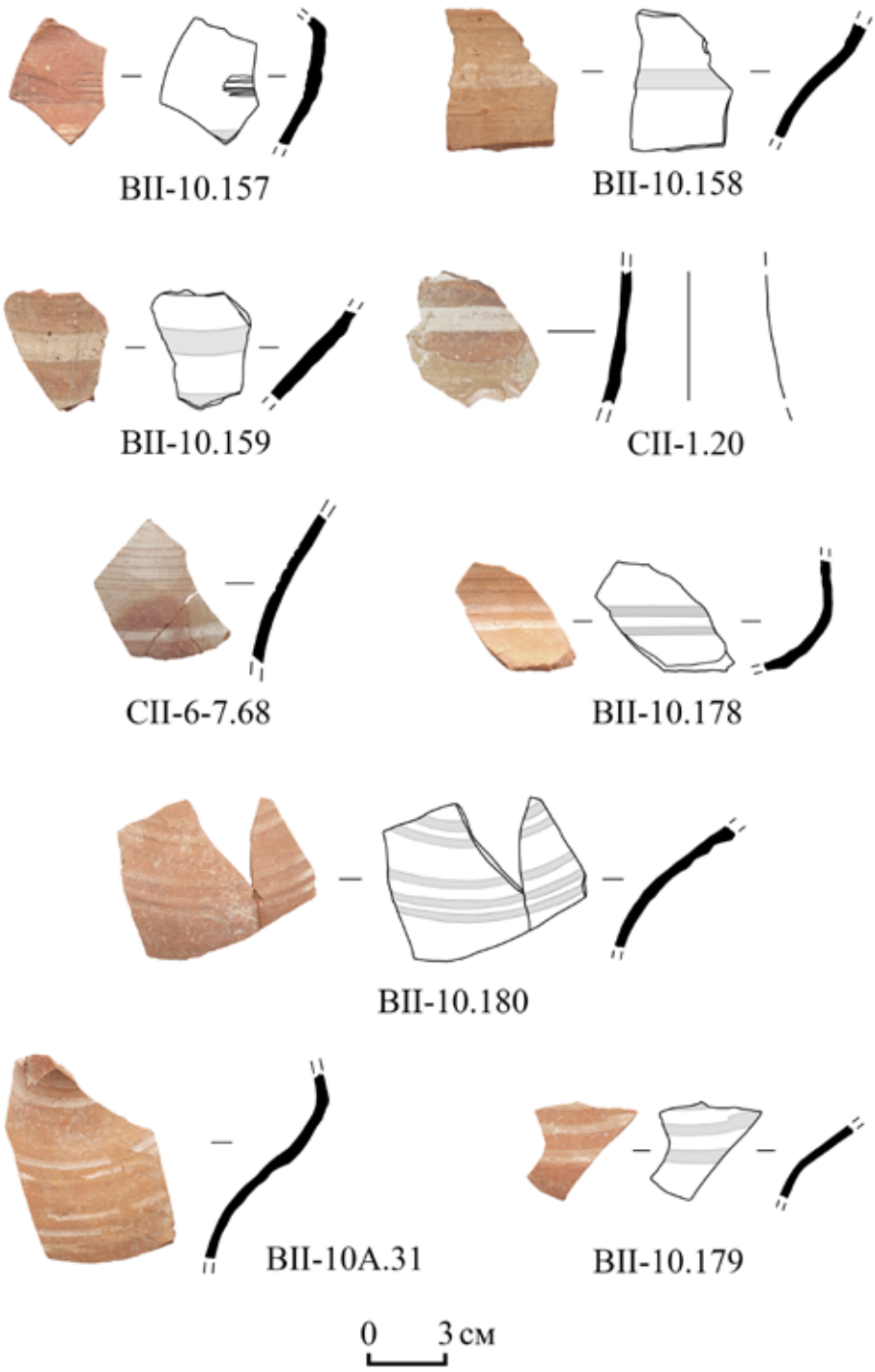


Рис. 4. Простые столовые сосуды с росписью светлым ангобом из рыбозасолочного комплекса: Боспор (ВII-10.157, ВII-10.158, ВII-10.159, СII-1.20, СII-6-7.68), Крым, район Херсонеса (ВII-10.178, ВII-10.179, ВII-10.180, ВII-10А.31)

Рис. 5. Макрофотографии глиняного теста находок из рыбозасолочного комплекса Боспора

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар, 1999. 352 с.
2. Айбабин А.И. Усадьба рыбака в ранневизантийском Боспоре // Проблемы истории и археологии средневекового Крыма. Материалы международной научной конференции, посвященной 70-летию А.И. Айбабина / Ред. Э.А. Хайрединова. Симферополь: Антиква, 2019. С. 7–16, вклейка 1–4.
3. Айбабин А.И. Рыбацкий квартал в Пантикапее-Боспоре в IV–VII вв. // XXIV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологические и письменные источники в исторических реконструкциях. Симферополь, Керчь, 2023. С. 16–18.
4. Айбабин А.И. Очерки истории владений Восточной Римской империи в Крыму в IV–XII веках. Симферополь: Антиква, 2024. 256 с.
5. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А., Смокотина А.В., Радочин В.Ю. Некрополь византийского Боспора. Раскопки 2007–2009 гг. в Босфорском переулке. Симферополь: Антиква, 2023. 500 с.
6. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А., Смокотина А.В., Завадская И.А. Рыбозасолочный комплекс византийского Боспора (по материалам раскопок 2007–2009 гг. в Босфорском переулке). Том 1. Текст. Симферополь: Антиква, 2024. 288 с.
7. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А., Смокотина А.В., Завадская И.А. Рыбозасолочный комплекс византийского Боспора (по материалам раскопок 2007–2009 гг. в Босфорском переулке). Том 2. Каталог. Симферополь: Антиква, 2024. 496 с.
8. Антонова И.А., Даниленко В.Н., Ивашута Л.П., Кадеев В.И., Романчук А.И. Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 81–107.
9. Голофаст Л.А. Кухонная посуда западнобалканского производства в Северном Причерноморье // МАИЭТ. 2016. Вып. XXI. С. 117–131.
10. Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы Х, Х–А и Х–Б) // МАИЭТ. 2013. Вып. XVIII. С. 49–161.
11. Голофаст Л.А. Клемешова М.Е. Новые находки сероглиняных изделий группы «Позднеримская понтийская лощеная» из Фанагории и Херсонеса и некоторые сведения о её происхождении // Imperium et Barbaricum: взаимодействие цивилизаций. Сборник статей в честь 70-летия Михаила Казанского / Отв. ред. А.И. Айбабин, Э.А. Хайрединова. Симферополь, 2023. С. 52–63.
12. Домжальский К., Журавлев Д.В. Сосуды Позднеримской понтийской лощеной керамики с врезным орнаментом с Боспора и из Херсонеса // Древности Боспора. 2022. Т. 27. С. 29–47.
13. Плетнева С.А. Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 5–72.
14. Смокотина А.В. Керамический комплекс второй половины VI в. из раскопок г. Боспора // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV. С. 103–144.
15. Смокотина А.В. Керамика группы «Африканская краснолаковая» из раскопок в Керчи // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII. С. 328–362.
16. Смокотина А.В. Амфоры LR 1 на Боспоре // МАИЭТ. 2014. Вып. XIX. С. 68–87.
17. Смокотина А.В. Импорт краснолаковой керамики в г. Боспор в конце IV – первой половине VII вв. // Древности Боспора. 2015. Т. 19. С. 312–339.
18. Смокотина А.В. Импорт товаров в амфорах и краснолаковой керамики на Боспор в конце IV – первой половине VII вв. // Stratum plus. 2018. № 4. С. 263–279.
19. Смокотина А.В. Ранневизантийские критские амфоры в городах Боспоре и Тиритаке // МАИЭТ. 2019. Вып. XXIV. С. 160–172.
20. Смокотина А.В. Амфоры позднеримского и ранневизантийского времени // Зинько В.Н., Зинько А.В., Пономарев Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Том III. Археологические комплексы второй половины III – VII вв. Симферополь, Керчь, 2020. С. 509–618.
21. Смокотина А.В. Керамические находки из раскопок некрополя 2007–2009 гг. в Босфорском переулке // Айбабин А.И., Хайрединова Э.А., Смокотина А.В., Радочин В.Ю. Некрополь византийского Боспора. Раскопки 2007–2009 гг. в Босфорском переулке. Симферополь: Антиква, 2023. С. 105–169.
22. Arthur P. Eastern Mediterranean amphorae between 500 and 700: a view from Italy // Ceramica in Italia: VI–VII secolo / Ed. L.F. Sagui. Firenze: Edizioni All' Insegna dci Giglio, 1998. P. 157–184.
23. Decker M. The Byzantine Dark Ages. London, New York: Bloomsbury Academic, 2016. 256 p.
24. Demesticha S. Some thoughts on the production and presence of the Late Roman Amphora 13 on Cyprus // Trade Relations in the Eastern Mediterranean from the Late Hellenistic Period to Late Antiquity: The Ceramic Evidence / Eds. M.B. Briese, L.E. Vaag. University Press of Southern Denmark, 2005. P. 169–178.
25. Domżalski K. Pontic Red Slip Ware: Typology, chronology and distribution of a major group of Late Roman fine pottery in the Black Sea region. Warsaw: Institute of Archaeology and Ethnology Polish Academy of Sciences, 2021. 221 p.
26. Fedoseev N.F., Domżalski K., Opaiț A., Kulikov A.V. Post-Justinian Pottery Deposit from Pantikapaion-Bosporos. Rescue Excavations at 12, Teatral'naja St. in Kerch, 2006 // Archeologia (Warsaw). 2010. LXI. P. 63–94.

27. Grigoraș B., Panaite A. The Late Roman Amphorae from Tropaeum Traiani, Sector A (north of the Basilica A), 2005–2016 // Materiale şi cercetări Arheologice. Bucureşti: Editura Academiei Republicii Populare Române, 2021. Nr. 17. P. 87–114.
28. Hayes J.W. Late Roman Pottery. London: The British School at Rome, 1972. 468 p.
29. Hayes J.W. Excavations at Saraçhane in Istanbul. 2. The Pottery. Princeton: Princeton University Press, 1992. 455 p.
30. Hayes J.W. Roman pottery: fine-ware imports. Princeton, New Jersey: The American School of Classical Studies at Athens, 2008. 386 p. (The Athenian Agora. Vol. XXXII).
31. Hoxha G. Some local coarse/cooking wares, as evidence of mobility from Western Balkan provinces Praevalis and Dardania (Neke od lokalnih kuhinjski posuda, kao dokaz mobilnosti iz zapadnih balkanskih provincija Praevais i Dardanija) // New Antique Doclea. Podgorica, 2019. Vol. X. P. 110–142.
32. Hirschfeld Y. The Crisis of the Sixth Century: Climatic Change, Natural Disasters, and the Plague // Mediterranean archaeology and archaeometry. 2006. Vol. 6/1. P. 19–32.
33. Kassab Tezgör D. Corpus des amphores romaines produites dans les centres de mer Noire: Collections des musées de la côte turque de la mer Noire (Ereğli, Amasra, Sinop, Samsun, Giresun, Ordu, Trabzon et Amasya). Oxford: Archaeopress, 2020. 194 p.
34. McDonald B. The Justinianic Plague and Societal Decline in the Late Antique Negev // Plague in Antiquity / Eds. A.S. Jamieson, C.J. Tully, L.A. Hitchcock. Leuven: Peeters, 2024. P. 83–107.
35. Opaiţ A. Local and Imported Ceramics in the Roman Province of Scythia (4th–6th centuries AD): aspects of economic life in the province of Scythia. Oxford: Archaeopress, 2004. 180 p. (BAR IS, 1274).
36. Piéri D. Le commerce du vin oriental à l'époque Byzantine (Ve–VIIe siècles). Le témoignage des amphores en Gaule. Beyrouth: Institut Français du Proche-Orient, 2005. 329 p.
37. Portale E.C., Romeo I. Contenitori da Transporto // Gortina V.3. Lo scavo del pretorio (1989–1995) / Ed. A. Di Vita. Padova: Ausilio, 2001. T. I. P. 260–410.
38. Riley J.A. The Coarse Pottery from Berenice // Excavations at Sidi Khrebish, Benghazi (Berenice). Economic life at Berenice / Ed. J.A. Lloyd. Tripoli: The Dep. of Antiquities, 1979. Vol. II. P. 91–465.
39. Riley J.A. The Pottery from the Cisterns 1977.1, 1977.2 and 1977.3 // Excavations at Carthage 1977 Conducted by the University of Michigan / Ed. J.H. Humphrey. Ann Arbor: University of Michigan, 1981. Vol. VI. P. 85–124.
40. Yangaki A.G. La céramique des IVe–VIIIe siècles ap. J. C. d'Eleutherna: sa place en Crète et dans le bassin égéen. Athènes: Scripta, 2005. 485 p.

REFERENCES

1. Aibabin A.I. *Etnicheskaia istoriia rannevizantiiskogo Kryma* [Ethnic history of Early Byzantine Crimea]. Simferopol, Dar Publ., 1999, 352 p.
2. Aibabin A.I. Fisherman's House in Early Byzantine Bosporos. E.A. Khairedinova (ed.), *Problemy istorii i arkheologii srednevekovogo Kryma. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 70-letiiu A.I. Aibabina* [Aspects of the history and archaeology of Mediaeval Crimea. Materials of the International Conference Dedicated to Aleksandr Aibabin's 70th Birthday Anniversary], Simferopol, Antikva Publ., 2019, pp. 7–16.
3. Aibabin A.I. Fisherman's Quarter in Panticapaeum – Bosporus in the 4th–7th centuries. *XXIV Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Arkheologicheskie i pis'mennye istochniki v istoricheskikh rekonstruktsiiakh* [24th Bosporan Readings. Cimmerian Bosporus and the World of Barbarians in Antiquity and the Middle Ages. Archaeological and written sources in historical reconstructions], Simferopol, Kerch, 2023, pp. 16–18.
4. Aibabin A.I. *Ocherki istorii vladenii Vostochnoi Rimskoi imperii v Krymu v IV–XII vekakh* [Essays on the history of the possessions of the Eastern Roman Empire in Crimea in the 4th–12th centuries]. Simferopol, Antikva Publ., 2024, 256 p.
5. Aibabin A.I., Khairedinova E.A., Smokotina A.V., Radochin V.Iu. *Nekropol' vizantiiskogo Bospora. Raskopki 2007–2009 gg. v Bosforskom pereulke* [Necropolis of the Byzantine Bosporus. Excavations 2007–2009 in Bosphorus Lane]. Simferopol, Antikva Publ., 2023, 500 p.
6. Aibabin A.I., Khairedinova E.A., Smokotina A.V., Zavadskaia I.A. *Rybozasolochnyi kompleks vizantiiskogo Bospora (po materialam raskopok 2007-2009 gg. v Bosforskom pereulke)* [Fish-salting complex of the Byzantine Bosporus (based on materials from excavations in 2007–2009 in Bosphorus Lane)]. Vol. 1. Simferopol, Antikva Publ., 2024, 288 p.
7. Aibabin A.I., Khairedinova E.A., Smokotina A.V., Zavadskaia I.A. *Rybozasolochnyi kompleks vizantiiskogo Bospora (po materialam raskopok 2007–2009 gg. v Bosforskom pereulke)* [Fish-salting complex of the Byzantine Bosporus (based on materials from excavations in 2007–2009 in Bosphorus Lane)]. Vol. 2. Katalog. Simferopol, Antikva Publ., 2024, 496 p.
8. Antonova I.A., Danilenko V.N., Ivashuta L.P., Kadeev V.I., Romanchuk A.I. Medieval amphoras of Chersonesos. *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 1971, vol. 7, pp. 81–107.

9. Golofast L.A. Cooking Ware of the Western Balkan production on the Northern Black Sea Area. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2016, vol. 21, pp. 117–131.
10. Golofast L.A., Ryzhov S.G. Northern District of Chersonesos in Early Byzantine Period (Blocks X, X-A and X-Б). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2013, vol. 18, pp. 49–161.
11. Golofast L.A. Klemeshova M.E. The New Finds of Grey Clay Ware of the Late Roman Pontic Polished Group from Phanagoreia and Chersonese with Some Accounts of Its Origin. A.I. Aibabin, E.A. Khairedinova (eds.), *Imperium et Barbaricum: vzaimodeistvie tsivilizatsii. Sbornik statei v chest' 70-letiia Mikhaila Kazanskogo* [Imperium et Barbaricum: Interaction of Civilizations. Papers Collected in Honour of Michel Kazanski's 70th Birthday]. Simferopol, Antikva Publ., 2023, pp. 52–63.
12. Domzhal'skii K., Zhuravlev D.V. Late Roman Pontic Burnished Ware with incised decoration from Bosporos and Chersonesos. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporos], 2022, vol. 27, pp. 29–47.
13. Pletneva S.A. Medieval ceramics from the Taman settlement. B.A. Rybakov (ed.), *Keramika i steklo drevnei Tmutarakani* [Ceramics and glass from ancient Tmutarakan], Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1963, pp. 5–72.
14. Smokotina A.V. Ceramic Complex Dating to the Second Half of the 6th Century from the Excavations in Bosporus. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2008, vol. 14, pp. 103–144.
15. Smokotina A.V. African Red Slip Wares from Excavation in Kerch. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2011, vol. 17, pp. 328–362.
16. Smokotina A.V. Amphorae LR 1 in Bosporus. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2014, vol. 19, pp. 68–87.
17. Smokotina A.V. The red slip ware import to Bosporus in the late 4th – the first half of the 7th centuries. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporos], 2015, vol. 19, pp. 312–339.
18. Smokotina A.V. Import of goods in amphorae and red slip ware into Bosporus in the late 4th – first half of the 7th centuries. *Stratum plus*, 2018, vol. 4, pp. 263–279.
19. Smokotina A.V. Early Byzantine Cretan Amphorae in Bosporos and Tyritake. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2019, vol. 24, pp. 160–172.
20. Smokotina A.V. Amphoras of the Late Roman and Early Byzantine periods. In: Zin'ko V.N., Zin'ko A.V., Ponomarev L.Iu. *Tiritaka. Raskop XXVI. Tom III. Arkheologicheskie kompleksy vtoroi poloviny III – VII vv*. [Tyritake. Excavation Trench XXVI. Vol. 3. Archaeological complexes of the second half of the 3rd – 7th centuries], Simferopol, Kerch, Prondo Publ., 2020, pp. 509–618.
21. Smokotina A.V. Ceramic finds from the 2007–2009 excavations of the necropolis in Bosphorus Lane. In: Aibabin A.I., Khairedinova E.A., Smokotina A.V., Radochin V.Iu. *Nekropol' vizantiiskogo Bospora. Raskopki 2007–2009 gg. v Bosforskom pereulke* [Necropolis of the Byzantine Bosporus. Excavations 2007–2009 in Bosphorus Lane]. Simferopol, Antikva Publ., 2023, pp. 105–169.
22. Arthur P. Eastern Mediterranean amphorae between 500 and 700: a view from Italy. L.F. Sagui (ed.), *Ceramica in Italia: VI–VII secolo*, Firenze, Edizioni All' Insegna dci Giglio, 1998, pp. 157–184.
23. Decker M. *The Byzantine Dark Ages*. London, New York, Bloomsbury Academic Publ., 2016, 256 p.
24. Demesticha S. Some thoughts on the production and presence of the Late Roman Amphora 13 on Cyprus. M.B. Briese, L.E. Vaag (eds.), *Trade Relations in the Eastern Mediterranean from the Late Hellenistic Period to Late Antiquity: The Ceramic Evidence*, University Press of Southern Denmark, 2005, pp. 169–178.
25. Domżalski K. Pontic *Red Slip Ware: Typology, chronology and distribution of a major group of Late Roman fine pottery in the Black Sea region*. Warsaw, Institute of Archaeology and Ethnology Polish Academy of Sciences, 2021, 221 p.
26. Fedoseev N.F., Domżalski K., Opaiț A., Kulikov A.V. Post-Justinian Pottery Deposit from Pantikapaion-Bosporos. Rescue Excavations at 12, Teatral'naja St. in Kerch, 2006. *Archeologia* (Warsaw), 2010, vol. 61, pp. 63–94.
27. Grigoraș B., Panaite A. The Late Roman Amphorae from Tropaeum Traiani, Sector A (north of the Basilica A), 2005–2016. *Materiale şi cercetări Arheologice,* Bucureşti, Editura Academiei Republicii Populare Române, 2021, vol. 17, pp. 87–114.
28. Hayes J.W. *Late Roman Pottery*. London, The British School at Rome Publ., 1972, 468 p.
29. Hayes J.W. *Excavations at Saraçhane in Istanbul. Vol. 2. The Pottery*. Princeton, Princeton University Press, 1992, 455 p.
30. Hayes J.W. *Roman pottery: fine-ware imports*. Princeton, New Jersey, The American School of Classical Studies at Athens Publ., 2008, 386 p. (The Athenian Agora. Vol. 32).
31. Hoxha G. Some local coarse/cooking wares, as evidence of mobility from Western Balkan provinces Praevalis and Dardania. *New Antique Doclea*, Podgorica, 2019, vol. 10, pp. 110–142.

32. Hirschfeld Y. The Crisis of the Sixth Century: Climatic Change, Natural Disasters, and the Plague. *Mediterranean archaeology and archaeometry*, 2006, vol. 6/1, pp. 19–32.
33. Kassab Tezgör D. Corpus des amphores romaines produites dans les centres de mer Noire: Collections des musées de la côte turque de la mer Noire (Ereğli, Amasra, Sinop, Samsun, Giresun, Ordu, Trabzon et Amasya). Oxford, Archaeopress, 2020, 194 p.
34. McDonald B. The Justinianic Plague and Societal Decline in the Late Antique Negev. A.S. Jamieson, C.J. Tully, L.A. Hitchcock (eds.), *Plague in Antiquity*, Leuven, Peeters Publ., 2024, pp. 83–107.
35. Opaiț A. *Local and Imported Ceramics in the Roman Province of Scythia (4th – 6th centuries AD): aspects of economic life in the province of Scythia*. Oxford, Archaeopress, 2004, 180 p. (BAR IS, 1274).
36. Piéri D. *Le commerce du vin oriental à l'époque Byzantine (Ve – VIIe siècles). Le témoignage des amphores en Gaule.* Beyrouth, Institut Français du Proche-Orient Publ., 2005, 329 p.
37. Portale E.C., Romeo I. Contenitori da Transporto. A. Di Vita (ed.), *Gortina V.3. Lo scavo del pretorio (1989–1995)*, Padova, Ausilio Publ., 2001, vol. 1, pp. 260–410.
38. Riley J.A. The Coarse Pottery from Berenice. J.A. Lloyd (ed.), *Excavations at Sidi Khrebish, Benghazi (Berenice). Economic life at Berenice*, Tripoli, The Dep. of Antiquities Publ., 1979, vol. 2, pp. 91–465.
39. Riley J.A. The Pottery from the Cisterns 1977.1, 1977.2 and 1977.3. J.H. Humphrey (ed.), *Excavations at Carthage 1977 Conducted by the University of Michigan*, Ann Arbor, University of Michigan Publ., 1981, vol. 6, pp. 85–124.
40. Yangaki A.G. *La céramique des IVe–VIIIe siècles ap. J. C. d'Eleutherna: sa place en Crète et dans le bassin égéen*. Athènes, Scripta Publ., 2005, 485 p.

Информация об авторе

Смокотина А. В. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НИЦ истории и археологии Крыма Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского; Researcher ID: O-4285-2014.

Author information

Smokotina A. V. – Candidate of Science (History), Senior Researcher of the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University; Researcher ID: O-4285-2014.

DOI: 10.29039/2413-189X.2025.30.158-202

РАННЕВИЗАНТИЙСКИЙ КОМПЛЕКС ИЗ КВАРТАЛА IX СЕВЕРНОГО РАЙОНА ХЕРСОНЕСА

Лариса Алексеевна Голофаст
Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия
larisa_golofast@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1743-5057
Станислав Григорьевич Рыжов
Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», Севастополь, Россия
staspolis@yandex.ru

Аннотация. Статья является продолжением серии публикаций, посвященных раскопкам комплексов ранневизантийского времени, открытых в Северном районе Херсонеса. Представлен материал, выявленный в одной из рыбозасолочных цистерн, открытых в квартале IX. Структура заполнения цистерны и однородность материала, извлеченного с разных ее уровней, свидетельствует о том, что цистерна была засыпана единовременно грунтом, взятым из нивелировочной засыпи или мусорной свалки. Хронологический диапазон материала довольно широк и охватывает большой отрезок времени, начиная с эллинистического периода до VII в. включительно, при абсолютном доминировании ранневизантийского материала. Среди амфор превалируют амфоры типа LR1, а в комплексе красного лака – посуда группы «Фокейская краснолаковая». Судя по присутствию в заполнении цистерны амфоры типа VIII по херсонесской классификации 1971 года и фрагмента шаровидной амфоры, засыпка ее была произведена в рамках VII в. Обращает на себя внимание абсолютное доминирование в комплексе краснолаковой керамики посуды формы 3F группы «Фокейская краснолаковая» и отсутствие в нем поздних ее типов, которые, как правило, служат маркером VII в. Представленный материал демонстрирует вовлеченность Херсонеса в систему средиземноморско-причерноморской торговли, включающей различные центры как Средиземноморья, так и Причерноморья, преимущественно его южное и юго-восточное побережье.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, ранневизантийский период, амфоры, красный лак, кухонная керамика, стекло

Благодарности: Исследование выполнено в рамках темы «Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» (номер ЕГИСУ НИОКТР 122011200269-4).

EARLY BYZANTINE DEPOSIT FROM QUARTER IX IN THE NORTHERN DISTRICT OF CHERSONESOS

Larisa A. Golofast
Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
larisa_golofast@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1743-5057
Stanislav G. Ryzhov
State Museum-Preserve "Tauric Chersonese", Sevastopol, Russia
staspolis@yandex.ru

Abstract. The article is a continuation of a series of publications dedicated to the excavations of the early Byzantine complexes discovered in the northern district of Chersonesos and presents material discovered in one of the fish salting tanks uncovered in Quarter IX. The structure of the tank filling and the uniformity of the material recovered from its different levels indicate that the tank was filled at one time with soil taken from a levelling layer or a rubbish dump. The chronological range of the material is quite broad and covers a long period of time, from the Hellenistic period to the 7th century inclusive, with early Byzantine material dominating. Among the amphorae, LR1 type amphorae prevail, while the red slip ware complex consists almost exclusively of the Phocaean vessels. Judging by the presence of a type VIII amphora according to the 1971 Chersonesos classification and a fragment of a globular amphora in the filling the cistern was filled up within the 7th century. Interesting is the absolute predominance of the Phocaean form 3F in the complex of

red slip ware and the complete absence of later types, which usually serve as a marker of the 7th century. The material presented demonstrates involvement of Chersonesos in the Mediterranean-Black Sea trade system, which included various centres of the Mediterranean and the Black Sea regions, mainly on its southern and south-eastern coasts.

Keywords: Northern Black Sea region, early Byzantine period, amphorae, red slip ware, cooking pottery, glass

Acknowledgments: The research was conducted as part of the project 'The Black Sea and Central Asian Periphery of the Ancient World and Nomadic Communities of Eurasia: at the Crossroads of Cultures and Civilizations' (EGISU NIOKTR No. 122011200269-4).

Статья посвящена публикации материала из засыпи рыбозасолочной цистерны 2, открытой в квартале IX Северного района Херсонеса (рис. 1)[1]. Квартал ограничен с северной стороны обрывистым, частично обрушившимся берегом, с восточной и западной – соответственно VIIIа и IX поперечными улицами, а с южной – II продольной (рис. 2). Раскопки на участке были начаты в 1889 г. К. К. Косцюшко-Валюжиничем [33, с. 13–15] и продолжены в 2000 г. одним из авторов статьи. В ходе исследований было выявлено несколько периодов застройки участка. Самый ранний из них относится к концу V в. до н.э., когда здесь проходила западная оборонительная стена города [38, с. 20–30], за которой в небольшой балке находился некрополь [4, с. 163–196]. Во второй половине IV в. до н.э. стена была разобрана и перенесена на запад, а на месте некрополя построили жилые дома, от которых сохранились два двора, 5 помещений и 3 грушевидные цистерны. В частности, в 2007 г. были открыты остатки четырех лежащих на скале стен (6, 8, 9 и 10), скорее всего, представляющие собой остатки фундаментов стен дома IV–III вв. до н.э. Все стены двухпанцирные с забутовкой, сложены на глине из крупных и мелких бутовых камней. Дом, к которому относились перечисленные стены, предположительно просуществовал до первых веков нашей эры, когда здесь возникает рыбозасолочный комплекс, состоящий из 6 рыбозасолочных цистерн[2], расположенных вдоль IX поперечной улицы, и кладовой с амфорами. Не исключено, что где-то рядом с кварталом располагался рыбный рынок, упоминаемый в декрете первой половины II в. [42, с. 244]. В пользу расположения рыбного рынка именно в Северном районе города говорит большое количество компактно расположенных рыбозасолочных цистерн: в IX квартале – 7, в соседнем квартале XV – две и в X «Б» квартале – три. Такой концентрации цистерн в других районах города не зафиксировано [39, с. 87–88].

Всего на исследовавшемся в 2007 г. участке было открыто две цистерны. Одна, цистерна 1, сохранилась лишь частично, т.к. при возведении поздней стены № 5 была разрушена. Размеры цистерны 2,5×1,5×3 м. Стены сложены из плоских камней на цемянковом растворе и оштукатурены цемянкой. Засыпь состояла из земли и бутового камня и включала 27 фрагментов кровельной черепицы VIII–X вв. [52], в том числе с буквенными метками, и фрагменты керамики IX–X вв.

Вторая цистерна, цистерна 2, была вырублена в скале и также облицована плоскими известняковыми камнями на цемянковом растворе (рис. 3). Размеры цистерны 4,1×3,25×4,3 м.

Засыпь цистерны на всю ее глубину состояла из строительного раствора (песка, извести и небольшого количества бутовых камней), а также фрагментов амфор, чернолаковой, краснолаковой, простой гончарной и стеклянной посуды. Хронологический диапазон засыпи довольно широк и охватывает большой отрезок времени, начиная с эллинистического периода и заканчивая VII в. включительно. Структура заполнения цистерны и однородность материала, извлеченного с разных его уровней, свидетельствует о том, что цистерна была засыпана единовременно, а материал взят либо из нивелировочной засыпи, либо с мусорной свалки. Этим объясняется тот факт, что фрагменты керамики, принадлежащие разным периодам, были равномерно распределены по всей толще засыпи.

[1] Статья является продолжением серии публикаций, посвященных раскопкам комплексов ранневизантийского времени, открытых в Северном районе Херсонеса Станиславом Григорьевичем Рыжовым [9; 19; 20; 22; 2].

[2] Материал из засыпи одной из них опубликован [22].

Материал эллинистического времени представлен несколькими фрагментами, несколько большее количество фрагментов относится к первым вв. н.э., среди которых выделяется фрагмент блюда на низком кольцевом поддоне с медальоном с выполненным в довольно высоком рельефе мужским профилем (см. публикацию Д. В. Журавлева в этом же выпуске). Однако, основную массу материала в засыпи цистерны составлял ранневизантийский материал, представленный, за исключением нескольких фрагментов, довольно стандартным набором керамики и стекла.

АМФОРЫ

Амфоры понтийского производства

Амфоры группы C Snp (Opait E [123, p. 29–30]) производились в районе Синопы и предположительно предназначались для перевозки вина, хотя не исключаются и другие продукты [110, p. 122, 128].

В рассматриваемом комплексе они представлены тремя фрагментами горл с двухчастным венчиком, в том числе с довольно высоким гребнем вдоль внутреннего края (рис. 4,*2*) и с небольшим валикообразным выступом вдоль внутреннего края (рис. 4,*1*), 12 фрагментами массивных овальных в сечении ручек с валиком вдоль внешней поверхности, а также пятью фрагментами конических доньев (рис. 4,*3*). Их доля в рассматриваемом комплексе составляет 14,63% среди профильных частей амфор ранневизантийского времени.

Типология и хронология этого типа амфор разработана Д. Кассаб Тезгёр [110, p. 127–134]. Однако, определить к какому из трех выделенных ею типов принадлежат выявленные фрагменты невозможно, поскольку о принадлежности к одному из них можно судить только по совокупности признаков (форме тулова, диаметру венчика, высоте от края венчика до верхнего прилепа ручек и по высоте горла в целом). Не относится к числу типообразующих признаков и цвет глины, который существенно варьировал в зависимости от температурного режима [110, p. 127–134].

Что касается времени бытования этого типа амфор в целом, то исследователи определяют его по-разному. Наиболее аргументированной нам представляется точка зрения Д. Кассаб Тезгёр, которая по комплексам Демирджи в районе Синопы, где были открыты печи по их производству, сделала вывод об одновременном производстве выделенных типов в рамках IV/V – начала VI в. [110, p. 132–133].

Коричневоглиняные ранневизантийские амфоры с перехватом (Зеест 103 [28, с. 121, табл. XL,103]), продолжающие линию развития коричневоглиняных амфор колхидского производства [5, с. 160–194], большинство исследователей датирует IV/V–VII вв. [28, с. 121; 52, с. 12; 111, p. 180–181; 46, с. 522]. Они использовались, судя по смолению внутренней поверхности, для перевозки вина, а производились на территории современной Абхазии [51; 153, p. 29–32; 6, с. 7–9, 12; 114, p. 33–34], хотя не исключают возможность их производства в Гераклее [123, p. 32]. Амфоры с перехватом встречаются во всех центрах Северного и Восточного Причерноморья, где их доля в комплексах варьирует от 2 до 17% [41, с. 89; 37, с. 10–11; 20, с. 86, рис. 40,9–13; 22, с. 57; 46, с. 522]. В рассматриваемом комплексе этот тип амфор составляет 9,31% среди профильных частей ранневизантийских амфор и представлен тремя фрагментами цилиндрических горл с треугольным в сечении венчиком, уплощенной ручкой с вогнутостью на внешней поверхности и пальцевым вдавлением у верхнего основания, а также черным смолянистым покрытием на внутренней поверхности (рис. 4,*4*), тремя фрагментами уплощенных ручек и фрагментом конического в сечении донца (рис. 4,*5*). Глина амфор светло-красная (2.5YR 5, 6/6, 8), плотная, хорошо отмученная, с мелкими темными и светлыми включениями.

Круглодонные желобчатые амфоры типа Opaiţ B-Id [123, p. 28–29] (тип 5 по херсонесской классификации 1971 г. [3, с. 85, рис. 6]; классы 6 и 8 по херсонесской классификации 1995 г. [37, с. 24–26]) составляют в комплексе ранневизантийских амфор 17,29% и представлены верхней частью амфоры (рис. 4,*8*), желобчатым туловом яйцевидной формы (рис. 4,*10*), фрагментами горл с венчиком в виде валика или полувалика (рис. 4,*6*,*7*,*9*,*11*,*12*), овальными в сечении ручками с одним или двумя валиками на внешней поверхности (всего 20 фрагментов), а также фрагментом округлого дна. Глина большей части найденных амфор кирпич-

но-красная, плотная, хорошо отмученная, с большим количеством красновато-коричневых железистых (?) минералов и карбонатов. На внешней поверхности – светлый плотный ангоб.

Центры производства этих амфор не выявлены, но судя по их распространению почти исключительно в причерноморском регионе, производились они на черноморском побережье. Предполагают их производство в Западном [150, p. 110–111], Южном [46, с. 532–533] и Восточном [92, p. 83, fig. 25, 27] Причерноморье. Визуальная схожесть глины и ряд морфологических признаков позволяют отнести большую часть фрагментов из заполнения цистерны к продукции восточно-понтийских мастерских.

В. Свон по материалам Дичина делает вывод, что амфоры Opaiţ B-1d начинают появляться к концу V в. [150, p. 112]. Скорее всего, к этому же времени следует относить появление этого типа амфор в Херсонесе [11, с. 71–84]. В Западном Причерноморье они были особенно распространены во второй половине VI в. [123, p. 29]. В боспорских комплексах они, наряду с критскими амфорами, превалируют начиная со второй четверти VI в. [144, p. 126].

Амфоры средиземноморского производства

Время бытования амфор типа *LR1* [137, p. 212–216; 138, p. 116]; Hayes 5 [102, p. 63–64], которые составляют в рассматриваемом амфорном комплексе 23,94%, определяют в рамках конца IV/начала V – конца VII в. [156, p. 239; 137, p. 212–216; 138, p. 116; 135, p. 565], хотя в Восточном Средиземноморье и Сиро-Палестинском регионе они, по-видимому, исчезают только в VIII в. [145, p. 197; 12, с. 56]. В Средиземноморье они доминируют среди амфор VI–VII вв. [137, p. 213–214; 143, p. 439; 136, p. 452, fig. 6,2–7 и т.д.]. Так, в комплексах Константинополя этого времени они составляют 15–20% [102, p. 64]. Самой многочисленной группой они представлены и в амфорных комплексах Херсонеса VI – начала/первой четверти VII в. [11, с. 97, 101–102, 109, рис. 13,1,2; 16,1; 17–20; 19, с. 373, 382, рис. 8,1; 16; 20, с. 52–53, 61, 70–71, 84, 97, рис. 6; 14,1; 22,1–6; 35–36; 56; 22, с. 58–59, рис. 5]. В Боспоре их доля с 2–5% в комплексах конца IV – V в. со второй четверти VI в. возрастает до 20–25% [144, p. 126].

Амфоры LR1 относятся к группе семи так называемых международных (international) типов и производились в многочисленных мастерских, выявленных в различных центрах Киликии, где располагался один из крупнейших центров их производства Элеуса Себаста [78, p. 689–695], в Карии, Селевкии, Арсузе (Росус) (большая часть амфор этого типа, составлявших груз корабля, потерпевшего крушение у мыса Плака в Крыму, были произведены именно в Арсузе [155, p. 922]) на юге Турции, в районе Антиохии, на Кипре, Родосе, в районе бухты Ичмелер (Мармарис) [88], на Хиосе, Косе [131], Крите [128, p. 70, fig. 26], в Сицилии [56] и т.д. [88, p. 236–237, 241–243; 55, p. 208; 128, p. 80; 154, p. 53; 12, с. 56; и др.]. Один из центров, в большом объеме выпускавший этот тип амфор с начала V по начало VII в., выявлен в Помпейополисе (Pompeiopolis) на южном берегу Черного моря [62].

Имеются различные мнения относительно того, что в них перевозили. Как правило, называют вино и оливковое масло, при доминировании вина [137, p. 215; 102, p. 64; 128, p. 81–85; 12, с. 56]. Предполагается, что в амфорах большего объема перевозили масло, а меньшего – вино [75, p. 25]. Есть предположение о каких-то нежидких товарах [143, p. 439]. Возможно, прав П. Ван Алфен, который считает, что в начале бытования этот тип амфор, как амфоры эллинистического и римского времени, предназначался для транспортировки определенного продукта из определенного региона. Однако позже его функции расширились, чтобы лучше соответствовать меняющейся системе торгового обмена [55, p. 208].

Предполагают, что наряду с амфорами типа LR2 эти тарные сосуды служили для снабжения продовольствием (annona militaris[3]) пограничных гарнизонов на Нижнем Дунае [108, p. 129; 109, p. 57; 82, p. 185–186; 117, p. 1006] (подробнее ниже).

4 фрагмента из засыпи цистерны принадлежали амфорам с широким цилиндрическим горлом с ребром на уровне верхнего прилепа ручек с тремя несколько сдвинутыми в сторону ребрами на внешней поверхности (рис. 5,*1–4*) типа LRA IB1 по Д. Пьери VI – середины VII в. [128, p. 75–76]. Этому же типу амфор принадлежали 11 фрагментов овальных в сечении ручек с тремя сдвинутыми в сторону желобками, хотя представлены и фрагменты ручек

[3] Выплата в натуральной или денежной форме с целью улучшения снабжения продуктами приграничных провинций на Дунае.

с глубоким желобком под верхним ребром, которые, как правило, относят к амфорам типа LR1A конца IV – V в. [128, p. 70–74, pl. 1–12, fig. 25], 326 фрагментов стенок, в том числе два с dipinti, нанесенными красной краской (рис. 5,*5*–*7*). Найденные в заполнении амфоры сделаны из разной по цвету и составу включений глины, что свидетельствует об их поступлении в Херсонес из разных центров.

Несколькими фрагментами представлены амфоры критского производства, предназначавшиеся для перевозки дорогого критского вина [123, p. 24]. Три фрагмента принадлежали амфорам типа *TRC 4* [129, p. 422, fig. 5,39,40; 130, p. 306–307, tav. XLV,d,e; LIII,d,e] (рис. 6,*2*–*4*); три – типу *TRC 6* [129, p. 422, fig. 5,43; 130, p. 308, tav. XLV,b–c; LIV,a, b] (LRA14 [137, p. 232]; тип Hayes-22 [102, p. 69]) (рис. 6,*1*). Сделаны амфоры из красновато-желтой (5YR 6, 7/8, 6) или светло-красной (2.5YR 6/8) плотной хорошо отмученной глины с редкими мельчайшими темными и единичными мелкими светлыми включениями. Датируют их обычно в рамках конца V – VII в. [129, p. 422; 130, p. 307–308; 158, p. 192, fig. 52,e].

Амфоры критского производства на Боспоре относятся к числу наиболее многочисленных в комплексах второй четверти – конца VI в. или немного позднее [45, с. 164, 166; 46, с. 537]. В Северном Причерноморье находки таких амфор зафиксированы, помимо Керчи и Тиритаки [44, с. 273–274, рис, 7,4; 8,1; 18, с. 537–538, рис. 51,1–3; 52,1,3], в Фанагории в комплексе, формирование которого закончилось около середины VI в. [17, с. 62, рис. 10,1,3]. В Херсонесе они выявлены в комплексах второй половины VI – конца VII в. [9, с. 110, 111, 117, 119, рис. 29,7; 37,3,5; 67,1; 75,1; 11, с. 110, рис. 29–31; 19, с. 383, рис. 17,1; 20, с. 55, 73, 85, рис. 8,1,3–5; 25,3; 39,3–8; 22, с. 59, рис. 6,1]. По одному фрагменту найдено в комплексах V – первой половины VI в. и середины V – конца V / начала VI в. [53, с. 339, рис. 26,14; 11, с. 79, 84, рис. 6,6]. Надо отметить, что количество критских амфор в опубликованных херсонесских комплексах довольно незначительно. Так, в цистерне 4 они составляли 3,82% от общего числа профильных частей амфор [20, с. 85, рис. 39]. В рассматриваемом комплексе их доля среди амфор ранневизантийского времени составляет 11,97%.

Для амфор *типа "Газа-Ашкелон-Ашдот"* (LRA 4 в Карфагене [101, p. 117; 138, p. 120, fig. 13]; LRA 3 по классификации Бенгази [137, p. 219–223, fig. 92,351–356]; тип 6 по константинопольской классификации Хейса [102, p. 64–65]) характерны длинное узкое тулово с рифлением на плечиках между небольшими кольцевидными ручками, или на более поздних экземплярах – под ними, и в нижней части тулова, глиняные нашлепки на венчике и под ним и усеченно-коническое дно.

Сосуды аналогичной формы были известны еще с классического периода, но распространение получают только в III/IV–VII вв. [113, p. 395; 138, p. 115; 127, p. 199; 119, p. 98; 145, p. 197; 102, p. 166–167, fig. 47] и продолжают бытовать в раннеарабский период [63, p. 307; 59, p. 32; 60, p. 89]. На сиро-палестинской территории пик их бытования относится к VI–VIII вв. [124, p. 49].

Ранние амфоры имели более широкое тулово и небольшой вертикальный воротничковый венчик, в V в. появляются сосуды с более удлиненным туловом и узким дном. К концу VI – началу VII в. они приобретают крутые плечики [120, p. 169, pl. 3, 4].

В IV–VII вв. амфоры этого типа были распространены по всему Средиземноморско-Причерноморскому региону, встречаются вплоть до Британии [119, p. 98; 145, p. 197; 102, p. 166–167, fig. 47; 115, p. 163–164], хотя в большинстве регионов они довольно редки. К числу нечасто встречающихся они относятся вместе с амфорами т.н. сиро-палестинского типа (LR 5) и в Северном Причерноморье. Так, лишь единичные их фрагменты выявлены в комплексах Херсонеса [9, рис. 2,1–6; 11, с. 76, 112, рис. 6,4; 32; 19, рис. 13,4; 22, с. 62–63, рис. 7] и в заполнении цистерны 4 они составляют лишь 2,55% амфорного комплекса [20, с. 85, рис. 40,6–8]. Исключением являются юго-восточное Средиземноморье (в частности, в Кесарии они составляют более 20% в слоях начала VI в. [137, p. 220–222]), а также Мёзия I и II и Скифия. В Новах, например, эти амфоры составляют 24% керамического комплекса и являются вторым по численности типом [71, p. 109]. Е. Кленина и А. Бернацки связывают эти амфоры, наряду с LRA1 и 2, с образованием здесь в 536 г. questura exercitus [29, с. 92–93; 71, p. 111].

Особенно многочисленны их находки на южной прибрежной равнине Палестины, где открыты десятки печей и гончарных мастерских по их производству [115, p. 168–164], в

частности, в Ашкелоне и Ашдоте [135, p. 575]. Однако технологические вариации и широкое распространение этого типа амфор предполагает более обширный район их производства, который охватывал, по всей видимости, не только южную Палестину, но и территорию, простирающуюся до Пелузия на крайнем востоке дельты Нила [120, p. 165].

Использовались для транспортировки, главным образом, знаменитого вина Газы (в Ашкелоне они найдены рядом с винными прессами [106]), хотя перевозили в них также оливковое масло, сушеную соленую рыбу [137, p. 222], финики или какие-то другие товары, которые доставлялись в Газу торговыми путями в мягких контейнерах и затем перекладывались в амфоры для транспортировки судами по всему средиземноморско-причерноморскому бассейну [72, p. 38].

Выявленные в комплексе два фрагмента верхней части тулова с наплывами и налепами глины на плечиках и внутренней стороне венчика (рис. 6,*6–7*), выполненные из светлой красновато-коричневой (5YR 6/4) рыхлой глины с редкими мелкими темно-коричневыми и единичными мелкими светлыми включениями, скорее всего, относятся к форме 4 по типологии Г. Майчерека, нижнюю дату которой он относит к концу VI в. [120, p. 169], или к форме 4B2 по Д. Пьери, который датирует ее второй половиной VI – VII в. [128, p. 106–107]. Точная аналогия сосуду, изображенному на рис. 6,*7*, найдена в Марселе в комплексе конца VI в. и отнесена к типу 4B 2–3 [128, p. 29–30, fig. 14, pl. 42,1]. Амфорам типа Газа, скорее всего, принадлежат также несколько фрагментов овальных в сечении ручек со слабо выраженными ребрами или валиками на внешней поверхности, а также фрагмент выпуклого конического в сечении дна типа 4B2 по Д. Пьери второй половины VI – VII в. [128, p. 106] или форме 4 по типологии Г. Майчерека, нижнюю дату которой он относит к концу VI в. [120, p. 169]. Глина последнего фрагмента светлая красновато-желтая (5YR 87/6) плотная, хорошо отмученная, с единичными мелкими светлыми включениями. В комплексе ранневизантийских амфор они составляют 9,31%.

Небольшие тонкостенные амфоры *muna LR3* по разработанной Райли классификации амфор Карфагена [138, p. 118, fig. 12] (LRA10 по его же классификации амфор из раскопок в Бенгази [137, p. 229–230]; Зееst 95 [28, c. 118–119, табл. XXXVIII,95]; тип 3 по Хейсу [102, p. 63, fig. 22,9]) из коричневой, насыщенной слюдой глины представлены в рассматриваемом комплексе полой открытой ножкой (рис. 6,*5*) и четырьмя фрагментами ручек. Эти амфоры продолжают линию развития одноручных амфор типа Berenice MRA 4, бытовавших с середины I в. до н.э. Предполагается их производство в районе между Эфесом и Сардами [123, p. 14; 70, p. 165]. Небольшой объем (6–12 л) свидетельствует о том, что, скорее всего, в них перевозили какие-то мази или благовония, хотя не исключают вино, оливковое масло и garum [75, p. 112; 69, p. 205].

Время бытования амфор типа LR3, которые в отличие от ранних амфор имеют уже две ручки, определяют в рамках конца IV – VI / начала VII в. (рис. 6,*5*). После середины VI в. их количество резко сокращается [73, p. 116–117]. Как правило, смену полой открытой снизу ножки на сплошную коническую относят к хронологическим признакам и предположительно датируют серединой VI в. [128, p. 96]. Однако Т. Бежецкий предполагает синхронное производство амфор с различными вариантами ножек (сплошными или полыми) в разных центрах [70, p. 164]. Подтверждают это находки двух фрагментов таких амфор с полыми ножками среди материалов корабля, потерпевшего крушение у Ясси Ада (Yassi Ada) летом 626 г. [67, p. 165–167, 183, fig. 8–19,P74; 8–22,P75; 86, p. 205], или в комплексе 30 655–670 гг. из Константинополя [102, p. 100, fig. 48,180]. Регулярно они встречаются и в херсонесских комплексах второй половины VI – VII в. [22, с. 59–61 и т.д.]. В рассматриваемом амфорном комплексе они составляют всего 0,27%. Поэтому выявленную в комплексе полую открытую ножку нельзя однозначно интерпретировать как примесь снизу.

Небольшим количеством фрагментов (7,98%) представлены амфоры *muna LR2*, в том числе три фрагмента венчиков (рис. 3,*8–10*), три фрагмента ручек и несколько стенок с глубоким частым рифлением. Коническое дно с небольшой расширяющейся книзу ножкой с выпуклой подошвой также, вероятнее всего, относится к этому же типу амфор, скорее всего, V – первой половины VI в. Во второй половине VI в. LRA2 лишаются ножки и приобретают простое округлое дно [108, p. 131; 136, p. 452, fig. 7,6; 8,1].

В амфорах этого типа перевозили, главным образом, оливковое масло [108, p. 147–149; 109, p. 46–47; 149, p. 255]. О. Карагиоргу предположила, что ранние амфоры с широким венчиком и высоким, воронковидным горлом, более удобным для тягучих, медленно текущих жидкостей, были предназначены исключительно для перевозки масла, тогда как поздние, с более цилиндрическим горлом и более узким венчиком – для перевозки как масла, так и вина [108, p. 149]. Разное тесто и разнообразие одновременно бытовавших морфологических вариантов этого типа амфор [148, p. 372; 136, p. 452] свидетельствуют о наличии нескольких центров их производства. Располагались они в бассейне Эгейского моря [137, p. 219]: в Пелопоннесе, на Хиосе, Книде, Самосе, Косе, Родосе и на севере Арголиды, на северном побережье Эгейского моря [123, p. 11; 128, p. 90–91; 132, p. 757; 150, p. 109].

Доля амфор LR2 на памятниках Восточного Средиземноморья незначительна [137, p. 218]. Мало их и в Северном Причерноморье. Так, в Херсонесе в заполнении цистерны 4 в квартале Х-Б они составляют в амфорном комплексе всего 3,4%[4].

Особый интерес представляют две выявленные в комплексе амфоры. Одну удалось собрать полностью (рис. 7), от второй сохранилась верхняя часть тулова (рис. 8).

Целая амфора имеет яйцевидное тулово с частой желобчатостью, слегка суживающееся кверху горло со слегка отогнутым подтреугольным в сечении венчиком и вогнутое сферическое в сечении дно с полусферическим выступом на нижней поверхности (рис. 7). Под венчиком и к плечикам прикреплены овальные в сечении ручки с ребром на внешней поверхности. Сечение ручек весьма напоминает ручки шаровидных амфор с мелким зональным рифлением. Сделана амфора из красновато-желтой (5YR 7/6) глины с мелкими красновато-коричневыми включениями. Амфоры этого типа в Херсонесе встречаются довольно редко. Нам известен экземпляр, найденный в заполнении цистерны 92, засыпанной в VII в. и выделенный авторами херсонесской классификации 1971 года в тип VIII [3, с. 86, рис. 9][5]. По-видимому, к этому же типу относится амфора, фрагмент которой был найден в засыпи цистерны, открытой в квартале VIII и засыпанной в конце VII в. В публикации амфора, наряду с двумя другими амфорами из заполнения той же цистерны, отнесена к переходному от LRA2 к более поздним шаровидным амфорам типу Пьери LR 2C [19, с. 383, рис. 18] последней трети VI – первой половины VII в. [128, p. 88, pl. 27].

От второй амфоры, найденной в слое 8 засыпи цистерны, сохранилась ее верхняя часть со слегка суживающимся кверху горлом, валикообразным венчиком с горизонтально срезанной верхней поверхностью и овальными в сечении ручками с двумя продольными желобками на внешней поверхности (рис. 8). В нижней части горла – пояс мелкого зубчатого рифления. Трудно сказать, относится ли она к переходному типу LR 2C или уже к шаровидным амфорам, которые были широко распространены по всему Средиземноморью, начиная с первых десятилетий VII в. (или даже с VI в.), а время образования самого раннего комплекса Херсонеса, в котором были найдены фрагменты шаровидных амфор, датируется в рамках VII в. [22, с. 66–67, рис. 6,5,6]. На наш субъективный взгляд, скорее, второе.

СТОЛОВАЯ ПОСУДА

Восемью фрагментами (6 фрагментов венчиков и два доньев) представлены блюда группы *«Позднеримская понтийская лощеная керамика»* (Late Roman Pontic Burnished Ware (LRPB) с горизонтально отогнутым бортиком с желобками вдоль внутреннего и внешнего края, на высоком кольцевом слегка расширяющемся книзу поддоне; дно об-

[4] Другая картина наблюдается в районе Эгейского моря и дунайских провинциях, где амфоры типа LR2 довольно многочисленны [137, p. 218–219; 102, p. 66]: в керамическом комплексе различных центров Скифии, Мёзии I и II они составляют 30–50% [123, p. 10–11; 125, p. 162], что объясняют созданием в 536 г. новой административной единицы, quaestura Iustiniana exercitus, в состав которой были включены Кипр, Киклады, Кария, острова Эгейского моря и дунайские провинции Мёзия I, II и Дакия [108, p. 149; 148, p. 381]. Сделано это было для их эффективного снабжения продовольствием: часть annona солдатам, служившим в разоренных варварскими набегами северных провинциях, обеспечивалась богатыми южными регионами. Наряду с амфорами LR1 амфоры LR2 использовались для снабжения маслом (LR2) и вином (LR1) пограничных подразделений, расквартированных в северных провинциях империи.

[5] Экземпляры, приведенные авторами классификации в качестве аналогий этому типу амфор, на самом деле относятся к типу LRA1 [3, ссылка 23].

рамлено двойными концентрическими окружностями, выполненными врезной линией (рис. 9); на поверхности – легкое беспорядочное лощение с пропусками. Глина сосудов красновато-желтая, плотная [92; 23].

Самый ранний комплекс, содержавший сосуды этой группы, датируется второй четвертью VI в. [21]. Пик их бытования, судя по херсонесским комплексам, приходится на вторую половину VI в. [9, с. 111–112, 115, 118, рис. 39,2,3; 42,3,5; 56,14–16; 68,5–9; 11, с. 115, рис. 42, 43; 19, с. 375, 379, рис. 11,2,3; 15,4; 20, с. 56, 64, 88, рис. 10,8–10; 16,2,3; 43,1–21]. В Херсонесе они продолжают встречаться в «полузакрытых» комплексах, происходящих, главным образом, из цистерн и колодцев, засыпавшихся на протяжении всего VII в. [9, с. 116–119, рис. 60,11–14; 66,15; 72,5–6; 77,17,19–21; 19, с. 384, рис. 19,21–27; 20, с. 75–76, 88, рис. 29,1–4; 22, с. 72–73, рис. 11]. Ареал посуды рассматриваемой группы ограничивается, главным образом, Северным Причерноморьем с наибольшей концентрацией в Херсонесе (подробнее см. [21; 15, с. 54]). Визуальное сходство теста блюд этой группы с глиной керамики группы «Понтийской краснолаковой» и ее появление вскоре после исчезновения с причерноморских рынков сосудов понтийской группы позволило К. Домжальскому и Д. В. Журавлеву сделать предположение о едином центре или регионе их производства, возможно, в северо-восточной части провинции Понт [23, с. 139; 24, с. 40; 92, p. 70; 85, p. 163]. Однако, если производство обеих групп керамики в пределах одного геологического региона подтверждается методом рентгенографического фазового анализа (РФА) [15, с. 56], то тезис о происхождении керамики группы LRPBW от PRSW все же принят быть не может, поскольку самые ранние сосуды этой группы, скорее всего, были сероглиняные. Во всяком случае, все сосуды этой группы, выявленные в самых ранних содержавших такие сосуды комплексах, были исключительно сероглиняными [21; 15, с. 53, рис. 1,2а,3; 2]. Кроме того, изготовление краснолаковой и лощеной посуды – это два различных технологических приема[6], которые эволюционно сменять друг друга сами по себе не могут [15, с. 59].

При описании ***краснолаковой посуды*** средиземноморского происхождения из заполнения цистерны мы опирались на общепринятую в современной археологической литературе типологию и хронологию, разработанную Дж. Хейсом [100], принимая во внимание некоторые уточнения, сделанные в последнее время; при работе с посудой понтийского производства использована типология К. Домжальского [85].

Понтийская краснолаковая. Посуда этой группы производилась, по мнению К. Домжальского, где-то на побережье Черного моря или в непосредственной близости от него и была широко распространена в Понтийском регионе. В рассматриваемом комплексе она представлена фрагментом миски самой ранней формы 2 IV в. (рис. 10,*1*) [85, p. 77]; к *irregular variant* этой же формы, скорее всего, можно отнести фрагмент миски с отогнутым нешироким бортиком с подрезкой под ним (рис. 10,*2*) (аналогичный был найден в могиле 301 могильника Нейзац [85, p. 78, fig. 14,52]); фрагментом миски формы 0 (рис. 10,*3*), которая производилась вплоть до конца V или начала VI в. [85, p. 52–53, pl. 1]; четырьмя фрагментами переходного варианта 1A/B по Домжальскому (рис. 10,*4,5*), который производился с рубежа IV–V вв. до третьей четверти V в. [85, p. 58]. Девятью фрагментами представлены в засыпи цистерны довольно плоские блюда группы «Понтийской краснолаковой» с широким горизонтально отогнутым бортиком формы 3 по Домжальскому (рис. 10,*6–8*); бортик одного из фрагментов украшен двумя волнистыми врезными линиями, нанесенными мелким зубчатыми штампом (рис. 10,*9*). А. Опайт датирует форму концом IV – первой половиной V в. [122, p. 248, pl. 55,1–2], приблизительно к этому же времени, первой половине или первым трем четвертям V в., относит форму К. Домжальский [85, p. 85]. Наконец, одним фрагментом представлены миски самой поздней понтийской формы 7 (рис. 10,*10*), датирующейся второй половиной V – первой половиной VI в. [85, p. 121]. Представлены в засыпи цистерны и фрагменты доньев сосудов описываемой группы.

[6] Лощение, т.е. натирание поверхности сосуда до обжига гладким твердым инструментом, и покрытие поверхности сосуда перед обжигом специальным составом, содержащим красящий пигмент [50, с. 39–40, 113–114], к тому же отличающиеся температурой обжига: до 1000ºС в случае с краснолаковой посудой и около 850ºС при обжиге лощеной.

Посуда группы «*Фокейская краснолаковая*» (LRC) производилась на западе Малой Азии (район Фокеи) и была широко распространена в средиземноморско-причерноморском бассейне (ее ареал охватывает территорию вплоть до Великобритании [100, map 15]). Причем предполагается, что распространялась она не только благодаря торговле, но и благодаря централизованным поставкам такой посуды для армии в стратегические пункты империи [25, с. 195], наряду с амфорами LR 1 и 2.

Группа фокейской керамики включает исключительно фрагменты мисок формы 3 (всего 38 фрагментов) (рис. 11; 12; 13), которая всегда привлекала особое внимание специалистов, как самая многочисленная и распространенная. Среди сосудов этой формы Дж. Хейс выделил 8 типов, хотя и признавал, что это разделение в значительной степени носит условный характер [100, p. 336]. Несколькими фрагментами представлены ранние типы, подавляющее большинство принадлежит форме 3F и несколько фрагментов – форме 3G или близкой к ней (рис. 12,*7–12*; 13,*2,3*).

Датировка форм 3F, 3G и 10 до сих пор дискуссионна. Согласно хронологии Дж. Хейса, форма 3F появляется в начале VI в., во второй четверти столетия в сочетании с формой 3G становится стандартной и вскоре после середины VI в. развивается в форму 10 [100, p. 338]. С датировкой Дж. Хейса согласен П. Рейнолдс [133, p. 147]. Однако Г. Сандрес пересмотрел использованные Дж. Хейсом комплексы Афинской агоры и Антиохии, дополнив их данными, полученными в ходе изучения вновь открытых комплексов Коринфа, уделив особое внимание монетам, найденным как вместе с рассматриваемой краснолаковой керамикой, так и в нижележащих контекстах. Так, комплексы H-I 7-8:1 и I-J 9:1 Афинской агоры он отнес ко второй половине VI в., поскольку оба содержали не учтенные Дж. Хейсом монеты Юстиниана, соответственно 538–542 и 533/4–539, а первый – еще и две монеты Бадуила (549–552) [140, p. 359–360, 365]. Следует отметить, что дата комплексов, которые иногда приводят для подтверждения появления формы в начале VI в. [43, с. 117 и др.], на самом деле определена по присутствию в них той же формы 3F. Исключение составляет лишь фрагменты мисок формы 3F, выявленные в ходе раскопок церкви св. Полиевкта, строительство которой было завершено в 524–527 гг.: нивелировочная засыпь под пол нефа (deposit 14) [102, p. 94, fig. 33,9–12], из раствора упавшего столба в атриуме (deposit 16) [Ibid., p. 96, fig. 3,5] и раствора стены на южной стороне атриума (deposit 17) [Ibid., p. 96, fig. 34,3]. Если эти фрагменты не попали в перечисленные комплексы в результате каких-то более поздних ремонтов, то они, возможно, указывают на появление формы, самое раннее, на рубеже первой и второй четвертей VI в.

Бытовала форма 3F, судя по ее многочисленным находкам в комплексах второй половины VI – первой половины VII в. [93, p. 250–256; 43, с. 117], как минимум, до первых десятилетий VII в. или даже позже. Это подтверждают и херсонесские комплексы, в том числе и рассматриваемый, формирование которых закончилось во второй половине VI – VII в. Все они содержат значительное количество фрагментов мисок формы 3F [см.: 11; 19; 20; 22]. Однако характер заполнения херсонесских цистерн и колодцев, которые, как правило, засыпались грунтом, взятым, по-видимому, из нивелировочных засыпей или мусорных свалок, не позволяет уверенно использовать их для хронологических построений.

Форму 3G (похожа на F с выпуклой внешней стороной и соответствующей впадиной на внутренней), которую Дж. Хейс датирует второй четвертью VI в. [100, p. 338], П. Рейнолдс, относит, основываясь на материалах из раскопок в Бутринте, к 525–575 гг. и считает ее предшественницей формы 10 [134, p. 228, 243].

Следует отметить отсутствие в рассматриваемом комплексе мисок формы 10, появление которой Дж. Хейс относит приблизительно к середине VI в. [103, p. 15], пересмотрев ранее высказанное им предположение, согласно которому форма появляется в последней четверти VI в. [100, p. 346]. Первоначальной даты Дж. Хейса придерживается П. Рейнолдс, а Г. Сандрес считает форму 10 исключительно формой VII в. [140, p. 373]. Вне зависимости от времени появления формы, в Северном Причерноморье она представлена крайне незначительным количеством, что, скорее всего, связано с эпидемией чумы, в значительной степени сократившей численность населения империи и, соответственно, приведшей к значительному сокращению объема торговли и производства, в том числе краснолаковой посуды.

Кроме того, в заполнении цистерны было найдено 20 фрагментов доньев мисок этой группы на слабо выраженном кольцевом поддоне, в том числе с плохо читаемым клеймом в виде льва (мотив 39) (рис. 13,*4*), которую Дж. Хейс датирует временем около 500 года [100, p. 359, fig. 75,39]. К этой же группе относится клеймо в виде удлиненного креста с четырьмя «подвесками» в междукрестии и открытым завитком «ро» слева, близкий к мотиву 70m по Дж. Хейсу, который датирует его концом V – первой половиной VI в. [100, p. 365, fig. 70m] (рис. 13,*5*). Аналогичное клеймо найдено в Херсонесе в слое 9 второй – третьей четверти VI в. в Портовом квартале 1 (раскопки А. И. Романчук 1969 года) [10, с. 163, 191, рис. 7,24]; в Зеноновом Херсонесе в слое второй четверти VI в. [40, рис. 31,4]; на Самосе в цистерне с засыпью второй четверти VI в. [105, p. 222] и т.д.

Довольно интересен фрагмент миски, которую по форме венчика следует, скорее, отнести к форме 3G или переходной форме 3F/G (рис. 13,*2*). Однако клеймо в виде бегущего влево зайца (?), часть которого сохранилась в центре дна, скорее, относится к мотиву 35 второй хронологической группы, которую Дж. Хейс датирует приблизительно 440–490 гг. [100, p. 349, 357, fig. 74,35].

Краснолаковым кубкам в форме усеченного конуса принадлежат 15 фрагментов (рис. 14,*1–3*). Наружная сторона сохранившихся бортиков украшена волнообразной линией, прочерченной инструментом с широким рабочим концом. На внешней поверхности кубков – грязно-коричневая неравномерно наложенная обмазка с подтеками. Глина розовая, красновато-желтая (7.5YR 7/4,6) или бледно-коричневая (10YR 7/4), плотная, очень хорошо отмученная, без видимых включений. Такие кубки, по-видимому, продолжают линию развития чашек I–III вв., от которых отличаются более вытянутыми пропорциями и отсутствием поддона. Предполагается их книдское происхождение [123, p. 66] – возможно, группа «Asia Minor Light Colored Ware» по Дж. Хейсу, для которой характерна светло-оранжевая или светло-коричневая глина и тонкий слой лака. Однако среди форм этой группы керамики, найденной на памятниках, где она встречается довольно часто, например, в Парионе [89], подобной формы нет. Дж. Хейс отмечает немногочисленные находки посуды этой группы в комплексах 420/450 – начала VII в. [100, p. 408–409; 102, p. 7]. А. Опайт выделяет подобные чашки в тип I, датирует их второй половиной IV – VII в. и приводит список находок на территории Румынии [123, p. 65–66, pl. 50,14–17]. Ко второй четверти VI в. относятся находки подобных сосудов в Тиритаке и Зеноновом Херсонесе [40, с. 247, рис. 14,4–8]. В Херсонесе они представлены в комплексах последней четверти V – третьей четверти VII в. [9, с. 106–107, 115–116, 117–118, рис. 11; 13,9,12–16; 54,5; 66,2–4; 67,9; 11, с. 103–104, 115, рис. 16,11; 20, с. 88, рис. 42,21–23; 22, с. 71–72, рис. 10,3–4). Особенно показательны хорошо сохранившиеся кубки из т.н. «цистерны в алтаре» в квартале II Северо-восточного района, засыпанной в последней четверти V в. [9, рис. 12,1; 40, рис. 14,4], и колодца, расположенного в районе «Базилики на холме» и засыпанного, скорее всего, во второй половине VI в. [11, рис. 40,41].

В засыпи был выявлен ***амфориск*** веретенообразной формы с легкой желобчатостью на тулове и неаккуратно сформованной ножкой (рис. 14,*4*). Амфориск выполнен крайне небрежно: на тулове даже остались вмятины от двух пальцев. Глина светло-красная (2.5YR 7/6), переходящая в светло-коричневую (7.5YR 6/4) у внутренней поверхности, плотная, очень хорошо отмученная, с мельчайшими частицами слюды. Из визуально аналогичной глины сделаны тонкостенные амфоры типа LR3, производившиеся, скорее всего, на западе Малой Азии [127, p. 188; 123, p. 14; 70, p. 165], откуда, по всей видимости, происходят и рассматриваемые сосуды. Амфориски этого типа имели широкий ареал – от Восточного Причерноморья до Восточного Средиземноморья и датируются, по всей видимости, VI–VII вв. Эту дату дают нам комплексы VI в. из раскопок Херсонеса: засыпь цистерны Л в XXII квартале Северного берега городища с засыпью конца VI – начала VII в.; цистерны П в XXV квартале также с заполнением первой половины VI в.; цистерны Н в Северном районе с заполнением третьей четверти VII в.; материал из слоя VII в. помещения 48 Портового района, а также комплексы VII в. из раскопок Константинополя [9, с. 104].

Небольшой объем таких сосудов 70–500 мл [121, p. 100] свидетельствует о том, что использовались они, скорее всего, для перевозки каких-то дорогих продуктов, например, масел

или каких-то жидкостей, использовавшихся в литургической практике. Нельзя исключать возможности их использования для перевозки и хранения особо ценных вин, которые ввиду своей востребованности перевозились в маленьких сосудах даже на дальние расстояния.

Светильники представлены в заполнении цистерны двумя типами. Фрагмент краснолакового светильника грушевидной формы с покатыми плечиками, украшенными полусферическими выступами, и ручкой-«защипом» с желобком на внешней поверхности (рис. 14,*5*). Щиток слегка заглублен. Светильники подобной формы и с аналогичным оформлением плечиков обычно датируют 500–600 гг. [64, p. 387, pl. 109]. Дж. Хейс, который выделил такие светильники в тип 1, отмечает, что особую популярность они приобретают в начале VI в., а позже встречаются гораздо реже [100, p. 82, pl. 18,1–7]. Довольно часто они встречаются при раскопках ранневизантийских комплексов Херсонеса: несколько фрагментов найдено в цистерне 4 в квартале Х-Б Северного района города с заполнением последних десятилетий VI в. [18, с. 82; 20, с. 89, рис. 45,6–7].

Два светильника имеют биконическое тулово, заглубленный почти плоский щиток с круглым отверстием в центре и плоское дно на слабо выраженном поддоне (рис. 14,*6,7*). Дно заглажено, но на его нижней поверхности все же заметны следы снятия нитью с гончарного круга. Ручка в виде отростка. Рожок слегка задран вверх, со следами копоти. Глина (свежий скол сделать не удалось, поэтому глина описывалась по старым сколам) светлая красновато-коричневая (2.5YR 6/6), плотная, хорошо отмученная, с редкими мелкими сероватыми, коричневатыми и светлыми включениями, а также мелкими частицами слюды.

Светильники подобной формы использовались и в античное время, и позднее [54, p. 84]. В Херсонесе они выявлены в колодце, открытом в квартале IX-А Северного района города и засыпанном в VI в. [2, с. 62, рис. 7,4], в цистерне 4 в квартале Х-Б с заполнением последних десятилетий VI в. [18, с. 82; 20, с. 89, рис. 45,2] и в цистерне, открытой в том же квартале и засыпанной в рамках VII в. [22, с. 80, рис. 13,4]. Находки аналогичных светильников в позднеантичных комплексах известны по раскопкам в Греции (Афины, Эгина, Коринф), Константинополе, Варне, Киликии, на Кипре и Фасосе. В позднеантичных слоях встречаются и поливные светильники этого типа [54, p. 84–85, fig. 35,L88,L91,L92].

Простая гончарная столовая посуда представлена самыми разнообразными сосудами: кастрюлями, сковородами, горшками, кувшинами, крышками и проч.

Относительно хорошо сохранился лишь один кувшин с расширяющимся кверху горлом с загнутым внутрь подтреугольным в сечении венчиком, покатыми плечиками и суживающимся книзу туловом со слегка вогнутым дном (рис. 14,*10*). От ручек, которые были прикреплены к месту перехода от горла к тулову и верхней части тулова, сохранились лишь основания. Фрагмент аналогичного кувшина с линейной росписью ангобом найден в заполнении цистерны, открытой в помещении 9а квартала VIII Северного района Херсонеса и засыпанной, скорее всего, ближе к концу VII в. [19, с. 384–385, рис. 19,28]. Фрагмент верхней части близкого по форме сосуда происходит из заполнения рыбозасолочной цистерны 1, открытой в квартале ХБ Северного района города и засыпанной в рамках VII в. [20, с. 78, рис. 30,6].

Известны подобные кувшины по раскопкам могильников Крыма. Два экземпляра с линейной росписью ангобом были найдены в склепе 34 второй половины VII в. могильника на склоне Чуфут-Кале. Еще один – в могиле 78 могильника Суук-Су с орлиноголовой пряжкой также второй половины VII в. [52, с. 21, рис. 6,3; 1, с. 15, рис. 2,153; 4,8]. По мнению А. И. Айбабина, такие кувшины получили распространение во второй половине VII в. [1, с. 15]. Однако судя по находке такого же сосуда в слое разрушения 576 года в Ильичевской крепости [47, с. 134, рис. 7,1], появляются они, как минимум, в последней четверти VI в.

Выявлены в заполнении еще три небольших фрагмента горл кувшинов и ойнохой без каких-то выразительных морфологических деталей. Выделяется фрагмент слегка раздутого горла большого кувшина или амфоры с двумя уплощенными подпрямоугольными в сечении ручками, прикрепленными к средней части горла, и небольшим подтреугольным в сечении венчиком с плоско срезанной верхней поверхностью и желобком на боковой (рис. 14,*8*). Форма горла напоминает амфоры типа *C Snp*, однако сделан сосуд из красновато-желтой (5YR 6/8), плотной, хорошо отмученной глины с мельчайшими желтоватыми включениями.

Внимания заслуживает кувшин больших размеров (сохр. В. – 30 см; Д. дна – 15 см), от которого сохранилось лишь слегка суживающееся книзу тулово, плавно переходящее в широкое суживающееся кверху горло с легкой желобчатостью на внешней поверхности; дно плоское с небольшим коническим в сечении выступом в центре внутренней поверхности; чуть выше средней линии тулова сохранилось основание ручки (рис. 14,*9*). Глина сосуда желтая, с примесью песка и частиц слюды.

КУХОННАЯ ПОСУДА

Представлена главным образом горшками нескольких типов.

8 фрагментов принадлежали горшкам с округлым туловом и резко отогнутым слегка расширяющимся кверху выпукло-вогнутым в сечении венчиком с желобком на верхней поверхности (рис. 15,*1–3*). На двух фрагментах сохранились части круглых в сечении ручек, прикрепленных к внешней стороне венчика; на одной имеется пальцевое вдавление у верхнего прилепа (рис. 15,*1,2*). Таким горшкам, скорее всего, принадлежали выявленные в комплексе фрагменты крученых и круглых в сечении ручек, часто с пальцевым вдавлением у верхнего основания (рис 15,*9–11*).

Горшки рассматриваемого типа хорошо известны по раскопкам в Западном Причерноморье. В Ятрусе они происходят из слоев конца V в. – 580-х гг. (период D) [76, S. 144, Taf. 48,599]. Аналогичные горшки найдены в Новах, правда, там они не имеют ручек [116, p. 89, fig. 4,1,2]. Г. Кузманов выделил похожие горшки в вариант 3 типа I и датирует их VI в. [30, с. 49–50, табл. 29,Г20–23,28]. В Истрии аналогичные сосуды происходят из контекста второй половины V в. [65, pl. 2,5,6]. В Хальмирисе похожие горшки с ручками разного сечения с профилировкой на внешней поверхности датируются концом V – началом VII в. (тип Опайт VIII-2) [123, p. 47; 152, p. 114–115, 265, pl. XXXII,276–287]. Большое количество горшков этого типа, найденных на различных памятниках Западного Причерноморья, свидетельствует об их производстве в местных мастерских со второй половины V до первой половины VII в. [152, p. 114–115, 265, tab. XXXII]. Довольно большое количество горшков с аналогично оформленной верхней частью тулова найдено при раскопках в Константинополе в комплексах ранневизантийского времени (deposits 13, 14, 21, 25, 26, 30, соответственно второй четверти V в., 526–527 гг., 550–580 гг., конца VI в. и VII в.) [102, p. 94–95, 97, 99–105, fig. 32,3; 33,27–34; 35,12,13; 36,4; 37,9,13; 45,130,131]. В Боспоре подобный горшок найден в комплексе второй половины VI в. [43, с. 115, рис. 12,3]. В ранневизантийских комплексах Херсонеса они составляют самую многочисленную группу кухонной керамики: выявлены в заполнении цистерны в XCVII квартале, засыпанной в рамках середины V – середины/начала второй половины VI в. [48, с. 112, рис. 21,26]; в комплексе первой половины VII в. [20, с. 79, 92, рис. 31,5; 48,1,4,6–8,12,13,15–26], в слое разрушения, открытом в Портовом квартале с монетой Константа II (641–668) [34, с. 246, 247, табл. 3,5; 35, рис. 4б]; также в слое разрушения первой четверти VII в. в Портовом квартале 2 [36, рис. 3,6,7]. Причем следует отметить наличие на ручках некоторых горшков из рассматриваемого комплекса пальцевого вдавления у верхнего основания ручки. Насколько можно судить по опубликованным херсонесским материалам, самый ранний комплекс с горшками с пальцевым вдавлением на ручке датируется временем не ранее последних десятилетий VI в. (заполнение цистерны 4 в квартала ХБ Северного района города) [20, рис. 48]. Такие же горшки выявлены в заполнении цистерны, засыпанной в рамках VII в. [22, с. 78, рис. 15,2,3].

Выявлены в заполнении цистерны горшки со сферическим туловом с довольно массивным подтреугольным в сечении венчиком с плоско срезанной верхней поверхностью (рис. 15,*4*) или подпрямоугольным в сечении венчиком с подрезкой в нижней части и плоско срезанной верхней поверхностью (рис. 15,*5*). Иногда встречаются венчики других вариантов (рис. 15,*7*). Уплощенные ручки иногда со слабо выраженной профилировкой на внешней поверхности прикреплены к наружной стороне венчика. Появляются такие горшки, по-видимому, в первой половине VI в. Во всяком случае, один фрагмент такого горшка был найден в Фанагории в слое пожара середины VI в. Точные аналогии происходят из заполнения цистерны 4 в квартале Х-Б в Северном районе Херсонеса, засыпанной не ранее последних

десятилетий VI в. [20, с. 92, 95, рис. 49,6,8,9], цистерны 1, открытой под помещением 3 в квартале Х-Б Северного района Херсонеса и засыпанной в рамках VII в. [20, с. 79, 82, рис. 31,5] и цистерны, открытой в квартале IX [22, рис. 14,1–4], а также в засыпи колодца в квартале XCVII Северо-восточного района города, засыпанного около середины VI в. [48, с. 112, рис. 20,1]. Возможно, к этому же типу относится горшок со схожей формой верхней части тулова и похожим венчиком, правда округлых очертаний, найденный в комплексе, открытом в юго-восточном районе Портового квартала под позднесредневековыми помещениями 48, 54А, 53а и представляющем собой развал керамики, дату которого определяет монета Константа II (641–668) [34, с. 246, 247, табл. б; 35, с. 8–9, рис. 4,в,г].

Встречаются также обычные горшки с округлым туловом и отогнутым непрофилированным венчиком (рис. 15,*6,8,12,13*).

К разряду кастрюль, скорее всего, относится открытый сосуд с суживающимся книзу туловом, отогнутым наружу венчиком с закраиной для крышки и легкой желобчатостью на внутренней и внешней поверхности (рис. 15,*15*). Глина сосуда пережжена до темно-темно-коричневого, с мелкими частицами слюды и редкими светлыми и темными включениями.

Выявлен в засыпи цистерны и фрагмент сковороды с плоским дном и небольшим подтреугольным в сечении венчиком с плоско срезанным краем (рис. 15,*14*). Глина темно-темно-коричневая, местами черная, рыхлая, с мелкими светлыми и темными включениями и частицами слюды.

Крышки, 4 фрагмента которых также выявлены в засыпи цистерны, имеют полусферическую форму и небольшую ручку-выступ, которой соответствует вогнутость на внутренней стороне (рис. 15,*16*). Такие крышки, хотя и редко встречаются в публикациях, скорее всего, были обычным предметом быта. Аналогичные были найдены, например, в заполнении рыбозасолочной цистерны 1, открытой в позднем помещении 3 в квартале ХБ Северного района города и засыпанной в рамках VII в. [20, с. 73–74, рис. 25,7,8].

СТЕКЛО

Стекло из засыпи цистерны представлено фрагментами типичных для ранневизантийских комплексов сосудов. Практически все сделаны из зеленоватого стекла с большим или меньшим количеством пузырьков. На поверхности – легко отслаивающийся радужно-серебристый слой или белесая пленка продуктов выветривания.

Рюмки. Доминируют в комплексе стеклянных изделий подставки рюмок с двойными стенками (11 экз.) (рис. 16,*1–11*). На подошве всех подножек имеется след от понтии в виде налепа или скола диаметром 0,7–1,2 см. Диаметр большинства подножек колеблется в пределах от 3,4 до 4,3 см. Ножки подставок эллиптические или цилиндрические.

Рюмки с подставками с двойными стенками, появившись в большинстве районов Средиземноморья только во второй половине V в., во второй половине VI в. становятся преобладающим типом и продолжают доминировать на протяжении всего VII в. Бытовали они до VIII в. в Иордании, Италии, Западном Средиземноморье и на Северном Кавказе. В Ятрусе известны их находки в слоях IX в. До IX в. включительно они использовались и в Юго-Западном Крыму [9, с. 154–158].

Лампады. Кроме того, в засыпи цистерны была найдена полая ножка лампады (рис. 16,*15*). На нижней поверхности дна – круглый скол от понтии, что свидетельствует о том, что край лампады был обработан путем вторичного нагревания. Стекло с легким зеленоватым оттенком с многочисленными светлыми сильно вытянутыми вертикальными эллиптическими пузырьками. Лампады этого типа имели широкое цилиндрическое или полусферическое тулово с выпуклым обработанным краем. Это один из самых распространенных во всех районах византийского мира типов осветительных приборов, поэтому нет смысла приводить перечень их находок, который грозит быть бесконечным. Не исключено, что производили такие лампады в херсонесской стеклоделательной мастерской, хотя и в значительно меньших количествах по сравнению с рюмками и оконным стеклом, которые составляли ее основную продукцию [8; 9, табл. 9][7]. В Херсонесе самый ранний комплекс, в котором выявле-

[7] Подробнее о других центрах производства этого типа лампад, их ареале и времени бытования см. [13, с. 276–279].

ны фрагменты лампады с узкой полой ножкой, датируется самым концом V в. В Риме самый ранний фрагмент донышка, возможно, принадлежавший подобной лампаде, также найден в слое конца V в. [147, p. 260]. Однако есть свидетельства их использования до V в., хотя и без ссылки на конкретные комплексы [98, fig. 15, Nos. 109, 139–140; 68, fig. 17–23, 513–524; 112, p. 233]. Пика бытования лампады с узкой полой ножкой достигают в VI–VII вв. В более поздних комплексах они встречаются значительно реже. В Херсонесе они также встречаются, хотя и редко, вплоть до XIII в. включительно [13, с. 278–279].

Трехручным лампадам, скорее всего, принадлежали две округлые вертикальные овальные в сечении ручки толщиной 0,5–0,6 см (рис. 16,*12,13*). Стекло с голубовато-зеленоватым оттенком, мутное, с многочисленными эллиптическими сильно вытянутыми светлыми пузырьками. Обе ручки сделаны путем наложения капли стекла на стенку сосуда, оттягивания из нее дрота, изгибания его и прикрепления несколько ниже или выше. Предполагается, что трехручные лампады на Ближнем Востоке появляются в конце IV в. [81, p. 205; 104, p. 162; 151, p. 202; 87, p. 85] или в первой половине V в. [126, p. 138]; приблизительно в это же время они появляются в других районах Средиземноморья. Однако следует отметить находку двух фрагментов лампад с ручками в комплексе 60-х гг. III в. в Пергаме [142, S. 91, Abb. 24, 25]. Популярны они были на протяжении всего средневековья и используются до настоящего времени [80, p. 405]. Трехручные лампады хорошо представлены по всему византийскому миру и за его пределами [подр. см.: 14]. В Херсонесе изготовленные таким образом ручки встречаются вплоть до XIII в. включительно [14, с. 366].

Судя по соотношению в комплексе фрагментов рюмок (подножек) и лампад, большая часть из 12 фрагментов стенок со слегка утолщающимся венчиком с выпуклым оплавленным краем принадлежала рюмкам, а отдельные экземпляры – лампадам (рис. 17). Диаметр венчиков колеблется от 9 до 11 см. Следует отметить, что такой тип венчиков безусловно доминирует в ранневизантийских комплексах Херсонеса. Остальные типы представлены единичными экземплярами. Так, один фрагмент в рассматриваемом комплексе принадлежал сосуду с округлым туловом и отогнутым наружу венчиком с загнутым вверх обрезанным и зашлифованным краем (рис. 16,*14*). Стекло с голубоватым оттенком, практически без пузырьков. Д. венчика – ок. 8 см; Т. венчика – 0,2 см; Т. стенок – 0,15 см. Сосуды с подобным венчиком делали с помощью выдувной трубки, но без использования понтии, т.е. после отшибания край либо хорошо шлифовали колесом уже после снятия сосуда с выдувной трубки, либо оставляли необработанным, либо слегка подшлифовали, когда сосуд был еще на выдувной трубке.

Сосуды с таким краем были характерны для IV–V вв. [9, с. 124]. Однако, по всей видимости, использовали их до VII в. включительно. Так, IV–VII вв. датируются кубки с цилиндрическими или сферическим туловом и отбитым краем из Сингирт Каясы [90, p. 223, fig. 2,2–6; 4,14–16]. В Градац/Салдуме в слое середины – конца VI в. найден конический кубок с отогнутым наружу венчиком с загнутым вверх отбитым краем. Очень похожие экземпляры известны по раскопкам в Болгарии, в Никополисе ад-Иструм они датируются IV–VI вв. Находки таких сосудов в слоях вплоть до VII в. известны и по раскопкам в Цезарее Маритиме [107, p. 381, fig. 138–139], Ольбе [91, lev. 1,1–2; 2,2–5]. Чаши с подобным краем и вогнутым или плоским дном выявлены в слоях, датируемых вплоть до начала VII в., на ряде памятников Сербии (Диана Караташ (Сербия), Градац/Салдум и Градина на горе Джелика) [118, p. 90, fig. 2, 5, 7, 9].

Сосуды, кубки и чаши, с обрезанным краем могли использовать и как сосуды для питья, и как осветительные приборы: сосуды с тщательно зашлифованным краем, скорее всего, использовались в качестве первых, сосуды с необработанным или слегка зашлифованным краем и часто с ручками служили для освещения и, скорее всего, в VI и VII вв. такие сосуды использовали именно в качестве лампад. Они известны, например, по раскопкам епископской базилики в Истрии, в частности, фрагменты таких лампад с ручками найдены в апсиде и трансепте храма [66, p. 222–223, 246, fig. 2,14,15,16; 4,52]. В качестве лампад использовали сосуды со сферическим туловом, тремя ручками и отогнутым наружу венчиком с загнутым вверх обрезанным краем, найденные в слоях VII в. в Элеуса Себаста [96, p. 296, fig. 4,3] и т.д.

Бутыли. После рюмок и лампад бутыли в византийский период относились к числу наиболее популярных стеклянных сосудов. Например, на боспорском некрополе позднеантичного и раннесредневекового времени они составляют наибольшую группу стеклянной посуды [27, с. 49]. Их подробную классификацию, в основу которой были положены морфологические признаки (форма тулова, оформление верхней части горла и края), была разработана Н. П. Засецкой на материалах боспорского некрополя [26; 27, с. 49].

В рассматриваемом комплексе выявлены три фрагмента бутылей со слегка расширяющимся кверху горлом и выпуклым оплавленным краем (рис. 16,*16–18*). Судя по направлению стенок верхней части тулова, сохранившегося на двух фрагментах, сосуды, которым они принадлежали, имели округлое тулово (тип I по Засецкой) и по совокупности морфологических признаков относятся к виду 5 по Засецкой, для которого характерно узкое высокое горло, слегка расширенное в верхней части [27, с. 51]. Среди колбообразных сосудов из комплексов Боспора второй половины V – начала VII в. бутыли этого вида представлены наибольшим количеством экземпляров [27, с. 60].

Один из сосудов украшен тонкой нитью стекла того же цвета, что и весь сосуд, спиралевидно напаянной на верхней половине горла (рис. 16,*16*). Стекло с зеленоватым оттенком и многочисленными светлыми мелкими круглыми и вертикальными сильно вытянутыми эллиптическими пузырьками. Д. венчика – 2,87 см; Д. горла у основания – 2,1 см; Д. горла в самой узкой его части – 1,8 см.

Колбообразные сосуды, декорированные спиралевидно напаянной нитью стекла, в Северном Причерноморье встречаются крайне редко [9, с. 142–145]. Судя по известным нам аналогиям, такой вид декорирования более характерен для левантийского региона, где в V–VII вв. также были широко распространены колбообразные сосуды с высоким цилиндрическим, часто слегка расширяющимся кверху горлом, среди которых много экземпляров со спиралевидно напаянной нитью на горле. Многочисленные находки таких сосудов известны по раскопкам в Сардах [139, p. 82–83], Хирбет аль-Карак [84, pl. 60,6], Джераше [139, p. 82–83], Тверии [57, p. 180, fig. 11,2,12], Кесарии [107, p. 386, fig. 214–216], Бет-Йерахе [84, pl. 59,3]. В Бет-Шане, Пелле, Хаммат Гадере, Гиппос-Суссите и др. такие бутыли находят в слоях до Омейядского времени включительно [99, pl. 12,223–231; 13,243–246,259–260; 97, p. 120–121, fig. 2,7; 77, p. 26, fig. 2B,1–10; 157, p. 348–349, fig. 12.1,16–17]. Цвет нити часто отличается от цвета стекла самого сосуда. Встречаются нити зеленовато-желтого, желтовато-коричневого, оливково-зеленоватого, синего, марганцевого, бирюзового цвета, хотя доминирующего цвета нет, за исключением памятников Ливана, где преобладают сосуды, декорированные нитями синего стекла [94, p. 266; 95, p. 224, pl. 17,3; 96, p. 295, fig. 3,3–4 и т.д.].

Выявлен лишь один фрагмент бутыли с воронковидным завершением цилиндрического горла (рис. 16,*20*). Слишком незначительный фрагмент не дает возможности воспользоваться классификацией И. П. Засецкой. Можно лишь отметить небольшую глубину воронки, которая, по-видимому, составляла около 1,8 см. Бутыли с воронковидным завершением цилиндрического горла (тип Dussart BX [87, p. 18–19, 128–158]) были широко распространены по всему византийскому миру в позднеримское, ранневизантийское и более позднее время. Их находят практически на каждом византийском памятнике, поэтому перечислять их не имеет смысла.

Скорее всего, обнаруженные в комплексе вогнутые донья относятся именно к колбообразным сосудам (рис. 16,*22–24*). В засыпи представлены фрагменты конических в сечении доньев (4 фрагмента диаметром ок. 3, 4 и 5 см) и вогнутых сферических в сечении (2 фрагмента диаметром ок. 3,2 и 6 см). Стекло всех фрагментов зеленоватое естественное окрашенное, с многочисленными светлыми пузырьками.

К редко встречающимся типам стеклянных сосудов относятся фрагмент довольно толстостенной бутыли с цилиндрическим горлом и отогнутым довольно массивным валикообразным венчиком с загнутым внутрь краем (рис. 16,*19*) и фрагмент закрытого сосуда с широким цилиндрическим горлом с отогнутым наружу краем (рис. 16,*21*).

Оконное стекло. Кроме того, в цистерне были найдены фрагменты оконных прямоугольных стекол (всего 46, из них 12 фрагментов краев) (рис. 18), в том числе с выпуклым утолщенным (6), косо срезанным (5) или валикообразным (1) краем из полупрозрачного зе-

леноватого с многочисленными мелкими круглыми и сильно вытянутыми вдоль края эллиптическими светлыми пузырьками. На поверхности стекол – радужно-серебристый, легко отслаивающийся слой продуктов выветривания. Толщина стекол колеблется от 0,05 до 0,5 см (наибольшее количество принадлежит стеклам толщиной 0,1–0,25 см – 36 фрагментов), толщина края – от 0,25 до 0,45 см. Надо отметить, что ранневизантийские комплексы Херсонеса, как правило, содержат большое количество фрагментов оконного стекла [20, рис. 53; 22, с. 82, рис. 17 и т.д.].

Браслеты. К числу редких находок в ранневизантийских комплексах относится фрагмент круглого в сечении браслета из почти непрозрачного синего (?) стекла с плотным белым слоем продуктов выветривания на поверхности. Д. дрота – 0,45 см. Д. браслета – 5 см. Взлет популярности стеклянных браслетов приходится на XI–XIII вв. [15, с. 254], однако появляются они еще во втором тысячелетии до н.э., хотя в Восточном Средиземноморье встречаются чрезвычайно редко вплоть до середины III в. н.э. [146, p. 60], когда большую популярность приобретают браслеты из гагата и обсидиана, и стеклянные браслеты, которые поначалу делали преимущественно из «черного»[8] стекла, призваны были их имитировать [146, p. 51–52]. Круглые в сечении простые неорнаментированные браслеты известны по раскопкам в Александрии Троадской, где в слоях римского и византийского периодов находят браслеты из черно-оливкового, желто-зеленого или красно-коричневого стекла, а в ранневизантийский период там получают распространение недекорированные браслеты из светло-голубого или кобальтового стекла [141, S. 74, Abb. 55–59]. В Пергаме неорнаментированные браслеты, главным образом, из черно-оливкового, а также коричневого, зеленого и желтого стекла бытовали с римского до поздневизантийского времени, а голубые или кобальтовые, вероятно, вошли в моду только в V–VII вв., то есть в ранневизантийский период [142, S. 96]. При раскопках церковного комплекса в Тиане в слоях IV–V вв. было найдено значительное количество монохромных неорнаментированных браслетов [159, p. 186, 193]. Серия простых круглых в сечении браслетов римского и византийского времени происходит из раскопок в Коринфе [83, p. 262–264, nos. 2138–2141, 2143–2145]. Временем после III в. датируются найденные в Фессалониках круглые и полукруглые в сечении браслеты, выполненные из кажущегося «черным» стекла в обеих, шовной и бесшовной, техниках [58, p. 331]. В Константинополе большое количество простых круглых и D-образных в сечении браслетов, датируемых V–VIII вв., было найдено в ходе раскопок в районах Сиркеджи (Sirkeci) и Йеникапы (Yenikapı, квартал в совр. Стамбуле) [79, p. 19, fig. 16–17; 61, p. 19, fig. 69]. Этот список можно продолжить, но подробнее о находках браслетов см. [16]. Естественно, что в это время стеклянные браслеты в каком-то количестве поступали и в Причерноморье [7, с. 183–185; 16, с. 253].

ИЗДЕЛИЯ ИЗ КОСТИ[9]

Костяные изделия из цистерны представлены двумя находками довольно хорошей сохранности. Первый (из 1 слоя засыпи цистерны) – втульчатый наконечник стрелы (рис. 19,*2*). Он имеет круглое сечение и сводчатую форму головки, втулка внутренняя. Сырьем послужил рог светло-желтого цвета. Длина наконечника – 3,5 см; Д. основания – 1 см. Подобные образцы представлены в колчанных наборах скифской архаики Северного Причерноморья [32, с. 10, 19, 23, 25, табл. 1,Б,28–30; 1,В,10,11; 6,А,6; О,16,17]. Однако бытовали такие наконечники и в более позднее время, и исследователи отмечают их широкие хронологические рамки [31, с. 87, табл. 22,1–2; 25,22–23; 49, с. 47 рис. 10,6–22].

Морфология второго костяного изделия (рис. 19,*3*), очертаниями напоминающего черешковый наконечник стрелы, заставляет усомниться в его интерпретации, как элемента стрелкового оружия. Узкий по сравнению с широким треугольным «пером» черешок, асимметрия и плоская поверхность одной из сторон изделия, нехарактерная для оружия рельефность «пера» из пяти продольных, сужающихся к острию бордюров, заставляют задуматься о принадлежности изделия к костяным декоративным элементам деревянных предметов (саркофага, шкатулки и пр.).

[8] На самом деле стекло только кажется черным из-за интенсивности красителя.

[9] Авторы признательны Алексею Николаевичу Ворошилову, предоставившему подробную консультацию по выявленным в комплексе костяным изделиям.

***

Изучение материала из заполнения многочисленных цистерн и колодцев ранневизантийского Херсонеса показало, что особой логики или системы, которой бы следовали те, кто занимался их засыпкой, нет [9; 11; 19; 20; 22]. Об этом свидетельствует разное процентное соотношение разных групп керамики, в том числе хронологических, даже в рядом расположенных комплексах: в одних содержится значительное количество материала, который явно бытовал в более раннее время, т.е. хронологически не соответствует времени засыпи цистерны, в других – такого материала меньше. Поэтому уверенно определить, какая часть материала выпала из употребления непосредственно перед тем, как попасть в засыпь, чрезвычайно трудно, если вообще возможно.

По-разному представлены в херсонесских комплексах и одновременно бытовавшие типы керамики. Так, в комплексах VII в. доминирующие типы амфор, круглодонные желобчатые амфоры Opaiţ B-Id и LRA1, в одном комплексе составляют, соответственно, 30,1% и 14% [22, с. 57, 58], а в рассматриваемом – 17,29% и 23,94%. Разные цифры дает и статистика по другим типам амфор. Тем не менее, полная публикация таких комплексов необходима, поскольку самый поздний материал из их заполнения дает возможность определить с большей или меньшей точностью время засыпи и таким образом восстановить историю застройки городской территории, что, в свою очередь, дает возможность проследить изменения структуры городской экономики. Кроме того, представленная в таких публикациях информация дает общее представление о соотношении разных групп керамики, привезенных из разных регионов и, таким образом, дает возможность реконструировать основные направления торговых связей.

Публикуемая цистерна, судя по присутствию в ее заполнении амфоры типа 8 по херсонесской классификации 1971 года и шаровидной амфоры, засыпана была в рамках VII в. Обращает на себя внимание абсолютное доминирование в комплексе краснолаковой керамики посуды формы 3F группы «Фокейская краснолаковая» и отсутствие в нем поздних ее типов, которые, как правило, служат маркером VII в.

Представленный материал демонстрирует вовлеченность Херсонеса в систему средиземноморско-причерноморской торговли, включающей различные центры как Средиземноморья вплоть до Палестины, так и Причерноморья, преимущественно его южное и юго-восточное побережье.

Рис. 1. План Херсонеса с обозначением места расположения цистерны 2

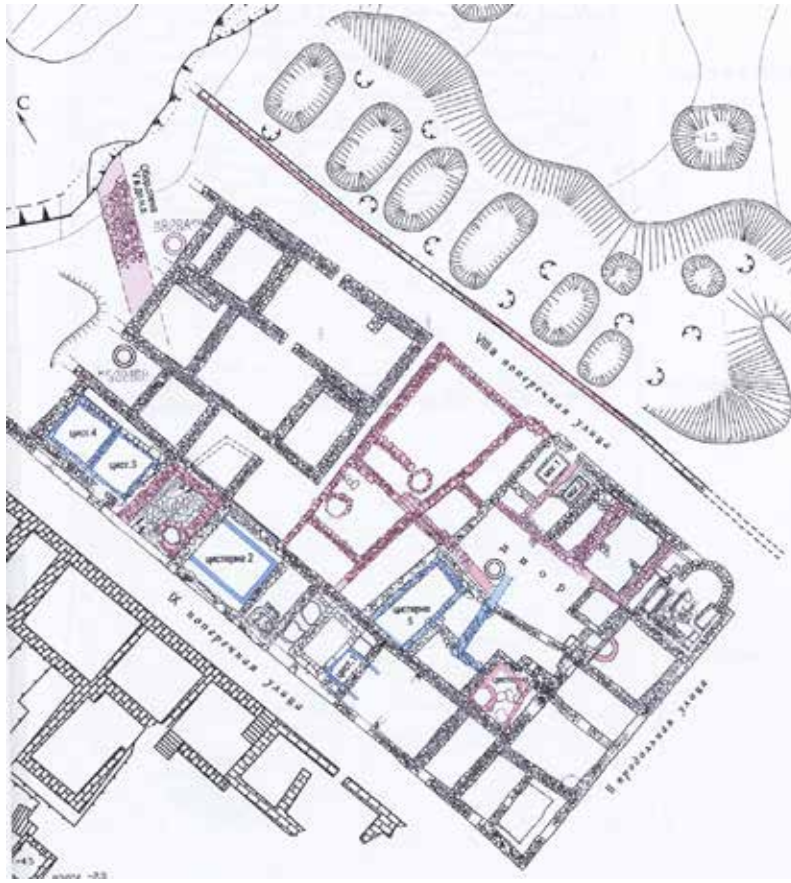


Рис. 2. План квартала IX

Рис. 3. Цистерна 2 в квартале IX

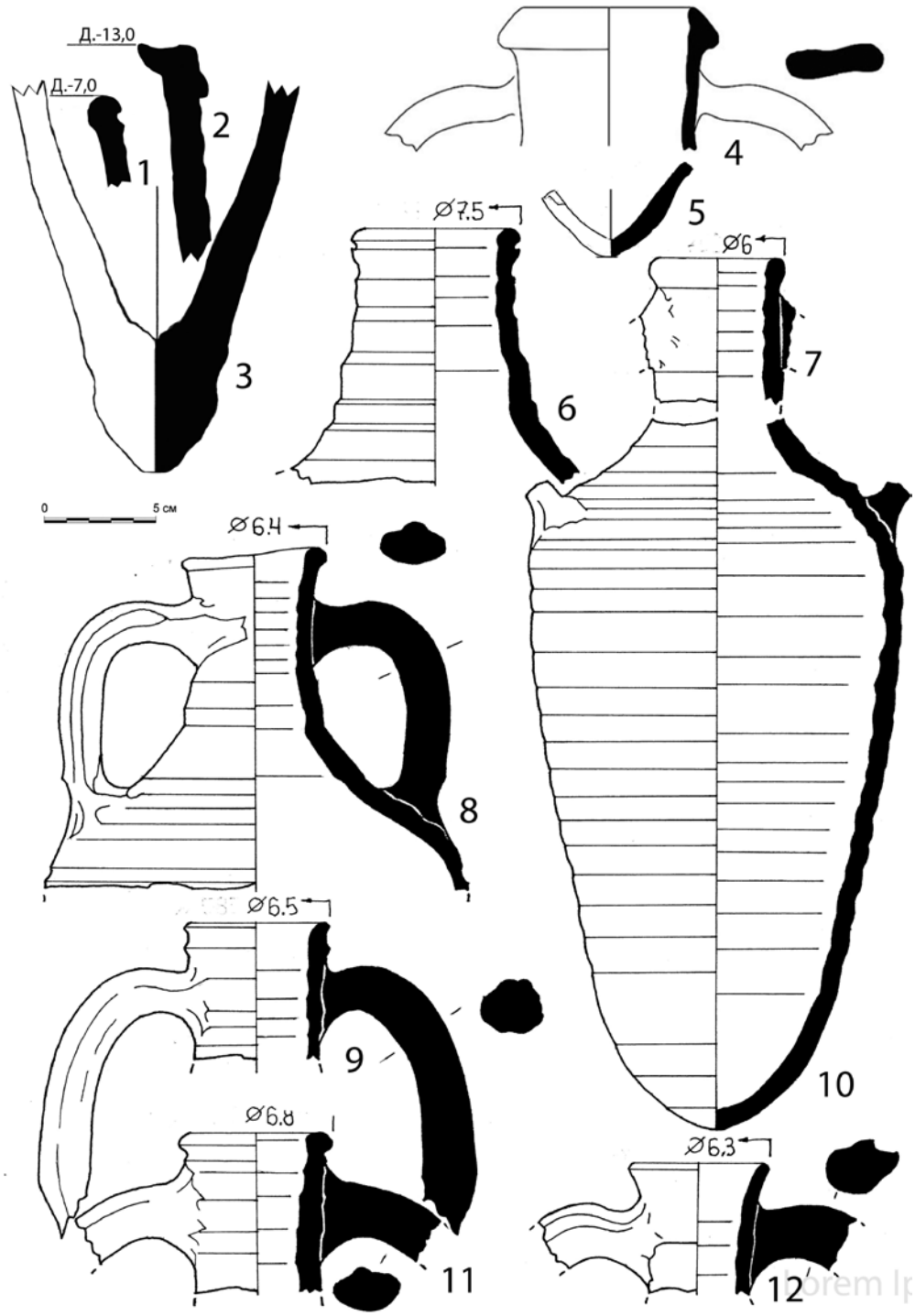


Рис. 4. Амфоры из засыпи цистерны 2: *1–3* – амфоры группы C Snp; *4–5* – коричневоглиняные ранневизантийские амфоры с перехватом; *6–12* – круглодонные желобчатые амфоры типа Opaiţ B-Id

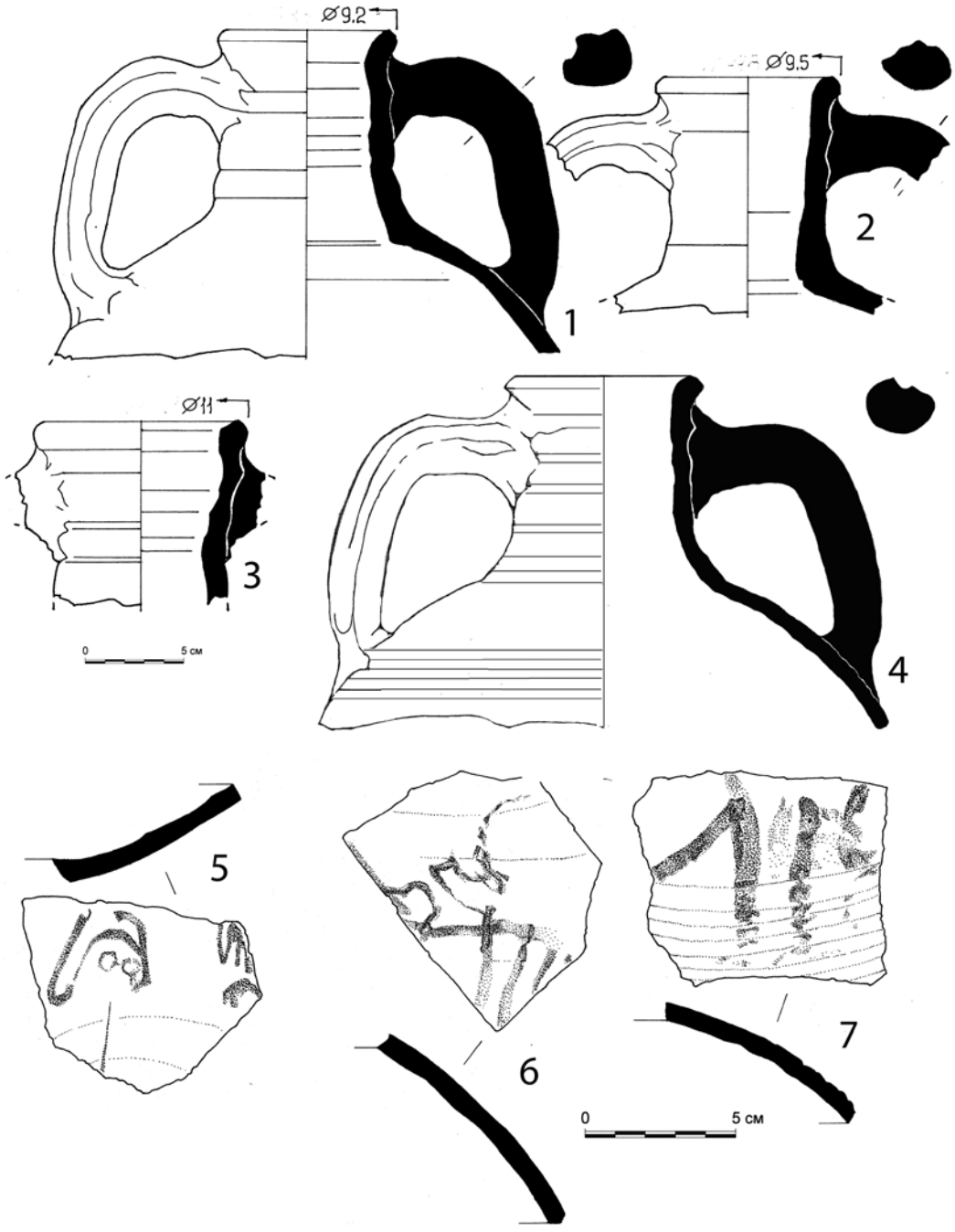


Рис. 5. Амфоры типа LR1 из засыпи цистерны 2

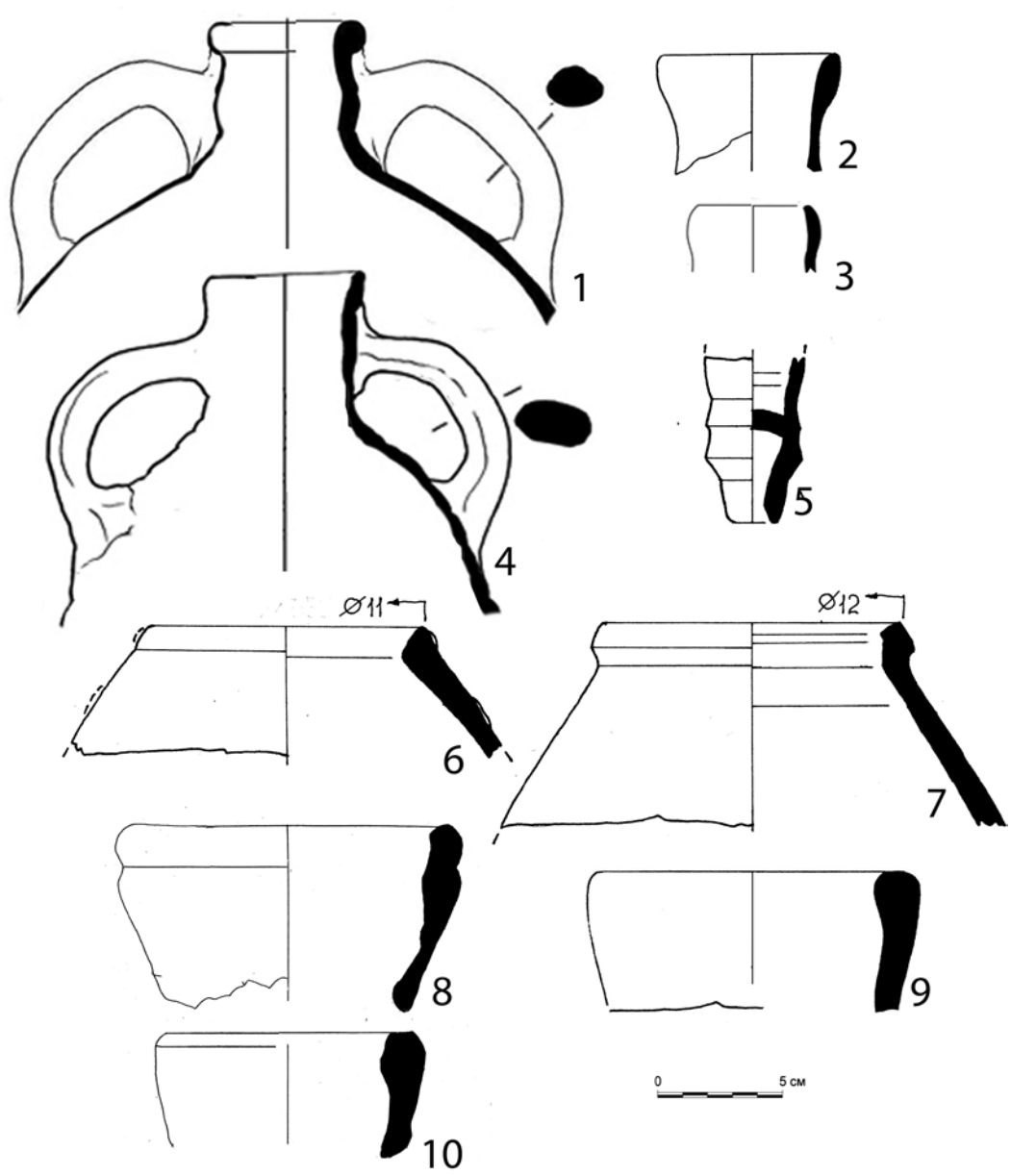


Рис. 6. Амфоры из засыпи цистерны 2: *1–4* – амфоры критского производства; *5* – амфора типа LR3; *6–7* – амфоры типа Газа; *8–10* – амфоры типа LR2

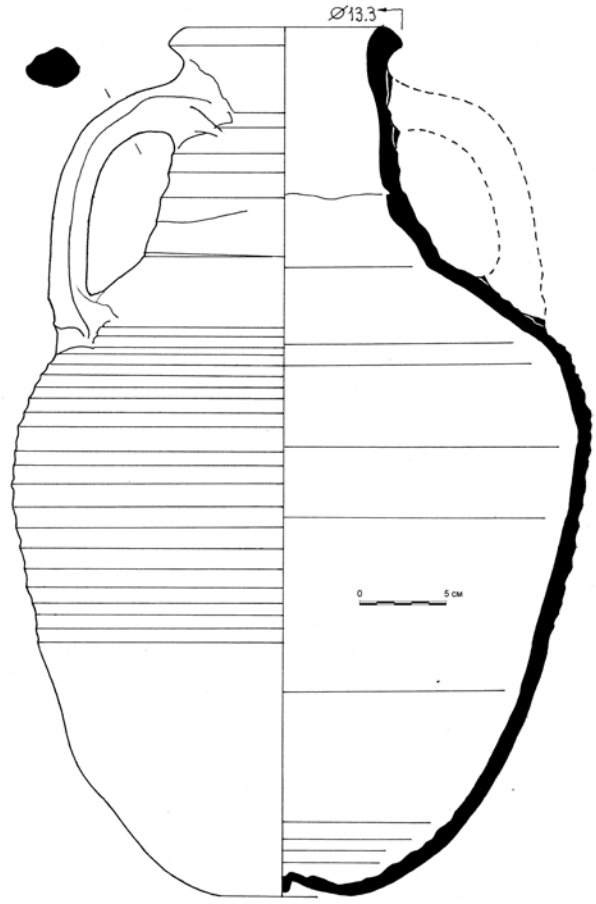


Рис. 7. Амфора типа VIII по херсонесской классификации 1971 года из засыпи цистерны 2

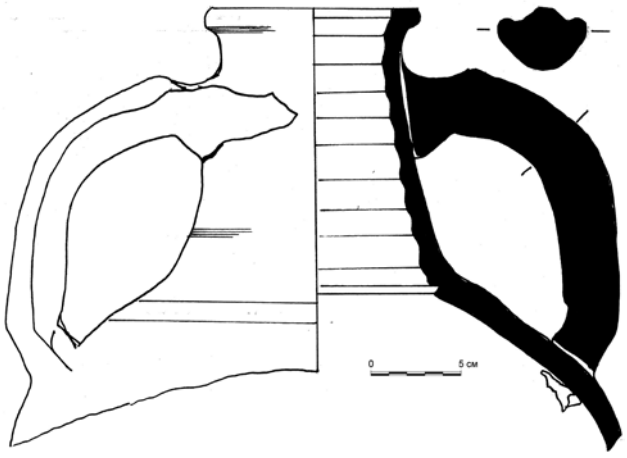


Рис. 8. Шаровидная амфора из засыпи цистерны 2

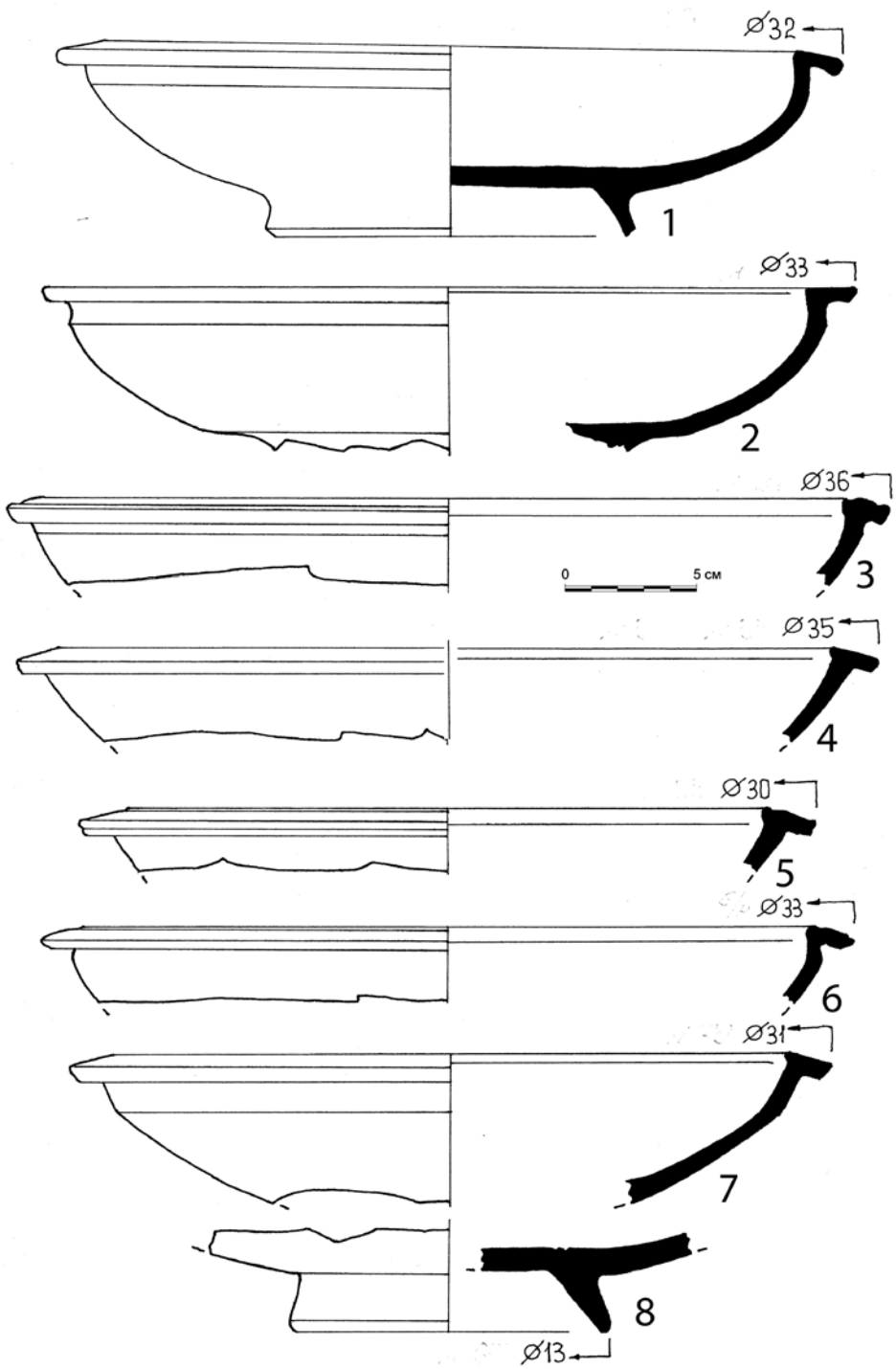


Рис. 9. Блюда группы «Позднеримская понтийская лощеная керамика» из засыпи цистерны 2

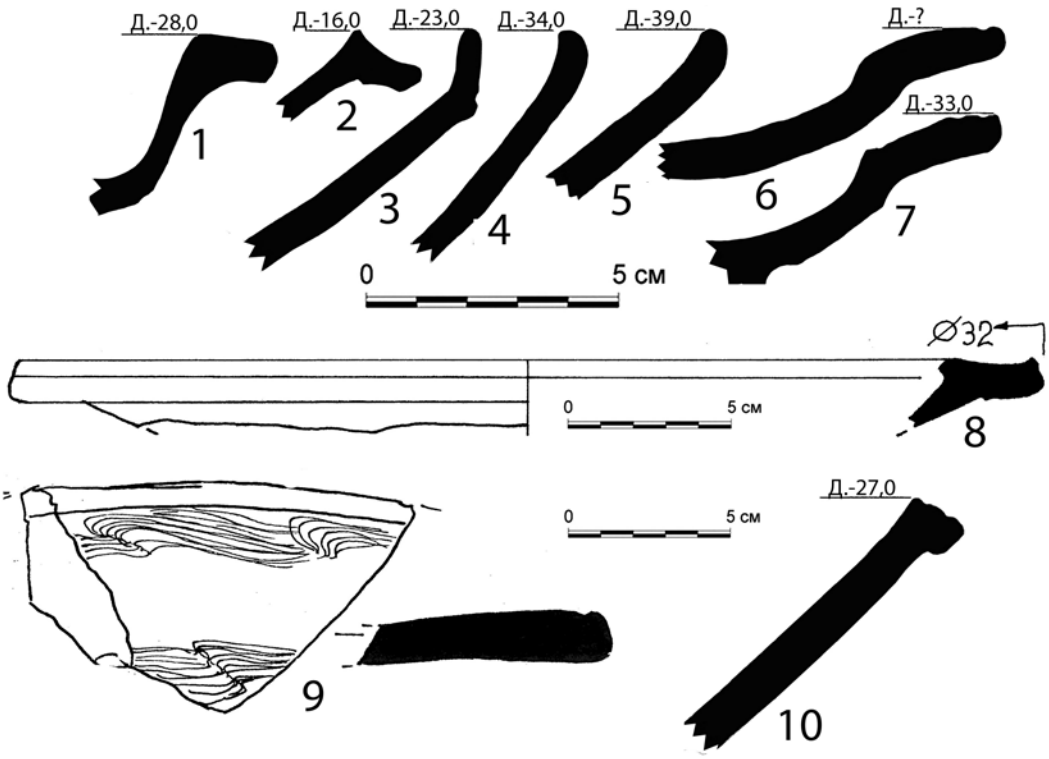


Рис. 10. Посуда группы «Понтийская краснолаковая» из засыпи цистерны 2

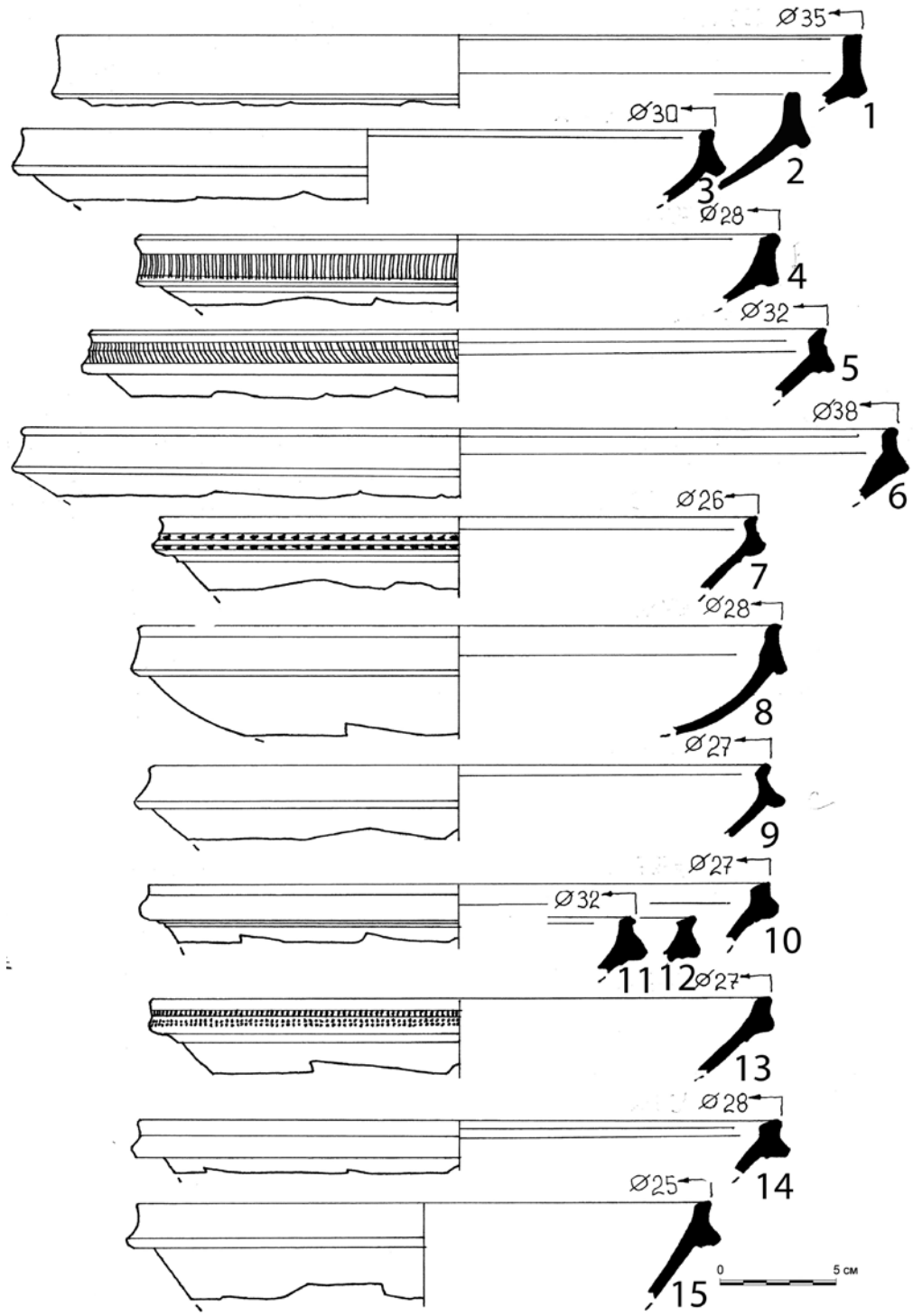


Рис. 11. Миски формы 3 группы «Фокейская краснолаковая» из засыпи цистерны 2

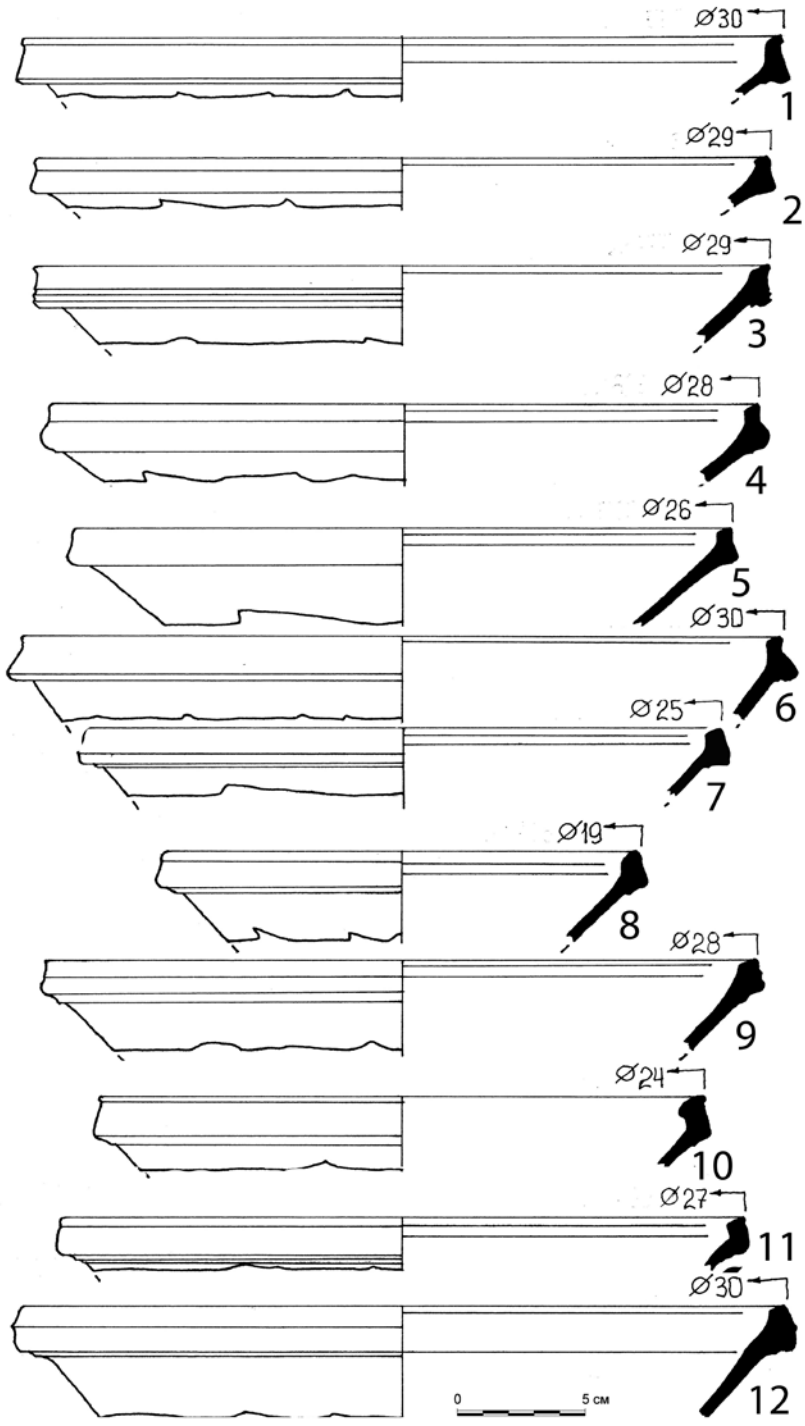


Рис. 12. Миски формы 3 группы «Фокейская краснолаковая» из засыпи цистерны 2

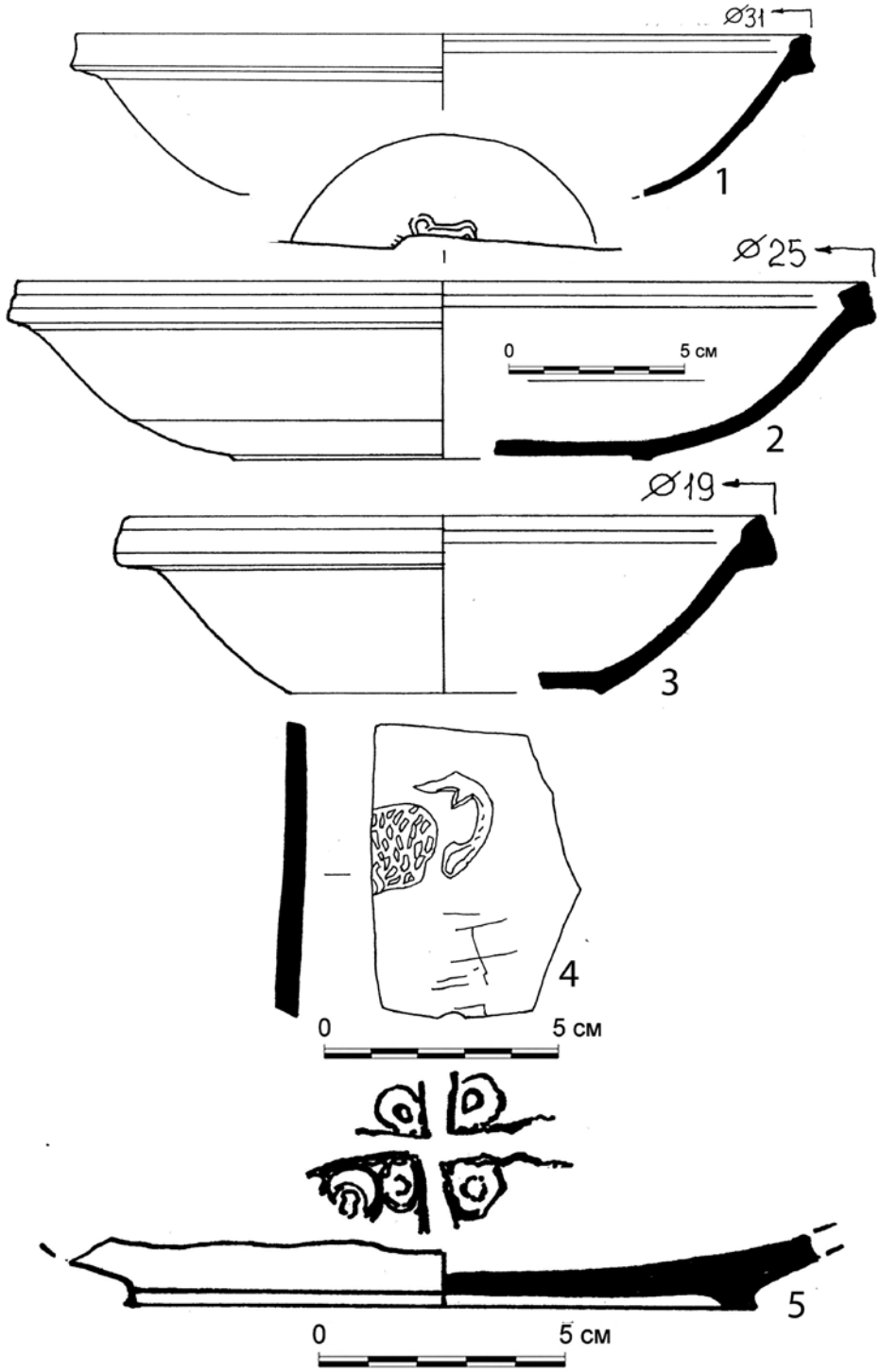


Рис. 13. Миски формы 3 группы «Фокейская краснолаковая» из засыпи цистерны 2

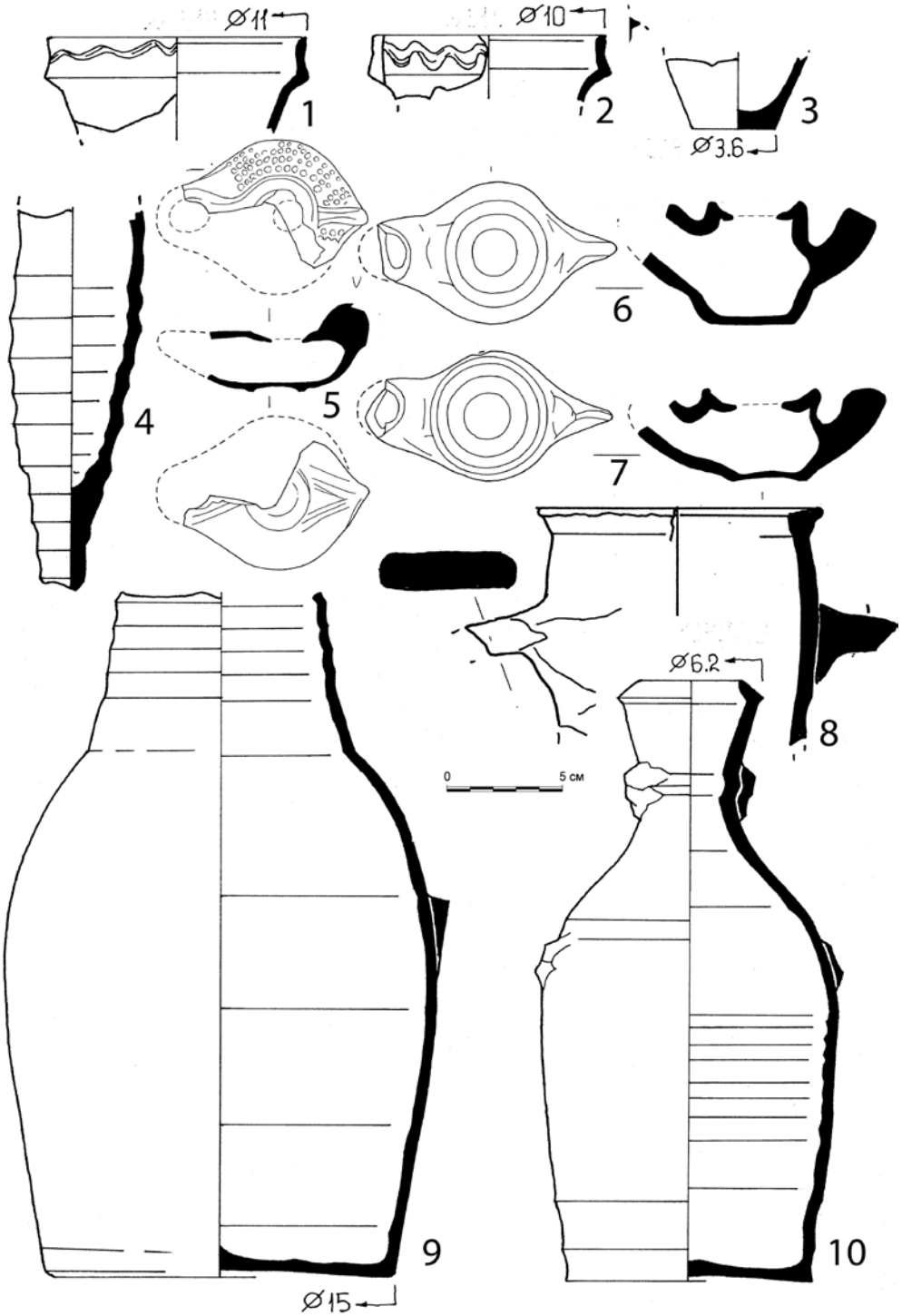


Рис. 14. Керамика из засыпи цистерны 2: *1–3* – конические кубки; *4* – амфориск; *5–7* – светильники; *8–10* – кувшины

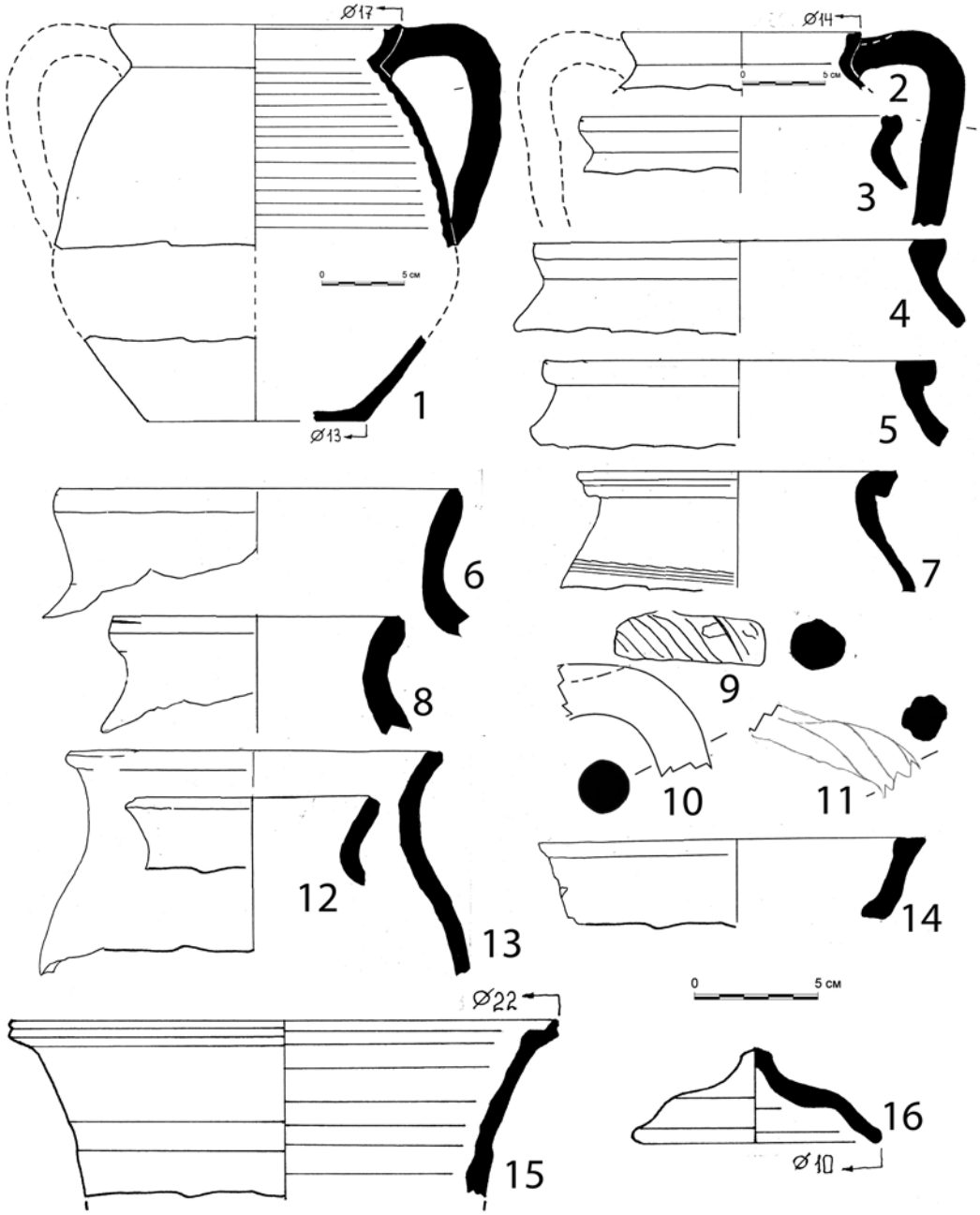


Рис. 15. Кухонная посуда из засыпи цистерны 2

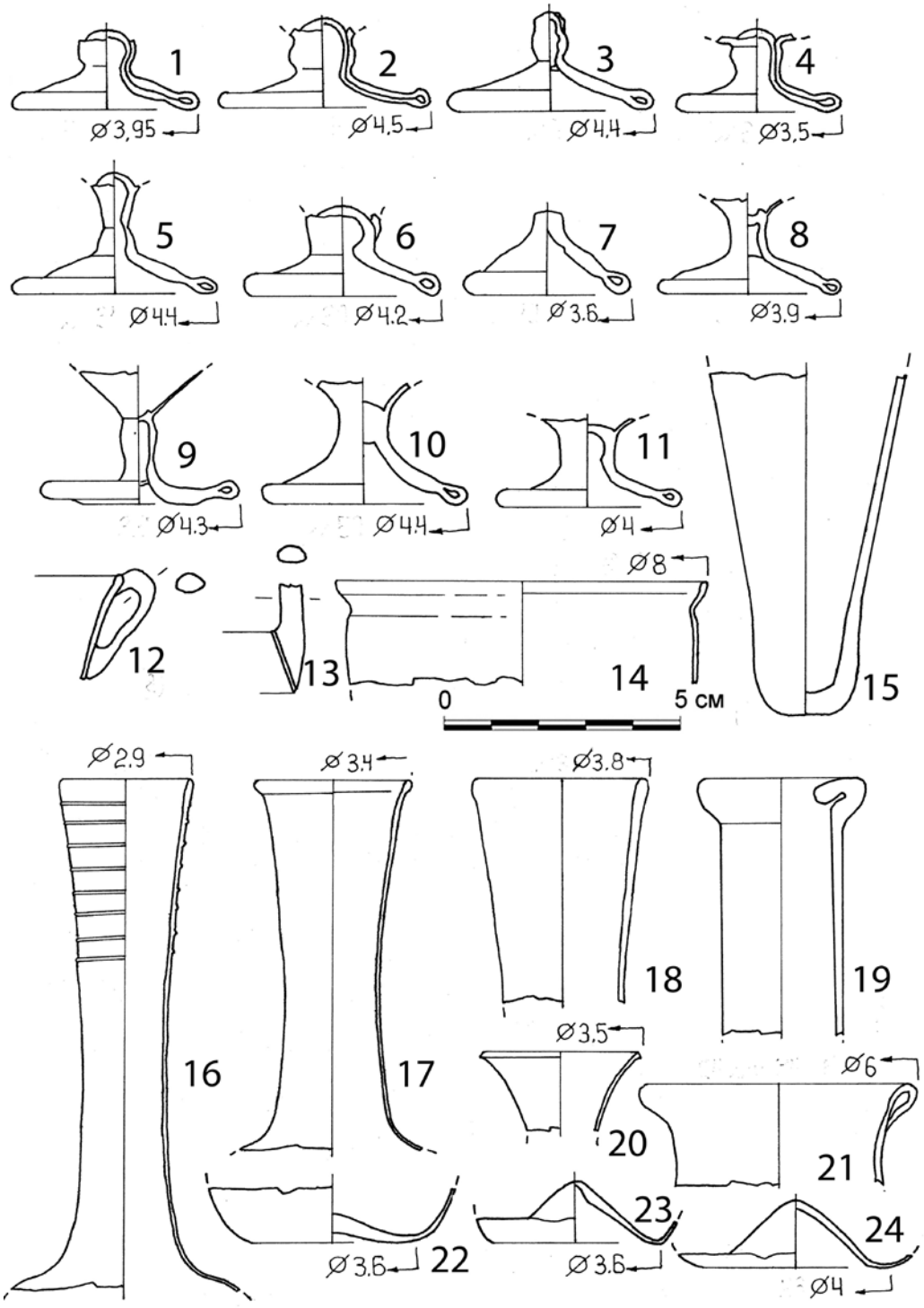


Рис. 16. Стекло из засыпи цистерны 2

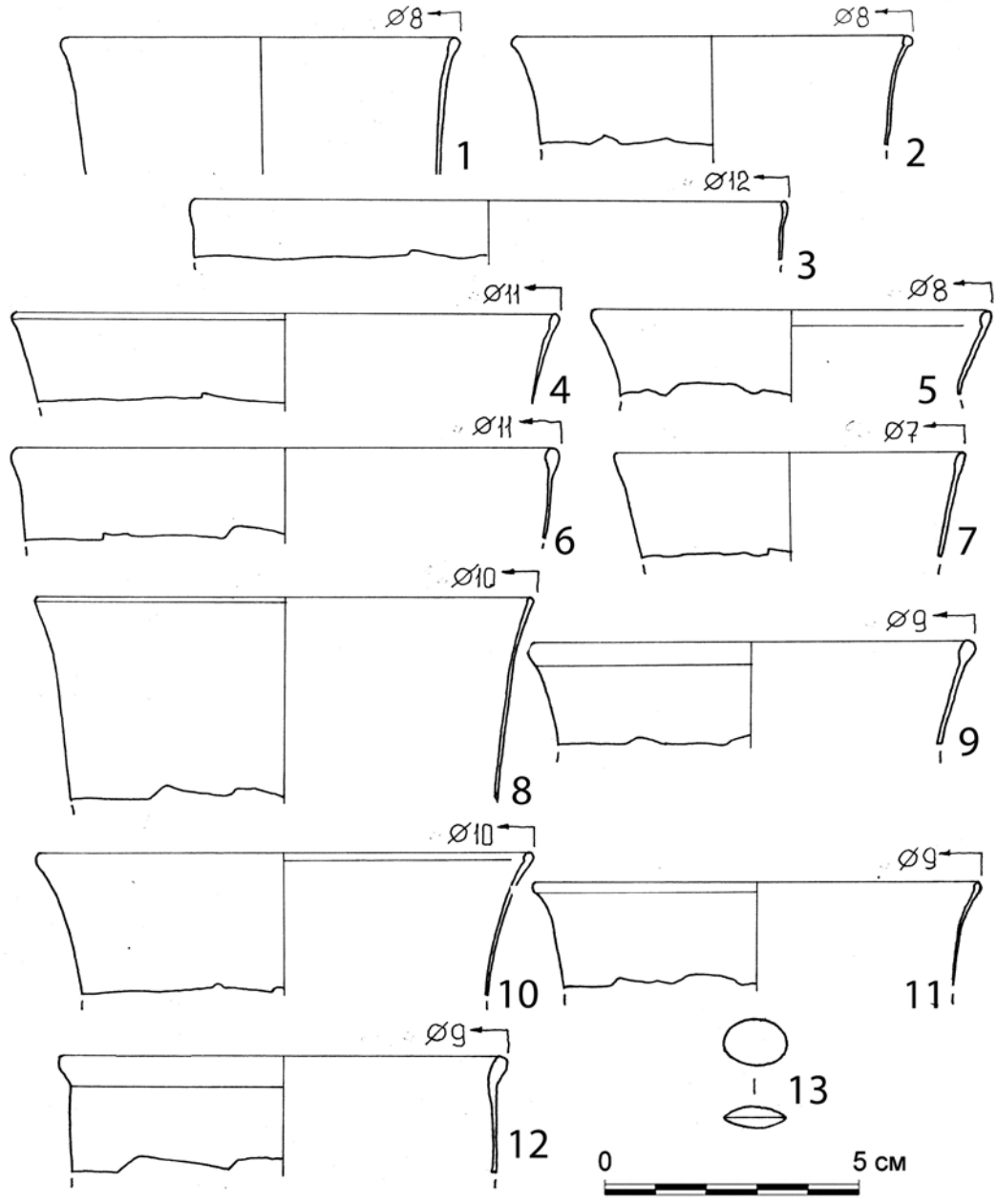


Рис. 17. Стекло из засыпи цистерны 2

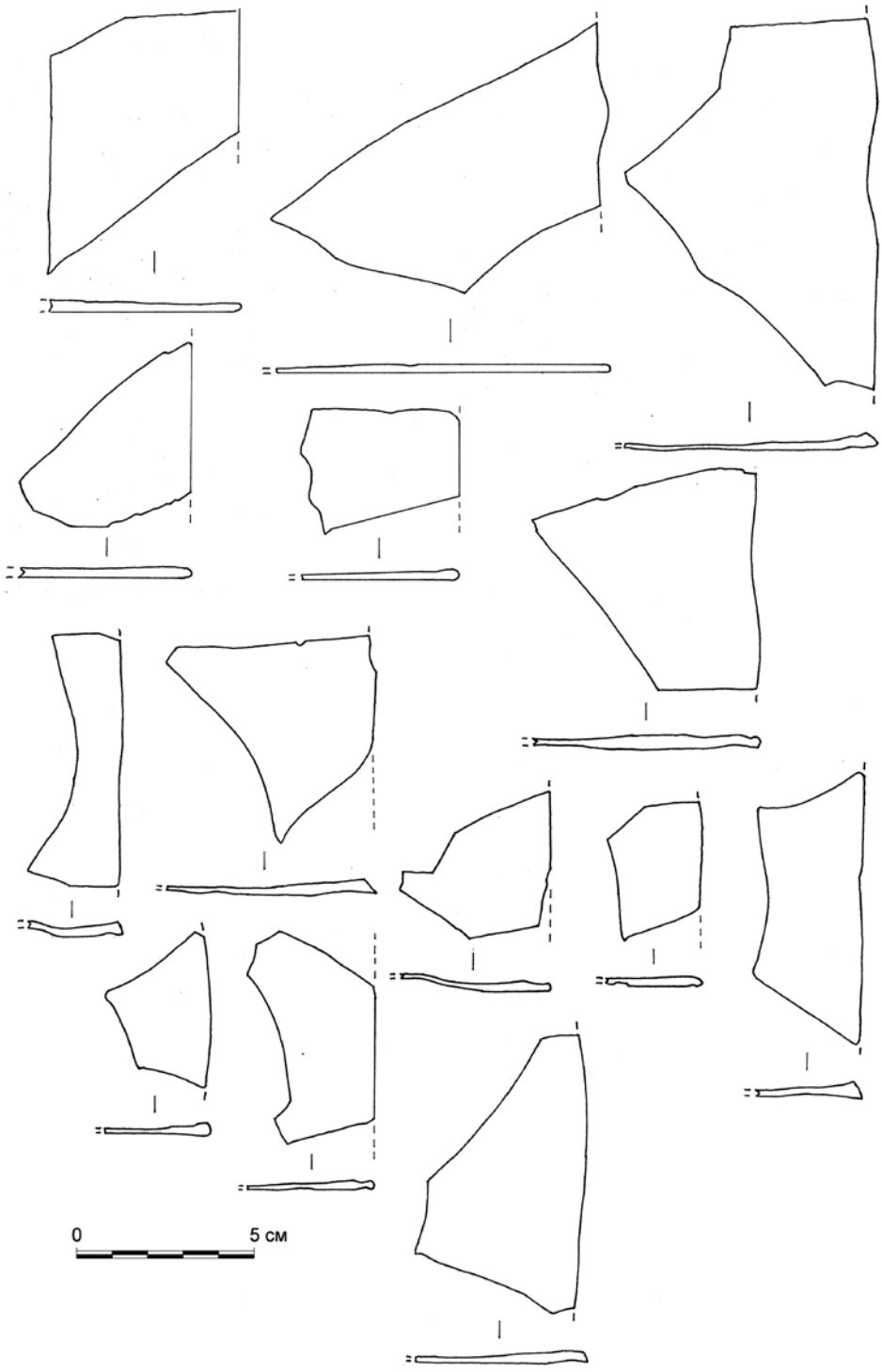


Рис. 18. Оконное стекло из засыпи цистерны 2

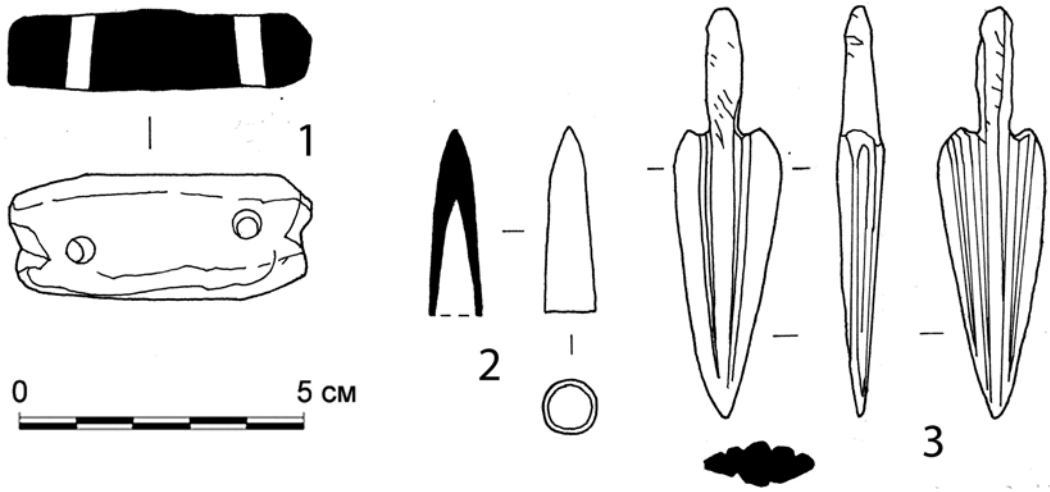


Рис. 19. Грузило (1) и костяные изделия (2–3) из засыпи цистерны 2

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. I. С. 3–86, 175–241.
2. Андреева О.А., Рыжов С.Г. Археологический материал из засыпи колодца в IX-А квартале Херсонеса (раскопки 2015 года) // ХСб. 2022. Вып. XXIII. С. 60–86.
3. Антонова И.А., Даниленко В.Н., Ивашута Л.П., Кадеев В.И., Романчук А.И. Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 81–101.
4. Белов Г.Д. Отчет о раскопках Херсонеса за 1935–36 гг. Симферополь: Гос. изд-во Крым. АССР, 1938. 349 с.
5. Внуков С.Ю. Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. (морфология). М.: ИА РАН, 2003. 235 с.
6. Внуков С.Ю. Амфорное производство на территории Абхазии в эпоху эллинизма и римское время // РА. 2012. № 4. С. 5–15.
7. Голофаст Л.А. Стеклянные браслеты III–IV вв. из раскопок Херсонеса // ХСб. 1996. Вып. VII. С. 183–185.
8. Голофаст Л.А. К вопросу о стеклоделии в ранневизантийском Херсонесе // МАИЭТ. 1998. Вып. VI. С. 312–326.
9. Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII. С. 96–260.
10. Голофаст Л.А. Штампы V–VII вв. на посуде группы «Фокейской краснолаковой» из раскопок Херсонесского городища // МАИЭТ. 2002. Вып. IX. С. 135–216.
11. Голофаст Л.А. Западный район Херсонеса в ранневизантийское время // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII. С. 68–128.
12. Голофаст Л.А. Керамика Иерихона позднеантичного и средневекового периодов (V–XV вв.). Справочник-определитель. М.: Индрик, 2020. 160 с.
13. Голофаст Л.А. Стеклянные лампады из раскопок средневековых слоев Херсонеса // МАИЭТ. 2022. Вып. XXVII. С. 263–309.
14. Голофаст Л.А. Стеклянные лампады с ручками из раскопок Херсонеса // МАИЭТ. 2023. Вып. XXVIII. С. 364–386.
15. Голофаст Л.А., Клемешова М.Е. Новые находки сероглиняных изделий группы «Позднеримская понтийская лощеная» из Фанагории и Херсонеса и некоторые сведения о ее происхождении // Imperium et Barbaricum: взаимодействие цивилизаций. Сборник статей в честь 70-летия Михаила Казанского / Ред. А.И. Айбабин, Э.А. Хайрединова. Симферополь, 2023. С. 52–63.
16. Голофаст Л.А., Мастыкова А.В. Стеклянные браслеты из средневековых погребений в Горзувитах (Южный берег Крыма // МАИЭТ. 2020. Вып. XXV. С. 244–266.
17. Голофаст Л.А., Ольховский С.В. Комплекс керамики из подводного фундамента в акватории Фанагории // Материалы по археологии и истории Фанагории 2 / Ред. А.А. Завойкин. М., 2016. С. 46–82. (Фанагория 4).
18. Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Комплекс ранневизантийского времени из раскопок квартала Х-Б в Северном районе Херсонеса // ПИФК. 2000. Вып. IX. С. 78–117.

19. Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX) // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII. С. 363–411.
20. Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы X, X-А и X-Б) // МАИЭТ. 2013. Вып. XVIII. С. 49–161.
21. Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. К вопросу о происхождении посуды группы «Понтийской позднеримской лощеной» // ПИФК. 2018. Вып. III. С. 47–59.
22. Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Комплекс 7 в. из Херсонеса // Hyranis: Труды отдела классической археологии ИА РАН. Т. 5 / Ред. В.Д. Кузнецов. М.: ИА РАН, 2023. С. 51–91.
23. Домжальский К., Журавлев Д.В. Фрагменты понтийской позднеримской лощеной керамики с христианской символикой из Херсонеса // РА. 2013. № 2. С. 137–143.
24. Домжальский К., Журавлев Д.В. Сосуды Позднеримской понтийской лощеной керамики с врезным орнаментом с Боспора и из Херсонеса // Древности Боспора. 2022. Вып. 27. С. 29–47.
25. Домжальский К., Смокотина А.В. Позднеримская и ранневизантийская краснолаковая керамика Тиритаки // МАИЭТ. 2020. Вып. XXV. С. 188–223.
26. Засецкая И.П. Хронология стеклянных колбообразных сосудов из боспорского некрополя позднеантичного и раннесредневекового периодов // Боспорские исследования. 2005. Вып. X. С. 90–131.
27. Засецкая И.П. Стеклянная посуда некрополя Боспора второй половины IV – рубежа VI–VII вв. н.э. (из собрания Государственного Эрмитажа) // Боспорские исследования. 2008. Вып. XX. С. 90–131.
28. Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 180 с. (МИА. № 83).
29. Кленина Е.Ю. Некоторые аспекты экономической жизни в Новах (Мезия II) (V–VI века) // Biernacki A.B., Klenina E.Ju., Genčeva E. The Bishoprick of Novar (Moesia Secunda), 4th–6th Cent. History, Architecture, Daily Life. Vol. II. Daily Life. Poznań, 2013. С. 75–116.
30. Кузманов Г. Ранновизантийска керамика от Тракия и Дакия (IV – началато на VII вв.). София, 1985. (Разкопки и проучвания XIII).
31. Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (Лук и стрелы, самострел). VIII–XIV вв. М.: Наука, 1966. 184 с. (САИ. Вып. Е1-36).
32. Мелюкова А.И. Вооружение скифов. М.: Наука, 1964. 91 с., 23 табл. (САИ. Вып. Д1-4).
33. ОАК за 1892 год. СПб., 1894.
34. Романчук А.И. Комплекс VII в. из Портового района Херсонеса // АДСВ. 1973. Вып. 10. С. 246–250.
35. Романчук А.И. Слои VII–VIII вв. н. э. в Портовом районе Херсонеса // АДСВ. 1975. Вып. 11. С. 3–13.
36. Романчук А.И., Белова О.Р. К проблеме городской культуры раннесредневекового Херсонеса // АДСВ. 1987. Вып. 23. С. 52–68.
37. Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсонеса. Екатеринбург, 1995. 173 с.
38. Рыжов С.Г. Оборонительная стена V в. до н. э. в Северном районе Херсонеса // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII. С. 20–30.
39. Рыжов С.Г. Рыбозасолочный комплекс римского времени в Северном районе Херсонеса // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII. С. 86–93.
40. Сазанов А.В. Керамические комплексы Северного Причерноморья второй половины IV–V вв. // ПИФК. 1999. Вып. VII. С. 224–293.
41. Сазанов А.В., Мокроусов С.В. Поселение Золотое Восточное в бухте (Восточный Крым): опыт исследования стратиграфии ранневизантийского времени // ПИФК. 1996. Вып. III. С. 88–107.
42. Семенов-Зусер С.А. Рыбный рынок в Херсонесе // ВДИ. 1947. № 2. С. 237–246.
43. Смокотина А.В. Керамический комплекс второй половины VI в. из раскопок г. Боспора // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV. С. 103–144.
44. Смокотина А.В. Импорт товаров в амфорах и краснолаковой керамики на Боспор в конце IV – первой половине VII вв. // Stratum plus. 2018. № 4. С. 263–279.
45. Смокотина А.В. Ранневизантийские критские амфоры в городах Боспоре и Тиритаке // МАИЭТ. 2019. Вып. XXIV. С. 160–172.
46. Смокотина А.В. Амфоры позднеримского и ранневизантийского времени // Зинько В.Н., Зинько А.В., Пономарев Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Т. III. Археологические комплексы второй половины III – VII вв. Симферополь, Керчь, 2020. С. 509–618.
47. Сокольский Н.И. Ильичевское городище // СА. 1966. № 4. С. 125–140.
48. Ушаков С.В., Дюженко Т.В., Струкова Е.В. Исследование засыпи колодца ранневизантийского времени в северо-восточном районе Херсоне (квартал XCVII, помещение 4) // Древняя и средневековая Таврика. Сборник статей, посвященный юбилею Е.А. Паршиной. Киев, 2015. С. 108–156. (Археологический альманах. Вып. 33).
49. Флерова В.Е. Резная кость юго-востока Европы IX–XII веков: искусство и ремесло (по материалам Саркела – Белой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа. СПб.: Алетейя, 2001. 256 с.
50. Цетлин Ю.Б. Керамика. Понятия и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2017. 346 с.
51. Цецхладзе Г.Р. Производство амфорной тары в Колхиде // Греческие амфоры. Проблемы развития ремесла и торговли в античном мире / Ред. В.И. Кац, С.Ю. Монахов. Саратов, 1992. С. 90–109.

52. Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.: Наука, 1979. 164 с.
53. Яшаева Т.Ю., Голофаст Л.А., Денисова Е.А., Моисеев Д.А. Раннехристианский пещерный комплекс на юго-восточном некрополе Херсонеса // Археология античного и средневекового города. Сборник статей в честь С.Г. Рыжова / Отв. ред. В. В. Майко. Севастополь, 2018. С. 333–362.
54. Abadie-Reynal C., Sodini J.-P. La céramique paléochrétienne de Thasos (Aliki, Deikos, fouilles anciennes). Paris, 1992. (Études Thasiennes XIII).
55. Alfen van P.G. New Light on the 7th-Century Yassi Ada Shipwreck: Capacities and Standard Sizes of LRA1 Amphoras // Journal of Roman Archaeology. 1996. Vol. 9. P. 198–213.
56. Amari S. A Late Roman Amphorae Production in Eastern Sicily // SOMA 2005. Preccedings of the IX Symposium on Mediterranean Archaeology, Chieti (Italy), 24–26 February 2005 / Eds. O. Menozzi, M.L. Di Marzio, D. Fossataro. Oxford, 2008. P. 473–479. (BAR IS, 1739).
57. Amitai-Preiss N. Glass and Metal Finds // Y. Hirschfeld, R. Amir et al. Excavations at Tiberias, 1989–1994. Israel Antiquities Authority, 2004. P. 177–190.
58. Antonaras A. The Use of Glass in Byzantine Jewellery – the Evidence from Northern Greece (4th–16th Centuries) // Annales du 16e Congrès de l'Association Internationale pour l'Histoire du Verre (London 2003). Nottingham, 2003. P. 331–334.
59. Arnon Y.D. Caesarea Maritima, the Late Periods (700–1291 CE). Oxford, 2008. (BAR IS, 1771).
60. Arnon Y.D. Ceramic Assemblages from the Byzantine/Early Islamic Bath // Caesarea Reports and Studies. Excavations 1995–2007 within the Old City and the Ancient Harbor / Eds. K.G. Holum, J.A. Stabler, E.G. Reinhardt. Oxford, 2008. P. 85–103. (BAR IS, 1784)
61. Atic Ş. Late Roman / Early Byzantine Rescue Excavations at Yenikapi in Istanbul // Late Antique – Early Byzantine Glass in the Eastern Mediterranean / Ed. E. Lafli. Izmir, 2009. P. 1–19.
62. Autret C., Yagci R., Rauh N.K. An LRA 1 Amphora Kiln Site at Soli/Pompeiopolis // ANMED: News of Archaeology from Anatolia's Mediterranean Areas. 2010. Vol. 8. P. 203–207.
63. Avni G., Dahari U. Christian Burial Caves from the Byzantine Period at Luzit // Christian archaeology in the Holy Land, New Discoveries: Essays in Honour of Virgilio C. Corbo / Eds. G.C. Bottini, L. Di Segni, E. Alliata. Jerusalem, 1990. P. 301–314. (Studium Biblicum Franciscanum. Collectio Maior, 36).
64. Baily D.M. A Catalogue of the Lamps in the British Museum. Vol. III. Roman Provincial Lamps. London, 1988.
65. Băjenaru C. Some Rare Late Roman Fine Wares Discovered in the Central Sector of the Late Roman City at Histria // Histria. Histoire et archéologie en Mer Noire. Volume dédié au centenaire des recherches archéologiques a Histria Pontique. Constanța, 2014. P. 239–247. (Pontica, XLVII, Suppl. III).
66. Băjenaru C., Bâltâc A. Histria – basilica episcopală. Catalogul descoperirilor de sticlă (1884–2000) // Pontica. 2006. Vol. 36. P. 219–247.
67. Bass G.F. The Pottery // Yassi Ada. A Seventh Century Byzantine Shipwreck / Eds. G.F. Bass, F.H. van Doorninck. Texas, 1982. P. 155–188.
68. Baur P.V.C. Glasware // Gerasa-City of Decapolis / Ed. C.H. Kraeling. New Haven, Connecticut, 1938. P. 505–546.
69. Bezeczky T. Late Roman Amphorae from the Ephesos Agora // Spätantike und mittelalterliche Keramik aus Ephesos / Hrsg. F. Krinzinger. Wien, 2005. S. 203–223. (Archäologische Forschungen, 13).
70. Bezeczky T. The Amphorae of Roman Ephesus. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2013. (Forschungen in Ephesos, 15/1).
71. Biernacki A.B., Klenina E.Yu. Amphorae of the 4th–6th Centuries AD from Novae (Moesia Secunda): Typology and Chronology // PER TERRAM, PER MARE. Seaborne Trade and the Distribution of Roman Amphorae in the Mediterranean / Ed. S. Demesticha. Uppsala, 2015. P. 99–120.
72. Blakely J.A. Ceramics and Commerce: Amphorae from Caesarea Maritima // Bulletin of the American Schools of Oriental Research. 1988. Vol. 271. P. 31–50.
73. Boardman J., Hayes J.W. Excavations at Tocra, 1963–1965: the Arcbaic Deposits II and Later Deposits. London, 1973. (British School at Athens, Supplementary Volume 10).
74. Bonifay M., Pieri D. Amphores du Ve au VIIe s. à Marseille: nouvelles données sur la typologie et le contenu // Journal of Roman Archaeology. 1995. Vol. 8. P. 94–120.
75. Bonifay M., Villedieu F. Importation d'amphores orientales en Gaul (Ve–VIIe siècle) // Recherches sur la céramique Byzantine / Eds. V. Déroche, J.-M. Spieser. Paris, 1989. P. 17–46. (BCH, Suppl. XVIII).
76. Böttger B. Die Gefasskeramik aus dem Kastell Iatrus // Iatrus-Krivina. Bd. II. Spatantike Befestigung und fruhmittelalterliche Siedlung an der unteren Donau. Ergebnisse und Ausgrabungen 1966–1973 / Hrsg. B. Bottger et al. Berlin, 1982. S. 33–148.
77. Burdajewicz M. Glass Finds in Archaeological Context. A Case Study of Hippos (Sussita) // Étude et travaux. Studia i prace. Warszawa, 2011. XXIV. P. 21–40.
78. Burragato F., Nezza M., Ferrazzoli A. F., Ricci M. Late Roman 1 Amphorae Types Produced at Elaiussas/ Sebaste // LRCW2. Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean. Archaeology and Archaeometry / Eds. M. Bonifay, J.-C. Tréglia. Oxford, 2007. P. 689–700. (BAR IS, 1662/II).

79. Canav Özgümüş Ü. Late Roman / Early Byzantine Glass from the Marmaray Rescue Excavations at Sirkeci, Istanbul // Late Antique – Early Byzantine Glass in the Eastern Mediterranean / Ed. E. Lafli. Izmir, 2009. P. 17–24.
80. Crowfoot G.M. Glass // Crowfoot J.W. et al. Samaria-Sebaste. Vol. 3: The objects from Samaria. London, 1957. P. 403–422.
81. Crowfoot G.M., Harden D.B. Early Byzantine and Later Glass Lamps // The Journal of Egyptian Archaeology. 1931. XVII. P. 196–208.
82. Curta F. The Making of the Slavs: History and Archaeology of the Lower Danube Region c. 500–700. Cambridge, 2001. 483 p.
83. Davidson G.R. Corinth XII. The Minor Objects. Princeton: The American School of Classical Studies at Athens, 1952. 366 p.
84. Delougaz P., Haines R.C. A Byzantine Church at Khirbat al-Karak. Chicago, 1960.
85. Domżalski K. Pontic Red Slip Ware. Typology, Chronology and Distribution of a Major Group of Late Roman Fine Pottery in the Black Sea Region. Warsaw, 2021. 221 p. (Bibliotheca Antiqua, XXV).
86. Doorninck van F.H. The Seventh-Century Byzantine Ship at Yassiada and Her Final Voyage: Present Thoughts // Maritime Studies in the Wake of the Byzantine Shipwreck at Yassiada, Turkey / Eds. D.N. Carlson, J. Leidwanger, S.M. Kampbell. Texas, 2015. P. 205–216.
87. Dussart O. Le Verre en Jordanie et en Syrie du Sud. Institut Francais d'Archeologie du Proche-Orient, Beyrouth – Damas – Amman. Beyrouth, 1998. 336 p. (Bibliotheque Archeologique et Historique, CLII).
88. Empereur J.-Y, Picon M. Les régions de production d'amphores impériales en Méditerranée orientale // Amphores romaines et histoire économique. Dix ans de recherche. Actes du colloque de Sienne (22–24 mai 1986). Rome, 1989. P. 223–248. (Publications de l'École française de Rome, 114).
89. Ergürer H.E. Late Roman Light Coloured Ware from Parion // Late Hellenistic to Mediaeval Fine Wares of the Aegean Coast of Anatolia. Their Production, Imitation and Use / Ed. H. Meyza. Varsovie, 2014. P. 175–191.
90. Erol A.F., Tamer D., Koçak E.A. The Roman and Byzantine Glass Finds from Ordu / Fasta Cingirt Kayasi Excavations // ΣΕΒΑΣΤΗ. Studies in honour of Eugenia Equini Schneider / Eds. A. Polosa, H.A. Kızılarslanoğlu, M. Oral. Istanbul, 2019. P. 219–234.
91. Erten E., Akkuş Koçak E. Glass Lamps from Olba Excavations // Seleucia. 2018. Vol. 8. P. 117–141.
92. Fedoseev N.F., Domzalski K., Opaiţ A., Kulikov A.V. Post-Justinian Pottery Deposit from Pantikapaion-Bosporos: Rescue Excavations at 12, Teatral'naja Str. in Kerch, 2006 // Archeologia. 2010. Vol. 61. P. 63–94.
93. Fernández A. El comercio tardoantiguo (ss. IV–VI) en el noroeste peninsular a través del registro cerámico de la Ría de Vigo. Oxford, 2014. (Roman and Late Antique Mediterranean Pottery, 5).
94. Foy D. Un atelier de verrier à Beyrouth // Syria. 2000. Vol. 77. P. 239–290.
95. Gatier P.-L. et al. Études sur le mobilier et l'artisanat: les verres de la campagne de 2008–2009 // Mission archéologique de Tyr – Rapport Préliminaire 2008–2009. Bulletin d'Archéologie et d'Architecture Libanaises. 2010. Vol. 14. P. 221–233.
96. Gençler Güray Ç. Early Byzantine Glass Finds from Elaiussa Sebaste (Mersin-Ayaş) // Annales du 18e Congres de L'Association International pour l'Histoire du Verre / Eds. D. Ignatiadou, A. Antonaras. Eylül, 2009. P. 292–299.
97. Gorin-Rosen Y., Katsnelson N. The Glass Vessels from the Pools of 'Ein el-Jarab, Ḥammat Gader // 'Atiqot. 2022. Vol. 107. P. 111–141.
98. Gürler B., Lafı E. Middle and Late Roman Glass from the Agora of Smyrna from the Excavation Seasons 1997 and 2002–2003 // Glass in Byzantium – Production, Usage, Analyses / Ed. J. Drauschke, D. Keller. Mainz on Rhine: Römisch-Germanisches Zentralmuseum, 2010. P. 121–144.
99. Hadad S. Islamic Glass Vessels from the Hebrew University Excavations at Bet Shean. Jerusalem, 2005. (Qedem Reports, 8).
100. Hayes J.W. Late Roman Pottery. London, 1972.
101. Hayes J.W. Pottery: Stratified Groups and Typology // Excavations in Carthage, 1975, Conducted by the University of Michigan I / Ed. J.H. Humphrey. Tuondonnis, 1976. P. 47–123.
102. Hayes J.W. Excavations at Sarachane in Istanbul. Vol. 2. The Pottery. Princeton, 1992.
103. Hayes J.W. Introduction. The Study of Roman Pottery in the Mediterranean: 23 Years after Late Roman Pottery // Ceramica in Italia: VI–VII secolo. Atti del Convegno in onore di John W. Hayes (Roma, 11–13 maggio 1995) / Ed. L. Sagui. Firenze, 1998. P. 9–21.
104. Isings C. Roman Glass from Dated Finds. Groningen, 1957. 185 p.
105. Isler H.P. Heraion von Samos: Eine Fruhbyzantinische zisterne // Mitteilungen des Deutschen archaologischen Instituts. Athenische Abteilung. 1969. Bd. 84. S. 202–230.
106. Israel Y. Ashqelon // Excavations and Surveys in Israel. 1995. Vol. 13. P. 106–107.
107. Israeli Y. The Glass Vessels // Patrich J. Archaeological Excavations at Caesarea Maritima, Areas CC, KK and NN. Final Reports I: The Objects. Jerusalem, 2008. P. 367–418.

108. Karagiorgou O. LR2: a Container for the Military Annona on the Danubian Border? // Economy and Exchange in the East Mediterranean during Late Antiquity. Proceedings of a Conference at Somerville College. Oxford, 29th May, 1999 / Eds. S. Kingsley, M. Decker. Oxford, 2001. P. 129–166.
109. Karagiorgou O. Mapping Trade by the Amphora // Byzantine Trade, 4th–12th Centuries: the Archaeology of Local, Regional and International Exchange. Papers of the Thirty-eighth Spring Symposium of Byzantine Studies, St John's College, University of Oxford, March 2004 / Ed. M. Mandel Mango. Ashgate, Farnham, 2009. P. 37–58.
110. Kassab Tezgör D. Typologie des amphores sinopéennes entre les IIe–IIIe s. et le VIe s. ap. J.-C. // Les fouilles et le materiel de l'atelier amphorique de Demirci prés de Sinope / Ed. D. Kassab Tezgör. Paris, 2010. P. 121–140.
111. Kassab Tezgör D., Lemaitre S., Peiri D. La collection d'amphores d'Ismaïl Karakan a Sinop // Anatolia Antiqua. 2003. XI. P. 169–200.
112. Kasapoğlu B.E. Parion Theatre Glass Findings // Roman Theatre of Parion. Excavations, Architecture and Finds from 2006–2015 Campaigns / Eds. C. Başaran, H. Ertuğ Ergürer. Çanakkale, 2018. P. 227–236. (Parion Studies, I).
113. Keay S.J. Late Roman Amphorae in the Western Mediterranean: a Typology and Economic Study: the Catalan Evidence. Pt. 1. Oxford, 1984. (BAR IS, 196).
114. Khalvashi M. Roman Amphorae from Gonio-Apsarus // PATABS I. Production and Trade of Amphorae in the Black Sea / Eds. D. Kassab Tezgör, N. Inaishvili. Paris, 2009. P. 33–34. (Varia Anatolica, XXI).
115. Killebrew A.E. Roman and Byzantine Pottery // Deir el-Balah: Excavations in 1977–1982 in the Cemetery and Settlement. Vol. II. The Finds / Eds. T. Dothan, B. Brandl. Jerusalem, 2010. P. 163–170. (Qedem, 50).
116. Klenina E. Table and Cooking Pottery of the IV–VI A.D. from the Excavations of the Episcopal Residence in Novae // Der Limes an der unteren Donau von Diokletian bis Hareklios. Internationalen Konferenz. Svištov, Bulgarien (1.–5. September 1998) / Hrsg. G. von Bülow, A. Milčeva. Sofia, 1999. P. 87–93.
117. Klenina E. Trade Relations between the Mediterranean and the Black Sea Region in the 3rd–6th Centuries A.D. in the Light of Ceramic Artifacts // LRCW3. Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean Archaeology and Archaeometry. Comparison between Western and Eastern Mediterranean / Eds. S. Menchelli, S. Santoro, M. Pasquinucci, G. Guiducci. Oxford, 2010. P. 1005–1014. (BAR IS, 2185/II)
118. Križanac M. Early Byzantine Glass in the Territory of Serbia and Kosovo // Journal of Glass Studies. 2016. Vol. 58. P. 87–103.
119. Levine L.I., Netzer E. Excavations at Caesarea Maritima. 1975, 1976, 1979. Final Report. Jerusalem, 1986. (Quedem. Monographs of the Institute of Archaeology the Herbrew University of Jerusalem, 21).
120. Majcherek G. Gazan Amphorae: Typology Reconsidered // Hellenistic and Roman Pottery in the Eastern Mediterranean – Advances in Scientific Studies / Eds. H. Meyza, J. Młynarczyk. Warsaw, 1995. P. 163–177.
121. Metaxas S. Frühbyzantinische Ampullen und Amphoriskoi aus Ephesos // Spätantike und mittelalterliche Keramik aus Ephesos / Hrsg. Fr. Krinzinger. Wien, 2005. P. 67–123.
122. Opaiţ A. Aspecte ale Vieţii Economice din Provincia Scythia (secolete IV–VI p. Ch.). Producţia ceramicii locale şi de import. Bucureşti, 1996.
123. Opaiţ A. Local and Imported Ceramics in the Roman Provinces of Scythia (4th–6th centuries AD). Aspects of Economic Life in the Province of Scythia. Oxford, 2004. (BAR IS, 1274).
124. Oren-Pascal M. Amphoras from the Abandonment Layer in the Area LL (L 1242, 1335) // Caesarea Reports and Studies. Excavations 1995–2007 within the Old City and the Ancient Harbor / Eds. K.G. Holum, J.A. Stabler, E.G. Reinhardt. Oxford, 2008. P. 49–58. (BAR IS 1784).
125. Paraschiv D. Roman and Roman-Byzantine Amphorae in the Lower Danube Region (Ist–VIIth Centuries AD). Iaşi, 2006.
126. Patrich J. The Glass Vessels // Tsafrir Y. et al. Excavations at Rehovot-in-the-Negev. Volume I: The Northern Church. Jerusalem: Hebrew University, 1988. P. 134–141. (Qedem, 25).
127. Peacock O.P.S., Williams D.F. Amphorae and the Roman Economy. New York, 1986.
128. Pieri D. Le commerce du vin oriental à l'époque Byzantine (Ve–VIIe siécles). Le témoignage des amphores en Gaule. Beyrouth, 2005.
129. Portale E.C., Romeo I. Le anfore locali di Gortina ellenistica e romana // Rei Cretariae Romanae Fautorum Acta. 2000. Vol. 36. P. 417–426.
130. Portale E.C., Romeo I. Contenitori da trasporto // Gortina V, 3. Lo scavo del Pretorio (1989–1995). T. 1. I materiali / Ed. A. Di Vita. Padova, 2001. P. 260–410. (Monografie della Scuola Archeologica Italiana di Atene e delle missioni italiane in Oriente, XII).
131. Poulou-Papadimitriou N., Didioumi S. Nouvelles données sur la production de l'atelier céramique protobyzantin à Kardamaina (Cos-Gréce) // LRCW 3. Late Roman Coarse Ware, Cooking Ware and Amphorae in the Mediterranean / S. Menchelli, S. Santoro, M. Pasquinucci, G. Guiducci (Eds.). Oxford, 2010. P. 741–749. (BAR IS, 2185/II).
132. Poulou-Papadimitriou N., Nodarou E. La céramique protobyzantine de Pseira: la production locale et les importations, étude typologique et pétrographique // LRCW 2. Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and

Amphorae in the Mediterranean. Archaeology and Archaeometry / Eds. M. Bonifay, J.Ch. Trégila. Oxford, 2007. P. 755–766. (BAR IS, 1662).
133. Reynolds P. Trade in the Western Mediterranean, A. D. 400–700: the Ceramic Evidence. Oxford, 1995. (BAR IS, 604).
134. Reynolds P. The Roman Pottery from the Triconch Palace // Byzantine Butrint. Excavations and Surveys 1994–99 / Eds. R. Hodges, W. Bowden, K. Lako. Oxford, 2004. P. 224–269, 270–277, 327–395.
135. Reynolds P. Levantine Amphorae from Cilicia to Gaza: a Typology and Analysis of Regional Production Trends from the 1st to 7th Centuries // LRCW. Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean: Archaeology and Archaeometry / Eds. J.Ma. Gurt, I. Esparraguera, J. Buxeda, I. Garrigys, M.A. Cau Ontiveros. Oxford, 2005. P. 563–612. (BAR IS, 1340)
136. Reynolds P., Pavlidis E. Nicopolis (Epirus Vetus): an Early 7th Century Pottery Assemblage from the 'Bishops's House' (Greece) // LRCW 4. Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean: Archaeology and Archaeometry. The Mediterranean: a Market without Frontiers. Vol. 1 / Eds. N. Poulou-Papadimitriou, E. Nodarou, V. Kilikoglou. Oxford, 2014. P. 451–467. (BAR IS, 2616/I).
137. Riley J.A. The Coarse Pottery from Berenice // Excavations at Sidi Khrebish-Benghazi (Berenice) / Ed. J.A. Lloyd. Tripoli, 1979. P. 91–467. (Lybia Antiqua, Suppl. V/2).
138. Riley J.A. The Pottery from the Cistern 1977.1, 1977.2 and 1977.3 // Excavations at Carthage Conducted by the University of Michigan VI / Ed. J.H. Humphrey. Ann Arbor, 1981. P. 86–124.
139. Saldern von A. Ancient and Byzantine Glass from Sardis. Cambridge, Mass., 1980. (Sardis Monograph, 6).
140. Sanders G. Spring Forward: Two Examples of How Shifting Chronologies Can Postpone the Dark Ages // HEROM. 2020. Vol. 9. P. 253–279.
141. Schwarzer H. Spätantike und byzantinische Glasfunde aus Alexandreia Troas // Late Antique – Early Byzantine Glass in the Eastern Mediterranean / Ed. E. Lafli. Izmir, 2009. P. 67–84.
142. Schwarzer H. Spätantike, byzantinische und islamische Glasfunde aus Pergamon // Late Antique – Early Byzantine Glass in the Eastern Mediterranean / Ed. E. Lafli. Izmir, 2009. P. 85–109.
143. Shkodra B. Ceramics from Late Roman Contexts in Durres // Annual of the British School at Athens. 2006. Vol. 101. P. 427–457.
144. Smokotina A.V. The Import of LR 1 Amphorae into Bosporus // PER TERRAM, PER MARE. Seaborne Trade and the Distribution of Roman Amphorae in the Mediterranean / Ed. S. Demesticha. Uppsala, 2015. P. 121–135.
145. Sodini J.-P., Villeneuve E. Le passage de la céramique byzantine a la céramique omeyyade en Syrie du Nord, en Palestine et en Transjordanie // La Syrie de Byzance a l'Islam (VIIe – VIIIe siecles). Actes du colloque international / Eds. P. Canivet, J.-P. Rey-Coquais. Damas, 1992. P. 195–218.
146. Spaer M. The Pre-Islamic Glass Bracelets of Palestine // Journal of Glass Studies. 1988. Vol. 30. P. 51–61.
147. Sternini M. Il vetro in Italia tra V e IX secoli // Le Verre de l'Antiquité Tardive et du Haut Moyen Age: typologie, chronologie, diffusion: [Actes de la] huitième Rencontre, Guiry-en-Vexin, 18–19 novembre 1993 / Dir. D. Foy. Guiry-en-Vexin, 1995. P. 243–288.
148. Swan V. Dichin (Bulgaria) and the Supply of Amphorae to the Lower Danube in the Late Roman/Early Byzantine Period // Transport Amphorae and Trade in the Eastern Mediterranean / Eds. J. Eiring, J. Lund. Athens, 2004. P. 371–382.
149. Swan V.G. Dichin (Bulgaria): Interpreting the Ceramic Evidence in its Wider Context // The Transition to Late Antiquity on the Danube and beyond / ed. A.G. Poulter. Oxford, 2007. P. 251–280. (Proceedings of the British Academy, 141).
150. Swan V. Dichin (Bulgaria): the destruction deposits and the dating of Black Sea amphorae in the 5th and 6th centuries // Production and trade of amphorae in the Black Sea I / Eds. D. Kassab Tezgör, N. Inaishvili. Paris, 2009. P. 107–119. (Varia Anatolica, XXI).
151. Tatton-Brown V.A. The Glass // Excavations at Carthage: The British Mission. Vol. I, 1. The Avenue du president Habib Bourguiba, Salammbo: the site and finds other than potter / Eds. H.R. Hurst, R.P. Roskam. Sheffield, 1984. P. 194–212.
152. Topoleanu F.G. Ceramica romană şi romano-bizantină de la Halmyris (sec. I–VII d. Ch.). Tulcea, 2000.
153. Vnukov S.Yu. Problems of "Brown Clay" (Colchian) amphora studies. Typology, chronology, production centers, distribution // PATABS I. Production and trade of amphorae in the Black Sea / Eds. D. Kassab Tezgör, N. Inaishvili. Paris, 2009. P. 29–32. (Varia Anatolica, XXI).
154. Vroom J. Byzantine to Modern Pottery in the Aegean. An Introduction and Field Guide. Utrecht, 2005.
155. Waksman S.Y., Morozova Y., Zelenko S., Colak M. Late Roman Shipwreck Sunk near the Cape of Plaka (Crimea, Ukraine) // LRCW 4. Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean: Archaeology and Archaeometry. The Mediterranean: a Market without Frontiers. Vol. 1 / Eds. N. Poulou-Papadimitriou, E. Nodarou, V. Kilikoglou. Oxford, 2014. P. 919–929. (BAR IS, 2616/I).
156. Watson P. Change in Foreign and Regional Economic Links with Pella in the 7th Century A. D.: the Ceramic Evidence // La Syrie de Byzance a l'Islam (VIIe–VIIIe siecles) / P. Canivet, J.-P. Rey-Coquais (Eds.). Damas, 1992. P. 233–248.

157. Winter T. The Glass Finds // Bar-Nathan R., Atrash W. Bet She'an II: Baysān; The Theater Pottery Workshop. Jerusalem, 2011. P. 345–362. (Israel Antiquities Authority Reports, 48).
158. Yangaki A.G. La céramique des IVe–VIIIe siècles ap. J. C. d'Eleutherna: sa place en Crète et dans le bassin égéen. Athènes, 2005.
159. Zanon M. Tyana/Kemerhisar (Nîgde): Glass Bracelets of the Byzantine and Islamic Period // Anatolia Antiqua. 2013. XXI. P. 181–197.

REFERENCES

1. Aibabin A.I. The Chronology of the Cemeteries in the Crimea in the Late Roman and Early Byzantine Periods. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 1990, vol. 1, pp. 3–86, 175–241.
2. Andreeva O.A., Ryzhov S.G. Archaeological material from the backfill of a well in the IX-A quarter of Chersonesos (excavations of 2015). *Khersonesskii sbornik* [Chersonesos Collection], 2022, vol. 23, pp. 60–86.
3. Antonova I.A., Danilenko V.N., Ivashuta L.P., Kadeev V.I., Romanchuk A.I. Medieval amphoras of Chersonesos. *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 1971, vol. 7, pp. 81–101.
4. Belov G.D. *Otchet o raskopkakh Khersonesa za 1935–36 gg.* [Report on the excavations of Chersonesos for 1935–36]. Simferopol, State Publishing House of the Crimean ASSR, 1938, 349 p.
5. Vnukov S.Iu. *Prichernomorskie amfory I v. do n.e. – II v. n.e. (morfologiia)* [Black Sea amphoras of the 1st century BC – 2nd century AD (morphology)]. Moscow, Institute of Archaeology RAS Publ., 2003,. 235 p.
6. Vnukov S.Iu. Amphorae production in Abkhazia in Hellenistic and Roman times. *Rossiiskaia arkheologiia* [Russian Archaeology], 2012, no. 4, pp. 5–15.
7. Golofast L.A. Glass bracelets of the 3rd–4th centuries from excavations in Chersonesos. *Khersonesskii sbornik* [Chersonesos Collection], 1996, vol. 7, pp. 183–185.
8. Golofast L.A. About glass-making production in early Byzantine Chersonesos. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 1998, vol. 6, pp. 312–326.
9. Golofast L.A. Glass from Early Byzantine Chersonesos. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2001, vol. 8, pp. 96–260.
10. Golofast L.A. Stamps on the Phocaean fine ware from Chersonesos. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2002, vol. 9, pp. 135–216.
11. Golofast L.A. Western District of Chersonesos in the Early Byzantine Period. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2007, vol. 13, pp. 68–128.
12. Golofast L.A. *Keramika Ierikhona pozdneantichnogo i srednevekovogo periodov (V–XV vv.). Spravochnik-opredelitel* [Ceramics of Jericho in the Late Antique and Medieval Periods (V–KV centuries). A Guide]. Moscow, Indrik Publ., 2020, 160 p.
13. Golofast L.A. Glass Lamps from Medieval Layers of Chersonese. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2022, vol. 27, pp. 263–309.
14. Golofast L.A. Handled Glass Lamps from Chersonese. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2023, vol. 28, pp. 364–386.
15. Golofast L.A., Klemeshova M.E. The New Finds of Grey Clay Ware of the Late Roman Pontic Polished Group from Phanagoreia and Chersonese with Some Accounts of Its Origin. A.I. Aibabin, E.A. Khairedinova (eds.), *Imperium et Barbaricum: vzaimodeistvie tsivilizatsii. Sbornik statei v chest 70-letiia Mikhaila Kazanskogo* [Imperium et Barbaricum: Interaction of Civilizations: Papers Collected in Honour of Michel Kazanski's 70th Birthday], Simferopol, 2023, pp. 52–63.
16. Golofast L.A., Mastykova A.V. The Glass Bangles from the Mediaeval Burials in Gorzubitai (the Southern Coast of the Crimea). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2020, vol. 25, pp. 244–266.
17. Golofast L.A., Ol'khovskii S.V. A ceramics complex from an underwater foundation in the waters of Phanagoria. A.A. Zavoikin (ed.), *Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii 2* [Materials on the archaeology and history of Phanagoria 2], Moscow, 2016, pp. 46–82. (Fhanagoria 4).
18. Golofast L.A., Ryzhov S.G. An early Byzantine complex from excavations of the X-B quarter in the Northern region of Chersonesos. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies], 2000, vol. 9, pp. 78–117.
19. Golofast L.A., Ryzhov S.G. Northern District of Chersonesos in the Early Byzantine Period (Quarters VIII and IX). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2011, vol. 17, pp. 363–411.
20. Golofast L.A., Ryzhov S.G. Northern District of Chersonesos in Early Byzantine Period (Blocks X, X-A and X-B). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2013, vol. 18, pp. 49–161.
21. Golofast L.A., Ryzhov S.G. On the origin of the Late Roman Pontic Burnished Ware. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies], 2018, vol. 3, pp. 47–59.

22. Golofast L.A., Ryzhov S.G. Complex of the 7th century from Chersonesos. V.D. Kuznetsov (ed.), Hypanis: *Trudy otdela klassicheskoi arkheologii IA RAN* [Hypanis: Transactions of the Department of Classical Archaeology of the Institute of Archaeology of RAS]. Vol. 5. Moscow, Institute of Archaeology RAS Publ., 2023, pp. 51–91.
23. Domżalski K., Zhuravlev D.V. Two Late Roman Pontic Burnished Ware vessel fragments from Chersonesos decorated with Christian motifs. *Rossiiskaia arkheologiia* [Russian Archaeology], 2013, no. 2, pp. 137–143.
24. Domżalski K., Zhuravlev D.V. Vessels of Late Roman Pontic glazed ceramics with incised ornamentation from the Bosporus and Chersonesos. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporos], 2022, vol. 27, pp. 29–47.
25. Domżalski K., Smokotina A.V. Late Roman and Early Byzantine Red Slip Ware from Tyritake. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2020, vol. 25, pp. 188–223.
26. Zasetskaia I.P. Chronology of glass retort-shaped vessels from Bosporos necropolis of Late Ancient and Early Medieval periods. *Bosporskie issledovaniia* [Bosporos Studies], 2005, vol. 10, pp. 90–131.
27. Zasetskaia I.P. Glass ware of the second half of the 4th century – the borderline of the 6th and 7th centuries from the Bosporan necropolis (The State Hermitage Collection). *Bosporskie issledovaniia* [Bosporos Studies], 2008, vol. 20, pp. 90–131.
28. Zeest I.B. *Keramicheskaia tara Bospora* [Ceramic containers of the Bosporos]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1960, 180 p. (Materials and research on the archaeology of the USSR, 83).
29. Klenina E.Iu. Some aspects of economic life in Nove (Moesia II) (5th–6th centuries). Biernacki A.B., Klenina E.Ju., Genčeva E. *The Bishoprick of Novar (Moesia Secunda), 4th–6th Cent. History, Architecture, Daily Life. Vol. II. Daily Life.* Poznań, 2013, pp. 75–116.
30. Kuzmanov G. *Rannovizantiiska keramika ot Trakiia i Dakiia (IV – nachalato na VII vv.)* [Early Byzantine ceramics from Thrace and Dacia (4th – early 7th centuries)]. Sofiia, 1985. (Excavations and Studies, 13).
31. Medvedev A.F. *Ruchnoe metatel'noe oruzhie (Luk i strely, samostrel). VIII–XIV vv.* [Hand-Held Throwing Weapons (Bow and Arrows, Crossbow). 8th–14th Centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1966, 184 p. (Collection of archaeological sources, E1-36).
32. Meliukova A.I. *Vooruzhenie skifov* [Scythian Weapons]. Moscow, Nauka Publ., 1964, 91 p., 23 tabl. (Collection of archaeological sources, D1-4).
33. *Otchet Arkheologicheskoi Komissii za 1892 god* [Report of the Archaeological Commission for 1892]. St. Petersburg, 1894.
34. Romanchuk A.I. Complex of the 7th century from the Port Area of Chersonesos. *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 1973, vol. 10, pp. 246–250.
35. Romanchuk A.I. Layers of the 7th–8th centuries AD in the Port Area of Chersonesos. *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 1975, vol. 11, pp. 3–13.
36. Romanchuk A.I., Belova O.R. On the Problem of Urban Culture of Early Medieval Chersonesos. *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 1987, vol. 23, pp. 52–68.
37. Romanchuk A.I., Sazanov A.V., Sedikova L.V. *Amfory iz kompleksov vizantiiskogo Khersonesa* [Amphoras from the complexes of Byzantine Chersonesos]. Ekaterinburg, 1995, 173 p.
38. Ryzhov S.G. Defense Wall Dating to the 5th century BC in the North District of Chersonesos. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2007, vol. 13, pp. 20–30.
39. Ryzhov S.G. Fish-Salting Complex of the Roman Period in the Northern District of Chersonesos. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2011, vol. 17, pp. 86–93.
40. Sazanov A.V. Ceramic complexes of the Northern Black Sea region of the second half of the 4th–5th centuries. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies], 1999, vol. 7, pp. 224–293.
41. Sazanov A.V., Mokrousov S.V. The settlement of Zolotoe Vostochnoye in the bay (Eastern Crimea): an attempt to study the stratigraphy of the early Byzantine period. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies], 1996, vol. 3, pp. 88–107.
42. Semenov-Zuser S.A. The fish market in Chersonesos. *Vestnik drevnei istorii* [Journal of Ancient History], 1947, no. 2, pp. 237–246.
43. Smokotina A.V. Ceramic complex dating to the second half of the 6th century from the excavations in Bosporos. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2008, vol. 14, pp. 103–144.
44. Smokotina A.V. Import of goods in amphorae and Red Slip Ware into Bosporus in the late 4th – first half of the 7th Centuries. *Stratum plus*, 2018, no. 4, pp. 263–279.
45. Smokotina A.V. Early Byzantine Cretan Amphorae in Bosporos and Tyritake. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2019, vol. 24, pp. 160–172.
46. Smokotina A.V. Amfory pozdnerimskogo i rannevizantiiskogo vremeni // Zin'ko V.N., Zin'ko A.V., Ponomarev L.Iu. Tiritaka. Raskop XXVI. T. III. *Arkheologicheskie kompleksy vtoroi poloviny III – VII vv.*

[Tiritaka. Excavation XXVI. Vol. 3. Archaeological complexes of the second half of the 3rd – 7th centuries], Simferopol, Kerch, 2020, pp. 509–618.
47. Sokol'skii N.I. Illichivsk settlement. *Sovetskaia arkheologiia* [Soviet Archaeology], 1966, no. 4, pp. 125–140.
48. Ushakov S.V., Diuzhenko T.V., Strukova E.V. Study of the Backfill of an Early Byzantine Well in the North-Eastern Region of Chersonesos (Quarter XCVII, Room 4). *Drevniaia i srednevekovaia Tavrika. Sbornik statei, posviashchennyi iubileiu E.A. Parshinoi* [Ancient and Medieval Taurica. Collection of articles dedicated to the anniversary of E.A. Parshina], Kiev, 2015, pp. 108–156. (Archaeological Almanac, 33).
49. Flerova V.E. *Reznaia kost' iugo-vostoka Evropy IX–XII vekov: iskusstvo i remeslo (po materialam Sarkela – Beloi Vezhi iz kollektsii Gosudarstvennogo Ermitazha* [Carved bone of Southeastern Europe in the 9th–12th centuries: art and craft (based on materials from Sarkel–Belaya Vezha from the State Hermitage Museum collection)]. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2001, 256 p.
50. Tsetlin Iu.B. *Keramika. Poniatiia i metody istoriko-kul'turnogo podkhoda* [Ceramics. Concepts and methods of the historical-cultural approach]. Moscow, Institute of Archaeology RAS Publ., 2017, 346 p.
51. Tsetskhladze G.R. Production of Amphora Containers in Colchis. V.I. Kats, S.Iu. Monakhov (eds.), *Grecheskie amfory. Problemy razvitiia remesla i torgovli v antichnom mire* [Greek amphoras. Problems of craft and trade development in the Ancient World], Saratov, 1992, pp. 90–109.
52. Yakobson A.L. *Keramika i keramicheskoe proizvodstvo srednevekovoi Tavriki* [Ceramics and ceramic production of Medieval Taurica]. Leningrad, Nauka Publ., 1979, 164 p.
53. Yashaeva T.Yu., Golofast L.A., Denisova E.A., Moiseev D.A. Early Christian Cave Complex in South-Eastern Necropolis of Chersonesos. V.V. Maiko (ed.), *Arkheologiia antichnogo i srednevekovogo goroda. Sbornik statei v chest' S.G. Ryzhova* [Archaeology of the ancient and medieval city. Essays presented in honor of Stanislav Ryzhov], Sevastopol, 2018, pp. 333–362.
54. Abadie-Reynal C., Sodini J.-P. *La céramique paléochrétienne de Thasos (Aliki, Deikos, fouilles anciennes)*. Paris, 1992. (Études Thasiennes, XIII).
55. Alfen van P.G. New Light on the 7th-Century Yassi Ada Shipwreck: Capacities and Standard Sizes of LRA1 Amphoras. *Journal of Roman Archaeology*, 1996, vol. 9, pp. 198–213.
56. Amari S. A Late Roman Amphorae Production in Eastern Sicily. O. Menozzi, M.L. Di Marzio, D. Fossataro (eds.), *SOMA 2005. Preccedings of the IX Symposium on Mediterranean Archaeology, Chieti (Italy), 24–26 February 2005*. Oxford, 2008, pp. 473–479. (BAR IS, 1739).
57. Amitai-Preiss N. Glass and Metal Finds. Y. Hirschfeld, R. Amir et al. *Excavations at Tiberias*, 1989–1994. Israel Antiquities Authority, 2004, pp. 177–190.
58. Antonaras A. The Use of Glass in Byzantine Jewellery – the Evidence from Northern Greece (4th–16th Centuries). *Annales du 16e Congrès de l'Association Internationale pour l'Histoire du Verre (London 2003)*. Nottingham, 2003, pp. 331–334.
59. Arnon Y.D. *Caesarea Maritima, the Late Periods (700–1291 CE)*. Oxford, 2008. (BAR IS, 1771).
60. Arnon Y.D. Ceramic Assemblages from the Byzantine/Early Islamic Bath. K.G. Holum, J.A. Stabler, E.G. Reinhardt (eds.), *Caesarea Reports and Studies. Excavations 1995–2007 within the Old City and the Ancient Harbor*. Oxford, 2008, pp. 85–103. (BAR IS, 1784)
61. Atic Ş. Late Roman / Early Byzantine Rescue Excavations at Yenikapi in Istanbul. E. Lafli (ed.), *Late Antique – Early Byzantine Glass in the Eastern Mediterranean*. Izmir, 2009, pp. 1–19.
62. Autret C., Yagci R., Rauh N.K. An LRA 1 Amphora Kiln Site at Soli/Pompeiopolis. ANMED: *News of Archaeology from Anatolia's Mediterranean Areas*, 2010, vol. 8, pp. 203–207.
63. Avni G., Dahari U. Christian Burial Caves from the Byzantine Period at Luzit. G.C. Bottini, L. Di Segni, E. Alliata (eds.), *Christian archaeology in the Holy Land, New Discoveries: Essays in Honour of Virgilio C. Corbo*. Jerusalem, 1990, pp. 301–314. (Studium Biblicum Franciscanum. Collectio Maior, 36).
64. Baily D.M. *A Catalogue of the Lamps in the British Museum. Vol. III. Roman Provincial Lamps*. London, 1988.
65. Băjenaru C. Some Rare Late Roman Fine Wares Discovered in the Central Sector of the Late Roman City at Histria. *Histria. Histoire et archéologie en Mer Noire. Volume dédié au centenaire des recherches archéologiques a Histria Pontique*. Constanța, 2014, pp. 239–247. (Pontica, XLVII, Suppl. III).
66. Băjenaru C., Bâltâc A. Histria – basilica episcopală. Catalogul descoperirilor de sticlă (1884–2000). *Pontica*, 2006, vol. 36, pp. 219–247.
67. Bass G.F. The Pottery. G.F. Bass, F.H. van Doorninck (eds.), *Yassi Ada. A Seventh Century Byzantine Shipwreck*. Texas, 1982, pp. 155–188.
68. Baur P.V.C. Glasware. C.H. Kraeling (ed.), *Gerasa-City of Decapolis*. New Haven, Connecticut, 1938, pp. 505–546.
69. Bezeczky T. Late Roman Amphorae from the Ephesos Agora. F. Krinzinger (Hrsg.), *Spätantike und mittelalterliche Keramik aus Ephesos*. Wien, 2005, pp. 203–223. (Archäologische Forschungen, 13).
70. Bezeczky T. *The Amphorae of Roman Ephesus*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2013. (Forschungen in Ephesos, 15/1).

71. Biernacki A.B., Klenina E.Yu. Amphorae of the 4th–6th Centuries AD from Novae (Moesia Secunda): Typology and Chronology. S. Demesticha (ed.), *PER TERRAM, PER MARE. Seaborne Trade and the Distribution of Roman Amphorae in the Mediterranean*. Uppsala, 2015, pp. 99–120.
72. Blakely J.A. Ceramics and Commerce: Amphorae from Caesarea Maritima. *Bulletin of the American Schools of Oriental Research*, 1988, vol. 271, pp. 31–50.
73. Boardman J., Hayes J.W. *Excavations at Tocra, 1963–1965: the Arcbaic Deposits II and Later Deposits.* London, 1973. (British School at Athens, Supplementary Volume 10).
74. Bonifay M., Pieri D. Amphores du Ve au VIIe s. à Marseille: nouvelles données sur la typologie et le contenu. *Journal of Roman Archaeology*, 1995, vol. 8, pp. 94–120.
75. Bonifay M., Villedieu F. Importation d'amphores orientales en Gaul (Ve–VIIe siecle). V. Déroche, J.-M. Spieser (eds.), *Recherches sur la céramique Byzantine*. Paris, 1989, pp. 17–46. (BCH, Suppl. XVIII).
76. Böttger B. Die Gefasskeramik aus dem Kastell Iatrus. B. Bottger et al. (Hrsg.), *Iatrus-Krivina. Bd. II. Spatantike Befestigung und fruhmittelalterliche Siedlung an der unteren Donau. Ergebnisse und Ausgrabungen 1966–1973*. Berlin, 1982, pp. 33–148.
77. Burdajewicz M. Glass Finds in Archaeological Context. A Case Study of Hippos (Sussita). *Étude et travaux. Studia i prace*, Warszawa, 2011, XXIV, pp. 21–40.
78. Burragato F., Nezza M., Ferrazzoli A. F., Ricci M. Late Roman 1 Amphorae Types Produced at Elaiussas/ Sebaste. M. Bonifay, J.-C. Tréglia (eds.), *LRCW2. Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean. Archaeology and Archaeometry*. Oxford, 2007, pp. 689–700. (BAR IS, 1662/II).
79. Canav Özgümüş Ü. Late Roman / Early Byzantine Glass from the Marmaray Rescue Excavations at Sirkeci, Istanbul. E. Lafli (ed.), *Late Antique – Early Byzantine Glass in the Eastern Mediterranean*. Izmir, 2009, pp. 17–24.
80. Crowfoot G.M. Glass. J.W. Crowfoot et al. *Samaria-Sebaste. Vol. 3: The objects from Samaria*. London, 1957, pp. 403–422.
81. Crowfoot G.M., Harden D.B. Early Byzantine and Later Glass Lamps. *The Journal of Egyptian Archaeology*, 1931, XVII, pp. 196–208.
82. Curta F. *The Making of the Slavs: History and Archaeology of the Lower Danube Region c. 500–700.* Cambridge, 2001, 483 p.
83. Davidson G.R. *Corinth XII. The Minor Objects*. Princeton, The American School of Classical Studies at Athens, 1952, 366 p.
84. Delougaz P., Haines R.C. *A Byzantine Church at Khirbat al-Karak*. Chicago, 1960.
85. Domżalski K. *Pontic Red Slip Ware. Typology, Chronology and Distribution of a Major Group of Late Roman Fine Pottery in the Black Sea Region*. Warsaw, 2021, 221 p. (Bibliotheca Antiqua, XXV).
86. Doorninck van F.H. The Seventh-Century Byzantine Ship at Yassiada and Her Final Voyage: Present Thoughts. D.N. Carlson, J. Leidwanger, S.M. Kampbell (eds.), *Maritime Studies in the Wake of the Byzantine Shipwreck at Yassiada, Turkey*. Texas, 2015, pp. 205–216.
87. Dussart O. *Le Verre en Jordanie et en Syrie du Sud. Institut Francais d'Archeologie du Proche-Orient, Beyrouth – Damas – Amman*. Beyrouth, 1998, 336 p. (Bibliotheque Archeologique et Historique, CLII).
88. Empereur J.-Y, Picon M. Les régions de production d'amphores impériales en Méditerranée orientale. *Amphores romaines et histoire économique. Dix ans de recherche. Actes du colloque de Sienne (22–24 mai 1986)*. Rome, 1989, pp. 223–248. (Publications de l'École française de Rome, 114).
89. Ergürer H.E. Late Roman Light Coloured Ware from Parion. H. Meyza (ed.), *Late Hellenistic to Mediaeval Fine Wares of the Aegean Coast of Anatolia. Their Production, Imitation and Use*. Varsovie, 2014, pp. 175–191.
90. Erol A.F., Tamer D., Koçak E.A. The Roman and Byzantine Glass Finds from Ordu / Fasta Cingirt Kayasi Excavations. A. Polosa, H.A. Kızılarslanoğlu, M. Oral (eds.), *ΣΕΒΑΣΤΗ. Studies in honour of Eugenia Equini Schneider*. Istanbul, 2019, pp. 219–234.
91. Erten E., Akkuş Koçak E. Glass Lamps from Olba Excavations. *Seleucia*, 2018, vol. 8, pp. 117–141.
92. Fedoseev N.F., Domzalski K., Opaiţ A., Kulikov A.V. Post-Justinian Pottery Deposit from Pantikapaion-Bosporos: Rescue Excavations at 12, Teatral'naja Str. in Kerch, 2006. *Archeologia*, 2010, vol. 61, pp. 63–94.
93. Fernández A. *El comercio tardoantiguo (ss. IV–VI) en el noroeste peninsular a través del registro cerámico de la Ría de Vigo*. Oxford, 2014. (Roman and Late Antique Mediterranean Pottery, 5).
94. Foy D. Un atelier de verrier à Beyrouth. *Syria*, 2000, vol. 77, pp. 239–290.
95. Gatier P.-L. et al. Études sur le mobilier et l'artisanat: les verres de la campagne de 2008–2009. *Mission archéologique de Tyr – Rapport Préliminaire 2008–2009. Bulletin d'Archéologie et d'Architecture Libanaises*, 2010, vol. 14, pp. 221–233.
96. Gençler Güray Ç. Early Byzantine Glass Finds from Elaiussa Sebaste (Mersin-Ayaş). D. Ignatiadou, A. Antonaras (eds.), *Annales du 18e Congres de L'Association International pour l'Histoire du Verre*. Eylül, 2009, pp. 292–299.
97. Gorin-Rosen Y., Katsnelson N. The Glass Vessels from the Pools of 'Ein el-Jarab, Ḥammat Gader. *'Atiqot*, 2022, vol. 107, pp. 111–141.

98. Gürler B., Lafı E. Middle and Late Roman Glass from the Agora of Smyrna from the Excavation Seasons 1997 and 2002–2003. J. Drauschke, D. Keller (eds.), *Glass in Byzantium – Production, Usage, Analyses*. Mainz on Rhine, Römisch-Germanisches Zentralmuseum, 2010, pp. 121–144.
99. Hadad S. *Islamic Glass Vessels from the Hebrew University Excavations at Bet Shean*. Jerusalem, 2005. (Qedem Reports, 8).
100. Hayes J.W. *Late Roman Pottery*. London, 1972.
101. Hayes J.W. Pottery: Stratified Groups and Typology. J.H. Humphrey (ed.), *Excavations in Carthage, 1975, Conducted by the University of Michigan I*. Tuondonnis, 1976, pp. 47–123.
102. Hayes J.W. *Excavations at Sarachane in Istanbul. Vol. 2. The Pottery*. Princeton, 1992.
103. Hayes J.W. Introduction. The Study of Roman Pottery in the Mediterranean: 23 Years after Late Roman Pottery. L. Sagui (ed.), *Ceramica in Italia: VI–VII secolo. Atti del Convegno in onore di John W. Hayes (Roma, 11–13 maggio 1995)*. Firenze, 1998, pp. 9–21.
104. Isings C. *Roman Glass from Dated Finds*. Groningen, 1957, 185 p.
105. Isler H.P. Heraion von Samos: Eine Fruhbyzantinische zisterne. *Mitteilungen des Deutschen archaologischen Instituts. Athenische Abteilung*, 1969, Bd. 84, pp. 202–230.
106. Israel Y. Ashqelon. *Excavations and Surveys in Israel*, 1995, vol. 13, pp. 106–107.
107. Israeli Y. The Glass Vessels. J. Patrich, *Archaeological Excavations at Caesarea Maritima, Areas CC, KK and NN. Final Reports I: The Objects*. Jerusalem, 2008, pp. 367–418.
108. Karagiorgou O. LR2: a Container for the Military *Annona* on the Danubian Border? S. Kingsley, M. Decker (eds.), *Economy and Exchange in the East Mediterranean during Late Antiquity. Proceedings of a Conference at Somerville College. Oxford, 29th May, 1999*. Oxford, 2001, pp. 129–166.
109. Karagiorgou O. Mapping Trade by the Amphora // M. Mandel Mango (ed.), *Byzantine Trade, 4th–12th Centuries: the Archaeology of Local, Regional and International Exchange. Papers of the Thirty-eighth Spring Symposium of Byzantine Studies, St John's College, University of Oxford, March 2004*. Ashgate, Farnham, 2009, pp. 37–58.
110. Kassab Tezgör D. Typologie des amphores sinopéennes entre les IIe–IIIe s. et le VIe s. ap. J.-C. D. Kassab Tezgör (ed.), *Les fouilles et le materiel de l'atelier amphorique de Demirci prés de Sinope*. Paris, 2010, pp. 121–140.
111. Kassab Tezgör D., Lemaitre S., Peiri D. La collection d'amphores d'Ismaïl Karakan a Sinop. *Anatolia Antiqua*, 2003, XI, pp. 169–200.
112. Kasapoğlu B.E. Parion Theatre Glass Findings. C. Başaran, H. Ertuğ Ergürer (eds.), *Roman Theatre of Parion. Excavations, Architecture and Finds from 2006–2015 Campaigns*. Çanakkale, 2018, pp. 227–236. (Parion Studies, I).
113. Keay S.J. *Late Roman Amphorae in the Western Mediterranean: a Typology and Economic Study: the Catalan Evidence*. Pt. 1. Oxford, 1984. (BAR IS, 196).
114. Khalvashi M. Roman Amphorae from Gonio-Apsarus. D. Kassab Tezgör, N. Inaishvili (eds.), *PATABS I. Production and Trade of Amphorae in the Black Sea*. Paris, 2009, pp. 33–34. (Varia Anatolica, XXI).
115. Killebrew A.E. Roman and Byzantine Pottery. T. Dothan, B. Brandl (eds.), *Deir el-Balah: Excavations in 1977–1982 in the Cemetery and Settlement. Vol. II. The Finds*. Jerusalem, 2010, pp. 163–170. (Qedem, 50).
116. Klenina E. Table and Cooking Pottery of the IV–VI A.D. from the Excavations of the Episcopal Residence in Novae. G. von Bülow, A. Milčeva (eds.), *Der Limes an der unteren Donau von Diokletian bis Hareklios. Internationalen Konferenz. Svištov, Bulgarien (1.–5. September 1998)*. Sofia, 1999, pp. 87–93.
117. Klenina E. Trade Relations between the Mediterranean and the Black Sea Region in the 3rd–6th Centuries A.D. in the Light of Ceramic Artifacts. S. Menchelli, S. Santoro, M. Pasquinucci, G. Guiducci (eds.), *LRCW3. Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean Archaeology and Archaeometry. Comparison between Western and Eastern Mediterranean*. Oxford, 2010, pp. 1005–1014. (BAR IS, 2185/II)
118. Križanac M. Early Byzantine Glass in the Territory of Serbia and Kosovo. *Journal of Glass Studies*, 2016, vol. 58, pp. 87–103.
119. Levine L.I., Netzer E. *Excavations at Caesarea Maritima. 1975, 1976, 1979. Final Report*. Jerusalem, 1986. (Quedem. Monographs of the Institute of Archaeology the Herbrew University of Jerusalem, 21).
120. Majcherek G. Gazan Amphorae: Typology Reconsidered. H. Meyza, J. Młynarczyk (eds.), *Hellenistic and Roman Pottery in the Eastern Mediterranean – Advances in Scientific Studies*. Warsaw, 1995, pp. 163–177.
121. Metaxas S. Frühbyzantinische Ampullen und Amphoriskoi aus Ephesos. Fr. Krinzinger (Hrsg.), *Spätantike und mittelalterliche Keramik aus Ephesos*. Wien, 2005, pp. 67–123.
122. Opaiţ A. *Aspecte ale Vieţii Economice din Provincia Scythia (secolete IV–VI p. Ch.). Producţia ceramicii locale şi de import*. Bucureşti, 1996.
123. Opaiţ A. *Local and Imported Ceramics in the Roman Provinces of Scythia (4th–6th centuries AD). Aspects of Economic Life in the Province of Scythia*. Oxford, 2004. (BAR IS, 1274).
124. Oren-Pascal M. Amphoras from the Abandonment Layer in the Area LL (L 1242, 1335). K.G. Holum, J.A. Stabler, E.G. Reinhardt (eds.), *Caesarea Reports and Studies. Excavations 1995–2007 within the Old City and the Ancient Harbor*. Oxford, 2008, pp. 49–58. (BAR IS, 1784).

125. Paraschiv D. *Roman and Roman-Byzantine Amphorae in the Lower Danube Region (Ist–VIIth Centuries AD).* Iaşi, 2006.
126. Patrich J. The Glass Vessels. Y. Tsafrir et al. *Excavations at Rehovot-in-the-Negev. Volume I: The Northern Church.* Jerusalem: Hebrew University, 1988. P. 134–141. (Qedem, 25).
127. Peacock O.P.S., Williams D.F. *Amphorae and the Roman Economy*. New York, 1986.
128. Pieri D. *Le commerce du vin oriental à l'époque Byzantine (Ve–VIIe siécles). Le témoignage des amphores en Gaule*. Beyrouth, 2005.
129. Portale E.C., Romeo I. Le anfore locali di Gortina ellenistica e romana. *Rei Cretariae Romanae Fautorum Acta*, 2000, vol. 36, pp. 417–426.
130. Portale E.C., Romeo I. Contenitori da trasporto. A. Di Vita (ed.), *Gortina V, 3. Lo scavo del Pretorio (1989–1995). T. 1. I materiali*. Padova, 2001, pp. 260–410. (Monografie della Scuola Archeologica Italiana di Atene e delle missioni italiane in Oriente, XII).
131. Poulou-Papadimitriou N., Didioumi S. Nouvelles données sur la production de l'atelier céramique protobyzantin à Kardamaina (Cos-Gréce). S. Menchelli, S. Santoro, M. Pasquinucci, G. Guiducci (eds.), *LRCW 3. Late Roman Coarse Ware, Cooking Ware and Amphorae in the Mediterranean*. Oxford, 2010, pp. 741–749. (BAR IS, 2185/II).
132. Poulou-Papadimitriou N., Nodarou E. La céramique protobyzantine de Pseira: la production locale et les importations, étude typologique et pétrographique. M. Bonifay, J.Ch. Trégila (eds.), *LRCW 2. Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean. Archaeology and Archaeometry*. Oxford, 2007, pp. 755–766. (BAR IS, 1662).
133. Reynolds P. *Trade in the Western Mediterranean, A.D. 400–700: the Ceramic Evidence*. Oxford, 1995. (BAR IS, 604).
134. Reynolds P. The Roman Pottery from the Triconch Palace. R. Hodges, W. Bowden, K. Lako (eds.), *Byzantine Butrint. Excavations and Surveys 1994–99*. Oxford, 2004, pp. 224–269, 270–277, 327–395.
135. Reynolds P. Levantine Amphorae from Cilicia to Gaza: a Typology and Analysis of Regional Production Trends from the 1st to 7th Centuries. J.Ma. Gurt, I. Esparraguera, J. Buxeda, I. Garrigys, M.A. Cau Ontiveros (eds.), *LRCW. Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean: Archaeology and Archaeometry*. Oxford, 2005, pp. 563–612. (BAR IS, 1340)
136. Reynolds P., Pavlidis E. Nicopolis (Epirus Vetus): an Early 7th Century Pottery Assemblage from the 'Bishops's House' (Greece). N. Poulou-Papadimitriou, E. Nodarou, V. Kilikoglou (eds.), *LRCW 4. Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean: Archaeology and Archaeometry. The Mediterranean: a Market without Frontiers.* Vol. 1. Oxford, 2014, pp. 451–467. (BAR IS, 2616/I).
137. Riley J.A. The Coarse Pottery from Berenice. J.A. Lloyd (ed.), *Excavations at Sidi Khrebish-Benghazi (Berenice)*. Tripoli, 1979, pp. 91–467. (Lybia Antiqua, Suppl. V/2).
138. Riley J.A. The Pottery from the Cistern 1977.1, 1977.2 and 1977.3. J.H. Humphrey (ed.), *Excavations at Carthage Conducted by the University of Michigan VI*. Ann Arbor, 1981, pp. 86–124.
139. Saldern von A. *Ancient and Byzantine Glass from Sardis*. Cambridge, Mass., 1980. (Sardis Monograph, 6).
140. Sanders G. Spring Forward: Two Examples of How Shifting Chronologies Can Postpone the Dark Ages. *HEROM*, 2020, vol. 9, pp. 253–279.
141. Schwarzer H. Spätantike und byzantinische Glasfunde aus Alexandreia Troas. E. Lafli (ed.), *Late Antique – Early Byzantine Glass in the Eastern Mediterranean*. Izmir, 2009, pp. 67–84.
142. Schwarzer H. Spätantike, byzantinische und islamische Glasfunde aus Pergamon. E. Lafli (ed.), *Late Antique – Early Byzantine Glass in the Eastern Mediterranean*. Izmir, 2009, pp. 85–109.
143. Shkodra B. Ceramics from Late Roman Contexts in Durres. *Annual of the British School at Athens*, 2006, vol. 101, pp. 427–457.
144. Smokotina A.V. The Import of LR 1 Amphorae into Bosporus. S. Demesticha (ed.), *PER TERRAM, PER MARE. Seaborne Trade and the Distribution of Roman Amphorae in the Mediterranean*. Uppsala, 2015, pp. 121–135.
145. Sodini J.-P., Villeneuve E. Le passage de la céramique byzantine a la céramique omeyyade en Syrie du Nord, en Palestine et en Transjordanie. P. Canivet, J.-P. Rey-Coquais (eds.), *La Syrie de Byzance a l'Islam (VIIe – VIIIe siecles). Actes du colloque international*. Damas, 1992, pp. 195–218.
146. Spaer M. The Pre-Islamic Glass Bracelets of Palestine. *Journal of Glass Studies*, 1988, vol. 30, pp. 51–61.
147. Sternini M. Il vetro in Italia tra V e IX secoli. D. Foy (ed.), *Le Verre de l'Antiquité Tardive et du Haut Moyen Age: typologie, chronologie, diffusion: [Actes de la] huitième Rencontre, Guiry-en-Vexin, 18–19 novembre 1993*. Guiry-en-Vexin, 1995, pp. 243–288.
148. Swan V. Dichin (Bulgaria) and the Supply of Amphorae to the Lower Danube in the Late Roman/Early Byzantine Period. J. Eiring, J. Lund (eds.), *Transport Amphorae and Trade in the Eastern Mediterranean*. Athens, 2004, pp. 371–382.
149. Swan V.G. Dichin (Bulgaria): Interpreting the Ceramic Evidence in its Wider Context. A.G. Poulter (ed.), *The Transition to Late Antiquity on the Danube and beyond*. Oxford, 2007, pp. 251–280. (Proceedings of the British Academy, 141).

150. Swan V. Dichin (Bulgaria): the destruction deposits and the dating of Black Sea amphorae in the 5th and 6th centuries. D. Kassab Tezgör, N. Inaishvili (eds.), *Production and trade of amphorae in the Black Sea I*. Paris, 2009, pp. 107–119. (Varia Anatolica, XXI).
151. Tatton-Brown V.A. The Glass. H.R. Hurst, R.P. Roskam (eds.), *Excavations at Carthage: The British Mission. Vol. I, 1. The Avenue du president Habib Bourguiba, Salammbo: the site and finds other than potter*. Sheffield, 1984, pp. 194–212.
152. Topoleanu F.G. *Ceramica romană şi romano-bizantină de la Halmyris (sec. I–VII d. Ch.)*. Tulcea, 2000.
153. Vnukov S.Yu. Problems of "Brown Clay" (Colchian) amphora studies. Typology, chronology, production centers, distribution. D. Kassab Tezgör, N. Inaishvili (eds.), *PATABS I. Production and trade of amphorae in the Black Sea*. Paris, 2009, pp. 29–32. (Varia Anatolica, XXI).
154. Vroom J. *Byzantine to Modern Pottery in the Aegean. An Introduction and Field Guide*. Utrecht, 2005.
155. Waksman S.Y., Morozova Y., Zelenko S., Colak M. Late Roman Shipwreck Sunk near the Cape of Plaka (Crimea, Ukraine). N. Poulou-Papadimitriou, E. Nodarou, V. Kilikoglou (eds.), *LRCW 4. Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean: Archaeology and Archaeometry. The Mediterranean: a Market without Frontiers.* Vol. 1. Oxford, 2014, pp. 919–929. (BAR IS, 2616/I).
156. Watson P. Change in Foreign and Regional Economic Links with Pella in the 7th Century A. D.: the Ceramic Evidence. P. Canivet, J.-P. Rey-Coquais (eds.), *La Syrie de Byzance a l'Islam (VIIe–VIIIe siecles)*. Damas, 1992, pp. 233–248.
157. Winter T. The Glass Finds. R. Bar-Nathan, W. Atrash. *Bet She'an II: Baysān; The Theater Pottery Workshop*. Jerusalem, 2011, pp. 345–362. (Israel Antiquities Authority Reports, 48).
158. Yangaki A.G. *La céramique des IVe–VIIIe siècles ap. J. C. d'Eleutherna: sa place en Crète et dans le bassin égéen*. Athènes, 2005.
159. Zanon M. Tyana/Kemerhisar (Nîgde): Glass Bracelets of the Byzantine and Islamic Period. *Anatolia Antiqua*, 2013, XXI, pp. 181–197.

Информация об авторах

Голофаст Л. А. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела классической археологии Института археологии РАН, Researcher ID: J-7642-2018.

Рыжов С. Г. – заведующий сектором «Городище» отдела «Городище и некрополь» Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический».

Authors information

Golofast L. A. – Candidate of Science (History), Researcher of the Department of Classical Archaeology of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Researcher ID: J-7642-2018.

Ryzhov S. G. – Head of the Site Sector of the Department "Site and necropolis" of the State Museum-Preserve "Tauric Chersonese".

DOI: 10.29039/2413-189X.2025.30.203-218

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЙ КРЕСТ ИЗ ТАНАИСА

Лариса Юрьевна Нидзельницкая
Сергей Иванович Безуглов
ООО «ОКН-проект», Ростов-на-Дону, Россия
sergbez@mail.ru

Аннотация. В 2002 г. в западной части древнего Танаиса, в раннесредневековом культурном слое был найден металлический нательный крест. Исключительность находки привлекла к ней особое внимание. Рассмотрение креста из Танаиса в кругу параллелей позволяет датировать его около VII в. н.э. и предполагать принадлежность к кругу несторианской культовой пластики. Находка в археологическом контексте имеет принципиальное значение для освещения проблемы позднего периода существования оседлой жизни на территории Недвиговского городища (Танаиса).

***Ключевые слова*:** Нижний Дон, Танаис, Крым, раннее средневековье, нательный крест, несторианство

AN EARLY MEDIAEVAL CROSS FROM TANAIS

Larisa Yu. Nidzelnitskaya
Sergey I. Bezuglov
OKN-project Ltd, Rostov-on-Don, Russia
sergbez@mail.ru

Abstract. In 2002, a metal pectoral cross was discovered in an early medieval cultural layer in the western area of ancient Tanais. This unique find attracts particular attention. From the comparative analysis of the Tanais cross with its parallels there are reasons to date the artefact in question from the seventh century and to hypothesize that it belongs to the Nestorian cult sculpture tradition. This find in the archaeological context is of fundamental importance for shedding light on the late period of sedentary life in the area of the settlement of Nedvigovskoe (Tanais).

Keywords: Lower Don Area, Tanais, Crimea, Early Mediaeval Period, underwear cross, Nestorianism

В 1998–2002 гг. к западу от цитадели Недвиговского городища (Танаиса) был заложен и впоследствии расширен новый раскоп, получивший порядковый номер XXIII (рис. 1–2)[1]. За эти годы здесь было вскрыто в общей сложности 810 м^2. Помимо следов жизнедеятельности античного времени, здесь были обнаружены необычные для Танаиса остатки каменных сооружений и археологический материал эпохи раннего средневековья. Итоги этих работ с соответствующим комментарием были опубликованы в 2007 г. [14, с. 193–214]. К сожалению, при обилии выразительных керамических материалов, металлических изделий здесь практически не было.

Единственной яркой раннесредневековой находкой из металла, найденной в пределах раскопа XXIII, стал небольшой нательный крестик[2]. В публикации 2007 г. была указана близость абриса креста из Танаиса изображению на литейной формочке из Херсонеса[3], а также крестам, изображенным на щитках больших крымских поясных пряжек [14, с. 194, 202, рис. 6,12].

После 2002 г. полевые работы на раскопе XXIII не проводились. Лишь с 2021 г. раскопки на т.н. «западном пригороде» Танаиса были возобновлены совместной экспедицией МГУ и ЮФУ под руководством Т. В. Егоровой[4]. Здесь был заложен новый раскоп XXXVI, распо-

[1] Работы на этом участке проводились по инициативе С. М. Ильяшенко с целью уточнения городской структуры Танаиса.

[2] Инв. № АМЗТ КП279/АГ96/309. Выражаем искреннюю признательность главному хранителю музея-заповедника «Танаис» Д. С. Айдинян за помощь в работе с материалом.

[3] В публикации 2007 г. ошибочно указано, что херсонская формочка изготовлена из камня [14, с. 202]. Впоследствии эта неточность была исправлена [13, с. 264].

[4] Искренне признательны Т. В. Егоровой за возможность ознакомиться с результатами ее работ 2021–2024 гг.

ложенный в 36 м к востоку от интересующего нас раскопа XXIII (рис. 2)[5]. На новом раскопе также выявлены сооружения и материалы раннесредневекового времени, полностью аналогичные обнаруженным на раскопе XXIII [напр.: 4, с. 38–41, рис. 16, 195–226].

По прошествии многих лет и в связи со вновь полученными материалами, мы решили, что в публикации 2007 г. крестик рассмотрен все же недостаточно тщательно и заслуживает большего внимания. Это обстоятельство и позволило нам обратиться к теме, вынесенной в заглавие.

Крестик был обнаружен в грунте вне построек, в 1,8 м к западу от юго-западного угла раннесредневекового помещения 15 (рис. 3) [14, с. 194]. Он отлит из довольно мягкого металла серого цвета и в незначительной степени поврежден мелкими очагами коррозии, внешне более всего схожими с т.н. «оловянной чумой». Крест равносторонний, грубоватый, с расширяющимися лопастями, три из которых (кроме верхней, с петлей для подвешивания) на концах завершаются округлыми «капельками». По периметру каждой лопасти – валик; от концов лопастей внутрь их плоскости такими же валиками моделированы треугольные фигуры, увенчанные выпуклой точкой. Выпуклиной оформлена и центральная часть крестика. Петелька для подвешивания уплощенная, перпендикулярна плоскости креста. Размеры – 2,9×2,9 см, высота петли – 0,5 см (рис. 4,*1*)[6].

Контекст вещи. Для Нижнего Дона крестик из Танаиса – находка необычная. Насколько нам известно, ничего подобного доныне здесь найдено не было. Поэтому в обзоре возможного источника поступления вещи в район донского устья мы в первую очередь обращаем взор в сторону Крыма – важнейшего пункта ромейского влияния, распространения христианства и христианской культовой атрибутики во всем нынешнем южнорусском регионе на протяжении многих веков, вплоть до развитого – позднего средневековья.

Следует сразу оговорить, что еще в ходе предварительной работы мы решили исключить некоторые линии сопоставлений иконографии креста. Прежде всего, это резьба по камню на архитектурных элементах, а также изображения крестов с расширяющимися лопастями и кружочками-«капельками» на концах на предметах из других материалов (например, стекло из могильника Мощевая балка на Северном Кавказе [5, с. 352, рис. 220,а–б]). Для наглядности мы отдаем предпочтение предметам мелкой металлической пластики – в первую очередь, собственно крестам и формам для их изготовления.

Раннесредневековым крестикам Крыма посвящено несколько специальных работ [25, с. 101–104; 19, с. 151–182; 20, с. 62–68; 9, с. 64–80; 10, с. 155–158][7], в которых собрано большое количество сведений о находках, их типологии, хронологии, археологическом контексте. Но крестов, близких обнаруженному в Танаисе, в крымских находках поныне неизвестно. Тем выразительнее его сходство с негативным изображением на бронзовой литейной формочке (рис. 4,*2,2а*), найденной при раскопках Херсонеса еще в 1966 г. (2,9×2,9 см – Танаис, 2,8×2,8 см – Херсон). Т. Ю. Яшаева, впервые издавшая херсонскую формочку и поднявшая ее из безвестности [25, с. 102–103, рис. 1,5], специально указала, что собственно крестиков, соответствующих данной форме, в Херсоне до сих пор не найдено. Здесь же она отметила и очевидную параллель кресту из формочки – тисненые изображения на щитках больших крымских поясных пряжек, которые и позволяли датировать форму в пределах VII в. [25, с. 103].

Спустя много лет херсонская формочка вновь стала объектом исследования [22, с. 653–656; 23, с. 153–157]. Анализом металла было установлено, что в форме, скорее всего, отливали крестики из серебра [22, с. 655; 23, с. 154][8]. Крестов, соответствующих форме, за срок, истекший со времени первого ее издания, в Крыму так и не обнаружено. Можно заключить,

[5] Важно отметить, что раскопы XXIII и XXXVI полностью располагаются на территории современных усадеб (огородов) хутора Недвиговка. Этим объясняются многие особенности проведения полевых работ, местоположение и конфигурация раскопов. В публикации 2007 г. это обстоятельство оговорено, но недостаточно отчетливо [14, с. 193].

[6] Рисунок креста выполнен Н. Е. Беспалой, фото – С. И. Безугловым.

[7] Пользуемся случаем выразить самую искреннюю благодарность Т. Ю. Яшаевой и Э. А. Хайрединовой за помощь в работе и предоставленные иллюстративные материалы высокого качества.

[8] Важно отметить, что в обеих публикациях 2023 г. специально указано, что матрица на другой (оборотной) стороне херсонской формочки использовалась для отливки маленьких свинцовых крестиков, подобных найденным в могильнике у с. Лучистое в хронологическом контексте VIII столетия [22, с. 656, рис. 2,а–в; 23, с. 154].

что кресты этой схемы, по крайней мере, в Херсоне, производились, но были редкими в сравнении с другими близкими по времени типами, тщательно собранными и описанными Э. А. Хайрединовой [19, с. 151–169, рис. 1–8].

Целая серия находок, близких крестику из Танаиса и крымской форме, обнаружена очень далеко от Крыма и всего южнорусского Причерноморья – Приазовья. Так, крестик, в мелких деталях соответствующий херсонской форме (рис. 5,*1*), происходит из коллекции киргизского исследователя и коллекционера А. М. Камышева (г. Бишкек)[9]. У него отсутствует ушко; в одной лопасти проделано отверстие для подвешивания[10]. Из Киргизии происходит еще несколько очень близких крестиков (рис. 5,*2*; коллекция В. Г. Кошевара – рис. 5,*3* [17, с. 45, рис. I,5–6]). Рассматриваемые нами предметы являются лишь одной из разновидностей целой серии разнообразных христианских крестиков, обнаруженных в Киргизии [17, с. 46–48, рис. I,1–17; II,1–10; 6, с. 93–95, фото 9–10].

Из важных, но типологически более удаленных среднеазиатских параллелей кресту из Танаиса, следует назвать нательный крестик из женского погребения некрополя Красная речка в Киргизии (рис. 5,*4*), а также крестик с одной утраченной лопастью из частной коллекции в Бишкеке (рис. 5,*5* [6, с. 76, рис. 27, фото 10,6]).

Помимо киргизских находок, наиболее близких к рассматриваемым нами, образцы мелкой христианской культовой пластики встречаются и в других областях Средней Азии. Это крест, найденный в 1946 г. на городище Афрасиаб [18, с. 166, рис. 72,2], керамическая форма для отливки нательных крестиков, найденная в 1993 г. в слое VII в. на Эрк-кале (Старый Мерв, Туркмения) (рис. 5,*6*) [15, с. 39].

Мы не ставили перед собой задачу составить свод менее или более отдаленных среднеазиатских параллелей находкам из Танаиса и Херсона; без работы с живым материалом это невозможно. Мы хотели лишь обозначить возможную линию сопоставлений в образах, которые нам представляются довольно убедительными.

Разные авторы по разному оценивают христианские древности Средней Азии. Одни определенно связывают их с наследием несторианских общин, разбросанных в свое время в различных регионах Азии вплоть до Дальнего Востока, другие более осторожно считают, что они могли принадлежать различным восточнохристианским сообществам. Это отдельная, большая тема, слабыми звеньями которой являются острый дефицит сведений об археологическом контексте и, соответственно, недостаточная аргументация датировок рассматриваемых объектов.

Для нас важно другое. Среднеазиатские параллели, с учетом херсонской формочки, могут свидетельствовать о том, что крестик из Танаиса может представлять собой ***одну из многочисленных*** разновидностей культовой металлопластики несторианского круга[11]. С точки зрения константинопольского православия это атрибут, безусловно, еретический. Таким вещам проще было появиться и в ромейском, но все же значительно удаленном от метрополии

[9] Сразу следует отметить, что провенанс киргизских находок весьма своеобразен. Значительная часть опубликованных вещей происходит из нескольких частных коллекций. Некоторые из них определенно привязаны к конкретным известным археологическим памятникам, для других точных данных о месте находки нет. Несомненным является лишь то, что все эти вещи местные и найдены на территории Киргизии. При отсутствии других данных, мы вынуждены довольствоваться этой информацией.

[10] Было ли ушко у крестиков, вышедших из херсонской формы – вопрос. Форма имеет довольно крупный в своем масштабе литник. Скорее всего, из металла, оставшегося в нем после отливки, можно было изготовить и ушко. А можно было, убрав литник, обойтись и без него. Да и без осмотра крестика из коллекции Камышева в оригинале нельзя уверенно говорить о том, что ушка у него не было изначально. Оно могло быть утрачено при использовании вещи. По имеющейся картинке понять это невозможно. А попасть в киргизский Бишкек и получить доступ к вещи в существующих условиях, мягко говоря, сложно.

[11] Следует упомянуть и крестик той же схемы, происходящий из собрания краеведа из Карачаево-Черкесии (пос. Малокурганный) С. Д. Мастепанова (рис. 5,6) [8, с. 187, рис. 3,8]. Издавший его коллекцию С. Н. Малахов обозначил круг параллелей кресту Мастепанова, в который он включил и рассматриваемую нами находку из Танаиса, и бронзовую форму из Херсона, и керамическую форму из Мерва, а также (со ссылкой на исследователей из Средней Азии) обозначил связь этой формы «с несторианским присутствием в этом регионе с VIII по середину XIV в.» [8, с. 191].

Крыму, и уж тем более в окруженном дикой степью устье Дона. Вряд ли здесь могли иметь значение тонкие и малопонятные богословские коллизии о соотношении человеческого и божественного во Христе, отступление от которых в крупных имперских центрах могло самым пагубным образом сказаться на судьбах приверженцев еретических направлений.

Дата. Условия находки крестика не оставляют сомнений в его принадлежности открытому на раскопе XXIII раннесредневековому культурному комплексу. Но аргументированных оснований к определению узких дат его составляющие не дают (см. ниже). В публикациях, посвященных раннесредневековым древностям раскопа XXIII, их дата ***предварительно*** была определена как VII – первая половина VIII в. [14, с. 202], либо как вторая половина VII – первая половина VIII в. [13, с. 266]. При отсутствии к настоящему моменту принципиально новых материалов к датировке креста (в том числе и в новых работах Т. В. Егоровой 2021–2025 гг.), важнейшим хронологическим репером для него (как и для херсонской формы) остаются упомянутые выше большие пряжки с тиснеными крестами на щитках (рис. 4,*3–5*). Серия комплексов, комбинирующих эти пряжки с другими выразительными в хронологическом отношении вещами, позволяет относить их либо к рубежу VI–VII вв. [21, с. 310, 313], либо ко второй половине VI – первой четверти VII в. [22, с. 656; 1, с. 274, рис. 172–174][12]. Эти даты мы считаем главным хронологическим ориентиром для танаисского креста. Специально подчеркнем: ***именно ориентиром***. Это значит, что, несмотря на поразительное сходство изображений[13], не следует непосредственно переносить дату пряжек на крестики. Именно поэтому мы избегаем указания дат в жесткой цифровой форме.

Археологический контекст. Раннесредневековый культурный комплекс, открытый на раскопе XXIII, неоднократно являлся предметом специального рассмотрения [11, с. 326–338; 14, с. 193–214; 13, с. 261–266, рис. 2–8]. Сейчас мы отметим лишь несколько обстоятельств, важных для освещения рассматриваемого нами сюжета.

Слой, исследованный в пределах раскопа XXIII, помимо раннесредневековых остатков, содержал значительное количество материала времени античного Танаиса (II в. до н.э. – III в. н.э.). Иногда среди керамического боя (особенно в лепных категориях) разграничить их практически невозможно. Поэтому в первую очередь мы уделяем внимание группам материала, принадлежность которых раннесредневековому культурному комплексу бесспорна. Это амфорная тара (рис. 6,*1–4*) [11, с. 329–331, рис. 1,1–4; 2,1–6; 14, с. 197–198, рис. 5,1–4; 6,1–9; 13, с. 261–264, рис. 2,1–4; 3,1–7,9–13], гончарные кувшины «скалистинского» типа (рис. 7,*1–2*) [14, с. 198, рис. 7,1–7], выразительные образцы гончарной керамики и горшков с линейным и волнистым орнаментом (рис. 7,*3–4*) [14, с. 200–201, рис. 8,3,5,7], котлы с внутренними ушками (рис. 8,*1–2*) [14, с. 199–200, рис. 9,3–5], а также лепная посуда из закрытых комплексов (ям). Как правило, эти керамические изделия имеют довольно расплывчатые даты, в целом не противоречащие заданному хронологическому ориентиру.

Особо отметим лишь несколько наблюдений за составом обнаруженной на раскопах XXIII и XXXVI[14] амфорной тары. Ей посвящена отдельная работа одного из авторов настоящей заметки [13, с. 261–264]. В исследовательском обиходе прочно утвердилось мнение А. Л. Якобсона о том, что амфоры, близкие рассматриваемым нами, являются продукцией «обширного местного производства», а «различия между ними не велики и не резки, больше наблюдается черт сходства, что и позволило нам говорить о вариантах, а не о различных типах». При этом «амфоры всех трех вариантов сосуществовали… Общая дата их – VIII–IX вв.» [24, с. 29, 32].

По поводу «причерноморских амфор VIII–IX вв.» в свое время возникли вопросы: насколько все они причерноморские и насколько справедлива их датировка лишь в пределах VIII–IX вв.

[12] Нами приведены лишь частные наглядные примеры крымских пряжек из могильника Лучистое. На самом деле, их много на разных памятниках.

[13] С учетом возможной принадлежности несторианской традиции крестика из Танаиса и негатива из херсонской формочки, может возникнуть вопрос – не связаны ли с несторианской иконографией и похожие на них изображения на крымских пряжках? Увы, у нас нет реальных оснований для ответа. Умозрительно – скорее нет.

[14] Данными о находках на раскопе XXXVI в 2021–2025 гг. мы пользуемся с разрешения автора раскопок Т. В. Егоровой.

Рассмотрение проблемы позволило предполагать, что амфоры, подобные найденным в Танаисе, принадлежат общеимперским типам и вошли в широкое употребление значительно раньше VIII столетия [13, с. 266, 274, 280; с тем же выводом годы спустя: 2, с. 200].

Позволим себе небольшое отступление от основной темы. Нам оно представляется важным и уместным в силу того, что раннесредневековая амфорная тара в поселенческих находках степного Подонья встречается часто и, на наш взгляд, может служить более тонким культурно-хронологическим показателем, чем допускалось ранее.

Важный момент – среди амфорного материала, обнаруженного на раскопах XXIII и XXXVI поныне ***нет ни одного фрагмента желобчатых амфор*** (вариант 2 у А. Л. Якобсона [24, с. 31]).

При исследовании некоторых поселений на Таманском полуострове около 10 лет назад было открыто несколько амфорных «складов». Очевидно, изначально это были довольно обширные и сравнительно неглубокие округлые ямы, в которых были плотно установлены амфоры (в значительной части, вверх дном). Эти комплексы представляют огромный интерес с точки зрения комбинации представленных в них разновидностей; они заслуживают отдельной публикации и самого тщательного анализа. Сейчас нас интересуют лишь несколько примеров, частные детали, соприкасающиеся с основной нашей темой.

Поселение «Волна 1» (5 км к югу от ст. Тамань, северное подножие горы Зеленской). Раскопки 2015 г., раскоп XVIII, квадрат 64. Здесь обнаружено компактное скопление амфор (36 экз.), сильно разнящихся по составу глины (цвет, примеси, толщина и массивность стенок), морфологии (практически гладкие, со слабо выраженной ребристостью, желобчатые; абрисы доньев, ручек и венчиков). Без сомнения, изготовлены они в различных центрах; для нас важно, что среди этого разнообразия закрытого комплекса ***нет ни одной амфоры с зональным рифлением***.

Раскопки 2015 г., раскоп XVIII, квадрат 74. Здесь по кругу (очевидно, по периметру ямы) лежали 8 амфор и красноглиняная фляга (баклажка). Амфоры, как и в описанной выше находке, представляют несколько разновидностей (от гладких до резко желобчатых) из разной глины. ***Амфор с зональным рифлением здесь также нет***.

Поселение «Балка Лисовицкого 1, 4» (4,6 км к северо-востоку от Тамани). Раскоп 2, комплекс 22. По большей части вверх дном – 30 желобчатых амфор [3, с. 51–61, рис. 1511, 1742–1745, 2099–2132][15]. ***Амфор с зональным рифлением нет***.

Раскоп 2, комплекс 75. 16 желобчатых амфор; ***экземпляров с зональным рифлением нет*** [3, с. 123–128, рис. 14, 312–315, 770, 771–781].

Раскоп 2, комплекс 34. 7 амфор «овоидной» формы с зональным рифлением; ***желобчатых экземпляров нет*** [3, с. 100–102, рис. 631–641].

Раскоп 3, комплекс 20. Рядом лежали 2 амфоры: «овоидная» ***с зональным рифлением*** по плечам и ***желобчатая***; следов ямы вокруг них не прослежено [3, с. 49–50, рис. 2092–2095].

Мы перечислили только крупные скопления. На деле их ощутимо больше и на поселении «Волна I», и, особенно, на поселении «Балка Лисовицкого 1, 4». По таманским материалам выходит, что желобчатые и рифленые густой гребенкой (по большей части, по плечам) амфоры иногда все же встречаются в ***закрытых комплексах*** вместе, но редко и как-то не очень убедительно. Желобчатые амфоры нередко встречаются с выразительными образцами керамики (и лощеной, и кухонной) зрелого салтовского облика. Амфоры же с зональным рифлением (особенно с выраженной «глобулярностью»), в большинстве своем принадлежат более ранней эпохе. К таким же выводам на фанагорийских материалах (с привлечением очень обширного археологического контекста) пришли в своей работе Л. А. Голофаст и П. А. Евдокимов [2, с. 199][16].

[15] Благодарим автора раскопок Ю. К. Гугуева за возможность ознакомиться с материалами его раскопок.

[16] В проблеме же указания дат абсолютных, в свете современных требований и иллюстративных возможностей, совершенно необходим пересмотр и тщательный анализ многократно упоминаемых базовых комплексов, а также современный квалифицированный комментарий к обнаруженному в них нумизматическому материалу с его воспроизведением. Без этого вопрос о конкретных датах будет двигаться по кругу и сохранит значительный элемент сослагательности.

В этой связи установленный ранее «досалтовский» возраст раннесредневекового горизонта на раскопе XXIII получает дополнительные аргументы. В его датировке обозначено и VIII столетие, но оно присутствует там как допуск, стремление избежать хронологической ошибки.

Важно отметить находку ямы с амфорой того же типа и, несомненно, того же времени на поселении «Мартыново 1», расположенном в 3 км к востоку от Танаиса, в сходной топографической ситуации – у края коренного берега дельты Дона (рис. 8,*3*) [12, с. 468–469, рис. 3]. Амфоры с зональным рифлением встречены и в других районах Подонья – иногда на поселениях с немногочисленными датирующими вещами, видимо, еще конца V – VI в. [7, с. 145–169, рис. 5,4,6; 30,1; 24,6], иногда без надежных хронологических определителей [16, с. 215–226, рис. 2,1–16; 11,1–6][17]. Более пристальный, дифференцированный подход к анализу материала позволяет предполагать наличие среди донских бытовых памятников, суммарно относимых ранее либо к «VIII–IX вв.», либо к «салтово-маяцкой культуре», более ранних поселений, соответствующих «темным векам»[18].

Таким образом, мы можем констатировать наличие в западной части Танаиса[19] в обозначенном выше хронологическом диапазоне ***пункта оседлой жизни***, население которого практиковало сооружение небольших построек на каменных основаниях, заметный импорт из византийских владений каких-то товарных позиций, заключенных в амфорную тару, а также гончарной посуды крымского производства. Одним из элементов ромейского присутствия здесь (хотя и очень своеобразным) можно считать и рассмотренный нами нательный крестик[20].

[17] Предложенная автором дата (IX в.) не аргументирована [ср.: 13, с. 266–272].

[18] В силу специфики рассмотренного нами сюжета за его рамками остается вопрос о соотношении бытовых памятников и степных кочевнических погребений Подонья, относящихся к VI–VII вв. Это отдельная сложная тема.

[19] По любезному сообщению С. М. Ильяшенко, находки амфорных фрагментов с зональным рифлением на ограниченной рвами территории Недвиговского городища (цитадели Танаиса) до настоящего времени неизвестны.

[20] Раннесредневековый культурный комплекс, открытый в Танаисе, очень важен для освещения проблемы континуитета и хронологии позднего периода существования города. Развитие взглядов на период окончательного запустения Танаиса, прекращения здесь оседлой жизни и его причин за последние 170 лет (считая со времени экспедиции П. М. Леонтьева, проведенной в 1853 г.) может составить специальный исследовательский сюжет. Здесь и сейчас не место его рассматривать.

Рис. 1. Местоположение Недвиговского городища (Танаиса) на схеме Ростовской области

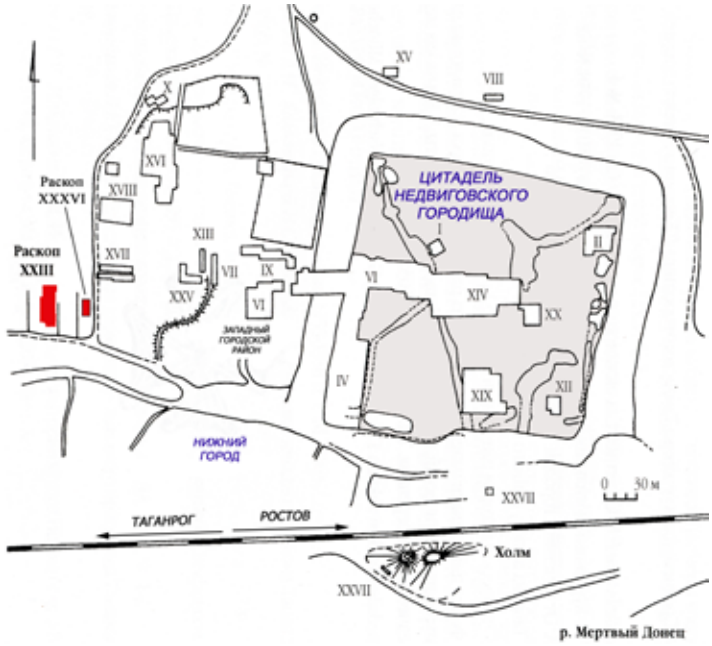


Рис. 2. Расположение раскопов XXIII и XXXVI на схеме Танаиса

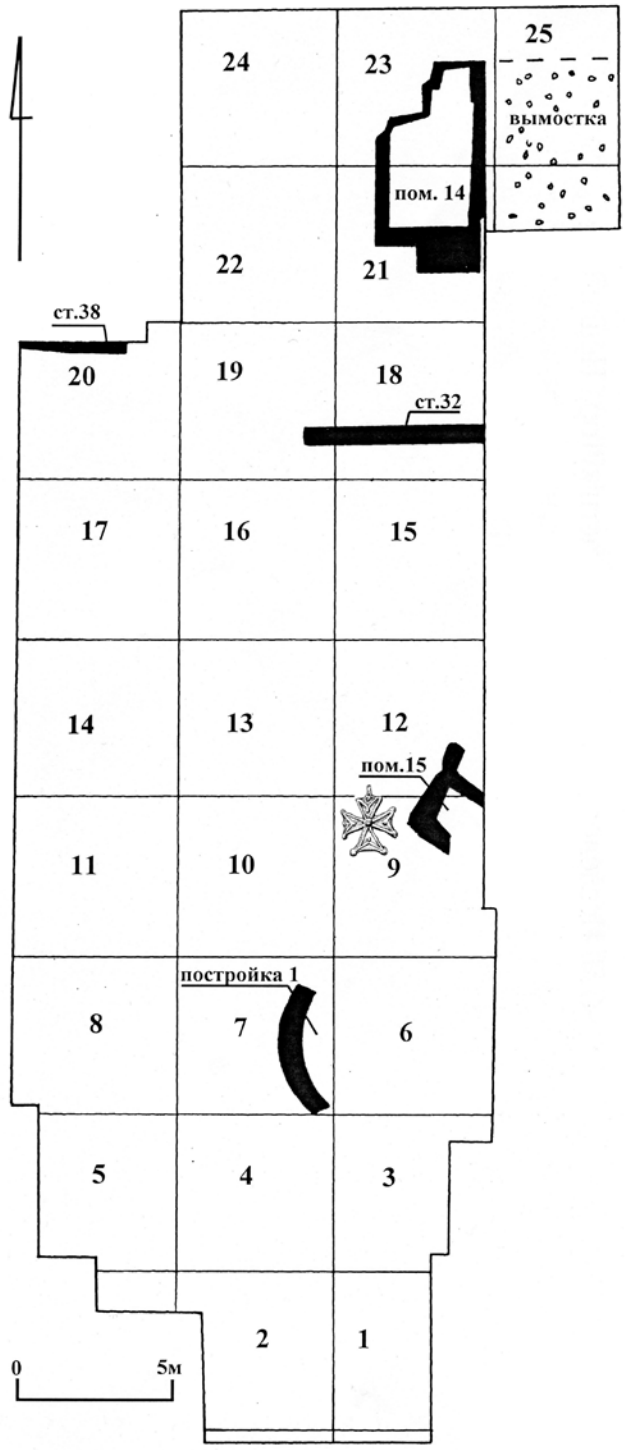


Рис. 3. Схема раннесредневековых построек на раскопе XXIII с указанием места находки нательного креста

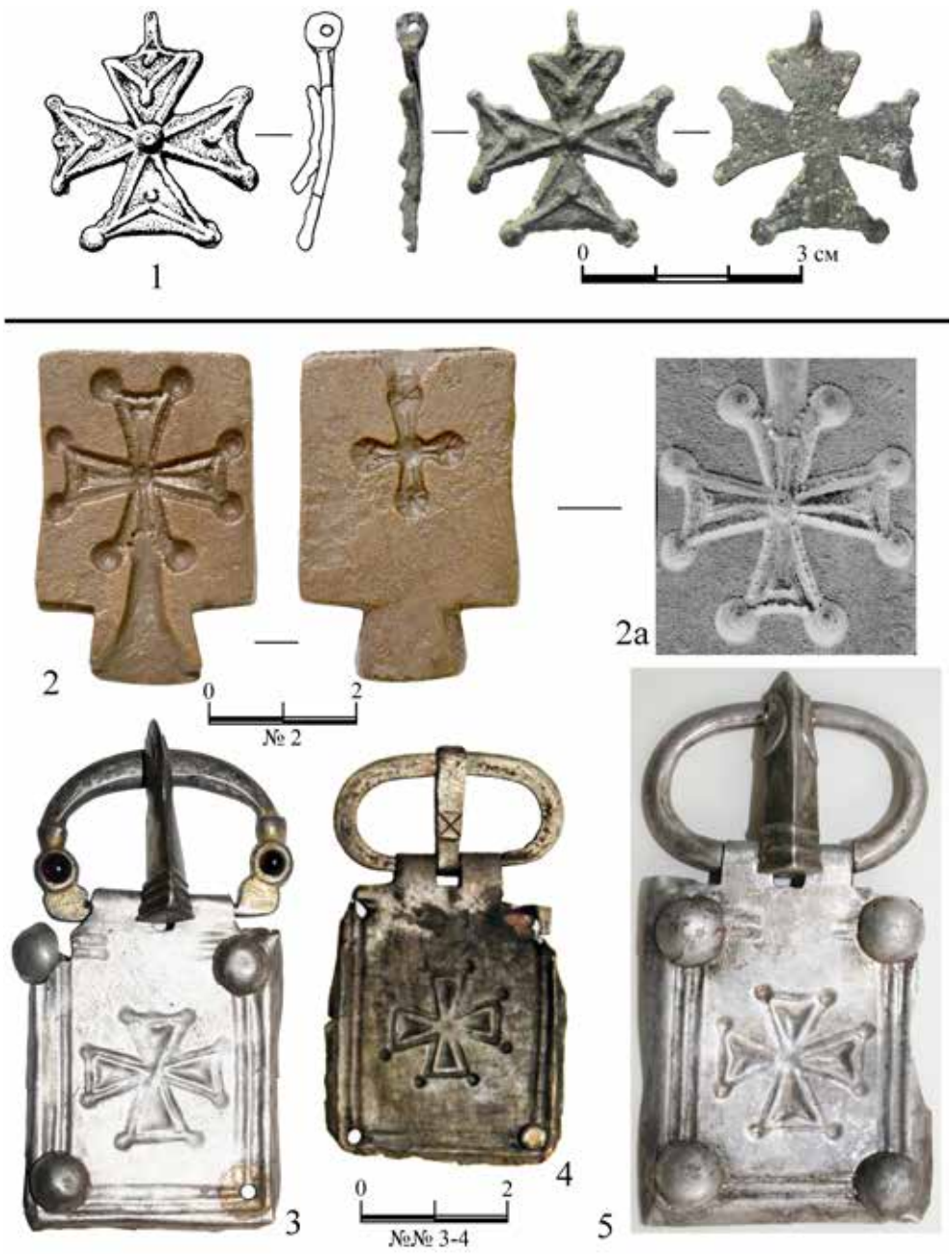


Рис. 4. Крест из Танаиса и его крымские параллели
1 – Танаис-2002, раскоп XXIII, квадрат 9, металлический нательный крест. Рисунок и фото; *2, 2а* – Херсонес-1966, литейная форма (2а – без масштаба, [по: 22, рис. 1,а–г]); *3* – Лучистое, склеп 77, погр. 1 [по: 21, рис. 9,4; *4* – Лучистое, склеп 104 [по: 1, рис. 172,10], фото Э. А. Хайрединовой; *5* – Лучистое, склеп 268, погр. 7 [по: 21, рис. 7,1]

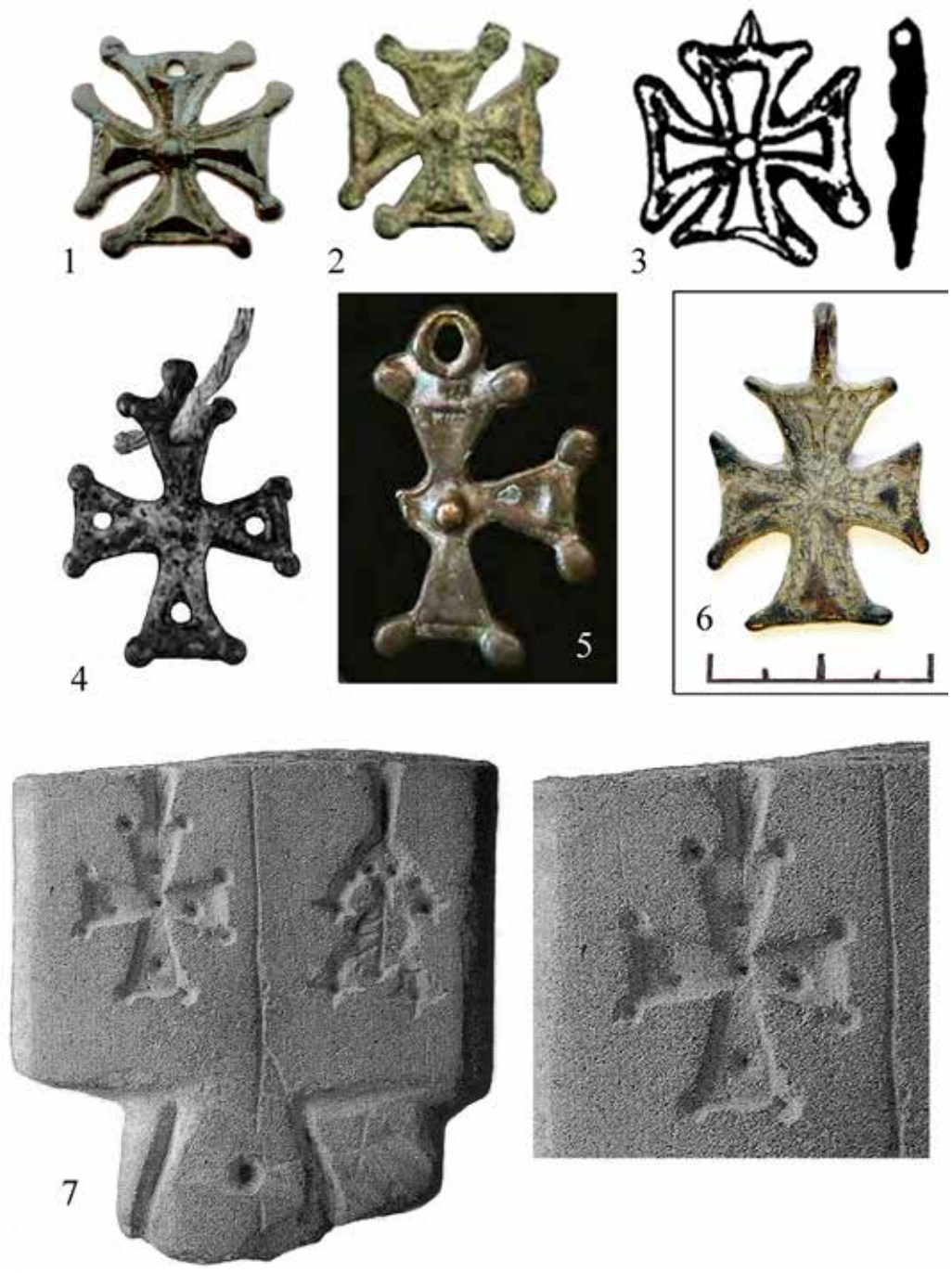


Рис. 5. Крестики и формы для их отливки из Средней Азии и с Кавказа
1–3 – Киргизия, коллекции А. М. Камышева и В. Г. Кошевара;
4 – Киргизия, могильник Красная речка, женское погребение;
5 – Киргизия, «частные коллекции г. Бишкек»; *6* – коллекция С. Д. Мастепанова (Карачаево-Черкесия); *7* – Туркмения, Эрк-кале (Старый Мерв)

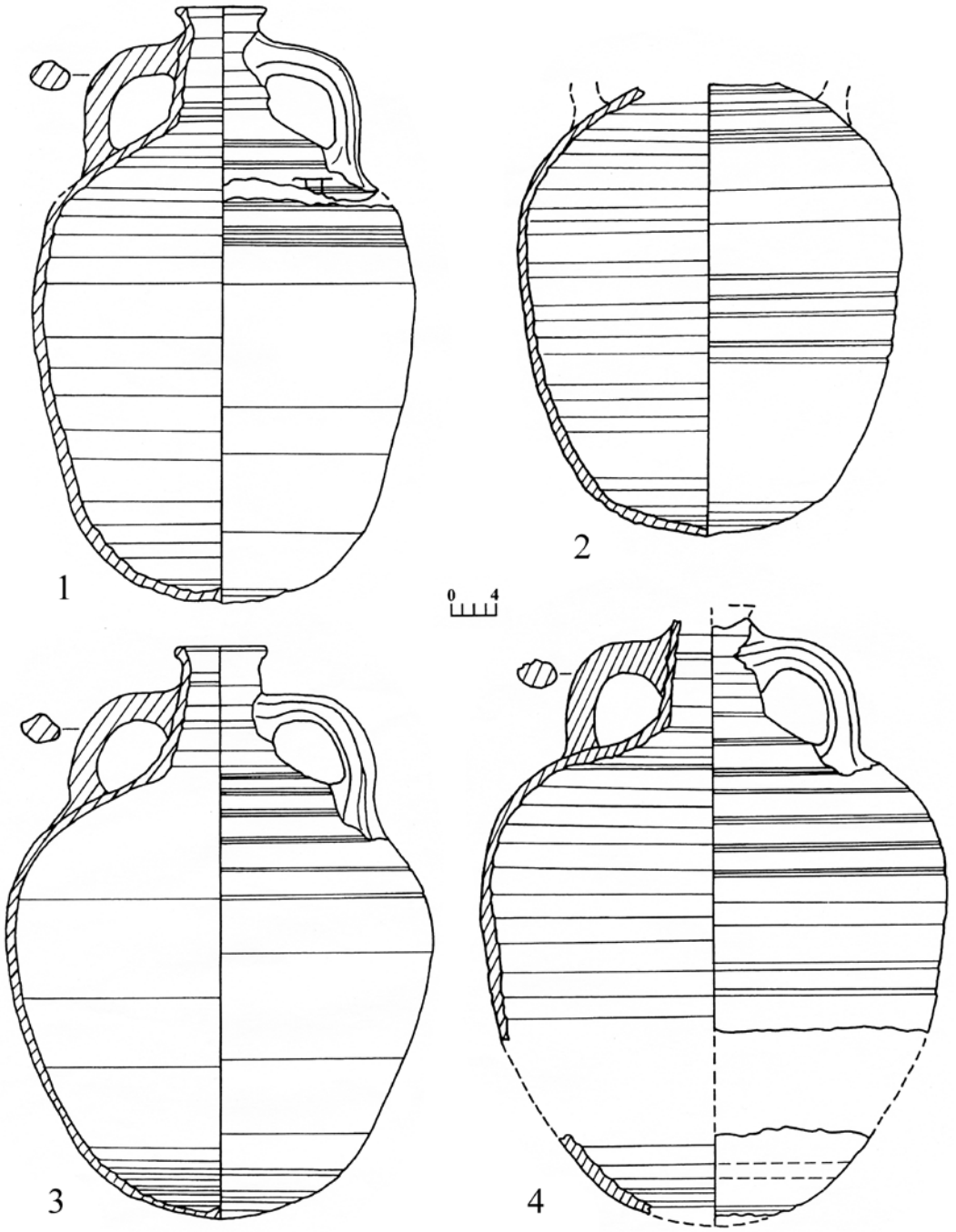


Рис. 6. Танаис, раскоп XXIII. Амфоры «с мелким зональным рифлением» (образцы)

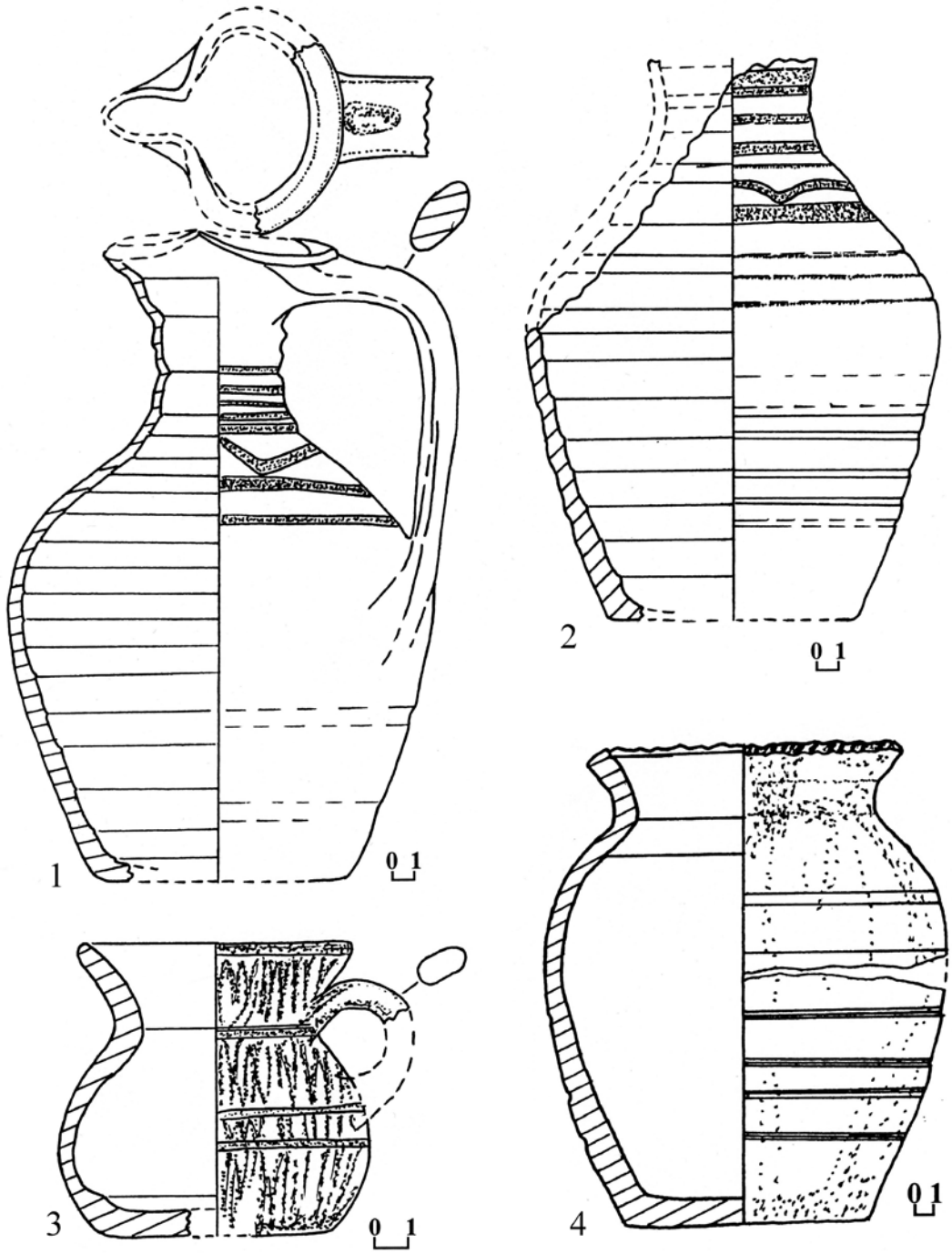


Рис. 7. Танаис, раскоп XXIII. Раннесредневековая керамика:
1–2 – кувшины «скалистинского» типа; *3* – лощеный кувшинчик;
4 – горшок с линейным орнаментом

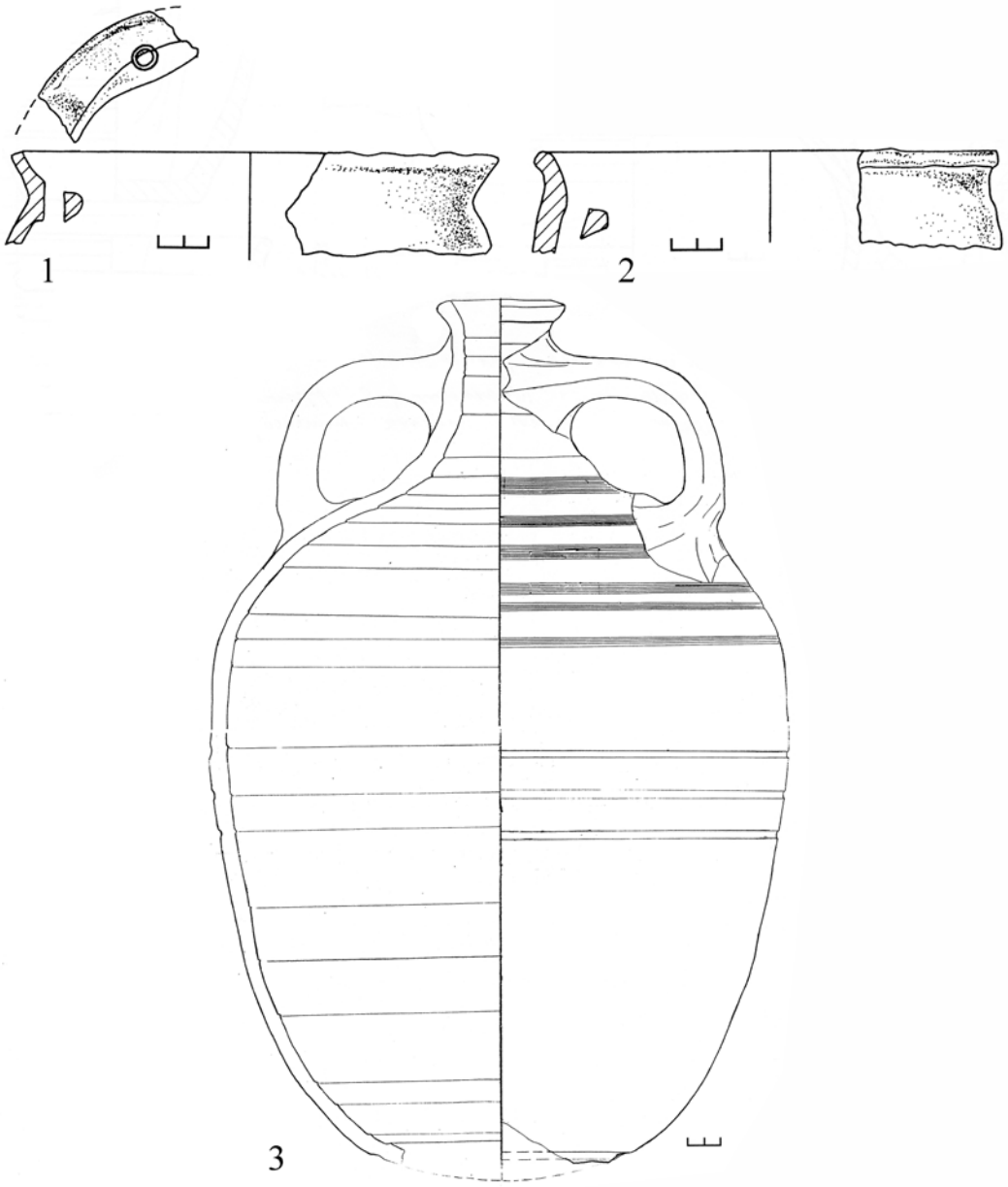


Рис. 8. Керамика из Танаиса и его окрестностей
1–2 – Танаис, раскоп XXIII, фрагменты лепных котлов с внутренними ушками;
3 – Мартыново I, шурф 2002 г. Амфора с зональным рифлением из ямы 1

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Крымские готы страны Дори (середина III – VII в.). Симферополь: Антиква, 2017. 368 с.
2. Голофаст Л.А., Евдокимов П.А. К вопросу о времени бытования амфор с мелким зональным рифлением (по материалам раскопок в Фанагории) // МАИЭТ. 2019. Вып. XXIV. С. 186–216.
3. Гугуев Ю.К. Отчёт о раскопках поселения «Балка Лисовицкого 1, 4» в Темрюкском районе Краснодарского края в 2016 году. СПб., 2017 // Научный архив Института археологии РАН.
4. Егорова Т.В. Отчет об археологических раскопках на территории объекта культурного наследия федерального значения «Городище Танаис» в хуторе Недвиговка в Мясниковском районе Ростовской области в 2023 г. М., 2024 // Научный архив Института археологии РАН.
5. Иерусалимская А.А. Мощевая балка. Необычный археологический памятник на северокавказском шелковом пути. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2012. 384 с.
6. Кольченко В.А. Средневековое христианство Кыргызстана по данным археологических источников // Религии Центральной Азии и Азербайджана. Том IV. Христианство / Отв. ред. А. Искандерова. Самарканд: МИЦАИ, 2018. С. 48–103.
7. Ларенок П.А., Цыбрий С.В., Цыбрий А.В. Раннесредневековый комплекс поселения Терновое III (по материалам раскопок 2004 г.) // Археологические записки. Вып. 7 / Ред. В.Я. Кияшко. Ростов-на-Дону, 2011. С. 139–169.
8. Малахов С.Н. Средневековые энколпионы и кресты-тельники из Верхнего Прикубанья // Древности Западного Кавказа. 1 / Отв. ред. Н.Е. Берлизов. Краснодар, 2013. С. 183–194.
9. Мастыкова А.В. О находках металлических крестов на средневековом могильнике Горзувиты (Южный берег Крыма) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24, № 6. С. 64–80.
10. Мастыкова А.В. Предметы христианского культа из раннесредневекового некрополя Горзувиты // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Империя и полис. XI Международный Византийский Семинар: Материалы научной конференции / Отв. ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь, 2019а. С. 155–158.
11. Нидзельницкая Л.Ю. Раннесредневековая керамика из западного пригорода Танаиса // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2001 г. Вып. 18 / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов, 2002. С. 326–338.
12. Нидзельницкая Л.Ю. Новые данные к датировке поселения «Мартыново-I» // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2003 г. Вып. 20 / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов, 2004. С. 466–476.
13. Нидзельницкая Л.Ю. Византийские амфоры с гладким корпусом и зональным орнаментом V – начала IX вв. (по материалам донских музеев) // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время / Отв. ред. В.П. Копылов. Ростов-на-Дону: Медиа-полис, 2009. С. 257–282.
14. Нидзельницкая Л.Ю., Ильяшенко С.М. Раннесредневековое поселение на территории Танаиса // Средневековые древности Дона / Отв. ред. Ю.К. Гугуев. М., Иерусалим: Мосты культуры, 2007. С. 193–214. (Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. II).
15. Никитин А.Б. К истории христианства в Мерве // Пилигримы. Историко-культурная роль паломничества / Ред. В.Н. Залесская. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2001. С. 37–41.
16. Прокофьев Р.В. Поселение IX в. на левобережье Северского Донца и вопрос о проникновении славян в Нижнее Подонье // Средневековые древности Дона / Отв. ред. Ю.К. Гугуев. М., Иерусалим: Мосты культуры, 2007. С. 215–239. (Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. II).
17. Ротт Ф.Г. Кресты и их фрагменты из юго-восточного Семиречья // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Вып. 1 / отв. ред. В.А. Кольченко, Ф.Г. Ротт. Бишкек: Илим, 2005. С. 44–51.
18. Тереножкин А.И. Согд и Чач // КСИИМК. 1950. Вып. XXXIII. С. 152–169.
19. Хайрединова Э.А. Раннесредневековые кресты из юго-западного Крыма // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII. С. 151–182.
20. Хайрединова Э.А. Парадный убор жительницы раннесредневекового Дороса (по находкам из Тешкли-бурунского клада Мангупского городища) // МАИЭТ. 2017. Вып. XXII. С. 62–85.
21. Хайрединова Э.А. Детские погребения с большой пряжкой из Юго-Западного Крыма // Stratum plus. 2023. № 4. С. 306–323.
22. Хайрединова Э.А., Антипенко А.В., Яшаева Т.Ю. Средневековая литейная форма для изготовления крестов из Херсона // Российские нанотехнологии. 2023. Т. 18, № 5. С. 653–656.
23. Хайрединова Э.А., Антипенко А.В., Яшаева Т.Ю. Литейная форма для изготовления крестов из Херсона // IV Свято-Владимирские чтения. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 1035-летию Крещения Руси / Ред. В.В. Майко, Э.А. Хайрединова, Т.Ю. Яшаева. Симферополь, 2023. С. 153–157.
24. Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.: Наука, 1979. 164 с.
25. Яшаева Т.Ю. Формы для отливки крестов из раскопок Херсонеса // Культовые памятники в мировой культуре: археологический, исторический и философский аспекты. Сборник научных трудов по материалам V Международной Крымской конференции по религиоведению. Севастополь, 2004. С. 101–104.

REFERENCES

1. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. *Krymskie goty strany Dori (seredina III – VII v.)* [Crimean Goths in the region of Dory (mid-third to seventh century)]. Simferopol, Antikva Publ., 2017, 368 p.
2. Golofast L.A., Evdokimov P.A. On the Chronology of the Amphorae with Fine Corrugation Zones (According to the Excavations in Phanagoreia). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2019, vol. 24, pp. 186–216.
3. Guguev Iu.K. Report on the excavations of the settlement "Balka Lisovitskogo 1, 4" in the Temryuk district of Krasnodar Krai in 2016. St. Petersburg, 2017. *Scientific Archives of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences*.
4. Egorova T.V. Report on archaeological excavations on the territory of the cultural heritage site of federal significance "Tanais Settlement" in the village of Nedvigovka in the Myasnikovsky district of Rostov Oblast in 2023. Moscow, 2024. *Scientific Archives of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences*.
5. Ierusalimskaya A.A. *Moshchevaia balka. Neobychnyi arkheologicheskii pamiatnik na severokavkazskom shelkovom puti* [Moshchevaya ravine. An unusual archaeological site on the North Caucasian Silk Road]. St. Petersburg, State Hermitage Museum Publ., 2012, 384 p.
6. Kol'chenko V.A. Medieval Christianity in Kyrgyzstan according to archaeological sources. A. Iskanderova (ed.), *Religii Tsentral'noi Azii i Azerbaidzhana. Tom IV. Khristianstvo* [Religions of Central Asia and Azerbaijan. Volume IV. Christianity]. Samarkand, 2018, pp. 48–103.
7. Larenok P.A., TSybrii S.V., TSybrii A.V. Early medieval complex of the Ternovoye III settlement (based on excavations in 2004). V.Ya. Kiyashko (ed.), *Arkheologicheskie zapiski* [Archaeological notes]. Vol. 7. Rostov-on-Don, 2011, pp. 139–169.
8. Malakhov S.N. Medieval encolpions and pectoral crosses from the Upper Kuban region. N.E. Berlizov (ed.), *Drevnosti Zapadnogo Kavkaza* [Antiquities of the Western Caucasus]. Vol. 1. Krasnodar, 2013, pp. 183–194.
9. Mastykova A.V. On the Finds of Metal Crosses at the Medieval Burial Ground of Gorzuvity (The Southern Coast of Crimea). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia 4, Istoriia. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 6, pp. 64–80.
10. Mastykova A.V. The Christian Cult Artefacts in the Early Mediaeval Cemetery of the Ancient Town of Gorzoubitai. N.A. Alekseenko (ed.), *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiia i polis. XI Mezhdunarodnyi Vizantiiskii Seminar* [11th international Byzantine workshop "Chersonos Themata: the empire and the polis"], Simferopol, 2019, pp. 155–158.
11. Nidzelnitskaya L.Iu. Early Medieval Ceramics from the Western Suburb of Tanais. V.Ia. Kiiashko (ed.), *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v g. Azove i na Nizhnem Donu v 2003 g.* [Historical and Archaeological Research in Azov and the Lower Don in 2001]. Vol. 18. Azov, 2002, pp. 326–338.
12. Nidzelnitskaya L.Iu. New Data on the Dating of the Martynovo-I Settlement. V.Ia. Kiiashko (ed.), *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v g. Azove i na Nizhnem Donu v 2003 g.* [Historical and Archaeological Research in Azov and the Lower Don in 2003]. Vol. 20. Azov, 2004, pp. 466–476.
13. Nidzelnitskaya L.Iu. Byzantine amphoras with smooth bodies and zonal ornamentation of the 5th – early 9th centuries (based on materials from the Don museums). V.P. Kopylov (ed.), *Mezhdunarodnye otnosheniia v basseine Chernogo moria v skifo-antichnoe i khazarskoe vremia* [International relations in the Black Sea basin in the Scythian-ancient and Khazar times]. Rostov-on-Don, Media-polis Publ., 2009, pp. 257–282.
14. Nidzelnitskaya L.Iu., Ilyashenko S.M. Early medieval settlement on the territory of Tanais. Iu.K. Guguev (ed.), *Srednevekovye drevnosti Dona* [Medieval antiquities of the Don]. Moscow, Jerusalem, Mosty kul'tury Publ., 2007, pp. 193–214. (Materials and research on the archaeology of the Don. Vol. 2).
15. Nikitin A.B. On the History of Christianity in Merv. V.N. Zalesskaya (ed.), *Piligrimy. Istoriko-kul'turnaia rol' palomnichestva* [Pilgrims. The Historical and Cultural Role of Pilgrimage]. St. Petersburg, State Hermitage Museum Publ., 2001, pp. 37–41.
16. Prokof'ev R.V. The 9th-Century Settlement on the Left Bank of the Seversky Donets and the Question of the Slavic Penetration into the Lower Don Region. Iu.K. Guguev (ed.), *Srednevekovye drevnosti Dona* [Medieval antiquities of the Don]. Moscow, Jerusalem, Mosty kul'tury Publ., 2007, pp. 215–239. (Materials and research on the archaeology of the Don. Vol. 2).
17. Rott F.G. Crosses and Their Fragments from Southeastern Semirechye. V.A. Kol'chenko, F.G. Rott (eds.), *Materialy i issledovaniia po arkheologii Kyrgyzstana* [Materials and Research on the Archaeology of Kyrgyzstan]. Vol. 1. Bishkek, Ilim Publ., 2005, pp. 44–51.
18. Terenozhkin A.I. Sogd and Chach. *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury* [Brief Communications of the Institute of the History of Material Culture],. 1950, vol. 33, pp. 152–169.
19. Khairedinova E.A. Early Medieval Crosses from the South-Western Crimea. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2007, vol. 13, pp. 151–182.
20. Khairedinova E.A. Parade Attire of a Woman Residing in Mediaeval Doros (According to the Finds from the Teshkli-Burun Hoard). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2017, vol. 22, pp. 62–85.

21. Khairedinova E.A. Children's burials with a great buckle from the South-Western Crimea. *Stratum plus*, 2023, no. 4, pp. 306–323.
22. Khairedinova E.A., Antipenko A.V., Yashaeva T.Yu. Medieval casting mold for manufacturing crosses from Cherson. *Rossiiskie nanotekhnologii* [Nanobiotechnology Reports], 2023, vol. 18, no. 5, pp. 653–656.
23. Khairedinova E.A., Antipenko A.V., Yashaeva T.Yu. Casting Mold for the Production of Crosses from Cherson. V.V. Maiko, E.A. Khairedinova, T.Yu. Yashaeva (eds.), *IV Sviato-Vladimirskie chteniia. Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 1035-letiiu Kreshcheniia Rusi* [4th St. Vladimir Readings. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference Dedicated to the 1035th Anniversary of the Baptism of Rus']. Simferopol, 2023, pp. 153–157.
24. Yakobson A.L. *Keramika i keramicheskoe proizvodstvo srednevekovoi Tavriki* [Ceramics and Ceramic Production of Medieval Taurica]. Leningrad, Nauka Publ., 1979, 164 p.
25. Yashaeva T.Yu. Molds for Casting Crosses from Chersonesos Excavations. *Kul'tovye pamiatniki v mirovoi kul'ture: arkheologicheskii, istoricheskii i filosofskii aspekty. Sbornik nauchnykh trudov po materialam V Mezhdunarodnoi Krymskoi konferentsii po religiovedeniiu* [Religious Monuments in World Culture: Archaeological, Historical, and Philosophical Aspects. Collection of Scientific Papers Based on the Materials of the V International Crimean Conference on Religious Studies]. Sevastopol, 2004, pp. 101–104.

Информация об авторах

Нидзельницкая Л. Ю. – главный археолог ООО «ОКН-проект».

Безуглов С. И. – кандидат исторических наук, главный археолог ООО «ОКН-проект»; Scopus ID: 57218325577.

Authors information

Nidzelnitskaya L. Yu. – chief archaeologist of OKN-project LLC.

Bezuglov S. I. – Candidate of Science (History), chief archaeologist of OKN-project LLC; Scopus ID: 57218325577.

DOI: 10.29039/2413-189X.2025.30.219-234

ЭЛИТНОЕ ПОГРЕБЕНИЕ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ВРЕМЕНИ С ГОРОДИЩА МЕЛЕК

Юрий Павлович Зайцев
Историко-археологический музей-заповедник «Неаполь Скифский», Симферополь, Россия
skilur46@mail.ru, https://orcid.org/ 0000-0001-6549-0520
Эльзара Айдеровна Хайрединова
Институт археологии Крыма Российской академии наук, Симферополь, Россия
khairedinovaz@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-1362-757X
Ирина Ивановна Шкрибляк
Историко-археологический музей-заповедник «Неаполь Скифский», Симферополь, Россия
vejde_v_l@mail.ru

Аннотация. В 2024 году на территории позднескифской крепости Мелек в Белогорском районе Республики Крым обнаружено захоронение кочевника второй трети VII в. в сопровождении «чучела» коня. С комплексом связан богатый погребальный инвентарь: плакированные золотом бронзовые бляхи с рельефным изображением пикирующей хищной птицы, серебряные детали конской сбруи, удила с восьмёркообразными окончаниями с Г-образными псалиями, стремя с петельчатым ушком, золотой тремиссис, отчеканенный в Константинополе в 603–607 гг. в правление императора Фоки, поясной набор с серебряными литыми геральдическими деталями и пластинчатым наконечником основного ремня, а также элементы клинкового оружия – железное перекрестье и железная петля от ножен. Погребение воина-кочевника является ярким свидетельством присутствия во второй трети VII в. тюрков на территории предгорного Крыма.

Ключевые слова: Крым, горный массив Кубалач, фортификация, воин-кочевник, предметы конского снаряжения, ранние тюрки

Благодарности: Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 24-28-01266 «Горный массив Кубалач как новый феномен археологии Крыма в IV в. до н.э. – V в. н.э.», https://rscf.ru/project/24-28-01266.

THE EARLY-MEDIAEVAL-PERIOD ELITE GRAVE FROM THE FORTIFIED SETTLEMENT OF MELEK

Yurii P. Zaytsev
Historical and Archaeological Museum Preserve of Scythian Neapolis, Simferopol, Russia
skilur46@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-6549-0520
Elzara A. Khairedinova
Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia
khairedinovaz@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-1362-757X
Irina I. Shkribliak
Historical and Archaeological Museum Preserve of Scythian Neapolis, Simferopol, Russia
vejde_v_l@mail.ru

Abstract. It was 2024 when the grave of a nomad from the second third of the seventh century accompanied with a “stuffed” horse was discovered on the territory of the Late Scythian fort of Melek, in the Belogorsk District of the Republic of the Crimea. The assemblage in question is related to rich grave goods: gold-plated bronze badges with relief image of a diving bird of prey, silver parts of a horse tack, horse bits with the figure-of-eight endings and Г-shaped cheek-pieces, stirrup with a loop-shaped eyelet, gold *tremissis* minted in Constantinople in 603–607 AD under Emperor Phokas, belt set with silver cast heraldic parts and a plated end of the main belt, as well as bladed weapon parts: iron cross-guard and iron scabbard loop. The burial of a nomadic warrior supplies vivid evidence of the Turkic presence in the territory of the sub-mountainous Crimea in the second third of the seventh century.

Keywords: Crimea, Mountain Group Kubalach, fortification, nomadic warrior, horse tack parts, early Turks

Acknowledgments: This study was funded by the Russian Science Foundation, project no. 24-28-01266 *Mountain Group Kubalach as a New Phenomenon in the Crimean Archaeology from the Fourth Century BC to the Fifth Century AD*, https://rscf.ru/project/24-28-01266.

Позднескифская крепость на горе Мелек открыта археологической экспедицией музея-заповедника «Неаполь Скифский» в 2015 г. Остатки укрепления с примыкающим поселением располагаются на одной из возвышенностей горного массива Кубалач, рядом с селом Некрасово Белогорского района Республики Крым. Крепость входит в систему укреплений эллинистического и римского времени Кубалача, территориально локализуется между городищем Бурундук-Кая и Кара-Тау. В настоящее время практически вся часть цитадели и значительный участок примыкающего поселения покрыты порослью дуба, ясеня, кизила. Свободная от лесного покрова поверхность задернована и используется местными жителями для выгона крупного рогатого скота. В лесу повсеместно видны раскаты камня от жилых и хозяйственных построек, контуры цитадели на вершине хорошо угадываются по мощным каменным завалам с видимыми участками разрушенных фасов крепостных стен. Центральная часть цитадели, судя по рельефу, не была застроена.

В 2024 г. Крымская Предгорная археологическая экспедиция под руководством Ю. П. Зайцева проводила обширные археологические исследования в северо-западной части горного массива, в окрестностях сел Пролом и Некрасово Белогорского района, в результате которых исследована часть укреплений цитадели Мелек, составлен предварительный план крепости, выбрано заполнение башни-донжона, замыкающей узел обороны на скальных обрывах возвышенности. В ходе закладки шурфов-зондажей на трассе оборонительной стены, предпринятых с целью выяснения ее конфигурации и мест расположения башенных выступов, обнаружены признаки конского захоронения. Зубы верхней и нижней челюсти, фрагменты черепа лошади и железные удила залегали непосредственно под верхним горизонтом каменного развала стены, на месте поворота крепостной стены на север – к башенному выступу, фланкирующему воротный проем цитадели. Расчистка верхнего горизонта костей показала, что под разрушенной стеной крепости было совершено погребение взрослого человека с «чучелом» лошади.

Погребальное сооружение и обряд

Контур могильной ямы прослежен условно, ее юго-западной и юго-восточной стенками являются внешние фасировки крепостной стены позднескифского укрепления (рис. 1). Размер ямы 1,1×2,4 м, глубина 0,4–0,5 м от уровня современной дневной поверхности. Яма заложена крупным и средним известняковым бутом с незначительным количеством темного гумуса. В засыпи могильной ямы повсеместно встречались фрагменты лепных лощеных и нелощеных, гончарных сосудов, амфор, а также кости животных, связанные с горизонтом разрушения крепости в IV в. н.э. Дно могилы неровное из-за ее устройства в каменном завале стены. При сооружении могилы был выбран лишь верхний слой каменного завала на разную глубину. В центре могилы оказалась крупная каменная плита, которая из-за своей тяжести была оставлена на месте, и тело покойника, несмотря на очевидную неровность дна, уложили поверх нее. Кости человеческого скелета разбиты на мелкие фрагменты. Их плохая сохранность, вероятно, обусловлена закладкой могилы крупным и средним известняковым бутом, масса которого давила и разрушала человеческие останки.

Тщательная расчистка сохранившихся фрагментов человеческого скелета показала, что тело покойника уложили на спину, головой на юго-восток, лицом – на юг. Кости левой, слегка согнутой в локте руки лежат вдоль кладки оборонительной стены, кости правой руки сохранились плохо, однако, прослеживается их положение вдоль костяка. Кости ног сильно повреждены, похоже, что они были согнуты в коленях и уложены на вертикально торчащий крупный камень в слое развала крепостной стены. По определению Н. Г. Свиркиной, костные остатки, представленные фрагментами костей черепа и нижней челюсти, разрушенными костями конечностей, одним грудным позвонком и фрагментами крестца, принадлежат мужчине 35–40 лет. Кости – массивные. На черепе – крупные сосцевидные отростки, рельеф надбровья умеренно выражен, сохранившийся участок ламбдовидного и сагиттального шва

закрыт (в обл. lambda). Края суставных поверхностей – выраженные. Стёртость зубов равномерная – от 2–3 до 4 баллов. Отмечены слабые отложения зубного камня и гипоплазия эмали (линия проходит по центру коронки первого премоляра).

Среди костей скелета найдены: под черепом, рядом с нижней челюстью – византийская золотая монета с пробитым отверстием (рис. 1,*33*; 2,*1*); в области грудной клетки – лежавшие лицевой стороной вниз три квадратные бронзовые бляхи, плакированные тонким золотым листом (рис. 1,*3,4,20*; 2,*2–4*); в области пояса – серебряные литые детали поясного набора (рис. 1,*8,9,11,16,18,21–23,36*; 3) и две железные пряжки (рис. 1,*10,19*; 4,*5,6*); около тазовых костей – серебряный пластинчатый наконечник ремня (рис. 1,*13*; 3) и фрагменты железного кресала (рис. 1,*14*; 4,*4*); около костей левого предплечья – железное перекрестье клинкового оружия (рис. 1,*15*; 4,*2*) и железная петля для портупейного ремня (рис. 1,*17*; 4,*2*); около правой бедренной кости – железная пряжка и две литые серебряные бляшки (рис. 1,*27*; 3,*2*; 4,*1*).

Поверх покойника было уложено «чучело» коня с головой и задними конечностями. Зубы нижней и верхней челюстей, фрагменты черепа коня выявлены над костями черепа захороненного в могиле мужчины. Под голову коня, рядом с правым плечом покойника, подложили несколько камней среднего размера. Кости плюсны и фаланги пальцев коня обнаружены рядом с большими берцовыми костями человеческого скелета. Остеологический подсчет показал наличие лишь 56 фрагментов костей лошади: ребра, позвонки, бедренные кости, лопатки. В целом, по определению Г. И. Тимониной, большая часть костей скелета животного отсутствовала. Среди остатков скелета коня найдены: между зубов – железные удила с Г-образными псалиями (рис. 1,*1*; 5), в области головы – 77 штампованных из серебряной пластины деталей ремней уздечного набора (рис. 1,*6,7,12,24–26,28–32,34,35*; 6) и железные бляшки (рис. 1,*5*; 4,*8–10*), в центральной части – железное стремя (рис. 1,*2*; 4,*11*), около костей задних конечностей – 11 штампованных из серебряной пластины бляшек (рис. 1,*28–32,34,35*).

Обряд, зафиксированный в погребении из Мелека, имеет черты, характерные для захоронений тюркских племен раннесредневекового времени. Развал древних стен был выбран для погребения не случайно: обилие камня позволило возвести из него над могилой насыпь, наподобие тех, которые сооружали тюрки Алтая [14, с. 14, рис. 2]. Положение тела умершего головой на восток, с сезонными отклонениями, также характерно для погребальной практики алтайских тюрок раннесредневекового времени [14, с. 16].

Помещение в погребение лишь части коня зафиксировано в кочевнических воинских погребениях из Причерноморской степи [1, с. 197] и многократно встречается у авар в Карпатском бассейне в раннеаварский период [11, с. 301–302; 30, p. 123, pl. 3]. В таких случаях с лошади сдирали шкуру, причем кости ног и череп оставались нетронутыми. Затем шкуру клали в могилу, придавая ей вид взнузданного животного с седлом и стременами [11, с. 301–302, 306].

Характеристика инвентаря

Монета. По определению Н. А. Алексеенко, обнаруженная в погребении золотая монета (рис. 1,*33*; 2,*1*) – это византийский тремиссис (*Class II*), отчеканенный в Константинополе в 603–607 (?) гг. в правление императора Фоки (602–610) [22, p. 160, nr. 18, pl. I,18]. На аверсе изображен бюст безбородого императора Фоки в диадеме, кирасе и палудаментуме, вправо. По кругу – латинская надпись: ONAFOCA – [S]PPAVG – *D(ominus) n(oster) Focas P(er)p(etuus) Aug(ustus)*. На реверсе в центре представлен четырехконечный крест с «крышечками» на концах ветвей, по кругу – латинская надпись: VIC[T]ORIFOCA[SAVG] – *Victori(a) Focas Aug(ustus)*. Внизу, под крестом: CONOB. Вверху монеты, по центру (12 час.) пробито отверстие.

Судя по находкам в погребальных комплексах, использование византийских золотых монет в качестве подвесок было распространенной практикой у воинов – кочевников Восточной Европы в VII – начале VIII в. Зачастую в этом качестве использовались легкие солиды Фоки, Ираклия и Константа II [2, с. 33; 3, с. 290; 13, с. 406].

Детали поясной гарнитуры. В области живота и таза погребенного найдены серебряные литые детали поясной гарнитуры – 16 бляшек четырех видов и 2 наконечника вспомогательных ремней, а также сделанный в форме коробочки наконечник основного ремня.

Восемь геральдических бляшек размером 1,4×1,5 см изготовлены в форме щитка, в основе которого – стилизованный трилистник с расходящимися в разные стороны боковыми завитками и центральным заостренным выступом. Рельефный декор подчеркнут двумя узкими фигурными отверстиями, прорезанными в центре щитка (рис. 3,*4–11*). Три бляшки размером 1,5×2,4 см отлиты в виде двух щитков из стилизованных трилистников, связанных в центре парой расположенных горизонтально колечек (рис. 3,*1–3*). Три бляшки размером 1,6×1,6 и 1,6×1,7 см выполнены в форме розетки из чередующихся четырех круглых и четырех овальных, заостренных на завершении лепестков, соединенных в центре круглым выступом (рис. 3,*12–14*). Две бляшки размером 1,2×1,3 см образованы тремя колечками, объединенными вокруг небольшого треугольника с прочерченными сторонами и выпуклой центральной частью (рис. 3,*15,16*). Два ажурных наконечника вспомогательных ремней шириной 1–1,1 см и высотой 3–3,1 см отлиты с волнистыми верхней и боковыми сторонами, с закругленной нижней частью. У верхнего края и по центру наконечников сделано по два, расположенных рядом, круглых отверстия, пространство между которыми заполнено парными вытянутыми овальными прорезями. Верхние круглые отверстия подчеркнуты двумя врезными треугольниками (рис. 3,*17,18*). Все литые детали поясного набора крепились на ремне при помощи одного или двух, расположенных на обратной стороне, стерженьков длиной 0,6–0,8 см. На концах некоторых стерженьков сохранились миниатюрные бронзовые пластинки от крепежа.

Литые детали поясного набора выполнены в едином стиле и, скорее всего, были изготовлены в одной мастерской. Небольшая бляшка в форме восьмилепестковой розетки, подобная публикуемым (рис. 3,*12–14*), найдена в Харачое (Чечня) и отнесена И. О. Гавритухиным ко времени после 630 г. [9, с. 159, 182, рис. 6,49]. Бляшки в виде трех объединенных колечек или кружков известны в поясных наборах второй половины VI – VII в. из Северной Сирии [21, S. 441, 443, Taf. 5,13,17,18,22,27,31,35,39; 7,10,15]. Точные аналогии для геральдических бляшек из Мелека нам найти не удалось. Отметим, что стилистическая особенность мелекских находок – акцент на трилистнике с расходящимися в разные стороны боковыми завитками, напоминающими крылья, не свойственна поясной гарнитуре второй половины VI – VII в. из Восточной Европы, но характерна для деталей одновременных поясных наборов из Ирана и Северной Сирии [21, S. 315, 438–444, Taf. 2, 3, 5–7]. Сочетание стилизованного трилистника с парой колец, присутствующее в декоре бляшек из Мелека (рис. 3,*1–3*), можно увидеть в разных вариациях на щитках цельнолитых византийских пряжек VII в. из Подунавья и Малой Азии [25, Taf. 62,7–9; 63,5–7; 31, S. 45, Typ E15, Cat. Nr. 259].

Выявленный в погребении из Мелека наконечник основного ремня с прямыми боковыми и верхней сторонами и закругленной нижней частью шириной 1,8 см, высотой 9 см сделан в форме коробочки из двух пластин, спаянных ободком из узкой пластины (рис. 3,*19*). В верхней части наконечник имел узкую пластинчатую окантовку, от которой сохранились мелкие фрагменты. На ремне наконечник крепился при помощи двух бронзовых заклепок с круглыми плоскими шляпками, размещенными у верхнего края. В Крыму наконечники основного ремня такой формы и конструкции появились около середины VI в. и вплоть до конца VII в. использовались в наборных поясах. Изделия второй половины VI – первой четверти VII в. отличаются небольшими размерами и креплением на ремне при помощи одной заклепки, расположенной у верхнего края [5, рис. 9,3,19; 10,12,17; 8, рис. 48,34; 59,7; 72,21]. Позже пропорции наконечников этого типа меняются: они становятся узкими, увеличиваются в длине и зачастую крепятся к ремню двумя заклепками [5, рис. 3,35, табл. 63,21; 8, рис. 14,21; 32,9; 38,1; 83,25]. Длинные и узкие коробчатые наконечники ремня, длина которых в 4–6 раз превышает ширину, пользовались особой популярностью во второй четверти – конце VII в. у населения Северного Кавказа, о чем свидетельствуют их многочисленные находки в могильниках Мокрая Балка, Клин-Яр, Чир-Юрт [7, рис. 27,1; 51,6; 87,6; 101,25; 128,4; 130,13; 134,10; 27, p. 77–78, 279, 282, fig. 96,23; 98,50]. Такие же длинные коробчатые наконечники основного ремня характерны для мужского воинского костюма авар второго этапа раннеаварского периода (626–650/670 гг.) [24, S. 153–155, 170, Nr. 4, 9,10, 13, Taf. 16,8; 33,1; 37,1; 56,1; 11, с. 344, рис. 4,2].

В погребении из Мелека среди тазовых костей (рис. 1,*10*; 4,*5*) и около правой бедренной кости (рис. 1,*27*; 4,*1*) найдены две железные пряжки, которые, скорее всего, относились к поясной гарнитуре. Они сделаны из прямоугольного в сечении стержня с рамкой почти трапециевидной формы, с закругленной передней стороной и прогнутым, заостренным язычком. Передняя сторона рамок уплощена. Размеры одной пряжки – длина 5 см, ширина 3,2–4 см (рис. 4,*1*); второй – длина 4,5 см, ширина 2,3–3,2 см (рис. 4,*5*). В Крыму подобные железные застежки известны в захоронениях VII–VIII вв. из некрополя Боспора и могильников Юго-Западного Крыма [4, табл. 95,8; 147,10; 5, рис. 3,4,34; 4,22, табл. 52,18; 62,4; 64,9; 99,1; 105,7; 6, рис. 34,М13.11].

Судя по находкам в погребениях, присутствие двух поясных пряжек характерно для мужского костюма раннесредневекового времени. Одна из них служила для застегивания поясного ремня, вторая – для портупейного ремня или для пояска штанов [6, с. 84–85, ил. 59, рис. 27,4,9]. Использование «простых» железных пряжек для застегивания парадного пояса, украшенного деталями из благородных металлов, как в случае с публикуемыми находками, также не было редкостью в этот период. В качестве примера укажем украшенный золотыми бляшками и наконечниками пояс из впускного погребения VII в. в урочище Уч Тепе (Азербайджан), застегивавшийся одной или двумя железными пряжками [21, S. 455, Taf. 19,1,25; 23, Abb. 3, 7, 9].

К парадному поясу погребенного в Мелеке могла подвешиваться небольшая сумочка для кресала. Среди тазовых костей выявлено три фрагмента железного пластинчатого кресала прямоугольной формы с закругленными углами шириной 2,5 см, длиной около 7 см (рис. 1,*14*; 4,*4*). Наборы для высекания огня, состоявшие из кресала и одного или нескольких кремней, являются распространенными находками в мужских погребениях VII в. В качестве кресала использовались небольшие железные пластины различных форм. Это могли быть обработанные обломки старых ножей или клинкового оружия [6, с. 84, 86, ил. 60,В; 61,В; 62,Д; 63,3,5].

Оружие. Около костей левого предплечья погребенного выявлены железные перекрестье и петля для узкого ремешка (рис. 1,*15,17*). Железное напускное перекрестье клинкового оружия сделано в форме ромба размером 1,9×5,5 см, толщиной 0,5 см, с декоративными фигурными выступами на концах (рис. 4,*2*). Небольшие размеры перекрестья позволяют говорить о принадлежности короткоклинковому оружию – боевому ножу или кинжалу. Часто такие перекрестья встречаются на «коленчатых» кинжалах или ножах, появившихся у населения Алтайской лесостепи под влиянием материальной культуры тюрок в эпоху Первого каганата. Появление подобных ножей в составе вооружения населения восточно-европейских степей исследователи относят к периоду не ранее рубежа VI–VII вв. и связывают с распространением материальной культуры кочевников Центральной Азии [17, с. 212–213, рис. 4,2].

Деревянным ножнам клинкового оружия, скорее всего, принадлежала железная петля прямоугольной формы, согнутая из узкого, прямоугольного в сечении стержня (рис. 4,*3*). Размер петли 1,9×2 см, толщина 0,7 см. Через нее продевался ремешок шириной 1,2 см. Отметим, что рядом с железными перекрестьем и петлей в погребении лежала железная пряжка, сделанная из сегментовидного в сечении стержня с овальным, вытянутым в ширину кольцом размером 2,2×3,2 см и подвижным язычком (рис. 1,*19*; 4,*6*). Возможно, пряжка служила для застегивания ремешка, на котором ножны клинкового оружия подвешивались к поясу.

Перекрестье и ножны размещались в области пояса, в области левого локтевого сустава (рис. 1,*15,17*). Такое положение боевых ножей прослеживается и в захоронениях населения Алтайской лесостепи [17, с. 214]. Присутствие в погребении только отдельных деталей клинкового оружия – ножен и перекрестья, возможно, связано с особенностями погребального обряда с использованием некомплектных или сознательно сломанных вещей в могиле.

Предметы конского снаряжения. В захоронении выявлены удила и псалии (рис. 5), набор бляшек для украшения узды (рис. 6), бляхи (рис. 2,*3–5*) и одно стремя (рис. 4,*11*).

Удила состоят из звеньев длиной 13,4 см, изготовленных из железного, квадратного в сечении стержня (рис. 5,*1а*). Окончания звеньев снабжены двумя кольцами, расположенными в одной плоскости; внутреннее, диаметром 2,8 см, предназначалось для псалия, а во внешнее, диаметром 1,3 см, вставлено кольцо для повода диаметром 3 и 3,5 см. Псалии –

стержневые, двудырчатые, из прямоугольного в сечении стержня с утолщенной центральной частью, в которой сделаны два прямоугольных отверстия для ремешков узды размером 0,4×1,3 см каждое (рис. 5,*1б,1в*). Один конец псалия загнут и сделан с граненым выступом на завершении, второй – уплощен и закруглен на завершении. Длина псалий 17 и 17,6 см.

Удила с восьмёркообразными окончаниями или двукольчатые, в сочетании с Г-образными псалиями с лопастной нижней частью выделены И. Р. Ахмедовым в позднюю понтийскую группу, появившуюся в VI в. и существовавшую до конца VII в. [28, p. 70–71, 161, pl. 60,1,6]. Наиболее близкие аналогии им найдены в помещении 1 крепости Цибилиум, в слое 550 г. и в составе Гапоновского клада третьей четверти VII в. [10, с. 41–42, рис. 32,1; 55,8].

Уздечный набор. Среди костей коня собрано 60 полусферических (рис. 6,*1*) и 20 эллипсоидных бляшек (рис. 6,*2*), а также 8 наконечников ремней (рис. 6,*3*), штампованных из серебряной пластины. Большинство из них плохой сохранности: покрыты многочисленными трещинами, имеют глубокие разрывы, фрагментированы. Размер полусферических бляшек – диаметр 1,4–1,5 см, толщина 0,7 см, эллипсоидных – 1,8×2,2 см, толщина 0,8–1 см. Наконечники ремней сделаны в виде полуцилиндра, ограниченного рельефными горизонтальными валиками, с полусферическим выступом на завершении. Высота наконечников 3,8 см, ширина – 1,1–1,3 см. Для крепления на ремне штампованные из серебряной пластины бляшки и наконечники ремней заполнялись специальным наполнителем на основе мягкого металла (свинца или олова), в который вставлялись проволочные петли или скобы. Для сферических бляшек использовались петли длиной 1–1,1 см из согнутой пополам (3 экземпляра) или загнутой, круглой в сечении проволоки (32 экземпляра) (рис. 6,*1а*). Внутри эллипсоидных бляшек укреплялись скобы длиной 1,5–1,7 см из круглой в сечении проволоки с загнутыми концами. Всего найдено 16 таких скоб (рис. 6,*2а*). Внутри наконечников ремней размещались аналогичные по форме скобы длиной 3–3,2 см (их выявлено 9 экземпляров; рис. 6,*3а*). Загнутые концы некоторых скоб соединены узкими пластинами.

Для соединения уздечных ремней служили три железные усечено-конические бляшки со штырьком для крепления, выявленные среди костей черепа коня (рис. 1,*5*; 4,*8–10*). Размеры бляшек – диаметр 1,5–1,9 см, высота 1 и 1,5 см. Найденная при просеивании грунта из погребения железная пряжка с почти овальной вытянутой в длину рамкой и подвижным язычком, изготовленная из сегментовидного в сечении стержня (длина 2,9 см, ширина 1,8 см; рис. 4,*7*), предназначалась для узкого ремешка и могла использоваться для застегивания ремней узды.

Полусферические бляшки являются самым популярным и распространенным видом украшения ремней конской сбруи в эпоху раннего средневековья. Они известны по находкам в тюркских погребениях VII в. из Тувы, Алтая и Киргизии [20, S. 250, Abb. 119,2,3,6], а также в раннеаварских захоронениях из Карпатского бассейна [24, S. 170–171, Nr. 1.5, 10]. Именно для раннеаварского периода (568–670 гг.) характерен свойственный и для находок из Мелека технологический прием, при котором для крепления полых накладных украшений в них заливался расплавленный мягкий металл (свинец или его соединения) и закладывались маленькие проволочные скобы [11, с. 301, 344, рис. 4,8].

В Мелеке почти все бляшки и наконечники ремней выявлены в области костей черепа лошади, что позволяет говорить о богатом убранстве коня, в состав которого входили декорированные серебряными накладками и подвесками узда, поводья и, скорее всего, нагрудный ремень. Почти десяток полусферических бляшек найдено среди костей задних конечностей (рис. 1,*28–32,34*). Возможно, серебряными накладками был украшен и накрупник – ремень, шедший от седла под хвостом лошади и удерживавший его от сползания при езде. Судя по количеству, бляшки достаточно плотно располагались на нащечных и налобных ремнях. Подтверждение такой системы декора можно увидеть на сохранившихся фрагментах уздечных ремней с бляшками, найденных в тюркских погребениях VII в. из Тувы (Озен-Ала-Белиг), Алтая (Кудыргэ) и Киргизии (Иссык-Кёл) [20, S. 250, Abb. 119,2,3,6], а также в раннесредневековых росписях Пенжикента и Восточного Туркестана [14, с. 125].

По наблюдению С. Дончевой, ширина ремней конской уздечки (затылочной, лобной, подчелюстной, язычной, подротовой) в эпоху раннего Средневековья составляла около 1,8 см. Изготовление недоуздков требовало около 40–100 бляшек разных видов, то есть украшались

не только намордники, но и поводья, шейные и нагрудные ремни. Бляшки по всему наряду – самая многочисленная и разнообразная категория украшений для лошадей. Подобные детали крепились как на основных (функциональных), так и на декоративных (подвесных) ремнях сбруи верховых лошадей [12, с. 272–273].

Бляхи. Найденные в области груди погребенного три ромбовидные бляхи размером 4,2×4,3 см вытиснены из бронзовой пластины с рельефным декором и обтянуты с лицевой стороны золотой фольгой, края которой загнуты за борт основы (рис. 1,*3,4*; 2,*2–4*). На пластинах необычайно выразительно и реалистично изображена пикирующая хищная птица (орел?) с вытянутой мощной шеей и массивным клювом. Контур блях подчеркнут двумя вдавленными линиями. На обороте, в боковых углах ромба припаяны две петли из узкой пластины. Рядом, по углам пластины сделаны круглые отверстия для пришивания и дополнительной фиксации блях на кожаной основе. Внутри бляхи, скорее всего, заполняли пастообразным веществом, которое одновременно сохраняло форму и дополнительно скрепляло элементы конструкции. Такой прием позволял при минимальной затрате драгоценных металлов создать массивное на вид изделие [29, p. 606–610].

Точные аналогии публикуемым бляхам нам не известны. Нашивные украшения различных форм, выполненные в идентичной технике, пользовались популярностью у авар в VII в. и даже поступали из Карпатского бассейна к крымским готам [29, p. 610]. В захоронении аварского ювелира VII в. из Кунсентмартона обнаружена матрица для изготовления подобных изделий [26, p. 170].

В погребении из Мелека бляхи лежали вместе, лицевой стороной вниз, в области груди коня. Видимо, они были нашиты на широкую центральную часть нагрудника (подперсье). Наверняка, изображение пикирующей птицы имело определенное значение. Пикирование у птиц – самая скоростная форма полета и способ атаки добычи во время охоты. Размещение такого изображения на груди боевого коня могло символизировать его стремительность во время атаки.

Стремя (рис. 4,*11*) сделано из граненого, почти квадратного в сечении железного стержня с петельчатым ушком, проемом арочной формы и пластинчатой, слегка вогнутой подножкой без нервюры. Высота стремени – 16,1 см, ширина – 11,9 см. Ушко стремени петельчатое, слегка приплюснутое, размер 2,8×3,1 см. Отверстие для стременного ремня подтреугольной формы, размером 1,7×2 см. Толщина дужек 0,6–0,8 см. Ширина подножки составляет 1,6–2 см, толщина – 0,3 см. В месте перехода подножки в дужки сделаны рельефные выступы.

Стремя относится к ранним образцам изделий с петельчатым ушком. Морфологические характеристики стремени позволяют определить хронологию находки в довольно широких рамках второй половины VI – начала VIII в. Наиболее ранние изделия этого типа обнаружены в погребальных и поминальных комплексах кызыл-ташского периода тюркской культуры Горного Алтая. Многочисленные схожие предметы, имеющие небольшие отличия в оформлении отдельных деталей, обнаружены в ходе раскопок синхронных комплексов Северной и Центральной Азии [15, с. 196–197; 18, с. 646]. Стремена с петельчатым ушком считаются важным этнокультурным маркером распространения населения тюркской культуры [15, с. 197].

В погребении из Мелека найдено только одно стремя. Считается, что подобная традиция связана с использованием стремян в ранний период их бытования (т.н. кызыл-ташский этап тюркской культуры) в качестве подножки [16, с. 196–197]. При этом следует помнить и о символическом значении стремени, помещение которого в могилу в единственном экземпляре могло заменять полноценный комплекс конского снаряжения [18, с. 644, 646, 647, рис. 1,2,13; 4,1; 19, с. 751, рис. 3,21].

Подводя итоги, отметим следующее. По совокупности инвентаря, время совершения погребения воина-кочевника с «чучелом» коня из Мелека можно отнести ко второй трети VII в. Наборный пояс воина, изготовленный с использованием серебряных деталей, и богато украшенный уздечный набор его коня свидетельствуют о состоятельности и высоком ранге погребенного [14, с. 125; 15, с. 183]. Захоронение воина-кочевника является ярким свидетельством присутствия во второй трети VII в. тюрков на территории предгорного Крыма.

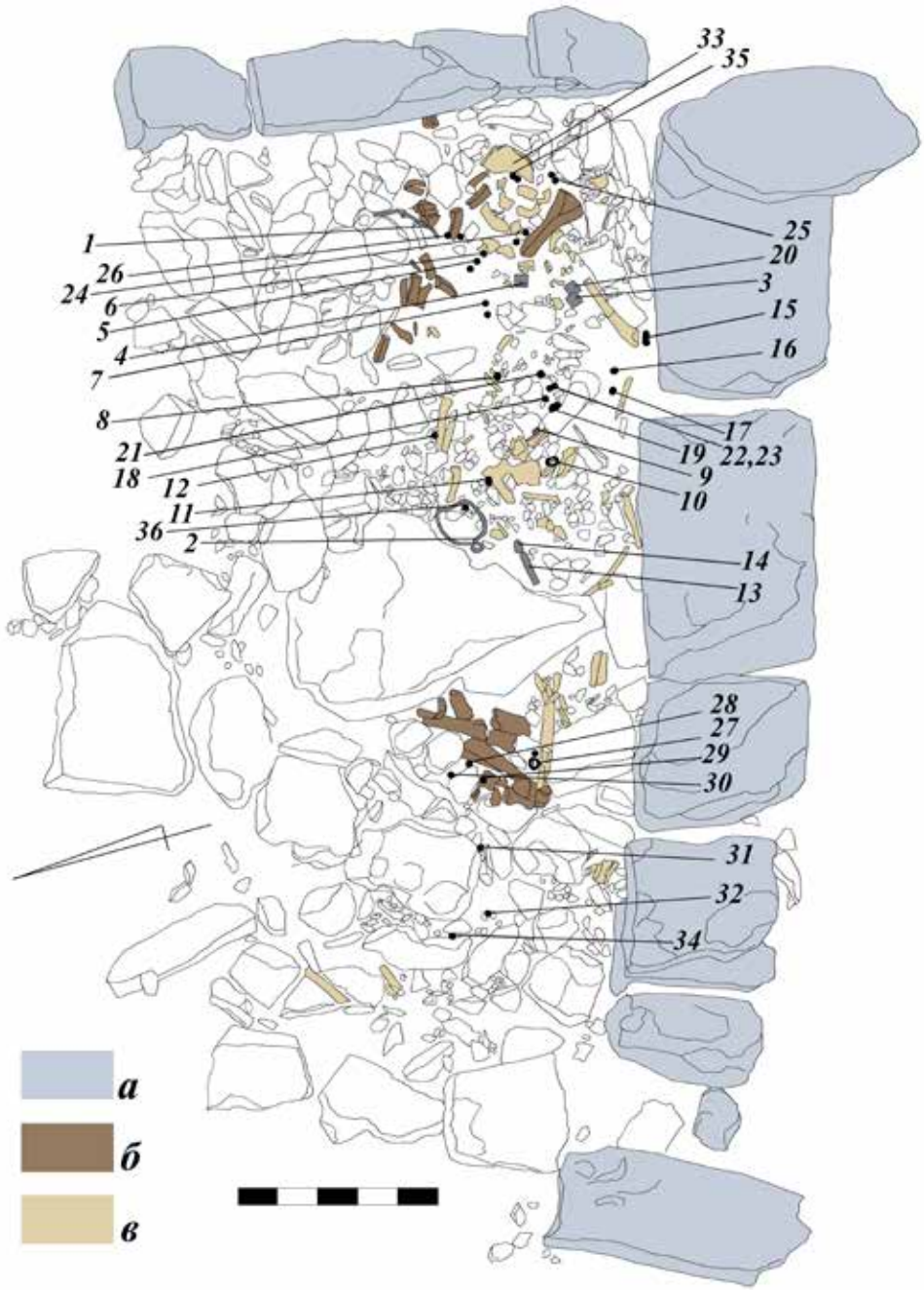


Рис. 1. Городище Мелек. План раннесредневекового кочевнического погребения
А – оборонительная стена; б – кости коня; в – кости человека; *1* – железные удила; *2* – железное стремя; *3, 4, 20* – золотые бляхи; *5* – железная заклепка; *6, 7, 12, 24–26; 28–32, 34, 35* – серебряные декоративные детали конской сбруи; *8, 9, 11, 13, 16, 18, 21–23, 27, 36* – серебряные детали поясной гарнитуры; *10, 19, 27* – железные пряжки; *14* – железное кресало; *15* – железное перекрестье; *17* – железная петля; *33* – золотая монета (чертеж И. И. Шкрибляк)

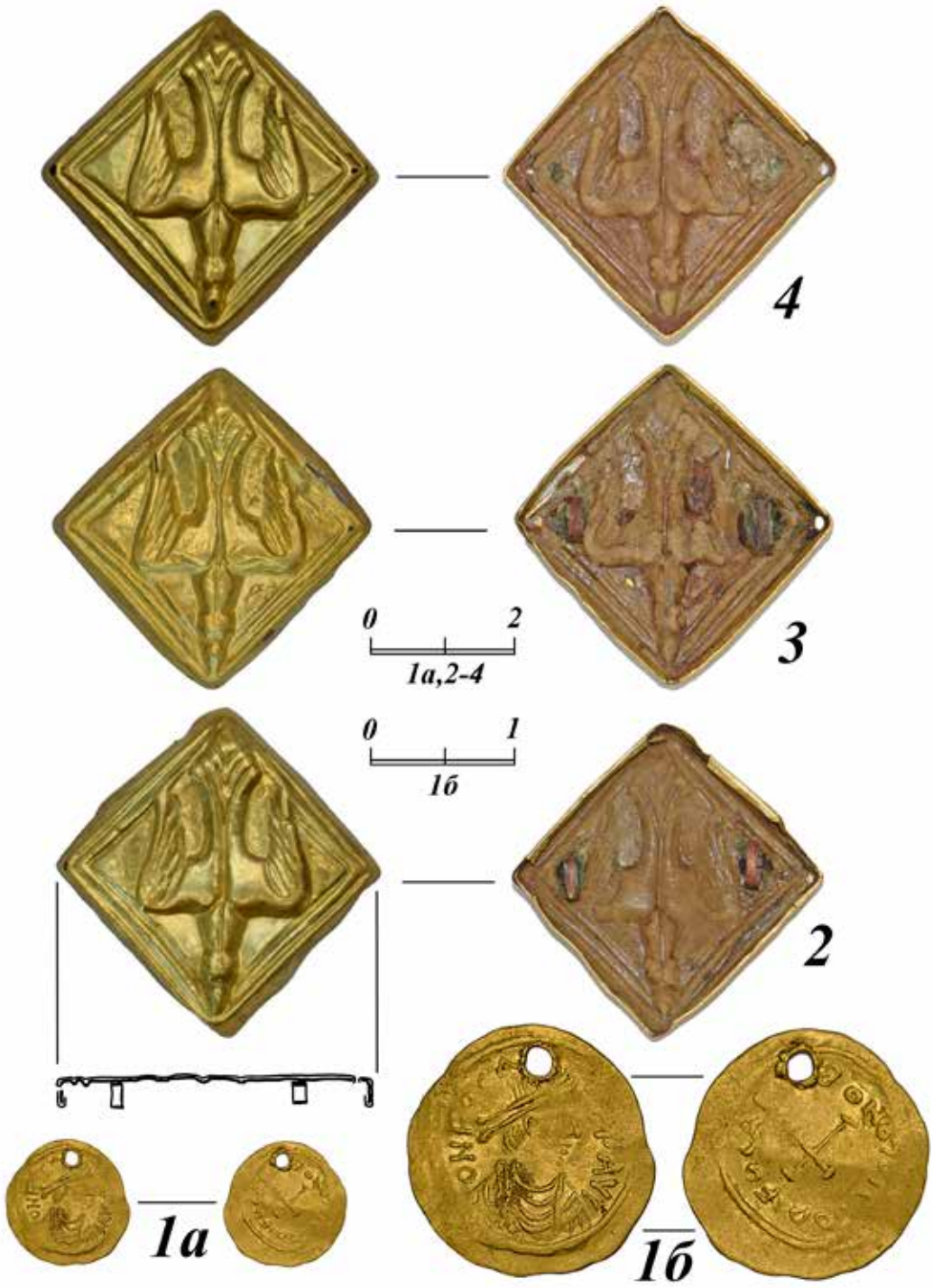


Рис. 2. Городище Мелек. Золотые бляхи с изображением пикирующей хищной птицы и византийская монета из раннесредневекового кочевнического погребения (фото И. И. Шкрибляк)

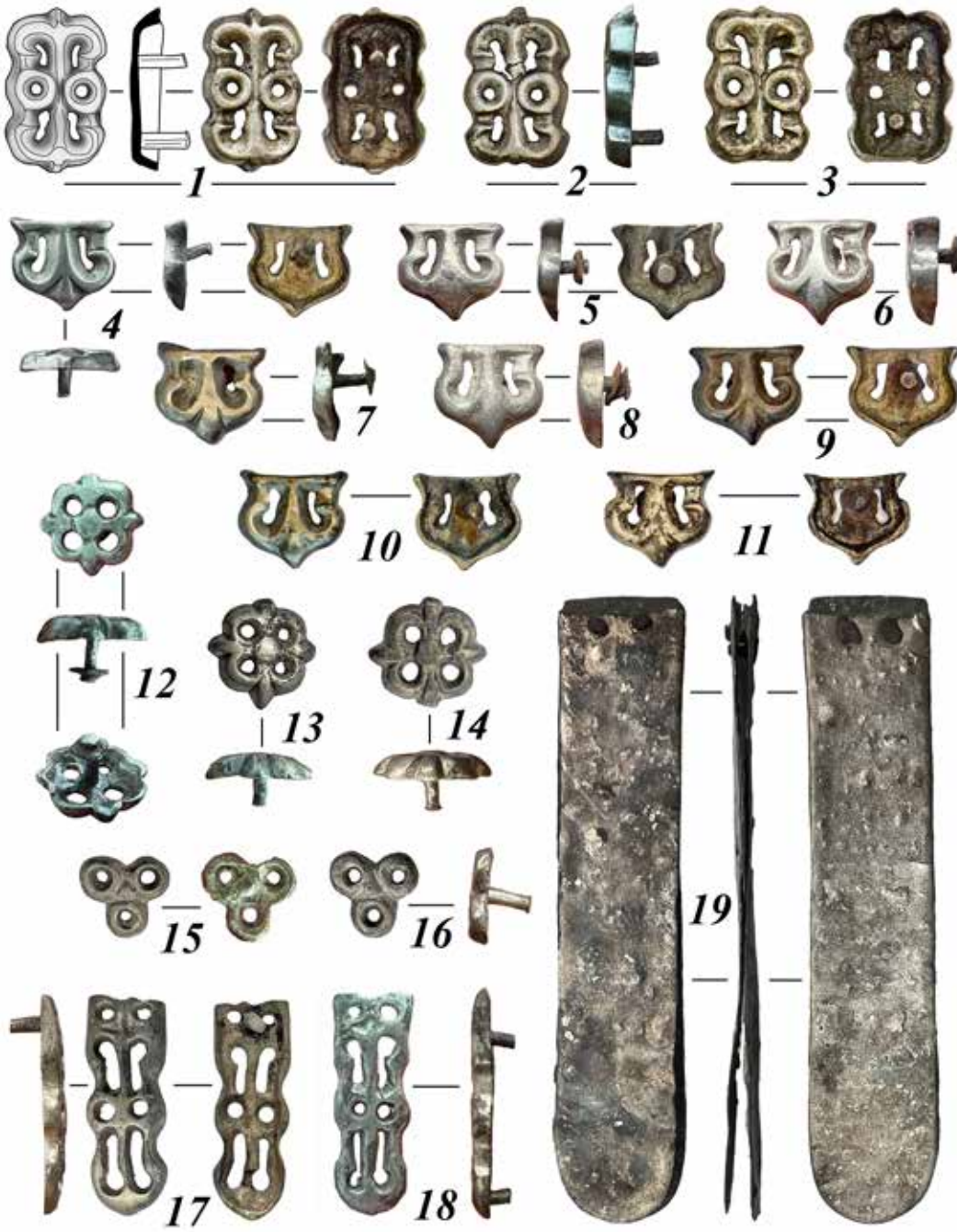


Рис. 3. Городище Мелек. Серебряные детали поясной гарнитуры из раннесредневекового кочевнического погребения (фото Э. А. Хайрединовой)

Рис. 4. Городище Мелек. Железные предметы из раннесредневекового кочевнического погребения (фото и рисунок Э. А. Хайрединовой)

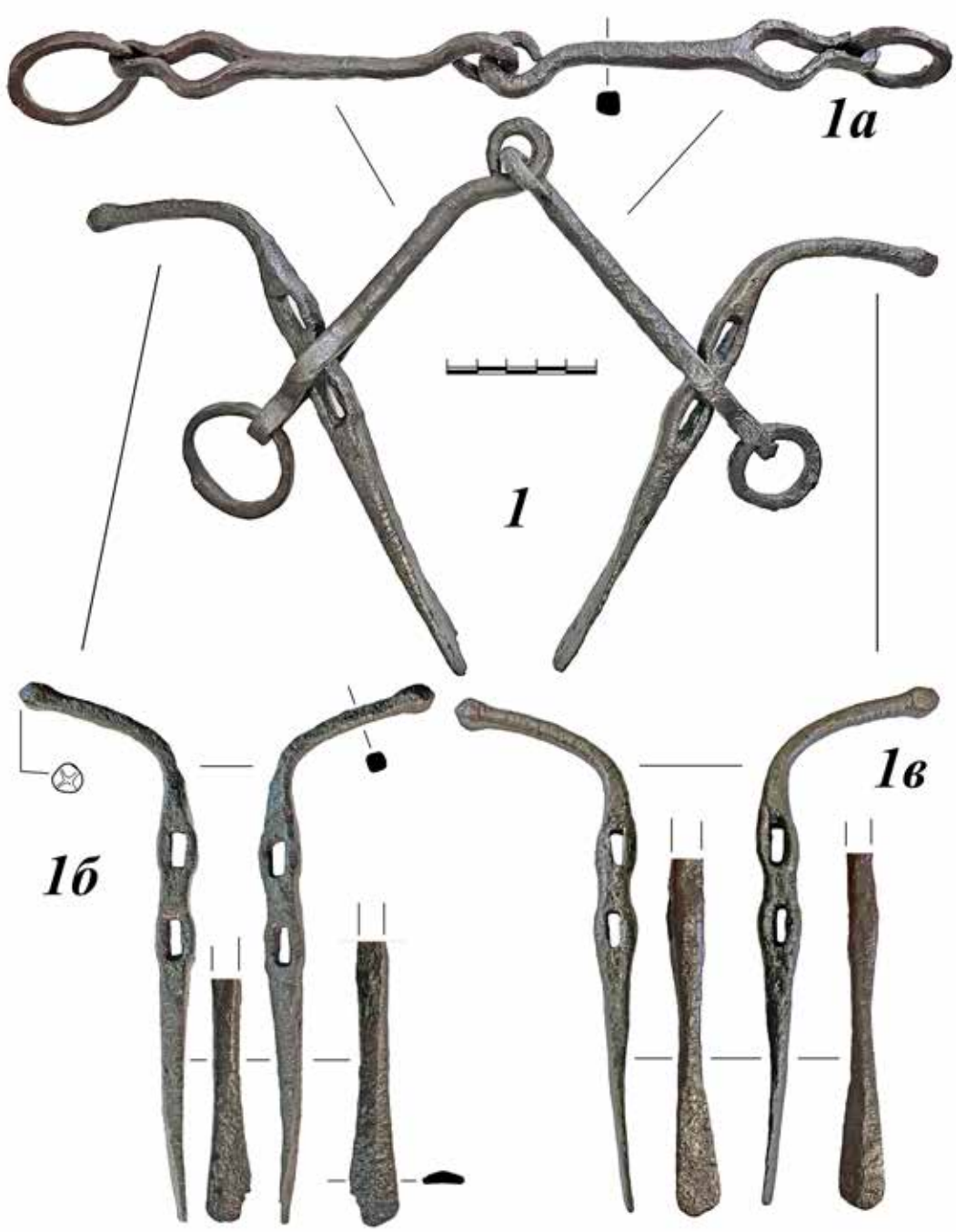


Рис. 5. Городище Мелек. Железные удила и псалии из раннесредневекового кочевнического погребения (фото Э. А. Хайрединовой)

Рис. 6. Городище Мелек. Серебряные бляшки и наконечники ремней от конской сбруи из раннесредневекового кочевнического погребения (фото Э. А. Хайрединовой)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И. Погребение хазарского воина // СА. 1985. № 5. С. 191–206.
2. Айбабин А.И. Келегейское погребение военного вождя // Проблеми на прабългарската история и култура / Ред. Р. Рашев. София, 1991. Вып. 2. С. 28–35.
3. Айбабин А.И. Археологическое наследие хазар времени создания каганата // МАИЭТ. 2013. Вып. XVIII. С. 277–315.
4. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Могильник у села Лучистое. Т. I. Раскопки 1977, 1982–1984 гг. Симферополь, Керчь: АДЕФ-Украина, 2008. 336 с.
5. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Могильник у с. Лучистое. Т. II. Раскопки 1984, 1986, 1991, 1993–1995 гг. Симферополь, Керчь, 2014. 400 с.
6. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А., Смокотина А.В., Радочин В.Ю. Некрополь византийского Боспора. Раскопки 2007–2009 гг. в Босфорском переулке. Симферополь: Антиква, 2023. 500 с.
7. Афанасьев Г.Е., Рунич А.П. Мокрая Балка. Вып. 1: Дневник раскопок. М.: Научный мир, 2001. 250 с.
8. Веймарн Е.В., Айбабин А.И. Скалистинский могильник. Киев: Наукова Думка, 1993. 201 с.
9. Гавритухин И.О. Комплекс металлических изделий эпохи Первого Тюркского каганата из Бесланского могильника (Северная Осетия) // Нижневолжский археологический вестник. 2023. Т. 22, № 1. С. 139–202.
10. Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.: Институт археологии РАН, 1996. 296 с. (Раннеславянский мир. Вып. 3).
11. Дайм Ф. История и археология авар // МАИЭТ. 2002. Вып. IX. С. 273–384.
12. Дончева С. Реконструкция элементов снаряжения верхового коня эпохи раннего средневековья (на основе находок из болгарских производственных центров в окрестностях Преслава) // Stratum Plus. 2025. № 5. С. 271–286.
13. Комар А.В. Погребение кочевника нач. VIII в. у села Журавлиха в Среднем Поднепровье // Степи Европы в эпоху Средневековья. Т. 5. Хазарское время. Донецк: Донецкий Национальный университет, 2006. С. 403–412.
14. Кубарев Г.В. Культура древних турок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2005. 400 с.
15. Серегин Н.Н. Опыт выделения социально значимых элементов погребального обряда населения тюркской культуры Саяно-Алтая // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 4-1(72). С. 180–184.
16. Серегин Н.Н. Появление и первоначальное распространение петельчатых стремян (хронологический и этнокультурный аспекты) // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 4-1(80). С. 194–198.
17. Серегин Н.Н., Матренин С.С., Степанова Н.Ф. Боевые ножи населения северных предгорий Алтая в эпоху тюркских каганатов (по материалам некрополя Горный-10) // Поволжская археология. 2025. № 3(53). С. 207–217. DOI: 10.24852/pa2025.3.53.207.217.
18. Серегин Н.Н., Степанова Н.Ф. Раннесредневековое одиночное погребение с конским снаряжением из Северного Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2021. Т. XXVII. С. 642–649. DOI: 10.17746/2658-6193.2021.27.0642-0649.
19. Шульга П.И., Кубарев Г.В. Раннесредневековое погребение у Большой Тавдинской пещеры (Северный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2021. Т. XXVII. С. 747–753. DOI: 10.17746/2658-6193.2021.27.0747-0753.
20. Bálint C. Die Archäologie der Steppe. Steppenvölker zwischen Donau und Volga vom 6. bis 10. Jahrhundert. Wien, Köln: Böhlau Verlag, 1989. 304 S.
21. Bálint C. Kontakte zwischen Iran, Byzanz und Steppe // Awaren Forschungen / Hrsg. F. Daim. Wien: Institut für Ur- und Frühgeschichte der Universität Wien, 1992. P. 309–496.
22. Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection. Vol. 2. Part 1. Phocas and Heraclius (602–641) / ed. Ph. Grierson. Washington D.C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1993. 384 p., XXII pl.
23. Chrissimov N. Der frühmittelalterliche Gürtel von Üč Tepe (Azerbajdžan) und die dazugehörige Ausrüstung. Ein Rekonstruktionsversuch // Archaeologia Bulgarica. 2004. VIII,1. S. 79–96.
24. Garam É. Die münzdatierten Gräber der Awarenzeit // Awaren Forschungen / Hrsg. F. Daim. Wien: Institut für Ur- und Frühgeschichte der Universität Wien, 1992. P. 135–250.
25. Garam È. Funde byzantinischer Herkunft in der Awarenzeit vom Ende des 6. bis zum Ende des 7. Jahrhunderts. Budapest: Kanai Nyomda, 2001. 432 S. (Monumenta Avarorum Archaeologica. Vol. 5).
26. Garam É. Avar kori nõi fejdíszek // Zalai Múzeum. 2005. Vol. 14. P. 169–181.
27. Gavritukhin I.O. Belt sets from Alanic graves: Chronology and cultural links // Ritual, society and population at Klin-Yar (North Caucasus) / eds. A.B. Belinskij, H. Harke. Bonn: Habelt Verlag, 2018. P. 49–96.
28. Kazanski M., Mastykova A. Tsibilium. La nécropole apsile de Tsibilium (VIIe av. J.-C. – VIIe ap. J.-C.) (Ab-

khazie, Caucase). L'étude du site. Vol. 2. Oxford: John and Erica Hedges Ltd., 2007. 164 p. (BAR IS, S1721).
29. Khairedinova E.A., Antipenko A.V. Gilded Sewn-On Plaques of the Second Half of the 7th Century from a Burial Ground near the Village of Luchystoe (Southwestern Crimea) // Nanobiotechnology Reports. 2024. Vol. 19, No. 4. P. 606–610. DOI: 10.1134/S2635167624601773.
30. Rustoiu G.T., Ciută M. An avar warrior's grave recently discovered at Unirea-Vereşmort (Alba County) // Warriors, weapons, and harness from the 5th–10th centuries in the Carpathian Basin / ed. Călin Cosma. Cluj-Napoca: Mega, 2014. P. 107–127.
31. Schulze-Dörrlamm M. Byzantinische Gürtelschnallen und Gürtelbeschläge im Römische-Germanischen Zentralmuzeum. Tail II: Die Schnallen mit Scharnierbeschläg und die Schnallen mit Angegossenem Riemendurchzug des 7. bis 10. Jahrhunderts. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuzeum, 2009. 404 S.

REFERENCES

1. Aibabin A.I. Tomb of a Khazar warrior. *Sovetskaia arkheologiia* [Soviet Archaeology], 1985, no. 5, pp. 191–206.
2. Aibabin A.I. Kelegeian Burial of a Military Leader. R. Rashev (ed.), *Problemi na prab"lgarskata istoriia i kultura* [Problems of Proto-Bulgarian History and Culture], Sofia, 1991, vol. 2, pp. 28–35.
3. Aibabin A.I. Archaeological Heritage of the Khazars of the Period of Creation of Khaganate. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2013, vol. 18, pp. 277–315.
4. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. *Mogil'nik u sela Luchistoe. T. 1. Raskopki 1977, 1982–1984 gg.* [Cemetery near the village of Luchistoye. Tom 1. Excavations 1977, 1982–1984]. Simferopol, Kerch, ADEF-Ukraina Publ., 2008, 336 p.
5. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. *Mogil'nik u sela Luchistoe. T. II. Raskopki 1984, 1986, 1991, 1993–1995 gg.* [Cemetery near the village of Luchistoye. Tom 1. Excavations 1984, 1986, 1991, 1993–1995]. Simferopol, Kerch, 2014, 400 p.
6. Aibabin A.I., Khairedinova E.A., Smokotina A.V., Radochin V.Yu. *Nekropol' vizantiyskogo Bospora. Raskopki 2007–2009 gg. v Bosforskom pereulke* [Necropolis of the Byzantine Bosporus. Excavations 2007–2009 in Bosphorus Lane]. Simferopol, Antikva Publ., 2023, 500 p.
7. Afanas'ev G.E., Runich A.P. *Mokraia Balka. Vyp. 1: Dnevnik raskopok* [Mokraia Balka. Vol. 1: Excavation Diary]. Moscow, Nauchnyy mir Publ., 2001, 250 p.
8. Veimarn E.V., Aibabin A.I. *Skalistinskiy mogil'nik* [Skalistoe Cemetery]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1993, 201 p.
9. Gavritukhin I.O. The Complex of Metal Objects from the First Turkic Khaganate Period from the Beslan Burial Ground (North Ossetia). *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 22, no. 1, pp. 139–202.
10. Gavritukhin I.O., Oblomsky A.M. *Gaponovskiy klad i ego kul'turno-istoricheskiy kontekst* [The Gaponov Treasure and its Cultural-Historical Context], Moscow, Institute of Archaeology RAS Publ., 1996, 296 p. (The Early Slavic World. Vol. 3).
11. Daim F. History and archaeology of the Avars. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2002, vol. 9, pp. 273–384.
12. Doncheva S. Reconstructions of early medieval riding horse harness (based on finds from Bulgarian production centers in the vicinity of Preslav). *Stratum Plus*, 2025, no. 5, pp. 271–286.
13. Komar A.V. Burial of a nomad from the early 8th century near the village of Zhuravlikha in the Middle Dnieper region. *Stepi Evropy v epokhu Srednevekov'ia. T. 5. Khazarskoe vremia* [The Steppes of Europe in the Middle Ages. Vol. 5. Khazar Time], Donetsk, Donetsk National University Publ., 2006, pp. 403–412.
14. Kubarev G.V. *Kul'tura drevnikh turok Altaia (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov)* [The Culture of the Ancient Altai Turks (Based on Funeral Monuments)]. Novosibirsk, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS Publ., 2005, 400 p.
15. Seregin N.N. The Experience of Allocation of the Funeral Rite Socio-Significant Elements Peculiar to the Turk Culture's People in the Sayan-Altai Region. *Izvestiia Altayskogo gosudarstvennogo universiteta* [Izvestiya of Altai State University], 2011, no. 4-1(72), pp. 180–184.
16. Seregin N.N. Emergence and Primary Spreading of Stirrups with Loop (Chronological and Ethnocultural Aspects). *Izvestiia Altayskogo gosudarstvennogo universiteta* [Izvestiya of Altai State University], 2013, no. 4-1(80), pp. 194–198.
17. Seregin N.N., Matrenin S.S., Stepanova N.F. Combat Knives of the Population of the Altai Northern Foothills During the Turkic Khaganates Period (based on materials from the Gorny-10 necropolis). *Povolzhskaia arkheologiia* [Volga River Region Archaeology], 2025, no. 3(53), pp. 207–217. DOI: 10.24852/pa2025.3.53.207.217.
18. Seregin N.N., Stepanova N.F. Early Medieval Single Burial with Horse Equipment from Northern Altai. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of Archaeology, Ethnog-

raphy, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories], 2021, vol. 27, pp. 642–649. DOI: 10.17746/2658-6193.2021.27.0642-0649.
19. Shul'ga P.I., Kubarev G.V. Early Medieval Burial near the Bolshaya Tavdinskaya Cave (Northern Altai). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories], 2021, vol. 27, pp. 747–753. DOI: 10.17746/2658-6193.2021.27.0747-0753.
20. Bálint C. *Die Archäologie der Steppe. Steppenvölker zwischen Donau und Volga vom 6. bis 10. Jahrhundert*. Wien, Köln, Böhlau Verlag, 1989, 304 S.
21. Bálint C. Kontakte zwischen Iran, Byzanz und Steppe. F. Daim (Hrsg.), *Awaren Forschungen*. Wien, Institut für Ur- und Frühgeschichte der Universität Wien, 1992, pp. 309–496.
22. *Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection. Vol. 2. Part 1. Phocas and Heraclius (602–641).* Ed. Ph. Grierson. Washington D.C., Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1993, 384 p., XXII pl.
23. Chrissimov N. Der frühmittelalterliche Gürtel von Üč Tepe (Azerbajdžan) und die dazugehörige Ausrüstung. Ein Rekonstruktionsversuch. *Archaeologia Bulgarica*, 2004, VIII,1, pp. 79–96.
24. Garam É. Die münzdatierten Gräber der Awarenzeit. F. Daim (Hrsg.), *Awaren Forschungen*. Wien, Institut für Ur- und Frühgeschichte der Universität Wien, 1992, pp. 135–250.
25. Garam È. *Funde byzantinischer Herkunft in der Awarenzeit vom Ende des 6. bis zum Ende des 7. Jahrhunderts*. Budapest, Kanai Nyomda, 2001, 432 S. (Monumenta Avarorum Archaeologica. Vol. 5).
26. Garam É. Avar kori nõi fejdíszek. *Zalai Múzeum*, 2005, vol. 14, pp. 169–181.
27. Gavritukhin I.O. Belt sets from Alanic graves: Chronology and cultural links. A.B. Belinskij, H. Harke (eds.), *Ritual, society and population at Klin-Yar (North Caucasus)*. Bonn, Habelt Verlag, 2018, pp. 49–96.
28. Kazanski M., Mastykova A. *Tsibilium. La nécropole apsile de Tsibilium (VIIe av. J.-C. – VIIe ap. J.-C.) (Abkhazie, Caucase). L'étude du site. Vol. 2.* Oxford, John and Erica Hedges Ltd., 2007, 164 p. (BAR IS, S1721).
29. Khairedinova E.A., Antipenko A.V. Gilded Sewn-On Plaques of the Second Half of the 7th Century from a Burial Ground near the Village of Luchystoe (Southwestern Crimea). *Nanobiotechnology Reports*, 2024, vol. 19, no. 4, pp. 606–610. DOI: 10.1134/S2635167624601773.
30. Rustoiu G.T., Ciută M. An avar warrior's grave recently discovered at Unirea-Vereşmort (Alba County). Călin Cosma (ed.), *Warriors, weapons, and harness from the 5th–10th centuries in the Carpathian Basin*. Cluj-Napoca, Mega Publ., 2014, pp. 107–127.
31. Schulze-Dörrlamm M. *Byzantinische Gürtelschnallen und Gürtelbeschläge im Römische-Germanischen Zentralmuzeum. Tail II: Die Schnallen mit Scharnierbeschläg und die Schnallen mit Angegossenem Riemendurchzug des 7. bis 10. Jahrhunderts*. Mainz, Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuzeum, 2009, 404 S.

Информация об авторах

Зайцев Ю. П. – кандидат исторических наук, директор Историко-археологического музея-заповедника «Неаполь Скифский», AuthorID: 1137684.

Хайрединова Э. А. – кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе Института археологии Крыма РАН, Researcher ID: Y-5905-2019.

Шкрибляк И. И. – заместитель директора Историко-археологического музея-заповедника «Неаполь Скифский», AuthorID: 1186302.

Authors information

Zaytsev Yu. P. – Candidate of Sciences (History), Director of the Historical and Archaeological Museum-Reserve "Scythian Neapolis".

Khairedinova E. A. – Candidate of Science (History), Deputy Director for Research of the Institute of Archaeology of the Crimea of RAS, Researcher ID: Y-5905-2019.

Shkribliak I. I. – Vice Director of the Historical and Archaeological Museum-Reserve "Scythian Neapolis".

DOI: 10.29039/2413-189X.2025.30.235-276

УКРЕПЛЕНИЯ A.VI, A.VII, A.VIII И A.IX ГЛАВНОЙ ЛИНИИ ОБОРОНЫ МАНГУПА

Антон Анатольевич Душенко
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия
tnu.dushenko@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-7287-0086

Аннотация. Фортификационный ансамбль Мангупа включает три линии обороны: Главную, Вторую и цитадель. Ключевую роль в этой системе играет Главная линия обороны, имевшая дискретный характер и состоявшая из 20 отдельных укреплений, перекрывающих все возможные пути на плато Мангуп. Основной целью статьи является введение в научный оборот результатов археологических исследований укреплений A.VI, A.VII, A.VIII и A.IX Главной линии обороны, расположенных в расселинах восточного обрыва мыса Чамну-бурун. Крупнейшее из них, A.VIII, перекрывает широкую скальную расселину. Укрепление имеет П-образную форму с длинной центральной частью и короткими флангами. Общая реконструируемая длина его составляет 170,72 м. К настоящему времени сохранились 6 участков оборонительной стены, неоднократно подвергавшихся ремонтам. Центральная часть укрепления сооружена в технике трехслойной, двухпанцирной с забутовкой кладки. Анализ строительных остатков позволил выделить 4 этапа строительной истории укрепления, датированные 550–565 гг., серединой IX – X в., XIV – третьей четвертью XV в., временем около 1475 г. Укрепления A.VI, A.VII и A.IX перекрывают узкие расселины. A.VI в плане представляет собой ломаную линию, состоящую из трех отрезков. Общая длина оборонительной стены составляет не менее 21,85 м. A.VII представляет собой теналь, состоящую из двух флангов, сходящихся под углом 137°. Реконструируемая длина укрепления – не менее 23,03 м. Сходную планировку имеет укрепление A.IX. Величина тенального угла здесь составляет 93°, общая длина оборонительной стены – не менее 8,6 м. Укрепления A.VI, A.VII, A.IX сложены в технике двухслойной кладки, состоявшей из лицевого панциря и забутовки, заполнявшей пространство между тыльной стороной оборонительной стены и ближайшей скальной ступенью. Наиболее вероятным временем строительства этих укреплений является период 550–565 гг.

Ключевые слова: Византия, Юго-Западный Крым, Мангуп, фортификация, Главная линия обороны

Благодарности: Статья написана в рамках проекта Минобрнауки РФ, государственное задание FZEG-2025-0001 «Этнические трансформации в Крыму и Таврических степях в Средние века и Новое время».

FORTIFICATIONS A.VI, A.VII, A.VIII, AND A.IX OF THE MAIN DEFENCE LINE OF MANGUP

Anton A. Dushenko
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
tnu.dushenko@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-7287-0086

Abstract. The fortification ensemble of Mangup includes three lines of defense: the Main, the Second and the Citadel. The Main Defense Line plays the key role in this system, having the discrete nature of 20 separate fortifications blocking all possible routes to the plateau of Mangup. The main objective of this article is to introduce into the scholarship the results of archaeological research of fortifications A.VI, A.VII, A.VIII and A.IX of the Main Defense Line, located in the crevices of the eastern cliff of Chamnu-burun promontory. The largest fortification A.VIII protects a wide crevice in the cliff. This П-shape fortification has a long central part and short flanks. Its total reconstructed length is 170.72 m. So far there still exist six sections of the defensive wall, which were repaired several times. The central part of the fortification was built with three-layer stonework showing two faces and rubble core. The analysis of the building allows the one to identify four stages in the construction history of the fortification, dating from 550–565 AD, mid-ninth and tenth century, fourteenth and third quarter of the fifteenth century, and ca 1475. Fortifications A.VI, A.VII and A.IX cover narrow crevices. Fortification A.VI shows the plan of a broken line consisting of three segments. The total length of the defensive wall is not less than 21.85 m. Fortification A.VII is a

tenaille consisting of two flanks meeting at the angle of 137°. The reconstructed length of the fortification is not less than 23.03 m. Fortification A.IX has a similar layout. Its tenaille angle is 93°, the total length of the defensive wall is not less than 8.60 m. Fortifications A.VI, A.VII, A.IX were built as two-layer stonework consisting of a front face and rubble core, filling the space between the back of the defensive wall and the nearest rock step. The most probable time of the construction of these fortifications is 550–565.

Keywords: Byzantium, South-Western Crimea, Mangup, fortification, Main line of defense.

Acknowledgements: This article has been written as a part of the project supported by state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation FZEG-2025-0001 *Ethnic Transformations in the Crimea and the Tauria Steppe in the Middle Ages and the Modern Period.*

Географические особенности Мангупского плато – крутые склоны и высокие обрывы, обеспечивавшие естественную защиту, наличие источников воды, окружающие долины, пригодные для сельскохозяйственного освоения – делают его оптимальным местом для организации укрепленного поселения с точки зрения древних архитекторов и инженеров. Важность указанных условий при выборе места для строительства города неоднократно отмечена в письменных источниках [6, с. 24; 33, с. 280–283; 26, с. 70–71]. В период 550–565 гг. факторы природной защиты были дополнены системой фортификационных сооружений, известной в современной историографии как Главная линия обороны (далее – ГЛО) [7, с. 132–137; 22, с. 116]. Этот фортификационный пояс состоит из 20 отдельных укреплений (рис. 1), перекрывающих возможные пути проникновения на территорию Мангупского плато через балки его северного склона и расселины в обрывах его мысов и южного края [7, с. 106, 128–132]. Общая площадь крепостного полигона, ограниченного ГЛО, составляет 88,14 га.

Оборонительная система Мангупа изучена достаточно полно[1]. Особую роль в ее исследованиях сыграл А. Г. Герцен. В 70-х гг. XX в. исследователем был выявлен и обследован ряд ранее неизвестных фортификационных сооружений, сформулирована концепция эшелонированного крепостного ансамбля городища, включавшего два пояса оборонительных стен и цитадель [7]. Выделенные А. Г. Герценом этапы эволюции фортификационной системы легли в основу исторической периодизации Мангупа [8, с. 94–112; 13, с. 88–96], постоянно дополняющейся и уточняющейся за счет новых материалов исследований памятника.

Продолжение изучения оборонительной системы городища сохраняет свою актуальность, что продемонстрировали результаты новейших исследований отдельных ее составляющих. Работами в районе укрепления A.XVII был выявлен участок трассы раннесредневековой оборонительной стены с калиткой [29, с. 252–254]. Материалы новейших исследований укрепления A.XIV позволили уточнить дату строительства одной из его куртин во второй половине X в. [21, с. 170–174]. В результате работ на укреплении A.XI были существенно скорректированы планировка и устоявшаяся хронология памятника [16; 21, с. 175–179]. Исследования укреплений A.X, A.XII и A.XIII позволили точно локализовать их на местности, зафиксировать планировку и строительную технику оборонительных сооружений [17].

Данная статья завершает цикл публикаций материалов новейших археологических исследований укреплений западного фланга северного фронта ГЛО, расположенных в балке Табана-дере и ограничивающих ее обрывах мысов Чамну-бурун и Чуфут-чеарган-бурун [16; 17]. Ее основной целью является введение в научный оборот результатов изучения укреплений A.VI, A.VII, A.VIII и A.IX (рис. 2), проводившихся в 2023 г. Основной акцент был сделан на исследовании укрепления A.VIII – наиболее масштабного и хорошо сохранившегося сооружения этого участка ГЛО.

Укрепление A.VIII расположено в 237 м к юго-юго-востоку от северной оконечности мыса Чамну-бурун (рис. 2). Западный обрыв мыса здесь рассечен широкой (133,64 м) скальной расселиной (рис. 3), что, очевидно, обусловило необходимость строительства укрепления. Рельеф внутри расселины определяют четыре скальных ступени высотой 2–2,5 м, каскадом спускающихся в направлении тальвега балки Табана-дере. Общий перепад высот в пределах расселины колеблется от 6 м на севере до 10 м в ее южной части. Структурные сту-

[1] История изучения оборонительных сооружений Мангупа подробно изложена в соответствующей главе монографии А. Г. Герцена [7, с. 89–102], что позволяет избежать повторений.

пени в настоящее время затянуты грунтом, ниже трассы укрепления склон покрыт мощными завалами обработанных блоков и разнокалиберного бутового камня, связанными с разрушением оборонительной стены.

Труднодоступность укрепления А.VIII, вероятно, определила его слабую изученность. Объект не упоминается в работах путешественников и исследователей конца XVIII – начала XX в. Судя по устному сообщению Е. В. Веймарна, руины оборонительной стены на восточном обрыве мыса Чамну-бурун были известны ему еще до Великой Отечественной войны [7, с. 106]. Вероятнее всего, этой стеной является А.VIII – единственное укрепление этого участка городища, сохранившееся выше уровня современной дневной поверхности. Фактическое открытие объекта произошло в 1971 г. в результате планомерных разведок оборонительных сооружений Мангупа, проводившихся А. Г. Герценом. В отчете о работах Мангупской экспедиции указана ориентировочная протяженность оборонительной стены – около 100 м, приведены ее первые фотографии [3, с. 19]. В сезоне 1973 г. был выполнен чертеж лицевого фаса укрепления [4, рис. 92–93].

В 1979 г. в южной части укрепления А.VIII у тыльной стороны оборонительной стены был заложен раскоп площадью 10 м^2. Результаты этих работ по ряду причин не были включены в итоговый отчет об археологических исследованиях Мангупа в 1979 г., однако, в личном архиве А. Г. Герцена сохранился машинописный текст описания стратиграфической ситуации и выявленных строительных остатков[2]. Судя по нему, стратиграфическая колонка общей мощностью 1,7 м включала четыре основных слоя делювиального происхождения и два локальных контекста: завал разнокалиберного камня, образовавшийся в результате разрушения оборонительной стены, и прослойку известнякового отеса, залегавшую шириной около 0,45 м вдоль тыльной стороны укрепления.

Материалы раскопок 1979 г. дали основания для выделения трех периодов строительной истории А.VIII. Первый период связан со строительством укрепления и облицовкой его лицевой части крупными (до 0,9×0,6×0,3 м), качественно обработанными блоками, уложенными тычком и логом. На отдельных блоках отмечены вырезы для пиронов – металлических или деревянных стержней, скреплявших соседние блоки в кладке. На втором этапе оборонительная стена была полностью перестроена с вторичным использованием блоков первого периода. Третий период связан с новым ремонтом укрепления, в результате которого оборонительная стена была утолщена до 1,8 м с помощью блоков и крупного бутового камня, уложенных на упомянутую выше прослойку известкового отеса. Третий период в тексте предварительно датирован XIV–XV вв.

В монографии 1990 г. А. Г. Герцен рассматривал укрепление А.VIII, в первую очередь, в связи с обнаруженными на блоках из его кладки знаками [7, с. 116–118]. Последние имели патронимическое значение и маркировали семьи, отвечавшие за ремонт отдельных фортификационных сооружений в IX–X вв. Реконструкцию укрепления в этот период исследователь связал с деятельностью хазарской администрации Мангупа-Дороса [7, с. 118–119]. По характеру строительной техники А.VIII отнесено к группе оборонительных стен, сложенных в технике трехслойной двухлицевой кладки с лицевым панцирем из квадров, тыльным – из крупного бута с фасадной подтеской и забутовкой между ними [7, с. 124]. Укрепление отмечено на схемах оборонительной системы Мангупа VI–VII вв., IX–X вв. и XIV–XV вв., что, очевидно, отражает представления А. Г. Герцена о его хронологии [7, рис. 26, 29, 30].

В результате первичной расчистки укрепления в 2023 г. были выявлены шесть сохранившихся участков оборонительной стены. **Участок № 1** является юго-восточным флангом укрепления. Он расположен на краю скального выступа, ограничивающего расселину с юга (рис. 3). Трасса оборонительной стены ориентирована по оси северо-восток – юго-запад. Общая длина участка № 1 составляет 13,77 м.

Стена сложена в технике двухслойной однолицевой кладки (рис. 4). Толщина лицевого панциря составляет 0,59–0,66 м. Максимальная сохранность кладки в высоту – 1,12 м. Лицевой панцирь сложен из крупных (до 1,06×0,61×0,31 м), тщательно обработанных известняковых блоков призматической формы, уложенных с иррегулярным чередованием тычков

[2] Благодарю А. Г. Герцена за любезно предоставленную копию документа.

и логов. Блоки плотно подогнаны друг к другу. Ширина швов составляет не более 0,02 м. Часть блоков растрескалась, часть, вероятно, в процессе функционирования стены, была заменена обработанным камнем меньших размеров. Нижний ряд кладки установлен на край природной скальной полки, предварительно выровненной путем рубки. Остатки связующего раствора обнаружены не были.

С тыльной стороны к лицевому панцирю примыкает мощный завал разнокалиберного бутового камня. Ширина завала колеблется в пределах 2,04–2,41 м. Судя по его верхним точкам, высота лицевого панциря кладки участка № 1 должна была составлять не менее 2,03 м. Отметим, что аналогичная конструкция оборонительной стены с лицевым панцирем, служащим своеобразной крепидой для каменного завала, нивелирующего пространство между кладкой и ближайшей с тыла скальной ступенью, была ранее зафиксирована на укреплении A.XII [17, с. 175, рис. 8–9].

Участок № 2 расположен на расстоянии 19,02 м к западу от юго-западного края участка № 1 (рис. 3). Трасса оборонительной стены в плане имеет форму дуги, ориентированной по оси юго-восток – северо-запад. Длина участка № 2 составляет 4,83 м.

Оборонительная стена здесь сооружена в аналогичной участку № 1 строительной технике (рис. 5). Лицевой панцирь сложен из крупных (максимальные размеры 1,13×0,45 м) блоков, уложенных с иррегулярным чередованием тычков и логов. Ширина швов между ними составляет не более 0,04 м. В отдельных швах сохранились остатки известкового раствора белого цвета, содержащего примесь просеянного песка. Северо-западная часть кладки лицевого панциря выдавлена за счет веса примыкающего к его тыльной стороне завала разнокалиберного бутового камня. Ширина завала составляет 2,14–2,68 м. Определить характер основания кладки лицевого панциря без проведения раскопок на участке № 2 невозможно. Максимальная высота сохранившейся кладки лицевого панциря составляет 1,8 м. Его реконструируемая высота – не менее 2,96 м.

Участок № 3 расположен на расстоянии 14,51 м к северо-западу от северо-западного края участка № 2 (рис. 3). Оборонительная стена здесь ориентирована по оси юго-восток – северо-запад. На расстоянии 3,63 м от юго-восточного края трасса участка № 3 ломается, образуя прямоугольный выступ (рис. 6,*1*), что, видимо, обусловлено конфигурацией скальной ступени, использованной в качестве основания оборонительной стены. Общая длина участка составляет 14,8 м. У тыльной стороны участка расположен раскоп 1979 г.

В кладке участка № 3 зафиксированы три панциря, отражающие разные этапы его строительной истории (рис. 6,*1*). Первый (лицевой) панцирь сохранился на высоту до 2,04 м. Он сложен из крупных блоков призматической формы (максимальные размеры 1,05×0,64×0,36 м) (рис. 6,*2–3*). Блоки уложены на широкие грани с иррегулярным чередованием тычков и логов, плотно подогнаны друг к другу. Ширина швов между ними составляет 0,02–0,03 м. На отдельных участках соседние блоки в кладке дополнительно скреплялись пиронами. Два выреза трапециевидной формы зафиксированы на верхних гранях двух блоков, образующих прямоугольный выступ участка № 3.

Ряды кладки лицевого панциря выдержаны. Общая ось порядовки равномерно понижается в северо-западном направлении, повторяя линию скальной постели. Поверхность последней носит следы выравнивания. Нужно отметить, что наклонная часть скальной ступени, на которую установлен участок № 3 оборонительной стены, имеет неестественно заглаженную поверхность (рис. 6,*3*). Выраженных следов ее искусственной обработки на зачищенном участке обнаружить не удалось. Тем не менее, характер скальной поверхности позволяет предположить создание эскарпа перед лицевой частью укрепления A.VIII, дополнительно увеличивающего высоту оборонительной стены на участке № 3 как минимум на 3 м.

Второй панцирь изначально был сложен из грубо обработанных блоков меньшего, в сравнении с лицевым панцирем, размера. Эти блоки на участке № 3 удалось зафиксировать локально, в пределах раскопа I (см. ниже) (рис. 6,*1*). Как показал архитектурный зондаж, сделанный по завершении работ на площади раскопа, основанием для изначального тыльного панциря стала субструкция из известкового раствора и щебня, сформированная на поверхности скалы (рис. 7,*2*). Общая мощность оборонительной стены на участке № 3 на первом этапе

его строительной истории составила 1,34–1,45 м. Необходимо отметить низкую мощность бутового ядра (0,1–0,13 м) между панцирями участка № 3 на первом этапе его строительной истории. Вероятно, по задумке строителей укрепления связь между панцирями должны были обеспечивать вытянутые блоки, уложенные тычком на всю ширину стены. Один из таких блоков зафиксирован в пределах раскопа I в 0,7 м к юго-востоку от выступа стены (рис. 6,*1*).

На втором этапе строительной истории участка № 3 второй панцирь был частично разобран и переложен с отклонением трассы панциря на 15–20° (рис. 6,*1*). Вероятно, это было сделано для усиления участка оборонительной стены, примыкающего к прямоугольному выступу. В результате ремонтных работ мощность оборонительной стены возросла до 1,58–1,76 м. В качестве строительного материала при перекладке использован иной по характеру материал – крупный и средний бутовый камень со слабо выраженной лицевой подтеской (рис. 6,*1*; 7,*1*). Швы между камнями запечатаны известковым раствором белого цвета без видимых примесей. Нижний ряд кладки нового второго панциря уложен на грунт в неглубокую строительную траншею, выкопанную с уровня поверхности 6-го слоя (рис. 7,*3,4*).

Третий панцирь оборонительной стены укрепления A.VIII зафиксирован локальными участками в северо-западной части участка № 3 (рис. 6,*1*). Он представляет собой линию крупных скальных глыб без следов обработки, выложенную вдоль тыльной стороны стены для ее утолщения. В результате общая мощность участка № 3 возросла до 2,37–2,45 м. Камни третьего панциря не сохранились в пределах раскопа I, что не позволяет точно связать его с одним из изученных культурных горизонтов.

В 2023 г. у тыльной стороны участка № 3 на месте раскопа 1979 г. был заложен **раскоп I** (рис. 6,*1*). При зачистке бортов старого раскопа были собраны фрагменты разновременной керамики[3] (таблица 1) (рис. 8,*1–3*), известняковый снаряд для пращи (рис. 8,*4*), кремневый наконечник (рис. 8,*5*).

Стратиграфическая колонка, зафиксированная в пределах раскопа I, включает 6 напластований (рис. 7,*3–5*). 1-й слой представлял собой темно-коричневый гумусированный грунт, насыщенный корнями, разнокалиберным бутовым камнем. На большей площади раскопа горизонт залегал практически горизонтально. В северо-восточной части раскопа, ближе к оборонительной стене, горизонт резко понижался в направлении склона балки Табана-дере. Общая мощность его колебалась в пределах 0,16–0,25 м. Структура и характер залегания 1-го слоя указывают на его формирование в результате природных процессов почвообразования. Статистика находок фрагментов керамики приведена в таблице 2.

Таблица 1

№	Наименование	Кол-во фр-тов	Процентное соотношение
	Строительная керамика		
1	Черепица 1-й группы[4] (XIV–XV вв.)	93	80
2	Черепица 2-й группы (XIV–XV вв.)	1	1
3	Черепица 3-й группы (IX–X вв.)	1	1
	Тарная керамика		
4	Амфоры класса 36 по ХК-95[5] (вторая половина VIII – первая половина X в.)	8	7
5	Амфоры класса 1 по ХК-95 (VI–VII вв.)	3	2
6	Высокогорлые кувшины класса 41 по ХК-95	1	1
	Кухонная керамика		
7	Лепные горшки с подработкой на гончарном круге (VIII–X вв.)	7	6
	Столовая керамика		
8	Сосуды группы Pontic Red Slip Ware (V–VI вв.)	2	2
	Всего:	**116**	**100%**

[3] Благодарю В. Е. Науменко за атрибуцию археологического материала и В. К. Ганцева за подготовку иллюстраций находок.

[4] Группы строительной керамики выделены согласно классификации кровельной черепицы Мангупского городища, разработанной на материалах исследований квартала внутри цитадели [9, с. 380; 11, с. 394; 12, с. 401].

[5] Классификация амфор Херсонеса 1995 г. [27].

Подавляющее большинство находок в 1-м слое составляли фрагменты красноглиняной кровельной черепицы 1-й группы, доминирующей в слоях и комплексах Мангупа XIV – третьей четверти XV в. [9, с. 380; 11, с. 394; 12, с. 401]. 11% находок составляют фрагменты керамики VIII–X вв.: черепица 3-й группы [9, с. 393] и лепные горшки с подработкой на гончарном круге [10, с. 256–257]. К раннесредневековому времени относится фрагмент стенки амфоры класса 1 [27, с. 16–19, табл. 2–3].

Таблица 2

№	Наименование	Кол-во фр-тов	Процентное соотношение
	Строительная керамика		
1	Черепица 1-й группы (XIV–XV вв.)	45	87
2	Черепица 3-й группы (IX–X вв.)	2	3
	Тарная керамика		
3	Амфоры класса 1 по ХК-95 (VI–VII вв.)	1	2
	Кухонная керамика		
4	Лепные горшки с подработкой на гончарном круге (VIII–X вв.)	4	8
	Всего:	**52**	**100%**

2-м слоем на площади раскопа I был завал мелкого и среднего бутового камня и крупных фрагментов кровельной черепицы, затянутый плотным грунтом желтовато-коричневого цвета (рис. 9,*1*). Горизонт залегал равномерно по всей площади раскопа с небольшим уклоном к северо-востоку, в направлении оборонительной стены. Мощность слоя колебалась в пределах 0,1–0,19 м, достигая максимума в северо-восточной части раскопа. С точки зрения стратиграфии, 2-й слой представляет собой дневную поверхность позднейшего этапа функционирования участка № 3 оборонительной стены укрепления A.VIII. Формирование на его поверхности завала из крупных фрагментов черепицы, вероятно, связано с разрушением находившейся здесь легкой постройки (навеса?), примыкавшей к тыльной стороне стены. Дополнительным аргументом в пользу этого предположения является структура комплекса находок из 2-го слоя, представленная в статистической таблице 3.

Таблица 3

№	Наименование	Кол-во фр-тов	Процентное соотношение
	Строительная керамика		
1	Черепица 1-й группы (XIV–XV вв.)	137	71
2	Черепица 3-й группы (IX–X вв.)	25	13
	Тарная керамика		
3	Амфоры типа Зеест 73 (III–IV вв.)	1	1
4	Амфоры класса 1 по ХК-95 (VI–VII вв.)	2	1
5	Амфоры класса 36 по ХК-95 (вторая половина VIII – первая половина X в.)	12	6
	Кухонная керамика		
6	Лепные горшки с подработкой на гончарном круге (VIII–X вв.)	14	7
	Столовая керамика		
7	Сосуды группы Pontic Red Slip Ware (V–VI вв.)	1	1
	Всего:	**192**	**100%**

Подавляющее большинство находок составляют крупные фрагменты черепицы 1-й группы (XIV–XV вв.), в том числе археологически целые формы (рис. 10,*1–4,6*) из описанного выше завала. Материалы VIII–X вв. (26%) представлены фрагментами черепицы 3-й группы (рис. 10,*5*), «причерноморских» желобчатых амфор класса 36 [27, с. 60–61, табл. 23], лепных горшков с подработкой на гончарном круге. Группу раннесредневековых материалов составляют фрагменты амфор класса 1 по ХК-95 и S-видный край краснолаковой миски группы Pontic Red Slip Ware (рис. 8,*7*). Самой ранней находкой в слое является фрагмент клювовидного венчика амфоры типа 73 по классификации И. Б. Зеест (рис. 8,*6*) [18, с. 112,

табл. XXX,73]. Кроме фрагментов керамики, из слоя были извлечены фрагменты бронзового сосуда с вертикальными дуговидными ручками (рис. 10,*7*). В виду отсутствия более четких хронологических реперов, дату формирования 2-го слоя, очевидно, следует определять по наиболее поздним находкам – кровельной черепице XIV–XV вв., а материалы раннего времени рассматривать как «примесь снизу».

3-й слой представлял собой плотный грунт, серовато-коричневого цвета, содержавший многочисленные включения известнякового щебня (рис. 9,*2*). Горизонт залегал равномерно на всей площади раскопа, плавно понижаясь к северо-востоку, в направлении оборонительной стены и склона балки Табана-дере. Мощность 3-го слоя колебалась в пределах 0,18–0,58 м, достигая максимума у юго-западного борта раскопа I, где он заполнял неровности карированной скальной поверхности. Структура и характер залегания указывают на природное происхождение 3-го слоя. Находки керамики из горизонта приведены в таблице 4.

Таблица 4

№	Наименование	Кол-во фр-тов	Процентное соотношение
	Строительная керамика		
1	Черепица 1-й группы (XIV–XV вв.)	4	37
2	Черепица 3-й группы (IX–X вв.)	1	9
	Тарная керамика		
4	Амфоры класса 1 по ХК-95 (VI–VII вв.)	1	9
5	Амфоры типа V по ХК-716 (VI–VII вв.)	1	9
5	Амфоры класса 24/36 по ХК-95 (вторая половина VIII – первая половина X в.)	1	9
	Кухонная керамика		
6	Лепные горшки с подработкой на гончарном круге (VIII–X вв.)	1	9
	Столовая керамика		
7	Сосуды группы Pontic Red Slip Ware (V–VI вв.)	2	18
	Всего:	**11**	**100%**

Находки из 3-го слоя немногочисленны и маловыразительны. Обращает внимание резкое, в сравнение с вышележащими горизонтами, снижение доли материалов XIV–XV вв. до 37%. 27% комплекса составляет керамика VIII–X вв.: единичные фрагменты керамиды 3-й группы, «причерноморской» амфоры, лепного горшка, подработанного на гончарном круге. Самую раннюю хронологическую группу находок формируют фрагменты амфор типа V [2, с. 85, рис. 6] и класса 1 по ХК-95, два фрагмента краснолаковой миски группы Pontic Red Slip Ware (рис. 11,*1*). Кроме фрагментов керамики, 3-й слой содержал овальную сердоликовую вставку перстня (рис. 11,*2*).

4-й слой в пределах раскопа I представлял собой плотный завал разнокалиберного бутового камня и фрагментов обработанных блоков, затянутый рыхлым серовато-коричневым щебнистым грунтом (рис. 9,*3*). Слой залегал широкой (до 3,12 м) полосой на пространстве между оборонительной стеной и скальным гребнем, зачищенным под 3-м слоем в западной части раскопа. Его мощность колебалась от 0,29 до 1 м, достигая максимума в северо-восточной части раскопа, у тыльной стороны оборонительной стены. Поверхность 4-го слоя горизонтальна и залегает в уровень с природной скальной ступенью, зачищенной в юго-западной части раскопа (рис. 7,*3–4*; 9,*3*). По структуре слой аналогичен слоям разрушения каменных построек. Однако характер его залегания позволяет предположить, что поверхность горизонта была искусственно снивелирована, возможно, для обустройства боевой площадки у тыльной стороны стены. Находки в 4-м слое немногочисленны: фрагмент керамиды 3-й группы (IX–X вв.), свинцовый предмет неясного назначения (рис. 11,*3*) и два фрагмента блоков со знаками № 7 и № 8 (см. ниже).

5-й слой в пределах раскопа I был зафиксирован в его восточной части, на пространстве между оборонительной стеной и упомянутым выше скальным гребнем (рис. 12,*1*). Горизонт представлял собой плотный грунт коричневого цвета, содержавший включения известнякового щебня и жерствы. На его поверхности были зачищены пятна белого известкового

[6] Классификация амфор Херсонеса 1971 г. [2].

раствора и следы локального горения. Слой залегал мощностью 0,13–0,18 м, плавно понижаясь в направлении оборонительной стены. Структура и характер залегания позволяют рассматривать 5-й слой в качестве дневной поверхности одного из этапов функционирования участка № 3. Пятна известкового раствора указывают на проведение на этом этапе ремонтно-строительных работ. Из 5-го слоя были извлечены фрагменты стенки амфоры типа V второй четверти VI – VII в. (рис. 11,*4*) [30, с. 64; 27, с. 24; 15, с. 101; 31, с. 531–532] и украшенной зональным рифлением стенки неатрибутированного сосуда (рис. 11,*5*), по структуре черепка аналогичного «причерноморским» амфорам.

6-й слой залегал на всей площади раскопа I (рис. 12,*2*). В его юго-западной части он зафиксирован локальными участками в трещинах и понижениях скального гребня. В центральной и северо-восточной части раскопа 6-й слой полностью перекрывал поверхность скалы. С точки зрения структуры горизонт представлял собой красновато-коричневый плотный суглинистый грунт, содержавший мелкий бут, щебень и жерству. На его поверхности зафиксированы локальные скопления разложившегося известкового раствора. Мощность 6-го слоя на площади раскопа I составляла 0,15–0,32 м. При его выборке были обнаружены три фрагмента костей млекопитающих без следов обработки.

У тыльной стороны оборонительной стены на поверхности 6-го слоя был зафиксирован контур строительной траншеи (рис. 12,*3*). Ее ширина составила 0,12–0,29 м, глубина от уровня поверхности 6-го слоя – 0,21–0,24 м. При сооружении траншеи 6-й слой полностью прокопан не был. Заполнение комплекса представляло собой светло-серый рыхлый грунт, насыщенный комками разложившегося известкового раствора, фрагментами штукатурки. Археологический материал в заполнении траншеи не обнаружен.

Наличие строительной траншеи подразумевает функционирование 6-го слоя в качестве дневной поверхности одного из этапов строительной истории участка № 3. При этом, структура горизонта скорее указывает на его постепенное накопление в результате естественных процессов почвообразования. Вероятно, 6-й слой накапливался на поверхности скалы в период между строительством укрепления A.VIII и отмеченным выше ремонтом ее тыльного (второго) панциря.

Участок № 4 укрепления A.VIII расположен на расстоянии 15,2 м к северо-западу от северо-западного края участка № 3 (рис. 3). Стена ориентирована по оси юго-восток – северо-запад. Общая длина участка составляет 22,86 м. В юго-восточной и центральной части участка трасса оборонительной стены дважды ломается под прямым углом, видимо, повторяя линию скальной полки, на которую она установлена (рис. 13,*1*).

Аналогично участку № 3 в общем габарите стены участка № 4 в результате зачистки были выявлены три панциря кладки. Первый (лицевой) панцирь сохранился на высоту до 2,65 м (рис. 13,*2–3*). Он сложен из крупных блоков призматической формы (максимальные размеры 1,05×0,51×0,41 м). Блоки уложены на широкие грани с иррегулярным чередованием тычков и логов, плотно подогнаны друг к другу. В кладке встречаются уложенные логом блоки с вырезанным пазом для перпендикулярной укладки блока, скреплявшего лицевой панцирь с тыльным. Кроме того, на пяти блоках зафиксированы трапециевидные вырезы для пиронов, обращенные наружу. Возможно, этот факт указывает на их вторичное использование. Аналогично участку № 3, наклонная часть скальной полки, на которую поставлена стена, возможно, была подрублена для создания эскарпа.

Второй (тыльный) панцирь зафиксирован на отдельных участках (рис. 13,*1*). Он сложен из грубо обработанных блоков меньшего размера (до 0,66×0,35×0,19 м). Пространство между первым и вторым панцирями заполнено бутовым камнем, залитым известковым раствором белого цвета, в настоящее время сильно деструктированным. Общая мощность оборонительной стены на первом этапе строительной истории участка № 4 составляла 1,24–1,32 м.

Третий панцирь представляет собой линию из крупного бутового камня и скальных глыб, насухо пристроенную ко второму панцирю (рис. 13,*1*; 14,*1*). После его сооружения общая мощность оборонительной стены возросла до 2,14–2,42 м.

У тыльной стороны участка № 4 был заложен **раскоп II** (рис. 13,*1*). Стратиграфическая колонка включала 4 горизонта (рис. 14,*2–3*). 1-й слой представлял собой темно-коричневый

гумусированный грунт, насыщенный разнокалиберным бутом и щебнем. Горизонт залегал равномерно по всей площади раскопа. Его мощность колебалась в пределах 0,22–0,37 м. Структура слоя указывает на его формирование в результате природных процессов почвообразования. Найденные в 1-м слое фрагменты керамики приведены в таблице 5.

Таблица 5

№	Наименование	Кол-во фр-тов	Процентное соотношение
	Строительная керамика		
1	Черепица 1-й группы (XIV–XV вв.)	25	83
2	Черепица 2-й группы (XIV–XV вв.)	2	7
	Тарная керамика		
3	Амфоры класса 36 по ХК-95 (вторая половина VIII – первая половина X в.)	2	7
	Кухонная керамика		
4	Кувшины группы ЮЗК7 (XIV–XV вв.)	1	3
	Всего:	**30**	**100%**

Абсолютное большинство (93%) находок составляют материалы XIV–XV вв.: строительная керамика 1-й и 2-й групп, фрагмент стенки кувшина группы ЮЗК. Дополняет эту категорию фрагментированный наконечник стрелы с ромбовидным пером (рис. 14,*4*), который, видимо, является материальным свидетельством боевых действий 1475 г. Подобные наконечники находились на вооружении Османской армии [28, с. 111–112]. К периоду VIII–X вв. относятся два фрагмента желобчатых «причерноморских» амфор класса 36 [27, с. 60–61, табл. 23].

После выборки 1-го слоя в юго-западной части раскопа на полосе шириной 0,89–1,14 м была зачищена поверхность слабо карированной, вероятно, грубо нивелированной скальной ступени. На остальной площади раскопа была открыта поверхность 2-го слоя (рис. 15,*1*). Он представлял собой плотный коричневато-серый грунт, насыщенный окатанным щебнем, мелким бутовым камнем. На его поверхности зафиксированы плоско лежащие фрагменты керамики. Слой залегал, плавно понижаясь в северо-восточном направлении, в уровень с выровненной скальной ступенью, формируя с ней единую поверхность. Мощность 2-го слоя колебалась от 0,13 м в юго-западной части раскопа до 0,54 м у тыльной стороны оборонительной стены. Структура и характер залегания позволяют предварительно интерпретировать 2-й слой как искусственно сформированную поверхность. Возможно, она использовалась в качестве боевого хода у тыльной стороны оборонительной стены. Из 2-го слоя были извлечены шесть фрагментов керамид 1-й группы, фрагмент желобчатой стенки амфоры неустановленного типа, шаровидная литая свинцовая пуля (рис. 14,*5*). Последняя находка свидетельствует о функционировании поверхности боевого хода во время событий 1475 г. Подобные артефакты обычно связывают с подразделениями тюфекчибаши, входивших в состав османского корпуса, осаждавшего Мангуп [14, с. 395].

После выборки 2-го слоя в центральной части раскопа II была зачищена поверхность еще одной структурной скальной ступени. В северо-восточной части раскопа, на участке шириной 0,6–0,79 м зачищена поверхность 3-го слоя (рис. 15,*2*). Он представлял собой серовато-коричневый щебнистый грунт с жерствой, по структуре близкий 2-му слою. На поверхности 3-го слоя зафиксированы локальные пятна белого известкового раствора. Мощность его составила 0,05–0,11 м. Археологический материал в слое отсутствовал. Отметим, что поверхность 3-го слоя стала основанием для третьего панциря оборонительной стены на участке № 4 (рис. 14,*2–3*).

Практически на всей площади залегания 3-го слоя под ним была зачищена поверхность скалы, покрытая карами и трещинами. В северном углу раскопа, в понижении скалы был зачищен участок 4-го слоя (рис. 15,*3*). По структуре он близок 3-му слою и отбивался пятном желтовато-белой извести на поверхности. Участок 4-го слоя перекрыт скальными глыбами третьего панциря оборонительной стены, что не позволило завершить его исследование.

[7] Юго-Западный Крым [32].

Участок № 5 расположен в 15,65 м к северо-западу от северо-западного края участка № 4 (рис. 3). Стена ориентирована по оси юго-юго-восток – северо-северо-запад. Общая длина участка составляет 15,42 м.

В кладке № 5 были выявлены три панциря, сложенные в разной строительной технике (рис. 16,*1*). Первый (лицевой) панцирь сохранился на высоту до 3,28 м (рис. 16,*2–3*). Основная часть его кладки сложена из крупных блоков призматической формы (максимальные размеры 1,01×0,57×0,32 м). Основанием нижнего ряда кладки служит искусственно выровненный край скальной ступени. В отличие от участков № 3 и № 4, блоки лицевого панциря уложены на узкие торцевые грани с иррегулярным чередованием тычков и логов. Ширина швов между квадрами колеблется в пределах 0,03–0,06 м. Часть швов зачеканена мелким камнем и пластами белого известкового раствора, содержащего включения гальки крупной фракции и полевого шпата. Порядовка кладки соблюдена небрежно, блоки выровнены за счет плиток известняка и фрагментов черепицы. На отдельных участках лицевого панциря выравнивание ряда между двумя квадрами выполнено с использованием блоков меньшего размера. На семи блоках лицевого панциря зафиксированы трапециевидные вырезы под пироны, обращенные наружу (рис. 16,*2*). Описанные особенности указывают на вторичное использование блоков. Видимо, на каком-то этапе лицевой панцирь участка № 5 был полностью переложен.

Часть кладки лицевого панциря участка № 5 у его северо-восточного края сложена из иного строительного материала (рис. 16,*2–3*). Здесь использован крупный и средний бутовый камень со слабовыраженной лицевой подтеской, уложенный без соблюдения порядовки. Швы между камнями заполнены толстыми пластами белого известкового раствора, зачеканены мелким бутом.

Второй (тыльный) панцирь участка № 5 зафиксирован на всем протяжении оборонительной стены (рис. 16,*1*). Он сложен из крупного бутового камня без видимых следов обработки. Следы связующего раствора визуально не фиксируются. Пространство между первым и вторым панцирем заполнено бутом. Общая мощность оборонительной стены с учетом двух панцирей колеблется в пределах 1,65–2,11 м.

Третий панцирь участка № 5 аналогичен третьим панцирям участков № 3 и № 4 (рис. 16,*1*; 17,*1*). Он представляет собой линию из скальных глыб, выложенную насухо и увеличивающую общую мощность оборонительной стены до 2,63–2,79 м.

У тыльной стороны участка № 5 был заложен **раскоп III** (рис. 16,*1*). Стратиграфическая колонка, схожая с раскопом II, включала 3 напластования (рис. 17,*2–3*). 1-й слой представлял собой темно-коричневый гумусированный грунт, насыщенный щебнем, мелким и средним бутом, корнями. Он залегал мощностью 0,11–0,26 м на всей площади раскопа, плавно понижаясь в северо-восточном направлении, в сторону оборонительной стены. Структура и характер залегания горизонта указывают на его природное происхождение. Находки керамики из 1-го слоя приведены в таблице 6.

Таблица 6

№	Наименование	Кол-во фр-тов	Процентное соотношение
	Строительная керамика		
1	Черепица 1-й группы (XIV–XV вв.)	29	56
2	Черепица 3-й группы (IX–X вв.)	5	10
	Тарная керамика		
3	Амфоры типа V по ХК-71 (VI–VII вв.)	1	2
	Амфоры типа LRA 1B (VI–VII вв.)	2	4
4	Амфоры класса 24/36 по ХК-95 (вторая половина VIII – первая половина X в.)	4	8
5	Кувшины группы ЮЗК (XIV–XV вв.)	10	20
	Всего:	**51**	**100%**

Более 75% находок из 1 слоя составляют материалы XIV–XV вв.: фрагменты черепицы 1-й группы и кувшинов группы ЮЗК (рис. 17,*5*). Эту группу дополняет турецкий черешковый наконечник стрелы с ромбовидным пером (рис. 17,*4*). К периоду VIII–X вв. относятся

фрагменты черепицы 3-й группы и четыре фрагмента стенок «причерноморских» амфор. Единичные фрагменты амфор типов V и LRA 1B датируются VI–VII вв. [30, с. 64; 27, с. 24; 15, с. 101; 31, с. 531–532; 34, p. 70–76].

В юго-западной части раскопа III 1-й слой залегал на поверхности скалы, имеющей следы выборки верхнего трещиноватого пласта известняка. На остальной площади горизонт залегал над 2-м слоем (рис. 18,*1*). По структуре он схож со 2-м слоем в раскопе II и, видимо, сформировался аналогичным образом. Из горизонта были извлечены 50 фрагментов керамид и калиптеров 1-й группы, 3 фрагмента черепицы 3-й группы, 5 фрагментов амфор типа V, серебряный бубенчик, спаянный из двух половин, с прорезью в нижней части уплощенно-сферического тулова и шариком-битой (рис. 17,*6*). Находки аналогичных предметов известны в комплексах позднесредневекового времени на Эски-Кермене [1, с. 426, рис. 20,14] и в Судаке [19, рис. 68,4].

После выборки 2-го слоя на большей площади раскопа III была зачищена покрытая карами и трещинами поверхность структурной скальной ступени. На участке шириной 1,02–1,07 м вдоль тыльной стороны оборонительной стены под 2-м слоем была зачищена поверхность 3-го слоя (рис. 18,*2*), который представлял собой плотный суглинистый грунт коричневого цвета, содержавший включения жерствы, насыщенный мелким бутовым камнем. На его поверхности зафиксированы локальные пятна разложившегося известкового раствора. Слой заполнял понижение скальной поверхности глубиной 0,26–0,51 м (рис. 18,*3*). Вероятно, происхождение горизонта связано с нивелировкой скальной поверхности, выполненной до сооружения третьего панциря оборонительной стены. Археологический материал в 3-м слое не обнаружен.

Участок № 6 находится на расстоянии 11,84 м к северо-западу от северо-западного края участка № 5 (рис. 3). Стена здесь ориентирована по оси юго-юго-восток – северо-северо-запад. Общая длина участка составляет 2,95 м. Мощность стены составляет 1,36–1,43 м, сохранность в высоту – до 1,17 м. Оборонительная стена на участке № 6 сложена в технике трехслойной двухпанцирной кладки (рис. 19,*1*). Оба панциря сложены из крупных бутовых камней без видимых следов обработки (рис. 19,*2–4*). Порядовка соблюдена небрежно. Связующий раствор – известковый, белого цвета, с примесью просеянного песка. С точки зрения строительной техники участок № 6 аналогичен кладке северо-западной части лицевого панциря участка № 5, что может указывать на их хронологическую близость.

В процессе исследований укрепления A.VIII в 2023 г. были обнаружены 14 знаков, в том числе 5 *in situ* в кладке оборонительной стены. Знаки 1 и 10 вырезаны на блоках лицевого панциря участка № 2 (рис. 3; 5,*1,3*; 20,*1,10*). Знаки 2 и 9 найдены в завале камня и строительных блоков на эспланаде участка № 2 (рис. 3; 20,*2,9*). Знаки 3 и 4, открытые в кладке второго панциря участка № 3 (рис. 3; 6,*1*; 20,*3,4*), соотносятся с изображениями, обнаруженными в 1979 г. [7, рис. 17,24; 18,38]. Знак 5 находится на узкой длинной грани блока лицевого панциря участка № 4 (рис. 3; 13,*1*; 20,*5*). Знак 6 открыт на эспланаде участка № 4 (рис. 3; 20,*6*). Знаки 7 и 8 найдены в 4-м слое на площади раскопа I (рис. 3; 20,*7–8*). Знаки 11–14 обнаружены в завале, занимающем склон между участками № 1 и № 2 (рис. 3; 20,*11–14*).

Общее количество знаков, зафиксированных на блоках оборонительной стены укрепления A.VIII, с учетом материалов 2023 г. составляет 34 экземпляра. Вопрос их функционального и смыслового значения требует специального исследования. В настоящее время можно высказать ряд предварительных соображений. Все обнаруженные знаки сконцентрированы в юго-восточной половине укрепления A.VIII, в районе участков №№ 1–4 (рис. 3). Все знаки нанесены на достаточно крупные, обработанные блоки. Все обнаруженные *in situ* знаки – «внутренние», т.е. обращены внутрь кладки. Знаки, найденные в развале оборонительной стены, нанесены на, как правило, невидимые в кладке широкие грани блоков. Этот факт подтверждает вывод А. Г. Герцена о «внутреннем» характере большинства мангупских знаков [7, с. 118] и указывает на их нанесение до установки блоков в кладку. Вероятно, это происходило на этапе производства строительного материала или в процессе строительства стены. Блоки со знаками, найденные *in situ*, расположены в лицевых панцирях участков № 2 и № 4, втором панцире участка № 3, относящихся к первому этапу строительной истории укрепления – времени его строительства.

Результаты изучения сохранившихся участков оборонительных стен позволяют реконструировать планировку укрепления A.VIII. В плане объект имеет П-образную форму с длинной центральной частью и флангами, заходящими на скальные ступени, формирующие края расселины (рис. 3). Реконструируемая длина укрепления составляет 170,72 м. Юго-восточный фланг укрепления сохранился частично (участки № 1, № 2). Оборонительная стена здесь сложена в технике двухслойной однолицевой кладки. К лицевому панцирю с тыла примыкает каменная насыпь, нивелировавшая рельеф и, вероятно, формировавшая поверхность боевой площадки. Северо-восточный фланг не сохранился, его трасса реконструируется гипотетически. Центральная часть укрепления (участки №№ 3–6) сложена в технике трехслойной, двухпанцирной с забутовкой кладки. Возможно, более прочная конструкция стены здесь была обусловлена давлением массы грунта, усиленным талыми и ливневыми водами. Вероятно, этим фактором были вызваны неоднократные ремонты этой части укрепления.

Анализ строительных остатков дает основания выделить четыре этапа строительной истории укрепления A.VIII, обладающие своими особенностями строительной техники. Кладка **первого этапа** (строительство) сохранилась в первом (лицевом) и втором панцирях участков № 3 и № 4 (рис. 6,*2–3*; 13,*2–3*), а также лицевых панцирях участков № 1 и № 2 (рис. 4,*4*; 5,*3–4*). Характерными особенностями ее строительной техники являются использование крупных, качественно обработанных блоков в лицевом панцире и блоков меньшего размера – в тыльном. Блоки укладывались с иррегулярным чередованием тычков и логов на широкие грани. Скальное основание нижнего ряда предварительно выравнивалось. В процессе строительства использовались приемы, обеспечивавшие дополнительную связь соседним блокам в кладке: пироны, пазы для укладки поперечных блоков. Часть строительного материала имела маркировку знаками.

Второй этап связан с ремонтом тыльного панциря оборонительной стены на участке № 3 (рис. 6,*1*) и лицевого – на участке № 5 (рис. 16,*2*). В качестве строительного материала на этом этапе вторично использованы блоки изначальной кладки, поставленные на узкие грани, и крупный бут с лицевой подтеской. Ряды кладки выдержаны менее тщательно, швы зачеканены мелким камнем или белым известковым раствором с включениями гальки. С точки зрения стратиграфии, со вторым периодом соотносится строительная траншея и поверхность 6-го слоя в раскопе I (рис. 12,*2–3*). Возможно, с этим периодом связаны также 4-й и 5-й горизонты, сформировавшие горизонтальную боевую площадку у тыльной стороны оборонительной стены.

На **третьем этапе** был произведен ремонт северо-западного отрезка укрепления A.VIII. Его следы зафиксированы в кладке лицевого панциря участка № 5 (рис. 16,*1–2*) и на участке № 6 (рис. 19,*1–2*). Для третьего этапа характерна иррегулярная кладка из крупного бутового камня, добытого, вероятно, в непосредственной близости от укрепления, и белый известковый раствор с примесью песка.

Четвертым этапом строительной истории A.VIII стало увеличение мощности оборонительной стены за счет пристройки третьего панциря, зафиксированного на участках № 3, № 4 и № 5 (рис. 6,*1*; 13,*1*; 16,*1*). В качестве строительного материала использованы крупные скальные глыбы, уложенные в линию без связующего раствора. Пространство между глыбами и вторым панцирем стены заполнено разнокалиберным бутом. После сооружения третьего панциря у тыльной стороны стены была сформирована поверхность боевого хода (2-й слой в раскопах II и III).

Определение абсолютной хронологии строительных этапов укрепления A.VIII сталкивается с определенными трудностями. Узко датирующиеся закрытые комплексы в 2023 г. выявлены не были. Немногочисленный археологический материал, извлеченный из изученных горизонтов, имеет достаточно широкую хронологию в пределах двух и более столетий. Выделяются три хронологические группы находок, датирующиеся VI–VII вв. (амфоры типов V, LRA 1B, класса 1, краснолаковые сосуды группы PRSW), второй половиной VIII – X в. (амфоры классов 24, 46, 41, лепные горшки с подработкой на гончарном круге), XIV – третьей четвертью XV в. (черепица 1-й группы, сосуды группы ЮЗК). Вероятно, они маркируют периоды максимальной строительной активности на этом участке ГЛО.

Первый этап строительной истории A.VIII, очевидно, следует датировать по самой ранней хронологической группе археологического материала – VI–VII вв. С высокой долей вероятности, строительство укрепления велось одновременно с другими участками ГЛО в период 550–565 гг. [7, с. 132–137; 23; 22].

Со вторым этапом, видимо, следует соотносить находки второй половины VIII – X в. Для этого хронологического отрезка известны два ремонта ГЛО, датирующиеся серединой IX в. и последним десятилетием X в. [21]. Отметим сходство строительной техники, примененной при ремонте второго панциря участка № 3 и тыльного панциря куртины Б укрепления A.XIV, реконструированного в конце X в. [21, с. 174, ил. 4].

Третий этап строительной истории A.VIII, видимо, следует соотносить с самой поздней группой археологического материала, датирующейся XIV – третьей четвертью XV в. В этот период истории Мангупа известны три масштабных реконструкции оборонительной системы города. В кладке укрепления A.XI зафиксирован строительный ярус конца XIII – начала XIV в. [25, с. 231]. Постройка башни отмечена в строительной надписи 1361–1362 гг. [20, с. 9–14].[8] Первой четвертью XV в. датируется строительство Второй линии обороны Мангупа [24, с. 24]. Отметим сходство характера кладки A.VIII в северо-западной части участка № 5 и на участке № 6 со стенами и башнями Второй линии обороны.

Причиной увеличения мощности участков № 3, № 4 и № 5, произошедшего на четвертом этапе строительной истории A.VIII, очевидно, была необходимость успешного сопротивления стены ударам осадных орудий. Расположение укрепления на вершине крутого западного склона балки Табана-дере исключает угрозу тарана и камнеметов. Единственным вариантом средневековой осадной техники, способным нанести ущерб A.VIII, была артиллерия, впервые использованная против оборонительных стен Мангупа в 1475 г. Видимо, четвертый этап следует датировать временем до начала турецкой осады. В пользу этого предположения свидетельствуют находки османских наконечников стрел и пуль на поверхности 2-го слоя в раскопах II и III. Отметим, что одновременно с увеличением мощности оборонительной стены A.VIII укреплялись другие участки ГЛО. У тыльной стороны укрепления A.XIV был возведен валганг [7, с. 140], в балке Табана-дере была сооружена протейхизма A.X [17, с. 172]. Судя по этим фактам, реконструкция фортификационной системы Мангупа была достаточно масштабной.

Укрепления A.VI, A.VII, A.IX, в отличие от укрепления A.VIII, ранее не становились объектами изучения. Их наличие в расселинах восточного обрыва мыса Чамну-бурун предполагалось на основании раскатов обработанного и бутового камня, обнаруженных ниже по склону [3, с. 19] и общих принципов устройства ГЛО, перекрывавшей абсолютно все возможные пути на плато Мангупа [7, с. 130]. В 2023 г. укрепления были локализованы на местности и картографированы (рис. 2).

Укрепление A.VI расположено в скальной расселине шириной 17,93 м, расположенной на расстоянии 120 м на юго-юго-восток от оконечности мыса Чамну-бурун (рис. 2). Внутренний рельеф расселины формирует каскад природных скальных ступеней высотой до 2–2,5 м, спускающийся в северо-восточном направлении, в сторону балки Табана-дере (рис. 21,*1–2*). Перепад высот в пределах расселины по линии юго-запад – северо-восток составляет 7 м. На краю одной из ступеней, формирующей линию обрыва, установлена частично сохранившаяся к настоящему времени оборонительная стена.

В плане A.VI представляет собой ломаную линию общей протяженностью не менее 21,85 м, состоящую из центральной части и двух флангов (рис. 21,*2*). Реконструируемая длина южного фланга составляет 3,55 м. На этом отрезке в месте предполагаемого выхода оборонительной стены на скальную ступень, ограничивающую расселину A.VI с юга, был зачищен участок искусственно выровненной скальной поверхности длиной 1,5 м и шириной 0,65–0,7 м (зачистка № 1). Очевидно, его следует рассматривать в качестве постели под нижний ряд кладки оборонительной стены.

Трассы центральной части и южного фланга образуют тупой угол величиной 143°. Реконструируемая длина центральной части укрепления A.VI составляет 10,07 м (рис. 21,*2*).

[8] Иное прочтение даты надписи – 1300–1301 гг. – допускает А. Ю. Виноградов [5, с. 280]. В этом случае она коррелирует с ремонтом A.XI.

На площади зондажа (зачистка № 2) был открыт участок оборонительной стены, ориентированной по линии юго-восток – северо-запад. Стена сложена в технике двухслойной однолицевой кладки. Длина сохранившегося участка лицевого панциря составляет 0,91 м, ширина – 0,59 м, высота – 0,99 м (до 3 рядов кладки). Лицевой панцирь сооружен из крупных, грубо обработанных блоков известняка (рис. 21,*3*). Судя по их фактуре, они были вырублены из верхних трещиноватых пластов скалы. Блоки плотно подогнаны друг к другу, следы связующего раствора не выявлены. Основанием нижнего ряда служит край природной скальной ступени без видимых следов предварительной обработки. С тыла к лицевому панцирю примыкает завал мелкого и среднего бута.

В северной части зачистки № 2 стена не сохранилась. Здесь на уровне скальной поверхности был зачищен участок желоба (рис. 21,*3*). Он ориентирован по оси северо-запад – юго-восток. Длина открытого участка составляет 1,35 м, ширина – 0,04–0,12 м, глубина – 0,15–0,27 м. Борта вырублены в скале. Видимо, функциональное назначение желоба заключалось в сборе и сбросе ливневых вод для уменьшения давления на тыльную сторону оборонительной стены.

Трассы центральной части и северного фланга A.VI образуют тупой угол величиной 118° (рис. 21,*2*). Реконструируемая длина северного фланга составляет 8,23 м. Здесь был зачищен участок стены длиной 2,51 м, ориентированной по оси юго-запад – северо-восток (зачистка № 3). Стена сложена в технике двухслойной однолицевой кладки. Ширина лицевого панциря составила 0,44 м, сохранность в высоту – до 0,49 м (рис. 21,*4*). Панцирь сооружен из крупных, грубо обработанных блоков, по фактуре аналогичных зафиксированным в пределах зачистки № 2. Следы связующего раствора не выявлены. Основанием кладки служит искусственно выровненный край скальной ступени. С тыльной стороны к панцирю примыкает затянутый серым грунтом завал мелкого бута.

Укрепление A.VII открыто в скальной расселине (ширина 21,4 м), расположенной в 51 м к юго-юго-востоку от южного края расселины A.VI (рис. 2). Внутренний рельеф расселины формирует каскад природных скальных ступеней высотой до 2 м, спускающийся в северо-восточном направлении, в сторону балки Табана-дере (рис. 22,*1*). Перепад высот в пределах расселины по линии юго-запад – северо-восток составляет 5 м. На краю одной из ступеней, формирующей линию обрыва, установлена частично сохранившаяся к настоящему времени оборонительная стена. В результате расчистки укрепления от растительности были выявлены два сохранившихся участка оборонительной стены (рис. 22,*4*).

Участок № 1 расположен на южном крае южного фланга A.VI (рис. 22,*2*,*6,8*). Его длина составляет 0,89 м. Он сложен в технике двухслойной однолицевой кладки. Лицевой панцирь сооружен из уложенных тычком обработанных блоков известняка (максимальные размеры 0,6×0,58×0,38 м). Ширина лицевого панциря составляет 0,62 м, сохранность в высоту – 0,38 м (один ряд). Следы связующего раствора не выявлены. Блоки уложены на искусственно выровненный край скальной ступени. С тыльной стороны к блокам лицевого панциря примыкает завал разнокалиберного бутового камня.

Участок № 2 расположен в центральной части укрепления (рис. 22,*3,5,7–8*). Его общая протяженность составляет 4,5 м. Трасса стены здесь ломается под тупым углом величиной 137°. Строительная техника аналогична участку № 1. Ширина лицевого панциря здесь составляет 0,47–0,5 м, сохранность в высоту – до 0,62 м. Блоки лицевого панциря кладки участка № 2, уложенные с иррегулярным чередованием тычков и логов, плотно подогнаны друг к другу. Ширина швов не превышает 0,03 м. Отметим наличие на блоках трапециевидных вырезов под пироны. Основанием кладки служит выровненный край скальной ступени. С тыла к лицевому панцирю примыкает завал разнокалиберного камня. При зачистке фаса и скальной постели участка № 2 был зафиксирован вырубленный в скале водосбросный желоб, имеющий в сечении форму полуовала (0,23×0,15 м).

Сохранившиеся участки оборонительной стены позволяют заключить, что с точки зрения планировочного решения A.VII представляет собой теналь, состоящую из южного и северного флангов (рис. 22,*1*). Величина тенального угла составляет 137°. Длина южного фланга реконструируется по зачищенной скальной постели и составляет 9,77 м. Расстояние между

точкой пересечения флангов и ближайшим выходом скальной ступени – 13,26 м. Таким образом, реконструируемая общая длина укрепления А.VII составляет не менее 23,03 м.

На расстоянии 12 м к северо-западу от северного края расселины А.VII расположен природный по происхождению грот (рис. 22,*1*; 23,*1*). В плане он имеет сегментовидную форму размерами 6,7×3,76 м. Вход в грот частично перекрыт сложенной насухо стеной (длина 3,9 м) из мелкого и среднего бута и фрагментов обработанных блоков (рис. 23,*2*). Без проведения полноценных раскопок грота происхождение стены определить невозможно.

Вдоль западной и северо-западной стен грота была расчищена скальная полка шириной 0,9–1,2 м (рис. 23,*3*). Ее горизонтальная плоскость носит следы выравнивания. Возможно, она могла использоваться в качестве лежанки. Близость грота к укреплениям А.VI и А.VII позволяет предположить его функционирование в качестве укрытия для караульных подразделений, несших службу на этом участке Главной линии обороны.

Укрепление А.IX открыто в узкой (6,34 м) скальной расселине, расположенной в 27,46 м к юго-востоку от участка № 1 укрепления А.VIII (рис. 2). Доступ в расселину без альпинистского снаряжения затруднен и опасен за счет нависающей массы кладки оборонительной стены (рис. 24,*1*). По этим причинам в 2023 г. работы здесь были ограничены уборкой кустарника, инструментальной съемкой и фотофиксацией укрепления.

С точки зрения планировки, А.IX представляет собой теналь, образованную южным и северным флангами, сходящимися под тупым углом величиной 93° (рис. 24,*2*). Южный фланг ориентирован по оси юг – север с небольшим отклонением к западу. Его длина 6,39 м. Оборонительная стена здесь сохранилась на высоту до 1,6 м (рис. 24,*3*). Он сложен в технике двухслойной однолицевой кладки. Лицевой панцирь сооружен из разнокалиберного бутового камня с грубой лицевой подтеской. Камни уложены без соблюдения порядовки. Связующий раствор не выявлен.

Северный фланг А.IX ориентирован по линии запад – восток с небольшим отклонением к северу. Оборонительная стена здесь не сохранилась. Ее трассу удалось проследить за счет участка обработанной скальной поверхности, образующей постель шириной около 0,7 м (рис. 24,*4*). Реконструируемая длина северного фланга – 2,21 м. Таким образом, общая протяженность А.IX составляла не менее 8,6 м.

С точки зрения конструкции, укрепления А.VI, А.VII и А.IX аналогичны исследованным ранее оборонительным стенам А.XII, А.XIII [17, с. 172–181] и южному флангу укрепления А.VIII. Датировка укреплений затруднена. Подъемного материала, собранного в 2023 г., представленного единичными фрагментами черепицы IX–XI и XIV–XV вв., недостаточно для однозначного определения их хронологии. Исходя из общей хронологии ГЛО Мангупа, наиболее вероятной датой строительства укреплений представляется период 550–565 гг.

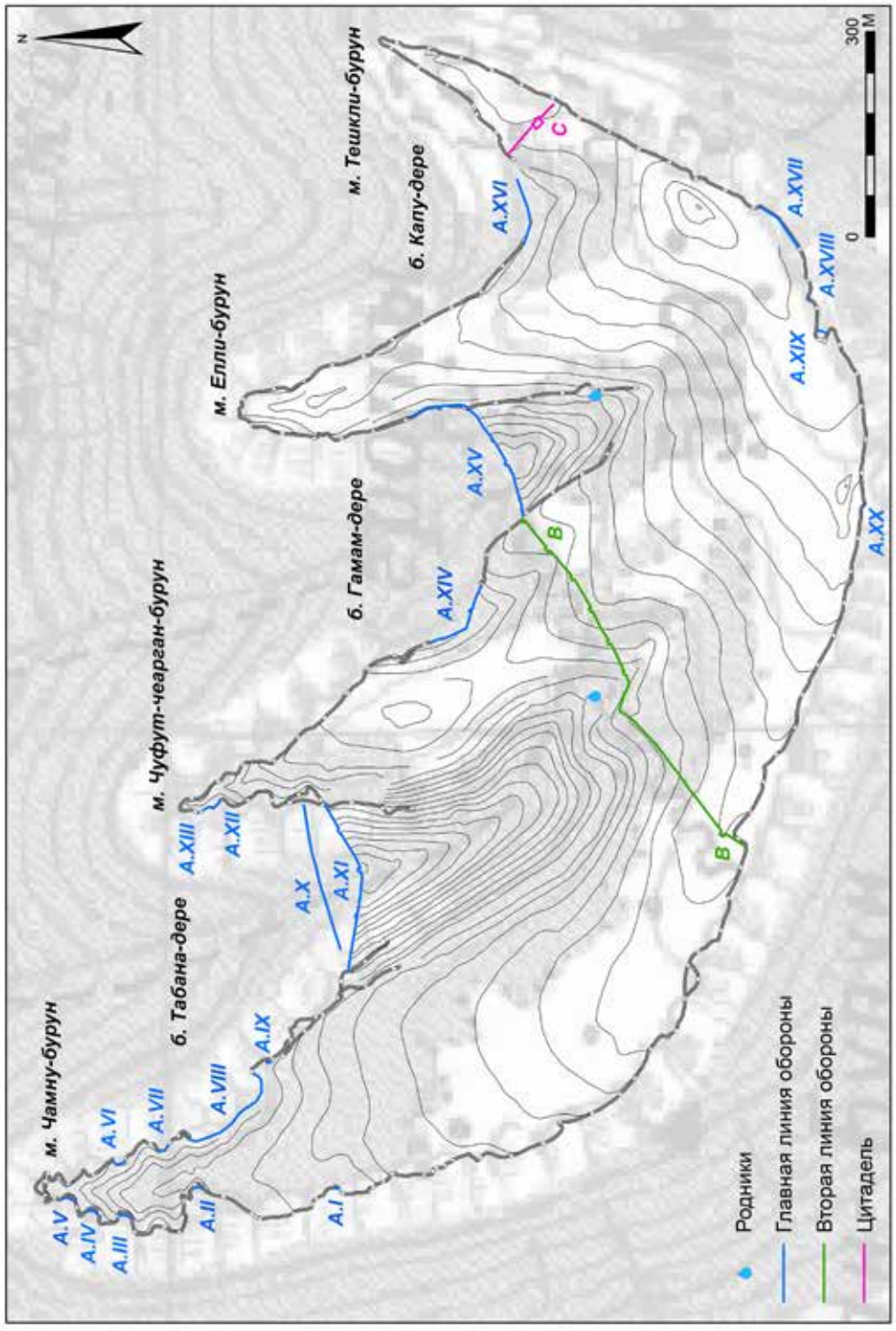


Рис. 1. План-схема оборонительной системы Мангупа

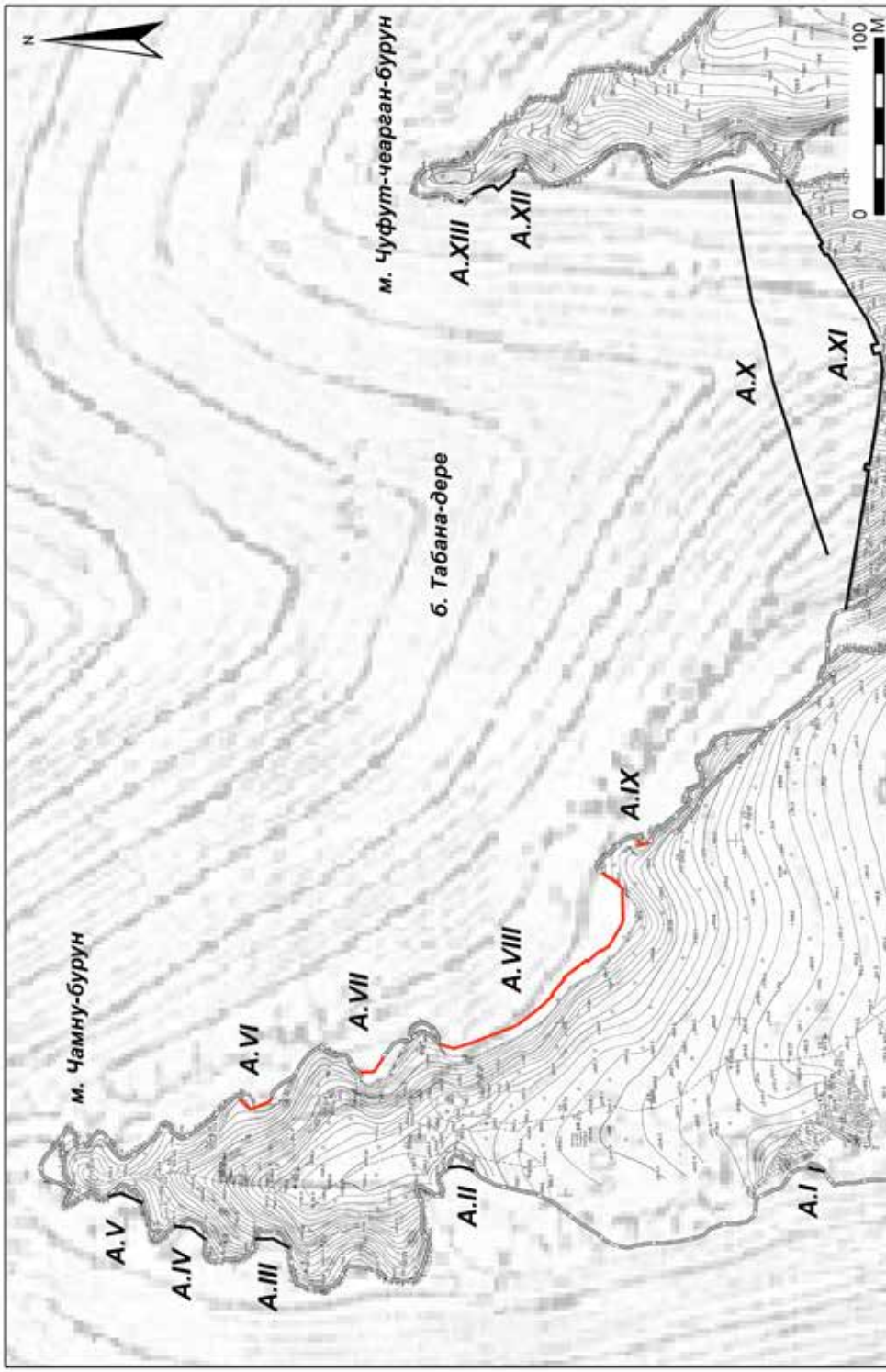


Рис. 2. План-схема западного фланга северного фронта Главной линии обороны

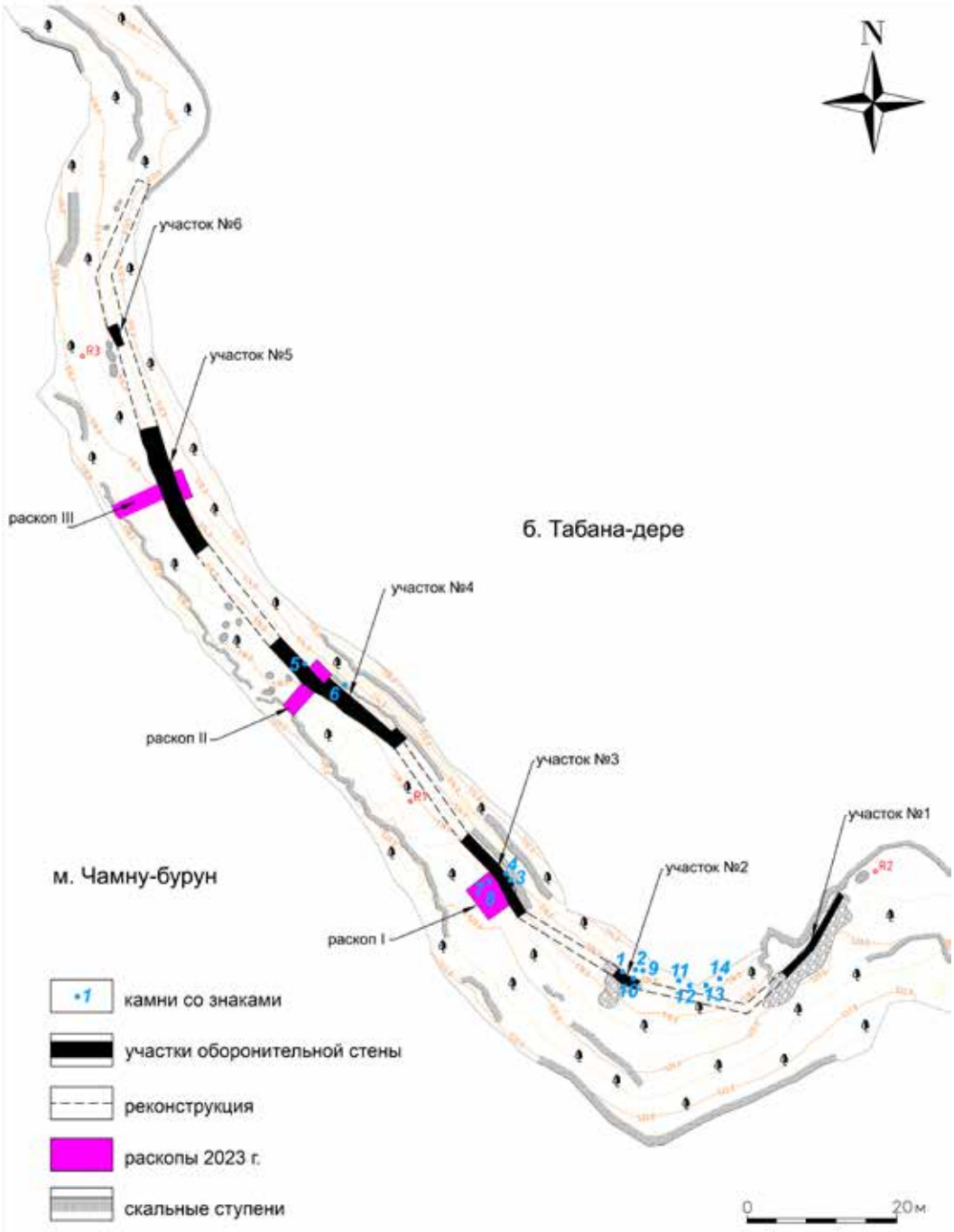


Рис. 3. Укрепление A.VIII. Топографический план

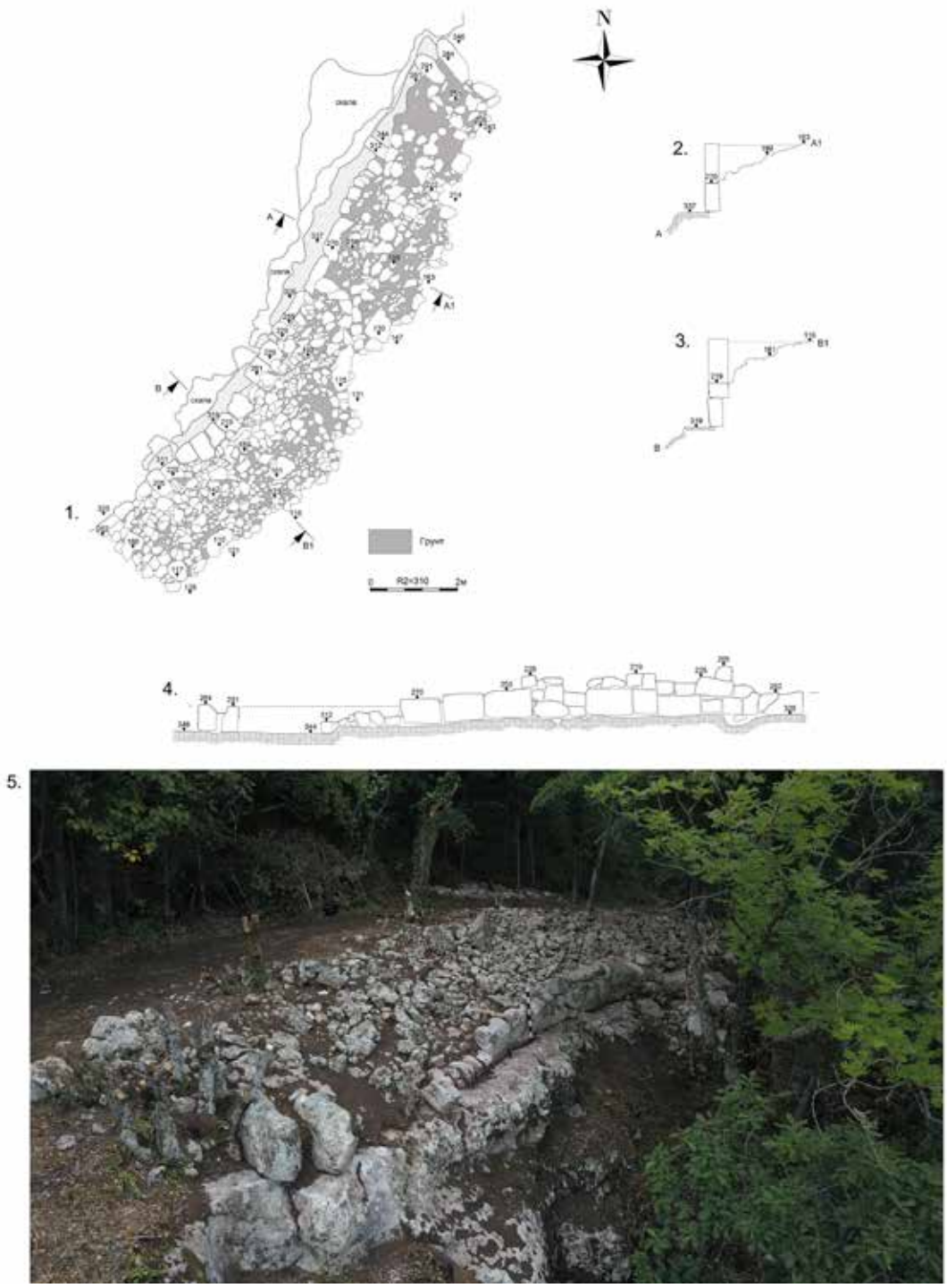


Рис. 4. Укрепление А.VIII. Участок № 1. *1* – План. *2* – Разрез А-А1. *3* – Разрез В-В1. *4* – Фасировка лицевого панциря. 5 – Общий вид с севера

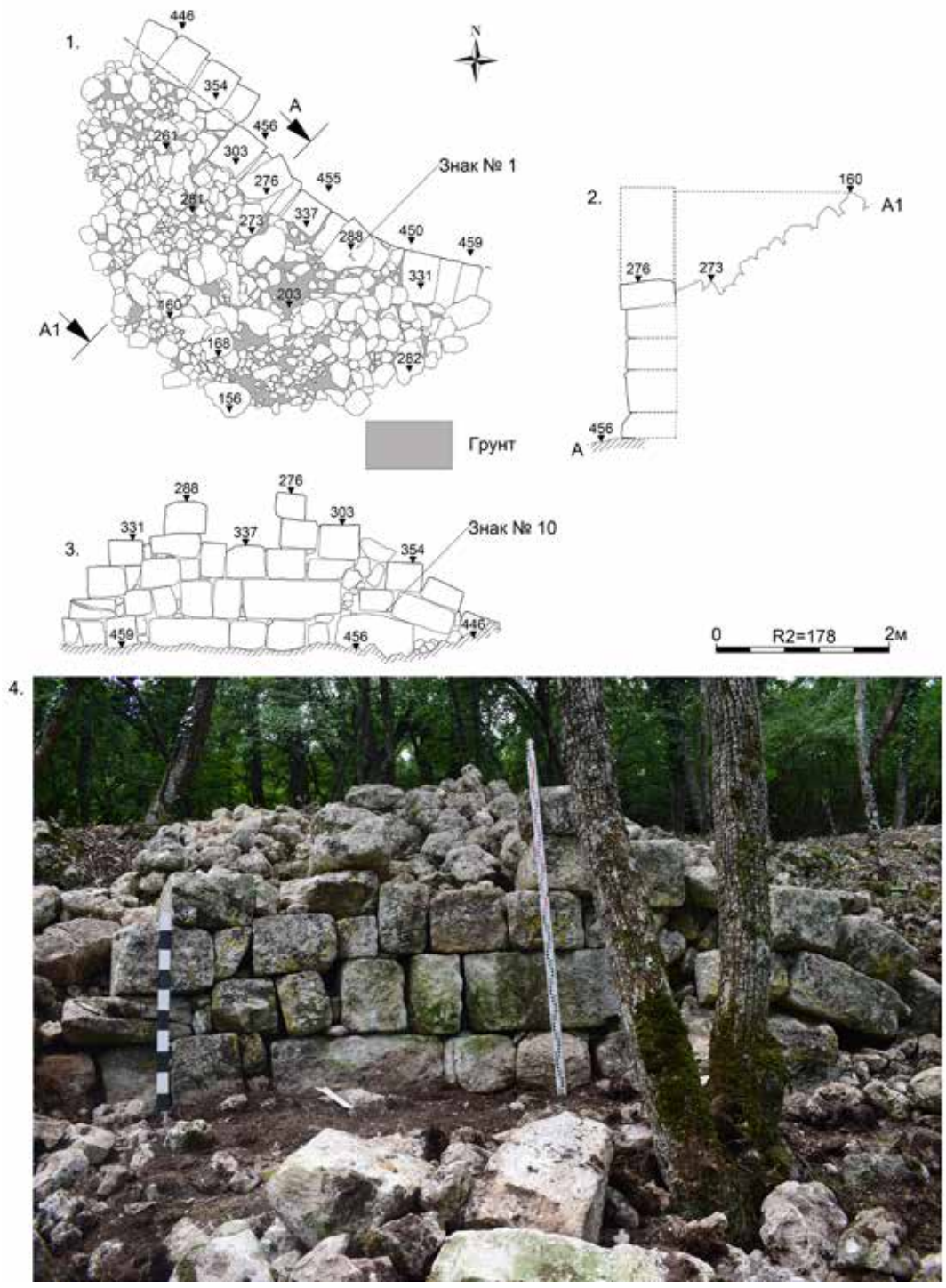


Рис. 5. Укрепление A.VIII. Участок № 2. *1* – План. *2* – Разрез А-А1. *3* – Фасировка лицевого панциря. *4* – Общий вид с северо-востока

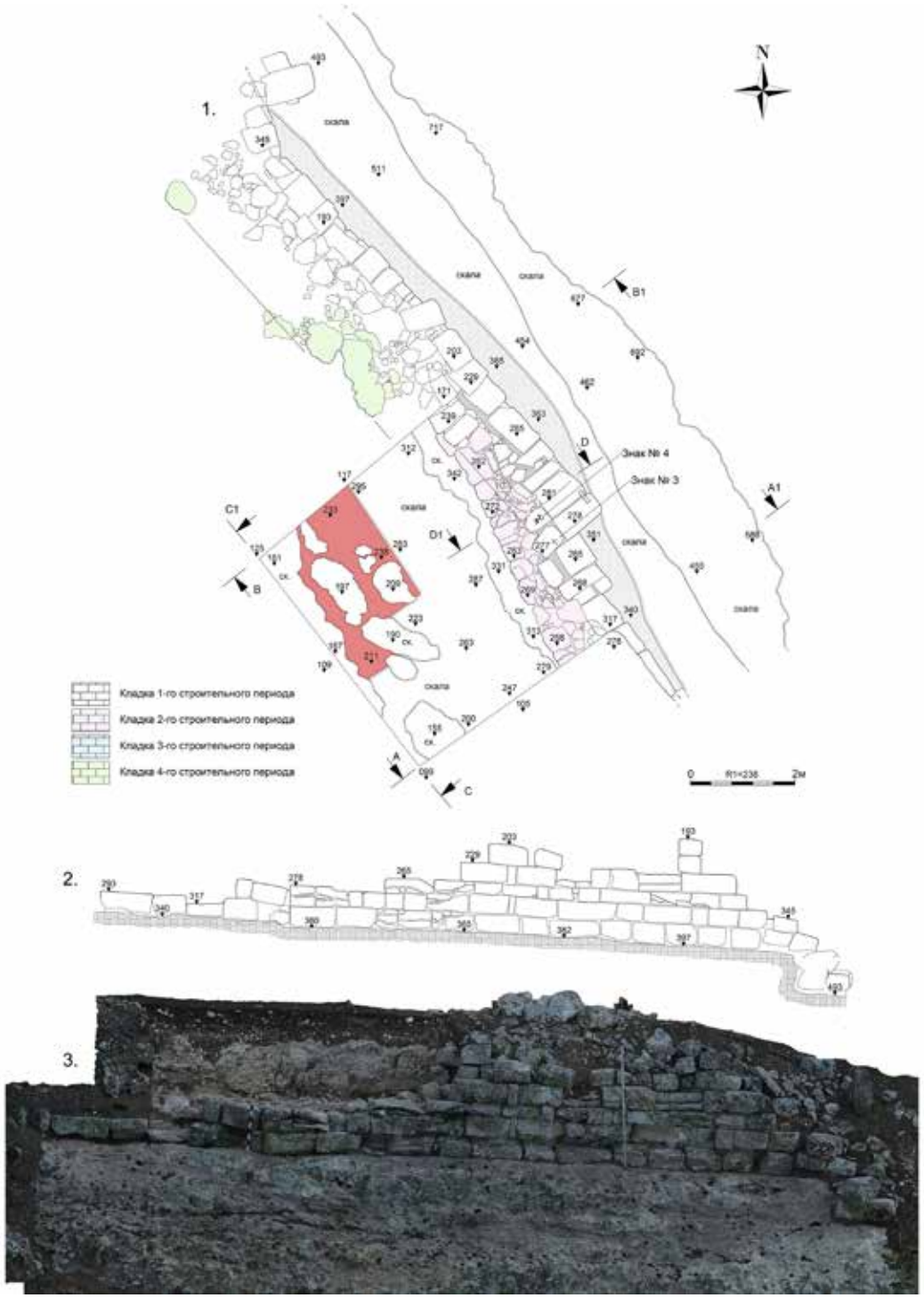


Рис. 6. Укрепление A.VIII. Участок № 3. Раскоп I.
1 – План. *2* – Фасировка лицевого панциря. *3* – Ортофотоплан лицевого панциря

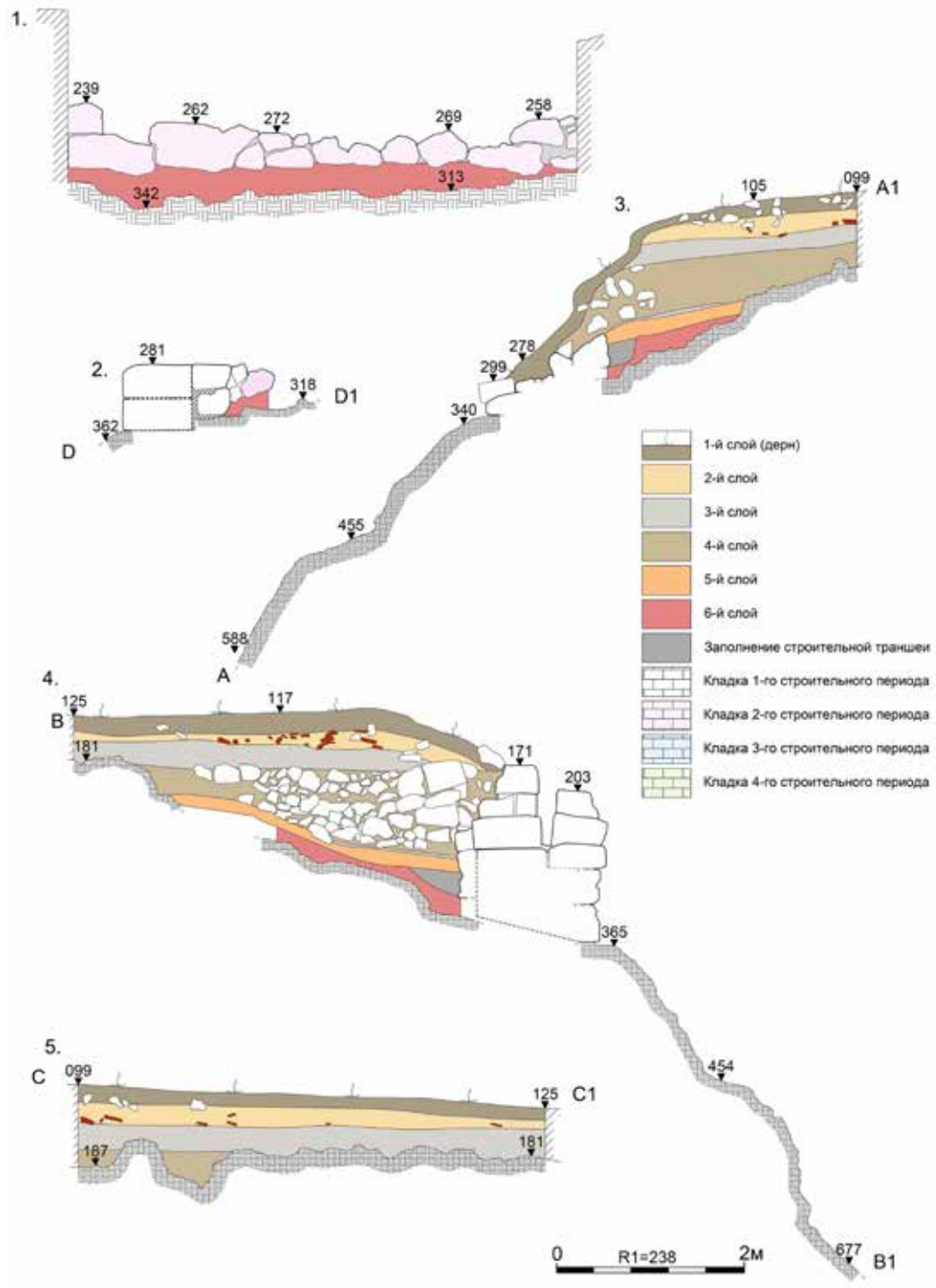


Рис. 7. Укрепление A.VIII. Участок № 3. Раскоп I. *1* – Фасировка тыльного панциря. *2* – Разрез D-D1. *3* – Разрез A-A1. *4* – Разрез B-B1. *5* – Разрез C-C1

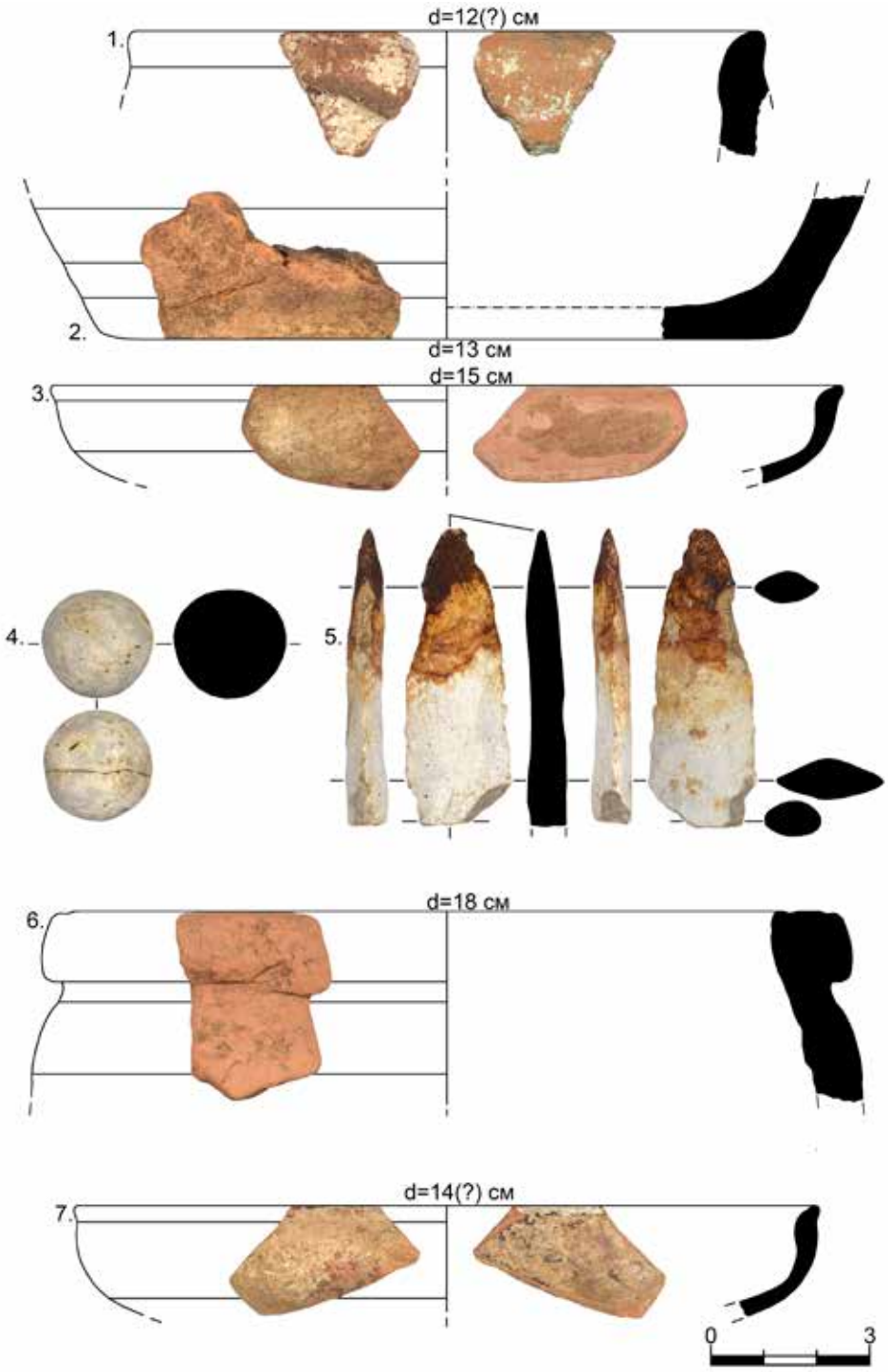


Рис. 8. Укрепление A.VIII. Участок № 3. Раскоп I.
1–5 – Находки из отвала раскопа 1979 г. *6–7* – Находки из 2-го слоя

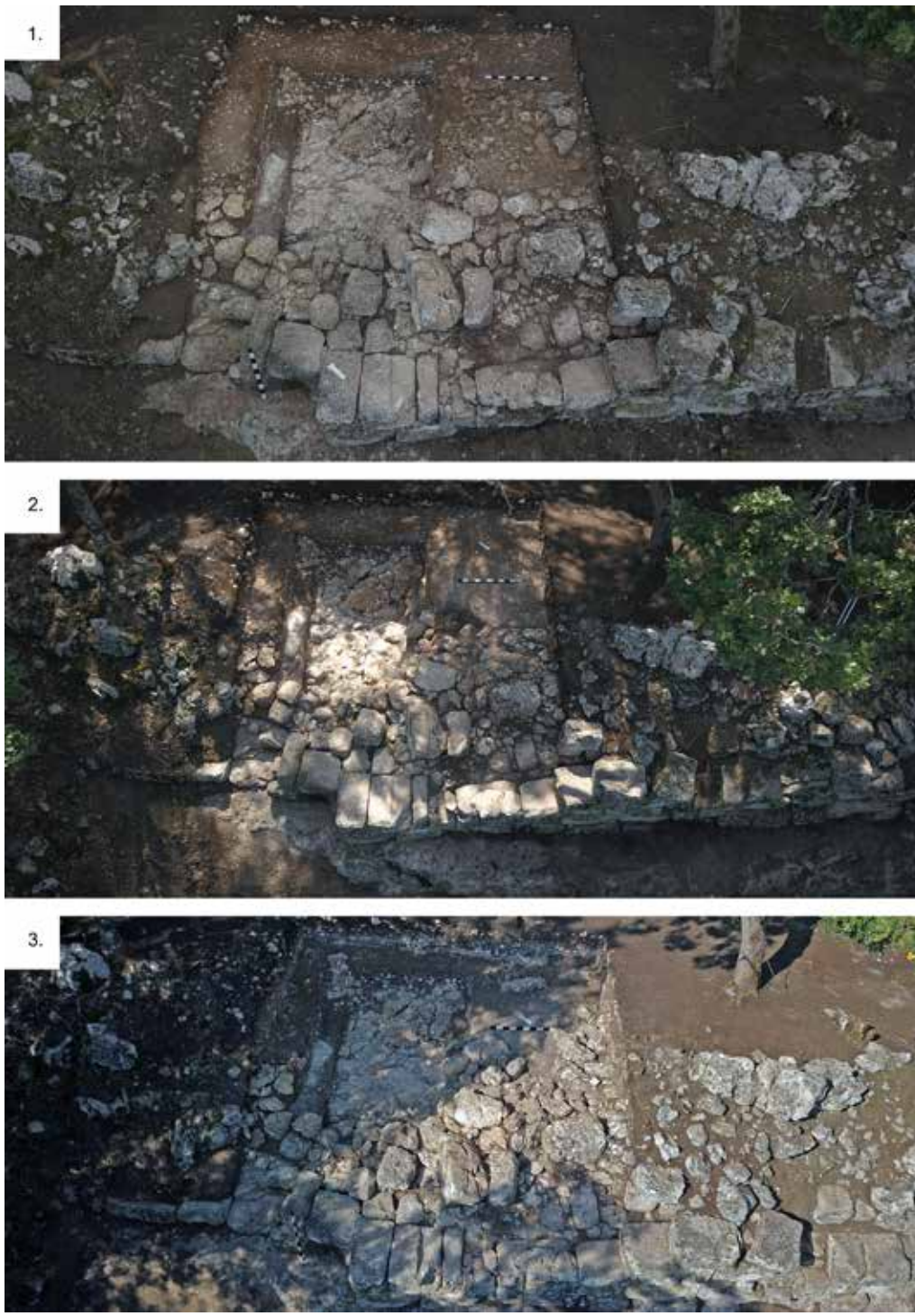


Рис. 9. Укрепление A.VIII. Участок № 3. Раскоп I. *1* – Общий вид по уровню 2-го слоя. *2* – Общий вид по уровню 3-го слоя. *3* – Общий вид по уровню 4-го слоя

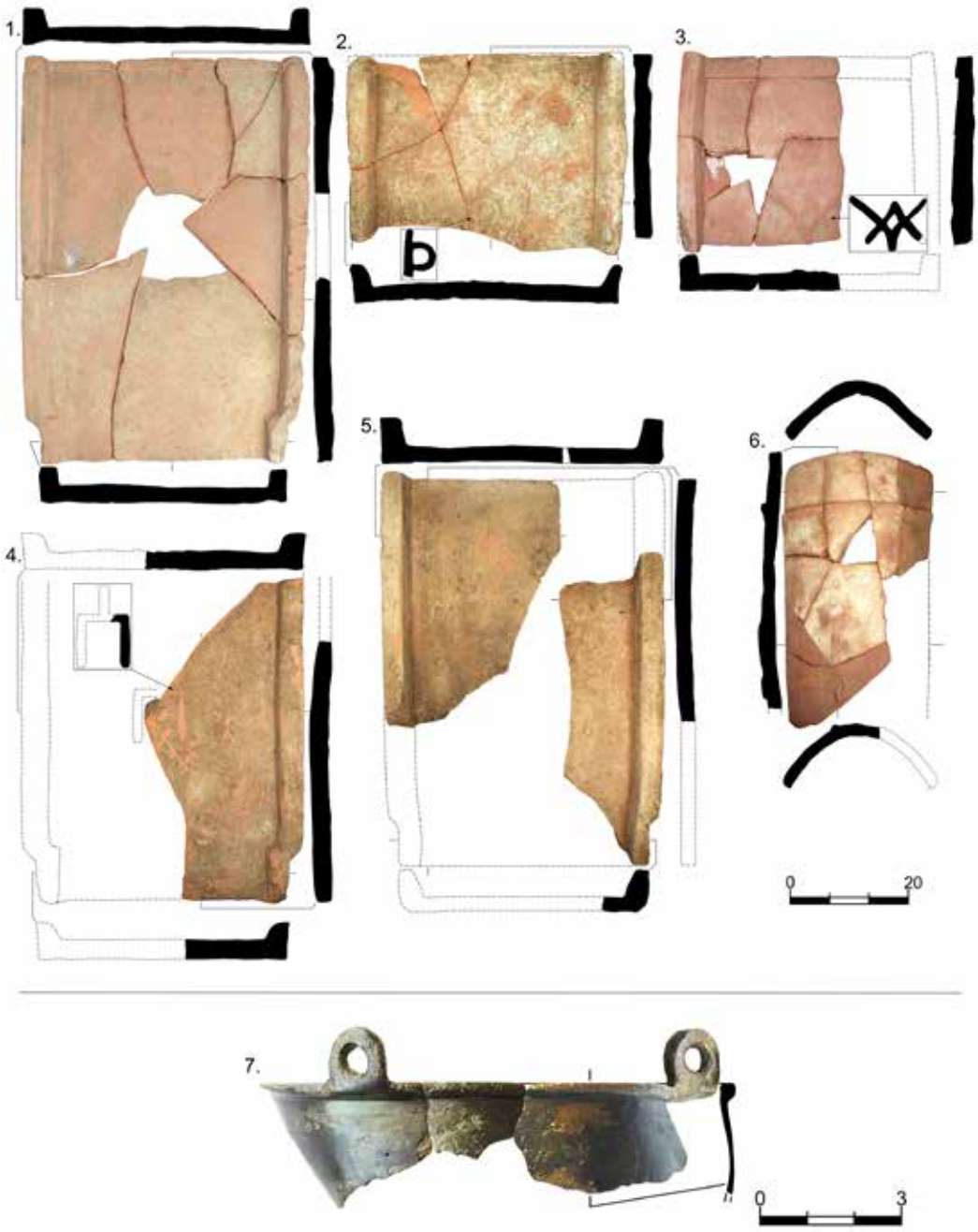


Рис. 10. Укрепление А.VIII. Участок № 3. Раскоп I. Находки из 2-го слоя

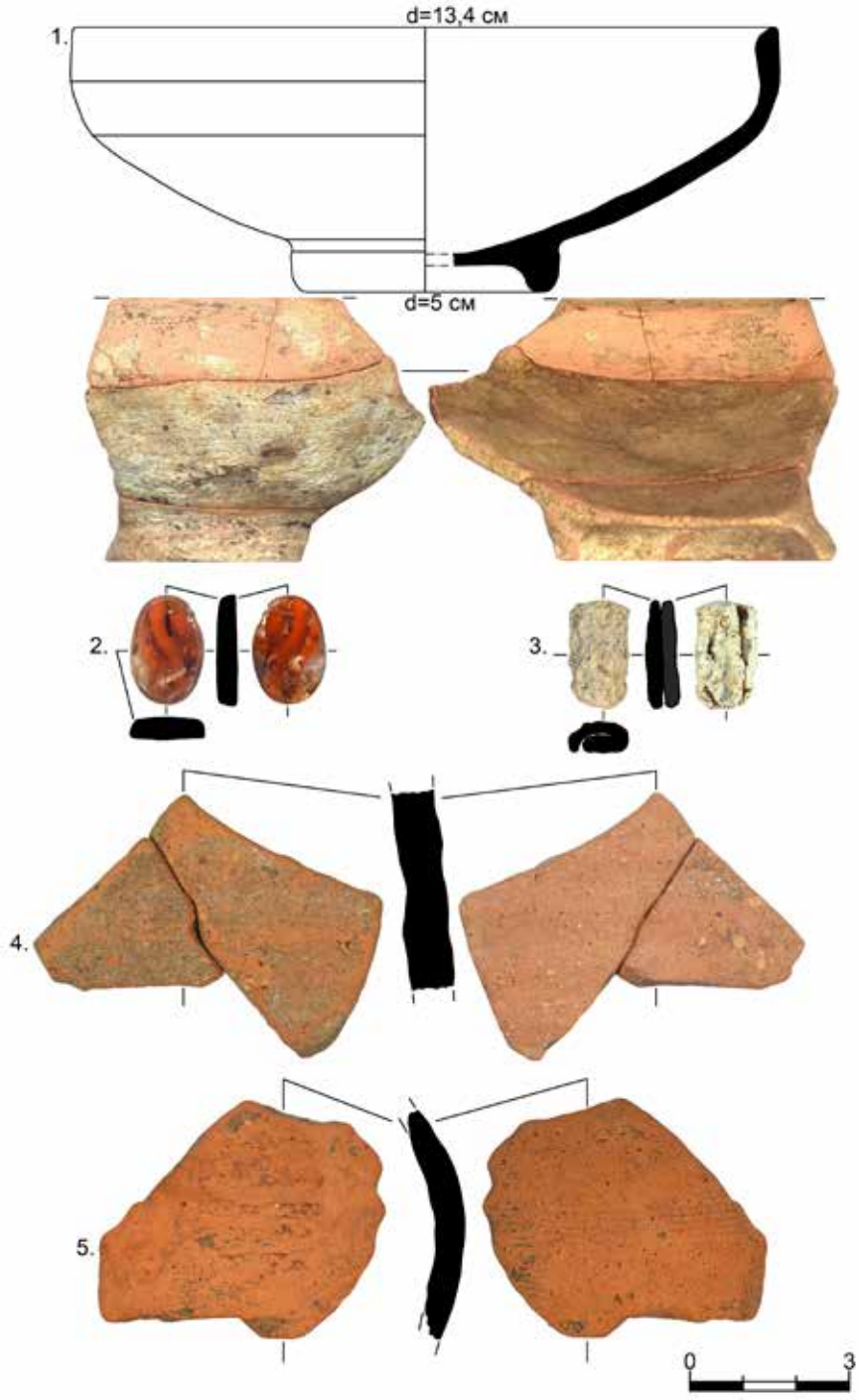


Рис. 11. Укрепление A.VIII. Участок № 3. Раскоп I. *1–2* – Находки из 3-го слоя. *3* – Находка из 4-го слоя. *4–5* – Находки из 5-го слоя

Рис. 12. Укрепление A.VIII. Участок № 3. Раскоп I. *1* – Общий вид по уровню 5-го слоя. *2* – Общий вид по уровню 6-го слоя. *3* – Строительная траншея на уровне поверхности 6-го слоя

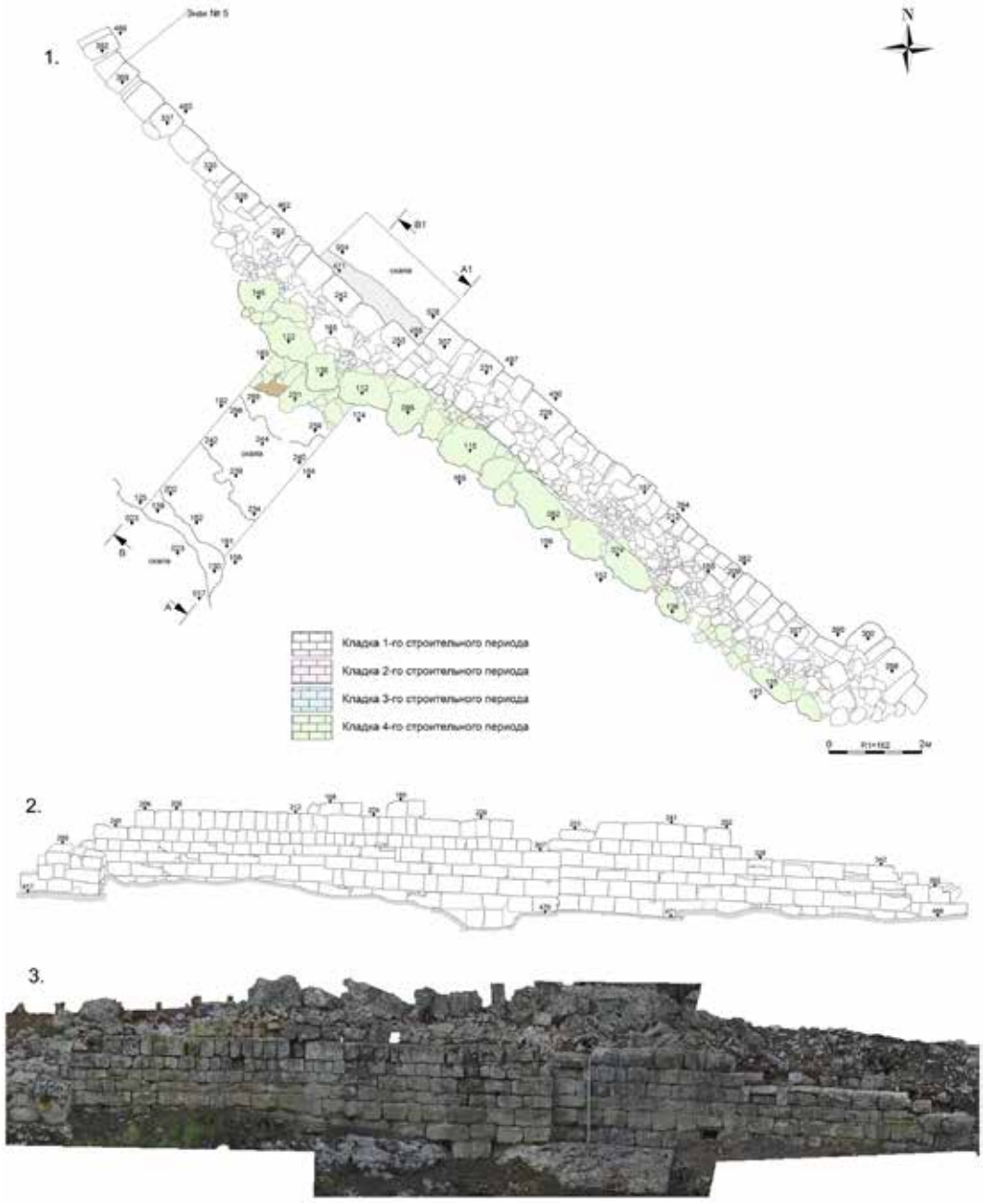


Рис. 13. Укрепление A.VIII. Участок № 4. Раскоп II.
1 – План. *2* – Фасировка лицевого панциря. *3* – Ортофотоплан лицевого панциря

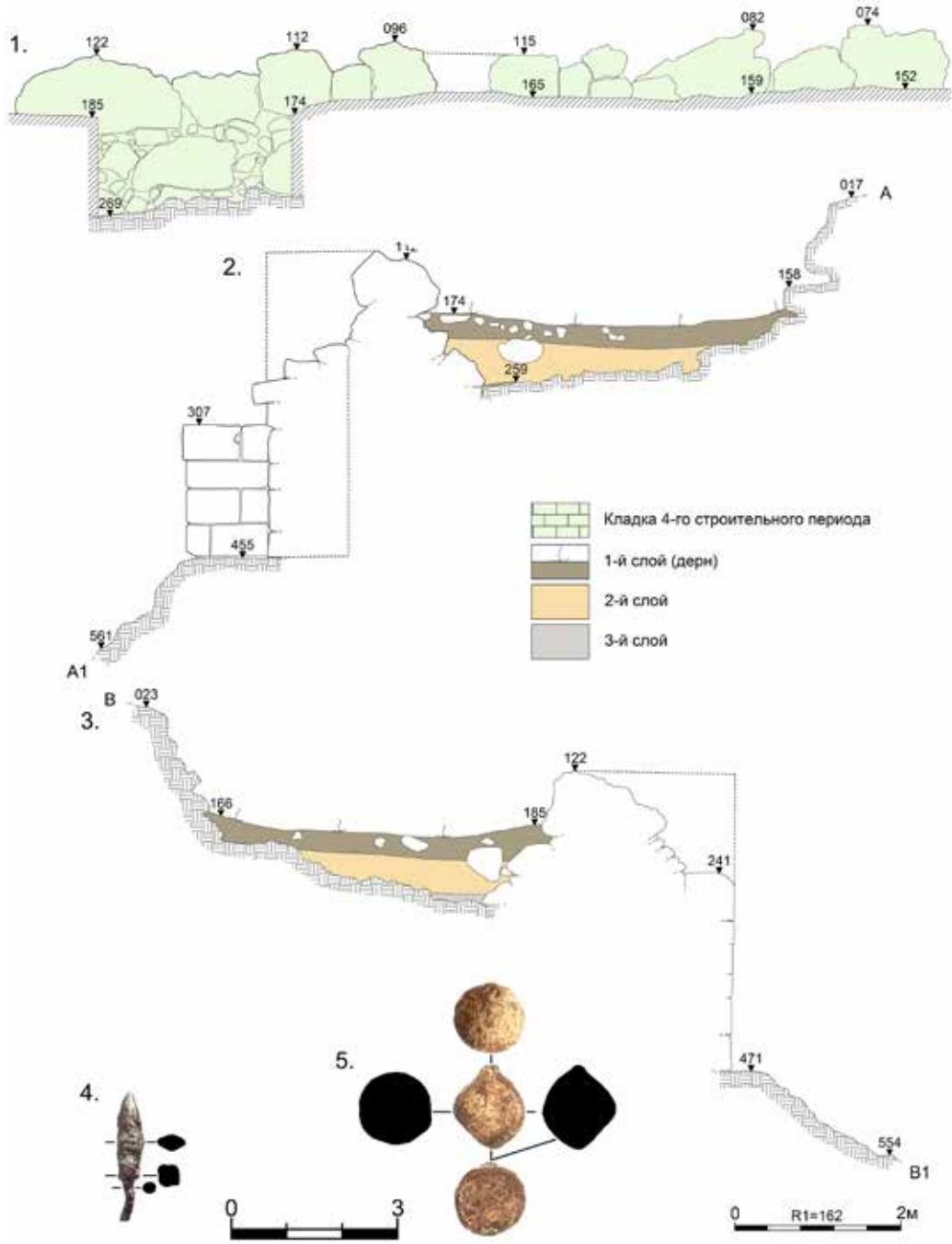


Рис. 14. Укрепление A.VIII. Участок № 4. Раскоп II. *1* – Фасировка третьего панциря. *2* – Разрез А-А1. *3* – Разрез В-В1. *4* – Находка из 1-го слоя. *5* – Находка из 2-го слоя

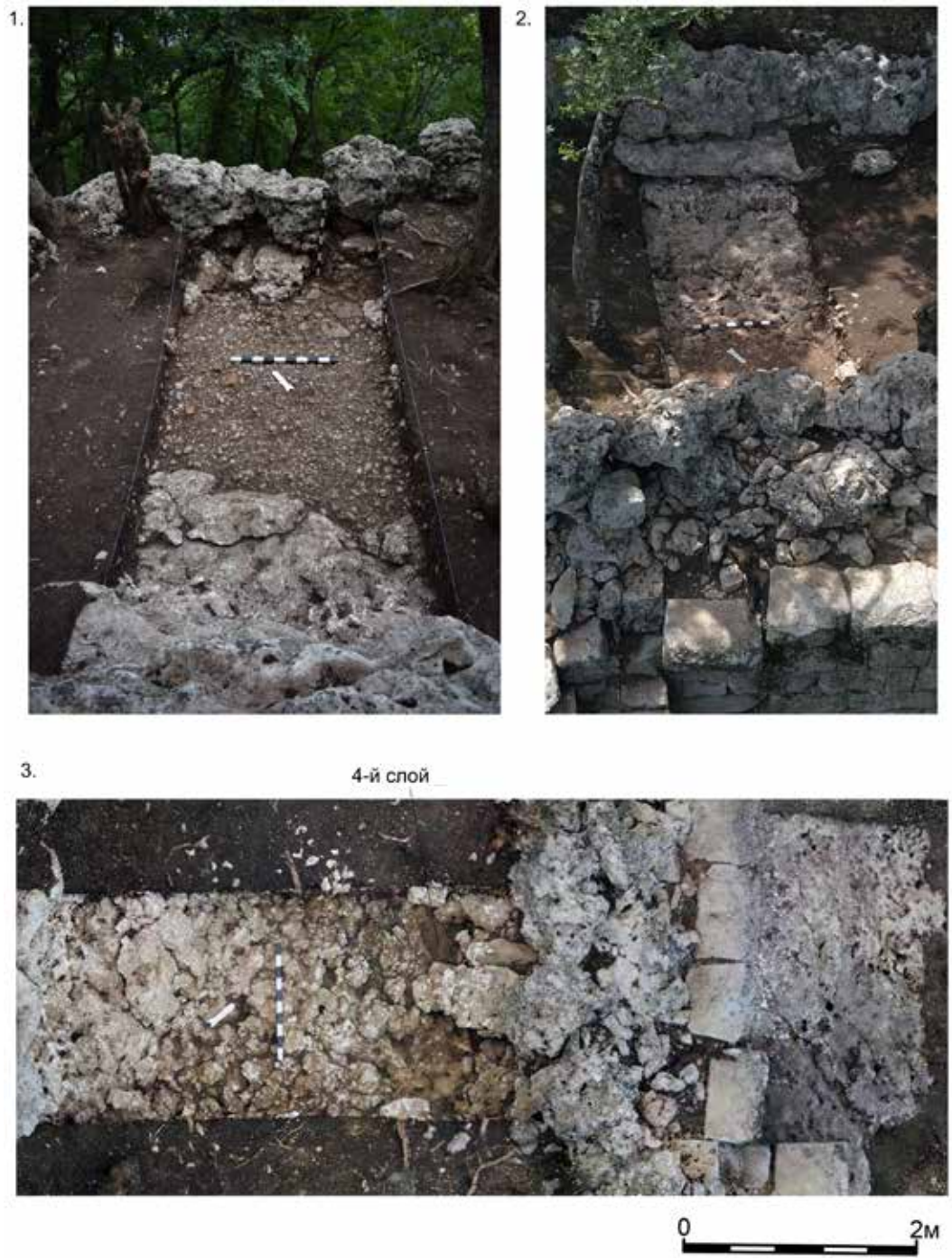


Рис. 15. Укрепление A.VIII. Участок № 4. Раскоп II. *1* – Общий вид по уровню 2-го слоя. *2* – Общий вид по уровню 3-го слоя. *3* – Общий вид по уровню 4-го слоя

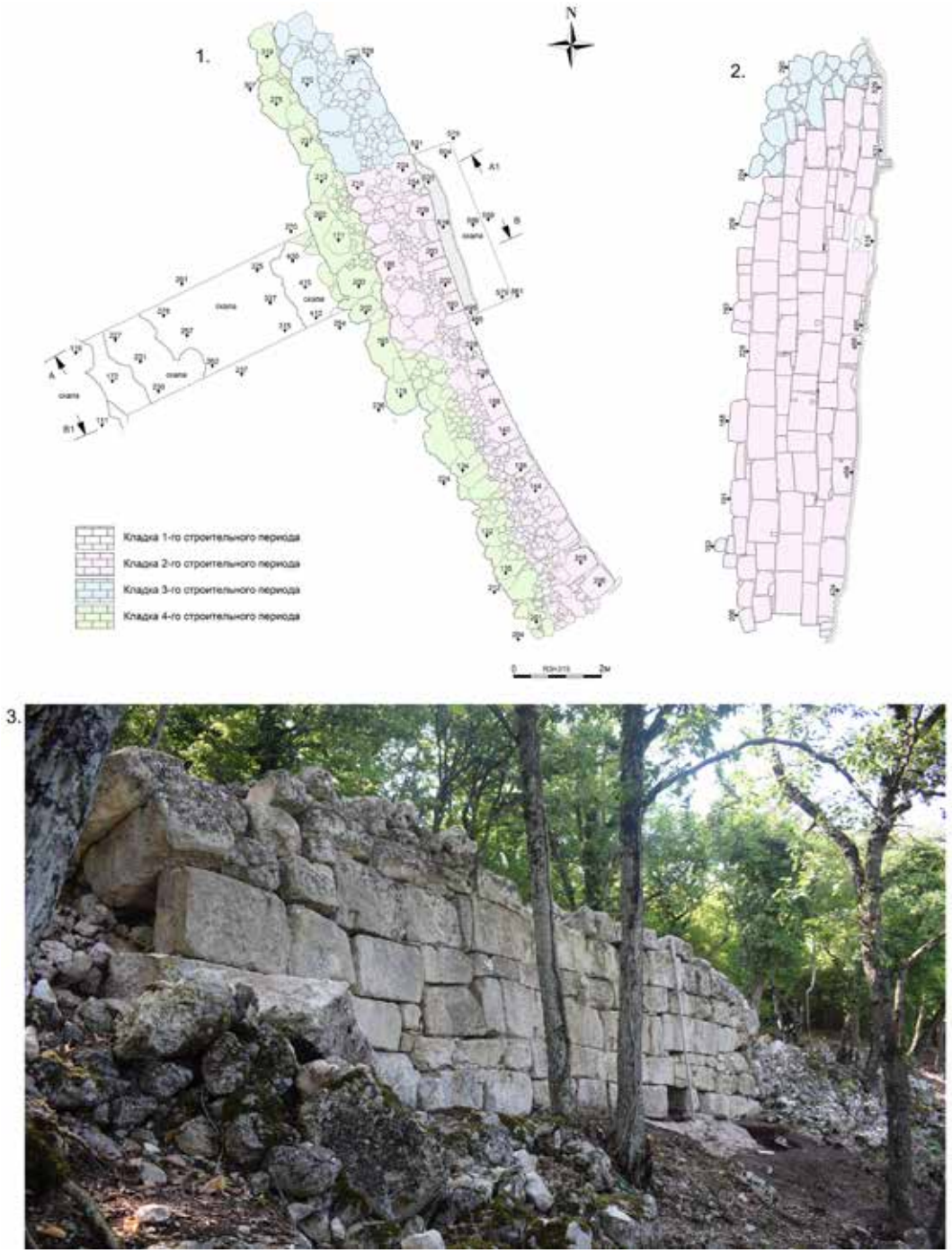


Рис. 16. Укрепление А.VIII. Участок № 5. Раскоп III.
1 – План. *2* – Фасировка лицевого панциря. *3* – Общий вид лицевого панциря

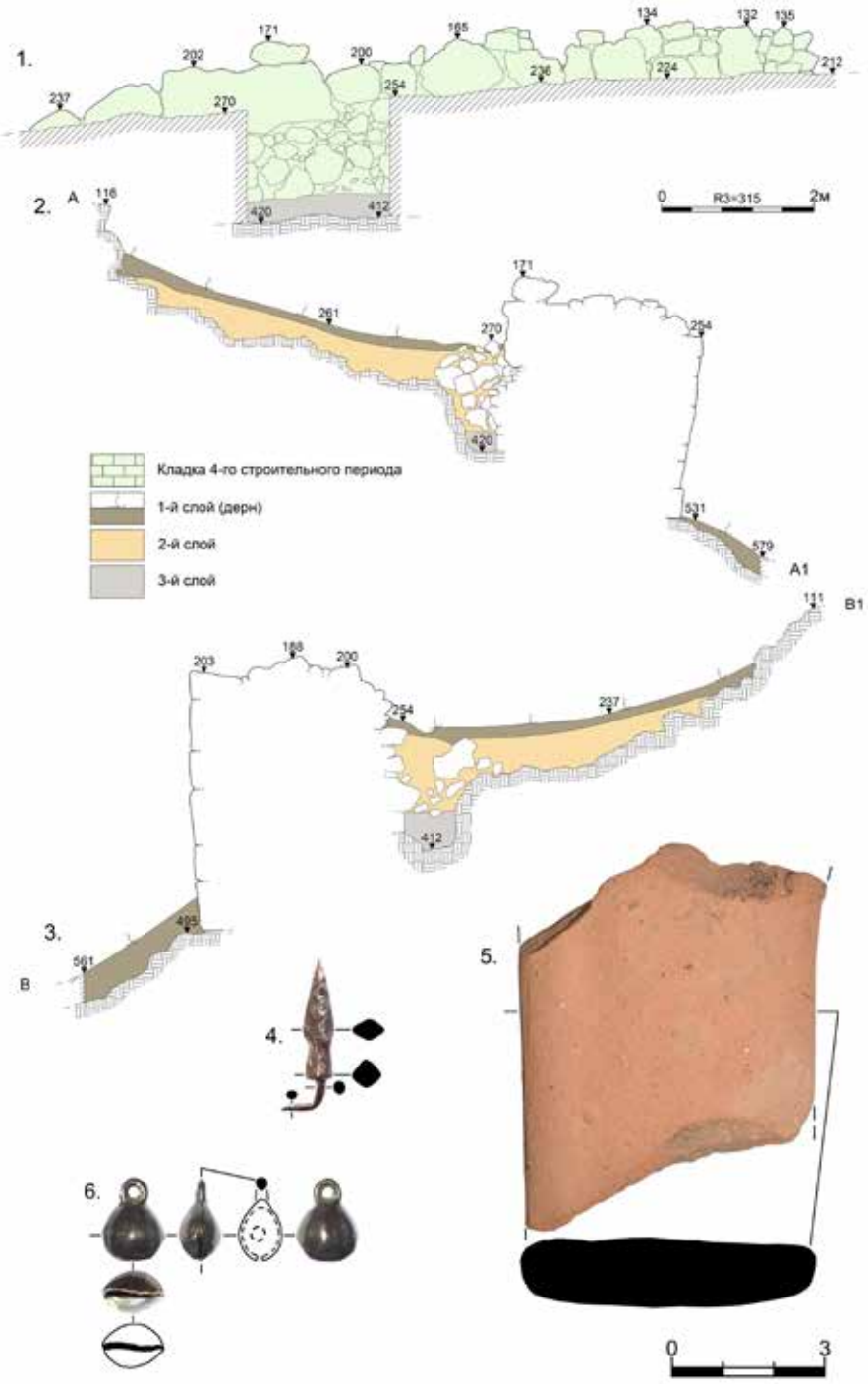
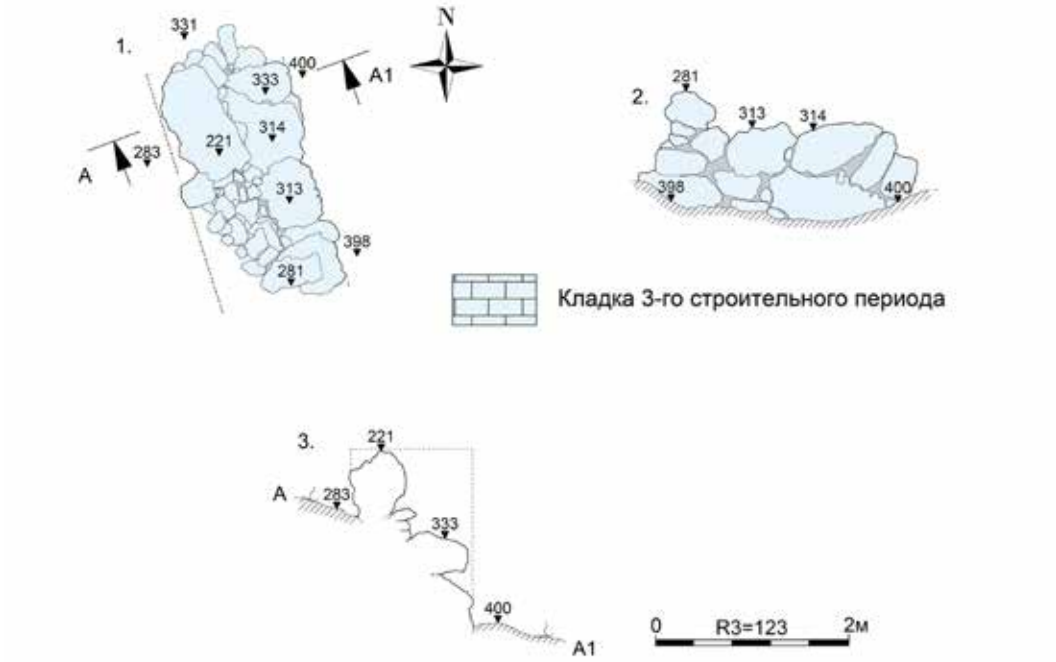


Рис. 17. Укрепление A.VIII. Участок № 5. Раскоп III. *1* – Фасировка третьего панциря. *2* – Разрез А-А1. *3* – Разрез В-В1. *4–5* – Находки из 1-го слоя. *6* – Находка из 2-го слоя

Рис. 18. Укрепление A.VIII. Участок № 5. Раскоп III. *1* – Общий вид по уровню 2-го слоя. *2* – Поверхность 3-го слоя. *3* – Общий вид по уровню поверхности скалы



4.

Рис. 19. Укрепление A.VIII. Участок № 6. *1* – План. *2* – Фасировка лицевого панциря. *3* – Разрез А-А1. *4* – Общий вид с северо-запада

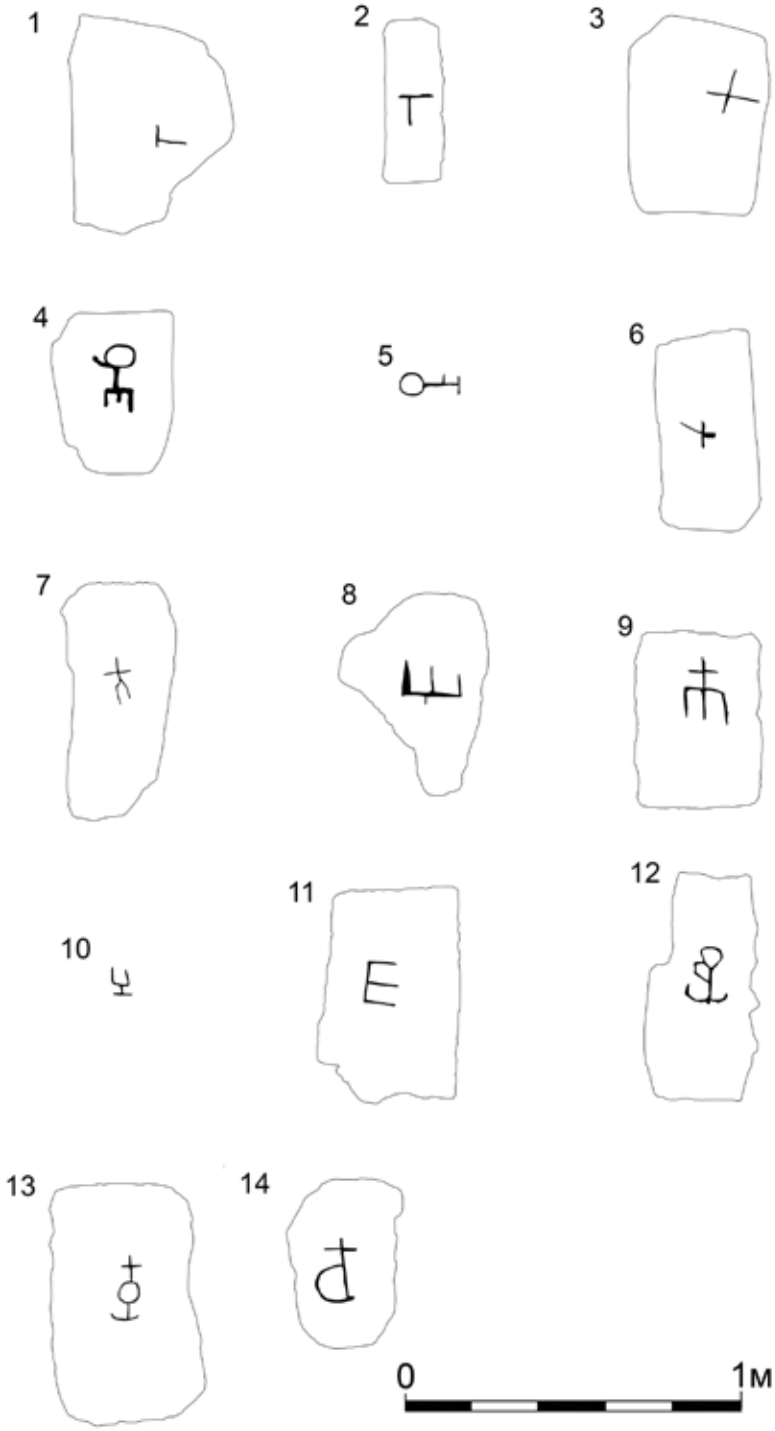


Рис. 20. Укрепление А.VIII. Знаки, обнаруженные в 2023 г.

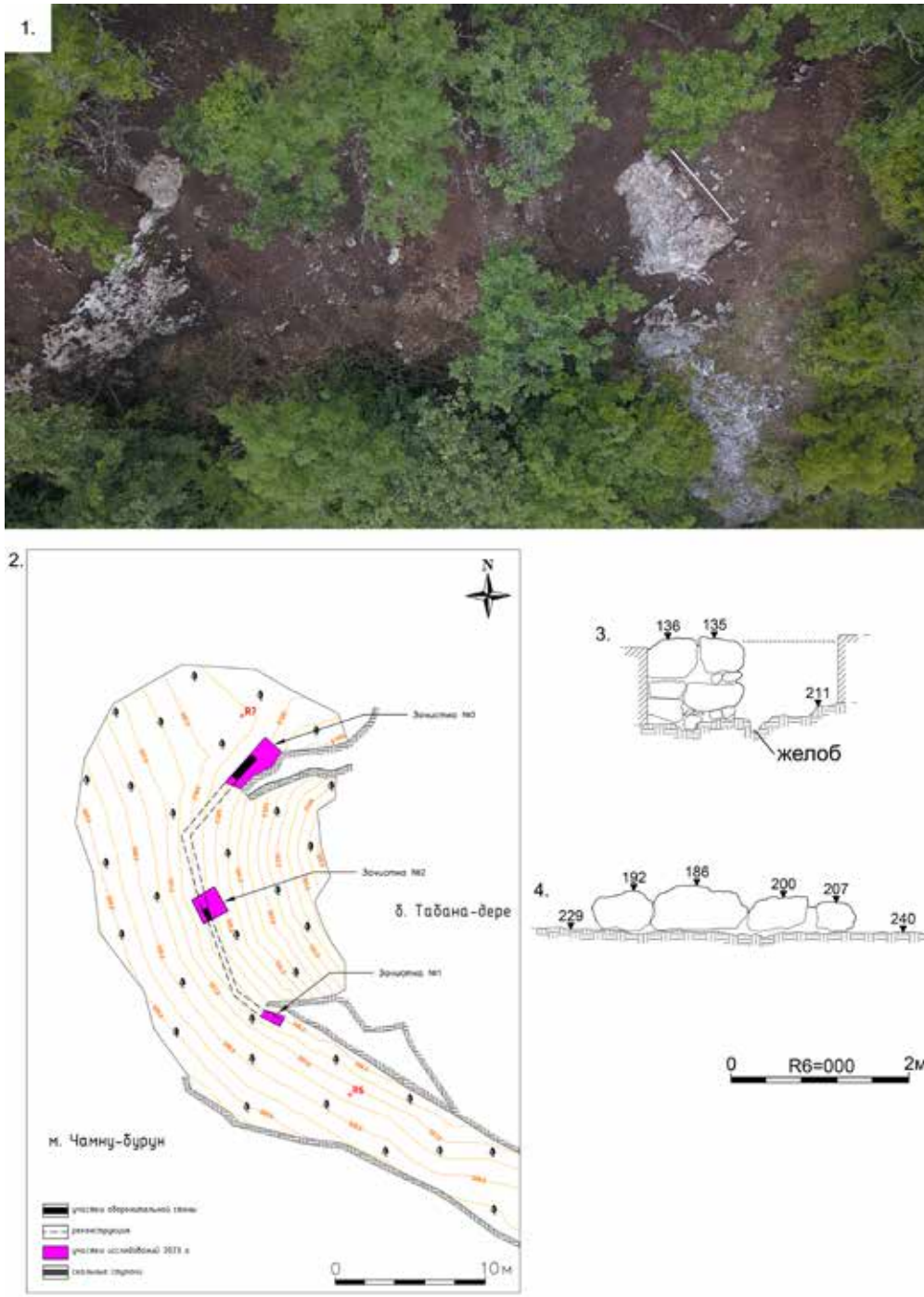


Рис. 21. Укрепление A.VI. *1* – Общий вид. *2* – Топографический план. *3* – Фасировка лицевого панциря центральной части оборонительной стены. *4* – Фасировка лицевого панциря северного фланга оборонительной стены

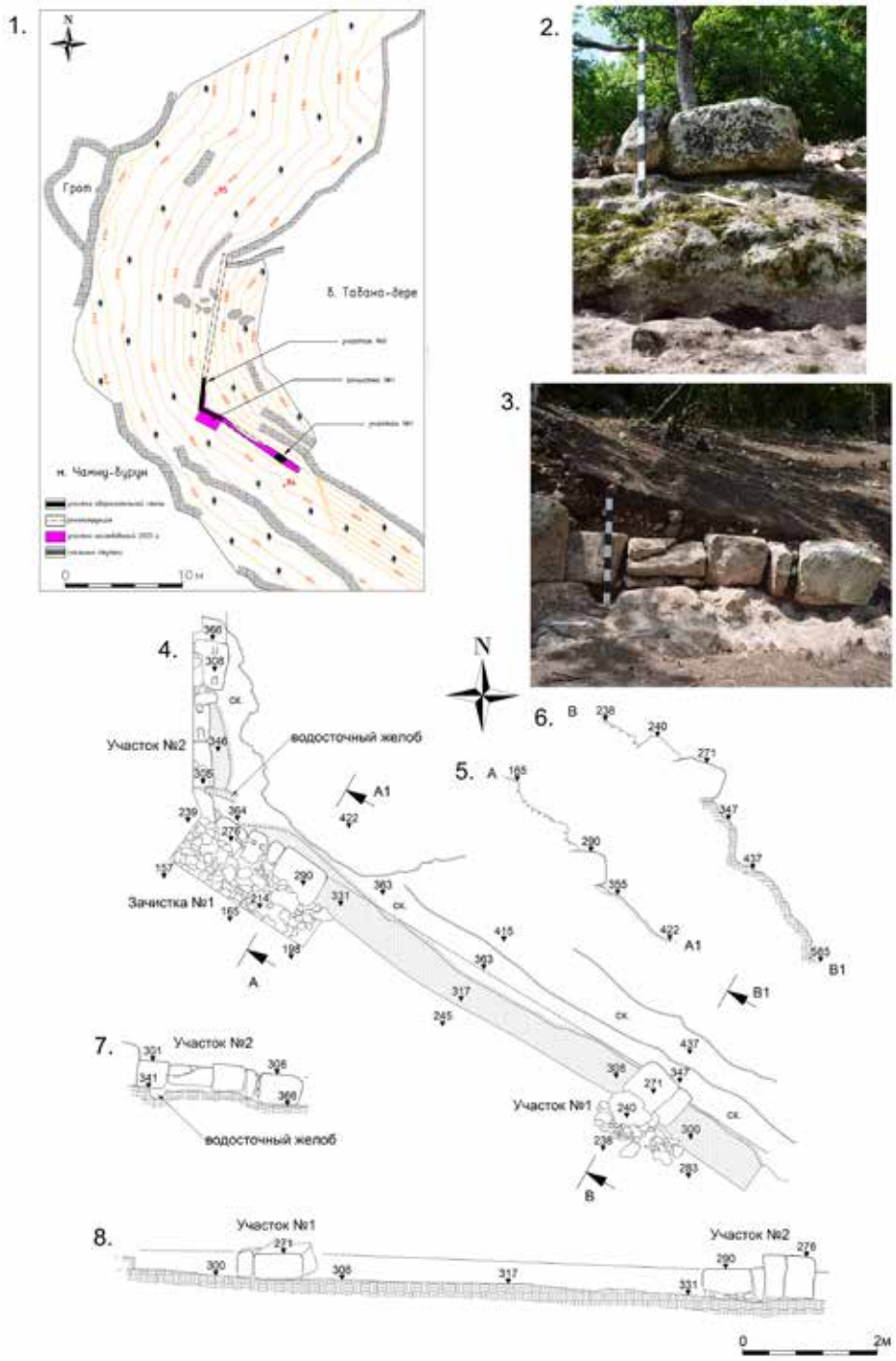


Рис. 22. Укрепление A.VII. *1* – Топографический план. *2* – Фрагмент кладки оборонительной стены на участке № 1. *3* – Фрагмент кладки оборонительной стены на участке № 2. *4* – План. *5* – Разрез А-А1. *6* – Разрез В-В1. *7* – Участок № 2. Фасировка лицевого панциря. *8* – Участок № 1. Фасировка лицевого панциря

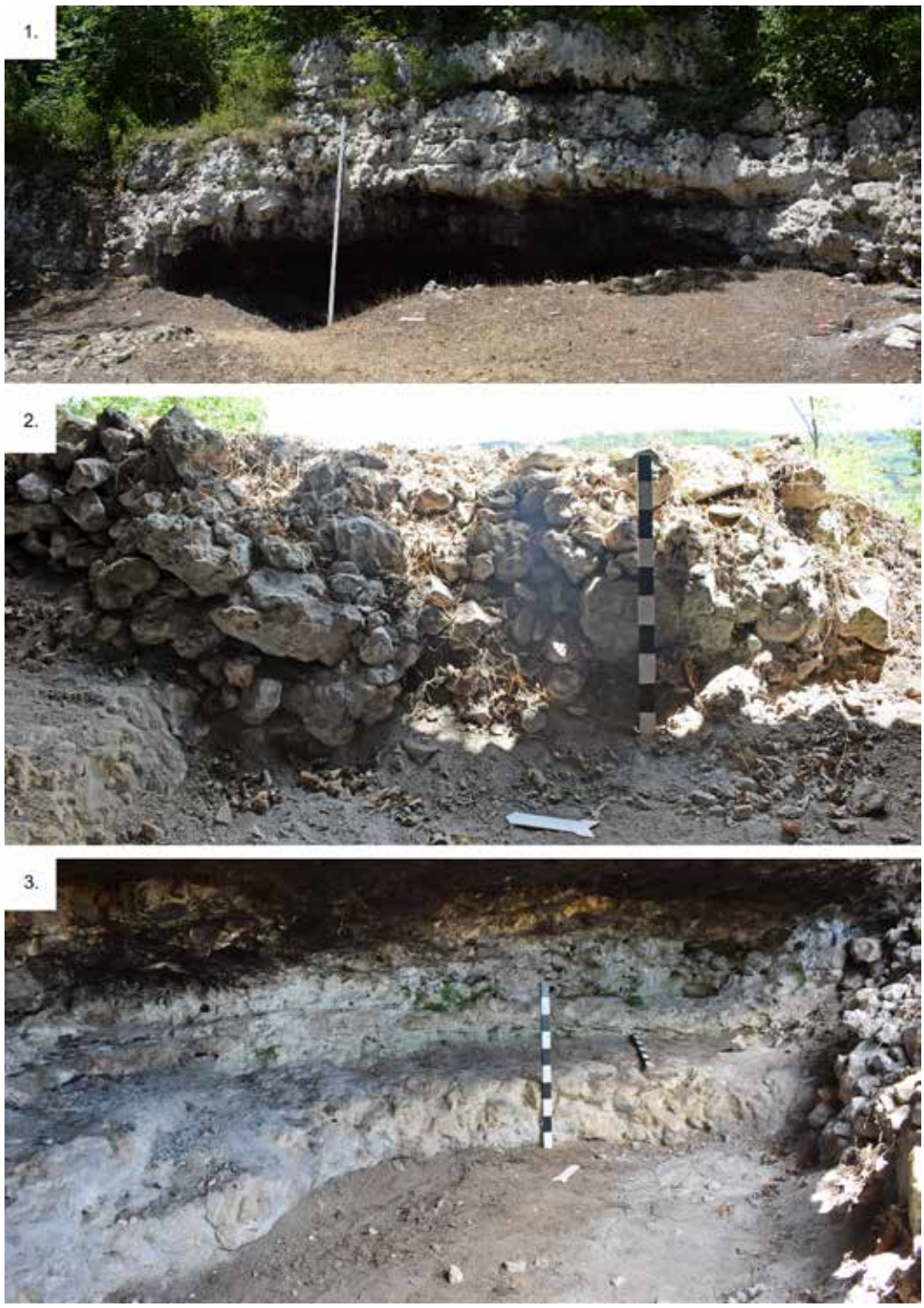


Рис. 23. Укрепление A.VII. Грот. *1* – Общий вид с востока.
2 – Кладка, перекрывающая вход. *3* – Обработанная скальная полка в северной части

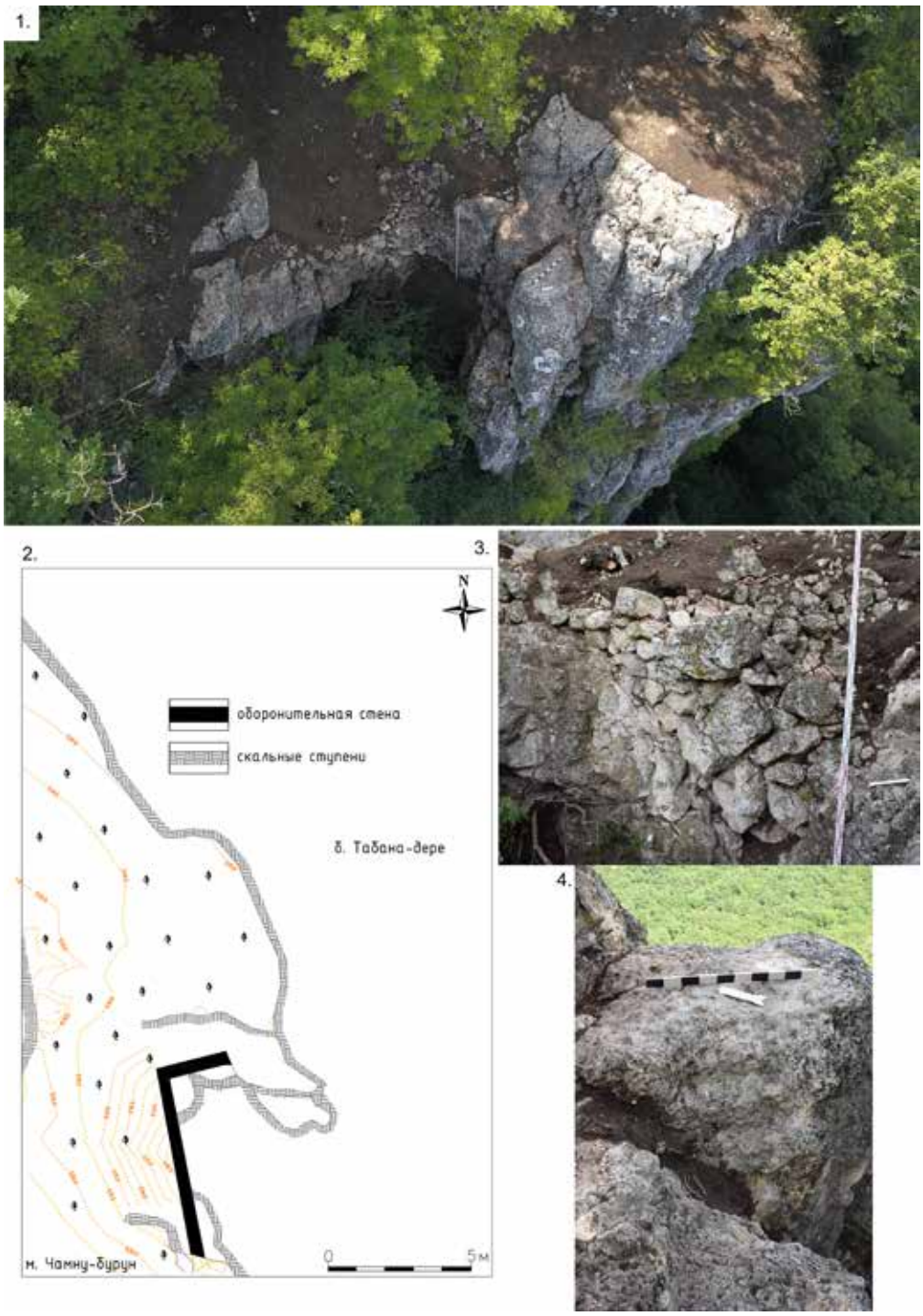


Рис. 24. Укрепление А.IX. *1* – Общий вид. *2* – Топографический план.
3 – Кладка оборонительной стены на южном фланге.
4 – Скальная постель под кладку оборонительной стены на северном фланге

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Позднесредневековая часовня на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII. С. 422–457.
2. Антонова И.А., Даниленко В.Н, Ивашута Л.П., Кадеев В.И., Романчук А.И. Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 81–101.
3. Веймарн Е.В. Отчет о работе Мангупского отряда Крымской экспедиции Института археологии АН УССР и Бахчисарайского историко-археологического музея в 1971 г. // Научный архив Института археологии НАН Украины. Ф. 64. Д. 1971/19-в. 36 с.
4. Веймарн Е.В. Отчет о работе Мангупского отряда Крымской экспедиции Института археологии АН УССР и Бахчисарайского историко-археологического музея в 1973 г. // Научный архив Института археологии НАН Украины. Ф. 64. Д. 1973/14-в. 83 с.
5. Виноградов А.Ю. Основные проблемы и вопросы изучения византийской эпиграфики Мангупа // МАИЭТ. 2017. Вып. XXII. С. 278–298.
6. Витрувий. Десять книг об архитектуре / Пер. Ф.А. Петровского. М.: Изд-во Всесоюзной Академии архитектуры, 1936. Т. 1. 331 с.
7. Герцен А.Г. Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. 1990. Вып. I. С. 87–166, 242–271.
8. Герцен А.Г. Дорос-Феодоро (Мангуп): от ранневизантийской крепости к феодальному городу // АДСВ. 2003. Вып. 34. С. 94–112.
9. Герцен А.Г., Землякова А.Ю., Науменко В.Е., Смокотина А.В. Стратиграфические исследования на юго-восточном склоне мыса Тешкли-бурун (Мангуп) // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. С. 371–494.
10. Герцен А.Г., Иванова О.С., Науменко В.Е. Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп). III горизонт застройки (середина IX – начало X вв.) // МАИЭТ. 2010. Вып. XVI. С. 240–295.
11. Герцен А.Г., Науменко В.Е. Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп): II горизонт застройки (XV в.) // МАИЭТ. 2009. Вып. XV. С. 389–431.
12. Герцен А.Г., Науменко В.Е. Октагональная церковь цитадели Мангупа (Крым): вопросы хронологии и архитектурной композиции // ТГЭ. 2010. Т. LIII. С. 227–253.
13. Герцен А.Г., Науменко В.Е. Стратиграфия Мангупского городища: антропогенный и природно-географический контекст // XVI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум / Ред. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Симферополь; Керчь: Пронто, 2015. С. 88–100.
14. Герцен А.Г., Руев В.Л. Свинцовые пули из раскопок Мангупа // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV. С. 385–416.
15. Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсона // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII. С. 97–260.
16. Душенко А.А. Укрепление A.XI Главной линии обороны Мангупа // История и археология Крыма. 2022. Вып. XVI. С. 271–310.
17. Душенко А.А. Укрепления A.X, A.XII и A.XIII Главной линии обороны Мангупа // Полевой дневник. Восточная Европа в античное время и средние века: сборник статей памяти О.В. Шарова / Отв. ред. А.В. Мастыкова, А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2024. С. 165–182. (Материалы спасательных археологических исследований. Т. 34).
18. Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 180 с. (МИА. № 83).
19. Майко В.В. Средневековые некрополи Судакской долины. Киев: Академпериодика, 2007. 273 с.
20. Малицкий Н.В. Заметки по эпиграфике Мангупа // ИГАИМК. 1933. Вып. 71. 47 с.
21. Науменко В.Е. Два примера реконструкции Главной линии обороны Мангупской крепости в фемный период истории // АДСВ. 2022. Вып. 50. С. 165–184.
22. Науменко В.Е. К дискуссии о времени строительства византийской крепости на Мангупе // АДСВ. 2023. Вып. 51. С. 105–119.
23. Науменко В.Е., Герцен А.Г. О времени строительства византийской крепости на Мангупе. Существуют ли основания для возобновления дискуссии? // Византийский «круг земель». Orbis terrarum Byzantinus… Тезисы докладов XXIII-й Всероссийской научной сессии византинистов РФ / Отв. ред. С.П. Карпов. Симферополь: Ариал, 2022. С. 126–130.
24. Науменко В.Е., Герцен А.Г., Душенко А.А. Дворцовый комплекс Мангупского городища: история изучения, стратиграфия, хронология. Симферополь: Антиква, 2023. 500 с.
25. Науменко В.Е., Душенко А.А. Строительная периодизация укреплений западного фланга северного фронта главной линии обороны Мангупа (по материалам исследований 2020–2022 гг.) // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XV Международный Византийский семинар / Отв. ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь, 2023. С. 227–236.
26. О стратегии: византийский военный трактат VI в. / Пер. В.В. Кучмы. СПб.: Алетейя, 2007. 158 с.
27. Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1995. 110 с.

28. Руев В.Л. Наконечники османских стрел по результатам исследования укрепления № 14 Главной линии обороны Мангупа в 2007 г. // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2011. Т. 24 (63). № 1. С. 109–126.
29. Руев В.Л. Турецкое вторжение в Крым в 1475 г. Симферополь: Антиква, 2014. 308 с.
30. Сазанов А.В. Амфорный комплекс первой четверти VII в. н.э. из Северо-Восточного района Херсонеса // МАИЭТ. 1991. Вып. II. С. 60–72.
31. Смокотина А.В. Амфоры позднеримского и ранневизантийского времени // Зинько В.Н., Зинько А.В., Пономарев Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Т. III. Археологические комплексы второй половины III–VII вв. Симферополь; Керчь: ИП Кифниди Г.И., 2020. С. 509–618.
32. Тесленко И.Б. Одна из гончарных традиций Таврики XIV–XV вв. (керамика группы Юго-Западного Крыма) // История и археология Крыма. 2014. Вып. I. С. 495–512, 541–560.
33. Флавий Вегеций Ринат. Краткое изложение военного дела / Пер. С.П. Кондратьева // ВДИ. 1940. № 1 (10). С. 231–293.
34. Pieri D. Le commerce du vin oriental à l'époque Byzantine (V–VII siècles). Le témoignage des amphores en Gaule. Beyrouth: Institut Français du Proche-Orient, 2005. 329 p.

REFERENCES

1. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Late medieval chapel on the Eski-Kermen plateau. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on the archeology, history and ethnography of Tavria], 2011, vol. 17, pp. 422–457.
2. Antonova I.A., Danilenko V.N, Ivashuta L.P., Kadeev V.I., Romanchuk A.I. Medieval amphoras of Chersonesos. *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 1971, vol. 7, pp. 81–101.
3. Veimarn E.V. Report on the work of the Mangup detachment of the Crimean expedition of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the Ukrainian SSR and the Bakhchisarai Historical and Archaeological Museum in 1971. *Nauchnyi arkhiv Instituta arkheologii NAN Ukrainy* [Scientific archive of the Institute of Archeology of the National Academy of Sciences of Ukraine]. F. 64. D. 1971/19-v. 36 p.
4. Veimarn E.V. Report on the work of the Mangup detachment of the Crimean expedition of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the Ukrainian SSR and the Bakhchisarai Historical and Archaeological Museum in 1973. *Nauchnyi arkhiv Instituta arkheologii NAN Ukrainy* [Scientific archive of the Institute of Archeology of the National Academy of Sciences of Ukraine]. F. 64. D. 1973/14-v. 83 p.
5. Vinogradov A.Iu. The main problems and issues of the study of Byzantine epigraphy of Mangup. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on the archeology, history and ethnography of Tavria], 2017, vol. 22, pp. 278–298.
6. Petrovskii F.A. (Ed.). *Vitruvii. Desiat' knig ob arkhitekture* [Vitruvius. Ten Books on Architecture]. Moscow, Vsesoiuznaia akademiia arkhitektury Publ., 1936, vol. 1, 331 p.
7. Gertsen A.G. Fortress ensemble of Mangup. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on the archeology, history and ethnography of Tavria], 1990, vol. 1, pp. 87–166, 242–271.
8. Gertsen A.G. Doros-Feodoro (Mangup): from an early Byzantine fortress to a feudal city. *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2003, vol. 34, pp. 94–112.
9. Gertsen A.G., Zemliakova A.Iu., Naumenko V.E., Smokotina A.V. Stratigraphic studies on the southeastern slope of Cape Teshkli-burun (Mangup). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on the archeology, history and ethnography of Tavria], 2006, vol. 12, pp. 371–494.
10. Gertsen A.G., Ivanova O.S., Naumenko V.E. Archaeological research in the area of the Church of St. Constantine (Mangup). III building horizon (mid-9th – early 10th cc.). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on the archeology, history and ethnography of Tavria], 2010, vol. 16, pp. 240–295.
11. Gertsen A.G., Naumenko V.E. Archaeological research in the area of the Church of St. Constantine (Mangup). II building horizon (15th c.). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on the archeology, history and ethnography of Tavria], 2009, vol. 15, pp. 389–431.
12. Gertsen A.G., Naumenko V.E. The Octagonal church of the citadel of Mangup (Crimea): issues of chronology and architectural composition. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha* [Proceedings of the State Hermitage Museum], 2010, vol. 53, pp. 227–253.
13. Gertsen A.G., Naumenko V.E. Stratigraphy of the ancient town of Mangup: anthropogenic and natural-geographical context. Zin'ko V.N., Zin'ko E.A. (Eds.), *XVI Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Geograficheskaia sreda i sotsium* [XVI Bosporan Readings. The Cimmerian Bosporus and the Barbarian World in Antiquity and the Middle Ages. Geographical Environment and Society], Simferopol, Kerch, Prondo Publ., 2015, pp. 88–100.
14. Gertsen A.G., Ruev V.L. Lead bullets excavated at Mangup. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on the archeology, history and ethnography of Tavria], 2008, vol. 14, pp. 385–416.
15. Golofast L.A. The glass of Early Byzantine Cherson. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on the archeology, history and ethnography of Tavria], 2001, vol. 8, pp. 97–260.
16. Dushenko A.A. Fortification A.XI of the Main line of defense of Mangup. *Istoriia i arkheologiia Kryma* [History and Archeology of Crimea], 2022, vol. 16, pp. 271–310.

17. Dushenko A.A. Fortifications A.X, A.XII and A.XIII of the Main line of defense of Mangup. Mastykova A.V., Engovatova A.V. (Eds.), *Polevoi dnevnik. Vostochnaia Evropa v antichnoe vremia i srednie veka: sbornik statei pamiati O.V. Sharova* [Field diary. Eastern Europe in ancient times and the Middle Ages: a collection of articles in memory of O. V. Sharov]. Moscow, IA RAN Publ., 2024, pp. 165–182.
18. Zeest I.B. *Keramicheskaia tara Bospora* [Ceramic containers of the Bosporus]. Moscow, Academy of Sciences USSR Publ., 1960, 180 p. (Materials and research on the archeology of the USSR, vol. 83).
19. Maiko V.V. *Srednevekovye nekropoli Sudakskoi doliny* [Medieval necropolises of the Sudak Valley]. Kiev, Akademperiodika Publ., 2007, 273 p.
20. Malitskii N.V. Notes on the Epigraphy of Mangup. *Izvestiia Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury* [Proceedings of the State Academy of the History of Material Culture], 1933, vol. 71, 47 p.
21. Naumenko V.E. Two examples of reconstruction of the Main Line of Defense of the Mangup Fortress in the thema period of history. *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2022, vol. 50, pp. 165–184.
22. Naumenko V.E. On the discussion about the time of construction of the Byzantine fortress on Mangup. *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2023, vol. 51, pp. 105–119.
23. Naumenko V.E., Gertsen A.G. About the time of construction of the Byzantine fortress on Mangup. Are there any grounds for resuming the discussion? Karpov S.P. (Ed.), *Vizantiiskii "krug zemel". Orbis terrarum Byzantinus… Tezisy dokladov XXIII-i Vserossiiskoi nauchnoi sessii vizantinistov RF* [Byzantine "circle of lands". Orbis terrarum Byzantinus… Abstracts of the reports of the XXIII All-Russian scientific session of Byzantinists of the Russian Federation], Simferopol, Arial Publ., 2022, pp. 126–130.
24. Naumenko V.E., Gertsen A.G., Dushenko A.A. *Dvortsovyi kompleks Mangupskogo gorodishcha: istoriia izucheniia, stratigrafiia, khronologiia* [Palace complex of the Mangup fortress: history of study, stratigraphy, chronology]. Simferopol, Antikva Publ., 2023, 500 p.
25. Naumenko V.E., Dushenko A.A. Construction periodization of fortifications of the western flank of the northern front of the Main line of defense of Mangup (based on research materials from 2020-2022). Alekseenko N.A. (Ed.), *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiia i polis. XV Mezhdunarodnyi Vizantiiskii seminar* [ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Empire and polis. XI International Byzantine Seminar], Simferopol, 2023, pp. 227–236.
26. Kuchma V.V. (Ed.). *O strategii: vizantiiskii voennyi traktat VI v.* [On Strategy: Byzantine military treatise of the 6th c.]. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2007, 158 p.
27. Romanchuk A.I., Sazanov A.V., Sedikova L.V. *Amfory iz kompleksov vizantiiskogo Khersona* [Amphoras from the complexes of Byzantine Cherson]. Ekaterinburg, Ural University Publ., 1995, 110 p.
28. Ruev V.L. Ottoman arrowheads based on the results of the study of fortification No. 14 of the Main line of defense of Mangup in 2007. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriiya "Istoricheskie nauki"* [Scientific Notes of V.I. Vernadsky Taurida National University. Series "Historical Sciences"], 2011, vol. 24 (63), No. 1, pp. 109–126.
29. Ruev V.L. *Turetskoe vtorzhenie v Krym v 1475 g.* [Turkish invasion of Crimea in 1475]. Simferopol, Antikva Publ., 2014, 308 p.
30. Sazanov A.V. Amphora complex of the first quarter of the 7th c. AD from the North-Eastern region of Chersonesos. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on the archeology, history and ethnography of Tavria], 1991, vol. 2, pp. 60–72.
31. Smokotina A.V. Amphoras of the Late Roman and Early Byzantine periods. Zin'ko V.N., Zin'ko A.V., Ponomarev L.Iu. *Tiritaka. Raskop XXVI. T. III. Arkheologicheskie kompleksy vtoroi poloviny III–VII vv.* [Tiritaka. Excavation XXVI. Vol. III. Archaeological complexes of the second half of the 3rd–7th cc.], Simferopol, Kerch, Kifnidi G.I. Publ., 2020, pp. 509–618.
32. Teslenko I.B. One of the pottery traditions of Taurica in the 14th–15th cc. (ceramics of the South-Western Crimea group). *Istoriia i arkheologiia Kryma* [History and Archeology of Crimea], 2014, vol. 1, pp. 495–512, 541–560.
33. Kondrat'ev S.P. (Ed.). Flavius Vegetius Rinat. Brief summary of military affairs. *Voprosy drevnei istorii* [Questions of Ancient History], 1940, vol. 1 (10), pp. 231–293.
34. Pieri D. *Le commerce du vin oriental à l'époque Byzantine (V–VII siècles). Le témoignage des amphores en Gaule*. Beyrouth, Institut Français du Proche-Orient, 2005, 329 p.

Информация об авторе

Душенко А. А. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Researcher ID: N-6345-2019.

Author information

Dushenko A. A. – Candidate of Science (History), Senior Researcher at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: N-6345-2019.

DOI: 10.29039/2413-189X.2025.30.277-309

О ХРОНОЛОГИИ И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ АТРИБУЦИИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ МОГИЛЬНИКОВ МАНГУПА-ДОРОСА

Валерий Евгеньевич Науменко
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия
byzance@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-2590-6314
Артур Игоревич Набоков
Институт археологии Крыма Российской академии наук, Симферополь, Россия
artur-nabokov@rambler.ru, https://orcid.org/0009-0001-5828-0848

Аннотация. В статье сделана попытка синхронизировать историю византийской крепости Дорос на территории Мангупского плато в Горном Крыму с основными этапами развития всех известных раннесредневековых некрополей в ее округе. На сегодняшний день, таких могильников известно четыре: Алмалык-дере (конец IV – VIII в.), Каралез (VI – первая половина IX в.), Южно-Мангупский (вторая половина VI – первая половина IX в.) и Адым-Чокрак (VII – первая половина IX в.). Установлено, что все эти некрополи Мангупа появились в результате миграций крупных популяций населения. Особенности их топографии и погребального обряда позволяют предполагать, что их использование в дальнейшем связано с жизнью нескольких общин, представители которых проходили службу в составе гарнизона Мангупской крепости. Раннесредневековые могильники Мангупа-Дороса окончательно были заброшены в первой половине IX в., незадолго до включения крепости в состав византийской фемы. По всей видимости, к этому времени завершился длительный процесс христианизации населения Горного Крыма и его главной крепости Дорос. Не случайно, во второй половине IX – начале X в. вблизи уже оставленных ранних некрополей городища были сооружены новые христианские культовые объекты.

Ключевые слова: Юго-Западный Крым, Византия, Мангуп, Дорос, позднеримское время, раннесредневековый период, некрополь, курганы, грунтовые склепы, миграции

Благодарности: А. И. Набоковым данное исследование выполнено в рамках госзадания Министерства высшего образования и науки РФ на тему «Город и его округа в средневековом Крыму» (№ 1022040600787-3-6.1.2).

ON THE CHRONOLOGY AND HISTORICAL AND CULTURAL ATTRIBUTION OF THE EARLY MEDIAEVAL CEMETERIES OF MANGUP-DOROS

Valery E. Naumenko
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
byzance@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-2590-6314
Artur I. Nabokov
Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia
artur-nabokov@rambler.ru, https://orcid.org/0009-0001-5828-0848

Abstract. This article attempts to synchronize the history of the Byzantine fort of Doros located on the plateau of Mangup in the Crimean Mountains with the main stages of development of all known early mediaeval cemeteries in its environs. So far there are four cemeteries in the group in question: Almalyk-dere (late-fourth to eighth century), Karalez (sixth to the first half of the ninth century), South Mangup (second half of the sixth to the first half of the ninth century), and Adym-Chokrak (seventh to the first half of the ninth century). It has been established that all these cemeteries in the vicinity of Mangup emerged in result of the migrations of large populations. The features of their topography and burial rites suggest that their subsequent use was related to several communities, whose members entered military service in the garrison of the fort of Mangup. The early mediaeval cemeteries of Mangup-Doros were finally abandoned in the first half of the ninth century, shortly before the fort was included into the Byzantine *theme*. By all appearance, it was the time when the long process of Christianization of the population of the mountainous Crimea and its

main fort of Doros finished. It is no coincidence that in the second half of the ninth and early-tenth century new Christian monuments appeared near the already abandoned cemeteries.

Keywords: south-western Crimea, Byzantium, Mangup, Doros, Late Roman Period, Early Mediaeval Period, cemetery, barrows, flat burial vault, migrations

В округе раннесредневековой византийской крепости Дорос в Юго-Западном Крыму (совр. Мангупское городище) сейчас известно четыре грунтовых могильника этого периода – Алмалык-дере, Южно-Мангупский, Адым-Чокракский и Каралезский. Они расположены на склонах обширного Мангупского плато либо на территории прилегающих горных долин, на расстоянии не более 1–1,5 км от ближайших крепостных стен городища (рис. 1). На основании многолетних археологических исследований памятника их следует определенно рассматривать в качестве некрополей, на которых производили захоронения жители Мангупа-Дороса вплоть до начала – первой половины IX в., когда все могильники, очевидно, были заброшены. При этом нельзя исключать существование на самом Мангупском городище, вероятнее всего, вблизи Большой трехнефной базилики, возведенной вместе с крепостными сооружениями в VI в., наиболее раннего здесь христианского могильника. Однако, это вполне логичное предположение пока еще не имеет надежных археологических свидетельств [см., например: 43, с. 363; ср. также: 28, с. 99–105].

На территории некрополей округи Мангупа раскопки производились крайне неравномерно, начиная с 1982 г., и до недавнего времени носили, как правило, охранно-археологический характер [об истории изучения памятников см.: 25, с. 13–35]. Большинство из них – Алмалык-дере, Южно-Мангупский и Адым-Чокракский, подверглись масштабному ограблению в конце XX – начале XXI в. Каралезский могильник также исследовался вынужденно в 1984–1985 гг., в связи со строительством здесь водохранилища [26, с. 208]. В результате, несмотря на, казалось бы, уже значительную накопленную источниковую базу, которая, помимо раскопок погребальных сооружений[1], включает материалы археолого-топографических исследований памятников в 2020–2023 гг. [34; 24, с. 182–187; 25, с. 40–51], многие важные вопросы их изучения, в том числе хронологии, периодизации, этнокультурной атрибуции, остаются дискуссионными.

В последние годы результаты археологического изучения ранних некрополей Мангупского городища, прежде всего, Алмалык-дере, активно вводятся в научный оборот. Помимо нескольких коллективных монографий, в которых опубликованы материалы археологических отчетов, и диссертационного исследования [51; 54; 25], изданы некоторые показательные группы находок (амфоры, краснолаковая керамика, стеклянные изделия) и ряд наиболее ярких датирующих археологических комплексов [53; 15; 16, с. 289–290; 17, с. 96; 52; 21; 22; 23; и другие]. Однако до сих пор почти отсутствуют публикации обобщающего характера, посвященные историко-культурному контексту появления и функционирования каждого из известных некрополей раннесредневекового Мангупа-Дороса, особенно в связи с общей историей городища. Примером такого рода исследований можно считать работу, в которой дана характеристика топографии и особенностей погребального обряда для раннего (докрепостного, второй половины / конца IV – первой половины VI вв.) этапа существования Алмалыкского могильника [33]. Однако она, по сути, единственная в рамках поставленной научной проблематики.

Настоящее исследование призвано хотя бы частично компенсировать существующий историографический пробел. Его основной задачей, помимо уточнения хронологии всех известных в округе Мангупского плато раннесредневековых грунтовых некрополей, является выяснение причин и обстоятельств их появления в истории крепости.

Могильник Алмалык-дере (рис. 2). Памятник расположен в северной (нижней) части ныне сильно облесенной балки Алмалык-дере, в пределах относительно пологой природной

[1] На сегодняшний день, всего на предполагаемой площади грунтовых некрополей округи Мангупского городища картографировано более 500 погребальных конструкций, в основном склепы, подбойные и грунтовые могилы. Из них порядка 200 исследованы археологически [25, с. 38]. На могильнике Алмалык-дере всего раскопано 109 погребальных сооружений, на Каралезском – не менее 44, на Южно-Мангупском – 34, на Адым-Чокракском – 14. Остальные погребальные комплексы лишь осмотрены через грабительские ямы.

террасы, которая является нижней частью северо-восточного склона Мангупского плато. Его известная площадь сейчас составляет около 7 га [33, с. 185]. Несмотря на то, что Алмалык-дере является лучше всего изученным среди всех других грунтовых могильников округи Мангупа, дата его появления остается предметом дискуссии. Существует две основные гипотезы для решения этого вопроса. Согласно первой, могильник возник во второй половине IV в., еще до вторжения гуннов в Крым, в результате внутренних миграций местного населения (готов, алан или поздних сарматов) [54, s. 19; 49, с. 33], согласно второй – в конце IV – начале V в. в связи с захватом гуннами Крымских предгорий и переселением вглубь полуострова живших там алан [7, с. 104].

После недавнего открытия на Алмалыкском некрополе неизвестной ранее группы курганов, проблема его ранней хронологии во многом зависит от интерпретации этих памятников. На сегодняшний день, в северной и южной частях могильника всего картографированы шесть крупных курганных насыпей (№№ 1–6) (рис. 2), из которых археологически изучены, полностью либо частично, только три погребальные конструкции (курганы №№ 2, 3 и 5) (рис. 3–5) [22; 25, с. 44–45, 84–94, 102–105; 14, с. 33–39]. Важно также отметить, что топографически все известные курганы Алмалык-дере маркируют трассу средневековой дороги, проложенной по тальвегу одноименной балки к ее верховьям и затем, очевидно, огибая мыс Тешкли-бурун Мангупского плато, по направлению к главным воротам Мангупской крепости [34, с. 110–112, рис. 6–7; 25, с. 45, рис. 41–42].

Судя по находкам погребального инвентаря, извлеченного из основных погребений курганов №№ 2, 3 и 5, все курганные насыпи Алмалык-дере относятся к числу наиболее ранних погребальных конструкций на площади могильника, которые сейчас лучше датировать не позднее последней четверти IV в. Самыми надежными хроноиндикаторами среди обнаруженных находок, бытование которых, по всей видимости, не выходит за пределы IV в., являются амфоры типа F по Д. Б. Шелову из камер подбойных могил в курганах №№ 2 и 3 (рис. 3,*2*; 4,*3*) [о современной датировке таких амфор см.: 41, с. 550], а также два сосуда из центрального погребения в кургане № 5 – краснолаковый кувшин с воронкообразным двучастным венчиком типа 1 по О. С. Ивановой (рис. 5,*3*) [15, с. 50–51, рис. 14,80] и лепная кружка с широким горлом и биконическим туловом, ближайшая аналогия которой происходит из склепа № 10 середины – конца IV в. могильника Красный Мак [19, с. 201, 223, рис. 12,4, табл. I,12]. Остальной вещевой комплекс в раскопанных курганах датируется более широко, в пределах второй половины IV – начала / первой половины V в., но, как представляется, в целом не противоречит нашему предположению о времени появления курганов на территории Алмалыкского некрополя [подробнее о комплексе ранних находок из раскопок памятника см.: 25, с. 102–104].

При исследованиях курганов №№ 2 и 3 под их насыпями обнаружены кольцевые ровики с разрывом в южной части. Единственная аналогия подобным курганам в Крыму известна из раскопок могильника Совхоз-10, где она датируется серединой III – IV в. [42, с. 38–39, рис. 8]. Близкие курганные комплексы с ровиками и перемычкой в южной части, соотносимые с погребальными практиками сарматов либо алан, получили распространение на большой территории степной зоны юга Восточной Европы – от Северного и Центрального Кавказа, Нижнего Дона на востоке и до Венгерской низменности на западе [подробнее: 22, с. 176–177; 25, с. 85–95; 14]. Центральным погребальным сооружением кургана № 5 являлась могила, конструктивно аналогичная северокавказским Т-образным катакомбам. Появление последних на Кавказе в качестве основных погребений подкурганных погребальных конструкций в III–IV вв. обычно объясняется процессом миграции в регион носителей традиции сооружать курганные насыпи над могилами и их контактами с местным населением, которое практиковало при захоронениях бескурганные катакомбы [1, с. 186–187; 25, с. 89–90].

Таким образом, открытые на территории Алмалык-дере курганы не были характерны для варварского населения Горного Крыма позднеримского периода, хоронившего в основном в грунтовых склепах или могилах различных конструкций. На наш взгляд, их появление на могильнике может быть связано с приходом сюда одной крупной популяции, у которой такая погребальная традиция сложилась, очевидно, на месте первоначального района обита-

ния за пределами Крыма. Расселение в округе Мангупа этой волны мигрантов с нехарактерным для региона погребальным обрядом, на данный момент, может быть связано только с вторжением гуннов на Северный Кавказ и в Приазовье в 370-е гг., которое спровоцировало уход проживавшего там населения в направлении, в конечном итоге, горной части Крымского полуострова. Как представляется, это пока единственное логичное предположение, которое может объяснить причину появления курганной группы Алмалыкского могильника.

Точно установить маршрут движения в Крым группы населения, оставившего курганы Алмалык-дере и, скорее всего, связанной с Северным Кавказом или Подоньем, пока невозможно. Прежде всего, из-за отсутствия аналогий на территории полуострова, за исключением уже упоминавшегося кургана на площади могильника Совхоз-10. Собственно вариантов пути проникновения данной популяции в Юго-Западную Таврику может быть только два: через Боспор вдоль крымских предгорий или степи северной части Крыма. Эти события, по всей видимости, должны были произойти до появления гуннов на Крымском полуострове. По крайней мере, потому что, по наличию курганов, Алмалыкский некрополь резко выделяется среди других могильников Горного Крыма, возникших в конце IV – начале V в. после захвата гуннами крымских степей и предгорий, и где хоронили в Т-образных склепах, подбойных и грунтовых могилах [7, с. 104; ср.: 47, с. 127].

Остальные ранние (конца IV – первой половины V в.) комплексы Алмалык-дере представлены традиционными для данного периода времени типами погребальных сооружений: грунтовыми склепами, подбойными могилами и могилами с заплечиками. Количество погребенных в склепах колеблется от 1 до 5. Единственную кремацию, совершенную в неглубокой округлой яме, из-за отсутствия каких-либо находок точно датировать невозможно. Из перечисленных погребальных сооружений лучше всего классифицированы склепы различных конструкций, для которых, включая комплексы из других могильников округи Мангупа, была разработана общая типология, основанная на их архитектурных особенностях [подробнее: 21; 25, с. 54–76].

Среди ранних склепов выделяются конструкции с длинной входной ямой, в которой были вырублены ступеньки, ведущие в подквадратную в плане погребальную камеру со ступеньками у входа. Эти склепы типов А1 (с входной ямой длиной до 6 м) и А2 (с более короткими входными ямами длиной не более 4 м) отражают устойчивую погребальную традицию, так как они зафиксированы на всей территории могильника. Склеп № 2/1996 является единственным примером полностью раскопанного склепа типа А1 (рис. 6,*1–17*), тогда как склепы типа А2 встречаются значительно чаще и, предположительно, интерпретируются как более упрощенная форма склепов типа А1 (рис. 7,*1–13*). Подобные погребальные сооружения выявлены также на ряде других позднеримских некрополей Юго-Западного Крыма [21, с. 123]. К примеру, на могильниках Фронтовое 3 и Сувлу-Кая конструктивно близкие грунтовые склепы появляются в последней четверти / конце IV – первой половине V в. [37, с. 184; 10, с. 153]. Таким образом, население, хоронившее на начальном этапе функционирования могильника Алмалык-дере, обладало вполне сложившейся традицией вырубать склепы определенной формы со ступенями, которые для тех же могильников Фронтовое 3 и Сувлу-Кая являлись самыми поздними погребальными сооружениями. На сегодняшний день, сложно сказать, являются ли склепы общей группы А в Крыму признаком отдельной этнокультурной группы населения, или же они выступают только лишь в качестве социального маркера для погребенных в них? По всей видимости, решение этого вопроса требует специального исследования, которое невозможно выполнить исключительно на материалах Алмалыкского некрополя.

Погребения первой половины V в. на площади Алмалык-дере совершались не только в склепах группы А, но и в склепах группы В. У последних при сохранявшейся, при сравнении с более ранними склепами, близости конструкции погребальной камеры роль ступеней во входной яме выполняли уже небольшие ниши, вырубленные в передней торцевой стенке. Нужно отметить, что в склепах типов В1 (со ступенькой в погребальной камере) (рис. 7,*14–25*) и В2 (без ступенек в камере) захоронения совершались вплоть до первой половины VI в.

Таким образом, могильник в балке Алмалык-дере появляется в последней четверти IV в., еще до начала гуннского вторжения в Крым, но, вполне возможно, накануне этих событий.

В состав группы мигрантов, начавшей хоронить на его площади, предположительно, входили выходцы из районов Подонья и Северного Кавказа, где существовала практика совершать погребения в курганах с кольцевыми ровиками и Т-образных катакомбах. Часть ранней популяции одновременно использовала для захоронений погребальные сооружения иных видов, в частности, грунтовые склепы особой конструкции с длинными входными ямами со ступенями. В большинстве таких склепов, в отличие от курганов, часто встречаются типичные для гуннского времени предметы одежды. Таким образом, можно предположить, что курганы сооружались лишь на первоначальном этапе функционирования некрополя, возможно, в течение жизни одного поколения переселенцев, после чего их полностью вытеснили грунтовые склепы и подбойные могилы.

Как считают некоторые исследователи, в формировании группы населения, оставившей могильник Алмалык-дере, приняли участие представители Нейзацкой археологической культуры [49, с. 32–49]. Действительно, анализ наиболее характерной для повседневного использования группы археологического материала – лепной керамики, показывает большое число аналогий среди таких находок из раскопок могильников Нейзац и Дружное [9, с. 40–41]. В данном случае наблюдается неоднозначная ситуация. С одной стороны, лепную посуду, некоторые категории погребального инвентаря и даже элементы погребального обряда можно считать здесь характерными для некрополей IV в. в Предгорном Крыму [50], но, с другой стороны, конструкция грунтовых склепов из Алмалык-Дере существенно отличается. Ранние склепы группы А и, в определенной степени, группы В Алмалыкского некрополя не находят прямых аналогий среди грунтовых склепов могильников группы Нейзац. Редкие примеры конструктивно близких погребальных сооружений, за исключением Фронтового 3 и Сувлу-Кая, не противоречат этим наблюдениям. Но можно ли на этом основании говорить об особой этнической принадлежности населения, оставившего некрополь Алмалык-дере, сказать пока сложно.

Необходимо обратить внимание еще на один важный результат детального изучения лепной керамики Алмалыкского могильника, который указывает на общую этнокультурную неоднородность данной популяции, особенно на раннем этапе ее развития [9, с. 41]. Косвенно это подтверждается множеством используемых для захоронений погребальных конструкций в это время (курганов, склепов различных типов, подбойных и грунтовых могил). В историографии по-прежнему преобладает традиция соотносить население могильников Горного Крыма, возникших на рубеже IV–V вв., с аланами или готами [5, с. 89]. Однако пример Алмалык-дере хорошо показывает, что это население не было в этническом плане настолько гомогенным.

В дальнейшем история некрополя Алмалык-дере вызывает уже меньше вопросов. Как и ранее, здесь продолжают фиксироваться отдельные погребения представителей племенной знати и рядового военного сословия. Постепенно исчезает традиция помещения лепной посуды в погребальные сооружения. Для комплексов первой половины VI в. она уже является редкостью. В составе погребального инвентаря «понтийские» краснолаковые изделия сменяются «фокейскими». Полностью исчезают склепы со ступенями во входных ямах. Северная часть могильника, где ранее концентрировались склепы типа А2, перестает использоваться, что приводит к некоторому сокращению территории памятника. Судя по результатам раскопок кургана № 3, со второй половины V в. для захоронений начинает использоваться свободное пространство вокруг курганных насыпей конца IV в. В некоторых грунтовых склепах встречаются погребения с материалами как второй половины V в., так и первой половины VI в., но все они по-прежнему совершались в один ярус (не более 5 человек) [подробнее о развитии некрополя во второй половине V – первой половине VI в. см.: 25, с. 128–142].

Во второй половине VI – VII в. площадь памятника еще более сокращается. Грунтовые склепы новых конструкций типов С (рис. 8,*1–3*), D и Е появляются на ранее слабо освоенных участках могильника. Особый интерес представляет склеп № 57/1997 середины – второй половины VI в. (рис. 8,*4–12*), который относится к склепам типа С с более короткими входными ямами и погребальными камерами, чем у ранних склепов групп А и В. Из его заполнения происходят лепные сосуды, которые значительно отличаются от традиционной лепной керамики Алмалык-дере (рис. 8,*9–12*). С учетом исчезновения лепной керамики из

погребального инвентаря на некрополе еще в первой половине VI в., появление таких лепных «реликтов» среди материалов более позднего времени, скорее всего, может указывать на расселение в округе Мангупа в этот период новой группы населения, которое начинает использовать для погребений территорию действующего могильника [9, с. 41].

В течение VII в. население Мангупской крепости продолжает хоронить в центральной части Алмалыкского некрополя. Для погребений используются грунтовые склепы типа D с короткими входными ямами и широкими камерами с низкими потолками (рис. 8,*13–21*). Несколько таких комплексов обнаружены поблизости от кургана № 2 конца IV в. Погребальный инвентарь из них типичен для могильников Юго-Западного Крыма этого периода. Его характеризуют, в первую очередь, так называемые малые пряжки византийского круга. В погребальных комплексах полностью отсутствует керамическая посуда, многоярусность захоронений в склепах также не зафиксирована [подробнее об истории могильника в VII в. см.: 25, с. 153–157].

На сегодняшний день, вопрос окончательного прекращения использования территории могильника Алмалык-дере для погребений местным населением остается открытым. Это связано, прежде всего, с небольшим количеством известных погребальных сооружений VII–VIII вв. на его площади (всего 8). В семи случаях погребения этого периода сопровождались цельнолитыми пряжками с крестообразным щитком либо с щитком, украшенным двумя перекрещивающимися линиями, которые обычно соотносятся с типами II–7–4 и II–8 по А. И. Айбабину и датируются второй половиной / последней четвертью VII – первой половиной VIII в. или несколько позднее (рис. 8,*14–16,18*) [3, с. 45–46, рис. 41,2,8; 6, с. 32, 58]. Из грабительского отвала происходит также единственная бронзовая пряжка второй половины VIII – первой половины IX в., которую надежно можно отнести к изделиям салтовского круга (рис. 8,*22*). С учетом того, что территория памятника остается в целом слабо изученной, ее находка здесь не выглядит случайной. Скорее всего, вплоть до конца VIII в. отдельные участки некрополя продолжали использоваться для захоронений.

Южно-Мангупский могильник (рис. 9). Памятник расположен на одном из водораздельных хребтов (возвышенностей) южного склона Мангупского плато. Долгое время считалось, что здесь функционировали два самостоятельных некрополя – Южный I и Южный II, отделенные между собой неглубокой балкой шириной до 50 м. Однако результаты современных археолого-топографических исследований позволяют рассматривать их в качестве двух крупных участков одного могильника ранневизантийского периода [24, с. 184].

Установление даты возникновения Южно-Мангупского некрополя имеет определенные сложности, связанные, прежде всего, с широкой хронологией наиболее ранних реперных находок из его раскопок. Они в основном представлены деталями ременной гарнитуры (рис. 10,*2–7,9,11–12*) (склепы №№ 5, 7, 12, 20/1996), золотыми бляшками-городками (рис. 10,*14*) (склеп № 10/1996), полихромными бусами (рис. 10,*18*) (склеп № 12/1996), которые в целом датируются в пределах второй половины VI – первой половины VII в. [25, с. 149–151; о бусах также см.: 20, с. 197, рис. 4,1]. Все ранние грунтовые склепы могильника использовались для многократных захоронений. К примеру, в склепе № 20/1996 были погребены 4 индивида, в склепе № 5/1996 – 6, в склепе № 7/1996 – 7, в склепе № 12/1996 – 9, в склепе № 10/1996 – всего 13 человек. Это позволяет считать датирующими для данной группы погребальных сооружений на памятнике херсоно-византийские фоллисы времени императора Ираклия (610–641), обнаруженные в склепах №№ 10/1996 и 12/1996 (рис. 10,*15,17*), которые, вполне возможно, маркируют верхнюю границу их использования [подробнее см.: 35, с. 165–168, рис. 2,1; 3,1]. Особенно этот вывод правомерен для фоллиса из склепа № 10/1996 (рис. 10,*15*), который, ввиду его хорошей сохранности, мог попасть в состав погребального инвентаря уже вскоре после своего выпуска. Напротив, невозможно отнести к числу хроноиндикаторов раннего этапа функционирования некрополя бронзовую монету императора Льва I (457–474) (рис. 10,*23*), найденную случайно при осмотре грабительских отвалов на памятнике в 2000 г. вместе с византийскими пряжками с В-образной рамкой второй половины VI – первой половины VII в. (рис. 10,*21–22*) [25, с. 151]. Таким образом, Южно-Мангупский могильник, скорее всего, появляется во второй половине VI в., а его ранние грунтовые склепы продолжают использоваться для многократных захоронений еще в первой половине VII в.

На основании результатов раскопок памятника очевидно, что основной период его функционирования приходится на VII–VIII вв. Для определения верхней границы использования могильника наиболее важными представляются материалы исследований склепов №№ 8/1989, 9б/1996 и 22/2018 (рис. 11–12).

В склепе № 8/1989 зафиксированы три яруса погребений (рис. 11). Нижний из них сформировался на протяжении второй половины VII – начала VIII в. Средний ярус составляют погребения с пряжками уже упомянутого типа II–7–4 с крестовидным щитком второй половины / последней четверти VII – первой половины VIII в. и варианта II–1 второй половины VIII – IX в. (рис. 11,*3–4*), по классификации А. И. Айбабина 1977 г. [6, с. 65, рис. 32,10]. Хроноиндикатором здесь, вероятно, также выступает и серьга-лунница (рис. 11,*2*), которая могла быть простой копией изделий, мода на которые распространилась в Крыму в VIII в. [46, с. 222]. Данный горизонт в склепе был перекрыт еще одним ярусом, представленным одним взрослым погребением и детским захоронением в нише. К сожалению, находки в них отсутствуют. В склепе № 9а/1996 на полу погребальной камеры зачищен скелет с пряжкой типа «Эски-Кермен» второй половины VIII – первой половины IX в. и серьгой с более широкой датировкой (рис. 12,*5–7*) [6, с. 61]. Он перекрыт сохранившимися *in situ* погребениями верхнего яруса, что позволяет говорить о длительном использовании погребального сооружения, вплоть до второй половины VIII или даже начала IX в. Грунтовой склеп № 22/2018 принадлежит к числу сильно ограбленных, но из слоя грабительского перекопа в погребальной камере извлечен бубенчик второго варианта типа 4–1 второй половины VIII – IX в. (рис. 12,*2*), по материалам раскопок могильника Скалистое [8, с. 188]. Остальные находки имеют более широкую хронологию, но не противоречат датировке бубенчика (рис. 12,*3–4*).

Таким образом, несмотря на значительную степень ограбленности Южно-Мангупского некрополя, материалы исследований позволяют отнести верхнюю границу его функционирования к началу – первой половине IX в.

Адым-Чокракский могильник (рис. 13). Расположен на северо-восточном склоне г. Белой (возвышенность Байрам-Тере или высота 396) в Адым-Чокракской долине, приблизительно в 550 м к югу от Южно-Мангупского некрополя (рис. 1; 13). Археологически изучен хуже всего среди раннесредневековых некрополей округи Мангупского городища. К тому же, в 1990-е гг. был полностью разграблен. В результате, до сих пор на памятнике не обнаружено ни одного погребения *in situ*.

Дата появления могильника остается слабо обоснованной археологическими данными. Однако, в связи с отсутствием здесь находок, надежно датированных второй половиной VI в., и явного преобладания среди них артефактов с общей хронологией в пределах VII–VIII вв. и даже позднее (рис. 14), вероятнее всего, он начал функционировать в начале VII в., то есть позднее других некрополей на периферии Мангупа-Дороса. Как и на Южно-Мангупском могильнике, здесь совершались погребения в грунтовых склепах с использованием практики многократных и многоярусных захоронений. В отдельных случаях зафиксировано до 24 погребений в одном склепе [подробнее о могильнике см.: 24, с. 186; 25, с. 47–49, 160–168].

Основные трудности с установлением верхней границы использования Адым-Чокракского некрополя связаны с нарушением стратиграфии в склепах и отсутствием находок *in situ* в результате современного ограбления памятника. Из-за этого большинство поздних хроноиндикаторов из его раскопок можно датировать лишь в широких пределах второй половины VIII – первой половины IX в. В особенности это касается поясных пряжек и женских украшений, часть которых могла использоваться и в более раннее время (рис. 14,*34–41*). Важной новацией в составе погребального инвентаря могильника является появление деталей одежды, входящих в круг салтово-маяцких древностей. Среди таких находок особо отметим элементы салтовских поясных наборов второй половины VIII – IX в. – подковообразные поясные накладки с растительным декором, находящие аналогии среди материалов Нетайловского могильника на Северском Донце (рис. 14,*31–32*) [25, с. 167], и небольшие пряжки, близкие подобным изделиям типа I–1 из склепа № 391 в Скалистом (рис. 14,*29–30*) [2, с. 232, рис. 4,5–6]. Это позволяет предполагать прекращение функционирования некрополя Адым-Чокрак только в начале – первой половине IX в.

Адым-Чокракский могильник резко выделяется среди всех других некрополей округи Мангупа высокой степенью христианизации хоронившего здесь населения. Помимо крестообразных накладок и крестов-тельников (рис. 15,*8–10*), изображений крестов на накладках поясных геральдических «воинских» наборов (рис. 15,*15*), щитках перстней (рис. 15,*12*) и стенках погребальных сооружений (рис. 15,*16–19*), особо отметим медальон со стеклянной вставкой (рис. 15,*13*), подобный обнаруженному в составе ожерелья второй половины VII в. из склепа № 257 могильника Эски-Кермен, на поверхность которого могло наноситься изображение христианского святого или креста [44, с. 284, рис. 3; 4,4]. На одном из перстней выгравировано изображение птицы, сидящей на ветке, символизирующее в раннехристианской иконографии Дух святой и обряд крещения (рис. 15,*11*). На щитке цельнолитой бронзовой византийской пряжки из склепа № 2, по всей видимости, изображен Лев, идущий под звездой (рис. 15,*14*). Данный христианский символ получил широкое распространение в Византии в VI–VII вв. и ассоциировался с оберегающей силой Господа. К тому же он традиционно использовался в парадном костюме замужних женщин у крымских готов страны Дори, будучи помещен в центре больших серебряных поясных пряжек [45, с. 74–75].

Отдельные примеры использования христианской символики (нательные кресты, вставки перстней, изображения крестов на керамике, предметах одежды и стенах склепов) также известны в погребальных сооружениях VI–VIII вв. Алмалыкского (рис. 15,*1–7*) и Каралезского (рис. 15,*20)* могильников. Однако их число даже суммарно значительно уступает выявленным в ходе раскопок некрополя Адым-Чокрак.

Каралезский могильник (рис. 16). Расположен в нижней части западного склона горного массива Чердаклы-баир, обращенного в сторону Каралезской долины и балки Джан-дере у северных отрогов Мангупского плато. Связь памятника, как и многих других средневековых объектов в его округе, с историей Мангупской крепости бесспорна. Надо лишь признать, что только в последнее время они стали предметов целенаправленных научных исследований [11].

Каралезский некрополь исследовался В. А. Сидоренко в 1984–1985 гг., в ходе охранно-археологических работ при сооружении водохранилища на окраине современного с. Ходжа-Сала. К сожалению, материалы этих раскопок почти не опубликованы. Более того, некоторая информация автора раскопок об открытых на его площади погребальных конструкциях вызывает сомнения. К примеру, в опубликованном кратком сообщении о памятнике В. А. Сидоренко отмечает здесь детское погребение в амфоре V – первой половины VI в., а также наличие фрагментов подобных амфор в ранних склепах могильника [38, с. 115]. Однако в отчетных материалах раскопок за 1984–1985 гг. такие данные отсутствуют [39; 40].

В целом современные археолого-топографические исследования позволяют предполагать, что Каралез является вторым после Алмалык-дере наиболее крупным некрополем среди всех других известных раннесредневековых могильников округи Мангупа-Дороса [25, с. 49–50]. Однако он почти не исследовался широкими площадями, а все раскопы 1984–1985 гг. были сосредоточены лишь в его центральной и на небольшом участке в южной части памятника. Это позволяет сделать вывод о том, что все наши современные представления об общей хронологии, периодизации и размерах некрополя имеют пока лишь самый предварительный характер.

Судя по материалам раскопок, основной период использования некрополя относится к VII–VIII вв., когда здесь вырубались грунтовые склепы группы С и, реже, Е с характерным погребальным инвентарем [подробнее: 26, с. 209–211, рис. 2]. В то же время нужно отметить наличие на территории памятника подбойных могил, откуда были извлечены пряжки с овальными рамками и почковидными щитками первой половины VI в. (рис. 17,*1–2*), и грунтовых склепов типа В1 второй половины V – первой половины VI в., аналогичных исследованным на могильнике Алмалык-дере (рис. 17,*9–10*). Таким образом, есть основания предполагать появление наиболее ранних захоронений на его площади уже в VI в., скорее всего, ближе к середине этого столетия. Как нам представляется, Каралезский некрополь, наряду

с Южно-Мангупским, возникает в период строительства на Мангупском плато большой византийской крепости и начала активного освоения Византийской империей ее округи.

Верхняя граница функционирования могильника Каралез, по всей видимости, может быть отнесена к концу VIII – началу / первой половине IX в. На это указывают характерные находки из раскопок, в частности, склепа № 8/1984 этого времени – две небольшие цельнолитые пряжки типов II–7–4 и II–8 по А. И. Айбабину (рис. 17,*7–8*) [3, с. 45, 46, рис. 41,2,8], серьга с подвеской из стеклянной бусины (рис. 17,*5*) [4, с. 280; 6, рис. 13,10; 17,4], бронзовый неорнаментированный бубенчик варианта 4–1 (рис. 17,*6*) [8, с. 188] и салтовская поясная накладка (рис. 17,*4*). К числу поздних хроноиндикаторов в истории некрополя можно отнести и бронзовую серьгу-лунницу типа II по Э. А. Хайрединовой второй половины VIII – первой половины IX в. с тисненым изображением павлина с распущенным хвостом на щитке (рис. 17,*3*). Как и в случае с уже упоминавшейся пряжкой с изображением идущего Льва под звездой из Адым-Чокракского могильника, такие лунницы изготавливались по византийским образцам в Херсоне и были распространены среди готов страны Дори в VIII–IX вв. [46, с. 221–223; ср.: 45, с. 75].

Таким образом, общая хронология Каралезского могильника в целом выглядит почти синхронной Южно-Мангупскому и, с определенными оговорками, Адым-Чокракскому некрополям на южной периферии Мангупского городища. Однако, по архитектуре грунтовых склепов, население, оставившее его, имеет больше общего с общиной, продолжавшей производить захоронения на территории Алмалык-дере.

Исторический контекст появления и функционирования могильников округи Мангупа-Дороса. Проведенный анализ результатов изучения ранних некрополей в округе Мангупа позволяет уточнить хронологию памятников и синхронизировать основные этапы их развития с историей крупнейшей византийской крепости в Горном Крыму.

Прежде всего, с учетом местоположения раннесредневековых могильников Мангупского городища, максимально приближенных к трассам древних дорог, ведущих к нему, а также в связи с отсутствием в его округе сложившихся поселенческих структур, равно как и достоверного раннего некрополя на самом Мангупском плато, нет оснований сомневаться в том, что все они вплоть до начала – первой половины IX в. являлись основным местом захоронений жителей Мангупа-Дороса. Данное заключение позволяет окончательно отказаться от поиска крайне сомнительного некрополя позднеримского времени на месте Лагерной балки в верховьях ущелья Гамам-дере Мангупского плато, не имеющего до сих пор никаких материальных подтверждений на местности [12, с. 111–112; ср.: 25, с. 17]. В то же время, как уже говорилось, оно не исключает существования отдельного раннехристианского могильника вблизи Большой трехнефной базилики ввиду обычной практики совершения таких погребений уже в ранневизантийское время. Однако эта гипотеза может стать предметом обсуждения лишь при условии возобновления раскопок в округе храмового комплекса.

Исторические обстоятельства появления каждого из известных ранних некрополей Мангупской крепости были различными. Но во всех случаях речь идет о миграциях извне и расселении в этой части Крымских предгорий значительных в количественном отношении популяций. Следует также обратить внимание на зафиксированный в результате изучения мангупских могильников факт постоянной неоднородности оставившего их населения. И дело не только в материалах исследований лепной керамики из раскопок Алмалык-дере, о чем уже много говорилось. Показательной в этой связи выглядит ситуация в период строительства и раннего этапа истории большой византийской крепости на Мангупском плато, когда в ее округе одновременно функционировали четыре некрополя, на площади которых хоронили людей, принадлежавших, очевидно, разным группам населения, но связанных, тем не менее, службой в составе гарнизона этой крепости. Как показывают данные археологии, при всей близости погребального инвентаря и архитектуры погребальных сооружений эти четыре общины имели и свои особенности погребальной практики. К примеру, популяции, использовавшие Адым-Чокракский и Южно-Мангупский могильники, всегда практиковали многократные и многоярусные погребения в грунтовых склепах-усыпальницах, в то время как общины Алмалык-дере и Каралеза сохраняли традиционный прием одноярус-

ности захоронений. Как представляется, это чрезвычайно важное наблюдение может дать в дальнейшем широкие возможности для понимания большой научной проблемы, связанной с организацией службы и структурой гарнизонов византийских крепостей в Горном Крыму, и не только.

Наиболее ранний из раннесредневековых некрополей округи Мангупа – могильник Алмалык-дере, возникает еще в конце IV в. или немногим ранее, в результате миграции отдельной крупной популяции населения. Как показывает наш анализ, она не была однородной и включала группы людей, практиковавших уникальный для Юго-Западного Крыма подкурганный обряд захоронений с кольцевыми ровиками, достаточно редкие погребения в склепах особой конструкции с длинными входными ямами со множеством ступеней и в Т-образных катакомбах. У нас нет окончательного ответа на вопросы, откуда непосредственно пришло это население, как его лучше соотнести с известными в письменных источниках этнонимами для обозначения жителей горной части полуострова в позднеримское и ранневизантийское время (готами, аланами или др.), насколько явной была связь между популяцией Алмалык-дере и носителями Нейзацкой археологической культуры в Предгорном Крыму. Однако наиболее вероятно, первоначальным районом обитания этих мигрантов был Северный Кавказ либо Подонье, откуда их вытеснили пришедшие туда в 370-е гг. гуннские племена.

Установление достаточно узкой даты появления Алмалыкского могильника создает значительные трудности для синхронизации полученных данных с историей раннего поселения на Мангупском плато. Проблема заключается в том, что результаты современных раскопок на территории городища ясно указывают на начало формирования культурного слоя здесь еще в III в. н.э., скорее всего, во второй половине столетия [13, с. 97; ср. также: 48]. К сожалению, из вещественного комплекса находок этого времени систематизирован лишь амфорный материал [см., например: 17]. Однако в любом случае возникает проблема, где хоронили жители Мангупского поселения, начиная с III в. и вплоть до конца IV в., когда на юго-восточном склоне Мангупа начал функционировать некрополь Алмалык-дере. На наш взгляд, ее решение лежит как в методической плоскости, так и в недостаточной систематизации и опубликованности материалов раскопок Мангупского поселения докрепостного периода его истории. Либо мы себе слабо представляем раннюю историю поселенческой структуры на Мангупском плато, либо Алмалыкский могильник появляется ранее, чем это сейчас обосновано имеющимися данными археологии. Таким образом, дальнейшие исследования в этом плане представляются необходимыми.

В конце IV – первой половине VI в. община, хоронившая на Алмалык-дере, являлась единственной в истории Мангупа. В целом, даже несмотря на прекращение захоронений на северном участке некрополя, отмечается его эволюционное развитие на протяжении всего этого периода времени. Мы еще мало что знаем о жизни поселения на Мангупском плато в V в. Но к началу VI в., то есть накануне строительства здесь крупной крепости, на территории *Понтийского города Dory*, по Присциану (около 500 – после 530 гг.) [55, p. 41–42], уже существовали каменные дома с застекленными окнами; причем это стекло имело египетское происхождение [36, с. 393–394]. Это несомненное археологическое указание на крупные размеры и интенсивный характер развития поселения и его могильника в конце V – начале VI в.

Возведение византийской крепости на Мангупе является рубежным событием в истории памятника и некрополей его округи. Скорее всего, оно произошло в период 550–565 гг. [29]. Это привело к увеличению населения городища в несколько раз, о чем свидетельствует появление на территории прилегающих к Мангупскому плато Адым-Чокракской и Каралезской долин двух новых могильников – Южно-Мангупского и Каралезского, на которых хоронили переселившиеся сюда солдаты гарнизона крепости и члены их семей. При этом мы не исключаем возможности более ранней даты для начала функционирования некрополя в Каралезе, например, уже в первой половине VI в., но для этого нужны более основательные данные. Могильник в балке Алмалык-дере также продолжал использоваться его общиной. Изменения в ее составе, скорее всего, были, но незначительные. На это указывает уже отмеченное возрождение практики использования лепной посуды среди погребального инвентаря.

Сложный состав гарнизона крепости, включавшего не менее трех групп мигрантов, безусловно, являлся результатом целенаправленной политики Византии по укреплению своих позиций в Горном Крыму и переселению в регион воинских контингентов из различных уголков империи. Трудно сейчас сказать, откуда на Мангуп пришли люди, которые хоронили на его новых могильниках – из других регионов византийской Таврики или же они имели иное (некрымское) происхождение [о такой модели переселенческой политики империи в эпоху Юстиниана I (527–565), после успешных войн в Италии и на Дунае, см., например: 18]. Главное заключается в том, что все некрополи округи городища, начиная со второй половины VI в., были связаны с отдельными общинами крепости, детальную историю которых еще предстоит выяснить.

Материалы раскопок некрополей Мангупской крепости отмечают медленный и длительный характер христианизации местного населения, несмотря на возведение в ее центральной части еще в VI в. большой трехнефной базилики [32, с. 262–263]. Поэтому в этой связи обращает внимание высокая степень христианизации населения, оставившего Адым-Чокракский могильник. Этот некрополь, появившийся, скорее всего, в начале VII в., то есть позднее других могильников Мангупа-Дороса, использовался для захоронений как христианами, так и язычниками. Его местоположение, в некотором отдалении от крепости и уже сложившихся мест погребений более ранних по времени появления общин Алмалык-дере, Каралеза и на южном склоне Мангупского плато, также выглядит необычным. Однако, как представляется, с учетом отсутствия надежных свидетельств существования поселения, связанного с этим некрополем [24, с. 187–188], такой выбор, на сегодняшний день, лучше объяснять наличием здесь горизонтов плотных суглинков, в которых обычно вырубались входные ямы и погребальные камеры грунтовых склепов [25, с. 42, 199].

В течение VII в. и большей части VIII в. все известные некрополи округи Мангупа функционировали одновременно. Скорее всего, к концу этого периода прекращает использоваться Алмалык-дере, однако на других могильниках захоронения фиксируются до начала – первой половины IX в. Несмотря на отдельные находки предметов одежды и украшений салтово-маяцкого круга, материалы раскопок некрополей крепости, равно как и исследований на ее территории, не содержат каких-либо данных о значительных изменениях в этническом составе, образе жизни и занятиях населения в период захвата Дороса хазарами около 786–787 гг. и кратковременного пребывания здесь их гарнизона. На протяжении VIII – первой половины IX в. Мангупская крепость продолжала сохранять свое значение наиболее важного военно-политического, экономического и религиозного центра Горного Крыма [подробнее об этом периоде в истории городища см.: 30].

Вскоре после включения городища в состав византийской фемы (около 841 г.) раннесредневековые некрополи его округи были окончательно заброшены. Эти события не следует объяснять исключительно событиями военно-политической истории региона. Скорее, решающим фактором прекращения использования этих могильников является завершение длительного процесса христианизации жителей Горного Крыма и его центральной крепости. Показательным в этой связи выглядит факт появления во второй половине IX – начале X в. в непосредственной близости от уже заброшенных ранних некрополей Мангупа-Дороса новых крупных христианских культовых объектов – «базилики Маркевича» к западу от некрополя Адым-Чокрак, крестообразного храма в верховьях балки Алмалык-дере и пещерной церкви Кильсе-Тубю вблизи Каралезского некрополя [32, с. 264, рис. 2,8; 3; 31]. Тогда же в округе церкви Кильсе-Тубю и расположенной рядом Каралезской базилики начинает функционировать первое надежно датированное фемным периодом времени византийское поселение [27].

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть, что выполненная в настоящем исследовании синхронизация основных этапов истории Мангупа и известных в его округе могильников конца IV – первой половины IX в. является самым надежным аргументом, чтобы рассматривать их в качестве основных некрополей византийской крепости Дорос в этот период времени.

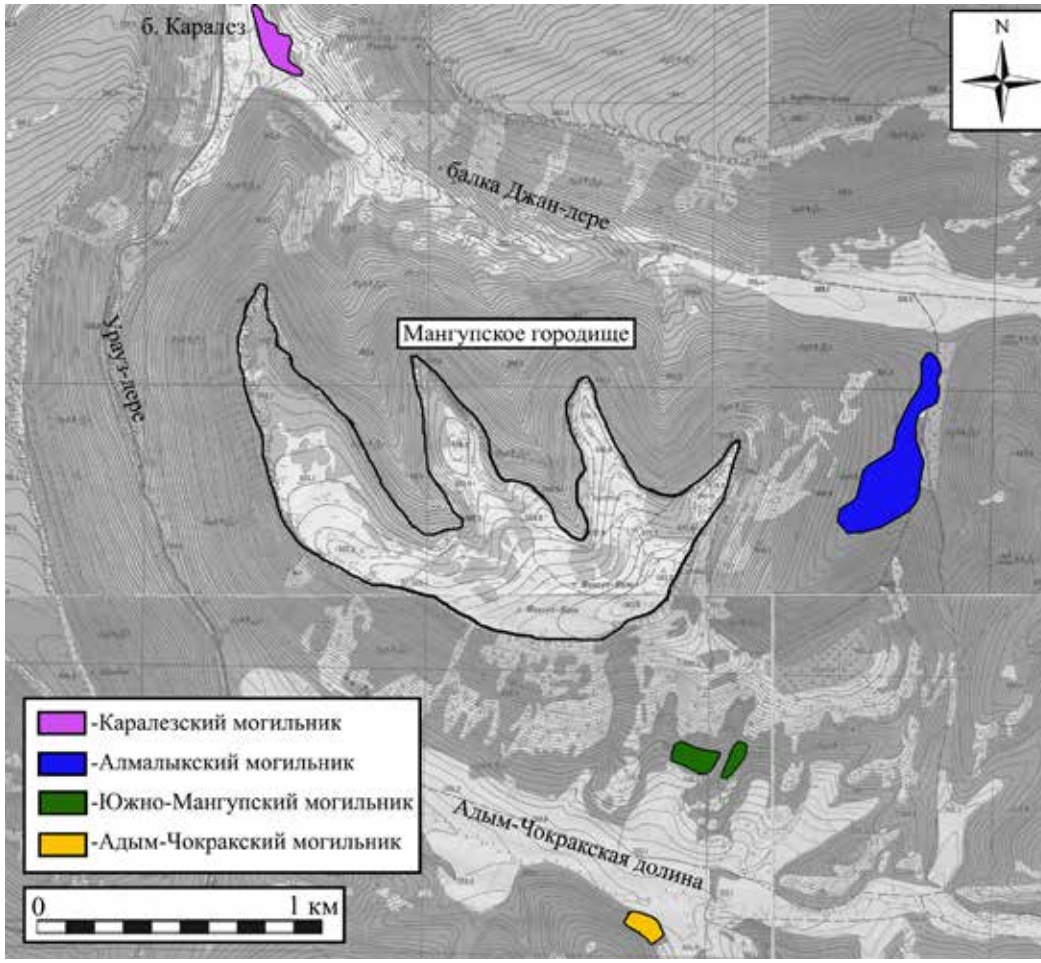


Рис. 1. Раннесредневековые могильники округи Мангупского городища

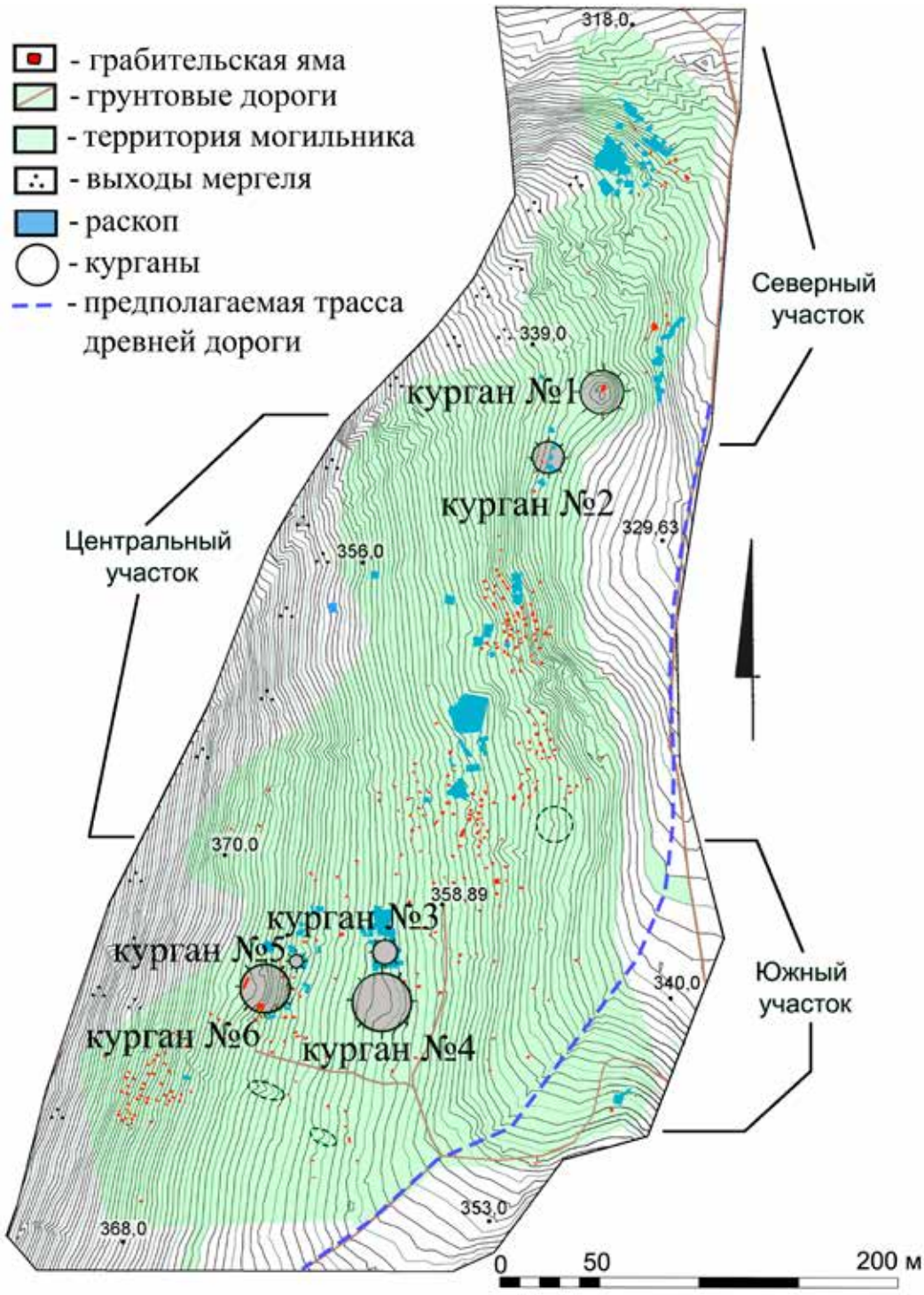


Рис. 2. Могильник Алмалык-дере. Общий план

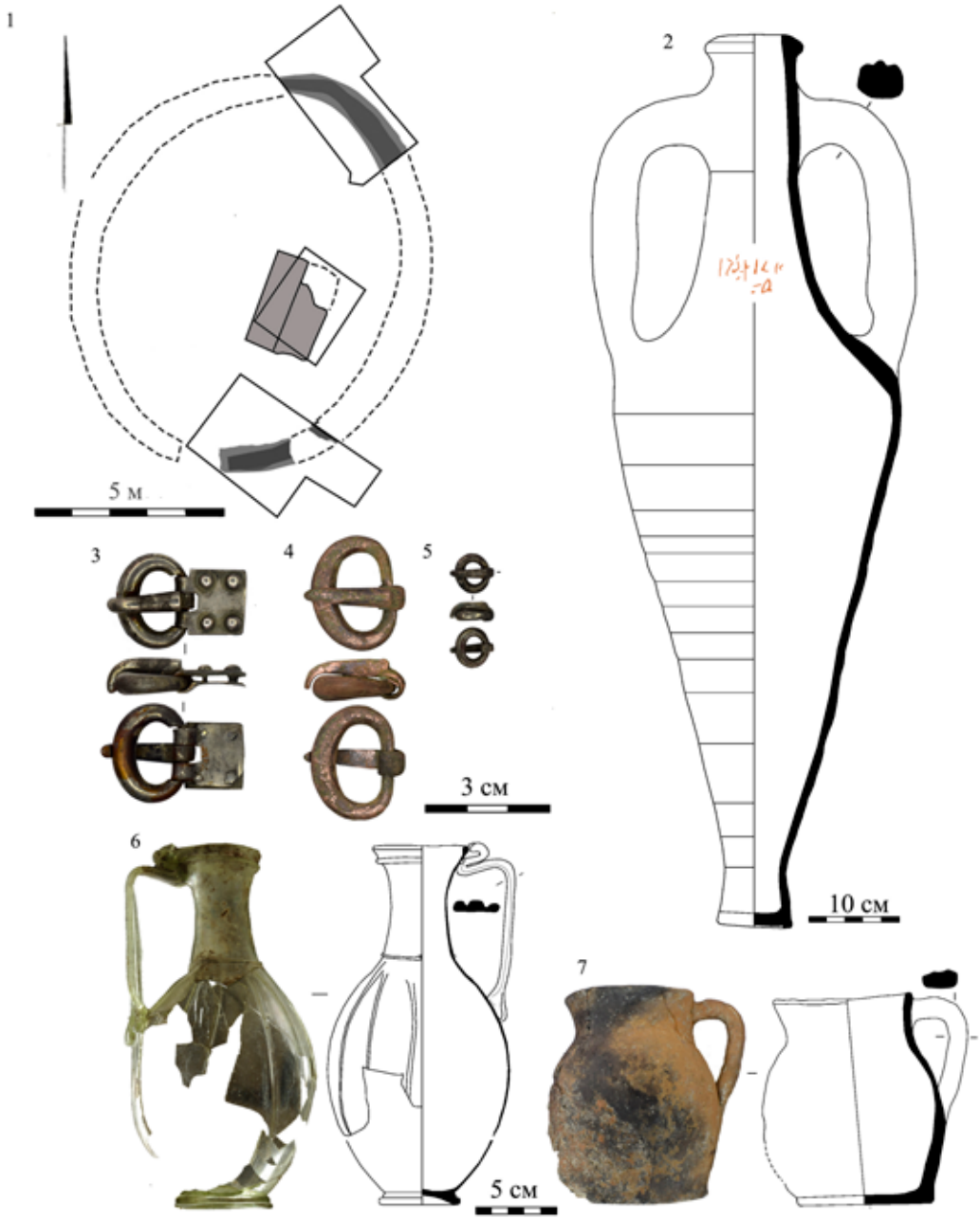


Рис. 3. Могильник Алмалык-дере. Курган № 2: *1* – общий план; *2–7* – датирующие находки (3 – белый металл; 4-5 – медный сплав; 2, 7 – керамика; 6 – стекло)

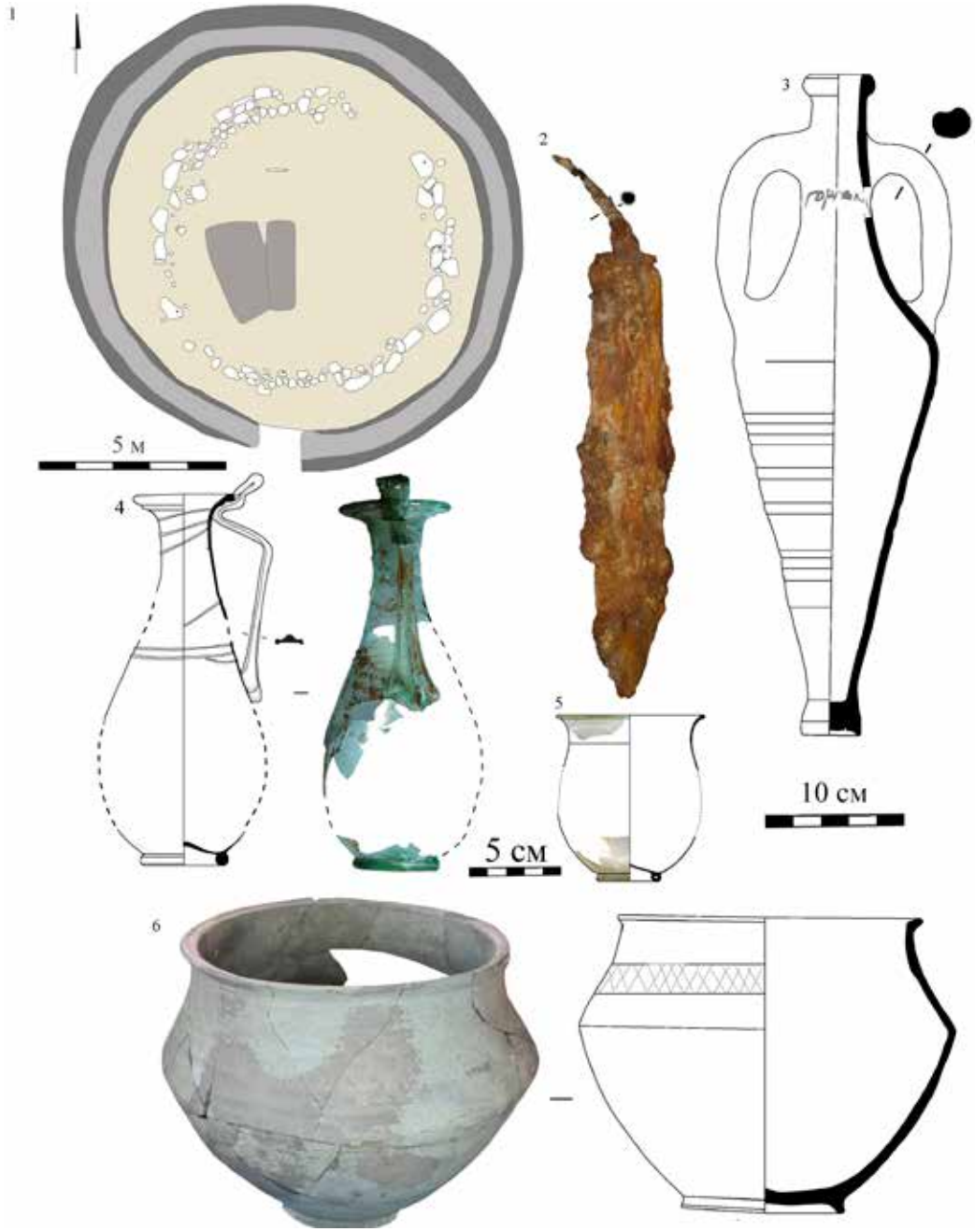


Рис. 4. Могильник Алмалык-дере. Курган № 3: *1* – общий план; *2–6* – датирующие находки (2 – железо; 3, 6 – керамика; 4–5 – стекло)

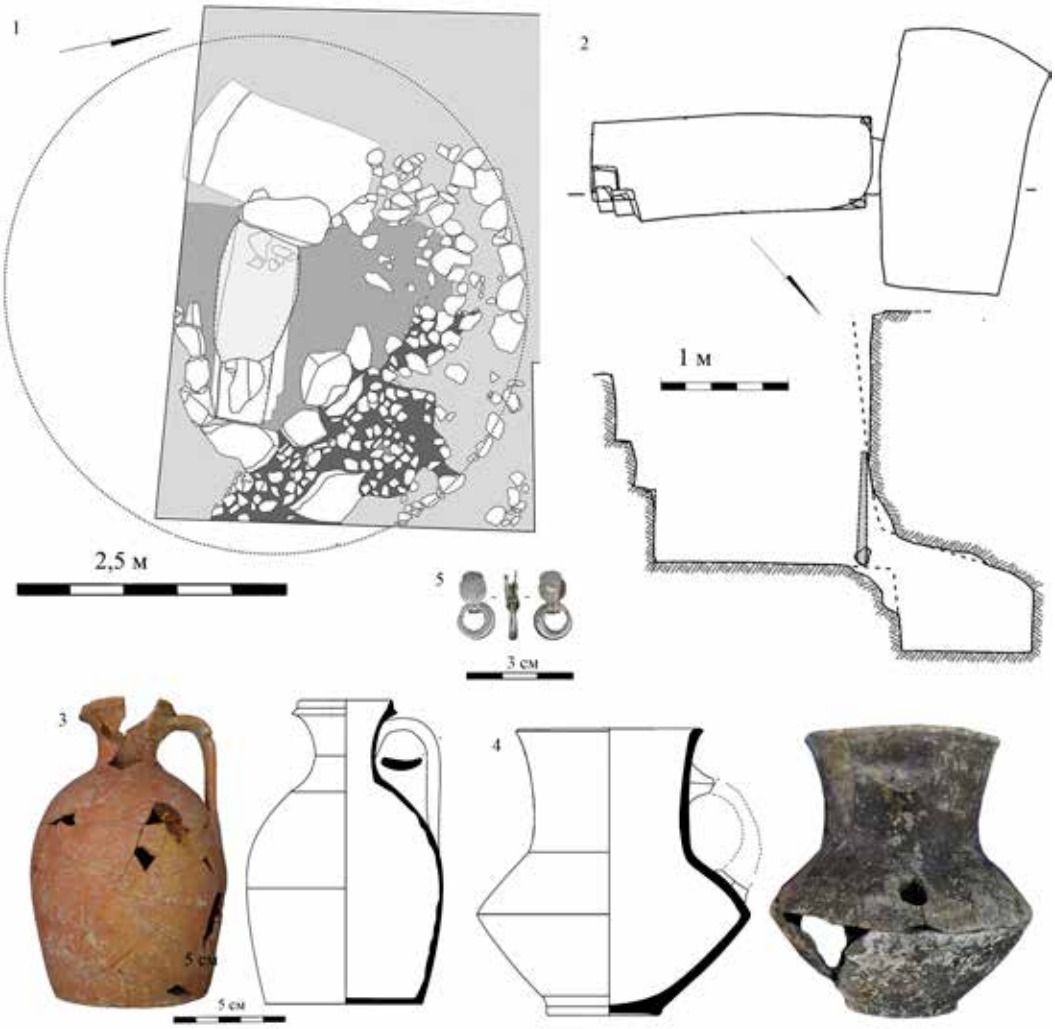


Рис. 5. Могильник Алмалык-дере. Курган № 5: *1* – общий план; *2* – план и разрез Т-образной могилы-катакомбы; *3–5* – датирующие находки (3–4 – керамика; 5 – белый металл)

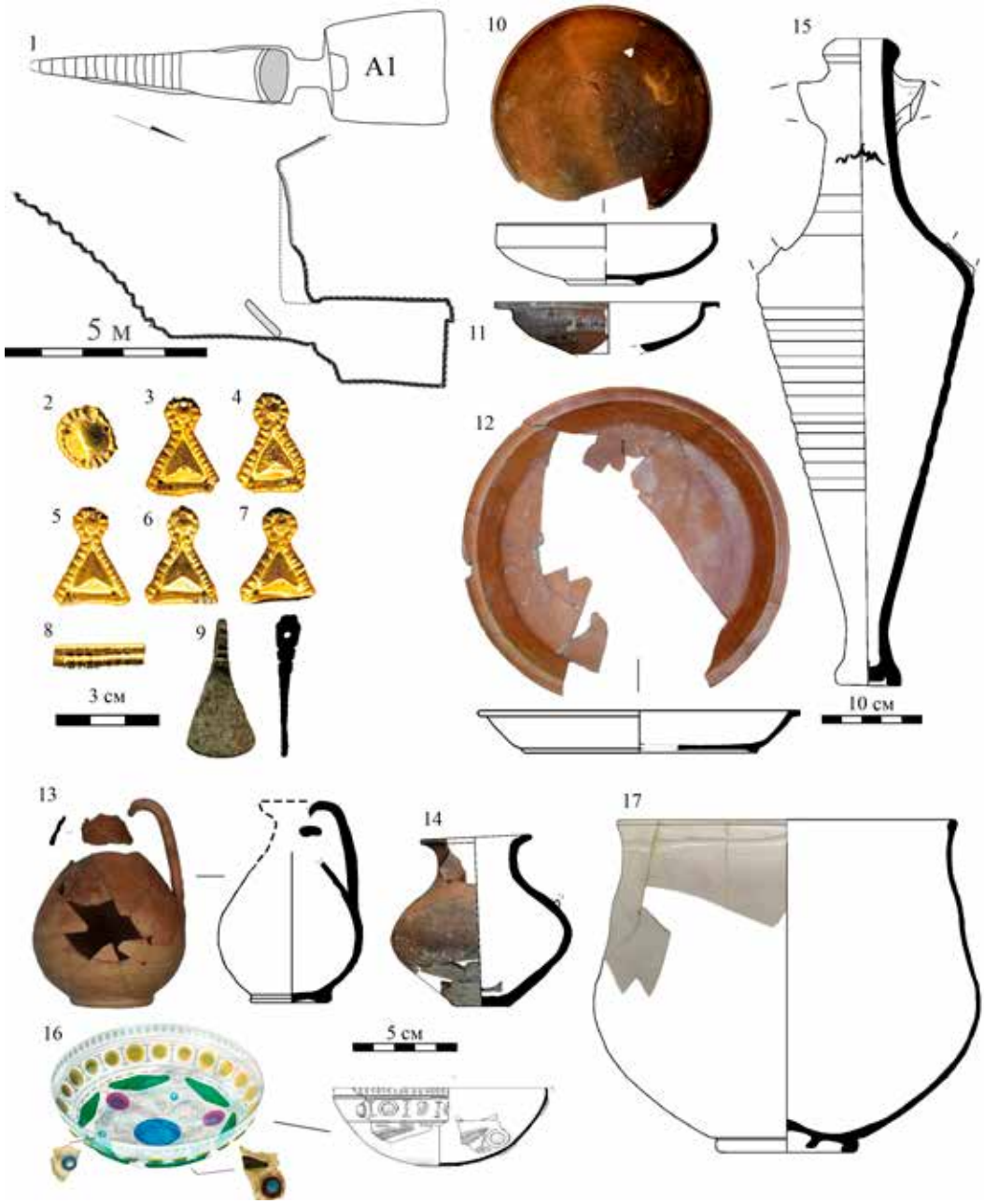


Рис. 6. Могильник Алмалык-дере. Склеп № 2/1996 типа А1: 1 – план и разрез; 2–17 – датирующие находки (2–8 – желтый металл; 9 – медный сплав; 10–15 – керамика; 16–17 – стекло)

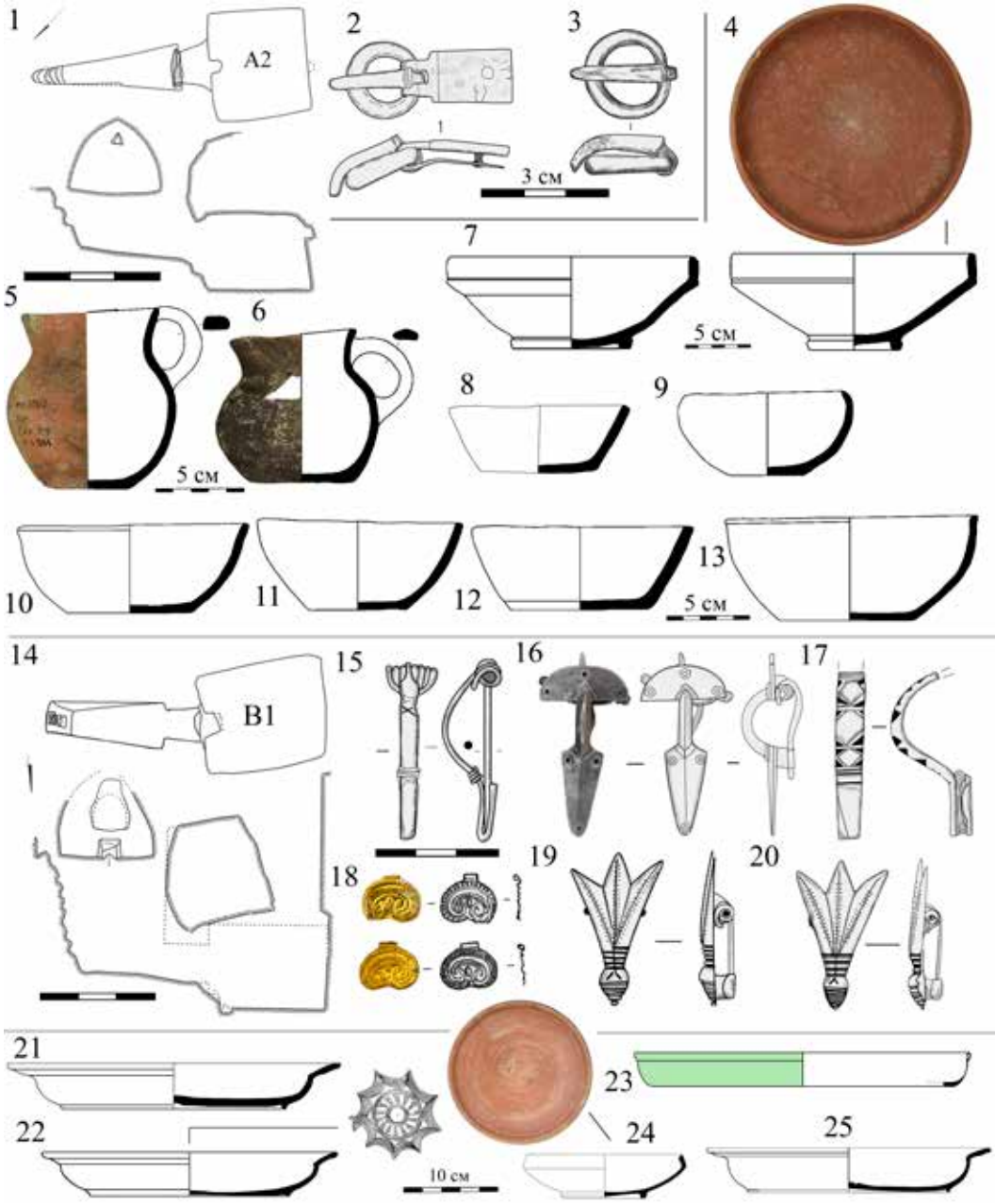


Рис. 7. Могильник Алмалык-дере. Склеп № 160/2003 типа А2: 1 – план и разрез; 2–13 – датирующие находки. Склеп № 189/2007 типа В1: 14 – план и разрез; 15–25 – датирующие находки (18 – желтый металл; 16, 19–20 – белый металл; 2–3, 15, 17 – медный сплав; 4–13, 21–22, 24–25 – керамика; 23 – стекло)

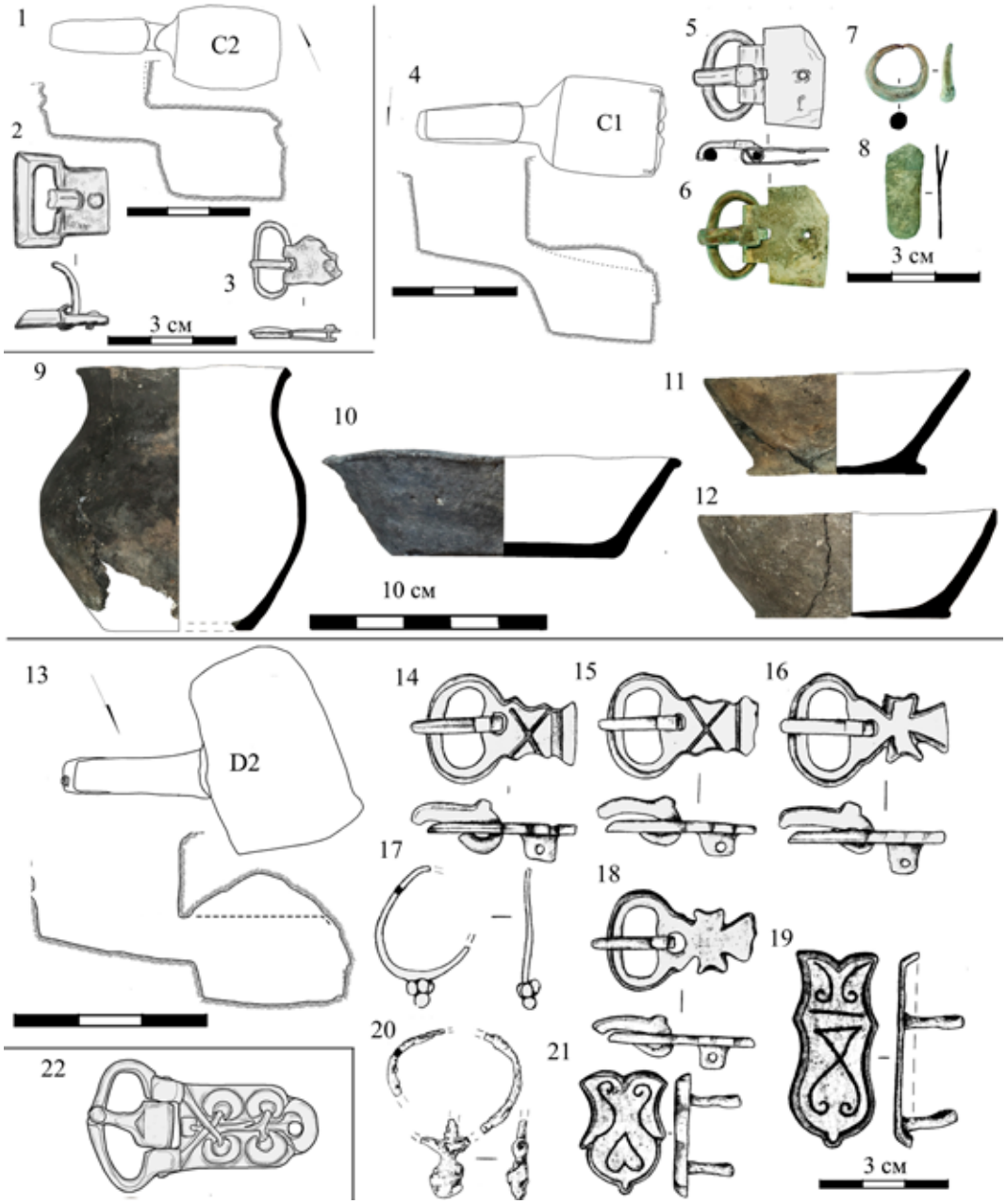


Рис. 8. Могильник Алмалык-дере. Склеп № 76/1999 типа С2: *1* – план и разрез; *2–3* – датирующие находки. Склеп № 57/1997 типа С1: *4* – план и разрез; *5–12* – датирующие находки. Склеп № 177/2005 типа D1: *13* – план и разрез; *14–21* – датирующие находки. *22* –Случайная находка (2, 5–8, 17, 19, 21 – белый металл; 3, 15–16, 18, 20, 22 – медный сплав; 9–12 – керамика)

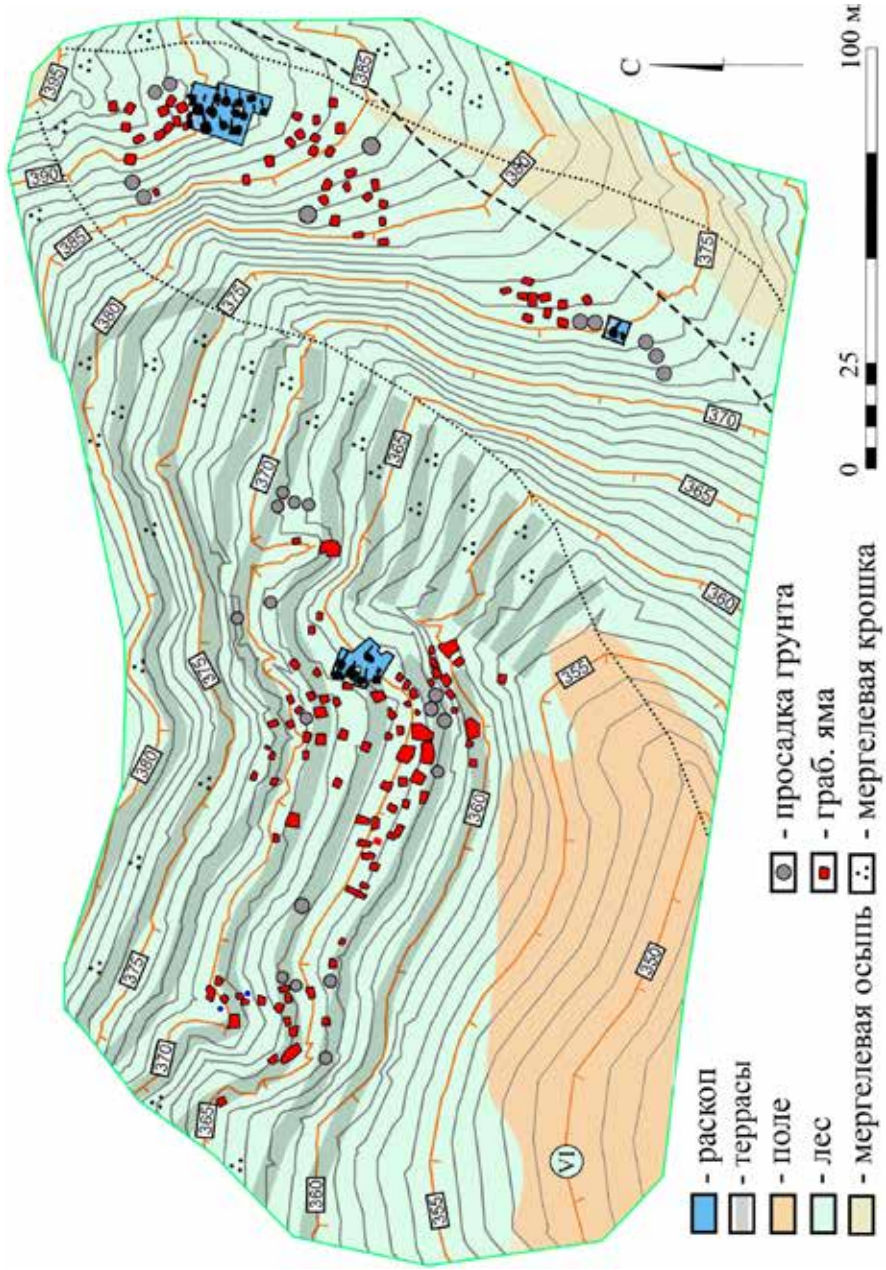


Рис. 9. Южно-Мангупский могильник. Общий план

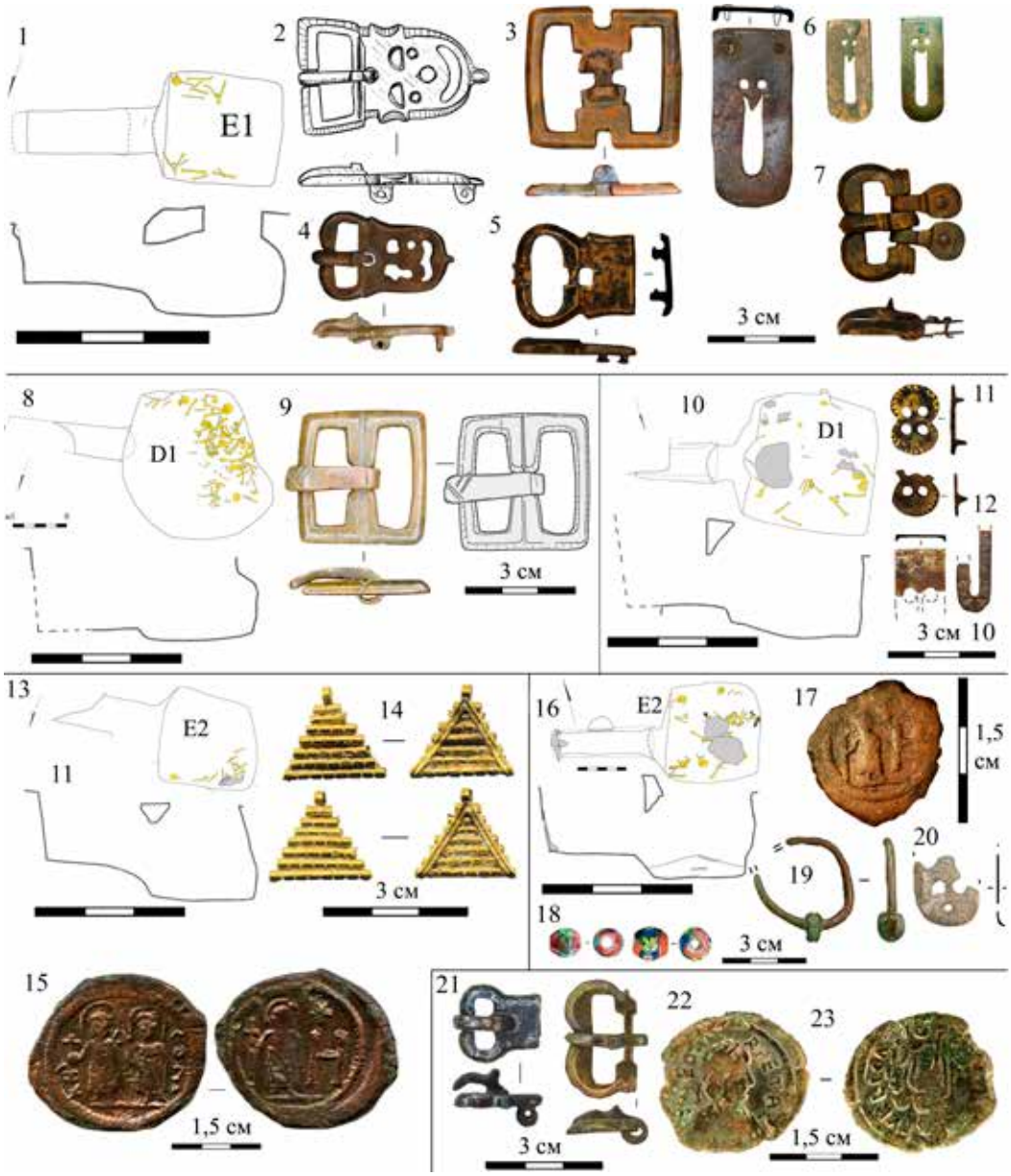


Рис. 10. Южно-Мангупский могильник. Склеп № 5/1996 типа E1: *1* – план и разрез; *2–7* – датирующие находки. Склеп № 7/1996 типа D1: *8* – план и разрез; *9* – датирующие находки. Склеп № 20/1996 типа D1: *10* – план и разрез; *11–12* – датирующие находки. Склеп № 10/1996 типа E2: *13* – план и разрез; *14–15* – датирующие находки. Склеп № 12/1996 типа E2: *16* – план и разрез; *17–20* – датирующие находки. *21–23* – Случайные находки (14 – желтый металл; 20 – белый металл; 2–7, 9, 11–12, 17, 19, 21–23 – медный сплав)

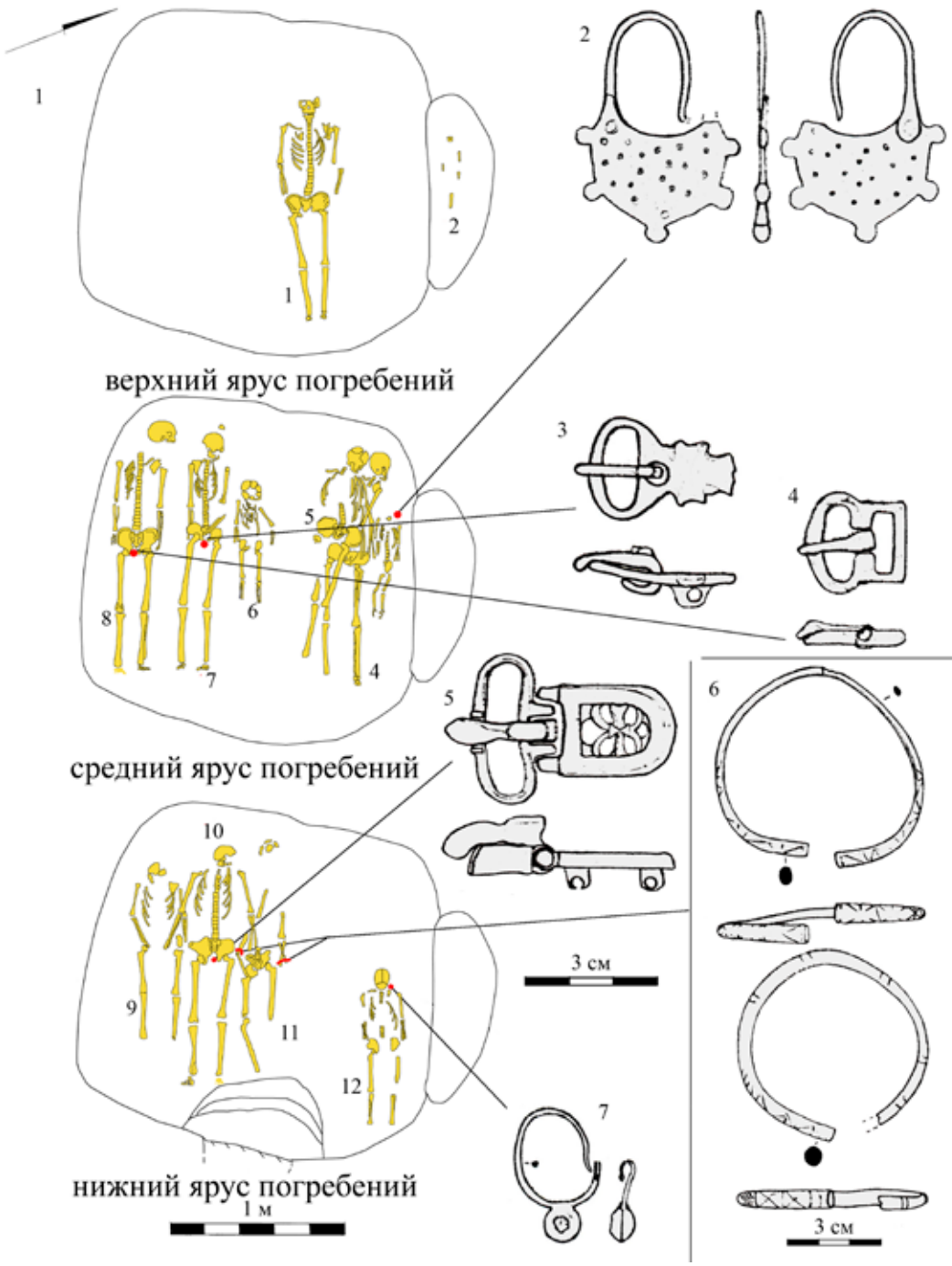


Рис. 11. Южно-Мангупский могильник. Склеп № 8/1989: *1* – зафиксированные ярусы погребений; *2–7* – датирующие находки (медный сплав)

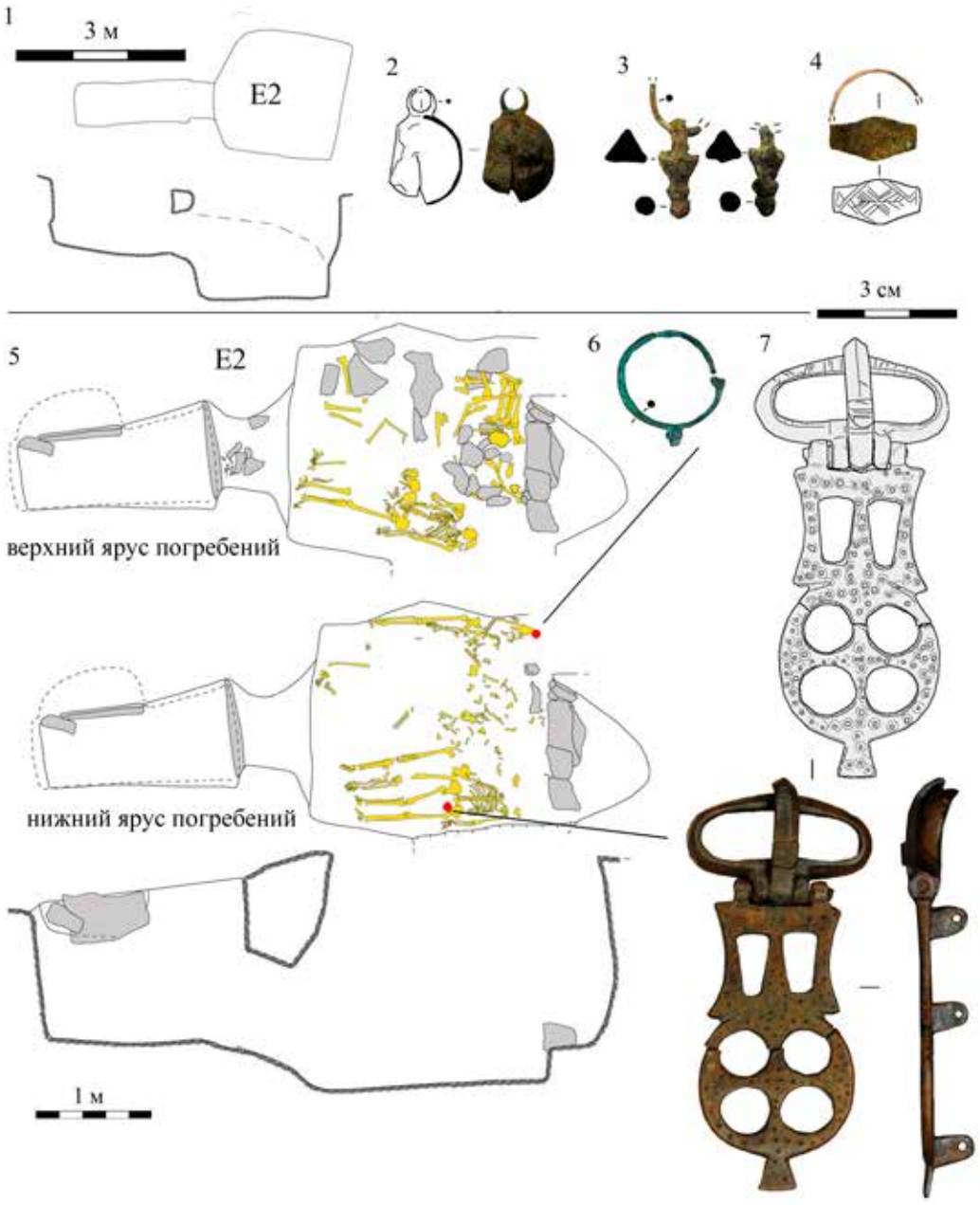


Рис. 12. Южно-Мангупский могильник. Склеп № 22/2018: *1* – план и разрез; *2–4* – датирующие находки. Склеп № 9а/1996: *5* – план и разрез; *6–7* – датирующие находки (6– белый металл; 2–4, 7 – медный сплав)

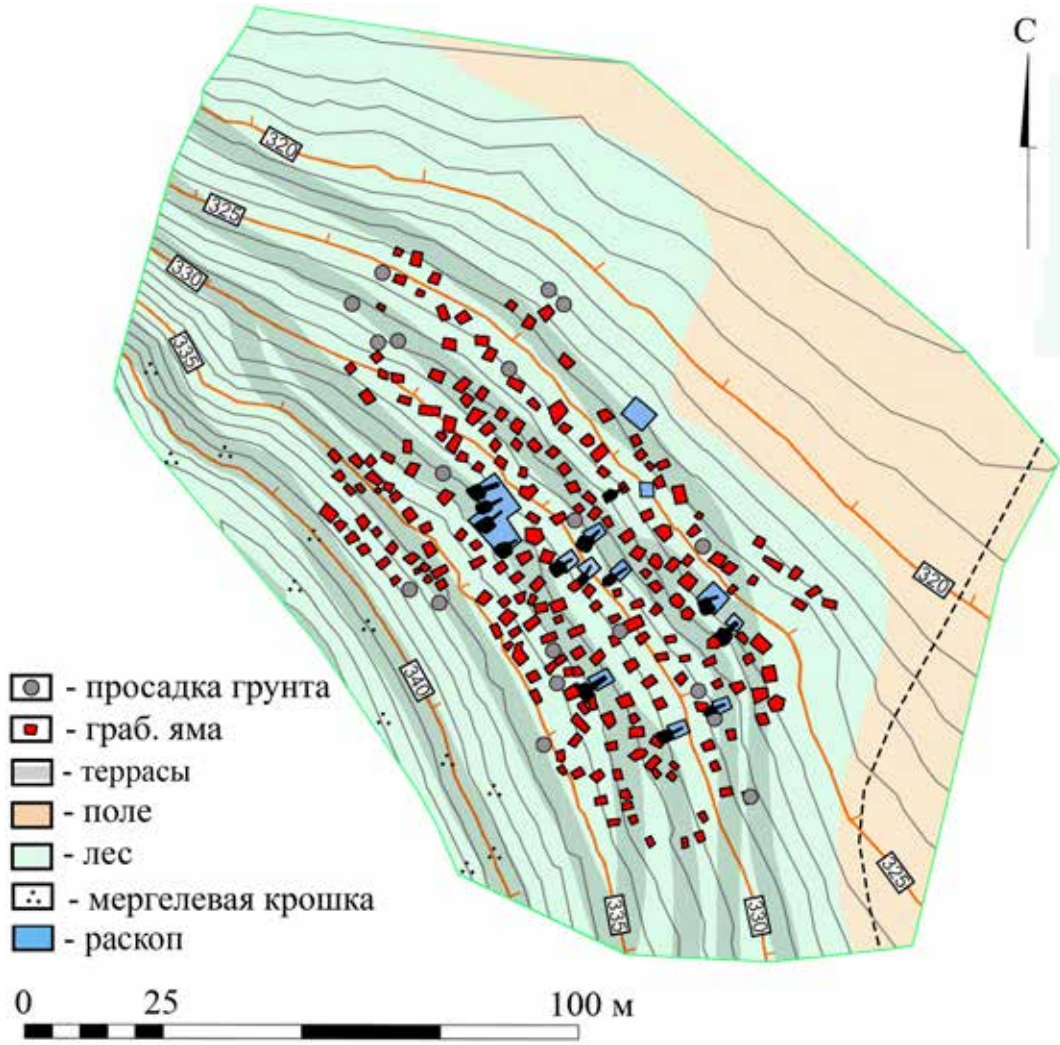


Рис. 13. Адым-Чокракский могильник. Общий план

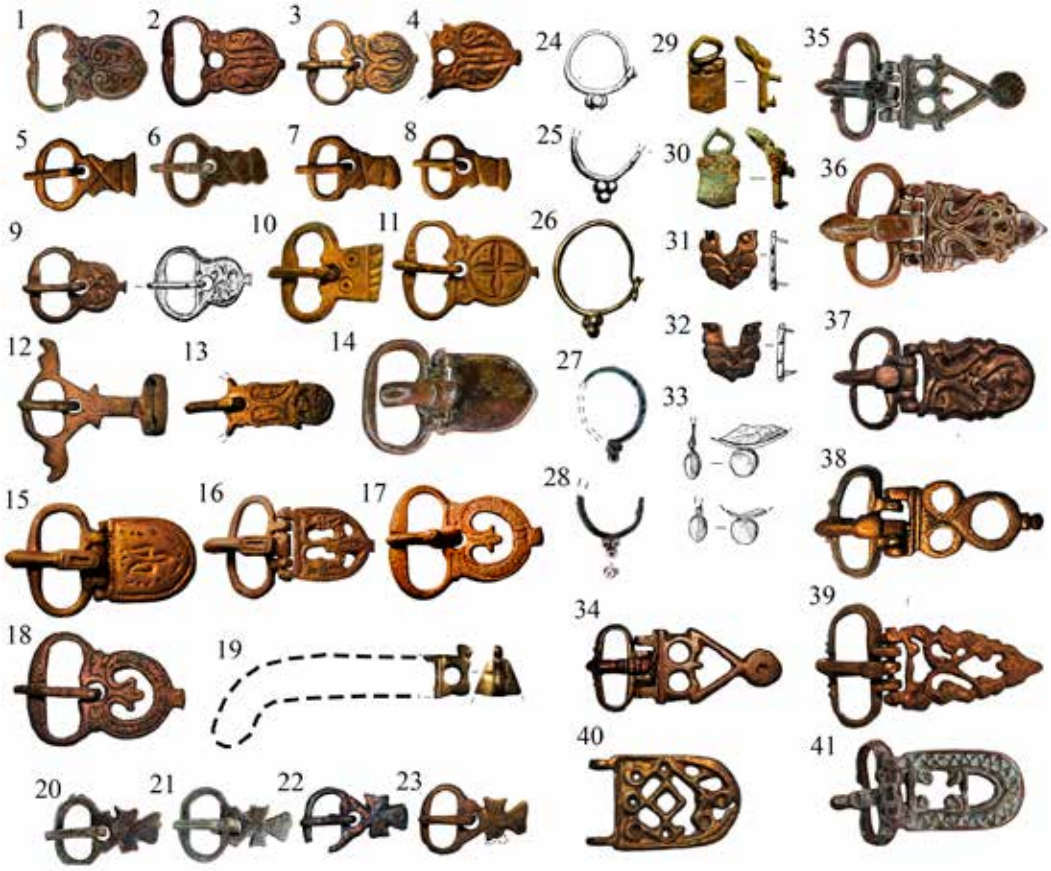


Рис. 14. Адым-Чокракский могильник. Датирующие находки: *18* – склеп № 1; *2, 9, 23* – склеп № 2; *12* – склеп № 3; *22, 33, 34, 37–40* – склеп № 23; *3, 6, 10, 24–25* – склеп № 24; *26, 31–32* – склеп № 26; *11* – склеп № 28; *4, 7, 8, 15, 17* – склеп № 31; *5, 13* – склеп № 32; *16* – склеп № 35; *19* – склеп № 26; *30* – склеп № 52; *41* – склеп № 80; *35* – склеп № 83; *27* – склеп № 84; *20, 21* – склеп № 86а; *36* – склеп № 94; *1, 14, 28* – склеп № 90 (1–18, 20–23, 29–32, 34–41 – медный сплав; 19, 24–25, 27–28, 33 – белый металл 26 – желтый металл)

Рис. 15. Находки с христианской символикой. Могильник Алмалык-дере: *1, 2* – клейма на краснолаковой керамике (склепы №№ 192 и 192/2007); *3, 4* – пряжки с изображением крестов на щитках (склеп № 192/2007); *5, 6* – нательный крест и гемма (склеп № 56/1996); *7* – изображение креста на стенке камеры склепа № 56/2000. Адым-Чокракский могильник: *8–10* – нательные кресты (склепы №№ 7, 30, 93а); *11, 12* – перстни (склепы №№ 26 и 95); *31* – медальон с несохранившимся изображением святого (?) (склеп № 31); *14* – пряжка с изображением Льва (склеп № 2); *15* – детали геральдического поясного набора (склеп № 24); *16–19* – изображение крестов на стенках склепов (склепы №№ 34, 28, 32). Каралезский могильник: *21* – изображение креста на стенке камеры склепа № 13 (1, 2 – керамика; 6 – сердолик; 7, 15 – белый металл; 8, 9, 11, 14 – медный сплав; 13 – стекло / медный сплав)

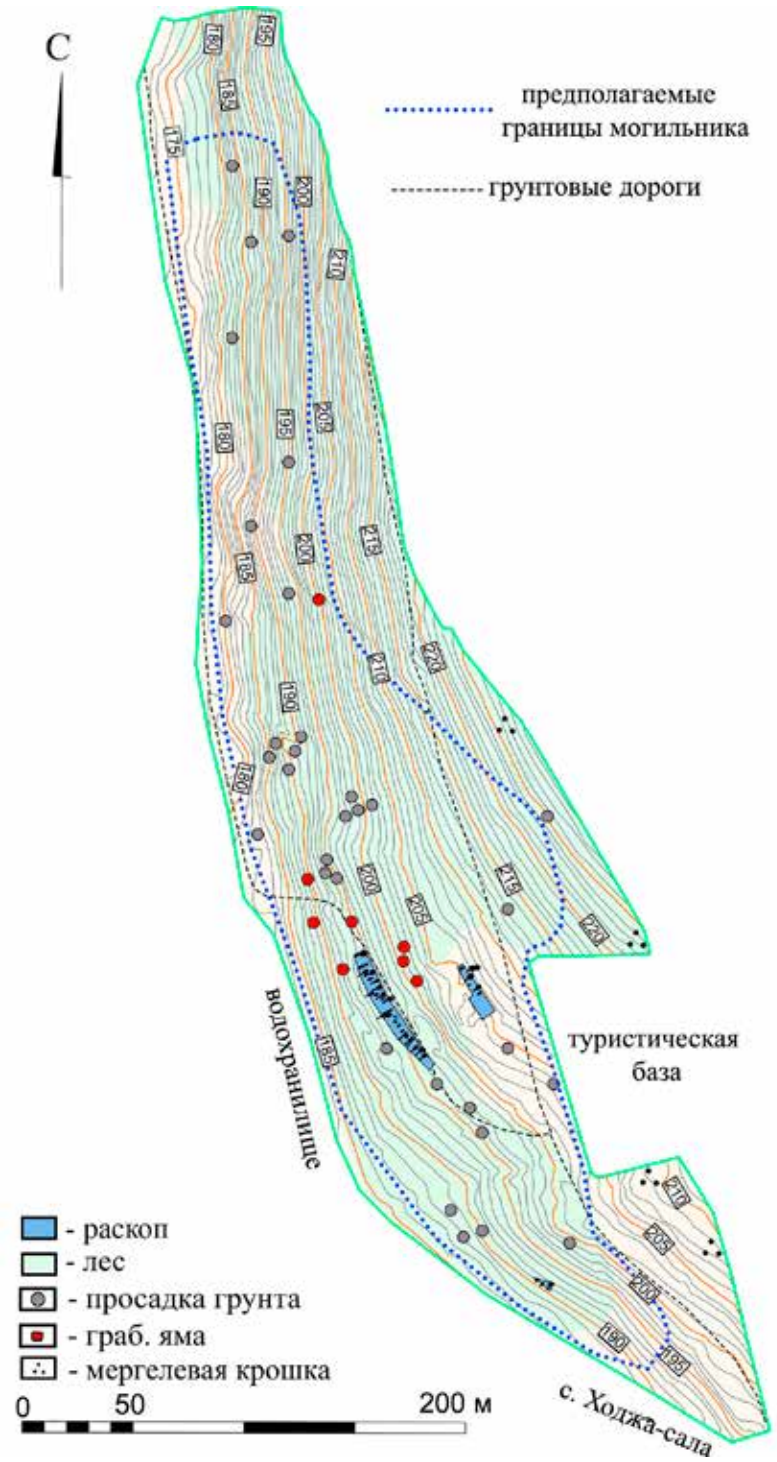


Рис. 16. Каралезский могильник. Общий план

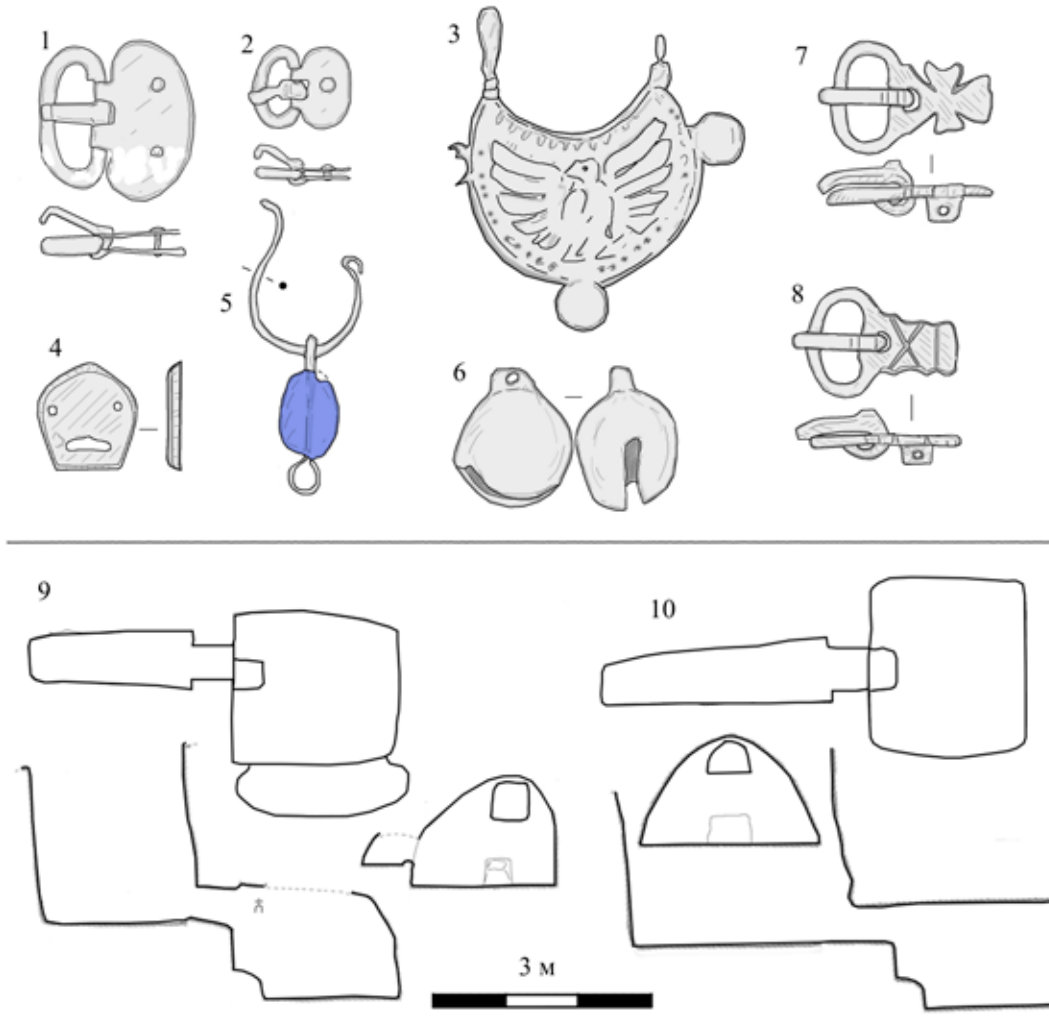


Рис. 17. Каралезский могильник: *1* – подбойная могила № 26; *2* – подбойная могила № 24; *3* – склеп № 25; *4–8* – склеп № 8; *9, 10* – склепы №№13 и 15 типа В1 [по: 32; 33] (1–4, 6–8 – медный сплав; 5 – стекло / медный сплав)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.). М., 1993. 240 с.
2. Айбабин А.И. Салтовские поясные наборы из Крыма // СА. 1977. № 1. С. 225–238.
3. Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. I. С. 3–86, 175–241.
4. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар, 1999. 351 с.
5. Айбабин А.И. Очерки истории владений Восточной Римской империи в Крыму в IV–XII веках. Симферополь: Антиква, 2024. 320 с.
6. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Могильник у с. Лучистое. Т. I. Раскопки 1977, 1982–1984 годов. Симферополь, Керчь: АДЕФ-Украина, 2008. 336 с.
7. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Крымские готы страны Дори (середина III – VII в.). Симферополь: Антиква, 2017. 366 с.
8. Веймарн Е.В., Айбабин А.И. Скалистинский могильник. Киев: Наукова думка, 1993. 206 с.

9. Власов В.П., Набоков А.И. Лепная посуда могильника Алмалык-дере // Ученые записки Крымского федерального университета. Исторические науки. 2024. Т. 10. № 3. С. 3–51.
10. Волошинов А.А., Масякин В.В. Могильник Сувлу-Кая III – первой половины V в. в Юго-Западном Крыму: особенности погребального обряда и инвентаря // Могильник римского времени Фронтовое 3: варвары на границах Империи / отв. ред. А.В. Мастыкова, Э.А. Хайрединова. М.: ИА РАН, 2022. С. 146–173.
11. Ганцев В.К., Науменко В.Е. Северный пригород Мангупского городища (Юго-Западный Крым) по результатам современных археологических исследований // Труды VII (XXIII) Всероссийского археологического съезда: в 3-х т. / отв. ред. А.П. Деревянко и др. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2025 Т. II. С. 284-286.
12. Герцен А.Г. Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. 1990. Вып. I. С. 87–166.
13. Герцен А.Г. Дорос – Феодоро (Мангуп): от ранневизантийской крепости к феодальному городу // АДСВ. 2003. Вып. 34. С. 94–112.
14. Голев С.А. Курганы могильника Алмалык-дере в погребальных традициях Восточной Европы // Ученые записки Крымского федерального университета. Исторические науки. 2024. Т. 10 (76). № 2. С. 30–62.
15. Иванова О.С. Краснолаковая керамика из раскопок могильника в балке Алмалык-дере (Мангуп) // МАИЭТ. 2009. Вып. XV. С. 26–88.
16. Иванова О.С. Узкогорлые светлоглиняные амфоры из раскопок Мангупа // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII. С. 266–327.
17. Иванова О.С. Амфоры позднеримского времени из раскопок Мангупа // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.) / ред. И.Н. Храпунов. Симферополь; Бахчисарай: Доля, 2013. С. 93–154.
18. Казанский М.М. Византийское наследие в Крыму: депортация варваров и ее последствия // Византийское наследие в Крыму: материалы круглого стола, приуроченного к 570-летию падения Византии / ред.-сост. В.В. Майко, Э.А. Хайрединова, Т.Ю. Яшаева. Симферополь: Ариал, 2023. С. 33–37.
19. Лобода И.И. Раскопки Красномакского могильника в 1983–1984 гг. // МАИЭТ. 2005. Вып. XI. С. 192–251.
20. Мастыкова А.В. Ранневизантийские бусы поселения Эж-Жаузе (Ej-Jaouzé) в Ливане // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XV Международный византийский семинар: материалы научной конференции / отв. ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь: Ариал, 2023. С. 195–202.
21. Набоков А.И. Склепы раннесредневековых могильников Мангупа: предварительная классификация // Ученые записки Крымского федерального университета. Исторические науки. 2022. Т. 8 (74). № 2. С. 104–137.
22. Набоков А.И. Курган с кромлехом и ровиком некрополя Алмалык-дере (Мангуп) // КСИА. 2023. Вып. 271. С. 167–182.
23. Набоков А.И. Стеклянные сосуды из раскопок Алмалыкского могильника // МАИЭТ. 2023. Вып. XXVIII. С. 135–154.
24. Набоков А.И. Раннесредневековые могильники южной периферии Мангупского городища: основные результаты современных археолого-топографических исследований // История и археология Крыма. 2023. Вып. XX. С. 182–203.
25. Набоков А.И. Раннесредневековые некрополи Мангупского городища (Юго-Западный Крым): Дис. … канд. ист. наук: 5.6.3. Симферополь, 2024. 181 с.
26. Набоков А.И. Малоизвестный могильник раннесредневекового времени на пересечении балок Каралез и Джан-дере в округе Мангупского городища // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XVII Международный византийский семинар: материалы научной конференции / отв. ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь: Ариал, 2025. С. 207-216.
27. Науменко В.Е. Раскопки раннесредневекового поселения у подножия Мангупа // Бахчисарайский историко-археологический сборник / ред.-сост. И.Н. Храпунов. Симферополь: Таврия, 1997. Вып. I. С. 324–340.
28. Науменко В.Е. Некоторые наблюдения над топографией и погребальной практикой христианских некрополей Мангупского городища (по материалам современных раскопок памятника) // Христианство в археологических и письменных источниках: Материалы IX Международной научной конференции по церковной археологии / ред.-сост. В.В. Майко, Э.А. Хайрединова, Т.Ю. Яшаева. Симферополь: Антиква, 2020. С. 99–107.
29. Науменко В.Е. К дискуссии о времени строительства византийской крепости на Мангупе // АДСВ. 2023. Вып. 51. С. 105–119.
30. Науменко В.Е. В поисках хазар на Мангупе: некоторые критические наблюдения над данными письменных и археологических источников // АДСВ. 2024. Вып. 52. С. 175–195.
31. Науменко В.Е., Ганцев В.К., Иожица Д.В. Пещерная церковь Кильсе-Тубю под Мангупом. Историографические мифы и археологические реалии (по материалам раскопок 2022 г.) // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XVI Международный византийский семинар: материалы научной конференции / отв. ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь: Ариал, 2024. С. 191–202.
32. Науменко В.Е., Герцен А.Г., Иожица Д.В. Христианский Мангуп. Современная источниковая база и основные этапы истории // МАИЭТ. 2021. Вып. XXVI. С. 255–281.
33. Науменко В.Е., Герцен А.Г., Набоков А.И. Алмалыкский могильник в докрепостной (позднеримский) период истории Мангупского городища // Могильник римского времени Фронтовое 3: варвары на границах Империи / отв. ред. А.В. Мастыкова, Э.А. Хайрединова. М.: ИА РАН, 2022. С. 183–194.

34. Науменко В.Е., Набоков А.И. Могильник Алмалык-дере Мангупского городища. Основные результаты археолого-топографических исследований 2020–2021 гг. // Актуальные вопросы охраны и использования культурного наследия Крыма: материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции / ред.-сост. В.Е. Науменко. Симферополь: Ариал, 2022. С. 102–117.
35. Науменко В.Е., Набоков А.И., Якушечкин А.В. Неопубликованные нумизматические материалы из раскопок раннесредневековых некрополей Мангупа: могильники Южный I, Южный II и Адым-Чокрак // ПриPONTийский меняла: деньги местного рынка. VIII Международный Нумизматический Симпозиум: Материалы научной конференции / отв. ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь: Ариал, 2021. С. 163–172.
36. Румянцева О.С., Мастыкова А.В., Науменко В.Е. Оконное стекло с поселения Горзувиты и Мангупского городища в Крыму: химический состав, происхождение и хронология в историко-культурном контексте // Stratum plus. 2023. № 5. С. 383–402.
37. Свиридов А.Н., Язиков С.В. Грунтовые склепы могильника Фронтовое 3 // Труды VI (XXII) Всероссийского Археологического съезда в Самаре. Т. 2 / ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. Самара: Изд-во СГСПУ, 2020. С. 182–184.
38. Сидоренко В.А. «Готы» области Дори Прокопия Кесарийского и «длинные стены» в Крыму // МАИЭТ. 1991. Вып. II. С. 105–118, 280–281.
39. Сидоренко В.А. Отчет о раскопках Мангупской археологической экспедиции. Симферополь. 1985 // НА ИАК РАН. Ф. О-1. Оп. 1. Д. 402, 402а. 64 л.
40. Сидоренко В.А. Отчет об археологических исследованиях окрестностей Мангупа в 1985 г. Симферополь. 1986 // НА НАН Украины. 36 л.
41. Смокотина А.В. Амфоры позднеримского и ранневизантийского времени // Зинько В.Н., Зинько А.В., Пономарев Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Т. III: Археологические комплексы второй половины III – VII вв. Симферополь; Керчь: Пронодо, 2020. С. 509–618.
42. Стржелецкий С.Ф., Высотская Т.Н., Рыжова Л.А., Жесткова Г.И. Население округи Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз № 10») // Stratum plus. 2003–2004. № 4. С. 27–277.
43. Тиханова М.А. Базилика // Материалы по археологии Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 334–389. (МИА. № 34).
44. Хайрединова Э.А. Ожерелья с крестами последней четверти VI – VII в. из некрополя Эски-Кермена // Владимирский сборник: материалы Международных научных конференций «I и II Свято– Владимирские чтения» / отв. ред. В.В. Майко, Т.Ю. Яшаева. Калининград: РОС-ДОАФК, 2016. С. 280–299.
45. Хайрединова Э.А. Византийские цельнолитые пряжки-апотропеи второй половины VII в. из Крыма // АДСВ. 2016. Вып 44. С. 60–86.
46. Хайрединова Э.А. Византийские серьги-лунницы VII–IX вв. из Крыма // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XI международный византийский семинар: материалы научной конференции / отв. ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь: Ариал, 2019. С. 221–226.
47. Храпунов И.Н. Население горного Крыма в позднеримское время // ВДИ. 2016. № 1. С. 118–134.
48. Храпунов. И.Н. О времени и обстоятельствах появления поселения на горе Мангуп-Кале // МАИЭТ. 2017. Вып. XXII. С. 54–61.
49. Храпунов И.Н. Археологическая культура позднеримского времени в предгорном Крыму // РА. 2019. № 1. С. 32–49.
50. Храпунов И.Н. Инновации IV в. н.э. в культуре населения Крымских предгорий // ПИФК. 2021. Вып. 3. С. 80–91.
51. Bemmann J., Schneider K., Gercen A., Černyš S., Mączyńska M., Urbaniak A., von Freeden U. Die frühmittelalterlichen gräberfelder von Adym–cokrak, Juznyj I und Juznyj II am fusse des Mangup. Mainz: RZGM, 2013. 98 s.
52. Gertsen A. A Vault with a Byzantine Seal in the Cemetery of Almalyk (Mangup) // Byzantine and Rus' Seals: Proceedings of the International Colloquium on Rus'-Byzantine Sigillography / eds. G. Ivakin, N. Khrapunov, W. Seibt. Kyiv, 2015. P. 25–33.
53. Gertsen A., Mączyńska M. Ein frűhvőlkerwanderungzeitliches Kammergrab aus dem Gräberfeld Almalyk-dere bei Mangup auf der Krim // Die spätrőmishe Kaiserzeit und die frűhe Vőlkerwanderungzeit in Mittel–und Osteurop. Lódź: Wydawnictwo uniwersytetu Lódzkiego, 2000. S. 522–544.
54. Mączyńska M., Gercen A., Ivanova O., Černyš S., Lukin S., Urbaniak A., Bemmann J., Schneider K., Jakubczyk I. Das frühmittelalterliche Gräberfeld Almalyk-Dere am Fuße des Mangup auf der Südwestkrim. Mainz: RGZM. 2016. 205 s.
55. Vasiliev A.A. The Goths in the Crimea. Cambridge; Massachusetts: The Medieval Academy of America, 1936. 292 p.

REFERENCES

1. Abramova M.P. *Tsentral'noe Predkavkaz'e v sarmatskoe vremia (III v. do n.e. – IV v. n.e.)* [Central Ciscaucasia in the Sarmatian time (3rd century BC – 4th century AD)]. Moscow, 1993, 240 p.

2. Aibabin A.I. Saltov Belt Sets from Crimea. *Sovetskaia arkheologiia* [Soviet Archaeology], 1977, no. 1, pp. 225–238.
3. Aibabin A.I. Chronology of Crimean Burial Grounds of the Late Roman and Early Medieval period. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 1990, vol. 1, pp. 3–86, 175–241.
4. Aibabin A.I. *Etnicheskaia istoriia rannevizantiiskogo Kryma* [Ethnic History of the Early Byzantine Crimea]. Simferopol, Dar Publ., 1999, 352 p.
5. Aibabin A.I. *Ocherki istorii vladenii Vostochnoi Rimskoi imperii v Krymu v IV–XII vekakh* [Essays on the History of the Eastern Roman Empire's possessions in Crimea in the 4th–12th centuries]. Simferopol, Antiqua publ., 2024, 320 p.
6. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. *Mogil'nik u sela Luchistoe. T. I. Raskopki 1977, 1982–1984 godov* [Cemetery near the village of Luchistoye. Vol. I. Excavations of 1977, 1982–1984]. Simferopol, Kerch, ADEF-Ukraine Publ., 2008, 336 p.
7. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. *Krymskie goty strany Dori (seredina III – VII v.)* [Crimean Goths in the Region of Dory (Mid-Third to Seventh Century)]. Simferopol, Antikva Publ., 2017, 366 p.
8. Veymarn E.V., Aibabin A.I. *Skalistinskii mogil'nik* [Skalistinsky burial ground]. Kyiv, Naukova dumka Publ., 1993, 206 p.
9. Vlasov V.P., Nabokov A.I. Molded Ware from the Almalyk-dere burial ground. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta. Istoricheskie nauki* [Scientific Notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Historical Sciences], 2024, vol. 10, no. 3, pp. 3–51.
10. Voloshinov A.A., Masyakin V.V. The burial ground of Suvlu-Kaya III – first half of the 5th century in the Southwestern Crimea: features of the burial rite and inventory. A.V. Mastykova, E.A. Khairedinova (eds.), *Mogil'nik rimskogo vremeni Frontovoe 3: varvary na granitsakh Imperii* [The burial ground of the Roman period Frontovoye 3: barbarians on the borders of the Empire], Moscow, Institute of Archaeology RAS Publ., 2022, pp. 146–173.
11. Gantsev V.K., Naumenko V.E. The Northern Suburb of the Mangup settlement (South-Western Crimea) based on the Results of Modern Archaeological Research. A.P. Derevyankoet al. (eds.), *Trudy VII (XXIII) Vserossiiskogo Arkheologicheskogo s"ezda* [Proceedings of the VII (XXIII) All-Russian Archaeological Congress], Krasnoyarsk, Siberian Federal University Publ., 2025, vol. 2, pp. 284 286.
12. Gertsen A.G. Fortress Ensemble of Mangup. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 1990, vol. 1, pp. 87–166.
13. Gertsen A.G. Doros – Theodoro (Mangup): from the Early Byzantine Fortress to the Feudal City. *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2003, vol. 34, pp. 94–112.
14. Golev S.A. Mounds of the Almalyk-dere burial ground in the burial traditions of Eastern Europe. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta. Istoricheskie nauki* [Scientific Notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Historical Sciences], 2024, vol. 10, no. 2, pp. 30–62.
15. Ivanova O.S. Red-Glazed Ceramics from the Excavations of the burial ground in the Almalyk-dere ravine (Mangup). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2009, vol. 15, pp. 26–88.
16. Ivanova O.S. Narrow-necked light-clay Amphoras from the Mangup excavations. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2011, iss. 17, pp. 266–327.
17. Ivanova O. S. Amphoras of the Late Roman period from the Excavations of Mangup. I.N. Khrapunov (ed.), *Krym v sarmatskuiu epokhu (II v. do n.e. – IV v. n.e.)* [Crimea in the Sarmatian Era (2nd century BC – 4th century AD)], Simferopol, Bakhchisarai, Dolya Publ., 2013, pp. 93–154.
18. Kazansky M.M. Byzantine Heritage in Crimea: deportation of barbarians and its consequences. V.V. Maiko, E.A. Khairedinova, T.Yu. Yashaeva (eds.), *Vizantiiskoe nasledie v Krymu: Materialy kruglogo stola, priurochennogo k 570-letiiu padeniia Vizantii* [Byzantine Heritage in Crimea: Proceedings of the round table dedicated to the 570th Anniversary of the Fall of Byzantium], Simferopol, Arial Publ., 2023, pp. 33–37.
19. Loboda I.I. Excavations of the Krasnomaksky burial ground in 1983–1984. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2005, vol. 11, pp. 192–251.
20. Mastykova A.V. Early Byzantine Beads from the Ej-Jaouzé Settlement in Lebanon. N.A. Alekseenko (ed.), *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiya i polis. XV mezhdunarodnyj vizantijskij seminar: materialy nauchnoj konferencii* [Chersonos Themata: the Empire and the Polis. XV International Byzantine workshop: materials of scientific conference], Simferopol, Arial Publ., 2023, pp. 195–202.
21. Nabokov A.I. Crypts of early medieval burial grounds of Mangup: preliminary. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta. Istoricheskie nauki* [Scientific Notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Historical Sciences], 2022, vol. 8, no. 2, pp. 104–137.
22. Nabokov A.I. Mound with Cromlech and Ditch of the Almalyk-dere necropolis (Mangup). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 2023, vol. 21, pp. 167–182.

23. Nabokov A.I. Glass Vessels from the Excavations of the Almalyk burial ground. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2023, vol. 28, pp. 135–154.
24. Nabokov A.I. Early Medieval burial grounds of the Southern Periphery of the Mangup settlement: the main results of modern archaeological and topographic research. *Istoriya i arheologiya Kryma* [History and archaeology of Crimea], 2023, vol. 20, pp. 182–203.
25. Nabokov A.I. *Rannesrednevekovye nekropoli Mangupskogo gorodishcha (Iugo-Zapadnyi Krym)* [Early Medieval necropolises of the Mangup settlement (South-Western Crimea)]. Text of kand. diss. Simferopol, 2024, 181 p.
26. Nabokov A.I. Ill-known Cemetery from the Early Mediaeval Period Located on the Crossing of the Karalez and Dzhan-dere Ravines in the Vicinity of the Ancient Town of Mangup. N.A. Alekseenko (ed.), *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiya i polis. XVII mezhdunarodnyj vizantijskij seminar: materialy nauchnoj konferencii* [Chersonos Themata: the Empire and the Polis. XVII International Byzantine workshop: materials of scientific conference], Simferopol, 2025, Arial Publ., pp. 207–216.
27. Naumenko V.E. Excavations of an Early Medieval settlement at the foot of Mangup. I.N. Khrapunov (ed.), *Bahchisarajskij istoriko-arkheologicheskij sbornik* [Bakhchisarai Historical and Archaeological Collection], Simferopol, Tavria Publ., 1997, vol. 1, pp. 324–340.
28. Naumenko V.E. Some Observations on the topography and burial practices of the Christian necropolises of the Mangup settlement (based on materials from modern excavations of the site). V.V. Maiko, E.A. Khairedinova, T.Yu. Yashaeva (eds.), *Hristianstvo v arkheologicheskikh i pis'mennykh istochnikakh: Materialy IX Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii po cerkovnoj arkheologii* [Christianity in Archaeological and Written Sources: Proceedings of the IX International Scientific Conference on Church Archaeology], Simferopol, Antikva Publ., 2020, pp. 99–107.
29. Naumenko V.E. On the Discussion about the time of construction of the Byzantine fortress on Mangup. *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2023, vol. 51, pp. 105–119.
30. Naumenko V.E. In Search of the Khazars on Mangup: some critical observations on the data of written and archaeological sources. *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2024, vol. 52, pp. 175–195.
31. Naumenko V.E., Gantsev V.K., Iozhitsa D.V. The Cave Church of Kil'se-Tubiu at the Foot of Mangup: historiographic myths and archaeological realities (according to the 2022 excavations). N.A. Alekseenko (ed.), *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiya i polis. XVI mezhdunarodnyj vizantijskij seminar: materialy nauchnoj konferencii* [Chersonos Themata: the Empire and the Polis. XVI International Byzantine workshop: materials of scientific conference], Simferopol, Arial Publ., pp. 191–202.
32. Naumenko V.E., Gertsen A.G., Iozhitsa D.V. Christian Mangup: the modern source base and the main stages of its history. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2021, vol. 26, pp. 255–281.
33. Naumenko V.E., Gertsen A.G., Nabokov A.I. Almalyk burial ground in the Pre-Fortress (Late Roman) period of the history of the Mangup settlement. A.V. Mastykova, E.A. Khairedinova (eds.), *Mogil'nik rimskogo vremeni Frontovoe 3: varvary na granitsakh Imperii* [The burial ground of the Roman period Frontovoye 3: barbarians on the borders of the Empire], Moscow, Institute of Archaeology RAS Publ., 2022, pp. 183–194.
34. Naumenko V.E., Nabokov A.I. Almalyk-dere burial ground of the Mangup settlement. Main results of archaeological and topographic research in 2020–2021. *Aktual'nye voprosy okhrany i ispol'zovaniia kul'turnogo naslediia Kryma: materialy VIII Vserossiiskoi nauchno–prakticheskoi konferentsii* [Current issues of the protection and use of the cultural heritage of Crimea: materials of the VIII All-Russian scientific and practical conference], Simferopol, Arial Publ., 2022, pp. 102–117.
35. Naumenko V.E., Nabokov A.I., Yakushechkin A.V. Unpublished numismatic materials excavated at the Early Medieval cemeteries of Mangup: the cemeteries of Iuzhnyi I, Iuzhnyi II and Adym-Chokrak. N.A. Alekseenko (ed.), *PriPONTijskij menyala: den'gi mestnogo rynka. VIII Mezhdunarodnyj Numizmaticheskij Simpozium: Materialy nauchnoj konferencii* [VIII International Numsmatic Symposium «Pontic Money-Changer: Money of the Local Market»], Simferopol, Arial Publ., 2021, pp. 163–172.
36. Rumyantseva O.S., Mastykova A.V., Naumenko V.E. Window glass from Gorzuvity and Mangup Fort in the Crimea: chemical composition, origin and chronology in the historical and cultural context. *Stratum plus*, 2023, no. 5, pp. 383–402.
37. Sviridov A.N., Yazikov S.V. Ground crypts of the Frontovoye 3 burial ground. A.P. Derevyanko, N.A. Makarov, O.D. Mochalov (eds.), *Trudy VI (XXII) Vserossiiskogo Arkheologicheskogo s"ezda v Samare* [Proceedings of the VI (XXII) All-Russian Archaeological Congress in Samara], vol. 2, Samara, Samara State Sociological University publ., 2020, pp. 182–184.
38. Sidorenko V.A. "Goths" of the Dori Region of Procopius of Caesarea and the "Long walls" in Crimea. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 1991, vol. 2, pp. 105–118, 280–281.
39. Sidorenko V.A. Report on the excavations of the Mangup archaeological expedition. 1985. *Scientific archive of the Institute of Archaeology of Crimea*, fund O-1, dossier 402, 402a.
40. Sidorenko V.A. Report on archaeological research of the environs of Mangup. 1985. *Scientific Archives of the National Academy of Sciences of Ukraine*.

41. Smokotina A.V. Amphoras of the Late Roman and Early Byzantine periods. Zin'ko V.N., Zin'ko A.V., Ponomarev L.Iu. *Tiritaka. Raskop XXVI. Tom III. Arkheologicheskie kompleksy vtoroi poloviny III – VII vv*. [Tyritake. Excavation Trench XXVI. Vol. 3. Archaeological complexes of the second half of the 3rd – 7th centuries], Simferopol, Kerch, Prondo Publ., 2020, pp. 509–618.
42. Strzheletsky S. F., Vysotskaya T. N., Ryzhova L. A., Zhestkova G. I. Population of the Chersonesos region in the first half of the 1st millennium AD (based on materials from the Sovkhoz No. 10 necropolis). *Stratum plus*, 2003–2004, vol. 4, pp. 27–277.
43. Tikhanova M.A. Basilica. *Materialy po arkheologii Yugo-Zapadnogo Kryma (Khersones, Mangup)* [Materials on the Archaeology of South-Western Crimea (Chersonesos, Mangup)], Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1953, pp. 334–389. (Materials and Research on the Archaeology of the Soviet Union, no. 34).
44. Khairedinova E.A. Byzantine Lunula earrings of the 7th–9th centuries from Crimea. N.A. Alekseenko (ed.), *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiya i polis. XI mezhdunarodnyj vizantijskij seminar: materialy nauchnoj konferencii* [Chersonos Themata: the Empire and the Polis. XI International Byzantine workshop: materials of scientific conference], Simferopol, Arial Publ., 2019, pp. 221–226.
45. Khayredinova E.A. Necklaces with crosses of the last quarter of the 6th–7th centuries from the necropolis of Eski Kermen. V.V. Maiko, T.Yu. Yashaeva (eds.), *Vladimirskiy sbornik. Materialy mezhdunarodnykh nauchnykh konferentsiy «I i II Svyato-Vladimirskie chteniya»* ['1st and 2nd St. Vladimir's Readings'. Materials of the First and Second International Scholary Conferences], Kaliningrad, ROS-DOAFK Publ., 2016, pp. 280–299.
46. Khairedinova E.A. Byzantine solid-cast buckles-apotropaia of the second half of the 7th century from Crimea. *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2016, vol. 44, pp. 60–86.
47. Khrapunov I.N. Population of the Mountainous Crimea in the Late Roman period. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History], 2016, no. 1, pp. 118–134.
48. Khrapunov I.N. On the Time and Circumstances of the Emergence of a Settlement on Mount Mangup-Kale. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2017, vol. 22, pp. 54–61.
49. Khrapunov I.N. Archaeological culture of the Late Roman period in the foothills of Crimea. *Rossiiskaia arkheologiia* [Russian Archaeology], 2019, no. 1, pp. 32–49.
50. Khrapunov I.N. Innovations of the 4th century AD in the culture of the population of the Crimean foothills. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of history, philology, culture], 2021. no. 3, pp. 80–91.
51. Bemmann J., Schneider K., Gercen A., Černyš S., Mączyńska M., Urbaniak A., von Freeden U. *Die frühmittelalterlichen gräberfelder von Adym-cokrak, Juznyj I und Juznyj II am fusse des Mangup*. Mainz, RZGM Publ., 2013, 98 p.
52. Gertsen A. A Vault with a Byzantine Seal in the Cemetery of Almalyk (Mangup). G. Ivakin, N. Khrapunov, W. Seibt (eds.), *Byzantine and Rus' Seals: Proceedings of the International Colloquium on Rus'-Byzantine Sigillography*, Kyiv, 2015, pp. 25–33.
53. Gertsen A., Mączyńska M. Ein frűhvőlkerwanderungzeitliches Kammergrab aus dem Gräberfeld Almalyk–dere bei Mangup auf der Krim. *Die spätrőmishe Kaiserzeit und die frűhe Vőlkerwanderungzeit in Mittel–und Osteurop*, Lódź, Wydawnictwo uniwersytetu Lódzkiego, 2000, pp. 522–544.
54. Mączyńska M., Gercen A., Ivanova O., Černyš S., Lukin S., Urbaniak A., Bemmann J., Schneider K., Jakubczyk I. *Das frühmittelalterliche Gräberfeld Almalyk-Dere am Fuße des Mangup auf der Südwestkrim*. Mainz, RGZM Publ., 2016, 205 p.
55. Vasiliev A.A. *The Goths in the Crimea*. Cambridge, Massachusetts, The Medieval Academy of America Publ., 1936, 292 p.

Сведения об авторах

Науменко В. Е. – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой археологии и всеобщей истории исторического факультета Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Researcher ID: W-7627-2018, Scopus ID: 57214230180.

Набоков А. И. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела средневековой археологии Института археологии Крыма РАН, AuthorID: 968155.

Authors information

Naumenko V. E. – Candidate of Science (History), Head of the chair of archaeology history and general history of the of the Faculty of History of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: W-7627-2018, Scopus ID: 57214230180.

Nabokov A. I. – Candidate of Science (History), Senior Researcher of the Mediaeval Archaeology Department of the Institute of Archaeology of the Crimea of RAS, AuthorID: 968155.

DOI: 10.29039/2413-189X.2025.30.310-319

НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ДЕТСКИХ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ИЗ РАСКОПОК МОГИЛЬНИКА У С. ЛУЧИСТОЕ

Владимир Юрьевич Радочин
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия
radochin_v@mail.ru

Аннотация. В работе представлены некоторые результаты исследования антропологического материала из детских погребений, полученного в ходе археологических раскопок могильника у с. Лучистое. Материал происходит из разновременных захоронений и различных по конструкции погребальных сооружений. Не смотря на плохую сохранность материала, удалось определить количественный состав погребенных детей и их возраст, установить некоторые генетически наследуемые признаки и отметить ряд патологических изменений на костном материале. Можно заключить, что на протяжении всего времени функционирования могильника детская составляющая популяции испытывала серьезные стрессовые нагрузки, связанные с патогенными факторами, в том числе и с общим санитарным фоном. Конечно, это не могло не сказаться на появление и, как следствие, влияние инфекций и эпидемий на организм детей исследованной серии. Специфические изменения на костях и зубах также указывают на периоды, связанные с проблемами питания и палеодиетой. На исследуемом материале отмечена низкая степень травматизма. Обычай искусственной деформации головы отмечен на детских черепах из всех типов погребальных сооружений. Наибольшее число детских деформированных черепов приходится на VI–VII вв.

Ключевые слова: Крым, дети, искусственная деформация черепа, возраст, зубные патологии, воспалительные процессы, генетически детерминированные признаки

Благодарности: Статья написана в рамках проекта Минобрнауки РФ, государственное задание FZEG-2023-0004 «Исторический опыт межэтнического взаимодействия в Крыму с древности до Нового времени».

SOME RESULTS OF THE INVESTIGATION OF CHILDREN'S PALAEONTHROPOLOGICAL MATERIALS EXCAVATED AT THE CEMETERY NEAR THE MODERN VILLAGE OF LUCHISTOE

Vladimir Yu. Radochin
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
radochin_v@mail.ru

Abstract. This article presents some results of the research of palaeoanthropological materials from children's burials obtained by archaeological excavations in the cemetery near the modern village of Luchistoe presented. The material was obtained from the burials dating back to different periods and of different constructions. Unfortunately, the preservation of the material is very poor. Nevertheless, the quantity of buried children and their age has been determined; some genetically inherited features were distinguished, and the diversity of pathological changes in bone (osseous) material has been uncovered. The conclusion is that, throughout the whole period of the site in question, its children's component suffered from serious pressure related with pathogenic factors including general sanitary background. This situation certainly influenced the emergence and effect of infections and epidemics on organisms of the children under investigation. Specific changes of bones and teeth indicate the periods related with nourishment problems and palaeo-diet. The materials under investigation reveal rather low degree of traumatism. The tradition of artificial head deformation is documented at children's skulls from every type of burial constructions. The biggest number of children's deformed skulls date from the sixth and seventh century.

Keywords: Crimea, children (infants), artificial skull deformation, age, dental pathologies, inflammatory processes, genetically determined features

Acknowledgments: This article has been written as a part of the project supported by state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation FZEG-2023-0004 *Historical Experience of Interethnic Interaction in the Crimea from Antiquity to Modernity.*

Результаты работ, связанные с исследованиями костных останков из детских погребений разных хронологических периодов, все чаще появляются в научных публикациях. Долгое время в отечественной литературе интерес к детским антропологическим материалам ограничивался вопросами возраста, количественного состава захороненных и изучением погребальных сооружений и инвентаря. На сегодняшний момент, появление современных методик в междисциплинарных сферах позволяет подходить к изучению остеологических материалов на новом уровне, что в свою очередь позволяет более полно использовать полученные данные.

Материалом для настоящей работы послужили костные останки из детских погребений, исследованных на могильнике у с. Лучистое. Могильник, находящийся в Горном Крыму у подножия горы Демерджи, возник на рубеже IV–V вв. в результате переселения аланских племен [1, с. 82; 2, с. 6].

В ходе многолетних археологических раскопок могильника у с. Лучистое под руководством А. И. Айбабина и Э. А. Хайрединовой был получен обширный антропологический материал из различных по конструкции погребальных сооружений (склепы, простые грунтовые, подбойные и плитовые могилы)[1]. Раскопки на могильнике у с. Лучистое начались в 1982 г. и с 1993 г. приобрели характер систематических [2, с. 12–13]. В работе использованы материалы отчетов и материал из раскопок 1982, 1984, 1993–1996, 2000–2005, 2015, 2018 гг.

На сегодняшний день получены и исследованы костные останки разной степени сохранности, соотносящиеся с детскими погребениями всех возрастных категорий. Большинство детских костяков были получены в разрушенном и фрагментированном состоянии, что конечно же сужало поле для комплексного изучения. На сохранность материала сильное влияние оказали геологические особенности местности и биохимические особенности грунта. В виду данных обстоятельств, для хотя бы минимальных исследований (кроме статистического подсчета погребенных) могло быть использовано около трети полученного костного материала.

При работе с материалом использованы методики по работе со скелетированными останками, принятыми отечественной научной школой. Определение возраста проходило в соответствии с методиками, разработанными отечественными учеными [4; 3; 18; 21]. Также использовались общепринятые методики определения возраста по степени прорастания зубов [39] и длин костей посткраниального скелета [38]. Оценка патологических состояний выполнена с использованием методики, разработанной А. П. Бужиловой [11]. Эпигенетические варианты на костях черепа соотносились с методикой «Epigenetic variants of the human skull» [37].

Основная часть исследованных погребений относится к VI–IX вв. На ранний этап функционирования могильника (погребения конца IV – начала V в.) приходится около 5% изученных захоронений. К сожалению, нам приходится иметь дело с материалом не полностью раскопанного памятника. И по мнению авторов раскопок, участок с ранними погребениями остается еще не до конца исследованным. Таким образом, в перспективе некоторые данные могут быть уточнены.

Суммарно получены костные останки 899 погребенных более чем из 300 погребальных сооружений. Соотношение числа половозрелых погребенных мужчин и женщин практически одинаковое, с незначительным преобладанием женщин (33,5% – М, 36,3% – Ж). Детские погребения составили 30,2%, включая подростков, и 27,3% – без них.

Отмечается незначительное преобладание женских костяков по отношению к детским. В силу ряда причин данное положение не может считаться нормальным. Думается, что искажение ситуации лежит в плоскости детской выборки и может быть связано с заниженным процентом детских погребений раннего возраста. Скорее всего, эта ситуация может быть связана со степенью сохранности костей детей раннего возраста. Не исключены и другие возможные объяснения, включая и некоторые особенности погребальных традиций. Сле-

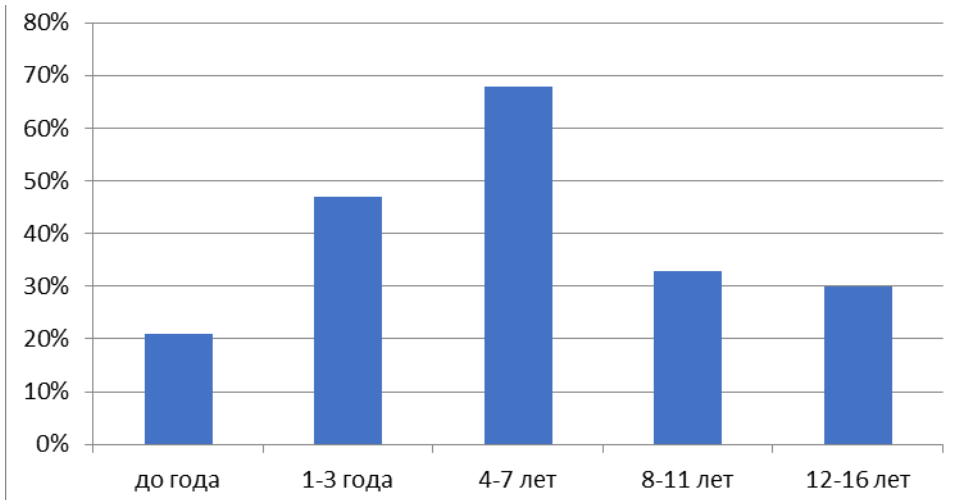
[1] Автор выражает благодарность А. И. Айбабину и Э. А. Хайрединовой за предоставленный для исследования материал.

дует отметить, что в VI–VII вв. функционирования могильника соотношение погребенных детей с учетом юношеской когорты на одну женщину в 3,5–4 раза превышает аналогичное соотношение захоронений других временных периодов использования некрополя. Одной из возможных причин, объясняющих данное обстоятельство, можно назвать приток населения с других территорий.

Как видно из диаграммы 1, основной процент детской смертности приходится на возраст до 4–7 лет включительно. Уменьшение процента погребений более позднего возраста можно связать с процессами адаптивности организма и, соответственно, с большим процентом выживаемости и возможностью достичь следующего возрастного промежутка. Повышенный процент смертности в интервале 4–7 лет одинаково характерен для всего времени существования могильника, за исключением позднего периода, когда пик детской смертности составил 8–11 лет.

Большинство детских погребений (73,1%) выявлено в склепах. Повышенный процент погребенных детей в могилах (плитовых) зафиксирован только на южной стороне некрополя, относящейся к позднему этапу функционирования памятника. Средний возраст погребенных в склепах детей несколько выше (5,3 года), чем захороненных в могилах (4,1 года). Практически все погребенные дети в возрасте до года и первого года жизни были погребены в склепах. Вероятно, это и обусловило лучшую сохранность костяков.

Диаграмма 1. Распределение детской смертности по возрастным интервалам (в %)



К сожалению, информацию по детским погребениям из синхронных памятников найти сложно. Некоторые материалы не фиксировались или фиксировались только в определенных случаях. Наиболее полными могут считаться данные из погребений могильников на плато Эски-Кермен, где процент детских погребений составил 35,5% [30, с. 233–235], Алмалык – 24,1% (по материалам отчетов), Верхореченский – 23,6% [15, с. 55] и могильника у высоты Сахарная головка – 24,7% [7, с. 190; 34, с. 124–160]. Интересными являются данные из синхронных погребальных сооружений могильника Скалистое, в которых выявлено относительно низкое количество детских погребений (8,9%) при достаточно большой продолжительности жизни взрослого населения [13, с. 198; 17, с. 31–60].

При работе с костными остатками из детских погребений могильника у с. Лучистое удалось определить некоторые эпигенетические варианты и патологические изменения на краниологическом и остеологическом материале. В силу объективных причин, фиксация дискретно варьирующих признаков на детских костях носит ограниченных характер. Большинство эпигенетических вариантов зафиксировано на краниологическом материале детей, погребенных в склепах. К ним прежде всего можно отнести добавочные косточки на черепе,

дополнительные черепные швы и вариабельность отверстий. На детских костях посткраниальных скелетов наиболее часто фиксировались межмыщелковые отверстия и надмыщелковые отростки на плечевых костях.

Некоторые признаки были сочетаны и фиксировались на костях нескольких погребенных в склепе. Данное обстоятельство косвенно подтверждает предположение о том, что склеп служил семейным погребальным сооружением [1, с. 76–88; 8, с. 71–77; 22, с. 51–70]. По мнению многих исследователей, фиксация дискретно-варьирующих признаков на костях черепа и посткраниального скелета отражает вариабельность форм и, в свою очередь, позволяет косвенно установить родственные связи внутри популяции [22, с. 52–54; 5, с. 76–80; 8, с. 71–72]. На материале из Лучистого генетически наследуемые маркеры отмечены на 27% костяков.

Индикаторы патологических состояний, отмеченные на костях черепа и посткраниальных скелетов, отражают стрессовые нагрузки, испытываемые организмом, и являются важным источником информации в системе реконструкции условий жизни древнего населения. На материале из детских погребений удалось зафиксировать некоторые изменения, вызванные патологическими состояниями организма.

Пальцевидные вдавления на внутренней поверхности костей черепа отмечены на изучаемой серии во всех возрастных группах и составили около 30% от общего числа исследованных. Пальцевидные вдавления являются проявлением повышенного внутричерепного давления, причины которого могут быть различными: внутричерепные опухоли, краниостеноз, гидроцефалия, нейроинфекции и др. В норме с возрастом пальцевидные вдавления, как правило, уменьшаются и становятся малозаметными [24, с. 69]. Наиболее часто вдавления фиксировались в возрастной группе 7–11 лет. На возраст первого детства приходилось незначительное их количество. В пяти случаях истончение костной ткани привело к перфорации стенок черепа.

Патологии, связанные с проблемами зубочелюстного аппарата, на серии из детских погребений отмечаются достаточно редко, что характерно для всех возрастных периодов. Отмеченные случаи кариеса были единичными и локализовались в основном на жевательной поверхности.

Случаи эмалевой гипоплазии на зубах отмечены у 20% погребенных, преимущественно у второй возрастной группы, и проявлялись в виде горизонтальных линий эмалевой недостаточности. Неравномерное развитие толщины эмалевого покрова коронки зуба происходит из-за дефицита «строительного материала» в процессе его формирования и роста. Воздействующие стрессовые состояния заставляют организм в первую очередь затрачивать потенциал на преодоление этих состояний, что приводит к ростовым задержкам. К возможным причинам возникновения таких стрессовых состояний исследователи относят периоды сезонного голодания, инфекции, лихорадочные состояния, наличие различных традиций в грудном вскармливании, переход на другой тип диеты, гиповитаминоз, другие заболевания [12, с. 49–52; 35, с. 44–52]. Таким образом, эмалевая гипоплазия является своеобразным маркером, указывающим на физиологический стресс, перенесенный в детском возрасте. Дефекты ростовых задержек на зубах в обеих сериях, как правило, указывают на неоднократность стрессовых состояний. Эмалевая гипоплазия выявлена как на постоянных, так и молочных зубах, что указывает на наличие стрессовых состояний не только у детской составляющей населения.

Отложение зубного камня отмечено у 10,6% населения, оставившего могильник у с. Лучистое. В детских погребениях минерализированные отложения фиксировались в единичных случаях. Камень серо-желтого цвета светлых оттенков локализовался, в основном, с лингвальной стороны и в межзубных пространствах. Преимущественно он отмечался на одонтологическом материале нижних челюстей. Образование зубного камня имеет сложную этиологию и зависит от ряда причин, среди которых прежде всего диета, pH слюны, гигиена полости рта. Способствует образованию зубного камня и пища с низкими абразивными свойствами (примером может служить вязкая, термически обработанная пища, прежде всего, растительного происхождения) [13, с. 292–293; 35, с. 47]. Считается, что образованию зубного камня также может способствовать увеличение в рационе мясной пищи.

Прижизненная утрата зубов отмечена у трех погребенных детей второй и третьей возрастных групп и связана с травматическими поражениями.

Одним из достаточно частых проявлений патологических состояний были проявления поротического гиперостоза на костях черепа и его частного случая *cribra orbitalia*. Чаще всего поротизация отмечалась на внешней стороне теменных и затылочной костей. Поротические проявления отмечены более чем у трети погребенных детей всех возрастных категорий. Половина всех случаев приходится на ранний детский возраст, чуть реже они фиксировались в возрасте 6–8 лет. У индивидов подросткового возраста *cribra orbitale* отмечалась в единичных случаях, в то время как поротический гиперостоз на костях свода черепа фиксировался достаточно часто. В ряде случаев поротический гиперостоз костей свода черепа и *cribra orbitalia* были сочетанны. На сегодняшний день причины появления поротического гиперостоза дискуссионны, его этиология однозначно не определена. Вероятнее всего, следует рассматривать целый комплекс негативных факторов. Современные исследователи считают, что изменение костной структуры возникает как компенсаторная реакция организма на уменьшение в крови количества гемоглобина. Причинами развития данной патологии также могут быть наследственные состояния, нерациональное питание, малое употребление продуктов, содержащих животные белки, недостаточное поступление с пищей витаминов, железа, частые кровопотери [9, с. 21–28; 12, с. 63, 210–211; 32, с. 35–45; 36, p. 350]. Поротизация может быть вызвана и наличием гельминтов в организме или локальными воспалительными процессами [25, с. 206–220; 40, p. 336–338]. Высокий процент фиксации данных патологических проявлений принято связывать с общей санитарно-эпидемиологической обстановкой. В этой связи поротический гиперостоз рассматривается как индикатор патогенной нагрузки в условиях конкретной среды обитания и как показатель здоровья в широком смысле слова, без учета каких-либо конкретных диагнозов. Часто эти патологические состояния связывают с адаптивной реакцией организма на хронические инфекции и железодефицитные анемические состояния [12, с. 63, 210–211; 36, p. 350; 16, с. 95–97; 32, с. 35–36], но, как уже отмечалось, его этиология на сегодняшний день окончательно не расшифрована [9, с. 21–28]. В процентном соотношении поротический гиперостоз отмечался поровну как у погребенных в склепах, так и в других погребальных сооружениях.

На почти четверти исследованных костных остатков прослежены проявления воспалительных процессов (периостит) на краниологическом материале и костях посткраниального скелета. Периостит – это воспаление надкостницы, как реакция костной ткани на различные патогенные причины, среди которых – травматизация, неспецифические инфекции. Считается, что данная патология может в том числе служить и маркером среды обитания [14, с. 175; 33, с. 80]. На костях черепа периостит отмечался в области наружных слуховых проходов, на нижней челюсти и в области нижнего края грушевидного отверстия. На костях посткраниального скелета периостит в основном отмечался на большеберцовых костях. Наиболее часто воспаления надкостницы фиксировались у детей раннего детского возраста. У нескольких индивидов в возрасте 3–5 лет периостит отмечался на длинных костях верхних и нижних конечностей.

К еще одному достаточно часто фиксируемому патологическому маркеру следует отнести поротизацию в области наружных слуховых проходов, указывающую на воспалительные процессы. Основной процент погребенных детей с данным маркером приходился на возраст от 2 до 7 лет. К причинам развития воспалительного процесса, связанного со слуховым аппаратом, можно отнести осложнения после респираторных заболеваний, травматические поражения, проблемы гигиены, переохлаждения и т.д. Провоцирующим фактором отита может стать плохое состояние зубного аппарата [12, с. 227]. На детском материале сочетанных случаев не отмечено, в то время как на материале половозрелых погребенных такие случаи встречались.

На десяти черепах фиксировались костные новообразования в носовых пазухах. Причины возникновения данных новообразований еще требуют дополнительных исследований, но к вероятным можно отнести наследственные факторы, травматические поражения, воспалительные процессы [19, с. 92]. Появление костных новообразований в большинстве случаев повлекли за собой искривление носовой перегородки, что говорит о запущенности заболевания. Замечено, что все черепа с данной патологией также имели поротизацию в области наружных слуховых проходов. У половозрелых индивидов данная патология фиксировалась в единичных случаях и не сочеталась с поротизацией в области наружных слуховых проходов.

В семи случаях на краниоматериале ранней детской возрастной группы выявлены следы эпидуральной гематомы в виде поднадкостных кровоизлияний со стороны эндокрана, с характерными изменениями костной структуры. К наиболее частым причинам данной патологии можно отнести травматические поражения и инфекционные составляющие [12, с. 115]. На нашем материале видимых следов травматического воздействия не обнаружено.

В целом же на костях из детских погребений отмечена низкая степень травматизма. Нами зафиксированы несколько случаев травматических поражений на костях черепа. Отмечены вдавленные травмы черепа и случаи травм костей лицевого отдела. Все травмы выявлены у детей второй и третьей возрастных групп. Также в единичном случае отмечена травма носовых костей с изменениями нижнего края грушевидного отверстия и искривлением носовой перегородки.

У 27 погребенных детей фиксировалась заметная асимметрия костей черепа (плагиоцефалия). Причины таких изменений могут быть различные, такие как внутриутробные осложнения, травмы при родах, преждевременное сращивание черепных швов и т.д. К таким последствиям может привести длительное вынужденное положения головы ребенка, например, во время сна. Все случаи отмечены у погребенных в возрасте 1–3 лет.

Некоторые культурные традиции, присущие определенным группам либо внутригрупповым слоям, являются достаточно устойчивыми на протяжении длительного времени и могут являться маркерами самоидентификации. Таким элементом, несомненно, может быть преднамеренная искусственная деформация черепа. Детские погребения с деформированными черепами были зачищены в склепах, подбойных и грунтовых могилах. Большинство деформированных детских черепов получено из погребений в склепах. Наибольшее количество деформированных черепов приходится на VI–VII вв. Отметим, что на это же время приходилось и наибольшее количество детей по отношению к одной женщине. Все деформированные черепа носили следы двойного бандажирования и имели лобно-затылочную деформацию. На детских черепах из раннего этапа функционирования могильника (конец IV – начало V в.) искусственной деформации черепа не выявлено.

Еще один отмеченный нами вид деформации черепа можно отнести к непреднамеренной деформации. Более чем на десяти детских черепах отмечено заметное уплощение затылочной кости или сочетанное уплощение затылочной и теменной кости. Такой тип деформации может быть обусловлен специфическим строением детской колыбели с твердым дном, ограничивающей подвижность головы ребенка. Как указывают современные исследователи, деформирующее влияние конструкции колыбели сказывается уже через несколько недель после начала ее использования [23, с. 99; 26, с. 66]. Данная особенность обусловлена пластичностью костной ткани в период раннего детского возраста.

Подводя предварительные итоги работы с детскими костными остатками из могильника у с. Лучистое, отметим, что даже плохая степень сохранности материала, как в нашей серии, позволила получить информацию, связанную с количеством и возрастом погребенных, вопросами патологических состояний и некоторых культурных традиций и образа жизни.

Повышенный процент детской смертности в возрасте 3–7 лет может быть обусловлен различными факторами. Остается нерешенной проблема низкого процента младенческой смертности и первого периода жизни. Скорее всего, это объясняется сохранностью материала, но не исключена и обрядовая (устойчивые традиции обращений с телами) составляющая. При этом большое количество захороненных в означенном возрасте носит и вполне объективные причины, такие как патологические состояния здоровья (заболевания, инфекции, изменения связанные с процессами роста организма), внешняя составляющая (климатические условия, повышенная активность, травматизм).

Обобщая результаты некоторых палеопатологических наблюдений, можно отметить, что детская составляющая (всех возрастных категорий) на протяжении всего времени функционирования памятника испытывала серьезные стрессовые нагрузки, связанные с патогенными факторами, в том числе и с общим санитарным фоном. Конечно, это не могло не сказаться на появление и, как следствие, влияние инфекций и эпидемий на организм детей исследованной серии. Специфические изменения на костях и зубах также указывают на периоды, связанные с проблемами питания и палеодиетой.

Исследование антропологического материала из детских погребений можно считать достаточно перспективным направлением для оценки качественного уровня жизни древнего населения, поскольку именно дети являются наиболее уязвимой составляющей части общества в различные временные промежутки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар, 1999. 352 с.
2. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Могильник у с. Лучистое. Т. I. Раскопки 1977, 1982–1984 годов. Симферополь; Керчь, 2008. 336 с.
3. Алексеев В.П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. 249 с.
4. Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.
5. Амори С., Крюбези Э. Узы родства в погребальных ансамблях: дискретные признаки и древняя ДНК // Биологическая антропология и археология: к синтезу научных дисциплин. Париж; Самарканд: Международный институт центральноазиатских исследований, 2013. С. 76–88.
6. Богатенков Д.В., Дробышевский С.В. Антропология: Учебно-методический комплекс / ред. Т.И. Алексеева. 2004. [Электронный учебник]. Режим доступа: https://psv4.userapi.com/s/v1/d/jnI934naik3Rk_vdPbZv0qHrnDgLkQsdoyfx-9CrlTW0U1Z9altb7bSzKvI_xYVwAYrDal0CQ3EO_gQh0yR6daLWchT8cixaj9mSL4F6nILdA--3qqo5aw/Alexeeva-T_I_-red_-Bogatenkov-D_V_-Drobyshevskiy-S_V_-Antropologia_-2004.pdf
7. Борисова В.В. Могильник у высоты «Сахарная головка» // ХСб. 1959. Вып. V. С. 169–190.
8. Бросалов В.М. Распространенность ряда дискретно-варьирующих признаков на черепах жителей г. Пензы XVII–XIX вв. // Вестник Пензенского государственного университета. 2013. № 2. С. 71–77.
9. Бочкарева И.В., Калмина О.А., Иконников Д.С., Исаев И.Н., Андреев К.В., Панюшкина Л.И. Cribra orbitalia как показатель железодефицитного состояния // Материалы IV Межрегиональной научной конференции «Актуальные проблемы медицинской науки и образования», Пенза, 23–24 мая 2013 г., С. 21–28 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://dep_anatom.pnzgu.ru/files/dep_anatom.pnzgu.ru/conference/aktualnye_problemy_medicinskoy_nauki_i_obrazovaniya_2013.pdf
10. Бужилова А.П. Древнее население (палеопатологические исследования). М.: Изд-во ИА РАН, 1995. 189 с.
11. Бужилова А.П. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М., 1998. С. 87–147.
12. Бужилова А.П. Homo sapiens: история болезни. М.: Языки славянской культуры, 2005. 320 с.
13. Вейман Е.В., Айбабин А.И. Скалистинский могильник. Киев: Наукова думка, 1993. 201 с.
14. Добровольская М.В. Человек и его пища. М.: Научный мир, 2005. 367 с.
15. Душенко А.А., Манаев А.Ю., Набоков А.И., Радочин В.Ю. Верхореченский могильник (материалы исследований 2018 г.). Симферополь: Антиква, 2024. 247 с.
16. Емельянчик О.А. Анализ встречаемости скелетного индикатора анемии cribra orbitalia у населения Беларуси XI–XIX вв. // Известия Национальной академии наук Беларуси. Серия биологических наук. 2010. № 4. С. 13–20.
17. Зиневич Г.П. Антропологические материалы средневековых могильников юго-западного Крыма. Киев: Наукова думка, 1973. 262 с.
18. Зубов А.А. Одонтология. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1968. 199 с.
19. Кудайбергенова С.Ф., Джаркинбекова Г.К., Суатбаева Р.П., Ищанова Д.М., Расулова М.С. Остеома носовой полости // Вестник Казахского национального медицинского университета. 2012. № 2. С. 92–93.
20. Назарова Т.Л., Потехина И.Д. Антропологические материалы из могильников юго-западного Крыма. Киев: Институт археологии АН УССР, 1990. (Препринт).
21. Пашкова В.И., Резников Б.Д. Судебно-медицинское отождествление личности по костным останкам. Саратов: Изд-во Са-рат. ун-та, 1978. 320 с.
22. Перерва Е.В. Дискретно-варьирующие признаки на костях посткраниального скелета: на примере антропологических материалов из некрополя Водянского городища // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2014. Т. 28. № 4. С. 51–70.
23. Перерва Е.В. Рентгенологическое исследование деформированных черепов золотоордынского времени с территории Нижнего Поволжья (палеопатологический аспект) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 2 (29) С. 98–114.
24. Перерва Е.В. Патологические отклонения на костных останках детей из подкурганных захоронений эпохи средней бронзы с территории Нижнего Поволжья и республики Калмыкия // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Серия политология и социология. 2016. С. 67–78.

25. Перерва Е.В. Палеопатологические особенности неполовозрелого и подросткового населения средне-сарматского времени, погребенного в могильниках Нижнего Поволжья // Genesis: исторические исследования. 2016. № 6. С. 206–220.
26. Перерва Е.В. Костные останки детей из некрополя Водянского городища золотоордынского времени. (Палеопатологический аспект) // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Серия политология и социология. 2017. № 4. С. 63–77.
27. Радочин В.Ю. Новые антропологические материалы из могильника у с. Лучистое // МАИЭТ. 2002. Вып. IX. С. 119–134.
28. Радочин В.Ю. Антропологические материалы из погребений V–IX вв. могильника у с. Лучистое // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 161–171.
29. Радочин В.Ю. Антропологические материалы из могильника у с. Лучистое (раскопки 2003–2007 гг.) // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV. С. 184–235.
30. Радочин В.Ю. Некоторые особенности жизни средневекового населения Крыма (по результатам антропологических исследований могильников у с. Лучистое и Эски-Кермен) // МАИЭТ. 2018. Вып. XXIII. С. 233–254.
31. Радочин В.Ю. Анализ антропологического материала из могильника у с. Лучистое (по результатам раскопок 2015–2018 гг. // МАИЭТ. 2020. Вып. XXV. С. 224–243.
32. Ражев Д.И. Факторы распространения поротического гиперостоза в средневековых группах Западной Сибири // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. 2016. № 1. С. 35–45.
33. Рейнберг С.А. Рентгенодиагностика заболеваний костей и суставов. М.: Медицина, 1964. Т. 1. 529 с.
34. Соколова К.Ф. Антропологічні матеріали могильників Інкерманської долини // Археологічні пам'ятки УРСР. Київ, 1963. Т. XIII. С. 124–160.
35. Тур С.С., Рыкун М.П. Краниологические материалы андроновской культуры Алтая в палеоэкологическом аспекте исследования // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2007. Вып. 6. С. 44–52.
36. Aufrderheide A.C., Rodrigues-Martin C. Human paleopathology. Cambridge: University Press, 1997. 478 p.
37. Hauser G., De Stefano G.F. Epigenetic variants of the human skull. Stuttgart: Schweizerbartsche Verlag, 1989. 301 p.
38. Schaefer L., Black S., Scheuer L. Juvenil osteology. A laboratory and field manual. Amsterdam: Elsevier, 2009. 369 p.
39. Ubelaker D.H. Human skeletal remains. Excavation, analysis, interpretation. Chicago: Taraxacum, 1987. 116 p.
40. Wapler U., Crubezy E., Schultz M. Is Cribra Orbitalia Synonymous with Anemia? Analysis and Interpretation of Cranial Pathology in Sudan // American Journal of Physical Anthropology. 2004. Vol. 123. P. 336–338.

REFERENCES

1. Aibabin A.I. *Etnicheskaia istoriia rannevizantiiskogo Kryma* [Ethnic history of the early Byzantine Crimea]. Simferopol, Dar Publ., 1999, 352 p.
2. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. *Mogil'nik u s. Luchistoe. T. I. Raskopki 1977, 1982–1984 godov* [Cemetery near the village of Luchistoye. Vol. I. Excavations of 1977, 1982–1984]. Simferopol, Kerch, 2008, 336 p.
3. Alekseev V.P. *Osteometriia. Metodika antropologicheskikh issledovanii* [Osteometry. Anthropological research methodology]. Moscow, Nauka Publ., 1966. 249 p.
4. Alekseev V.P., Debets G.F. *Kraniometriia. Metodika antropologicheskikh issledovanii* [Craniometry. Anthropological research methodology]. Moscow, Nauka Publ., 1964, 128 p.
5. Amori S., Kriubezi E. Kinship Ties in Funeral Assemblages: Discrete Features and Ancient DNA. *Biologicheskaia antropologiia i arkheologiia: k sintezu nauchnykh distsiplin* [Biological Anthropology and Archaeology: Towards a Synthesis of Scientific Disciplines], Paris, Samarkand, International Institute of Central Asian Studies Publ., 2013, pp. 76–88.
6. Bogatenkov D.V., Drobyshevsky S.V. *Antropologiia: Uchebno-metodicheskii kompleks* [Anthropology: Educational and methodological complex], 2004, Alekseeva T.I. (ed.) [Electronic textbook]. URL: https://psv4.userapi.com/s/v1/d/jnI934naik3Rk_vdPbZv0qHrnDgLkQsdoyfx-9CrlTW0U1Z9altb7bSzKvI_xY-VwAYrDal0CQ3EO_gQh0yR6daLWchT8cixaj9mSL4F6nILdA--3qqo5aw/Alexeeva-T_I_-red_-Bogatenkov-D_V_-Drobyshevskiy-S_V_-Antropologia_-2004.pdf
7. Borisova V.V. Burial ground at the height of «Sakharnaia golovka». *Khersonesskii sbornik* [Chersonesos Collection]. 1959, vol 5, pp. 169–190.
8. Brosalov V.M. Prevalence of a number of discretely varying features on the skulls of Penza residents in the 17th–19th centuries. *Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Penza State University], 2013, no. 2, pp. 71–77.
9. Bochkareva I.V., Kalmina O.A., Ikonnikov D.S., Isaev I.N., Andreev K.V., Paniushkina L.I. Cribra orbitalia as an Indicator of Iron Deficiency. *Materialy IV Mezhregional'noi nauchnoi konferentsii «Aktual'nye problemy meditsinskoi nauki i obrazovaniia»* [Proceedings of the IV Interregional Scientific Conference "Actual Problems

of Medical Science and Education"], Penza, May 23–24, 2013, pp. 21–28. URL: https://dep_anatom.pnzgu.ru/files/dep_anatom.pnzgu.ru/conference/aktualnye_problemy_medicinskoy_nauki_i_obrazovaniya_2013.pdf
10. Buzhilova A.P. *Drevnee naselenie (paleopatologicheskie aspekty issledovaniia)* [Ancient population (paleopathological aspects of research)]. Moscow, Institute of archeology RAS Publ., 1995, 189 p.
11. Buzhilova A.P. Paleopathology in bioarchaeological reconstructions. Buzhilova A.P., Kozlovskaia M.V., Mednikova M.B. (eds.), *Istoricheskaia ekologiia cheloveka. Metodika biologicheskikh issledovanii* [Historical human ecology. Biological research technique], Moscow, Novyi sad Publ., 1998, pp. 87–147.
12. Buzhilova A.P. *Homo sapiens: istoriia bolezni* [Homo sapiens: medical history]. Moscow, "Yazyki slavianskoi kul'tury" Publ., 2005, 320 p.
13. Veimarn E.V., Aibabin A.I. *Skalistinskii mogilnik* [Skalistinsky cemetery]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1993, 201 p.
14. Dobrovol'skaia M.V. *Chelovek i ego pishcha* [Man and his food]. Moscow, Nauchnyi mir publ., 2005, 367 p.
15. Dushenko A.A., Manaev A.Yu., Nabokov A.I., Radochin V.Yu. *Verkhorechenskii mogil'nik (materialy issledovanii 2018 g.)* [Verkhorechensky cemetery (the materials of 2018 research)]. Simferopol, Antikva Publ., 2024, 247 p.
16. Emel'ianchik O.A. Analysis of the occurrence of the skeletal indicator of anemia cribra orbitalia in the population of Belarus in the 11th–19th centuries. *Izvestiia Natsional'noi akademii nauk Belarusi. Seriia biologicheskikh nauk* [Bulletin of the National Academy of Sciences of Belarus. Series of Biological Sciences], 2010, no. 4, pp. 13–20.
17. Zinevich G.P. *Antropologicheskie materialy srednevekovykh mogil'nikov iugo-zapadnogo Kryma* [Anthropological materials of medieval burial grounds of the southwestern Crimea]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1973, 262 p.
18. Zubov A.A. *Odontologiia. Metodika antropologicheskikh issledovanii* [Odontology. Methodology of anthropological research]. Moscow, Nauka Publ., 1968, 199 p.
19. Kudaibergenova S.F., Dzharkinbekova G.K., Suatbaeva R.P., Ishchanova D.M., Rasulova M.S. Osteoma of the nasal cavity. *Vestnik Kazakhskogo natsional'nogo meditsinskogo universiteta* [Bulletin of the Kazakh National Medical University], 2012, no. 2, pp. 92–93.
20. Nazarova T.L., Potekhina I.D. *Antropologicheskie materialy iz mogil'nikov iugo-zapadnogo Kryma* [Anthropological materials from burial grounds of southwestern Crimea]. Kiev, Institute of Archaeology, Academy of Sciences of the Ukrainian SSR Publ., 1990. (Preprint).
21. Pashkova V.I., Reznikov B.D. *Sudebno-meditsinskoe otozhdestvlenie lichnosti po kostnym ostankam* [Forensic identification of individuals based on bone remains]. Saratov, Saratov University Publ., 1978, 320 p.
22. Pererva E.V. Traits of non-metric variation on postcranial skeleton bones: the case of anthropological material from the necropolis site of ancient settlement Vodyanskoe. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia 4, Istoriia. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2014, vol. 28, no. 4, pp. 51–70.
23. Pererva E.V. Radiologic investigation of deformed crania of the Golden Horde time from the territory of Low Volga basin (a paleopathological aspect). *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography], 2015, no. 2 (29), pp. 98–114.
24. Pererva E.V. Pathological abnormalities in the bone remains of children from burial mounds of the Middle Bronze Age from the territory of the Lower Volga region and the Republic of Kalmykia. *Nauchnyi vestnik Volgogradskogo filiala RANKhiGS. Seriia politologiia i sotsiologiia* [Scientific Bulletin of the Volgograd Branch of RANEPA. Series: political science and sociology], 2016, no. 1, pp. 67–78.
25. Pererva E.V. Paleopathological features of the immature and adolescent population of the Middle Sarmatian period buried in the cemeteries of the Lower Volga region. *Genesis: istoricheskie issledovaniia* [Genesis: Historical Research], 2016, no. 6, pp. 206–220.
26. Pererva E.V. Bone remains of children from the necropolis of the Vodyanskoye settlement of the Golden Horde period (Paleopathological aspect). *Nauchnyi vestnik Volgogradskogo filiala RANKhiGS. Seriia politologiia i sotsiologiia* [Scientific Bulletin of the Volgograd Branch of RANEPA. Series: political science and sociology], 2017, no. 4, pp. 63–77.
27. Radochin V.Yu. New anthropological materials from the cemetery near the village of Luchistoe. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2002, vol. 9, pp. 119–134.
28. Radochin V.Yu. Anthropological Materials from the Burials Dating back to the 5th–9th Centuries in the Cemetery near the Village of Luchistoye. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2003, vol. 10, pp. 161–171.
29. Radochin V.Yu. Anthropological Materials from the Cemetery near the Village of Luchistoye (excavations of 2003–2007). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2008, vol. 14, pp. 184–235.
30. Radochin V.Yu. Some Life Features of Mediaeval Population of the Crimea (According to the Palaeoanthropological Researches of the Cemeteries near Luchistoe Village and Eski-Kermen). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2018, vol. 23, pp. 233–254.

31. Radochin V.Yu. The Analysis of the Anthropological Material from the Cemetery near the Village of Luchistoe (According to the Results of 2015–2018 Excavations). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2020, vol. 25, pp. 224–243.
32. Razhev D.I. Reasons for the spread of porotic hyperostosis in medieval populations of Western Siberia. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seria XXIII. Antropologia* [Bulletin of Moscow University. Anthropology], 2016, no. 1, pp. 35–45.
33. Reinberg S.A. *Rentgenodiagnostika zabolevanii kostei i sustavov* [X-ray diagnostics of bone and joint diseases]. Moscow, Meditsina Publ., 1964, T. 1, 529 p.
34. Sokolova K.F. Anthropological materials of the cemeteries of the Inkerman Valley. *Arkheologichni pam'iatki URSR* [Archaeological sites of the Ukrainian SSR], Kiev, 1963, T. XIII, pp. 124–160.
35. Tur S.S., Rykun M.P. Craniological materials of the Andronovo culture of Altai in the paleoecological aspect of the study. *Izuchenie istoriko-kul'turnogo naslediia narodov Iuzhnoi Sibiri* [Study of the historical and cultural heritage of the peoples of Southern Siberia], Gorno-Altaisk, 2007, vol. 6, pp. 44–52.
36. Aufrderheide A.C., Rodrigues-Martin C. *Human paleopathology*. Cambridge, University Press, 1997, 478 p.
37. Hauser G., De Stefano G.F. *Epigenetic variants of the human skull*. Stuttgart, Schweizerbartsche Verlag, 1989, 301 p.
38. Schaefer L., Black S., Scheuer L. *Juvenil osteology. A laboratory and field manual*. Amsterdam, Elsevier, 2009, 369 p.
39. Ubelaker D.H. *Human skeletal remains. Excavation, analysis, interpretation*. Chicago, Taraxacum, 1987, 116 p.
40. Wapler U., Crubezy E., Schultz M. Is Cribra Orbitalia Synonymous with Anemia? Analysis and Interpretation of Cranial Pathology in Sudan. *American Journal of Physical Anthropology*, 2004, vol. 123, pp. 336–338.

Информация об авторе

Радочин В. Ю. – старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, Researcher ID: AAH-7490-2019.

Author information

Radochin V. Yu. – Senior Researcher at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: AAH-7490-2019.

DOI: 10.29039/2413-189X.2025.30.320-346

НОВЫЕ САЛТОВО-МАЯЦКИЕ КОМПЛЕКСЫ НА ГОРОДИЩЕ ТИРИТАКА И В ПОС. ЭЛЬТИГЕН

Виктор Николаевич Зинько
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия
elena-zinko@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-6208-7293
Алексей Викторович Зинько
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия
a.zinko@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-6017-4449
Леонид Юрьевич Пономарев
Независимый исследователь, l_ponomarev@mail.ru

Аннотация. По итогам работ, проводившихся в 2018 и 2022 гг. Боспорской охранно-археологической экспедицией, удалось пополнить сведения о двух салтово-маяцких поселениях и могильнике, расположенных на берегу Керченского пролива. В 2018 г. на раскопе XXVIII в северной части городища Тиритака был обнаружен жилой комплекс второй половины VIII – первой половины X в., разместившийся в постройке ранневизантийского периода. Исследованной с 2008 г. площадью у северной оборонительной стены удалось подтвердить локальный характер застройки этого участка городища в хазарский период. Ограниченный характер работ на поселении Героевка-4 и могильнике Эльтиген-II в окрестностях поселка Эльтиген (Героевское) обусловил их охранно-спасательный характер. На могильнике Эльтиген-II удалось открыть две плитовые могилы предварительно датированные IX в., а в западной части поселения Геровка-4 обнаружены две хозяйственные ямы, засыпанные не ранее второй половины IX в. Оба памятника раскапывались впервые.

Ключевые слова: Керченский полуостров, салтово-маяцкая культура, хазарский период, городище Тиритака, могильник Эльтиген-II, поселение Героевка-4

Благодарности: Статья написана в рамках проекта Минобрнауки РФ, государственное задание FZEG-2025-0001 «Этнические трансформации в Крыму и Таврических степях в Средние века и Новое время».

NEW SALTOVO-MAIAK ASSEMBLAGES AT THE ANCIENT TOWN OF TYRITAKE AND OF THE MODERN SETTLEMENT OF EL'TIGEN

Viktor. N. Zin'ko
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
elena-zinko@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-6208-7293
Aleksei V. Zin'ko
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
a.zinko@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-6017-4449
Leonid Iu. Ponomarev
Independent researcher, l_ponomarev@mail.ru

Abstract. The 2018 and 2022 excavations by the Bosporan Protective Archaeological Expedition expanded our knowledge of two settlements and one cemetery of the Saltov-Maiak culture located on the shore of the Kerch Strait. In 2018, the works at excavation trench XXVIII in the northern area of the ancient town of Tyritake uncovered a household from the second half of the eighth to the first half of the tenth century located above an Early Byzantine building. The area at the northern defensive wall explored from 2008 on confirmed the local development of this section of the ancient town in the Khazar Period. Limited works at the settlement of Geroevka-4 and the cemetery of El'tigen-II at the modern settlement of El'tigen (Geroevskoe) resulted in their protective nature. Excavations at the cemetery of El'tigen-II uncovered two slabbed graves tentatively dated to the ninth century, and the researches in the western area of the ancient settlement of Gerovka-4 uncovered two storage pits filled in no earlier than the second half of the ninth century. Both sites were excavated for the first time.

Keywords: Kerch Peninsula, Saltovo-Maiak culture, Khazar Period, ancient town of Tyritake, Cemetery of Eltigen-II, settlement of Geroyevka-4

Acknowledgments: This article has been written as a part of the project supported by state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation FZEG-2025-0001 *Ethnic Transformations in the Crimea and the Tauria Steppe in the Middle Ages and the Modern Period.*

В числе первых, открытых и исследованных на Керченском полуострове в 1930-е и 1960-е гг. Л. М. Славиным, Ю. Ю. Марти, В. Ф. Гайдукевичем, В. В. Веселовым и А. В. Гадло, салтово-маяцких памятников оказались поселения и грунтово-плитовые могильники второй половины VIII – первой половины X в. на городище Тиритака и в окрестностях пос. Эльтиген (Героевское) [33, с. 32–36; 8, с. 47, 49–52, 72, 100–105, 126–131, рис. 48; 54; 122–126, 162–164; 3, с. 41–42, 116, №№ 141/84-1, 142/85-2; 4, с. 78–84; 5, с. 160–168; 14; 40, с. 250–252, 256–257; 28, с. 14–16; 42, с. 287–295; 29, с. 441–445; 44, с. 376–399]. В 1991 г. изучение поселений в окрестностях пос. Эльтиген, а в 2002 г. – городища Тиритака продолжила Боспорская охранно-археологическая экспедиция под руководством В. Н. Зинько. По итогам разведочных работ, обнаруженное А. В. Гадло на юго-западной и южной окраинах пос. Эльтиген селище, принятое им за один большой памятник размерами 3,5×0,2–0,8 км (площадью 160 га) [4, с. 78; 6, с. 73; 44, с. 390, рис. 1], было разделено на несколько самостоятельных поселений – Эльтиген Юго-Западное; Героевка-1, 2, 3, 4, 6; Верхне-Бурунский маяк Северное, Западное, Восточное [23, с. 187–193, рис. 1]. В 1991–1995 гг. на поселениях Героевка-2, Героевка-3 и Героевка-6 раскопками нашей экспедиции удалось открыть несколько усадебных комплексов и одно грунтовое погребение [14, с. 18–20; 15, с. 40–41; 24, с. 147–158; 25, с. 236–268; 27, с. 420–440]. В 2000 г. на западной окраине поселения Верхне-Бурунский маяк Восточное в 0,3 км к северу от поселения Эльтиген Юго-Западное (в 0,1 км к западу от пос. Эльтиген) был раскопан участок грунтово-плитового могильника IX в. Эльтиген-I, открытый разведками БОАЭ 1997 г. [23, с. 190, рис. 1,18; 39, с. 445–475], к юго-востоку от него у подошвы и на склоне второй приморской террасы обнаружен еще один могильник этого периода – Эльтиген-II [39, с. 445; 41, с. 504].

В 2002 г. наша экспедиция приступила к раскопам городища Тиритака. В центральной его части на раскопе XXVI был открыт участок салтово-маяцкого поселения, жилые и хозяйственные сооружения которого (полуземлянка и каменные постройки) удалось разделить на три стратиграфических горизонта [28]. Что касается северной части городища, в довоенный период она не исследовалась, поскольку здесь располагалась бывшая усадьба семейства Олив. Во время войны ее постройки были большей частью разрушены. В 1946 г. В. Ф. Гайдукевич заложил в северо-западной части городища разведочный раскоп XVIII площадью 87,5 м². Наиболее позднее обнаруженное в нем сооружение относилось к первым векам н.э. [10, с. 180–181]. Раскопами XIX и XX в 1948–1950 гг. он открыл угловую северо-западную башню, участки западной и северной оборонительной стены и прилегающую к ним застройку, но слои и строительные комплексы ранневизантийского и хазарского периодов, как и в раскопе XVIII, отсутствовали [10, с. 151–157, рис. 2].

В 1951–1952 гг. работы велись на раскопе XXI в северо-восточном углу городища, которыми В. Ф. Гайдукевич открыл еще одну башню и примыкающие к ней с запада и востока участки северной оборонительной стены. В отличие от северо-западного угла, здесь удалось проследить горизонт ранневизантийского периода, с впущенной в него плитовой могилой хазарского периода, зафиксированной в квадратах 9 и 11 примерно в 7,5 м к ЗЮЗ от башни. С внутренней стороны ее торцевой изголовной плиты был высечен крест. Христианский обряд погребения подтвердили юго-западная ориентировка покойника и отсутствие при нем погребального инвентаря [10, с. 159, 165, рис. 9]. При расчистке раскопа XXI в 2013 г. к юго-востоку от башни была обнаружена конструкция, очень напоминающая плитовую детскую могилу, ориентированную в направлении ССВ-ЮЮЗ (рис. 1), но о ней в публикациях В. Ф. Гайдукевича нет ни слова. Последний раскопочный сезон Боспорской (на тот момент Советско-Польской) археологической экспедиции на Тиритаке был проведен в 1957 г., ее отрядом под руководством М. А. Наливкиной. Исследовался юго-западный участок раскопа XXI, в пределах которого к югу от оборонительной стены открыли постройку II–III/IV вв. н.э. [12, с. 87].

В 1974 г. охранные раскопки на Тиритаке провела экспедиция Керченского историко-археологического музея под руководством Д. С. Кирилина. В северо-западной части городища, где намечались строительные работы, он планировал провести исследования на двух раскопах – XXII и XXIII, площадь которых должна была составить 8300 (по другим данным 8500) м². Однако, на месте предполагаемого раскопа XXIII площадью около 6000 м² было построено здание столовой и кафе «Тиритака», без предварительных охранных раскопок. Работы удалось провести только на раскопе XXII площадью 1695 м², примыкающем к северо-западной оборонительной башне [16, с. 303]. Мощность культурных напластований в его пределах варьировалась от 1,5 до 5,5 м. В процессе раскопок были открыты новые участки северной и западной крепостных стен, винодельня, рыбозасолочные ванны и жилые постройки VI в. до н.э. – IV в. н.э., а также жилая каменная постройка и «полуземлянка» второй половины VIII – первой половины X в. К сожалению, за исключением небольшой заметки в «Археологических открытиях» 1974 года, результаты этих работ не публиковались. Не сохранилась в полном объеме и полевая документация [31, с. 286; 34, с. 294–295]. В личном архиве Д. С. Кирилина удалось найти лишь пару десятков разрозненных листов текстовой части, так и не сданного в полевой комитет ИА АН УССР «Отчета Тиритакской экспедиции 1974 г.» и альбом фотографий к нему [16, с. 302–331]. Поэтому практически вся, имеющаяся в распоряжении исследователей, информация о застройке северо-западного участка во второй половине VIII – первой половине X в. сводится к нескольким строкам из статьи, помещенной в «Археологических открытиях». В квадратах 24, 27, 30 и 37 на уровне горизонта этого периода были открыты «остатки жилищ с очагами, жерновами и складами амфор VIII–IX вв.» [31, с. 286]. Этим абзацем и одной строкой описания плитовой могилы в раскопе XXI в начале нынешнего столетия и ограничивались сведения о салтово-маяцком поселении в северной части городища.

В 2008 и 2012 гг. в рамках продолжавшегося научного проекта «Боспорский город Тиритака» вдоль северной оборонительной стены городища Боспорской охранно-археологической экспедицией были заложены раскопы XXVIII и XXIX [21, с. 63; 22, с. 46]. До 2018 г. наиболее поздние обнаруженные в них строительные комплексы и напластования датировались ранневизантийским периодом. Единственный строительный комплекс, относящийся к периоду функционирования на городище салтово-маяцкого поселения, был открыт в 2018 г. на уровне городской застройки V–VI вв. н.э. в западной части раскопа XXVIII в одном из трех смежных, вытянутых в ряд к югу от оборонительной стены помещений (СК-I, II, III) (рис. 1). Как оказалось, центральное (СК-II) и восточное (СК-III) помещения, исследованные в 2019 г., функционировали не позднее VI в. [19, с. 169–173, рис. 1–5], а западное помещение (СК-I) – между второй половиной VIII – первой половиной X в. повторно использовали под жилище [17, с. 113–114]. К западу от СК-I, возможно, находилось еще одно помещение, но в этом направлении раскоп расширен не был.

Строительный комплекс СК-I представлял собой помещение прямоугольной формы, ориентированное по длинной оси в направлении СВ-ЮЗ, но под несколько иным углом, нежели соседние помещения СК-II и СК-III (рис. 2; 3,*1*). Не исключено, что они относятся к двум строительным периодам, на что помимо разной ориентировки указывает стена № 26, поверх которой возвели северо-восточную стену СК-I. Внутренние размеры СК-I – 3,89×5,91 м. Стена № 22, ограничивавшая помещение с северо-востока, общая для трех помещений, сохранилась на высоту 2–3 рядов кладки до 0,65 м, при толщине – 1,18 м. Кладка постелистая, регулярная, трехслойная, двухпанцирная, с забутовкой из мелких камней и суглинка. Камни панцирей уложены логом и тычком. Сложена стена из необработанных и слегка подтесанных известняковых камней размерами от 0,10×0,07×0,04 до 0,95×0,51×0,28 м. Юго-восточная стена № 23 (смежная с помещением СК-II) сохранилась частично, на высоту 1–3 рядов кладки до 0,62 м, при толщине – 0,9 м. По конструкции, форме и размерам камней она ничем не отличается от стены № 22. С юго-запада помещение ограничивала стена № 25, сохранившаяся на высоту нижнего ряда кладки до 0,45 м, при толщине – 0,81 м (рис. 4,*4–5*). Кладка постелистая, иррегулярная, трехслойная, двухпанцирная, с забутовкой из мелких камней и суглинка. Камни панцирей уложены логом и тычком. Сложена из необработанных и слегка

подтесанных известняковых камней размерами от 0,15×0,10×0,08 до 0,61×0,30×0,18 м. В северо-западной части стены оставлен дверной проем шириной 1,38 м без пороговых камней. С северо-западной стороны к дверному проему со стороны помещения примыкает стена № 25А длиной 1,05 м и толщиной 0,41 м, сохранившаяся на высоту одного ряда камней до 0,22 м (рис. 4,*6–7*). Кладка постелистая, однослойная, сложена из крупных необработанных камней, уложенных тычком. Северо-западная стена № 24, возведенная или полностью перестроенная не ранее второй половины VIII в., сохранилась на уровне нижнего ряда кладки на высоту до 0,34 м, при толщине стены – 0,37–0,41 м (рис. 4,*1–3*). Пристроена к стенам № 22 и № 25 не «в перевязь». Возможно, к западу от нее находилось еще одно помещение, в таком случае «разрыв» в ее южной части шириной 0,9 м можно интерпретировать как дверной проем. Сложена она из необработанных известняковых камней размерами от 0,15×0,10×0,07 до 0,55×0,30×0,20 м. Кладка трехслойная, двухпанцирная, с забутовкой из мелких камней и суглинка. Камни панцирей уложены на короткое ребро с уклоном в северном направлении – в «елочку» – широко распространенным в Таврике и на Таманском полуострове строительным приемом в хазарское время, функциональное назначение которого, время появления и хронологические рамки остаются предметом дискуссии [46, с. 117–159; 32, с. 424, прим. 20; 50, с. 114–118; 13, с. 268, прим. 20].

В юго-восточном углу помещения находилась печь прямоугольной в плане формы, пристроенная вплотную к стене № 25 (рис. 2–3). Ее внутренние размеры – 1,2×0,8 м, топочная камера сложена из установленных на ребро подтесанных камней, стенки изнутри промазаны несколькими слоями суглинка. В центральной части камеры установлен прямоугольный камень высотой 0,4 м, подпиравший перекрытие печи. Устье шириной 0,4 м обращено к ССВ. Подобные по конструкции печи-«каменки» с центральным опорным столбом под плиту перекрытия обнаружены в жилых полуземлянках, однокамерных и двухкамерных постройках второй половины VIII – первой половины X в. на городищах Тиритака, Мирмекий, Илурат, Белинское, поселениях Героевка-3 и Эльтиген-Памятник [7, с. 203–204, рис. 13; 8, с. 49–50; 28, с. 173–174, 180, рис. 31; 33; 40; 9, с. 105, 109, рис. 45; 47; 11, с. 135–136, рис. 147; 30, с. 23–24, 98, 102–103, рис. 25; 29–30; 4, с. 82, рис. 21; 5, с. 162, рис. 2; 44, с. 384, 386, рис. 3,1; 6,1; 47, с. 309, 320–321, 330, рис. 6–7; 17]. Такие же печи зафиксированы в постройках IV-го строительного горизонта Тиритаки, датирующихся второй половиной III – первой половиной V в. н.э. [20, с. 421, рис. 432].

Помимо печи других хозяйственно-бытовых приспособлений в помещении обнаружено не было. Пол в виде утрамбованного суглинка светло-желтого оттенка зафиксирован на уровне подошвы кладок. На полу в большей части помещения прослежено золистое пятно.

В золисто-сырцовом слое, заполнявшем СК-I, и на полу помещения найдены 207 фрагментов разновременной керамики, в т.ч. 1 фрагмент боспорской черепицы, 7 фрагментов пифосов V–VI вв. н.э., 185 фрагментов амфор IV в. до н.э. – VI в. н.э. и VIII–X вв., 11 фрагментов столовой посуды I–VI вв., лепной горшок VI в. и 2 фрагмента стенок салтово-маяцких горшков. Здесь же были найдены 27 костей крупного и мелкого рогатого скота.

Среди профильных фрагментов и стенок преобладала тара ранневизантийского периода, включая амфоры типа 96/97 по Зеест (рис. 5,*4,11*), амфоры LR-1 (рис. 5,*1,6*), амфоры типа V по херсонесской классификации 1971 г. / типа 98а по Зеест (рис. 5,*3*), амфоры типа 103 по Зеест (рис. 5,*10*), критские амфоры TRC-6 (рис. 5,*9*) и светлоглиняные узкогорлые амфоры типов «F» и «E» (рис. 5,*2,5*). К этому же периоду относится фрагмент краснолаковой фокейской миски и лепной горшок.

Керамика второй половины VIII – первой половины X в. представлена несколькими фрагментами «причерноморских» амфор с бороздчатым рифлением (рис. 5,*7–8*) и стенок салтово-маяцких горшков, одна из которых украшена сплошным горизонтальным рифлением, нанесенным многозубчатым орнаментиром (рис. 5,*14*).

Малочисленность находок хазарского периода на полу помещения свидетельствует о том, что покинуто жилище было в спокойной обстановке, благодаря чему его обитатели имели возможность забрать с собой всё своё имущество. Что касается планиграфии салтовского поселения в северной части городища, освоены здесь были лишь отдельные его участки, при

этом под жилища приспосабливали и хорошо сохранившиеся на тот момент постройки ранневизантийского периода[1]. Северо-восточную часть бывшего античного городища и один из его участков у западной стены во второй половине VIII – первой половине X в. заняли под могильники.

В 2022 г. Боспорская охранно-археологическая экспедиция провела охранно-спасательные археологические раскопки нескольких поселений на юго-западной и южной окраине пос. Эльтиген, по территории которых пролегли трассы газопровода и водовода [18, с. 100–106]. Поселенческие и погребальные комплексы второй половины VIII – первой половины X в. были обнаружены у северо-восточной окраины поселения Эльтиген юго-западное[2] и на поселении Героевка-4.

В 2022 г. к западу от ул. Галины Петровой на участке, примыкающем к насыпи железной дороги, проложенной в конце XIX века к морскому причалу от железорудного карьера Таганрогского металлургического общества, были открыты две плитовые детские могилы (рис. 6,*1–2*). Этот могильник, получивший название Эльтиген-II, был обнаружен в 2000 г. по двум обнажившимся на склоне второй приморской террасы плитовым могилам, одна из которых ориентирована в направлении север-юг, другая – в направлении ЮЗ-СВ [39, с. 445; 41, с. 504].

Плитовая могила № 1 (рис. 7). Выявлена у юго-восточного борта квадрата 4. Ориентирована по длинной оси в направлении СЗ-ЮВ, впущена в материковый суглинок. Плитой перекрытия послужил вторично использованный пороговый камень в виде известняковой, хорошо обработанной плиты размерами 0,61×0,39 м с прямоугольным углублением – пазом для деревянной конструкции. Внешние размеры могилы – 0,85×0,42 м, внутренние размеры – 0,72×0,35–0,38 м, глубина – 0,3–0,39 м. От продольных стенок сохранилась лишь одна прямоугольная известняковая плита, установленная с северо-восточной стороны. С торцевых сторон установлено по одной плите. От скелета погребенного, младенца возрастом 7–8 месяцев, сохранились 4 фрагмента черепа и фрагмент плечевой кости. Инвентаря при нем не оказалось.

Плитовая могила № 2 (рис. 8). Выявлена в 1,95 м к юго-западу от могилы № 1. Ориентирована по длинной оси в направлении СЗ-ЮВ, впущена в материковый суглинок. Перекрытие сохранилось в виде двух плоских камней, просевших в могилу. Внешние размеры могилы – 0,75×0,44 м, внутренние размеры – 0,52×0,34 м, глубина – 0,2–0,23 м. Северо-восточная продольная стенка могилы сложена из двух, поставленных на ребро плоских камней, плиты юго-западной стенки отсутствовали. С торцевых сторон установлены частично обработанная плита и бесформенный камень. От скелета погребенного, младенца возрастом 7–8 месяцев, сохранились 5 фрагментов черепа и фрагмент локтевой кости. Погребальный инвентарь отсутствовал, в северном углу могилы обнаружено куриное яйцо, которое можно интерпретировать как пережиток языческих верований и погребальных обрядов носителей салтово-маяцкой культуры. В катакомбах Верхне-Салтовского могильника яйца сопровождали захоронения женщин и девочек [1, с. 294; 2, с. 23; 49, с. 262–263, 279, табл. 2].

Предварительно оба погребения можно датировать IX в. До этого 4 детских захоронения в плитовых могилах были раскопаны на могильнике Эльтиген-I. В отличие от могил взрослых индивидов и детей более старшего возраста (не младше 5 лет), в конструкции одной из них – могиле № 5, младенца возрастом до одного года, как и в двух могилах, раскопанных в 2022 г. на восточной окраине могильника Эльтиген-II, помимо подтесанных плит исполь-

[1] В южной части городища Тиритака одно из жилищ салтово-маяцкого поселения разместили внутри базилики ранневизантийского периода [7, с. 203–204, рис. 13]. На поселении Осовины-I в северо-восточной части Керченского полуострова под жилую постройку использовали дом первых веков н.э. [26, с. 183–196]. Жилые и хозяйственные постройки второй половины VIII – первой половины X в. размещались также в ритуальных сооружениях и склепах Илуратского и Кыз-Аульского некрополей первых веков н.э. [45, с. 204–208; 48, с. 270–276].

[2] Исследователями, проводившими археологические разведки под строительство газопровода, поселение Эльтиген юго-западное [23, с. 189] было ошибочно принято за поселение Героевка-6, расположенное в 0,8 км к югу [14, с. 19–20].

зовались необработанные камни. Скромный погребальный инвентарь (проволочная бронзовая серьга с дисками-пронизками) сопровождал лишь захоронение ребенка 6–7 лет [39, с. 450–451, 470, 475, рис. 11–12; 22,3].

Что касается поселения Героевка-4, раскопки на нем в 2022 г. проводились впервые. Открыто оно в 1956 г. разведками В. В. Веселова [3, с. 42, 116, 142/85-2]. Расположено на высоком, подверженном интенсивной абразии береговом клифе в 1 км к югу от пос. Эльтиген и 0,5 км к северу от поселения Героевка-3 (рис. 9,*1*). В срезе обрыва на протяжении около 300 м выделен культурный слой мощностью 0,3–0,4 м с керамикой IV–III вв. до н.э. и VIII–X вв. На пашне в западной части поселения в 1990-е гг. прослеживались развалы камней на месте разрушенных построек. В восточной части зафиксирован раннесредневековый подъемный материал, представленный фрагментами гладкостенных пифосов, «причерноморских» амфор и салтово-маяцких горшков [23, с. 188, 193, 196, рис. 1,4; 4,15].

В 2022 г. раскопки велись в западной части поселения в пределах трассы водовода (рис. 9,*2*). В дерново-гумусном и светло-коричневом суглинистом слоях были обнаружены немногочисленные фрагменты «причерноморских» амфор с бороздчатым (рис. 10,*2–4,6*) и мелким зональным рифлением (рис. 10,*1,5*), ойнохой «скалистинского» типа (рис. 10,*7*), салтово-маяцких горшков (рис. 10,*8–11*), хиосских, гераклейских, фасосских амфор и боспорской черепицы IV–III вв. до н.э., обломок плиты ротационного известнякового жернова (рис. 10,*14*) и две известняковые крышки для пифосов диаметром 28,5 и 29 см (рис. 10,*12–13*).

На уровне материкового суглинка зафиксированы пятна заполнения 7 хозяйственных ям, из них две – ямы № 1 и № 4, расположенные на расстоянии 144 м друг от друга, датируются находками второй половиной VIII – первой половиной X в.

Хозяйственная яма № 1 (рис. 11,*1–4*). Сохранилась на всю глубину, горловина выявлена на уровне поверхности светло-коричневого суглинистого слоя. В плане на уровне горловины и дна имеет форму, приближенную к кругу. В верхней части ямы западный и восточный борта вертикальные, южный и северный сужаются в направлении горловины. С уровня поверхности материка яма расширяется в направлении дна, с подбоями в южном и восточном бортах. Дно неровное с перепадом высот до 7 см. Размеры ямы на уровне поверхности материка – 1,85×1,6 м, на уровне дна – 2,38×2,15 м. Глубина – 2,08–2,15 м. Заполнена яма золисто-суглинистым грунтом. В заполнении найдено 210 фрагментов керамики. Из них 148 фрагментов составляет транспортная тара. За исключением нескольких обломков стенок амфор IV–III вв. до н.э. она представлена «причерноморскими» амфорами крымского производства. Большую часть из них составляли амфоры с бороздчатым рифлением (рис. 12,*2–4,10,21–24*), преобладающие в слоях и комплексах, начиная со второй половины IX в. [35, с. 43–47, тип II]. Меньшим числом фрагментов представлены гладкостенные, красноглиняные (иногда покрытые ангобом бежевого и серо-зеленого оттенка) амфоры варианта 1 и 3 по А. Л. Якобсону, в т.ч. с мелким зональным рифлением на плечиках (рис. 12,*1,13–20,25*) [51, с. 30–32, рис. 12; 13,5–8]. Крымские их вариации датируются второй половиной VIII – первой половиной X в. Однако, когда в массовый оборот вошли «причерноморские» бороздчатые амфоры и высокогорлые кувшины с плоской ручкой, они постепенно стали выходить из употребления [35, с. 39–43; 37, с. 160].

Столовая посуда крымского производства представлена фрагментом красноглиняного горшка (их менее вместительные варианты иногда атрибутируются как кружки) с шаровидным гладким или рифленым корпусом, невысоким слегка отогнутым или вертикальным венчиком диаметром 10–12 см (реже 13–18 см), одной или двумя ручками с пальцевым вдавлением на месте верхнего прилепа (рис. 12,*26*). Датируются они в пределах второй половины VIII – первой половины X в. [36, с. 63–64; 38, с. 102, рис. 23,1–6].

Кухонные салтово-маяцкие горшки составляли вторую по численности (68 фрагментов) после бороздчатых «причерноморских» амфор категорию керамических находок в заполнении ямы. Изготовлены они на ручном гончарном круге из формовочной массы с примесью песка, толченых раковин морских моллюсков, иногда шамота, комков сухой глины и органических добавок. Обожжены в восстановительной и окислительно-восстановительной среде, после чего приобрели темно-серый и различного рода коричневые оттенки. Тулo-

во некоторых из них украшено зональным или сплошным горизонтальным рифлением, у одного – в сочетании с волнообразным рифлением, наносившимся гребенчатым штампом (рис. 12,*6–9,11–12*).

Помимо керамики в яме найдены лощило, изготовленное из ручки синопской амфоры (рис. 13,*1*), лощило из камня осадочной породы (рис. 13,*4*), два оселка из песчаника и камня метаморфической породы (рис. 13,*2–3*), терочник из камня метаморфической породы (рис. 13,*5*) и 113 костей животных, преимущественно крупного и мелкого рогатого скота.

В целом, с учетом довольно большого количества фрагментов амфор вариантов 1 и 3 по А. Л. Якобсону, время прекращения функционирования и засыпки ямы № 1 можно отнести ко второй половине IX в.

Хозяйственная яма № 4 (рис. 14,*1–3*). Сохранилась на уровне придонной части. В плане на уровне поверхности материковой глины имеет форму овала, на уровне дна – округлой формы. В направлении дна яма расширяется, с подбоями в южном и северном бортах. Дно неровное, с перепадом высот до 7 см. Размеры ямы на уровне поверхности материка – 1,63×1,37 м, на уровне дна – 2,48×2,46 м. Сохранилась на глубину 1,22 м. Заполнена золисто-суглинистым грунтом. В заполнении найдено 132 фрагмента керамики, в т.ч. обломок ручки боспорской широкогорлой амфоры II–III вв. н.э. типов 83, 84а, 85 по Зеест, 94 фрагмента «причерноморских» амфор с бороздчатым (рис. 14,*4*; 15,*1,3–4*) и мелким зональным рифлением (рис. 15,*2*), 3 фрагмента «скалистинских» ойнохой (рис. 14,*5–6*; 15,*5–7*), фрагмент красноглиняного горшка (кружки) с шаровидным гладким или рифленым корпусом и одной или двумя ручками с пальцевым вдавлением на месте верхнего прилепа (рис. 15,*8*) и 21 фрагмент салтово-маяцких неорнаментированных горшков (рис. 14,*7–8*). В отличие от ямы № 1, «причерноморские» гладкостенные амфоры вариантов 1 и 3 по А. Л. Якобсону представлены в яме № 4 единичными фрагментами стенок, поэтому время прекращения ее функционирования можно датировать не ранее второй половины IX в. и не позднее первой половины X в.

Помимо керамики в заполнение ямы № 4 попали астрагал (рис. 15,*11*), свинцовое биконическое пряслице размерами 1,5×0,7 см (рис. 15,*12*), обломок неатрибутированного изделия из известняка округлой в разрезе формы (рис. 15,*13*), два камня, которые могли использоваться как терочники (рис. 15,*9–10*) и 45 костей животных, преимущественно крупного и мелкого рогатого скота.

В целом, по итогам работ, проводившихся Боспорской охранно-археологической экспедицией в 2018 и 2022 гг., удалось исследовать новые комплексы на двух салтово-маяцких поселениях и одновременном им могильнике, расположенных на восточном побережье Керченского полуострова. В частности, для поселения на городище Тиритака единственным, открытым на раскопе XXVIII у северной оборонительной стены, жилым комплексом второй половины VIII – первой половины X в. был подтвержден локальный характер застройки его северного участка. В поселке Героевское (Эльтиген) был раскопан участок ранее не исследовавшегося плитового могильника Эльтиген-II, предварительного датированного IX в., а в западной части поселения Геровка-4, на котором раскопки также проводились впервые, обнаружены две хозяйственные ямы. Находки из них свидетельствуют о занятиях его жителей земледелием, животноводством и ткачеством. Ограниченный характер работ на поселении Героевка-4 и могильнике Эльтиген-II обусловил их охранно-спасательный характер.

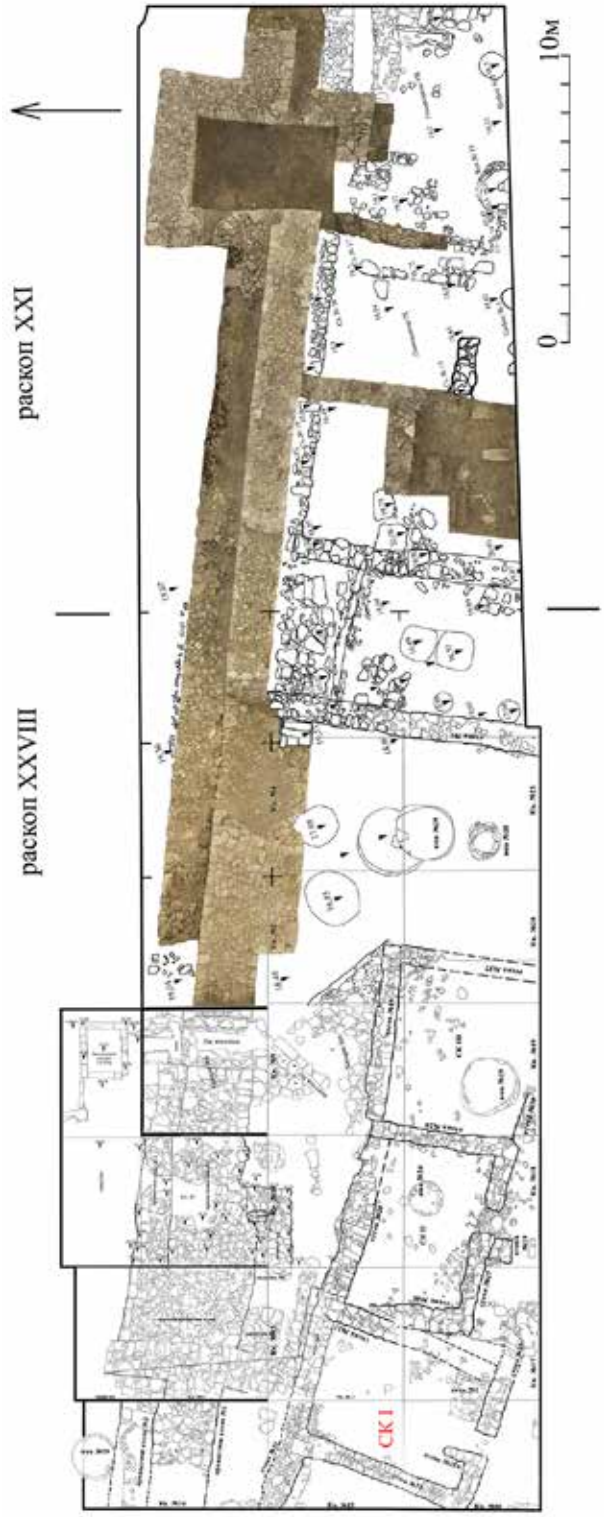


Рис. 1. Городище Тиритака. План раскопов XXVIII, XXI

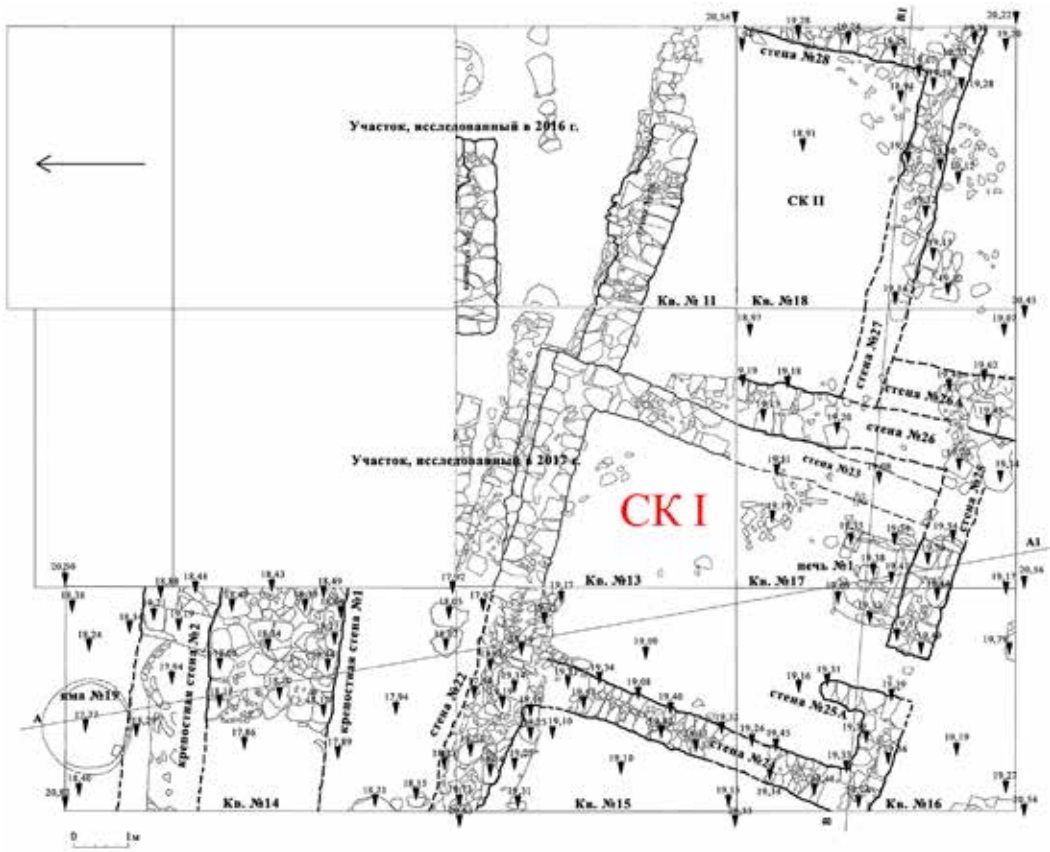


Рис. 2. Городище Тиритака. Раскоп XXVIII. План СК-I и СК-II

1

2

Рис. 3. Городище Тиритака. *1* – СК-I, вид с юга; *2* – плита в СК-I, вид с севера

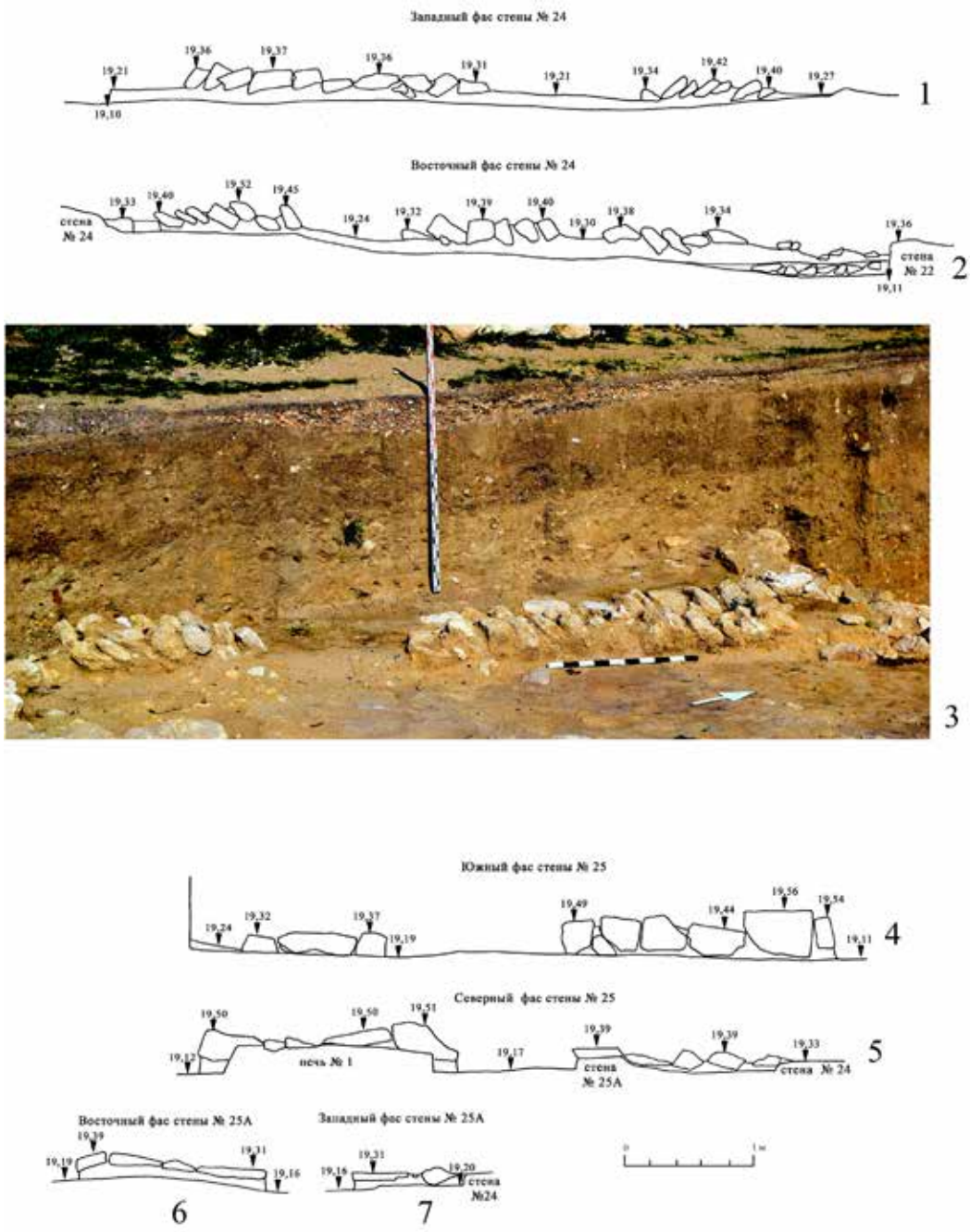


Рис. 4. Городище Тиритака. СК-I. *1–3* – фасы стены № 24; *4–7* – фасы стен №№ 25, 25А

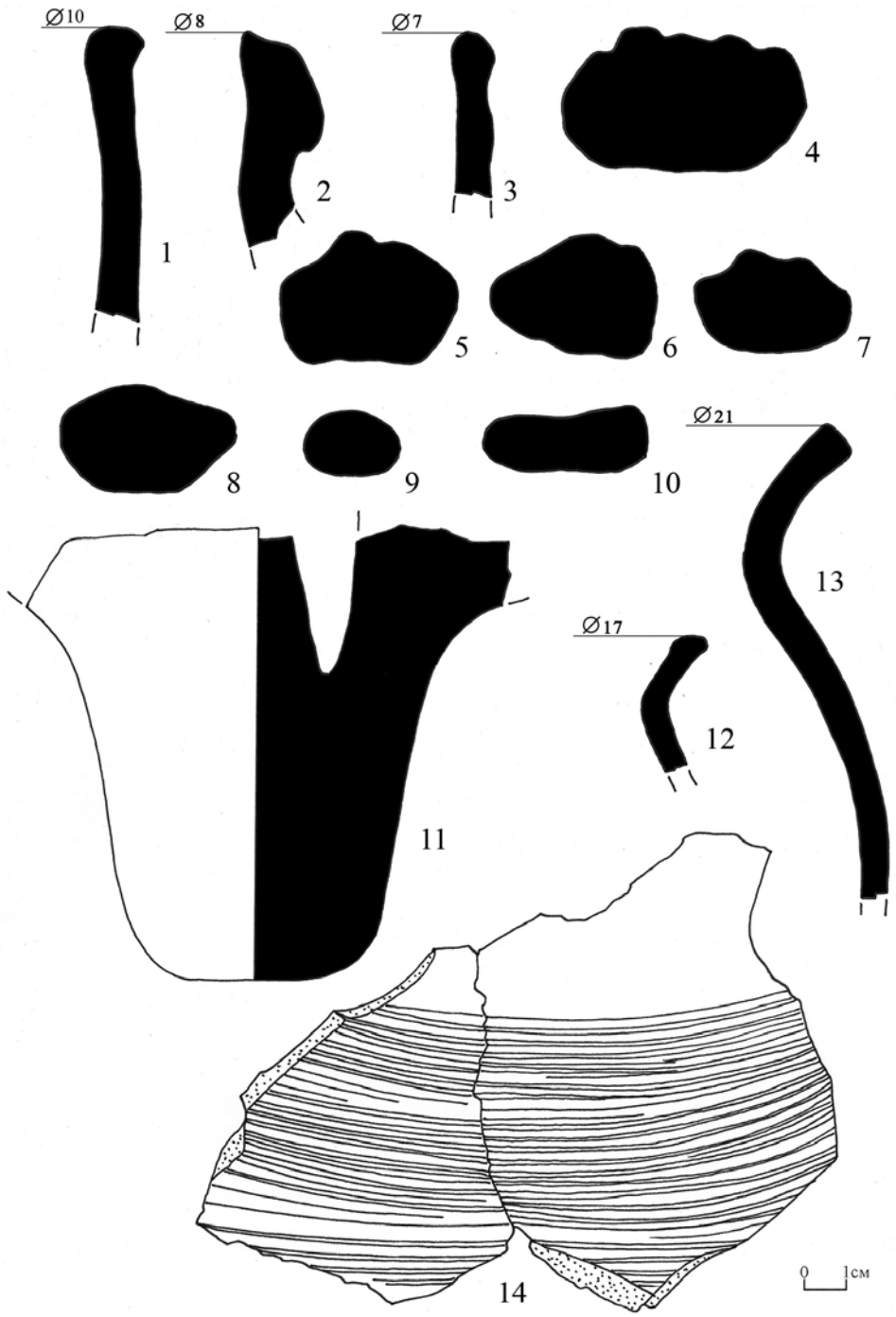


Рис. 5. Городище Тиритака. Керамика из заполнения СК-I
1, 6 – амфоры LR-1; *2, 5* – амфоры светлоглиняные типа «F» и «E»; *3* – амфора типа V по ХК-1971; *4, 11* – амфоры типа 96/97 Зеест; *7–8* – «причерноморские» амфоры; *9* – амфора TRC-6; *10* – амфора типа 103 Зеест; *12–14* – салтово-маяцкие горшки

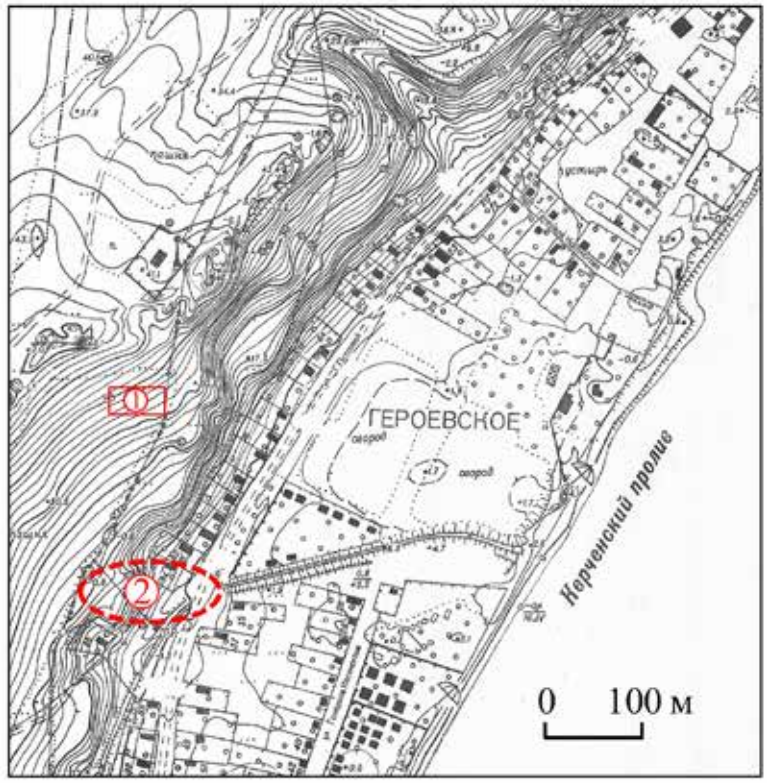


Рис. 6. *1* – Юго-западная окраина пос. Эльтиген, цифрами обозначены:
1 – могильник Эльтиген-I; 2 – могильник Эльтиген-II.
2 – Вид на могилы №№ 1, 2 с ССВ

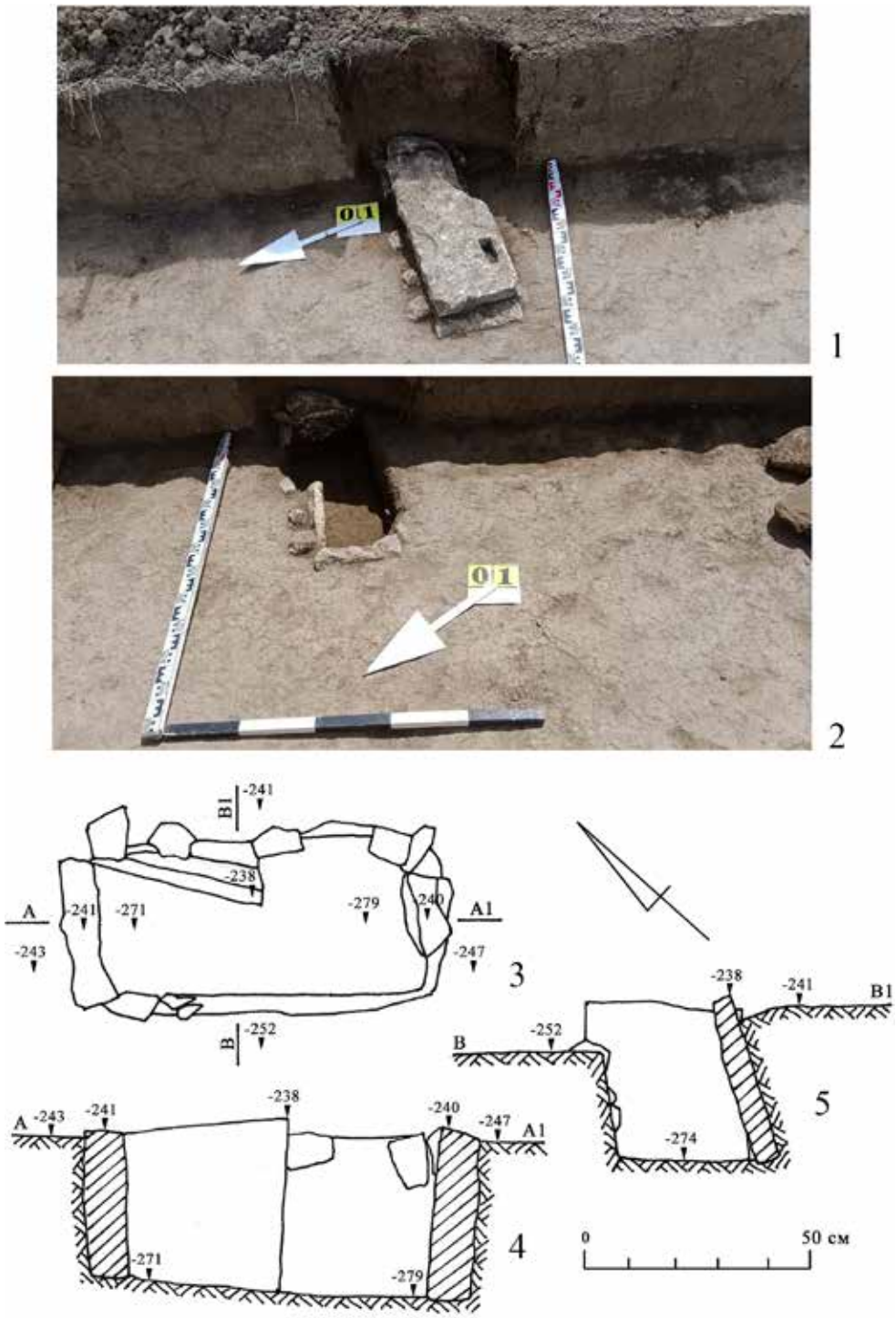


Рис. 7. Могильник Эльтиген-II. Могила № 1. *1* – вид с запада на уровне перекрытия; *2* – вид с северо-запада после расчистки; *3–5* – план, разрезы и фасы стенок

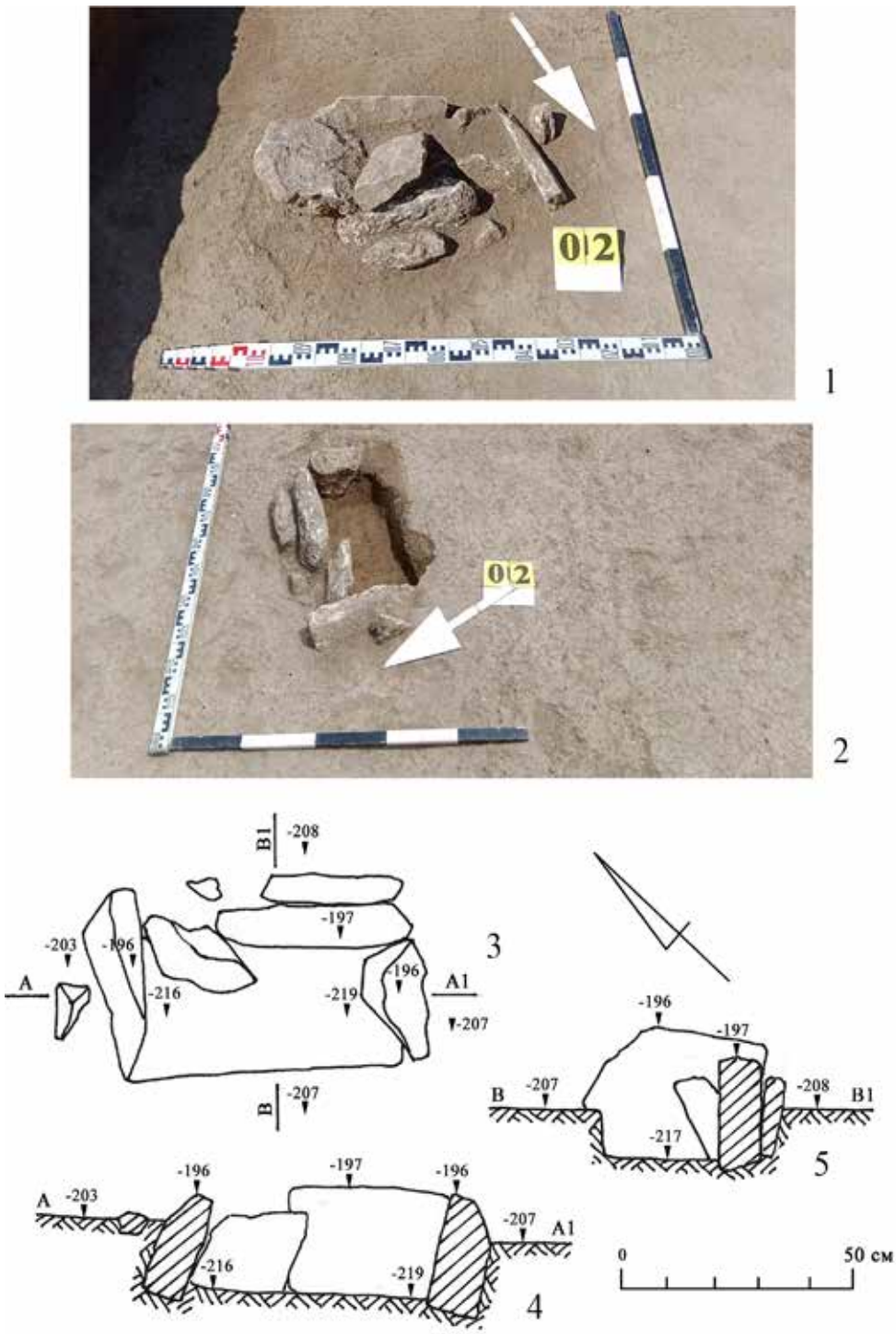


Рис. 8. Могильник Эльтиген-II. Могила № 2. *1* – вид с севера на уровне разрушенного перекрытия; *2* – вид с запада после расчистки; *3–5* – план, разрезы и фасы стенок

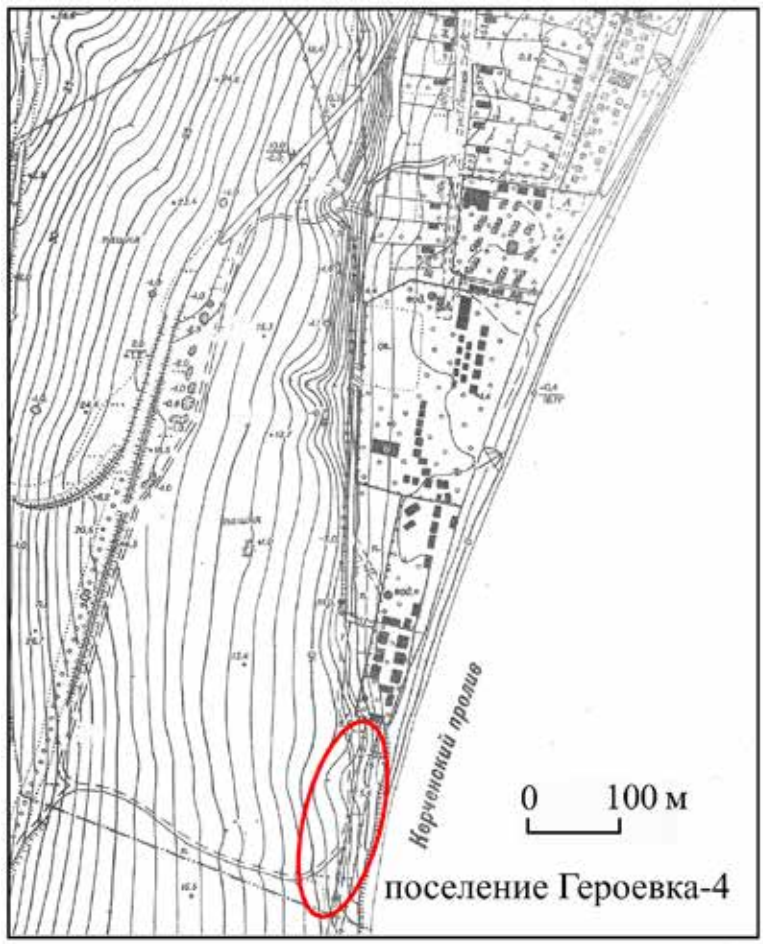


Рис. 9. *1* – Местоположение поселения Героевка-4. *2* – Вид с юга на траншею водовода на участке поселения Героевка-4 напротив пансионата «Эллада». На дальнем плане хозяйственная яма № 1

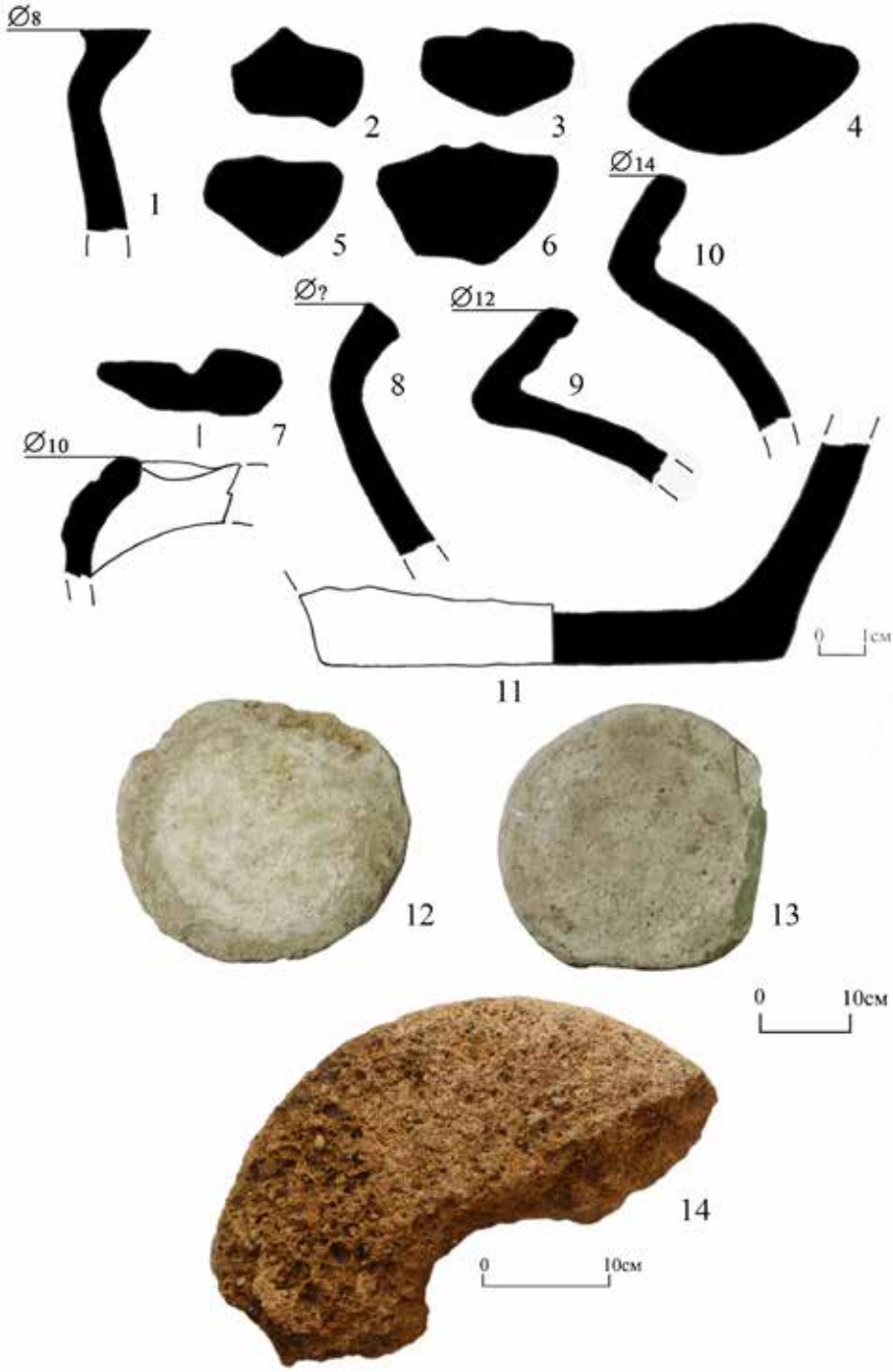


Рис. 10. Находки из культурного слоя поселения Героевка-4
1–6 – «причерноморские амфоры»; *7* – ойнохоя «скалистинского» типа;
8–11 – салтово-маяцкие горшки; *12–13* – крышки пифосов;
14 – плита ротационного жернова

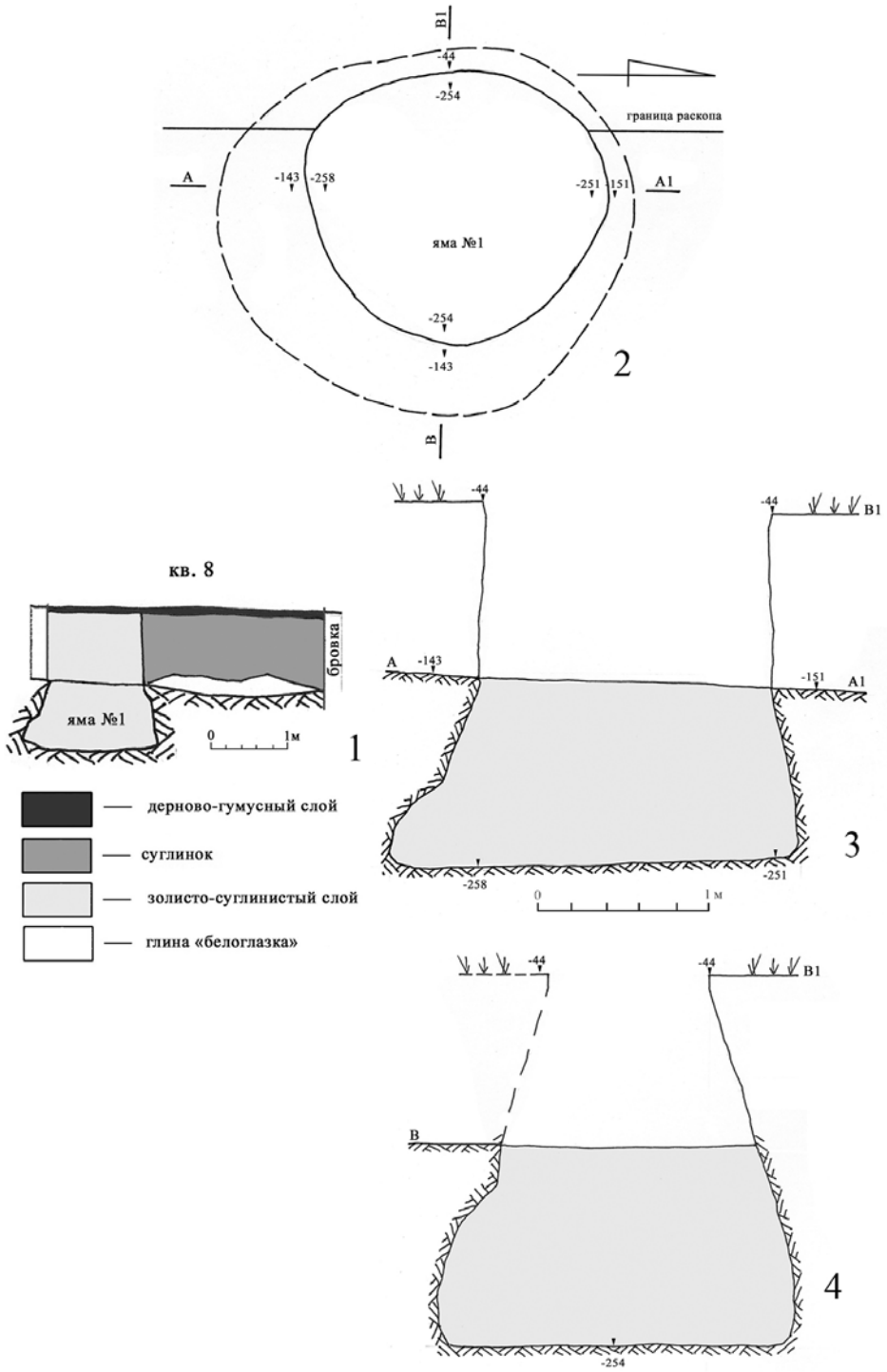


Рис. 11. Поселение Героевка-4. *1* – Западный борт квадрата 8 с разрезом хозяйственной ямы № 1. *2–4* – План и разрезы хозяйственной ямы № 1

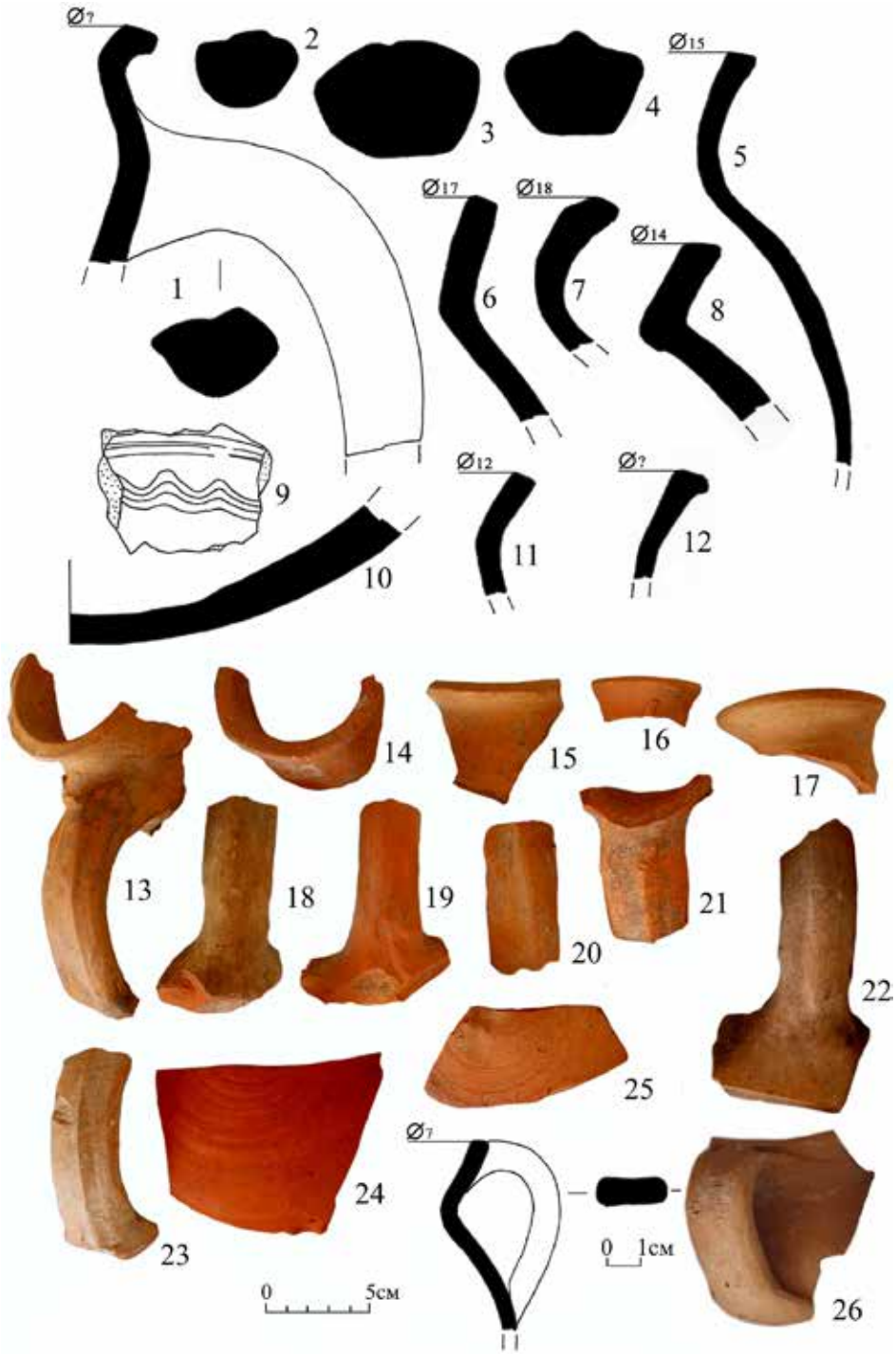


Рис. 12. Керамика из заполнения хозяйственной ямы № 1
1–4, 10, 13–25 – «причерноморские» амфоры; *5–9* – салтово-маяцкие горшки;
26 – горшок (кружка) с пальцевым вдавлением на ручке

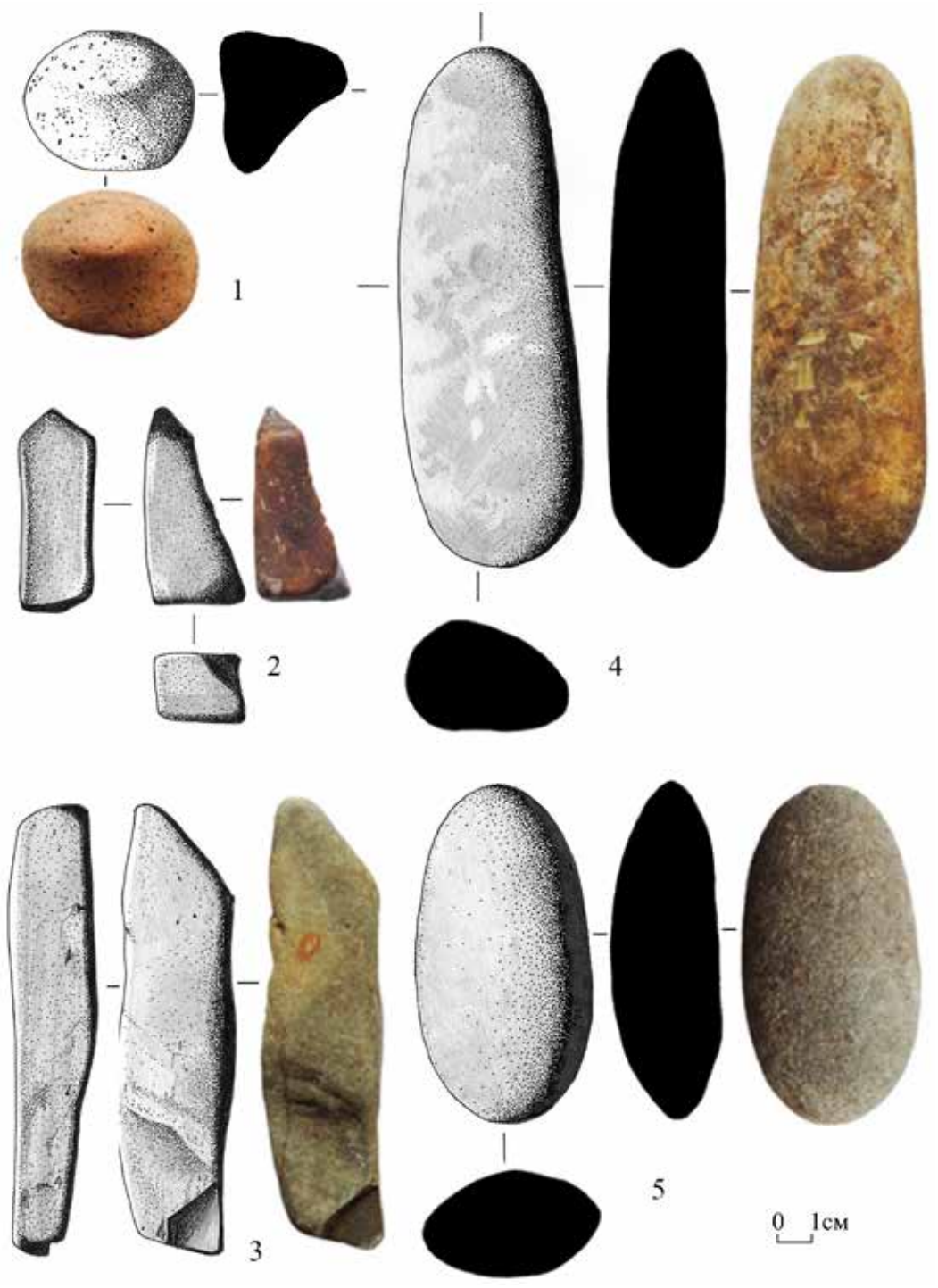


Рис. 13. Находки из заполнения хозяйственной ямы № 1
1 – лощило; *2–3* – оселки; *4* – лощило; *5* – терочник

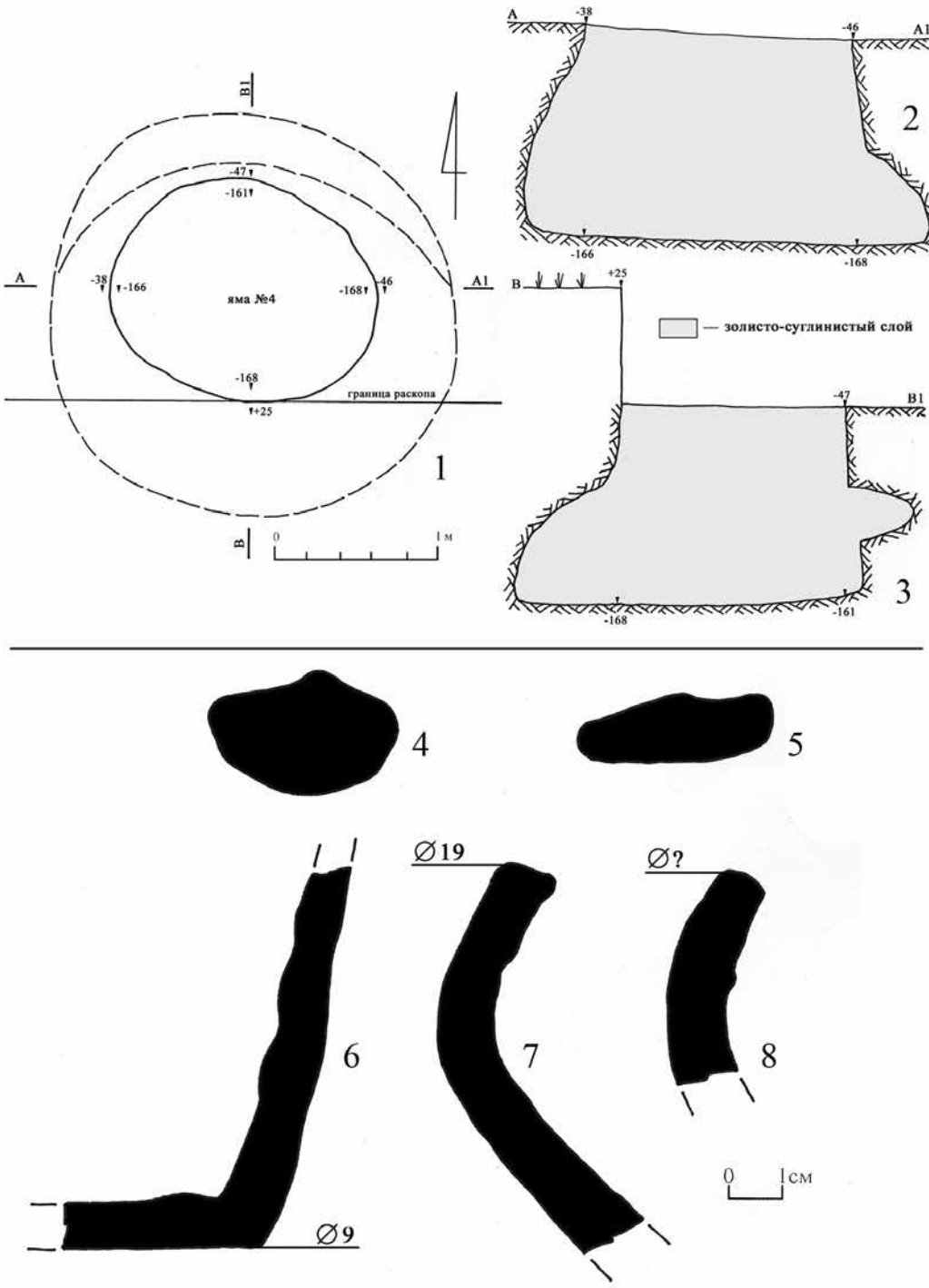


Рис. 14. Хозяйственная яма № 4 и находки из ее заполнения
1–3 – план и разрезы; *4* – «причерноморская» амфора; *5–6* – ойнохои «скалистинского» типа; *7–8* – салтово-маяцкие горшки

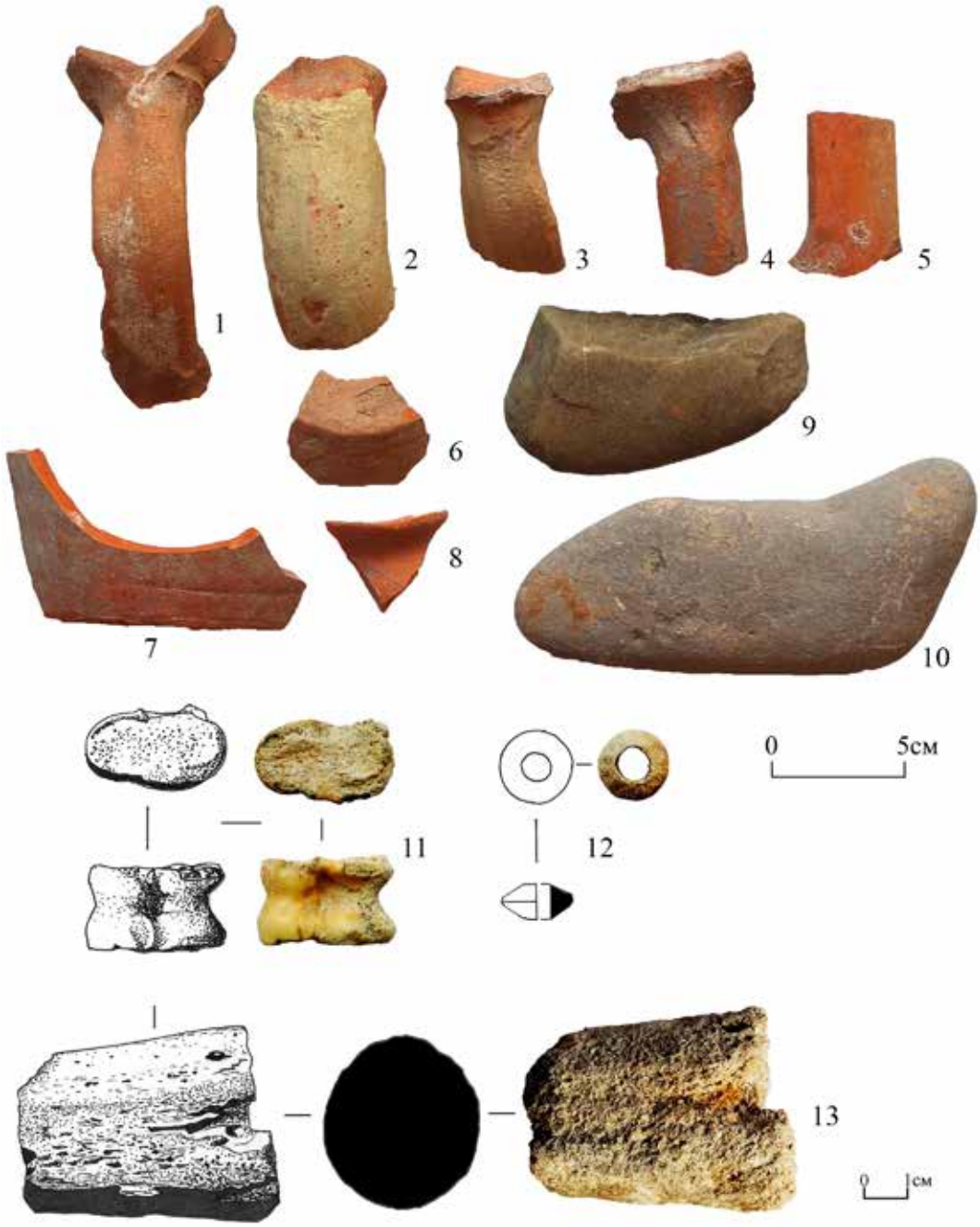


Рис. 15. Находки из заполнения хозяйственной ямы № 4
1–4 – «причерноморские» амфоры; *5–7* – ойнохои «скалистинского» типа;
8 – горшок (кружка) с пальцевым вдавлением на ручке; *9–10* – терочники (?)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксенов В.С., Хоружая М.В. Катакомба № 72 Верхне-Салтовского могильника // Древности 2005: Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков, 2005. С. 288–294.
2. Аксьонов В.С. Нові поховання Верхньо-Салтівського могильника // Харьковский археологический сборник. Харьков, 2007. Вып. 2. С. 21–29.
3. Веселов В.В. Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949–1964 гг. М.: ИА РАН, 2005. 266 с. (Древности Боспора. Suppl. II).
4. Гадло А.В. Раннесредневековое селище на берегу Керченского пролива (по материалам раскопок 1963 г.) // КСИА. 1968. Вып. 113. С. 78–84.
5. Гадло А.В. Раскопки раннесредневекового селища у деревни Героевки в 1964 г. // СА. 1969. № 1. С. 160–168.
6. Гадло А.В. Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. 362 с.
7. Гайдукевич В.Ф. Памятники раннего средневековья в Тиритаке // СА. 1940. Т. VI. С. 190–204.
8. Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. // Боспорские города I. Итоги археологических исследований Тиритаки и Мирмекия в 1935–1940 гг. М., Л., 1952. С. 15–134. (МИА. № 25).
9. Гайдукевич В.Ф. Раскопки Илурата, Тиритаки и Мирмекия // КСИИМК. 1952. Вып. XLV. С. 97–113.
10. Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946–1952 гг. // Боспорские города II. Работы Боспорской экспедиции 1946–1953 гг. М., Л., 1958. С. 150–218. (МИА. № 85).
11. Гайдукевич В.Ф. Илурат. Итоги археологических исследований 1948–1953 гг. // Боспорские города II. Работы Боспорской экспедиции 1946–1953 гг. М., Л., 1958. С. 9–149. (МИА. № 85).
12. Гайдукевич В.Ф., Капошина С.И., Леви Е.И. Экспедиции Ленинградского отделения Института истории материальной культуры в 1957 году по античной археологии // КСИИМК. 1960. Вып. 78. С. 85–89.
13. Герцен А.Г., Иванова О.С., Науменко В.Е. Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп): III горизонт застройки (середина IX – начало X вв.) // МАИЭТ. 2010. Вып. XVI. С. 240–295.
14. Зинько В.Н. Раннесредневековые жилищно-хозяйственные комплексы на поселениях Героевка-II и Героевка-VI // Международная конференция «Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.)». 21–27 сентября 1994 г.: Тез. докл. Симферополь, 1994. С. 18–20.
15. Зинько В.Н. Новые раннесредневековые памятники Восточного Крыма // Международная конференция «Византия и Крым». Севастополь, 6–11 июня 1997 г.: Тез. докл. Симферополь, 1997. С. 40–41.
16. Зинько В.Н., Зинько А.В. Из истории исследований Тиритаки: раскопки Д. С. Кирилина в 1974 г. // Боспорские исследования. 2018. Вып. XXXVII. С. 302–331.
17. Зинько В.Н., Зинько А.В., Котина А.В. Исследования Боспорского города Тиритака в 2018 г. // История и археология Крыма. 2019. Вып. XI. С. 111–118.
18. Зинько В.Н., Зинько А.В., Котина А.В., Петин А.А. Охранно-спасательные раскопки в окрестностях Босопорского города Нимфей в 2022 году // История и археология Крыма. 2023. Вып. XIX. С. 100–106.
19. Зинько В.Н., Зинько А.В., Котина А.В., Симонов В.В. Раскопки боспорского города Тиритака в 2019 году // История и археология Крыма. 2020. Вып. XIII. С. 167–174.
20. Зинько В.Н., Зинько А.В., Пономарев Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Том III: Археологические комплексы второй половины III – VII вв. / при участии К. Домжальского, А.К. Каспарова, А.В. Котиной, А.В. Смокотиной. Симферополь, Керчь: Прондо, 2020. 703 с. (Боспорские исследования. Supplementum).
21. Зинько В.Н., Зинько А.В., Твардецкий А. Работы Боспорской охранно-археологической экспедиции в 2008 г. // Археологічні відкриття в Україні в 2008 р. Київ: ІА НАНУ, 2009. С. 62–63.
22. Зинько В.Н., Зинько А.В., Твардецкий А. Раскопки городища Тиритака и на хоре Нимфея // Археологічні відкриття в Україні в 2012 р. Київ: ІА НАНУ, 2013. С. 46–47.
23. Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Новые памятники салтово-маяцкого типа в окрестностях Керчи // МАИЭТ. 2000. Вып. VII. С. 186–200.
24. Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Исследование раннесредневековых памятников в окрестностях поселка Героевское // Боспорские исследования. 2001. Вып. I. С. 147–158.
25. Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Раннесредневековый горизонт поселения Героевка-2 у пос. Эльтиген // Боспорские исследования. 2005. Вып. X. С. 236–268.
26. Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Салтово-маяцкие комплексы поселения Осовины-I // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII. С. 183–196.
27. Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Раннесредневековый горизонт поселения Героевка-6 на Керченском полуострове // Древности Юга России: памяти А.Г. Атавина / Отв. ред. Г.Е. Афанасьев. М.: ИА РАН; ТАУС, 2008. С. 420–440.
28. Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Том. I. Археологические комплексы VIII–X вв. / при участии В.Е. Науменко, И.А. Пономаревой, Д.Ю. Пономарева, А.К. Каспарова. Симферополь, Керчь: АДЕФ-Україна, 2009. 320 с. (Боспорские исследования. Suppl. 5).
29. Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Разведки А. В. Гадло на Керченском полуострове в 1962 г. (в свете современных археологических данных) // Боспорские исследования. 2013. Вып. XXVIII. С. 435–471.

30. Зубарев В.Г., Майко В.В. Средневековое поселение Белинское на Керченском полуострове. Симферополь: Ариал, 2024. 200 с. (Археологические памятники Северного Причерноморья; Вып. 9).
31. Кирилин Д.С., Молев Е.А., Гладкова Т.А. Раскопки Тиритаки // Археологические открытия 1974 года / под ред. Б.А. Рыбакова. М.: Наука, 1975. С. 286.
32. Кузнецов В.Д., Голофаст Л.А. Дома хазарского времени в Фанагории // ПИФК. 2010. № 1 (27). С. 393–429.
33. Марти Ю.Ю. Разведочные раскопки вне городских стен Тиритаки // Археологические памятники Боспора и Херсонеса. М., Л., 1941. С. 25–36. (МИА. № 4).
34. Молева Н.В. Несостоявшийся музей (исследования Тиритаки в середине 70-х гг. XX века) // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования: Мат-лы междунар. науч. конф. Керчь, 2016. С. 294–299.
35. Науменко В.Е. Амфоры // Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Том. I. Археологические комплексы VIII–X вв. Симферополь, Керчь: АДЕФ-Україна, 2009а. С. 35–50.
36. Науменко В.Е. Столовая посуда // Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Том I. Археологические комплексы VIII–X вв. Симферополь, Керчь: АДЕФ-Україна, 2009в. С. 60–64.
37. Науменко В.Е. К дискуссии о «причерноморских» и «глобулярных» амфорах в византийской Таврике. Некоторые наблюдения в отношении их хронологии и атрибуции в свете новых археологических данных // МАИЭТ. 2024. Вып. XXIX. С. 157–182.
38. Нессель В.А. Керамический комплекс // Топография Херсонеса Таврического. Водосборная цистерна жилого дома в квартале VII (IX–XI вв.) / под ред. А.Б. Бернацки, Е.Ю. Клениной. Севастополь: ИД «Максим», 2006. С. 95–140 (Херсонесский сборник. Suppl. I).
39. Пономарев Л.Ю. Биритуальный салтово-маяцкий могильник у поселка Эльтиген // Боспорские исследования. 2004. Вып. V. С. 445–475.
40. Пономарев Л.Ю. К истории археологического изучения салтово-маяцких памятников Керченского полуострова (30–60-е гг. XX в.) // Боспорские исследования. 2008. Вып. XIX. С. 250–265.
41. Пономарев Л.Ю. К археологической карте средневековых памятников восточной оконечности Керченского полуострова // Боспорские исследования. 2009. Вып. XXI. С. 490–520.
42. Пономарев Л.Ю. Салтово-маяцкий плитово-грунтовый могильник поселения Героевка-2 (как один из примеров взаимодействия культур и религий на окраинах византийского мира) // XII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур: Мат-лы междунар. науч. конф. Керчь, 2011. С. 287–295.
43. Пономарев Л.Ю. Хозяйственная деятельность населения салтовской культуры Керченского полуострова (краткий обзор археологических источников) // Салтово-маяцька археологічна культура: проблеми та дослідження. Харків, 2012. Вип. 2. С. 67–78, 130–132.
44. Пономарев Л.Ю. Салтово-маяцкое поселение Героевка-3 на Керченском полуострове (по материалам раскопок А. В. Гадло в 1963 г.) // История и археология Крыма. 2014. Вып. I. С. 376–399.
45. Пономарев Л.Ю. Салтово-маяцкие памятники северной и центральной части Керченского полуострова (материалы к археологической карте) // Хазарский альманах. М., 2020. Т. 17. С. 175–227.
46. Сорочан С.Б. Об opus spicatum и населении раннесредневековой Таврики // Хазарский альманах. Киев, Харьков, 2004. Т. 3. С. 117–159.
47. Федосеев Н.Ф., Пономарев Л.Ю. Салтово-маяцкое поселение «Эльтиген-Памятник» на берегу Керченского пролива // Научный сборник Керченского заповедника. 2011. Вып. III. С. 302–330.
48. Федосеев Н.Ф., Пономарев Л.Ю. Об использовании позднеантичных склепов в «хазарское» время (на примере некрополей Керченского полуострова) // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: Мат-лы конф. / Отв. ред. А.Д. Васильев. М.: Пробел-2000, 2019. Т. 1. С. 270–276.
49. Хоружая М.В. Катакомбные захоронения главного Верхне-Салтовского могильника (раскопки 1984 года) // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2009. Т. 7. С. 259–294.
50. Чхаидзе В.Н. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М.: ТАУС, 2008. 329 с.
51. Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.: Наука, 1979. 164 с.

REFERENCES

1. Aksenov V.S., Khoruzhaia M.V. Catacomb No. 72 of the Verkhne-Saltovsky Burial Ground. *Drevnosti 2005: Khar'kovskii istoriko-arkheologicheskii ezhegodnik* [Antiquities 2005: Kharkov Historical and Archaeological Yearbook], Kharkov, 2005, pp. 288–294.
2. Aks'onov V.S. New Burials of the Verkhne-Saltovsky Burial Ground. *Khar'kovskii arkheologicheskii sbornik* [Kharkov Archaeological Collection], Kharkov, 2007, vol. 2, pp. 21–29.
3. Veselov V.V. *Svodnaia vedomost' rezul'tatov arkheologicheskikh razvedok na Kerchenskom i Tamanskom poluostrovakh v 1949–1964 gg.* [Summary of the results of archaeological exploration on the Kerch and Taman Peninsulas in 1949–1964]. Moscow, Institute of Archaeology of RAS Publ., 2005, 266 p.

4. Gadlo A.V. Early medieval settlement on the shore of the Kerch Strait (based on excavations in 1963). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology],1968, vol. 113, pp. 78–84.
5. Gadlo A.V. Excavations of an early medieval settlement near the village of Geroevka in 1964. *Sovetskaia arkheologiia* [Soviet Archaeology], 1969, no. 1, pp. 160–168.
6. Gadlo A.V. *Predystoriia Priazovskoi Rusi. Ocherki istorii russkogo kniazheniia na Severnom Kavkaze* [Prehistory of Azov Rus. Essays on the history of the Russian principality in the North Caucasus]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2004, 362 p.
7. Gaidukevich V.F. Early Medieval Monuments in Tiritake. *Sovetskaia arkheologiia* [Soviet Archaeology], 1940, VI, pp. 190–204.
8. Gaidukevich V.F. Excavations of Tiritake in 1935–1940. *Bosporskie goroda I. Itogi arkheologicheskikh issledovanii Tiritaki i Mirmekiia v 1935–1940 gg.* [Bosporan Cities I. Results of Archaeological Research of Tiritake and Myrmekion in 1935–1940], Moscow, Leningrad, 1952, pp. 15–134. (Materials and research on archaeology of the USSR, 25).
9. Gaidukevich V.F. Excavations of Ilurat, Tiritake and Myrmekion. *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury* [Brief Communications of the Institute of the History of Material Culture], 1952, vol. 45, pp. 97–113.
10. Gaidukevich V.F. Excavations of Tiritake and Myrmekion in 1946–1952. *Bosporckie goroda II. Raboty Bosporskoi ekspeditsii 1946–1953 gg.* [Bosporan Cities II. Works of the Bosporan Expedition of 1946–1953], Moscow, Leningrad, 1958, pp. 150–218. (Materials and research on archaeology of the USSR, 85).
11. Gaidukevich V.F. Ilurat. Results of archaeological research in 1948–1953. *Bosporckie goroda II. Raboty Bosporskoi ekspeditsii 1946–1953 gg.* [Bosporan Cities II. Works of the Bosporan Expedition of 1946–1953], Moscow, Leningrad, 1958, pp. 9–149. (Materials and research on archaeology of the USSR, 85).
12. Gaidukevich V.F., Kaposhina S.I., Levi E.I. Expeditions of the Leningrad Branch of the Institute of the History of Material Culture in 1957 on Classical Archaeology. *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury* [Brief Communications of the Institute of the History of Material Culture], 1960, vol. 78, pp. 85–89.
13. Gertsen A.G., Ivanova O.S., Naumenko V.E. Archaeological Research in the District of St Constantine Church (Mangup): III Horizon of Building (the mid-9th – the beginning of the 10th centuries). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2010, vol. 16, pp. 240–295.
14. Zin'ko V.N. Early medieval housing and economic complexes in the settlements of Geroevka-II and Geroevka-VI. *Vizantiia i narody Prichernomor'ia i Sredizemnomor'ia v rannee srednevekov'e (IV–IX vv.). Tezisy dokladov mezhdunarodnoi konferentsii* [Byzantium and the peoples of the Black Sea and Mediterranean regions in the early Middle Ages (IV–IX centuries). Abstracts of the reports of the International Conference], Simferopol, 1994, pp. 18–20.
15. Zin'ko V.N. New early medieval monuments of Eastern Crimea. *Vizantiia i Krym. Tezisy dokladov mezhdunarodnoi konferentsii* [Byzantium and Crimea. Abstracts of the reports of the International Conference], Simferopol, 1997, pp. 40–41.
16. Zin'ko V.N., Zin'ko A.V. From the history of Tiritake research: excavations by D.S. Kirilin in 1974. *Bosporskie issledovaniia* [Bosporos Studies], 2018, vol. 37, pp. 302–331.
17. Zin'ko V.N., Zin'ko A.V., Kotina A.V. Research of the Bosporos city of Tyritake in 2018. *Istoriia i arkheologiia Kryma* [History and archaeology of Crimea], 2019, vol. 11, pp. 111–118.
18. Zin'ko V.N., Zin'ko A.V., Kotina A.V., Petin A.A. Security and rescue excavations in the vicinity of the Bosporos city of Nymphaeum in 2022. *Istoriia i arkheologiia Kryma* [History and archaeology of Crimea], 2023, vol. 19, pp. 100–106.
19. Zin'ko V.N., Zin'ko A.V., Kotina A.V., Simonov V.V. Excavations of the Bosporos city of Tyritake in 2019. *Istoriia i arkheologiia Kryma* [History and archaeology of Crimea], 2020, vol. 13, pp. 167–174.
20. Zin'ko V.N., Zin'ko A.V., Ponomarev L.Yu. *Tiritaka. Raskop XXVI. Tom III: Arkheologicheskie kompleksy vtoroi poloviny III – VII vv.* [Tiritake. Excavation trench XXVI. Volume III: Archaeological complexes two second III – VII centuries AD]. Simferopol, Kerch, Prondo Publ., 2020, 703 p.
21. Zin'ko V.N., Zin'ko A.V., Tvardetskii A. Works of the Bosporos archaeological expedition in 2008. *Arkheologichni vidkrittia v Ukraini v 2008 r.* [Archaeological discoveries in Ukraine in 2008], Kiev, Institute of Archeology NASU Publ., 2009, pp. 62–63.
22. Zin'ko V.N., Zin'ko A.V., Tvardetskii A. Excavations of the ancient settlement of Tyritake and in the choir of Nymphaeum. *Arkheologichni vidkrittia v Ukraini v 2012 r.* [Archaeological discoveries in Ukraine in 2012], Kiev, Institute of Archaeology NASU Publ., 2013, pp. 46–47.
23. Zin'ko V.N., Ponomarev L.Yu. New monuments of Saltovo-Mayaki type in the outskirts of Kerch. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2000, vol. 7, pp. 186–200.
24. Zin'ko V.N., Ponomarev L.Yu. Research of early medieval monuments in the neighbourhood of Geroevskoye settlement. *Bosporskie issledovaniia* [Bosporos Studies], 2001, vol. 1, pp. 147–158.

25. Zin'ko V.N., Ponomarev L.Yu. Early Medieval horizon of Geroevka-2 settlement near the village of Eltigen. *Bosporskie issledovaniia* [Bosporos Studies], 2005, vol. 10, pp. 236–268.
26. Zin'ko V.N., Ponomarev L.Yu. Saltovo-Mayaki Complexes of the Settlement of Osovini-I. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2007, vol. 13, pp. 183–196.
27. Zin'ko V.N., Ponomarev L.Yu. Early medieval horizon of the settlement Geroevka-6 on the Kerch Peninsula. Afanas'ev G.E. (ed.), *Drevnosti Iuga Rossii: pamiati A.G. Atavina* [Antiquities of the South of Russia: in memory of A.G. Atavin], Moscow, Institute of Archaeology of RAS Publ., 2008, pp. 420–440.
28. Zin'ko V.N., Ponomarev L.Yu. *Tiritaka. Raskop XXVI. Tom. I. Arkheologicheskie kompleksy VIII–X vv.* [Tiritake. Excavation trench XXVI. Vol. I. Archaeological assemblages 8th–10th centuries AD]. Simferopol, Kerch, ADEF-Ukraina Publ., 2009, 320 p.
29. Zin'ko V.N., Ponomarev L.Yu. Field reconnaissance of A.V. Gadlo on the Kerch peninsula in 1962 (in the light of modern archaeological data). *Bosporskie issledovaniia* [Bosporos Studies], 2013, vol. 28, pp. 435–471.
30. Zubarev V.G., Maiko V.V. *Srednevekovoe poselenie Belinskoe na Kerchenskom p-ove* [Medieval settlement Belinskoye on the Kerch Peninsula]. Simferopol, Arial Publ., 2024, 200 p. (Archaeological monuments of the Northern Black Sea region, 9).
31. Kirilin D.S., Molev E.A., Gladkova T.A. Excavations of Tiritake. *Arkheologicheskie otkrytiia 1974 goda* [Archaeological discoveries of 1974], Moscow, Nauka Publ., 1975, pp. 286.
32. Kuznetsov V.D., Golofast L.A. Houses of the Khazar period in Phanagoria. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of historical, philological and cultural studies], 2010, no. 1, pp. 393–429.
33. Marti Iu.Iu. Exploratory excavations outside the city walls of Tiritake. *Arkheologicheskie pamiatniki Bospora i Khersonesa* [Archaeological monuments of the Bosporos and Chersonesos], Moscow, Leningrad, 1941, pp. 25–36. (Materials and research on archaeology of the USSR, 4).
34. Moleva N.V. The Failed Museum (Tyritake Research in the Mid-1970s). *XVII Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Issledovateli i issledovaniia* [17th Bosporan Readings. Cimmerian Bosporus and the World of Barbarian in Antiquity and the Middle Ages. Researchers and Research], Kerch, 2016, pp. 294–299.
35. Naumenko V.E. Amphoras. Zin'ko V.N., Ponomarev L.Yu. *Tiritaka. Raskop XXVI. Tom. I. Arkheologicheskie kompleksy VIII–X vv.* [Tiritake. Excavation trench XXVI. Vol. I. Archaeological assemblages 8th–10th centuries AD]. Simferopol, Kerch, ADEF-Ukraina Publ., 2009, pp. 35–50.
36. Naumenko V.E. Tableware. Zin'ko V.N., Ponomarev L.Yu. *Tiritaka. Raskop XXVI. Tom. I. Arkheologicheskie kompleksy VIII–X vv.* [Tiritake. Excavation trench XXVI. Vol. I. Archaeological assemblages 8th–10th centuries AD]. Simferopol, Kerch, ADEF-Ukraina Publ., 2009, pp. 60–64.
37. Naumenko V.E. For the Discussion on the "Black Sea" and "Globular" Amphorae in Byzantine Taurica. Some Observations concerning Their Chronology and Attribution in the Light of New Archaeological Data. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2024, vol. 29, pp. 157–182.
38. Nessel' V.A. Ceramic complex. Bernatski A.B., Klenina E.Iu. (eds.), *Topografiia Khersonesa Tavricheskogo. Vodosbornaia tsisterna zhilogo doma v kvartale VII (IX–XI vv.)* [Topography of Tauric Chersonesos. Cistern of a residential building in quarter VII (IX–XI centuries)], Sevastopol, Maksim Publ., 2006, pp. 95–140 (Chersonesus collection, Suppl. I).
39. Ponomarev L.Yu. Bi-ritual Saltovo-Mayaki Cemetery Near the Village of Eltigen. *Bosporskie issledovaniia* [Bosporos Studies], 2004, vol. 5, pp. 445–475.
40. Ponomarev L.Yu. To the Question of Archaeological Studying of Saltovo-Mayaki Monuments of the Kerch Peninsula (30s–60s of the 20th century). *Bosporskie issledovaniia* [Bosporos Studies], 2008, vol. 19, pp. 250–265.
41. Ponomarev L.Yu. To Archaeological Map of Medieval Monuments of the Eastern Extremity of the Kerch Peninsula. *Bosporskie issledovaniia* [Bosporos Studies], 2009, vol. 21, pp. 490–520.
42. Ponomarev L.Yu. Saltovo-Mayaki slab-and-ground burial ground of the settlement Geroevka-2 (as one of the examples of the interaction of cultures and religions on the outskirts of the Byzantine world). *XII Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Vzaimovliianie kul'tur* [12th Bosporan Readings. Cimmerian Bosporus and the World of Barbarian in Antiquity and the Middle Ages. Mutual Influence of Cultures], Kerch, 2011, pp. 287–295.
43. Ponomarev L.Yu. Economic activity of the population of the Saltovo culture of the Kerch Peninsula (a brief review of archaeological sources). *Saltovo-maiats'ka arkheologichna kul'tura: problemi ta doslidzhennia* [Saltovo-Mayaki archaeological culture: problems and research], Kharkov, 2012, vol. 2, pp. 67–78, 130–132.
44. Ponomarev L.Yu. Saltovo-Mayaki settlement Geroevka-3 on the Kerch Peninsula (based on the excavations of A.V. Gadlo in 1963). *Istoriia i arkheologiia Kryma* [History and archaeology of Crimea], 2014, vol. 1, pp. 376–399.
45. Ponomarev L.Yu. Saltovo-Mayaki sites of the northern and central parts of the Kerch Peninsula (materials for the archaeological map). *Khazarskii al'manakh* [Khazar Almanac], Moscow, 2020, vol. 17, pp. 175–227.

46. Sorochan S.B. On opus spicatum and the population of early medieval Taurica. *Khazarskii al'manakh* [Khazar Almanac], Kiev, Kharkov, 2004, vol. 3, pp. 117–159.
47. Fedoseev N.F., Ponomarev L.Yu. Saltovo-Mayaki settlement "Eltigen-Monument" on the shore of the Kerch Strait. *Nauchnyi sbornik Kerchenskogo zapovednika* [Scientific collection of the Kerch Reserve], 2011, vol. 3, pp. 302–330.
48. Fedoseev N.F., Ponomarev L.Yu. On the use of late antique crypts in the "Khazar" time (on the example of the necropolises of the Kerch Peninsula). Vasil'ev A.D. (ed.), *Istoricheskie, kul'turnye, mezhnatsional'nye, religioznye i politicheskie sviazi Kryma so Sredizemnomorskim regionom i stranami Vostoka* [Historical, cultural, interethnic, religious and political ties of Crimea with the Mediterranean region and the countries of the East], Moscow, Probel-2000 Publ., 2019, vol. 1, pp. 270–276.
49. Khoruzhaia M.V Catacomb burials of the main Verkhne-Saltovsky burial ground (excavations of 1984). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia* [Steppes of Europe in the Middle Ages], Donetsk, 2009, vol. 7, pp. 259–294.
50. Chkhaidze V.N. *Tamatarkha. Rannesrednevekovyi gorod na Tamanskom poluostrove* [Tamatarkha. Early medieval city on the Taman Peninsula]. Moscow, TAUS Publ., 2008, 329 p.
51. Iakobson A.L. *Keramika i keramicheskoe proizvodstvo srednevekovoi Tavriki* [Ceramics and ceramic production of medieval Taurica]. Leningrad, Nauka Publ., 1979, 164 p.

Информация об авторах

Зинько В. Н. – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Researcher ID: AAH-7506-2019.

Зинько А. В. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Researcher ID: AAH-7554-2019.

Пономарев Л. Ю. – независимый исследователь.

Authors information

Zin'ko V. N. – Doctor of Science (History), Leading Researcher at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: AAH-7554-2019.

Zin'ko A. V. – Candidate of Science (History), Senior Researcher at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: AAH-7506-2019.

Ponomarev L. Yu. – Independent Researcher.

DOI: 10.29039/2413-189X.2025.30.347-361

К ВОПРОСУ О СУЩЕСТВОВАНИИ ПОДКУРГАННОГО ОБРЯДА ПОГРЕБЕНИЯ В ВОСТОЧНОЙ ТАВРИКЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ IX В.

Вадим Владиславович Майко
Институт археологии Крыма Российской академии наук, Симферополь, Россия
vadimmaiko1966@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1065-4836

Аннотация. В статье впервые обращено внимание на три опубликованных погребения, относящихся к позднему этапу салтово-маяцкой археологической культуры Таврики второй половины IX в. Необычность их заключается, прежде всего, в одиночном характере и отсутствии поблизости грунтового некрополя. Во-вторых, необычен состав погребального инвентаря, представленного гончарной и столовой лощеной керамикой. В одном захоронении, помимо этого, зафиксировано уникальное погребальное сооружение, представленное каменной оградой. На основании приведенных аргументов и существующих аналогий высказано предположение о том, что перед нами подкурганные могилы, курганная насыпь которых не сохранилась, или одиночные погребения, оставленные кочевым населением крымских степей и предгорий. Не исключен их хазарский этнос и различный социальный статус.

Ключевые слова: Восточный Крым, салтово-маяцкая культура, одиночные погребения, погребальный инвентарь, обряд погребения, подкурганные могилы

FOR THE QUESTION OF THE BARROW MOUND FUNERAL RITE IN THE EASTERN TAURICA IN THE SECOND HALF OF THE NINTH CENTURY

Vadim V. Maiko
Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia
vadimmaiko1966@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1065-4836

Abstract. This article for the first time calls attention to three published burials related to the late stage of the Saltovo-Maiak archaeological culture in the second half of the ninth century Taurika. First, their specificity comprises of isolated nature and absence of flat cemetery nearby. Second, the composition of the grave goods is unusual, containing wheel-made and polished table ware. Additionally, one burial structure is unique having a stone fence. The arguments attracted and the parallels in possession allow the one to hypothesize that the graves in question initially had burial mounds, which did not survive, or were single graves left by nomadic population of the Crimean steppes and sub-mountainous area. It is still possible that the deceased were Khazars of different social status.

Keywords: Eastern Crimea, Saltovo-Maiak culture, single burials, grave goods, burial rite, barrow graves

Погребальный обряд праболгарского населения Таврики, относимого к крымскому варианту салтово-маяцкой культуры, изучен достаточно полно. Специалистам известны основные некрополи восточной и юго-восточной частей полуострова середины VIII – первой половины X в., содержащие грунтовые, грунтовые с использованием деревянных конструкций, плитовые и комбинированные захоронения. Нет сомнений в том, что оставлены они оседлым населением, проживавшим в городских и сельских поселениях. С середины VIII в. городские, а с середины IX в. и сельские жители активно принимают христианство, что нашло отражение в появлении на могильниках плитовых христианских могил и каменных склепов с коробовыми перекрытиями.

В 2021 г. впервые в крымском хазароведении благодаря раскопкам курганов у с. Строгоновка (Симферополь) удалось доказать нахождение в крымской степи и предгорьях в середине – третьей четверти VIII в. кочевой хазарской верхушки. Именно для нее сооружались

курганы, содержавшие погребения т.н. соколовского типа в сложных каменных конструкциях, подобных погребальным и поминальным сооружениям Алтая и Монголии [10].

В этой связи в данной работе хотелось бы заострить внимание на нескольких уже опубликованных салтово-маяцких погребениях. Прежде всего, это полностью введенные в научный оборот два погребения у хутора Конрат на Керченском полуострове, отнесенные к новому неизвестному доселе некрополю [16, с. 222–226, 294–309] (рис. 1,*2*). Во-вторых, это три погребения, зафиксированные на площади долговременного поселения античного времени Приморский северо-западное [20, с. 26; 21, с. 167, сноска 1; 22, с. 238][1] (рис. 1,*3*). Многие нетипичные для Таврики черты этих захоронений заставляют обратиться к их анализу подробнее.

Очень коротко напомним основные характеристики погребального обряда двух могил, раскопанных у хутора Конрат в 2015 г. К сожалению, сказать что-либо о конструкции погребального сооружения могилы 1 не представляется возможным. Вероятнее всего, мы имеем дело с грунтовым полностью разрушенным погребением. Погребальное сооружение захоронения 2 представляет собой плитовую могилу с традиционным для этого типа объектов перекрытием из каменных плит. С середины IX в. именно такие захоронения маркируют принятие христианства салтовцами восточной части полуострова. Тем не менее, в предшествующей публикации справедливо было обращено внимание на некоторые особенности конструкции погребального сооружения. Во-первых, это наличие прямоугольных подрубок в двух боковых плитах на месте их примыкания к изголовной плите. В образовавшиеся за счет этого ниши были установлены сосуды с напутственной пищей или питьем. Во-вторых, это наличие подпрямоугольной сквозной арки на плите изголовья. Вероятнее всего, она представляла собой ранее не встречавшийся вариант сакральных христианских ниш, хорошо известных по раскопкам плитово-грунтовых могильников Керченского полуострова и Юго-Восточного Крыма. Вместе с тем, в нашем случае в проеме торцевой плиты помещена была не христианская символика, а кости жертвенных животных.

Погребения на поселении Приморский северо-западное, раскопанные в 2017 г. отрядом Крымской новостроечной экспедиции Института археологии РАН под руководством В. Е. Родинковой, находились в северо-западной части поселения. Все они были совершены в ямах, выкопанных в культурном слое памятника, и только погребение 1 оказалось несколько заглублено в материк. Контуры могильных ям в процессе исследования зафиксировать не удалось. В могилах 1 и 2 были погребены женщины. В погребении 2 на правой локтевой и лучевой костях зафиксированы остатки сильно окислившегося железного предмета, вероятно, ножа. Два погребенных находились в вытянутом положении, одно – скорченное на боку [22, с. 238]. Погребальный инвентарь составили железный нож и круговой салтово-маяцкий горшок [22, рис. 2,6][2] позднего варианта, позволивший отнести все захоронения к этой археологической культуре и датировать IX – началом X в. [22, с. 235].

Помимо конструктивных особенностей могилы 2 у хутора Конрат, явным отличием и этого, и первого погребения, равно как и могилы 1 на поселении Приморский северо-западное, является наличие в составе скудного погребального инвентаря кухонных гончарных горшков, лепного сосуда, лощеной кубышки и амфоры причерноморского типа.

Специалистам хорошо известно, что для крымского варианта салтово-маяцкой культуры, в отличие от других вариантов этой археологической культуры, находка в погребении лощеного гончарного кухонного или лепного сосуда – явление чрезвычайно редкое. Практически полностью преобладающим типом погребальной посуды, как, впрочем, и для гото-аланского населения Южного берега Крыма и юго-западной части полуострова, являлись красно- или оранжевоглиняные ойнохои трех основных типов.

[1] Выражаю глубокую признательность В. Е. Родинковой, любезно предоставившей неопубликованные материалы раскопок этих погребений.

[2] Горшок хранится в фондах Центрального музея Тавриды КП-64243/2 А-36118 К.о. 436. Выражаю глубокую признательность Н. Б. Майко и всем сотрудницам фондов за возможность работы с материалами погребений.

Единственным, пока, захоронением, где в погребальном инвентаре также присутствовала лощеная сероглиняная керамика, остается уже неоднократно упоминавшееся захоронение 4, обнаруженное на участке раскопа 6 2006 г. на восточном склоне холма Тепсень [6]. Там в изголовье погребенного в обычной грунтовой яме была зафиксирована орнаментированная сетчатым орнаментом кубышка с клеймом на дне в виде креста в круге.

Лепная керамика в погребениях салтовцев полуострова также представлена единственным случаем, когда на камнях перекрытия могилы 2 с коробовой деревянной конструкцией раскопа 6 2006 г. того же Тепсеньского городища найдена лепная кружка [5; 6], которую есть основания рассматривать в качестве тризны.

Погребения же, содержащие кухонные салтовские горшки, также для Таврики единичны. До публикации анализируемых захоронений у хутора Конрат и на поселении Приморский северо-западное, единственный подобный сосуд был найден в Херсонесе в 1937 г. в погребении [26, с. 40, рис. 7–8], конструкцию которого, как и сам археологический контекст, до конца установить сложно.

Салтово-маяцкие погребения Таврики, где в качестве погребального инвентаря или тризны использовались амфоры причерноморского типа, нам неизвестны. В синхронных аланских древностях полуострова причерноморские амфоры встречены только в материалах некрополя Лучистое. Так, в могиле 250 их зафиксировано три [1, с. 66, рис. 32,5,12,20]. Этот погребальный комплекс на основании корреляции разнообразных индивидуальных находок и стратиграфии аргументировано отнесен к условно выделенной 11 хронологической группе погребальных сооружений, которая датируется второй половиной VIII в., хотя в ней присутствуют вещи, продолжавшие активно бытовать и в первой половине IX в.

Анализ частоты, характера расположения и типов лощеной посуды в аланских склепах Подонья и Подонцовья, где они составляют подавляющее большинство – тема отдельной работы. Для нас представляет интерес наличие лощеной посуды в ямных погребениях за пределами Таврики, связываемых с болгарским и другими этносами. В этой связи в качестве семантически близких погребальных комплексов можно привести погребения типа 3 Зливкинского могильника, представляющие собой грунтовые ямы с нишей-подбоем в одной из стенок, в которых размещались горшки или кубышки с напутственной пищей [29, с. 115].

За пределами Крымского полуострова ближайшее салтово-маяцкое погребение, в котором был найден лепной горшок (вместе с лощеным кувшином), раскопано на Таманском полуострове в Фанагории [3, с. 262; 28, с. 229, рис. 159,4]. Там же найдены и единичные салтово-маяцкие погребения с кухонными горшками [3, с. 262, рис. 2,2; 28, рис. 156,2]. При этом следует отметить, что в погребальной практике населения Подонья и Подонцовья гончарные кухонные горшки повсеместно использовались наряду с лощеной посудой.

Анализируя использование амфор в погребальной практике праболгарского и аланского населения Подонья, необходимо вспомнить хорошо известную специалистам плитовую могилу, раскопанную на могильнике у с. Желтое в бассейне Северского Донца. Рядом с ней в углублении была установлена причерноморская бороздчатая амфора с отбитым горлом [11, с. 63, рис. 2,1,а,б]. В Сухогомольшанском могильнике причерноморские амфоры были использованы в качестве урн и крышек в нескольких кремационных захоронениях [2, с. 156, рис. 93,10–12].

Подводя итоги публикации захоронения у хутора Конрат, мы пришли к заключению о том, что описанный обряд погребения являлся уникальным для всех раскопанных праболгарских плитовых захоронений полуострова [16, с. 222–226]. В этой же работе был приведен и ряд близких по обряду могил за пределами полуострова. Среди последних отмечались погребения с напутственной пищей в лощеном сосуде в Патрее [25, с. 115] и погребение, обнаруженное на территории III Чертовицкого городища в Верхнем Подонье на реке Воронеж, в котором в изголовье погребенного в грунтовой яме располагались два гончарных салтовских горшка и кости жертвенного животного [17, с. 83–89].

Однако более важным представляется другой момент, на который мы при публикации погребения у хутора Конрат не акцентировали внимания. Не отмечена была эта принципиальная особенность и при публикации погребения на поселении Приморский северо-запад-

ный. Особенность эта связана с тем, что на территории некрополя Конрат на раскопанной площади в 172 м² никаких других погребений кроме этих двух нет. Погребение 1 на территории поселения Приморский северо-западное находилось на расстоянии около 40 м к северу от погребения 2 и более 30 м на северо-восток от погребения 8. Считать с полной уверенностью, что погребения 2 и 8 синхронны погребению 1 у нас нет достаточных оснований. На этом поселении исследованы и отдельные погребения эпохи Великого переселения народов и античного времени. Таким образом можно с уверенностью говорить о том, что у хутора Конрат и на территории античного поселения Приморский северо-западное салтовские грунтовые некрополи отсутствуют, а анализируемые погребения являются одиночными, не имеющими пока аналогий в раннесредневековой Таврике.

Относительно погребения у хутора Конрат надо учитывать еще два важных момента. Во-первых, напомним, что объект культурного наследия некрополь «Хутор Конрат II» был открыт в октябре 2014 г. Д. В. Бейлиным в ходе археологических разведок по трассе проектируемой ЛЭП энергомоста «Российская Федерация – полуостров Крым» на вершине и восточном склоне хребта к югу от ныне не существующего с. Андреевка. Он представлял собой курганную группу, состоявшую из 11 насыпей, находящуюся на вершине и на восточном склоне водораздела, ограничивающего с востока обширную долину, где располагалась бывшая деревня (рис. 2,*3*). На верстовой карте конца XIX в. и на карте РККА конца 1930-х гг. (рис. 2,*1,2*) на этом месте показаны курганные насыпи, но искусственного или естественного происхождения, не ясно. В ходе разведок 2014 г. курганы 3–5 этой курганной группы, исходя из близости расположения, были объединены в один объекты культурного наследия с координатами. Так, небольшой курган 4 с грунтово-каменной насыпью высотой не более 0,25 м и диаметром 7 м находится на расстоянии 30 м к северо-востоку от кургана 3 на той же возвышенности. Такой же небольшой курган 5 высотой 0,4 м и диаметром 7 м расположен в северо-восточной части этой же небольшой продолговатой возвышенности. На вершине насыпи кургана 5 в ее центре фиксируется навал необработанных и слегка подтесанных известняковых камней. Интересующий нас курган 3 располагался в юго-восточной части курганной группы и представлял собой локальную естественную возвышенность (рис. 3,*1*). В ходе археологических разведок был установлен примерный диаметр кургана, составивший около 15 м. В пределах насыпи фиксировался мелкий щебень и бутовый камень, размеры которого достигали 0,03×0,07×0,09 м. В центре кургана расположена была оплывшая грабительская яма размерами 2×2,5 м.

Именно под курганной насыпью № 3 в 2015 г. экспедицией под руководством Ю. П. Зайцева был разбит раскоп площадью 172 м² (13×13 м), перекрывший всю курганную насыпь, и изучены два погребения. Толщина насыпи на участке тризны погребения 2 составила 0,5 м (рис. 3,*3*), а в центральной части 0,6 м (рис. 3,*2*). Если рассматривать раскоп, как курган, центральное погребение было смещено от центра на север примерно на 2,5 м. Сопутствующее погребение 1 располагалось в 4 м к юго-западу от него, ближе к центру курганной насыпи. Таким образом, можно ли считать насыпь над этими погребениями курганом, однозначно сказать сложно. Не исключено, что полностью земляной курган не возводился по причине наличия удобной возвышенности.

В предварительной публикации указывалось, что погребение 2 у хутора Конрат было впущено в практически полностью разрушенный склеп античного времени [16, с. 295]. Об ошибочности этого утверждения сразу после выхода публикации совершенно аргументированно и однозначно говорил автор раскопок Ю. П. Зайцев. Действительно, за каменный склеп были приняты три кладки, образовывавшие прямоугольную каменную конструкцию, ограждавшую по периметру плитовое погребение. При этом фундамент ограды находился на уровне плит перекрытия (рис. 4,*2*). Каменная ограда была сложена из необработанных плит известняка на суглинистом растворе. Западная стенка сохранилась полностью. Ее толщина составила примерно, 0,15–0,18 м, длина 0,54 м. Высота девяти рядков кладки составила 0,38 м (рис. 4,*1*). От длинных стен сохранились только части кладок длиной 0,6–0,75 м, примыкающих к западной стене (рис. 4,*5*). Вероятнее всего, эта прямоугольная с закругленными углами каменная ограда сохранилась примерно на 1/3 часть и, первоначально, ограждала всю могилу (рис. 4,*3*).

Таким образом, в качестве рабочей гипотезы можно предположить, что у хутора Конрат перед нами подкурганное погребение второй половины IX в. в плитовой с перекрытием могиле, с мощной аккуратно выполненной каменной обкладкой по периметру и с сопутствующим грунтовым погребением. Не исключено, что подкурганным является и одиночное погребение 1, также второй половины IX в., на территории поселения Приморский северо-западное (рис. 5). Однако никаких следов курганной насыпи здесь проследить не удалось. Тем не менее, исключать полную распашку этой изначально небольшой (не более 0,2–0,3 м) курганной насыпи также нельзя.

Эти уникальные пока для Таврики погребения заставляют обратиться к возможным аналогичным или типологически близким погребальным сооружениям за пределами полуострова.

Учитывая конструктивные особенности, первый блок возможных аналогий составляют наиболее поздние подкурганные захоронения т.н. соколовского типа. Уже достаточно давно А. А. Ивановым в кандидатской диссертации были обобщены данные обо всех подкурганных погребениях Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья. Нас, в первую очередь, интересуют погребения в курганах с квадратными ровиками, выделенные в наиболее позднюю третью хронологическую группу, для которой характерны вещи классического салтовского облика, прежде всего, ременная гарнитура и лощеные салтовские сосуды. Датируются они в основном первой половиной IX в. [9, с. 16–17].

В качестве яркого примера можно привести подкурганное захоронение в курганном некрополе Куцый XII в Пролетарском районе Ростовской области. Некрополь здесь состоял из 11 насыпей, образующих две группы. У раскопанного кургана насыпь не сохранилась, но благодаря учетной документации ясно, что высота его составляла около 0,4 м, а диаметр около 15 м. Проследить границы ровика не удалось. Важно отметить, что в изголовье погребенного находились фрагменты жертвенной пищи в виде отдельных костей овцы. Богатый погребальный инвентарь включал, как и в случае погребения у хутора Конрат, лощеный кувшин и кухонный горшок с насечками по венчику и многорядной волной на плечиках [30, с. 190, рис. 3,2,3]. Подобные технологически совершенные горшки для памятников салтово-маяцкой культуры Крыма датируются не ранее второй четверти – середины IX в. Погребение автором публикации датируется в пределах VIII–IX вв. [30, с. 182–186].

Е. В. Кугловым, с учетом новых и переосмыслением старых результатов, группировка А. А. Иванова была значительно скорректирована и уточнена.

В частности, на основании анализа подкурганного ямного погребения в кургане 9 курганного могильника Ольховка I в Ольховском районе Волгоградской области, было высказано предположение о том, что по конструкции часть ямных подкурганных погребений первой половины – середины IX в. относится к Зливкинскому типу [13, с. 38–41]. Действительно, курган 9 некрополя Ольховка I, высота которого составляла 0,2 м при диаметре 16 м, близок тому, который мог существовать у хутора Конрат. И здесь слой погребенной почвы мощностью 0,10-0,12 м сохранился только в центральной части, и здесь присутствовала, оградка из камней, правда не такая мощная и тщательно выполненная, и здесь в погребальном инвентаре был зафиксирован лощеный кувшин с «парадной» орнаментацией [13, с. 119, рис. 1,3]. Ученый привел и целый ряд не только подкурганных поздних погребений под индивидуальными курганными насыпями, но и впускные погребения Зливкинского типа в курганы более раннего времени. Сами курганы по большей части имели квадратные ровики, но присутствовали и земляные сооружения, их не имевшие.

Таков, например, курган 3 могильника Таловый II, расположенного на Сало-Манычском водоразделе Волго-Донского междуречья. Его высота также не превышала 0,25 м при диаметре около 16 м. Основная подбойная могила относилась к соколовскому типу, но квадратный ровик отсутствовал. Авторы предположили, что сам курган изначально мог иметь квадратную пирамидальную форму и отражает, таким образом, завершающий этап эволюции Соколовских памятников в первой четверти IX в. [8, с. 160–163]. И здесь, как и в захоронении у хутора Конрат, в погребальном инвентаре сочетались лощеный кувшин и лепной горшок [8, с. 169, рис. 3,2,4].

Для нас важно проследить и проникновение уже во второй половине IX в. поздней соколовской обрядности с явными тюркскими влияниями на отдаленные территории, такие, например, как левобережье Иртыша. Здесь среди курганного могильника Меновое VIII курган 8 диаметром 10 м и высотой не более 0,5 м отличался наличием центрального трупосожжения, характерного для элиты кимаков, огражденного тщательно выполненной прямоугольной оградой, сооруженной из крупных блоков серо-коричневого ломаного камня и ориентированной углами по сторонам света. Высота двух ярдов кладки составляла около 0,4 м. К погребальной яме примыкала конструкция, имитирующая длинный дромос. В пристройке к каменной ограде располагались захоронения коня и подростка, совершенные по обряду трупоположения [27, с. 76, рис. 2].

Развивая дальше свою концепцию, Е. В. Круглов выделил и поздние ямные одиночные погребения соколовского типа без фиксируемых курганных насыпей, которые являются сильно упрощенным вариантом соколовского обряда и принадлежали рядовым черным хазарам. В качестве одного из эталонных примеров приводится грунтовое погребение близ с. Ильевка Калачевского района Волгоградской области на территории курганного Ильевского могильника [12, с. 180]. Курганная насыпь здесь не фиксировалась и, по мнению автора, могла вообще отсутствовать. Могила же имела небольшую ступеньку, на которой располагался череп коня, череп и конечности барана. В головах находился лепной горшок [12, с. 181, рис. 1].

К этой группе примыкает и неоднократно опубликованное одиночное захоронение на селище эпохи поздней бронзы Малячкино IV в Среднем Поволжье [24, с. 432, рис. 3]. Погребенный был помещен в могильную яму прямоугольной формы в слабоскорченном положении на правом боку. Погребальный инвентарь состоял из красноглиняной амфоры причерноморского типа, но без МЗР, двух лепных горшковидных сосудов [24, с. 437, рис. 11], типологически близких тому, который был зафиксирован в погребении у хутора Конрат, кругового лощеного кувшина с волнистым орнаментом поволжского типа, фрагмента бронзового зеркала и фрагментов железных изделий. Авторы предположили, что изначально над погребенным могла быть курганная насыпь, снивелированная при распашке. Однако, никаких аргументов в пользу этого не приведено.

Вторая группа аналогий – захоронения новинковского типа. Для нас важно то, что основной отличительной чертой новинковского типа, объектов которого, расположенных в основном в южной части Самарской луки, известно около 30 [23, с. 12], является использование в погребально-поминальной обрядовой практике камня, с чем согласились и другие специалисты [13, с. 39]. Напомним, что практически все курганы новинковского типа имеют диаметр от 6 до 18 м при максимальной высоте до 1,3 м. Во всех случаях в насыпях прослежены каменные конструкции трех основных типов. Находки керамики в курганной насыпи, за пределами могильных ям, документируют наличие постпогребальных обрядов, частью которых были поминальные тризны [23, с. 14].

В качестве типологически наиболее сходных конструкций стоит вспомнить крупную П-образную достаточно тщательно выполненную каменную ограду вокруг основного погребения в кургане 10 могильника Брусяны II [4, с. 236, табл. XXIV]. Такова же и прямоугольная каменная ограда с пристройкой в кургане 13 этого же курганного некрополя [4, с. 238, табл. XXVI,1]. Однако типологически наиболее близка погребению у хутора Конрат подпрямоугольная, с закругленными углами каменная ограда кургана 23 некрополя Брусяны II [4, с. 245, табл. XXXIII,1], ограждавшая центральное захоронение. По бокам от ограды находились еще четыре погребения, в том числе в скорченном положении на правом боку [4, с. 245, табл. XXXIII,3]. Такая же подпрямоугольная П-образная каменная ограда, внутри которой располагалось два погребенных, отмечена в кургане 24 [4, с. 246, табл. XXXIV,1].

В отличие от соколовского типа, благодаря многочисленным раскопкам и разведкам, эволюция этой группы древностей в направлении появления наряду с курганными бескурганных одиночных погребений, более ясна. Очень показательны в этом отношении погребально-поминальные некрополи типа Малая Рязань I, где зафиксированы в непосредственной близости и подкурганные, и грунтовые погребения, по конструкции ничем не отличающиеся

одно от другого. Последние четко датируются уже последней четвертью VIII в. и свидетельствуют о постепенном оседании новинковцев на землю [15, с. 255–262; 14, с. 149]. Для курганов характерны те же параметры, что и у предполагаемой насыпи у хутора Конрат, высота до 0,5 м при диаметре до 15 м. Известны курганы только с двумя погребенными (курган 8). Важно и то, что в южной части некрополя на расстоянии около 140 м к югу от основной группы курганов были выявлены два грунтовых погребения, одно из которых было окружено замкнутой прямоугольной каменной оградой [7, с. 212, рис. 2,1]. Размеры каменной ограды составили 5,2×3,5 м при максимальной высоте 0,3–0,4 м. Отмечены и следы поминальных обрядов в непосредственной близости от каменной ограды в виде костей животных, кусков обожженной глины [7, с. 210–211]. Сопутствующее погребение располагалось на глубине 0,2 м от уровня современной дневной поверхности и оказалось практически полностью разрушенным. Инвентарь также состоял из лепного горшка и двух бусин. Лепной горшок и богатая поясная гарнитура были и в основном погребении. Оба они составляли единый комплекс.

В плане аналогий представляет интерес погребение 3 раскопа 2020 г. этого некрополя, каменный панцирь которого имел прямоугольную форму. Обкладка, безусловно, отличается небрежностью, но прямоугольная форма прослеживается достаточно четко [14, с. 151, рис. 2]. Отметим и курган 10 некрополя Малая Рязань I [4, с. 272, табл. LX,5], в центре которого, как и в случае с курганом 23 некрополя Брусяны II [4, с. 245, табл. XXXIII,1], помещена подпрямоугольная каменная конструкция вокруг основного погребения.

Обе группы упомянутых выше аналогий очень важны, но не позволяют понять наличие сочетания в погребении у хутора Конрат каменной аккуратной обкладки и плитовой христианской могилы. Единственным комплексом, который типологически близок такому обряду, можно считать северокавказский Горькобалковский комплекс VIII–IX вв., включающий, пока, три некрополя, состоящие, в основном, из каменных ящиков, в том числе и плитовых могил [18, с. 17–39; 19, с. 6]. Чрезвычайно важно, что над отдельными захоронениями могильников №№ 1 и 2 были выявлены и разнотипные надмогильные (наземные) сооружения. Исследователи делят их на три условных типа, в том числе каменные оградки подовальной конфигурации и П-образные в плане сооружения из вертикально установленных плит. При этом, каменные оградки размещались, чаще всего, над детскими каменными ящиками, перекрытыми каменными плитами. На могильнике № 2 рядом с погребениями располагались три комплекса со следами тризн. Наличие каменных оградок, как и присутствие на камнях обкладок могил тамгообразных знаков, исследователями аргументированно связывается с тюркскими переселенцами, смешивавшимися с представителями местной этнокультурной среды и принимавшими христианство [19, с. 12]. Появление подобных элементов рассматривается в рамках миграционных процессов в крупнейшей в Предкавказье поселенческой агломерации, представленной Татарским городищем или аналогичными агломерациями в верховьях Урупа и Кубани [19, с. 12–14].

Таким образом, есть аргументированные основания предполагать наличие курганной насыпи у двух погребений, открытых раскопками 2015 г. у хутора Конрат. Не исключено ее наличие и над могилой 1 на поселении Приморский северо-западное. Даже если это не так, перед нами одиночные погребения. Представляется очень вероятной их связь с хазарским этносом и кочевой образ жизни захороненных. Могила у хутора Конрат сочетает в себе черты различных культурных погребальных традиций, свидетельствующих о высоком статусе захороненного. Сопровождавшее ее погребение, как и могила на поселении Приморский, близкие по составу бедного погребального инвентаря, действительно могли принадлежать номадам более низкого социального уровня.

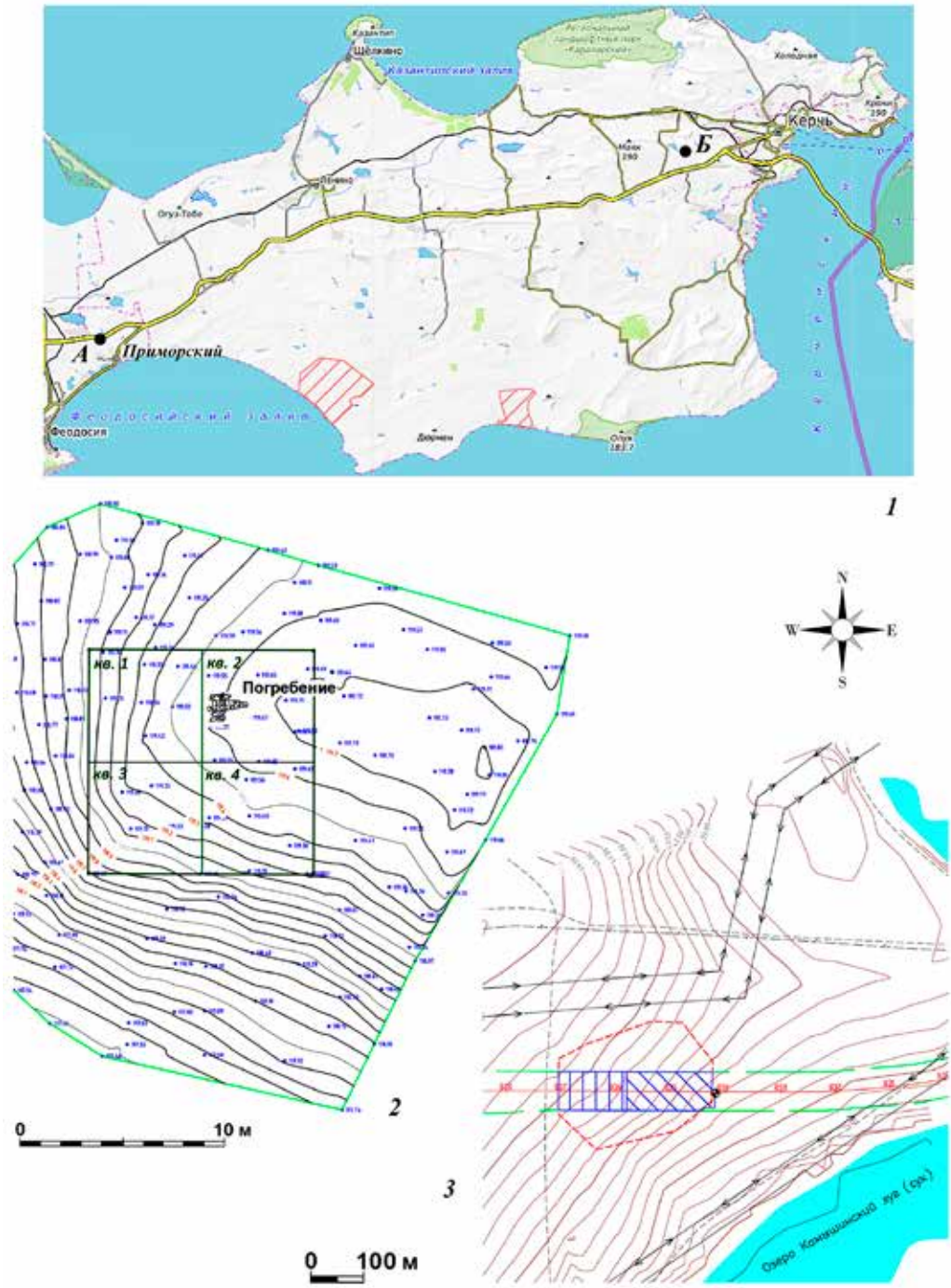


Рис. 1. Месторасположение и общие планы раскопов на поселении Приморский северо-западное и у хутора Конрат II: *1* – месторасположение погребений: А – поселение Приморский северо-западное; Б – хутор Конрат-II; *2* – план раскопа у хутора Конрат II; *3* – план раскопа поселения Приморский

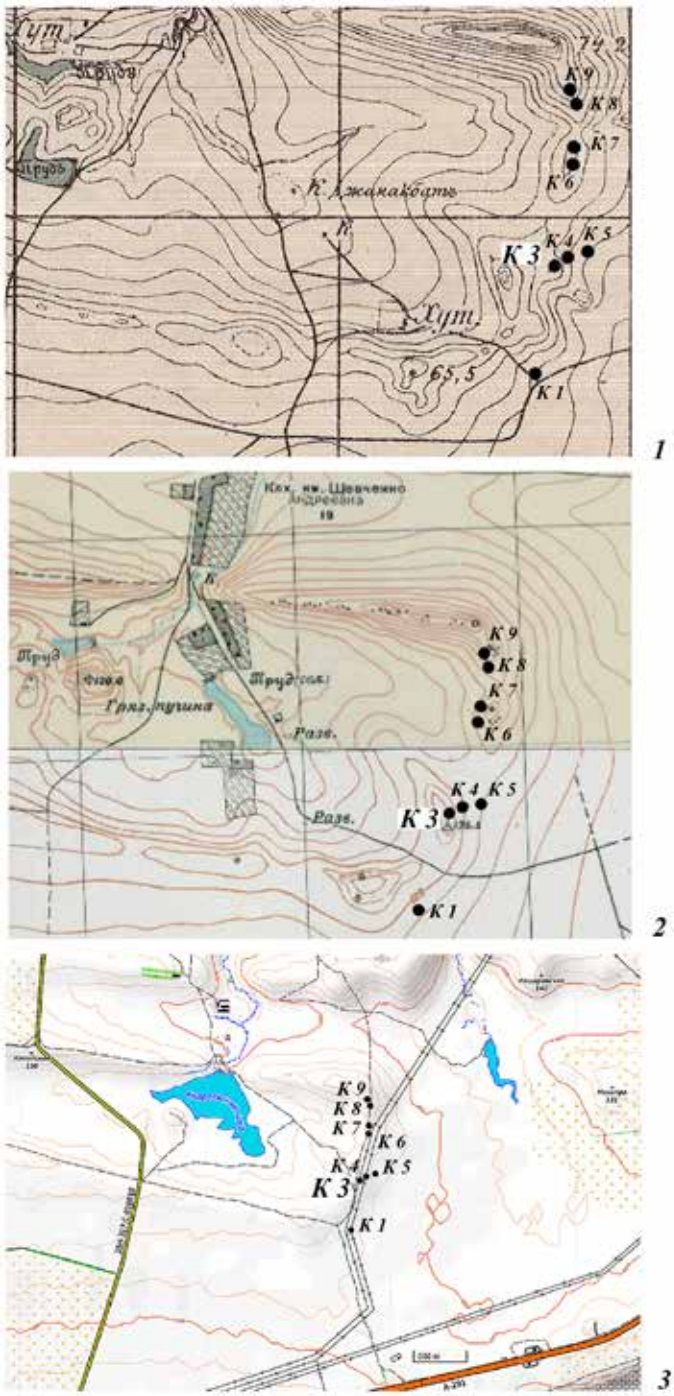


Рис. 2. Месторасположение кургана 3 группы из 11 курганов у хутора Конрат II: *1* – на верстовой карте Крыма конца XIX в.; *2* – на карте РККА конца 1930-х гг.; *3* – на современной топографической карте

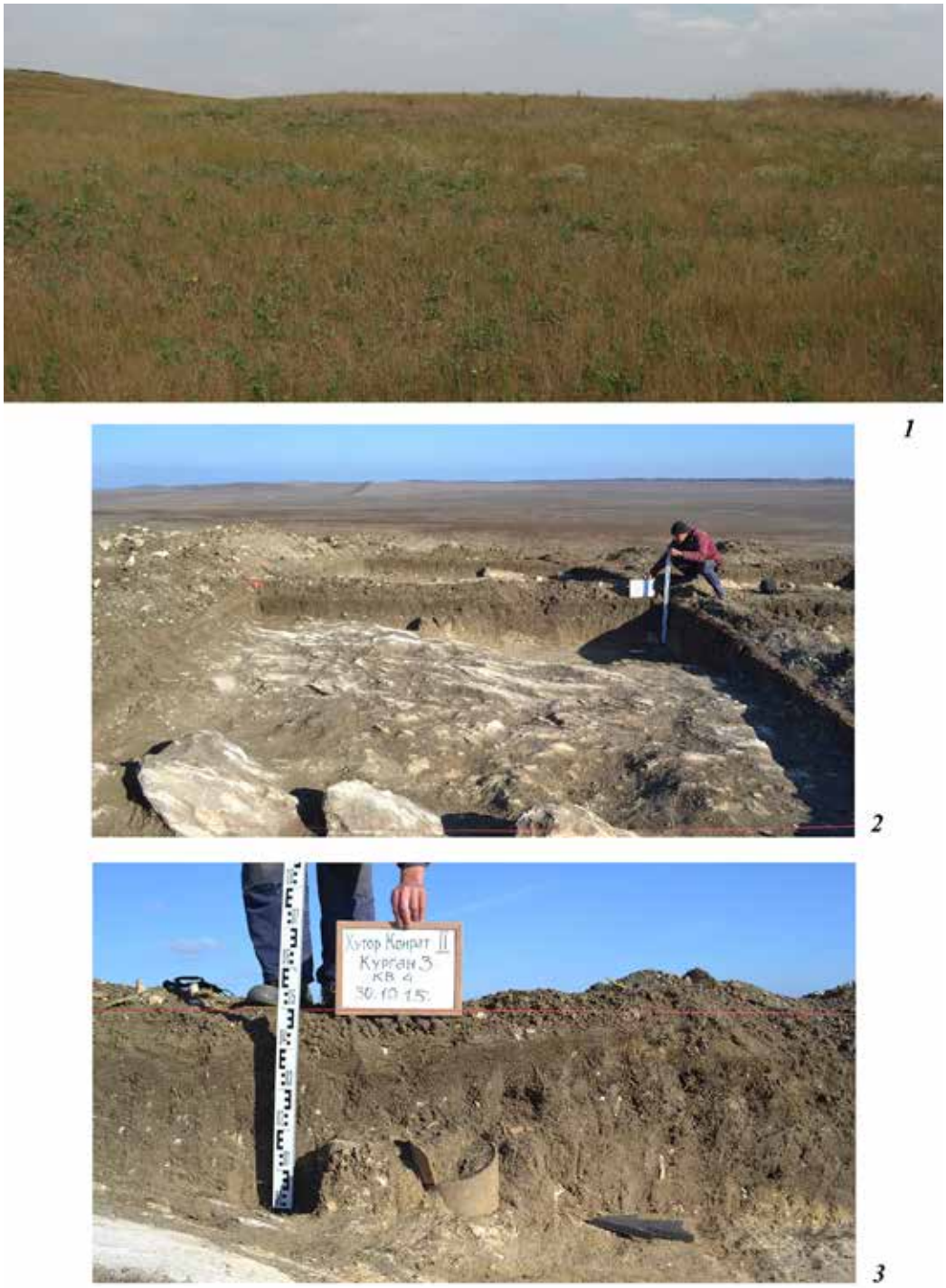


Рис. 3. Курган 3 группы из 11 курганов у хутора Конрат II и его стратиграфия:
1 – общий вид возвышенности с курганом 3, вид с юго-востока; *2, 3* – стратиграфия западного профиля бровки между квадратами 1 и 2 на участке могилы 2, вид с запада

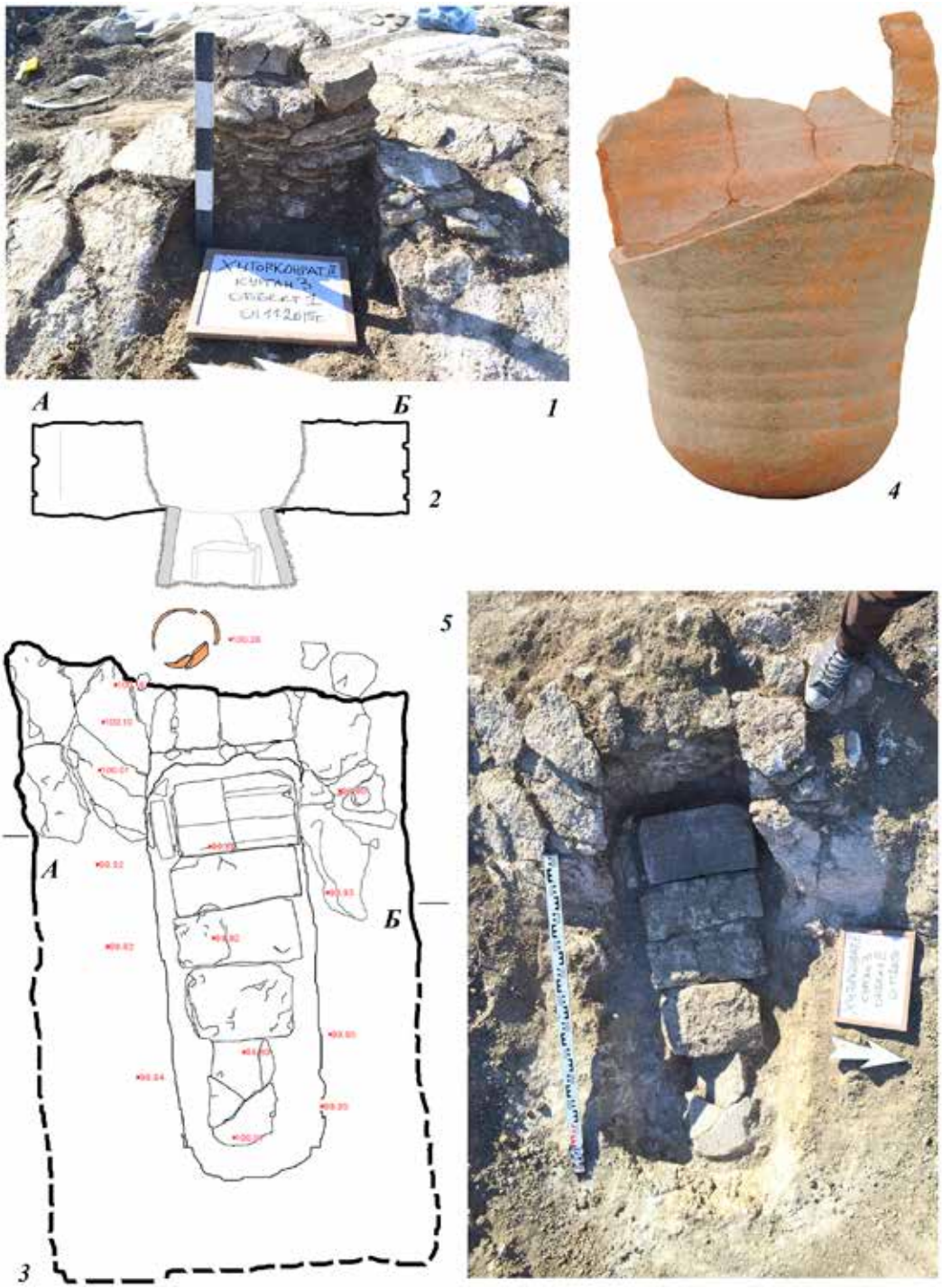


Рис. 4. Каменная конструкция над погребением 2 кургана 3 у хутора Конрат II:
1, 5 – общий вид конструкции с востока и сверху; *2, 3* – разрез и план погребения и каменной конструкции; *4* – амфора из тризны могилы 2

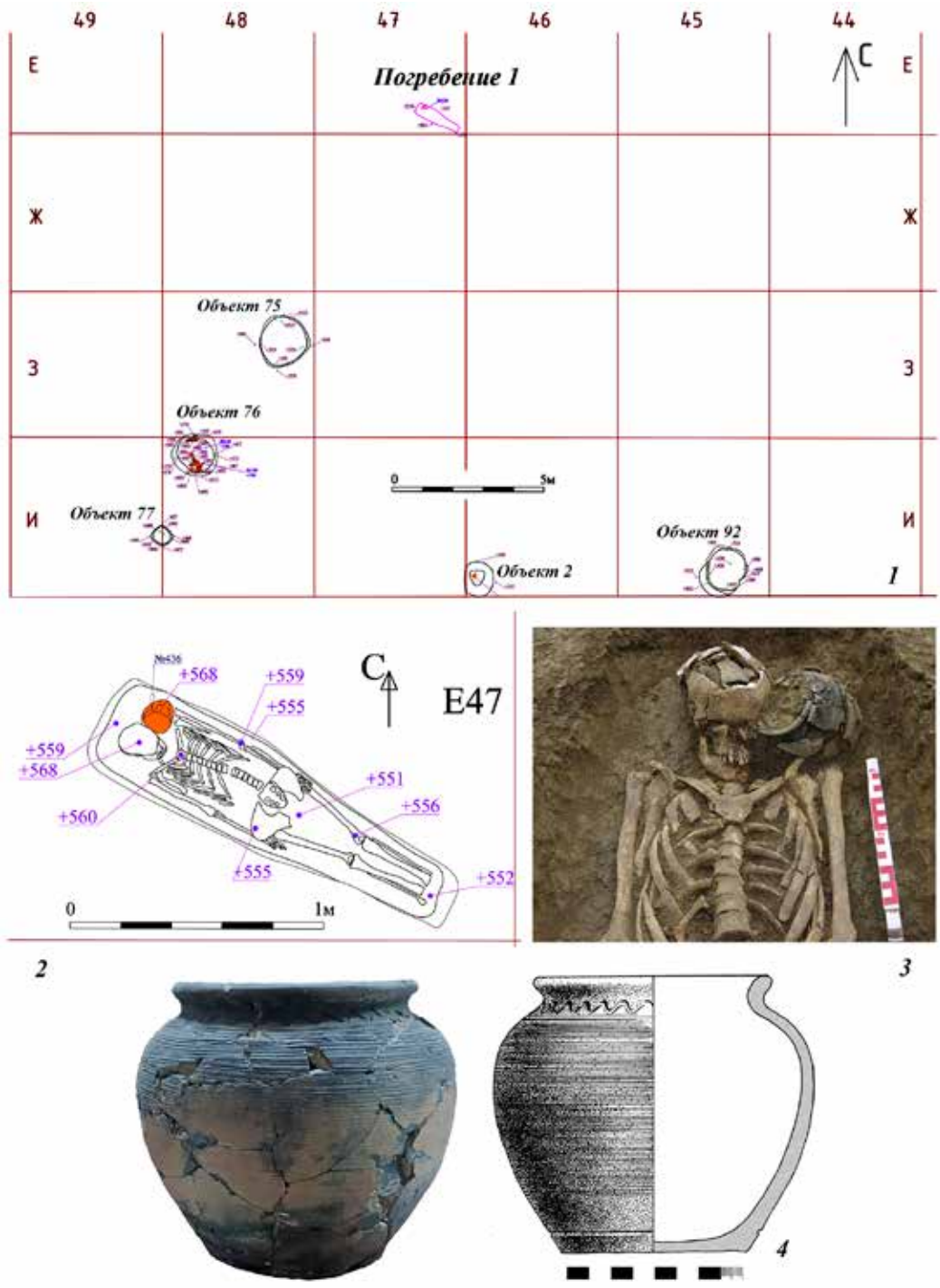


Рис. 5. Погребение 1 на поселении Приморский северо-западное:
1 – план участка раскопа II на поселении и погребение 1; *2, 3* – план и общий вид погребения; *4* – кухонный горшок из погребения 1

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Могильник у с. Лучистое. Т. I. Раскопки 1977, 1982–1984 годов. Симферополь, Керчь: АДЭФ-Украина, 2008. 336 с.
2. Аксенов В.С., Михеев В.К. Население Хазарского каганата в памятниках истории и культуры. Сухого-мольшанский могильник VIII–X вв. Киев, Харьков, 2006. 308 с. (Хазарский альманах. Т. 5).
3. Атавин А.Г. Средневековые погребения в Фанагории // СА. 1986. № 1. С. 262–266.
4. Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара, 1998. 286 с.
5. Бочаров С.Г. Отчет о раскопках средневекового поселения на холме Тепсень (пос. Коктебель) в 2006 году (раскопы 8–9). Симферополь, 2007 // НА ИАК РАН. Инв. кн. 6, инв. № 1119, папка 1466.
6. Бочаров С.Г. Отчет о раскопках средневекового поселения на холме Тепсень (пос. Коктебель) в 2006 году (раскоп 6) // НА ИАК РАН. Инв. кн. 6, инв. № 1123, папка 1470.
7. Букин В.О., Лифанов Н.А., Зубов С.Э. Раскопки могильника Малая Рязань I в 2017 г. // Вопросы археологии Поволжья. 2019. Вып. 7. С. 210–215.
8. Глебов В.П., Иванов А.А. Кочевническое погребение хазарского времени из могильника Таловый II // Средневековые древности Дона / Отв. ред. Ю.К. Гугуев. М., Иерусалим: Гешарим, 2007. С. 154–176. (Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. II).
9. Иванов А.А. Раннесредневековые подкурганные кочевнические захоронения второй половины VII – первой половины IX вв. Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья: Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Волгоград, 2000. 24 с.
10. Колтухов С.Г., Майко В.В. Курганы у с. Строгоновка (исследования 2021 г.). Симферополь: Ариал, 2024. 212 с.
11. Красильников К.И. Могильник древних болгар у с. Желтое на Северском Донце // Проблеми на прабългарската история и культура. Т. 2. София: Аргес, 1991. С. 62–81.
12. Круглов Е.В. Погребение хазарского времени у с. Ильевка // Хазарский альманах. 2004. Т. 2. С. 180–186.
13. Круглов Е.В. Подкурганное ямное погребение салтово-маяцкой культуры из могильника Ольховка I // Салтово-маяцька археологічна культура: 110 років від початку вивчення на Харківщині. Харків, 2011. С. 38–42, 119.
14. Лифанов Н.А. Раскопки могильника Малая Рязань I в 2020 г. // Поволжская археология. 2023. № 4 (46). С. 149–157.
15. Лифанов Н.А., Зубов С.Э. Раскопки могильника Малая Рязань I в 2009–2010 гг. и некоторые вопросы изучения памятников Новинковского типа на Самарской Луке // 40 лет Средневолжской археологической экспедиции. Самара: Офорт, 2010. С. 255–262. (Краеведческие записки. Вып. XV).
16. Майко В.В., Пономарёв Л.Ю. Салтово-маяцкий могильник Конрат на Керченском полуострове (по результатам раскопок 2015 г.) // История и археология Крыма. 2018. Вып. VII. С. 222–226, 294–309.
17. Медведев А.П. Салтовское погребение на реке Воронеж // Дивногорский сборник. 2009. Вып. 1 С. 83–89.
18. Нарожный Е.И., Соков П.В. Горькобалковский археологический комплекс VIII–IX вв. Некоторые итоги и перспективы изучения (К 15-летию охранно-спасательных археологических исследований) // Археология степной Евразии / Отв. ред. К.М. Байпаков, А.М. Илюшин. Кемерово, Алматы: КузГТУ, 2008. С. 17–39.
19. Нарожный Е.И., Соков П.В. Горькобалковский археологический комплекс VIII–IX вв.: реалии и домыслы этнокультурной атрибуции // Apriori. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 5. С. 1–22.
20. Родинкова В.Е. Раскопки поселения Приморский северо-западное // Крым – Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017–2018 гг. Т. 2. М.: ИА РАН, 2019. С. 7–27.
21. Родинкова В.Е., Добровольская М.В., Сапрыкина И.А. Погребение эпохи Великого переселения народов из Восточного Крыма: результаты комплексных исследований // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: материалы IV международной научной конференции. М.: ИВ РАН, 2020. С. 167–171.
22. Родинкова В.Е., Свиркина Н.Г. О некоторых погребальных традициях населения округи Феодосии в античное и средневековое время // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: Материалы V Международной научной конференции. М.: ИВ РАН, 2021. С. 235–238, 336–337.
23. Сташенков Д.А. Самарское Поволжье в хазарское время: учебное пособие. Самара: Изд-во Самарского университета, 2024. 80 с.
24. Сташенков Д.А., Турецкий М.А. Погребение хазарского времени на территории селища Малячкино IV // Уфимский археологический вестник. 2024. Т. 24. № 2. С. 429–440.
25. Сударев Н.И. Погребения в районе поселения Гаркуша 1 (Патрей) // Боспорский сборник. 1994. Вып. 4. С. 108–126.
26. Тахтай А.К. Раскопки Херсонесского некрополя в 1937 году // Херсонесский сборник. 1948. Вып. IV. С. 19–43.

27. Ткачев А.А. Раннесредневековое кыргызское захоронение из Верхнего Прииртышья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 4(55). С. 74–87.
28. Чхаидзе В.Н. Фанагория в VI–X веках. М.: Триумф принт, 2012. 590 с.
29. Швецов М.Л. Могильник «Зливки» // Проблеми на прабългарската история и култура. 1991. Т. 2. С. 109–123.
30. Яценко В.В. Подкурганное захоронение VIII–IX вв. у г. Пролетарска // Средневековые древности Дона / Отв. ред. Ю.К. Гугуев. М., Иерусалим: Гешарим, 2007. С. 182–192. (Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. II).

REFERENCES

1. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. *Mogil'nik u sela Luchistoe. T. 1. Raskopki 1977, 1982–1984 gg.* [Cemetery near the village of Luchistoye. Tom 1. Excavations 1977, 1982–1984]. Simferopol, Kerch, ADEF-Ukraina Publ., 2008, 336 p.
2. Aksenov V.S., Mikheev V.K. The population of the Khazar Khaganate in historical and cultural monuments. Sukhogomolshan burial ground of the 8th–10th centuries. *Khazarskii al'manakh* [Khazar almanac], 2006, vol. 5, 306 p.
3. Atavin A.G. Medieval burials in Fanagoria. *Sovetskaia arkheologiia* [Soviet Archaeology], 1986, no. 1, pp. 262–266.
4. Bagautdinov R.S., Bogachev A.V., Zubov S.E. *Prabolgary na Srednei Volge (u istokov istorii tatar Volgo-Kam'ia)* [Prabolgary on the Middle Volga (at the origins of the history of the Tatars of the Volga-Kamya)]. Samara, 1998, 286 p.
5. Bocharov S.G. Report on excavations of a medieval settlement on Tepsen Hill (Koktebel settlement) in 2006 (excavations 8-9). *Archive of the Institute of Archaeology of Crimea RAS*, book 6, no 1119, folder 1466.
6. Bocharov S.G. Report on excavations of a medieval settlement on Tepsen Hill (Koktebel settlement) in 2006 (excavations 8–9). *Archive of the Institute of Archaeology of Crimea RAS*, book 6, no. 1123, folder 1470.
7. Bukin V.O., Lifanov N.A., Zubov S.E. Excavations of the Malaya Ryazan I burial ground in 2017. *Voprosy arkheologii Povolzh'ia* [Issues of Volga region archaeology], 2019, vol. 7, pp. 210–215.
8. Glebov V.P., Ivanov A.A. Nomadic burial of the Khazar time from the Talovy II burial ground. Yu.K. Guguev (ed.), *Srednevekovye drevnosti Dona* [Medieval antiquities of the Don], Moscow, Jerusalem, Gecharim Publ., 2007, pp. 154–176. (Materials and research on the archaeology of the Don. Vol. 2).
9. Ivanov A.A. *Rannesrednevekovye podkurgannye kochevnicheskie zakhoronenii a vtoroi poloviny VII – pervoi poloviny IX vv. Nizhnego Dona i Volgo-Donskogo mezhdurech'ia* [Early medieval burial nomadic burials of the second half of 7th – first half of 9th centuries of Lower Don and Volga-Don interfluve]. Abstract of the dissertation of the candidate of historical sciences. Volgograd, 2000. 24 p.
10. Koltukhov S.G., Maiko V.V. *Kurgany u s. Strogonovka (issledovaniia 2021 g.)* [Barrows near the village of Strogonovka (research 2021)]. Simferopol, Arial Publ., 2024, 212 p.
11. Krasil'nikov K.I. The burial ground of the ancient Bulgarians near the village Zheltoe on the Seversky Donets. *Problemi na prab"lgarskata istoriia i kultura* [Problems on prabulgarien history and culture], Sofiia, Arges Publ., 1991, pp. 62–81.
12. Kruglov E.V. Burial of the Khazar time at the village Ilyevka. *Khazarskii al'manakh* [Khazar almanac], 2004, vol. 2, pp. 180–186.
13. Kruglov E.V. Pit burial in Burial of Saltovo-Majaki culture from the Olkhovka I burial ground. *Saltovo-maiats'ka arkheologichna kul'tura: 110 rokiv vid pochatku vivchennia na Kharkivshchini* [Saltovo-Majaki archaeology culture: 110 years since the beginning of the study in the Kharkiv region], Kharkiv, 2011, pp. 38–42, 119.
14. Lifanov N.A. Excavations of the Malaya Ryazan I burial ground in 2020. *Povolzhskaia arkheologiia* [The Volga River Region Archaeology], 2023, no. 4 (46), pp. 149–157.
15. Lifanov N.A., Zubov S.E. Excavations of the Malaya Ryazan I burial ground in 2009–2010 and some issues of studying Novinkovsky type monuments on Samara Luka. *40 let Srednevolzhskoi arkheologicheskoi ekspeditsii* [40 years of the Middle Volga archaeological expedition], Samara, Ofort Publ., 2010, pp. 255–262. (Local history notes. Vol. 15).
16. Maiko V.V., Ponomarev L.Iu. Saltovo-Mayatsky burial ground Konrat on the Kerch Peninsula (according to the results of excavations in 2015). *Istoriia i arkheologiia Kryma* [History and archaeology of Crimea], 2018, vol. 7, pp. 222–226, 294–309.
17. Medvedev A.P. Saltovskoye pogrebeniye na reke Voronezh [Saltovo burial on the Voronezh River]. *Divnogorskiy sbornik* [Divnogorsk collection], 2009, vol. 1, pp. 83–89.
18. Narozhnyi E.I., Sokov P.V. Gorkobalkovsky archaeological complex of the VIII-IX centuries. Some results and prospects of study (On the 15th anniversary of conservation and rescue archaeological research). K.M. Baipakov, A.M. Iliushin (eds.), *Arkheologiia stepnoi Evrazii* [Archaeology of steppe Eurasia], Kemerovo, Almaty, 2008, pp. 17–39.

19. Narozhnyi E.I., Sokov P.V. Gorkobalkovsky archaeological complex of the VIII-IX centuries: realities and speculation of ethnocultural attribution. *Apriori. Ceriia: Gumanitarnye nauki* [Apriori. Series: Humanities], 2016, no. 5, pp. 1–22.
20. Rodinkova V.E. Excavations of the settlement Primorsky northwest. *Krym – Tavrida. Arkheologicheskie issledovaniia v Krymu v 2017–2018 gg.* [Crimea – Tavrida. Archaeological research in Crimea in 2017–2018]. Vol. 2. Moscow, Institute of Archaeology RAS Publ., 2019, pp. 7–27.
21. Rodinkova V.E., Dobrovol'skaia M.V., Saprykina I.A. Burial of the era of the Great Migration of Peoples from Eastern Crimea: the results of comprehensive research. *Istoricheskie, kul'turnye, mezhnatsional'nye, religioznye i politicheskie sviazi Kryma so Sredizemnomorskim regionom i stranami Vostoka: materialy IV mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Historical, cultural, interethnic, religious and political ties of Crimea with the Mediterranean region and the countries of the East: materials of the IV international scientific conference], Moscow, Institute of Oriental Studies RAS Publ., 2020, pp. 167–171.
22. Rodinkova V.E., Svirkina N.G. On some funeral traditions of the population of the district of Feodosia in ancient and medieval times. *Istoricheskie, kul'turnye, mezhnatsional'nye, religioznye i politicheskie sviazi Kryma so Sredizemnomorskim regionom i stranami Vostoka: materialy V mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Historical, cultural, interethnic, religious and political ties of Crimea with the Mediterranean region and the countries of the East: materials of the V international scientific conference], Moscow, Institute of Oriental Studies RAS Publ., 2021, pp. 235–238, 336–337.
23. Stashenkov D.A. *Samarskoe Povolzh'e v khazarskoe vremia: uchebnoe posobie* [Samara Volga region in the Khazar time: a textbook]. Samara, Samara University Publ., 2024, 80 p.
24. Stashenkov D.A., Turetskii M.A. Burial of the Khazar time in the village of Malyachkino IV. *Ufimskii arkheologicheskii vestnik* [Ufa Archaeological Bulletin], 2024, vol. 24, no. 2, pp. 429–440.
25. Sudarev N.I. Burial in the area of settlement Garkusha 1 (Patrey). *Bosporskiy sbornik* [Bosporan collection], 1994, vol. 4, pp. 108–126.
26. Takhtai A.K. Excavations of the Chersonesos necropolis in 1937. *Khersonesskii sbornik* [Chersonesos collection], 1948, vol. 4, pp. 19–43.
27. Tkachev A.A. Early medieval Kyrgyz burial from the Upper Irtysh region. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of archaeology, anthropology and ethnography], 2021, no. 4(55), pp. 74–87.
28. Chkhaidze V. N. *Fanagoriia v VI–X vekakh* [Fanagoria in the VI–X centuries]. Moscow, Triumf print Publ., 2012, 590 p.
29. Shvetsov M.L. "Zlivki" burial ground. *Problemi na prablgarskata istoriya i kultura* [Problems of Proto-Bulgarian history and culture], 1991, vol. 2, pp. 109–123.
30. Iatsenko V.V. Burial of the 8th–9th centuries. near Proletarsk. Yu.K. Guguev (ed.), *Srednevekovye drevnosti Dona* [Medieval antiquities of the Don], Moscow, Jerusalem, Gecharim Publ., 2007, pp. 182–192. (Materials and research on the archaeology of the Don. Vol. 2).

Информация об авторе

Майко В. В. – доктор исторических наук, директор Института археологии Крыма РАН, Researcher ID: A-8603-2019

Author information

Maiko V. V. – Doctor of Science (History), Director of the Institute of Archaeology of the Crimea of RAS, Researcher ID: A-8603-2019.

DOI: 10.29039/2413-189X.2025.30.362-369

ЯНТАРНЫЕ КРЕСТЫ XIII–XIV ВВ. ИЗ КРЫМА

Светлана Александровна Цапко
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия
sveta.tsapko.98@mail.ru, https://orcid.org/0009-0004-9370-9779

Аннотация. Статья посвящена группе средневековых нательных крестов, выполненных из янтаря и происходящих из раскопок Мангупского городища, Сугдеи и культового христианского комплекса в пещере Иограф I. Большинство находок найдено в археологических комплексах, не имеющих ясной функциональной атрибуции, но, вероятнее всего, они являлись инвентарем в погребениях. Кресты, обнаруженные в 1913 г. Р. Х. Лепером во время раскопок Мангупского городища, публикуются впервые. В результате изучения морфологии янтарных крестов, декоративного оформления краев их лучей и средокрестия удалось выделить три типа изделий. Первый из них характеризуется выраженным квадратным средокрестием и короткими шароконечными лучами. Второй тип нательных крестов, с двумя вариантами, выделяется по особенностям оформления прямоконечных и криновидных лучей. Третий тип имеет слабо выраженное средокрестие и криновидное завершение лучей. Подобные янтарные кресты типичны для памятников Древней Руси, где часто датируются XII–XIII вв., но встречаются экземпляры, обнаруженные в более ранних и в более поздних археологических комплексах. Скорее всего, в Крыму они, уже как импортные предметы личного благочестия, получили распространение лишь в XIII–XIV вв.

Ключевые слова: нательный крест, янтарь, памятник, форма, тип, аналогии

Благодарности: Автор высказывает искреннюю признательность А. Г. Герцену и В. Е. Науменко, руководителям Мангупской археологической экспедиции, за возможность самостоятельной публикации находок из раскопок Мангупского городища.

THIRTEENTH- AND FOURTEENTH-CENTURY AMBER CROSSES FROM THE CRIMEA

Svetlana A. Tsapko
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
sveta.tsapko.98@mail.ru, https://orcid.org/0009-0004-9370-9779

Abstract. This article examines a group of mediaeval underwear amber crosses excavated at the ancient town of Mangup, Sougdaia, and Christian complex in the cave of Iograf I. Although the finds were mostly discovered in archaeological assemblages with no clear functional attribution, they probably were parts of grave goods. The crosses excavated in 1913 by R. Kh. Leper at the fortified settlement of Mangup are published here for the first time. Taking the analysis of the morphology of amber crosses, the design the edges of arms, and the crossing into account, there are reasons to suppose three types of crosses. The first type is characterized by pronounced square crossing and short arms finishing with globes. The second type comprising of two variants is distinguished by the design of its straight-armed and fleur-de-lis crosses. The third type shows a poorly-underlined crossing and fleur-de-lis arms. Although amber crosses of the type are typical of Rus'ian sites often dated from the twelfth and thirteenth century, there also are artefacts uncovered at earlier or later archaeological assemblages. They likely became widespread in the Crimea as imported personal piety objects as late as the thirteenth or fourteenth century.

Keywords: underwear cross, amber, monument, shape, type, analogies

Acknowledgments: The author is sincerely grateful to A. G. Gertsen and V. E. Naumenko, the supevisorss of the Mangup Archaeological Expedition, for the opportunity to publish the finds excavated at the ancient town of Mangup.

Среди разнообразных материалов, из которых были изготовлены предметы личного христианского благочестия, встречающиеся на памятниках средневекового Крыма, особую категорию находок составляют кресты-тельники из янтаря. Как известно, янтарем называют ископаемую смолу с отличительными особенностями цвета, прозрачности и свойств горю-

чести, которая в изобилии встречается на побережье Балтийского и Северного морей [26, с. 7]. Культовые средневековые предметы, изготовленные из нетрадиционных для Крымского полуострова материалов, привлекают особое внимание исследователей, так как они могут указывать на внешние контакты и связи местного населения с другими регионами в этот период времени.

Янтарные нательные кресты являются одной из наименее изученных групп находок на памятниках средневекового Крыма. Всего, на сегодняшний день, известны только шесть таких изделий. Большинство из них – три экземпляра, обнаружено при раскопках средневековой Сугдеи, два креста найдены на Мангупском городище, еще один крест – в культовом христианском комплексе в пещере Иограф I над г. Ялта.

Сугдея. Первый нательный крестик из янтаря (№ 1) был выявлен среди погребального инвентаря некрополя у подножия так называемой Дозорной башни (рис. 1,*1*). Точная хронология этого могильника остается не определенной. И. А. Баранов связывал его с первоначальным византийским некрополем городища середины VII в. Однако, как отметили позднее А. В. Джанов [7, с. 54] и В. В. Майко [18, с. 252], датировка и атрибуция памятника требует более глубокого обоснования. Интересующий нас погребальный комплекс, из которого происходит крест-тельник, до сих пор полностью не издан.

Еще два янтарных крестика (№№ 2–3) обнаружены во время раскопок некрополя Судак-V в 1929 г., но, к сожалению, не были упомянуты в отчетной документации. Также не известно их точное соотнесение с определенным погребальным сооружением [16, с. 261, рис. 2,3–4] (рис. 1,*4–5*). Данный могильник, как и связанный с ним храм, сейчас датируются в пределах XIII–XV вв. [19, с. 183].

Пещера Иограф I. В ходе изучения этого культового христианского объекта в естественной нише пещеры, между восточной и южной стенами церкви, была обнаружена большая группа предметов личного благочестия, в том числе девять крестов, один из которых был выполнен из янтаря (№ 4) (рис. 1,*6*). Вероятнее всего, данная природная ниша могла использоваться местным христианским населением для каких-то вотивных приношений в период функционирования храма, то есть в XI–XIII вв., и даже позднее [28, с. 128, рис. 37].

Мангупское городище. При раскопках Р. Х. Лепера в 1913 г. скального некрополя на эспланаде Мангупской цитадели на мысе Тешкли-бурун [14, л. 21], который, по мнению Н. И. Репникова, функционировал в XIII–XV вв. [4, с. 47], в могиле № 6 были найдены два до сих пор не опубликованных янтарных крестика (№№ 5–6), хранящиеся ныне в фондах Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» (рис. 1,*2–3*). Определить точное нахождение на местности могилы № 6 не представляется возможным. Данный некрополь Мангупа связан с так называемой «церковью 1967 г.», современные исследования которой были проведены в 2018 г. По итогам этих раскопок «церковь 1967 г.» и ее прихрамовый некрополь сейчас можно надежно датировать в пределах конца XIII – начала XV в. [3, с. 81].

Таким образом, в целом условия обнаружения средневековых янтарных крестов из Крыма не позволяют уточнить их датировку. При этом необходимо отметить, что пять из шести изделий данной категории археологических материалов, вероятно, связаны с погребальным инвентарем, где они выступали в качестве нательных крестиков захороненных. На это также указывают просверленные отверстия для подвешивания на верхних лучах всех рассматриваемых изделий.

Морфологически янтарные кресты-тельники можно разделить на три типа.

Первый тип представлен двумя крестами из раскопок Мангупа и некрополя у Дозорной башни Сугдеи с выраженным выпуклым квадратным средокрестием и короткими шароконечными лучами. У находки из Судака (№ 1) имеются выраженные рельефные перехваты между средокрестием и окончанием лучей; размеры креста – 3,05×2,5 см, толщина 0,6 см (рис. 1,*1*). По предположению В. В. Майко, представленный крестик мог быть изготовлен местными ювелирными мастерами по известным образцам [17, с. 99]. Изделие из некрополя перед Мангупской цитаделью (№ 5) сохранилось частично – верхний и один боковой луч, размерами: 1,45×1,21 см, толщиной 0,5 см (рис. 1,*2*).

Второй тип выделяется по широкому квадратному средокрестию и прямоконечным окончаниям коротких, слабовыраженных лучей. Данную группу находок представляется возможным разделить на два варианта. Крестик из раскопок Мангупа (№ 5), размерами: 2,2×1,85 см, толщиной 0,36–0,48 см, близок по форме к ромбу. При этом края средокрестия оформлены в виде «ступенек», относится к первому варианту (рис. 1,*3*). Находки из некрополя Судак-V (№№ 2, 3) выделяются в качестве второго варианта благодаря ответвлениям, напоминающим крин на краях средокрестия. Возможно, если в случае с вариантом 1 края средокрестия подпиливались, то у варианта 2 на краю около средокрестия просверливалось отверстие, внешняя часть которого удалялась. Размеры креста № 2 – 2,55×2,05 см; № 3 – 1,9×1,63 см, нижняя часть утеряна (рис. 1,*4,5*).

Третий тип янтарных крестов-тельников представлен одним экземпляром, обнаруженным в пещере Иограф I (№ 4) обладает выраженными прямоконечными криновидными лучами и слабовыраженным средокрестием. Возможно, при изготовлении крестов этого типа изначально использовалась заготовка, схожая с типом 2, вариант 2, но просверленные отверстия были гораздо крупнее относительно средокрестия и высверливались ближе к его центру. Размеры креста – 1,85×1,54 см, толщина 0,36–0,42 см, фрагмент верхнего луча утрачен (рис. 1,*6*).

Нательные кресты и другие предметы из янтаря получили широкое распространение на территории Древней Руси, как в домонгольское, так и в более позднее время. Так, по материалам археологических исследований Новгорода считается, что для изготовления нательных крестов использовали куски янтаря желтого и прозрачно-коричневого цветов. По форме они часто близки квадрату, прямоугольнику или ромбу [29, с. 109–110; 25, с. 204]. В процессе изготовления крестов-тельников использовались приемы механической и термической обработки, включавшие несколько основных этапов работы: сортировку, раскройку, шлифовку, полировку и сверление изделий; в некоторых случаях применялась также их огранка и гравировка [29, с. 112; 13, с. 94] (рис. 3). Средневековая методика полировки янтаря подробно описана в трактате «Записка о разных искусствах», составленном немецким монахом-ювелиром Теофилом в начале XII в.: «Возьми кусок воска длиной в половину большого пальца, вставь в него янтарь, так чтобы он был со всех сторон окружен воском, и старательно шлифуй янтарь с водой на ровном песчаном камне до тех пор, пока золотой цвет его не проступит везде равномерно» [27, с. 145]. В свою очередь, для создания фигурных лопастей крестов в основном использовался напильник, а также инструменты, задействованные в косторезном деле [29, с. 119; 25, с. 200]. Форма окончания лопастей и наличие резьбы на крестах, в первую очередь, зависела от творческих способностей ремесленника, остальные декоративные элементы появлялись в результате случайных факторов [9, с. 107].

В домонгольское время на Руси, помимо Новгорода, существовало множество мастерских в Киеве, Белоозере, Рязани, Ростове, Муроме, Пскове по изготовлению изделий из янтаря, таких как бусы, кольца, пуговицы, подвески, вставки в металлические украшения [25, с. 198–200; 9, с. 105]. Считается, что с X в. и вплоть до 40-х гг. XIII в. янтарь поступал в Новгород из Поднепровья, а в XIV–XV вв. – из Прибалтики [23, с. 15].

Нательные кресты из янтаря обнаружены в Пскове в культурных напластованиях X–XV вв. и позднее, вплоть до XVIII в. [9, с. 103; 11, с. 147; 12, с. 96; 19] и в жилищах XII – первой половины XIII в. в Киеве [8, с. 138]. Второй половиной – последней четвертью XI в. датируются янтарные крестики, найденные в усадьбе Троицкого раскопа в Новгороде [22, с. 472]. Следует отметить, что форма янтарных крестиков XVI–XVIII вв. значительно отличалась от эпохи средневековья своей простотой, в основном, с симметричными прямоконечными лучами; для некоторых экземпляров характерна композиция в виде Креста на Голгофе с Орудиями Страстей [12, с. 93].

Находки из Изяславля и городища Колодяжин на Руси, датируемые XI–XIII вв., морфологически близки янтарному кресту варианта 1 типа 2 из раскопок Мангупского городища. Оформление лопастей и средокрестья на этих изделиях почти идентично, однако на древнерусских аналогиях присутствует также циркульный орнамент в центре крестов [25, с. 204, рис. 1,39–40] (рис. 2,*2–3*). Для мангупского янтарного креста этого типа наиболее близкая аналогия без орнамента происходит из раскопок древнерусского Суздаля, где она относится к концу XI – началу XII в. [21, с. 53, 77] (рис. 2,*1*). Целый ряд аналогичных крестов также был

обнаружен на средневековых памятниках на территории современной Белоруссии: Берестье (рис. 2,*8–9*), Волковыск (рис. 2,*4–6*), Масковичи (рис. 2,*7)* [2, с. 40, рис. 18,6–8,10–12,18–19]. Циркульный орнамент, встречающийся на крестах варианта 1 типа 2, характерен для южнорусских экземпляров, в то время как кресты из янтаря без орнамента имеют, как считается, северное происхождение [25, с. 204–205]. Одна из самых западных находок для крестов варианта 1 типа 2 связана с северной частью Польши (деревня Гручно) (рис. 2,*10*), где она датируется XII–XIII вв. [30, p. 280, rys. 4,e].

Для янтарных крестов варианта 2 типа 2 с криновидным завершением лопастей наиболее близкими являются находки XII–XIII вв., обнаруженные в Новгороде (рис. 2,*11*) [25, с. 204, рис. 1,32] и Белоозере (рис. 2,*12–13*) [5, с. 86, рис. 23,21–22], а также в мужском погребении XI–XII вв. из могильника Саркела-Белой Вежи (рис. 2,*14*) [1, с. 58, рис. 46,4]. В эту группу аналогий можно также отнести крест из селища Весь, где он датируется в пределах XII–XIII вв. (рис. 2,*15*) [21, с. 71, 122], и фрагмент креста из слоя XII в. в Ростове (рис. 2,*16*) [15, с. 49, рис. 1,5]. В некоторых случаях крестики с криновидным завершением лопастей (тип 2, варианты 1 и 2) украшались циркульным орнаментом на средокрестье (рис. 2,*17–18*) [25, с. 204, рис. 1,29,31].

Для нательных крестов из янтаря типа 3 ближайшими аналогиями являются крест XII–XIII вв. Вщижского городища, нательные кресты XIV в. из Новгорода (рис. 2,*19–20*) [25, с. 205, рис. 2,1–2] и XII–XIII вв. из Владимира (рис. 2,*21*) [21, с. 70, 120].

К сожалению, прямых аналогий для янтарных крестов типа 1 из некрополей у Дозорной башни в Сугдее и на эспланаде цитадели Мангупского городища на данный момент обнаружить не удалось. Однако, исследователи христианских древностей Пскова датируют такие янтарные кресты с закругленными концами в пределах XV в. [9, с. 104].

Отношение средневекового населения Руси к янтарным крестам всегда было особым. Их могли использовать в качестве нательных либо просто хранить в домах, как вотивные предметы [10, с. 50–51]. По мнению Ю. В. Колпаковой, некоторые экземпляры крестов из янтаря и камня, при их обнаружения в одном контексте с бусами, можно рассматривать в качестве составной части четок [10, с. 59]. В случае с крымскими крестообразными изделиями из янтаря такой вариант использования кажется маловероятным, так как бус в сопровождавшем вещевом комплексе обнаружено не было. С учетом того, что пять из шести экземпляров наших крестов связаны с погребениями, более вероятным представляется предположение об их использовании в качестве нательных крестов.

Кресты из янтаря на памятниках средневековой Таврики, очевидно, являлись привозными изделиями. Более того, значительная концентрация янтарных мастерских на территории древнерусских городов и широкий круг аналогий из этого региона Восточной Европы позволяют сделать вывод о том, что крымские кресты из этого материала были изготовлены на территории Руси и затем отсюда, в результате торговли или обмена, попали в средневековую Таврику. Редкость таких находок в Крыму, вероятно, свидетельствует об их относительно слабом распространении и популярности у местного христианского населения.

Все рассмотренные в работе типы янтарных крестов использовались в течение одного исторического периода, в XIII–XV вв., судя по датировкам памятников, где они были обнаружены. Однако, с учетом хронологии аналогичных для типов 2 и 3 изделий за пределами Крымского полуострова, не исключается и более узкая для них дата, в пределах XIII–XIV вв. Для более ранних археологических комплексов они, скорее всего, не характерны.

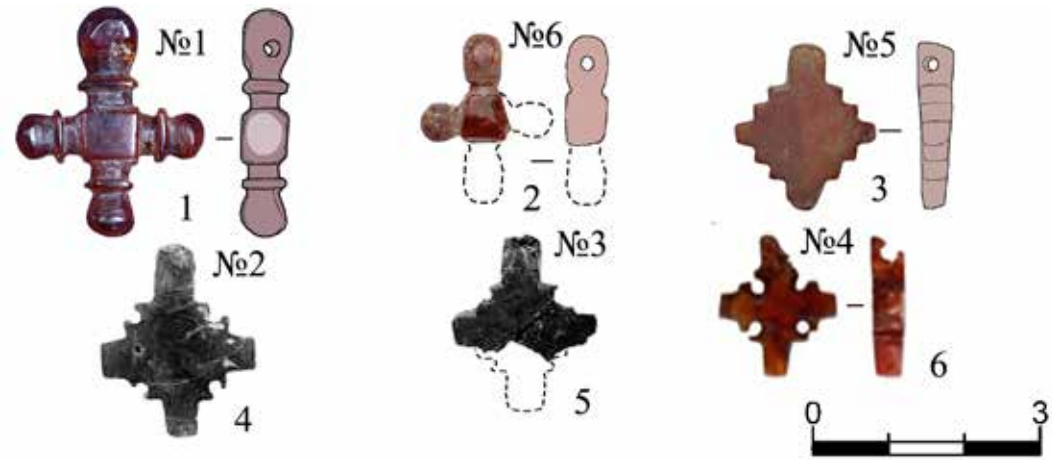


Рис. 1. Кресты из янтаря с памятников средневекового Крыма:
1 – некрополь у Дозорной башни в Судаке [по: 17, рис. 1,10]; *2, 3* – могила № 6 скального некрополя на эспланаде цитадели Мангупского городища (фото из фондов Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический»);
4, 5 – некрополь Судак-V [по: 16, рис. 2,3,4]; *6* – пещера Иограф I [по: 28, рис. 37]

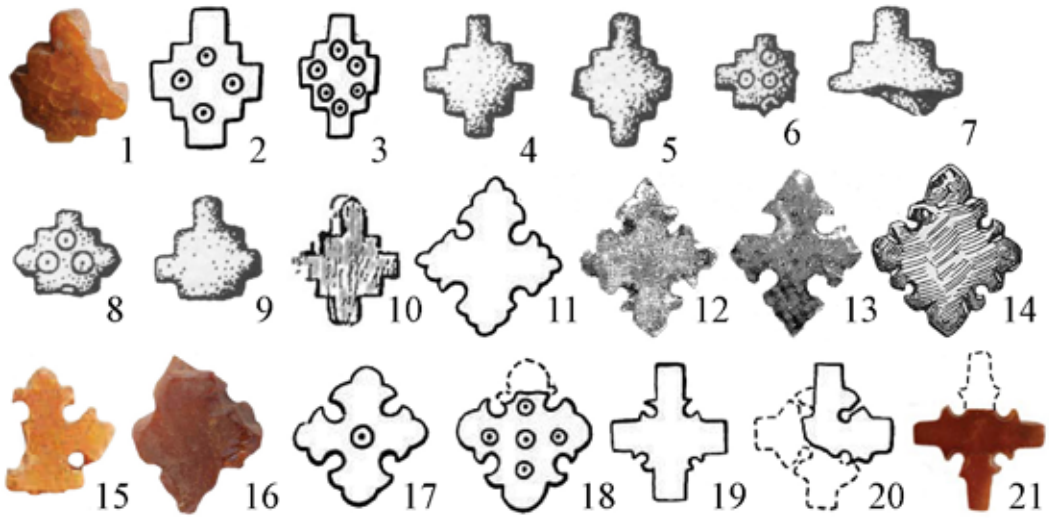


Рис. 2. Аналогии крестам из янтаря: *1* – Суздаль [по: 21, с. 53, 77]; *2* – Изяславль, *3* – Колодяжин [по: 25, рис. 1,39–40]; *4, 5, 6* – Волковыск [по: 2, рис. 18,6–8]; *7* – Масковичи [по: 2, рис. 18,10–12]; *8, 9* – Берестье [по: 2, рис. 18,18–19]; *10* – Гручно [по: 30, rys. 4,e]; *11* – Новгород [по: 25, рис. 1,32]; *12, 13* – Белоозеро [по: 5, рис. 23,21–22]; *14* – могильник Саркела-Белой Вежи [по: 1, рис. 46,4]; *15* – Ростов [по: 15, рис. 1,5]; *16* – селище Весь [по: 21, с. 71, 122]; *17* – Старая Рязань; *18* – Владимирские курганы [по: 25, рис. 1,29,31]; *19* – Вщижское городище, *20* – Новгород [по: 25, рис. 2,1,2]; *21* – Владимир [по: 21, с. 70, 120]

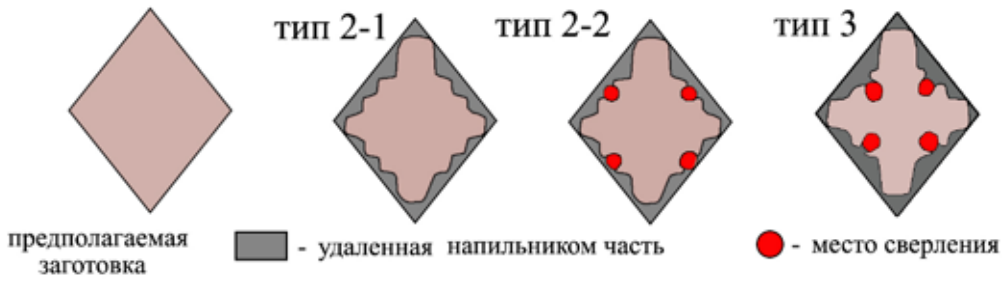


Рис. 3. Схема-реконструкция обработки янтарной заготовки под кресты типов 2 и 3

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артамонова О.А. Могильник Саркела–Белой Вежи // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. 3 / Ред. М.И. Артамонов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 9–215. (МИА. № 109).
2. Башков А.А. Христианские древности Беларуси конца X – XIV вв. (предметы христианского культа индивидуального использования). Минск: И. П. Логвинов, 2011. 194 с.
3. Герцен А.Г., Науменко В.Е., Душенко А.А., Ганцев В.К., Иожица Д.В., Набоков А.И. Раскопки Мангупского городища: дворец, «церковь 1967 г.», могильник Южный II // История и археология Крыма. 2019. Вып. XI. С. 79–90.
4. Герцен А.Г., Науменко В.Е., Шведчикова Т.Ю. Население Дороса–Феодоро по результатам комплексного археолого-антропологического анализа некрополей Мангупского городища (IV–XVII вв.). М.; СПб.: Нестор История, 2017. 272 с.
5. Голубева Л.А. Весь и славяне на Белом озере. X–XIII вв. М.: Наука, 1973. 216 с.
6. Давидан О.И. Янтарь Старой Ладоги // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 1984. Вып. 25. С. 118–126.
7. Джанов А.В. Сугдея в III–VII вв. // Сугдейский сборник. 2003. Вып. 1. С. 189–216.
8. Зоценко В.Н. О происхождении и использовании янтаря в Киеве (X – первая половина XIII в.) // Археологические исследования Киева 1978–1984 гг. Киев: Наукова думка, 1985. С. 137–142.
9. Колпакова Ю.В. Каменные и янтарные нательные кресты Пскова и Изборска // Археология и история Пскова и Псковской земли: Материалы 50 научного съезда / Ред. В.В. Седов. Псков, 2004. С. 102–110.
10. Колпакова Ю.В. К осмыслению роли крестиков из камня и янтаря в религиозной жизни средневековых псковичей // Археология и история Пскова и Псковской земли: Ежегодник Семинара имени академика В.В. Седова / Ред. Н.В. Лопатин. Вып. 28. М., Псков: ИА РАН, 2013. С. 48–60.
11. Колпакова Ю.В. Некоторые разновидности нательных крестов средневекового Пскова // РА. 2005. № 1. С. 143–148.
12. Колпакова Ю.В. Янтарные кресты XVI–XVIII вв. в Пскове в контексте свидетельств путешественников // Археология и история Пскова и Псковской земли: Ежегодник Семинара имени академика В.В. Седова / Ред. Н.В. Лопатин. Вып. 36. М., Псков: ИА РАН, 2021. С. 90–100.
13. Криванос И.А. Использование янтаря в трансграничном регионе юго-восточной Балтики: исторический и географический аспекты // Псковский регионологический журнал. 2014. № 17. С. 91–97.
14. Лепер Р.Х. Дневник раскопок на Мангуп-Кале. 1913 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 90. 26 л.
15. Леонтьев А. Е. Археологические данные к истории Ростовской епархии // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура: к 60-летию Николая Андреевича Макарова / Ред. П.Г. Гайдуков. М.; Вологда: Древности Севера, 2015. С. 45–52.
16. Майко В.В. Неизвестные страницы археологического изучения средневековой Сугдеи в 1925–1931 гг. // Неизвестные страницы археологии Крыма: от неандертальцев до генуэзцев / Ред. Л.Б. Вишняцкий. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 232–271.
17. Майко В.В. Паломнические реликвии средневековой Сугдеи и ее окрестностей // Laurea II. Античный мир и Средние века: чтения памяти профессора Владимира Ивановича Кадеева, к 90-летию со дня рождения / Ред. С.В. Дьячков. Харьков, 2017. С. 95–100.
18. Майко В.В. Средневековые некрополи Судакской долины. Киев: Академпериодика, 2007. 273 с.
19. Майко В.В., Джанов А.В. Археологические памятники Судакского региона Республики Крым. Симферополь: Ариал, 2015. 448 с.
20. Мусин А.Е. Церковь и горожане средневекового Пскова. Историко-археологическое исследование. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2010. 364 с.
21. Нагрудные кресты древнерусского времени из археологических коллекций Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника / Сост. Н.А. Кокорина. Владимир, 2013. 76 с.

22. Покровская Л.В., Степанов А.М., Сингх В.К. Нательные кресты, крестовидные и крестовключенные привески XI–XII вв. (по материалам Троицких XIII и XIV раскопов) // В камне и в бронзе: сборник статей в честь Анны Песковой / Ред. А.Е. Мусин. СПб.: Невская Книжная Типография, 2017. С. 467–474. (Труды ИИМК РАН. Т. XLVIII).
23. Полубояринова М.Д. Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. М.: ИА АН СССР, 1991. 112 с.
24. Полубояринова М.Д. Полудрагоценные камни и янтарь в древнем Новгороде // Новгородские археологические чтения: Материалы научной конференции, посвященной 60-летию археологического изучения Новгорода и 90-летию со дня рождения основателя Новгородской археологической экспедиции А.В. Арциховского. Великий Новгород; Новгородский музей-заповедник, 1994. С. 75–82.
25. Розенфельдт Р.Л. Янтарь на Руси (X–XIII вв.) // Проблемы советской археологии. М.: Наука, 1978. С. 197–208.
26. Савкевич С.С. Янтарь. Л.: Недра, 1970. 192 с.
27. Теофил. Записка о разных искусствах // Всесоюзная центральная научно-исследовательская лаборатория по консервации и реставрации музейных художественных ценностей / Ред. В.В. Филатов. М., 1963. Вып. 7. С. 66–184.
28. Турова Н.П. Средневековый пещерный комплекс хребта Иограф над г. Ялтой // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. 2014. Вып. 6. С. 93–173.
29. Шаповалов Р.Г. Обработка янтаря в средневековом Новгороде // Новгород и Новгородская земля. История и археология / Сост. П.Г. Гайдуков, Т.Н. Казармщикова. Вып. 12. Новгород: Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, 1998. С. 109–120.
30. Szczepanik P. Wczesnośredniowieczne bursztynowe krzyżyki z terenu Pomorza na tle porównawczym. Materiały i problemy interpretacyjne // Przegląd Archeologiczny. 2023. T. 71. P. 271–299.

REFERENCES

1. Artamonova O.A. The burial ground of Sarkel-Belaya Vezha. M.I. Artamonov (ed.), *Trudy Volgo-Donskoi arkheologicheskoi ekspeditsii* [Works of the Volga-Don archaeological expedition], vol. 3, Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1963, pp. 9–215. (Materials and research on archeology of the USSR, no. 109).
2. Bashkov A.A. *Khristianskie drevnosti Belarusi kontsa X–XIV vv. (predmety khristianskogo kul'ta individual'nogo ispol'zovaniya)* [Christian antiquities of Belarus of the late 10th–14th centuries (items of Christian cult for individual use)]. Minsk, I.P. Logvinov Publ., 2011, 194 p.
3. Gertsen A.G., Naumenko V.E., Dushenko A.A., Gancev V.K., Iozhitsa D.V., Nabokov A.I. Excavations of the Mangup settlement: palace, "church of 1967", burial ground Yuzhny II. *Istoriya i arheologiya Kryma* [History and archeology of Crimea], 2019, vol. 11, pp. 79–90.
4. Gercen A.G., Naumenko V.E., Shvedchikova T.Yu. *Naselenie Dorosa–Feodoro po rezul'tatam kompleksnogo arheologo-antropologicheskogo analiza nekropolej Mangupskogo gorodishcha (IV–XVII vv.)* [The population of Doros-Feodoro based on the results of a comprehensive archaeological and anthropological analysis of the necropolises of the Mangup settlement (IV–XVII centuries)]. Moscow, St. Petersburg, Nestor Istoriya Publ., 2017, 272 p.
5. Golubeva L.A. *Ves' i slaviane na Belom ozere. X–XIII vv.* [Ves and the Slavs on the White Lake. 10th–13th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1973, 216 p.
6. Davidan O.I. Amber of Old Ladoga. *Arheologicheskij sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [Archaeological collection of the State Hermitage], 1984, vol. 25, pp. 118–126.
7. Dzhanov A.V. Sugdeya in the 3rd–7th centuries. *Sugdejskij sbornik* [Sugdeya collection], 2003, vol. 1, pp. 189–216.
8. Zotsenko V.N. On the origin and use of amber in Kyev (10th – first half of the 13th century). *Arheologicheskie issledovaniya Kieva 1978–1984 gg.* [Archaeological research of Kyiv 1978–1984], Kyev, Naukova dumka Publ., 1985, pp. 137–142.
9. Kolpakova Yu.V. Stone and amber pectoral crosses of Pskov and Izborsk. V.V. Sedov (ed.), *Arheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoj zemli: Materialy 50 nauchnogo s"ezda* [Archeology and history of Pskov and Pskov land: Materials of the 50th scientific congress], Pskov, 2004, pp. 102–110.
10. Kolpakova Yu.V. On the understanding of the role of stone and amber crosses in the religious life of medieval Pskov residents. N.V. Lopatin (ed.), *Arheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoj zemli: Ezhegodnik Seminara imeni akademika V.V. Sedova* [Archaeology and history of Pskov and the Pskov land: Yearbook of the Seminar named after Academician V.V. Sedov], vol. 28, Moscow, Pskov, Institute of Archaeology of RAS Publ., 2013, pp. 48–60.
11. Kolpakova Yu.V. Some types of pectoral crosses of medieval Pskov. *Rossiiskaia arkheologiia* [Russian archeology], 2005, no. 1, pp. 143–148.
12. Kolpakova Yu.V. Amber crosses of the 16th–18th centuries in Pskov in the context of travelers' testimonies. N.V. Lopatin (ed.), *Arheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoj zemli: Ezhegodnik Seminara imeni akademika V.V. Sedova* [Archeology and history of Pskov and the Pskov land: Yearbook of the Seminar named after Academician V.V. Sedov], vol. 36, Moscow, Pskov, Institute of Archaeology of RAS Publ., 2021, pp. 90–100.
13. Krivanos I.A. Use of amber in the transboundary region of the south-eastern Baltic: historical and geographical aspects. *Pskovskij regionologicheskij zhurnal* [Pskov regionalological journal], 2014, no. 17, pp. 91–97.

14. Leper R.Kh. Diary of excavations at Mangup-Kale. 1913. *Scientific and Archival Department of the State Historical and Archaeological Museum-Reserve of Tauric Chersonesos*, fund 1, dossier 90.
15. Leontyev A.E. Archaeological data on the history of the Rostov diocese. P.G. Gaidukov (ed.), *Goroda i vesi srednevekovoj Rusi: arheologiya, istoriya, kul'tura: k 60-letiyu Nikolaya Andreevicha Makarova* [Cities and villages of medieval Rus': archeology, history, culture: on the 60th anniversary of Nikolai Andreevich Makarov], Moscow, Vologda, 2015, pp. 45–52.
16. Maiko V.V. Unknown pages of the archaeological study of medieval Sugdeya in 1925–1931. L.B. Vishnyatsky (ed.), *Neizvestnye stranicy arheologii Kryma: ot neandertal'cev do genuezcev* [Unknown pages of the archaeology of Crimea: from Neanderthals to Genoese], St. Petersburg, Nestor Istoriya Publ., 2017, pp. 232–271.
17. Maiko V.V. Pilgrimage relics of medieval Sugdeya and its environs. S.V. Dyachkov (ed.), *Laurea II. Antichnyj mir i Srednie veka: chteniya pamyati professora Vladimira Ivanovicha Kadeeva, k 90-letiyu so dnya rozhdeniya* [Laurea II. The ancient world and the Middle Ages: readings in memory of Professor Vladimir Ivanovich Kadeev, on the 90th anniversary of his birth], Kharkov, 2017, pp. 95–100.
18. Maiko V.V. *Srednevekovye nekropoli Sudakskoj doliny* [Medieval necropolises of the Sudak Valley]. Kiev, Akademperiodika Publ., 2007, 273 p.
19. Maiko V.V., Dzhanov A.V. *Arheologicheskie pamyatniki Sudakskogo regiona Respubliki Krym* [Archaeological monuments of the Sudak region of the Republic of Crimea], Simferopol, Arial Publ., 2015, 448 p.
20. Musin A.E. *Tserkov' i gorozhane srednevekovogo Pskova. Istoriko-arheologicheskoe issledovanie* [Church and townspeople of medieval Pskov. Historical and archaeological research]. St. Petersburg, Faculty of Philology and Arts of St. Petersburg State University Publ., 2010, 364 p.
21. *Nagrudnye kresty drevnerusskogo vremeni iz arheologicheskih kollekcij Gosudarstvennogo Vladimiro-Suzdal'skogo muzeya-zapovednika* [Pectoral crosses of the ancient Russian period from the archaeological collections of the State Vladimir-Suzdal Museum-Reserve]. Compiled by N.A. Kokorina. Vladimir, 2013, 76 p.
22. Pokrovskaya L.V., Stepanov A.M., Singkh V.K. Pendant Crosses, Cross-like Pendants and Pendants with Inscribed Crosses of the 11th – early 12th century (after Materials from Excavations Troitsky 13th and Troitsky 14th in Novgorod). A.E. Musin (ed.), *V kamne i v bronzes: sbornik statei v chest' Anny Peskovoy* [In stone and bronze: a collection of articles in honor of Anna Peskova], St. Petersburg, 2017, pp. 467–474. (Transactions of the Institute of the History of the Material Culture of the Russian Academy of Sciences, vol. 48).
23. Poluboyarinova M.D. *Ukrasheniya iz cvetnyh kamnej Bolgara i Zolotoj Ordy* [Ornaments from colored stones of Bolgar and the Golden Horde]. Moscow, Institute of Archeology of USSR Academy of Sciences Publ., 1991, 112 p.
24. Poluboyarinova M.D. Semi-precious stones and amber in ancient Novgorod. *Novgorodskie arheologicheskie chteniya: materialy nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 60-letiyu arheologicheskogo izucheniya Novgoroda i 90-letiyu so dnya rozhdeniya osnovatelya Novgorodskoj arheologicheskoj ekspedicii A.V. Arcihovskogo* [Novgorod archaeological readings: materials of the scientific conference dedicated to the 60th anniversary of the archaeological study of Novgorod and the 90th anniversary of the birth of the founder of the Novgorod archaeological expedition A.V. Artsikhovsky], Veliky Novgorod, Novgorod Museum-Reserve Publ., 1994, pp. 75–82.
25. Rosenfeldt R.L. Amber in Rus' (10th–13th centuries). *Problemy sovetskoj arheologii* [Problems of Soviet Archaeology], Moscow, Nauka Publ., 1978, pp. 197–208.
26. Savkevich S.S. *Yantar'* [Amber]. Leningrad, Nedra Publ., 1970, 192 p.
27. Teofil. Note on Different Arts. V.V. Filatov (ed.), *Vsesoyuznaya central'naya nauchno-issledovatel'skaya laboratoriya po konservacii i restavracii muzejnyh hudozhestvennyh cennostej* [All-Union Central Scientific Research Laboratory for Conservation and Restoration of Museum Artistic Values], vol. 7, Moscow, 1963, pp. 66–184.
28. Turova N.P. Medieval cave complex of the Iograf ridge above Yalta. *Materialy po arheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma* [Materials on the archeology and history of the ancient and medieval Crimea], 2014, vol. 6, pp. 93–173.
29. Shapovalov R.G. Amber processing in medieval Novgorod. P.G. Gaidukov, T.N. Kazarmshchikova (eds.), *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arheologiya* [Novgorod and Novgorod land. History and archeology], vol. 12, Novgorod, Novgorod State United Museum-Reserve Publ., 1998, pp. 109–120.
30. Szczepanik P. Wczesnośredniowieczne bursztynowe krzyżyki z terenu Pomorza na tle porównawczym. Materiały i problemy interpretacyjne. *Przegląd Archeologiczny*, 2023, vol. 71, pp. 271–299.

Информация об авторе

Цапко С. А. – аспирант кафедры археологии и всеобщей истории исторического факультета Института «Таврическая академия» Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.

Author information

Tsapko S. A. – Postgraduate Student of the Department of Archeology and World History, V.I. Vernadsky Crimean Federal University.

DOI: 10.29039/2413-189X.2025.30.370-384

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПОЙМЕННЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ НА ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ ОЗЕРА ДОНУЗЛАВ

Татьяна Николаевна Смекалова
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия
tnsmek@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-5378-5372
Александр Владимирович Борисов
Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, Пущино, Россия
Алексей Сергеевич Деваев
Лев Леонидович Леонов
Ростислав Сергеевич Кецко
Дмитрий Олегович Савельев
Андрей Николаевич Гаврилюк
Сергей Константинович Фридрихсон
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия

Аннотация. Статья посвящена введению в научный оборот данных, полученных в ходе разведок и раскопок многочисленных однотипных «пойменных» средневековых поселений, занимающих уникальную ландшафтную позицию – на первой пойменной террасе в изгибах балок, впадающих с восточной, левой стороны в озеро Донузлав в Северо-Западном Крыму. Выявлено 6 таких поселений, занимающих все значительные балки, имеющие удобный спуск к озеру, в средней его части. Поселение Донузлав 1 частично исследовано с помощью раскопок, поселение Донузлав 11 – с помощью шурфовок. Предварительно сделано предположение о том, что поселения представляют собой сезонные «зимники» кочевников-скотоводов. Исследования с целью определения хронологии и характера этих поселений будут продолжены в ближайшее время.

Ключевые слова: Северо-Западный Крым, левый берег озера Донузлав, пойменные поселения, Средние века, кочевники-скотоводы, зимники

Благодарности: Статья написана в рамках проекта Минобрнауки РФ, государственное задание FZEG-2025-0001 «Этнические трансформации в Крыму и Таврических степях в Средние века и Новое время».

MEDIAEVAL FLOODPLAIN SETTLEMENTS ON THE LEFT BANK OF LAKE DONUZLAV

Tatiana N. Smekalova
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
tnsmek@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-5378-5372
Alexander V. Borisov
Institute of Physicochemical and Biological Problems of Soil Science of the Russian Academy of Sciences, Pushchino, Russia
Alexey S. Devaev
Lev L. Leonov
Rostislav S. Ketsko
Dmitrii O. Savelyev
Andrei N. Gavriliuk
Sergei K. Fridrikhson
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

Abstract. This article introduces into the scholarship the data obtained by reconnaissance and excavations of numerous similar “floodplain” mediaeval settlements occupying a unique landscape position on the first floodplain terrace in the bends of the ravines flowing from the eastern, left side into Lake Donuzlav in the

north-western Crimea. Six settlements of the type have been identified, which occupied all the significant ravines with a convenient descent to the lake in its middle part. The settlement of Donuzlav 1 has been partially researched by excavations, the settlement of Donuzlav 11 by prospect trenches. The preliminary interpretation is that the settlements under study were seasonal "winter camps" of nomadic cattle breeders. The research aimed at the determination of the chronology and nature of these settlements will continue in the near future.

Keywords: north-western Crimea, left bank of Lake Donuzlav, floodplain settlements, Middle Ages, nomadic cattle breeders, winter camps

Acknowledgements: This article has been written as a part of the project supported by state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation FZEG-2025-0001 *Ethnic Transformations in the Crimea and the Tauria Steppe in the Middle Ages and the Modern Period.*

В разветвленной балочной системе левобережья озера Донузлав, а также на некоторых участках балки Агар-Су (Старый Донузлав) зафиксированы многочисленные однотипные поселения, занимающие уникальную ландшафтную позицию – на первой пойменной террасе в изгибах балок, в непосредственной близости к их тальвегу (рис. 1). Эта позиция весьма уязвима с точки зрения возможности затопления построек ливневыми стоками, которые в настоящее время поднимаются выше террас и подтопляют остатки поселений. В связи с этим возникла гипотеза о сезонности данных поселений или о более засушливом климате в период их существования. До настоящего времени эти поселения не подвергались систематическому исследованию. Между тем, значительное количество открытых в ходе систематических разведок Отделом естественно-научных методов в археологии НИЦ археологии и истории Крыма Крымского федерального университета поселений данного типа в Северо-Западном Крыму, с концентрацией их в крупнейшей балочной системе озера Донузлав, побудило нас начать их картирование и углубленное изучение.

Средневековые поселения Северо-Западного Крыма исследованы пока недостаточно. История изучения археологических объектов, относящихся к средневековью Северо-Западного Крыма, подробно изложена в работе М. С. Шапцева [20, с. 165–166]. Наиболее полное обобщающее исследование средневековых памятников и исторический очерк этой эпохи в Северо-Западном Крыму был опубликован В. В. Майко [11]. Несколько обзорных исследований по археологическим памятникам Северо-Западного Крыма XI–XV веков было издано С.В. Кутайсовым [6; 7; 8; 10]. Единственный археологический памятник, находящийся на левобережье озера Донузлав, упоминаемый во всех этих работах – так называемое Аблямитское городище, отнесенное В. И. Павленковым к салтовским крепостям [14, с. 213; 15, с. 47–48].

Аблямитское городище (названо по близлежащему Аблямитскому мосту через озеро Донузлав) в этих работах датируется VIII–X вв. Руины предполагаемого поселения находятся на высоком (25 м) мысу, в 2 км к северо-востоку от моста (рис. 1, пункт А). Поселение и примыкающие территории величиной 1,8 га отгораживала стена длиной 90 м и шириной 1 м. Перед городищем находился каменно-земляной оборонительный вал шириной 6 м и длиной 50 м. Исследователи уже неоднократно отмечали, что относить это местонахождение к памятникам крымского варианта салтово-маяцкой культуры, ввиду его чрезвычайно слабой исследованности, скудности и фрагментарности подъемного материала, пока преждевременно [12, с. 140–141; 20, с. 165–166]. Наши разведки подтвердили мнение этих исследователей в связи с тем, что признаки археологических объектов на поверхности весьма слабые, и кроме визуальных обследований никаких археологических или иных углубленных изучений этого пункта не производилось. Данный памятник требует пристального внимания и проведения на нем комплексных работ, включающих магнитную и прецизионную геодезическую съемку и последующие целенаправленные археологические раскопки.

Исследование Аблямитского городища будет предпринято в ближайшее время, а в фокусе данной статьи находятся упомянутые выше однотипные поселения, названные по их специфической ландшафтной позиции «пойменными». Все они выглядят примерно одинаково и состоят из нескольких комплексов («усадеб»), включающих жилые и хозяйственные постройки, сооруженные из крупных необработанных глыб местного слоистого известняка, часто поставленных на ребро (рис. 3). Постройки видны издалека в виде «зубцов» стен; они хорошо различимы и на космических снимках. В связи с небольшой заглубленностью ка-

менных кладок, густой специфической травянистой растительностью, необычностью позиции в ландшафте, было сделано предположение о датировке этих поселений эпохой средневековья. Особенностью ландшафтного положения, как уже говорилось, является положение каменных построек в глубине балок, на первой пойменной террасе, у самого тальвега балок. Поселения занимают низовья балок, впадающих в озеро Донузлав и имеющих удобные подходы к берегу. Вероятно, это было важно для водопоя стад и отар домашних животных. Кроме того, в устьях балок с пойменными поселениями обязательно имеются обильные родники, а по склонам обнажаются слои известняков, являющихся необходимым строительным материалом. Для строительства стен и крыш жилищ и стойбищ для скота мог использоваться тростник, густо произрастающий в заливах при впадении балок в озеро.

Поселения занимают внутренние части всех крупных балок, впадающих с восточной (левой стороны) в оз. Донузлав. Перечислим их.

Донузлав 1. Одно из самых значительных поселений пойменного типа, Донузлав 1, было открыто Т. Н. Смекаловой во время пеших разведок 27 апреля 2013 г. и детально исследовано в этом же году [5, с. 191–197; 13, с. 31–48]. Памятник расположен на границе Черноморского и Сакского районов Республики Крым, на юго-восточном берегу озера Донузлав (рис. 1,*б,1*; 2,*1*). До берега моря от поселения 26,5 км, до ближайших населенных пунктов: 3,5 км к северо-востоку (с. Красноярское Черноморского р-на) и 6 км к югу (с. Наташино Сакского р-на). На топографической карте полуострова, составленной генерал-майором Мухиным в 1816 году, в верховьях балки нанесена деревня Карполу, состоящая из 11 дворов. На карте 1933 г. здесь отмечена экономия Карполу (рис. 2). В месте впадения балки в озеро образовался небольшой залив, заросший тростником – возможным ценным строительным материалом для сооружения стен домов и их перекрытий.

Поселение, получившее название Донузлав 1, весьма примечательно – оно целиком погружено в глубокую балку Карполу, скорее напоминающую ущелье (рис. 3,*а*). На небольших террасах, являющихся удобными «нишами» для домов, расположенных на первой пойменной террасе и на склонах балки, тянущейся в юго-восточном направлении от берега озера, а также в низинной части ее устья сохранились остатки 19 многокамерных каменных построек (рис. 3,*б*) и один круглый загон для скота диаметром 20 м (рис. 3,*в*). Они были нанесены на топографический план В. В. Семеновым и Е. А. Чикалкиным (рис. 3,*а*). Протяженность поселения около 800 м. Контуры построек отчетливо просматриваются на поверхности памятника, в основном по необработанным массивным плитам, установленных на ребро и являющихся лицевыми панцирями кладок. На большинстве объектов сохранились проходы внутрь нешироких помещений, оформленные с помощью двух массивных камней, установленных вертикально и параллельно друг другу, перпендикулярно основной линии стены. Исходя из визуального осмотра строений, можно предположить их различное назначение. Небольшие, прямоугольных очертаний, в некоторых случаях многокамерные комплексы, вероятно, предназначались для проживания и ведения придомового хозяйства, большие округлые были загонами для домашних животных.

Один из «домов» (№ 4 на рис. 3,*а*) был полностью раскопан под руководством С. А. Мульда силами Геоархеологической экспедиции (нач. Т. Н. Смекалова) [13, с. 33–37, рис. 1–5]. Предварительно на площади 50×30 м была проведена магнитная съемка, которая продемонстрировала слабые отрицательные линейные аномалии от стен «дома» № 4, а также локальные положительные аномалии от ям в 30 м к северо-западу от него [19, рис. VII,4,46]. Раскопки «дома» № 4 выявили узкую прямоугольную постройку, состоящую из трех помещений, вероятно, имевшую продолжение в перпендикулярном направлении (рис. 4). Все стены двухпанцирные из необработанного камня. Внешний и внутренний панцири сложены из камней, поставленных на ребро. Небольшая ширина помещений 2–2,8 м и отсутствие развалов камня от стен могут говорить о том, что у построек только цоколи были каменные. Возможно, они служили основаниями для «палаток» на деревянных каркасах, сделанных из органических материалов (шкур животных, связок тростника?). Почти полное отсутствие керамических и иных находок может указывать на то, что перед нами сезонные стойбища, посещаемые людьми, их стадами и отарами в определенное время года. Длинные узкие «дома» выглядят во многом

как «кибитки, снятые с колес». Отсутствие датирующего материала оставляет пока открытым вопрос об узком периоде существования этого средневекового поселения.

Донузлав 11. Поселение Донузлав 11 располагается в Сакском районе Республики Крым в 2,87 км юго-юго-западнее от здания почты с. Красноярское. В балке Каменистой, которая впадает в верховья оз. Донузлав южнее крупной Каймачинской балки (рис. 1,*б,2*; 2,*2*), по всей ее протяженности в нижнем и среднем течении, на первой пойменной террасе отчетливо видны каменные постройки, вытянутые, с небольшими перерывами, вдоль тальвега балки на обоих ее берегах на расстояние более 1,5 км (рис. 1,*б,2*). В северной части балки Каменистой, на правом берегу, находятся не только многокамерные постройки, включающие жилые и хозяйственные постройки, дворы, но и крупные загоны овальной формы (см. рис. 5,*2*). Часть построек в средней части балки, образующей естественный «амфитеатр» с достаточно крутыми склонами, были исследованы в 2025 г. путем изучения космических снимков, фотографирования с высоты и шурфовки. Комбинированный план этой части поселения был составлен Р. С. Кецко путём совмещения топографического и фотограмметрического планов (рис. 6).

Для изучения стратиграфии и хронологии поселения было заложено два шурфа размером 2×2 м (рис. 6). Шурфы размечены в излучине балки, среди построек крупного «дома» (рис. 7). На современной дневной поверхности и из выбросов нор животных попадаются фрагменты гончарной (средневековой) и лепной керамики (рис. 8,*1–4*).

Шурф 1 заложен с внешней северной стороны комплекса (сооружения). В шурфе выявлено 6 слоев. После дернового слоя, в котором встречены фрагменты венчика гончарного средневекового сосуда (рис. 8,*5*), кремневый микролит и 19 фрагментов костей животных, последовал основной Слой 2 средневекового времени (серовато-коричневый суглинок мощностью от 0,2 до 0,25 м). В нем было довольно много археологического материала: 3 фрагмента стенок лепных сосудов и 82 фрагмента костей животных. Последующий Слой 3 – слой комковатый, белесого цвета, мощностью до 0,4 м, также содержал 7 фрагментов стенок лепных сосудов и 7 фрагментов костей животных. Находки из Слоя 4 (светло-коричневый суглинок, мощностью до 0,15 м) представлены двумя фрагментами стенок лепных сосудов и 4 предметами из кремня. Слои 5 и 6 не содержали находок.

Предварительно можно сделать вывод, что Слой 2 является культурным слоем средневекового поселения. Слои 3 и 4, возможно, относятся к поселению эпохи бронзы.

Шурф 2 был заложен внутри сооружения, интерпретированного предварительно как квадратный загон для скота. На современной дневной поверхности четко читаются контуры сооружения. В слое 2 найдены фрагменты стенок гончарного сосуда, один из которых был с прилепом горизонтальной ручки (рис. 8,*6*). Остеологический материал представлен 22 фрагментами костей животных. В последующем слое 3 было найдено 9 фрагментов стенок гончарной посуды, фрагмент железной пластины и 129 фрагментов костей животных. В этом шурфе слои 2 и 3 относятся к средневековью, слой эпохи бронзы не выявлен.

Результаты раскопок показали, что поселение Донузлав 11 было двуслойным. Нижний слой относится к эпохе поздней бронзы, а верхний – к средневековью. Как для средневековых, так и для поселений бронзового века ландшафтная позиция под укрытием излучины высоких холмов от холодных северо-восточных ветров является наиболее предпочтительной. Поэтому не удивительно, что для поселений, относящихся к разным эпохам, было выбрана одна и та же ниша в рельефе местности, поблизости от прекрасного водопоя – залива озера Донузлав, в окружении хороших пастбищ как для крупного рогатого скота, так и для овец и коз. Немаловажным фактором, возможно, было наличие зарослей тростника в заливе озера. Этот материал мог использоваться в строительстве домов.

Археозоологический материал из поселения Донузлав 11

Остеологический комплекс многослойного поселения Донузлав 11 изучен по методической схеме, разработанной в Лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН [2; 3]. Данное исследование основано на небольшом числе материалов, что не позволяет достоверно утверждать о составе стада, типе мясной диеты, возрастном диапазоне и пр. Значительная часть полученных в ходе анализа выводов имеет предварительный характер и, вполне вероятно, может измениться в случае доследования археологического памятника.

Общая численность анализируемой выборки насчитывает 209 фрагментов. До класса удалось определить 131 фрагмент. Сохранность костей относительно неплохая. Целые фрагменты фактически не встречаются, однако вторичной раздробленности также не зафиксировано. Общая плотность костных остатков составляет 23,4 фр. на один квадратный метр. Важно отметить, что насыщенность памятника костными остатками сильно варьирует в зависимости от слоя. Так, подавляющее число костей происходит из слоев 1–3 в обоих шурфах. Кости, происходящие из слоев 4–6 немногочисленны и обладают более высокой степенью раздробленности. Из 131 определенного фрагмента к верхним слоям относятся 124 и лишь 7 – к нижним.

Исследованные костные остатки в большинстве своем содержат следы ударов и разрубов (112 фрагментов от общей выборки). В верхних слоях поселения встречаются следы работы металлическими орудиями. Следы температурного воздействия зафиксированы на 34 фрагментах. Для верхних слоев характерен большой разброс в цвете кости от светло-серого до черного, в то время как в нижних слоях все кости пережжены до темно-коричневого. Погрызы хищников зафиксированы лишь в 3 случаях, все они относятся к верхним слоям поселения.

Большая часть исследованных остатков принадлежит классу млекопитающих. К классу птиц относится 3 фрагмента. Рыбы и моллюски в анализируемой выборке не зафиксированы.

Среди млекопитающих наибольшее число костей относится к представителям домашних животных, которые представлены четырьмя видами – крупный рогатый скот *Bos taurus* (МРС), лошадь *Equus caballus*, мелкий рогатый скот (МРС): овца *Ovis aries* и коза *Capra hircus*, а также свинья домашняя *Sus scrofa f.domestica*.

Таблица 1. Видовой состав домашних млекопитающих поселения Донузлав 11

	КРС	Лошадь	МРС (овца, коза)	Свинья	Количество костей
Слои, относящиеся к позднему бронзовому веку					
Шурф 1, слои 3–4	–	2	5	–	7
%		28,57	71,43		100
Средневековье					
Шурф 1, слои 1–2; Шурф 2, слои 2, 3	29	22	55	15	124
%	23,97	18,18	45,45	12,4	100

Небольшое исследованное число костей, относящихся к слоям эпохи бронзы, позволяют лишь зафиксировать присутствие лошади и мелкого рогатого скота на памятнике. В слоях эпохи средневековья довольно отчетливо прослеживается доминирование мелкого рогатого скота в анализируемой выборке. В анатомическом спектре фиксируется большая часть скелета, что может указывать на проведение разделки туш прямо на территории поселения.

К сожалению, количества костей в выборке из данного поселения недостаточно для восстановления роста в холке или определения породного ряда. По обнаруженным зубам удалось установить возраст крупного рогатого скота. Так, были зафиксированы особи до 2–2,5 лет, 3–4 лет и старше 6 лет.

В выборке мелкого рогатого скота верхних слоев поселения Донузлав 11 фиксируется наличие козы. Возрастной диапазон МРС варьируется от 1 года до 4-х лет.

На третьем месте в выборке расположены кости лошади. Ввиду их малого числа, а также отсутствия целых костей установить возраст, рост в холке и породный ряд на данный момент нельзя. Отметим, что кости лошади, обнаруженные на поселении, содержат следы кухонной разделки, что указывает на употребление конины в пищу местными обитателями.

Остатки свиньи в небольшом количестве зафиксированы только в средневековых слоях поселения Донузлав 11. В анатомическом спектре прослеживаются фактически все части скелета. По сохранившимся фрагментам нижней челюсти и изолированных зубов удалось установить возрастной диапазон в 1,5–3 года. Фрагменты остатков содержат следы кухонной разделки, что свидетельствует об употреблении в пищу свинины на данном поселении.

Приведенные данные показывают, что 97,76% всех остатков принадлежат сельскохозяйственным животным, выделяя в видовой иерархии крупный и мелкий рогатый скот и, в ряде случаев, лошадь. В средневековых слоях, помимо перечисленных видов, зафиксирована свинья. Такое видовое соотношение и присутствие в выборке «мясных» частей скелета позволяет сделать вывод о высокой роли скотоводства в хозяйстве и жизнедеятельности населения «пойменных» поселений левобережья озера Донузлав.

Основной тип остеологического материала представлен кухонными остатками. Категории искусственного воздействия несут в себе следы разделки и температурного воздействия. Цветовая палитра горелых костей указывает на открытое горение в очаге. Высокая степень фрагментации костей, характерный их набор в анатомическом спектре свидетельствуют о разделке и употреблении в пищу всех зафиксированных видов домашних копытных.

Далее перечислим пойменные поселения, располагающиеся к югу от поселений Донузлав 1 и Донузлав 11.

Поселение ***Каралар***. В длинной и извилистой балке Чернушки (Каралар) находится, вероятно, наиболее крупное из пойменных поселений левобережья Донузлава, его протяженность, с перерывами, не менее 2 км (рис. 1,*б,3*; 2,*3*). В устьевой части многочисленные каменные постройки располагаются не только вдоль тальвега балки, но и на высоком правом берегу. У этого поселения наиболее обширный и удобный выход к водам озера в небольшом заливе. Отметим обилие зарослей тростника, который мог использоваться как строительный материал при сооружении стен жилищ или их перекрытий. Не исключено, что оно имеет отношение к вышеупомянутому Аблямитскому городищу.

Небольшое поселение ***Артли-Кую*** занимает низкие пойменные ниши в устьевой части одноименной балки (рис. 1,*б,4*). Имеет очень удобный выход к озеру, где образовался миниатюрный лиман с пляжем, населенный серыми и белыми цаплями и другими птицами. Здесь располагается не более трех строительных комплексов.

Такое же небольшое поселение ***Каян*** находится в соседней к югу балке, также имеющей небольшой лиман и песчаный пляж, удобный для водопоя домашних животных (рис. 1,*б,5*). Здесь, вероятно, было не более 2–3-х многокамерных жилых и хозяйственных построек.

Совсем маленькое поселение ***Кырк-Кую*** (рис. 1,*б,6*) (одна постройка), но с удобным выходом к озеру, располагалось далее к западу вдоль берега озера Донузлав.

Далее к югу нами пока пойменные поселения не встречены, отчасти из-за ограниченности доступа в этот район для проведения натурных обследований и плохой сохранности поселений из-за военной и гражданской застройки.

***

Рассмотренные пойменные поселения левобережья озера Донузлав представляют собой примечательный феномен региональной средневековой истории. С известной долей осторожности их можно рассматривать как сезонные жилища (зимники) кочевников-скотоводов. Пока вопрос об узком периоде существования этих средневековых поселений, в силу почти полного отсутствия датирующего материала, остается открытым. Этот вопрос требует дальнейших раскопок.

Ранее исследователями на основе археологических материалов был сделан вывод о том, что Северо-Западный Крым в XI–XIII веках являлся одним из районов, в котором проходили половецкие кочевья [1, с. 278; 9, с. 60]. Это подтверждается обнаружением большого количества впускных погребений в курганы более раннего времени и половецких изваяний. Одно из таких изваяний было нами найдено в 2012 г. в «каменном» кургане IV–III вв. до н.э., находящемся на вершине водораздела между балками Каменистой и Карполу, то есть между поселениями Донузлав 11 и Донузлав 1 (отмечено буквой Б на рис. 1,*б*). Важно отметить тот факт, что наряду с впускными погребениями в курганы в районе современной Евпатории (Кара-Тобе, Мамай, Ортли и Евпатория) были обнаружены грунтовые некрополи [5, с. 138; 18, с. 397–399], что свидетельствует о переходе половцев ко второму способу ведения кочевого хозяйства, при котором появляются постоянные зимовья или «зимники» для частичной заготовки кормов для животных [16, с. 42]. По свидетельству П. Д. Подгородецкого, на рубеже XII–XIII вв. начался очередной период увлажненности климата, во время которого

происходит переход от экстенсивного кочевого хозяйства к оседлому земледелию и животноводству на базе богатых пастбищных возможностей Северо-Западного Крыма [17, с. 6–7]. Еще одним доводом в пользу привлекательности этого района для половцев служит наличие в ближайшей округе выходов на поверхность плотных сарматских известняков, из которых изготовлены половецкие стелы Крыма [4, с. 27].

Данная статья является первой попыткой обобщить данные археологических разведок средневековых памятников на левобережье озера Донузлав. Эти исследования будут иметь продолжение в самое ближайшее время.

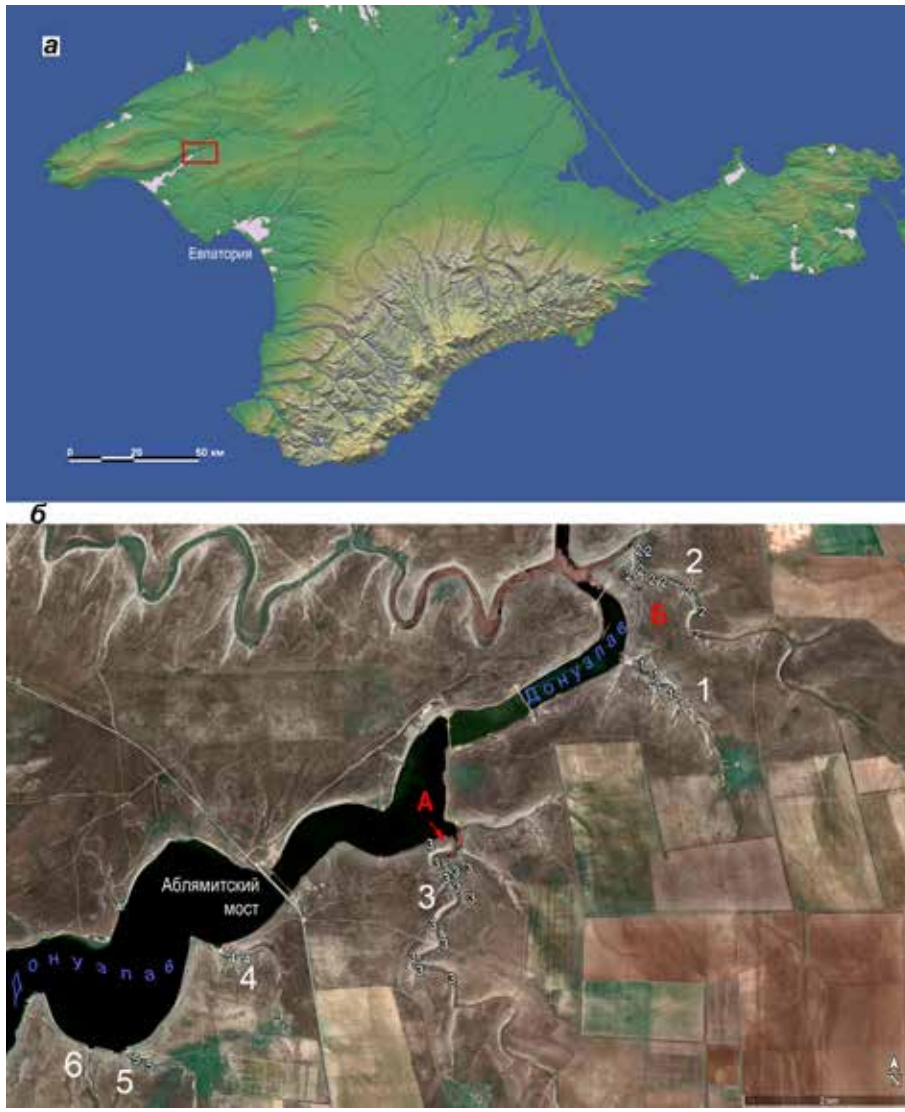


Рис 1. *а* – Положение района исследований на левом берегу оз. Донузлав в Северо-Западном Крыму. *б* – Пойменные поселения на космическом снимке из ресурса Google Earth от 4 апреля 2019 г. Буквами отмечены: А – Аблямитское городище, Б – курган, в котором было найдено половецкое изваяние. Цифрами отмечены поселения: 1 – Донузлав 1, 2 – Донузлав 11, 3 – Каралар, 4 – Артли-Кую, 5 – Каян, 6 – Кырк-Кую. Чертежи Т.Н. Смекаловой

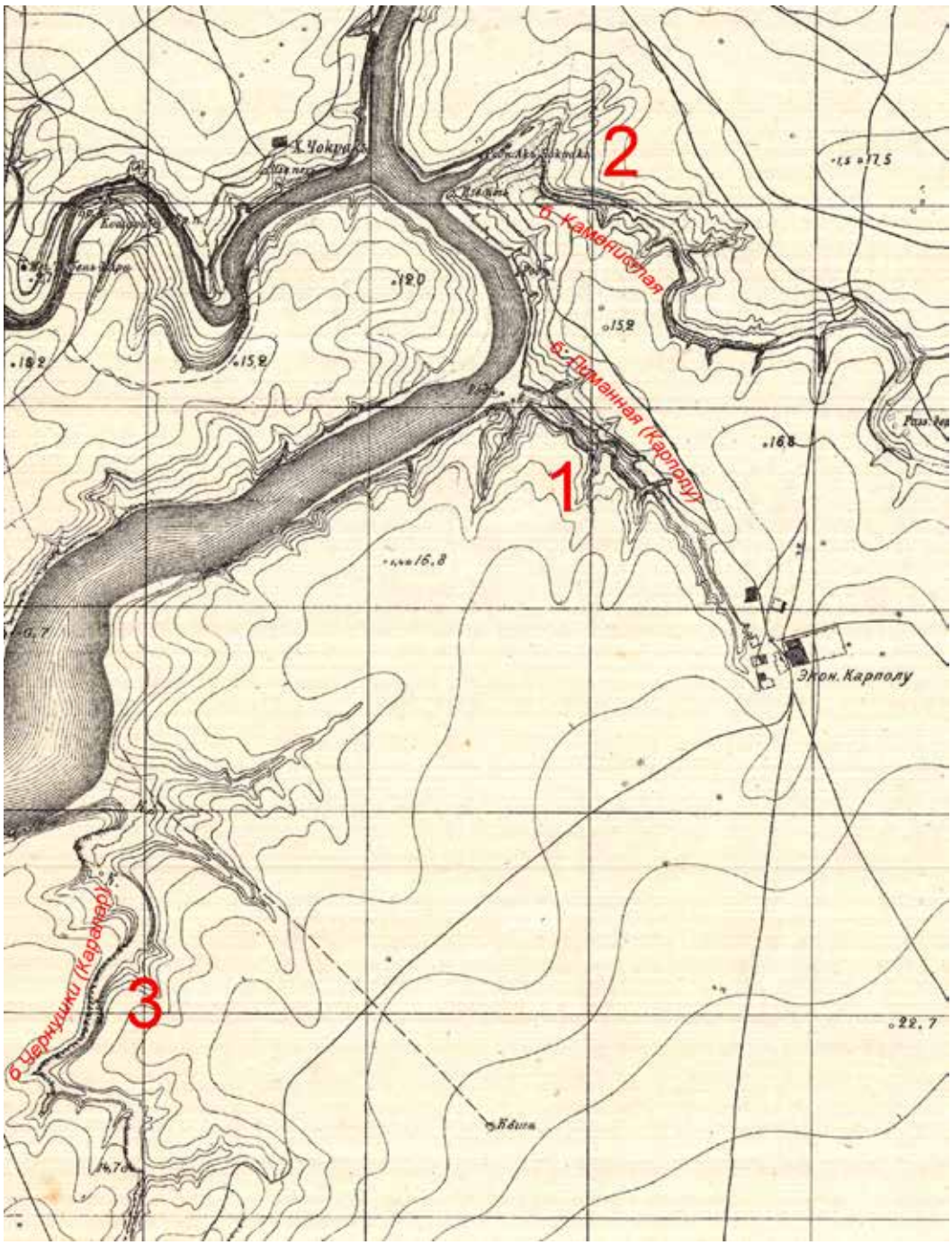


Рис. 2. Крупнейшие пойменные поселения (*1* – Донузлав 1, *2* – Донузлав 11, *3* – Каралар) на полуверстовой карте 1933 г. Чертеж Т.Н. Смекаловой

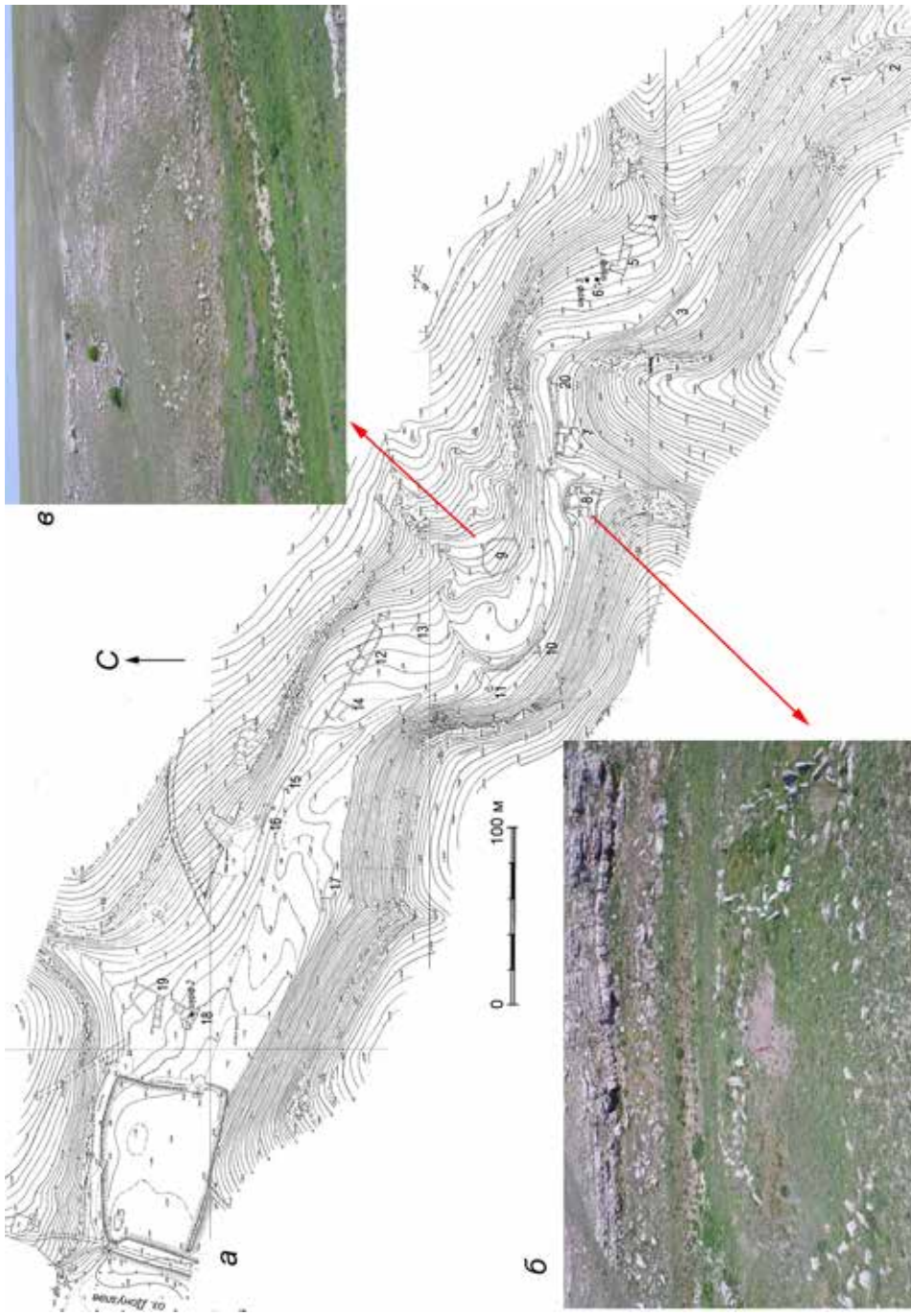


Рис. 3. Поселение Донузлав 1. *а* – Топографический план, выполненный В.В. Семеновым и Е.А. Чикалкиным. *б* – Строение 8. *в* – Круглый загон (строение 7). Фото А.Е. Пасуманского

Рис. 4. Раскопанное строение 4 на поселении Донузлав 1.
Вид с севера. Фото С.А. Мульда

Рис. 5. Устьевая часть пойменного поселения Донузлав 11, расположенного
в балке Каменистая, на космическом снимке из ресурса Google Earth от 4 апреля 2019 г.
Цифрами «2» отмечены каменные строения. Чертеж Т.Н. Смекаловой

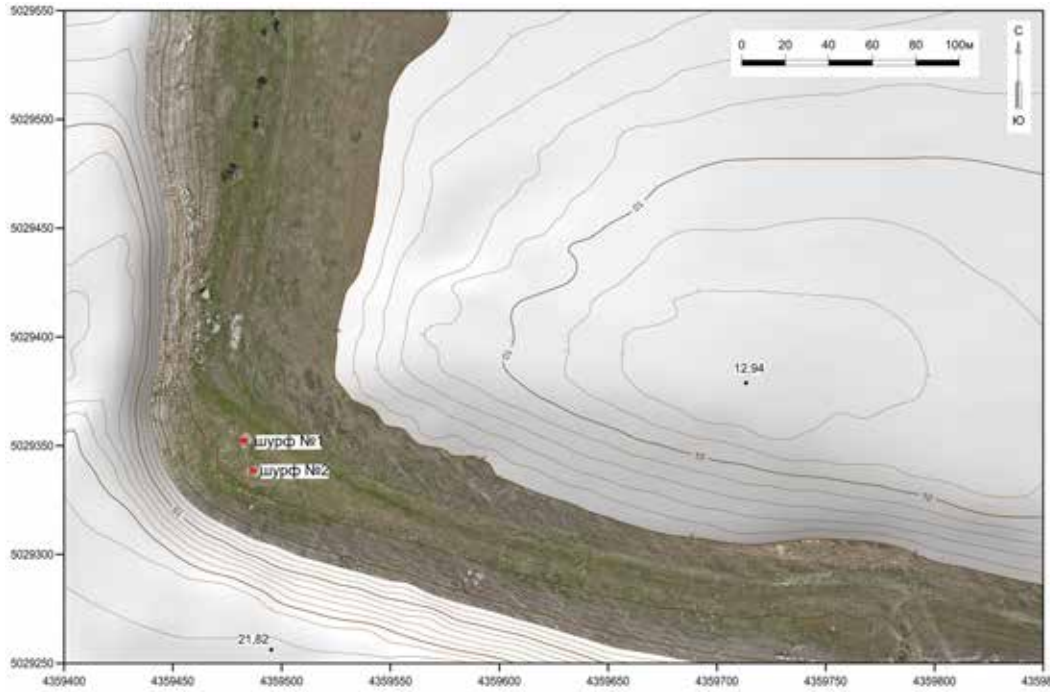


Рис. 6. Средняя часть пойменного поселения Донузлав 11 на ортафотоплане, совмещенном с топографическим планом. Отмечены положения шурфов 1 и 2 2025 г. Чертеж Р.С. Кецко

Рис. 7. Поселение Донузлав 11. Вид с востока на одно из зданий, расположенное в излучине балки Каменистой. Рабочий момент раскопок шурфов 1 и 2. Фотография Т.Н. Смекаловой

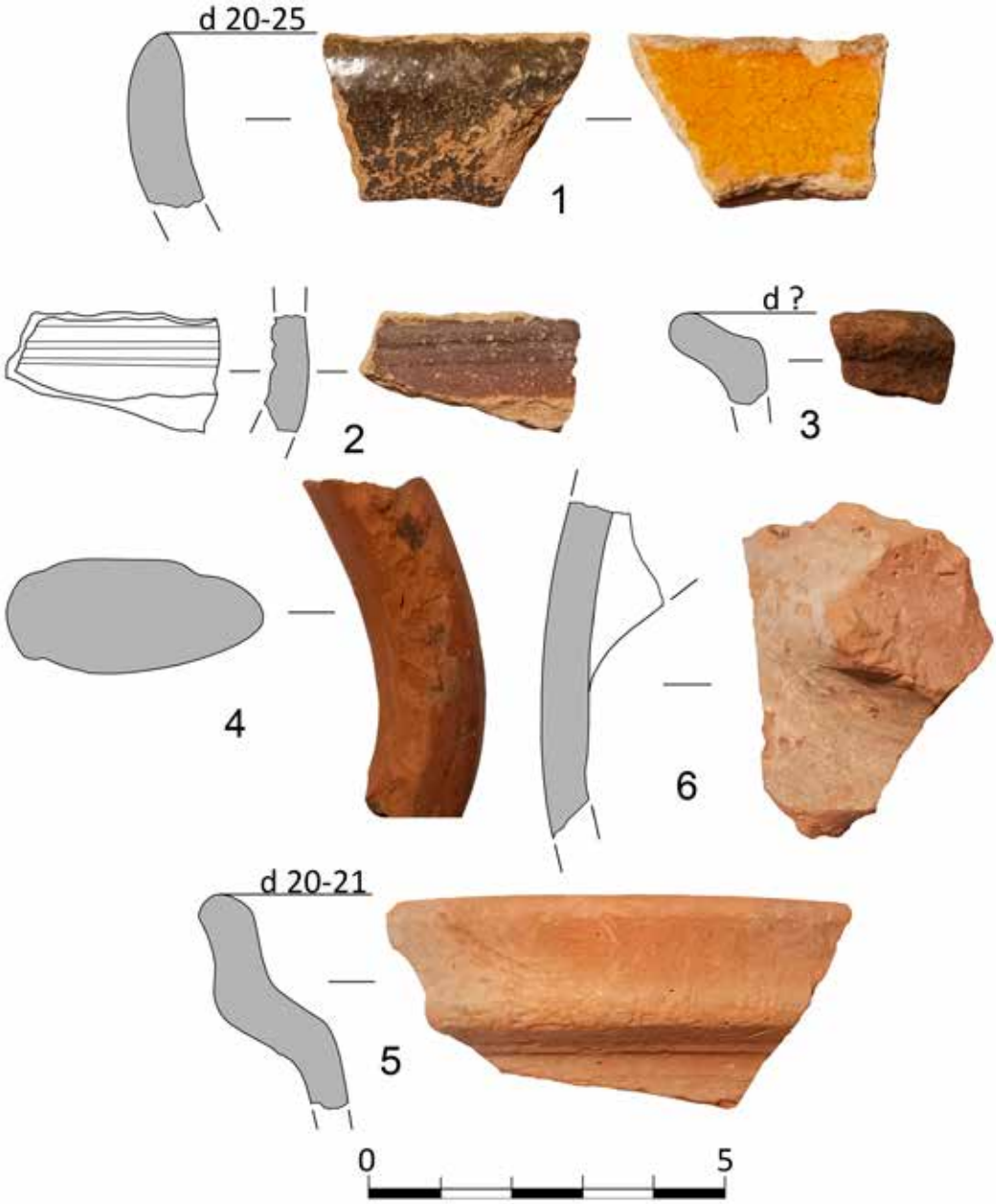


Рис. 8. Керамика, найденная на поселении Донузлав 11: *1–4* – подъемный материал; *5* – из Шурфа 1, слой 2; *6* – из Шурфа 2, слой 2. Рисунки и фотографии А.Н. Гаврилюка

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И. Города и степи Крыма в XIII–XIV вв. по археологическим свидетельствам // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 277–306.
2. Антипина Е.Е. Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты // Новейшие археозоологические исследования в России. К столетию со дня рождения В.И. Цалкина. М., 2004. С. 7–33.
3. Антипина Е.Е. Методы моделирования относительной численности домашних животных в хозяйстве древних поселений: от остеологического спектра к составу стада // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Луганськ, 2007. Вип. 7. С. 297–303.
4. Гераськова Л.С. Скульптура середньовічних кочовиків степів Східної Європи. Київ: Наукова думка, 1991. 131 с.
5. Кутайсов В.А., Смекалова Т.Н. Итоги археологического изучения античного поселения Ортли в Северо-Западном Крыму (раскопки 2012–2014 гг.) // История и археология Крыма. 2015. Вып. II. С. 134–139.
6. Кутайсов С.В. Салтовские памятники Северо-Западного Крыма // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. Материалы научной конференции. Киев, Судак: Академпериодика, 2002. С. 155–159.
7. Кутайсов С.В. Археологическая карта раннесредневековых памятников Северо-Западного Крыма // ХСб. 2003. Вып. XII. С. 274–286, 593–602.
8. Кутайсов С.В. Раннесредневековый слой Калос-Лимена (по предварительным данным) // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II Судакской международной конференции. Часть II. Киев, Судак: Академпериодика, 2004. С. 113–121.
9. Кутайсов С.В. Материалы к археологической карте Северо-Западного Крыма XI–XV веков // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2005. № 9. С. 57–61.
10. Кутайсов С.В. Средневековые памятники Северо-Западного Крыма (Археологическая карта) // Калос-Лимен – Ак-Мечеть – Черноморское – 2400 лет. Материалы I международной научно-практической конференции. Черноморское, 2008. С. 48–55.
11. Майко В.В. Северо-Западный Крым в VII–XV вв. Попытка исторического очерка // Археология Северо-Западного Крыма. Материалы III Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию созданию заповедника «Калос Лимен» и 30-летию открытия Черноморского историко-краеведческого музея. Симферополь: Наследие тысячелетий, 2017. С. 118–128.
12. Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского времени». Симферополь: Антиква, 2007. 346 с.
13. Мульд С.А. Поселение Донузлав-I в Северо-Западном Крыму // МАИЭТ. 2015. Вып. XX. С. 31–48.
14. Павленков В.И. Аблямитское городище на озере Донузлав в Крыму // Задачи советской археологии в свете решения XXVII съезда КПСС. М., 1987. С. 213.
15. Павленков В.И. Крепости Донузлава // Пилигримы Крыма. Осень'99. IV Крымская международная научно-практическая конференция. Т. 2. Симферополь, 2000. С. 47–48.
16. Плетнева С.А. Кочевники Средневековья. М.: Наука, 1982. 188 с.
17. Подгородецкий П.Д. Тарханкут (историко-физико-географическая характеристика) // Территориальные системы природы и хозяйства Крыма. Л., 1975. С. 4–16.
18. Сидоренко В.А. Монетный клад времени Алексея I Комнина (1081–1118 ГГ.), найденный на античном поселении Ортли // История и археология Крыма. 2015. Вып. II. С. 397–399.
19. Смекалова Т.Н., Кутайсов В.А. Археологический атлас Северо-Западного Крыма. Поздний бронзовый век. Ранний железный век. Античность. СПб.: Алетейя, 2017. 448 с. (Археологические атласы Северного Причерноморья. Вып. 2).
20. Шапцев М.С. История исследования памятников средневекового времени в северо-западном Крыму // Крымское историческое обозрение. 2015. № 3. С. 165–179.

REFERENCES

1. Aibabin A.I. Towns and Steppes of the Crimea in the 13th–14th Centuries According to Archaeological Data. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2003, vol. 10, pp. 277–306.
2. Antipina E.E. Archaeozoological research: tasks, potential opportunities and actual results. *Noveishie arkheozoologicheskie issledovaniia v Rossii. K stoletiiu so dnia rozhdeniia V.I. Tsalkina* [The latest archaeozoological research in Russia. On the centenary of V.I. Tsalkin's birth], Moscow, 2004, pp. 7–33.
3. Antipina E.E. Methods of modeling the relative number of domestic animals in the economy of ancient settlements: from the osteological spectrum to the composition of the herd. *Materiali ta doslidzhennia z arkheologii Skhidnoi Ukraini* [Materials and research on the archeology of Eastern Ukraine], Lugansk, 2007, vol. 7, pp. 297–303.

4. Geras'kova L.S. *Skul'ptura seredn'ovichnikh kochovikiv stepiv Skhidnoi Evropi* [Sculpture of medieval nomads of the steppes of Eastern Europe]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1991, 131 p.
5. Kutaisov V.A., Smekalova T.N. Results of archaeological studying of the antique settlement Ortli in Northwest of Crimea (excavation of 2012–2014). *Istoriia i arkheologiia Kryma* [History and archeology of Crimea], 2015, vol. 2, pp. 134–139.
6. Kutaisov S.V. Saltovskie monuments of the North-Western Crimea. *Sugdeia, Surozh, Soldaiia v istorii i kul'ture Rusi-Ukrainy. Materialy nauchnoi konferentsii* [Sugdeya, Surozh, Soldaya in the history and culture of Rus-Ukraine. Proceedings of the scientific conference], Kiev, Sudak, Akademperiodika Publ., 2002, pp. 155–159.
7. Kutaisov S.V. Archaeological map of early medieval monuments of the North-Western Crimea. *Khersonesskii sbornik* [Chersonesos collection], 2003, vol. 12, pp. 274–286, 593–602.
8. Kutaisov S.V. Early medieval layer of Kalos-Limen (according to preliminary data). *Prichernomor'e, Krym, Rus' v istorii i kul'ture. Materialy II Sudakskoi mezhdunarodnoi konferentsii* [Black Sea region, Crimea, Rus in history and culture. Proceedings of the II Sudak international conference], Kiev, Sudak, Akademperiodika Publ., 2004, Part 2, S. 113–121.
9. Kutaisov S.V. Materials for the archaeological map of the North-Western Crimea of the 11th–15th centuries. *Istoricheskoe nasledie Kryma* [Historical heritage of the Crimea], Simferopol, 2005, no. 9, pp. 57–61.
10. Kutaisov S.V. Medieval monuments of the North-Western Crimea (Archaeological map). *Kalos-Limen – Ak-Mechet' – Chernomorskoe – 2400 let. Materialy I mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Kalos-Limen – Ak-Mechet – Chernomorskoye – 2400 years. Materials of the 1st international scientific and practical conference], Chernomorskoe, 2008, pp. 48–55.
11. Maiko V.V. Northwestern Crimea in the 7th–15th centuries. An attempt at a historical essay. *Arkheologiia Severo-Zapadnogo Kryma. Materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi 20-letiiu sozdaniiu zapovednika «Kalos Limen» i 30-letiiu otkrytiia Chernomorskogo istoriko-kraevedcheskogo muzeia* [Archeology of Northwestern Crimea. Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference dedicated to the 20th anniversary of the establishment of the Kalos Limen Reserve and the 30th anniversary of the opening of the Black Sea Museum of History and Local Lore], Simferopol, Heritage of Millennia Publ., 2017, pp. 118–128.
12. Mogarichev Iu.M., Sazanov A.V., Shaposhnikov A.K. *Zhitie Ioanna Gotskogo v kontekste istorii Kryma «khazarskogo vremeni»* [The Life of John of Gothland in the Context of the History of Crimea during the "Khazar Era"]. Simferopol, Antikva Publ., 2007, 346 p.
13. Mul'd S.A. The Settlement of Donuzlav-I in the North-Western Crimea. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2015, vol. 20, pp. 31–48.
14. Pavlenkov V.I. Ablyamitskoe settlement on Lake Donuzlav in Crimea. *Zadachi sovetskoi arkheologii v svete resheniia XXVII s"ezda KPSS* [Tasks of Soviet archeology in light of the decision of the XXVII Congress of the CPSU], Moscow, 1987, p. 213.
15. Pavlenkov V.I. Fortresses of Donuzlav. *Piligrimy Kryma. Osen''99. IV Krymskaia mezhdunarodnaia nauchno-prakticheskaia konferentsiia* [Pilgrims of Crimea. Autumn'99. 4th Crimean International Scientific and Practical Conference], Simferopol, 2000, vol. 2, pp. 47–48.
16. Pletneva S.A. *Kochevniki Srednevekov'ia* [Nomads of the Middle Ages]. Moscow, Nauka Publ., 1982, 188 p.
17. Podgorodetskii P.D. Tarkhankut (historical, physical and geographical characteristics). *Territorial'nye sistemy prirody i khoziaistva Kryma* [Territorial systems of nature and economy of Crimea], Leningrad, 1975, pp. 4–16.
18. Sidorenko V.A. Coins hoard of the times Alexius I Comnenus (1081–1118) from the ancient township Ortly. *Istoriia i arkheologiia Kryma* [History and archeology of Crimea], 2015, vol. 2, pp. 397–399.
19. Smekalova T.N., Kutaisov V.A. *Arkheologicheskii atlas Severo-Zapadnogo Kryma. Pozdnii bronzovyi vek. Rannii zheleznyi vek. Antichnost'* [Archaeological atlas of the Northwestern Crimea. Late Bronze Age. Early Iron Age. Antiquity]. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2017, 448 p.
20. Shaptsev M.S. The history of medieval monuments study in the North-Western Crimea. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie* [Crimean Historical Review], 2015, no. 3, pp. 165–179.

Информация об авторах

Смекалова Т. Н. – доктор исторических наук, заведующий отделом естественно-научных методов в археологии НИЦ истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского; Researcher ID: R-3665-2016.

Борисов А. В. – кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник Института физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН.

Деваев А. С. – младший научный сотрудник отдела естественно-научных методов в археологии НИЦ истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского.

Леонов Л. Л. – младший научный сотрудник отдела естественно-научных методов в археологии НИЦ истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского.

Кецко Р. С. – лаборант отдела естественно-научных методов в археологии НИЦ истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского.

Савельев Д. О. – младший научный сотрудник отдела естественно-научных методов в археологии НИЦ истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского.

Гаврилюк А. Н. – лаборант-исследователь отдела естественнонаучных методов в археологии НИЦ истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.

Фридрихсон С. К. – лаборант-исследователь отдела естественнонаучных методов в археологии НИЦ истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.

Authors information

Smekalova T. N. – Doctor of Science (History), Head of the Department of natural science methods in archaeology at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University; Researcher ID: R-3665-2016.

Borisov A. V. – Candidate of Sciences (Biology), Leading Researcher of the Institute of Physiccjchemical and Biological Problems of Soil Science of the Russian Academy of Sciences.

Devaev A. S. – Junior Researcher of the Department of natural science methods in archaeology at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University.

Leonov L. L. – Junior Researcher of the Department of natural science methods in archaeology at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University.

Ketsko R. S. – Assistant of the Department of natural science methods in archaeology at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University.

Savel'ev D. O. – Junior Researcher of the Department of natural science methods in archaeology at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University.

Gavriluyk A. N. – Research assistant of the Department of natural science methods in archaeology at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University.

Fridrikhson S. K. – Research assistant of the Department of natural science methods in archaeology at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University.

DOI: 10.29039/2413-189X.2025.30.385-395

ОБ ОДНОЙ ГРУППЕ ШТАМПОВАННЫХ КУВШИНОВ ИЗ РАСКОПОК ГОРОДИЩА СОЛХАТ

Джемиле Эльвировна Сейдалиева
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского; Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, Симферополь, Россия
djemka65@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-9860-4432

Аннотация. В публикации анализируются так называемые «штампованные» кувшины с фильтрами и венчиками с «подзором», полученные за все годы исследования столицы Крымского юрта Золотой Орды. Благодаря многолетним археологическим исследованиям Золотоордынской (Старокрымской) экспедиции Государственного Эрмитажа удалось собрать множество фрагментов данных тисненных изделий. Штампованные сосуды в период Золотой Орды были достаточно распространены. Их изготавливали как имитацию дорогостоящих металлических изделий. На сегодняшний день тисненные кувшины широко известны и встречаются практически по всей территории Улуса Джучи. Изделия с резным воротником вокруг горла были распространены на Ближнем Востоке с X в., а также до конца XIII в. на территории Закавказья (а именно Грузии и Азербайджана). В литературе неоднократно отмечался значительный масштаб экспорта штампованной керамики солхатского производства, в том числе и сосудов с резными «подзорами», за пределы Крымского полуострова. Данная группа изделий публикуется впервые.

Ключевые слова: Золотая Орда, Солхат, керамическое производство, кувшины с фильтрами, штампованный орнамент, кувшины с «подзором»

Благодарности: Статья написана в рамках проекта Минобрнауки РФ, государственное задание FZEG-2023-0004 «Исторический опыт межэтнического взаимодействия в Крыму с древности до Нового времени». Выражаю благодарность доктору исторических наук, ведущему научному сотруднику Государственного Эрмитажа, руководителю Золотоордынской археологической экспедиции М. Г. Крамаровскому за возможность опубликовать материал.

ON A GROUP OF STAMPED PITCHERS EXCAVATED AT THE ANCIENT TOWN OF SOLKHAT

Dzhemile E. Seidalieva
V.I. Vernadsky Crimean Federal University; Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University, Simferopol, Russia
djemka65@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-9860-4432

Abstract. This publication analyzes the so-called “stamped” pitchers with filters and rims featuring a collar at the neck base, obtained by the years of researches at the capital of the Crimean Yurt of the Golden Horde. Many-year-long archaeological works of the Golden Horde (Staryi Krym) Expedition of the State Hermitage Museum (henceforth SKAEGE) collected numerous fragments of these embossed artefacts. In the Golden Horde period, stamped vessels were quite common as imitations of expensive metal ware. Today, embossed pitchers are widely known almost throughout the Ulus of Jochi area. The artefacts with carved collar around the neck were common in the Near East from the tenth century on, as well as in Transcaucasia (specifically in Georgia and Azerbaijan) to the late-thirteenth century. The scholarship has repeatedly noted the significant export of stamped ware from Solkhat, including the vessels with carved collars, outside the Crimean Peninsula. The group of artefacts in question is published for the first time.

Keywords: Golden Horde, Solkhat, ceramic production, pitchers with filters, stamped ornament, pitchers with collars

Acknowledgments: This article has been written as a part of the project supported by state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation FZEG-2023-0004 *Historical Experience of Interethnic Interaction in the Crimea from Antiquity to Modernity.* I am grateful to DSc M. G. Kramarovsky, leading researcher at the State Hermitage Museum and the head of the Golden Horde archaeological expedition, for the permission to publish this material.

Искусство Крымского Юрта Золотой Орды в полной мере сформировалось, получило широкое развитие и достигло расцвета в период, когда город Крым стал одним из ведущих золотоордынских центров. В этот период, с конца XIII в. до середины XV в., Солхат играл важную роль не только в Крыму, но и в самой Золотой Орде. Его территория увеличивается. Возникают и строятся монументальные сооружения – мечеть хана Узбека, мечеть Куршун-джами, караван-сарай и др. Растёт население, развиваются ремесла, в материальную культуру местного населения проникают предметы искусства, привозимые из Египта, Византии, Ирана, Китая, Средней Азии, Кавказа. В керамических мастерских работают гончары, которые превращают предметы быта и повседневного использования в высокохудожественные произведения. В мастерских Солхата и его ближайшей округи изготавливали разнообразные неполивные и глазурованные красноглиняные изделия. Поливная посуда ремесленных мастерских Солхата имеет ярко выраженные индивидуальные черты и особенности, которые отличают ее среди продукции других гончарных центров золотоордынского Крыма и Золотой Орды в целом.

В данном исследовании речь идет о группе «штампованной» (тисненной) керамики – так называемых «кувшинах с фильтрами» и венчиками с «подзором».

Штампованные сосуды в период Золотой Орды были достаточно известны. Их изготавливали как подражание дорогостоящим металлическим изделиям [6, с. 15–16; 7, с. 90]. На сегодняшний день тисненные кувшины встречаются практически по всей территории Улуса Джучи. Изделия с резным воротником вокруг горла были распространены на Ближнем Востоке с X в., а также до конца XIII в. на территории Закавказья [15, табл. LVII; 2, рис. 42; 17, табл. XXXVII, XXXVIII]. Штампованные изделия, вероятнее всего, были рассчитаны на среднюю социальную категорию населения. В то же время присутствие среди солхатских мастеров специалистов по производству тисненной керамики свидетельствует о наличии среди населения города и округи спроса на подобную статусную посуду, которая хоть и уступала по стоимости чеканным металлическим сосудам, но все же относилась к достаточно дорогостоящему сегменту керамических изделий.

Сосуды данного типа уже неоднократно публиковались. Г. М. Ахмедов упоминал, что в слоях XI – начала XIII в. при раскопках Орен-Калы встречаются штампованные большие «афтары» и кувшины (с горлом, расширяющимся в виде раструба) с ситечком, которые либо вставлялись после формовки сосуда, либо делались вместе с верхней частью тулова [1, с. 214, 216–218]. С. Г. Бочаров и А. Н. Масловский упоминали штампованный кувшин из Юго-Восточного Крыма на территории Азака [3, с. 191, 192, рис. 1,4]. М. Д. Полубояринова, публикуя керамику из Болгара, выделила фрагмент горла кувшина с подзором (воротничком у основания горла), в котором прорезаны треугольные отверстия [16, с. 60–65, 70]. О. В. Лопан опубликовала единичный экземпляр штампованного сосуда с резным воротником из Болгара [12, с. 392, рис. 1,7]. Подобный фрагмент был обнаружен и в Москве, в культурном слое XIV–XV вв. В. Ю. Коваль относит данные кувшины к азербайджанскому импорту, но не исключает и крымского их происхождения [9, с. 114]. И. В. Волков и М. Г. Крамаровский связывают их производство с Солхатом. В. В. Майко выделяет сосуды с венчиком с подзором в тип II [13, с. 425, 431, 432, рис. 1,6; 2,1,3,4], которые были найдены при исследованиях Сугдеи и др.

Благодаря многолетним археологическим исследованиям золотоордынской экспедиции Государственного Эрмитажа удалось собрать некоторое количество фрагментов данных тисненных изделий, покрытых глазурью. В литературе неоднократно отмечался значительный масштаб экспорта штампованной керамики солхатского производства, в том числе и сосудов с резными «подзорами», за пределы Крымского полуострова [6; 14].

В Солхате штампованные кувшины имели ровный сплошной обжиг и красный цвет черепка. В формовочных массах присутствует крупнодробленный шамот в различной концентрации. При небольшом содержании шамот давал характерные выступы на внутренней стороне сосудов. Также в основной массе солхатской штампованной керамики присутствует примесь органики и известняка. Скрепление половинок тулова происходило с помощью излишков глины по краю одной из половинок; шов заглажен рукой с внутренней стороны, на большинстве изделий имеются отпечатки пальцев мастеров-гончаров. Данные изделия, изготов-

ленные на территории Солхатского городища, имели объемную (крупную) орнаментацию и покрывались красным или белым ангобом, а также монохромной зеленой (в разных оттенках) глазурью или полихромной (желтой, зеленой и коричневой) поливой. Треугольчатая резьба по сырой глине украшала т.н. «подзор» (воротничок или бортик) вокруг горла одноручного (ручка округлая в сечении) кувшина. Горло было слегка дутым, венчик заострен, подтреугольного сечения. Дно на кольцевом поддоне (у бокаташских гончаров дно было подпрямоугольного сечения, а у изделий, изготовлявшихся на караван-сарае, было более округлым). В месте соединения горла и тулова сосуда у штампованных кувшинов имеется так называемый «фильтр» [8, с. 15; 9, с. 112, 331], который также был вырезан по сырой глине. Поверхность тулова таких изделий была сплошь покрыта детализированным геометрическим, растительным и эпиграфическим орнаментом с элементами в виде крупных выпуклых точек и S-видных завитков. В большинстве случаев – декор на двух половинах туловища идентичен.

Фильтры (или ситечка) в представленных кувшинах выполнены небрежно, прорези, как правило, треугольной формы (наибольшее расстояние достигало 1 см). Аналогии таким фильтрам (рис. 4,*1–4*), но выполненные более изящно, с большим мастерством, вероятно, происходят из Египта и других регионов Ближнего Востока и датируются там достаточно широко, в пределах X–XIV вв.[1] Назначение этих деталей может быть разным. Есть предположения, что они предназначались для крупной массы (розовые лепестки, виноград), которую клали в горло сосуда, выдавливая в кувшин сок или пропуская через них воду или иные жидкости. Также эти фильтры могли служить ограничителем. К примеру, чтобы внешний мусор не попадал в жидкость, которой был наполнен сосуд.

Необходимо отметить, что при исследовании ремесленного центра Бокаташ II были найдены фрагменты сосудов с фильтрами в горле, ситечка выполнены аккуратней и внешне выглядят эстетичней, нежели продукция других ремесленных центров Солхата (к примеру, с центра, находившегося на территории караван-сарая). Прорези в фильтрах делали после того, как поместили сырую глину в горло, так как изнутри видны линии от инструмента гончара. Кувшины с горлом, расширяющимся в виде раструба к верху, в своем большинстве изготавливали на этом поселении. Г. М. Ахмедов отмечает очень схожие штампованные сосуды с ситечками в горле в верхних слоях Орен-Калы (XII – начало XIII в.) [1, с. 217–218].

В изготовлении данной категории кувшинов с фильтрами прослеживается некий синтез особенностей керамического производства и орнаментации металлической посуды исламского Востока. Мы можем предположить, что традиция производства штампованной керамики в Солхате развивалась под влиянием нескольких направлений. С одной стороны, такой отправной точкой мог стать Хорезм, из которого через города Поволжья и Азак штампованная посуда попадала в Крым. Об этом также свидетельствует то, что в более поздний период штампованные кувшины Солхатского городища внешне обжигали до максимально серого цвета, хоть внутри глина все же была красного оттенка. В то же время, наличие среди произведенных в Солхате штампованных кувшинов экземпляров с фильтрами на месте соединения горла и тулова сосуда может свидетельствовать о проникновении такого рода посуды из Египта, Сирии или Ирана. В отношении поволжских ремесленных центров Н. М. Булатов [5, с. 46–59] писал, что золотоордынская керамика производилась мастерами, вывезенными из Ирана, Кавказа и Крыма, а та посуда, которая изготовлялась в Крыму, может свидетельствовать о переселявшихся из Малой Азии (а может быть Среднего Востока или Северной Африки) мастерах, которых привлекала возможность получения стабильного заказа в золотоордынском Крыму [10, с. 162].

Стоит отметить, что азербайджанские кувшины по форме тулова, горла, выполнения орнамента довольно схожи с солхатскими экземплярами [2, табл. XX, XXI], а прорези по сырой глине в декорировании крышек встречаются в гончарных мастерских Грузии. Также на территории Грузии находит свои аналогии орнаментация и морфология некоторых глазурованных изделий с поселения Бокаташ II [15, илл. 2,1–2; 55,1–2; 57,1].

[1] https://www.metmuseum.org/art/collection/search/447422?utm_medium=organic&utm_source=yandexsmartcamera; https://www.metmuseum.org/art/collection/search/447428?utm_medium=organic&utm_source=yandexsmartcamera; https://exhibitions.kelsey.lsa.umich.edu/pearls/objects/filter3.html; https://islamicart.museumwnf.org/database_item.php?id=object;ISL;se;Mus01;49;en

Исследователи отмечают, что монгольские завоеватели угнали множество ремесленников с территории Закавказья [15, с. 84; 1, с. 226]. Кроме того, стабильность в государстве, растущее благосостояние местного золотоордынского населения и его увеличивающаяся платежеспособность способствовали добровольному переселению мастеров в Улус Джучи. Вероятнее всего, это и дало толчок в развитии такому керамическому разнообразию на Крымском полуострове, в том числе и штампованных изделий. Учитывая тесную связь Золотой Орды, и Крыма в частности, с Египтом, торговые и дипломатические отношения, которые предусматривали в том числе и обмен ценными подарками, нельзя исключать наличие ближневосточного керамического импорта на территории полуострова, хотя в местных археологических комплексах сосуды с керамическими фильтрами из Северной Африки и других стран арабского мира пока не выявлены. Таким образом, развитие керамического мастерства солхатских гончаров тесно взаимосвязано с ремесленными традициями Закавказья, Средней Азии и Ближнего Востока.

КАТАЛОГ

1. Кувшин (рис. 1,*1*). СКАЭГЭ-2016. Раскоп XLIV. Участок Б2. Штык 8. К.О. 245. Фрагмент горла с воротником, декорированным треугольчатой резьбой и сколотым фильтром внутри. Черепок в изломе насыщенно-красного цвета, тесто плотное с примесью крупно дробленного шамота и известняка. Снаружи покрыт полихромной (зеленой и пурпурно-коричневой) глазурью в виде вертикальных полос. Прорези в воротнике треугольной формы. Размер сохранившейся поверхности: 4,3×6,8 см. Датировка комплекса/слоя: XIV в. Место хранения: Государственный Эрмитаж [11, с. 140, № 72].

2. Кувшин (рис. 1,*2*). СКАЭГЭ-1994. Раскоп XII. Караван-сарай. Участок 50. Землянка. К.О. 31. Фрагмент верхней части корпуса со сколотым фильтром. Черепок в изломе красного цвета, тесто плотное с примесью дробленного шамота и известняка. Тулово сферической формы, фильтр с тремя треугольными прорезями (сколоты). Снаружи покрыт плотным красным ангобом и тисненным орнаментом в виде опоясывающего тулово зигзага, секторы которого заполнены мелкими S-образными фигурами. Размер сохранившейся поверхности: Н – 7 см, d тулова – 15,5 см. Датировка комплекса/слоя: конец XIII – начало XIV в. Место хранения: Старокрымский литературно-художественный музей (далее – СЛХМ), н/в 8402 [11, с. 135, № 39].

3. Кувшин (рис. 1,*3*). СКАЭГЭ-2014. Раскоп XXXIX. Архитектурный комплекс медресе-мечети хана Узбека. Территория за стеной медресе. Средневековая улица. Участок А4. Хозяйственная яма. К.О. 148. Фрагмент горла с фильтром. Черепок в изломе красного цвета, тесто плотное с примесью дробленного шамота и известняка. Фильтр с тремя треугольными прорезями. Снаружи покрыт плотным красным ангобом и тисненным орнаментом в виде опоясывающих прямоугольных ячеек, внутри которых множественные точки. Размер сохранившейся поверхности: 10,3×9,1 см. Датировка комплекса/слоя: начало – середина XIV в. Место хранения: Государственный Эрмитаж. Публикуется впервые.

4. Кувшин (рис. 1,*4*). СКАЭГЭ-2000. Кринички II. Раскоп XX. Квадрат Г7. Культурный слой. Фрагмент стенки горла с воротником, декорированным треугольными прорезями (сколот) и фильтром внутри (сколот). Черепок в изломе насыщенно-красного цвета, тесто плотное с примесью крупно дробленного шамота и известняка. Снаружи покрыт монохромной зеленой глазурью. Размер сохранившейся поверхности: 5,8×7,2 см. Датировка комплекса/слоя: вторая половина XIV в. Место хранения: СЛХМ. Публикуется впервые.

5. Кувшин (рис. 1,*5*). СКАЭГЭ-2023. Городище Солхат. Шурф 1/22. Заполнение под пифосом. П.О. 168. Фрагмент стенки горла со сколотым фильтром. Черепок в изломе насыщенно-красного цвета, тесто плотное с примесью крупно дробленного шамота, известняка и кварцевого песка. Фильтр с тремя треугольными прорезями (частично сколот). Снаружи покрыт монохромной зеленой глазурью. Размер сохранившейся поверхности: 5,6×3,8 см. Датировка комплекса/слоя: вторая половина XIV в. Публикуется впервые.

6. Кувшин (рис. 1,*6*). СКАЭГЭ-2023. Городище Солхат. Шурф 1/23. Хозяйственная яма 1. Заполнение. П.О. 87. Фрагмент стенки горла с воротником (сколот) и фильтром внутри (сколот). Черепок в изломе насыщенно-красного цвета, тесто плотное с примесью крупно дро-

бленного шамота и известняка. Фильтр с тремя треугольными прорезями. Снаружи покрыт монохромной зеленой глазурью и тисненным орнаментом в виде опоясывающих прямоугольных ячеек, внутри которых множественные точки. Размер сохранившейся поверхности: 6,5×7,3 см. Датировка комплекса/слоя: вторая половина XIV в. Публикуется впервые.

7. Кувшин (рис. 1,*7*). СКАЭГЭ-2015. Раскоп XXXIX. Архитектурный комплекс медресе-мечети хана Узбека. Участок А5. Заполнение колодца. П.О. 1198. Фрагмент стенки горла со сколотым фильтром. Черепок в изломе красного цвета, тесто плотное с примесью дробленного шамота и известняка. Снаружи покрыт плотным красным ангобом и тисненным орнаментом в виде точек. Размер сохранившейся поверхности: 5,4×5,2 см. Датировка комплекса/слоя: начало – середина XIV в. Публикуется впервые.

8. Кувшин (рис. 1,*8*). СКАЭГЭ-2023. Городище Солхат. Шурф 1/23. Хозяйственная яма 1. Заполнение. П.О. 87. Фрагмент стенки горла с воротником (сколот) и фильтром внутри (сколот). Черепок в изломе насыщенно-красного цвета, тесто плотное с примесью крупно дробленного шамота и известняка. Снаружи покрыт монохромной зеленой глазурью и тисненным орнаментом в виде опоясывающих прямоугольных ячеек, внутри которых S-образные фигуры. Размер сохранившейся поверхности: 6,5×7,3 см. Датировка комплекса/слоя: вторая половина XIV в. Публикуется впервые.

9. Кувшин (рис. 2,*1*). СКАЭГЭ-2023. Шурф 1/23. Хозяйственная яма 1. Заполнение. К.О. 26. Фрагмент верхней части изделия с горлом и воротником, декорированным треугольными прорезями и фильтром внутри. Черепок в изломе насыщенно-красного цвета, тесто плотное с примесью крупно дробленного шамота и известняка. Горло цилиндрической формы, тулово сферической, воротник, декорированный треугольными прорезями, фильтр с тремя треугольными прорезями. Снаружи покрыт монохромной зеленой глазурью и штампованным орнаментом в виде горизонтальных линий, состоящих из ромбических фигур. Размер сохранившейся поверхности: 11,5×13,4 см. Датировка комплекса/слоя: вторая половина XIV в. Место хранения: Крымскотатарский музей культурно-исторического наследия, 7358 Арх-2961. Публикуется впервые.

10. Кувшин (рис. 2,*2*). СКАЭГЭ-2004. Бокаташ-II. Раскоп XXIII. Хозяйственная яма № 2. Фрагмент горла с вертикальным заостренным краем и фильтром внутри. Черепок в изломе насыщенно-красного цвета, тесто плотное с примесью крупно дробленного шамота и известняка. Горло в виде раструба, сохранился верхний прилеп овальной в сечении ручки. Фильтр в виде стилизованного цветка. Снаружи покрыт монохромной зеленой глазурью. Размер сохранившейся поверхности: D края – 9 см. Датировка комплекса/слоя: конец XIII – конец XIV в. Место хранения: СЛХМ. Публикуется впервые.

11. Кувшин (рис. 2,*3*). СКАЭГЭ-2000. Плато 2. Хозяйственная яма № 2. Фрагмент стенки горла с фильтром внутри (сколот). Черепок в изломе насыщенно-красного цвета, тесто плотное с примесью крупно дробленного шамота и известняка. Снаружи покрыт полихромной (зеленой и пурпурно-коричневой) глазурью и орнаментом, выполненным в технике «сграффито» в виде двойных стилизованных лепестков. Размер сохранившейся поверхности: 8,4×5,3 см. Датировка комплекса/слоя: середина XIV в. Место хранение: СЛХМ. Публикуется впервые.

12. Кувшин (рис. 2,*4*). СКАЭГЭ-2004. Бокаташ-II. Раскоп XXIII. Хозяйственная яма № 2. Фрагмент стенки горла с фильтром внутри (сколот). Черепок в изломе насыщенно-красного цвета, тесто плотное с примесью крупно дробленного шамота и известняка. Снаружи покрыт монохромной зеленой глазурью и тисненным орнаментом в виде опоясывающих ромбических ячеек, внутри каждой ячейки в центре расположена точка. Размер сохранившейся поверхности: 7,6×7,9 см. Датировка комплекса/слоя: конец XIII – конец XIV в. Место хранения: СЛХМ. Публикуется впервые.

13. Кувшин (рис. 3,*1*). Старый Крым, раскопки И. Н. Бороздина, У. Боданинского, А. С. Башкирова, 1920-е гг. (?). Фрагмент верхней части изделия с горлом и воротником, декорированным треугольными прорезями, и фильтром внутри. Черепок в изломе красного цвета, тесто плотное с примесью крупно дробленного шамота и известняка. Горло оснащено воротничком, декорированным треугольчатой резьбой. Покрыт снаружи монохромной

зеленой глазурью и штампованным орнаментом в виде вертикальных параллельных линий. Фильтр представляет собой диск с тремя треугольными и одной округлой прорезями. Размер сохранившейся поверхности: D воротника – 9,5 см. Датировка комплекса/слоя: XIV в. Место хранение: Центральный музей Тавриды, Д-4370 [11, с. 135, № 40].

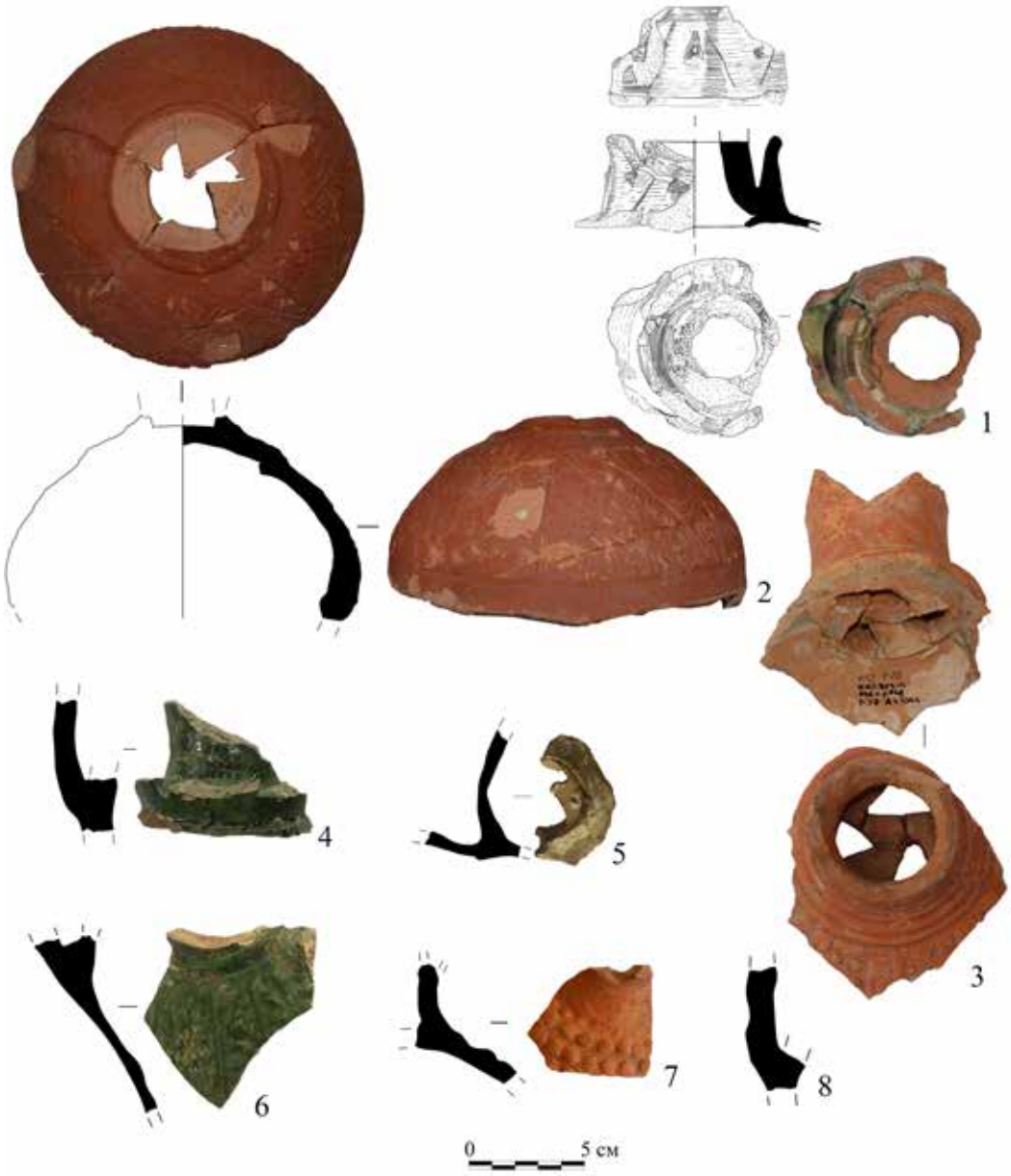


Рис. 1. Фрагменты кувшинов с фильтрами и воротниками с «подзорами», обнаруженных при исследовании Солхатского городища и ближайшей округи

Рис. 2. Фрагменты кувшинов с фильтрами и воротниками с «подзорами», обнаруженных при исследовании Солхатского городища и ближайшей округи

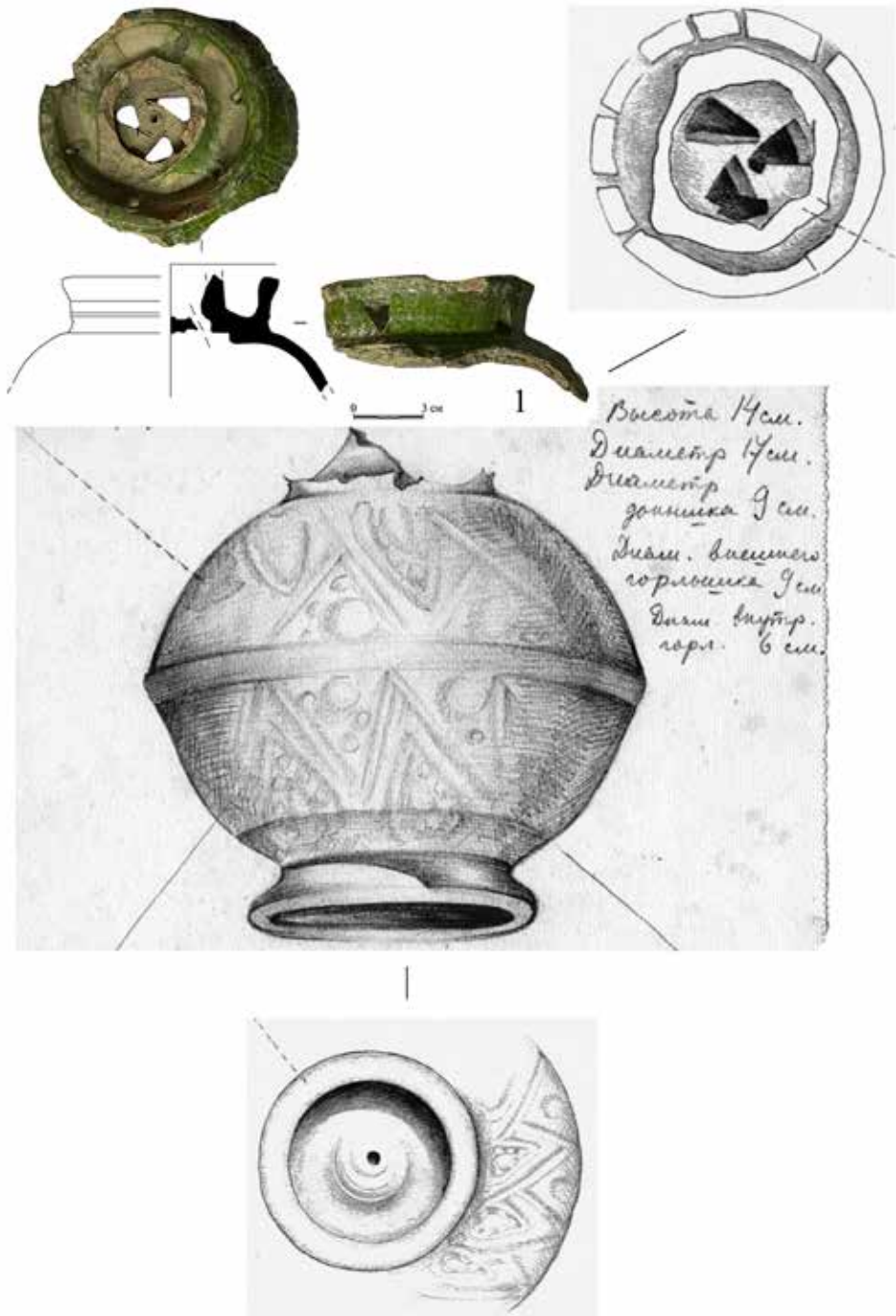


Рис. 3. Фрагменты штампованных кувшинов с фильтрами и воротниками с «подзорами» из собрания экспедиции 1925–1928 гг. под руководством О. Н. Акчокраклы и У. Боданинского [по: 4, с. 307–308]

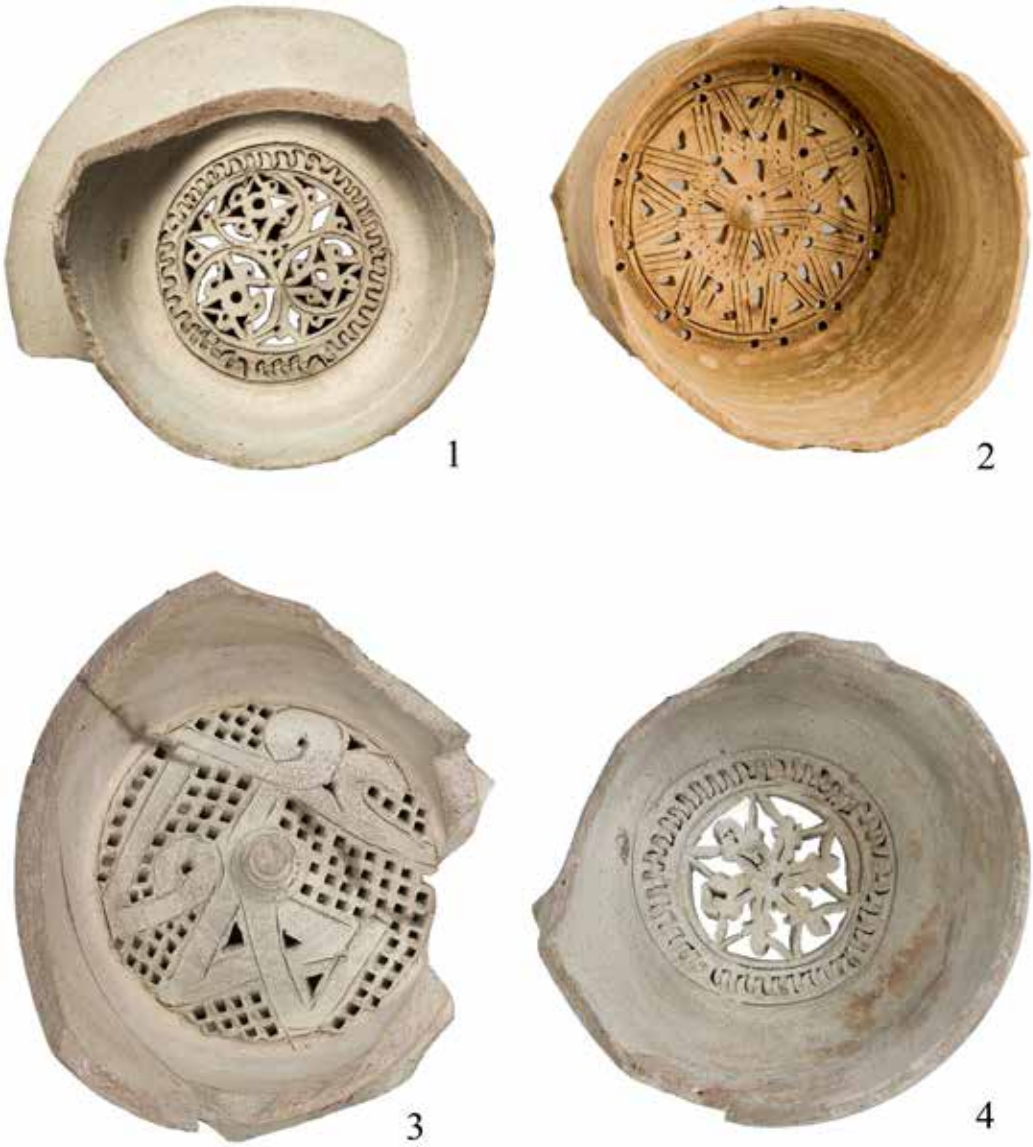


Рис. 4. Аналогии т.н. фильтров от кувшинов с сайта музея Метрополитен (*3, 4*), интернет-ресурса «Museum With No Frontiers» (*1*) и сайта музея Мичиганского университета (*2*)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахмедов Г.М. Неполивная керамика Орен-Кала IX–XIII вв. (по материалам раскопок 1953–1955 гг.). // Труды Азербайджанской (Орен-Калинской) археологической экспедиции. Том I. 1953–1955 гг. / Отв. ред. А.А. Иессен. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 186–227. (МИА. № 67).
2. Ахмедов Г.М. Средневековый город Байлакан. Баку: Элм, 1979. 143 с.
3. Бочаров С.Г., Масловский А.Н. Наиболее массовые типы поливных импортов крымского производства и некоторые вопросы торговли в Восточной Европе в XIV в. // Поволжская археология. 2015. № 4 (14). С. 189–200.
4. Боданинский У. Собрание сочинений. Том III. Материалы: дневники экспедиций, экспедиций, рисунки, планы, отчеты и др. Бахчисарайского дворца-музея (1920–1934). Казань, Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2020. 544 с.
5. Булатов Н.М. К вопросу о становлении керамического ремесла в золотоордынских городах // Вестник МГУ. 1969. № 2. С. 46–59.
6. Волков И.В. Керамика Азова XIV–XVIII вв. (Классификация и датировка): Автореф. дисс. … канд. ист. наук: 07.00.06. М., 1992. 24 с.
7. Волков И.В., Панина Э.Л. Штампованная керамика золотоордынских городов // Средняя Азия. История. Археология. Культура. Материалы конференции, посвященной 50-летию научной деятельности Г.В. Шишкиной. М.: Государственный музей Востока, 2001. С. 89–91.
8. Кверфельд Э.К. Керамика Ближнего Востока: руководство к распознанию и определению керамических изделий. Государственный Эрмитаж. Л., 1947. 146 с.
9. Коваль В.Ю. Керамика Востока на Руси IX–XVII вв. М.: Наука, 2010. 269 с.
10. Крамаровский М.Г. Человек средневековой улицы. Золотая Орда. Византия. Италия. СПб.: Евразия, 2012. 544 с.
11. Крым в золотоордынский период. Крымский Юрт Золотой Орды: наследие исчезнувшей империи: каталог выставки. Симферополь: Тарпан, 2016. 160 с.
12. Лопан О.В. Поливная посуда группы Юго-восточного Крыма с раскопа CXCIV в Болгаре // Вестник науки. 2024. № 10 (79). Т. 2. С. 390–395.
13. Майко В.В. Штампованные кувшины Сугдеи // МАИЭТ. 2022. Вып. XXVII. С. 420–440.
14. Масловский А.Н. Восточно-крымский поливной импорт в Золотоордынском Азаке. Вопросы хронологии // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья, X–XVIII века. Т. 2 / Ред. С.Г. Бочаров, В. Франсуа, А.Г. Ситдиков. Казань, Кишинев: Stratum plus, 2017. С. 455–490.
15. Мицишвили М.Н. Поливная керамика в древней Грузии (IX–XIII вв.). Тбилиси: Хеловнеба, 1969. 85 с. (на груз. языке).
16. Полубояринова М.Д. Торговля Болгара // Город Болгар: культура, искусство, торговля / Отв. ред. П.Н. Старостин. М.: Наука, 2008. С. 26–102.
17. Якобсон А.Л. Художественная керамика Байлакана (Орен-Кала) // Труды Азербайджанской (Орен-Калинской) археологической экспедиции. Том I. 1953–1955 гг. / Отв. ред. А.А. Иессен. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 51–147. (МИА. № 67).

REFERENCES

1. Akhmedov G.M. Unglazed ceramics of Oren-Kala, 1st–13th centuries (based on excavations of 1953–1955). A.A. Iessen (ed.), *Trudy Azerbaidzhanskoi (Oren-Kalinskoi) arkheologicheskoi ekspeditsii. Tom I. 1953–1955 gg.* [Works of the Azerbaijan (Oren-Kala) archaeological expedition. Volume I. 1953–1955]. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1959, pp. 186–227. (Materials and research on the archeology of the USSR, vol. 67).
2. Akhmedov G.M. *Srednevekovyi gorod Bailakan* [The medieval city of Baylakan], Baku, 1979, 143 p.
3. Bocharov S.G., Maslovskii A.N. The most widespread types of irrigated imports of Crimean production and some issues of trade in Eastern Europe in the 14th century. *Povolzhskaia arkheologiia* [Volga Region archeology], 2015, no. 4 (14), pp. 189–200.
4. Bodaninsky U. *Sobranie sochinenii. Tom III. Materialy: dnevniki ekspeditsii, ekspeditsii, risunki, plany, otchety i dr. Bakhchisaraiskogo dvortsa-muzeia (1920–1934)* [Collected Works. Volume III. Materials: expedition diaries, expeditions, drawings, plans, reports, etc. of the Bakhchisarai Palace Museum (1920–1934)]. Kazan, Simferopol, Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan Publ., 2020, 544 p.
5. Bulatov N.M. On the Formation of Ceramic Crafts in the Golden Horde Citieskh. *Vestnik MGU* [Moscow State University Bulletin], 1969, no. 2, pp. 46–59.
6. Volkov I.V. *Keramika Azova XIV–XVIII vv. (Klassifikatsiia i datirovka)* [Ceramics of Azov, 14th–18th centuries (Classification and dating)], Abstract of dissertation... Cand. of Historical Sciences: 07.00.06, Moskow, 1992, 24 p.

7. Volkov I.V., Panina E.L. Stamped ceramics of the Golden Horde cities. *Sredniaia Aziia. Istoriia. Arkheologiia. Kul'tura. Materialy konferentsii, posviashchennoi 50-letiiu nauchnoi deiatel'nosti G.V. Shishkinoi* [Central Asia. History. Archaeology. Culture. Proceedings of the conference dedicated to the 50th anniversary of the scientific activity of G.V. Shishkina]. Moscow, State Museum of the East Publ., 2001, pp. 89–91.
8. Kverfel'd E.K. *Keramika Blizhnego Vostoka: rukovodstvo k raspoznaniiu i opredeleniiu keramicheskikh izdelii* [Ceramics of the Middle East: A Guide to Recognizing and Identifying Ceramic Wares]. The State Hermitage Museum, Leningrad, 1947, 146 p.
9. Koval' V.Iu. *Keramika Vostoka na Rusi IX–XVIII vekov* [Ceramics of the East in Russia 9th–18th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 2010, 269 p.
10. Kramarovsky M.G. *Chelovek srednevekovoi ulitsy: Zolotaia Orda, Vizantiia, Italiia* [A man of the medieval street. Golden Horde. Byzantium. Italy]. St. Petersburg, Evraziia Publ., 2012, 545 p.
11. *Krym v Zolotoordynskii period. Krymskii Iurt Zolotoi Ordy: nasledie ischeznuvshei imperii. Katalog vystavki* [Crimea in the Golden Horde period. Crimean Yurt of the Golden Horde: the legacy of a vanished empire. Exhibition catalog]. Simferopol, Tarpan Publ., 2016, 160 p.
12. Lopan O.V. Glazed ware of the South-Eastern Crimean group from excavation site CXCIV in Bolgar. *Vestnik nauki* [Bulletin of Sciences], 2024, no. 10 (79), vol. 2, pp. 390–395.
13. Maiko V.V. Stamped jugs of Sugdeya. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2022, vol. 27, pp. 420–440.
14. Maslovskii A.N. East Crimean Imported Glazed Ceramics in Azak, a Golden Horde City. Questions of Chronology. S. Bocharov, V. François, A. Sitdikov (eds.), *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia, X–XVIII veka* [Glazed Pottery of the Mediterranean and Black Sea Regions, 10th–18th Centuries], vol. 2, Kazan, Kishinev, Stratum plus Publ., 2017, pp. 455–490.
15. Mitsishvili M.N. *Polivnaia keramika v drevnei Gruzii (IX–XIII vv.).* [Glazed ceramics in ancient Georgia (9th–13th centuries)]. Tbilisi, Helovneba Publ., 1969, 85 p. (in Georgian).
16. Poluboiarinova M.D. Bolgar Trade. P.N. Starostin (ed.), *Gorod Bolgar: kul'tura, iskusstvo, torgovlia* [The City of Bolgar: Culture, Art, Trade], Moscow, Nauka Publ., 2008, pp. 26–102.
17. Iakobson A.L. Artistic ceramics of Baylakan (Oren-Kala). A.A. Iessen (ed.), *Trudy Azerbaidzhanskoi (Oren-Kalinskoi) arkheologicheskoi ekspeditsii. Tom I. 1953–1955 gg.* [Works of the Azerbaijan (Oren-Kala) archaeological expedition. Volume I. 1953–1955]. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1959, pp. 51–147. (Materials and research on the archeology of the USSR, vol. 67).

Информация об авторе

Сейдалиева Д. Э. – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского; старший научный сотрудник Научно-исследовательского института крымскотатарской филологии, истории и культуры этносов Крыма Крымского инженерно-педагогического университета имени Февзи Якубова, Researcher ID: AAH-7797-2019.

Author information

Seidalieva D. E. – Candidate of Science (History), Junior Researcher at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University; Senior Researcher, Research Institute of Crimean Tatar Philology, History and Culture of the Ethnic Groups of Crimea, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University, Researcher ID: AAH-7797-2019.

DOI: 10.29039/2413-189X.2025.30.396-411

КОСТОРЕЗНОЕ РЕМЕСЛО ГОРОДИЩА СОЛХАТ ПО МАТЕРИАЛАМ СТАРОКРЫМСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Эмиль Исаевич Сейдалиев
Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова;
Институт археологии Крыма РАН, Симферополь, Россия;
Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Россия
codexcummanicus@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-2822-3930

Аннотация. Производство изделий из кости и рога было одним из наиболее развитых ремесел в эпоху Средневековья. На территории археологических памятников Золотой Орды и Крымского ханства находки продукции косторезов встречаются часто. Однако в письменных источниках это ремесло освещено достаточно скудно. В связи с этим, об основных аспектах развития косторезного ремесла и производящихся изделиях остается судить лишь по данным археологических источников. Исследователи редко обращаются к анализу косторезного ремесла специально, хотя в последнее время такие работы появляются все чаще. В основном в работах публикуются отдельные знаковые находки, определяется функциональное назначение изделий из кости и рога, хронологическая атрибуция, вопросы заготовки сырья, реже инструментальный набор ремесленников. Среди находок по функциональному назначению традиционно выделяют: детали предметов вооружения и конского снаряжения, орудия труда, предметы быта, детали туалета, одежды и украшения, предметы культового назначения, предметы для игр и изделия неясного назначения, куда также обычно добавляют заготовки. В настоящей публикации рассмотрено 64 предмета из кости и рога, происходящие из раскопок городища Солхат (XIII–XVIII вв.) в 1991–2021 гг. Большинство предметов происходят из закрытых комплексов второй половины XIII – XIV в. и характеризуют развитие косторезного ремесла золотоордынского Солхата, как весьма развитую отрасль. Наличие среди материалов обработанных раковин крупных морских моллюсков, привезенных из дальних регионов, а также предметов, изготовленных на токарном станке, может свидетельствовать о присутствии профессиональных резчиков по кости и существовании на территории городища не одной косторезной мастерской.

Ключевые слова: Золотая Орда, Крым, Солхат, косторезное ремесло, изделия из кости и рога

Благодарности: Автор выражает искреннюю благодарность ведущему научному сотруднику Государственного Эрмитажа, доктору исторических наук М. Г. Крамаровскому за предоставленную возможность обработки и публикации археологических материалов и научному сотруднику НИЦ истории и археологии Крыма КФУ им. В.И. Вернадского Д. Э. Сейдалиевой за помощь в подготовке иллюстраций.

BONE-CARVING INDUSTRY IN THE ANCIENT TOWN OF SOLKHAT ACCORDING TO THE MATERIALS OF THE STARYI KRYM ARCHAEOLOGICAL EXPEDITION

Emil' I. Seidaliev
Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University;
Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia;
Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia
codexcummanicus@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-2822-3930

Abstract. The making of bone and horn artefacts was one of the most developed industries in the Middle Ages. The products of bone-carvers are frequently found at the archaeological sites of the Golden Horde and the Crimean Khanate. However, written sources supply but little information on the industry in question. In this regard, the main aspects of the development of the bone-carving industry and its products are to be studied by archaeological sources only. Although the researchers rarely analyse the bone-carving industry, its studies appear more frequently these days. As a rule, the studies in possession publish individual out-

standing finds, discuss the functional purpose of bone and horn artefacts, their chronological attribution, issues of harvesting raw materials, and, less often, the tool set of artisans. Taking the functional purpose of the finds into account, the researchers traditionally distinguish details of weapons and horse tack, tools, household items, toilet articles, clothing and jewelry parts, worship elements, gaming pieces, products of unknown purpose, as well as blank pieces. This publication examines 64 bone and horn artefacts originating from the 1991–2021 excavations at the ancient town of Solkhat (thirteenth to eighteenth centuries). Most of the artefacts in question originate from closed assemblages dating from the second half of the thirteenth and fourteenth century, characterizing the development of the bone-carving in Solkhat in the Golden Horde Period as a highly developed industry. The presence among the materials of processed shells of large marine mollusks brought from distant regions, as well as lathed artifacts may indicate the existence of professional bone-carvers and more than one bone-carving workshop in the ancient town.

Keywords: Golden Horde, Crimea, Solkhat, bone-carving industry, bone and horn ware

Acknowledgments: The author is sincerely grateful to DSc M. G. Kramarovsky, leading researcher at the State Hermitage Museum, for the permission to study and publish archaeological materials, and to D. E. Seidalieva, researcher at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre at the V. I. Vernadsky Crimean Federal University for her assistance in preparing the illustrations.

Косторезное ремесло являлось одной из важнейших составляющих хозяйственной деятельности населения Золотой Орды и Крымского ханства [10, с. 563]. В то же время следует отметить, что оно достаточно скудно освещено в письменных источниках. В связи с этим, об основных аспектах развития косторезного ремесла и производящихся изделиях остается судить лишь по данным археологических источников.

В то же время производство изделий из рога и кости памятников эпохи средневековья, в том числе и золотоордынского культурного круга, неоднократно становилось объектом исследований в отечественной и зарубежной литературе. Исследователи часто обращаются к вопросам производства изделий косторезного ремесла в эпоху древности и средневековья. Однако, что касается средневековых памятников Крыма, то работы, в которых отдельное внимание уделяется этой группе материала, не многочисленны. В данном контексте следует упомянуть публикации А. А. Душенко, посвященные косторезному делу Мангупского городища [4; 5; 6; 7; 8]. Автор справедливо отмечает, что исследователи, обращающиеся к данной теме, в основном акцентируют внимание на функциональном назначении предметов и их хронологической атрибуции, опуская вопросы сырья, технологических приемов и, добавим, анализа инструментального набора для производства. Отметим также, что в работах часто опущена культурная атрибуция отдельных изделий, которая в действительности затруднена из-за очень широкого ареала использования и хронологии бытования часто типичных предметов из кости и рога.

Традиционно изделия из кости и рога условно делятся по функциональному назначению на следующие группы: детали предметов вооружения и конского снаряжения, орудия труда, предметы быта, детали туалета, одежды и украшения, предметы культового назначения, предметы для игр и изделия неясного назначения, куда также обычно добавляют заготовки.

Важным вопросом, требующим специального рассмотрения в рамках отдельной публикации, является выявление и атрибуция инструментов для обработки рога и кости. Исследователи в основном определяют набор инструментов костореза по конструктивным особенностям изделий и аналогиям [5, с. 91], что характерно для большинства средневековых памятников Крыма, с учетом слабо опубликованной источниковой базой в виде выявленных специализированных мастерских. Отметим, что использование инструментов регламентировалось техникой и технологией производства. Вкратце выделим некоторые из инструментов, без детального рассмотрения. В первую очередь, это приспособления для нарезки или разделения сырья на заготовки, к которым исследователи относят пилу, топор и нож. Следы использования этих инструментов часто фиксируются на отдельных изделиях и заготовках. Вероятно, с помощью ножа изделие обстругивали, затачивали и применяли другие технические операции. Также важным техническим приемом обработки являлось сверление. Отверстие могли наносить с помощью сверла или ножа. Другим важным инструментом был токарный станок, с помощью которого изготавливались объемные вещи с правильной фор-

мой. Форму изделию придавали с помощью различных резцов. Для изготовления дисков и пуговиц могли использовать пилы-коронки [8, с. 338, 352]. Для шлифовки и полировки изделия применялись различные природные абразивные материалы, а для нанесения орнамента – резцы и специальные инструменты (как в случае с так называемым «циркульным» орнаментом) [5, с. 94].

Как правило, в ходе археологических исследований функциональное назначение тех или иных предметов возможно определить либо по прямым аналогиям, либо по месту обнаружения. В настоящий момент, в соответствии с публикациями М. Г. Крамаровского, на территории Солхата была выявлена одна косторезная мастерская, в которой были выявлены три раковины – две, относящиеся к разным видам семейства тридакновых, и одна спиральная семейства стромбид [12, с. 100, кат. 732, 733, 734; 11, с. 380]. Вероятно, тут раковины опиливались, верхний слой обдирался и зашлифовывался, получались полуфабрикаты, из которых впоследствии производились сосуды в окантовке из драгоценных металлов или музыкальные инструменты [22, илл. 92, 99]. К сожалению, материалы из солхатской мастерской опубликованы лишь частично и особенности производства детально реконструировать пока не представляется возможным. Поэтому, до отдельного специального исследования некоторые металлические предметы мы можем относить к инструментам костореза условно и по аналогиям. Нельзя исключать, что производство костяных изделий в Солхате могло носить и кустарный или домашний характер, о чем говорит наличие среди находок на всех раскопах городища как сырьевых заготовок различных этапов производства и готовых изделий, так и отходов производства.

Хронологические границы нашего исследования определены в рамках существования и развития на территории городища традиционной культуры золотоордынского населения и населения эпохи Крымского ханства. В данном случае мы можем высказать предположение, что на протяжении периода со второй половины XIII до последней трети XVIII в. особенности производства изделий из кости и рога не менялись или менялись незначительно, в отличие от других отраслей ремесленного производства.

Сырьевая база для производства изделий из кости на территории Солхатского городища представлена в основном костным материалом крупного и мелкого рогатого скота, судя по составу разводимых в городе и в его округе домашних животных [30; 31]. В настоящее время мы еще не определяли, применялся ли для производства плотный рог диких копытных животных, но аналогичное сырье применялось на других объектах, что может косвенно указывать на использование его и на территории городища Солхат. Отметим единичную находку амулета из клыка кабана (рис. 4,*б*).

Изделия, обнаруженные в ходе раскопок на территории Солхатского городища, делятся традиционно на группы, в соответствии с вышеприведенными схемами по функциональному назначению.

Коллекция костяных изделий из раскопок городища Солхат насчитывает порядка нескольких сотен единиц. В данной публикации мы остановимся на части наиболее показательных находок, отобранных из ряда археологических комплексов, исследованных на территории городища в ходе работ Старокрымской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа (далее – СКАЭГЭ), Института археологии Крыма РАН и Крымского инженерно-педагогического университета. Всего в настоящей статье рассмотрено 64 костяных изделия, выявленных в ходе раскопок 1991–2021 гг. Большинство изделий были обнаружены на территории караван-сарая Солхата (25 единиц). Архитектурно-археологический комплекс караван-сарая впервые был исследован в ходе экспедиции Всесоюзной научной ассоциации востоковедения в 1925 году. Впоследствии к работам на объекте приступила археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа (1987–1994 гг.). По материалам раскопок М. Г. Крамаровский выделил три периода функционирования объектов на территории караван-сарая. Большинство костяных изделий происходит из раскопок ремесленной мастерской, время бытования которой приходится на вторую половину XIV в. (до строительства самого караван-сарая) [17, с. 11; 18, с. 10].

Еще десять предметов отобрали среди находок, выявленных в ходе раскопок на территории поселения Кринички II, расположенного к северу от Старого Крыма. Поселение дати-

руется второй половиной XIII – первой четвертью XV в. (авторы раскопок допускают, что поселение доживает до конца XV в.) [13, с. 179].

По пять единиц костяных изделий отобрали из комплексов ремесленного поселения Бокаташ II (раскопы XX–XXII) и раскопа 44. Гончарное поселение Бокаташ II расположено на расстоянии 1,4 км к юго-востоку от городища Солхат и датируется концом XIII – XV в. Раскоп 44 был заложен в 2016 г. в северо-восточной части городища в ходе спасательных исследований на месте прокладки магистрального водопровода [16, с. 14]. В соответствии со стратиграфическими наблюдениями, объекты (зольник и хозяйственные ямы), в которых были обнаружены костяные изделия, датируются XIV–XV вв. [16, с. 18].

Четыре костяных изделия были отобраны в ходе анализа археологического материала из раскопок комплекса Куршун-джами (Свинцовая мечеть, раскоп XI и XIa), который датируется в пределах второй половины XIV – начала XV в. Три предмета происходят из раскопа 46, который был заложен в 2017 г. в северной части городища на склоне отрога горы Малый Агармыш, в 50 м к югу от бетонной дороги, ведущей к Старокрымскому карьеру [21, с. 11–12].

Два предмета были обнаружены в ходе раскопок на территории могильника в юго-восточной части городища (раскоп XLIX). Столько же костяных изделий было отобрано из шурфа 7, заложенного в 2018 г. неподалеку от бани. По одному предмету было найдено в шурфах, заложенных в разное время в различных частях г. Старый Крым и его округи, а также на территории раскопа 39 в границах архитектурно-археологического комплекса медресе-мечети хана Узбека в 2015 г. Впервые раскопки на территории этого комплекса были начаты в 1925 г. силами все той же Всесоюзной научной ассоциации востоковедения и продолжались с перерывами в 1978–2023 гг., когда к работам на объекте приступила археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа, с 2009 г. совместно с Крымским инженерно-педагогическим университетом и Институтом археологии Крыма РАН.

К *деталям вооружения* относятся цельные и составные изделия в виде накладок на рукояти ножей. Это, как правило, продолговатые округлые или овальные в поперечном сечении предметы, с заполированной поверхностью, иногда украшенные различными геометрическими орнаментами (рис. 2,*2–5)*. Ряд исследователей относит их к группе бытовых предметов, учитывая универсальное назначение ножей – это допустимо. Среди предметов этой группы выделяется фрагмент полого сфероконического костяного изделия (рис. 1,*1*). Традиционно такие предметы большинством исследователей относятся к насадкам на стрелы [10, с. 279; 24, с. 219], в то же время назначение таких насадок до настоящего времени остается предметом дискуссий. Наиболее популярной и общепризнанной является версия, что эти предметы при полете стрелы издавали свист, пугающий неприятеля и его лошадей. Отметим также версии использования насадки в качестве контейнера для зажигательной смеси и в качестве крепежа для горящей пакли. Продолговатые костяные изделия с треугольным окончанием, вероятно, заготовки для рукоятки ножей, были обнаружены при раскопках на территории караван-сарая (рис. 2,*1–3*). Две пластины каплевидной или овальной формы с отверстием в центре традиционно относят к звеньям наборных рукояток ножей [2, с. 177]. Кроме того, выделяются рукояти, сохраняющие форму рога, с отверстием в широкой части, куда, вероятно, вставлялся черешок ножа (рис. 2,*4*). В большинстве своем, точно определить назначение таких рукоятей достаточно затруднительно. Существует предположение о применении аналогичных предметов для стреноживания коня. Допустим также, что они могут быть рукоятями шильев или других инструментов.

Орудия труда и предметы быта представлены рукоятками ножей, игольниками, юрками. Игольники представляют собой цилиндрические (или овальные в поперечном сечении) предметы, выполненные из полой кости мелких животных. Как правило, эти изделия хорошо отполированы внутри и снаружи, внешняя поверхность может быть орнаментирована. Распространены были эти предметы с древности и до нового времени в достаточно обширном ареале, культурная принадлежность их также разнообразна. Использование их неоднократно описано в археологической и этнографической литературе [29, с. 11; 28, с. 78–80, рис. 37]. Среди солхатских находок игольники не редки. Выделим в настоящей публикации один экземпляр, украшенный циркульным орнаментом (рис. 3,*1*).

Предмет, атрибутированный как юрок, был выявлен в пределах раскопа 44 в хозяйственной яме (рис. 3,*12*). Он представляет собой цилиндрическое изделие из трубчатой кости, хорошо отполированное с внешней стороны и обработанное изнутри. Ближе к одному из концов изделия пропилены арочные отверстия. Эти предметы на памятниках археологии встречаются достаточно часто, имеют широкую датировку, а функциональное назначение их хорошо известно [28, с. 74–77].

К орудиям труда мы, с некоторой долей вероятности, можем отнести предмет, условно названный – лощило (рис. 2,*5*). Аналогии известны на средневековых памятниках [28, с. 88, рис. 41]. Нельзя исключать, что это отбракованное в ходе производства изделие изначально должно было стать рукояткой ножа.

К *деталям одежды* традиционно относят плоские дисковидные предметы с отверстием в центре, предположительно пуговицы или декоративные нашивки (рис. 3,*2–8*). А. А. Душенко считает, что интерпретация этих предметов как пуговиц наиболее аргументирована. Однако добавим, что среди находок на территории Солхата встречаются костяные дисковидные предметы с отверстием не только в центре, но и на краях, что позволяет их отнести к категории нашивок (рис. 2,*2*). Подобные нашивки на одежду известны, как на других синхронных, в том числе золотоордынских, памятниках, так и среди этнографического материала [3]. К пуговицам также можно отнести круглые изделия из кости, трапециевидные или полукруглые в сечении (рис. 2,*9–11*). Поверхность их украшена насечками и циркульным орнаментом. Однако они могут применяться и как ворворки [25, с. 380]. К этой группе мы относим и мелкие костяные шарики, которые могут быть как пуговицами, так и частью ожерелья из бус (рис. 4,*1–2*). Ожерелье из костяных бус было обнаружено в землянке на территории караван-сарая (рис. 4,*3*).

Культовые предметы и *предметы для игр или досуга* обычно определяются исследователями в одну группу. Тут наиболее многочисленными находками являются так называемы «альчики» или «астрагалы» – таранная (или надпяточная) кость овцы или другого мелкого или крупного рогатого скота (рис. 4,*8;* 5). Встречаются также залитые свинцом экземпляры или просверленные под заливку заготовки (рис. 4,*8*). Эти предметы часто обнаруживаются среди археологических находок синхронных памятников как Крыма, так и за пределами полуострова. Известны они и среди современного этнографического материала, в основном у тюркских народов. Все исследователи традиционно относят эти предметы к игровым атрибутам. В литературе неоднократно рассматривались игры с помощью «альчика», в том числе у крымских татар [23; 26; 27]. На территории Солхатского городища выявлены в основном альчики от мелкого рогатого скота и пока известен лишь один обработанный, происходящий от крупного рогатого скота (рис. 5,*15*).

Известны были жителям Солхата и шахматы. Среди находок нам пока известен лишь один предмет, который можно отнести к шахматным фигурам, который был обнаружен при раскопках караван-сарая и может быть по аналогиям атрибутирован как пешка [1, с. 415, 421]. Он представляет собой небольшой цилиндр с округлой верхней частью и плоским основанием. Вверху и у основания на фигуру по окружности нанесены по две параллельные линии. Выявлена была эта пешка на уровне пола мастерской, которая предшествовала строительству караван-сарая, к горизонту этого же пола М. Г. Крамаровский относит и яму 4/12, которую датирует как закрытый комплекс второй половиной XIV в. [18]. Шахматные фигурки известны на ряде синхронных археологических памятников как Крыма, так и за его пределами [1, с. 415, 421; 7, с. 249, рис. 4; 9, с. 230–232].

К фишкам может быть отнесен один предмет, выявленный в ходе исследований на раскопе 44 (рис. 4,*5*). Он представляет собой плоское округлое изделие диаметром около 3 см. Такие изделия могли использоваться как для игры, так и быть заготовками для пуговиц.

К *предметам культового назначения, деталям декора или игрушкам* можно отнести фрагмент костяного изделия, обозначенного М. Г. Крамаровским как «навершие» в виде головы человека (рис. 4,*7*). «Навершие» было обнаружено на территории раскопа XII в караван-сарае, в квадрате 63 на 4 штыке. В слое также обнаружены монеты второй половины XIII – середины XIV в. Изделие представляет собой вырезанную из кости фигурку в виде

человеческой головы. Черты лица – монголоидны. Лицо и уши вырезаны на плоской поверхности, лоб высокий, прическа не фиксируется. Затылок и боковые части скульптурки округлые, переход от головы к шее вырезан в виде витого шнура, возможно, воротник или декоративный элемент прически. Аналогий данному изделию нам не известно.

Амулетом можно считать и обнаруженный на поселении Кринички II клык кабана, с просверленным в верхней части отверстием, треугольный в сечении в верхней части (рис. 4,*6*). Такие амулеты-натуралии из костей или клыков животных часто встречаются на средневековых памятниках, но иногда их атрибутируют как инструменты [28, с. 73, 111–112, рис. 32, 59].

Самую большую группу находок представляют *заготовки, брак и изделия неясного назначения*. К этой группе можно отнести и изделия, условно трактуемые некоторыми исследователями как навершия, детали мебели и тому подобное. Эти изделия представляют собой предметы, выточенные с помощью токарного станка (рис. 6,*1–3*). Они отличаются тонкостью работы, правильными формами и искусно нанесенным орнаментом. Вероятно, изготавливались из трубчатой кости. Как правило, они встречаются во фрагментах. Среди других находок отметим костяные пластины (вероятно, накладки – рис. 6,*4–6*), предметы, которые могут быть как рукоятками, так и игольниками, но фрагментарность изделий затрудняет однозначную атрибуцию (рис. 6,*5–6*).

Среди заготовок встречаются пиленые фрагменты рога и кости, заготовки для производства рукоятей ножей или кочедыков, колец для натягивания тетивы лука и т.д. (рис. 7).

Большинство предметов происходят из закрытых комплексов второй половины XIII – XIV в. и характеризуют развитие косторезного ремесла золотоордынского Солхата, как весьма развитую отрасль. Наличие среди материалов обработанных раковин крупных морских моллюсков, привезенных из дальних регионов [11, с. 380; 12, с. 100, кат. 732, 733, 734; 22, илл. 92, 99], а также предметов, изготовленных на токарном станке, может свидетельствовать о присутствии профессиональных резчиков по кости и существовании на территории городища не одной косторезной мастерской. Учитывая значительное количество различных готовых изделий, заготовок, отходов производства, следует предположить, что на территории караван-сарая, до его строительства, существовал комплексный ремесленный центр, где производилась не только керамическая продукция, но и стеклянные и костяные изделия, и который мог обеспечивать потребности представителей местной знати.

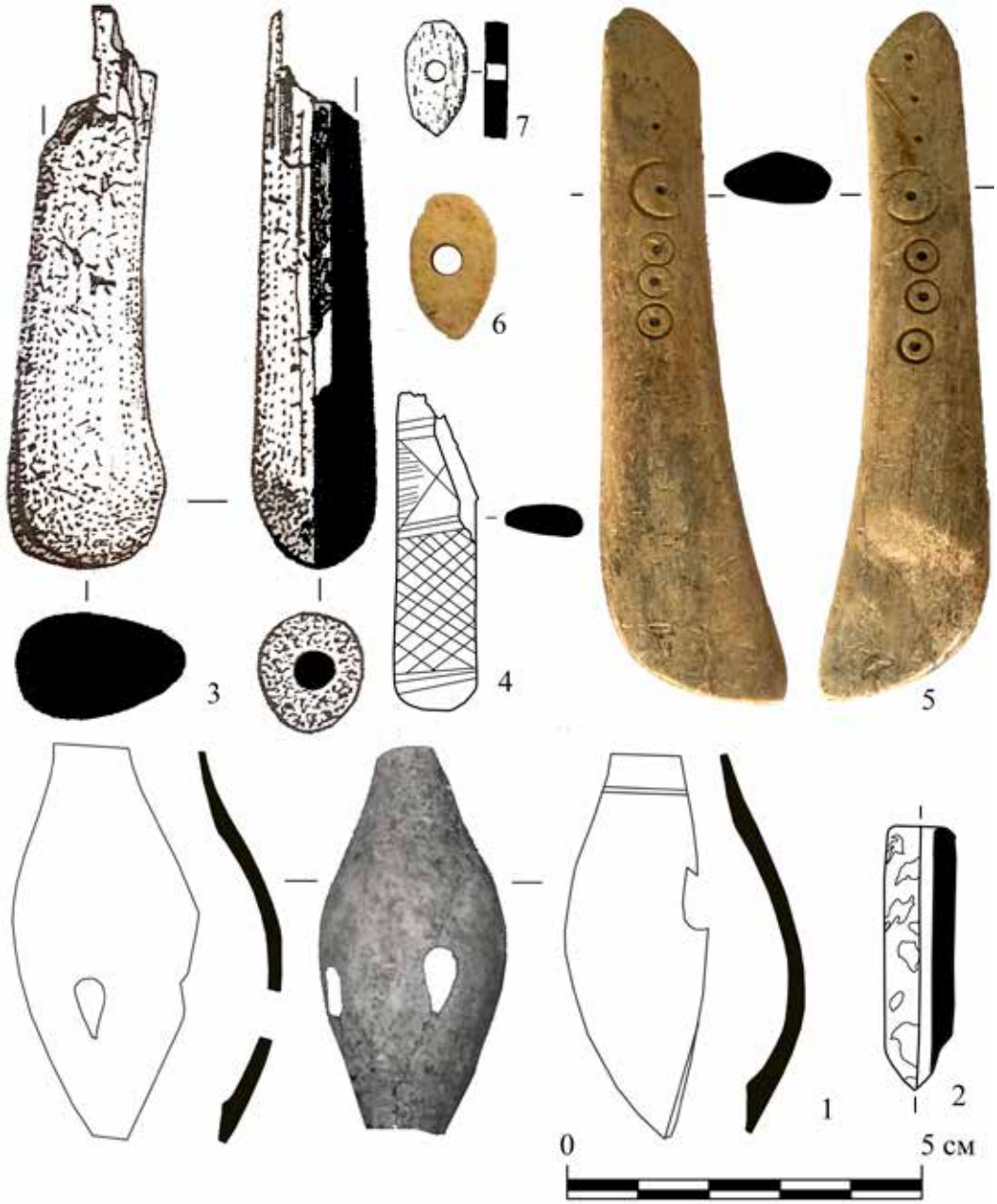


Рис. 1. Костяные детали оружия, орудий и бытовых предметов
1 – СКАЭГЭ-1991. Раскоп XII. Караван-сарай. Кв. 63. Шт. 4; *2* – СКАЭГЭ-1993. Раскоп XII. Караван-сарай. Уч. 40. Шт. 1; *3* – СКАЭГЭ-2005. Раскоп XXII. Бокаташ II. Уч. Б' 12 [по: 13, с. 201]; *4* – СКАЭГЭ-1999. Раскоп XIX. Кринички-II. Хоз. яма 1 [по: 12, с. 84]; *5* – СКАЭГЭ-2021. Шурф 9. Темно-коричневый суглинок. Заполнение; *6* – СКАЭГЭ-2017. Шурф 6. Шт. 2. К.О. 27; *7* – СКАЭГЭ-1998. Раскоп XIX. Кринички-II. Уч. В5. Хоз. яма [по: 12, с. 21]

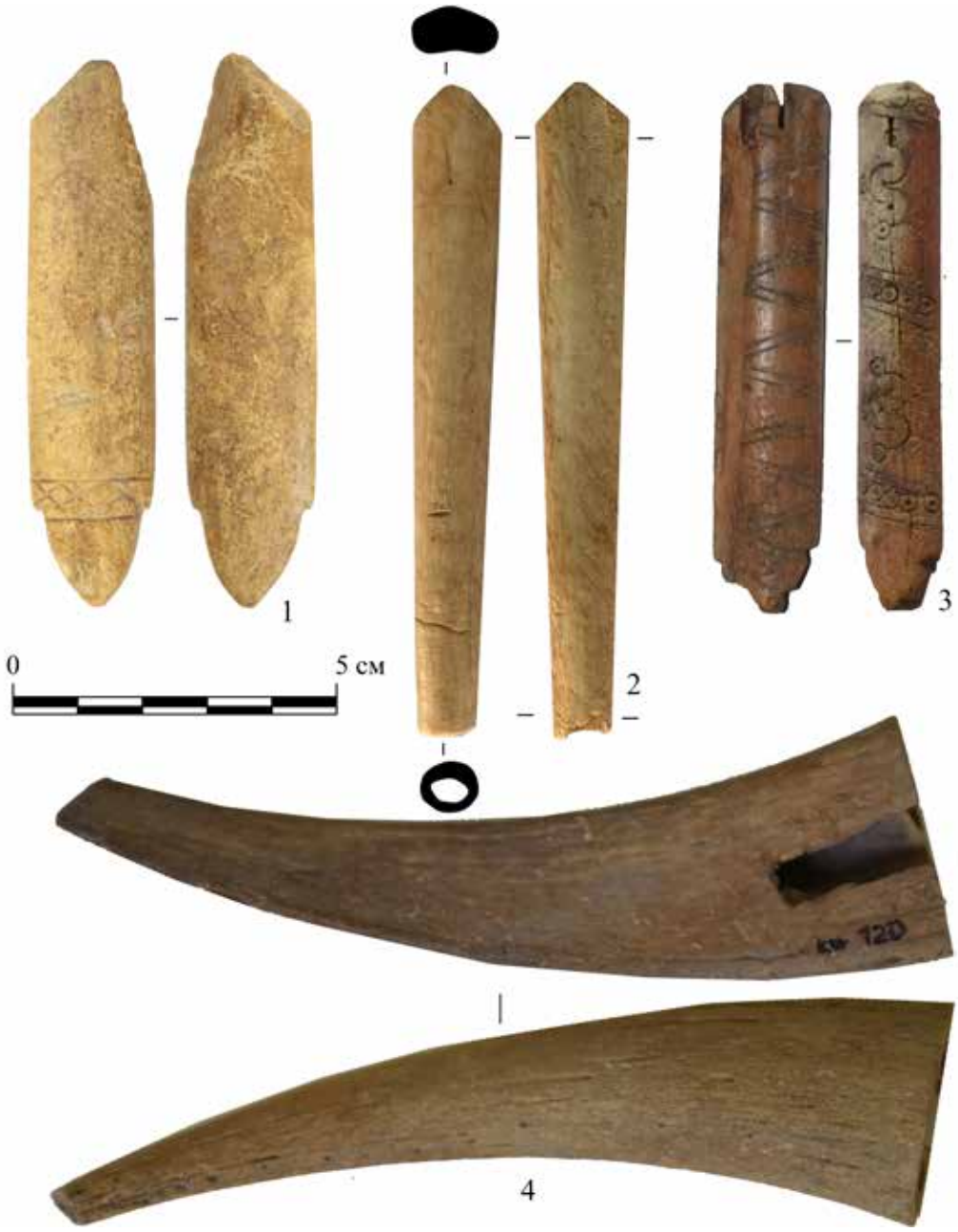


Рис. 2. Костяные детали оружия, орудий и бытовых предметов
1 – СКАЭГЭ-2017. Раскоп 46. Уч. А6. Шт. 2. К.О. 67; *2* – СКАЭГЭ-1994. Раскоп XII. Караван-сарай. Уч. 38/50. Западный угол сооружения I; *3* – СКАЭГЭ-2015. Раскоп 39. Уч. А6. Слой 5. К.О. 276.; *4* – СКАЭГЭ-2017. Раскоп 46. Уч. А4. Шт. 3. К.О. 120

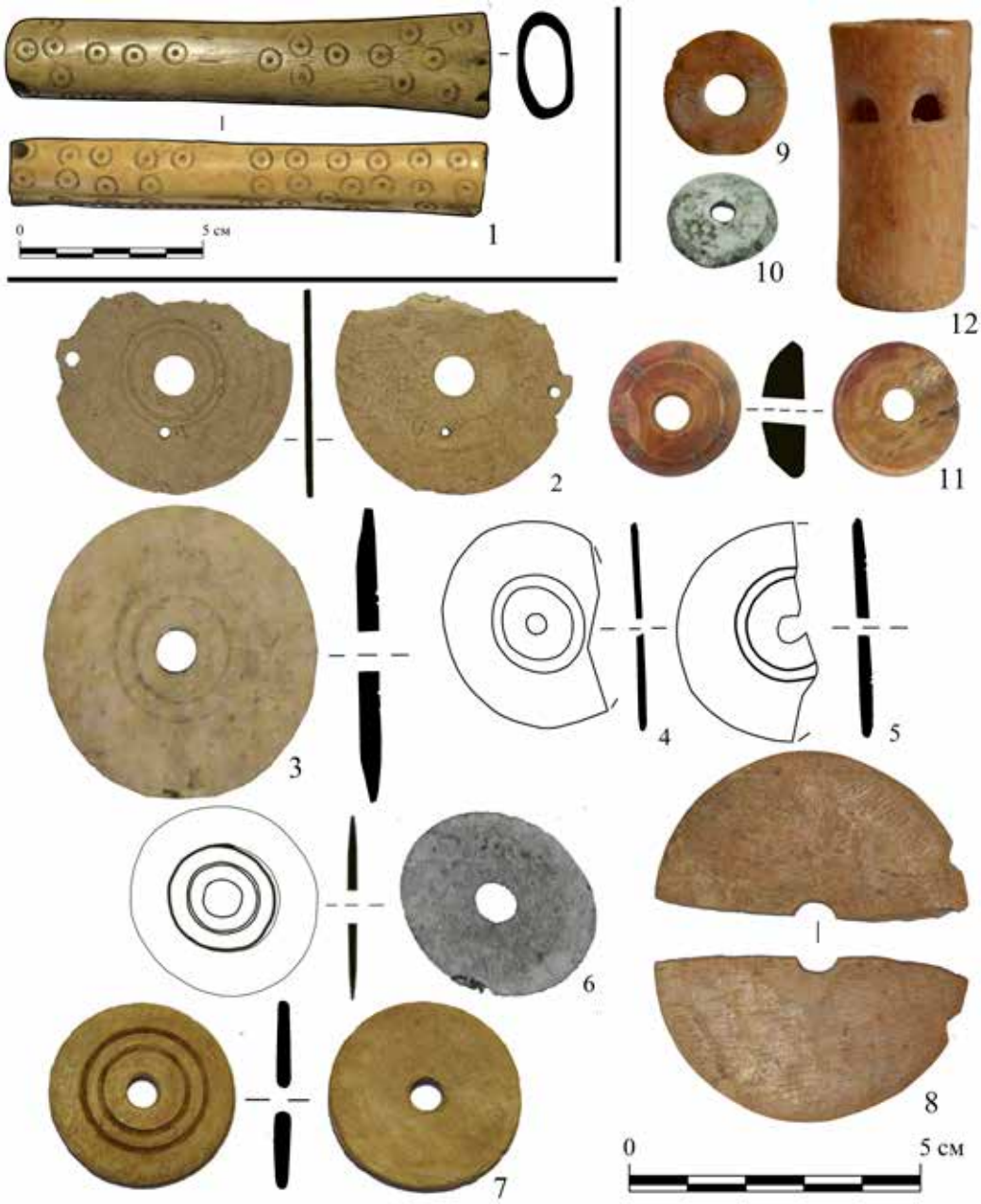


Рис. 3. Костяные детали орудий труда, бытовых предметов и одежды
1 – СКАЭГЭ-2018. Баня. Шурф 7. Колодец; *2* – СКАЭГЭ-1993. Раскоп XII. Караван-сарай. Уч. 38; *3* – СКАЭГЭ-1993. Раскоп XII. Караван-сарай. Уч. 40.; *4* – СКАЭГЭ-1994. Раскоп XI. Караван-сарай. Кв. Б1.; *5* – СКАЭГЭ-1994. Раскоп XI. Караван-сарай; *6* – СКАЭГЭ-1991. Раскоп XI. Караван-сарай. Кв. 63. Яма 5; *7* – СКАЭГЭ-2018. Баня. Шурф 7. Колодец; *8* – СКАЭГЭ-2016. Раскоп 44. Уч. Б1. Шт. 10; *9* – СКАЭГЭ-2016. Раскоп 44. Кв. В1. Яма 4; *10* – СКАЭГЭ-1992. Раскоп XI. Караван-сарай. Яма 4/12; *11* – СКАЭГЭ-1994. Раскоп XII. Караван-сарай. Уч. 38/50; *12* – СКАЭГЭ-2016. Раскоп 44. Хоз. яма 1

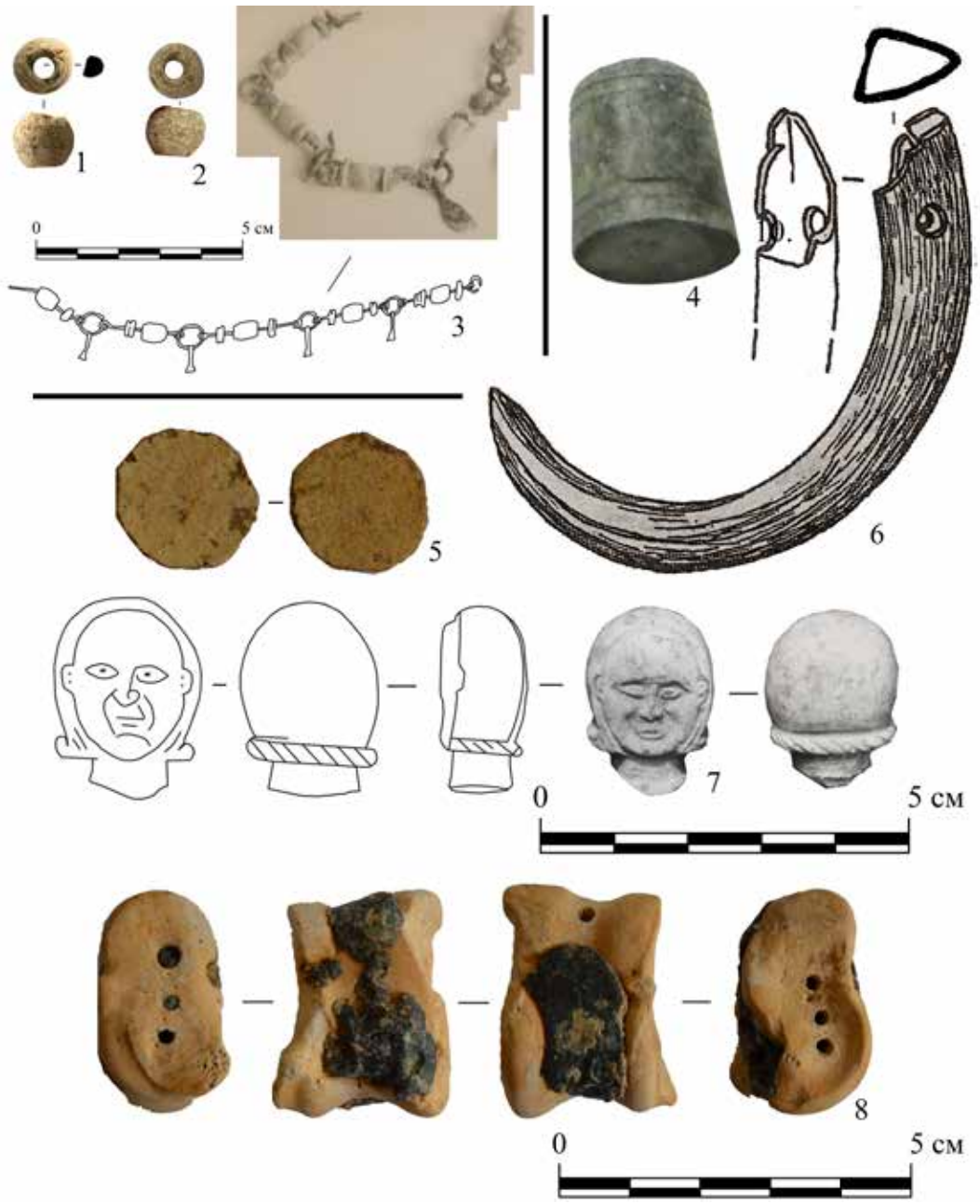


Рис. 4. Костяные украшения, культовые вещи и предметы для игр
1 – СКАЭГЭ-1994. Раскоп XII. Караван-сарай. Уч. 50. Сооружение I; *2* – СКАЭГЭ-1992. Раскоп XII. Караван-сарай; *3* – СКАЭГЭ-1993. Раскоп XII. Караван-сарай. Уч. 50. Землянка; *4* – СКАЭГЭ-1992. Раскоп XII. Караван-сарай. Яма 4/12; *5* – СКАЭГЭ-2016. Раскоп 44. Кв. В1. Яма 5. К.О. 275; *6* – СКАЭГЭ-2000. Раскоп XXI. Кринички-II. На участке 1’7-Д7. Тандыр 2 [по: 12, с. 126]; *7* – СКАЭГЭ-1991. Раскоп XI. Караван-сарай. Кв. 63; *8* – СКАЭГЭ-2016. Раскоп 44. Кв. Ж1. Яма 6

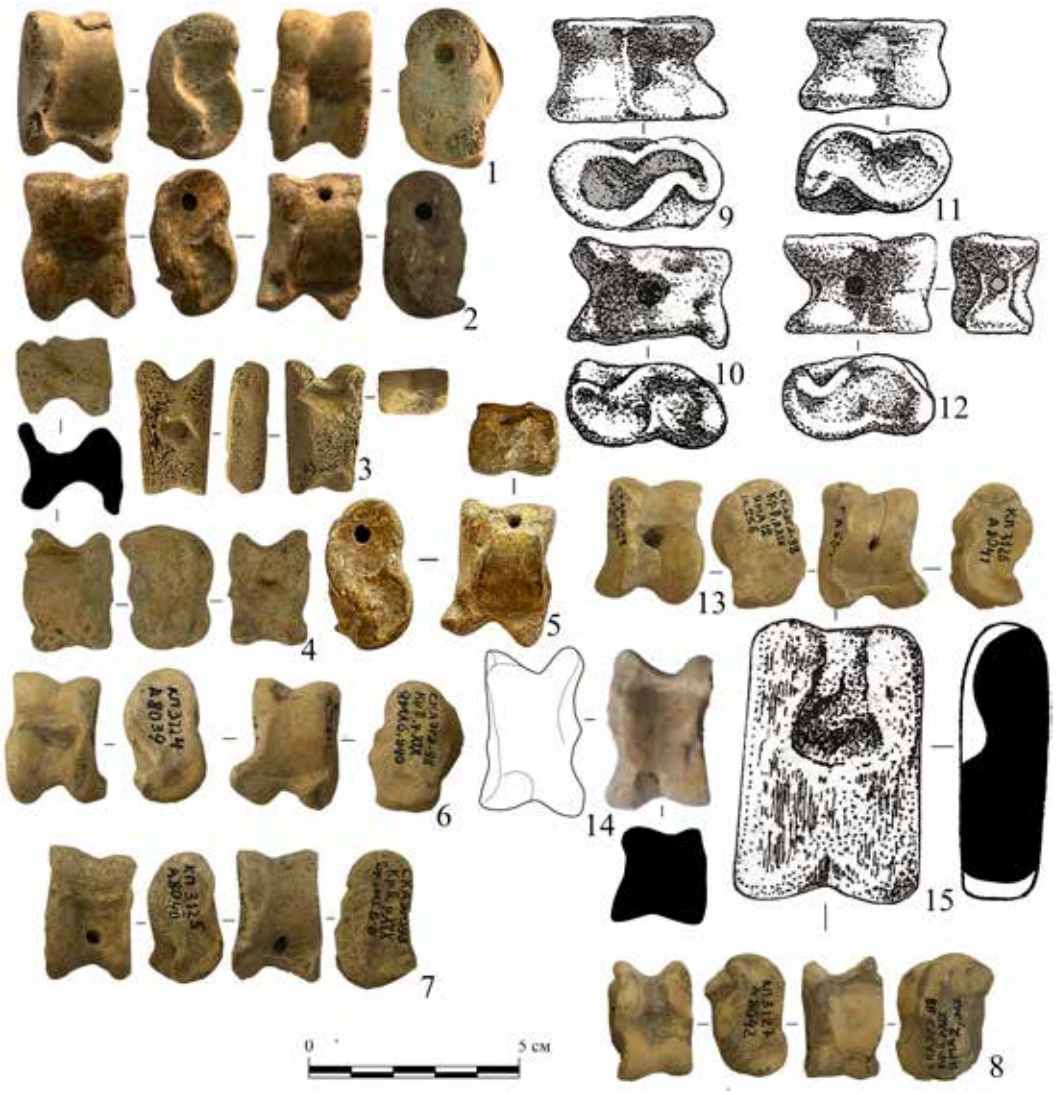


Рис. 5. Предметы для игр (?) – «альчики» (астрагалы)
1 – СКАЭГЭ-1994. Раскоп ХП. Караван-сарай. Уч. 38; *2* – СКАЭГЭ-2021. Раскоп ХIА. Куршун Джами. Уч. 1; *3* – СКАЭГЭ-2021. Раскоп ХI. Куршун Джами. Уч. 3’. Серо-коричневый суглинок. К.О. 56; *4* – СКАЭГЭ-2020. Шурф 8; *5* – СКАЭГЭ-2021. Раскоп ХIА. Куршун Джами. Уч. 1; *6* – СКАЭГЭ-1998. Кринички II. Раскоп XIX. Хоз. яма 6; *7* – СКАЭГЭ-1998. Кринички II. Раскоп XX. Бровка участков Б-В; *8* – СКАЭГЭ-1998. Кринички II. Раскоп XIX. Хоз. яма 2; *9* – СКАЭГЭ-2004. Раскоп XXII. Бокаташ II. Гончарная печь 18 [по: 14, с. 302]; *10* – СКАЭГЭ-2004. Раскоп XXII. Бокаташ II. Гончарная печь 12 [по: 14, с. 302]; *11* – СКАЭГЭ-2004. Раскоп XXII. Бокаташ II. В загородке [по: 14, с. 302]; *12* – СКАЭГЭ-2004. Раскоп XXII. Бокаташ II. Гончарная печь 12 [по: 14, с. 302]; *13* – СКАЭГЭ-1998. Кринички II. Раскоп XIX. Хоз. яма 12; *14* – СКАЭГЭ-2019. Шурф 6. Шт. 4; *15* – СКАЭГЭ-1998. Раскоп XIX. Кринички-II. Хоз. полуземлянка 3А [по: 12, с. 19]

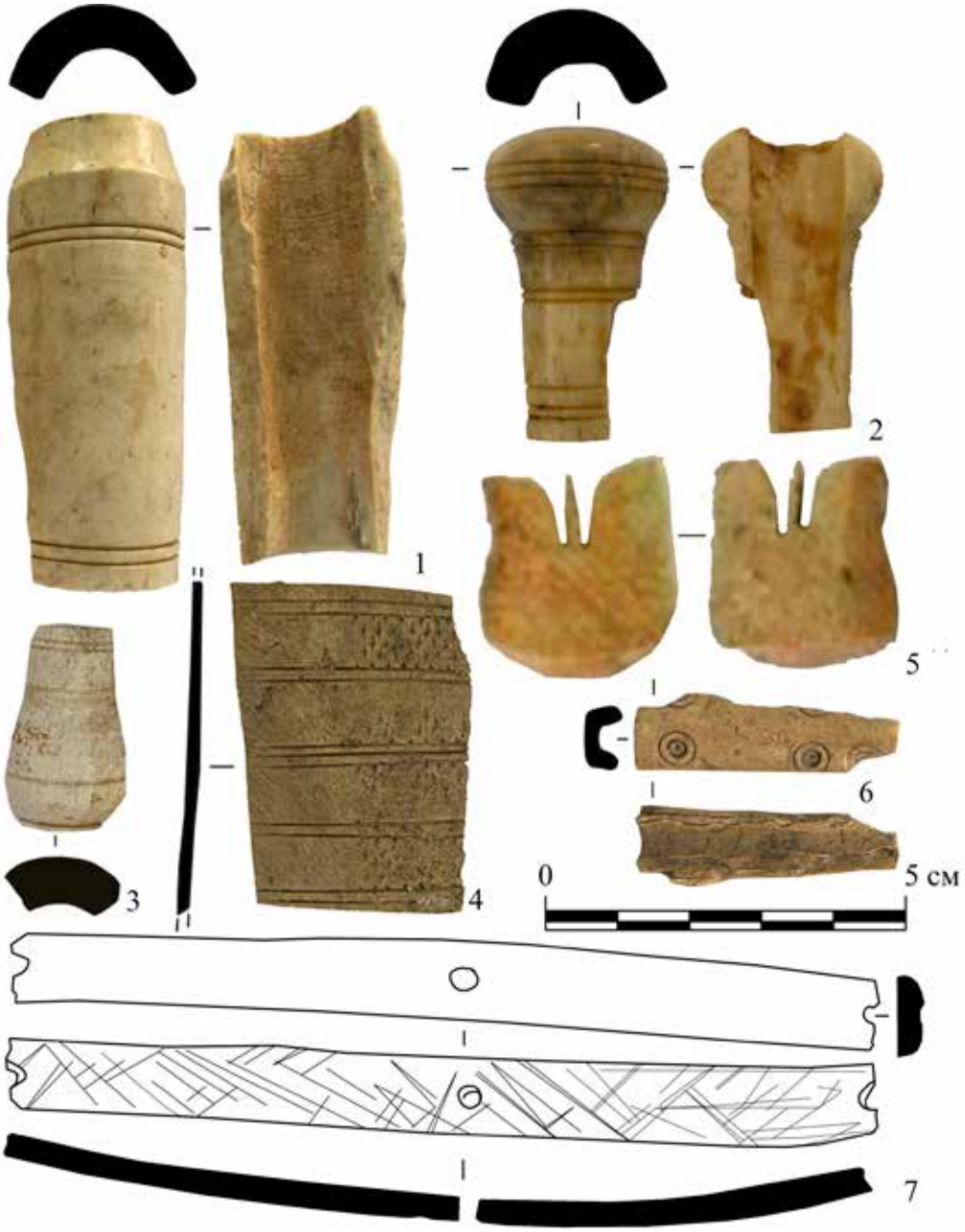


Рис. 6. Костяные детали бытовых предметов, накладки, изделия неясного назначения
1 – СКАЭГЭ-1993. Раскоп XII. Караван-сарай. Уч. 50; *2* – СКАЭГЭ-1994. Раскоп XII. Караван-сарай. Уч. 38/50. Бровка; *3* – СКАЭГЭ-2021. Раскоп XLIX. Могильник. Подъемный материал; *4* – СКАЭГЭ-2021. Раскоп XLIX. Могильник. Уч. 05/15. Яма 3; *5* – СКАЭГЭ-2017. Раскоп 46. Уч. В3. Шт. 3-4. К.О. 157; *6* – СКАЭГЭ-1994. Раскоп XII. Караван-сарай. Уч. 50. Заполнение сооружения I; *7* – СКАЭГЭ-1999. Раскоп XXI. Кринички II. Центр. бровка восток-запад [по: 12, с. 122]

Рис. 7. Заготовки из кости и рога
1 – СКАЭГЭ-1994. Раскоп XII. Караван-сарай. Уч. 50. Яма 2; *2* – СКАЭГЭ-1994. Раскоп XI. Караван-сарай. Уч. 38; *3* – СКАЭГЭ-1994. Раскоп XII. Караван-сарай. Уч. 50. Сооружение I. Яма в западном углу; *4* – СКАЭГЭ-1994. Раскоп XII. Караван-сарай. Уч. 38/50. Юго-западная стенка; *5* – СКАЭГЭ-1994. Раскоп XI. Куршум Джами. Уч. В1; *6* – СКАЭГЭ-2021. Шурф 9; *7* – СКАЭГЭ-1991. Раскоп II. Караван-сарай. Кв. 63. Яма 2; *8, 9* – СКАЭГЭ-1994. Раскоп XII. Караван-сарай. Уч. 38

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева О.А. Костяные изделия из цистерн Херсонеса (раскопки 1992 и 1997 гг.) // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII. С. 412–421.
2. Великий Болгар. М., Казань: Феория, 2013. 404 с.
3. Волков И.В., Лопан О.В. О назначении костяных дисков с золотоордынских городищ // TERRA TATARICA: Крым и тюркский мир в эпоху Средневековья и в Новое время: Сборник научных трудов Всероссийской научной конференции с международным участием. Симферополь: Ариал, 2025. С. 258–265.
4. Душенко А.А. Косторезное дело Мангупа: Дисс. … канд. ист. наук: 07.00.06 «Археология». Симферополь, 2016. 308 с.
5. Душенко А.А. Косторезное дело Мангупа: сырье, технологические приемы, инструменты // Крымское историческое обозрение. 2015. № 3. С. 74–99.
6. Душенко А.А. Изделия из кости и рога из раскопок квартала у церкви Св. Константина (Мангуп) // МАИЭТ. 2009. Вып. XV. С. 432–456.
7. Душенко А.А. Предметы из кости и рога из раскопок дворца правителей Феодоро (Мангуп) // МАИЭТ. 2015. Вып. XX. С. 233–262.
8. Душенко А.А. Костяные дисковидные пуговицы с концентрическим орнаментом из раскопок Мангупа // МАИЭТ. 2013. Вып. XVIII. С. 333–352.
9. Закирова И.А. Косторезное дело Болгара // Город Болгар: очерки ремесленной деятельности / Ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 220–243.
10. Золотая Орда в мировой истории: Коллективная монография. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 968 с.
11. Золотая Орда и Причерноморье. Уроки Чингисидской империи: Каталог выставки / Гос. Эрмитаж. М.: Фонд Мардажни, 2019. 504 с.
12. Золотая Орда. История и культура: Каталог выставки. СПб.: Славия, 2005. 264 с.
13. Крамаровский М.Г., Гукин В.Д. Золотоордынское поселение Кринички II (Результаты археологических исследований). СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. 183 с.
14. Крамаровский М.Г., Гукин В.Д. Отчет об археологических исследованиях средневекового поселения Бокаташ II в 2005 году. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. 260 с.
15. Крамаровский М.Г., Гукин В.Д. Поселение Бокаташ II (Результаты полевых исследований Золотоордынской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 2004 г.). СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2006. 313 с.
16. Крамаровский М.Г. Отчет Золотоордынской (Старокрымской) археологической экспедиции о работах на городище средневекового Солхата (г. Старый Крым) в 2016 г. Том 1. СПб., 2017. 384 с. [Рукопись].
17. Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях 1991 года на городище средневекового Солхата (Крым, Старый Крым) археологической экспедицией Государственного Эрмитажа. Старый Крым, СПб., 1991–1992. 94 с. [Рукопись].
18. Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях 1992 года на городище средневекового Солхата (Крым, Старый Крым) археологической экспедицией Государственного Эрмитажа. Старый Крым, СПб., 1992–1993. 129 с. [Рукопись].
19. Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях 1993 г. на городище Солхата (Крым) археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. СПб., 1994. 160 с. [Рукопись].
20. Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях 1994 г. на городище Солхата (Крым) археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. Старый Крым, СПб., 1995. 221 с. [Рукопись].
21. Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях 2017 г. на городище Солхата (Крым) археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. СПб., 2018. 281 с. [Рукопись].
22. Крамаровский М.Г. Человек средневековой улицы. Золотая Орда. Византия. Италия. СПб.: Евразия, 2012. 496 с.
23. Курманкулов Ж.К., Ермоленко Л.Н. Некоторые игры в асыки у казахов (к постановке вопроса об играх древних тюрок) // Археология Южной Сибири. Вып. 28. К 75-летию со дня рождения Владимира Васильевича Боброва. Кемерово: Изд-во КРИПКиПРО, 2020. С. 128–133.
24. Немеров В.Ф. Воинское снаряжение и оружие монгольского воина XIII–XIV вв. // СА. 1987. № 2. С. 212–227.
25. Сейдалиев Э.И. Средневековое погребение из Тавельского кургана № 5 у с. Краснолесье // МАИЭТ. 2009. Вып. XV. С. 378–388.
26. Умиткалиев У.У., Тлеугабулов Д.Т. Асыки и их роль в мировоззрении кочевников // Народы и религии Евразии: Этнология. Религиоведение. Археология. 2017. Вып. 1–2 (10–11). С. 37–44.
27. Филоненко Ф.И. Детские игры крымских татар // ИТУАК. 1919. № 56. С. 242–266.
28. Флерова В.Е. Резная кость юго-востока Европы IX–XII веков: Искусство и ремесло. По материалам Саркела – Белой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа. СПб.: Алетейя, 2001. 254 с.

29. Хайрединова Э.А. Исследования могильника XIV в. на плато Эски-Кермен в 2021–2022 гг. // Археологические исследования и архивные материалы: Сборник научных статей / Ред. А.И. Айбабин, Э.А. Хайрединова. Симферополь: Антиква, 2023. С. 6–68. (Материалы Эски-Керменской экспедиции. Вып. 3)
30. Яворская Л.В. Археозоологические исследования поселения Жемчужина-I и вопросы экономики юго-восточного Крыма в золотоордынский период // Поволжская археология. 2020. № 2 (32). С. 170–180.
31. Яворская Л.В. К вопросу о функциях сельских поселений в экономической системе Золотой Орды // Поволжская археология. 2021. № 2 (36). С. 136–141.

REFERENCES

1. Andreeva O.A. Bone products from the cisterns of Chersonesos (excavations in 1992 and 1997). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2011, vol. 17, pp. 412–421.
2. *Velikii Bolgar* [The Great Bulgar]. Moscow, Feoriia Publ., 2013, 404 p.
3. Volkov I.V., Lopan O.V. On the purpose of bone discs from the Golden Horde mounds. *TERRA TATARICA: Krym i tiurkskii mir v epokhu Srednevekov'ia i v Novoe vremia* [TERRA TATARICA: Crimea and the Turkic World in the Middle Ages and Modern Times], Simferopol, Arial Publ., 2025, pp. 258–265.
4. Dushenko A.A. *Kostoreznoe delo Mangupa* [Mangup bone-cutting business]. Text of kandidat. diss. Simferopol, 2016, 308 p.
5. Dushenko A.A. Mangup bone-cutting business: raw materials, technological techniques, tools. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie* [Crimean Historical Review], 2015, vol. 3, pp. 74–99.
6. Dushenko A.A. Bone and Horn Wares from the Excavation in the Block near St. Constantine Church (Mangup). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2009, vol. 15, pp. 432–456.
7. Dushenko A.A. Bone and Antler Artefacts Excavated in the Palace of the Princes of Theodoro (Mangup). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2015, vol. 20, pp. 233–262.
8. Dushenko A.A. Discoid Bone Buttons from the Excavation of Mangup. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2013, vol. 18, pp. 333–352.
9. Zakirova I.A. Bolgar's bone-cutting business. G.A. Fedorov-Davydov (ed.), *Gorod Bolgar: ocherki remeslennoi deiatel'nosti* [The city of Bolgar: essays on handicraft activity]. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 220–243.
10. *Zolotaia Orda v mirovoi istorii* [The Golden Horde in World History]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan Publ., 2016, 968 p.
11. *Zolotaia Orda i Prichernomor'e. Uroki Chingisidskoi imerii: Katalog vystavki* [The Golden Horde and the Black Sea region. Lessons of Genghisid Imperia: Exhibition catalogue]. Moscow, Fond Mardazhni Publ., 2019, 504 p.
12. *Zolotaia Orda. Istoriia i kul'tura: Katalog vystavki* [The Golden Horde. History and Culture: Exhibition catalogue]. St. Petersburg, Slavia Publ, 2005, 264 p.
13. Kramarovsky M.G., Gukin V.D. *Zolotoordynskoe poselenie Krinichki II (Rezul'taty arkheologicheskikh issledovanii)* [The Golden Horde settlement of Krinichki II (Results of archaeological research)]. St. Petersburg, State Hermitage Museum Publ., 2002, 183 p.
14. Kramarovsky M.G., Gukin V.D. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiakh srednevekovogo poseleniia Bokatash II v 2005 godu* [Archaeological research report on the medieval settlement of Bokatash II in 2005]. St. Petersburg, State Hermitage Museum Publ., 2007, 260 p.
15. Kramarovsky M.G., Gukin V.D. *Poselenie Bokatash II (Rezul'taty polevykh issledovanii Zolotoordynskoi arkheologicheskoi ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha v 2004 g.)* [Bokatash II settlement (Results of field research by the Golden Horde Archaeological Expedition of the State Hermitage Museum in 2004)]. St. Petersburg, State Hermitage Museum Publ., 2006, 313 p.
16. Kramarovsky M.G. *Otchet Zolotoordynskoi (Starokrymskoi) arkheologicheskoi euspeditsii o rabotakh na gorodishche srednevekovogo Solkhata (g. Staryi Krym) v 2016 g.* [Report of the Golden Horde (Starokrymsky) archaeological expedition on the work on the medieval settlement of Solkhat (Staryi Krym) in 2016]. vol. 1. St. Petersburg, 2017, 384 p. [Manuscript].
17. Kramarovsky M.G. *Otchet o polevykh issledovaniiakh 1991 goda na gorodishche srednevekovogo Solkhata (Krym, Staryi Krym) arkheologicheskoi ekspeditsiei Gosudarstvennogo Ermitazha* [Report on field research in 1991 at the medieval settlement of Solkhat (Crimea, Staryi Krym) by the archaeological expedition of the State Hermitage Museum]. Staryi Krym, St. Petersburg, 1991–1992, 94 p. [Manuscript].
18. Kramarovsky M.G. *Otchet o polevykh issledovaniiakh 1992 goda na gorodishche srednevekovogo Solkhata (Krym, Staryi Krym) arkheologicheskoi ekspeditsiei Gosudarstvennogo Ermitazha* [Report on field research in 1992 at the medieval settlement of Solkhat (Crimea, Staryi Krym) by the archaeological expedition of the State Hermitage Museum]. Staryi Krym, St. Petersburg, 1992–1993, 129 p. [Manuscript].
19. Kramarovsky M.G. *Otchet o polevykh issledovaniiakh 1993 g. na gorodishche Solkhata (Krym) arkheologicheskoi ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha* [Report on the 1993 field research at the Solkhata settle-

ment (Crimea) of the archaeological expedition of the State Hermitage Museum]. St. Petersburg, 1994, 160 p. [Manuscript].
20. Kramarovsky M.G. *Otchet o polevykh issledovaniiakh 1994 g. na gorodishche Solkhata (Krym) arkheologicheskoi ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha* [Report on field research in 1994 at the Solkhata settlement (Crimea) of the archaeological expedition of the State Hermitage Museum]. Staryi Krym, St. Petersburg, 1995, 221 p. [Manuscript].
21. Kramarovsky M.G. *Otchet o polevykh issledovaniiakh 2017 g. na gorodishche Solkhata (Krym) arkheologicheskoi ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha* [Report on field research in 2017 at the Solkhata settlement (Crimea) of the archaeological expedition of the State Hermitage Museum]. St. Petersburg, 2018, 281 p. [Manuscript].
22. Kramarovsky M.G. *Chelovek srednevekovoi ulitsy. Zolotaia Orda. Vizantiia. Italiia* [The man of the medieval street. The Golden Horde. Byzantium. Italy]. St. Petersburg, Eurasia Publ., 2012, 496 p.
23. Kurmankulov Zh.K., Ermolenko L.N. Some games of assiki among the Kazakhs (to raise the question of the games of the ancient Turks). *Arkheologiia Iuzhnoi Sibiri* [Archaeology of Southern Siberia], 2020, vol. 28, pp. 128–133.
24. Nemerov V.F. Military equipment and weapons of the Mongolian warrior of the 13th–14th centuries. *Sovetskaia arkheologiia* [Soviet Archaeology], 1987, no. 2, pp. 212–227.
25. Seidaliev E.I. Medieval Burial from Tavel Burial Mound N 5 near the Village of Krasnoleseye. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2009, vol. 15, pp. 378–388.
26. Umitkaliev U.U., Tleugabulov D.T. The Assiks and their role in the worldview of nomad. *Narody i religii Evrazii: Etnologiia. Religiovedenie. Arkheologiia* [Peoples and Religions of Eurasia: Ethnology. Religious studies. Archeology], 2017, vol. 1–2 (10–11), pp. 37–44.
27. Filonenko F.I. Children's games of the Crimean Tatars. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii* [Proceedings of the Taurida Scientific Archival Commission], 1919, vol. 56, pp. 242–266.
28. Flerova V.E. *Reznaia kost' iugo-vostoka Evropy IX–XII vekov: Iskusstvo i remeslo. Po materialam Sarkela – Beloi Vezhi iz kollektsii Gosudarstvennogo Ermitazha* [Carved Bone of Southeastern Europe, 9th–12th Centuries: Art and Craft. Based on Materials from Sarkel–Belaya Vezha, State Hermitage Museum Collection]. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2001, 254 p.
29. Khairedinova E.A. Research of the burial ground of the 14th century on the Eski-Kermen plateau in 2021–2022. A.I. Aibabin, E.A. Khairedinova (eds.), *Arkheologicheskie issledovaniia i arkhivnye materialy* [Archaeological research and archival materials], Simferopol, Antiqua Publ., 2022, pp. 6–68. (Materials of the Eski-Kermensky expedition. Vol. 3).
30. Javorskaia L.V. Archaeozoological studies of the Zhemchuzhina-I settlement and economic issues of the Southeastern Crimea in the Golden Horde period. *Povolzhskaia arkheologiia* [The Volga River Region Archaeology], 2020, vol. 2 (32), pp. 170–180.
31. Javorskaia L.V. On the question of the functions of rural settlements in the economic system of the Golden Horde. *Povolzhskaia arkheologiia* [The Volga River Region Archaeology], 2021, vol. 2 (36), pp. 136–141.

Информация об авторе

Сейдалиев Э. И. – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой истории Крымского инженерно-педагогического университета имени Февзи Якубова, старший научный сотрудник Института археологии Крыма РАН, старший научный сотрудник института истории им. Шигабутдина Марджани АН РТ, Researcher ID: AAA-3179-2019.

Author information

Seidaliev E. I. – Candidate of Science (History), Head of the chair of history of the Fevzi Jacubov Crimean Engineering and Pedagogical University; Senior Researcher of the Institute of Archaeology of the Crimea RAS; Senior Researcher of the Crimean Scientific Center of Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, Researcher ID: AAA-3179-2019.

DOI: 10.29039/2413-189X.2025.30.412-441

КАРАЛАРСКОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ В КРЫМСКОМ ПРИАЗОВЬЕ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И XVIII–XX ВВ. ПО ДАННЫМ КАРТОГРАФИИ, ДИСТАНЦИОННОГО ЗОНДИРОВАНИЯ И АРХЕОЛОГИИ

Татьяна Николаевна Смекалова
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия
tnsmek@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-5378-5372
Александр Александрович Масленников
Институт археологии РАН, Москва, Россия
iscander48@mail.ru, https://orcid.org/0000-001-8292-1572
Валерий Анатольевич Сидоренко
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия
crimeastor@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-7437-2750

Аннотация. На картах XVIII–XX вв. прослежено эволюционное развитие поселений Нового времени Караларского побережья в северной части Керченского полуострова. В ходе археологических раскопок могильников XIV в. Бабчик Восточный и у с. Золотое получены сведения, характеризующие верования средневекового населения восточной части Крымского полуострова, в которых ярко выражено преобладание атрибутов христианства над практически не отмечаемым в предметах культового значения влиянием мусульманства. Это наблюдение согласуется со сведениями письменных источников, в том числе упоминанием арабским путешественником Ибн Батутой христиан сельской округи Керчи, простиравшейся до Каффы, летописного свидетельства об эпидемии черной оспы, затронувшей русский город Корчев в период «великой замятни» в Золотой Орде. По данным космических снимков и автомобильно-пеших разведок намечены местонахождения, перспективные для выявления и исследования поселений раннего и развитого Средневековья, отсутствующих на исторических картах или отмеченных на них как руины.

Ключевые слова: Крымское Приазовье, Караларское побережье, средневековые поселения, населенные пункты Нового времени, исторические карты, архивные аэрофотографии, космические снимки высокого разрешения

Благодарности: Статья написана в рамках проекта Минобрнауки РФ, государственное задание FZEG-2025-0001 «Этнические трансформации в Крыму и Таврических степях в Средние века и Новое время».

KARALAR COAST IN THE CRIMEAN AZOV SEA AREA IN THE MIDDLE AGES AND FROM THE EIGHTEENTH TO TWENTIETH CENTURY ACCORDING TO CARTOGRAPHY, REMOTE SENSING, AND ARCHAEOLOGY

Tatiana N. Smekalova
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
tnsmek@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-5378-5372
Aleksandr A. Maslennikov
Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
iscander48@mail.ru, https://orcid.org/0000-001-8292-1572
Valerii A. Sidorenko
V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
crimeastor@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-7437-2750

Abstract. The eighteenth- to twentieth-century maps trace the evolutionary development of the Modern-Period settlements on the Karalar coast in the northern area of the Kerch Peninsula. Archaeological excavations of fourteenth-century cemeteries of Babchik Vostochnyi and near the village of Zolotoe uncovered

information characterizing the beliefs of the mediaeval population of the eastern part of the Crimean Peninsula, with the predominance of the attributes of Christianity over the practically unnoticeable influence of Islam in cult artefacts. This observation coincides with written sources' account, including the Arab traveller Ibn Battuta's mention of Christians in the farming vicinity of Kerch, which extended as far as Kaffa, and a chronicle's evidence of a smallpox epidemic that affected the Rus'ian city of Korchev during the "great turmoil" period in the Golden Horde. Taking satellite images and automobile and foot reconnaissance into account, we have identified the locations promising for attributing and studying settlements from the early and developed Middle Ages that are absent on the historical maps or marked as ruins.

Keywords: Crimean Azov Sea Area, Karalar coast, mediaeval settlements, Modern Period settlements, historical maps, archival aerial photographs, high-resolution satellite images

Acknowledgments: This article has been written as a part of the project supported by state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation FZEG-2025-0001 *Ethnic Transformations in the Crimea and the Tauria Steppe in the Middle Ages and the Modern Period.*

Предметы, цели, задачи, источники и методы исследования

Статья посвящена выявлению исчезнувших в настоящее время поселений и могильников Средневековья и Нового времени в Крымском Приазовье с помощью картографических источников, архивных аэрофотографий, космических снимков и данных археологии. Исследуемая территория включает заповедное Караларское побережье, начинающееся на западе от села Золотое и простирающееся на восток до Чокракского озера, а также восточные берега этого озера и примыкающие урочища. С севера этот район ограничивается Азовским морем, южной границей выбрана примерно 34-я параллель (рис. 1,*а,б*). Таким образом, прибрежная полоса составляет в длину порядка 30–35 км, а в ширину – около 7 км.

В силу того, что с 1930-х годов Караларское побережье было практически закрыто для хозяйственной деятельности и ограничено для посещений, а в настоящее время является заповедным Природным парком, археологические памятники на этой территории отличаются прекрасной сохранностью, что делает ее идеальным полигоном для изучения региональной истории.

Крымское Приазовье в Средневековье тяготело к крупнейшему в этой части Крыма византийскому центру – Боспору и были частью его сельской экономической зоны. Целью данной работы является получение материалов для составления карты Караларского побережья в постантичное время, вплоть до первой трети XX в., определение точного местоположения, планировки, размеров, иерархии, датировки и хозяйственной направленности поселений.

Позднеантичный этап всемирной истории принято заканчивать правлением императора Юстиниана, или второй – третьей четвертями VI в. н.э. Но затем, примерно на полтора – два столетия в Приазовье наступает своего рода лакуна, так как наиболее ранние зафиксированные здесь археологические памятники относятся к салтово-маяцкой (хазарской, протоболгарской) культуре и датируются примерно рубежом VIII / IX – началом / серединой X в. [26; 14; 7, с. 58–62]. Л. Ю. Пономарёв провёл полный анализ результатов разведок В. В. Веселова, Д. С. Талиса и А. В. Гадло 1950–1960-х годов [26, с. 175–221]. Согласно В. В. Майко, Приазовские поселения хазарского времени как локальный (северный и северо-восточный) вариант входят в четвертую (Восточно-Крымскую) группу салтово-маяцких памятников Крыма. Общая численность учтенных поселений и могильников во всем Восточном Крыму составляет более полусотни [26, с. 175–222; 7, с. 60–61].

Непосредственно на Караларском побережье Л. Ю. Пономарёв отмечает всего четыре поселения этого времени: Золотое-Берег (Золотое I), Чегене-I (Золотое-Восточное I), Чегене-II и Полянка [26, с. 175–221, рис. 4,53–56]. Для выявления других поселений и могильников этой эпохи нами использовались космические снимки высокого разрешения, особенно, весенние снимки, так как в районе селищ на снимках фиксируются яркие пятна густой травянистой растительности, выходы каменных конструкций, изменения микрорельефа местности. По данным дистанционного зондирования выбирались маршруты автомобильно-пеших разведок, в ходе которых делались наблюдения о сохранившихся структурах, в обнажениях культурного слоя собирался датирующий керамический материал. По результатам этого исследования намечались объекты и территории для более детальных археолого-геофизических работ.

Главными источниками для выявления поселений и могильников Нового времени послужили детальные топографические карты XVIII-XX вв., космический снимок системы Corona 1968 г., советские архивные аэрофотоснимки 1974 г. из собрания Института археологии РАН и современные космические снимки высокого разрешения из интернет-ресурса Google Earth Pro. Наиболее информативными и «говорящими» были исторические карты, показывающие точное местонахождение поселений, их планировку, отдельные важные объекты на их территории, «называющие» тот или иной населенный пункт. Перечень использованных карт дан в конце статьи. Все эти материалы в георефериованном виде послойно накладывались друг на друга и совместно анализировались в единой геоинформационной системе (ГИС). Координаты перспективных для посещения и визуального обследования пунктов считывались из ГИС и использовались для прокладывания маршрутов автомобильно-пеших разведок. В ходе полевых наблюдений объекты идентифицировались на местности, определялась степень их сохранности, проводился сбор подъемного материала.

Поселения на картах XVIII–XX вв.

Наиболее старой из рассматриваемых является карта 1775 г. (рис. 1в) «Генеральная карта всего полуострова Крыма…» из т.н. «Мордвиновского альбома», на которой уже показаны основные селения, которые будут нами прослежены на всех последующих картах: Чыгыне (Чигине, совр. Золотое), Шибан, Культепе, Бешуль, Мысир, Чекрак (Чокрак) (рис. 2). Буквой F отмечен некий, вероятно, военный, форпост, расположенный на берегу Азовского моря у западной оконечности пересыпи Чокракского озера.

Несмотря на то, что две карты 1790 г. были выпущены позже, чем карта из Мордвиновского альбома, они выполнены в более искаженных пропорциях, чем последняя. Тем не менее, карты 1790 г. дополняют наши сведения о селениях на Караларском побережье. Так, на карте Федора Черного, помимо некоторых уже упомянутых, мы видим еще два поселения Ахадирлес и Бобчак (Бабчик) (рис. 2,*а*). На Карте Таврической губернии того же года появляются села Желав (Джейлав) и Алджан, а с. Чегене названо Дачегене (рис. 2,*б*).

Карта Мухина 1817 г. очень наглядно и выразительно передает рельеф местности, и пропорции побережья приближаются к реальным (рис. 3а). На этой карте мы видим многие из уже названных поселений, для крупнейших из которых впервые указывается количество крестьянских дворов: Шегене (Чигине) 25 дв., Культебе (нет данных о количестве дворов), Каралар 22 дв., Бешевли 40 дв., Мисир 30 дв., Бабчик 30 дв. На этой карте Чокракское соленое озеро имеет имя Мисир. Отмечены также два фонтана и колодец.

На карте полковника Бетева 1842 г., выполненной в трёхверстовом масштабе (1:126 000), впервые отмечаются мечети, находившиеся в селах Чегене, Джайлав, Мисыр, Чокрак-Бабчик (рис. 3б). Для самых крупных поселений Джайлав и Мисыр приводится количество дворов: 22 и 20 соответственно. На этой карте в первый раз показаны деревни Мама и Кёзы. Как разрушенные показаны села Сююрташ и Кобурта.

На трёхверстке 1865 года мы видим значительное уменьшение количества дворов в поселениях Караларского побережья (рис. 3в). Это, вероятно, отражение политического процесса по переселению татар из Крыма. На картах появляется новая информация о наличии каменных ветряных мельниц, показано больше мечетей. Мельницы могли указывать на земледелие и производство зерна и муки, а мечети свидетельствовали о мусульманском вероовании жителей. Так, в с. Чегене осталось всего 2 двора, но отмечены мечеть и мельница. В с. Культепе было 10 дворов, и помечены две ветряные мельницы и мечеть. В селении Чокрак-Бабчик (Малый Бабчик) отмечены 9 дворов, три мельницы и мечеть. Крупнейшими поселениями с 18 дворами каждое были Мисыр с шестью ветряными мельницами и мечетью и Джайлав, в котором отмечена только мечеть. Также не было мельниц и в с. Каралар (14 дворов), хотя и там отмечена мечеть. Вероятно, жители последних двух деревень занимались только скотоводством, в то время как все остальное население Караларского побережья, возможно, сочетало разведение крупного и мелкого рогатого скота с занятием земледелием. В деревне Мама, судя по карте, было 8 дворов. Здесь же показаны две заброшенные деревни Сююрташ и Кобурга. На побережье отмечен важный географический ориентир – доминирующая высота Кичкине Чобан, видная издалека.

Качественно новый скачок в топографической науке наступил в 1890–1899 гг., когда на весь Крым была выпущена инструментально высокоточная и наиболее детальная Военно-топографическая карта Таврической губернии в масштабе 1:21 000 на 34 листах. На ней впервые высоты показаны с помощью изолиний, а не штрихов, как было на всех предыдущих картах. Съемка карты была произведена в полуверстовом масштабе, но для нужд армии она была отпечатана в масштабе одна верста в одном английском дюйме, поэтому часто называется «верстовкой», хотя правильнее было бы ее называть «полувёрсткой». Масштаб на этой карте дается как в верстах, так и в километрах, что отражает переходный этап от национальной русской к единой метрической системе мер, начавшийся в России 1899 г. и полностью завершившийся в 1917–1918 гг. Сетка на карте имеет ячейку в 2 версты (2,12 км).

На интересующие нас территории съемки проводились в 1897 г., но впоследствии карта много раз перепечатывалась с различными правками. На карте представлены все ранее выявленные поселения, но теперь сделана попытка изобразить их не внемасштабными значками, как ранее, а в реальном масштабе с показанием контуров отдельных дворов (рис. 4,*а*). Появляются отмеченные отдельно экономии, господские дворы, а также важные объекты на территории населенных пунктов. Довольно многочисленные хутора разбросаны в разных местах, защищенных холмами от холодных зимних северо-восточных ветров. Показаны не только действующие, но и разрушенные строения.

Впервые на этой карте появляются обозначения раздельных православных и мусульманских кладбищ. Количество русских и татарских дворов в деревнях отмечаются буквами Р и Т. Эта карта отражает значительные демографические изменения исследуемого района. Так, ранее почти запустевшее с. Чегене было заселено русскими и насчитывало 42 двора. Здесь дополнительно отмечены рыбный завод, экономия, мельница, пруд (рис. 5,*а*). Заброшенный хутор Сююрташ также обрел новую жизнь, здесь на карте отмечены 3 русских двора. Чисто русскими были и деревни Большой Бабчик (18 дворов), Кёзы (15 дворов) и Каралар (5 дворов) (рис. 6,*а*), в каждой имелось по каменной мельнице. К северу от д. Каралар, на противоположной стороне котловины, на карте отмечены руины прежней деревни и характерные гидротехнические сооружения в виде круглых обвалованных «блюдец» и «подков» диаметром примерно 30–50 м, которые хорошо «читаются» на аэрофотоснимке 1974 г. (рис. 6,*б*). Деревни Большой Бабчик и Кёзы имели прямые улицы и мельницы на возвышенных местах. Крупнейшим населенным пунктом становится старообрядческое село Мама Русская, насчитывающее 58 дворов. Деревня Культепе осталась татарской (20 дворов), здесь по-прежнему функционировали мельница, мечеть и был построен пруд (рис. 7,*а*). Смешанное население имели одно из крупнейших поселений Джейлав (42 РТ двора), в котором отмечено две мельницы, и Мысыр (25 ТР дворов) с одной мельницей, большим прудом и господским двором. Впервые показан хутор Чалочик (Салачик) на Азовском побережье.

На полуверстовой карте тщательно показаны микровозвышенности, каковыми в данном районе являются, в основном, разновысотные курганы, но есть также и природные выходы мшанковых известняков, например, на хребте Ташларка юго-восточнее с. Золотое. Показаны названия и высоты в саженях многих прибрежных вершин, вероятно, важных для навигации: горы Большой и Малый Шабан, гора Маслинка, Сююрташ. Повсеместно тщательно отмечаются довольно многочисленные колодцы, фонтаны, родники и сероводородные источники. Сооружаются пруды, вода из которых использовалась, вероятно, прежде всего для питья стадам, а также для полива огородов, которые возникают, в основном, в русских деревнях. Впервые мы видим на карте Чокракскую грязелечебницу рядом с деревней Мама Татарская (8 РТ дворов), которая впоследствии преобразовалась в популярный курорт (рис. 8). На само́м озере Чокрак показаны первые строения крупномасштабной соледобычи (контора предприятия на Чокракском мысу в южной части озера, склады у моря, ряды свай для вагонеток для сбора соли, ванны для выпаривания соли). Развивается транспортная инфраструктура, регион покрывает сеть проселочных дорог, которые вели в Керчь, а также к станциям Багерово и Салын только что построенной железной дороги. У пересыпи Чокракского озера существовали, вероятно, пристани для вывоза соли.

Все вышеперечисленные особенности полуверстовой карты 1897 г. в полной мере повторяются на «Карте управления военных топографов Р.К.К.А.» 1934 г. (рис. 4,*б*). При этом исчезают пометки об этническом составе населения: количество дворов указывается без пометок Р. или Т., кладбища – без подписей Маг. (магометанское) или Прав. (православное). К этому времени завершился переход к метрической системе, поэтому масштабная шкала и все высоты указаны в метрах. Сетка на карте имеет ячейку в 1 км. Основой для этой карты послужила инструментальная топосъёмка 1897 года, но на ней впервые приводятся довольно детальные планы поселений в реальном масштабе. Поэтому мы будем в дальнейшем изложении использовать фрагменты именно этой карты для сравнения с современным состояниям поселений, зафиксированным на архивных аэрофотографиях и космических снимках.

Далее продолжим экономико-демографический анализ по выделенным поселениям с западной окраины Караларского побережья на восток. Средневековые поселения, судя по имеющимся аналогиям, состояли из жилых и хозяйственных небольших по площади строений, с саманными или турлучными стенами на каменных основаниях. В поздний период их бытования кровля могла быть черепичной. Вблизи находилось много ям разного назначения, «сараи» для скота и, вероятно, огороды. Грунт в районе таких поселений, как правило, очень золистый, рыхлый, с обилием костей животных и камней. Каждое такое домохозяйство имело ограду из поставленных на ребро довольно больших камней. Камень вообще использовался тут весьма широко, он тут повсеместно был в изобилии. Рядом же находились и кладбища, а в низинах, овражках, по линии водотоков – искусственные водоёмы (запруды). Топография местных деревень-аулов всегда предполагала их расположение на некотором удалении от берега моря, за естественными возвышенностями, укрывавшими их от самых нежелательных северо-восточных ветров, а также вблизи источников воды.

Село Чегени (Чегене). Поселения и могильники в районе села Золотое в Средневековье и Новое время

На карте 1934 г. показан подробный план с. Чегени с 23 дворами (рис. 5,*б*). Для сравнения здесь же приводится план этого села с полуверстовой карты 1897 г. (рис. 5,*а*). Старинные постройки села в настоящее время почти полностью поглощены современными домами и пансионатами, но остались еще некоторые следы древних и средневековых поселений и некрополей. На территории села Золотое и в его окрестностях известно несколько разновременных археологических памятников от VI в. до н.э. до XV в. н.э. (рис. 9).

На незначительном удалении к востоку от села Золотое «раскинулся» на широкой площади могильник Стоячий Камень VI/V – III вв. до н.э. (рис. 9,*6*) и селище Золотое-плато IV–III вв. до н.э. (рис. 9,*7*) [20; 21, с. 76–83].

Античное поселение, получившее название Золотое-Берег (Золотое I) III–II вв. до н.э. – III в. н.э. занимало площадь около 4 га на высоком берегу моря в 0,6 км к югу от мыса Чегене[1] (рис. 9,*4*) [10, с. 270, № 188]. С восточной стороны античное поселение защищали ров и вал. В 1990 г. в процессе охранных раскопок Артезианского отряда Восточно-Крымской археологической экспедиции (далее – ВКАЭ) (рук. Н. И. Винокуров) в слое гумуса были обнаружены немногочисленные фрагменты причерноморских амфор и салтово-маяцких горшков [3, с. 30; 4, с. 78–79, 84, рис. 34,1; 26, с. 202, 203, № 53].

К югу от античного поселения находился некрополь II в. до н.э. – II в. н.э., раскопанный В. Н. Корпусовой [8], перекрытый средневековым кладбищем (открыто 143 могилы) с христианским храмиком XIII–XIV вв. (рис. 9,*3*) [9, с. 291–293; 24, с. 114–129]. Могилы представлены тремя типами: простые грунтовые ямы с деревянными перекрытиями, аналогичные ямы с каменными перекрытиями и собственно плитовые гробницы. Погребальный обряд христианский: вытянутое трупоположение на спине, головой на запад (с небольшим общим отклонением к югу). Ноги, как правило, также вытянутые; положение рук незначительно варьируется. Чаще всего захоронения одиночные, но встречаются, особенно среди детских, и повторные. В 11 гробницах на торцовых плитах изголовья имелись высеченные изображения креста. Боль-

[1] Впервые находки античной керамики на месте поселения упомянуты В. В. Веселовым [2, с. 161, № 522], поселение исследовалось Восточно-Крымским отрядом ИА РАН под руководством И. Т. Кругликовой в 1953 г., раскапывалось В. Н. Корпусовой [10, с. 107; 8, с. 10, 11].

шой рельефный крест наподобие мальтийского с христианской же сигнатурой присутствовал на одной из массивных плит перекрытия. Инвентарь, относительно немногочисленный и не богатый, встречен в основном в плитовых могилах. Отметим неоднократно зафиксированные остатки шёлковой и льняной ткани, в том числе с художественным шитьём. Прочие находки это: перстни, подвески-лунницы, однотипные серьги-подвески в виде вопросительного знака, медальон с образом Богоматери, пряжки и бронзовые или серебряные пуговицы-колокольчики, круглые маленькие бронзовые зеркала, ножницы, ножи и иглы, а также две железные черенковые стрелы и монета хана Узбека. Керамика и бусы отсутствовали. Заметна упорядоченность в расположении могил; почти нет случаев их наслоения, хотя это кладбище фактически располагается на некрополе античного времени. Соответствующее им поселение, ассоциированное с отмеченным на портоланах пунктом Дзукалаи (Zucali, Zucolai, Zucalay) [31, с. 62; 32, с. 274, 322], очевидно, находилось к югу от могильника (рис. 9,*5*) [1].

Остатки стен одноапсидного храма размером 7,2×5 м хотя и сохранились на небольшую высоту (до 0,5 м), тем не менее, позволяют уверенно восстановить его планировку. Последняя – типична для сельских церквей южнобережной Таврики XIII–XV вв. [24, рис. 6]. Уцелел *in situ* алтарный камень. Под полом располагались две плитовые могилы. Четыре серебряных дирхема хана Узбека в качестве строительной «жертвы», обнаруженные под основанием одной из стен церкви, свидетельствуют о возведения её не ранее 1314 года[2]. Средневековый комплекс просуществовал, очевидно, до конца XIV столетия и был разрушен во время походов Тимура или Тахтамыша в Крым в 1395 г. Христианское население, оставившее его, составляло сельскую общину, внутри которой имелась определённая иерархия и имущественное расслоение [24, с. 114–129]. Соседней подобной общиной, возможно, были жители деревни у современного с. Ново-Отрадное, примерно в 4 км к юго-западу от Золотого. Здесь И. Т. Кругликовой во время раскопок античной укрепленной усадьбы было открыто семь частично потревоженных плитовых могил с одиночными захоронениями, отнесёнными ею к раннесредневековому времени [11, с. 163]. Ориентация гробниц была такая же, как и в Золотом: северо-восток – юго-запад. На внутренней стороне одной из торцовых плит было вырезано изображение косого креста, а на другой в изголовье имелось округлое углубление.

В 1976 г. Восточно-Крымская археологическая экспедиция под руководством А. А. Масленникова исследовала две средневековые могилы ещё одного кладбища примерно в километре к северу от упомянутого храма в с. Золотом (рис. 9,*1,2*). Не исключено, что это кладбище относилось к поселению Чегене I [26, с. 203, № 54]. Гробница 1 (раскоп II 1976 г.) (рис. 9,*1*; 12,*1*) представляла собой простую грунтовую могилу, ориентированную по оси северо-восток – юго-запад, овальную в плане (1,6×0,89 м), выявленную на глубине 0,64 м. Над ней была каменная выкладка размерами 2,5×3,1 м из 13 крупных и нескольких мелких камней (рис. 10,*а*) [18, с. 10, рис. 16,а]. Могила содержала одно захоронение. Скелет длиной 1,68 м лежал вытянуто на спине, головой в западном секторе, лицом к востоку. Справа у черепа и у левого плеча находились кольцевидные подвески (рис. 10,*б:4,5*; 10,*в:2,3*), у локтя левой руки – фрагменты железного ножа (рис. 10,*б:1*), у колена левой ноги – железная пряжка (рис. 10.*б:3*) и бронзовый бубенчик (рис. 10,*б:2*; 10,*в:1*), а также маленький кусочек мела (рис. 10,*б:6*). Им имеются аналогии, в основном, среди вещей, обнаруженных в Корчеве, у церкви Иоанна Предтечи [16, с. 368, 373, 377–379, рис. 17,2,32,50,51; 18,53].

В 1976 г. были также раскопаны четыре средневековые погребения в однотипных могилах на другом раскопе примерно в 290 м на северо-восток от предыдущего (раскоп VI 1976 г.) (рис. 9,*2*; 12,*2*). Эти могилы были сложены из прямоугольных плит мягкого ракушечника, ориентированы по оси восток – запад и располагались в юго-восточном сегменте каменного кольца диаметром 28 м (рис. 10,*г,д*). В окрестностях с. Золотого зафиксирована концентрация таких колец диаметром 20–40 м, которые перемежаются следами возделывания земельных участков (рис. 12). Судя по небольшой заглубленности камней, слагающих кольцевые ограды, а также принимая во внимание взаимное расположение их и средневековых могил, вероятно, можно признать все эти объекты синхронными. Ещё В. В. Веселов неоднократно обращал внимание на странные, довольно большие окружности, иногда двой-

[2] В настоящее время этот храмик, вернее его остатки, укреплены и переосвящены в честь Марии Магдалины.

ные, концентрические, выложенные из камней, которые он встречал в ряде мест Азовского побережья. Упоминала о них вблизи пос. Семёновска и И. Т. Кругликова. А. А. Масленников вместе с О. Д. Чевелёвым также неоднократно наблюдали их в своих разведках. В отдалении же от прибрежной зоны и в местах, лишённых скальных выходов (например – побережье от с. Золотое до мыса Казантип) эти кольца не замечены. Кроме окрестностей Семёновского городища они особенно часто встречаются непосредственно к северо-востоку от с. Золотое (район поселений Чегене I и II), затем, между урочищами Сююрташ и Куль-Тепе, близ побережья в урочище Пустынный берег, на плоскогорье к югу от Бакланьей скалы.

А. А. Масленниковым в 1976 г. были исследованы ограниченными раскопками две близкорасположенных, отчетливо выделявшихся на поверхности кольцевидные конструкции диаметрами 23 и 28 м. Поперёк их через условный центр до скального материка были прорыты траншеи шириной в 1 м. Культурный слой при этом выявлен не был. В первом случае приблизительно в середине «кольца» находился довольно большой (1,16×1,02×0,28–0,30 м) камень неправильной, но уплощённой формы, в котором имелось сквозное круглое отверстие диаметром 0,17–0,19 м (рис. 10,*г*). Вторая траншея, аналогичная по ширине, также не выявила культурного слоя внутри «кольца». Но и тут в середине него лежал массивный (1,04×0,86×0,28 м) относительно плоский камень неправильной формы. Почти в центре также имелось круглое, сквозное аккуратное отверстие диаметром около 0,3 м, слегка расширявшееся кверху [18, с. 18–19, рис. 26].

Как уже упоминалось, в юго-восточном сегменте одного из каменных колец были раскопаны четыре плитовые могилы. Ближайшие им аналогии находим на средневековом кладбище в с. Золотое [24, с. 116–124], а также на могильнике Бабчик Восточный [22]. Они хорошо известны в средневековом Крыму [17, с. 155–168] и на Кавказе [12, с. 89–125]. Так, плитовые могилы XII–XIV вв. были раскопаны у церкви Иоанна Предтечи в средневековом Корчеве [16, с. 373–382], в районе Судака [15, с. 181–184, рис. 79–84], рядом с храмом у подножия г. Килиса-Кая [13], перед главной базиликой на плато Эски-Кермен [33, с. 8, 18, рис. 10,72,73].

Немногочисленные вещи из цветных сплавов были найдены только в одном из захоронений [18, с. 19]. Размеры этой гробницы: 1,2×0,56 м, высота 0,4 м. Перекрытие состояло из двух плит (0,45×0,4×0,1 и 0,6×0,4×0,1 м) (рис. 10,*д*). В могиле расчищены остатки двух детских костяков. При первом, ориентированном головой на запад, находились стеклянные бусы и раковина *cauri*, у правого плеча – подвеска длиной 2,7 см в виде спиральки в 11 оборотов (рис. 10,*е:4*), у правой руки – перстень диаметром 1,8 см со щитком и браслетик из круглой в сечении проволоки с незамкнутыми концами диаметром 3,5 см (рис. 10,*е:5*). На месте запястья левой руки лежал бронзовый перстень диаметром 2 см с выпуклым щитком и насечками по краю, имитирующим камень, вставленный в каст[3] (рис. 10,*е:6*). У второго костяка были найдены только фрагменты железного ножа [18, с. 19]. Культурно-хронологическая атрибуция и РФА состава сплава металлических находок из средневековых захоронений, открытых в 1976 г., проведены в 2024 г. [23].

В 1976 г. поблизости были также раскопаны два кочевнических погребения «половецкого типа» в неглубоких, овально-вытянутых ямах. Перекрытия, как таковые, отсутствовали, хотя над одной из могил лежали несколько камней, в том числе два довольно больших. Зато вокруг имелись своего рода оградки из средних по размерам необработанных камней, уложенных, очевидно, на древнюю дневную поверхность. Диаметры этих «овалов»: 2,9×3,9 и 4,2×2,9 м. Камни лежали в один ряд. Захоронения одиночные, вытянутые на спине, головой на запад, лицом вверх (рис. 11,*а,б*). Сопутствовавший инвентарь включал в себя кроме железных пряжек, крупной сердоликовой бусины, железного ножа, костяного пряслица, точильного бруска, железного черешкового трёхгранного наконечника стрелы, тонкостенного бароглиняного раздавленного горшка, костяной накладки для лука (?) и деталей конской узды ещё и два набора железных стремян (рис. 11,*в*) [18, с. 16, 17, рис. 68–70]. Датировка комплексов, согласно мнению З. А. Царикаевой, П. С. Успенского, У. Ю. Кочкарова, XI–XII вв.

Примерно посредине между первыми двумя описанными выше средневековыми захоронениями (рис. 9,*1а*; 12,*1а*) в 1976 г. были раскопаны основания грубо сложенных, широких

[3] Состав сплава этого перстня нам не удалось исследовать, так как он находится в экспозиции музея-заповедника.

(около 1,5–1,8 м) каменных стен небольшой обособленной, почти прямоугольной в плане постройки из двух помещений с остатком очага в одном из них. Не исключено, что пол был несколько заглублён по отношению к «подошве» стен (рис. 13) [18, с. 12–15, рис. 18]. Находки представлены фрагментами реберчатых амфор из грубой коричневой глины причерноморского типа, фрагментами стенок пифоса с горизонтальным налепом с вдавлениями и красноглиняных горшков с сильно отогнутым венчиком и волнистым орнаментом [Там же, рис. 66], датирующихся протоболгарским временем. Всё это позволяет предположительно отнести строение к двухкамерным домам позднего этапа (до середины IX в. н.э. или даже немного позднее) местного варианта салтово-маяцкой культуры [25, с. 138]. Рядом располагалось, по крайней мере, ещё одно схожее жилище [18, с. 11–12, рис. 17]. Не исключено, что и в соседних долинах находились аналогичные постройки и захоронения, их следы видны на архивных аэрофотоснимках и визуально различимы на поверхности.

Хутор Сюрташ

На карте 1934 г. зафиксирован своего рода расцвет этого населенного пункта. Здесь отмечены уже 6 дворов с обширными приусадебными участками (рис. 14,*а*), против 3 русских дворов в 1897 г. Остатки этих строений хорошо читаются на аэрофотоснимке 1974 г. (рис. 14,*б*). Отметим блюдцеобразный резервуар для сохранения воды. Этот населенный пункт занимает такое же ландшафтное положение, как и все остальные средневековые поселения на Караларском побережье. Для выбора места поселений, очевидно, требовалось сочетание трёх основных условий. Одним из главных было наличие доминирующей возвышенности, под защитой которой от холодных зимних северо-восточных ветров располагались жилые и хозяйственные постройки. Важна была также близость к ручью, обводненной балке или иному источнику воды. Необходимо также было наличие поблизости строительного камня, хороших пастбищ и плодородных земельных участков для возделывания пахотными орудиями.

Сёла Культепе (Культебе) и Каралар

В 1934 г. от былого процветающего поселения Культепе в 20 татарских дворов с мечетью, мельницей, прудом, который мы видим на карте 1897 г., остались только руины и действующая кошара (ср. рис. 7,*а,б*).

Примерно такая же участь постигла и деревню Каралар (ср. рис. 6,*б,в*), где перестал существовать овцеводческий совхоз, а также хутора к западу от деревни, хотя сама деревня еще продолжала функционировать примерно в таком же размере, как это было в 1897 г. (5 русских дворов). Вероятно, произошло переселение части жителей в крупное село Джейлав с сельсоветом, расположенное всего в 3,5 км к юго-востоку от д. Каралар. На аэрофотографии 1974 г. хорошо видны контуры прежних индивидуальных дворовых хозяйств деревни Каралар и большая прямоугольная огороженная территория бывшей совхозной кошары (рис. 6,*в*).

Село Джейлав

На карте 1934 г. Джейлав, который имеет пометку о сельском совете (СС), представлен план этого села, из которого следует, что его население с 1897 по 1934 г. возросло в 2 раза (с 42 русских и татарских дворов до 82 дворов) (рис. 15,*а,б*). Вероятно, это было результатом политики укрупнения сел, проводившейся после революции. Село было перспективным, в нем была школа, на плане отмечено не менее пяти колодцев, отсюда брала свое начало речка, в которую на протяжении ее дальнейшего течения вливались несколько сероводородных источников. В километре к западу находились действующие Караларские каменоломни.

Деревни Чалочик (Салачик) и Скала

Своих наибольших размеров в 1934 г. (16 дворов) достигла деревня Чалочик (Салачик, после 1944 г. Староселье) (рис. 16,*б*), возникшая на месте одинокого одноименного хутора, отмеченного на карте 1897 г. (рис. 16,*а*). Деревня занимала выгодное ландшафтное положение, укрывшись за высоким холмом от северо-восточных ветров, на берегу довольно полноводного ручья. Возможно, причиной такого роста села стал рыбный промысел. На карте 1934 г. отмечены причал и колодцы. Рядом с деревней Салачик ВКАЭ в 1993 г. было раскопано около двух десятков захоронений, совершённых по мусульманскому обряду. Это были одиночные детские и взрослые вытянутые безынвентарные погребения с западной ориентацией в узких могильных ямах.

Всего в полутора километрах к востоку от Чалочика возникло небольшое поселение Скала (4 двора) у Сиреневой бухты с колодцем. К югу от него, под прикрытием высокой гряды холмов, отмечена большая каменная кошара, фундамент которой хорошо заметен и сейчас. Еще немного южнее был устроен пруд – водопой для животных (рис. 16,*б*).

Деревня Мысыр

Деревня Мысыр, наоборот, претерпела относительный упадок, так как её население с 1897 г. уменьшилось более, чем вдвое (с 25 Т.Р. дворов в 1897 г. до 12 дворов в 1934 г.) (рис. 17,*а,б*). Причиной, вероятно, стала ликвидация господского хозяйства и двора, а также удаленность от морского побережья. Там, на берегу моря возникает небольшой поселок Новый Свет, насчитывающий 7 дворов (см. рис. 18).

Село Мама Русская

Старообрядческое село Мама Русская переживает настоящий бум в 1930-е годы. Здесь уже насчитывается 80 дворов против 58 дворов в 1897 г. Рост обеспечили развивающийся рыбный и соляной промыслы. С западной, подветренной, стороны мыса Зюк находилась якорная стоянка, пристань и рыбный цех.

Сёла Большой Бабчик, Кёзы и Мама Татарская

Явный расцвет испытывали также два соседних села Большой Бабчик и Кёзы (рис. 19). В 1934 г. в них насчитывается 30 и 44 двора соответственно против 18 и 15 дворов в 1897 г. Такое увеличение населения могло быть вызвано быстро развивающейся индустрией добычи строительного камня (на карте 1934 г. показано несколько каменоломен поблизости), а также обилием источников воды, родников и колодцев, особенно полноводной Бабчикской балки. Кроме этого, люди могли трудиться и на предприятии по добыче соли, а также на Чокракском грязелечебном курорте, который располагался у д. Мама Татарская, насчитывающей в 1934 г. 11 дворов против 8 дворов в 1897 г. (рис. 19).

Наиболее древним поселением из этой группы населенных пунктов было с. Большой Бабчик. Мы видим его под именем Чекрак на картах 1775 г. и 1790 г. (рис. 1,*б*; 2,*а*), а на картах с конца XVIII в. оно уже имеет свое имя Чокрак-Бабчик или Бабчик (рис. 2,*а*; 3,*а–в*). История этого села уходит в еще более древние времена. К северу от с. Большой Бабчик, на возвышенном мысу, ВКАЭ под руководством А. А. Масленникова открыта крепость середины – второй половины I в. до н.э., в верхних горизонтах перекрытая плитовым могильником XIV в., получившим название Бабчик Восточный. Этот средневековый могильник, вероятно, и относится к поселению, которое затем получило название Чокрак-Бабчик и Большой Бабчик, зафиксированное на картах 1897 и 1934 гг.

Три года раскопок средневекового могильника Бабчик Восточный (2023–2025 гг., раскопано 20 плитовых могил) позволило охарактеризовать его как христианское кладбище, аналогичное раскопанному у с. Золотое, а также у храма Иоанна Предтечи в Корчеве и сделать выводы о том, что могильник принадлежал христианскому населению, о чем свидетельствуют кресты, выбитые на внутренних сторонах плит, слагающих могилы, крестики и джучидские монеты, превращенные в христианские символы [22; 23]. Состав сплава металлических вещей был исследован в отделе естественно-научных методов в археологии НИЦ истории и археологии Крыма КФУ им. В.И. Вернадского.

Предполагаемые средневековые поселения по данным анализа космических снимков и разведок

Для выявления возможных средневековых поселений, остатки которых разбросаны повсеместно по приморской части Караларского побережья и в глубине его территории, использовались космические снимки высокого разрешения из ресурса Google Earth. Особенно эффективными были весенние снимки, поскольку на этих поселениях за время их функционирования образовался мощный гумусированный культурный слой, выразившийся на снимках в виде ярких пятен травянистой растительности. На осенних и зимних снимках, в отсутствии растительности, напротив, были видны выходы каменных конструкций, заметны изменения микрорельефа местности.

Перспективные участки анализировались с учетом имеющихся сведений об археологических памятниках эпохи бронзы и античности, а также заброшенных поселений Нового времени. Ко-

ординаты мест предполагаемых средневековых поселений считывались из геоинформационной системы, и на их основе выбирались маршруты автомобильно-пеших разведок, в ходе которых делались наблюдения о сохранившихся структурах и проводился сбор подъемного материала.

Перечислим с запада на восток некоторые предполагаемые поселения, следы которых хорошо видны на весеннем космическом снимке Караларского побережья от с. Золотое до Чокракского озера от 3 мая 2019 г. из интернет-ресурса Google Earth (рис. 20).

Средневековые памятники на территории с. Золотое (рис. 20,*1*) нами уже рассмотрены выше. Поселение Чегене-I (Золотое-Восточное I) (рис. 20,*2*) [26, рис. 4,54] открыто в 1954 г. И. Т. Кругликовой [10, с. 271, № 191]. Расположено в 2 км к северу от с. Золотое, в бухте за мысом Чегене. В 1988 г. небольшие раскопки на поселении проведены Артезианским отрядом ВКАЭ (рук. Н. И. Винокуров). В слое гумуса, помимо античной керамики, обнаружены фрагменты причерноморских амфор и салтово-маяцких горшков [3, с. 58–59; 4, с. 321–323, рис. 162].

Поселение Чегене-II (рис. 20,*3*) [26, рис. 4,55] обнаружено в 1986 г. Т. Н. Смекаловой. Расположено в большой бухте к северу от поселения Чегене-I, отделено от него скалистой грядой. С запада оно ограничено побережьем Азовского моря, с севера, юга и востока – известняковыми кряжами. Среди подъемного материала, помимо античной керамики, встречаются фрагменты причерноморских амфор и салтово-маяцких горшков. К раннесредневековому периоду относятся каменные загородки и загоны для скота, располагавшиеся на верхней террасе поселения [3, с. 59–61; 4, с. 323–324, рис. 162].

Далее на восток вдоль побережья и в глубинной территории отмечены местонахождения (рис. 20,*3–17*), вероятно, относящиеся к средневековью по комплексу признаков: густая травянистая растительность, остатки каменных конструкций, фрагменты средневековой керамики. На этом же снимке отмечены поселения Нового времени, которые уже рассмотрены выше: Сююрташ, Культепе, Чалочик (Салачик, Староселье), Мысыр, Джайлав, Каралар.

Салтово-маяцкий горизонт присутствует и на античном поселении Полянка [26, рис. 4,56], расположенном в 5 км к западу от мыса Зюк на берегу бухты в небольшой долине, ограниченной с востока и юго-востока скалистым кряжем. В 1985 и 2016 гг. на поселении были раскопаны остатки жилых построек и вымосток, датированных VIII–IX вв. Связанный с ними горизонт в культурном слое выражен очень слабо [19, с. 368; 29, с. 240].

Выделенные по результатам анализа космических снимков и автомобильно-пеших разведок местонахождения возможных средневековых поселений намечены для более детальных археолого-геофизических работ в ближайшие сезоны. Они занимают определенную ландшафтную нишу: размещены в наиболее удобных, укрытых от непогоды, перспективных в мелко-хозяйственном отношении местах, чаще всего в «глубоких» бухтах, где имеются источники пресной воды, нередко вблизи предшествовавших позднеантичных поселений. Все они неукреплённые даже в естественно-природном плане. Считается, что в материальной культуре всей этой группы чётче всего прослеживаются северокавказские (аланские) влияния, а в хозяйственном отношении доминировали полеводство и сезонно-приселищное скотоводство, масштабы которых были не велики [7, с. 61]. Рыболовство, виноградарство и иные промыслы, а также домашнее ремесло и внешняя торговля сколь-либо значительного развития тут не получили.

***

Могильники и поселения XIV в. в районе села Золотое и Бабчик Восточный, имеющие ряд сходных черт не только между собой, но и с могильником, раскопанным у церкви Иоанна Предтечи, а также другими крымскими плитовыми могильниками, дают нам представление о христианском населении Караларского побережья в средние века. По предположению С. Г. Бочарова, средневековое поселение на территории современного села Золотое можно соотнести с населенным пунктом Дзукалаи, который в XIV–XV вв. был частью Генуэзской Газарии – владений республики св. Георгия на Крымском полуострове и входил в сельскую округу единственного крупного генуэзского города региона – Воспоро (Боспор). Кроме того, это поселение было составным звеном в системе обеспечения безопасного плавания торговых судов вдоль берегов Азовского моря [1, с. 157]. Но исследования В. А. Сидоренко показывают очевидные ошибки в попытках С. Г. Бочарова определить границы православных епархий Таврики, вытекающие из-за путаницы в византийской и русской церковных терминологиях. По этому поводу В. А. Си-

доренко отмечает: «В византийской церковной терминологии митрополией является главный город епархии, где размещается кафедра митрополита, в отличие от Русской Православной Церкви, для которой название «митрополия» имеет совершенно иное значение. Именование византийских епархий митрополиями, казалось бы, поправимая оплошность, но результатом ее являются серьезные ошибки в определении территорий Херсонской и Сугдейской православных епархий. <...> Таким образом, достоверной карты средневековой Таврики и Крыма с указанными на ней границами православных епархий не существует» [28, с. 140]. Тем более не существует и определения границ вассального по отношению к Золотой Орде княжества на Керченском полуострове с называемым русским городом Корчевым, бывшей Тмутараканью.

О христианском населении всего Керченского полуострова, включая и Северное Приазовье, писал Мухаммад ибн Джозаи со слов знаменитого арабского путешественника Ибн Батуты в описании его путешествия, начавшегося в 734 г.х. (12.09.1333–31.08.1334 гг.) с высадки на берег в Керчи. «Местность эта, – сообщал Ибн Батута, – в которой мы остановились, принадлежит к степи, известной под именем Дешт-Кипчака. <...> Ездят по этой степи не иначе как на телегах, а расстилается она на шесть месяцев пути; из них три (едешь) по землям султана Мухаммеда Узбека, а три по другим владениям. На заутрие дня нашего прибытия в эту гавань один из купцов, наших товарищей, отправился к тем в этой степи, которые принадлежат к народу, известному под именем Кипчаков – они христианской веры...» [30, с. 279]. Примечательно, что в городе Керчи Ибн Батута не встретил никого из мусульман, не было там и ни одной мечети, а заночевать путникам пришлось в церкви с фресковыми росписями, находившейся недалеко от причала. По всему видно, что это была ныне сохранившаяся церковь Иоанна Предтечи. Первых мусульман Ибн Батута встретил только в Каффе, где имелись и мечети, и звонницы церквей с колоколами, испугавшими его своим звоном. Русская летопись упоминает об эпидемии черной оспы, затронувшей русский город Корчев в период «великой замятни» в Золотой Орде 60-х гг. XIV в.

Жители, населяющие прибрежные и внутренние районы, примыкающие к Азовскому побережью Крыма, в средневековье были вовлечены в торговлю не только с городом Керчью-Корчевым, бывшим Боспором, но, возможно, с другими странами благодаря сохранению значения морского порта, о котором упоминает Ибн Батута, положению его на торговом пути каботажного плавания вдоль берегов Черного и Азовского морей. Товарами, производимыми населением Восточного Крыма, были, вероятно, продукты сельского хозяйства, в особенности, зерно. В этом также продолжилась античная традиция, так хорошо известная по речам Демосфена о масштабной зерновой торговле Боспора и Афин.

Поземельные отношения в возникшем к середине XV века (1441 г.) Крымском ханстве отличались своей спецификой как в юридически-традиционном, так и демографически-хозяйственном плане [6, с. 480–484]. В частности, появление в Крыму оседлого или в основном оседлого местного тюркского (крымскотатарского) населения, занятого хлебопашеством, принято относить ко второй половине XV века. Верховная власть была заинтересована в процессе седентаризации [5, с. 458; 27, с. 645–653]. Косвенным образом о земледелии местных жителей могут говорить многочисленные следы пахотных полей, оставшихся повсеместно на открытых участках Караларского побережья, а также в бухтах и между скалистыми выступами, как, например, у с. Золотое (рис. 12).

В XVIII – первой трети XX в. по историческим картам прослежено в целом поступательное развитие поселений Караларского побережья, население которого помимо земледелия и скотоводства было вовлечено в рыболовство, производство самосадочной соли и добычу строительного камня.

Предположительные поселения раннего Средневековья, не нанесенные на исторические карты или отмеченные как разрушенные, выявлены с помощью космических снимков с последующими автомобильно-пешими разведками. Они требуют дальнейшего исследования с применением магнитной и прецизионной геодезической съемки, целенаправленных раскопок ограниченными площадями. Район Караларского побережья, в силу прекрасной сохранности археологических памятников, является ценным полигоном для изучения региональной истории Крыма Средневековья и Нового времени.

Приложение
Использованный картографический материал

1. «Генеральная карта всего полуострова Крыма, показующая находящиеся на оном города, местечки и прочие татарские селения, дороги и ситуацию также и где 772_го, 773_го, 774_го (1772, 1773, 1774-го – *Т.С.*) годов в летнее время компаменты имели. Снята инженерною командою по берегу сего полуострова геометрически и поверена в разных местах поверешными магистралами а широта мест назначена по обсервации городов Арбата, Балаклавы и Еникуля / сочинена 1775 года». Ее масштаб – в английском дюйме 8 вёрст[4], или 1:356 000. Карта является частью «Мордвиновского альбома», озаглавленного «Театр войны между Российской Империей и Оттоманской Портой, продолжавшейся с 1768 по 10 число июля 1774». Архив Государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный мемориальный музей А. В. Суворова» (номер по КП (ГИК): МС КП 3441/33; Д. 2028.982).

2. Карта Таврической области. Ок. 1790 г. Российский государственный архив Военно-морского флота. Ф. 3. Оп. 23. Д. 448.

3. Генеральная Карта Крыма, сочиненная по новейшим наблюдениям Адъюнктом Федором Черным 1790 года, масштаб 12,6 верст на дюйм (1:530 000). На карте нанесена координатная сетка с шагом 30 минут и дана разбивка градусов через 10 минут по периметру рамки. Отсчет долготы производится от Ферро. Из фондов Российской Национальной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в г. Санкт-Петербурге.

4. Военная топографическая карта полуострова Крыма. Составленная по новейшим астрономическим наблюдениям, исправленная и дополненная из лучших военных съемок свиты его Императорского Величества по квартирмейстерской части генерал-майором Мухиным 1816 года, по приказанию г-на генерал адъютанта Князя Волконского 2-го во время управления его оной частью. Гравировано и напечатано в военно-топографическом депо при главном штабе Его Императорского Величества. Карта многоцветная, масштаб – в 1 дюйме четыре версты (1:168 000). Имеется координатная сетка с шагом 30 минут и отметки через 5 минут по периметру рамки, отсчет долготы от Ферро. 1817-го года. СПб.: ВТД, 1817. Из фондов Библиотеки Академии наук в Санкт-Петербурге.

5. Топографическая карта полуострова Крыма, составлена в 1/210000 долю настоящей величины и гравирована при военно-топографическом депо со съемок тригонометрической ген. штаба подполк. Оберга, топографической ген. штаба полковника Бетева. MDCCCXLII. СПб.: ВТД, 1842.

6. Военно-топографическая карта Таврической губернии 1862–1876 гг. 1:126 000 (трёхвёрстка). Сборная карта на 34 листах. Крым. Ряд XXXII листы 11, 12, 13, 14, 15, р. XXXIII л. 11, 12, 13, 14, 15, р. XXIV л. 12, 13, 14, р. XXXV л. 12, 13. М.: Картографический отдел Корпуса военных топографов, 1920. Территория Крыма отображена на 15 листах с размером рамки 60×45 см. Карта черно-белая, нанесена сетка координат с шагом 20 минут и с поминутной разбивкой по периметру рамки. Карта отражает состояние местности по рекогносцировке 1865 года и состояние железных дорог на 1876 г. Копирование выполнялось с переиздания 1920 г. ВТД, Российская национальная библиотека.

7. Полуверстовая карта Крыма – Военно-топографическая карта Таврической губернии 1890–1899 гг. 1:21 000. Сборная карта на 34 листах. Крым. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 386. Оп. 1. Д. 4914.

8. Карта Крымской А.С.С.Р. Управления военных топографов Р.К.К.А. 1934 г. Масштаб 1:25 000.

[4] Верста – старинная русская мера длины, равная 1,0668 м, английский дюйм равен 2,54 см.

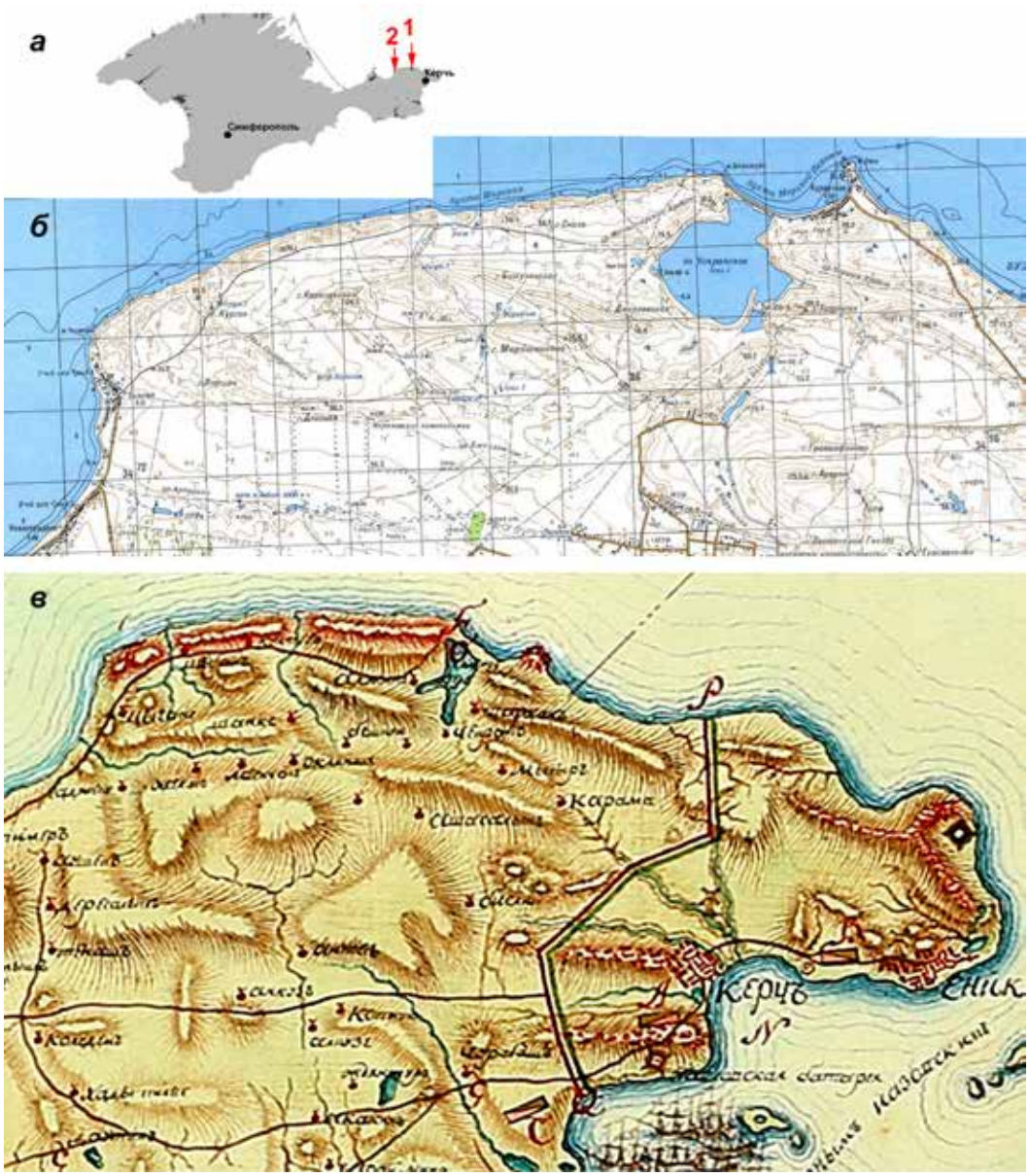


Рис. 1. Исследуемая территория Караларского побережья от с. Золотое (*2*) до восточного берега оз. Чокрак (*1*) в Крымском Приазове: *а* – на схематической карте Крыма, *б* – на карте масштаба 1:100 000 1970-х гг., *в* – на фрагменте карты 1775 г. Чертеж Т. Н. Смекаловой

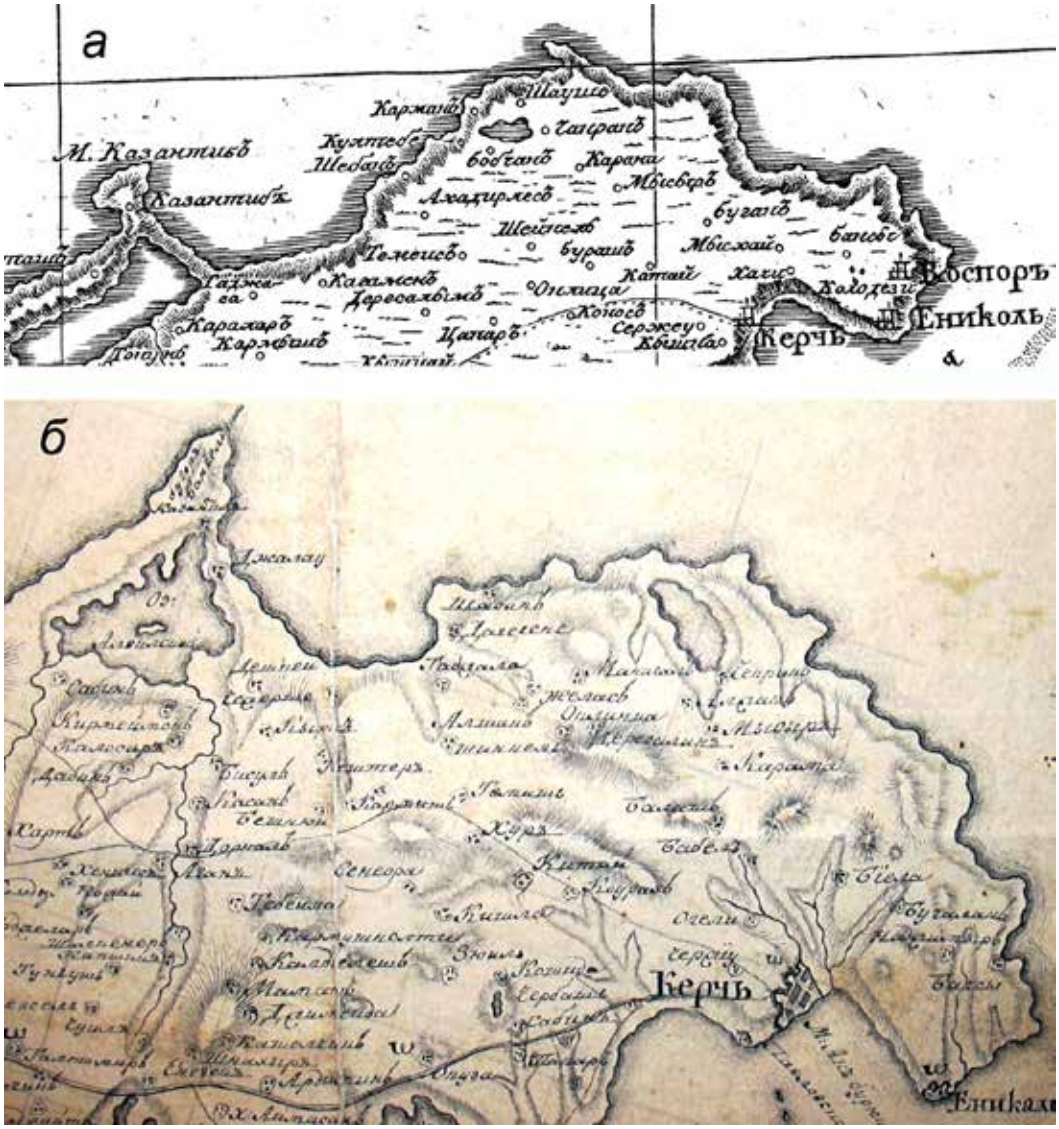


Рис. 2. Караларское побережье и оз. Чокрак на картах 1790 г. Федора Черного (*а*) и Таврической губернии (*б*)

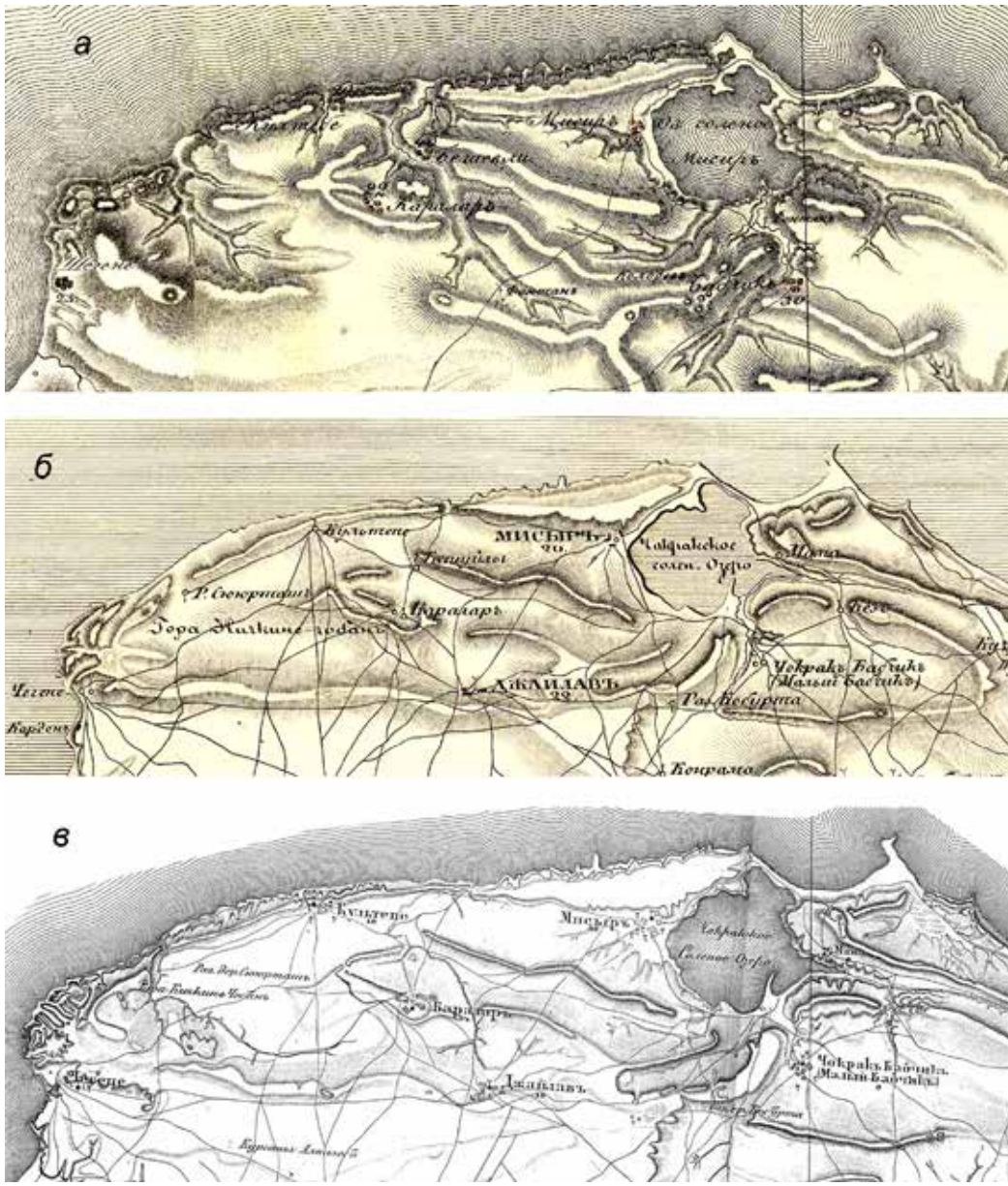


Рис. 3. Исследуемый район на картах Мухина 1817 г. (*а*), Бетева 1842 г. (*б*) и трёхверстовой (*в*)

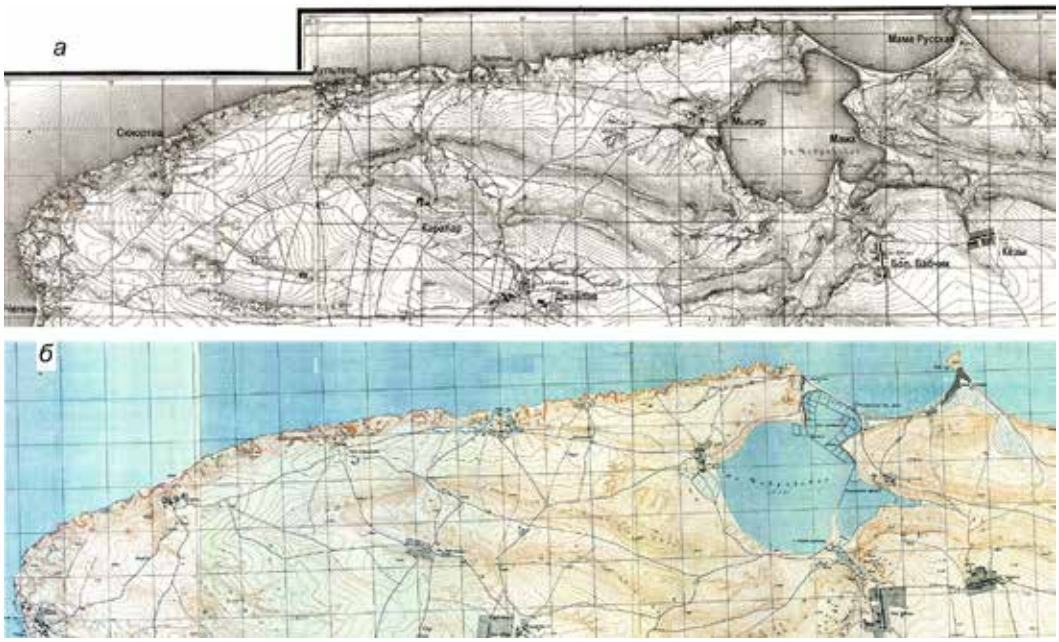


Рис. 4. Караларское побережье и оз. Чокрак на полуверстовой карте 1897 г., размер ячейки сетки равен 500 саженям (1,06 км) (*а*) и карте 1934 г., размер ячейки сетки равен 1 км, масштаб 1:25 000 (*б*)

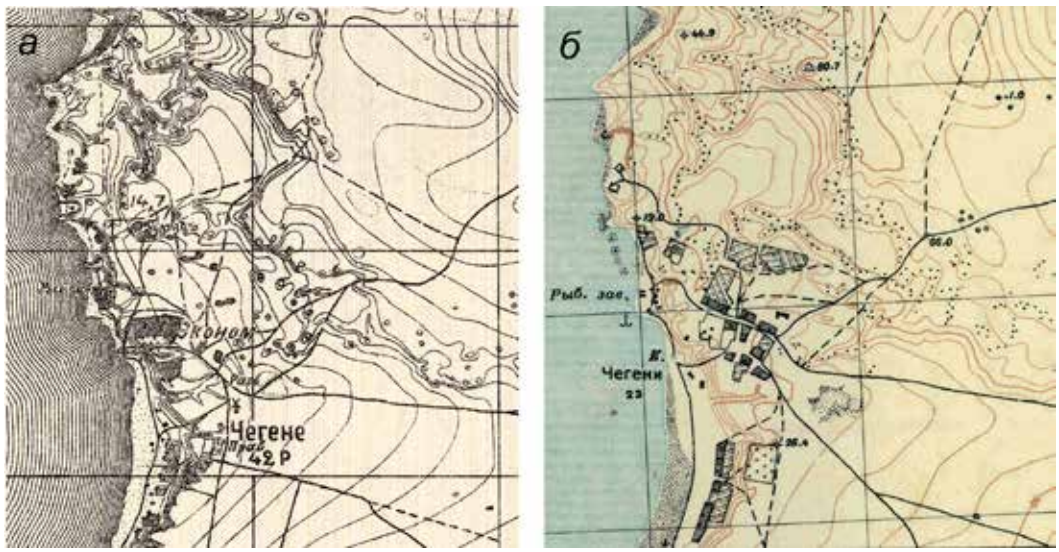


Рис. 5. Село Чегене (Чегени) на картах 1897 г. (*а*) и 1934 г. (*б*)

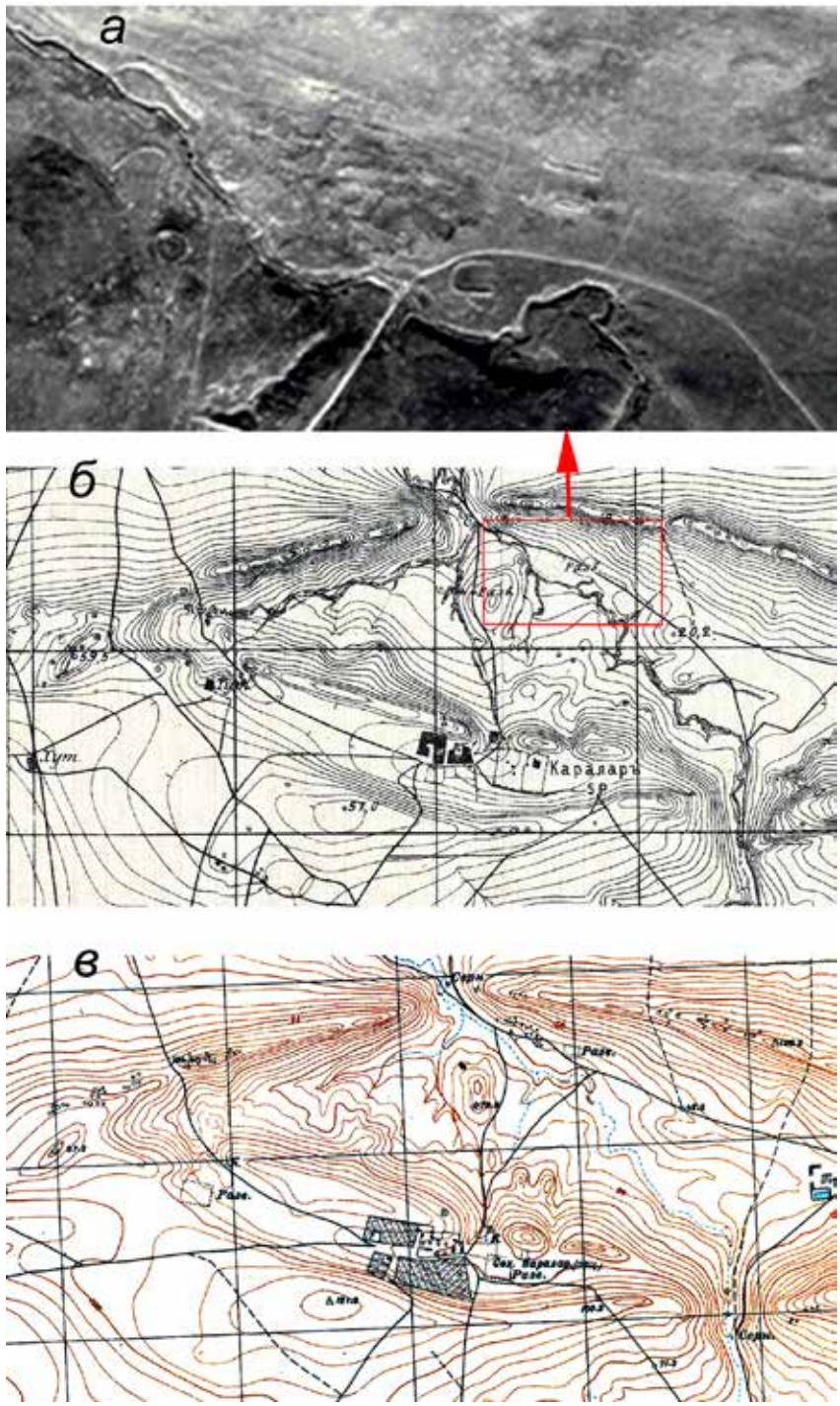


Рис. 6. План д. Каралар на картах 1897 г. (*б*) и 1934 г. (*в*). Вверху дана аэрофотография 1974 г. разрушенного поселения к северу от д. Каралар (*а*)

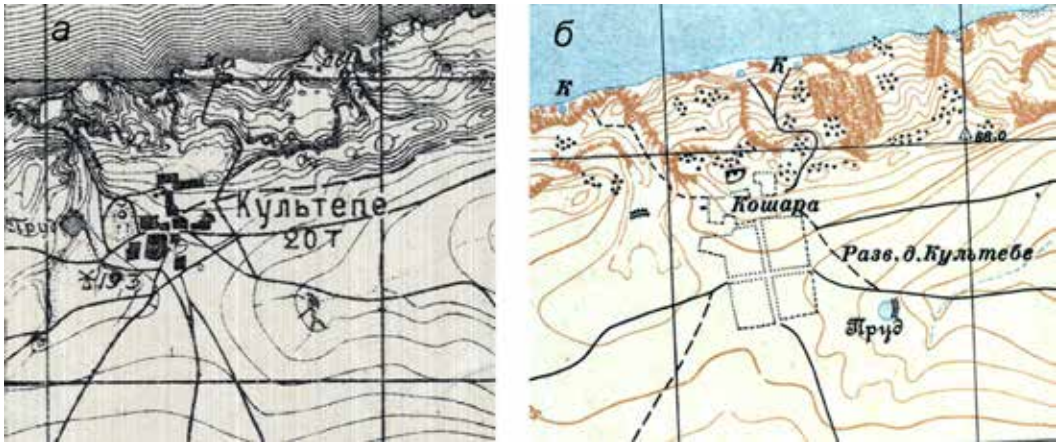


Рис. 7. Село Культепе на картах 1897 г. (*а*) и 1934 г. (*б*)

Рис. 8. Чокракская грязелечебница на почтовой открытке начала XX в.

Рис. 9. Археологические памятники в районе с. Золотого:
1 — средневековая могила 1 (раскоп II 1976 г.); *1а* – раскопанные средневековые дома;
2 — средневековая могила 1 (раскоп VI 1976 г.); *3* – средневековое кладбище с христианским храмом XIII–XIV вв.; *4* – античное поселение III/II вв. до н.э. – III в. н.э.;
5 – средневековое поселение; *6* – могильник Стоячий камень VI/V – III вв. до н.э.;
7 – селище Золотое-плато IV–III вв. до н.э. Чертеж Т. Н. Смекаловой

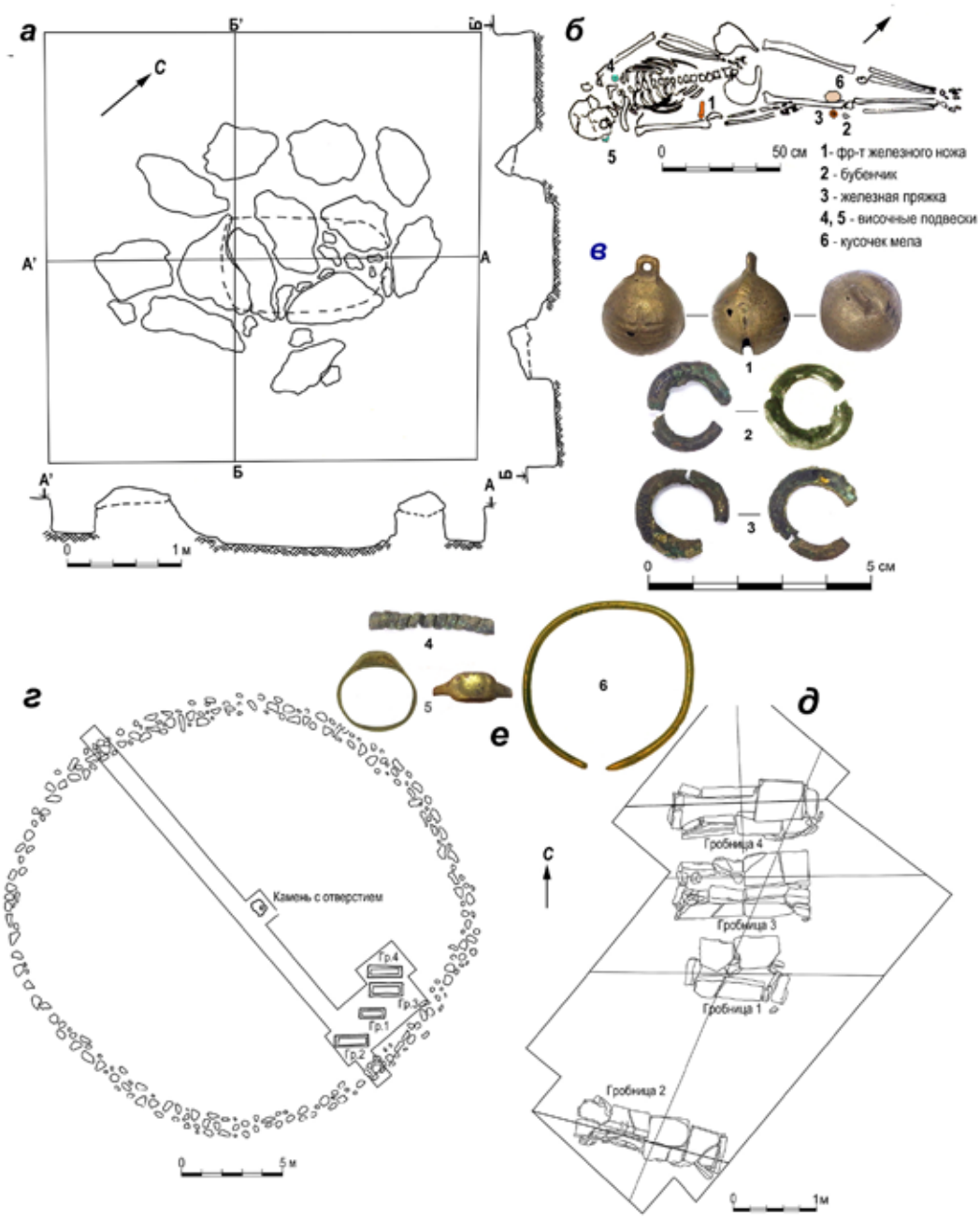


Рис. 10. *а, б* – План могилы 1, раскоп II 1976 г. у с. Золотое. Рисунок А. А. Масленникова и А. Н. Гаврилюка. *в* – Находки из могилы 1, раскоп II 1976 г. у с. Золотое: *1* – бубенчик; *2, 3* – кольцевидные подвески. Фотографии Т. Н. Смекаловой. *г, д* – План плитовых могил, раскоп VI 1976 г. у с. Золотое. Рисунок А. А. Масленникова и А. Н. Гаврилюка. *е* – Находки из могилы 1, раскоп VI 1976 г. у с. Золотое: *1* – спиралевидная подвеска; *2* – перстень; *3* – браслет. Фотографии Т. Н. Смекаловой. По: [18, рис. 16а,26,27]

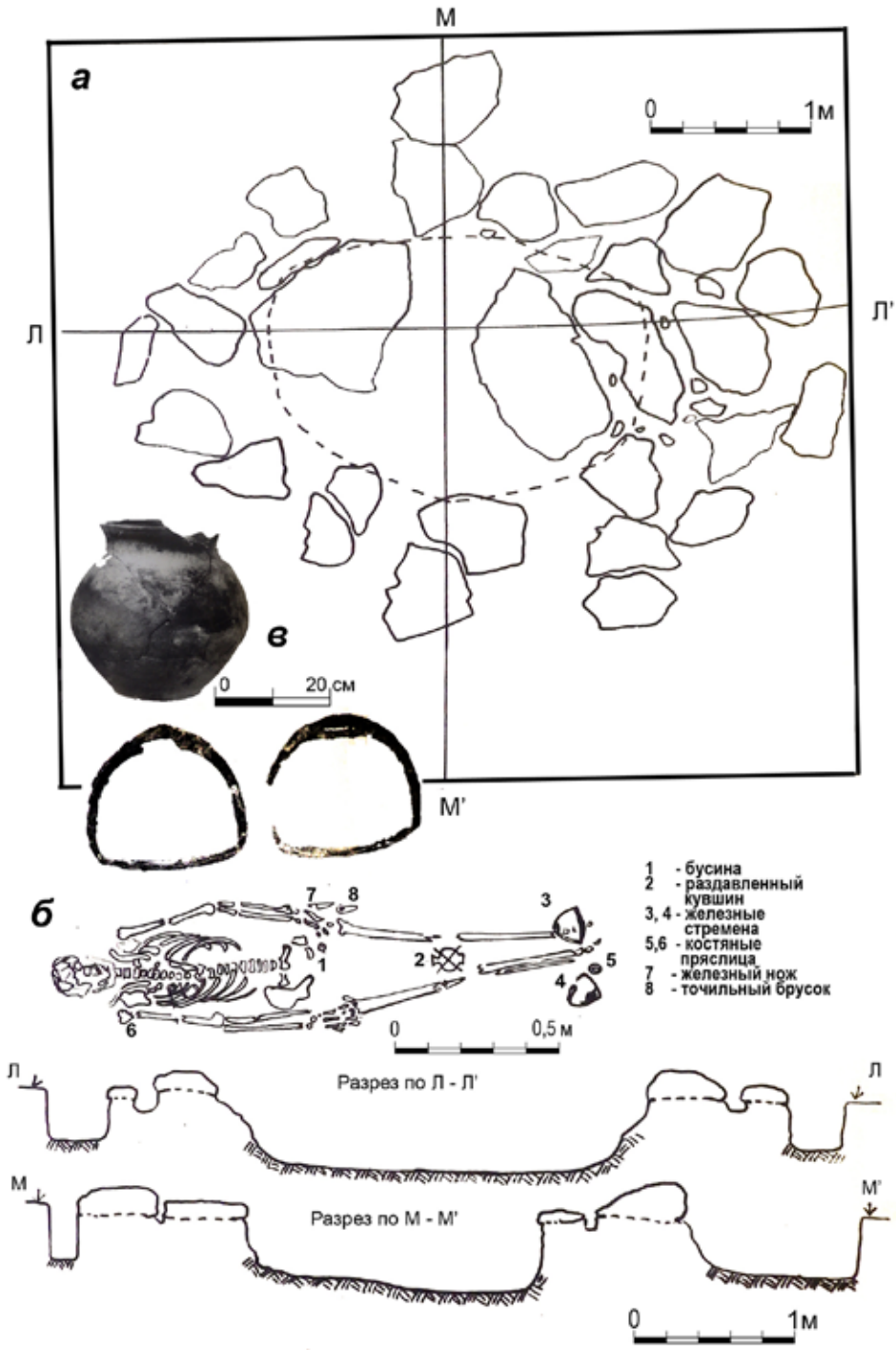


Рис. 11. *а, б* – План могилы 7, раскоп VII 1976 г. у с. Золотое. Рисунок А. А. Масленникова. *в* – Находки из этой могилы: лепной горшок и стремена. По: [18, рис. 43,68,71]

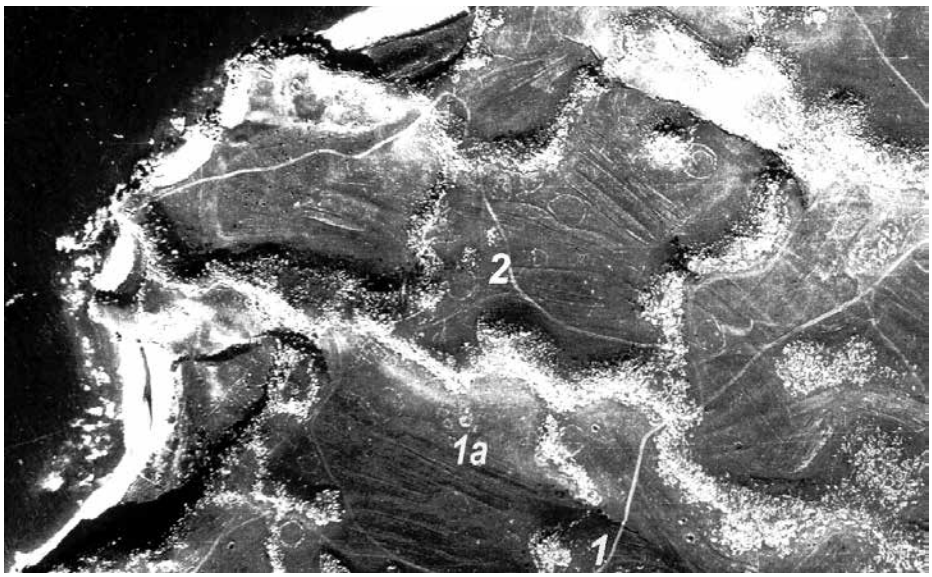


Рис. 12. Каменные круги, загородки и следы возделанных земельных участков на северо-восточной окраине с. Золотое

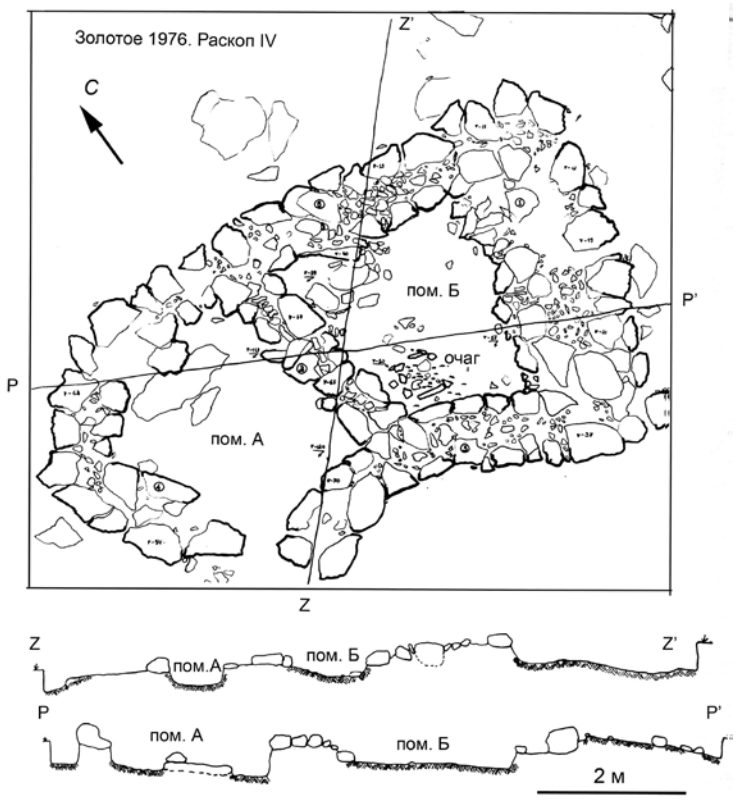


Рис. 13. Один из раскопанных в 1976 г. каменных средневековых домов, раскоп IV 1976 г. у с. Золотое. Рисунок А. А. Масленникова. По: [18, рис. 18]

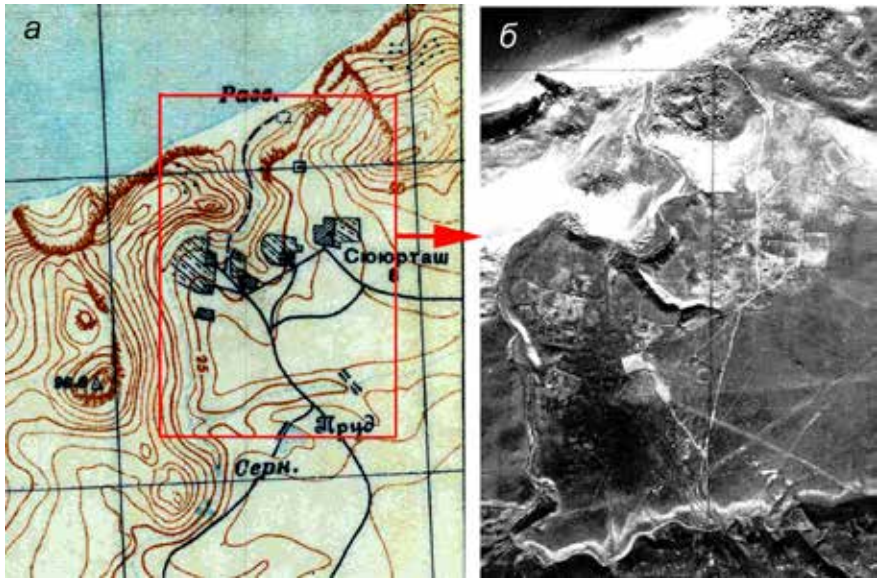


Рис. 14. План д. Сююрташ на карте 1934 г. (*а*). Справа дана аэрофотография 1974 г. части этого разрушенного поселения (*б*)

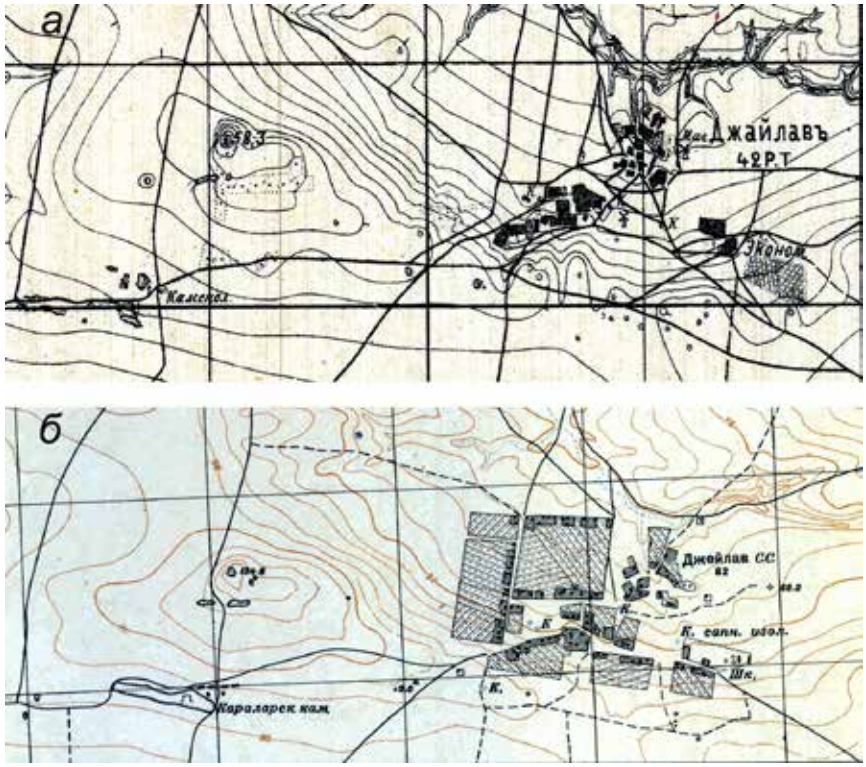


Рис. 15. Село Джайлав на картах 1897 г. (*а*) и 1934 г. (*б*)

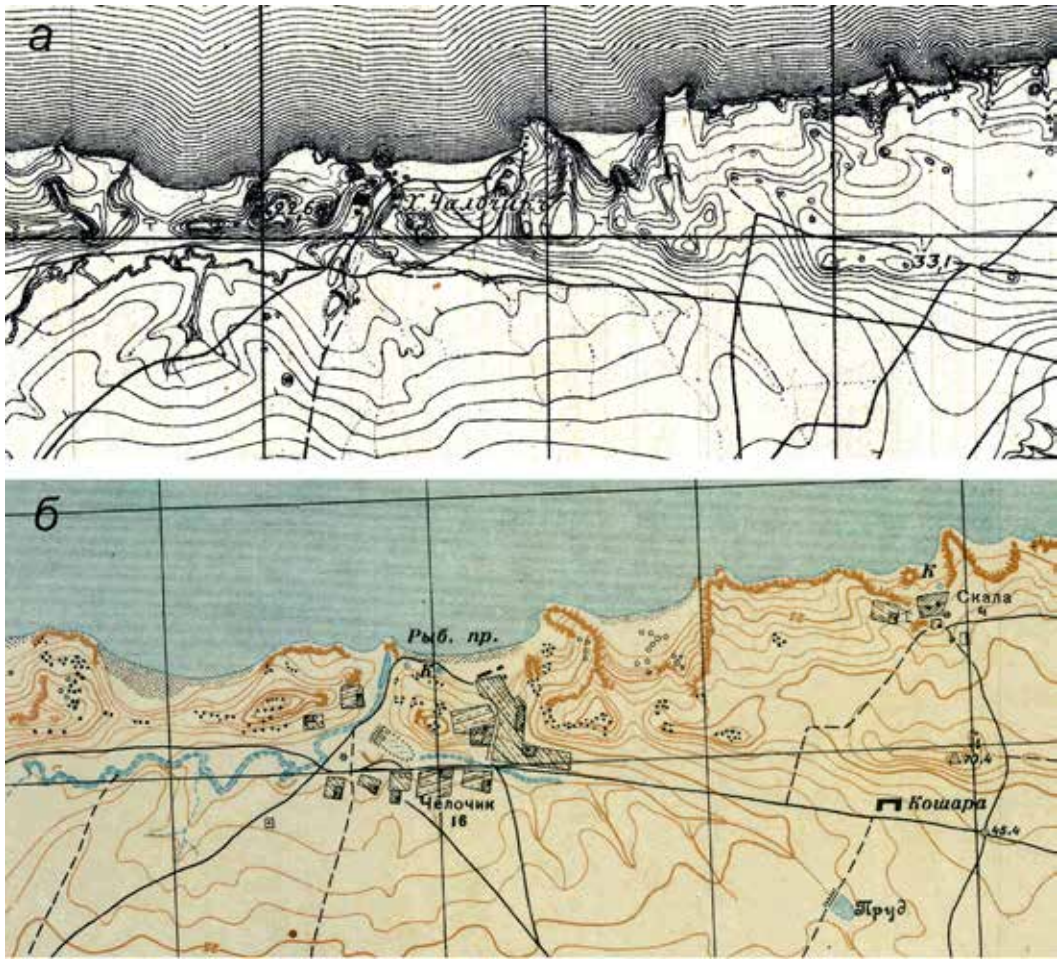


Рис. 16. Сёла Чалочик и Скала на картах 1897 г. (*а*) и 1934 г. (*б*)

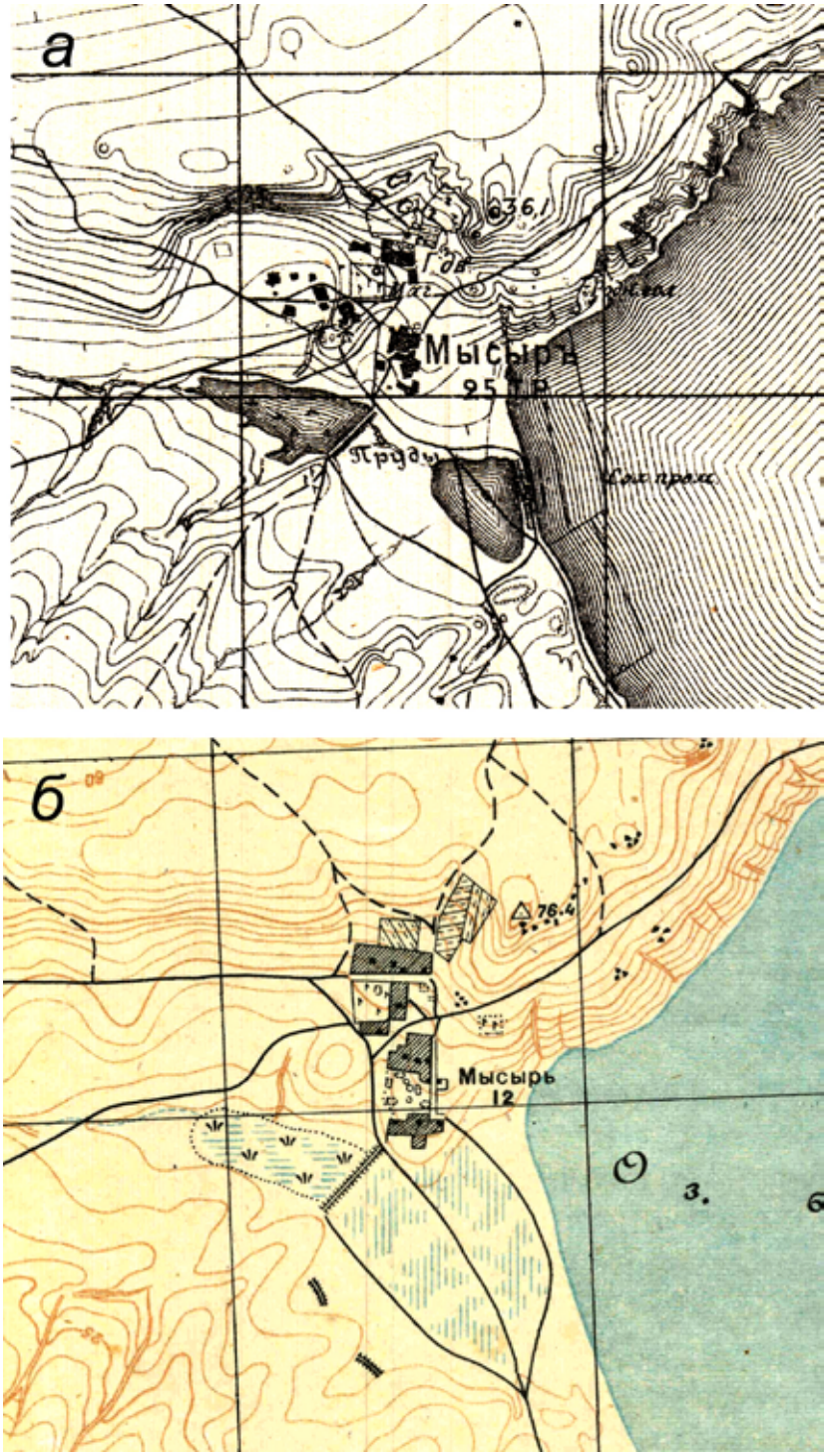


Рис. 17. Село Мысыр на картах 1897 г. (*а*) и 1934 г. (*б*)

Рис. 18. Сёла Мама Русская и Новый Свет на карте 1934 г.

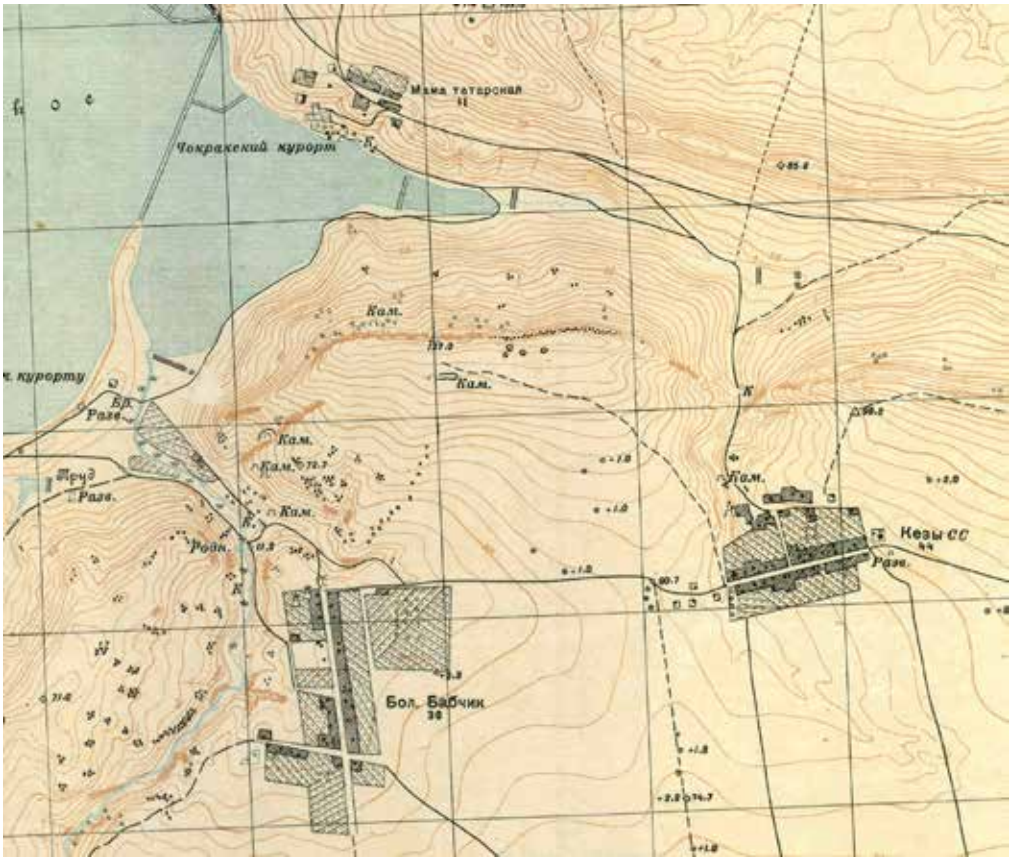


Рис. 19. Сёла Большой Бабчик и Кёзы на карте 1934 г.

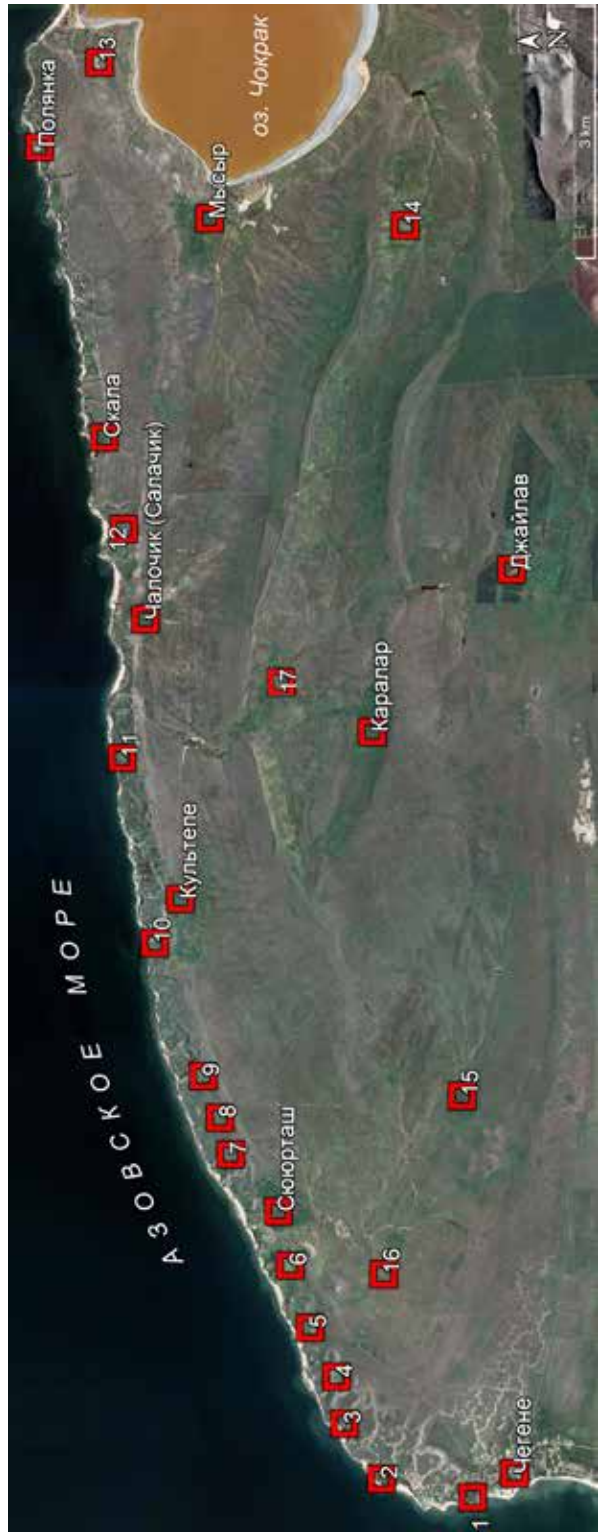


Рис. 20. Предполагаемые поселения эпохи Средневековья и известные по картам населенные пункты Нового времени на Караларском побережье, показанные на космическом снимке от 3 мая 2019 г. из компьютерного ресурса Google Earth Pro

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бочаров С.Г. Средневековое селение Дзукалаи на Керченском полуострове // Поволжская археология. 2016. № 4. С. 144–160.
2. Веселов В.В. Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949–1964 гг. М.: ИА РАН, 2005. 264 с. (Древности Боспора. Suppl. II).
3. Винокуров Н.И. Археологические памятники урочища Артезиан в Крымском Приазовье. М.: ИА РАН, 1998. 152 с.
4. Винокуров Н.И. Археологические памятники в Крымском Приазовье (по материалам ААЭ 1988–2011). Тюбинген: Saarbrücken, 2012.
5. Зайцев И.В. Государственный строй, общественные структуры, экономика // История Крыма: в 2-х т. / Отв. ред. А.В. Юрасов. М.: Кучково поле, 2018. Т. I. С. 457–466.
6. Зайцев И.В., Сейдалиев Э.И. Земледелие и земельные отношения. Крестьянская община. Скотоводство // История крымских татар: в 5-ти т. Т. III. Крымское ханство XV–XVIII вв. / Отв. ред. И.В. Зайцев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021. С. 480–484.
7. Зубарев В.Г., Майко В.В. Средневековое поселение Белинское на Керченском п-ове. Симферополь: Ариал, 2024. 200 с. (Археологические памятники Северного Причерноморья. Вып. 9).
8. Корпусова В.Н. Некрополь Золотое. К этнокультурной истории европейского Боспора. Киев: Наукова думка, 1983. 184 с.
9. Корпусова В.Н., Орлов Р.С., Гершкович Я.И. Работы у с. Золотое // Археологические открытия 1973 г. М.: Наука, 1974. С. 291.
10. Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. М.: Наука, 1975. 300 с.
11. Кругликова И.Т. Поселение у деревни Ново-Отрадное // Древности Боспора. 1998. № 1. С. 149–185.
12. Кузнецов В.А. Аланские племена Северного Кавказа. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 134 с. (МИА. № 106).
13. Лавров В.В., Иожица Д.В. Археологические разведки близ храма у подножия горы Килиса-Кая в 2021 году // История и археология Крыма. 2022. Вып. XVII. С. 186–189.
14. Майко В.В. Восточный Крым во второй половине X – XII вв. н.э. Киев: Видавець Олег Філюк, 2014. 467 с.
15. Майко В.В., Джанов А.В. Археологические памятники Судакского региона Республики Крым. Симферополь: Ариал, 2015. 448 с.
16. Макарова Т.И. Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // МАИЭТ. 1998. Вып. VI. С. 344–393.
17. Махнева О.А. О плитовых могильниках средневекового Крыма // Археологические исследования средневекового Крыма / Ред. О.И. Домбровский. Киев: Наукова думка, 1968. С. 155–168.
18. Масленников А.А. Отчет Восточно-Крымского отряда о раскопках в с. Золотое. Август 1976 год // Научный архив Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Оп. 2, ед. хр. 527.
19. Масленников А.А. Исследование античных памятников Крымского Приазовья //Археологические открытия 1985 года. М.: Наука, 1987. С. 368.
20. Масленников А.А. Каменные ящики Восточного Крыма (К истории сельского населения Европейского Боспора в VI–I вв. до н.э.). М., 1995. 124 с. (Древности Боспора. Вып. 8).
21. Масленников А.А. Эллинская хора на краю ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. М.: Индрик, 1998. 304 с.
22. Масленников А.А., Смекалова Т.Н., Антипенко А.В., Бейлин Д.В., Гаврилюк А.Н., Деваев А.С. Провожая любимое дитя… РФА серебряных украшений из детских захоронений средневекового некрополя Бабчик-Восточный в Керченском Приазовье // Stratum plus. 2024. № 5. С. 193–208.
23. Масленников А.А., Смекалова Т.Н., Сидоренко В.А. Сплавы и технология изготовления средневековых украшений из могильников Крымского Приазовья: рентгено-флуоресцентные исследования // Stratum plus. 2025. № 5 (в печати).
24. Орлов Р.С. Из истории сельского населения Керченского полуострова в XIII–XIV вв. // Памятники древних культур Северного Причерноморья / ред. В.Д. Баран. Киев: Наукова думка, 1979. С. 114–129.
25. Пономарёв Л.Ю. Жилые однокамерные постройки салтово-маяцких поселений Керченского полуострова. // Таврические студии. 2014. Т. 6. С. 131–139.
26. Пономарёв Л.Ю. Салтово-маяцкие памятники центральной и северной части Керченского полуострова (материалы к археологической карте) // Хазарский альманах. М., 2020. Т. 17. С. 175–227.
27. Сейдалиев Э.И., Кадыров Р.Р. Города и поселения Крымского ханства // История крымских татар: в 5-ти т. Т. III. Крымское ханство XV–XVIII вв. / Отв. ред. И.В. Зайцев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021. С. 645–656.
28. Сидоренко В.А. Митрополия Херсонской епархии и Мамай // ХСб. 2024. Вып. XXV. С. 140–156.
29. Супренков А.А., Масленников А.А., Кузина Н.В. Работы Восточно-Крымской археологической экспедиции Института археологии РАН // Археологические открытия 2016 г. М.: ИА РАН, 2018. С. 240.
30. Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Издано на иждивение графа С. Г. Строганова, 1884. 564 с.

31. Фоменко И.К. Номенклатура географических названий Причерноморья по морским картам конца XIII–XVII вв. // Причерноморье в средние века. 2001. Вып. 5. С. 40–108.
32. Фоменко И.К. Образ мира на старинных портоланах. Причерноморье. Конец XIII – XVII в. М.: Индрик, 2007. 424 с.
33. Хайрединова Э.А. Могильник первой половины XIV в. на плато Эски-Кермен (по результатам археологических раскопок 2020–2021 гг.) // Исследования центральной части города на плато Эски-Кермен в 2020–2021 гг. / ред. А.И. Айбабин, Э.А. Хайрединова. Симферополь: Антиква, 2022. С. 8–108. (Материалы Эски-Керменской экспедиции. Вып. 2).

REFERENCES

1. Bocharov S.G. Dzukalai: a Medieval Settlement on the Kerch Peninsula. *Povolzhskaia arkheologiia* [The Volga River Region Archaeology], 2016, no. 4, pp. 144–160.
2. Veselov V.V. *Svodnaia vedomost' rezul'tatov arkheologicheskikh razvedok na Kerchenskom i Tamanskom poluostrovakh v 1949–1964 gg.* [Summary of the results of archaeological exploration on the Kerch and Taman Peninsulas in 1949–1964]. Moscow, Institute of Archaeology of RAS Publ., 2005, 264 p.
3. Vinokurov N.I. *Arkheologicheskie pamiatniki urochishcha Artezian v Krymskom Priazov'e* [Archaeological sites of the Artesian tract in the Crimean Azov region]. Moscow, Institute of Archaeology of RAS Publ., 1998, 152 p.
4. Vinokurov N.I. *Arkheologicheskie pamıatniki v Krymskom Priazove (po materialam AAE 1988–2011)* [Archaeological sites in the Crimean Azov region (based on 1988–2011 materials of the Artezian Archaeological Mission)]. Tubingen, Saarbrücken Publ., 2012.
5. Zaitsev I.V. State system, social structures, economy. Yurasov A.V. (ed.), *Istoriia Kryma: v 2-kh t.* [History of Crimea: in 2 volumes]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2018, vol. I, pp. 457–466.
6. Zaitsev I.V., Seidaliev E.I. Agriculture and land relations. Peasant community. Cattle breeding. Zaitsev I.V. (ed.), *Istoriia krymskikh tatar: v 5-ti t. T. III. Krymskoe khanstvo XV–XVIII vv.* [History of the Crimean Tatars: in 5 volumes. Vol. III. Crimean Khanate of the 15th–18th centuries]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2021, pp. 480–484.
7. Zubarev V.G., Maiko V.V. *Srednevekovoe poselenie Belinskoe na Kerchenskom p-ove* [Medieval settlement Belinskoye on the Kerch Peninsula]. Simferopol, Arial Publ., 2024, 200 p. (Archaeological monuments of the Northern Black Sea region, 9).
8. Korpusova V.N. *Nekropol' Zolotoe. K etnokul'turnoi istorii evropeiskogo Bospora* [Zolotoe necropolis. Towards the ethnocultural history of the European Bosporus]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1983, 184 p.
9. Korpusova V.N., Orlov R.S., Gershkovich Ia.I. Works near the village of Zolotoe. *Arkheologicheskie otkrytiia 1973 g.* [Archaeological discoveries of 1973], Moscow, Nauka Publ., 1974, p. 291.
10. Kruglikova I.T. *Sel'skoe khoziaistvo Bospora* [Agriculture of the Bosporos]. Moscow, Nauka Publ., 1975, 300 p.
11. Kruglikova I.T. Settlement near the village of Novo-Otradnoye. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporos], 1998, no. 1, pp. 149–185.
12. Kuznetsov V.A. *Alanskie plemena Severnogo Kavkaza* [Alanian tribes of the North Caucasus]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1962, 134 p. (Materials and research on the archaeology of the USSR, 106).
13. Lavrov V.V., Iozhitsa D.V. Archaeological exploration near the temple at the foot of Mount Kilisa-Kaya in 2021. *Istoriia i arkheologiia Kryma* [History and archeology of Crimea], 2022, vol. 17, pp. 186–189.
14. Maiko V.V. *Vostochnyi Krym vo vtoroi polovine X – XII vv. n.e.* [Eastern Crimea in the second half of the 10th – 12th centuries AD]. Kyiv, Publisher Oleg Filyuk, 2014, 467 p.
15. Maiko V.V., Dzhanov A.V. *Arkheologicheskie pamiatniki Sudakskogo regiona Respubliki Krym* [Archaeological monuments of the Sudak region of the Republic of Crimea]. Simferopol, Arial Publ., 2015, 448 p.
16. Makarova T.I. Archaeological excavations in Kerch near the Church of John the Baptist. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 1998, vol. 6, pp. 344–393.
17. Makhneva O.A. On the slab burial grounds of medieval Crimea. Dombrovskii O.I. (ed.), *Arkheologicheskie issledovaniia srednevekovogo Kryma* [Archaeological research of medieval Crimea], Kiev, Naukova dumka Publ., 1968, pp. 155–168.
18. Maslennikov A.A. *Report of the East Crimean detachment on excavations in the village of Zolotoe. August 1976*. Scientific archive of the East Crimean historical and cultural museum-reserve, Op. 2, unit. hr. 527.
19. Maslennikov A.A. Study of ancient monuments of the Crimean Azov region. *Arkheologicheskie otkrytiia 1985 goda* [Archaeological discoveries of 1985], Moscow, Nauka Publ., 1987, p. 368.
20. Maslennikov A.A. *Kamennye iashchiki Vostochnogo Kryma (K istorii sel'skogo naseleniia Evropeiskogo Bospora v VI–I vv. do n.e.)* p Stone boxes of Eastern Crimea (On the history of the rural population of the European Bosporus in the 6th–1st centuries BC)]. Moscow, 1995, 124 p. (Antiquities of the Bosporus, 8).

21. Maslennikov A.A. *Ellinskaia khora na kraiu oikumeny. Sel'skaia territoriia evropeiskogo Bospora v antichnuiu epokhu* [Hellenic chora on the edge of the oikumene. Rural territory of the European Bosporus in the ancient era]. Moscow, Indrik Publ., 1998, 304 p.
22. Maslennikov A.A., Smekalova T.N., Antipenko A.V., Beilin D.V., Gavriliuk A.N., Devaev A.S. "Seeing off my Beloved Child…": XRF of Silver Jewelry from Children's Graves in the Medieval Necropolis of Babchik Vostochny in the Kerch Azov Region. *Stratum Plus*, 2024, no. 5, pp. 193–208.
23. Maslennikov A.A., Smekalova T.N., Sidorenko V.A. Alloys and manufacturing technology of medieval jewelry from burial grounds of the Crimean Azov region: X-ray fluorescence studies. *Stratum Plus*, 2025, no. 5 (in print).
24. Orlov R.S. From the history of the rural population of the Kerch Peninsula in the 13th–14th centuries. Baran V.D. (ed.), *Pamiatniki drevnikh kul'tur Severnogo Prichernomor'ia* [Monuments of ancient cultures of the Northern Black Sea region], Kiev, Naukova dumka Publ., pp. 114–129.
25. Ponomarev L.Iu. Single-chamber residential buildings of the Saltovo-Mayatsky settlements of the Kerch Peninsula. *Tavricheskie studii* [Tauride Studies], 2014, vol. 6, pp. 131–139.
26. Ponomarev L.Iu. Saltovo-Mayatsky monuments of the central and northern parts of the Kerch Peninsula (materials for the archaeological map). *Khazarskii al'manakh* [Khazar Almanac], 2020, vol. 17, pp. 175–227.
27. Seidaliev E.I., Kadyrov R.R. Cities and settlements of the Crimean Khanate. Zaitsev I.V. (ed.), *Istoriia krymskikh tatar: v 5-ti t. T. III. Krymskoe khanstvo XV–XVIII vv.* [History of the Crimean Tatars: in 5 volumes. Vol. III. Crimean Khanate of the 15th–18th centuries]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2021, pp. 645–656.
28. Sidorenko V.A. Metropolitanate of the Kherson Diocese and Mamai. *Khersonesskii sbornik* [Chersonesos Collection], 2024, vol. 25, pp. 140–156.
29. Suprenkov A.A., Maslennikov A.A., Kuzina N.V. Works of the East Crimean Archaeological Expedition of the Institute of Archaeology of RAS. *Arkheologicheskie otkrytiia 2016 g.* [Archaeological Discoveries of 2016]. Moscow, Institute of Archaeology of RAS Publ., 2018, p. 240.
30. Tizengauzen V. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy. T. I. Izvlecheniia iz sochinenii arabskikh* [Collection of materials related to the history of the Golden Horde. T. I. Extracts from Arabic works]. St. Petersburg, S.G. Stroganov Publ., 1884, 564 p.
31. Fomenko I.K. Nomenclature of geographical names of the Black Sea region according to sea charts of the late 13th–17th centuries. *Prichernomor'e v srednie veka* [The Black Sea region in the Middle Ages], 2001, vol. 5, pp. 40–108.
32. Fomenko I.K. *Obraz mira na starinnykh portolanakh. Prichernomor'e. Konets XIII – XVII v.* [The image of the world on ancient portolans. The Black Sea region. Late 13th – 17th centuries]. Moscow, Indrik Publ., 2007, 424 p.
33. Khairedinova E.A. Burial ground of the first half of the 14th century on the Eski-Kermen plateau (based on the results of archaeological excavations in 2020–2021). Aibabin A.I., Khairedinova E.A. (eds.), *Issledovaniia tsentral'noi chasti goroda na plato Eski-Kermen v 2020–2021 gg.* [Studies of the central part of the city on the Eski-Kermen plateau in 2020–2021], Simferopol, Antikva Publ., 2022, pp. 8–108. (Materials of the Eski-Kermensky expedition, 2).

Информация об авторах

Смекалова Т. Н. – доктор исторических наук, заведующий отделом естественно-научных методов в археологии НИЦ истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского; Researcher ID: R-3665-2016.

Масленников А. А. – доктор исторических наук, заведующий отделом полевых исследований Института археологии РАН; Researcher ID: ABE-4151-2020.

Сидоренко В. А. – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник НИЦ истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского; Researcher ID: AAH-7227-2019.

Authors information

Smekalova T. N. – Doctor of Science (History), Head of the Department of natural science methods in archaeology at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University; Researcher ID: R-3665-2016.

Maslennikov A. A. – Doctor of Science (History), Head of the Field Research Department of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences; Researcher ID: ABE-4151-2020.

Sidorenko V. A. – Candidate of Sciences (History), Leading Researcher of the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University; Researcher ID: AAH-7227-2019.

НУМИЗМАТИКА

DOI: 10.29039/2413-189X.2025.30.442-446

НОВЫЙ ДИФФЕРЕНТ НА ХЕРСОНЕССКОЙ ДРАХМЕ ОК. 175 Г. ДО Н.Э.

Игорь Валентинович Шонов
Институт археологии Крыма Российской академии наук, Симферополь, Россия
aspyrg@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о дифферентах в виде инициальных букв на херсонесских драхмах II в. до н.э. К уже известным на этих драхмах добавляется новый дифферент в виде буквы К. Предполагается, что в рассматриваемой серии серебряных монет группа дифферентов в виде букв принадлежала чиновникам Антиоха IV Эпифана, которые являлись его кровными и некровными родственниками, и ему самому. Все это указывает на финансирование Сирией Херсонеса Таврического во II в. до н.э.
Ключевые слова: Херсонес, Антиох IV, Клеопатра I, Дионисий, Селевк IV

NEW COUNTERMARK AT THE CHERSONESAN DRACHMA OF 175 BC

Igor' V. Shonov
Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia
aspyrg@gmail.com

Abstract. This article discusses the monograms on Chersonesan drachmae from the second century BC. The already known monograms on these drachmae are supplemented with new monogram showing letter K. The entire group of monograms belongs to the officials of Antioch IV Epiphanes, who were obviously his blood and non-blood relatives. All this indicates that Taurica Chersonese go money from Syria in the second century BC.
Keywords: Chersonese, Antioch IV, Cleopatra I, Dionysiops, Seleukos IV

Ю. Г. Виноградов и А. Н. Щеглов пишут: «На насильственный характер овладения Северо-Западным Крымом косвенно указывает не только строительство укреплений, но и находка на Кульчукском некрополе воинского надгробия Парфения, сына Сириска, херсонесского типа, а также выпуск в Херсонесе парадных серий монет с победными сюжетами» [9, с. 323–324]. Заметим, что речь идет о монетах из бронзы [1, с. 35–59, табл. II–IV, 36–59]. Они же считают, что «самое яркое и убедительное свидетельство совершавшихся военных действий непосредственно против основанного Ольвией и связанного с ней поселения дали раскопки эталонного для Северо-Западного Крыма памятника – агломерации Панское I и ее некрополя». По заключению Ю. Г. Виноградова и А. Н. Щеглова, «Полученные на Панском I наблюдения и материалы, очевидно, сталкивают нас с редчайшим случаем, зафиксированным археологией и не дошедшим до нас в письменных памятниках фактом военного конфликта между двумя северопонтийскими полисами. Эта «неизвестная война» за плодородный равнинный район Северо-Западного Крыма, судя по всему, закончилась поражением Ольвии». Авторы заключают, что «Разгром крепости, сопровождавшийся пожаром и разрушениями, произошел не позднее середины IV в.» [9, с. 324].

Наблюдения над сменой монетных типов Херсонеса хотя и существенны, но не отражают главных изменений, произошедших в его монетном деле. Первое – это появление у полиса прежде отсутствовавшего источника серебра для организации серебряной чеканки. Херсонес, как известно, собственными рудниками не владел, и даже если принимать за достоверное высказывавшееся некоторыми исследователями предположение об оказании

ему помощи со стороны Гераклеи в войне с Ольвией за Керкинитиду, то и это не могло бы объяснить причин экономического подъема Херсонеса. Второе – это снабжение серебряных монет дифферентами в виде инициальных букв, осуществлявшееся в дальнейшем помимо помещения на них имен магистратов или эпонимов. Эти дифференты являют единственную возможность объяснить их значение также единственно возможным методом сравнения их с начинающимися с этих букв именами настолько известных в свое время правителей и членов их семей, что они не нуждались в более понятных аббревиатурах или монограммах, и выявления совпадений. Этот метод приводит к правителям Сирии. В настоящее время не все инициалы династов задействованы в совпадениях с соответствующими им именами магистратов. Поэтому несомненный интерес представляет каждая находка серебряных херсонесских монет с не известными прежде сочетаниями имен магистратов и дифферентов.

При Антиохе IV Эпифане начинается обильная чеканка в Херсонесе серебряных монет типа «голова Девы вправо – Дева, поражающая копьем лань». Это был второй тип серебра, чеканенный, когда в Сирии правил этот царь. Недавно стала известна еще одна монограмма в виде буквы К. На распаханном поле, на ближней хоре Херсонеса были найдены три серебряных монеты этой же группы с именами магистратов: ΥΜΝΟΥ, ΜΕΝΕΣΤΡΑΤΟΥ и ΕΥΡΥΔΑΜΟΥ (рис. 1,*1–3*; табл. 1,*1–3*).

Описание монет этого типа:

Л. С. Голова Девы в венке вправо, позади лук и колчан.

О. С. Дева, поражающая копьем лань, влево. Внизу, слева и справа дематикон – ΧΕΡ. Справа или внизу имя магистрата: ΥΜΝΟΥ, ΕΥΡΥΔΑΜΟΥ или ΕΥΡΥΔΑΜ(ΟΥ), ΜΕΝΕΣΤΡΑΤΟΥ или ΜΕΝΕΣΤΡΑ(ΤΟΥ).

Этот тип монет давно известен нумизматам [8, табл. XIV,1–2; 10, табл. IV,7; 4, с. 240, пр. 1; 5, с. 258]. В серию входит и младший номинал:

Л. С. Голова Девы в венке вправо, позади лук и колчан.

О. С. Горит и лук вправо, вверху надпись ΧΕΡ, внизу такие же имена, как и на старшем номинале: ΥΜΝΟΥ, ΕΥΡΥΔΑΜΟΥ или ΕΥΡΥΔΑΜ(ΟΥ), ΜΕΝΕΣΤΡΑΤΟΥ или ΜΕΝΕΣΤΡΑ(ΤΟΥ).

Ранее данная серия датировалась 210–200 гг. до н.э. [1, № 133–136]. Позднее она была переатрибутирована на 200–190 гг. до н.э. [17, с. 343]. Имя Менестрата переходит на следующую серию монет, датируемых до 187 г. до н.э. Кроме этого имени присутствуют еще два: ΥΜΝΟΥ и ΕΥΡΥΔΑΜΟΥ. Все остальные ранее помещаемые на монетах Херсонеса имена к этому времени исчезают, что может, по мнению ряда исследователей, отражать подпадание Херсонеса под боспорское влияние. Имя Менестрат известно в эпиграфических памятниках I–III вв. н.э. на Боспоре, где фиксируется до 30-ти имен и патронимиков [13, с. 883]. В них упоминается имя наместника в Феодосии Менестрата, сына Госемфлия [13, № 36]. Род Менестрата занимал высокое положение на Боспоре в римское время. Например, Менестрат, сын Менестрата, при царе Аспурге был наместником острова [13, № 40]. Имя Юлия Менестрата, хилиарха и пресбевта, отмечено в Танаисе. Судя по всему, большинство из этих чиновников принадлежит членам одной известной семьи боспорских аристократов, один из которых, возможно, был наместником в Херсонесе в начале II в. до н.э. Имя Менестрат встречается и в надписях Ольвии.

Второе в этой серии имя Ὕμνος может отождествляться с Ὕμνος Σκύθα, присутствующее в списке арендаторов из Херсонеса [21, № 403aA] и в херсонесских астиномных клеймах, датируемых 251–200 гг. до н.э. [2, № 112; 6, № 36; 7, с. 120, № 121, табл. XIII,13–14; 14, с. 146; 12, с. 104, 111, № 10]. В дельфийском декрете оно фигурирует как патронимик херсонесита, получившего проксению в Дельфах в 195/94 гг. до н.э. [11, с. 249, № 14]. Имя Σκύθας для херсонесской ономастики редкое, что дает возможность предположить, что отцом Ὕμνου был известный также из астиномных клейм Σκύθας Σωπόλιος. Они датируются 230–215 гг. до н.э. [12, с. 110, № 49]. А дядей, возможно, являлся астином Απολλώνιος Σωπόλιος [12, с. 10, № 34]. В семьях аристократов Херсонеса традиционно передавали детям имена деда и прадеда, в виду чего ограниченное число имен становилось родовым. Вполне вероятно, что

сын именно этого Гюмна, Σώπολις Ὕμνου, также занимал должность астинома. Его клейма датируются 175–160 гг. до н.э. [12, с. 112, № 33].

В данном выпуске монет выявлены экземпляры с дифферентами на некоторых штемпелях [17, с. 345]. Буквы А и Δ находятся на монетах с именем магистрата Гюмна. На экземплярах с именем Менестра и Евридама присутствует дифферент А. Возможно, что наличие этих дополняющих имена дифферентов отражает влияние селевкидского царя Антиоха IV Эпифана на Херсонес. Эти же буквы присутствуют на серебряных тетерадрахмах Антиоха IV [20, pl. 6, № 1474, 1472b]. Буквaа Δ, очевидно, относится к известному имени царского эпистографа Дионисия, при Антиохе IV [18, с. 100]. Буква А является инициалом самого царя Антиоха IV. Если наше предположение о значении дифферентов верно, то первые выпуски этих драхм должны датироваться 175–171 гг. до н.э.

На одной из публикуемых трех монет на реверсе справа от Девы находится дифферент К (рис. 1,*3*; табл. 1,*3*). Данная монограмма может относиться к принцессе Клеопатре, которая была дочерью сирийского царя Антиоха Великого, а также сестрой Селевка IV и Антиоха IV. Эту же букву К мы видим на серебряных тетрадрахмах типа «Аполлон – Амфал», чеканенных при Селевке IV [20, vol. I, p. 470]. Буква К также встречается на тетрадрахмах Антиоха III Великого типа «голова царя в повязке вправо – идущий слон вправо», вверху надпись ΒΑΣΙΛΕΩΣ, внизу имя Антиох, под именем буква К [20, vol. I, pl. 58, № 1135.2]. Эта принцесса впоследствии стала женой Птолемея V Эпифана и царицей Египта. С этим царем Египта Антиох III Великий воевал. В ходе этой войны Антиох III захватил Келесирию, включавшую в себя Палестину и Финикию. В 196 г. до н.э. был заключен мирный договор, согласно которому женой Птолемея V Эпифана стала дочь Антиоха III Клеопатра I [3, с. 236]. В приданое Клеопатра получила завоеванные территории, доходы с которых делились между Селевкидами и Лагидами [16, кн. 12, гл. 4.1]. Птолемей V планировал отвоевать эти территории, но не смог из-за своей смерти в 180 г. до н.э. [15, XXVIII, гл. 1]. Клеопатра, как регент при своих малолетних детях Птолемее VI Филометоре, Птолемее VIII Эвергете и Клеопатре II, удерживала обе стороны от войны. Ее смерть в 176 г. до н.э. поменяла расстановку сил. Регентами стали евнух из Хузестана Евлей и бывший сирийский раб Леней, готовившиеся к войне [19]. Очевидно, смерть Клеопатры I приходилась на 175 г. до н.э., когда в Сирии пришел к власти ее брат Антиох IV Эпифан.

Статистика монетных выпусков рассматриваемой серии, сочетающих на себе имена и инициалы, следующая: К – Ὕμνος – 1 экз., А – Ὕμνος – 5 экз., Δ – Ὕμνος – 5 экз., А – Μενέστρατος – 3 экз., Δ – Μενέστρατος – 2 экз., А – Εὐρύδαμος – 3 экз. Делать какие-либо выводы без штемпельного анализа преждевременно, но уже сейчас можно отметить, что в серии рассматриваемых выпусков после находки монеты с инициалом К значение этого и двух других дифферентов не может быть цифровым обозначением числа исполнений должностным лицом одинаковой должности, что, безусловно, сужает круг поиска ответа на вопрос предназначения этих дифферентов и не противоречит предполагаемому нами ответу на него. Также не находится оснований отказаться от предложенной ранее датировки всей этой обильной серии серебра 175–164 гг. до н.э. [18, с. 101].

Таблица 1. Описание серебряных монет Херсонеса 175–164 гг. до н.э.

№	Монета	Л. С.	О. С.
1	Драхма	Голова Артемиды вправо. Сзади горит и лук	Дева, поражающая копьем лань, влево. Внизу имя ΜΕΝΕΣΤΡ. Слева ΧΕΡ
2	Драхма	Голова Артемиды вправо. Сзади горит и лук	Дева, поражающая копьем лань, влево. Внизу имя ΕΥΡΥΔΑΜΟΥ. Слева ΧΕΡ
3	Драхма	Голова Артемиды вправо. Сзади горит и лук	Дева, поражающая копьем лань, влево. Внизу имя ΥΜΝΟΥ. Вверху ΧΕΡ, справа К

Рис. 1. Серебряные монеты Херсонеса 175–164 гг. до н.э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э. – XII в. н. э.). Киев: Наукова думка, 1977. 176 с.
2. Ахмеров Р.Б. Об астиномных клеймах эллинистического Херсонеса // ВДИ. 1949. № 4. С. 99–123.
3. Бенгтсон Г. Правители эпохи эллинизма. М.: Главная редакция восточной литературы, 1982. 392 с.
4. Бертье-Делагард А.Л. Несколько новых или малоизвестных монет Херсонеса // ЗООИД. 1906. Т. XXVI. С. 215–276.
5. Бертье-Делагард А.Л. Материалы для весовых исследований монетных систем древнегреческих городов и царей Сарматии и Тавриды // Нумизматический сборник. М., 1913. Т. II. С. 49–134.
6. Борисова В.В. Амфорные ручки с именами астиномов древнего Херсонеса // ВДИ. 1949. № 3. С. 86–92.
7. Борисова В.В. Керамические клейма Херсонеса и классификация херсонесских амфор // Нумизматика и эпиграфика. 1974. XI. С. 99–124.
8. Бурачков П.О. Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям существовавших в древности на северном берегу Черного моря, в пределах нынешней Южной России. Одесса, 1884. 289 с.
9. Виноградов Ю.Г., Щеглов А.Н. Образование территориального херсонесского государства // Эллинизм: экономика, политика, культура / Отв. ред. Е.С. Голубцова. М.: Наука, 1990. С. 310–371.
10. Гиль Х.Х. Новые приобретения моего собрания // Записки Русского археологического общества. 1891. Т. V. С. 343–360.
11. Граков Б.Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 1939. № 3. С. 231–315.
12. Кац В.И. Типология и хронологическая классификация херсонесских магистратских клейм // ВДИ. 1985. № 1. С. 87–112.
13. Корпус боспорских надписей / Под ред. акад. В.В. Струве. М., Л.: Наука, 1965. 951 с.
14. Михлин Б.Ю. К изучению херсонесских керамических клейм // ВДИ. 1979. № 2. С. 139–159.
15. Полибий. Всеобщая история / пер. Ф.Г. Мищенко. М.: Директ-Медиа, 2008. 3319 с.
16. Флавий Иосиф. Иудейские древности. М.: Крон-Пресс, 1996. 864 с.
17. Шонов И.В. Клад серебряных херсонесских монет II в. до н.э. // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 342–354.
18. Шонов И.В. Серебряные монетные выпуски Херсонеса Таврического 178–164 гг. до н.э. // История и археология Крыма. 2019. Вып. X. С. 97–104.
19. Bevan E.R. The House of Ptolemy. A History of Hellenistic Egypt under the Ptolemaic Dynasty. Chicago: Ares Publishers Inc., 1989. 432 c.
20. Houghton A., Catherin L. Seleucid Coins: A Comprehensive Catalogue. Part I: Seleucus I through Antiochus III. Vol. I–II. Hardbound, 2002. 788 p.
21. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae / Ed. B. Latyschev. Vol. 1. Ed. 2. Petropoli, 1916. 594 p.

REFERENCES

1. Anokhin V.A. *Monetnoe delo Khersonesa* [Coinage of Chersonesos]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1977, 175 p.
2. Akhmerov R.B. On the astynome stamps of Hellenistic Chersonesos. *Vestnik drevnei istorii* [Journal of Ancient History], 1949, no. 4, pp. 99–123.
3. Bengtson G. *Praviteli epokhi ellinizma* [Rulers of the Hellenistic Era]. Moscow, "Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury" Publ., 1982, 392 p.
4. Bert'e-Delagard A.L. Several new or little-known coins of Chersonesos. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei* [The proceedings of the Odessa Society for History and Antiquities], 1906, vol. 26, pp. 215–276.
5. Bert'e-Delagard A.L. Materials for weight studies of the monetary systems of ancient Greek cities and kings of Sarmatia and Taurida. *Numizmaticheskii sbornik* [Numismatic collection], Moscow, 1913, vol. II, pp. 49–134.
6. Borisova V.V. Amphora handles with the names of astionomoi of ancient Chersonesos. *Vestnik drevnei istorii* [Journal of Ancient History], 1949, no. 3, pp. 86–92.
7. Borisova V.V. Ceramic hallmarks of Chersonesos and classification of Chersonesos amphoras. *Numizmatika i epigrafika* [Numismatics and epigraphy], 1974, vol. 11, pp. 99–124.
8. Burachkov P.O. *Obshchii katalog monet, prinadlezhashchikh ellinskim koloniiam sushchestvovavshikh v drevnosti na severnom beregu Chernogo moria, v predelakh nyneshnei Iuzhnoi Rossii* [Catalog of coins belonging to the Hellenic colonies that existed in antiquity on the northern coast of the Black Sea, within the current southern Russia]. Odessa, 1884, 289 p.
9. Vinogradov Yu.G., Sheglov A.N. Obrazovanie territorialnogo hersonesskogo gosudarstva. E.S. Golubtsova (ed.), *Ellinizm: ekonomika, politika, kultura* [Hellenism: economics, politics, culture]. Moscow, Nauka Publ., 1990, pp. 310–371.
10. Gil' H.H. New acquisitions of my collection. *Zapiski Russkogo arkheologicheskogo obshchestva* [Notes of the Russian Archaeological Society], 1891, vol. 5, pp. 343–360.
11. Grakov B.N. Materials on the history of Scythia in Greek inscriptions of the Balkan Peninsula and Asia Minor. *Vestnik drevnei istorii* [Journal of Ancient History], 1939, no. 3, pp. 231–315.
12. Kats V.I. Typology and chronological classification of Chersonesos magistrate stamps. *Vestnik drevnei istorii* [Journal of Ancient History], 1985, no. 1, pp. 87–112.
13. Struve V.V. (ed.). *Korpus bosporskikh nadpisei* [Corpus Inscriptionum Regni Bosporani]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1965, 951 p.
14. Mikhlin B.Iu. On the Study of Chersonesos Ceramic Stamps. *Vestnik drevnei istorii* [Journal of Ancient History], 1979, no. 2, pp. 139–159.
15. Polybius. *Vseobshchaia istoriia* [General history]. Transl. F.G. Mishchenko. Moscow, Direkt-Media Publ., 2008. 3319 s.
16. Flavius Josephus. *Iudeiskie drevnosti* [Antiquities of the Jews]. Moscow, Kron-Press, 1996, 864 p.
17. Shonov I.V. Silver coins hoard of Chersones 2nd century BC. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2003, vol. 10, pp. 342–354.
18. Shonov I.V. Silver Coin Issues of Tauric Chersonesos 178–164 BC. *Istoriia i arkheologiia Kryma* [History and Archaeology of Crimea], 2019, vol. 10, pp. 97–104.
19. Bevan E.R. *The House of Ptolemy. A History of Hellenistic Egypt under the Ptolemaic Dynasty.* Chicago, Ares Publishers Inc., 1989, 432 p.
20. Houghton A., Catherin L. *Seleucid Coins: A Comprehensive Catalogue. Part I: Seleucus I through Antiochus XIII*. Vol. I–II. Hardbound, 2002, 788 p.
21. Latyschev B. (ed.). *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae*. Vol. 1. Ed. 2. Petropoli, 1916, 594 p.

Информация об авторе

Шонов И. В. – младший научный сотрудник Института археологии Крыма РАН, Researcher ID: ABH-1185-2021.

Author information

Shonov I. V. – Junior Researcher, Institute of Archeology of Crimea of RAS, Researcher ID: ABH-1185-2021.

DOI: 10.29039/2413-189X.2025.30.447-454

ПОДДЕЛЬНЫЙ НИДЕРЛАНДСКИЙ ФЛОРИН С ТЕРРИТОРИИ ЮЖНОГО ПРИГОРОДА ХЕРСОНЕСА

Николай Александрович Алексеенко
Институт археологии Крыма Российской Академии наук, Симферополь, Россия
AlekseyenkoNikolaj@gmail.com, https: // orcid.org/0000-0003-1992-680X

Аннотация. В статье рассматривается находка поддельного голландского флорина имперского города Зволле с именем императора Священной Римской империи Маттиаса I (1612–1619) того времени, недавно обнаруженного в предместье Херсонеса. Для изготовления фальсификата использовался популярный с эпохи Средневековья метод отливки копии монеты из недрагоценного металла, с последующим нанесением на её поверхности специального покрытия, имитирующего серебро. Отсутствие следов ртути и присутствие серебра и олова в очень незначительных концентрациях исключает как применение традиционного метода амальгамирования, так и лужения оловом. Видимо, для обмана было использован так называемый «адский камень» (азотнокислое серебро), после нагрева и испарения которого на поверхности подделки осаждалось металлическое серебро. Новый фальсификат дополняет крымскую группу европейских монет-подделок и является еще одним подтверждением того, что в начале Нового времени в денежном обращении Таврики активно участвовали самые разнообразные иностранные монеты.

Ключевые слова: нумизматика, денежное обращение, Таврика, Херсонес, Зволле, флорин, фальсификат

COUNTERFEIT FLORIN FROM NETHERLANDS FROM THE AREA OF THE SOUTHERN SUBURB OF CHERSONESE

Nikolay A. Alekseienko
Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia
AlekseyenkoNikolaj@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-1992-680X

Abstract. This article discusses the find of a counterfeit Dutch florin of the imperial city of Zwolle with the name of Holy roman Emperor Mattias I (1612–1619), recently discovered in the suburb of Chersonese. This counterfeit was made with a technology popular since the Middle Ages, by casting a replica of the coin from base metal, and then applying a special coating imitating silver to its surface. The absence of traces of mercury and the presence of very small concentrations of silver and tin eliminates both traditional amalgamation technique and tin-plating. Apparently, the so-called hellstone (silver nitrate) was used for the deception; after heating and evaporation of it, metallic silver was deposited on the surface of the counterfeit. This new counterfeit enlarges the Crimean group of European counterfeit coins and provides another evidence that a wide variety of foreign coins participated in coin circulation of the Taurica in the Early Modern Period.

Keywords: numismatics, coin circulation, Taurica, Chersonese, Zwolle, florin, counterfeit

В последнее время в поле внимания крымских исследователей всё чаще стали попадать монеты различных европейских эмитентов XVI–XVII вв., которые невольно заострили вопрос о составе денежного обращения на полуострове в начале Нового времени.

Среди многочисленного нумизматического материала, происходящего из раскопок или случайных находок в различных районах Таврики, кроме традиционных монет Польской и Шведской Прибалтики, Великого княжества Литовского, Прусского герцогства, а также ряда германских земель, Молдавского княжества и Руси [1, с. 29–33; 2, с. 11–15; 3, с. 44–50; 4, с. 169–174; 10, с. 29–32; 13, с. 97–106; 14, с. 35–42; 15, с. 203–207; 16, с. 354–356, цв. вклейка XLVII; 17, с. 265–270, вклейка XL, XLI; 18, с. 293–374] были выявлены и несколько фальсификатов европейских монет, которые очень показательно представлены самыми разнообразными номиналами (от шиллинга и гроша до орта и талера) [12, с. 440, рис. 2; 5, с. 168–171; 6, с. 129, рис. 1; 7, с. 13, 15, рис. 1; 8, с. 129–134; 9, с. 284–290; 11, с. 234–247]. Последнее

обстоятельство, по нашему мнению, является красноречивым свидетельством того, что в денежном обращении полуострова в начале Нового времени, помимо местных выпусков крымских ханов, свободно обращались и разнообразные иноземные деньги.

Группа европейских монет-подделок крупных номиналов, обычно происходивших из Восточного Крыма, недавно пополнилась ещё одним интересным экземпляром – фальшивым нидерландским флорином, который был обнаружен в 2023 г. теперь уже в Юго-Западном Крыму – на территории южного пригорода Херсонеса (рис. 1)[1].

Технические характеристики монеты-подделки таковы: диаметр – ок. 40 мм; вес – 19,37 г; соотношение осей – 9 час.

Со стороны реверса в нижней части поля монеты (на 5 час.) пробито, очевидно, острием ножа, узкое прямоугольное отверстие (размер: ок. 1,2×4,0 мм).

Аверс. Изображение двуглавого орла под имперской короной с державой, увенчанной длинным крестом, на груди. В нижней части инсигнии расположен знак номинала – 28. По кругу, между двух линейных (?) ободков латинская надпись без даты: MATTH·I·D·G·RO·IMP·SEM·AVGVS – *Matth(us) I D(ei) g(ratia) Ro(manorum) imp(erator) sem(per) augus(tus)* – Маттиас I, божьей милостью римский император, священный август.

Реверс. Изображение четырёхчастного геральдического щита с двойными диагонально расположенными гербами г. Зволле: «старым средневековым» с изображением архангела Михаила, побеждающего василиска, известным по городской печати 1295 г. [https://en.m.wikipedia.org/wiki/File:Sint_Michael_Zwolle_ Stadszegel_1295.jpg] и «административным» в виде равноконечного креста. По сторонам щит украшен растительным орнаментом и декоративными виньетками; сверху расположена графская корона. По кругу, между двух линейных (?) ободков латинская надпись без даты: FLOR·ARG·CIVITA·IMP·ZWOL·– *Flor(ent) Arg(entea) Civita(tis) Imp(eriale) Zwol(lae)* – Серебряный флорин имперского города Зволле.

Согласно легенды, представленной на монете, перед нами должен быть серебряный флорин города Зволле, выпущенный от имени императора Священной Римской империи Маттиаса I (1612–1619). Этот старинный административный центр до сих пор является столицей голландской провинции Оверэйссел. В XV в., во время своего расцвета, город вступил в Ганзейский союз, что ещё более способствовало развитию его экономики и торговли. В 1488 г. городу было предоставлено право чеканки собственной монеты и он стал имперским, формально оставаясь частью Священной Римской империи до 1648 г., когда Соединённые Провинции Нидерландов были признаны независимым государством. В этой связи совсем не удивительно, что его монеты были хорошо знакомы населению Европы и активно участвовали в денежном обращении многих регионов континента. Нидерландские провинциальные флорины номиналом в 28 штюверов, в том числе и г. Зволле, хорошо известны в нумизматической литературе [24, S. 181, Nr. 939–940, Taf. 174,1–2; 25, p. 62]. Примечательно, что далеко не все они, несмотря на то, что на них указано имя императора Маттиаса I (1612–1619), относятся ко времени его правления. Цифры года выпуска монеты, как правило, ставились на реверсе либо в конце легенды, либо между лучами короны. При этом П. Веркаде отмечает, что данный тип появляется лишь с 1619 г. (год смерти Маттиаса I) и существует длительное время, поскольку выявлены экземпляры, отличающиеся различными годами выпуска [24, p. 181]. К примеру, известны аналогичные флорины 1620–1628 гг. [23, p. 1237, KM#17]. Тем не менее, бóльшая часть экземпляров не имеют даты. Такие выпуски, аналогичные по типу херсонесской находке (см. рис. 2), относят к чеканке 1650–1665 гг. [см.: 23, p. 1237, KM#17, ND (1650–65)].

Как известно, серебряный флорин в 28 нидерландских штюверов, равный 2/3 европейского талера, являлся одним из самых популярных номиналов в денежном обращении практически всех государств Европы XVII в. [19, с. 18]. В результате, его весьма активно подделывали фальшивомонетчики. Внешний вид находки из южного пригорода Херсонеса не оставляет сомнений, что рассматриваемый артефакт относится именно к такого рода фальсификатам того времени. Подделка изготовлена путём отливки из недрагоценного металла

[1] В настоящее время достигнута договорённость о передаче монеты в собрание Центрального музея Тавриды.

копии оригинальной монеты в двухсторонней форме и затем должна была быть подвергнута серебрению. Однако к моменту обнаружения покрытие из драгоценного металла или его имитации на её поверхностях было практически полностью утрачено. Тем не менее, можно с уверенностью утверждать, что монета участвовала в обращении, поскольку об этом красноречиво свидетельствует пробитое в ней (очевидно, острием ножа) узкое прямоугольное отверстие. Судя по всему, в процессе использования фальшивка была обнаружена, прошла соответствующую дефектацию (была пробита) и, видимо, была изъята из обращения.

Следует отметить, что среди известных фальсификатов нидерландских флоринов в основном преобладают имитации монет Кампена или Эмбдена; подделки Давентера встречаются значительно реже [20, с. 201], а вот фальшивые монеты Зволле ни разу не были зафиксированы. В то же время, можно засвидетельствовать, что аутентичные монеты этого центра всё-таки известны в Крыму. В 1962 г. в окрестностях Севастополя был найден кувшин с кладом из 90 серебряных европейских монет и двух золотых турецких, в котором среди монет Литвы, Польши, Испании, Австрии, Тироля, Штирии и Эльзаса находились и три флорина Оверэйссела. Два их них принадлежали чеканке Девентера 1618 и 1621 гг., один – Зволле 1618 г. [22, с. 115].

Для определения характера и метода нанесения имитационного покрытия херсонесского фальсификата при помощи спектрометра M1 MISTRAL (Bruker) был проведён рентгено-флуоресцентный анализ (РФлА) элементного состава монеты (диаметр коллиматора 1,5 мм, время измерения в каждой точке 20 с), результаты которого отражены в таблице 1[2].

Таблица 1. Результаты рентгено-флуоресцентного анализа элементного состава поддельного флорина г. Зволле из южного пригорода Херсонеса

Точки измерения		Cu	Ag	Zn	Fe	As	Au	Pb	Sb	Sn	Ni
1	аверс	88,70	1,31	2,08	1,27	0,62	0,00	4,21	0,78	0,95	0,07
2	аверс	77,17	14,35	1,60	1,33	0,00	0,23	3,51	0,83	0,90	0,08
3	аверс	77,17	14,35	1,60	1,33	0,00	0,23	3,51	0,83	0,90	0,08
	средние значения	**81,013**	**10,003**	**1,76**	**1,31**	**0,206**	**0,153**	**3,743**	**0,813**	**0,916**	**0,076**
4	реверс	80,30	11,82	1,63	0,97	0,14	0,25	3,17	0,76	0,96	0,00
5	реверс	89,41	0,93	2,20	1,00	0,64	0,00	4,12	0,71	0,91	0,08
6	реверс	91,06	0,94	1,99	0,90	0,57	0,00	2,73	0,78	0,97	0,07
7	реверс	91,54	0,89	1,95	0,84	0,56	0,00	2,48	0,74	0,92	0,07
	средние значения	**88,077**	**3,645**	**1,943**	**0,928**	**0,478**	**0,063**	**3,125**	**0,748**	**0,94**	**0,055**

Изучение состава монетного сплава осуществлялось в нескольких точках поверхности обеих сторон изучаемого объекта. Анализ показал, что заготовка отлита из сплава с очень высоким содержанием меди (более 80%) с незначительным присутствием свинца (3–4%) и традиционными примесями для полиметаллических руд. Полное отсутствие следов ртути с незначительным присутствием серебра (11,82 и 14,35%) свидетельствует о том, что монета вряд ли подвергалась традиционному методу амальгамирования серебром. В свою очередь, наличие на поверхности олова лишь в незначительных концентрациях (менее 1%) исключает и другой популярный способ изготовления подделок при помощи лужения оловом, в то время широко используемый для имитации серебра.

Вполне возможно, в нашем случае, что для имитации драгоценного металла на поверхности фальсификата последний был подвергнут химической реакции с использованием так называемого «адского камня», как называли в старые времена азотнокислое серебро ($AgNO_3$).

[2] Автор выражает глубокую благодарность к. и. н. А. В. Антипенко за постоянную помощь в работе и определение элементного состава монетного сплава флорина Зволле.

Нагревание нанесённого на подделку реактива обеспечивало после разложения соединения и испарения азота и кислорода появление на её поверхности металлического серебра ($2AgNO_3 \rightarrow (350°C) \rightarrow 2Ag + 2NO_2 + O_2$). Оставалось только придать изделию соответствующий товарный вид. Однако, скорее всего, такая плакировка всё-таки не была достаточно прочной и долговечной. Как показывает наша находка, со временем покрытие было практически утрачено (лишь в трёх точках удалось зафиксировать повышенное содержание серебра). В результате сомнений в её подлинности монету пробили, чтобы проверить наличие в ней серебра, а удостоверившись в его отсутствии, скорее всего, удалили из обращения. В соответствии с известными категориями нумизматических фальсификатов рассматриваемая находка относится к разряду частных кустарных подделок и принадлежит ко второй группе, в которую включены фальшивые монеты, изготовленные путём нанесения специального покрытия из драгоценного слоя или его имитации на ядро заготовки из не драгоценного металла [21, с. 34].

Заметим, что фальшивый флорин Зволле это уже третий зафиксированный экземпляр монет подобного класса в Крыму. Примечательно, что первые два были обнаружены на востоке полуострова: «флорин» Эмбдена найден в Старом Крыму [20, с. 202, 474, рис. 490, с. 545, табл. 2], а «флорин» Ольденбурга – в окрестностях Судака [11, с. 235, 236, 247, рис. 1]. Теперь же находка стала известна и на западном побережье.

По мнению исследователей, весьма маловероятно, что поддельная монета изготавливалась в Крыму. Скорее всего, фальсификаты попадали на местные рынки в общей массе иностранных аутентичных монет. Топография находок как единичных западноевропейских монет, так и кладов на территории Северного Причерноморья даёт возможность достаточно полно воссоздать картину движения монет по одному из важнейших торговых трактов, соединявших Восток и Запад. В частности, достаточно красноречиво иллюстрируется южный торговый путь проникновения европейского серебра из Речи Посполитой через территорию Украины, Белоруссии и Крым на Северный Кавказ и далее в Азию [22, с. 111].

В то же время, по мнению А. С. Бойко-Гагарина, поддельные нидерландские флорины могли проникать в Крым и с территории Блистательной Порты. При этом автор не исключает возможности их изготовления там же, вместе с фальшивыми левендаальдерами, специально для выплаты дани [20, с. 202].

В нашем случае это не очень принципиально, поскольку выяснение истины не входит в задачи данного исследования. Важно другое, очередная находка фальшивой европейской монеты является дополнительным свидетельством безусловного участия в денежном обращении Крыма разнообразной иностранной валюты наравне с местными выпусками крымских ханов и турецких султанов. Причём, как показывают находки, наряду с аутентичными сериями европейских монет успешно обращаются и фальсификаты самых разных номиналов – от шиллингов до талеров [8, с. 129–134]. Не вызывает сомнения, что при существовании на местных рынках иной ситуации, когда иноземные деньги находились бы вне закона, завоз на территорию полуострова монет-подделок, которые не могли быть соответствующим образом востребованы местным населением, потерял бы всякий смысл.

Таким образом, всё вместе взятое укрепляет нас в мысли, что европейская монета на крымских рынках в XVII в. имела вполне официальный статус и хождение и, как представляется, лучшим подтверждением этому являются и Феодосийский клад европейских монет конца XVI – первой половины XVII в. [18, с. 293–374], и Севастопольский клад монет XVI–XVII вв. из собрания Государственного Эрмитажа [22, с. 111–116] и, естественно, находки фальшивых европейских монет.

Рис. 1. Фальшивый флорин имперского города Зволле (XVII в.)
из южногопригорода Херсонеса (фото автора)

Рис. 2. Серебряный флорин имперского города Зволле.
Вторая половина XVII в. (фото из открытых источников Интернета)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеенко Н.А. К вопросу о составе денежного рынка Балаклавы в оттоманский период (1475–1783 гг.) (по данным раскопок крепости Чембало) // Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2014 года. Материалы докладов и сообщений. М., 2014. С. 29–33.
2. Алексеенко Н.А. Заморские деньги на рынках средневековой Таврики // ПриPONTийский меняла: деньги местного рынка. IV Международный нумизматический симпозиум: Материалы научной конференции. Севастополь, 2016. С. 11–15.
3. Алексеенко Н.А. Иноземная монета (XIV–XVII вв.) в денежном обращении юго-западной Таврики. Эмитенты Речи Посполитой // Деньги в российской истории. Вопросы производства, обращения, бытования. Сборник материалов Второй Международной научной конференции. СПб., 2019. Вып. II. С. 44–50.
4. Алексеенко Н.А. Крым и Русь в нумизматических находках XV–XVI вв. // Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2019 года. К 90-летию А.С. Мельниковой и 100-летию В.В. Узденикова: Материалы докладов и сообщений. М., 2019. С. 169–174.
5. Алексеенко Н.А. Субэратный орт Сигизмунда III из Горного Крыма // Деньги в российской истории. Вопросы производства, обращения, бытования. Сборник материалов Третьей Международной научной конференции (14–16 октября 2020 г., Санкт-Петербург). СПб., 2020. Вып. III. С. 168–171.
6. Алексеенко Н.А. Новый нумизматический фальсификат из Крыма // XXII Всероссийская нумизматическая конференция: Тезисы докладов и сообщений. Смоленск, 2023. С. 129–131.
7. Алексеенко Н.А. Фальшивый западноевропейский гульден из Юго-Восточного Крыма // XXV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы исследований древностей юга России: Материалы международной научной конференции / Ред. В.Н. Зинько, А.В. Зинько. Симферополь, Керчь, 2024. С. 12–15.
8. Алексеенко Н.А. Фальшивая монета как фактор участия иноземных монет в денежном обращении Крыма в начале Нового времени // Деньги в российской истории. Вопросы производства, обращения, бытования. Сборник материалов Седьмой Международной научной конференции (23–25 октября 2024 г., Санкт-Петербург) / Ред. А.А. Богданов. СПб.: Гознак, 2024. Вып. VII. С. 129–134.

9. Алексеенко Н.А. Фальшивый тирольский талер конца XVI в. из юго-восточного Крыма // МАИЭТ. 2024. Вып. XXIX. С. 284–290;
10. Алексеенко Н.А. Пестрота и толерантность крымского денежного рынка в эпоху позднего Средневековья и начала Нового времени // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. XXXVI Всероссийская научная конференция с международным участием (Москва, 4–5 апреля 2024 г.) / Ред. И.Г. Коновалова, Е.В. Пчелов. М.: ИВИ РАН, 2024. С. 29–32.
11. Алексеенко Н.А. Поддельный гульден ольденбургского графа Антона Гюнтера из Юго-Восточного Крыма // Боспорские исследования. 2025. Вып. L. С. 234–247.
12. Алексеенко Н.А., Антипенко А.В. Находка субэратного гданьского орта Сигизмунда III в Юго-Западном Крыму // МАИЭТ. 2020. Вып. XXV. С. 438–448.
13. Алексеенко Н.А., Дергачёва Л.В. Молдавская монета в средневековой Таврике (краткий обзор находок) // В поисках сущности. Сборник статей в честь 60-летия Н.Д. Руссева. Кишинёв, 2019. С. 97–106. (Библиотека STRATUM).
14. Алексеенко Н.А., Зверев С.В. Новые находки русских монет XVI – начала XVIII в. Юго-Западном и Центральном Крыму // ПриPONTийский меняла: деньги местного рынка. VII Международный нумизматический симпозиум: Материалы научной конференции / Ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь, 2020. С. 35–42.
15. Алексеенко Н.А., Зверев С.В. Два комплекса русских монет XVI – начала XVIII в. с Перекопского перешейка в Крыму // Двадцать первая Всероссийская нумизматическая конференция (Тверь, 24–29 мая 2021 г.). Тезисы докладов и сообщений. Тверь, 2021. С. 203–207.
16. Алексеенко Н.А., Зверев С.В. Два клада русских монет первой половины XVII в. с Перекопского перешейка в Крыму // Деньги в российской истории. Вопросы производства, обращения, бытования. Сборник материалов Четвёртой международной научной конференции (13–15 октября 2021 г., Санкт-Петербург). СПб.: Гознак, 2021. Вып. IV. С. 354–356, цв. вклейка XLVII.
17. Алексеенко Н.А., Зверев С.В. Русские монеты XV – начала XVIII в. на территории Крыма: ретроспектива и перспективы находок // Деньги в российской истории. Вопросы производства, обращения, бытования. Сборник материалов Шестой Международной научной конференции (18–20 октября 2023 г., Санкт-Петербург) / Ред. А.А. Богданов. Вып. VI. СПб.: Гознак, 2023. С. 265–270, вклейка XL, XLI.
18. Алексеенко Н.А., Староверов Д.А. Клад европейских монет конца XVI – первой половины XVII в. из Феодосии // История и археология Крыма. 2021. Вып. XIV. С. 293–374.
19. Бойко-Гагарин А.С. Новые данные о фальсификатах монет, изготовленных методом пайки пластин // Нумизматика и Фалеристика. 2015. № 2. С. 18–19.
20. Бойко-Гагарин А.С. Фальшивомонетничество в Центральной и Восточной Европе в эпоху Средневековья и раннего Нового времени. Киев, 2017. 550 с.
21. Бойко-Гагарин А.С., Шаталин И.С. Подделки ортов Сигизмунда III Вазы // Шаталин И.С. Орты Сигизмунда III Вазы. Киев, 2013. С. 31–39.
22. Фролова Н.В. Севастопольский клад монет XVI–XVII веков из собрания Эрмитажа // Хранитель. Исследователь. Учитель. К 85-летию В.М. Потина: Сборник научных статей. СПб., 2005. С. 111–116.
23. Standard Catalog of World Coins Seventeenth Century 1601–1700. 4th Edition. Iola: Krause Publications, 2008. 1440 p.
24. Verkade P. Muntboek, bevattende de namen en afbeeldingen van munten, vereenigde nederlandscheprovincien. Schiedam, 1848. 215 p.
25. Zonnebloem B.V. Officiële catalogus Zilveren Munten geslagen door de zeven provinciën der Verenigde Nederlanden (1576–1795). Hillegom, 2000. Deel 2. 175 p.

REFERENCES

1. Alekseienko N.A. On the composition of the Balaklava money market in the Ottoman period (1475–1783) (based on excavations of the Cembalo fortress). *Numizmaticheskie chtenija Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia 2014 goda. Materialy dokladov i soobshheniy* [Numismatic readings of State Historical Museum, 2014. Abstracts of Reports], Moscow, 2014, pp. 29–33.
2. Alekseienko N.A. Foreign money in the markets of medieval Taurica. N.A. Alekseienko (Ed.), *PriPONTiiskii meniala: den'gi mestnogo rynka. IV Mezhdunarodnyi numizmaticheskii simpozium* [Pontic Money-Changer: Money of the Local Market. Collection of Materials of the 4th International Numismatic Symposium], Sevastopol, 2016, pp. 11–15.
3. Alekseienko N.A. Foreign coin (14th–17th centuries) in circulation in southwestern Taurica. Coins of the rulers of the Polish-Lithuanian Commonwealth. *Den'gi v rossiiskoi istorii. Voprosy proizvodstva, obrashcheniia, bytovaniia. Sbornik materialov II Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Money in Russian History. Issues of Production, Circulation, and Usage. Collection of Materials of the 2nd International Scientific Conference], St. Petersburg, 2019, pp. 44–50.
4. Alekseienko N.A. Crimea and Russia in the Numismatic Finds of the 15th–16th Centuries. *Numizmaticheskie chteniia Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeia 2019 goda. K 90-letiiu A.S. Mel'nikovoi i 100-letiiu*

V.V. Uzdenikova. Materialy dokladov i soobshchenii [Numismatic readings of State Historical Museum, 2019. Abstracts of Reports], Moscow, 2019, pp. 169–174.
5. Alekseienko N.A. Suberate Ort of Sigismund III from Mountain Crimea. *Den'gi v rossiiskoi istorii. Voprosy proizvodstva, obrashcheniia, bytovaniia» Sbornik materialov III Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Money in Russian History. Issues of Production, Circulation, and Usage. Collection of Materials of the 3nd International Scientific Conference], St. Petersburg, 2020, pp. 168–171.
6. Alekseienko N.A. New Numismatic Fake from Crimea. *XXII Vserossiiskaia numizmaticheskaia konferentsiia*: *tezisy dokladov i soobshchenii* [The 22th All-Russia Numismatic Conference. Abstracts of Reports], Smolensk, 2023, pp. 129–131.
7. Alekseienko N.A. Counterfeit Western European Guilder from South-Eastern Crimea. V.N. Zin'ko, A.V. Zin'ko (Eds.), *XXV Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Problemy issledovanii drevnostei iuga Rossii* [25th Bosporian Readings. Cimmerian Bosporus and World of Barbarian in Antiquity and the Middle Ages. Problems of Researching Antiquities in the South of Russia], Simferopol, Kerch, 2024, pp. 12–15.
8. Alekseienko N.A. Counterfeit coin as a factor in the participation of foreign coins in the monetary circulation of Crimea at the beginning of the New Time. A.A. Bogdanov (Ed.), *Den'gi v rossiiskoi istorii. Voprosy proizvodstva, obrashcheniia, bytovaniia. Sbornik materialov VII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Money in Russian History. Issues of Production, Circulation, and Usage. Collection of Materials of the 7th International Scientific Conference], St. Petersburg, 2024, pp. 129–134.
9. Alekseienko N.A. Counterfait Late-Sixteenth-Century Tyrolean Thaler from the South-eastern Crimea. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2024, vol. 29, pp. 284–290;
10. Alekseienko N.A. The Diversity and Tolerance of the Crimean Money Market in the Late Middle Ages and Early Modern Period. I.G. Konovalova, E.V. Pchelov (Eds.), *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny v sovremennom nauchnom znanii. XXXVI Vserossiiskaia nauchnaia konferentsiia s mezhdunarodnym uchastiem* [Auxiliary Historical Disciplines in Modern Scientific Knowledge. Collection of Materials of the 36th International Scientific Conference], Moscow, 2024, pp. 29–32.
11. Alekseienko N.A. A Counterfeit Gulden of the Count Anthony Günther of Oldenburg from The South-eastern Crimea. *Bosporskie issledovaniia* [Bosporos Studies]. 2025, vol. 50, pp. 234–247.
12. Alekseienko N.A., Antipenko A.V. The find of a suberate Gdansk Ort of Sigismund III in the South-western Crimea. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2020, vol. XXV, pp. 438–448.
13. Alekseenko N.A., Dergacheva L.V. The Moldovan Curency Discovered in Medieval Taurica (short overview). *V poiskakh sushchnosti. Sbornik statei v chest' 60-letiia N.D. Russeva* [In search of the essence: Essays in honour of Nicolai Russev on the occasion of his 60th birthday], Kishinev, 2019, pp. 97–106.
14. Alekseenko N.A., Zverev S.V. New Finds of the 16th to Early 18th Century Russian Coins from the South-Western and Central Crimea. N.A. Alekseienko (Ed.), *PriPONTiiskii meniala: den'gi mestnogo rynka. VII Mezhdunarodnyi numizmaticheskii simpozium* [Pontic Money-Changer: Money of the Local Market. Collection of Materials of the 7th International Numismatic Symposium], Simferopol, 2020, pp. 35–42.
15. Alekseenko N.A., Zverev S.V. Two Complexes of the 16th to early 18th Centuries Russian coins from the Perekop Isthmus in Crimea. *XXI Vserossiiskaia numizmaticheskaia konferentsiia*: *tezisy dokladov i soobshchenii* [The 22th All-Russia Numismatic Conference. Abstracts of Reports], Tver, 2021, pp. 203–207.
16. Alekseenko N.A., Zverev S.V. Two Hoards of the First Half of the 17th Century Russian Coins from the Perekop Isthmus in Crimea. *Den'gi v rossiiskoi istorii. Voprosy proizvodstva, obrashcheniia, bytovaniia» Sbornik materialov IV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Money in Russian History. Issues of Production, Circulation, and Usage. Collection of Materials of the 4th International Scientific Conference], St. Petersburg, 2021, pp. 354–356.
17. Alekseenko N.A., Zverev S.V. Russian Coins of the 15th to Early 18th Centuries in Crimea: A Retrospective and Prospects for Discoveries. A.A. Bogdanov (Ed.), *Den'gi v rossiiskoi istorii. Voprosy proizvodstva, obrashcheniia, bytovaniia. Sbornik materialov VI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Money in Russian History. Issues of Production, Circulation, and Usage. Collection of Materials of the 6th International Scientific Conference], St. Petersburg, 2023, pp. 265–270.
18. Alekseienko N.A., Staroverov D.A. A Hoard of European Coins from the Late Sixteenth to the First Half of the Seventeenth Centuries from Feodosiya. *Istoriia i arkheologiia Kryma* [History and Archaeology of Crimea], Simferopol, 2021, pp. 293–374.
19. Boiko-Gagarin A.S. New data on counterfeit coins made by soldering plates. *Numizmatika i Faleristika* [Numismatics and Phaleristics], 2015, no. 2, pp. 18–19.
20. Boiko-Gagarin A.S. *Fal'shivomonetnichestvo v Tsentral'noi i Vostochnoi Evrope v epokhu Srednevekov'ia i rannego Novogo vremeni* [Counterfeiting in Central and Eastern Europe in the Middle Ages and Early Modern Periods]. Kiev, 2017, 550 p.

21. Boyko-Gagarin A.S., Shatalin I.S. Counterfeits of the Orts of Sigismund III Vasa. In: Shatalin I.S. *Orts of Sigismund III Vasa*. Kiev, 2013, pp. 31–39.
22. Frolova N.V. Sevastopol's Hoard of the 16th–17th Century Coins from the Hermitage Collection. *Khranitel'. Issledovatel'. Uchitel'. K 85-letiiu V.M. Potina. Sbornik nauchnykh statei* [Curator. Researcher. Teacher. On the 85th Anniversary of V.M. Potin. Collection of Scientific Articles], St. Petersburg, 2005, pp. 111–116.
23. *Standard Catalog of World Coins Seventeenth Century 1601–1700*. 4th Edition. Iola, Krause Publ., 2008, 1440 p.
24. Verkade P. *Muntboek, bevattende de namen en afbeeldingen van munten, vereenigde nederlandscheprovincien*. Schiedam, 1848, 215 p.
25. Zonnebloem B.V. *Officiële catalogus Zilveren Munten geslagen door de zeven provinciën der Verenigde Nederlanden (1576–1795)*. Hillegom, 2000, Deel 2, 175 p.

Информация об авторе

Алексеенко Н. А. – Dr. Etudes médiévales (Paris IV-Sorbonne), кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии Крыма РАН, Researcher ID: AAB-2881-2020

Author information

Alekseienko N. A. – Dr. Etudes médiévales (Paris IV-Sorbonne), Candidate of Sciences (History), Leading Researcher at the Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Science, Researcher ID: AAB-2881-2020

ЭПИГРАФИКА

DOI: 10.29039/2413-189X.2025.30.455-470

ГРАФФИТИ И ДИПИНТИ ИЗ РАСКОПОК Е. И. ЛЕВИ И А. Н. КАРАСЕВА. 7. МАГИЧЕСКИЕ. 8. ТОРГОВЫЕ. 9. VARIA. 10. INCERTA. 11. МАТЕРИАЛЫ С ТЕМЕНОСА

Анастасия Петровна Бехтер
Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия
anabekhter@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-1743-5057
Юлия Ивановна Ильина
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия
iouliaiiliyana@gmail.com, https://orcid.org/0009-0002-0070-6612

Аннотация. В статье публикуются несколько групп граффити, найденных при раскопках Ольвии в 1960–1970-х гг. 7,1–6. Граффити магического характера, нанесенные на чернолаковые сосуды, содержащие рандомные наборы букв или буквоподобных знаков. Хронологический диапазон: конец VI – IV в. до н.э. 8. Торговые граффити. 8,1. ΔΔΔΙΙΙ (чернолаковая чаша, последняя четверть V в. до н.э.). 8,2. ΔΠΙΙΙ (стенка красноглиняной амфоры, V–III вв. до н.э.). 9. Varia. 9,1. Δοκεῖ (чернолаковый килик, VI–V вв. до н.э.). 9,2. [– – –] vacat ψωλὴ[ν? – – –] (чернолаковый гуттус, IV в. до н.э.). 9,3. Очень сильно поврежденное шестистрочное граффито, предположительно, список имен, ни одно из которых нельзя с уверенностью прочитать (стенка сероглиняного сосуда, IV в. до н.э.). 10,1–9. Incerta. Группа граффити, настолько поврежденных, что невозможно сделать выводы о содержании и жанре надписей. Хронологический диапазон: конец VI – IV в. до н.э. 11. Граффити с Ольвийского теменоса. 11,1. [– – –]OZΩΙ (чернолаковый килик, 525–480 гг. до н.э.). 11,2. KIE (чернолаковый килик, вторая четверть V в. до н.э.). 11,3. ΛΗ vacat ΗΡ (ручка чернолакового килика, VI–V вв. до н.э.).

Ключевые слова: Ольвия, Ольвийская агора, Е. И. Леви, А. Н. Карасев, греческая эпиграфика, граффити

GRAFFITI AND DIPINTI FROM THE EXCAVATIONS OF E. I. LEVI AND A. N. KARASEV. 7. MAGICAL GRAFFITI. 8. TRADE GRAFFITI. 9. VARIA. 10. INCERTA. 11. GRAFFITI FROM THE TEMENOS

Anastassia P. Bekhter
Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia
anabekhter@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-1743-5057
Yuliya I. Il'ina
State Hermitage, Saint Petersburg, Russia
iouliaiiliyana@gmail.com, https://orcid.org/0009-0002-0070-6612

Abstract. This article publishes several groups of graffiti excavated at Olbia in the 1960s–1970s. 7. 1–6: Magical graffiti scratched on black-slip vessels and containing random sets of letters or letter-like signs. Chronological frame: late-sixth and fifth century BC. 8: Trade graffiti. 8. 1: ΔΔΔΙΙΙ (black-glazed bowl, last quarter of the fifth century BC). 8. 2: ΔΠΙΙΙ (red-clay amphora wall, fifth to third century BC). 9: Varia. 9. 1: Δοκεῖ (black-glazed kylix, sixth to fifth century BC). 9. 2: [– – –] vacat ψωλὴ[ν?– – –] (black-glazed *guttus*, fourth century BC). 9. 3. A very badly damaged six-line graffito, presumably a list of names, none of which is reliably legible (grey-clay vessel wall, fourth century BC). 10. 1–9: Incerta. A group of graffiti so damaged that it is impossible to draw conclusions about the content and genre of the inscriptions. Chronological frame: late-sixth to fourth century BC. 11: Graffiti from Olbian temenos. 11. 1: [– – –]OZΩΙ (black-glazed kylix, 525–480 BC). 11. 2: KIE (black-slip kylix, second quarter of the fifth century BC). 11. 3: ΛΗ vacat ΝΡ (black-glazed kylix handle, sixth to fifth century BC).

Keywords: Olbia, Olbian agora, E. I. Levi, A. N. Karasev, ancient Greek epigraphy, graffiti

Статья продолжает публикацию граффити с Ольвийской агоры, найденных в 1960–1970-х гг.; описание истории и состава коллекции см.: [3, с. 907–924].

7. Магические

1) Пол. № О–70.2613 (рис. 1,7.*1*). Участок Е8, кв. 489 (восточная часть), углубление в юго-восточной части, глубина 0,4–1,4 м. Археологический контекст: V–IV вв. до н.э. с преобладанием IV в. до н.э. и единичными находками VI в. до н.э. [10, с. 41]. Там же найден килик Агелая [5, с. 936–938, № 2].

Фрагмент поддона чернолакового килика. Высота 7 см, ширина 3 см.

Сосуд можно отнести к киликам типа С, имеющим профилированный или гладкий край. Близкими аналогиями нашему фрагменту являются два ранних варианта, датируемые 525–500 гг. до н.э. [35, p. 263, No 401; p. 264, No 415, fig. 4].

На внутренней стороне вырезаны три буквоподобных символа, перед первым видны две черты, то ли рукотворные, то ли случайного характера. Высота знаков 0,5–1,2 см.

Прочерченные знаки не находят аналогий среди торговых обозначений и не являются буквенными символами, поэтому надпись следует отнести к числу магических. Сходные буквоподобные символы можно видеть в стк. 2 граффито, вырезанного на стенке чернолакового сосуда конца VI – начала V в. до н.э., происходящего с Березани [26, № 18, рис. 2,1]. В. П. Яйленко читает надпись как [Ἀ]θηνάης | [?ποτήριο]ν ἀν[έθηκεν? | e. g. Ἀπατ]όριο[ς]. В стк. 1, судя по всему, действительно надо восстанавливать имя Афины, однако в конце не поврежденная *сигма*, а интерпункция в виде двоеточия; прочтение двух следующий строк не соответствует прорисовке. Ср. также происходящее из Ольвии граффито, где сходные знаки сочетаются с сегментированным алфавитным рядом [26, № 105, табл. VIII,2]. Рандомно выписанные буквы, не дающие осмысленного чтения, и/или буквоподобные знаки – достаточно распространенный тип магических граффити. О надписях такого типа, с многочисленными примерами из Северного Причерноморья, см.: [6, с. 149–150].

2) Пол. № О–71.1755 (рис. 1,*7.2*). Участок Е8, кв. 589, насыпь до 0,4 м. Археологический контекст: мешаный материал из насыпи современного образования [11, с. 21].

Фрагмент стенки чернолакового килика, оббитый по кругу. Диаметр 3 см.

По качеству лака фрагмент можно отнести к VI–V вв. до н.э. В этот период изготавливались сосуды на ножке, тип С, и без ножки, stemless, которые датируются 525–480 гг. до н.э. и 475–450 гг. до н.э. соответственно [35, p. 92, 264–265; 102, 268–269]. К одному из этих типов, возможно, и относится публикуемый фрагмент [35, figs. 4, 5], фрагментированность обломка не позволяет уточнить тип килика.

На внутренней стороне объекта процарапаны знаки, некоторые из которых могут быть поняты как беспорядочно выписанные буквы: *лямбда*, *тау* (?), лунарная *сигма*, стилизованная *сампи* (или *эпсилон*?). В «малой» эпиграфике Ольвии лунарная *сигма* появляется и почти сразу же вытесняет ангулярную во второй половине IV в. до н.э. (см. очерк палеографии ольвийский надписей на свинце и керамике [1, с. XXVIII, XXX]), однако сам лунарный знак возникает гораздо раньше [29, p. 150–162]. Об использовании *сампи* в архаической Ольвии и шире – в Северном Причерноморье см. [4, с. 119, прим. 12].

Если округлые знаки понимать как изображение *теты,* то перед нами две разновидности буквы: с точкой и с черточкой по центру. *Тета* с длинной черточкой по центру, соприкасающейся с окружностью, становится доминирующей в раннеримское время, но спорадически фиксируется начиная с позднеархаического периода [30, p. 380]. Размер буквоподобных знаков 1–1,5 см.

Надпись могла бы быть интересна с точки зрения палеографии и истории алфавита (использование лунарной *сигмы* и *сампи*, присутствие в пределах одного текста двух разновидностей *теты*), если бы мы были вполне уверены, что имеем дело с реальными буквами, а не внешне похожими на них знаками как в случае с надписью № 1. Ср. сходные символы на донце чернолакового сосуда, причем на оборотной стороне вырезано посвящение Коре [20, с. 125, № 8, табл. 45,14].

3) Пол. № Ол–72.303. Номер ошибочен, так как по полевой описи под ним числится совсем другой объект. Скорее всего, следует исправлять на Ол–72.203, этим номером маркиру-

ется «ножка чернолакового килика с граффито». В таком случае место находки: участок Е8, кв. 584/604а, сероглинистый слой, глубина 0,7–0,95 м. Археологический контекст: вторая четверть – середина IV в. до н.э. [12, с. 12–13].

Донце чернолаковой чашечки-солонки со штампованным орнаментом. Края оббиты по кругу и заглажены, в центре пробито круглое отверстие диаметром 0,7 см. Общий диаметр 5,5 см.

Фрагмент имеет массивный широкий кольцевой поддон, по центру размещен штампованный орнамент из четырех пальметок; объект относится к категории небольших чашечек или солонок на широкой подставке [35, p. 132–133]. Аналогичная чашечка-солонка датируется 375–350 гг. до н.э. [35, p. 299, No 883, pl. 33]. Штампованные пальметки на дне находят аналогии в декоре cup-skyphos IV в. до н.э. [35, p. 280, No 621, pl. 27].

На обеих сторонах процарапаны граффити. На внутренней стороне по кругу расположены буквы, не складывающиеся в осмысленный текст (рис. 1,*7.3а*). Высота букв 0,3–0,7 см.

Т *vacat* ΔΤ *vacat* ΝΑΛΤΔΟ

На внешней стороне донца по обе стороны от отверстия, проделанного по центру, помещены буквы А и О (рис. 1,*7.3б*). Высота букв 0,2–0,4 см.

Форма объекта, сознательно обрабатывавшегося для придания ему круглой формы, и аккуратно просверленное по центру отверстие не оставляют сомнения в том, что перед нами разновидность амулета, где рандомно выписанные буквы имеют магическое значение. О магических надписях, представляющих собой не дающий осмысленного чтения набор букв см.: [6, с. 148–150; 17, p. 202–203].

Для района ольвийских теменоса и агоры подобные находки довольно типичны [20, с. 174, № 41, табл. 61,6; с. 130, № 103, табл. 46,6; 44,1; с. 128, № 97, табл. 44,2; с. 128–129, № 98, табл. 44,5; 26, с. 94, № 103, табл. V,22].

4) Пол. № Ол–72.672 (рис. 1,*7.4*). Участок Е8, кв. 584, 604а, глубина 1,20/1,75–2,25/2,60 м. Археологический контекст: конец VI – первая половина V в. до н.э. (первый период засыпи котлована). О происхождении и стратиграфии котлована на Ольвийской агоре см.: [7, с. 20; 5, с. 934].

Фрагмент стенки чернолакового килика, оббитый по кругу. Диаметр около 3 см. О типологии сосуда см. 7.1.

Вся поверхность расчерчена прямыми линиями, пересекающимися под разными углами. В этом хаосе выделяются четыре отдельных рисуночных знака, называемые «сеткой» или «решеткой»; ср. аналогичные граффити: [20, с. 173, № 36–37, табл. 61,1–2]. Подобные изображения нередко встречаются на сосудах самого разного назначения, наносятся на различные части сосуда, нередко в комбинации с магическими надписями других видов [6, с. 140; 18, с. 203].

5) Пол. № Ол–73.648 (рис. 1,*7.5*). Участок Е8, кв. 607а, глубина 0,75–0,85 м. Археологический контекст: материал в основном IV в. до н.э., с примесью более раннего, характеризуется как «сходный с материалом из засыпи котлована второго периода как по набору вещественных находок, так и по их датировке» [13, с. 26].

Фрагмент донца чернолаковой чашечки-солонки. Диаметр 9 см.

Предмет относится к тому же типу чашечек-солонок на широкой подставке, что и Ол–72.303 (7,*3* настоящей публикации), и может быть датирован первой половиной IV в. до н.э. [35, p. 132–133].

На внешней стороне на выступающей части поддона вырезано граффито, представляющее собой ряд буквоподобных знаков, не дающих осмысленного чтения. Высота знаков 0,3–0,5 см.

Π<ΝΕΟΧ

Надпись скорее всего имеет магический характер.

6) Пол. № Ол–74.1407. Участок Е4, кв. 818, грунт глинистый коричневатого цвета, глубина 0,95–1,08 м у юго-западного угла. Археологический контекст: конец VI – V в. до н.э.: «В результате работ 1973 и 1974 г. на кв. 813 и 818 выявлены слоевые фундаменты с остатками кладки от большого здания. Судя по отсутствию керамического материала IV

в. до н.э., постройки, от которых сохранились фрагменты стен, были разобраны еще в V в. до н.э.» [11, с. 24].

Поддон чернолакового килика. Диаметр 8 см, высота 1 см.

Сосуд можно отнести к киликам типа С, имеющим профилированный или гладкий край. Близкими аналогиями нашему фрагменту являются два ранних варианта 525–500 гг. до н.э. [35, p. 263, No 401, p. 264, No 415, fig. 4].

На внешнюю и внутреннюю стороны фрагмента нанесены граффити. На внутренней стороне помещен знак типа «сетка», состоящий из нескольких сегментов, различающихся размером ячеек (рис. 1,*7.6а*). На внешней стороне по краю процарапан зигзагообразный узор, в месте перехода к ножке по кругу вырезан декор в виде разновидности меандра. Между ними по кругу помещен ряд букв, не складывающихся в осмысленный текст (рис. 1,*7.6б*).

ΙΤΚΡΗΛΤ.

Рассматриваемый объект демонстрирует комбинацию сразу нескольких разновидностей магических граффити: буквенный ряд, «сетка», зигзаг (зигзагообразные знаки могут быть истолкованы как схематическое изображение волны, т.е. символ водной стихии [6, с. 145]) и меандр. При этом как рисуночные изображения, так и буквенные символы, размещенные по кругу, несомненно имеют и декоративную функцию.

8. Торговые

1) Пол. № О–69.3247 (рис. 1,*8.1*). Участок Е3, кв. 388ю, заполнение подвала 7, глубина 1,25–2,8 м. Археологический контекст: «Материал носил мешаный характер с преобладанием керамики IV в. до н.э. Вместе с тем встречались обломки сосудов V в. до н.э., а также фрагменты III в. до н.э.» [9, с. 8]. Здесь же найден килик Пайдиски [5, с. 938–939, № 3].

Фрагментированное донце чернолаковой чаши со штампованным орнаментом. Диаметр 10 см, ширина 4,3 см.

Фрагмент дна большой чаши на кольцевом поддоне со штампованным декором внутри: пояс из пальметок на дугах, под ним пояс из ов, размещенных между гравированными поясками. Лак черный, хорошего качества, орнаменты исполнены четко. Переход от поддона к стенке выделен узким пояском в цвете глины, на подставке врезанный поясок на поверхности в цвете глины. Чаши с высоким отогнутым краем появляются в аттической керамике в конце V в. до н.э. и служат не для питья, а для еды [35, p.128]. Близкие по форме пальметки на дугах и пояски из ов можно встретить на ранних экземплярах последней четверти V в. до н.э. [35, p. 292, No 793, pl. 58; p. 293, No 799, pl. 58; p. 298, No 865, pl. 59].

На внешней стороне вырезано граффито. Высота букв 0,5 см.

ΔΔΔΙΙΙ

Последовательность из трех *дельт* показывает, что перед нами цифровое обозначение по акрофонической системе. Уцелевшие знаки дают число 33, однако, учитывая, что фрагмент обломан с обеих сторон, числовое значение могло быть иным. Для чернолаковой посуды подобный набор символов может быть понят как указание на цену [19, с. 112–114]: три обола за тридцать киликов, однако получающаяся в результате цена за один сосуд (1/10 обола) кажется слишком низкой (примерную оценку стоимости сосудов см. [27, p. 255–310; 31, p. 258–266; 19, 114–115]), поэтому скорее всего справа была еще одна вертикальная черта (ср. ΔΔΔΙΙΙΙ на донце происходящего из Ольвии открытого чернолакового сосуда [26, № 107]). Можно также видеть здесь указание на вес сосуда [33, С 78]. Нельзя также полностью исключить и тот вариант, что фрагмент уже разбитого сосуда был использован в качестве этикетки или ценника и надпись не имеет никакого отношения к самой чаше. Большое количество подобных записей на доньях чернолаковых сосудов см.: [26, № 107–117].

2) Пол. № О–69.3267 (рис. 1,*8.2*). Участок Е3, кв. 388ю, глинисто-золистый слой под трамбовкой, глубина 0,95–1,45 м. Археологический контекст: см. 8.1. Совместная находка двух объектов с цифровыми обозначениями вряд ли случайна.

Стенка красноглиняной амфоры (переход от горла к плечику). Высота 9 см, ширина 6 см.

ΔΠΙΙΙ

На лицевой стороне вырезано граффито. Высота букв 0,6–1,1 см.

По акрофонической числовой системе представленный ряд символов дает число 18, либо, если справа была еще одна вертикальная линия, то 19. Судя по выбору места для нанесения граффито – место изгиба, из-за чего *дельта* имеет неправильную форму, надпись была вырезана на целом сосуде, т.е. относится к самой амфоре или ее содержимому. Цифровые граффити на амфорах нередко трактуются как указание на объем, но амфора как правило вмещает не более 12 хоев [15, с. 594–626, прил. 3; 16, с. 183–229, прил. 1]. Для сходного типа надписей с Афинской агоры, также размещенных на горлах амфор V–IV вв. до н.э., были предложены следующие интерпретации: необычное указание на цену или сложное описание объема, где *дельта* указывает на количество хоев (десять), а вертикальные линии на количество котил [33, A16, A26; ср. также B 66–67].

9. Varia

1) Пол. № Ол–72.653 (рис. 2,*9.1*). Участок Е8, кв. 584, 604а, золистый слой. Археологический контекст: VI–IV вв. до н.э. Фрагмент происходит из засыпи котлована, глубина места находки не указана, но, исходя из широкой датировки, можно предположить, что это промежуточная между первым и вторым уровнем засыпки прослойка, содержащая мешаный материал [7, с. 20; 5, с. 934].

Остракон из стенки чернолакового килика, края тщательно заглажены. Высота 5 см, ширина 4,5 см. О типологии сосуда см. 7.1.

На внутренней (вогнутой) стороне небрежно процарапано граффито ΔOKEI. Высота букв 0,8 см (*омикрон* 0,4 см).

Δοκεῖ.

Надпись может быть понята как форма третьего лица единственного числа Praesens indicativi activi от глагола δοκέω – δοκεῖ, либо как императив δόκει. Смысл записи неясен. Прежде всего в связи с использованием данного глагола в эпиграфике на ум приходит, конечно, формула, открывающая официальные поставления: ἔδοξε τῇ βουλῇ καὶ τῷ δήμῳ. Было бы заманчиво рассматривать публикуемый остракон как своеобразный жетон для голосования за или против псефизмы, однако в таком случае подобная находка не может быть единичной; более того, аналогии не известны ни для Ольвии, ни для какого-либо иного полиса. В керамической же эпиграфике слово встречается в формуляре застольных граффити ὁ δεῖνα καλὸς δοκεῖ τῷ δεῖνι (такой-то мил такому-то/такой-то), см. примеры: [32, C 3, 10, 19], так что, возможно, перед нами элемент куртуазной игры.

2) Пол. № О–73.569 (рис. 2,*9.2*). Участок Е8, кв. 607а, п/кв. 609 (зап.), сероглинистый слой, глубина 0,5–0,65 м. Археологический контекст: материал мешаный, VI–IV вв. до н.э. [13, с. 27].

Стенка чернолакового закрытого сосуда, составленная из двух фрагментов. Высота 3,6 см, ширина 4,3 см.

Фрагмент может быть определен как стенка закрытого сосуда типа гуттуса. Типология и хронология этих сосудов представлена на материалах из раскопок Афинской агоры. Ранние экземпляры появляются в начале IV в. до н.э. [35, p. 160], вся серия этих небольших сосудов датируется в пределах IV в. до н.э. [35, p. 319, No 1192–1196, pl. 39, fig. 11].

На внешней стороне вырезана надпись. Высота букв 0,7–1,0 см.

ΨΩΛΗ

[– – –] *vacat* ψωλὴ[ν?– – –]

Vacat в начале строки дает единственно возможное чтение: ψωλή, т.е. ‘membrum virile’. Надпись, содержащая такого рода лексику, может быть почти любого жанра: вотивной [35, p. 137, № 1 (SEG 46 1248)], что в нашем случае следует, скорее всего, исключить, застольно-шуточной (видимо, к этому жанру принадлежит знаменитое пантикапейское граффито на чернолаковой солонке конца V – первой четверти IV в. до н.э. Παρθενίο κύων τὴν ψωλὴν δάκοι, хотя первоиздателем надпись была истолкована как наговор [28, p. 227 (SEG III 596)]), заклятием [36, № 77], а может быть просто вырезанной из хулиганских соображений, в данном случае обыгрывая форму сосуда.

Для Северного Причерноморья с большой долей вероятности ψωλή должно восстанавливаться в херсонесском граффито: Εὐμή[λος] /Εὐμη[λίς] | τὰν ψ[ωλὰν] | λείχ[ει] [25, с. 177–178

(SEG XXXVIII 749, 16)], а в форме мужского рода читается в надписи конца VI в. до н.э. из Порфмия: [——]ΤΟ ψωλδ̃ φαλακρδ̃ [Там же (SEG XLVIII, 1026, 2)].

3) ОП–49 (рис. 2,*9.3*). Случайная находка; какой-либо дополнительной информации обнаружить не удалось.

Фрагмент стенки сероглиняного закрытого сосуда с орнаментом насечками. Высота 7 см, ширина 6,5 см.

Фрагмент принадлежит закрытому сосуду типа кувшина, который может быть датирован в пределах IV в. до н.э.

На лицевой стороне вырезано многострочное граффито, текст очень сильно поврежден, так как покрытие во многих местах облезло. Высота букв 0,3–0,6 см.

[——]A[——]
[——].Y.[——]
[.]APΔ[——]
Ṛ(?)ANT | |[——]
AΓA.[——]
AΓAC | | | [——]

Жанр надписи определить затруднительно из-за ее сильной поврежденности; кроме того, не всегда ясно, где рукотворные штрихи, а где случайные царапины. Уцелевшие фрагменты не дают ни одного осмысленного слова. Судя по всему, перед нами список личных имен – относительно редкая разновидность граффито, причем как правило они наносятся на фрагменты толстостенных сосудов: амфор, пифосов. В целом записи подобного типа распадаются на две группы: личные имена, сопровождаемые какими-либо цифровыми пометками [22, № 694; 24, с. 283–288, рис. 1], и просто список имен без каких-либо дополнительных замечаний [32, D 37, D 39, D 40(?); 20, I 1, G 47 (?)]. В первом случае ясно, что речь идет о каких-то денежных расчетах, хотя интерпретация может варьироваться (банковские вклады, списки должников и т.д.). Во втором случае смысл записи остается неясным, можно предположить простейшую разновидность заклятия, где перечисляются только имена проклинаемых; для Ольвии подобные примеры разобраны А. В. Белоусовым [1, с. 2–55]. В большинстве своем надписи нанесены на свинец, но есть примеры и вырезанных на керамических фрагментах, в том числе и на тонкостенной керамике.

К сожалению, пополнить ольвийский ономастикон вряд ли удастся, так как из-за плохой сохранности надписи ни одно имя нельзя прочитать с уверенностью. Стк. 1–2 восстановлению не подлежат, уцелели лишь отдельные буквы. В стк. 3 отчетливо читается APΔ. Судя по стк. 4–6 текста, все строки на одинаковом расстоянии от края, т.е. утрачена первая буква. В Ольвии подходящих имен не зафиксировано, на Боспоре известно Καρδίους (КБН 947, 1282, 1283), в Херсонесе засвидетельствовано Νάρδας [24, № 1264–1265], но все свидетельства относятся уже к римскому времени.

В стк. 4 первая буква *may* или поврежденная *nu*, далее хорошо читается ANT, т.е. здесь должно восстанавливаться имя, начинающееся на Παντ- или на Ταντ-. Если первый вариант в Ольвии (прежде всего Παντακλῆς) и шире, в Северном Причерноморье, хорошо засвидетельствован, то второй неизвестен. Стк. 5 и 6, похоже, обе содержат имена, начинающиеся на АГА. Самую многочисленную группу здесь составляются имена, начинающиеся на Ἀγαθ, однако в обоих случаях следующая за *альфой* буква не похожа на *тету*: в стк. 5 литера уничтожена, в стк. 6 более всего похожа на небрежно выполненную лунарную *сигму*. В обоих случаях можно было бы предположить, к примеру, чрезвычайно популярное Ἀγασικλῆς, засвидетельствованное и в Ольвии (LGPN IV s.v.), но этому, как кажется, препятствуют остатки следующих дальше букв. Приходится с сожалением признать, что ни одна строка не может быть восстановлена с уверенностью.

10. Incerta

1) Пол. № О–60.2322. Участок $Е_2$, кв. 37а, гумусный слой, глубина 0,05 от юго-вост. точки и 0,2 от сев.-зап. точки. Археологический контекст: мешаный слой, включая единичные обломки керамики первых вв. н.э. [8, с. 47–51].

Фрагментированная стенка чернолакового килика. Высота 2,8 см, ширина 2,5 см. О типологии сосуда см. 7.1.

На внешней и внутренней стороне фрагмента процарапаны граффити. На внешней стороне уцелели остатки двух строк надписи (рис. 2,*10.1а*). Высота букв 0,5–1 см. Фрагмент настолько мал и покрыт царапинами, что буквы в большинстве своем не могут быть уверенно идентифицированы.

ΘΕ̣

Δ(?)Α̣

На внутренней стороне очень тщательно прочерчен фрагментированный знак или рисунок (глаз?) (рис. 2,*10.1б*).

Фрагментарность надписи не позволяет сделать сколько-нибудь уверенных выводов относительно ее содержания. В ΘΕ̣ можно увидеть как начало теофорного имени, так и θεοῖς, θεοῦ или θεῶν. Посвящения Матери богов зафиксированы для Ольвии в большом количестве, однако, как правило, они адресованы просто Матери [20, с. 57–78, № 35–78], только в одном случае предположительно восстанавливается [Μητρὶ θε]ῶν [20, с. 57, № 36, табл. XVIII,2]. Принятая А. С. Русяевой в качестве основной трактовка фрагментированной надписи ΘΕΟ | ΕΜΙ на горле сероглиняного сосуда, происходящего из слоя второй половины VI – IV в. до н.э., как «Я – сосуд бога» [20, с. 76, № 145, табл. 27,7], представляется неудачной, так как требует для периода поздней архаики – ранней классики реконструкции культа некоего абстрактного бога, не имеющего даже дополнительных эпитетов. В этом, равно как и в нашем случае, наиболее вероятно понимание ΘΕ̣ как начала теофорного имени, что, конечно, никак не может помочь реконструкции текста. Скорее всего, надписи были вотивными, в нашем же случае граффито на стенке килика могло быть и застольным.

2) Пол. № О–69.2082 (рис. 2,*10.2*). Участок Е3, кв. 371, желтоглинистый слой, глубина 1–1,6 м. Археологический контекст: материал IV–III вв. до н.э. с единичными включениями керамики более раннего времени [9, с. 13].

Фрагмент поддона чернолаковой тарелки. В полевой описи описан как состоящий из двух фрагментов, в настоящее время в наличии один. Диаметр 8 см, высота 1,5 см, ширина 6 см.

Наш фрагмент имеет массивный кольцевой поддон. Внутри тарелка покрыта черным лаком, снаружи, в центре, узкие и широкие пояски в цвете глины. Подобная схема росписи встречается на киликах, чашах и тарелках. Толщина стенок у дна, их горизонтальность и профиль поддона указывают на то, что перед нами фрагмент тарелки. В материалах Афинской агоры представлено значительное число тарелок, в Северном же Причерноморье тарелки встречаются редко. Рассматриваемый фрагмент не имеет края, поэтому уточнить типологию не представляется возможным. По профилю поддона наиболее близкой аналогией является тарелка с поднятым и отогнутым краем, которая датируется последней четвертью V в. до н.э. [35, p. 308, No 1031, fig. 10].

На внешней стороне вырезано граффито, от которого уцелели *омикрон* круглой формы и часть вертикальной гасты. Высота букв 0,8 см.

.Ο

Граффито скорее всего является частновладельческим, незначительность уцелевшей части не позволяет перейти к более детальным выводам: надпись может быть понята как аббревиатура личного имени, *e.g.* Ι̣Ο или конечная часть имени на -ιος в форме генетива. Было бы заманчиво включить фрагмент в группу общественно-владельческих надписей, восстанавливая его как πό[λεως] [3, 907–924], что означало бы, что традиция общественных пиров с использованием купленной за государственный счет посудой продолжалась до конца V в. до н.э., однако отсутствие аналогичных надписей, происходящих из того же археологического контекста, не дает оснований для подобной интерпретации.

3) Пол. № Ол–69.2434 (рис. 2,*10.3*). Участок Е8, кв. 587 с зап., 0,9 м от подошвы южной стены помещения 7. Археологический контекст: золистый грунт из засыпи котлована первого периода, VI–V вв. до н.э. [9, с. 23].

Край чернолакового килика. Высота 3,6 см, ширина 5,1 см.

Фрагмент можно отнести к киликам типа С. Килики этого типа датируются 525–480 гг. до н.э. [35, p. 91]. Они имеют широкую и неглубокую чашу, горизонтальные ручки, ножку на цилиндрическом стволе. Существовали два типа венчика: профилированный и гладкий.

Килики с профилированным краем более многочисленны, можно проследить незначительные изменения формы. Наш фрагмент можно отнести к ранним вариантам, которые находят аналогии среди материалов Афинской агоры и датируются около 525–500 гг. до н.э. [35, p. 263, No 398–406, pl. 19, fig.4].

На внешней стороне вырезано граффито. Высота букв 0,8 см. *Ипсилон* в форме V.

ΩΙΗΛΥ

Первые две буквы, скорее всего, должны принадлежать окончанию дательного падежа; нанесение надписи на венчик сосуда, характерное для посвящений, также свидетельствует в пользу такого предположения. Однако следующий дальше текст вызывает затруднения: ΗΛΥ не может быть интерпретировано как самостоятельное слово, следовательно, перед нами аббревиатура: либо личного имени, либо эпиклезы божества. Единственное подходящее дополнение – Ἠλύσιος. Однако эпиклезой божества это прилагательное быть не может, а в качестве личного имени фиксируется только в «Моралиях» Плутарха (Plut. Mor. 109 B): так зовут богатого и знатного жителя Южной Италии, фигурирующего в истории о призраках, так что имя может быть и вымышленным. Ἠλύσιος в эпиграфике нередко встречается в эпитафиях, однако восстанавливать в надписи на венчике килика [πεδί]ωι Ἠλυ(σίῳ) довольно затруднительно: непонятно, к какому жанру могло бы принадлежать граффито. Скорее всего, перед нами сокращение личного имени, либо подтверждающее существование личного имени Ἠλύσιος, либо принадлежащее какому-то еще неизвестному имени.

4) Пол. № Ол–72.799 (рис. 2,*10.4*). Участок Е3, п–кв. 747, южная часть, от глуб. 0,9. Археологический контекст: V в. до н.э.

Фрагмент поддона чернолакового килика. Диаметр 10 см, высота 3,5 см, ширина 4 см.

Килик, по-видимому, принадлежит к типу Vicup, для которых характерен плавный переход от вместилища к стволу и вогнутая наружная поверхность основания ножки-подставки, хорошо заметная на указанным фрагменте. Профилировка наружного края подставки, имеющаяся на обоих образцах, придает им дополнительное изящество. Килики этого типа производились в течение короткого времени, 475–460 гг. до н.э., одним мастером или в одной мастерской, главным образом в чернолаковом варианте [35, p. 93, 265, nº 434–438]. К тому же типу относится фрагмент с частновладельческим граффито О–69.2121 [5, с. 940–941, № 5], оба объекта определенно попали в Ольвию в составе одной партии.

На внешней стороне сосуда вырезано граффито АХ°. Высота букв 0,7 см.

Проще всего было бы интерпретировать надпись как частновладельческую, содержащую начало личного имени. Трудность, однако, заключается в том, что облом проходит непосредственно перед *альфой*, поэтому неясно, начиналось ли имя на Ἀχ- или же начало имени утрачено (для Ольвии из подходящего засвидетельствовано только Σύμμαχος). Имен, начинающихся на Ἀχ-, кроме производных от имени Ахилла, в Ольвии не зарегистрировано. Несмотря на популярность в Ольвии культа этого героя, теофорных личных имен, образованных от его имени, зафиксировано здесь крайне мало: для раннего времени известно только Ἀχιλλόδωρος; Ἀχιλλεύς стало популярно уже в первые века нашей эры, к этому же времени относится единожды засвидетельствованное Ἀχίλλητος (LGPN IV, s.v.). Какое-то имя из этого круга, видимо, представлено в граффито АХΙΛΛ[——] на донце чернолакового сосуда V в. до н.э., происходящего с Западного теменоса [20, с. 77, № 148, табл. 27,10]. Не исключено, конечно, что надпись вотивная. Граффито ΒΟΣΠΟΡΙΧΟ АХΙΛΛΕ[——] на донце чернолакового сосуда первой половины V в. до н.э., также происходящее с Западного теменоса, А. С. Русяева склонна трактовать скорее как владельческое, понимая АХΙΛΛΕ[——] как начало патронимика [20, с. 77, № 147, табл. 27,12], однако место находки и крайняя редкость владельческих меток с патронимиком заставляет все же склоняться к пониманию граффито как посвящения: «От Боспориха – Ахиллу».

Пониманию нашего граффито как частновладельческого препятствуют место размещения надписи (такого рода метки располагаются на внутренней стороне поддона) и определенно рукотворный значок в виде антисигмы после *хи*.

Значок в виде сигмы и антисигмы нередко присутствует в торговых метках, где он обычно понимается как обозначение половины. Его присутствие вроде бы указывает на то, что

надпись имеет торговый характер, однако расшифровка AX проблематична. AX можно понимать как цену в один халк [22, с. 20, № 8], в нашем случае тогда может иметь место неуклюжее обозначение цены в половину халка.

5) Пол. № Ол–74.1484 (рис. 2,*10.5*). Е4, кв. 818, грунт глинистый коричневатого цвета, глубина 1,22–1,45 м у ЮЗ угла квадрата. Археологический контекст: V в. до н.э. [11, с. 31]; здесь же найдено посвятительное (?) граффито Антифонта [2, с. 288–289, № 3].

Фрагмент края чернолакового канфара с декором из пояса пальметок, под которым расположен пояс ов, исполненных штампом. Лак черный, орнаменты исполнены четко. Форму и тип канфара определить нельзя; тип пальметок и ов характерен для декора сосудов последней четверти V в. до н.э. [35, p. 293, No 799, pl. 58; p. 298, No 866, pl. 59]. В левой части сверху заметно отверстие от починки. Высота 4 см, ширина 3,5 см.

На лицевой стороне вырезано граффито; перед *ню* сохранилась верхняя часть вертикальной гасты. Высота букв 0,5 см.

.NA

Расположение надписи на венчике заставляет склоняться к тому, что перед нами посвятительное граффито, соответственно остатки надписи могут быть поняты как часть имени божества: [Ἀθ]ηνα[ίη], при этом посвящения Афине в Ольвии очень многочисленны [20, с. 31–33, № 25–28; с. 74–75, № 139–141], либо как часть имени посвятителя, e.g. Ἀθήναιος, засвидетельствованное в Ольвии в эллинистический период. Нельзя полностью исключать и иные дополнения.

6) Пол. № О–69.2351 (рис. 2,*10.6*). Участок Е3, кв. 381а, северная часть от уровня 1,65 до глубины 2,5 м. Археологический контекст: VI–V вв. до н.э. [9, с. 18–19].

Фрагмент края чернолакового килика. Высота 3 см, ширина 3,5 см.

Килик принадлежит к тому же типу, что и О–69.2434 (№ 10,*3* настоящего каталога), соответственно датируется временем около 525–500 гг. до н.э.

В верхней части венчика на внешней стороне вырезано граффито. Высота букв 0,3–0,5 см.

.NTH

На венчик обычно наносились посвятительные надписи, но возможны также варианты застольного или дарственного граффито; текст слишком фрагментирован даже для предположительного восстановления.

7) Пол. № О–69.2719 (рис. 2,*10.7*). Участок Е3, кв. 384, 385, зольно-глинистый слой, глубина 0,3–1 м. Археологический контекст: VI–V вв. до н.э. [9, с. 4–5]

Фрагмент края чернолакового килика. Высота 3 см, ширина 7 см.

Фрагмент принадлежит к киликам типа С с профилированным краем, в отличие от О–69.2434 и О–69.2351 (см. 10,*3* и *6* настоящего каталога) он представляет поздний вариант, для которого характерны более низкий край с резким перегибом при переходе к чаше [35, p. 91, 264, No 413, pl. 19, fig. 4].

В верхней части венчика на внешней стороне вырезано граффито. Высота букв 1 см.

TE

Надпись, судя по расположению на венчике сосуда, скорее всего, посвятительная; в силу крайней фрагментарности восстановлению, даже предположительному, не подлежит.

8) Пол. № Ол–71.2648 (рис. 2,*10.8*). Участок Е3, кв. 366б, подвал № 1 от уровня полевки до дна глуб. 1,1 м. Археологический контекст: вторая половина V в. до н.э. [11, с. 43–45].

Фрагмент стенки чернолакового килика, изнутри – красный лак. Высота 2,2 см, ширина 2 см.

По качеству лака сосуд можно отнести к VI–V вв. до н.э. Подробнее о типологии сосуда см. 7.1, но, судя по археологическому контексту, он должен принадлежать более поздней разновидности, stemless.

На внутренней стороне вырезано граффито, причем надпись размещается перпендикулярно гончарным кругам, т.е. перед нами фрагмент остракона. Высота букв примерно 1 см (ни одна не сохранилась целиком).

ĄĶǪ

Фрагментарность надписи не позволяет сделать каких-либо предположений относительно жанра и содержания текста.

9) Пол. № Ол–73.850 (рис. 2,*10.9*). Участок Е1, кв. 129, шурф, сероглинистый слой, глубина 0,3 м. Археологический контекст: мешаный материал, включая фрагменты I в. н.э. [13, с. 32].

Стенка закрытого светлоглиняного сосуда типа кувшина. Высота 8 см, ширина 7 см.

На лицевой стороне вырезано граффито. Высота букв 2,5 см.

РЕ

Фрагментарность надписи не дает возможности сделать хоть какие-то выводы относительно жанра и содержания надписи. Скорее всего, надпись является владельческой, представляя собой аббревиатуру личного имени: либо личное имя, начинающееся на Ρε-, либо с утраченной первой буквой. Имена на Ρε-, весьма немногочисленные, в большинстве своем негреческого происхождения, фиксируются в основном уже в римское время; для Ольвии засвидетельствовано только Ῥευρόμανος (LGPN IV s.v.). Скорее всего, утрачена первая буква и следует восстанавливать, к примеру, Κρεσφόντης, хотя в Ольвии из подходящих зафиксированы только женские Κρέουσα, Ἀρέτη (LGPN IV s.v.).

Можно, конечно, предположить, что граффито указывает на содержимое сосуда (подобные аббревиации пока неизвестны) или какую-то его характеристику, см.: [22, с. 48, № 158].

11. Материалы с теменоса

Почти все материалы, переданные Ю. Г. Виноградову, происходят с агоры, но три надписи были найдены на территории теменоса.

1) Пол. № О–60.2231 (рис. 3,*11.1*). Участок $Е_3$, кв. 311, яма 67, глубина 1,1 м от материка. Археологический контекст: конец VI – V в. до н.э. [8, с. 3].

Фрагмент края чернолакового килика. Высота 2 см, ширина 3,7 см.

Фрагмент принадлежит к киликам типа С с гладким краем, который по форме идентичен киликам с профилированным краем (см. 10,*3*, *6* и *7* настоящего каталога); единственным отличием является единая линия от края сосуда к чаше. Датируются такие сосуды 525–480 гг. до н.э. [35, p. 91].

На внешней стороне сосуда процарапано граффито. Высота букв 0,7 см (*дзета* 0,3 см).

[——]OZΩI

Исходя из места находки и факта нанесения надписи на венчик сосуда, надпись, скорее всего, следует считать посвятительной, хотя, конечно, не исключены и другие варианты. Текст слишком фрагментарен, чтобы можно было предложить хотя бы убедительную разбивку на слова. Проще всего видеть в уцелевших буквах часть существительного/прилагательного второго склонения в форме дательного падежа. Однако ни имя, ни эпиклеза божества на -οζος неизвестны.

Если рассматривать надпись как дарственную или застольную, то можно было бы восстанавливать личное имя, но известно только Σκόζος (КБН 1135, 1141; Горгиппия, II в. н.э.); об имени см.: [37, § 581]. Крайне маловероятно, но возможно чтение ὄζωι (от ὄζος – ветка, прут). Возможны и другие варианты разбиения надписи на слова. Например, [——]ο Ζωι[—], чему препятствует тот факт, что имя Ζωΐλος известно не ранее IV в. до н.э., а для Ольвии древнейший пример относится к III в. до н.э. (LGPN IV s.v.). Либо первый слог можно рассматривать как конечную часть глагола: [σῴ?]ζω ι[——].

2) Пол. № О–60.2233 (рис. 3,*11.2*). Участок $Е_3$, кв. 311, яма 67, глубина 1,1 м от материка. Археологический контекст: см. 11,1.

Фрагментированная подставка чернолакового килика, склеенная из пяти фрагментов (согласно полевой описи, изначально обломков было 8). Диаметр 6,5 см.

По профилю и врезному пояску объект можно отнести к киликам типа vicap, появившихся во второй четверти V в. до н.э. [35, p. 93]. Килики этого типа производились в течение достаточно короткого времени, главным образом в чернолаковом варианте. Для них характерна вогнутая наружная поверхность основания ножки-подставки, хорошо заметная на нашем фрагменте, и врезанный поясок по черному лаку. На агоре в Афинах было найдено несколько целых экземпляров, наиболее близкий публикуемому предмету датируется 470–460 гг. до н.э. [35, p. 265, No 436, pl. 20].

На внутренней стороне подставки вырезано граффито. Высота букв 0,5–1 см.

KIE

Граффито, скорее всего, владельческое, однако личные имена, начинающиеся с представленной комбинации букв, неизвестны, так что остается предположить, что в аббревиатуре скрыты личное имя и патронимик, e.g. Καλλικλῆς Ἱεροκλοῦ; см. подобные сокращения: [20, с. 87, № 198; 25, № 193, 238]. Учитывая, что фрагмент был найден на территории теменоса, можно предположить и другой вариант чтения: K[όρης] ἱε[ρος/ροῦ], впрочем, все известные посвящения Коре найдены исключительно в жилых кварталах [20, с. 105, № 3; с. 107–108, № 8–12], а лапидарные памятники известны только с конца III в. до н.э. [21, с. 127].

3) Пол. № О–60.2085 (рис. 3,*11.3*). Участок $Е_3$, кв. 310, северная половина, сероглинистый грунт, глубина 1,25–2,05 м. Археологический контекст: мешаный слой, включающий материалы как VI–V вв. до н.э., так и обломки первых вв. н.э. [8, с. 2].

Фрагмент ручки чернолакового килика. Длина 4,5 см. В силу фрагментированности объекта определить тип килика не представляется возможным, датировка может быть предложена только очень широкая: VI–V вв. до н.э.

На внешней стороне ручки вырезано граффито. Высота букв 0,5 см.

ΛH *vacat* HP

Место нанесения довольно необычно: граффити располагаются, как правило, либо на донце, либо на венчике. Определенно перед нами две аббревиатуры, так что надпись можно понимать как владельческую, где представлены в сокращении имя и патронимик, к примеру, Λήναιος Ἡρακλείδου, либо как посвятительную, где даны аббревиатуры имени посвятителя и божества. Из божеств за аббревиатурой могут скрываться либо Геракл [21, с. 123–126], либо Гера [21, с. 129], оба культа засвидетельствованы в Ольвии, хотя и малопопулярны.

Рис. 1. Граффити и дипинти из раскопок Ольвии Е. И. Леви и А. Н. Карасева.
7. Магические. 8. Торговые

Рис. 2. Граффити и дипинти из раскопок Ольвии Е. И. Леви и А. Н. Карасева.
9. Varia. 10. Incerta

Рис. 3. Граффити и дипинти из раскопок Ольвии Е. И. Леви и А. Н. Карасева.
11. Материалы с теменоса

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белоусов А.В. Defixiones Olbiae Ponticae. М.: Изд-во Московского ун-та, 2020. 194 с. (Труды исторического факультета МГУ, вып. 164).
2. Бехтер А.П. Памятники малой эпиграфики из раскопок Е.И. Леви и А.Н. Карасева: 2. Посвятительные граффити. 3. Застольно–посвятительные (симпосиальные) граффити // Боспорский феномен: Боспорское царство М.И. Ростовцева (взгляд из XXI века). Т. II. СПб., 2019. С. 283–292.
3. Бехтер А.П., Ильина Ю.И. Граффити и дипинти из раскопок Е.И. Леви и А.Н. Карасева: 1. Общественно-владельческие граффити // ВДИ. 2020. № 4. С. 907–924.
4. Бехтер А.П., Ильина Ю.И. Граффити и дипинти из раскопок Е.И. Леви и А.Н. Карасева. 5. Архаический абецедарий // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XXVIII. СПб.: ИЛИ РАН, 2024. С. 115–126.
5. Бехтер А.П., Ильина Ю.И. Граффити и дипинти из раскопок Е. И. Леви и А.Н. Карасева. 6. Частновладельческие граффити // ВДИ. 2024. № 4. С. 933–955.
6. Емец И.А. Граффити и дипинти из античных городов и поселений Боспора Киммерийского. М.: Компания Спутник+, 2005. 242 с.
7. Карасев А.Н., Леви Е.И. Раскопки Ольвийской агоры в 1970 г. // КСИА. 1975. Вып. 143. С. 11–21.
8. Карасев А.Н., Леви Е.И. Полевой отчет Ольвийской экспедиции за 1960 г. // РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1960. Д. 275.
9. Карасев А.Н., Леви Е.И. Полевой отчет Ольвийской экспедиции за 1969 г. // РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1969. Д. 55.
10. Карасев А.Н., Леви, Е.И. Полевой отчет Ольвийской экспедиции за 1970 г. // РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1970. Д. 63.
11. Карасев А.Н., Леви, Е.И. Полевой отчет Ольвийской экспедиции за 1971 г. // РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1971. Д. 56.
12. Карасев А.Н., Леви Е.И. Полевой отчет Ольвийской экспедиции за 1972 г. // РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1972. Д. 81.
13. Карасев А.Н., Леви Е.И. Полевой отчет за 1973 г. // РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1973. Д. 147.
14. Карасев А.Н., Леви Е.И. Полевой отчет Ольвийской экспедиции за 1974 г. // РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1971. Д. 158.
15. Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II вв. до н.э. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1999. 680 с.
16. Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров–экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. М.; Саратов: Киммерида; Изд-во Саратовского ун-та, 2003. 352 с.
17. Намойлик А.С. Граффити на керамических изделиях из Нимфея как источник по истории боспорского города (по материалам из собрания Государственного Эрмитажа): Дисс. … канд. ист. наук. СПб., 2018. 311 с.
18. Намойлик А.С. К вопросу о ценах на гончарную продукцию в Нимфее в V–IV вв. до н.э. // Записки ИИМК РАН. 2017. Вып. 16. С. 111–117.

19. Намойлик А.С. Магические граффити из раскопок Нимфея в коллекции Государственного Эрмитажа // Археологические вести. 2017. Т. 23. С. 198–210.
20. Русяева А.С. Граффити Ольвии Понтийской. Симферополь, 2010. 286 с. (МАИЭТ. Suppl. 8).
21. Русяева А.С. Религия и культы античной Ольвии. Киев: Наукова думка, 1999. 253 с.
22. Сапрыкин С.Ю., Масленников А.А. Граффити и дипинти хоры античного Боспора. Симферополь, Керчь: Адеф-Украина, 2007. 319 с. (Боспорские исследования. Suppl. 1).
23. Сидоренко В.А. Банковские операции при храмах на Боспоре в I в. до н.э. – II в. н.э. (по материалам граффити) // Боспорские исследования. 2003. Вып. III. С. 283–288.
24. Соломоник Э. И. Граффити античного Херсонеса. Киев: Наукова думка, 1978. 143 с.
25. Тохтасьев С.Р. Рец.: Соломоник Э.И. Граффити античного Херсонеса. Киев, 1978 // ВДИ. 1988. № 3. С. 167–178.
26. Яйленко В.П. Граффити Левки, Березани и Ольвии // ВДИ. 1980. № 2. С. 72–99: № 3. С. 75–116.
27. Amyx D.A. The Attic Stelai. Part III. Vases and Other Containers // Hesperia. 1958. Vol. 27, 4. P. 255–310.
28. Diehl E. Defixionum ostraca duo // Acta Universitatis Latviensis. 1923. Vol. 6. P. 227–230.
29. Gorissen P. Litterae lunatae // Ancient Society. 1978. Vol. 9. P. 150–162.
30. Guarducci M. Epigrafia graeca. Vol. I. Roma: Istituto poligrafico dello Stato, Libreria dello Stato, 1967. 580 p.
31. Jongkees J.N. On Price–Inscriptions on Greek Vases // Mnemosyne. Series 4. 1951. Vol. 4. P. 258–266.
32. Lang M. Graffiti and Dipinti. Princeton: The American School of Classical Studies at Athens, 1976. 186 p. (The Athenian Agora, XXI).
33. Lang M. Numerical notations on Greek vases // Hesperia. 1956. Vol. 25, 1. P. 1–24.
34. Manganaro G., Merkelbach R. Fallocrazia nella Sicilia greca e romana // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1996. Bd. 111. P. 135–139.
35. Sparkes B.A., Talcott L. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries BC. Princeton, New Jersey, 1970. 398 p. (The Athenian Agora, XII).
36. Wünsch R. Defixionum tabellae Atticae. Berlin: Apud Georgium Reimerum, 1897. 96 p. (Inscriptiones Graecae III. Appendix).
37. Zgusta L. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha: Ceskoslovenska akad. ved., 1955. 466 p.

REFERENCES

1. Belousov A.V. *Defixiones Olbiae Ponticae*. Moscow: Moscow State University Publ., 2020, 194 p. (Proceedings of the Historical Faculty of Moscow State University, vol. 164).
2. Bekhter A.P. Graffiti from the excavations of E.I. Levi and A.N. Karasev. 2. Dedicatory graffiti 3. Convivial (symposial) graffiti. V.A. Khrshanovsky et al. (eds.), *Bosporskij fenomen: Mihail Rostovcev i Bosporskoe carstvo: vzglyad iz XXI veka* [The Phenomenon of Bosporan Kingdom: Mikhail Rostovtsev and the Bosporan Kingdom: Looking Back from the 21th century]. St. Petersburg, 2020, vol. II, pp. 283–292.
3. Bekhter A.P., Il'ina Yu.I. Graffiti and dipinti from the excavations of E.I. Levi and A.N. Karasev. 1. Public ownership graffiti. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History], 2020, no. 4, pp. 907–924. DOI: 10.31857/S032103910012247–4.
4. Bekhter A.P., Il'ina Yu.I. Graffiti and dipinti from the excavations of E.I. Levi and A.N. Karasev. 5. Archaic abecedarium. *Indoevropeiskoe iazykoznanie i klassicheskaia filologiia – XXVIII* [Indo-European linguistics and classical philology – XXVIII], St. Petersburg, Institute for Linguistic Studies RAS Publ., 2024, pp. 115–126. DOI: 10.30842/ielcp2306901528007.
5. Bekhter A.P., Il'ina Yu.I. Graffiti and dipinti from the excavations of E.I. Levi and A.N. Karasev. 6. Private ownership graffiti. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History], 2024, no. 4, pp. 933–955. DOI: 10.31857/S0321039124040044.
6. Emetz I.A. *Graffiti i dipinti iz antichnykh gorodov i poselenii Bospora Kimmeriiskogo* [Graffiti and dipinti from ancient cities and settlements of the Cimmerian Bosporus]. Moscow, Kompaniya Sputnik+ Publ., 2005, 242 p.
7. Karasyov A.N. The excavations of the Olbian agora in 1967–1969. *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 1972, vol. 130, pp. 35–44.
8. Karasyov A.N., Levi E.I. Archaeological report of Olbian expedition 1960. *Manuscript department of the Scientific Archive of the Institute for the history of Material Culture*, F. 35, Op. 1, 1960, D. 275.
9. Karasyov A.N., Levi E.I. Archaeological report of Olbian expedition 1969. *Manuscript department of the Scientific Archive of the Institute for the history of Material Culture*, F. 35, Op. 1, 1969, D. 55.
10. Karasyov A.N., Levi E.I. Archaeological report of Olbian expedition 1970. *Manuscript department of the Scientific Archive of the Institute for the history of Material Culture*, F. 35, Op. 1, 1970, D. 63.
11. Karasyov A.N., Levi E.I. Archaeological report of Olbian expedition 1971. *Manuscript department of the Scientific Archive of the Institute for the history of Material Culture*, F. 35, Op. 1, 1971, D. 56.
12. Karasyov A.N., Levi E.I. Archaeological report of Olbian expedition 1972. *Manuscript department of the Scientific Archive of the Institute for the history of Material Culture*, F. 35, Op. 1, 1972, D. 81.
13. Karasyov A.N., Levi E.I. Archaeological report of Olbian expedition 1973. *Manuscript department of the*

Scientific Archive of the Institute for the history of Material Culture, F. 35, Op. 1, 1973, D. 147.
14. Karasyov A.N., Levi E.I. Archaeological report of Olbian expedition 1974. *Manuscript department of the Scientific Archive of the Institute for the history of Material Culture*, F. 35, Op. 1, 1974, D. 158.
15. Monakhov S.Ju. *Grecheskie amfory v Prichernomor'e. Kompleksy keramicheskoy tary VII–II vv. do n.e.* [Greek amphorae in the Black Sea Region. Assemblages of transport amphorae of the 7th – 2nd cc. BC]. Saratov, Saratov University Publ., 1999, 680 p.
16. Monakhov S.Ju. Grecheskie amfory v Prichernomor'e: tipologiya amfor veduschsikh tzentrov–eksporterov tovarov v keramicheskoi tare. Katalog-opredelitel' [Greek amphorae in Black Sea Region: typology of amphorae of the leading Centers of exporters of goods in ceramic containers. Catalog-identifier]. Saratov, Kimmerida, Saratov University Publ., 2003, 352 p.
17. Namoylik A.S. Graffiti na keramicheskich izdeliyach iz Nimfeya kak istochnik po istorii bosporskogo goroda (po materialam iz sobraniya Gosudarstvennogo Ermitazha) [Graffiti on Ceramic Objects from Nymphaeum as a Source on the History of the Bosporan City (Based on Materials from the Collection of the State Hermitage). PhD Thesis. St. Petersburg, 2018, 311 p.
18. Namoylik A.S. On the problem of pottery prices in Nymphaeum in the V–IV centuries BC. *Zapiski Instituta istorii material'noy kul'tury* [Transactions of the Institute for the history of the material Culture], 2017, vol. 16, p. 111–117.
19. Namoylik A.S. Magic graffiti from excavations of Nymphaion in the collection of the State Hermitage Museum. *Archeologicheskie vesti* [Archeological news], 2017, vol. 23, p. 198–210.
20. Rusyaeva A.S. *Graffiti Ol'vii Pontiyskoy* [Graffiti of Olbia Pontica]. Simferopol, 2010, 286 p.
21. Rusyaeva A.S. *Religiia i kul'ty antichnoi Ol'vii* [Religion and Cults of ancient Olbia]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1999, 253 p.
22. Saprykin S.Yu., Maslennikov A.A. *Graffiti i dipinti khory antichnogo Bospora* [Graffiti and Dipinti from the Chora of the Ancient Bosporus]. Simferopol, Kerch, Adef-Ukraina Publ., 2007, 319 p.
23. Sidorenko V.A. Bank Operations at Temples in Bosporus at the end on the 1st century BC – the 2nd century AD (on Graffiti Materials). *Bosporskie issledovaniya* [Bosporos Studies], 2003, vol. 3, pp. 283–288.
24. Solomonik E.I. *Graffiti antichnogo Khersonesa* [Graffiti of ancient Chersonesos]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1979, 143 p.
25. Tokhtas'ev S.R. Review: Solomonik E.I. Graffiti of ancient Chersonesos. Kiev, 1979. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History], 1988, no. 3, pp. 167–178.
26. Yailenko V.P. Graffiti from Leuka, Berezan and Olbia. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History], 1980, no. 2, pp. 72–99; no. 3, pp. 75–166.
27. Amyx D.A. The Attic Stelai. Part III. Vases and Other Containers. *Hesperia*, 1958, vol. 27/4, pp. 255–310.
28. Diehl E. Defixionum ostraca duo. *Acta Universitatis Latviensis,* 1923, vol. 6, pp. 227–230.
29. Gorissen P. Litterae lunatae. *Ancient Society*, 1978, vol. 9, pp. 150–162.
30. Guarducci M. *Epigrafia graeca*. Vol. I. Roma, Istituto poligrafico dello Stato, Libreria dello Stato, 1967, 580 p.
31. Jongkees J.N. On Price-Inscriptions on Greek Vases. *Mnemosyne*, *Series 4*, 1951, vol. 4, pp. 258–266.
32. Lang M. *Graffiti and Dipinti*. Princeton, The American School of Classical Studies at Athens, 1976, 186 p. (The Athenian Agora, XXI).
33. Lang M. Numerical notations on Greek vases. *Hesperia*, 1956, vol. 25/1, pp. 1–24
34. Manganaro G. Merkelbach R. Fallocrazia nella Sicilia greca e romana. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*, 1996, Bd. 111, pp. 135–139.
35. Sparkes B.A., Talcott L. *Black and Plain Pottery of the 6th, 5thand 4th Centures B. C.* Princeton, New Jersey, The American School of Classical Studies at Athens, 1970, 398 p. (The Athenian Agora, XII).
36. Wünsch R. *Defixionum tabellae Atticae.* Berlin, Apud Georgium Reimerum, 1897, 96 p. (Inscriptiones Graecae III. Appendix).
37. Zgusta L. *Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste*. Praha, Ceskoslovenska akad. ved., 1955, 466 p.

Сведения об авторах

Бехтер А. П. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского Института истории РАН; Researcher ID: C-6967-2015; Scopus ID: 57199415606.

Ильина Ю. И. – старший научный сотрудник Отдела античного мира Государственного Эрмитажа; Scopus ID: 57221852587.

Authors information

Bekhter A. P. – Candidate of Science (History), Researcher of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences; Researcher ID: C-6967-2015; Scopus ID: 57199415606.

Il'ina Yu. I. – Researcher of the Ancient World department of the State Hermitage; Scopus ID: 57221852587.

DOI: 10.29039/2413-189X.2025.30.471-487

ВИЗАНТИЙСКИЕ НАДПИСИ С ЛЕКСЕМОЙ «ΣΤΑΥΡΟΣ» И ИЗОБРАЖЕНИЕМ КРЕСТА. К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ

Александра Алексеевна Евдокимова
Институт языкознания РАН, Москва, Россия
ae@iling-ran.ru, https://orcid.org/0000-0002-6557-2064

Аннотация. В данной статье на материале 91 византийской надписи из базы PHI7, содержащих лексему «σταυρός», показаны формулы, в которые она входит, а также ее сочетаемость с другими лексемами. Формулы содержат отсылки к страданиям Христа, как напрямую, так и метафорически, подчеркивая значение креста, как символа, подаренного христианам для их защиты в память о принесенных жертвах. Вторая выборка надписей (101 памятник), содержащих изображение креста, расклассифицирована по типам места и использования этого изображения в тексте. Для обеих групп значимыми оказались два периода: VI–VII вв. и XI в., когда возрастает количество надписей. При этом сами надписи, среди которых много эпитафий, как мужских, так и женских, а также строительных и посвятительных, показывают, что наряду с возвеличиванием этого символа, он воспринимался авторами, как что-то неизменное, обыденное, неотделимое от их жизни. В том числе, как знак, которым можно не только обозначить начало и конец текста, начало и конец жизни, но и выделить что-то важное.

Ключевые слова: византийская эпиграфика, погребальные надписи, граффити, византийский греческий язык, греческая палеография

BYZANTINE INSCRIPTION WITH LEXEME “ΣΤΑΥΡΟΣ” AND WITH THE PICTURE OF CROSS. ON THE ISSUE OF TYPOLOGY

Aleksandra A. Evdokimova
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ae@iling-ran.ru, https://orcid.org/0000-0002-6557-2064

Abstract. This article examines 91 Byzantine inscriptions from the PHI7 database containing the lexeme “σταυρός,” demonstrating the formulas it appears in and its compatibility with other lexemes. These formulas refer to the sufferings of Christ, both directly and metaphorically, emphasizing the significance of the cross as a symbol given to Christians for their protection in memory of the sacrificial victims. The second selection of inscriptions (101 monuments) containing images of the cross is stratified by the location and the use of this image in the text. Two periods are significant for these groups: the sixth and seventh centuries and the eleventh century, when the number of inscriptions increases. The inscriptions themselves, which include numerous epitaphs for both men and women, as well as construction and dedicatory ones, demonstrate that they exalt this symbol, perceiving it by the authors as something unchanging, ordinary, and inseparable from their lives. Including as a sign that can not only mark the beginning and end of a text, the beginning and end of life, but also highlight something important.

Keywords: Byzantine epigraphy, funeral inscriptions, graffiti, Byzantine Greek language, Greek palaeography

Традиционно многие византийские греческие надписи используют изображение креста в начале и в конце текста. Однако, некоторые из них могут быть организованы вокруг рельефа креста или его изображения в более крупном варианте [см.: 38, № 155, p. 153; 25] или иметь накладные кресты [см.: 4], которыми украшали обычно лапидарные надписи в произвольных местах, невсегда соотносящихся с текстом. А другие надписи могут содержать лексему «σταυρός» в своем тексте. В данной статье мы хотим обратиться к надписям с указанными особенностями и посмотреть, что объединяет указанные группы и чем они отличаются от традиционных, маркирующих знаком креста начало и конец текста.

Анализ 90 надписи с лексемой «σταύρος», содержащихся в базе PHI7, показал следующее распределение по датам и регионам: Сирия – 17 надписей: 11 без даты, 546/7 г., 550 г., VI в.,

559 г., 580–600 гг., 606 г.; Каппадокия – 15 надписей: V–VII вв., 3 – IX в., 2 – IX–X вв., 2 – X в., 6 – XI в., 1006–1021 гг.; Константинополь – 11 надписей: 613–638 гг., 843–847 гг., 886–912 гг., 963–969 гг., 1120 г., XII в., 1241 г., XIII в., XIII–XIV вв., 1446–1459 гг., 1 без даты; Египет – 8 надписей: 6 без даты, V–VI вв., VI–VII вв.; Эфес – 4 надписи: 2 без даты, 435 г., 531–537 гг.; Кария – 4 надписи: 3 без даты, VII–VIII вв.; о. Кос – 4 надписи: 892–992 гг., 3 без даты; о. Кипр – 3 (+1) надписи: 1 без даты, 2 надписи XV в. + 1 граффито XI в.? не из базы [25, № 7, fig. 6, p. 378–379]; Иония – 3 надписи без даты; о. Родос – 2 надписи 925–950 гг.; о. Хиос – 2 надписи: 491 г., без даты; Фессалия – 2 надписи: XII в., 1338/1339 гг. По одной надписи: Дакия IV в., Памфилия IV–V вв., Понт 441 г., Троада V в., Малая Скифия V–VI вв., Гераса (Аравия) V–VI вв., Нубия 537 г., Картахисар VI–VII вв., Крит VI–VIII вв., Фригия 800–850 гг., Смирна 1048–1055 гг., Испания XII в., Пелопонесс 1274/5 г. По одной надписи без даты: Галатия, Иония, Исаврия, Милан, о. Калимнос, о. Парос, Афины, Фракия, Херсонес, Вифиния, Финикия. Неизвестного происхождения (2 надписи) – XI–XII вв., 1354 г.

Если посмотреть только на даты, то получится следующее распределение 90 (+1) найденного в базе памятника: без даты – 40 надписей, V в. – 4 надписи, V–VI вв. – 3 надписи, **VI в. – 7 надписей,** VII в. – 2 надписи, VI–VII вв. – 2 надписи, IX в. – 5 надписей, IX–X вв. – 4 надписи, X в. – 5 надписей, **XI в. – 8 надписей** + 1 граффито, XII в. – 4 надписи, XIII в. – 3 надписи, XV в. – 3 надписи. По одной надписи: IV в., IV–V вв., V–VII вв., VI–VIII вв., VII–VIII вв., XI–XII вв., XIII–XIV вв., 1354 г.

Распределение по падежам: в Зв. п. – 17, в Им.п. – 29, в В.п. – 25, в Р.п. – 28+1 (устар. Р.п. на οιο), в Д.п. – 5, без возможности определить 2. Такое малое число употреблений в Д.п. объясняется не только уменьшением встречаемости этого падежа в византийском греческом, но и теми валентностями, в которые вступает указанная лексема.

Обратимся к формулам, которые содержат лексему «σταύρος».

Формулы с глаголами:

• ενικησεν[1] (победил) – †[2] Египет, Нубия, 537 г. [46, № 590];

• νικᾷ (победи) – † Кипр, без даты, Константия [57, s 238.A], † Сирия, Абд-эль-Азиз, без даты [36, 1984], Нубия, 537 г. [46, № 590], Эфес [54, 1366,1], Милан, Транспадана, без даты? [41, 9075];

• βοηθ(ει) (помоги) – 2 надписи: † Каппадокия, Корама, XI в. [37, № 45, p. 470; № 47, p. 471];

• φωτισον τ(ην) ψυχ(ην) + Р.п. (освети душу) – † Каппадокия, Корама, XI в. [37, № 49, p. 471–472];

• ὑπὲρ σω[τη]ρίας + Р.п. ἀνέστησεν το[ῦ] [τον] τὸν σταρὸν {σταυρὸν} διὰ + Р.п. (ради спасения установил ему крест благодаря такому-то) – Памфилия, IV–V вв. [30, 310];

• ἀνέστη ὁ τί[μι]ος σταυρό[ς] (установлен честной крест) – Понт, Неоклавдиополь, 441 г. [14, 68.A];

• εἰ[ς τὸν αἰῶνα] [ἐ]πὶ τῷ σταυρῷ τειθ[— —] (на век на кресте [поставлена?]) – о. Кос, ок. 892–992 гг. [30, № 143];

• λυτροσε με την εωνιον κολ(α)σην (освободил меня от вечного ада) – † Каппадокия, Корама, XI в. [37, № 45, p. 470];

• [ἐστή][λ]οσα + Acc (поставил в виде надгробия крест) – † Каппадокия, Арагена (Manda), IX в.? [75, p. 64];

• ἀρχ[αῖον] ἔπιξαν τὸν στ(αυ)ρὸν (древний приколотили крест) – XI–XII вв. [86, 11, 22];

• ὁ βουλιθὶς τὸν στ(αυ)ρὸν ἐπάρε (жаждавший креста пронзен) – Фессалия, Гардикия, Гетера, XII в. [95, № 25, p. 167];

• τὸν τίμιον σοῦ προσκυνῶ σταυρόν (честному твоему преклоняюсь кресту) – происхождение? [Troyes], после 1205 г. [28, p. 391, № 465];

• δέδωκε στ(αυ)ρὸν εἰ(ς) σωτηρίαν (дал крест на спасение) – Константинополь, теперь Кортона, 963–969 гг.? [28, p. 239, № 146; 41, 8694.A];

• ὁ σταυρὸς} φυτεύση εἰς κρ<αδὴ>ν θ(εο)ῦ (крест взрастил на смоковнице Бога) – Крым, Херсонес [7, 11];

[1] Надписи приводятся в оригинальной орфографии, как она представлена в изданиях.

[2] Надписи, помеченные таким знаком, содержат изображение креста в тексте – или до, или после него.

• σὸς κόσμος ἐστί, σταυρέ, πίστις καὶ πόθος·οὕτως σὲ κοσμεῖ καὶ βασιλὶς Μαρία (твой мир, о крест, вера и любовь, так тебя украшает и царица Мария) – Константинополь, теперь Венеция, XIII в. [41, 8714];

• cr σταυρὸν ὁρᾷς (увидев крест) – † о. Парос, ран. хр. [76, № 89; 59, fig. 4, p. 86];

• σταυροῦ χαράττει τὸν τρισόλβιον τύπον (осеняет троекратным знаком креста) – Константинополь, Св. София, ок. 886–912 гг. [15, p. 52];

• τὸν σταυρόν σου, Χ(ριστ)ὲ ὁ θ(εό)<ς> + πᾶν εἶδος πονηρίας διαφεύγομεν (с помощью креста Твоего, Христе Боже + всякого вида лукавства мы избегаем) – † Сирия, Анасарта, 606 г. [34, 298];

• στ(αυ)ρε υψουτε εκ βαθρον[3] (о, крест, восстает из руин) – Кипр, Иероскипу, церковь Св. Параскевы [25, № 7, fig. 6, p. 378–379], ср. textus receptus из 2 Кафизмы: «Σταυρὸς ὑψοῦται σήμερον, καὶ κόσμος ἁγιάζεται…».

Формулы с причастиями:

• δι᾽ Χ(ριστο)ῦ τὸν στα[υρὸ]ν ἐ[ν] πίστι καρποσάμενο[ι (через Христа крест в вере получившие) – Вифиния, Прусия Гипиум, без даты [13, 119];

• εἰσταυρίω προχιμένω *=σταυρὸς προκείμενος (крестом предлежащим) – Галатия II, Каргали, без даты [21, № 279a];

• ἐπὶ στ[αυροῦ κρεμάμενος (подвешенный на кресте) – Константинополь, Св. София, 1166 г. [50, № 324, p. 165];

• αἰχμὴν ὀλβοδότειραν ἀπὸ σταυροῖο λαχόντες (получившие в удел от креста копье, дарующее счастье) – Константинополь, Великий дворец, 613–638 гг. [63, № 655, p. 362];

• σ(ταυ)ρ(ὸ)ς κημαζομένον βοηθός (крест – помощник колеблющимся) – Каппадокия, Ихлара, X в. или позже [87, 69,5];

• σταυρὸν αἴροντα νοούμενόν τε θειοδῶς καὶ ψηλαφούμενον ἐκ πόνων σῶν <σω>ματικῶς (крест поднимающий и мыслимый божественным образом и осязаемый от болей твоих телесно) – Каппадокия, Киршехир, V–VII вв. [26, p. 364; 79, № 592, p. 304];

• δός μοϊ τὴν ἐν Χ(ριστ)ῷ σπρα<γ>ῖδα διὰ σταυρός (давший мне печать во Христе через крест) – Египет, Панополь, VI–VII вв. [80, SEG 32, № 1589];

• τὸν σταυρὸν τοῦ Χ(ριστο)ῦ τοῦ υ(ἱο)ῦ τοῦ θ(εο)ῦ τοῦ ἐλθέντες (к кресту Христа сына Бога его пришедшие) – Египет, Панополь, VI–VII вв. [80, SEG 32, № 1589];

• σταυρόν τε τὸν σὸν ἐκτύπως γεγραμμένον (крест твой отчетливо ранее описан) – Константинопль, Халка, ок. 843–847 гг. [53, 215,I];

• εἰς τὸν καλὸν σταυρὸν τὸν κοσμηθέντα παρὰ τῆς πορφυρογεννήτου κυρᾶς Εὐδοκίας (на хорошем кресте, украшенном порфиророжденной госпожой Евдокией) – Константинополь, место, ок. 1120 г. [28, p. 317, № 312].

Формулы с прилагательными:

• τίμιος (честной) – 5 надписей: Каппадокия, IX в., XI в. [37, № 45, p. 470]; Понт, 441 г. [14, 68.A], дважды Реджо (Италия, Bruttium Rhegion), 861 г.? [41, 8684]; происхождение? [Троада], ок. 1205 г. [28, p. 391, № 465];

• ζωοποιὸν (животворящего) – † Эфес 531–537 гг. [55, 4135; 30, 108], ср. δυνάμει τοῦ τιμίου καὶ ζωοποιοῦ Σταυροῦ (Силою честного и животворящего креста) из отпуста Ὁ ἀναστὰς ἐκ νεκρῶν (Восставший из мертвых);

• πι(ιστ)[ε] (о верный) – † Каппадокия, Корама, XI в. [37, № 49, p. 471–472];

• θεὸν (Божий) – Эфес 435 г. [54, 1351; 30, 104];

• cr σταυρὸς Χριστηανῶν ἔγγδικος (карающий крест Христиан). A cross Ω α cr ω α cr ω – † Эфес, без даты [54, 1289];

• νικοφόρον Χριστοῦ σύνβολον ἀθάνατον (победоносный бессмертный символ Христа) – Эфес, 435 г. [54, 1351; 30, 104];

• σταυρὸς ἐγὼ [θ]εό[τε]υκτός ε̣ἰ[μι σωτῆρος (крест, я – богорожденный спаситель) – Дакия медитеранеа, Пауталия, IV в. [18, № 35; 97, № 4295; 39, p. 194–196, № 232];

• σταῦρε μάκαρ, ποθέω σε σὺ γὰ[ρ παραμύθιον ἄθλοις] (о блаженный крест, желаю тебя, ведь ты – утешение при мучениях) – Дакия медитеранеа, Пауталия, IV в. [18, № 35; 97, № 4295; 39, p. 194–196, № 232].

[3] Не содержится в базе PHI7, была добавлена для сравнения.

Формулы с существительными:

• crux: σταυρὸς τυφλον ὠδιγός (крест – слепых проводник) – † Кария, Гераклея Латму, VII–VIII вв. [30, 2272.α];

• ὁ σταυροῦ τύπος (знак креста) – Константинополь, 1241 г. [28, p. 425, № 528; 41, 8812], σταυροῦ τύπῳ με τετιχ[ι]σμένον ὄντα (меня, осененного знаком креста) – Фригия Сал, Афионкаракисар, ок. 800–850 гг.? [23, p. 75], σταυροῦ τὸν τρισόλβιον τύπον (трехкратный (трижды) знак креста) – Константинополь, Св. София, ок. 886–912 гг. [49, p. 59; 15, p. 52]. Из литургии: Τῷ τύπῳ τοῦ σταυροῦ, ἀπόστιχον, Ἦχος γ΄ (глас третий): Τῷ τύπῳ τοῦ Σταυροῦ σου φιλάνθρωπε, ὁ θάνατος νενέκρωται καὶ ὁ Ἅδης ἐσκύλευται, καὶ οἱ πάλαι θανόντες ἀναστάντες ὕμνον σοι προσέφερον διὸ βοῶμέν σοι Χριστὲ ὁ Θεός, τὸν μεταστάντα ἐξ ἡμῶν ἀνάπαυσον ἔνθα πάντων ἐστὶν ευφραινομένων ἡ κατοικία ἐν σοί, δοξάζειν σου τὴν Θεότητα;

• τῇ δυνάμει τοῦ σταυροῦ (силою креста) – Константинополь, без даты [41, 8907], ср. Δυνάμει τοῦ Σταυροῦ σου Χριστὲ (Силою креста твоего, о Христос), Εἱρμὸς γ΄ (ирмос третий), Ἦχος πλ. α΄ (плагальный глас первый): Δυνάμει τοῦ Σταυροῦ σου Χριστέ, στερέωσόν μου τὴν διάνοιαν, εἰς τὸ ὑμνεῖν, καὶ δοξάζειν σου τὴν σωτήριον Ἀνάληψιν;

• ζωηφόρον τοῦ στ(αυ)ροῦ ξύλ[ο]ν (живонесущее дерево креста) – † Москва, ок. 1354 г.? [28, p. 512, № 729];

• cr [ῶ]ς φησὶν ὁ θεῖος ἀπόστολος, «ἄχρι θανάτου», [θ]ανάτου δὲ σταυροῦ, καὶ μετὰ τὸν ζωοποιὸν αὐτοῦ σταυρὸν καὶ θάνατον (как сказал божий апостол “до смерти”, смерти же от креста и после животворящего его креста и смерти) – † Эфес, VI в. [30, 108; 55, 4135];

• εἰς τὸν σταυρόν} τὸ ζωοποιὸν καὶ σεβάσμιον ξύλον (на крест, животворящее и почитаемое дерево) – Константинополь, 843–847 гг. [28, 95; 53, 216, II];

• τῶχημα cr σταυρος cr (слава – крест) – † Египет, без даты [46, № 746];

• σταυρὼς ἱερέον καύχιμα (крест – священная слава) – Фракия, монастырь ок. Кыйыкёй (виз. Медеа), виз. [26, p. 56, fig. 14; 78, № 427, p. 462];

• σταυρὲ τοῦ Χριστοῦ} σημῆον θεοῦ, τήτλον ἠ[ρήνης], πύ[λι] παραδήσ[ου] [ἵ]λ[ασ]μα πτεσμάτο[ν], θρ[ά]σ[ο]ς [ἀ]σθ[αί]νων, κλῖσις [ἔ]θνο[ν], ὅπ[λ]ο[ν ἀΐ]τιτον, ὕ[ψ]ι [οὐ]ρανο[ν] ἶσ[ον] (о крест Христа, знак Бога, символ (надпись) мира, дверь рая, милость к грехам, смелость слабых, склонение народов, оружие просимых, высотой равный небесам) – Каппадокия, Зелве, X в. [37, № 112, p. 583];

• [θ]ανάτου δὲ σταυροῦ (смерти же креста) – Эфес, 531–537 гг. [55, № 4135; 30, 108];

• στ(αυ)ρε K(υρι)ε φρουρι(ο)ν μ(ου) + P.п. (о Крест, Господи, стража (хранитель) меня имярек) – † Каппадокия, Корама, XI в. и позже [37, № 46, p. 470–471];

• σήγνον τοῦ ἁγήου [Κοσταν]τί[ν]ο[υ] {ὁ σταυρὸς} (крест как знак святого Константина) – Каппадокия, около Синасоса, IX–X вв.? [38, p. 106];

• τοῦτο τὸ τοῦ σταυροῦ κράτος κατήργισεν τοὺς (эта вот сила креста уничтожила их) – † о. Хиос, без даты? [96, σ. 323, № 63];

• σταυρὸς ἐγὼ [θ]εό[τε]υκτός ε̣ἰ[μι σωτῆρος (я, крест – богорожденный спаситель) – Дакия медитеранеа, Пауталия, IV в. [18, № 35];

• ἐν σοὶ πεποιθῶς, σταυρέ, τοῦ κόσμου φύλαξ (поверив в тебя, о крест, хранитель мира) – † происхождение? [Модена], XI–XII вв. [28, p. 299, № 276], фрагмент из песни Николая Калликла [84, p. 319];

• φέρων ξύλον, σταυροῦ τε Χριστοῦ (неся древо креста Христа) – Константинополь, монастырь Св. Феодора, XII в. [28, p. 362, № 405];

• μνῆμα + P.п. wreath [ἔχι πρὸς τὸν wreath σταυρὸν vac. wreath τοῦτον. cross (памятник имярек относится к кресту этому) – † Исаврия, Клавдиополь, без даты [17, p. 234, № 53a];

• νικοφόρον Χριστοῦ σύνβολον ἀθάνατον (победоносный бессмертный символ Христа) – Эфес, ок. 435 г.? [54, № 1351; 30, 104; 97, № 4649].

Связь с лексемой «ἀνάστασις» (воскрешение), как символом последнего.

• σταυρὸς δαί<μ>[οσι φρί][τη], νίκ<η> πι[στ]οῖς. B.1 σταυρὸς πεσόντων ἀνάστασις. C.1 σταυ<ρ>ὸς ι[— — —] (крест демонам – жар, победа верным, крест – воскресение падшим, крест) – Сирия, Шеккин, без даты [35, № 746.A];

• cr ὁ σταυρὸς ἀ[νάστασις νεκρῶν]. B.1 ἔσω ἱερ— — ὁ σταυρὼς (крест – воскресение мертвых, внутри … крест) – † Сирия, Селевкия Пиерия, без даты [35, №1191.A];

• cr σταυρὸς [θανάτου καὶ] ἀναστά[σεως] (крест смерти и воскресения) – † Малая Скифия, Трофей Траяна, V–VI вв. [69, № 173, p. 187–188; 22, № 3465, p. 213];

• ω σταυρὸς Χ(ριστο)ῦ νεκρον ἀνάστασις (крест Христа – мертвых воскресение) – † Финикия, Сидон, без даты [29, p. 208].

Формула «ἐν τῷ σταυ[ρῷ»:

• ἐν τῷ σταυ[ρῷ σ]ου, Χ(ριστ)έ, π[— —]ομένος (во кресте твоем, Христе, пострадавший?) – Сирия, Анасарта, без даты [34, № 286];

• εἰ μὴ ἐν τῷ [σταυρῷ τοῦ Κ(υρίο)υ ἡμῶν Ἰ(ησο)ῦ] (если не во кресте Господа нашего Иисуса) – † Сирия, Рабде, без даты [36, № 1836].

В устойчивых выражениях:

• σταυρος δων χριστιανων (крест – дар христианам) – Египет, Гебель эс-Сильсила, без даты [46, № 560];

• [σ]ταυροῦ προκιμένου (креста предлежащего) – Сирия, Эль-Бардунех, без даты [36, № 1909]; † Сирия, Эль-Андерин, без даты [36, № 1676]; † Сирия, Сабба 546/7 г. [36, № 1969]; Галатия без даты [21, 279a];

• cr σ[τα]υροῦ [παρόντος ἠσ[χύ]ει {ἰσχύει} φθόνος] (когда крест присутствует (помогает), увеличивается зависть (недоброжелательство)) – † Кария, без даты, Сирия, 550 г. [30, 230(3)]; τοῦ στ]αυρου πα[ρ]<ό>ντος, ἔκθρος οὐ κ[ατισ]χύσι (когда крест присутствует (помогает), враг не победит) – Сирия, Дана, 550 г. [34, № 493];

• ἐρχό(μενος) ἐ(πὶ) στ(αυ)ροῦ (пришедший на крест) – Константинополь, 1446–1459 гг. [28, p. 563, № 872; 41, № 8765.I];

• ὁ ἐπὶ σταυρο[ῦ] (тот, который на крест) – † Крит, Галлия, VI–VIII вв. [16, 53.A];

• [σταυ]ρῶι ὑφ᾽ αἱματόεντι λαχεῖν γέρας (из-за креста кровавого получить дар) – Сирия, Анасарта, V в. [80, SEG 15, № 845; 34, № 297];

• σταυροῦ τιμήεντο[ς (креста, которому поклоняются) – † Гераса, V–VI вв. [94, № 299];

• σταουροῦ πάγεντος ἐν το Κρανήο {Κρανίῳ} (когда крест приколочен к голове) – † Смирна, 1048–1055 гг. [64, № 847, p. 318–319];

• σταυρῷ παγεὶς (приколоченный к кресту) – † Константинополь, XIII–XIV вв. [28, p. 483, № 661; 41, 8728];

• σταυρὸς ἐν ἀέρϊ (крест в воздухе) – Каппадокия, ок. Синасоса, IX–X вв.? [38, p. 107].

В сокращениях:

• ἀ(ρχὴ) Μ(ωσαϊκῆς) π(ίστεως) [στ(αυρός)]. (Начало Моисеево. Крест веры) – Каппадокия, Соджанли, 1006 или 1021 г.? [38, № 183, p. 312];

• ἀ(ρχὴ) Μ(ωσέως) π(ίστεως) σ(ταυρός) (Начало Моисея крест веры) – Афины, Парфенон, без даты [60, № 115].

В посвятительных или донаторских надписях, с упоминанием названия церквей, посвященных кресту:

• ᾠκοδόμησεν πρὸς τιμὴν τοῦ Ἁγίου Σταυροῦ (построил в честь святого креста) – Сирия, Ресафа, 559 г. [80, SEG 27, № 993; SEG 36, № 1303];

• [τὴ]ν ἁγιωτ(άτην) ἐκ(κλησίαν) [τοῦ Ἁγίου Σταύρου] [ἀνενέωσεν] (святейшую церковь св. Креста поновил) – Сирия, Ресафа, 580–600 гг. [80, SEG 36, № 1304];

• ἀνηγέ[ρθη ὁ] πάν[σεπτος οὗ]τος [να]ὸ[ς κ]αὶ ἀνηστορίθι τοῦ τιμήου κ(αὶ) ζο[οποιοῦ Σταυροῦ (воздвигнут этот храм и расписан честного и животворящего креста) – Фессалия, Селос, 1338/39 г. [83, 22];

• ἀνεκαινίσθει καὶ ἀνιστωρίσθει ὁ πάνσεπτος ναὸς τοῦ τιμείου καὶ ζοοπειοῦ σταυροῦ (подновлен и расписан этот всесвятый храм честного и животворящего креста) – Кипр, Пелендри, XV в. [85, p. 107, № 8.a];

• ἀνικοδομίθει [ἐκ βάθρων] ὁ θεῖος οὗτος κ(αὶ) πάνσεπτος ναὸς τοῦ τιμίου στ(αυ)ροῦ τοῦ ἁγιάσματι (воздвигнут [от основания] божий и всесвятой храм святого креста) – Кипр, Платанистаса, поздн. XV в. [85, p. 111, № 11.a];

• ἐλαξεύθη οἰκοδομίθη κ(αὶ) ἱστωρογραφίθη ὁ πάνσεπτος ναὸς τοῦ τιμίου κ(αὶ) ζωοπιοῦ στ(αυ)ροῦ (высечен в скале, построен и описан всесвятый храм честного и животворящего креста) – Кипр, Пафос, монастырь Св. Неофита, юго-западный угол [85, p. 98, № 2.a].

Упоминание в описании надписи:

• εἰς τὴν πύλην τῆς Χαλκῆς ὑποκάτω τοῦ σταυροῦ (на воротах Халки под крестом) – Константинополь, Св. София, ок. 886–912 гг. [49, p. 59; 15, p. 52].

Обращения к кресту без глаголов или с несохранившимися глаголами:

• cr στ(αυ)ρε Χ(ριστ)ε Χ(ριστ)ε στ(αυ)ρε Χ(ριστ)ε στ(αυ)ρε [Η]σους (о, крест, Христос, Христос, о, крест, Христос, о крест, Иисус) – †Каппадокия, Корама, XI в. и позже [37, № 48, p. 471];

• {Σ(ωτή)ρ σ(ταυ)ρ(έ)} (Спаситель, о крест) – Сирия, Абд-эль-Азиз, без даты [36, 1994];

• στ(αυ)ρὸς Ἰ(ησο)ῦ Χ(ριστο)ῦ υ(ἱ)οῦ τοῦ θ(ε)οῦ (крест Иисуса Христа сына Бога) – происхождение неизвестно, † Испания, Бага, XII в. [28, p. 363, № 407];

• cr σταυ[ρ — —]οισι πεπῃγ[— —]γας θαλῳ[— —] + дата cr (крест...) – † Сирия, Анасарта, без даты [34, 282];

• με [— — — τ]οῦ σταυρ(οῦ) + дата cr (креста + дата) – † Сирия, Анасарта, без даты [34, № 284];

• τῶν δυνάμεω[ν]εθη·+ ἡμῶν ὁ θε(ὸς) — — —σταυ[ρ— —] + A crux [Ω] (сил... наш Бог … крест) – † о. Калимнос, без даты [82, p. 212, № 231].

Один из вариантов с Р.п. имени святого:

• ἱ σταυρὸς τῆς ἁγίας Ἐφεμήας {Εὐφημίας} (крест св. Евфимии) – Каппадокия, Семил (Cemil), нач. IX в. [38, p. 147];

• cr σταυρὸς τοῦ ἁγίου Νικολάου τοῦ ἀρχιάστρου (крест св. Николая архиастра?) – † Кария, Миласа, без даты? [31, p. 99; 19, 628].

В рамках представленной коллекции из базы PHI7 из 91 надписи 43 кроме лексемы σταυρός содержали и изображения креста. Анализ этих изображений (и одного добавленного граффито) показал, что большая часть их обрамляет надпись в начале и в конце, или использована только в одном из положений. Однако, среди них оказалось 18 надписей с другими вариантами размещения креста, некоторые из которых мы добавили в следующий раздел нашей статьи.

Изображения креста в рамках надписи, особенности расположения.

Для анализа надписей, содержащих в своем тексте изображение креста не на стандартных местах, а именно не в начале или конце надписей, мы собрали некоторую выборку памятников. В нее вошли примеры из иллюстрированных изданий надписей, некоторых недавно вышедших статей и базы данных (http://csla.history.ox.ac.uk). При подборе учитывался материал, на котором выполнена надпись, ее происхождение и датировка, для создания разносторонней картины. В итоге, была отобрана 101 надпись. Распределение по датам в этой подборке следующее: поздняя античность – 2 надписи, IV в. – 1 надпись, IV–VI вв. – 1 надпись, IV в. или V–VI вв – 1 надпись, **V в. – 12 надписей**, VI в. – 6 надписей, V–VI вв. – 2 надписи, V–VII вв. – 4 надписи, **VI–VII вв. – 7 надписей,** VI–VIII вв. – 2 надписи, VII вв. – 1 надпись, VII–VIII вв. – 2 надписи, VIII в. – 1 надпись, VIII–IX вв. – 1 надпись, IX–X вв. – 1 надпись, IX–XI вв. – 1 надпись, X в. – 3 надписи, X/XI вв. – 2 надписи, X–XIII вв. – 1 надпись, **XI в. – 10 надписей,** XI/XII вв. – 1 надпись, XII в. – 3 надписи, XIII в. – 5 надписей, XV в. – 2 надписи, без даты – 29 надписей.

Получилась такая предварительная типология:

Один крест посередине над всей надписью (6 надписей: женская эпитафия с существительным «μνημῖον»[4] 430 г. из Сирии [71, p. 311–315]; лапидарная надпись из Фуны близ Алушты, хранится в Симферополе, в Центральном музее «Таврида», 1459 г. [74, fig. CXV, Nr. UK4, p. 753–754; 2, с. 274–286]; эпитафия из Ценгели на стеле из церкви св. Иоанна Богослова [95, № 13, p. 159]; фрагмент надписи о границах владений церкви Архангелов, из Ферми, о. Лесбос, поздняя античность [http://csla.history.ox.ac.uk/record.php?recid=E01181; 62, pl. VI, № 41]; граффито в Нессане/Ауджа-Хафир в пустыне Негев (провинция Палестина III), VI–VII вв. [http://csla.history.ox.ac.uk/record.php?recid=E04352; 42, nos. 104, 109–110, fig. 178]; мужская эпитафия с «εκυμῖθϊ» из Сард, хранится в Византийском музее Манисы (inv. No. Manisa 520), IX–X вв. [https://sardisexpedition.org/en/artifacts/m14-709; 65, № 709, p. 238]).

[4] Здесь и далее греческие слова приводятся в орфографии надписей.

Один крест посередине над всей надписью и выделение крестами значимых слов (мозаичная надпись священнослужителей из монастыря в Нах’ аль Пехар (Гиват Бар), в Северной части Негева [81, p. 376–382, fig. 1]).

Серия крестов над всей надписью (4 надписи: мужская эпитафия с глаголом «εκειμηθη» из Гебел Баркал (Северный Судан) в Музее изящных искусств Бостона [45, № 2, pl. II, p. 79–84]; мужская эпитафия из Ак-кетсели недалеко от Фив [95, № 7, p. 157]; каменный блок XIII в.? из церкви, на архипелаге Икиз Ада, расположенном на озере Латмос (ныне Бафа Гёлю) в Карии [74, fig. LXXVI, Nr. TR51, p. 606–608]; мужская эпитафия из Иордании, хранится в археологическом музее Гхор-эс-Сафи, 453 г. [https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Jordan_2021_P282_Museum_at_the_Lowest_Place_on_Earth_Church_Gravestone_with_Greek_inscription.jpg]).

Крест большой под надпись (14 надписей: посвятительная надпись из двойной церкви в Андроне (современный Аль-Андарин), к востоку от Апамеи на Оронте (центральная Сирия), ок. V–VII вв. [http://csla.history.ox.ac.uk/record.php?recid=E01636; 70, 50, no. 922]; мужская эпитафия из Азры [11, № 3, fig. 4, p. 151–152], мужская эпитафия из Мутах[5] и его окрестностей [11, fig. 8, no. 7, p. 154–155]; женская эпитафия из Хермонтиса, VI–VIII вв. [93, № 14, fig. 14, p. 19–20]; эпитафия из Алмира [95, № 11, p. 158]; надпись на стене храма из Каратцатагли [95, № 16, p. 161–162]; о. Калимнос, без даты [82, p. 212, № 231]; надпись на здании святилища мучеников в Абуде, ок. 30 км к северо-западу от Иерусалима (Самария, провинция Палестина I), конец V–VII вв. [48, 13–14; http://csla.history.ox.ac.uk/record.php?recid=E03549]; крест-монограмма на фрагменте архитрава в археологическом музее (инв. № 1533), из Афьона (Карахисара), VIII в.?, найден в руинах церкви в районе Ухута, византийской Синады [74, fig. 84, Nr. TR4, p. 520–522]; крест-монограмма под надписью, выложенной черепицей на кирпиче, XIII в., на южном фасаде кафоликона монастыря Като Панагия к югу от Арты [74, fig. VII, Nr. GR7, p. 151–152]; надпись на церкви «Неа», Иерусалим, хранится в управлении древностей Израиля (IAA: 1977–250), 534/535 гг. [https://www.imj.org.il/en/collections/536116-0]; женская эпитафия 18 мая 336 г. из Иордании, в археологическом музее Гхор-эс-Сафи [https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Jordan_2021_P291_Museum_at_the_Lowest_Place_on_Earth_Gravestone_with_Greek_inscription.jpg]; граффито из церкви Айя Параскеви в Иероскипу на о. Кипр, XI в.? [25, № 7, fig. 6, p. 378–379]; граффито цитирует 28 псалом (Ps. 28), Писидия, Антиохия, музей Ялвач [56, p. 445, fig. 70; 97, № 1322]).

Несколько крестов под надписью (5 надписей: мужская эпитафия с «μνημῖον» из Зоара Гхор из Иордании [44, Z-456, fig. 6–6a, p. 106–109]; Эфес, без даты [54, 1289]; граффито на надгробии из Афин, музей византийского и христианского искусства (инв. № 1451), XI в.? [74, fig. 9, Nr. GR12, p. 162–163]; Египет, Нубия, Филы, ок. 537 г. [46, № 590]; надпись на псевдосаркофаге, Афон, монастырь Ватопед, церковь Св. Николая, нартекс XI в. [74, fig. 14, Nr. GR29, p. 180–181]).

Несколько крестов в конце надписи (фрагмент каменной плиты, Археологический музей (инв. № 5445 T) X/XI вв. [74, fig. 113, Nr. TR59, p. 623]).

Крест под надписью и кресты в самом тексте (2 надписи: эпитафия чтецу из Фаюма, VII–VIII вв., хранится в Турине, в египетском музее, Suppl. 1332, несколько крестов в виде 4 точек [93, № 2, fig. 2, p. 6], мужская эпитафия из Хермонтиса, VI–VIII вв., хранится в Турине, в египетском музее, Suppl. 1337 [93, № 13, fig. 13, p. 18–19; 46, № 113]).

Крест над надписью и крест под надписью (5 надписей: женская эпитафия с «μνημῖον» 16/02/503 г. из Зоара Гхор из Иордании [44, Z-451, Figs. 5, 5a, 5b, p. 101–106]; погребальная надпись супругов из развалин храма из Агиа Марины [95, № 17, p. 162–163]; женская эпитафия с «ἐνθά||δε κῖτε» из Коринфа, IV–VI вв. [32, SEG 9, 54; 40, p. 174–175, no. 530, pl. 74]; мужская эпитафия из Иордании из археологического музея Гхор-эс-Сафи, 431 г. [https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Jordan_2021_P286_Museum_at_the_Lowest_Place_on_Earth_Church_Gravestone_with_Greek_inscription.jpg]; мужская эпитафия начала V в., Иордания, археологический музей Гхор-эс-Сафи [https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Jordan_2021_P292_Museum_at_the_Lowest_Place_on_Earth_Gravestone_with_Greek_inscription.jpg]).

[5] Mu’tah (lat. 31° 5’ 31” N; long. 35° 41’ 47” E) недалеко от Карака.

Крест над надписью, сбоку и три креста под надписью (2 надписи: надгробие вице-дьякона из Гхор-эс-Сафи, Иордания, в археологическом музее, 23 августа 436 г. [68, p. 1–5]; женская эпитафия из Иордании, 475 г., в археологическом музее Гхор-эс-Сафи [https://commons.wikimedia.org/wiki/File: Jordan_2021_P283_Museum_at_the_Lowest_Place_on_Earth_Church_Gravestone_with_Greek_inscription.jpg]).

Крест над надписью, сбоку и три креста под надписью (надгробие, из Гхор-эс-Сафи, Иордания, хранится в археологическом музее [https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Jordan_2021_P284_Museum_at_the_Lowest_Place_on_Earth_Church_Greek_inscription.jpg]).

Крест сбоку от надписи (2 надписи: мозаичная надпись из монастырской церкви св. Сергия в Хирбет-эш-Шубейке близ Тира (северо-запад Галилеи / юго-запад Финикии), конец VI–VII вв. [http://csla.history.ox.ac.uk/record.php?recid=E01776; 90, № 3]; граффито в Нессане/Ауджа-Хафир в пустыне Негев (римская провинция Палестина III), VI–VII вв. [http://csla.history.ox.ac.uk/record.php?recid=E04352; 42, nos. 104, 109–110, fig. 178]).

Крест в середине первой строки обычно оказывается между приставкой и корнем, например, «εν+θα||δε» или «ε+ν||θαδε» (8 надписей: женская эпитафия с «ἐνθά||δε κῖται» из Ирака (Южная Иордания) [72, fig. 3, p. 222–223]; мужская эпитафия с «ἐνθά||δε κῖτ(αι)» из Ирака (Южная Иордания) [72, fig. 7, p. 230–231]; мужская эпитафия с «ἐνθά||δε κῖτε» из Ирака (Южная Иордания), 418–419 гг. [72, fig. 10, p. 235–236]; мужская эпитафия с «ἐνθά||δε κῖτα(ι)» из Ирака (Южная Иордания) [72, fig. 11, p. 236–238]; женская эпитафия из ʻAzrāʾ[6] [11, № 2, fig. 3, p. 150–151]; мужская эпитафия из Мутаха и окрестностей [11, № 6, fig. 7, p. 153–154]; мужская эпитафия [73, № 5.2, fig. 8, p. 7]; двустрочная надпись Палатина из Смирны «αξι δια cr τω εωνι» на сидении в булевтерии в Лаодикее [фото: https://a57.foxnews.com/static.foxnews.com/foxnews.com/content/uploads/2025/08/1200/675/turkey-laodicea-ancient-city-bible-revelation-4.jpg?ve=1&tl=1]).

Крест в середине первой и второй строк (2 надписи: мужская эпитафия с «ἐνθά||δε κεῖτε» из Ирака (Южная Иордания) [72, fig. 9, p. 233–235]; мужская эпитафия 8 января 422 г., археологический музей Гхор-эс-Сафи, Иордания [https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Jordan_2021_P289_Museum_at_the_Lowest_Place_on_Earth_Gravestone_with_Greek_inscription.jpg]).

Кресты в середине надписи в конце метрического стиха (3 надписи: каменная плита, после 1266/68 гг., кафоликон монастыря Влахернитисса [74, fig. VI, Nr. GR6, p. 147–151]; каменная плита, XIII в., монастырь Богородицы Варнаковы [74, fig. XVI, Nr. GR37, p. 192–194; 58, p. 14, fig. 4]; два фрагмента каменного блока, XI в.?, из Археологического музея Стамбула [74, fig. 112, Nr. TR57, p. 617–620]).

Крест занимает центральную площадь памятника, буквы на концах креста (фрагменты эпистильной балки темплона с надписью из церкви св. Димитрия в Салониках, XII в.? [74, fig. LIII, Nr. GR123, p. 377–378]).

Крест занимает центральную площадь памятника, надпись идет сбоку (две алтарные преграды, XII в., музей Византийского и христианского искусства (инв. №№ 1049, 1050), Афины [74, fig. IX–X, Nr. GR9, p. 154–158]).

Крест в отведенных пространствах сбоку от надписи (3 надписи: знак креста в начале надписи, в начале и в конце последней строки, два креста справа и слева в треугольниках в памятнике чтецам псалмов из Писидии, Апамеи, Динара, 600 г./ V в.?, в музее Афьона [56, p. 433, fig. 66; 20, № 237]; в в треугольнике крест с апиксами на конце справа от строительной надписи из Писидии, Антиохии, в музее Ялвач, V в.? [56, p. 448–449, fig. 73; 77, № 541, p. 529; 47, p. 119–120, № 52; 97, № 1336]; строительная надпись на церкви Сергия и Вакха из Умм-эс-Сураба, к юго-востоку от Бостры (провинция Аравия), 489 г. [http://csla.history.ox.ac.uk/record.php?recid=E02079; 66, 53]).

Несколько крестов, разбросанных вокруг текста, иногда накладных (4 надписи: Крым, Эски-Кермен, мужская эпитафия X–XIII вв. [4, рис. 1]; граффито в притворе Северной церкви в Нессане/Ауджа-Хафир в пустыне Негев (провинция Палестина III), V–VII вв. [http://csla.history.ox.ac.uk/record.php?recid=E04333; 42, № 30, pl. XXXIII]; граффито из Гефе-

[6] ʻAzrā (lat. 31° 9’ 20” N; long. 35° 41’ 39” E), также называется ʻIzra или Eseriyeh.

стиона (церковь св. Георгия в Афинах), X в. [51, fig. 11,14], граффито из Гефестиона (церковь св. Георгия в Афинах), X в. [51, fig. 11,8]).

Крест, разбивающий надпись на части:

1) **надпись разделена на 4 части** (3 надписи: мужская эпитафия из Солето, Италия, 1109 г. [33, p. 71–74, fig 2]; надпись из Гаврианы около храма Успения Богородицы [95, № 25, p. 167–168]; мужская эпитафия Горзувиты, Южный берег Крыма, VI–VII вв. [5, с. 184–198]).

2) **надпись прервана крестом хаотично** (5 надписей: 2 граффити из церкви Айя Параскеви в Иероскипу на о. Кипр, XI в.? [25, № 8–9, fig. 6, p. 378–380]; граффито из Кападокии (рис. 1) [38, № 155, p. 153–154]; надпись XI в. из Нового Афона (Абхазия), найдена в развалинах крепости Никопсия [фото: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/a/af/Abkhazia_Christian_monuments_1899_09.jpg; 1, с. 121–122]; граффито упоминает Св. Павла, Писидия, Антиохия [56, fig. 71, p. 446; 97, № 1322]).

3) **крест в круге или иначе выделен, делит надпись на две части** (5 надписей: Изник, церковь Успения Богородицы, фрагмент архитрава?, VII/VIII вв. [74, fig. CXII, Nr. TR94, p. 700–701]; надпись из Фессалии, не позже XI в. [95, № 14, p. 159]; надпись на дверном косяке святилища мученика Сергия в Забаде (недалеко от Анасарты, к юго-востоку от Халкиды и Берои/Алеппо, север Сирии), 511 г. [34, no. 310; http://csla.history.ox.ac.uk/record.php?recid=E01817]; надпись в притворе Северной церкви в Нессане/Ауджа-Хафир в пустыне Негев (провинция Палестина III), V–VII вв. [http://csla.history.ox.ac.uk/record.php?recid=E04333; 42, no. 27]; плита с граффити, Херсон, X–XI вв., НЗХТ № 3494 [9, № 31, с. 158, 440; 8, с. 33–34, № 29]).

4) **крест разбивает надпись на части и на нем самом также надпись** (саркофаг из Афьона (Карахисара), VIII–IX вв., хранится в археологическом музее [74, fig. 82, Nr. TR2, p. 515–519; 56, p. 397, fig. 59–60; 23, p. 74–84]).

Крест над датой (мужская эпитафия на внутренней северной стене целлы, в церкви св. Георгия (Гефестион) в Афинах, 977–978 гг. [51, fig. 11.2]).

Крест внутри текста перед значимой фразой (8 надписей: в надписи кресты в виде 4 точек – фрагменты мраморной плиты с надписью XI в. из монастыря Осиос Лукас, в музее (в бывшей трапезной) близ Стейри [74, fig. XLIX, Nr. GR112, p. 357–361]; три фрагмента каменной плиты с надписью XI в.? из монастыря Осиос Лукас в музее близ Стейри [74, fig. L, Nr. GR113, p. 361–363]; напольная мозаика в мартирии в Хирбат-аль-Курси в окрестностях Филадельфии/Амман (провинция Аравия), поздний VI в. – начало VII в. [http://csla.history.ox.ac.uk/record.php?recid=E02396; 67, Pl. 50, p. 366]; воззвание к св. Стефану V–VI вв., найдено в Беершева в пустыне Негев, провинция Палестина [http://csla.history.ox.ac.uk/record.php?recid=E04157; 91, p. 607–611; 12, p. 14, no. 9; 10, p. 428, no. 7b]; надпись на мозаике из поздневизантийской церкви в Силоме, Западный берег, VI–VII вв. [археологический музей недалеко от Иерусалима: https://www.biblewalks.com/goodsamaritaninn/]; фрагменты саркофага хранятся в Салониках, в музее византийской культуры (инв. № ΒΕ 95α, β, γ / ΑΓ 1560α, β, γ), XIII в. [74, fig. LXII, Nr. GR128, p. 391–395]; кресты в виде 4 точек: фрагмент каменной плиты, без даты, вмонтирована в частный дом в Навпакте [74, fig. 36, Nr. GR91, p. 307–308]; кресты в виде 4 точек: каменный блок, Лечче, университет Саленто, Историко-художественный музей (инв. № AP 98.292.25, 164187), XI/XII вв.? [74, fig. 59, Nr. IT7, p. 423–426]).

Крест перед двумя частями надписи и после нее (мужская эпитафия из Элусы в пустыне Негев (римская провинция Палестина III), 544/545 гг. [43, no. 33; http://csla.history.ox.ac.uk/record.php?recid=E04280]).

Выделение крестами значимых слов (5 надписей: надпись на притолоке с именем Стефана Первосвященника, из Намр-эль-Хаве (к югу от Шейх-Мескина и к северу от Адры, римской провинции Аравия), относится к поздней античности [http://csla.history.ox.ac.uk/record.php?recid=E02122; 24, no. 356]; надпись со списком реликвий, вероятно, положенных императрицей Евдокией в церковь Стефана Первосвященника в Иерусалиме, к северу от северных городских ворот, 460 г. [http://csla.history.ox.ac.uk/record.php?recid=E02708; 88, p. 209–210, no. 18]; Египет, без даты [46, № 746]; Эфес, без даты [54, 1289]; каменная плита деспота Сербии Джураджа (Георгия Бранковича) со стен Константинополя с точками для

вставки свинцовых букв (рис. 2), 1448 г., археологический музей Стамбула inv.1647T [52, no. 787, p. 577–578]).

Крест сбоку от надписи выделен орнаментом и значимые части отделены крестами (2 надписи: напольные мозаики со строительными надписями церкви, посвящённой Богоматери в 533 г., и реставрации мозаик в 582 г. Найдены в Рихабе, между Бострой и Герасом/Джерашем (Иордания / провинция Аравия) [66, Tav. 76, p. 86; http://csla.history.ox.ac.uk/record.php?recid=E02051]; надпись императора Зенона, 488 г., Херсонесское городище, НЗХТ № 3340 [9, № 1, с. 135, 421; 7, с. 7–15, № 7, pl. I]).

Сам памятник, на котором выбита надпись, имеет форму креста (5 надписей: погребальная надпись V–VI вв. из Константинополя содержит в начале и в конце надписи знак креста, а внизу камня в круге изображение креста [фото на странице путешественника: https://palama.livejournal.com/34974.html; 61, p. 28]; погребальная надпись VI–VII вв. из Константинополя, вверху три креста в обрамлении, сама надпись в начале и в конце также содержит знак креста, а под надписью картинка, изображающая надгробие в виде креста с изображением креста на нем [фото: https://palama.livejournal.com/34974.html; 61, p. 29]; граффито на колонне в Севастополе, в национальном заповеднике Херсонес Таврический (инв. № 3592), около 1027 г. [74, fig. CXIV, Nr. UK3, p. 752–753]; саркофаг с надгробной эпиграммой, IX–XI вв., Аморий, Cat. no. 152 [89, 73–78]; крест-надгробие из Херсона[7], IV в. или V–VI вв. [9, № 25, с. 153, 436; 92, 263–264, № 13; 99, с. 46-49, №45]).

Камень с изображением креста, на котором надпись (сохранилась только нижняя часть византийского саркофага из Аморийма, хранится в музее Афьона 115 [56, p. 388, fig. 57; 97, № 1012]).

Как видно из этой классификации, наибольшее число памятников использует знак креста под надписью в виде отдельного изображения, часто украшенного и бóльшего по размеру относительно самой надписи (14 надписей). Следующие по значимости две группы: 1) где знак креста используется внутри текста перед значимой фразой (8 надписей) и 2) крест, обычно бóльшего размера, чем сам шрифт, в середине 1 строки, который часто оказывается между приставкой и корнем слова, которое он разбивает, например, εν+θα||δε или ε+ν||θαδε (8 надписей). При этом сама выборка, собранная из памятников IV–XV вв., показывает три временных всплеска по встречаемости подобных памятников: V в. – 12 надписей, VI–VII вв. – 14 надписей, XI в. – 10 надписей. При сравнении с результатами первой выборки, собранной по принципу лексического отбора, две из трех групп пересеклись: VI–VII вв. – 11 надписей, XI в. – 8 надписей, что свидетельствует о важности рассматриваемого символа для данных периодов. При этом, в случае подборки изображений, чаще всего они, ожидаемо, встречаются на эпитафиях, среди которых 26 мужских и 9 женских.

Анализ лексической сочетаемости «σταυρός» в надписях показал, что встречаются как надписи молитвенного характера с обращением к кресту, так и с крестом, как с главным действующим лицом, которое может помочь, или строительные, фиксирующие посвящение кресту. Среди всех формул много отсылок к страданиям Христа, как с деталями, указанием на сам акт распятия, так и метафорически, как дара христианам. В надписях, построенных по принципу сентенций, крест предстает и символом воскресения, сопутствующего смерти, и символом самого Спасителя. Его приравнивают славе, называют хранителем или защитником, что также находит отражение и в формулах с прилагательными, где он назван честным, животворящим, верным, победоносным, блаженным. Формулы с указанием на силу креста или на знак креста характерны для сочетаемости этой лексемы с существительными. При сопоставлении данных обеих выборок, особенно в тех случаях, где они пересекаются, можно отметить как возвеличивание этого символа, так и придание ему значения обыденного, привычного для христиан знака, который может маркировать начало и конец всей надписи, обычной или метрической строки, какого-то выражения или слова, а может организовать всё пространство надписи вокруг себя.

[7] При сопоставлении предложенных в изданиях текста надписи и фотографии креста оказалось, что издатели унифицировали орфографию во второй строке и вместо четко видного на памятнике «αγηας», написали «αγιας».

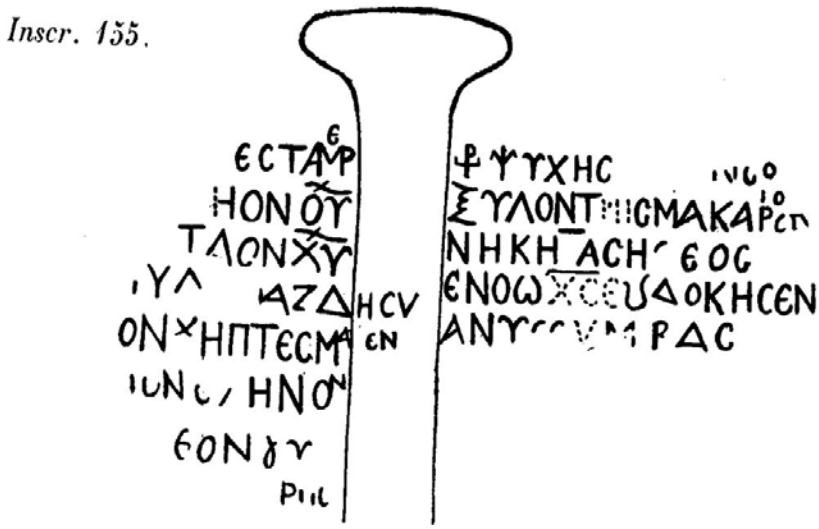


Рис. 1. Каппадокия, церковь св. Стефана [по: 38, № 155, p. 153]

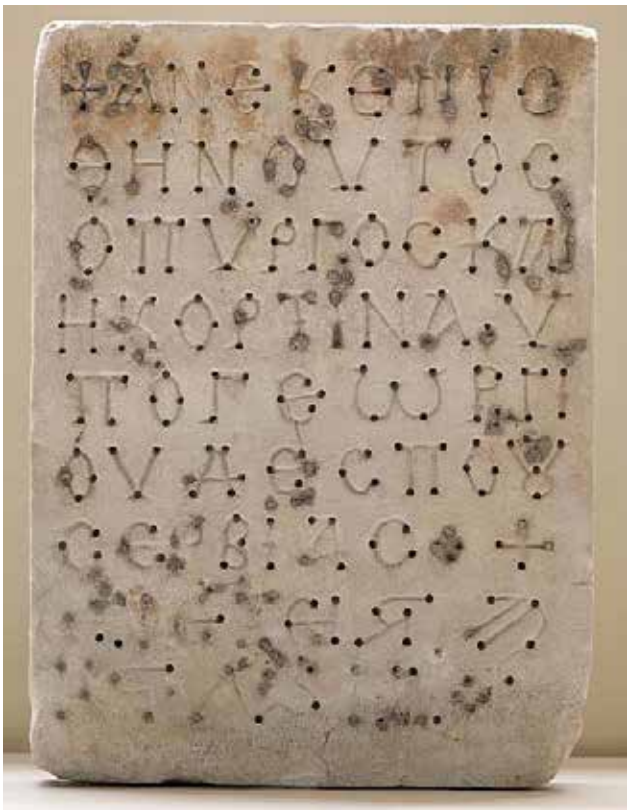


Рис. 2. Каменная плита деспота Сербии Джураджа (Георгия Бранковича) со стен Константинополя, 1448 г., археологический музей Стамбула, inv. 1647T

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. С планом Абхазского приморского берега, с рисунками памятников христианства в Абхазии и видами Ново-Афонского монастыря. Составил И.Н. М.: Типо-литография И. Ефимова, 1898.
2. Виноградов А.Ю., Мыц В.А. Фунская надпись 1459 // Мыц В.А. Каффа и Феодоро в XV в. Контакты и конфликты. Симферополь, 2009. С. 274–286.
3. Евдокимова А.А. Коллекция О древних христианских надписях в Афинах Антонина Капустина. Особенности и новые прочтения // Россия и Греция: языковые и культурные связи. Международная научная конференция. Москва, 2–5 декабря 2020 г. / Под ред. К.А. Климова, Е.С. Онуфриева, И.В. Тресорукова. М.: МАКС-Пресс, 2020. С. 17–20.
4. Евдокимова А.А. Погребальное граффито из часовни на плато Эски-Кермен (предварительная публикация) // МАИЭТ. 2021. Вып. XXVI. С. 175–183.
5. Евдокимова А.А., Мастыкова А.В., Свойский Ю.М. Христианское надгробие с византийского памятника Горзувиты (Южный берег Крыма) // КСИА. 2023. Т. 271. С. 184–198.
6. Капустин Антонин. О древних христианских надписях в Афинах. СПб., 1874.
7. Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896.
8. Латышев В.В. Эпиграфические новости из Южной России. Находки 1907 г. // ИАК. 1908. Вып. 27. С. 15–41.
9. Яшаева Т., Денисова Е., Гинькут Н., Залесская В., Журавлев Д. Наследие византийского Херсона. Севастополь: Телескоп; Остин: ИКА Техас. ун-та, 2011. 708 с.
10. Abel F.-M. Inscriptions grecques de Besarabée // La Revue biblique. 1903. Vol. 12. 428, no. 7b.
11. Aliquot Jul., Shdaifat Y., Weber Th.M. New Byzantine inscribed tombstones from the land of Moab // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 2014. Bd. 189. S. 149–158.
12. Alt A. Die griechischen Inschriften der Palaestina Tertia westlich der ‚Araba. Berlin, Leipzig: Vereinigung wissenschaftlicher Verleger, 1921. 14, no. 9.
13. Ameling W. Die Inschriften von Prusias ad Hypium. Bonn, 1985. (Inschriften griechischer Städte aus Kleinasien. Bd. 27).
14. Anderson J., Cumont F., Grégoire H. Recueil des inscriptions grecques et latines du Pont et de l'Arménie // Studia Pontica. Brussels, 1910. Vol. III,1.
15. Antoniades E.M. Έκφρασις της αγίας Σοφίας. Vol. 3. Leipzig, 1909.
16. Bandy A. The Greek Christian Inscriptions of Crete. Athens, 1970.
17. Bean G.E., Mitford T.B. Journeys in Rough Cilicia, 1964–1968 // Denkschriften der Osterreichische Akademie der Wissenschaften in Wien, Philosophisch-Historische Klasse. Bd. 102. Vienna, 1970.
18. Beševliev V. Spätgriechische und spätlateinische Inschriften aus Bulgarien. Berlin, 1964.
19. Blümel W. Die Inschriften von Mylasa. 2 vols. Bonn, 1987–1988. (Inschriften griechischer Städte aus Kleinasien. Bd. 34–35).
20. Buckler W.H., Calder W.M. (ed.). Monumenta Asiae Minoris Antiqua. Vol. VI. Monuments and Documents from Phrygia and Caria. Manchester: University Press, 1939. XXII, 166 p.
21. Calder W.M. (ed.). Monumenta Asiae Minoris Antiqua. Vol. VII. Monuments from Eastern Phrygia. Manchester: University Press, 1956.
22. Diehl E. Inscriptiones Latinae Christianae Veteres. Vol. 2.1. Berlin, 1927.
23. Drew-Bear Th., Foss C. The epitaph Thomas: a middle-Byzantine verse inscription from Afyon // Byzantion. 1969. Vol. 39. P. 74–85.
24. Dunand M. Nouvelles inscriptions du Djebel Druze et du Hauran // Archiv Orientalni: Journal of the Czechoslovak Oriental Institute. Prague, 1950. Vol. 18, no. 356.
25. Evdokimova A.A. Graffiti from the church Agia Paraskevi in Geroskipou on Cyprus preliminary remarks // Scrinium. Brill, 2024. Vol. 20, Issue 1. P. 373–381. DOI: 10.1163/18177565-bja10116.
26. Eyice S., Noret J.S. Lucien, disciple de S. Lucien d'Antioche. A propos d'une inscription de Kirşehir (Turquie) // Analecta Bollondiana. 1973. Vol. 91. P. 364–377.
27. Eyice S., Thierry N. Le Monastère et la source sainte de Midye en Thrace turque // Cahiers Archéologiques. 1970. Vol. 20. P. 47–76.
28. Frolow A. La Relique de la Vraie Croix. Recherches sur le développement d'un culte. Paris, 1961. (Archives de l'Orient chrétien. Vol. 7).
29. Germer-Durand. Epigraphie chrétienne de Palestine // Revue Biblique. Paris, 1893. P. 203–215.
30. Grégoire H. Recueil des inscriptions grecques chrétiennes de l'Asie Mineure, I. Paris, 1922.
31. Halkin F. Inscriptions grecques relative à l'hagiographie // Analecta Bollandiana. 1953. Vol. 71. DOI: 10.1484/J.ABOL.4.02355.
32. Hoskins Walbank M.E., Walbank M.B. The Grave of Maria, wife of Euplous. A christian epigram reconsidered // Hesperia. 2006. Vol. 75. P. 267–288.
33. Jacob A. Notes sur quelques inscriptions byzantines du Salento méridional (Soleto, Alessano, Vaste, Apigliano) // Mélanges de l'Ecole française de Rome. Moyen-Age. Temps modernes. 1983. T 95, n° 1. P. 65–88.

34. Jalabert L., Mouterde R. Inscriptions grecques et latines de la Syrie. II. Chalcidique et Antiochène. Paris, 1939.
35. Jalabert L., Mouterde R. Inscriptions grecques et latines de la Syrie. III, 1: Région de l'Amanus, Antioche; Nos. 699–988. Paris, 1950. III, 1: Antiochène. Nos. 989–1242. Paris, 1953.
36. Jalabert L., Mouterde R. Inscriptions grecques et latines de la Syrie. IV. Laodicée. Apamène. Paris, 1955.
37. de Jerphanion G. Une nouvelle province de l'art byzantin: les églises rupestres de Cappadoce. I, 2. Paris, 1932.
38. de Jerphanion G. Une nouvelle province de l'art byzantin: les églises rupestres de Cappadoce. II, 1. Paris, 1936.
39. Kalinka E. Antike Denkmäler in Bulgarien. Wien, 1906. (Schriften der Balkankomission. Antiquarische Abteilung IV).
40. Kent J.H. Corinth. VIII. 3. Results of excavations conducted by The American School of Classical Studies at Athens. 8, 3. The inscriptions 1926–1950. Princeton, 1966.
41. Kirchhoff A. Corpus Inscriptionum Graecarum. IV, 2. Berlin, 1859.
42. Kirk G.E., Bradford Welles C. The inscriptions // Excavations at Nessana (Auja Hafir, Palestine) / Eds. H.D. Colt et al. Vol. 1. London: British Schools of Archaeology in Jerusalem, 1962.
43. Kirk G.E., Gignoux Ph. Greek funerary inscriptions and ostraca from Elusa // 'Atiqot. 1996. 28. no. 33.
44. Kokkinos N., Politis K.D. Two Greek Funerary Inscriptions From Zoara/Ghor As-Safi In Jordan (Early Byzantine Zoora) // Jordan Journal for history and archaeology. 2022. Vol. 16, No. 1. DOI: 10.54134/jjha.16.1.5.
45. Łajtar A. Three Christian Epitaphs in Greek from Raisner Excavations in the Area of Gebel Barkal (Northern Sudan) // Journal of Juristic Papyrology. 1996. Vol. 26. P. 73–89.
46. Lefebvre G. Recueil des inscriptions grecques chrétiennes d'Égypte. Paris, 1907.
47. Levick B. Unpublished inscriptions from Pisidian Antioch // Anatolian Studies. 1967. Vol. 17. P. 101–121.
48. Madden A.M. Corpus of Byzantine Church Mosaic Pavements in Israel and the Palestinian Territories. Leuven, Walpole, MA: Peeters, 2014.
49. Mango C. Materials for the study of the mosaics of St Sophia at Istanbul. Washington, 1962. (Dumbarton Oaks Studies. Vol. 8).
50. Mango C. The Conciliar Edict of 1166 // Dumbarton Oaks Papers. 1963. Vol. 17. P. 315–330.
51. McCabe A. Byzantine Funerary Inscriptions on the Hephaisteion (Church of St. George) in the Athenian Agora // Inscribing Texts in Byzantium: Continuities and Transformations / Eds. M. Lauxtermann, I. Toth. Routledge, 2020.
52. Mendel G. Catalogue des sculptures grecques, romaines et byzantines. Vol. 2. Constantinople, 1914.
53. Mercati S.G. Collectanea Byzantina. II. Bari, 1970.
54. Merkelbach R. et al. Die Inschriften von Ephesos. IV: Nr. 1001–1445 (Repertorium) / Hrsg. H. von Engelmann, D. Knibbe, R. Merkelbach. Bonn: Habelt, 1980.
55. Merkelbach R. et al. Die Inschriften von Ephesos. VII. Bonn: Habelt, 1981.
56. Mitchell S. Chapter 5 Established Christianity from the Fourth to the Eleventh Century // The Christians of Phrygia from Rome to the Turkish Conquest. Brill, 2023. P. 346–478. DOI: 10.1163/9789004546387_007.
57. Mitford T.B., Nicholaou I. The Greek and Latin Inscriptions from Salamis. Nikosia, 1974.
58. Orlandos A.K. Η Μονή Βαρνάκοβας. Athens, 1922.
59. Orlandos A. Οι μεταβυζαντινοί ναοί της Πάρου, Μέρος Β΄ // Αρχείον των βυζαντινών μνημείων της Ελλάδος. Vol. 10. Athens, 1964.
60. Orlandos A.K., Vranoussis L. Τα χαράγματα του Παρθενώνος. Athens, 1973.
61. Öztürk Bülent. Roma-Bizans Döneminde İstanbul'daki Toplumsal Katmanlar // Antik Çağdan XXI. Yüzyıla Büyük İstanbul Tarihi Ansiklopedisi. Cilt IV: Toplum / ed. A. Bilgin. İstanbul, 2015. P. 24–39.
62. Papageorgiou P. Unedierte Inschriften von Mytilene. Leipzig: B.G. Teubner, 1900.
63. Paton W.R. Greek anthology. Book IX. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1917. (Loeb Classical Library. Vol. 84).
64. Petzl G. Die Inschriften von Smyrna. Vol. 2. Bonn: dr Rudolf Habelt GMBH, 1987. (Inschriften griechischer Städte aus Kleinasien. Bd. 24,1).
65. Petzl G. Sardis: Greek and Latin inscriptions. Part II: finds from 1958 to 2017. Cambridge, MA: Distributed by Harvard University Press, 2019.
66. Piccirillo M. Chiese e mosaici della Giordania settentrionale. Jerusalem: Franciscan Press, 1981.
67. Piccirillo M., Amr A.-J. A chapel at Khirbet El-Kursi-Amman // Liber Annuus. 1988. Vol. 38. P. 361–382.
68. Politis K. Ancient Landscapes of the Ghor es-Sāfī: Surveys and Excavations 1997–2009 // ACOR Newsletter. 2010. Vol. 22.2. P. 1–5.
69. Popescu E. Inscripțiile grecești și latine din secolele IV–XIII descoperite în România. Bucharest, 1976.
70. Prentice W.K. (ed.). Publications of the Princeton University of archaeological Expedictions to Syria in 1904–1905 and 1909. Division III: Greek and Latin Inscriptions. Section B: Northern Syria. Leyden: E.J. Brill, 1922. 51, no. 922.
71. Al-Rawahneh M.R., Elboj G.F. A new Byzantine funerary inscription from Zoara (Ghor es-Safi; Southern Jordan) // Syria. 2022. Vol. 99. P. 311–315. DOI: 10.4000/syria.14730.
72. Al-Rawahneh M.R., Elboj G.F. Nine new Byzantine Funerary Inscriptions from El-ʿIrāq (Southern Jordan) // Palestine Exploration Quarterly. 2023. Vol. 156 (3). P. 221–240. DOI: 10.1080/00310328.2023.2182951.

73. Al-Rawahneh M.R., Varax A. New Byzantine inscriptions from the Land of Moab // Arabian Archaeology and Epigraphy. 2023. Vol. 34 (1). P. 194–201. DOI: 10.1111/aae.12238.
74. Rhoby A. Byzantinische Epigramme auf Stein. Wien, 2014. 1047 S. (Byzantinische Epigramme in inschriftlicher Überlieferung. Bd. 3).
75. Restle M. Studien zur frühbyzantinischen Architektur Kappadokiens. 1, Text. Wien: Verlag de Österreichische Akademie der Wissenschaften, 1979. (Denkschriften / Österreichische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Klasse. Bd. 138.1).
76. Robert J., Robert L. Bulletin épigraphique // Revue des Études Grecques. 1966. T. 79. Fasc. 374–375. Janvier – juin. P. 335–449.
77. Robert J., Robert L. Bulletin épigraphique // Revue des Études Grecques. 1968. T. 81. Fasc. 386–388. Juillet – décembre. P. 420–549.
78. Robert J., Robert L. Bulletin épigraphique // Revue des Études Grecques. 1971. T. 84. Fasc. 401–403. Juillet – décembre. P. 397–540.
79. Robert J., Robert L. Bulletin épigraphique // Revue des Études Grecques. 1974. T. 87. Fasc. 414–418. Janvier – décembre. P. 186–340.
80. SEG = Supplementum Epigraphicum Graecum. URL: https://scholarlyeditions.brill.com/sego/.
81. Di Segni L. Three Greek Inscriptions from the Monastery at Nahal Pehar (Giv'ot Bar), in the Northern Negev // 'Atiqot. 2024. Vol. 116. Article 16. DOI: 10.70967/2948-040X.1137.
82. Segre M. Tituli Calumnii // Annuario della Scuola Archeologica di Atene e delle Missioni Italiane in Oriente, vol. 22–23, 1944–1945 (1947). Bergamo: Istituto italiano l'arti grafiche, 1952.
83. Speiser J.-M. Inventaires en vue d'un recueil des inscriptions historiques de Byzance: I. Les Inscriptions de Thessalonique // Travaux et mémoires. 1973. Vol. 5. P. 145–180.
84. Sternbach L. Nikoiai Calliclis carmina // Rozprawy Akademii Umiejetnosci, Wydziat filologiczny. Krakow, 1904. Vol. 21. P. 315–392.
85. Stylianou A., Stylianou J. Donors and dedicatory inscriptions, supplicants and supplicantions in the painted churches of Cyprus. With six Plates // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. 1960. Vol. 9. P. 97–128.
86. Svoronos N. Recherches sur le cadastre byzantin et la fiscalité aux XIe et XIIe siècles: le cadastre de Thèbes // Bulletin de correspondance hellénique. 1959. Vol. 83. P. 1–145.
87. Thierry N., Thierry M. Nouvelles églises rupestres de Cappadoce. Région du Hasan Dağı. Paris, 1963.
88. Thomsen P. Die lateinischen und griechischen Inschriften der Stadt Jerusalem und ihrer nächsten Umgebung. 1. Nachtrag // Zeitschrift des deutschen Palästina-Vereins. 1941. Bd. 64. S. 201–256.
89. Tsivikis N. T2031: A Sarcophagus with a Middle Byzantine Funerary Epigram // Lightfoot C.S. Amorium Reports 5: A Catalogue of Roman and Byzantine Stone Inscriptions from Amorium and its Territory, together with Graffiti, Stamps, and Miscellanea. Ege Yayinlari, 2017. P. 73–78.
90. Tzaferis V. The Greek inscriptions from the church at Khirbet el-Shubeika // Bottini G.C., Di Segni L., Chrupcala L.D. One Land – Many Cultures. Archaeological Studies in Honour of Stanisalo Loffreda OFM. Jerusalem: Franciscan Printing Press, 2003. P. 83–86.
91. Vincent L.-H. Encore l'inscription de Saint Étienne à Gethsémani // La revue biblique. 1907. P. 607–611.
92. Vinogradov A. Von der antiken zur christlichen Koine: typische und untypische Inschriften des nördlichen Schwarzmeerraums // Une koiné pontique / Eds. A. Bresson, A. Ivanchik, J.-L. Ferrary. Bordeaux, 2007. P. 255–267.
93. van der Vliet J. Christian Epitaphs from Egypt and Nubia at the Museo Egizio, Turin: A Dossier // Rivista del Museo Egizio. 2021. Vol. 5. P. 1–29. DOI: 10.29353/rime.2021.3392.
94. Welles C.B. The Inscriptions, Gerasa // City of the Decapolis / ed. C.H. Kraeling. New Haven, 1938. P. 355–616.
95. Γιαννόπουλος Ν.Ι. Χριστιανικαί επιγραφαί Θεσσαλίας // Byzantinishe Zeitschrift. 1912. Bd. 21. S. 150–168.
96. Ζολώτας Γ. Χιακών και ερυθραϊκών επιγραφών συναγωγή εκδιδομένη μετά θάνατον αυτού υπό της θυγατρός αυτού Αιμιλίας Γ. Σάρου // Άθηνά: Σύγγραμμα περιοδικόν της εν Άθήναις Επιστημονικής Εταιρείας. Άθήνα, 1908. Τόμ 20.
97. Breytenbach C., Zimmermann C. (eds.). Inscriptiones Christianae Graecae (ICG): Eine Datenbank frühchristlicher Inschriften. URL: icg.uni-kiel.de.
98. Packard Humanities Institute CD #7, 1996. Including Ancient Greek and Byzantine inscriptions and Greek papyri.
99. Латышев В.В. Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1895-1898 гг. // Материалы по археологии России. Т. 23. Санкт-Петербург: 1899.

REFERENCES

1 *Abkhaziia i v nei Novo-Afonskii Simono-Kananitskii monastyr'. S planom Abkhazskogo primorskogo berega, s risunkami pamiatnikov khristianstva v Abkhazii i vidami Novo-Afonskogo monastyria* [Abkhazia and the New Athos Monastery of Simon the Canaanite. With a plan of the Abkhazian seaside, drawings of Christian monuments in Abkhazia, and views of the New Athos Monastery]. Compiled by I.N. Moscow, typography and lithography by I. Efimov, 1898.
2. *Vinogradov A.Yu., Myts V.A. Inscription from Funa 1459. Myts V.A. Kaffa i Theodoro v XV v. Kontakty i konflikty [*Kaffa and Theodoro in the 15th century: Contacts and conflicts*], Simferopol, 2009, pp. 274–286.*

3. *Evdokimova A.A.* Antonina Kapustin's Collection on Ancient Christian Inscriptions in Athens: Features and New Readings. K.A. Klimova, E.S. Onufrieva, I.V. Tresorukova (eds.), *Rossiia i Gretsiia: iazykovye i kul'turnye sviazi. Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia. Moskva, 2–5 dekabria 2020 g.* [Russia and Greece: Linguistic and Cultural connections. International Scientific Conference. Moscow, December 2–5, 2020], Moscow, Max Press, 2020, pp. 17–20.
4. *Evdokimova A.A.* Funerary graffito from a chapel on the Eski-Kermen plateau (preliminary publication). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2021, vol. 26, pp. 175–183.
5. Evdokimova A.A., Mastykova A.V., Svoisky Yu.M. Christian tombstone from the Byzantine monument of Gorzuvita (Southern coast of Crimea). *Kratkie soobtsheniia Instituta arkheologii* [Brief communications of the Institute of Archeology], 2023, vol. 271, pp. 184–198.
6. *Kapustin Antonin. O drevnih christianskih nadpisyah v Athinah [About ancient christian inscriptions in Athens]. St. Peterburg, 1874.*
7. Latyshev V. *Sbornik grecheskikh nadpisey khristianskikh vremen iz Iuzhnoi Rossii* [Collection of Greek inscriptions from Christian times from Southern Russia]. St. Petersburg, 1896.
8. Latyshev V.V. Epigraphical news from Southern Russia. Foundings 1907. *Izvestiya Imperatorskoy Arkheologicheskoy komissii* [News of the Imperial Archaeological Commission], 1908, vol. 27, pp. 15–41.
9. Yashaeva T., Denisova E., Gin'kut N., Zalesskaia V., Zhuravlev D. *Nasledie vizantiiskogo Khersona* [The Legacy of Byzantine Chersonesos]. Sevastopol, Ostin, Teleskop & Texas Universitym Publ., 2011, 708 p.
10. Abel F.-M. Inscriptions grecques de Besarabée. *La Revue biblique*, 1903, vol. 12, 428, no. 7b.
11. Aliquot Jul., Shdaifat Y., Weber Th.M. New Byzantine inscribed tombstones from the land of Moab. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*, 2014, Bd. 189, S. 149–158.
12. Alt A. *Die griechischen Inschriften der Palaestina Tertia westlich der ‚Araba*. Berlin, Leipzig, Vereinigung wissenschaftlicher Verleger, 1921, 14, no. 9.
13. Ameling W. *Die Inschriften von Prusias ad Hypium*. Bonn, 1985. (Inschriften griechischer Städte aus Kleinasien. Bd. 27).
14. Anderson J., Cumont F., Grégoire H. Recueil des inscriptions grecques et latines du Pont et de l'Arménie. *Studia Pontica*, Brussels, 1910, vol. III,1.
15. Antoniades E.M. *Έκφρασις της αγίας Σοφίας*. Vol. 3. Leipzig, 1909.
16. Bandy A. *The Greek Christian Inscriptions of Crete*. Athens, 1970.
17. Bean G.E., Mitford T.B. Journeys in Rough Cilicia, 1964–1968. *Denkschriften der Osterreichische Akademie der Wissenschaften in Wien, Philosophisch-Historische Klasse*. Bd. 102. Vienna, 1970.
18. Beševliev V. *Spätgriechische und spätlateinische Inschriften aus Bulgarien*. Berlin, 1964.
19. Blümel W. *Die Inschriften von Mylasa*. 2 vols. Bonn, 1987–1988. (Inschriften griechischer Städte aus Kleinasien. Bd. 34–35).
20. Buckler W.H., Calder W.M. (ed.). *Monumenta Asiae Minoris Antiqua. Vol. VI. Monuments and Documents from Phrygia and Caria*. Manchester, University Press, 1939, XXII, 166 p.
21. Calder W.M. (ed.). *Monumenta Asiae Minoris Antiqua. Vol. VII. Monuments from Eastern Phrygia*. Manchester, University Press, 1956.
22. Diehl E. *Inscriptiones Latinae Christianae Veteres*. Vol. 2.1. Berlin, 1927.
23. Drew-Bear Th., Foss C. The epitaph Thomas: a middle-Byzantine verse inscription from Afyon. *Byzantion*, 1969, vol. 39, pp. 74–85.
24. Dunand M. Nouvelles inscriptions du Djebel Druze et du Hauran. *Archiv Orientalni: Journal of the Czechoslovak Oriental Institute*, Prague, 1950, vol. 18, no. 356.
25. *Evdokimova A.A.* Graffiti from the church Agia Paraskevi in Geroskipou on Cyprus preliminary remarks. *Scrinium*, Brill, 2024, vol. 20, iss. 1, pp. 373–381.
26. Eyice S., Noret J.*S. Lucien, disciple de S. Lucien d'Antioche.* A propos d'une inscription de Kirşehir (Turquie). *Analecta Bollondiana*, 1973, vol. 91, pp. 364–377.
27. Eyice S., Thierry N. Le Monastère et la source sainte de Midye en Thrace turque. *Cahiers Archéologiques*, 1970, vol. 20, pp. 47–76.
28. Frolow A. *La Relique de la Vraie Croix. Recherches sur le développement d'un culte*. Paris, 1961. (Archives de l'Orient chrétien. Vol. 7).
29. Germer-Durand. Epigraphie chrétienne de Palestine. *Revue Biblique*, Paris, 1893, pp. 203–215.
30. Grégoire H. *Recueil des inscriptions grecques chrétiennes de l'Asie Mineure*, I. Paris, 1922.
31. Halkin F. Inscriptions grecques relative à l'hagiographie. *Analecta Bollandiana*, 1953, vol. 71.
32. Hoskins Walbank M.E., Walbank M.B. The Grave of Maria, wife of Euplous. A christian epigram reconsidered. *Hesperia*, 2006, vol. 75, pp. 267–288.
33. Jacob A. Notes sur quelques inscriptions byzantines du Salento méridional (Soleto, Alessano, Vaste, Apigliano). *Mélanges de l'Ecole française de Rome. Moyen-Age. Temps modernes*, 1983, T 95, n° 1, pp. 65–88.
34. Jalabert L., Mouterde R. *Inscriptions grecques et latines de la Syrie. II. Chalcidique et Antiochène*. Paris, 1939.

35. Jalabert L., Mouterde R. *Inscriptions grecques et latines de la Syrie. III, 1: Région de l'Amanus, Antioche*; Nos. 699–988. Paris, 1950. *III, 1: Antiochène*. Nos. 989–1242. Paris, 1953.
36. Jalabert L., Mouterde R. *Inscriptions grecques et latines de la Syrie. IV. Laodicée. Apamène*. Paris, 1955.
37. de Jerphanion G. *Une nouvelle province de l'art byzantin: les églises rupestres de Cappadoce*. I, 2. Paris, 1932.
38. de Jerphanion G. *Une nouvelle province de l'art byzantin: les églises rupestres de Cappadoce*. II, 1. Paris, 1936.
39. Kalinka E. *Antike Denkmäler in Bulgarien*. Wien, 1906. (Schriften der Balkankomission. Antiquarische Abteilung IV).
40. Kent J.H. *Corinth. VIII. 3. Results of excavations conducted by The American School of Classical Studies at Athens. 8, 3. The inscriptions 1926–1950*. Princeton, 1966.
41. Kirchhoff A. *Corpus Inscriptionum Graecarum*. IV, 2. Berlin, 1859.
42. Kirk G.E., Bradford Welles C. The inscriptions. H.D. Colt and others (eds.), *Excavations at Nessana (Auja Hafir, Palestine).* Vol. 1. London, British Schools of Archaeology in Jerusalem, 1962.
43. Kirk G.E., Gignoux Ph. Greek funerary inscriptions and ostraca from Elusa. 'Atiqot, 1996, vol. 28, no. 33.
44. Kokkinos N., Politis K.D. Two Greek Funerary Inscriptions From Zoara/Ghor As-Safi In Jordan (Early Byzantine Zoora). *Jordan Journal for history and archaeology*, 2022, vol. 16, no. 1.
45. Łajtar A. Three Christian Epitaphs in Greek from Raisner Excavations in the Area of Gebel Barkal (Northern Sudan). *Journal of Juristic Papyrology*, 1996, vol. 26, pp. 73–89.
46. Lefebvre G. *Recueil des inscriptions grecques chrétiennes d'Égypte*. Paris, 1907.
47. Levick B. Unpublished inscriptions from Pisidian Antioch. *Anatolian Studies*, 1967, vol. 17, pp. 101–121.
48. Madden A.M. *Corpus of Byzantine Church Mosaic Pavements in Israel and the Palestinian Territories.* Leuven, Walpole, MA, Peeters, 2014.
49. Mango C. *Materials for the study of the mosaics of St Sophia at Istanbul*. Washington, 1962. (Dumbarton Oaks Studies. Vol. 8.).
50. Mango C. The Conciliar Edict of 1166. *Dumbarton Oaks Papers*, 1963, vol. 17, pp. 315–330.
51. McCabe A. Byzantine Funerary Inscriptions on the Hephaisteion (Church of St. George) in the Athenian Agora. M. Lauxtermann, I. Toth (eds.), *Inscribing Texts in Byzantium: Continuities and Transformations*, Routledge, 2020.
52. Mendel G. *Catalogue des sculptures grecques, romaines et byzantines*. Vol. 2. Constantinople, 1914.
53. Mercati S.G. *Collectanea Byzantina*. II. Bari, 1970.
54. Merkelbach R. et al. *Die Inschriften von Ephesos. IV: Nr. 1001–1445 (Repertorium)*. Hrsg. H. von Engelmann, D. Knibbe, R. Merkelbach. Bonn, Habelt, 1980.
55. Merkelbach R. et al. *Die Inschriften von Ephesos*. VII. Bonn, Habelt, 1981.
56. Mitchell S. Chapter 5 Established Christianity from the Fourth to the Eleventh Century. *The Christians of Phrygia from Rome to the Turkish Conquest*, Brill, 2023, pp. 346–478.
57. Mitford T.B., Nicholaou I. *The Greek and Latin Inscriptions from Salamis*. Nikosia, 1974.
58. Orlandos A.K. *Η Μονή Βαρνάκοβας*. Athens, 1922.
59. Orlandos A. Οι μεταβυζαντινοί ναοί της Πάρου, Μέρος Β΄. *Αρχείον των βυζαντινών μνημείων της Ελλάδος.* Vol. 10. Athens, 1964.
60. Orlandos A.K., Vranoussis L. *Τα χαράγματα του Παρθενώνος*. Athens, 1973.
61. Öztürk Bülent. Social Layers in Istanbul in Roman-Byzantine Period. A. Bilgin (ed.), *Antik Çağdan XXI. Yüzyıla Büyük İstanbul Tarihi Ansiklopedisi. Cilt IV: Toplum*. İstanbul, 2015, pp. 24–39.
62. Papageorgiou P. *Unedierte Inschriften von Mytilene.* Leipzig, B.G. Teubner, 1900.
63. Paton W.R. *Greek anthology*. Book IX. Cambridge, MA, Harvard University Press, 1917. (Loeb Classical Library. Vol. 84).
64. Petzl G. *Die Inschriften von Smyrna*. Vol. 2. Bonn, dr Rudolf Habelt GMBH, 1987. (Inschriften griechischer Städte aus Kleinasien. Bd. 24,1).
65. Petzl G. *Sardis: Greek and Latin inscriptions. Part II: finds from 1958 to 2017*. Cambridge, MA, Distributed by Harvard University Press, 2019.
66. Piccirillo M. *Chiese e mosaici della Giordania settentrionale*. Jerusalem, Franciscan Press, 1981.
67. Piccirillo M., Amr A.-J. A chapel at Khirbet El-Kursi-Amman. *Liber Annuus*, 1988, vol. 38, pp. 361–382.
68. Politis K. Ancient Landscapes of the Ghor es-Sāfī: Surveys and Excavations 1997–2009. *ACOR Newsletter*, 2010, vol. 22.2, pp. 1–5.
69. Popescu E. *Inscripţiile greceşti şi latine din secolele IV–XIII descoperite în România*. Bucharest, 1976.
70. Prentice W.K. (ed.). *Publications of the Princeton University of archaeological Expedictions to Syria in 1904–1905 and 1909. Division III: Greek and Latin Inscriptions. Section B: Northern Syria*. Leyden, E.J. Brill, 1922, 51, no. 922.
71. Al-Rawahneh M.R., Elboj G.F. A new Byzantine funerary inscription from Zoara (Ghor es-Safi; Southern Jordan). *Syria*, 2022, vol. 99, pp. 311–315.
72. Al-Rawahneh M.R., Elboj G.F. Nine new Byzantine Funerary Inscriptions from El-ʿIrāq (Southern Jordan). *Palestine Exploration Quarterly*, 2023, vol. 156 (3), pp. 221–240.
73. Al-Rawahneh M.R., Varax A. New Byzantine inscriptions from the Land of Moab. *Arabian Archaeology and Epigraphy*, 2023, vol. 34 (1), pp. 194–201.

74. Rhoby A. *Byzantinische Epigramme auf Stein*. Wien, 2014. 1047 S. (Byzantinische Epigramme in inschriftlicher Überlieferung. Bd. 3).
75. Restle M. *Studien zur frühbyzantinischen Architektur Kappadokiens. 1, Text*. Wien, Verlag de Österreichische Akademie der Wissenschaften, 1979. (Denkschriften / Österreichische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Klasse. Bd. 138.1).
76. Robert J., Robert L. Bulletin épigraphique. *Revue des Études Grecques*, 1966, T. 79, fasc. 374–375, janvier – juin, pp. 335–449.
77. Robert J., Robert L. Bulletin épigraphique. *Revue des Études Grecques*, 1968, T. 81, fasc. 386–388, juillet – décembre, pp. 420–549.
78. Robert J., Robert L. Bulletin épigraphique. *Revue des Études Grecques*, 1971, T. 84, fasc. 401–403, juillet – décembre, pp. 397–540.
79. Robert J., Robert L. Bulletin épigraphique. *Revue des Études Grecques*, 1974, T. 87, fasc. 414–418, janvier – décembre, pp. 186–340.
80. *Supplementum Epigraphicum Graecum (SEG). URL: https://scholarlyeditions.brill.com/sego/.*
81. Di Segni L. Three Greek Inscriptions from the Monastery at Nahal Pehar (Giv'ot Bar), in the Northern Negev. *'Atiqot*, 2024, vol. 116, article 16.
82. Segre M. Tituli Calumnii. *Annuario della Scuola Archeologica di Atene e delle Missioni Italiane in Oriente, vol. 22–23, 1944–1945 (1947)*. Bergamo, Istituto italiano l'arti grafiche, 1952.
83. Speiser J.-M. Inventaires en vue d'un recueil des inscriptions historiques de Byzance: I. Les Inscriptions de Thessalonique. *Travaux et mémoires*, 1973, vol. 5, pp. 145–180.
84. Sternbach L. Nikoiai Calliclis carmina. *Rozprawy Akademii Umiejetnosci, Wydziat filologiczny,* Krakow, 1904, vol. 21, pp. 315–392.
85. Stylianou A., Stylianou J. Donors and dedicatory inscriptions, supplicants and supplicantions in the painted churches of Cyprus. With six Plates. *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*, 1960, vol. 9, pp. 97–128.
86. Svoronos N. Recherches sur le cadastre byzantin et la fiscalité aux XIe et XIIe siècles: le cadastre de Thèbes. *Bulletin de correspondance hellénique*, 1959, vol. 83, pp. 1–145.
87. Thierry N., Thierry M. *Nouvelles églises rupestres de Cappadoce. Région du Hasan Dağı*. Paris, 1963.
88. Thomsen P. Die lateinischen und griechischen Inschriften der Stadt Jerusalem und ihrer nächsten Umgebung. 1. Nachtrag. *Zeitschrift des deutschen Palästina-Vereins*, 1941, Bd. 64, S. 201–256.
89. Tsivikis N. T2031: A Sarcophagus with a Middle Byzantine Funerary Epigram. Lightfoot C.S. *Amorium Reports 5: A Catalogue of Roman and Byzantine Stone Inscriptions from Amorium and its Territory, together with Graffiti, Stamps, and Miscellanea*. Ege Yayinlari, 2017, pp. 73–78.
90. Tzaferis V. The Greek inscriptions from the church at Khirbet el-Shubeika. Bottini G.C., Di Segni L., Chrupcala L.D. *One Land – Many Cultures. Archaeological Studies in Honour of Stanisalo Loffreda OFM*. Jerusalem,: Franciscan Printing Press, 2003, pp. 83–86.
91. Vincent L.-H. Encore l'inscription de Saint Étienne à Gethsémani. *La revue biblique*, 1907, pp. 607–611.
92. Vinogradov A. Von der antiken zur christlichen Koine: typische und untypische Inschriften des nördlichen Schwarzmeerraums. A. Bresson, A. Ivanchik, J.-L. Ferrary (eds.), *Une koiné pontique*, Bordeaux, 2007, pp. 255–267.
93. van der Vliet J. Christian Epitaphs from Egypt and Nubia at the Museo Egizio, Turin: A Dossier. *Rivista del Museo Egizio*, 2021, vol. 5, pp. 1–29.
94. *Welles C.B. The Inscriptions, Gerasa*. C.H. Kraeling (ed.), *City of the Decapolis*, New Haven, 1938, pp. 355–616.
95. Γιαννόπουλος Ν.Ι. Χριστιανικαί επιγραφαί Θεσσαλίας. *Byzantinishe Zeitschrift*, 1912, Bd. 21, S. 150–168.
96. Ζολώτας Γ. Χιακών και ερυθραϊκών επιγραφών συναγωγή εκδιδομένη μετά θάνατον αυτού υπό της θυγατρός αυτού Αιμιλίας Γ. Σάρου. *Άθηνά: Σύγγραμμα περιοδικόν της εν Άθήναις Επιστημονικής Εταιρείας*, Άθήνα, 1908, Τόμ 20.
97. Breytenbach C., Zimmermann C. (eds.). *Inscriptiones Christianae Graecae (ICG): Eine Datenbank frühchristlicher Inschriften*. URL: icg.uni-kiel.de.
98. Packard Humanities Institute CD #7, 1996. *Including Ancient Greek and Byzantine inscriptions and Greek papyri*.
99. Latyšev V. *Grecheskie i latinskie nadpisi, naydennye b yuzhnoy Rossii v 1895-1898 gg.* [Greek and Latin inscriptions, founded in South Russia in 1895-1898 y.] (Materials of Archeology of Russia 23), Saint Petersburg 1899, 337-369.

Информация об авторе

Евдокимова А. А. – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Сектора прикладного языкознания Института языкознания РАН, Researcher ID: I-9221-2016.

Author information

Evdokimova A. A. – Candidate of Science (Philology), Senior Researcher of the Section of applied linguistics of the Institute of Linguistics RAS, Researcher ID: I-9221-2016.

ИСТОРИЯ

DOI: 10.29039/2413-189X.2025.30.488-500

ИСТОРИЯ ГОТИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ VIII В. ПО ДАННЫМ ЖИТИЯ ИОАННА ГОТСКОГО

Александр Ильич Айбабин
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия
aleksandraibabin@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-4116-8198

Аннотация. Житие Иоанна Готского признано источником достоверной информации об истории Юго-Западного Крыма в VIII в. В тексте Жития многие события не датированы. Неизвестно, когда Иоанн родился в Партенитах. После 754 г. Иоанн уехал в Иерусалим на три года. Около 758 г. он вернулся в Готию, жители которой отправили его в Иверию, где в Мцхете Иоанн получил епископское посвящение от иконопочитателя. Далее почти тридцать лет его жизни нам не известны. Хорошо задокументирован конец жизни Иоанна: в 784 г. он в Константинополе встречался с патриархом Павлом до VII Вселенского (II Никейского) собора 787 г. Житие является единственным достоверным источником о восстании иконопочитателей против иконоборцев. Иоанн вступил в союз с киросом Готии против хазарского кагана, напал на Дорос, удерживаемый каганом, был сдан кагану жителями деревни, заключен в тюрьму в Фулах, из которой убегает на другой берег Черного моря в византийскую Амастриду, где он провел 4 года, прежде чем умер 26 июня 792 г. и был немедленно возвращен в Партениты на корабле 29 июня. Проанализированные в статье источники показывают, что Иоанн еще при жизни пользовался большой репутацией в Готии и других местах как человек глубокой святости.

Ключевые слова: епископ Иоанн Готский, Партениты, иконопочитание, иконоборчество, вселенский собор, хазары, каган, Амастрида

Благодарности: Статья написана в рамках проекта Минобрнауки РФ, государственное задание FZEG-2025-0001 «Этнические трансформации в Крыму и Таврических степях в Средние века и Новое время».

HISTORY OF GOTHIA IN THE SECOND HALF OF THE EIGHTH CENTURY ACCORDING TO THE LIFE OF JOHN OF GOTHIA

Aleksandr I. Aibabin
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
aleksandraibabin@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-4116-8198

Abstract. The *Life of John of Gothia* is considered a reliable source of information on the history of south-western Crimea in the eighth century. Many events in the *Life* are not dated. It is unknown when John was born in Parthenitai (present-day Partenit). After 754, John left for Jerusalem for three years. Around 758, John returned to Gothia, from where the locals sent him to Iberia, where some icon-venerator in Mtskheta ordained him bishop. We know nothing of him for almost thirty years. The end of John's life is well documented: in 784, he met with Patriarch Paul in Constantinople on the eve of the Seventh Ecumenical Council (Second Council of Nicaea) of 787. The *Life* is the only source documenting the uprising of iconodules against iconoclasts. John made an alliance with the *kourios* ofGothic against the *khagan* of Khazars, attacked the town of Doros which was in the hands of the *khagan*, was handed over to the latter by those living in a village, and imprisoned in Phoulloi. Thence John fled to the other shore of the Black Sea, to the Byzantine town of Amastris, where he spent four years before dying on June 26, 792. On June 29, his body was immediately returned to Parthenitai by ship. These accounts indicate that John enjoyed great fame in Gothia and elsewhere as a man of profound holiness during his lifetime.

Keywords: Bishop John the Gothic, Partenit, iconolatry, iconoclasm, ecumenical council, Khazars, khagan, Amastris

Acknowledgments: This article has been written as a part of the project supported by state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation FZEG-2025-0001 *Ethnic Transformations in the Crimea and the Tauria Steppe in the Middle Ages and the Modern Period.*

Житие Иоанна Готского признано источником достоверной информации об истории Юго-Западного Крыма в VIII в. Труд анонимного агиографа привлек внимание многих ученых, отмечавших его историческую ценность и хронологическую последовательность. Житие дополняет сведения константинопольских летописцев, помогает пролить свет на взаимоотношения Готии с хазарами [6, с. 65; 8, с. 130–154; 9, с. 400–427; 33, p. 39–43; 40, p. 89; 28, p. 80–83; 36, p. 115; 29, p. 161; 24, p. 69; 5, с. 173–175].

Текст довольно краткого Жития Святого Иоанна Готского на греческом и в переводе на латынь записан в Acta sanctorum [20, p. 184–194; 25, p. 125, 891] и в Константинопольском Синаксаре (Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae) [27, col. 772–774]. Новый фрагмент Жития выявлен в Синаксаре из Оксфорда [28, p. 80–83]. В последней четверти XIX в. в России напечатали греческий текст Жития и перевод на русский язык [8, с. 86–154; 9, С. 351–427; 15, с. 25–34]. М.-Ф. Озепи опубликовала другую версию греческого текста, его перевод на французский и библиографию средневековых манускриптов Жития [24, p. 78–85]. Принято считать, что Житие создали на южном побережье Черного моря в Амастриде во времена второго иконоборчества не ранее 815 г. и не позднее 843 г. [40, p. 89; 29, p. 161] или 845 г. [36, p. 115]. М.-Ф. Озепи аргументировала написание Жития вскоре после смерти его героя, скорее в 815, чем в 842 году [24, p. 69]. Герой Жития – историческая личность, о чем независимо свидетельствуют грузинские источники [33, p. 39–43]. Он упомянут в надписи на плите, найденной в вымостке пола Партенитской базилики. В надписи сообщается о возобновлении митрополитом города Феодоро и Готии Дамианом в 1427 г. храма Апостолов Петра и Павла, основанного «… архиепископом города Феодоро и всея Готии Иоанном Исповедником…» [14, с. 77, 78, № 70].

В данной статье автор цитирует изданный М.-Ф. Озепи более пространный текст Жития епископа Иоанна Готского и его перевод на французский [24, p. 78–85].

В главе 1 кратко описываются происхождение и родословная святого:

«1. Οὗτος ὁ ὅσιος πατὴρ ἡμῶν Ἰωάννης ἐπίσκοπος ἦν Γοτθίας ἐπὶ Κωνσταντίνου καὶ Λέοντος τῶν βασιλέων, ὁρμώμενος ἐκ τῆς περατικῆς τῶν Ταυροσκυθῶν γῆς, τῆς ὑπὸ τὴν χώραν τῶν Γότθων τελούσης, ἐμπορίου λεγομένου Παρθενιτῶν, Λέοντος καὶ Φωτεινῆς υἱὸς γεγονὼς. Οὗτινος Λέοντος ὁ πατὴρ ἐκ τοῦ λεγομένου Βοῶνος κατὰ τὸ Πολεμώνιον τοῦ Πόντου κειμένου ὑπῆρχε, καὶ ἐν τῷ θέματι τῶν Ἀρμενιακῶν βανδοφόρος γενόμενος.

Οὗτος ὁ ὅσιος Ἰωάννης καθαγιασθείς ὡς ὁ Ἱερεμίας καὶ Σαμουὴλ ὁλικῶς ἀφιερώθη τῷ θεῷ. Φωτεινῆς γὰρ τῆς μητρὸς τοῦ ὁσίου, εὐξαμένης τῷ θεῷ δοθῆναι αὐτῇ καρπόν, εἰς τὸ προσάξαι αὐτὸν λειτουργὸν Κυρίῳ, οὕτως συνέλαβεν αὐτόν. Τεχθεὶς δὲ καὶ αὐξηθείς, τὸν ἀσκητικὸν ἐκ σπαργάνων ἐπεσπάσατο βίον, ἔργῳ καὶ λόγῳ πᾶσαν ἀρετὴν κατορθώσας.

1. Cet homme-là, notre saint père Jean, était évêque de Gothie sous les empereurs Constantin et Leon ; il était originaire de la terre d`en face, des Tauroskythes – de celle qui dépend du pays des Goths, – de l`*emporion* appelé Parténitai, et il était le fils de ses parents, Léon et Phôteinè. Le père de ce Léon venait du lieu dit Bôon sis près de Polémonion du Pont et il était enseigne dans le thème des Arméniaques.

Ce saint personnage, Jean, avait été totalement consacré à Dieu comme Jérémie et Samuel car, comme sa mère avait prié Dieu que lui soit donné un fruit pour qu`elle l` offre comme serviteur au Seigneur, s` est ainsi qu`elle l` avait conçu. Une fois né, dans son enfance, il embrassa dès les langes la vie ascétique, conduisant toute vertu à l`accomplissement dans les paroles» [24, p. 78–79].

«Этот муж, наш святой отец Иоанн, был епископом Готии при императорах Константине и Льве. Он происходил из земли напротив, из тавроскифов – той, что относится к стране готов, – из города Партениты, и был сыном своих родителей, Льва и Фотины. Отец этого Льва происходил из местности под названием Боон, расположенной недалеко от Полемония Понтийского, и служил знаменосцем в феме Армениаков.

Этот святой муж, Иоанн, был полностью посвящен Богу, подобно Иеремии и Самуилу. Его мать молила Бога о даровании ей ребенка, чтобы принести его в дар Господу, и так он был зачат. С самого рождения, в младенчестве, он принял аскетический образ жизни, воплощая все добродетели в своих словах.» (перевод с французского на русский автора).

По рассказу агиографа Иоанн был епископом Крымской Готии во времена императоров Константина V Копронима (741–775 гг.) и Льва IV Хазарина (775–780 гг.). Однако, в гла-

вах 3, 4 и 5 описаны деяния епископа Готии в годы царствования малолетнего сына Льва IV Константина VI и его соправительницы императрицы Ирины.

Иоанн с детства вел аскетический образ жизни. В Житии впервые упомянуто «торжище Партениты» (ἐμπορίου λεγομένου Παρθενιτῶν) – портовый город в Готии. Поселение локализуют в котловине к востоку за горой Аю-Даг, с востока ограниченной холмами массива Тепелер [13, с. 66, 165, 166] и на террасах на восточном склоне Аю-Дага [16, с. 91, 92]. Родители Иоанна жили в Партенитах, а дед по отцовской линии служил знаменосцем (βανδοφόρος) в феме Армениакон (Ἀρμενιακόν). Родословная деда свидетельствует о тесной и непрерывной связи между Таврикой и Империей. В начале VIII века грек с византийского побережья, после завершения службы в местном ополчении, переселился на южный берег Крымской Готии, с начала VIII в. подчиненной хазарам [5, с. 167].

В 726 году император Лев III Исавр (717–741 гг.) поддержал противников почитания икон и приказал убрать икону Христа с Халкинских ворот (Chalke gate), а в 830 г. обнародовал эдикт, запретивший иконопочитание [39, p. 975]. В 754 г. император Константин V Копроним инициировал созыв Собора, поддержавшего иконоборчество.

В главе 2 описана борьба прихожан Готии с иконоборчеством:

«2. Ἐπὶ δὲ Κωνσταντίνου τοῦ βασιλέως, ὁ τηνικαῦτα Γοτθίας ἐπίσκοπος, μετάπεμπτος πρὸς τὴν τότε συναθροισθεῖσαν κατὰ τῶν ἱερῶν εἰκόνων σύνοδον, προκληθεὶς καὶ καθυπογράψας, Ἡρακλείας τῆς Θράκης μητροπολίτης ὑπὸ τοῦ βασιλέως κατέστη. Ὅθεν οἱ τῆς Γοτθίας ὀρθόδοξοι, μὴ κοινωνοῦντες τῇ κενοτομίᾳ τῆς ἀθέσμου συνόδου, ἀλλὰ μὴν καὶ ποιμένος ἄνευ ὑπάρχοντες, τοῦτον τὸν ὅσιον Ἰωάννην εἰς ποιμένα προεβάλλοντο. Ὁ δὲ πρῶτον μὲν ἐπὶ τὴν ἁγίαν πόλιν ἀπελθών, καὶ τρίτον ἐκεῖ διανύσας χρόνον καὶ πάντα τόπον ἅγιον καὶ θεοστιβῆ κατασπασάμενος, ὑπέστρεψεν. Εἶθ᾽ οὕτως ἐπὶ Ἰβηρίαν οἱ τῆς Γοτθίας πρὸς τὸν καθολικὸν θρόνον ἐξέπεμψαν· κἀκεῖσε χειροτονηθεὶς ἐπίσκοπος, τὰ δόγματα τῆς καθολικῆς ἐκκλησίας καὶ τὴν ὀρθὴν πίστιν ἄτρωτον διεφύλαξεν.

Γράφει οὖν διὰ Λογγίνου τοῦ διακόνου αὐτοῦ τῷ πατριάρχῃ Ἱεροσολύμων ποιῆσαι σύνοδον, καὶ ἀποσταλῆναι ὅρον πίστεως πρὸς αὐτόν. ὃ δὴ καὶ ἐποίησεν· ἐκ γὰρ παλαίας καὶ νέας διαθήκης καὶ πάντων τῶν ἐγκρίτων πατέρων ἀναδεξάμενοι χρήσεις περὶ τῶν ἱερῶν εἰκόνων καὶ τιμίων λειψάνων, καὶ τῶν πρεσβειῶν τῶν ἁγίων, ἐξέπεμψαν τῷ εἰρημένῳ ὁσίῳ.

2. Sous l'empereur Constantin l'évêque de Gothie du moment, convoqué au concile réuni alors contre les images sacrées et l'ayant, appelé par son nom, soussigné, fut établi métropolite d'Héraclée de Thrace par l`empereur. Du coup, les orthodoxes de Gothie, qui ne communiaient pas à la vaine doctrine de ce concile illicite et qui, de plus, se trouvaient sans pasteur, promouvaient ce saint homme de Jean pour pasteur. Mais lui, en étant d'abord parti pour la ville sainte, y étant resté trois ans et y ayant embrassé tout lieu saint et foulé par Dieu, s'en retourna et s'est ainsi qu'ensuit les gens de Gothie l'envoyèrent en Ibérie auprès du trône catholique ; ordonné là évêque, il garda sans atteinte les dogmes de l'église catholique et la foi droite.

Par le moyen de Longinos, diacre, il écrit donc au patriarche de Jérusalem de faire un concile et de lui en envoyer la définition de foi: ce qu'il fit. Ayant en effet choisi des citations de l'Ancien et du Nouveau Testament et des extraits de tous les pères qui font autorité, au sujet des images sacrées, des honorables reliques et des intercessions des saints, ils les envoyèrent au susdit saint homme» [24, p. 78–79].

«Во времена императора Константина епископ Готии того времени, вызванный на собор, собранный тогда против священных изображений, и подписавший [нотицию], будучи назван по имени, был назначен императором митрополитом Гераклеи Фракийской. В результате, православные, Готии не разделявшие тщетное учение этого незаконного собора и к тому же оставшиеся без духовного наставника, выдвинули этого святого человека, Иоанна в пастыри. Но он, прежде отправившись в святой город, пробыв там три года и посетив все святые места, по которым ступал Бог, вернулся обратно. И вот как случилось, что жители Готии отправили его в Иверию к католическому престолу; там он был рукоположен в епископы и непоколебимо хранил догматы католической церкви и истинную веру.

Через диакона Лонгина он написал патриарху Иерусалимскому с просьбой созвать собор и прислать ему определение веры, что и было сделано. Собрав цитаты из Ветхого и Нового Заветов, а также выдержки из трудов всех авторитетных Отцов Церкви, касающиеся священ-

ных изображений, почитаемых мощей и ходатайства святых, они отправили их упомянутому святому мужу».

В цитированной главе идет речь об уже существовавшей во время созыва в 754 г. иконоборческого собора Готской епархии с кафедрой в Дороссе. Участвовавшего в соборе предшественника Иоанна за поддержку иконоборчества император Константин V возвел в сан митрополита Гераклеи Фракийской [24, p. 78–80; 2, с. 617–618]. Однако православные Готии отвергли решения синода и избрали своим пастырем Иоанна. Он не мог получить посвящение в епископы у иконоборческого патриарха в Константинополе и поэтому после 754 г. Иоанн уехал в Иерусалим на три года для посещения святых мест. Он вернулся в Готию около 758 г. Её жители отправили его в Иверию, чтобы Иоанн получил посвящение от иконопочитателя, позволявшее ему сохранять догматы ортодоксальной церкви в чистоте. Согласно грузинскому Житию св. Георгия Святогорца, католикос (архиепископ) Иверии в своей резиденции в патриаршем храме в Мцхете рукоположил Иоанна в епископы Готии [8, с. 136]. А. А. Васильев отнес рукоположение Иоанна к 759 г. [40, p. 90].

В главе 3 агиограф описал изменение отношения к Иоанну в Константинополе. В 776 г. малолетний сын Льва IV Константин был коронован как соправитель. В 780 г. после смерти Льва IV его жена императрица Ирина, в качестве регентши своего десятилетнего сына Константина VI, стала полновластной правительницей [10, с. 88; 11, с. 62–63]. В тот же год епископ Иоанн Готский послал соборное постановление Иерусалимского синода тогдашнему патриарху Павлу: «ἀπέστειλε τὸν αὐτὸν τόμον Παύλῳ τῷ ἁγιωτάτῳ τῷ τηνικαῦτα πατριάρχῃ» [24, p. 80–81]. Затем по разрешению сторонницы иконопочитания августы Ирины Иоанн приехал в Константинополь и свободно высказался за возвращение священных икон в святой православной церкви «τῶν ἱερῶν εὐκόνων ἐν τῇ ἁγίᾳ καθολικῇ ἐκκλησίᾳ». Он в 784 г., возможно, встретился с патриархом Павлом (780–784 гг.) и вернулся в Готию. Агиограф писал, что: «μέλλων δὲ τελευτᾶν Παῦλος ὁ ἁγιώτατος πατριάρχης, τὸν σκοπὸν ἔχων τοῦ ὁσίου, κατῆλθεν ἐκ τοῦ πατριαρχείου καὶ γέγονε μοναχὸς εἰς τὴν μονὴν τῆς ἁγίας Θεοτόκου τῶν Φλώρου καὶ καθώρκισε τὴν αὐγούσταν ποιῆσαι τὸ σφάλμα. – Sur le point de mourir, Paul le très saint patriarche, ayant à l'esprit le projet du saint homme, quitta le patriarcat et devint moine au monastère de la saint Théotokos tôn Phlorou et il jura à l'impératrice qu'il avait fait une faute» [9, с. 396–397; 40, p. 90; 24, p. 80–81]. – «Святейший патриарх Павел, предчувствуя свой конец и помня о замысле святого мужа, покинул патриарший престол и принял монашеский постриг в обители святой Богородицы Флорской. Он поклялся императрице, что совершил ошибку.». Агиограф считал влияние епископа Иоанна Готского причиной принятия перед своей смертью патриархом Павлом удивившего всех решения оставить патриархию, уйти в монастырь Богородицы Флоров и призвать императрицу отменить иконоборчество. По словам агиографа, «Ταράσιος δὲ ὁ πρωτοασηκρήτης, – προβληθεὶς μετὰ τὴν κοίμησιν τοῦ μακαρίου Παύλου τοῦ πατριάρχου, ὃς καὶ ὑπ' αὐτοῦ ἐμαρτυρήθη, γενέσθαι πατριάρχης, οὐχ εἵλατο δὲ βαρῆναι, ἕως ἂν ὑπέσχοντο οἱ βασιλεῖς ποιῆσαι τὴν εἰρημένην σύνοδον. – Alors Tarasie, le *prôtoasèkrètis,* un homme pieux et vertueux, promu après l'endormissement du bienheureux patriarche Paul et qui avait été, par lui aussi, reconnu comme, futur patriarche, n'accepta pas la tonsure jusqu'à ce que les empereurs aient promis de faire le le dit concile» [24, p. 80–81]. – «Тарасий, протоирей, человек благочестивый и добродетельный, был назначен после кончины блаженного патриарха Павла, который также признал его будущим патриархом. Он не принял постриг до тех пор, пока императоры не пообещали созвать упомянутый собор». По словам агиографа, на созыве в 787 г. в Никее VII Вселенского собора настоял иконопочитатель Тарасий. На соборе сторонники иконопочитания смогли избрать своего единомышленника протоирея Тарасия новым патриархом.

В главах 4 и 5 хорошо задокументирована роль епископа Иоанна в борьбе Готии с хазарами и освещены последние годы его жизни:

«4. Ὁ δὲ ὅσιος οὗτος ἐπίσκοπος Ἰωάννης μετὰ ταῦτα ὑπὸ τοῦ ἰδίου λαοῦ τοῖς ἄρχουσι τῶν Χαζάρων ἐξεδόθη, διὰ τὸ συσταθῆναι αὐτῷ τῷ κυρῷ τῆς Γοτθίας καὶ τοῖς ἄρχουσιν αὐτοῦ καὶ παντὶ τῷ λαῷ πρὸς τὸ μὴ κατακυριοῦσαι τῆς χώρας αὐτῶν τοὺς εἰρημένους Χαζάρους. Ἀποστείλας γὰρ ὁ Χαγάνος, παρέλαβεν τὸ κάστρον αὐτῶν τὸ λεγόμενον Δορός, θέμενος ἐν αυτῷ φύλακας ταξάτους, οὓς καὶ ἐξεδίωξεν ὁ εἰρημένος ὅσιος ἐπίσκοπος μετὰ τοῦ λαοῦ αὐτοῦ, καὶ τὰς κλησούρας ἐκράτη-

σεν.’’Οθεν εἰδόντες τὸν ἀρχιερέα ὑπὸ ἑνὸς χωρίου παραδοθέντα προσέφυγον τῷ Χαγάνῳ· καὶ τῷ μὲν κυρῷ Γοτθίας ἐφείσατο, δεκαεπτὰ δὲ δούλους ὁ Χαγάνος ἐκούρασεν ἀναιτίους. ΄Ο δὲ ὅσιος παραφυλαχθεὶς ἠδυνήθη διαδρὰς ἀντιπεράσαι εἰς Ἄμαστριν, τὴν φιλόχριστον πόλιν·

Cet homme-là, le saint évêque Jean, fut après cela livré par son propre peuple aux archontes des Khazaras parce qu`il s`était allié au *kyros* de Gothie, à ses archontes et à tout le peuple (τῷ λαῷ) afin que les dits Khazaras ne dominent pas leur pays. Car, ayant envoyé (s.e. des hommes), le Khagan avait pris leur *kastron* nommé Doros, y plaçant des gardes en garnison, ceux-là même aue le dit saint évêque chassa avec son peuple (armée, τοῦ λαοῦ), et il tint les défilés (*kleisourai*). Du coup, sachant que l’archevêque avait été livré par un village, its se réfugièrent auprès du Khagan : s`il épargna le *kyros* de Gothie, le Khagan mit à mort 17 de ses sujets innocents. Quant au saint, que était sous bonne garde, il put s`échapper et passer en face à Amastra, la ville qui aime le Christ».

«Этот человек, святой епископ Иоанн, впоследствии был выдан своим собственным народом архонтам хазар, потому что он вступил в союз с господином Готии, его приближенными и всем народом (τῷ λαῷ), чтобы хазары не господствовали над их землей. Ведь каган, отправив своих людей, захватил их крепость под названием Дорос, разместив там гарнизон. Именно этих стражников святой епископ вместе со своим народом изгнал, и он удерживал перевалы. Узнав, что архиепископа выдал один из поселков, они бежали к кагану. Если он и пощадил правителя Готии, то каган казнил семнадцать невинных подданных. Что же касается святого, который находился под надежной охраной, то он смог сбежать и перебраться в город Амастриду, любящий Христа».

«5. Κᾀκεῖ ἐπὶ τετραετῆ χρόνον περιαγόμενος, ἀκούσας τὴν τελευτὴν τοῦ Χαγάνου, ἔφη· “κᾀγώ, ἀδελφοί, μετὰ τεσσαράκοντα ἡμέρας ἀπέρχομαι δικάσασθαι μετὰ τοῦ διώκτου μου ἔμπροσθεν τοῦ κριτοῦ καὶ θεοῦ”.

Καὶ οὕτως τῇ τεσσαρακοστῇ ἡμέρᾳ διδάσκων τὸν τοῦ θεοῦ λόγον, καὶ τὰ πρὸς σωτηρίαν παραινῶν πᾶσιν, εἰς χεῖρας θεοῦ τὸ πνεῦμα παρέθετο· καὶ αὐτίκα τὸ πλοῖον αὐτοῦ καταλαβόν, κατὰ τὴν αὐτοῦ πρόρρησιν, ἐμβαλλόμενοι αὐτὸν εἰς γλωσσόκομον, Γεωργίου τοῦ ἁγιωτάτου ἐπισκόπου Ἀμάστριδος, καὶ πάσης τῆς πόλεως αὐτοῦ μετὰ θυμιαμάτων καὶ κηρῶν προπεμψαμένων αὐτὸν ἕως τοῦ πλοίου· καὶ οὕτως ἀντεπέρασεν εἰς τὸ μοναστήριον αὐτοῦ, τὸ ἐπονομαζόμενον τῶν ἁγίων Ἀποστόλων, εἰς Παρθενίτας, καὶ κατετέθη ἐκεῖσε. ὅπερ καὶ θαῦμα γέγονεν ἐν τῇ ταχύτητι τοῦ περάματος αὐτοῦ. τῇ γὰρ εἰκάδι ἕκτῃ τοῦ Ἰουνίου μηνὸς κοιμηθέντος αὐτοῦ, καὶ τῇ εἰκάδι ἑβδόμῃ ἀπάραντος, τῇ εἰκάδι ἐννάτῃ εἰς τὴν πανυχίδα ἔφθασε τῶν ἁγίων Ἀποστόλων ἐν τῷ μοναστηρίῳ, ὅπερ μοναστήριον πᾶσιν εὐκοσμίας κτίσεώς τε καὶ ἱερῶν σκευῶν, καὶ βιβλίων παντοίων κατακοσμήσας ὁ ὅσιος, ὁσίων μοναχῶν πληθὺν ἐγκατέστησεν.

Après 4 ans passés là, ayant entendu dire que le Khagan était mort, il dit:

— “Moi aussi, frères, dans 40 jours je m`en vais être jugé avec mon persécuteur devant le juge et Dieu.”

Et ainsi, le quarantième jour, enseignant la parole de Dieu et conseillant à tous ce qui mène au salut, il a rendu le souffle dans les mains de Dieu. Et aussitôt, son bateau arrivant selon sa prédiction, ils le placèrent dans un cercueil et, alors qui Georges, le très saint évêque d’Amastris, et toute sa ville l`avaient précédé en grande pompe avec de l’encens et des cierges jusqu’au bateau, c’est ainsi qu’il est passé en face dans son monastère au vocable des Saints-Apôtres à Parthenitai et qu’il a été déposé là. La rapidité de sa traversée est déjà un miracle: alors qu’il s’était endormi le 26 du mois de juin et qu’il avant quitté le port le 27, il était arrivé le 29 pendant la veillée (pannychis) des Saints-Apôtres au monastère, monastère où le saint homme, après l’avoir paré d’une construction, de vases sacrés et de livres variés de toute beauté, avait établi une foule de saints moines».

«Проведя там четыре года и услышав о смерти кагана, он сказал:

— Братья, и я через сорок дней предстану на суд вместе со своим гонителем перед судьей и Богом.

И вот, на сороковой день, проповедуя слово Божие и наставляя всех на путь спасения, он предал дух в руки Божии. И тотчас, как и предсказывал, прибыл его корабль. Его поместили в гроб, и тогда, когда святейший епископ Амастридский Георгий и весь город с великой торжественностью, с фимиамом и свечами проводили его до корабля, он переправился на противоположный берег, в свой монастырь во имя Святых Апостолов в Партенитах, и там

был погребен. Скорость его переправы сама по себе чудо: он уснул 26 июня, покинул порт 27-го, а прибыл 29-го, в канун праздника Святых Апостолов, в монастырь, который этот святой муж, украсив постройками, священными сосудами и множеством прекрасных книг, населил сонмом святых монахов».

Следуя логике повествования в главах 3 и 4, можно предположить, что каган ввел хазарский военный отряд в находящуюся на плато Мангуп крепость, называемую Дорос, в 787 г. Вероятно, каган попытался воспрепятствовать возвращению Климатов в состав империи и их подчинению Херсону в правление Льва IV (775–780 гг.). В сочинении Феофана Исповедника (Θεοφάνοης Ὁμολογητὴς) сообщается об имперской страже в Климатах Херсона. Император в 776 г. после подавления мятежа брата Никифора наказал восставших: «Василевс высек мятежников, остриг их и выслал в Херсон и Климаты под стражу и для безопасности – ὁ δὲ βασιλεὺς τοὺς μὲν νεωτερίσαντας δείρας τε καὶ κουρεύσας ἐξώρισεν εἰς Χερσῶνα καὶ τὰ κλίματα ὑπὺ παραφυλακὴν καὶ ἀσφάλειαν» [37, S. 450–451; 19, c. 46, 69].

Хазары сохранили существовавшую в Готии администрацию и не вмешивались в религиозную жизнь. В главе 4 упомянуты χώρας τῶν Γότθων (страна Готов), её столица, κάστρον Δορός – крепость Дорос, κλησούρας – клисуры (проходы по горным ущельям), τῷ κυρῷ τῆς Γοτθίας, ἄρχουσιν, τῷ λαῷ (господин Готии, его архонты и простой народ). Должность «господин» – κύριος τῆς Γοτθίας отсутствует в византийских табелях о рангах. Следует отметить, что лишь в этой главе шла речь о крестьянах – τῷ λαῷ, δὲ δούλους (народе или рабах) [24, p. 78–81; 2, с. 617–618; 3, с. 218–219].

По определению А. П. Каждана, византийцы в рассказах о первой четверти IX в. лексемой κάστρον именовали как большие и маленькие поселения Фракии и Македонии, так и приграничные и другие крепости и города, например, Авидос и Адрианополь [12, с. 176]. Он считает лексемы κάστρον, πόλις и πόλισμα взаимозаменяемыми [39, p. 1692]. По заключению М. Я. Сюзюмова, центральная власть признавала κάστρον городом (πόλις и πόλισμα), в котором выполнялись какие-либо управленческие (государственные и церковные) функции. По его мнению, поскольку в обстановке постоянной военной опасности ни один город не мог существовать без солидных укреплений, равно как ни один военный центр не мог обходиться без соответствующего развития экономики, то в терминологии источников VII – середины IX в. наименования «кастрон» и «полис» переплетаются [17, с. 40].

По словам автора жития, после состоявшегося в 787 г. в Никее VII Вселенского собора, восстановившего иконопочитание, епископ Готии был выдан хазарским властителям. Епископ Иоанн примкнул к заговору «τῷ κυρῷ τῆς Γοτθίας καὶ τοῖς ἄρχουσιν αὐτοῦ – господина Готии и ее архонтов» и ее народа против захвата хазарами Готии. Каган ввел «τὸ κάστρον αὐτῶν τὸ λεγομένον Δόρος – в крепость, называемую Дорос» хазарский военный отряд. Не смирившиеся с этим, епископ Готии Иоанн и его паства изгнали хазар из Дороса и «завладели горными проходами – τὰς κλεισούρας ἐκράτησεν». Жители одного селения предали архиерея хазарам. Каган пощадил господина Готии, но казнил «семнадцать рабов – δεκαεπτὰ δὲ δούλους». Возможно, рабами названы крестьяне. Иоанна же отправили в хазарскую тюрьму в Фулы, из которой он бежал в Амастриду, где через четыре года скончался. Епископ Амастриды святой Георгий возглавлял торжественную процессию по отправлению мощей святого Иоанна на родину в Партениты, к месту погребения в монастыре св. Апостолов Петра и Павла [9, с. 396–398; 40, p. 89–90; 24, p. 78–81].

Изложенная в Житии последовательность событий не согласуется с содержанием нотиций VII Вселенского (II Никейского) собора 787 г. Протоколы первого и третьего заседаний собора подписал монах Кирилл, по поручению епископа Готии Никиты «Κύριλλος μοναχός καῖ τοποτηρητής Νικήτα έπισκόπου Γοτθίας…» [34, col. 993–994, C; 35, col. 384 B], а решение четвертого заседания монах Кирилл подписал за епископа Готии Иоанна «Κύριλλος μοναχός και έκ προσώπου Ἰωάννου επισκόπου Γότθων…» [35, col. 384]. В протоколах седьмого заседания в подписи Кирилла «Κύριλλος αμαρτωλός μοναχός και τόν τόπον έπέχων Νικοπόλεως έπισκόπου Γοτθίας» вместо имени представляемого им епископа написано название города Никополь. В латинском переводе Анастасия имя епископа исправлено на Niceri [35, col. 383–384]. В. Г. Васильевский не сомневался в точности и наилучшей сохранности под-

писи Иоанна в протоколах четвертого заседания [9, с. 416]. По его предположению, в протоколе седьмого заседания по ошибке вместо имени епископа Никиты вписали название города [9, с. 415–416]. По мнению А. А. Васильева, упоминание в актах двух епископов отражает существовавшую в Готии ситуацию. Поскольку в 786 и 787 гг. Иоанн находился в хазарской тюрьме, то его представил монах Кирилл. Но вскоре Никита вместо Иоанна занял епископскую кафедру в Готии. У Никиты имелось достаточно времени, чтобы прибыть в Константинополь и принять участие в соборе [40, p. 91–92]. По словам Ж. Даррузэ, епископом Готии был либо Иоанн, либо Никита [26, p. 19]. М.-Ф. Озепи, отметив, что подписи в актах Никейского собора фиксируют двух епископов Готии – Иоанна и Никиту, согласилась с предложенным А. А. Васильевым объяснением этого факта [22, p. 275–276].

Как установил изучавший протоколы Э. Ламберц, протоколы VII Вселенского (II Никейского) собора 787 г. подписал монах Кирилл по поручению епископа Готии (ἐπίσκοπου Γοτθίας) Никиты. Он вполне справедливо счел подпись Иоанна ляпсусом. Имя Иоанна в одном из протоколов, скорее всего, заимствовано в более позднее время из текста Жития Святого Иоанна Готского и вписано в нотицию [30, S. 31, 46, 47]. Учитывая вывод Э. Ламберца, следует предположить, что Иоанн отсутствовал на заседаниях собора, поскольку он уже находился в хазарской тюрьме. Очевидно, епископ Иоанн участвовал в восстании против хазар не по окончании заседаний VII Вселенского собора, а до его созыва. Восстание против хазар могло произойти в период после возвращения Иоанна из Константинополя в 784 г. и до созыва VII Вселенского собора в 787 г. Новым епископом Готии стал Никита. Его и представлял на заседаниях собора монах Кирилл [2, с. 619; 3, с. 218–218; 21, S. 196].

М.-Ф. Озепи и К. Цукерман предложили другую дату восстания. Согласно тексту Жития, Иоанн вернулся на кафедру Готии после того, как по разрешению императрицы Ирины встретился в Константинополе с патриархом Павлом (незадолго до его кончины в 784 г.) для дискуссии о возврате к иконопочитанию [9, с. 410–412]. По мнению М.-Ф. Озепи, Иоанн отправился в Константинополь не для дискуссии об иконах (чей возврат он вряд ли ожидал), а для обсуждения вооруженного конфликта, который противопоставил Готию Хазарии [23, p. 328–329; 24, p. 74]. По утверждению К. Цукермана, Житие представляет события таким образом, что понять их становится сложным. По его предположению, восставшие против хазар правители Готии рассчитывали на помощь Византии. За ней Иоанн в 784 г. и отправился в Константинополь, но в своей миссии не преуспел, и после его возвращения в Готию ее народ сдал Иоанна хазарам. Византия, отказавшись поддержать восставших, избежала напряженности в отношениях с хазарским каганатом. К. Цукерман считает признание VII Вселенским собором преемника Иоанна, Никиты, законным архиепископом Готии первым признаком разрядки византийско-хазарских отношений [18, с. 417–418]. Однако в тексте Жития отсутствуют какие-либо основания для предположений К. Цукермана и датировки восстания 784 г.

Вторая часть Жития Святого Иоанна посвящена чудесам. В ней содержатся сведения о чудесах, свершившихся после кончины святого, а также имеющая историческое значение информация.

В главе 6 агиограф рассказывает о судьбе ученика Иоанна диакона Лонгина, спасенного Иоанном от распятия сарацинами.

«6. Οὗτος ὁ ὅσιος ἀνὴρ πολλοῖς χαρίσμασι διὰ πίστεως καὶ πράξεως κοσμιθείς, τὰ πόρρω καὶ τὰ μέλλοντα θεόθεν ἀποκαλύπτετο καὶ ἐλάλει.

Λογγῖνος γάρ, ὁ μαθητὴς αὐτοῦ, ὑποστρέφων ἐκ τῆς ἁγίας πόλεως Ἱερουσαλήμ, καὶ ὑπὸ τῶν Σαρακηνῶν κρατηθεὶς καὶ σταυρῷ ὑψωθείς, τοῦ ὁσίου τὴν εὐχὴν ἐπικαλεσάμενος, ἐφάνη αὐτῷ ὀφθαλμοφανῶς ὁ πατήρ, καὶ αὐτίκα ὁ πρωτονοτάριος τοῦ Ἀμηρέου πεντακόσια δοὺς μιλιαρίσια, τοῦτον κατήγαγε καὶ ἀπέλυσε. καὶ αὖθις ὑπὸ ἑτέρων κρατηθείς, τῷ ὁσίῳ ἐντυγχάνων καὶ δεόμενος τοῦ ῥυσθῆναι, ἄφνω τῶν σιδήρων ἐκ τῶν ποδῶν αὐτοῦ ἐκπεσόντων, διεσώθη·

Καὶ τῶν μαθητῶν αὐτοῦ τῶν ὄντων ἐν τῇ φυλακῇ, ἐν ᾗ παρεφυλάττετο ὑπὸ τῶν Χαζάρων, φυγόντος αὐτοῦ εἰς Ῥωμανίαν, κρατηθέντων, καὶ τῷ Χαγάνῳ παραστάντων, καὶ κουρασθῆναι ὑπ᾽ αὐτοῦ ὁρισθέντων, τῇ τοῦ ὁσίου εὐχῇ ἀπελύθησαν ὑγιεῖς· φήσαντος τοῦ Χαγάνου, ὅτι οὗτοι πταῖσμα οὐκ ἔχουσιν. ὅθεν τῇ αὐτῇ ὥρᾳ, ὅτε παρέστησαν τῷ Χαγάνῳ, ὁ ὅσιος ἐν Ἀμάστριδι τὸν

κανόνα τελέσας τοῦ ὄρθρου, καὶ ἔξω τῆς ἐκκλησίας ἐκτείνας τὰς χεῖρας ἦν εὐχόμενος ἕως ὥρας τρίτης· ὥστε ἐπὶ πῆχυν ἕνα ὁραθῆναι αὐτὸν κρεμασθέντα, καὶ ἐρωτηθεὶς παρὰ τοῦ γνησίον αὐτοῦ μαθητοῦ τίνος χάριν ἐξέτεινε τὴν εὐχήν, ἔφη ὅτι τῇ ὥρᾳ ἐκείνῃ, τέκνον, οἱ ἀδελφοὶ ἡμῶν τῷ Χαγάνῳ παρέστησαν, καὶ ὁ ἀγαθὸς καὶ ἐλεήμων θεὸς ἐρρύσατο αὐτοὺς ἐκ θανάτου.

Ce saint homme, paré de nombreux charismes par la foi et par les actes, recevait de Dieu la révélation de ce qui est au loin et de qui est à venir et il le disait.

De fait, Longinos, son disciple, au retour de la ville saint de Jérusalem, pris par les Sarrasins et mis en croix, ayant appelé à son secours la prière du saint, le père parut devant ses yeux et aussitôt le protonotaire de l'émir, qui avait donné 500 miliaresia, le fit descendre et libéra, et à nouveau pris par d'autres et mis aux fers, en appelant au saint et lui demandant qui le danger soit écarté, aussitôt comme les fers tombaient de ses pieds, il était sauvé.

Et quand ses disciples, ceux qui étaient dans la prison où il était gardé par les Khazars au moment où il avait fui en Romanie, furent pris et présentés au Khagan et condamnés à mort par lui, ils furent, sur la prière du saint, relâchés sains et saufs, car le Khagan dit qui "ceux-là n'ont pas de faute". Mais en fait, à l'heure même où ils se tenaient devant le Khagan, le saint qui avait célébré à Amastris l'office de mâtines (orthros) était resté à prier à l'extérieur de l'église en étendant les mains jusqu' à la troisième heure de sorte qu'on l'a vu suspendu d'une coudée et, questionné par son fidèle disciple pour savoir pour qui il faisait la prière, il dit que "à cette heure-là, enfant, nos frères étaient face au Khagan et Dieu bon et miséricordieux les a arrachés à la mort" ».

«Этот благочестивый муж, одаренный многими харизмами веры и добрых дел, получал от Бога откровение о том, что в отдалении, и о том, что грядет, и предсказывал это.

Так, Лонгин, его ученик, возвращаясь из святого города Иерусалима, был схвачен сарацинами и распят. Воззвав к молитве святого, он увидел перед собой своего наставника. Тут же протонотарий эмира, заплативший пятьсот милиярсиев, снял его с креста и освободил. Вскоре Лонгин снова был схвачен другими и закован в цепи. Когда он вновь обратился к святому с мольбой об избавлении от опасности, оковы тут же спали с его ног, и он был спасен.

Когда его учеников, находившихся в тюрьме, где его держали хазары в то время, когда он бежал в Романию, схватили и представили кагану, который приговорил их к смерти, они были отпущены невредимыми по просьбе святого. Каган сказал, что «они не виновны». На самом деле, в тот самый час, когда они стояли перед каганом, святой, совершивший утреню в Амастриде, остался молиться снаружи церкви, простирая руки до третьего часа, так что его видели висящим на локоть. На вопрос верного ученика, за кого он молится, он ответил: «В этот час, дитя мое, наши братья стояли перед каганом, и Бог, добрый и милосердный, вырвал их из смерти».

«7. Μοναχός τις, Βασίλειος τοὔνομα, μαθητὴς τοῦ ὁσίου, ἐᾶσαι αὐτὸν καὶ ἀναχωρῆσαι πολεμηθείς, καὶ μὴ τολμῶν ἀναθέσθαι τὸν λογισμὸν αὐτοῦ καὶ ἀπολυθῆναι, τοῦτον διήλεγξεν ὁ ἅγιος τρόπῳ τοιῷδε. ἐν Κουρασαΐτοις τῷ ἐμπορίῳ ἀναπαυόμενος εἰς ἐκκλησίαν ἦν ὁ ὅσιος, ἐν ᾗ ἔνδον ὑπῆρχεν μνήματα πλεῖστα· ὁ δὲ ταῖς νυξὶν ἀνιστάμενος καὶ εὐχόμενος, τούτοις ὥσπερ ζῶσιν διελέγετο, καί τις τῶν μαθητῶν τοῦ ὁσίου ἀκήκοε τῶν νεκρῶν φωνῇ ἀποκρινομένων καὶ συλλαλούντων τῷ δικαίῳ.

Πάλιν τε ἐν ἑτέρᾳ νυκτὶ εὐχόμενος ὁ ὅσιος, ἔφη πρὸς τοὺς κειμένους νεκρούς.

— «΄Εως πότε, ἀδελφοί, κατάκεισθε καὶ οὐ λαλεῖτε ἰδοὺ Βασίλειος ὁ μαθητής μου νεκρός ἐστι, καὶ λαλεῖ |

Καὶ τοῦτο γρηγορῶν ὁ Βασίλειος ἀκούσας, ἔγνω ὅτι τὰ βεβουλευμένα αὐτῷ ἀπεκαλύφθη τῷ θεοφόρῳ πατρί· καὶ πεσὼν εἰς τοὺς πόδας αὐτοῦ, τὰ ἐν τῇ καρδίᾳ αὐτοῦ πάντα διήγγειλε, καὶ τούτων τὴν συγχώρησιν ᾔτησεν.

Il y avait un moine, du nom de Basile, disciple du saint, qui était attaqué par l'idée de l'abandonner et de se retirer, mais qui n'osait pas faire part de sa mauvaise pensée et être libéré. Le saint le convainquit de la manière suivante: à Kourasaïtoi, qui est un *emporiuon,* le saint se reposait dans l'eglise à l'intérieur de laquelle se trouvaient de nombreuses tombes. Se levant la nuit et priant pour eux, il leur parlait comme à des vivants et un des disciples du saint a entendu les morts répondre de vive voix et parler avec le juste.

À nouveau en prière une autre nuit, le saint dit aux morts gisant là:

«Jusqu'à quand, frères, restez-vous gisants et ne parlez point? Regardez Basile, mon disciple, il est mort et il parle!»

Et Basile, qui veillait, en entendant cela, sut qui veillait, en entendant cela, sut que son projet avait été révélé au père théophore et, tombant à ses pieds, il fit connaître au saint ce qu'il avait dans le cœur et demanda pardon pour cela».

«Жил-был монах по имени Василий, ученик святого. Его терзала мысль оставить своего наставника и уйти, но он боялся признаться в своем греховном помысле и обрести покой. Святой же убедил его следующим образом: в Курасаите, торговом городе, святой отдыхал в церкви, где находилось множество гробниц. Ночью он вставал и молился за усопших, обращаясь к ним, как к живым. Один из учеников святого услышал, как мертвые отвечают вслух и беседуют со праведником.

В другую ночь, вновь в молитве, святой обратился к лежащим там мертвым:

«Доколе, братья, будете вы лежать и молчать? Посмотрите на Василия, моего ученика, он мертв, но говорит!»

Василий же, бодрствовавший в это время, услышав это, понял, что его замысел открылся богоносцу-отцу. Он пал к его ногам, поведал святому о том, что терзало его сердце, и испросил прощения.!»

«8. Ἐν δὲ τῇ φυλακῇ τῶν Φούλων τοῦ ὁσίου καθεζομένου, ὁ κύριος τῶν αὐτῶν Φούλων ἐλθών, ἔρριψεν εἰς τοὺς πόδας αὐτοῦ τὸ παιδίον αὐτοῦ, τετραυματισμένων [λεγε· τετραυματισμένον] ἀπὸ κεφαλῆς ἕως ποδῶν, ὥστε μὴ ὁρᾶσθαι αὐτῷ εἰκόνα περικεῖσθαι ἀνθρώπου· τοῦτο σφραγίσας καὶ βαπτίσας καὶ ἀγκάλαις δεξάμενος, αὐτίκα ἐκαθαιρίσθη. ἕτερός τις, ἀδίκως ἐπιμεμφόμενος τῷ ὁσίῳ, ὡς αἰτίῳ γενομένῳ τοῦ παραδοθῆναι τῷ Χαγάνῳ τὸ κάστρον τῆς Γοτθίας, καὶ τῶν ἀδίκως ἀποθανόντων, ἅρας τὸν πόδα αὐτοῦ πρὸς τὸ ἐπικαθίσαι τῷ ἵππῳ διαμεμφόμενος, πρηνὴς πεσὼν ἐξέψυξε. Δύο τινὲς διαμαχόμενοι πρὸς ἀλλήλους περὶ οἴνου ὄντος ἐν πίθῳ καὶ μὴ εἰρηνεύσαντες, μεσιτεύσαντος τοῦ ὁσίου, ἀπελθόντες εὗρον τὸν φιλονεικούμενον οἶνον ἐν τῷ πίθῳ παγέντα, καὶ τοῦτον ὡσεὶ τυρὸν κατακόψαντες, ἔξω ἔβαλον.

Comme le saint était assis dans la prison de Phoulai, le seigneur (kyros) de ce même Phoulai entrant, jeta à ses pieds son enfant, blessé de la tête aux pieds de sorti qu'il n'avait plus figure humaine : l'ayant signé, baptisé et serré sur sa poitrine, il fut aussitôt purifié.

Un autre, qui accusait injustement le saint d'être responsable du fait que le kastron de Gothie avait été livré au Khagan et d'être aussi responsable de ceux qui étaient mort injustement, se prenant le pied au moment de monter en selle, tombant en avant tout en médisant, rendit l`âme.

Deux hommes, qui se disputaient à propos d'un vin qui était dans un pithos, et qui n's'étaient pas calmés malgré la médiation du saint, s'en allant, trouvèrent le vin objet de la dispute gelé dans le pithos, et l'ayant découpé comme du fromage, ils le jetèrent dehors».

«Когда святой сидел в тюрьме Фул, правитель этих же Фул, войдя, бросил к его ногам своего ребенка, раненого с головы до ног так, что тот уже не имел человеческого облика. Святой осенил его крестным знамением, крестил и прижал к груди, и ребенок тут же исцелился.

Другой человек, несправедливо обвинявший святого в том, что тот виновен в сдаче крепости Готии хагану и в гибели невинных людей, споткнулся, садясь на коня, и, падая вперед, продолжая клеветать, испустил дух.

Два человека, спорившие из-за вина в пифосе и не успокоившиеся даже после увещеваний святого, ушли, но нашли вино, ставшее предметом их спора, замерзшим в пифосе. Они разрезали его, как сыр, и выбросили.».

По утверждению агиографа, возвращавшийся из Иерусалима диакон и ученик Иоанна Лонгин дважды обращался к святому образу Иоанна. Первый раз Лонгин избежал распятия сарацинами, а второй раз после молитвы с него в тюрьме сняли кандалы. Позже, когда некоторые из его учеников должны были быть казнены каганом, святой человек, находившийся тогда в Амастриде, с помощью молитвы, столь сильной, что он приподнялся на локоть над землей, добился того, что каган признал невиновность заключенных и освободил их. И когда его ученики, находившиеся в темнице, где он содержался у хазар, когда бежал в Византию, были схвачены и представлены кагану, который осудил их на смерть, они, по молитве святого, были отпущены целыми и невредимыми, ибо каган сказал, что «они без греха». Находясь

в плену у хазар в Фулах, он вылечил больного ребенка правителя Фул. В церкви в торжище (эмпории) Курасаиты святой ночью и беседовал с погребёнными в гробницах как с живыми.

В Житии фигурируют два топонима. Поселение Фулы А. Л. Бертье-Делагард, А. А. Васильев и другие локализовали на Чуфут-Кале [7, с. 91, 127; 40, p. 98]. Как явствует из текста Жития Святого Иоанна Готского, Фулами был приморский город, которым управлял хазарин, назначенный каганом. В тексте жития «ὁ κύριος τῶν αὐτῶν Φούλων – правитель (господин) тех же самых Фул» освобождает из хазарской тюрьмы Святого Иоанна и позволяет ему уплыть корабле в Амастриду [24, p. 84–85]. Поскольку Чуфут-Кале расположен далеко от моря в горах, то Фулы следует локализовать на холме Тепсень в современном Коктебеле [1, с. 215]. Курасаиты В. Г. Васильевский, вслед за П. И. Кёппеном, отождествлял с Горзубитами [13, с. 177, 178; 8, с. 151].

По утверждению М.-Ф. Озепи, впечатление, оставленное Житием, состоит в том, что Иоанн воспользовался особым положением Готии, находящейся под двойным влиянием, далеким от империи и близким от хазар, чтобы создать княжество вокруг Партенит. Она считала управляемое епископом княжество, безусловно, церковным. Епископ Иоанн на равных вёл дела со светским правителем Готии и командовал армией, с которой атаковал гарнизон Дороса. Епископ скорее был военачальником, чем героем защиты икон [24, p. 75]. Это вывод не соответствует реальной ситуации в Готии. По справедливому замечанию В. Г. Васильевского, «в Житии совершенно ясно указано, что поселение Партениты было родиной, а не кафедрой Иоанна, торжищем (ἐμπόριον), а не градом или замком (τὸ κάστρον)». Иоанн являлся епископом Готской епархии.

В описании происходивших в VIII–X вв. событий византийцы называли Готией Климаты Херсона [1, с. 196; 4, с. 74]. Вероятно, каган объединил климаты (архонтии) Горного Крыма в новую область Готию со столицей в Доросе для облегчения сбора дани. Очевидно, правителем Готии каган назначил архонта климы Дорас и поручил ему сбор дани для каганата [1, с. 210–211].

В тексте Жития многие события не датированы. Неизвестно, когда Иоанн родился в Партенитах. После 754 г. Иоанн уехал в Иерусалим на три года. Около 758 г. он вернулся в Готию, жители которой отправили его в Иверию, где в Мцхете Иоанн получил епископское посвящение от иконопочитателя. Далее почти тридцать лет мы ничего не знаем о нем. Хорошо задокументирован конец жизни Иоанна: в 784 г. он в Константинополе встречался с патриархом Павлом, после VII Вселенского (II Никейского) собора 787 г. он возглавил восстание против хазар и был заключен в тюрьму в Фулы; он бежит на другой берег Понта в Амастриду, где он провел 4 года и умер 26 июня. То есть, датой его смерти может быть 788 + 4 = 26 июня 792 г. 29 июня его мощи на корабле переправили в Партениты. Торжественную процессию по отправлению мощей Святого Иоанна на родину в Партениты возглавил епископ Амастриды Святой Георгий. Похоронили Иоанна в монастыре св. Апостолов Петра и Павла [9, с. 396–398; 40, p. 89–90; 24, p. 78–81].

Житие является единственным достоверным источником о сопротивлении иконопочитателей Готии иконоборчеству и хазарской экспансии. Хазары разгромили восставших, но не вмешивались в дела местной епархии. Сведения о епархии Готии имеются в упомянутых выше нотициях и в ответном письме Федора Студита 808 г. архимандриту Готии по поводу раздоров с архиереем соседней епархии [31, col. 1013; 38, S. 88, II, № 486]. Интересен сам факт обращения архимандрита Готии с просьбой разрешить спор к опальному во второй период иконоборчества духовному вождю иконопочитателей. Бесспорно, после новой победы иконоборцев в Константинополе, епископ и паства Готии остались иконопочитателями.

Эти истории показывают, что Иоанн еще при жизни пользовался большой репутацией в Готии и других местах как человек глубокой святости. Св. Иоанн обладал харизмой – χαρίσμα – исключительно духовным свойством, ниспосылаемым Богом ради блага церкви [32, p. 462–463]. Житие показывает, что византийцы искренне верили в чудеса. Жизнеописание иллюстрирует истину о том, что византийцы (включая православных, живших за пределами границ империи) жили в мире, где чудеса могли происходить.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар, 1999. 352 с.
2. Айбабин А.И. Некоторые аспекты истории Готской епархии в Юго-Западном Крыму // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. С. 615–626.
3. Айбабин А.И. Городище на плато Эски-Кермен в период господства хазар в Крыму // МАИЭТ. 2010. Вып. XVI. С. 214–239.
4. Айбабин А.И. О дате образования Крымской Готии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23, № 5. С. 71–78.
5. Айбабин А.И. Очерки истории владений Восточной Римской империи в Крыму в IV–XII веках. Симферополь: Антиква, 2024. 256 с.
6. Арсений (Иващенко), епископ. Готская епархия в Крыму // Журнал Министерства народного просвещения. 1873. Ч. CLXV. № 1. С. 60–86.
7. Бертье-Делагард А.Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ИТУАК. 1920. Вып. 57. С. 1–135.
8. Васильевский В.Г. Житие Иоанна Готского // Журнал Министерства народного просвещения. 1878. Январь. Ч. 195. Отд. 2. С. 86–154.
9. Васильевский В.Г. Житие Иоанна Готского // Труды. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1912. Т. II. Вып. 2. С. 351–427.
10. Диль Ш. Византийские портреты. М.: изд. М. и С. Сабашниковы, 1914. Выпуск I. 376 с.
11. Диль Ш. История Византийской империи / Пер. с фр. А.Е. Рогинской; ред. и предисл. Б.Т. Горянов. М., 1948. 160 с.
12. Каждан А.П. Византийские города в VII–XI вв. // СА. 1954. XXI. С. 164–188.
13. Кёппен П.И. О древностях Южного Берега и гор Таврических. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1837. 409 с.
14. Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896. 143 с.
15. Никитский А. Житие преподобного отца нашего Иоанна, епископа Готфии // ЗООИД. 1883. Том XIII. С. 25–34.
16. Репников Н.И. Партенитская базилика // ИАК. 1909. Вып. 32. С. 91–140
17. Сюзюмов М.Я. Византийский город (середина VII – середина IX в.) // ВВ. 1967. Т. 27. С. 38–70.
18. Цукерман К. Политика Византии в Северном Причерноморье по данным Notitiae episcopatuum // МАИЭТ. 2010. Вып. XVI. С. 399–435.
19. Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. М.: Наука, 1980. 216 с.
20. Acta Sanctorum Junii, ex Latinis, Graecis aliarumque gentium monumentis, servata primigenia veterum scriptorum phrasi, collecta, digesta, commentariisque / Eds. D. Papebrochio, F. Baertio, C. Janningo, J.B. Sollerio. Tomus V. Antverpiae, 1709. 764 p.
21. Ajbabin A.I. Archäologie und Geschichte der Krim in byzantinischer Zeit. Mainz, 2011. 318 S. (Monographien der Römische-Germanischen Zentralmuzeums. Band 98).
22. Auzépy M.-F. L'hagiographie et l'iconoclasme byzantin: Le cas de la Vie d'Étienne le Jeune. Aldershot: Ashgate Publishing Limited, 1999. 342 p. (Birmingham Byzantine and Ottoman Monographs, 5).
23. Auzépy M.-F. Gothie et Crimée de 750 à 830 dans les sources ecclésiastiques et monastiques grecques // МАИЭТ. 2000. Вып. VII. С. 324–331.
24. Auzépy M.-F. La Vie de Jean de Gothie (BHG 891) // La Crimée entre Byzance et le khaganat Khazar / Ed. C. Zuckerman. Paris, 2006. P. 69–85.
25. Bibliotheca hagiographica Graeca. Ediderunt socii Bollandiani. Bruxellis, 1909. 298 p.
26. Danrouzés J. Listes épiscopales du concile de Nicée (787) // Revue des études byzantines. 1975. T. 33. P. 5–76.
27. Delehaye H. Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae: Propylaeum ad Acta Sanctorum Novembris. Bruxelles, 1902. LXXV, 1180 col.
28. Halkin F. Le synaxaire grec de Christ Church à Oxford // Analecta Bollandiana. Bruxelles, 1948. Vol. 66. P. 59–90.
29. Huxley G. On the Vita of St. John of Gotthia // Greek, Roman and Byzantine Studies. 1978. Vol. 19, no. 2. P. 161–169.
30. Lamberz E. Die Bischoflisten des VII. Ökumenischehen Konzils (Nicaenum II). München, 2004. 89 S.
31. Migne J.P. Patrologie Cursus Completus. Series Graeca. Paris, 1860. Vol. 99. 1904 col.
32. Monaci Castagno A. Charismes // Dictionnaire encyclopédique du christianisme ancien. Vol. I / Eds. A. Di Berardino, F. Vial. Paris: Cerf, 1990. P. 462–463.
33. Peeters P. Les khazars dans la passion de s. Abo de Tiflis // Analecta Bollandiana. Bruxelles, Paris, 1934. Vol. 52. P. 21–56.
34. Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio. Tom XII / Ed. J.D. Mansi. Florentiae, 1766. 1154 col.
35. Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio. Tom XIII / Ed. J.D. Mansi. Florentiae, 1767. 1104 col.

36. Ševčenko I. Hagiography in the iconoclast period // Iconoclasm: papers given at the ninth Spring Symposium of Byzantine Studies, University of Birmingham, March 1975 / Eds. A. Bryer, J. Herrin. Birmingham, 1977. P. 113–132.
37. Theophanis. Chronographia / Rec. Carl de Boor. Vol. I. Lipsiae: B.G. Teubnneri, 1883. 503 p.
38. Theodori Studitae. Epistulae // Corpus Fontium Historiae Byzantinae / Eds. H.-G. Beck, A. Kambylis, R. Keydell. Berolini, 1992. Vol. I–II. 1006 p.
39. The Oxford Dictionary of Byzantium / Ed. A.P. Kazdan. Vol. 1–3. New York, Oxford, 1991. 2232 p.
40. Vasiliev A.A. The Goth in the Crimea. Cambridge, Mass.: The Medieval Academy of America, 1936. 292 p.

REFERENCES

1. Aibabin A.I. *Etnicheskaia istoriia rannevizantiiskogo Kryma* [Ethnic history of the early Byzantine Crimea]. Simferopol, Dar Publ., 1999, 352 p.
2. Aibabin A.I. Some aspects of the history of the Gothic diocese in the South-Western Crimea. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2006, vol. 12, pp. 615–626.
3. Aibabin A.I. Site on the Plateau of Eski-Kermen during the Period of Khazars' Predominance in Crimea. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2010, vol. 16, pp. 214–239.
4. Aibabin A.I. About the Date of the Crimean Gothia Creation. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2018, vol. 23, no. 5, pp. 71–78.
5. Aibabin A.I. *Ocherki istorii vladenii Vostochnoi Rimskoi imperii v Krymu v IV–XII vekakh* [Essays on the history of the possessions of the Eastern Roman Empire in Crimea in the 4th–12th centuries]. Simferopol, Antikva Publ., 2024, 256 p.
6. Arseny (Ivaschenko), Bishop. The Gotha Diocese in Crimea. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniia* [Journal of the Ministry of Public Education], 1873, part CLXV, no. 1, pp. 60–86.
7. Bert'e-Delagard A.L. Study of Some Perplexing Questions of the Middle Ages in Taurida. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii* [Proceedings of the Taurida Learned Archival Commission], 1920, vol. 57, pp. 1–135.
8. Vasil'evskii V.G. Life of John of Gothia. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniia* [Journal of the Ministry of Public Education], 1878, January. Part 195. Dept. 2, pp. 86–154.
9. Vasil'evskii V.G. Life of John of Gothia. *Trudy* [Works], vol. II, Issue 2, St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ., 1912, pp. 351–427.
10. Diehl Sh. *Vizantiiskie portrety* [Byzantine Portraits]. Moscow, M. & S. Sabashnikovy Publ., 1914, vol. I, 376 p.
11. Diehl Sh. *Istoriia Vizantiiskoi imperii* [History of the Byzantine Empire]. Translated from French by A.E. Roginskaya; ed. and preface by B.T. Goryanov. Moscow, 1948, 160 p.
12. Kazhdan A.P. Byzantine cities in the 7th–11th centuries. *Sovetskaia arkheologiia* [Soviet Archaeology], 1954, XXI, pp. 164–188.
13. Keppen P.I. *O drevnostiakh Iuzhnogo Berega i gor Tavricheskikh* [On the Antiquities of the Southern Coast and the Tauride Mountains]. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ., 1837, 409 p.
14. Latyshev V.V. *Sbornik grecheskikh nadpisei khristianskikh vremen iz Iuzhnoi Rossii* [Collection of Greek inscriptions of Christian times from Southern Russia]. St. Petersburg, 1896, 143 p.
15. Nikitskii A. Life of Our Venerable Father John, Bishop of Gothia. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei* [Proceedings of the Odessa Society for History and Antiquities], 1883, vol. 13, pp. 25–34.
16. Repnikov N.I. Partenit Basilica. *Izvestiia Arkheologicheskoi Komissii* [News of the Archaeological Commission], 1909, vol. 32, pp. 91–140
17. Siuziumov M.Ia. Byzantine city (mid-7th – mid-9th century). *Vizantiiskii vremennik* [Byzantina Xronika], 1967, vol. 27, pp. 38–70.
18. *Zuckerman C.* Byzantium's Pontic Policy in the Notitiae episcopatuum. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2010, vol. 16, pp. 399–435.
19. Chichurov I.S. *Vizantiiskie istoricheskie sochineniia: «Khronografiia» Feofana, «Breviarii» Nikifora* [Byzantine historical works: Theophanes' Chronographia, Nicephorus' Breviary]. Moscow, Nauka Publ., 1980, 216 p.
20. *Acta Sanctorum Junii, ex Latinis, Graecis aliarumque gentium monumentis, servata primigenia veterum scriptorum phrasi, collecta, digesta, commentariisque*. Eds. D. Papebrochio, F. Baertio, C. Janningo, J.B. Sollerio. Tomus V. Antverpiae, 1709, 764 p.
21. Ajbabin A.I. *Archäologie und Geschichte der Krim in byzantinischer Zeit*. Mainz, 2011, 318 S. (Monographien der Römische-Germanischen Zentralmuzeums. Band 98).
22. Auzépy M.-F. *L'hagiographie et l'iconoclasme byzantin: Le cas de la Vie d'Étienne le Jeune*. Aldershot, Ashgate Publishing Limited, 1999, 342 p. (Birmingham Byzantine and Ottoman Monographs. Vol. 5).

23. Auzépy M.-F. Gothie et Crimée de 750 à 830 dans les sources ecclésiastiques et monastiques grecques. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2000, vol. 7, pp. 324–331.
24. Auzépy M.-F. La Vie de Jean de Gothie (BHG 891). C. Zuckerman (ed.), *La Crimée entre Byzance et le khaganat Khazar,.* Paris, 2006, pp. 69–85.
25. *Bibliotheca hagiographica Graeca. Ediderunt socii Bollandiani*. Bruxellis, 1909, 298 p.
26. Danrouzés J. Listes épiscopales du concile de Nicée (787). *Revue des études byzantines*,1975. vol. 33, pp. 5–76.
27. Delehaye H. *Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae: Propylaeum ad Acta Sanctorum Novembris*. Bruxelles, 1902, LXXV, 1180 col.
28. Halkin F. Le synaxaire grec de Christ Church à Oxford. *Analecta Bollandiana*, Bruxelles, 1948, vol. 66, pp. 59–90.
29. Huxley G. On the Vita of St. John of Gotthia. *Greek, Roman and Byzantine Studies*, 1978, vol. 19, no. 2, pp. 161–169.
30. Lamberz E. *Die Bischoflisten des VII. Ökumenischehen Konzils (Nicaenum II).* München, 2004, 89 S.
31. Migne J.P. *Patrologie Cursus Completus. Series Graeca.* Paris, 1860, vol. 99, 1904 col.
32. Monaci Castagno A. Charismes. A. Di Berardino, F. Vial (eds.), *Dictionnaire encyclopédique du christianisme ancien*. Vol. I. Paris, Cerf Publ., 1990, pp. 462–463.
33. Peeters P. Les khazars dans la passion de s. Abo de Tiflis. *Analecta Bollandiana*, Bruxelles, Paris, 1934, vol. 52, pp. 21–56.
34. *Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio*. Tom XII. Ed. J.D. Mansi. Florentiae, 1766, 1154 col.
35. *Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio*. Tom XIII. Ed. J.D. Mansi. Florentiae, 1767, 1104 col.
36. Ševčenko I. Hagiography in the iconoclast period. A. Bryer, J. Herrin (eds.), *Iconoclasm: papers given at the ninth Spring Symposium of Byzantine Studies, University of Birmingham, March 1975*. Birmingham, 1977, pp. 113–132.
37. Theophanis. *Chronographia*. Rec. Carl de Boor. Vol. I. Lipsiae, B.G. Teubnneri, 1883, 503 p.
38. Theodori Studitae. Epistulae. H.-G. Beck, A. Kambylis, R. Keydell (eds.), *Corpus Fontium Historiae Byzantinae*, Berolini, 1992, vol. I–II, 1006 p.
39. *The Oxford Dictionary of Byzantium*. Ed. A.P. Kazdan. Vol. 1–3. New York, Oxford, 1991, 2232 p.
40. Vasiliev A.A. *The Goth in the Crimea*. Cambridge, Mass., The Medieval Academy of America, 1936, 292 p.

Информация об авторе

Айбабин А. И. – доктор исторических наук, профессор, директор НИЦ истории и археологии Крыма Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Researcher ID: Y-8384-2018, Scopus ID: 57214235725.

Author information

Aibabin A. I. – Doctor of Science (History), Professor, Director of the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: Y-8384-2018, Scopus ID: 57214235725.

DOI: 10.29039/2413-189X.2025.30.501-515

ЗМЕИ И ВОЛКИ: ТЮРКСКИЕ НАЕМНИКИ НА ВИЗАНТИЙСКОЙ СЛУЖБЕ В СЕРЕДИНЕ IX – XI В.

Кемран Меметович Карашайски
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия
kemkarr@mail.ru, https://orcid.org/0009-0008-5022-6354

Аннотация. Статья посвящена воинским контингентам тюркских наемников в армии Византийской империи середины IX – XI в. Анализируются модели и способы привлечения к службе тюркских наемных отрядов, их роли и функции в византийских вооруженных силах, участие в боевых действиях и внутриимперских политических процессах, отношение к ним в византийском обществе. В рассматриваемый период первые регулярные подразделения наемных тюрок представлены хазарами и фарганами, в середине IX – первой половине X в. составлявшими Третью этерию – отдельный корпус личной гвардии византийских императоров. В X–XI вв. как отдельные гвардейские подразделения, так и полевые войска и гарнизоны комплектовались наемными контингентами северопричерноморских кочевников – узами, печенегами и половцами. С середины XI в. многочисленные группы данных этносов во главе с собственными вождями систематически селились имперской администрацией на византийских территориях под обязательство несения воинской повинности. Проникновение в Анатолию во второй половине XI в. турок закономерно обусловило вербовку Константинополем турецких солдат и военачальников. Сельджукские лидеры активно пользовались византийскими конфликтами, как внешними, так и внутренними, для утверждения собственной власти в малоазийских владениях империи, предоставляя как императорам, так и мятежным претендентам на верховную власть крупные контингенты турецких воинов. Дополнительно для каждой из рассматриваемых в статье групп приводится просопографический список персоналий этнических архонтов, возглавлявших отряды соплеменников на имперской службе.

Ключевые слова: византийская армия, наемники, тюрки, хазары, фарганы, печенеги, узы, половцы, турки, сельджуки

Благодарности: Статья написана в рамках проекта Минобрнауки РФ, государственное задание FZEG-2025-0001 «Этнические трансформации в Крыму и Таврических степях в Средние века и Новое время».

SERPENTS AND WOLVES: TURKIC MERCENARIES IN THE BYZANTINE SERVICE FROM THE MID-NINTH TO ELEVENTH CENTURY

Kemran M. Karashayski
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
kemkarr@mail.ru, https://orcid.org/0009-0008-5022-6354

Abstract. This article discusses military contingents of Turkic mercenaries in the army of the Byzantine Empire from the mid-ninth to eleventh century. The analyses addresses the models and methods of recruiting Turkic mercenary troops, their roles and functions in the Byzantine armed forces, participation in military operations and political processes within the Empire, and attitudes towards the Turkic mercenaries in the Byzantine society. In the period under study, the first regular units of mercenary Turks consisted of Khazars and Pharganoi, who in the mid-ninth and the first half of the tenth century formed the Third Hetaireia, or a special corps of personal guard of the Byzantine emperors. In the tenth and eleventh century, guard units, field troops, and garrisons were staffed with mercenary contingents of Northern Black Sea nomads, such as Uzes, Pechenegs, and Cumans. From the mid-eleventh century on, imperial administration continuously settled numerous ethnic groups under study under their own chiefs in Byzantine territories with the obligation to perform military service. When the Turks penetrated into Anatolia in the second half of the eleventh century, Constantinople logically started recruiting Turkish soldiers and commanders. Seljuk leaders actively used Byzantine external and internal conflicts to establish their own power on the Empire's lands in the

Asia Minor, supplying both the emperors and rebellious pretenders to the throne with large contingents of Turkish warriors. Additionally, for the case of every ethnic group of mercenaries under analysis, this article suggests the prosopographic list of ethnic *archontes* who commanded troops of their fellow tribesmen in the imperial service.

Keywords: Byzantine army, mercenaries, Turkic-speaking nomads, Khazars, Pharganoi, Pechenegs, Uzes, Cumans, Turks, Seljuks

Acknowledgements: This article has been written as a part of the project supported by state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation FZEG-2025-0001 *Ethnic Transformations in the Crimea and the Tauria Steppe in the Middle Ages and the Modern Period.*

На протяжении своей истории Византийская империя активно использовала военный потенциал этносов, входивших в зону ее влияния и контактов. Представители различных народов, оказавшихся в поле зрения Константинополя и постепенно вступавших с ним в комплексное взаимодействие, в относительно короткие сроки интегрировались в состав византийской армии. Для военных потребностей привлекались даже группы выходцев из этнических сообществ, традиционно рассматривавшихся ромеями в качестве противников или находившихся с империей в состоянии вооруженного конфликта. Разумеется, использование этников не было ни случайностью, ни ситуативным решением. Напротив, оно являлось продуманной и устоявшейся частью имперской военно-политической доктрины, в частности, сложившегося в середине IX – конце XI в. института иностранного наемничества. Так, военное наемничество составляло значимую долю взаимоотношений Византии с тюркскими этносами Восточной Европы и Западной Азии в середине IX – XI в. Среди таковых возможно выделить три больших группы, в зависимости от этногеографического происхождения и хронологических рамок службы: 1) хазары и фарганы; 2) узы, печенеги и половцы; 3) турки.

I. Хазары и фарганы

Воинские контингенты тюркских и тюрко-иранских наемников, представленные хазарами (οἱ Χάζαροι) и фарганами (οἱ Φαργάνοι), в качестве частей дворцовой стражи фиксируются на службе в Византийской империи в середине IX – первой половине X в. Эти отряды составляли третий корпус (ἡ τρίτη ἑταιρεία) личной гвардии византийских императоров – императорской этерии (ἡ βασιλική ἑταιρεία) [44, p. 749, 772].

Наиболее раннее упоминание о хазарах в качестве императорских этериотов, судя по всему, относится к сообщению византийского историка Иосифа Генесия (X в.), который упомянул о некой «*этерии скифов из Таврики*» / «*τοὺς ἐκ Ταυρικῆς καθ' ἑταιρείαν Σκύθας*», солдаты которой по приказу императора Михаила III (842–867) осуществили убийство патрикия и логофета дрома Феоктиста в ноябре 855 г. [47, p. 79–80; 48, p. 89] Употребление Генесием специфического и достаточно расплывчатого обозначения в отношении этих воинов породило среди исследователей некоторое количество противоречащих друг другу версий их этнической идентификации. В частности, высказывались предположения о том, что упомянутые этериоты являлись хазарами (Э. Гликадзи-Арвелер [32, p. 44–46]), крымскими готами (Х.-Ф. Байер [2, с. 107–109]) или иными выходцами из Таврики, связанными с Херсоном (С. Б. Сорочан [26, с. 1121]), варангами (Б. Бенедикс [38, S. 21]), росами (М. В. Бибиков, П. В. Кузенков [4, с. 14; 16, с. 5–6]) [См. обзор историографии вопроса: 11]. П. Карлин-Хейтер полагала, что данный фрагмент представляет собой интерполяцию переписчика XI в., уже знакомого с отрядами росов-«тавроскифов», в этот период массово пребывавших на имперской службе [58, p. 236–237]. Однако версия Э. Гликадзи-Арвелер о хазарском происхождении генесиевых «скифов из Таврики» представляется наиболее убедительной.

Появление в Константинополе наемных хазарских солдат было, вероятно, связано с военно-политическим сотрудничеством Византийской империи и Хазарского каганата в 840–860-е гг. [22, с. 549–551, 553–554; 70, p. 109–132] Хазарские этериоты императора Льва VI (886–912) противостояли болгарскому войску царя Симеона I (893–927) в 894 г. Потерпев поражение, они были захвачены в плен и лишены носов, после чего отправлены обратно в Константинополь «*на позор ромеям*» [24, с. 149; 29, с. 201]. Об участии хазарских наемников в составе византийской армии в боевых действиях против Хамданидов на сирийско-месопотамском пограничье в 950-е гг. в своих стихах сообщают арабские поэты X в. Абу Фирас и

аль-Мутанабби. Хазарские отряды отмечены в армии доместика схол Варды Фоки в битве при Хадате (ноябрь/декабрь 954/955 г.) и в войсках паракимомена Василия Лакапина и Иоанна Цимисхия в сражении при Рабане (октябрь/ноябрь 958 г.) [80, p. 331–334, 368–369]. Благодаря поэзии Абу Фираса до нас даже дошло имя одного из хазарских раисов (командиров) – Тузник [7, с. 460].

Вторую часть Третьей этерии составляли тюрко-иранские контингенты – отряды фарганов, выходцев из Центральной Азии (в частности, из Ферганской долины) [42, p. 107–108]. Впервые они фиксируются на византийской службе в 840–850-х гг. Византийский историк Симеон Магистр и Логофет (X в.) упоминает о «*превосходившем многих мужеством и силой*» протоспафарии Феофане из Фарганов (Θεοφάνης ὁ ἐκ Φαργάνων), который в этот период перешел на сторону арабов, но затем возвратился в Византию [29, с. 178–179; 79, p. 196]. Феофан назван в числе заговорщиков и непосредственных убийц регента Феоктиста в ходе переворота 855 г., что является прямым подтверждением участия фарганов, наряду с хазарами, в этих событиях [29, с. 182–183]. В 886 г. фарганские этериоты составляют отряд ближайших телохранителей императора Василия I (867–886), сопровождая того на охоте, во время которой один из них спас византийскому правителю жизнь [9, с. 27].

Период второй половины IX – первой половины X в. отмечен преобладанием тюркских наемных контингентов в составе иностранного корпуса императорской этерии. Арабский географ X в. аль-Макдиси прямо указывал, что тюрки составляли «*большинство гулямов* [телохранителей] *императора*» [62, p. 64]. Арабский ученый Ибн Руста (вторая половина IX – начало X в.) явно преувеличено определял их численность в десять тысяч солдат, вооруженных луками, копьями и щитами [31, p. 124]. Наиболее оптимальным представляется число в тысячу воинов, одна часть которых (около 200 человек [12, с. 112–113]) составляла отдельную банду (тагму) императорской этерии, а другая относилась к негвардейским столичным частям. Хазарские лучники несли стражу у ворот дворцового комплекса Манганы [7, с. 459–460; 31, p. 120]. Небольшие элитные отряды служилых тюрок включались в состав важных экспедиций. Так, в 935 г. направленные в Лонгивардию силы протоспафария Епифания и патрикия Космы сопровождали 45 фарганов и 47 хазар Третьей этерии [44, p. 660–661].

Появление хазаро-фарганских отрядов в составе византийской армии несомненно было связано с организацией подобных подразделений в войсках правителей халифата Аббасидов. Элитные части, известные как Фарагина, Ушрусанийя и Иштаханийя, были сформированы в правление халифов аль-Мамуна (813–833) и аль-Мутасима (833–842). Их этнический состав включал собственно тюрок (хазары, огузы, карлуки, уйгуры и др.) и представителей иранских народов (согдийцы и хорезмийцы) [49, p. 15–22]. Подразделения имели смешанный состав и различия между ними лежали в географической плоскости: Фарагина включала солдат из Ферганской долины, Ушрусанийя – из региона Ушрусаны, Иштаханийя – из Иштихана [7, с. 467–468]. Солдаты для этих отрядов поставлялись из Хазарского каганата и эмирата Саманидов – рабы, военнопленные, завербованные группы профессиональных воинов из Хорезма и Мавераннахра [7, с. 458–459; 46; 49, p. 21–23]. В условиях постоянных арабо-византийских конфликтов [60], а также внутриполитического кризиса в Аббасидском халифате в 861–870 гг. (так называемая «анархия в Самарре»), большое число тюрко-иранских контингентов переходило на византийскую службу. Их последующая опала со стороны халифа аль-Мутамида (870–892) и его брата, военачальника аль-Муваффака [59, p. 149–153], очевидно усилила этот процесс.

Формировавшиеся посредством иностранных наемников части дворцовой стражи играли важную политико-дипломатическую и ритуально-церемониальную роль. Демонстрация экзотических разноплеменных воинских отрядов имела место на дипломатических приемах, в ходе которых послы и гости византийского двора должны были быть впечатлены видом многочисленных этников-телохранителей, окружавших ромейского владыку [74, p. 305–312]. В качестве яркого примера здесь может быть приведен торжественный прием, организованный в Магнавре в мае 946 г. для арабского посольства, направленного эмиром Тарса по приказу правителя Египта и Сирии Мухаммада ибн Тугджа из династии Ихшидидов. Перед арабскими эмиссарами во всеоружии были выстроены отряды иностранных этерий – в

частности, хазары и фарганы [44, p. 570–579; 45, p. 503–512; 73, p. 287–288, 290, 294–296]. Представляется, что присутствие на приеме фарганов (выходцев из государства Саманидов) являлось одновременно сигналом, во-первых, для аббасидского халифа, к чьей сфере влияния формально относился регион Маверранахра, а, во-вторых, для дружественного Византийской империи ихшида Египта, ведущего свой род от фарганского наемника Джуффа ибн Ялтекина [5, с. 242, 265–266; 40, p. 45; 49, p. 158–159].

Поток фарганских и хазарских наемников из Центральной Азии и Понтийско-Каспийского региона в Византию, очевидно, должен был прекратиться синхронно с кризисом эмирата Саманидов и падением Хазарского каганата в 960-е гг. [12, с. 116] Однако отряды тюрок, в том числе ближневосточных, продолжили составлять части византийской армии и в последней трети X в. Известно, что в Сирийской кампании 975 г. императора Иоанна I Цимисхия (969–976) сопровождала конная тагма в 500 крещеных тюрок (возможно также, что это было смешанное, тюрко-арабское подразделение) под командованием некоего Турка из Багдада, которая была размещена в покоренном императором Дамаске в качестве гарнизона [17, с. 96–97; 65, p. 27–28].

Персоналии I

Феофан Фарган / *из Фарганов*. Исходя из имени и прозвища, являлся принявшим христианство архонтом фарганского воинского контингента, как минимум дважды менявшим стороны в ходе арабо-византийского противостояния 840-х гг. В ходе или сразу после сражения при Мавропотаме (844 г. / между 842–850 гг.) Феофан переметнулся к арабам из-за конфликта с ромейским командующим, логофетом дрома Феоктистом, но затем вернулся в империю под гарантии безопасности [29, с. 178–179; 79, p. 196]. В 855 г. носит высокий титул протоспафария, принимает участие в заговоре и убивает Феоктиста [29, с. 182–183]. Этериарх или архонт Третьей этерии в 840–850-е гг. [78].

Артавазд. Учитывая владение персидским языком, фарганский архонт, занимавший высокую должность этериарха. Поддержал переворот Василия Македонянина (867 г.) [29, с. 192; 36], чем, очевидно, обеспечил благосклонность нового императора, приблизившего к себе фарганов в качестве телохранителей [9, с. 27].

Тузник. Хазарский архонт (раис аль-Хазарийя), этериарх или архонт Третьей этерии в 950-е гг. Командовал соплеменниками в сражении при Рабане (958 г.). Абу Фирас ярко описывает свое противоборство с этим хазарином, в котором, по собственному утверждению, сломал два копья и терпел насмешки [7, с. 460; 80, p. 368–369].

Турк из Багдада. Тюркский или тюрко-арабский архонт, принявший христианство и во главе своей тагмы поставленный начальником гарнизона Дамаска в 975 г. [17, с. 96–97; 65, p. 27–28].

II. Узы, печенеги, половцы

Военное наемничество составляло значимую долю взаимоотношений Византийской империи с тюркскими этносами Понтийско-Каспийской степи. Как отдельные небольшие отряды, так и крупные контингенты узских, печенежских и половецких вождей могли, заключив соответствующее соглашение, вступить на регулярную службу, быть расселены имперской администрацией в византийских пределах под обязательство несения воинской повинности, оказать поддержку в ходе конкретной военной кампании или осуществить самостоятельное нападение на указанного Константинополем противника, подвергнув вражеские области разорению.

В византийском военно-политическом трактате «Об управлении империей» (середина X в.) детально описаны модели и способы взаимодействия византийских властей с печенегами. Направлявшийся к ним императорский посланник набирал себе печенежских телохранителей, которые непрестанно требовали денег и подарков за исполнение своей службы. В тексте трактата в целом отмечаются характерные, по мнению ромеев, для северных народов «*прирожденная жадность к деньгам и ненасытность, никогда не удовлетворяемая*», что «*требует всего, всего домогается и не имеет четких границ своим желаниям, но вечно жаждет большего и взамен скромной пользы стремится извлечь великую корысть*» [15, с. 54–55]. В ходе дальнейших переговоров происходил взаимный обмен заложниками, после

чего печенеги приносили клятвы (οἱ ὅρκοι) и получали императорские дары (τὰς βασιλικὰς δωρεάς), а византийский эмиссар принимал «друзей» (οἱ φίλοι) из их числа. В дальнейшем такие «дружественные» печенеги посредством императорской грамоты и даров побуждались к воинской службе и нападению на какого-либо из соперников и врагов империи [15, с. 36–39, 42–45, 290]. В качестве примера подобных посольств, направленных для получения от печенегов воинских сил, можно указать миссию патрикия Иоанна Воги (около 914/917 г.) [13, с. 110; 29, с. 214; 54, p. 196].

Контингенты печенежских конных стрелков участвовали в целом ряде военных кампаний византийской армии X–XI вв., специализируясь на внезапных атаках и ложных отступлениях, изматывании неприятеля «*непрерывным дождем стрел*» [1, с. 12] и молниеносных рейдах на вражескую территорию с целью ее разорения и захвата пленных [18, с. 27; 24, с. 162; 25, с. 317–318; 29, с. 215–216; 54, p. 198; 65, p. 83; 66, p. 198–199, 270–271; 75, p. 115–119; 77, p. 170–171].

Уже в середине X в. арабский историк аль-Масуди отмечал, что печенежские отряды использовались в качестве гарнизонов в восточных владениях империи: «*они* [византийцы] *поместили их* [ар-Рус (росов), ал-Арман (армян), ал-Бургар (болгар) и ал-Баджанак (печенегов)] *гарнизонами во многих из своих крепостей, примыкающих к границе аш-Шамийа* [сирийской]» [3, с. 23].

Предположительно печенежскими наемниками продолжили частично комплектоваться элитные подразделения, входившие в состав императорской этерии. Так, печенеги и близкие к ним этногеографически воинские группы со второй половины X в. могли включаться в Третью этерию, заменяя на службе хазар и фарганов [12]. В своем «Повествовании о бедствиях армянского народа» армянский историк Аристакэс Ластивертци (XI в.) упоминает, что для поимки мятежников Перса и Андроника императором Василием II Болгаробойцей (976–1025) были отправлены находившиеся при нем «*всадники из языческих отрядов*» [23, с. 65].

В первой половине – середине 1040-х гг. империя приняла на службу в свои вооруженные силы значительные контингенты печенежских предводителей Кегена и Тираха. Кеген с 20 000 его соплеменников были крещены и расселены на территории катепаната Паристрион для исполнения функций обороны дунайской границы [14; 54, p. 426–428]. Печенежский вождь получил от императора Константина IX Мономаха (1042–1055) высокие титулы и должность – патрикия, магистра и архонта Пачинакии (ὁ ἄρχων τῆς Πατζινακίας), а также земельные пожалования и три крепости на Дунае [54, p. 428; 57; 72, S. 131–132]. Из своих новых владений печенежский архонт совершал регулярные набеги на кочевья своего противника, Тираха, что вызвало сильное недовольство последнего и спровоцировало его вторжение в византийские пределы зимой 1045–1046 гг. [54, p. 428–429; 75, p. 108–110, 259]

Широкое распространение имела практика поселения пленных печенегов на византийской территории и их вербовки в имперскую армию [10, с. 110–111; 53, p. 740–741; 54, p. 429–430]. Именно так разгромленное войско Тираха было расселено в катепанате Болгария, в области между Сердикой, Нишем и Евцаполем. В планы Константинополя входило использовать новую воинскую силу на востоке в деле борьбы с сельджуками. Летом 1048 г. был сформирован печенежский корпус численностью в 15 000 солдат под руководством этнических архонтов Султуна, Селте, Карамана и Каталима и общим командованием патрикия Константина Адровалана [13, с. 115; 54, p. 430]. Однако после переправки в Азию печенеги подняли мятеж, возвратились на запад и спровоцировали общее восстание соплеменников в Болгарии и Паристрионе [54, p. 430–432, 434–437; 63, p. 122–127]. Империя вела борьбу с восставшими вплоть до 1053 г., так и не сумев добиться разгрома противника, и была вынуждена пойти на заключение соглашения, в рамках которого предоставила печенегам захваченные территории на правах формальных подданных, обязалась осуществлять регулярные денежные выплаты и даровала печенежским вождям высокие титулы [6, с. 24; 20, с. 18–19, 23–25; 54, p. 443; 63, p. 125–126; 64, p. 127–128; 66, p. 74–77; 75, p. 111–112; 76, p. 93]. Отдельные предводители, такие как Селте, продолжали оказывать сопротивление вплоть до правления императора Исаака I Комнина (1057–1059), в 1059 г. осуществившего против них успешный карательный поход [66, p. 120–123].

На узских и печенежских наемников возлагается доля вины за катастрофическое поражение византийской армии в сражении при Манцикерте (26 августа 1071 г.) – на этом, в частности, настаивают армянские хронисты Аристакэс Ластивертци и Матфей Эдесский (последняя треть XI – первая половина XII в.) [23, с. 131; 65, p. 85]. Действительно, известно, что за несколько дней до битвы к сельджукам вместе со своим отрядом перешел некий Тамин. Данная акция вынудила императора Романа IV Диогена (1068–1071) требовать от своих тюркских наемников повторного принесения клятв верности. Византийский историк Михаил Атталиат (XI в.) настаивает на том, что после этого никто из узо-печенежского контингента не изменил нанимателю во время битвы [6, с. 31–32; 66, p. 284–289]. Утверждения армянских хронистов, по-видимому, соответствуют общему ходу развития событий, в рамках которых имел место заговор византийского армейского командования против императора и несколько ромейских военачальников вывели вверенные им силы с поля боя в критический момент сражения [19, с. 293; 43, p. 426–428].

Наемные отряды северопричерноморских тюрок активно участвовали в апостасиях византийской знати. Так, в 1078 г. значительные печенежские контингенты влились в армии мятежников Никифора Вриенния Старшего и Никифора Василаки [10, с. 108–111, 149; 63, p. 83, 137; 64, p. 132–134; 66, p. 476–479, 548–549; 75, p. 116].

Одну из ключевых ролей узо-печенежские силы, возглавляемые этническими предводителями Узой, Аргиром Карацей и «полуварваром» (ὁ μιξοβάρβαρος) Монастрой, отыгрывали в армии императора Алексея I Комнина (1081–1118) в ходе тяжелых войн с норманнами, собственными соплеменниками и половцами [1, с. 120, 160, 174–175, 187, 217, 219, 223–225, 516; 64, p. 146–147; 75, p. 338–339]. Разорительные для империи Печенежские войны 1086–1091 гг., завершившись разгромом печенегов в битве при Левунионе (29 апреля 1091 г.), вместе с тем привели к созданию нового этнического подразделения византийской армии – имперские власти расселили пленников в области Моглена и сформировали из них тагму могленских печенегов (τὸ τάγμα τῶν Πατζινάκων Μογλενιτῶν) [53, p. 740–741; 61, S. 251; 75, p. 119–121].

Кроме того, в означенном сражении на стороне византийцев приняло участие около 40 000 половцев под предводительством Тогортака (Тугоркана) и Маниака (Боняка) [1, с. 183–184; 6, с. 98–99; 68, S. 181, 316]. Равным образом половецкие войска привлекались и претендентами на верховную власть в империи, как это случилось, например, в ходе апостасии Лже-Диогена (1095 г.), когда силы Тогортака, поддержавшего мятежника, выдававшего себя за Константина Диогена, сына императора Романа IV, вторглись в Паристрион [53, p. 513; 63, p. 142–143; 75, p. 121–123].

Тюрки, в особенности же северопричерноморские, в представлении византийцев, хотя и оценивались как хорошие воины, отличались исключительной, хищнической жаждой добычи и обладали репутацией наемников недисциплинированных и крайне ненадежных. Византийские авторы рассматриваемого времени постоянно сравнивают их со змеями, называют народом неприятным, варварским во всех отношениях, безбожным, уродливым и чрезвычайно жестоким, упрямым и вероломным, презирающим слабость и пользующимся ею в своекорыстных интересах, живущим набегами и войной. В качестве примера их коварства и непостоянства приводится эпизод сражения при Калаврии (лето 1078 г.), когда прямо во время битвы печенежский контингент разоряет лагерь Никифора Вриенния Старшего и покидает своего нанимателя [10, с. 129, 132–133]. Вместе с тем ромеи не отказывают узам, печенегам и половцам в энергии, неукротимости духа, воинственности [1, с. 12, 14–15, 155, 157, 160–161, 166–167, 184, 217; 18, с. 165–166; 54, p. 426, 431, 434–436, 440–441, 443; 66, p. 52–55, 76–77, 198–199, 270–271, 476–479, 528–529]. Ряд имперских военачальников эпохи Алексея Комнина, имевших тюркское, узо-печенежское, происхождение, закономерно восхвалялись как мужи доблестные, опытные, благоразумные и добродетельные [1, с. 174, 224–225, 120, 219].

В ряде случаев византийскому автору было крайне важно подчеркнуть, что служилые тюрки как бы находятся на пути трансформации из варваров в ромейских граждан. Так, даже мятежный полководец ведет на Константинополь печенегов «*не чужих и наемных, но давно пере-*

шедших под власть ромейской державы» / «*οὐ τῶν ξένων και μισθοφόρων, ἀλλὰ τῶν πρὸ πολλοῦ αὐτομολησάντων ὑπὸ τὴν βασιλείαν Ῥωμαίων*» [10, с. 108; 69, p. 232–233]. Узские, печенежские и половецкие предводители благосклонно принимались в византийской столице, удостаиваясь высоких имперских титулов и должностей. Некоторые даже возводились в ранг синклитиков [66, p. 158–159]. Обязательным условием для вступления на службу очевидно являлось крещение – по крайней мере, вождей с их ближайшим окружением [14; 54, p. 427–430].

Персоналии II

Иоанн Кеген. Печенежский архонт 1040-х – начала 1050-х гг., принявший христианство. Патрикий, магистр и архонт Пачинакии (ὁ ἄρχων τῆς Πατζινακίας) [56, p. 201–206; 57, p. 79–82; 72, S. 131–132]. В конце 1040-х гг. по обвинению в заговоре Кеген и его сыновья, *Валцар* и *Гулин* / *Кулин*, подверглись заключению [54, p. 435, 438]. В 1050–1051 гг. был направлен к восставшим соплеменникам, чтобы привести их к миру и вернуть под власть императора, но был ими убит [54, p. 439–440].

Тирах. Печенежский архонт 1040-х – начала 1050-х гг. В 1047 г. вместе со 140 своими мужами (οἱ ἄνδρες; должно быть, младшие вожди и ближняя дружина) прибыл в Константинополь, где они приняли христианство и получили имперские титулы [52, p. 459; 54, p. 430]. Он и другие архонты печенегов, находившиеся в византийской столице, в 1049 г. были направлены к соплеменникам для их усмирения, но перешли на сторону восставших [52, p. 467–468; 54, p. 436–437].

Каталим. Печенежский архонт, один из четырех игемонов (οἱ ἡγεμόνες), наряду с *Султуном*, *Селте* и *Караманом*, возглавлявших пятнадцатитысячный корпус соплеменников, в 1048 г. отправленный на восток для ведения боевых действий против сельджуков. Именно Каталим спровоцировал мятеж печенегов у Даматриса и повел войско обратно на запад [52, p. 460–461; 54, p. 430–432].

Тамин. Печенежский или узский архонт, со своим отрядом перешедший на сторону сельджуков накануне сражения при Манцикерте (1071 г.) [66, p. 286–287].

Аргир Караца. Печенежский или узский архонт 1080–1090-х гг., куропалат и великий этериарх (около 1087–1092 гг.), протокуропалат и дука Филиппополя (1092–1095 гг.) [1, с. 191; 55, p. 163–164; 56, p. 188–190].

Уза. Узский архонт 1080-х – начала 1100-х гг. Альберт Аахенский в своей «Иерусалимской истории» (вторая четверть XII в.) именует его «*дукой болгар*» (duce Bulgarorum) [33, p. 626–627].

Монастра. Печенежский, узский или турецкий архонт 1090-х – начала 1110-х гг., «полуварвар». Неизвестны ни должность, ни титул. Владел турецким языком [1, с. 174, 249].

III. Турки

Византийская империя последовательно проводила политику включения появившихся в поле зрения Константинополя этносов в состав своих вооруженных сил. Однако использование турок в качестве наемников было, как и в случае с северопричерноморскими тюрками, сопряжено с рисками их выхода из-под контроля и установления их лидерами собственной власти на вверенной для защиты территории. Вне всякого сомнения, именно туркам в последней четверти XI в. удалось в наиболее полной мере воспользоваться ролью наемников в своекорыстных интересах.

Первый зафиксированный случай найма империей турецких солдат относится, судя по всему, к контингенту под предводительством некоего Амертикия, что был принят на службу при императоре Михаиле VI (1056–1057). Около 1059–1061 гг. Амертикий был обвинен в попытке покушения на жизнь императора Константина X (1059–1067) и подвергся ссылке, из которой, однако, был возвращен в 1063 г. и во главе отряда своих соплеменников отправлен противостоять сельджукскому вторжению в Киликию. Из-за удержания византийской администрацией положенного наемникам ситиресия Амертикий со своими воинами перешел на сторону мирдасидского эмира Алеппо, в дальнейшем осуществляя жестокие набеги на сирийские владения империи [34; 37, p. 118–119; 41, p. 2; 66, p. 172–175; 68, S. 66; 81, p. 91].

В 1070 г. на сторону Византии перешло сельджукское войско под командованием Хрисоскула (Эл-басана). Турецкий лидер получил от императора Романа IV титул проэдра и сде-

лался ближайшим советником ромейского правителя в деле подготовки антисельджукских кампаний. Воины Хрисоскула стали неотъемлемой частью византийской армии в последующих походах [10, с. 28–29, 111; 66, p. 258–261].

Сельджукские контингенты приняли деятельное участие в византийских внутренних и внешних войнах кризисного периода 1070-х – первой половины 1090-х гг. В гражданской войне 1071–1072 гг. их поддержки ожидал свергнутый Роман Диоген [10, с. 49; 18, с. 192], а в ходе апостасий 1077–1081 гг. к военным услугам сельджуков активно прибегали как императоры, так и мятежные претенденты на верховную власть в лице Никифора Вотаниата и Никифора Мелиссина. К восстанию Вотаниата, начавшемуся в октябре 1077 г., присоединились наемные отряды Хрисоскула, Сулеймана ибн Куталмыша и его брата Мансура [10, с. 113; 21, с. 50; 37, p. 215–221; 66, p. 482–487; 81, p. 105–106]. При этом турецкий отряд, направленный императором Михаилом VII Дукой (1071–1078) в Никею для противодействия узурпатору, в начале 1078 г. присягнул Вотаниату, который «*образовал из них новый отряд телохранителей*» / «*δορυφόρων δὲ τάξιν ἀποπληροῦντες εἰσί*» [66, p. 482–483]. Как Никифор Вотаниат, так и Никифор Мелиссин в ходе своих апостасий размещали турецкие контингенты в городах и крепостях на северо-западе Малой Азии. Вотаниат ввел сельджукские гарнизоны в Пилы, Пренет, Никомидию, Руфинианы, Кизик, Никею, Халкидон и Хрисополь. То же самое позже предпринял и Мелиссин: «*привлекши на свою сторону турецкие войска и турецких военачальников, обходил с ними азиатские города в красных туфлях, и горожане передавали ему, как императору, и себя, и свои города. Через это он невольно отдавал их туркам, отчего и произошло, что турки в краткий срок сделались обладателями всех городов Азии, Фригии и Галатии*» [10, с. 149]. Так, турки, формально являвшиеся наемниками византийцев, образовали на оказавшихся в их руках территориях собственный султанат с центром в Никее во главе с Сулейманом ибн Куталмышем [1, с. 86; 10, с. 111–113, 123, 149–150; 21, с. 50–51; 27, с. 30–31; 37, p. 215–224; 65, p. 92; 66, p. 482–491; 81, p. 112–113]. При этом в первой половине 1080-х гг. последний продолжил поставлять империи наемные отряды для ведения западных войн.

Занявший императорский престол весной 1078 г. Никифор Вотаниат (1078–1081) использовал турецких наемников для подавления восстания Никифора Вриенния Старшего, переправив на запад 2000 сельджукских конных лучников, полученных от Сулеймана и Мансура, одновременно с тем готовивших для отправки новые отряды соплеменников [8, с. 177–203; 10, с. 123, 130, 133; 37, p. 221; 66, p. 524–525]. Судя по данным источников, именно присутствие в армии новелиссима и доместика схол Запада Алексея Комнина турецкого воинского контингента сыграло одну из ключевых ролей в победе при Калаврии (лето 1078 г.) и, как следствие, подавлении апостасии Вриенния [1, с. 9–17; 10, с. 130–137; 39, p. 57–59; 66, p. 524–531].

На силы этников практически в каждой своей военной кампании в значительной мере был вынужден опираться император Алексей I Комнин (1081–1118). В ходе комниновской апостасии февраля – апреля 1081 г. войска узурпатора, помимо ромейских тагм, были составлены из «*различных чужеземных отрядов*», включая сельджукских наемников, приведенных кесарем Иоанном Дукой [1, с. 53, 57]. «*Огромная масса варваров*», по выражению итало-норманнского хрониста Вильгельма Апулийского (XI – начало XII в.), участвовавшая в неудачном для византийцев сражении при Диррахии (18 октября 1081 г.), включала крупный тюркский элемент – 2000 сельджукских наемников и контингент тюрок-вардариотов [о них см.: 30, с. 240; 50, p. 304; 67, S. 87, 322; 71, p. 2153] под командованием великого примикирия Татикия [51, p. 222–223, 226–227].

Новые отряды наемных турок продолжали активно поступать на византийскую службу на протяжении 1080-х – начала 1090-х гг. Так, в 1083 г. Алексей получил от румского султана 7000 воинов под предводительством сельджукского военачальника Камира. Приход нового контингента фиксируется зимой 1091 г. Турецкие наемники успешно действовали в составе византийских сил в войнах с норманнами, печенегами и половцами [1, с. 115–116, 182; 28, с. 80; 81, p. 115, 179, 441].

В представлении византийцев турки являлись этносом враждебным империи и ее народу, во всех отношениях напоминавшим своих северопричерноморских собратьев. Демон-

стрировавшие «*неодолимую силу* [*τὸ ἀκαταμάχητον σθένος*]» и воинственность, они считались злобными, коварными, непостоянными, жадными, «*предающими любую дружбу ради денег*» и имевшими «*в обычае обманывать, убивать и предавать ромеев, не страшась нарушать данные клятвы*», предпринимая жестокие набеги с «*массовыми убийствами, сожжением дотла, взятием пленников, грабежами и другими враждебными действиями, сопутствующими варварским вторжениям*». Злая природа турок и тюрок в целом дополнительно подчеркивалась описанием уродливости их тел [1, с. 53, 171; 10, с. 22–23, 26–27, 149; 66, p. 76–77, 172–174, 258–259, 284–285, 364–365].

В то же время в союзных и наемных турках выделяются такие качества как преданность, мужественность, рассудительность, хитрость, высокое воинское мастерство, сила и смелость, высокий статус и благородное происхождение, искренняя привязанность и почтение к знатным византийцам, стремление служить достойному правителю и государству ромеев. Такие турки делаются «*единомышленниками ромеев… их сотоварищами в поддержке его правления, в верности и искреннем расположении*», сравниваясь с волком и барсом, что, по словам пророка, станут пастись вместе с ягненком и козленком (Ис. 11:6) [1, с. 15–16, 95, 115–116, 120, 153, 212; 10, с. 28–29, 111, 113, 133–137; 66, p. 258–259, 436–439, 482–483, 484–487; 69, p. 100–101]. Отдельные турецкие лидеры становились наемниками, будучи не в состоянии выдержать борьбы с Алексеем, и еще более были побуждаемы к переходу на имперскую службу многочисленными щедрыми дарами и благоволением со стороны императора. И конечно же, они должны были принять главный из императорских даров – крещение [1, с. 150–151, 303].

Персоналии III

Амертикий / *Амир-Тегин* (?). Турецкий архонт на византийской службе в 1056/1057–1063 гг. Из-за недовольства невыплатой причитавшегося жалования перешел на службу к мирдасидскому эмиру Алеппо и в дальнейшем осуществлял набеги на византийские владения в Сирии [34; 37, p. 118–119; 41, p. 2; 66, p. 172–175, 601; 68, S. 66].

Хрисоскул / *Эл-басан*. Сельджукский архонт на византийской службе в 1070-х гг. Носил титул проэдра. В 1078 г. успешно выступил в роли посредника между Никифором Вотаниатом и сельджукскими предводителями Сулейманом и Мансуром, чем открыл узурпатору возможность занять Никею [10, с. 112–113; 66, p. 258–261; 69, p. 101].

Сулейман ибн Куталмыш. Сельджукский архонт в 1077–1086 гг. Совместно со своим братом *Мансуром* выступал в качестве союзника Михаила VII, Никифора Вотаниата и Никифора Мелиссина, пользуясь византийскими внутренними конфликтами для установления собственной власти на северо-западе Малой Азии. С 1081 г., когда Сулейман и император Алексей I заключили договор об установлении византино-сельджукской границы по реке Дракон, поставлял Комнину наемные отряды [1, с. 87, 115–116; 69, p. 241, 259].

Камир. Сельджукский архонт, один из игемонов (οἱ ἡγεμόνες), «*превосходивший остальных возрастом и опытностью*», семитысячного турецкого корпуса на византийской службе в 1083–1095 гг. В 1095 г. осуществил ослепление плененного Лже-Диогена [1, с. 115–116, 223; 35, p. 154].

Илхан. Сельджукский архонт, принявший христианство и возглавлявший тагмы соплеменников на византийской службе в 1086/1087–1095 гг. [1, с. 150–151, 218].

Скалиарий. Сельджукский архонт, «*один из наиболее славных восточных игемонов*», принявший христианство и возглавлявший тагмы соплеменников на византийской службе в 1086/1087–1107/1108 гг. [1, с. 151, 218, 303; 35, p. 398]

***

Таким образом, Византийская империя систематически прибегала к использованию тюркских наемных контингентов в своих вооруженных силах в середине IX – XI в. – в составе императорской гвардии, полевых войск, гарнизонов. Необходимо отметить, что привлечение к службе в элитных подразделениях императорской этерии представителей тех или иных тюркских этносов, в зависимости от статуса их политий, являлось важным символическим актом, имело высокое ритуально-церемониальное и политико-дипломатическое значение, подчеркивая широту распространения власти ромейского правителя, ее всеобъемлю-

щий, космократический характер. Тюркские предводители и их окружение интегрировались в византийское общество и инкорпорировались в состав византийской элиты посредством принятия христианства, смешанных браков, получения высоких имперских титулов и должностей, наделения собственными владениями. Тюркские отряды использовались не только во внешних войнах империи, но и активно включались во внутриполитическую жизнь ромейского государства, принимая деятельное участие в мятежах византийской знати, дворцовых интригах и переворотах. В период кризиса середины – второй половины XI в. многие тюркские вожди предпочли начать отыгрывать самостоятельные роли, организуя на территориях размещения руководимых ими этнических контингентов собственные политии, независимые либо подчинявшиеся Константинополю лишь номинально.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анна Комнина. Алексиада / Пер. и коммент. Я.Н. Любарского. СПб.: Алетейя, 2017. 683 с.
2. Байер Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. 520 с.
3. Бейлис В.М. Ал-Мас'уди о русско-византийских отношениях в 50-х годах X в. // Международные связи России до XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 21–32.
4. Бибиков М.В. Русь в византийской дипломатии: договоры Руси с греками X в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 1(19). С. 5–15.
5. Васильев А.А. Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1902. 232 с.
6. Васильевский В.Г. Византия и Печенеги // Труды В.Г. Васильевского. Т. 1. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1908. С. 1–175.
7. Голден П. Тюрки-хазары – гулямы на службе у халифов / Пер. с англ. И.И. Соколовой // Хазары. 2005. Т. 16. С. 458–482.
8. Гусейн-заде Р.А. Сельджукская военная организация // Гусейн-заде Р.А. Кавказ и сельджуки. Баку: Кавказ, 2010. С. 177–203.
9. Две византийские хроники X века: Псамафийская хроника. Иоанн Камениата. Взятие Фессалоники / Пер., предисл. и коммент. А.П. Каждана, С.В. Поляковой, И.В. Феленковской, Р.А. Наследовой. М.: Изд-во Восточной литературы, 1959. 263 с.
10. Исторические записки Никифора Вриенния (976–1087) / Под ред. В. Н. Карпова. СПб.: Тип. Г. Трусова, 1858. 187 с.
11. Карашайски К.М. «Этерия скифов из Таврики»: к историографии вопроса // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: Материалы VI Международной научной конференции (Севастополь, 3–7 октября 2022 г.). М.: ИВ РАН, 2022. С. 221–224.
12. Карашайски К.М. Тюрки в гвардии византийских императоров в середине IX – первой половине X в. // TERRA TATARICA: Крым и тюркский мир в эпоху Средневековья и в Новое время (Симферополь, 10–12 октября 2023 г.): Мат-лы науч. конф. Симферополь: Ариал, 2023. С. 112–118.
13. Козлов С.А. Byzantinopecenacica I: Богас и Кеген – печенежские «языки» на византийской службе // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 2013. Vol. 20. С. 103–127.
14. Козлов С.А. Были ли печенежские союзники византийцев «христолюбивым воинством»? // ЭНОЖ «История». 2015. Т. 6. Вып. 1(34). URL: https://history.jes.su/s207987840000954-8-2/ (дата обращения: 15.06.2025).
15. Константин Багрянородный. Об управлении империей / Под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. М.: Наука, 1991. 496 с.
16. Кузенков П.В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древние государства Восточной Европы. 2000 г.: Проблемы источниковедения. М.: Восточная литература, 2003. С. 3–172.
17. Кучук-Иоаннесов Х.И. Письмо императора Іоанна Цимисхія къ армянскому царю Ашоту III // ВВ. 1903. Т. X. Вып. 1–2. С. 91–101.
18. Михаил Пселл. Хронография. Краткая история / Пер., статья, прим. Я.Н. Любарского; пер. Д.А. Черноглазова, Д.Р. Абрахмановой. СПб.: Алетейя, 2003. 397 с.
19. Мохов А.С. Византийская армия в правление Романа IV Диогена (1068–1071 гг.) // АДСВ. 2003. Вып. 34. С. 275–296.
20. Мохов А.С. К вопросу о византийской военной организации в период войны с печенегами 1046–1053 гг. // Известия Уральского государственного университета. 2005. Вып. 39. С. 15–26.

21. Мустафаев Ш.М. От сельджуков к османам. Этнополитические процессы в тюркской среде Малой Азии в XI–XV веках. М.: ИВ РАН; МИЦАИ, 2017. 436 с.
22. Науменко В.Е. К вопросу о характере византийско-хазарских отношений в конце VIII – середине IX вв. // ПИФК. 2002. Вып. XII. С. 544–568.
23. Повествование вардапета Аристакэса Ластивертци / Пер. с древнеармян., вступ. статья и коммент. К.Н. Юзбашяна. М.: Наука, 1968. 196 с.
24. Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / Изд. подгот. Я.Н. Любарский. СПб.: Наука, 1992. 348 с.
25. Розен В.Р. Император Василий Болгаробойца. Извлечения из летописи Яхъи Антиохийского. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1883. 634 с.
26. Сорочан С.Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Харьков: Майдан, 2005. 1648 с.
27. Степаненко В.П. Византия в международных отношениях на Ближнем Востоке (1071–1176). Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. 240 с.
28. Франкопан П. Первый крестовый поход: Зов с Востока. М.: Альпина нон-фикшн, 2018. 352 с.
29. Хроника Симеона Магистра и Логофета / Пер. со среднегреч. А.Ю. Виноградова, вступ. статья и коммент. П.В. Кузенкова. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2014. 264 с.
30. Шукуров Р.М. Тюрки в Византийском мире (1204–1461). М.: Изд-во Моск. ун-та, 2017. 631 с.
31. Abû Alî Ahmed Omar ibn Rustah. Kitâb al-Aʿlâk an-Nafîsa VII / Ed. M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum: Brill, 1892. 381 p.
32. Ahrweiler H. Les relations entre les Byzantins et les Russes au IXe siècle // Bulletin d'Information et de Coordination de l'Association Internationale des Etudes Byzantines. 1971. No. 5. P. 44–70.
33. Albert of Aachen. Historia Ierosolimitana: History of the Journey to Jerusalem / Ed., trans. by S.B. Edgington. Oxford: Clarendon Press, 2007. 958 p.
34. Amertikes, Turkish commander // Prosopography of the Byzantine World. URL: https://pbw2016.kdl.kcl.ac.uk/person/106253/ (дата обращения: 07.06.2025).
35. Annae Comnenae Alexias / Rec. D.R. Reinsch, A. Kambylis. Berlin; N. Y.: de Gruyter, 2001. Vol. I. 562 p.
36. Artabasdos // Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit. URL: http://pom.bbaw.de/pmbz/scripts/browse.xql?id=20627 (дата обращения: 07.06.2025).
37. Beihammer A.D. Byzantium and the Emergence of Muslim-Turkish Anatolia, ca. 1040–1130. London: Routledge, 2017. 438 p.
38. Benedikz B.S. The evolution of the Varangian regiment in the Byzantine army // Byzantinische Zeitschrift. 1969. Bd. 62. S. 20–24.
39. Birkenmeier J.W. The Development of the Komnenian Army 1081–1180. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2002. 263 p.
40. Bosworth C.E. The Islamic Dynasties: a chronological and genealogical handbook. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1967. 263 p.
41. Brand C.M. The Turkish Element in Byzantium, Eleventh–Twelfth Centuries // Dumbarton Oaks Papers. 1989. Vol. 43. P. 1–25.
42. Bury J. B. The Imperial Administrative System in the Ninth Century: With a Revised Text of Kletorologion of Philotheos. London: Oxford University Press, 1911. 179 p.
43. Cheynet J.-C. Mantzikert: un desastre militaire? // The Byzantine Aristocracy and its Military Function. Abingdon, 2006. P. 411–438.
44. Constantine Porphyrogennetos: The Book of Ceremonies / Ed., trans. by A. Moffatt, M. Tall. Leiden; Boston: Brill, 2012. 908 p.
45. Drocourt N. Diplomatie sur le Bosphore. Les ambassadeurs étrangers dans l'Empire byzantin des années 640 à 1204. Louvain: Peeters Publ., 2015. 781 p.
46. Frye R.N. The Samanids // The Cambridge History of Iran. Cambridge: Cambridge University Press, 1975. Vol. 4. P. 136–153.
47. Genesios. On the Reigns of the Emperors / Trans. and comment. by A. Kaldellis. Canberra: Australian Association for Byzantine Studies, 1998. 184 p.
48. Genesius. Regum / Rec. C. Lachmanni. Bonnae: Impensis Ed. Weberi, 1834. 202 p.
49. Gordon M.S. The Breaking of a Thousand Swords: A History of the Turkish Military of Samarra (A.H. 200–275/815–889 C.E.). N. Y.: SUNY Press, 2001. 323 p.
50. Guilland R. Recherches sur les institutions byzantines. Berlin; Amsterdam: Akademie-Verlag, A.M. Hakkert, 1967. T. I. 607 p.
51. Guillaume de Pouille. La Geste de Robert Guiscard / Éd., trad., comment. et introd. par M. Mathieu; avec une préf. de H. Grégoire. Palermo: Istituto Siciliano di Studi Bizantini e Neoellenici, 1961. 416 p.
52. Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum / Rec. I. Thurn. Berolini; Novi Eboraci: de Gruyter, 1973. 636 p.
53. Ioannis Zonarae. Epitome historiarum / Ed. T. Büttner-Wobst. Bonnae, 1897. T. III. 954 p.

54. John Skylitzes. A Synopsis of Byzantine History 811–1057 / Trans. by J. Wortley. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 524 p.
55. Jordanov I. Corpus of Byzantine seals from Bulgaria. Sofia: Agato Publ., 2003. Vol. 1. 212 p.
56. Jordanov I. Corpus of Byzantine seals from Bulgaria. Sofia: Bulgarian Academy of sciences, Archaeological Institute with Museum, 2006. Vol. 2. 546 p.
57. Jordanov I. Sceau d'archonte de Patzinakia du XIe s. // Etudes balkaniques. 1992. Vol. 28, № 2. P. 79–82.
58. Karlin-Hayter P. Les Tauroscythes de Génésios // Byzantion. 1970. T. XL. P. 236–237.
59. Kennedy H.N. The Armies of the Caliphs: Military and Society in the Early Islamic State. London; N. Y.: Routledge, 2001. 258 p.
60. Kennedy H.N., Haldon J.F. The Arab-Byzantine Frontier in the Eighth and Ninth Centuries: Military Organisation and Society in the Borderlands // Зборник радова Византолошког института. 1980. T. XIX. P. 79–116.
61. Kühn H.-J. Die byzantinische Armee im 10. und 11. Jahrhundert. Studien zur Organisation der Tagmata. Wien: Verlag Fassbaender, 1991. 326 S.
62. Le Livre de la Creation et de l'Histoire [al-Maqdisī al-Muṭahhar ibn Ṭāhir. Kitāb al-Bad' wa al-tārīkh] / Publ. et trad. par M.Cl. Huart. Paris: Ernest Leroux, 1907. T. 4. 508 p.
63. Madgearu A. Byzantine military organization on the Danube, 10th–12th centuries. Leiden; Boston: Brill, 2013. 224 p.
64. Malamut É. L'image byzantine des Petchénègues // Byzantinische Zeitschrift. 1995. Bd. 88. P. 105–147.
65. Matthew of Edessa's Chronicle / Trans. by R. Bedrosian. Long Branch, New Jersey: Sources of the Armenian Tradition, 2017. 159 p.
66. Michael Attaleiates. The History / Trans. by A. Kaldellis and D. Krallis. London: Harvard University Press, 2012. 656 p.
67. Moravcsik G. Byzantinoturcica I. Die Byzantinischen Quellen der Geschichte der Türkvölker. Leiden: Brill, 1983. 631 S.
68. Moravcsik G. Byzantinoturcica II. Sprachreste der Türkvölker in den Byzantinischen Quellen. Leiden: Brill, 1983. 401 S.
69. Nicéphore Bryennio Histoire / Introd., texte, trad. et notes par P. Gautier. Bruxelles: Byzantion, 1975. 409 p.
70. Noonan T. S. Byzantium and the Khazars: a special relationship? // Byzantine Diplomacy (Papers from the Twenty-fourth Spring Symposium of Byzantine Studies, Cambridge, March 1990). Aldershot: Variorum, 1992. P. 109–132.
71. Oxford Dictionary of Byzantium. N. Y., Oxford: Oxford University Press, 1991. Vol. 1–3. 2232 p.
72. Seibt W., Zarnitz M.-L. Das byzantinische Bleisiegel als Kunstwerk. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1997. 231 S.
73. Shepard J. The Emperor's Long Reach: Imperial Alertness to «Barbarian» Resources and Force Majeure, from the Fifth to the Fifteenth Centuries // La diplomatie byzantine, de l'Empire romain aux confins de l'Europe (Ve–XVe s.) / Éd. par N. Drocourt, É. Malamut. Leiden; Boston: Brill, 2020. P. 287–315.
74. Smythe D. C. Why do barbarians stand round the emperor at diplomatic receptions? // Byzantine Diplomacy / Ed. by J. Shepard, S. Franklin. Aldershot: Ashgate Publ., 1992. P. 305–312.
75. Spinei V. The Romanians and the Turkic Nomads North of the Danube Delta from the Tenth to the Mid-Thirteenth Century. Leiden; Boston: Brill, 2009. 565 p.
76. Stephenson P. Byzantium's Balkan Frontier: A Political Study of the Northern Balkans, 900–1204. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 364 p.
77. The Annals of the Saljuq Turks: Selections from al-Kāmil fī'al-Ta'rīkh of 'Izz al-Dīn Ibn al-Athīr / Trans. and annotated by D.S. Richards. N. Y.: RoutledgeCurzon, 2002. 318 p.
78. Theophanes // Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit. URL: http://pom.bbaw.de/pmbz/scripts/browse.xql?id=8150/corr. (дата обращения: 07.06.2025).
79. Vasiliev A.A. Byzance et les Arabes: la dynastie d'Amorium (820–867) / Éd. par H. Grégoire, M. Canard. Bruxelles: Institut de Philologie et d'Histoire Orientales, 1935. T. I. 466 p.
80. Vasiliev A.A. Byzance et les Arabes: la dynastie Macédonienne (867–959) / Éd. par H. Grégoire, M. Canard. Bruxelles: Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves, 1950. T. II. 450 p.
81. Vryonis S. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization from the Eleventh Through the Fifteenth Century. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1971. 549 p.

REFERENCES

1. Anna Komnene. *Aleksiada* [Alexias]. Ed., trans. by Ia.N. Liubarskii. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2017, 683 p.
2. Baier Kh.-F. *Istoriia krymskikh gotov kak interpretatsiia Skazaniia Matfeia o gorode Feodoro* [The History of the Crimean Goths as an Interpretation of Matthew's Tale of the City of Theodoro]. Ekaterinburg, Ural University Publ., 2001, 520 p.

3. Beilis V.M. Al-Masudi on Russian-Byzantine relations in the 50s of the 10th century. *Mezhdunarodnye sviazi Rossii do XVII v.* [International Relations of Russia up to the 17th Century], Moscow, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1961, pp. 21–32.
4. Bibikov M.V. Rus' in Byzantine Diplomacy: Treaties of Rus' with the Greeks of the 10th Century. *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki* [Old Russia. The Questions of Middle Ages], 2005, no. 1(19), pp. 5–15.
5. Vasil'ev A.A. *Vizantiia i araby. Politicheskie otnosheniia Vizantii i arabov za vremia Makedonskoi dinastii* [Byzantium and the Arabs. Political relations between Byzantium and the Arabs during the Macedonian dynasty]. St. Petersburg, I.N. Skorokhodov Publ., 1902, 232 p.
6. Vasil'evskii V.G. Byzantium and Pechenegs. *Trudy* [Works], T. 1, St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ., 1908. pp. 1–175.
7. Golden P. Khazar Turkic Ghulâms in Caliphal Service. *Khazary* [Khazars], 2005, T. 16, pp. 458–482.
8. Gusein-zade R.A. Seljuk military organization. *Kavkaz i sel'dzhuki* [Caucasus and Seljuks], Baku, Kavkaz Publ., 2010, pp. 177–203.
9. *Dve vizantiiskie khroniki X veka: Psamafiiskaia khronika. Ioann Kameniata. Vziatie Fessaloniki* [Two Byzantine Chronicles of the 10th century: The Psamaphian Chronicle. John Kaminiates. The Capture of Thessaloniki]. Ed., trans. by A.P. Kazhdan, S.V. Poliakova, I.V. Felenkovskaia, R.A. Nasledova. Moscow, Vostochnaia literatura Publ., 1959, 263 pp.
10. *Istoricheskie zapiski Nikifora Vrienniia (976–1087)* [The History of Nicephoros Bryennios (976–1087)]. Ed. by V.N. Karpov. St. Petersburg, G. Trusov Publ., 1858, 187 p.
11. Karashayski K.M. «Hetaireia of the Scythians from Taurica»: To the Historiography of the Question. *Istoricheskie, kul'turnye, mezhnatsional'nye, religioznye i politicheskie sviazi Kryma so Sredizemnomorskim regionom i stranami Vostoka: Materialy VI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Sevastopol, 3–7 oktiabria 2022 g.)* [Historical, Cultural, Interethnic, Religious and Political Relations of the Crimea with the Mediterranean and Eastern Countries: Proceedings of the 6th International Scientific Conference (Sevastopol, October 3–7, 2022)], Moscow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences Publ., 2022, pp. 221–224.
12. Karashayski K.M. Turks in the Guard of the Byzantine Emperors in the middle of the 9th – first half of the 10th century. *TERRA TATARICA: Krym i tiurkskii mir v epokhu Srednevekov'ia i v Novoe vremia (Simferopol, 10–12 oktiabria 2023 g.): Materialy nauchnoi konferentsii* [TERRA TATARICA: Crimea and the Turkic World in the Middle Ages and in Modern Era: Proceedings of a Scientific Conference (Simferopol, October 10–12, 2023)], Simferopol, Arial Publ., 2023, pp. 112–118.
13. Kozlov S.A. Byzantinopecenacica I: Bogas and Kegen – Pecheneg «yazyki» at the Byzantine Service. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*, 2013, vol. 20, pp. 103–127.
14. Kozlov S.A. Whether the Pecheneg Allies of Byzantines were the «Christ-Loving Host»? *ENOZh «Istoriia»* [«ISTORIYA»], 2015, T. 6, vol. 1(34). URL: https://history.jes.su/s207987840000954-8-2/
15. Constantine Porphyrogennetos. *Ob upravlenii imperiei* [De administrando imperio]. Ed. by G.G. Litavrin, A.P. Novosel'tsev. Moscow, Nauka Publ., 1991, 496 p.
16. Kuzenkov P.V. The Campaign of 860 against Constantinople and the First Baptism of Rus' in Mediaeval Written Sources. *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. 2000 god: Problemy istochnikovedeniia* [The Earliest States of Eastern Europe. 2000: Problems of Source Studies], Moscow, Vostochnaia literatura Publ., 2003, pp. 3–172.
17. Kuchuk-Ioannesov Kh.I. Letter from Emperor John Tzimiskes to the Armenian King Ashot III. *Vizantiyskiy Vremennik* [BYZANTINA XPONIKA], 1903, T. X, vol. 1–2, pp. 91–101.
18. Michael Psellos. *Khronografiia. Kratkaia istoria* [Chronographia. Historia Syntomos]. Ed., trans. by Ia.N. Liubarskii, D.A. Chernoglazov, D.R. Abrakhmanova. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2003, 397 p.
19. Mokhov A.S. Byzantine army during the reign of Romanos IV Diogenes (1068–1071). *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2003, vol. 34, pp. 275–296.
20. Mokhov A.S. On the question of Byzantine military organisation during the war with the Pechenegs, 1046–1053. *Izvestiia Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of the Ural State University], 2005, no. 39, pp. 15–26.
21. Mustafaev Sh.M. *Ot sel'dzhukov k osmanam. Etnopoliticheskie protsessy v tiurkskoi srede Maloi Azii v XI–XV vekakh* [From the Seljuks to the Ottomans. Ethno-political processes in the Turkic milieu of Asia Minor in the 11–15 centuries]. Moscow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, The International Institute for Central Asian Studies Publ., 2017, 436 p.
22. Naumenko V.E. Relations between the Byzantine Empire and Khazars from the late 8th to the middle of the 9th centuries. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies], 2002, vol. 12, pp. 544–568.
23. *Povestvovanie vardapeta Aristakesa Lastiverttsi* [Narration of the vardapet Aristakes Lastivertci]. Ed., trans. by K.N. Iuzbashian. Moscow, Nauka Publ., 1968, 196 p.
24. Theophanes Continuatus. *Zhizneopisaniia vizantiiskikh tsarei* [Lives of the Byzantine Emperors]. Ed., trans. by Ia.N. Liubarskii. St. Petersburg, Nauka Publ., 1992, 348 p.

25. Rozen V.R. *Imperator Vasilii Bolgaroboitsa. Izvlecheniia iz letopisi Iakh"i Antiokhiiskogo* [Emperor Basil the Bulgar Slayer. Extracts from the Chronicle of Yahya of Antioch]. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ., 1883, 634 p.
26. Sorochan S.B. *Vizantiiskii Kherson (vtoraia polovina VI – pervaia polovina X vv.). Ocherki istorii i kul'tury* [Byzantine Cherson (second half of the 6th – first half of the 10th centuries). Essays on history and culture]. Khar'kov, Maidan Publ., 2005, 1648 p.
27. Stepanenko V.P. *Vizantiia v mezhdunarodnykh otnosheniiakh na Blizhnem Vostoke (1071–1176)* [Byzantium in International Relations in the Middle East (1071–1176)]. Sverdlovsk, Ural University Publ., 1988, 240 p.
28. Frankopan P. *Pervyi krestovyi pokhod: Zov s Vostoka* [The First Crusade: The Call from the East]. Moscow, Alpina Non-Fiction Publ., 2018, 352 p.
29. *Khronika Simeona Magistra i Logofeta* [Chronicle of Simeon Magister and Logothete]. Trans. by A.Iu. Vinogradov. Moscow, Russian Foundation for Assistance to Education and Science Publ., 2014, 264 p.
30. Shukurov R.M. *Tiurki v Vizantiiskom mire (1204–1461)* [Turks in the Byzantine World (1204–1461)]. Moscow, Moskovskii universitet Publ., 2017, 631 p.
31. Abû Alî Ahmed Omar ibn Rustah. *Kitâb al-Aʿlâk an-Nafîsa VII*. Ed. M.J. de Goeje, Lugduni Batavorum, Brill, 1892, 381 p.
32. Ahrweiler H. Les relations entre les Byzantins et les Russes au IXe siècle. *Bulletin d'information et de coordination*, 1971, no. 5, pp. 44–70.
33. Albert of Aachen. *Historia Ierosolimitana: History of the Journey to Jerusalem*. Ed., trans. by S.B. Edgington. Oxford, Clarendon Press, 2007, 958 p.
34. Amertikes, Turkish commander. *Prosopography of the Byzantine World*. URL: https://pbw2016.kdl.kcl.ac.uk/person/106253/
35. *Annae Comnenae Alexias*. Rec. D.R. Reinsch, A. Kambylis. Berlin, N. Y., de Gruyter, 2001, vol. I, 562 p.
36. Artabasdos. *Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit*. URL: http://pom.bbaw.de/pmbz/scripts/browse.xql?id=20627
37. Beihammer A.D. *Byzantium and the Emergence of Muslim-Turkish Anatolia, ca. 1040–1130*. London, Routledge, 2017, 438 p.
38. Benedikz B.S. The evolution of the Varangian regiment in the Byzantine army. *Byzantinische Zeitschrift*, 1969, Bd. 62, S. 20–24.
39. Birkenmeier J.W. *The Development of the Komnenian Army 1081–1180*. Leiden, Boston, Köln, Brill, 2002, 263 p.
40. Bosworth C.E. *The Islamic Dynasties: a chronological and genealogical handbook*. Edinburgh, Edinburgh University Press, 1967, 263 p.
41. Brand C.M. The Turkish Element in Byzantium, Eleventh–Twelfth Centuries. *Dumbarton Oaks Papers*, 1989, vol. 43, pp. 1–25.
42. Bury J.B. *The Imperial Administrative System in the Ninth Century: With a Revised Text of Kletorologion of Philotheos*. London, Oxford University Press, 1911, 179 p.
43. Cheynet J.-C. Mantzikert: un desastre militaire? *The Byzantine Aristocracy and its Military Function*, Abingdon, 2006, pp. 411–438.
44. *Constantine Porphyrogennetos: The Book of Ceremonies*. Ed., trans. by A. Moffatt, M. Tall. Leiden, Boston, Brill, 2012, 908 p.
45. Drocourt N. *Diplomatie sur le Bosphore. Les ambassadeurs étrangers dans l'Empire byzantin des années 640 à 1204*. Louvain, Peeters Publ., 2015, 781 p.
46. Frye R.N. The Samanids. *The Cambridge History of Iran*, Cambridge, Cambridge University Press, 1975, vol. 4, pp. 136–153.
47. Genesios. *On the Reigns of the Emperors*. Trans. and comment. by A. Kaldellis. Canberra, Australian Association for Byzantine Studies, 1998, 184 p.
48. Genesius. *Regum*. Rec. C. Lachmanni. Bonnae, Impensis Ed. Weberi, 1834, 202 p.
49. Gordon M.S. *The Breaking of a Thousand Swords: A History of the Turkish Military of Samarra (A.H. 200–275/815–889 C.E.)*. N. Y., SUNY Press, 2001, 323 p.
50. Guilland R. *Recherches sur les institutions byzantines*. Berlin, Amsterdam, Akademie-Verlag, A.M. Hakkert, 1967, T. I, 607 p.
51. Guillaume de Pouille. *La Geste de Robert Guiscard*. Éd., trad., comment. et introd. par M. Mathieu; avec une préf. de H. Grégoire. Palermo, Istituto Siciliano di Studi Bizantini e Neoellenici, 1961, 416 p.
52. *Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum*. Rec. I. Thurn. Berolini, Novi Eboraci, de Gruyter, 1973, 636 p.
53. Ioannis Zonarae. *Epitome historiarum*. Ed. T. Büttner-Wobst. Bonnae, 1897, T. III, 954 p.
54. John Skylitzes. *A Synopsis of Byzantine History 811–1057*. Trans. by J. Wortley. Cambridge, Cambridge University Press, 2010, 524 p.
55. Jordanov I. *Corpus of Byzantine seals from Bulgaria*. Sofia, Agato Publ., 2003, vol. 1, 212 p.
56. Jordanov I. *Corpus of Byzantine seals from Bulgaria*. Sofia, Bulgarian Academy of sciences, Archaeological Institute with Museum, 2006, vol. 2, 546 p.

57. Jordanov I. Sceau d'archonte de Patzinakia du XIe s. *Etudes balkaniques*, 1992, vol. 28, no. 2, pp. 79–82.
58. Karlin-Hayter P. Les Tauroscythes de Génésios. *Byzantion*, 1970, T. 40, pp. 236–237.
59. Kennedy H.N. *The Armies of the Caliphs: Military and Society in the Early Islamic State*. London, N. Y., Routledge, 2001, 258 p.
60. Kennedy H.N., Haldon J.F. The Arab-Byzantine Frontier in the Eighth and Ninth Centuries: Military Organisation and Society in the Borderlands. *Zbornik radova Vizantoloskog instituta*, 1980, T. 19, pp. 79–116.
61. Kühn H.-J. *Die byzantinische Armee im 10. und 11. Jahrhundert. Studien zur Organisation der Tagmata*. Wien, Verlag Fassbaender, 1991, 326 S.
62. *Le Livre de la Creation et de l'Histoire* [al-Maqdisī al-Muṭahhar ibn Ṭāhir. Kitāb al-Bad' wa al-tārīkh]. Publ. et trad. par M.Cl. Huart. Paris, Ernest Leroux, 1907, T. 4, 508 p.
63. Madgearu A. *Byzantine military organization on the Danube, 10th–12th centuries*. Leiden, Boston, Brill, 2013, 224 p.
64. Malamut É. L'image byzantine des Petchénègues. *Byzantinische Zeitschrift*, 1995, Bd. 88, pp. 105–147.
65. *Matthew of Edessa's Chronicle*. Trans. by R. Bedrosian. Long Branch, New Jersey, Sources of the Armenian Tradition, 2017, 159 p.
66. *Michael Attaleiates. The History*. Trans. by A. Kaldellis and D. Krallis. London, Harvard University Press, 2012, 656 p.
67. Moravcsik G. *Byzantinoturcica I. Die Byzantinischen Quellen der Geschichte der Türkvölker*. Leiden, Brill, 1983, 631 S.
68. Moravcsik G. *Byzantinoturcica II. Sprachreste der Türkvölker in den Byzantinischen Quellen*. Leiden, Brill, 1983, 401 S.
69. *Nicéphore Bryennio Histoire*. Introd., texte, trad. et notes par P. Gautier. Bruxelles, Byzantion, 1975, 409 p.
70. Noonan T. S. Byzantium and the Khazars: a special relationship? *Byzantine Diplomacy (Papers from the Twenty-fourth Spring Symposium of Byzantine Studies, Cambridge, March 1990)*, Aldershot, Variorum, 1992, pp. 109–132.
71. *Oxford Dictionary of Byzantium*. N. Y., Oxford, Oxford University Press, 1991, vol. 1–3, 2232 p.
72. Seibt W., Zarnitz M.-L. *Das byzantinische Bleisiegel als Kunstwerk*. Wien, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1997, 231 S.
73. Shepard J. The Emperor's Long Reach: Imperial Alertness to «Barbarian» Resources and Force Majeure, from the Fifth to the Fifteenth Centuries. N. Drocourt, É. Malamut (Éds.), *La diplomatie byzantine, de l'Empire romain aux confins de l'Europe (Ve–XVe s.)*, Leiden, Boston, Brill, 2020, pp. 287–315.
74. Smythe D.C. Why do barbarians stand round the emperor at diplomatic receptions? J. Shepard, S. Franklin (Eds.), *Byzantine Diplomacy*, Aldershot, Ashgate Publ., 1992, pp. 305–312.
75. Spinei V. *The Romanians and the Turkic Nomads North of the Danube Delta from the Tenth to the Mid-Thirteenth Century*. Leiden, Boston, Brill, 2009, 565 p.
76. Stephenson P. *Byzantium's Balkan Frontier: A Political Study of the Northern Balkans, 900–1204*. Cambridge, Cambridge University Press, 2004, 364 p.
77. *The Annals of the Saljuq Turks: Selections from al-Kāmil fī'al-Ta'rīkh of 'Izz al-Dīn Ibn al-Athīr*. Trans. and annotated by D.S. Richards. N. Y., RoutledgeCurzon, 2002, 318 p.
78. Theophanes. *Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit*. URL: http://pom.bbaw.de/pmbz/scripts/browse.xql?id=8150/corr.
79. Vasiliev A.A. *Byzance et les Arabes: la dynastie d'Amorium (820–867)*. Éd. par H. Grégoire, M. Canard. Bruxelles, Institut de Philologie et d'Histoire Orientales, 1935, T. I, 466 p.
80. Vasiliev A.A. *Byzance et les Arabes: la dynastie Macédonienne (867–959)*. Éd. par H. Grégoire, M. Canard. Bruxelles, Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves, 1950, T. II, 450 p.
81. Vryonis S. *The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization from the Eleventh Through the Fifteenth Century*. Berkeley, Los Angeles, London, University of California Press, 1971, 549 p.

Информация об авторе

Карашайски К. М. – младший научный сотрудник НИЦ истории и археологии Крыма Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Researcher ID: ISV-6028-2023, Scopus ID: 58835285400.

Author information

Karashayski K. M. – Junior Researcher at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: ISV-6028-2023, Scopus ID: 58835285400.

DOI: 10.29039/2413-189X.2025.30.516-520

КРЫМСКИЕ ТОПОНИМЫ В ЧЕТВЕРТОМ ТУРЕЦКОМ ПИСЬМЕ БУСБЕКА

Диана Александровна Шалыга
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия
d.shalyga@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-4801-6947

Аннотация. В статье рассматриваются гипотезы локализации топонима Сциварин, названного Ожье Гисленом де Бусбеком в четвертом «Турецком письме», известном источнике сведений о языке крымских готов. Автор обращает внимание на возможность готского происхождения топонима. Важным критерием для его локализации служит определение «главный город».

Ключевые слова: топонимы, Бусбек, Крым, Мангуп, Сциварин / Скиварин / Шиварин

Благодарности: Статья написана в рамках проекта Минобрнауки РФ, государственное задание FZEG-2025-0001 «Этнические трансформации в Крыму и Таврических степях в Средние века и Новое время».

CRIMEAN TOPONYMS IN BUSBECQ'S FOURTH TURKISH LETTER

Diana A. Shalyga
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
d.shalyga@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-4801-6947

Abstract. This article examines the hypotheses about the localization of the toponym Scivarin, mentioned by Ogier Ghiselin de Busbecq in his fourth *Turkish Letter*, a well-known source on the Crimean Gothic language. The author draws attention to the possible Gothic origin for the toponym. An important criterion for the localization is the definition as "primarias eorum urbes."

Keywords: toponyms, Crimea, Mangup, Scivarin

Acknowledgement: This article has been written as a part of the project supported by state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation FZEG-2025-0001 *Ethnic Transformations in the Crimea and the Tauria Steppe in the Middle Ages and the Modern Period.*

В четвертом «Турецком письме» Ожье Гислен де Бусбек в сведениях о жизни крымских готов называет их главные города на полуострове Мангуп и Сциварин / Скиварин / Шиварин: «Aiebat gentem esse bellicosam, quae complures pagos hodieque incoleret, ex quibus Tartarorum regulus, cum expediret, octingentos pedites sclopetarios scriberet, praecipuum suarum copiarum firmamentum: primarias eorum urbes, alteram Mancup vocari, alteram Sciuarin» [17]. Если локализация первого топонима не вызывает сомнений, то второе обозначение до сих пор представляет интерес для исследователей как с точки зрения его этимологии, так и соотнесения с называемым объектом.

П. И. Кеппен считает Сциварином Бусбека некогда греческое поселение Таш Баскан Сюйрен у подножья мыса, на котором возвышается башня Сюйреньской крепости [8, с. 291]. Названия близлежащих деревень Кючюк Сюйрен и Бююк Сюйрен на военной топографической карте полуострова, составленной генерал-майором С. А. Мухиным в 1817 г., переданы как Біюк Сиврен и Кучук сиврен [8, с. 291; 5]. Сохранившуюся башню, по свидетельству П. И. Кеппена, местные жители называли просто Кулле, у Ф. Дюбуа де Монпере – Кудлет-кале [8, с. 292; 7, с. 297].

В подтверждение П. И. Кеппен ссылается на описание Мангута / Манкупа у Иоганна Тунманна: «Im Jahr 1560 wohnten hier noch Gothen, welche auch damals Schuren, oder Schivarin, einen Flecken, nicht weit davon inne hatten» [8, с. 292; 25, S. 344]. В русскоязычном издании «Крымское ханство» 1777 года: «В 1560 г. здесь жили готы, обитавшие в то время также неподалеку отсюда в местечке Шурен или Шиварин» [10, с. 35].

Ф. Браун также отождествляет Шиварин с Сюйренью: «Die zweite, Scivarin, ist ohne Zweifel das heutige Dorf Süiren (Буюк-, Кючюк- und besonders Таш-Баскан-Сюйрень, alle drei hart bei einander am rechten Ufer des Belbek, in der Nähe von Mankup)» – Другой, Scivarin – это, вне всяких сомнений, современная деревня Сюйрень (Буюк-, Кючюк- и особенно Таш-Баскан-Сюйрень, все три в непосредственной близости друг от друга на правом берегу Бельбека, неподалеку от Манкупа [15, с. 65].

В. А. Бушаков приводит целый ряд аналогий и считает топоним Сюйрень этноойконимом кипчатского происхождения, образованного от возможного названия реки со значением «Волочащаяся» [2].

Г. Ф. Массманн определяет Шиварин как поселение, расположенное вблизи опустевшего Манкупа: «Schivarin ist ein Flecken, nicht weit von der verödeten Burg» [20, S. 356]. Однако, автор, предполагая возможность опечатки, соотносит название с Бахчисараем: «Man könnte versucht sein, bei Busbeck Scisarin (statt Scifarin, Scivarin) zu vermuten, dass es Schisarn, Baktschisaraj, Bachtschiseraj wäre, wo der alte Palast des Chan war» – Можно поддаться искушению предположить у Бусбека Scisarin (вместо Scifarin, Scivarin), это был Шисарн, Бакчисарай, Бахчисерай, где находился дворец хана [20, S. 356].

Допущение, что в записанном Бусбеком названии могли появиться искажения, имеет некоторые основания. По мнению МкД. Стернса, наиболее авторитетным является первое издание [23, p. 41–42]. Как доказывает Э. Шрёдер, оно вышло без участия автора писем с одного из списков, поэтому могло содержать ошибки, сделанные как переписчиком, так и наборщиком-французом [22, S. 6, 15; 9, с. 251]. Кроме того, способ записи примеров из языка крымских готов и названий их городов зависел также и от того, как они были произнесены, и от того, как их услышал и воспринял сам Бусбек. Будучи ученым с разносторонними интересами, он всё же не был филологом-германистом, сосредоточенным на изучении древнего германского языка. В. Томашек, например, считал, что Бусбек бессознательно пытался подогнать услышанные слова к родному фламандскому языку [24, S. 57; 9, с. 251]. В то же время для информанта-грека готский язык не был родным, что могло наложить отпечаток на его произношение. Специфическими были и условия коммуникации: общение происходило через переводчиков-греков с помощью итальянского языка [23, p. 68]. В отношении крымско-готских форм в разное время был сделан и принят целый ряд исправлений [22, S. 11–15; 23, p. 42–44]. Варианты различного чтения и соответственно транслитерации начальных согласных в обозначении Scivarin обусловлены тем, что одни исследователи ориентировались на латинский язык, на котором написаны письма, другие связывали способ написания топонима с германскими языками, например, с ранненовонемецкой орфографией.

Наиболее экзотичный вариант написания топонима встречается в «Истории о Таврии» С. Богуш-Сестренцевича, вышедшей сначала на французском, позже на русском языке. Перечисляя источники сведений о языке крымских готов, автор своеобразно пересказывает сообщение Бусбека: «Барон Бусбек посол императора Фердинанда в Константинополе, в 1562 году, говорил там на немецком языке с татарскими посланцами, присланными туда из Таврии для испрошения удовлетворения в некоторых обидах. Он приводит множество слов в подтверждение своего описания, в котором упоминается, что сии посланцы были из Мангута и Савариса» [3, с. 283; 19, S. 197].

Другим основанием для гипотезы Г. Ф. Массманна, видимо, послужило определение названных городов как главных. Поскольку первым из главных городов названа бывшая столица Крымской Готии, и упоминается, что готы служат в войске правителя татар, вторым главным городом исследователь считает его резиденцию Бахчисарай. Однако ученого и дипломата Бусбека интересуют не только крымские готы и их язык, со слов тех же информантов он записывает сведения о менталитете и обычаях татар и их правителя [17]. Различая эти народы, в отличие, например, от С. Богуш-Сестренцевича, он не назвал бы резиденцию хана главным готским городом.

Еще одна версия локализации Сциварина / Скиварина / Шиварина и попытка обоснования готской этимологии названия принадлежит А. К. Шапошникову, рассматривавшему как возможные варианты Сюйрень или Эски-Кермен [13, с. 394]. Эту гипотезу поддержи-

вает Ю. А. Беляев, по мнению которого, определение «главный город» больше подходит Эски-Кермену [12]. Результаты археологических исследований показывают, что уже после гибели города, в XIV в. на плато ещё функционировало несколько храмов и пребывала небольшая группа населения [1, с. 257].

Во второй половине XVI в., согласно свидетельству Мартина Броневского, посетившего Крым в 1578 г. и 1579 г., название города уже было забыто: «Arx & ciuitas quondam antiquissima Mancopiae, & Cercessigermeno à Turcis arce noua & à Cercessio nominata proxima est, nec ea à Turcis & Tartaris, acipsis etiam Graecis propter nimiam vetustatem aliquod cognomen nunc habet» [17; 8, с. 252]. В переводах: «In der Nachbarschaft von Mancopia und Cercessigermenum (das von den Türken als „Neue Burg“ bezeichnet und nach Cercessius benannt wurde) lag einst eine sehr alte Burg und Stadt, die aufgrund ihres allzu großen Alters weder bei den Türken noch Tataren und nicht einmal bei den Griechen einen Beinamen hat» [14, S. 77]. «Недалеко от Манкопа, называемого турками Черкессигерменом, то есть новою Черкесскою крепостью, лежит древний город и крепость, но ни турки, ни татары, ни даже сами греки не знают его имени» (в русском переводе ошибочно отождествляются Мангуп и Черкес-Кермен, согласно оригиналу – «вблизи Мангупа и Черкес-Кермена») [4]. Несмотря на то, что путешествия в Крым Мартина Броневского отделяют от беседы Бусбека со своими информантами примерно два десятилетия, в «Описании Татарии» всё христианское население названо греками, готы автором как часть этого христианского населения не выделяются и не упоминаются.

А. К. Шапошников предлагает готскую этимологию целому ряду крымских топонимов, однако большая часть трактовок автора подвергается справедливой критике [6, с. 237–246; 11]. Scivarin является исключением. Н. А. Ганина в своем критическом анализе признает возможность готской основы *scivar и суффикса принадлежности, соотнесения с материалом -in, следовательно, названия со значением «скально-осыпной» [6, с. 244]. Если опираться на рассматриваемые авторами аналогии, то значение топонима может толковаться как «скальный», «из глыбы», «из обломка скалы» (ahd. skifaro* / scifaro* / skivaro* / scivaro* – nhd. Splitter, Schiefer, Gesteinbrocken, Felsblock, Klippe [18]). Если рассматривать записанное Бусбеком название как готское слово, то ему больше соответствует вариант Скиварин. Такое название готское население могло дать «главному городу» на защищенной отвесными скалами возвышенности с регулярной застройкой и пещерами, вырубленными в скальном массиве. Бусбек отличает названные главные города от сельских поселений, в которых еще жили готы: «complures pagos hodieque incoleret» [17]. В переводах: «heute noch mehrere Gaue bewohne» [21, S. 246–250]; «to this day inhabit numerous villages» [23, p. 13]; «и сегодня обитает во многих деревнях» [6, с. 95] (на наш взгляд, и сегодня населяет несколько деревень). Упоминание Мангупа означает, что речь идет о бывших важных локальных центрах, о былом значении которых в 1555–1562 гг. могло еще иметь представление местное население. Поэтому вполне возможным представляется локализация Скиварина Бусбека на плато Эски-Кермен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Плитовые могилы XIV в. на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. 2019. Вып. XXIV. С. 250–276.
2. Бушаков В.А. Тюркская этноойконимия Крыма: дисс. … канд. фил. наук: 10.02.06. М., 1991. 341 с.
3. Богуш-Сестренцевич С. Истории о Таврии. СПб.: Тип. Шнора, 1806. 874 с.
4. Броневский М. Описание Татарии // Восточная литература. Средневековые исторические источники Востока и Запада [Электронный ресурс]. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XVI/Bronevskij/frametext.htm.
5. Военная топографическая карта полуострова Крыма. Составленная по новейшим астрономическим наблюдениям, исправленная и дополненная из лучших военных съемок свиты его Императорского Величества по квартирмейстерской части генерал-майором Мухиным 1816 года, по приказанию г-на генерал адъютанта Князя Волконского 2-го во время управления его оной частью. Гравировано и напечатано в Военнотопографическом депо при главном штабе Его Императорского Величества 1817-го года. СПб.: ВТД, 1817.
6. Ганина Н.А. Крымско-готский язык. СПб.: Алетейя, 2011. 288 с. (Славяно-германские исследования. [Т.] V.)
7. Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие в Крым / пер. Т. М. Фадеевой. Симферополь: Бизнес-Информ, 2009. 328 с.
8. Кеппен П.И. Крымский сборник. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. СПб.: Имп. Акад. наук, 1837. 412 с.
9. Скардильи П. Готы: язык и культура. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2012. 388 с.
10. Тунманн И. Крымское ханство / Перев. с нем. Н.Л. Эрнста, С.Л. Белявской. Симферополь, 1936. 106 с.
11. Шалыга Д.А. К вопросу о готском следе в крымской ономастике // МАИЭТ. 2024. Вып. XXIX. С. 305–312.
12. Шапошников А.К. Словарь древнейшей ономастики Таврического полуострова // Топонимика Крыма 2011: Сб. статей / Сост. Ю.А. Беляев. Симферополь: Универсум, 2011. С. 271–444.
13. Шапошников А.К. Феодоро в письменных источниках // Фадеева Т.М., Шапошников А.К. Княжество Феодоро и его князья. Крымско-готский сборник. Симферополь: Бизнес-Информ, 2011. С. 295–396.
14. Im Auftrag des Königs: Ein Gesandtenbericht aus dem Land der Krimtataren. Die Tatariae descriptio des Martinus Broniovius (1579) / Hrgs. S. Albrecht, M.Herdick, F. Daim. Mainz, 2011. 168 S. (RGZM Monographien. Bd. 89).
15. Braun F. Die letzten Schicksale der Krimgoten. St. Petersburg, 1890.
16. Broniovius M. Tartariae descriptio. Coloniae Agrippinae. 1595.
17. Busbequius Augerius Gislenius D. Legationis Turcicæ epistolæ quatuor. Quarum priores duae ante aliquot annos in lucem prodierunt sub nomine Itinerum Constantinopolitani et Amasiani. Adiectæ sunt duæ alteræ. Eiusdem de re military contra Turcam instituenda consilium. Parisiis: Beys, 1589.
18. Köbler G. Althochdeutsches Wörterbuch. URL: http://www.koeblergerhard.de/ahdwbhin.html.
19. Loewe R. Die Reste der Germanen am Schwarzen Meere. Halle, Niemeyer, 1896. 298 S.
20. Massmann H.F. Gotthica Minora // Zeitschrift für deutsches Alterthum. 1841. Bd. 1. S. 294–393.
21. Scardigli P. Die Goten. Sprache und Kultur. München, 1973.
22. Schröder E. Busbecqs krimgotisches Vokabular // Nachrichten der königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philologisch-historische Klasse aus dem Jahre 1910. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1910. S. 1–16.
23. Stearns McD.Jr. Crimean Gothic: Analysis and Etymology of the Corpus. Saratoga, California: Amna Libri & Co., 1978.
24. Tomaschek W. Die Goten in Taurien. Wien, 1881. 75 S.
25. Tunmann J. Der Krimische Staat // A.F. Büschings große Erdbeschreibung. Bd. 4. Das asiatische Russland und die krimische Tartarei. Troppau, Brünn, 1785. S. 305–431.

REFERENCES

1. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Fourteenth-century Slabbed Graves at Eski-Kermen Plato. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2019, vol. 24, pp. 250–276.
2. Bushakov V.A. *Tiurkskaia etnooikumiia Kryma* [The Turkic Ethno-Oikonymy of Crimea]. Doctoral dissertation. Moscow, 1991, 264 p.
3. Bogush-Sestrentsevich S. *Istorii o Tavrii* [Stories about Tauria]. St. Petersburg, 1806, 874 p.
4. Bronevski M. Description of Tataria. *Vostochnaia literatura. Srednevekovye istoricheskie istochniki Vostoka i Zapada* [Medieval historical sources of the East and West]. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XVI/Bronevskij/frametext.htm.

5. *Voennaia topograficheskaia karta poluostrova Kryma* [Military topographic map of the Crimean Peninsula]. Compiled from the latest astronomical observations, corrected and supplemented from the best military surveys of His Imperial Majesty's retinue at the quartermaster unit by Major General Mukhin in 1816, by order of Adjutant General Prince Volkonsky II during his command of that unit. Engraved and printed at the Military Topographic Depot at the General Headquarters of His Imperial Majesty in 1817. St Petersburg, Military Topographic Depot, 1817.
6. Ganina N.A. *Krymsko-gotskii iazyk* [Crimean Gothic language]. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2011, 288 p.
7. Dubois de Montpereux F. *Puteshestvie v Krym* [Travel to Crimea]. Transl. T.M. Fadeeva. Simferopol, Biznes-Inform Publ., 2009, 328 p.
8. Keppen P.I. *Krymskii sbornik. O drevnostiakh Iuzhnogo berega Kryma i gor Tavricheskikh* [Crimean Collection. On the Antiquities of the Southern Coast of the Crimea and the Tauride Mountains]. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ., 1837, 409 p.
9. Skardil'i P. *Goty: iazyk i kul'tura* [The Goths: Language and Culture]. St. Petersburg, St. Petersburg State University, Nestor-Istoria Publ., 2012, 388 p.
10. Tunmann I. *Krymskoe khanstvo* [Crimean Khanate]. Transl. N.L. Ernst, S.L. Beliavskaia. Simferopol, 1936, 106 p.
11. Shalyga D.A. On the Question of the Gothic Trace in the Crimean Onomastics. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2024, vol. 29, pp. 305–312.
12. Shaposhnikov A.K. Dictionary of the most ancient onomastics of the Tauride Peninsula. *Toponimika Kryma 2011* [Toponymy of Crimea 2011]. Comp. Iu.A. Beliaev. Simferopol, Universum Publ., 2011, pp. 271–444.
13. Shaposhnikov A.K. Theodoro in written sources. In: Fadeeva T.M., Shaposhnikov A.K. *Kniazhestvo Feodoro i ego kniaz'ia. Krymsko-gotskii sbornik* [The Principality of Theodoro and its Princes. Crimean-Gothic Collection]. Simferopol, Biznes-Inform Publ., 2011, pp. 295–396.
14. Albrecht S., Herdick M., Daim F. (Hrgs.). *Im Auftrag des Königs: Ein Gesandtenbericht aus dem Land der Krimtataren. Die Tatariae descriptio des Martinus Broniovius (1579).* Mainz, 2011, 168 S. (RGZM Monographien, Bd. 89).
15. Braun F. *Die letzten Schicksale der Krimgoten*. St. Petersburg, 1890.
16. Broniovius M. *Tartariae descriptio*. Coloniae Agrippinae, 1595.
17. Busbequius Augerius Gislenius D. *Legationis Turcicæ epistolæ quatuor.* Quarum priores duae ante aliquot annos in lucem prodierunt sub nomine Itinerum Constantinopolitani et Amasiani. Adiectæ sunt duæ alteræ. Eiusdem de re military contra Turcam instituenda consilium. Parisiis, Beys, 1589.
18. Köbler G. *Althochdeutsches Wörterbuch*. URL: http://www.koeblergerhard.de/ahdwbhin.html.
19. Loewe R. *Die Reste der Germanen am Schwarzen Meere*. Halle, Niemeyer, 1896, 298 S.
20. Massmann H.F. Gotthica Minora. *Zeitschrift für deutsches Alterthum*, 1841, Bd. 1, S. 294–393.
21. Scardigli P. *Die Goten. Sprache und Kultur*. München, 1973.
22. Schröder E. Busbecqs krimgotisches Vokabular. *Nachrichten der königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen*. Philologisch-historische Klasse aus dem Jahre 1910. Berlin, Weidmannsche Buchhandlung, 1910, S. 1–16.
23. Stearns McD. Jr. *Crimean Gothic: Analysis and Etymology of the Corpus*. Saratoga, California, Amna Libri & Co., 1978.
24. Tomaschek W. *Die Goten in Taurien*. Wien, 1881, 75 S.
25. Tunmann J. Der Krimische Staat. *A.F. Büschings große Erdbeschreibung.* Bd. 4. Das asiatische Russland und die krimische Tartarei. Troppau, Brünn, 1785, S. 305–431.

Информация об авторе

Шалыга Д. А. – старший научный сотрудник НИЦ истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Researcher ID: AAT-4916-2020.

Author information

Shalyga D. A. – Senior Researcher at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: AAT-4916-2020.

DOI: 10.29039/2413-189X.2025.30.521-532

КОМПЛЕКС МЕЧЕТИ И МЕДРЕСЕ В СРЕДНИЕ ВЕКА: ВСЕМИРНАЯ ТРАДИЦИЯ И КРЫМСКИЙ АСПЕКТ

Ксения Дмитриевна Шульман
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия
ksenia_shulman@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0001-7510-358X

Аннотация. Статья посвящена вопросу пространственного выделения зданий медресе, зарождения и бытования комплекса мечети-медресе в средневековой исламской архитектурной и образовательной традиции. Наиболее показательным примером таких комплексов в Крыму является «мечеть-медресе хана Узбека» (комплекс мечети хана Узбека и медресе Инджибек-хатун) в г. Старый Крым. На основании архитектурных планов и сохранившихся построек подобных комплексов выстраивается общая типология средневековых мечетей-медресе и разбирается место атрибутируемых крымских медресе в ней. Указываются типологические различия данных комплексов в зависимости от региональных архитектурных традиций. Выделены причины появления и бытования комплексов мечетей-медресе, как отдельных, так и частей более широких комплексов куллие. Рассмотрена история выделения медресе как отдельного архитектурного и функционального строения. Выдвигается предположение о зависимости наличия мечетей и михрабных ниш в архитектуре зданий и степени духовного компонента в образовательном процессе средневековых медресе. На основании контент-анализа исторических хроник периода Крымского ханства в статье демонстрируется степень влияния заведений духовного образования на повседневную жизнь этнической общности средневековых городов и взаимосвязи заведений духовного и социального назначения.

Ключевые слова: ислам, мечеть, медресе, мечеть-медресе, Средние века, исламская архитектура, Крымское ханство

Благодарности: Статья написана в рамках проекта Минобрнауки РФ, государственное задание FZEG-2025-0001 «Этнические трансформации в Крыму и Таврических степях в Средние века и Новое время».

MOSQUE AND MADRASAH COMPLEX IN THE MIDDLE AGES: A WORLDWIDE TRADITION AND THE CRIMEAN ASPECT

Kseniia D. Shul’man
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
ksenia_shulman@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0001-7510-358X

Abstract. The article discusses the spatial location of madrasah buildings and the origin and existence of the mosque and madrasah complex in the mediaeval Islamic architectural and educational tradition. The most illustrative example of the complexes under study in the Crimea is the “Khan Uzbek Mosque and Madrasah” (the complex of the Khan Uzbek Mosque and the Indzhibek-Khatun Madrasah) in the modern town of Staryi Krym. Architectural plans and surviving buildings of the complexes in question allows the one to build up a general typology of mediaeval mosque and madrasa complexes and to discuss the place of the attributed Crimean madrasahs within this typology. The typological differences of these complexes depending on the regional architectural traditions have been indicated. The reasons for the emergence and existence of the mosque and madrasah complexes both as separate structures and as parts of larger *külliye* assemblages have been determined. The history of the emergence of madrasah as a separate architectural and functional structure has been examined. A hypothesis has been put forward that the presence of mosques and mihrab niches in the buildings depended on the degree of spirituality in the educational processes in mediaeval madrasahs. The content analysis of historical chronicles from the age of the Crimean Khanate allows the author of the article to demonstrate the influence of religious education institutions on the daily life of the ethnic community in mediaeval towns and the interrelations of spiritual and social institutions.

Keywords: Islam, mosque, madrasah, mosque and madrasah complex, Middle Ages, Islamic architecture, Crimean Khanate

Acknowledgement: This article has been written as a part of the project supported by state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation FZEG-2025-0001 *Ethnic Transformations in the Crimea and the Tauria Steppe in the Middle Ages and the Modern Period.*

Медресе – исламское духовно-образовательное учреждение второй ступени для подростков и взрослых, предназначенное в период Средневековья для подготовки мусульманских ученых и духовных служителей из выпускников начальных духовных школ – мектебов. На территории Крыма медресе известны, начиная с 1332 г. (Солхатское медресе). Всего в период до присоединения Крыма к Российской империи можно достоверно говорить о существовании примерно двух десятков медресе. Широта функций, которая была присуща этому общественному институту в Средние века, становится очевидна при анализе планировки медресе и места расположения их в средневековом исламском городе относительно других духовных и социальных институтов. Медресе могло быть отдельным самостоятельным строением, однако чаще всего фиксируется его включение в состав более или менее широких полифункциональных градообразующих комплексов. В данной статье на основании письменных источников, с одной стороны, и результатов археологических и архитектурных исследований, с другой, будет проанализировано, можно ли зафиксировать медресе как отдельное сооружение или выделить его как часть архитектурного ансамбля.

Характерной чертой средневековой городской застройки является максимально компактное сосредоточение важных общественных и духовных зданий в одном месте, преимущественно на центральной городской площади. Центрами общественно-политической жизни средневекового восточного города в османской традиции были комплексы зданий духовного и общественного назначения – обнесенные общей стеной куллие (имареты) [17, с. 250]. Аналогичную функцию несли на себе более ранние комплексы общественных и духовных зданий вокруг городских площадей в Средней Азии (Хорезм, Бухара и др.). Путники и местные жители могли решать на данной территории как бытовые вопросы, с этой целью в состав комплексов входили бани, рынок и постоялые дворы, так и совершать обязательные духовные практики, от ежедневных молитв в мечети до погребения на кладбищах. Однако, в отличие от просто городских полифункциональных пространств Средней Азии, куллие становилось центром исламской инфраструктуры на завоеванной османами территории Малой Азии. Города бывшей Византийской империи уже имели сложившуюся застройку и оформленный городской центр. Решением становились или перестройка христианских культовых строений в исламские, или расширение территории города. Во втором случае именно куллие становились центрами и маркерами новых исламских кварталов – махалле. Центром куллие обычно была пятничная мечеть, однако состав сопутствующих зданий был совершенно различен и указывал на характер специализации данного комплекса. Например, куллие Сейид Баттал Гази XIII века в малоазиатском городе Сейтгази носит мемориальное назначение, так как было сформировано вокруг мавзолея. Мечеть и медресе вместе с хозяйственными сооружениями были построены позже для поддержания памяти об омейядском военачальнике Абдаллахе аль-Баттале, захороненном здесь [35, с. 1–3]. Были и куллие, содержащие в себе несколько зданий одинакового назначения: например, комплекс Мехмета II Фатиха, который включал в себя 8 зданий медресе, расположенных симметрично вокруг мечети Фатих, больницу и табхане (постоялый двор).

Однако подобные полифункциональные городские комплексы не всегда состояли из множества зданий: в маленьких провинциальных городах было необязательным наличие в таких комплексах бань, постоялых дворов, больниц и прочих вспомогательных зданий. Наиболее прочная связка среди общественных архитектурных ансамблей сохранялась у триады мечеть – медресе – мавзолей, в частности, непосредственно у комплекса мечети и медресе.

Медресе часто были включаемы как в комплекс куллие, так и в общественные пространства среднеазиатских площадей. В таких комплексах они выполняли несколько функций. Зачастую рядом с медресе находилась могила его основателя, ученого или правителя, и тогда медресе становилось целью паломничества желающих познакомиться с его трудами или с последователями его школы. Таким образом, осуществлялась и функция постоянной заботы о материальном состоянии гробницы основателя, и поддержание его вечного духовного поминовения.

Комплексом мечети-медресе в современной историографии называют находящиеся рядом отдельные здания мечети и медресе, исторически связанные друг с другом, или единое здание, выполняющее обе функции. Историю появления подобных комплексов следует рассмотреть через призму истории выделения медресе как самостоятельного функционального сооружения и его архитектурного оформления из мечети.

Необходимость и возможность появления отдельного, специально предназначенного для духовно-образовательных целей здания появилась по достижению определенного уровня имущественного развития мусульманской общины (уммы) и оформления ее иерархии. Основная функция медресе – обучение. При жизни Пророка Мухаммада религиозное обучение, то есть передача уникальных духовных знаний, было связано непосредственно с его личностью и проходило в местах, где он пребывал. Согласно тексту Ибн Хишама, первое место, где проводилось коллективное обучение, – это дом Аркама бин Абу аль-Аркама, сподвижника пророка Мухаммада [3, с. 87] – дом, где сам пророк обучал членов уммы исламу. Со временем, в качестве мест подобной передачи информации начинают выступать мечети и дома учителей.

Именно за мечетью на этом этапе развития ислама (VII–VIII вв.) закрепляется функция образовательного пространства путем регулярных живых встреч в ней общины с учителем. Имам Абу Ханифа ан-Нуман ибн Сабит аль-Куфи и имам Абу Абдуллах Малик ибн Анас аль-Асбахи, основатели соответствующих мазхабов, также читали лекции в мечетях. Одним из первых публичных учителей в мечетях можно считать Хасана аль-Басри (642 г. рождения). Сведения о его выступлениях содержат указание на то, что в мечети он занимался толкованием Корана и шариата, а собрания у него дома посвящал рассмотрению более умозрительных вопросов, связанных с состояниями души и добродетелями. Образовавшийся вокруг аль-Басри «теологический кружок» становится центром интеллектуальной жизни Умаййадского государства [13, с. 275–276].

Появление большого числа последователей у конкретных учителей и присутствие их в мечети на постоянной основе мешало выполнению в мечети остальными членами общины непосредственно религиозных обрядов. Поэтому возникла необходимость в отдельном помещении для углубленного обучения взрослых. Это происходит в эпоху Омейядов (661–750 гг.) и совпадает с выделением отдельных пространств для религиозного обучения детей – «китабов» (они же позже «мектебы»).

Начиная с этого периода, можно зафиксировать смешение в таких учреждениях духовного обучения, обучения естественным и точным наукам и использование данной территории еще и как общественного пространства для дискуссий по духовным, политическим и научным вопросам. Примером подобного подхода может служить Дом Мудрости, «Байт аль-Хи́кма», построенный в 827 г. в Багдаде халифом Абу Джафаром аль-Мамуном (813–833 гг.). В качестве «предшественника медресе» это учреждение рассматривают по сходству причин его создания. Во-первых, подведение материально-технической базы под создание собственной школы идеологических сторонников. Аль-Мамун симпатизировал учению мутазилитов, и Дом мудрости должен был обеспечить сторонников этого учения богатым фактическим материалом для дискуссий, в первую очередь, трудами по философии [11, с. 108]. Во-вторых, привлечение наиболее известных ученых, посредством предоставления им финансовых и социальных благ, и уникальной источниковой базы: по некоторым данным, Аль-Мамун поощрял переводчиков и учёных пополнять библиотеку в Доме Мудрости, выплачивая им вознаграждение золотом соразмерно весу каждого подготовленного труда.

Распространенное утверждение о том, что в X–XI вв. медресе находились «при мечетях» [3] вызывает затруднение двумя вариантами трактовки: это может быть как «при» в значении «возле, рядом» относительно отдельного архитектурного сооружения, так и «в, в здании» в отношении учреждения, которое могло располагаться в самой мечети в моменты, когда богослужения в ней не проводились. Скорее всего, именно к периоду X века относится появление первых медресе как отдельных строений. Самое раннее медресе, имеющее отдельное архитектурно выраженное строение, известно нам по свидетельству Мухаммеда Наршахи о пожаре 937 года в Бухаре: там, среди прочего, сгорела и «мадраса Парчак», также назы-

ваемая медресе Фарджак, а «жители Бухары потерпели убытка более, чем на 100,000 диргемов, и они уже не могли (после пожара) возобновить здания, как они были раньше» [25, с. 118]. Следующий этап развития медресе показывает, что те рассматривались правителями как центрообразующие здания социальных комплексов по типу куллие. Согласно документу середины XI века, караханидский правитель Мавераннахра Тамгач-хан приказал основать в Самарканде «мадрасу, которая станет местом собраний людей науки и религии и включит в себя мечеть, учебные классы, школу для обучения Корану, класс чтеца Корана … подсобные помещения, двор и сад» [5, с. 519–520].

Э. Д. Зиливинская указывает на то, что здания медресе часто пристраивались к дому основателя, или его дом был включен в постройку [12, с. 130]. Известны случаи, когда основатель или руководитель учебного заведения был похоронен в одном из помещений медресе. Более известны захоронения правителей-жертвователей. Медресе Ан-Нурия в Дамаске (1172) представляет собой единый комплекс с усыпальницей основателя, правителя Зангидов Нур-ад-Дина [7, с. 40–46]. Мавзолей Гур-Эмир, усыпальница Тимура (Тамерлана) и Тимуридов, его непосредственных родственников и наследников, был изначально построен самим Тимуром для его наследника, внука Мухаммеда Султана, возле воздвигнутого тем медресе [10, с. 99]. В Солхатском медресе жертвовательница, Инджибек-хатун, была похоронена в дюрбе в одном из помещений комплекса [21]. Возле салачикского Зинджырлы-медресе находится захоронение его основателя, Менгли Герая, в построенном им самим дюрбе его отца, Хаджи Герая.

Оформление миссии медресе как социального института доводится до совершенства в XI в. Абу Али аль-Хасаном ибн Али ибн Исхаком ат-Туси, более известным как Низам аль-Мульк. Как визирь сельджукского султана Мелик-шаха, Низам аль-Мульк считал основой прочного государства систему централизованной верховной власти, опирающейся на дееспособное чиновничество. Для такой системы был необходим постоянный источник лояльных правительству кадров, опирающийся на непреложный авторитет исламского общества – религию. Поэтому Низам аль-Мульк считал медресе основой традиционного государственного ислама и опорой управления территорией. Построенные им «Низамии» – сеть медресе по всей территории сельджукского султаната, должны были превосходить остальные существующие учебные учреждения по качеству подготовки выпускников, для чего приглашались лучшие учителя [32, с. 55–66]. «Низамии» были построены практически в каждом более или менее крупном городе подконтрольной Хорасану территории, среди которых: Багдад, Нишапур, Балх, Герат и Исфахан. «Низамия» была построена даже в дагестанском селе Цахур [16, с. 603–605]. По письменным источникам, в середине XI в. в Нишапуре было уже тридцать восемь медресе [31, с. 173]. Обстоятельства гибели Низама аль-Мулька и высказываемые в приписываемом ему трактате «Сиасет-намэ» («Книга об управлении») мысли рассматриваются как доказательство того, что медресе «Низамии» являлись способом борьбы с радикальными течениями в исламе того времени – крайними шиитами-исмаилитами [19].

Если «Низамии» представляли собой сеть типовых централизованных учебных заведений, то идейные противники аль-Мулька, фатимидские шиитско-исмаилитские правители Египта, пошли по иному пути. Созданный халифом аль-Хакимом Биамриллахом в 1006 году «Дар аль-хикма» (Дворец мудрости) в Каире представлял собой централизованное хранилище знаний, более наследующее Александрийской библиотеке, причем с оговоренным бесплатным доступом и поощрением изучения знания. Однако это заведение не имело религиозного назначения, и как раз теологические разногласия через сотню лет после его открытия положили конец его существованию. Интересно отметить, что это заведение было архитектурно частью дворца халифа: здесь следует отметить тенденцию на включение стратегически важного места хранения информации и обсуждения знаний в комплекс дворца правителя [29, с. 167–180].

С самого начала самостоятельного существования медресе как отдельных зданий со своей функцией, они не противопоставлялись мечетям, а находились максимально близко к ним. Во-первых, в медресе преподавали практикующие духовные лица – имамы, муэдзины, во-вторых, выпускники медресе должны были быть подготовлены к будущему занятию таких должностей и прилежнее прочих соблюдать нормы ислама, а значит должны были

постоянно присутствовать на молитвах. Однако пространственное оформление сосуществования мечетей и медресе претерпевало изменения со временем.

Технологически возможно предположить, что все медресе иранской, среднеазиатской и сирийской архитектурных традиций изначально задумывались как медресе-мечети, то есть как учебные заведения, одно из помещений (или частей) которых было предназначено исключительно для молитвы – а значит, считалось мечетью. Пространственная планировка всех медресе, с незначительными местными отличиями, представляет прямоугольное в плане здание, в центре которого находится обширный внутренний двор, куда выходят все помещения. В частности, это одно или несколько купольных помещений, где находятся мечеть и аудитории, и два или четыре айвана, также открывающиеся во двор. В ранних медресе Хорасана один из четырех айванов служил входом, другой, расположенный напротив входа, являлся мечетью. Таковы, например, медресе XI в. в Рее и Харгираде. В Хорасанском Ходжа Машаде XI в. в Таджикистане по сторонам южного портала расположены два больших купольных помещения, одно из которых является более ранним мавзолеем, а другое – мечетью. Сирийские медресе Нур ал-Дин и Адиллия имеют боковые ассиметричные стороны: с южной стороны расположен вытянутый зал мечети, а напротив нее большой айван с плоским перекрытием. В египетских медресе Калауна (XII в.) и Насирия (нач. XIV) в. напротив входного айвана расположена мечеть базиличного плана, а по бокам двора – худжры. Знаменитая мечеть-медресе Хасана XIV в. – классическая четырехайванная постройка, где самый большой айван служит мечетью, а по углам здания расположены медресе четырех толков ислама, каждое с собственным двором и кельями в четыре этажа. На нее похожа конструктивно и мечеть-медресе султана Баркука в Каире (1384–1386 гг.).

В османской системе государственного управления главной функцией медресе являлась подготовка кадров для местных духовных и бюрократических учреждений, поэтому основными помещениями в планировке медресе становились аудитории для занятий (айваны и оды) и общежительные комнаты-кельи (худжры) для проживания в них студентов (сохт) и преподавателей (мудеррисов). Наибольшее количество медресе в архитектурных ансамблях находилось в куллие Бурсы, где они рассматривались как центры подготовки чиновников османской администрации и не имели специальных молитвенных помещений [18, с. 133–148]. При этом среди малоазиатских примеров также существуют медресе с мечетью внутри: так, медресе Сырчалы в Конье, Гёк-медресе в Токате и медресе мечети Хунад Хатун в Кайсери XIII в. имеют два айвана, один из которых является входным, а другой исполняет функции мечети [12, с. 131–132].

Функциональное назначение медресе, воля заказчика и, по всей видимости, наличие отдельных строений мечетей в архитектурных ансамблях привело к тому, что с течением времени все меньше зданий медресе, особенно в Малой Азии, стали иметь в конструкции однозначно атрибутируемое в качестве мечети помещение. Именно это и привело к наличию помимо медресе и мечетей как таковых отдельной категории мечети-медресе – комплекса, совмещавшего в себе и религиозные, и образовательные функции.

Конструктивно мечети-медресе можно разделить на следующие категории: 1) где мечеть и медресе могут иметь общую смежную стену, но сохраняют отдельную независимую планировку; 2) где мечеть является одним из айванов медресе.

К первой относятся отдельные строения медресе и мечети, располагающиеся рядом, имеющие общий двор или территорию, обнесенные оградой. Зачастую к таковым относят позднейшие или разновременные комплексы, где медресе встраивалось в ансамбль через несколько веков после постройки мечети. К комплексам такого типа можно отнести дербентскую Джума-мечеть, чей архитектурный облик сложился в XIV веке, и медресе XV века на противоположной стороне двора [6, с. 64], комплекс Мехмеда II Фатиха, где к купольной мечети примыкают 8 больших медресе, по 4 с каждой стороны. Также к данной категории относится комплекс шафиитского духовного центра – мечети-медресе аль-Ашрафия йеменского города Таиз, открытый в 1382 году султаном Ашрафом Исмаилом бин Аббасом Расулидом. Мечеть-медресе аль-Асифия в Багдаде, выходящая фасадами зданий к реке Тигр, является примером разновременной постройки, где в одном комплексе сочетается гробница

Аббасидского периода, мечеть, медресе, постоялый двор и суфийская обитель, а окончательная перестройка и оформление ансамбля относится к началу XVII века.

Ко второй категории мечетей-медресе следует отнести здания, которые содержат под одной крышей помещения, предназначенные для молитвы, и помещения, предназначенные для обучения. Наиболее интересным экспериментом такого рода является комплекс Худавендигар в Бурсе (XIV в.). На верхнем этаже мечети, построенной как завия (суфийская обитель), располагается медресе. Также к ним относится мечеть-медресе султана Хасана в Каире (1356–1363 гг. постройки), представляющая грандиозное многоэтажное строение, шедевр мамлюкского зодчества, архитектурно и исторически противопоставленное близлежащей Каирской цитадели. Мамлюкские строения в Каире XV–XVI вв. часто представляют собой комплексы, в которых помещения для молитвы и для обучения соединены единым открытым двором (например, мечеть-медресе султана аль-Ашрафа Барсбея и мечеть-медресе погребального комплекса султана Кансуха аль-Гури). Мечеть-медресе в Баку была построена в XV веке при дворе шиитской Джума-мечети в целях образования в общих традициях Ширван-Апшеронской архитектурной школы. История бытования объекта уникальна тем, что позже Джума-мечеть была разрушена и ее сохранившееся помещение использовалось как учебная аудитория медресе [6]. Наличие внутренней мечети было, по всей видимости, признаком богатства учреждаемого заведения: так, в вакуфном документе самаркандского медресе Ибрагим-Тамгач-хана (1165–1166 г.) среди помещений упоминаются мечеть, аудитории (дастархана) различного назначения – для громкого чтения Корана, для изучения литературы, для занятий наукой, жилые худжры вокруг двора и сад [12, с. 130; 23, с. 84].

Главным критерием различия между категориями, таким образом, является наличие раздельного (в первом случае) и общего (во втором) входа, оформленного порталом. Наиболее ранние формы относятся к единым комплексам, в то время как позднейшие медресе обосабливаются от мечетей.

Интересен пример «комплекса мечети-медресе хана Узбека» – «мечети хана Узбека» и медресе Инджибек-хатун (Солхатское медресе) 1332/3 г. Относительно строительной периодизации комплекса на сегодняшний день существует следующее мнение основных исследователей памятника: в конце XV – начале XVI века к зданию медресе 1332/3 г. постройки было пристроено здание мечети, портал-сполия для которого был взят из «здания-донора», первоначальной мечети Узбека 1314 года [15, с. 517; 20, с. 174; 22, с. 142–143]. Из этого исходит два предположения: или в момент постройки в первой трети XIV века медресе не представляло из себя комплекс и не имело рядом с собой мечети, а лишь михрабную нишу в южном айване, или на месте мечети XV века в XIV веке также существовала мечеть, позже «воссозданная» [20, с. 174]. Относительно места расположения первоначальной мечети Узбека, от которой сохранился портал, предположительно также михраб и шерфе от минарета, существует несколько предположений. Однако, на сегодняшний момент, ни одно из известных архитектурных сооружений Солхата, в том числе и базиликальное строение по ул. Красноармейской, пока не может быть убедительно отождествлено с ней. Интересно то, что в ходе первого строительного периода мечети, который относится исследователями к концу XV века, северная стена медресе была почти полностью разобрана и заменена новой, более толстой кладкой – южной стеной мечети. Кроме того, в процессе сооружения световых проемов по обе стороны от михраба, симметрично окнам северного фасада, они оказались напротив торцов восточной и западной стен северного айвана медресе, что, в свою очередь, обусловило частичную разборку последних. Данное преднамеренное повреждение конструктивно важных стен медресе, равно как выход окон мечети в жилые и общего пользования помещения школы, считаются свидетельством о запустении и руинированном состоянии здания учебного заведения в этот период [15, с. 524]. Однако важным остается факт возведения мечети XV века именно возле здания медресе.

Сейчас Солхатские медресе и мечеть являются двумя разновременными зданиями с общей стеной, не связанными между собой проходом. Таким образом, в текущем виде их следует отнести к первому варианту, потому как они представляют собой два здания с раздельным входом и собственной планировкой. При этом дискуссионным вопросом является,

считать ли здания комплексом вообще в том смысле, в котором рассматриваются объекты в данном исследовании, потому как синхронно «воссозданная мечеть Узбека» и медресе Инджибек хатун не функционировали никогда. Архитектурно эти два здания, конечно же, представляют собой комплекс.

По всей видимости, определенные медресе, либо специально построенные как городской или региональный центр, либо приобретшие такой статус в процессе функционирования, начинают доминировать над остальными зданиями комплекса и влияют на их пространственное расположение и архитектуру. Примером такого комплекса служит медресе Саргатмиш, построенное в 1356 году мамлюкским эмиром Сайфом ад-Дином Саргатмиш ан-Насири. Архитектура этого объекта примечательна тем, что внешний фасад комплекса ориентирован на улицу и состоит из медресе и мавзолея, а мечеть расположена за фасадом, дальше всего от улицы. Вероятно, такое решение, при котором светские элементы здания видны всем, отражает стремление мамлюков ставить престиж выше благочестия [30, с. 197–199].

В связи с этим необходимо отметить значение переноса мечети хана Узбека к северной стене медресе Инджибек-хатун. Город Солхат располагал несколькими общественными и духовными центрами, мечетями, постоялым двором, но тем не менее, только в одном известном на сегодняшний день случае имел место перенос одного, без сомнения, важного культового объекта к другому. Вероятно, это отражает большую значимость медресе даже на момент переноса. Среди предположений о целях и причинах данного переноса исследователями высказывается сложность единовременного поддержания двух столь грандиозных для города объектов, особенно после землетрясения – перенос датируется XV веком.

Особо, вне комплекса мечети-медресе, следует рассматривать медресе, имевшие михрабные ниши в учебных комнатах и минареты. В ряде случаев айван медресе, находившийся со стороны киблы, образовывал внутреннюю «мечеть медресе», не влияющую на название постройки. В таком айване располагалась михрабная ниша. Например, известны отделанный полихромной мраморной мозаикой михраб медресе Аль-Фирдоус в Алеппо (XIII век, период Айюбидов). Здание Солхатского медресе также имеет собственную михрабную нишу в стене южного айвана [14, с. 81; 20, с. 159–169].

Наличие таких археологически фиксируемых элементов может быть важно по следующей причине. Как было показано выше, не все объекты, называемые «медресе», в Средние века носили духовно-образовательную функцию. Некоторые из них, вероятно, в классификации должны быть скорее отнесены к «университетам» и «библиотекам», чем к «семинариям»: так, в средневековье на территории Азербайджана существовали медресе при дюрбе знаменитых учителей и медресе при обсерваториях, дающие естественнонаучные знания [9, с. 44]. В комплекс Марагинской обсерватории (основанной в 1259 году в Мераге выдающимся персидским учёным Насир ад-Дином ат-Туси) входило медресе и библиотека в 400 тысяч томов, но не входила мечеть [34, с. 26–30]. Часть учебных заведений носили медицинский характер: Нурия Бимаристан (1154), которая была открыта в период Зенгидов, действовала как медицинская школа (дар ат-тыбб). Некоторые медресе становились скорее библиотеками и местами копирования рукописей. Усиление светскости проявлялось в архитектуре и убранстве зданий: конструкция обязательных элементов духовных заведений – джума-мечетей и медресе зависела теперь от локальных традиций и даже от воли заказчика [6, с. 62]. Тем не менее, по архитектурной планировке и в историографии такие учебные заведения продолжали наряду с духовными называться «медресе». Таким образом, наличие мечети рядом или внутри медресе, или фиксация михрабной ниши в одном из айванов, может косвенно указывать на «духовную специализацию» данного учебного заведения, или на высокую степень значимости преподавания духовных предметов в нём.

Уникальным и показательным с точки зрения появления устойчивых названий комплексов мечетей-медресе является случай в Верии (север Греции). Там мечетью-медресе называется мечеть, построенная из остатков прошлой мечети, в которую была перестроена при османском завоевании церковь Святого Павла. Функции медресе это здание никогда не носило, но получило таковое название, будучи мечетью близлежащего медресе, само здание которого сгорело в 1920-х годах [33, с. 72–78].

Отметим, что связь с мечетью сохранялась не только у медресе, но и у исламского духовно-образовательного заведения первой ступени – мектеба. Важность посещения главного культового здания общины – мечети, для юного поколения была крайне высока. Однако тема мектебов еще менее изучена, чем тема медресе. На сегодняшний день известен только один случай мечети-мектеба. В комплекс ханегя шейха Тахира у Девичьей башни в Баку входила мечеть-мектеб Моллы Мирзы с круглым куполом, относящаяся к периоду правления шаха Аббаса II (1645 г.) [34, с. 26–30].

Проследить аналогию функционирования подобных средневековых комплексов, сочетающих в себе религиозные и некоторые социальные функции в одном здании, можно на примере открытой в 1998 году в Уфе мечети-медресе Ляля-Тюльпан. Одноэтажное здание с большим купольным залом для молитвы (собственно, мечеть) располагается посредине большого строения. Остальная площадь объекта включает в себя место для бракосочетаний, учебные аудитории и общежительные комнаты медресе, столовую, конференц-зал, комнаты для омовений и сауну. В остальном же практика сооружения медресе Нового и Новейшего времени предполагает отдельное от мечети здание в местной архитектурной традиции.

Отдельно отметим специфику крымских медресе, находящихся в комплексах дворцов, и их связи с мечетями. Среди средневековых крымских медресе к таковым относятся Зинджырлы-медресе, медресе в Улаклы и медресе комплекса Ханского дворца в Бахчисарае. Относительно крымских медресе, а также в целом медресе в мировой практике, нет примеров, когда они специально функционировали бы только для нужд дворца. Стоит предположить, что частично образование будущих крымских ханов проходило в медресе, находящихся возле дворца и построенных на деньги ханов. Однако в целом медресе Бахчисарая были открыты для обучения горожан и жителей других городов и сел Крымского ханства. Также функционировали они и как хранилище знаний: библиотека Зинджырлы-медресе во многом состояла из завещанных ханом Менгли Гераем и его потомками томов с личными владельческими надписями. Можно предположить, что и Улакойское медресе использовалось не столько для нужд правящей семьи Гераев, но и для жителей окрестных населенных пунктов. Улакойский дворец был загородным дворцом, где хан бывал непостоянно, а мы можем неоднократно фиксировать имя постоянного мудерриса этого медресе [28, с. 16–18].

Мечеть присутствовала в комплексе Девлет-Сарая – группы сооружений дворцового ансамбля крымских ханов в Салачике, где находилась главная резиденция до появления современного Ханского дворца. Согласно результатам раскопок, мечеть находилась между дюрбе первых Гераев (Хаджи Герая и Менгли Герая) и Зинджырлы-медресе [27, с. 22–31]. Развалины мечети датируют XV веком, а датой создания Зинджырлы-медресе считается 1500-й год. Допустимо предположить, что расположение медресе, дюрбе и мечети в едином комплексе было задумано создателем медресе, Менгли Гераем.

Мечеть была отдельным строением в комплексе Улакойского дворца. Медресе, если судить по сохранившимся фотографиям и плану, скопированному У. Боданинским, имело шесть больших помещений и два маленьких вокруг центрального двора, однако все они предназначались именно для обучения.

В Ханском дворце в Бахчисарае комплекс зданий медресе примыкал к восточному фасаду Большой ханской мечети со стороны дороги (современной улицы Ленина, возле реки Чурук-Су) и к северной части ханского кладбища, судя по сохранившимся довоенным послереволюционным фотографиям и чертежу инженера Садовского 1912 года [26, с. 249]. Медресе было отдельно стоящим зданием со своими подсобными помещениями (отхожими местами и баней) и фонтаном. Упоминаний о комплексе мечети-медресе бахчисарайского Ханского дворца в историографии не встречается.

Рассматривая остальные крымские медресе средневекового периода, отметим следующие закономерности. Бахчисарайское Орта-медресе XVII века входило в комплекс зданий постройки Чалар Ахмет-Аги, среди которых были и мечеть, и прочие хозяйственные постройки, но было отдельным зданием. Медресе Ак-Мечети (Симферополя) до уничтожения в XX веке находилось в отдельной постройке (пристройке). Гезлевское (Евпаторийское) медресе с момента создания указывается как медресе при Джума-Джами (Хан-Джами) [24, с. 255–258], хотя в

конструкции сохранившейся до настоящего времени мечети нет помещения для занятий. Вероятно, рядом существовала утерянная на сегодняшний день постройка медресе.

Данных о расположении кефинских и карасубазарских медресе относительно мечетей нет, однако следует заметить, что только одно карасубазарское медресе носит название «Медресе Джами Шериф» в честь мечети, остальные же – в честь создателей. Чуюнчинское медресе указывается как центр переписи рукописей, для чего должно было существовать отдельное от мечети помещение [4]. Тав-Даирское медресе указано как построенное Бек-заде ханум в период Крымского ханства строение [2]. Указать соотношение медресе в Ойрате, Кырк-Ере (Чуфут-Кале) и Инкермане с мечетями не представляется возможным.

Хроника Реммаль-ходжи, ученого при дворе Сахиб Герая, «Тарих-и Сахиб Герай хан» (XVI в.), указывает на последовательность и разновременность усилий крымских правителей, в частности, Сахиб Герая, по постройке разных культовых сооружений: «Затем оттуда хан, вернувшись, прибыл в Улаклы-Сарай. Построил прекрасную мечеть и медресе, назначил мюдерриса. Затем взявшись за благоустройство Бахчисарая, облагородил сад, полный птиц, и построил посередине райское здание <…> Вблизи от того дворца построил священную мечеть и прекрасное высокое место для собраний, так что отовсюду приходили люди полюбоваться им. Затем же, назначив мюдерриса, построил поблизости хамам (баню), слава о которой распространялась по всему краю, а напротив хамама возвели большие дома с чердаками» [1, с. 187–188].

Следует отметить, что на территории Кировского района Республики Крым до 1943 года существовало село Имарет (также Аморета в русских документах и Ирак Текье). Его название, вероятно, отсылает к существованию на данной территории имарета как духовно-социального комплекса в период Крымского ханства, и непосредственно мечети и медресе и, возможно, карантина для караванов, прибывавших в г. Старый Крым [8, с. 331–384]. Для получения однозначного ответа необходимо продолжать исследования в этом направлении.

Подводя итоги, следует отметить, что медресе, начиная с XII века, входит в состав широких общественных комплексов и архитектурных ансамблей в восточных городах. Массовое появление таких комплексов чаще всего относится к периоду XIV–XV веков, позднему Средневековью, после ликвидации разрушительных последствий монгольского появления на исследуемых территориях. Это связывается с наличием благоприятных условий для роста крупных (относительно государственного образования) городов – повышением роли и значимости городов как государственных единиц, значительным расширением их территории и резким увеличением населения. Такие процессы приводили к изменению характера городской застройки, в которой начинали преобладать общественные сооружения социального назначения – открытые и крытые рынки, торгово-ремесленные ряды, караван-сараи, бани. В известной мере к ним относились и культовые здания, одновременно выполнявшие и общественные функции – оглашение правительственных указов в мечетях, медресе и т. п. [6, с. 48].

Из всех зданий подобных комплексов наиболее прочная функциональная и архитектурная связь с медресе отмечается у мечети. Это обусловлено непосредственной практической связью обучающихся с местом их будущей работы, необходимостью постоянно присутствовать на молитвах и замыслом строителя зданий. Даже в случае наличия отдельного здания мечети рядом с медресе, внутри духовного учебного заведения создавалось молитвенное помещение, комната или выделялось специальное место – михрабная ниша – в одной из больших аудиторий. Крымский комплекс «мечети и медресе хана Узбека» – мечети хана Узбека и медресе Инджибек-хатун является уникальным примером того, как взаимосвязь функционального назначения зданий обусловила их территориальное совмещение в результате переноса мечети к зданию медресе. Большинство средневековых крымских медресе находятся в непосредственной близости к мечетям, сохранившиеся медресе входят в состав комплексов и ансамблей (чаще всего, дворцового типа). Позднейшие крымские медресе (XVII и XVIII веков постройки) следуют мировой тенденции обособления в отдельное здание в местной архитектурной традиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдужемилев Р.Р. Хроника «Тарих-и Сахиб Герай хан» // Крымское историческое обозрение. 2018. № 1. С. 179–195.
2. Аирчинская Р. Честь имею помочь // История и краеведение. 10.04.2015. № 2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://goloskrimanew.ru/chest-imeyu-pomoch.html (дата обращения 27.09.2025).
3. Али-заде А.А. Аркам ибн Абу аль-Аркам // Исламский энциклопедический словарь. М.: Ансар, 2007. С. 87.
4. Арабские рукописи Института востоковедения Академии наук: Краткий каталог / ред. А.Б. Халидов. М.: Наука, 1986. Ч. 1. 526 с.
5. Бобровников В.О., Стародуб Т.Х. Медресе // Большая российская энциклопедия. М., 2011. Т. 19. С. 519–520.
6. Бретаницкий Л.С. Зодчество Азербайджана XII–XVI вв. и его место в архитектуре Переднего Востока. М.: Наука, 1966. 132 с.
7. Воронина В.Л. Архитектура Сирии XI–XVIII вв. // Всеобщая история архитектуры. Т. 8. Архитектура стран Средиземноморья, Африки и Азии. VI–XIX вв. / ред. Ю.С. Яралов, Б.В. Веймарн, В.А. Лавров и др. М.: Стройиздат, 1969. С. 40–46.
8. Гаврилов А.В. Средневековые памятники Юго-Восточного Крыма: материалы к археологической карте) // Сугдейский сборник. Вып. III. Киев, Судак, 2008. С. 331–384.
9. Гусейнзаде Р.Л., Мамедов Т.М. Педагогика. Баку, 2015. С. 44.
10. Засыпкин Б.Н. Архитектура Средней Азии древних и средних веков. М.: Академия архитектуры СССР, 1948. 160 с.
11. Земенко В.И., Юркина Ю.А. Дом Мудрости: от переводческого до научного центра // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия: Studis historica juvenum. 2009. № 1. С. 108–112.
12. Зиливинская Э.Д. Медресе и ханака в Золотой Орде (по письменным источникам и археологическим данным) // ПИФК. 2011. № 2 (32). С. 129–151.
13. Ибрагим Т.К., Сагадеев А.В. Ал-Хасан ал-Басри // Ислам: энциклопедический словарь / ред. С.М. Прозоров. М.: Наука, ГРВЛ, 1991. С. 275–276.
14. Кирилко В.П. Солхатское медресе // Stratum plus. 2011. № 6. С. 125–210.
15. Кирилко В.П. Строительная периодизация т.н. мечети Узбека в Старом Крыму // Генуэзская Газария и Золотая Орда / ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Кишинев, 2015. С. 509–558.
16. Козем Б.Х. Возникновение и принципы организации учебных центров – Низамийи в эпоху сельджукидов // Молодой ученый. 2014. № 6. С. 603–605.
17. Конкин Д.В. Система кюллие и ее роль в формировании инфраструктуры городов в Крымском ханстве // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: Матер. VI Междунар. научн. конф. (Севастополь, 3–7 октября 2022 г.) / ред. В.В. Лебединский. М.: ИВ РАН, 2022. С. 250–254.
18. Кононенко Е.И. Роль куллие в планировке раннеосманской Бурсы // Вопросы всеобщей истории архитектуры. 2016. Вып. 6 (1). С. 133–148.
19. Кораев Т.К. Низам аль-Мульк // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://bigenc.ru/c/nizam-al-mul-k-08aaca/?v=4449787 (дата обращения 27.09.2025).
20. Крамаровский М.Г., Сейдалиев Э.И. Комплекс медресе-мечети в Старом Крыму: к 100-летию археологического изучения // Terra Tatarica: Крым и тюркский мир в эпоху Средневековья и в Новое время: Сборник научных трудов Всероссийской научной конференции с международным участием. Вып. III / ред. Э.И. Сейдалиев. Симферополь: Ариал, 2025. С. 170–183.
21. Ломакин Д.А. Медресе-мечеть Узбека в Старом Крыму: сквозь пространство и время // Пространство и Время. 2014. № 2 (16). С. 159–169.
22. Ломакин Д.А. Мусульманские памятники Старого Крыма XIII–XV вв.: история изучения, современное состояние. Симферополь: Соло-Рич, 2015. 240 с.
23. Маньковская Л.Ю. Типологические основы зодчества Средней Азии. Ташкент, 1980. 184 с.
24. Миннегулов Х.Ю. Художественное своеобразие стихотворений Ашык Умера // Филология и культура. 2013. № 1 (31). С. 155–158.
25. Наршахи М. История Бухары / Пер. Н. Лыкошина. Ташкент, 1897. 123 с.
26. Османов Э.Э. Медресе Бахчисарая // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2014. № 1–2. С. 243–250.
27. Свод памятников истории, архитектуры и культуры крымских татар. Том I. Бахчисарай / ред. Р.С. Хакимов; Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, Крымский научный центр; Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник. Симферополь: Форма, 2016. 168 с.
28. Свод памятников истории, архитектуры и культуры крымских татар. Том 2. Бахчисарайский район / ред.-сост. Ш.С. Сейтумеров, науч. ред. Р.Р. Салихов. Симферополь: Форма, 2016. 184 с.

29. Athar Z., Ijaz N., Ikram R. The role of Bait-ul-Hikma in preserving and transforming Greek philosophy: A historical and intellectual analysis // AL-ĪMĀN Research Journal. 2024. № 2(03). P. 167–180.
30. Behrens-Abouseif D. Cairo of the Mamluks: A History of Architecture and its Culture. London: Tauris, 2007. 384 p.
31. Hillenbrand R. Islamic Architecture: Form, Function, and Meaning. New York: Columbia University Press, 1994. 645 p.
32. Lambton A.K.S. The Dilemma of Government in Islamic Persia: the Siyasat-nama of Nizam al-Mulk // Iran: Journal of the British Institute of Persian Studies. 1984. Vol. 22. P. 55–66.
33. Μαργιέ Α.Ι., Ματσκάνη Α.Σ. Η οθωμανική αρχιτεκτονική στην πόλη της Βέροιας // Αρχαιολογία και Τέχνες. 2007. τχ. 105. P. 72–78.
34. Mehdiyev A. Architecture of Madrasa in Azerbaijan // International Academy Journal Web of Scholar. 2019. № 1 (31). P. 26–30.
35. Türk H. Alawi Syncretism: Beliefs and Traditions in Shrine of Hüseyin Gazi // Journal of Religious Culture. 2004. Nr. 69. P. 1–20.

REFERENCES

36. Abduzhemilev R.R. Chronicle “Tarikh-i Sahib Geray Khan”. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie* [Crimean historical review], 2018, no. 1, pp. 179–195.
37. Airchinskaya R. I have the honor to help. *History and local history*, 10.04.2015. URL: http://goloskrimanew.ru/chest-imeyu-pomoch.html (date of access 27.09.2025).
38. Ali-zade A.A. Arkam ibn Abu al’-Arkam. *Islamskii entsiklopedicheskii slovar* [Islamic Encyclopedic Dictionary], Moscow, Ansar Publ., 2007, p. 87.
39. Khalidov A.B. (ed.), *Arabskie rukopisi Instituta vostokovedeniia Akademii nauk: Kratkii katalog* [Arabic manuscripts of the Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences: Brief catalog]. Part 1. Moscow, Nauka Publ., 1986, 526 p.
40. Bobrovnikov V.O., Starodub T.Kh. Madrasah. *Bol’shaia rossiiskaia entsiklopediia* [Great Russian Encyclopedia], Moscow, 2011, T. 19, pp. 519–520.
41. Bretanitskii L.S. *Zodchestvo Azerbaidzhana XII–XVI vv. i ego mesto v arkhitekture Perednego Vostoka* [Architecture of Azerbaijan in the 12th–16th Centuries and Its Place in the Architecture of the Near East]. Moscow, Nauka Publ., 1966, 132 p.
42. Voronina V.L. Architecture of Syria in the 11th–18th centuries. Iu.S. Iaralov, B.V. Veimarn, V.A. Lavrov et al. (eds.), *Vseobshchaia istoriia arkhitektury. T. 8. Arkhitektura stran Sredizemnomor’ia, Afriki i Azii. VI–XIX vv.* [General history of architecture. Vol. 8. Architecture of the countries of the Mediterranean, Africa, and Asia. 6th–19th centuries], Moscow, Stroiizdat Publ., 1969, pp. 40–46.
43. Gavrilov A.V. Medieval monuments of South-Eastern Crimea: materials for an archaeological map). *Sugdeiskii sbornik* [Sugdey collection], Vol. 3, Kiev, Sudak, 2008, pp. 331–384.
44. Guseinzade R.L., Mamedov T.M. *Pedagogika* [Pedagogy]. Baku, 2015, 44 p.
45. Zasypkin B.N. *Arkhitektura Srednei Azii drevnikh i srednikh vekov* [Architecture of Central Asia of Ancient and Middle Ages]. Moscow, Academy of Architecture of the USSR Publ., 1948, 160 p.
46. Zemenko V.I., Iurkina Iu.A. House of Wisdom: From a Translation Center to a Scientific Center. *Vestnik nauchnoi assotsiatsii studentov i aspirantov istoricheskogo fakul’teta Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriia: Studis historica juvenum* [Bulletin of the Scientific Association of Students and Postgraduates of the History Faculty of Perm State Humanitarian and Pedagogical University. Series: Studis historica juvenum], 2009, no. 1, pp. 108–112.
47. Zilivinskaya E.D. Madrasahs and Khanakas in the Golden Horde (based on written sources and archaeological data). *Problemy istorii, filologii, kul’tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies], 2011, no. 2 (32), pp. 129–151.
48. Ibragim T.K., Sagadeev A.V. Al-Khasan al-Basri. S.M. Prozorov (ed.), *Islam: entsiklopedicheskii slovar* [Islam: Encyclopedic Dictionary], Moscow, Nauka Publ., 1991, pp. 275–276.
49. Kirilko V.P. Solkhat madrasah. *Stratum plus*, 2011, no. 6, pp. 125–210.
50. Kirilko V.P. Construction periodization so-called Uzbek mosques in Old Crimea. S.G. Bocharov, A.G. Sitdikov (eds.), *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda* [Genoese Gazaria and the Golden Horde], Kishinev, 2015, pp. 509–558.
51. Kozem B.Kh. The emergence and organization principles of educational centers – Nizamiyya in the Seljuk Era. *Molodoi uchenyi* [Young Scientist], 2014, no. 6, pp. 603–605.
52. Konkin D.V. The Külliye System and its role in the formation of urban infrastructure in the Crimean Khanate. V.V. Lebedinskii (ed.), *Istoricheskie, kul’turnye, mezhnatsional’nye, religioznye i politicheskie sviazi Kryma so Sredizemnomorskim regionom i stranami Vostoka* [Historical, cultural, interethnic, religious, and political relations of Crimea with the Mediterranean region and the countries of the East], Moscow, Institute of Oriental Studies RAS Publ., 2021, pp. 250–254.

53. Kononenko E.I. The function of Kullie in mapping out Early Ottoman Bursa. *Voprosy vseobshchei istorii arkhitektury* [Questions of the History of World Architecture], 2016, vol. 6 (1), pp. 133–148.
54. Koraev T.K. Nizam al-Mulk. *The Great Russian Encyclopedia: scientific and educational portal*. URL: https://bigenc.ru/c/nizam-al-mul-k-08aaca/?v=4449787 (date of access 27.09.2025).
55. Kramarovskii M.G., Seidaliev E.I. The Madrasah-Mosque Complex in Stary Krym: On the 100th Anniversary of Archaeological Study. E.I. Seidaliev (ed.), *Terra Tatarica: Krym i tiurkskii mir v epokhu Srednevekov'ia i v Novoe vremia* [Terra Tatarica: Crimea and the Turkic World in the Middle Ages and in Modern Times], Simferopol, Arial Publ., 2025, pp. 170–183.
56. Lomakin D.A. Khan Uzbek madrasah-mosque in Stary Krym: through space and time. *Prostranstvo i Vremia* [Space and Time], 2014, no. 2 (16), pp. 159–169.
57. Lomakin D.A. *Musul'manskie pamiatniki Starogo Kryma XIII–XV vv.: istoriia izucheniia, sovremennoe sostoianie* [Muslim monuments of Stary Krym of the 13th–15th centuries: history of study and current status]. Simferopol, Solo-Rich Publ., 2015, 240 p.
58. Man'kovskaia L.Iu. *Tipologicheskie osnovy zodchestva Srednei Azii* [Typological Foundations of Central Asian Architecture]. Tashkent, 1980, 184 p.
59. Minnegulov Kh.Yu. Artistic originality of Ashik Umer's poetry. *Filologiia i kul'tura* [Philology and culture], 2013, no. 1 (31), pp. 155–158.
60. Narshakhi M. *Istoriia Bukhary* [History of Bukhara]. Transl. N. Lykoshina. Tashkent, 1897, 123 p.
61. Osmanov E.E. Madrasah of Bakhchisarai. *Ekho vekov* [Echo of centuries], 2014, no. 1–2, pp. 243–250.
62. Khakimov R.S. (ed.), *Svod pamiatnikov istorii, arkhitektury i kul'tury krymskikh tatar. Tom I. Bakhchisarai* [Code of monuments of history, architecture and culture of the Crimean Tatars. Vol. 1. Bakhchisarai]. Simferopol, Forma Publ., 2016, 168 p.
63. Seitumerov Sh.S. (ed.), *Svod pamiatnikov istorii, arkhitektury i kul'tury krymskikh tatar. Tom 2. Bakhchisaraiskii raion* [Code of monuments of history, architecture and culture of the Crimean Tatars. Vol. 2. Bakhchisaray district]. Simferopol, Forma Publ., 2016, 184 p.
64. Athar Z., Ijaz N., Ikram R. The role of Bait-ul-Hikma in preserving and transforming Greek philosophy: A historical and intellectual analysis. *AL-ĪMĀN Research Journal*, 2024, no. 2(03), pp. 167–180.
65. Behrens-Abouseif D. *Cairo of the Mamluks: A History of Architecture and its Culture*. London, Tauris Publ., 2007, 384 p.
66. Hillenbrand R. *Islamic Architecture: Form, Function, and Meaning*. New York, Columbia University Press, 1994, 645 p.
67. Lambton A.K.S. The dilemma of government in Islamic Persia: the Siyasat-nama of Nizam al-Mulk. *Iran: Journal of the British Institute of Persian Studies*, 1984, vol. 22, pp. 55–66.
68. Marge A.I., Matskani A.S. The Ottoman Architecture in the City of Veroia. *Αρχαιολογία και Τέχνες*, 2007, τχ. 105, pp. 72–78.
69. Mehdiyev A. Architecture of Madrasa in Azerbaijan. *International Academy Journal Web of Scholar*, 2019, no. 1 (31), pp. 26–30.
70. Türk H. Alawi Syncretism: Beliefs and Traditions in Shrine of Hüseyin Gazi. *Journal of Religious Culture*, 2004, no. 69, pp. 1–20.

Информация об авторе

Шульман К. Д. – младший научный сотрудник НИЦ истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, AuthorID: 1108213.

Author information

Shulman K. D. – Junior Researcher at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University, AuthorID: 1108213.

DOI: 10.29039/2413-189X.2025.30.533-554

МЕЧЕТЬ БЕКХАН СУЛТАН В БАХЧИСАРАЕ

Дмитрий Анатольевич Ломакин
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия,
LomakinDA@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-8832-4867
Елена Акимовна Айбабина
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия
aibabinae@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-9965-7234

Аннотация. Рассмотрена история создания мечети Тахталы-Джами – одной из немногих хорошо сохранившихся культовых построек Бахчисарая периода Крымского ханства. Представлены выявленные сведения о дочери Селима I Герая Бекхан Султан – благодетельницы, на чьи средства была возведена постройка. Для воссоздания истории функционирования мечети привлечены различные группы источников, в том числе архивные материалы из фондов Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника, Государственного архива Республики Крым, Центрального государственного архива литературы и искусства Санкт-Петербурга и Центрального государственного архива кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга. На основе чертежей А. Л. Ротача и фотоснимков из его личного фонда восстановлено состояние памятника накануне Великой Отечественной войны. Рассмотрены основные итоги реставрации здания в 80-х гг. XX в. Выполнен архитектурный анализ сооружения.

Ключевые слова. Бахчисарай, мечеть, Тахталы-Джами, Бекхан Султан, Селим I Герай, Осман Ага, история изучения, архитектурный анализ.

Благодарности: Статья написана в рамках проекта Минобрнауки РФ, государственное задание FZEG-2025-0001 «Этнические трансформации в Крыму и Таврических степях в Средние века и Новое время».

BEKHAN SULTAN MOSQUE IN BAKHCHISARAI

Dmitrii A. Lomakin
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
LomakinDA@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-8832-4867
Elena A. Aibabina
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
Aibabinae@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-9965-7234

Abstract. This article examines the history of Takhtaly-Dzhami mosque, one of the few well-preserved religious buildings in Bakhchisarai from the age of the Crimean Khanate. It also presents recently discovered information about Bekhan Sultan, a daughter of Selim I Girai and the benefactress who financed the construction. The reconstruction of the history of the mosque is based on various sources, including archival materials from the Bakhchisaray Historical, Cultural, and Archaeological Museum Preserve (BIKAMZ), State Archive of the Republic of the Crimea (GARK), Central State Archive of Literature and Art in St Petersburg (TsGALI SPb), and the Central State Archive of Film, Photo, and Sound Documents in St Petersburg (TsGAKFFD SPb). A. L. Rotach's drafts and photographs from his personal collection became the background to reconstruct the condition of the mosque on the eve of the Great Patriotic War. The main results of the restoration of the building in the 1980s have been discussed. Architectural analysis of the structure has been done.

***Keywords*:** Bakhchisarai, mosque, Takhtaly-Dzhami, Bekhan Sultan, Selim I Gerai, Osman Aga, history of research, architectural analysis

Acknowledgments: This article has been written as a part of the project supported by state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation FZEG-2025-0001 *Ethnic Transformations in the Crimea and the Tauria Steppe in the Middle Ages and the Modern Period.*

В Бахчисарае на центральной улице исторической застройки города возле ханского дворца находится мечеть Тахталы-Джами[1]. Этимология названия споров не вызывает, происходит от турецкого слова «tahta», что в переводе означает «доска». Таким образом, «Тахталы-Джами» можно перевести как «деревянная мечеть» или «мечеть, построенная из дерева». Находится в историческом квартале (махалле) Осман-Ага, в отдельных архивных документах сооружение упоминается по названию прихода.

Вызывает недоумение разночтения в дате постройки мечети. В историографии выявлены работы исследователей, относящих возведение здания к 1704 г. [18, с. 82; 19, с. 72; 20, с. 18; 21, s. 152], 1707 г. [24, с. 259]. Хорошо сохранившийся тарих над порталом вряд ли позволяет допускать разночтения в этом вопросе: *«Дочь Эль-Хаджа Селима Герай-хана Бекхан Султан-ханум – [в этом смертном] мире совершила это благое дело, да дарует ей Бог награду в вечном мире. О Аллах, умножь Свою милость и прощение в тысячу раз, о Господь, возвысь положение [Бекхан Султан-ханум] в будущей жизни. 1125 [1713/1714 гг.]».*

Информация о благодетельнице в исторических источниках фрагментарна и малочисленна. Из самой надписи следует, что Бекхан Султан являлась дочерью крымского хана Селима I Герая, четырежды занимавшего престол (1671–1678, 1684–1691, 1692–1699 и 1702–1704). О принадлежности к правящей семье свидетельствует и титул «ханум», которым наделяли, как правило, ханских жен либо дочерей.

Селим Герай [31, s. 20–21] был хафизом (знал Коран наизусть), чтецом месневи (жанр средневековой персидской поэзии), поэтом, музыкантом, последователем суфийского ордена Мевлеви [34, s. 540], снискал славу рассудительного правителя и мудрого политика, был «умным и талантливым» [12, с. 5], «одним из самых известных и уважаемых современниками и потомками крымских ханов» [10, с. 256–257]. В сочинении Абдулгаффара Кырыми «Умдет ал-ахбар», посвященном истории Чингизидских политий и Крымского ханства, о Селиме Герае отмечено: «Среди потомков Чингиза был известен как смелый, умный и правильный. В Крыму четыре раза был ханом. <…> Даже Крымское ханство оставил своим сыновьям. <…> Передается, что почтенный, хорошего нрава, среднего роста, белого цвета, ресницы и брови черные и ровные, несравненно щедрый. Родных сыновей и дочерей было 75. <…> Он был очень мудрым и совершенным человеком» [1, с. 147, 150; 2, с. 117, 120]. Кырыми являлся судьей и приближенным лицом Селим Герая. Однако в 1743/1744 г. был смещен и сослан в крепость Согуджак, где в 1747 г. составил свой труд. Таким образом, он являлся современником многих описанных им событий в жизни Крымского ханства первой половины XVIII века, что может свидетельствовать о значительной доли достоверности изложенного.

Имена семнадцати сыновей Селима Герая известны исторической науке. Шестеро из них поочередно немногим менее полувека занимали ханский престол: Девлет II Герай (1699–1702, 1709–1713), Гази III Герай (1704–1707), Каплан Герай (1707–1708, 1713–1715, 1730–1736), Саадет IV Герай (1717–1724), Менгли II Герай (1724–1730, 1737–1740), Селямет II Герай (1740–1743); четверо были калгами, двое – нуреддинами [34, s. 540]. После смерти Селима I Герая в 1704 г. все крымские ханы (кроме Девлета III, 1716–1717) являлись его потомками.

Ряд надгробных камней с именами детей Селима I Герая до настоящего момента хранится на территории Ханского кладбища Бахчисарайского дворца: Махмуд Герай-султан (1688/89, DG01[2]), Мехмед Герай-султан (1689/90, D11), Азамат Герай-султан (1690/91, DG04), Максуд Герай-султан (1707/08, C02), Девлет Герай-султан (1733/34, E13), Адиль Герай-султан (1734/35, C04), Арслан Герай-султан (1751/52, A06). Менгли II Герай также похоронен на кладбище во дворце (1739, MG01). Кроме того, сыновьями Селима Герая являлись Мухам-

[1] Мечеть расположена по адресу: Республика Крым, Бахчисарайский район, г. Бахчисарай, ул. Гаспринского, 7. Взята на учет Постановлением Совета Министров УССР от 06.09.1979 г. № 442 в качестве памятника архитектуры и градостроительства (охранный № 1229). Решением Крымского областного исполнительного комитета от 22.05.1979 г. № 284 установлена граница охранной зоны, которая ограничена окружностью радиусом 50 м. Согласно Распоряжению Правительства Российской Федерации № 2073-р от 17.10.2015 г. является памятником федерального значения. Учётный номер: 91-65307. Номер в ЕГРОКН: 911510357730006.

[2] Номера надгробий представлены в соответствии с каталогом А. Е. Гайворонского [5, с. 22–25].

мед Герай, Сахиб Герай, Сафа Герай и Шахбез Герай. Благодаря эпитафиям на надгробиях установлены имена трех сестер Бекхан Султан: Кая Султан (1717/18, DG03), Фатма Султан (1741/42, F25), Ферах Султан (1753/54, A03). Турецкий историк Йылмаз Озтуна отметил, что лишь десять дочерей и тринадцать сыновей Селима Герая достигли совершеннолетия, остальные умерли в младенчестве [34, s. 540].

Выявлены сведения об одной из жен Селима I Герая – Бейзаде Ханым, сестре смотрителя ханского дворца Али Мердан-Аги [34, s. 540]. Она была матерью Каплана Герая, родившегося на о. Родос. Став частью Османской империи в 1522 г., остров превратился в место ссылки для неугодных представителей политической элиты: кроме крымских ханов на него отправляли великих визирей, командующих османским флотом и др. [4, с. 242]. Оказался на Родосе и Селим Герай после своей первой отставки в 1678 г.

Кладбище на территории архитектурного комплекса Мурад Рейса [27] на о. Родос являлось одним из мест погребения жившей там османской знати. К настоящему времени сохранилось 7 дюрбе и 258 грунтовых погребений [30, s. 2]. Установленные захоронения Гераев на Родосе находятся в двух мавзолеях комплекса – дюрбе Джанибек Герая и дюрбе Шахин и Фетих Гераев; отдельное захоронение принадлежит Саадет Гераю [4, с. 244]. В первом дюрбе хранится головная стела с эпитафией от надгробия матери хана Каплан Герая, умершей в 1124 г. х. (1712/1713 г.). Текст выполнен почерком насталик, сделан на передней стене мраморного саркофага (полностью не сохранился) [6, с. 100].

В 1712 г. на острове Родос, вероятно, после неудач своего первого правления, находился Каплан I Герай, что объясняет погребение здесь Бейзаде Ханым. Являлась ли она матерью Бекхан Султан – не установлено, однако такой возможности исключать нельзя. Любопытно, что рассматриваемая нами мечеть в Бахчисарае построена в 1125 г. х., через год после смерти супруги Селима Герая. Не в память ли о любимой матери была возведена культовая постройка Бекхан Султан?

Турецкий историк Ахмет Доган в одном из своих исследований, посвященном Кае Султан, сестре Бекхан Султан, отметил, что матерью первой являлась Гюлендам Бикеч [28, s. 131]. Приставка «бикеч» свидетельствует о том, что она была наложницей Селима I Герая. Более детальной информации о Гюлендам Бикеч не выявлено, однако она вполне могла являться матерью обеих сестер.

Селим I Герай был не только верным союзником османского государства, но и ревностным почитателем истории, культуры и традиций турецкой империи, за что снискал уважение правящей элиты Стамбула. В связи с этим любопытен ряд аналогий, которые в комплексе вряд ли могли быть случайными совпадениями. С 1512 по 1520 гг. девятым султаном Османской империи являлся Селим I Явуз («Грозный», «Свирепый»). Под его началом велась активная экспансия соседних регионов, присоединены Левант, Хиджаз, Тихама, Египет. При нем в состав империи вошли священные для мусульман города Мекка и Медина, чем был завоеван огромный авторитет в исламском мире [29, p. 511].

Одной из дочерей Селима Явуза являлась Бекхан Султан (1497(?) – до 1559) [35, s. 233], выданная замуж за визиря Ферхат-Пашу, принимавшего участие в походе Селима I в Персию и покорении Сулейманом I Родоса. Вероятно, имена детей Селима I Герая не были случайными. Согласно одной из версий, Каплан Герай был назван в честь Каплана Мустафы-паши [33], эскадра которого причалила к берегам Родоса в момент его рождения [6, с. 100–101]. Бекхан Султан, возможно, была названа в честь дочери прославленного султана, которого, к тому же, звали так же, как и ее отца – Селим.

Одной из жен Селима I Явуза была Айше-Хатун, дочь крымского хана Менгли I Герая. Среди сыновей последнего известны Мехмет, Саадет, Сахиб (поочередно занимали крымский престол) и Махмуд. Четверым сыновьям Селима I Герая были даны такие же имена, еще одним был Менгли. Вероятно, Селим I Герай видел эпоху Менгли I Герая и Селима I Явуза периодом наибольшего подъема и расцвета Османского государства и Крыма, себя же считая их верным потомком и последователем, всячески им подражая.

Мечеть Тахталы-Джами является примером женской благотворительности в Бахчисарае. Исходя из истории средневековой застройки города, подобная практика существовала ре-

гулярно – знатные дамы, как правило, из ханской семьи, неоднократно жертвовали внушительные средства на возведение общественно значимых построек (мечети Ешиль-Джами, Исмихан-Джами, мектебы Умм-Гульсум, Исмихан-Бийим и др.) [3, с. 177–178]. Есть сведения о том, что на средства сестры Бекхан Султан, Каи Султан, также была возведена мечеть в Бахчисарае [28, s. 150]. Традиция имеет давние корни, восходящие к периоду Золотой Орды – наиболее ранним примером женской благотворительности на территории Крымского полуострова является солхатское медресе (г. Старый Крым), возведенное в 1332/1333 г. на средства Инджибек-Хатун.

Согласно «Списку существующих мечетей в Симферопольском уезде Таврической губернии по городу Бахчисараю» от 11 апреля 1889 г., выявленному в фонде Таврического губернского правления Государственного архива Республики Крым [ГАРК, ф. 27, оп. 1, д. 8314], постройка, обозначенная как «Пятивременная мечеть под названием приход Осман-Ага», в 1885 г. была «перестроена прихожанами без разрешения на то губернского начальства» [там же, л. 2 об.–3, 16] (детали работ не указаны). В документе также отмечено, что «утвержденного духовенства нет, но вместо имама отправляет богослужение Шейх Амет Шейх Сулейман Оглу» [там же, л. 3, 16]. В распоряжении последнего находился вакуф мечети, составлявший 180 рублей в год [там же, л. 16].

Любопытно, что в турецкой историографии распространено мнение о том, что «благотворитель из Бахчисарая Осман Ага на свои средства отремонтировал Тахталы-Джами» в 1885 г. [32, s. 388]. Данный тезис маловероятен, т. к. городской квартал, в котором находилась постройка, значительно ранее приведенной даты именовался «Осман-Ага». Подобным образом неоднократно называли и рассматриваемый памятник. Наиболее раннее упоминание зафиксировано в кадиаскерских тетрадях 1714 г. – «Осман Агъа месджит махаллеси» (квартал мечети Осман-Ага) [3, с. 170]. Данный фрагмент, появившийся вскоре после постройки мечети, может указывать на первоначальное название постройки. При этом не исключено, что вновь сооруженная мечеть могла именоваться по названию квартала, устоявшегося к моменту возведения здания.

До настоящего момента не установлено, кем являлся Осман Ага, в честь которого получил название не только городской квартал, но и мечеть, основанная ханской дочерью. Можно утверждать только то, что он не был хатипом этой мечети и не являлся служителем культа, поскольку приставка «ага» являлась титулом, который носили офицеры и приравненные к ним придворные чины. Судя по расположению квартала, можно также предположить, что Осман Ага был высокопоставленным придворным, проживавшим рядом с ханским дворцом.

На заседании Таврической ученой архивной комиссии 24 апреля 1915 г. один из докладов прочел ее председатель А. И. Маркевич. Он отметил, что, исполняя поручение ТУАК, посетил Бахчисарай. Целью его поездки стал осмотр мечетей Ешиль-Джами и Тахталы-Джами. Им зафиксированы значительные изменения в архитектуре последней, исказившие ее облик: «Оказалось, что она [мечеть – *авт.*] реставрирована в 1914 г. приходом ее, при чем каменный пол мечети заменен деревянным, входные двери и окна увеличены с изменением их вида, и находившаяся над дверью арка с рельефными двумя большими и четырьмя малыми розетками, выкрашенными голубой краской, вынута и вставлена в обочину входного крыльца. К счастью, сохранена надпись над входом <…>» [7, с. 253]. ТУАК не сочла нужным каким-либо образом отреагировать на данный случай. Возможно, причинами этому были общее удовлетворительное состояние объекта и вывод А. И. Маркевича о том, что памятник не представляет существенного историко-архитектурного интереса [26, с. 501–502], т. к. «мечеть обычного типа, небольшая и не замечательна в архитектурном отношении» [7, с. 253].

А. И. Маркевич также отметил: «Ремонт мечети Тохталы-Джами произведен без ведома [Строительной] комиссии» [7, с. 253], что не соответствует действительности. 17 июля 1913 г. из Первого отделения Губернского правления в Строительное отделение направлены «смета и план на ремонт мечети прихода Осман-Ага (Тахталы-Джами) в г. Бахчисарае для рассмотрения в техническом отношении и распоряжения» [ГАРК, ф. 27, оп. 13, д. 4704, л. 33]. 19 июля проект передан в Бахчисарайское городское полицейское управление, которому предписывалось «вручить таковой доверенным по названному ремонту лицам,

объявив им при этом, что означенный проект, по снятии с него копии, должен быть вновь представлен в Строительное отделение в двух экземплярах, т. е вместе с копией» [там же, л. 35]. 29 июля Асан Мустафа Эфенди, «уполномоченный прихожан прихода Осман-Ага», «представляя при сем проект с копией на ремонт мечети Осман-Ага», покорнейше просил «Строительное отделение не отказать таковой проект утвердить и выслать на имя имама мечети» [там же, л. 40]. 2 августа на заседании Строительного отделения Таврического губернского правления отмечалось, что «означенный проект составлен в техническом состоянии удовлетворительно, а исчисленная по смете сумма в 1316 руб. 42 коп. не превышает действительной стоимости означенных работ» [там же, л. 43]. Принято решение «проект на ремонт мечети прихода Осман-Ага <…> одобрить, о чем сделать на нем установленную надпись, приобщить таковой к делу, засвидетельствованную же копию с него вместе со сметой препроводить для вручения имаму мечети» [там же]. Последнему предписывалось «по окончании ремонта здания названной мечети уведомить Строительное отделение на предмет освидетельствования такового для удостоверения в правильности и безопасности устройства его для посещения» [там же, л. 43об.]. В фонде Строительного отделения Таврического губернского правления ГАРК выявлен проект ремонта мечети, утвержденный 2 августа 1913 г. (протокол № 1743) (рис. 1) [там же, л. 44].

Фотоснимки северного фасада мечети, а также ее портальной части, выполненные до (рис. 2; 3) и после (рис. 4) ремонта 1914 г., позволили более детально восстановить подробности произведенных работ. На первых двух фотографиях (рис. 2; 3) виден вход в мечеть, который находится в угловой части западной стены с небольшим отступом во внутрь помещения. Портал мечети с вмонтированными архитектурными декоративными элементами относится, по-видимому, ко времени постройки мечети: над дверью была вставлена большая прямоугольной формы плита с врезной аркой, повторяющей форму верхней части дверного проема с тремя небольшими резными розетками, над аркой – три резные розетки разного диаметра (рис. 2). А. И. Маркевичем отмечено, что эта плита при ремонте 1914 г. была вынута из стены и поставлена у входа в мечеть. Завершает декор квадратная плита с высеченной четырехстрочной арабской надписью. Особенно выделяются розетки большего диаметра с геометрическим орнаментом.

Обращает на себя внимание запечатленный на снимке порог с выемкой, образовавшейся на входе в мечеть с течением времени (рис. 2). Нижняя плита порога, сложенная из нескольких камней, имела полукруглую форму. Портал, несмотря на использование резных деталей, представляет собой в целом простой вариант без его архитектурного выделения и декоративного оформления откосов входа. Резьба выполнена с мастерством, однако применение этих элементов было весьма скромным. Орнаментика представляет собой распространенные в крымской архитектуре мотивы, восходящие к сельджукской типологии. На фотоснимке 20-х –30-х гг. XX в. виден портал мечети после реставрации 1914 г.: без плиты с резным декором, на ее месте – прозрачный тимпан, поставлены новые деревянные двери и решетки (рис. 5).

Общий вид архитектурного оформления входа в мечеть и прохода во двор, находящийся с западной стороны, представлен на фотоснимке 1913 г. (рис. 3). Перекрытие прямоугольной площадки перед обоими входами поддерживалось кронштейнами и деревянным столбом, верхняя часть боковых сторон была «закрыта» нависающими фигурными арками. Проход во двор декорирован профильными элементами и имеет сквозной люнет.

На фотоснимке, выполненном через год после проведения ремонтных работ, верхнее оформление площадки перед входами в мечеть и в примыкающий двор отсутствует, очевидно, оно было убрано в ходе ремонта. С восточной стороны рядом с мечетью находилось здание, вероятно, функционально связанное с ней, оно отделено от мечети узким проходом, что показано на фотоснимках 1915 г. (рис. 4) и периода Великой отечественной войны (рис. 12). Здание впоследствии было снесено.

Мечеть действовала до 1923 г. [23, с. 48] (официально закрыта в 1929 г.) [32, s. 388], после использовалась в качестве хозяйственного помещения (рис. 5). Информативным источником, отражающим состояние памятника в довоенный период, являются документы, отложившиеся в личном фонде советского архитектора-реставратора, художника Александра

Лукича Ротача (1893–1990) [о нем см. подр.: 14; 22; 25] в Центральном государственном архиве литературы и искусства (Ф. Р-598). Основной объем материалов фонда отражает ключевые этапы его творческой деятельности, посвященной, прежде всего, проектированию гражданских сооружений, реставрации и восстановлению поврежденных в годы Великой Отечественной войны памятников архитектуры, в большинстве своем, расположенных на территории Ленинграда и Великого Новгорода. Часть документов фонда раскрывает отдельные сюжеты биографии А. Л. Ротача, связанные с Крымом, который он не только неоднократно посещал по служебной необходимости, но и был источником творческого вдохновения, являлся излюбленным местом отдыха. Здесь же представлен значительный объем уникальных материалов, посвященных архитектурным памятникам полуострова, большая часть которых до настоящего момента остается невостребованной. Лишь отдельные группы документов введены исследователями в научный оборот [13; 16].

Одна из единиц хранения представленного фонда посвящена рассматриваемому памятнику, где выявлено десять чертежей, выполненных А. Л. Ротачем вчерне [ЦГАЛИ СПб, ф. Р-598, оп. 1, д. 169, л. 2, 2об., 3, 4, 4об., 5, 6, 7, 8, 9]. Значительный интерес представляет фотоснимок михраба, позволяющий реконструировать его первоначальный вид [там же, л. 10]. Согласно надписи на обороте одного из документов, архитектор производил обмеры памятника в 1940 г. [там же, л. 8об.].

Чертежи, выполненные А. Л. Ротачем, отражают конструкцию мечети и ее декор. Они включают в себя план памятника, разрез по линии южной стены, рисунки внешнего вида и разрезов минарета, михраба, элементов экстерьера. Все кроки снабжены промерами и подписями, общими и к некоторым архитектурным деталям. Чертежи и рисунки позволяют восстановить исторический облик мечети, искаженный в дальнейшем в процессе многолетней эксплуатации здания не по своему прямому назначению:

1. План мечети, озаглавленный: *«Мечеть Тахталы-Джами, г. Бахчисарай, ул. Р. Люксембург. Масштаб 1/50»* (рис. 6) [там же, л. 8–8об.]. Отражает изменения, которые были произведены к моменту ее исследования архитектором. Заложены первоначально существовавшие окна восточной стены и вход в минарет. Схематично представлен план перестроенного входа. На оборотной стороне плана надпись «Обмер 1940 г.» и личная подпись архитектора.

2. *«Разрез № 1. Мечеть Тахталы-Джами. Масштаб 1/50»* (рис. 7) [там же, л. 9]. На чертеже имеются надписи: «Стены штукатуренные – беленые», «Потолок деревянный досчатый», «Пол деревянный». Разрез соответствует отмеченной на плане мечети линии южной стены с михрабом и двумя окнами. Вертикальные размеры мечети значительны: высота потолка составляет 4,32 м[3], высота окон – 2,06 м. Указаны размеры михраба: его обрамление на плоскости стены – 319×176 см; высота михрабной ниши – 158 см, высота с конхой – 292 см; высота витых колонн – 121 см.

3. *«Деревянная мечеть. Минарет Тахталы-Джами»* (рис. 8) [там же, л. 2]. Профиль фигурного основания шерфе минарета с указанием граней ствола (16) и наброском резной панели грани каменного шерфе: большая девятилепестковая розетка в прямоугольной рамке с небольшими угловыми сегментами розеток. Представлен один рисунок панели как пример резного декора ограждения. Указаны размеры: высота основания шерфе – 85 см, высота панелей ограды шерфе – 70 см, диаметр ствола минарета на уровне балкона – 115 см, диаметр ствола минарета – 215–230 см.

4. *«Мечеть Тахталы-Джами»* (рис. 9) [там же, л. 2об.]. Рисунок остроконечного шатра минарета с алемом; профиль карниза здания с выкружкой и валом. Указаны размеры: диаметр ствола минарета на уровне балкона – 1,15 м, высота башни минарета – 1,54 м. Отмечено, что остроконечная крыша имеет 16 граней.

5. *«Вход во двор у мечети Тахталы-Джами»* [там же, л. 3]. Оформление входа во двор мечети: портал с прямыми откосами, профилированным обрамлением, полуциркульным сквозным люнетом. Поле люнета заполнено решеткой. Схематично прорисован профиль портала.

6–8. *«Бордюр у михраба», «Разрез I–I»* (рис. 10) [там же, л. 4, 4об., 5]. Профиль прямоугольного наружного обрамления михраба с резным декором. Ширина полосы с геометриче-

[3] Здесь и далее размеры приведены в соответствии с указанными на чертежах А. Л. Ротача.

ским орнаментом – 8 см. На рисунке обозначен разрез I–I. На одном листе рисунок наружной прямоугольной рамы михраба и фигурной детали над ней (часть сбита) [там же, л. 5, 9].

9. *«Верх михраба»* (рис. 11) [там же, л. 6]. Прорисовка орнамента конхи и ниши, боковых капителей и колонок михраба. Резной декор конхи составляли пять орнаментальных поясов. Конху михраба обрамляет высеченная узкая (0,04 м) полоска из переплетенных полукруглых арочек. Размеры разделенных уступчатых поясов (снизу вверх): 1. Длина – 81 см, ширина – 20 см; 2. Длина – 73 см, ширина –20 см; 3. Длина – 61 см, ширина – 16 см; 4. Длина – 50 см, ширина – 17 см; 5. Длина – 33 см, ширина – 18 см. На рисунке сделано примечание о состоянии орнамента рельефных розеток (диаметр – 14 см), венчающих конху: «Орнамент сбит». Указаны размеры капителей и колонн, расположенных по сторонам михрабной ниши: высота капителей с основанием – 21 см; ширина верха капители – 13 см, основания – 9 см; ширина колонны – 9 см.

10. *«План входа в мечеть» с пометкой: «Над входом надпись»* [там же, л. 7]. Передана планировка пространства перед входом в мечеть в виде площадки, устроенной с понижением по отношению к уровню дороги и отделенной от нее бордюром (39 см). Площадка неправильной формы, размеры: около 3,96×4,33 м. У северной стены площадки отмечена плита с аркой и рельефными изображениями розеток, ранее вынутая из стены над входом в мечеть и, видимо, поставленная в углу. Указаны размеры плиты: длина –150 см, толщина – 23 см[4].

Постановлением Совета Министров УССР № 442 от 6 сентября 1979 г. мечеть Тахталы-Джами (рис. 12–14) взята на учет в качестве памятника архитектуры и градостроительства (охранный № 1229). В том же году начата подготовка к проведению ремонтно-реставрационных работ существенно поврежденного здания за более чем полувековой период его использования в хозяйственных нуждах. В рамках предреставрационных исследований во внутренней части мечети Украинским специальным научно-реставрационным производственным управлением (УСНРПУ, Киев; в 1980 г. преобразовано в институт «Укрпроектреставрация») под патронатом Государственного комитета Совета УССР по делам строительства проводились археологические работы. Было заложено три шурфа, что позволило получить весомые результаты[5]. Шурф 1 в юго-восточном углу мечети выявил «остатки древнего пола из каменных тесаных плит разной величины» (л. 4). Вероятно, во время работ обнаружены фрагменты каменного покрытия, демонтированного в 1914 г., о чем докладывал А. И. Маркевич. Также у восточной стены был «обнаружен фундамент под ранее существовавшую стену тамбура, следы от которой продолжались далее на стене мечети» (л. 4).

В шурфах 2 (у основания михраба) и 3 (в северо-западном углу мечети) после демонтажа современного деревянного покрытия пола обнаружено значительное количество «обломков известковой штукатурки, на которой сохранялся лицевой слой, раскрашенный в цветовую гамму» (л. 4). Таким образом, в интерьере мечети зафиксировано существование ранее фресковых росписей. К сожалению, «сухой» отчет УСНРПУ более детальной информации не содержит, сведений о цветовом решении росписи на выявленных фрагментах, составе краски и т. п. не включено. Можно предположить, что росписи были уничтожены во время приспособления мечети для хозяйственных нужд в 20–30-е гг. XX в., штукатурка в деформированном виде использована для заполнения пространства под досками пола.

В рамках этих же работ с целью выяснения конструкции стен осуществлены два зондажа (1 – внутри мечети в северо-восточном углу восточной стены; 2 – снаружи здания в восточной стене у юго-восточного угла). В результате установлено, что «стена со стороны помещения выполнена с облицовкой рваным камнем известняка <…> на известковом растворе. Лицевая поверхность камня грубо отесана под штукатурку. За облицовочным слоем просматривается забутовка. Связь облицовочного слоя с забутовкой осуществляется каркасом из дубовых брусков» (д. 5). Снаружи стены облицованы тесаным камнем известняка толщиной

[4] На фотографии, датированной началом XX века, плита находится на своем первоначальном месте (рис. 2).

[5] Отчет хранится в научном архиве БИКАМЗ – «Памятник архитектуры XVII в. мечеть Тахталы-Джами в г. Бахчисарай Крымской области. Том 1/2: Предпроектные научные исследования / Украинское специальное научно-реставрационное производственное управление Государственного комитета Совета УССР по делам строительства. Киев, 1979 г.».

140 мм с тщательной обработкой поверхности и подгонкой друг к другу, «связь наружной облицовки со всей стеной выполнена каркасом из дубовых брусьев. Продольные брусья, хорошо просматривающиеся на фасаде, уложены на высоте в среднем через 1 м. Поперечные элементы, соединенные на врезке гвоздями с продольными брусьями, также идут с шагом в среднем 1 м» (л. 5).

В результате обследования мечети в 1981 г. накануне реставрации отмечены значительные повреждения конструкции здания: «В швах кладки верхней части минарета имеются трещины. <…> Поверхность кладки стен мечети имеет загрязнения, заражение биологическими культурами. <…> Швы кладки подвержены выветриванию. В цоколе южной части здания, а также в стенах над проемами имеются вертикальные трещины и вывалы каменной кладки. Древесина поясов усохла, растрескалась, поражена древоточцами, а также подвержена поверхностной эрозии под воздействием солнечных лучей, дождя и ветра. Пол деревянный на лагах по грунту пришел в негодность вследствие того, что долгое время не был защищен от атмосферных воздействий. <…> Крыша и деревянные перекрытия мечети почти полностью обрушились. Оставшаяся часть деревянных стропил находится в аварийном состоянии и удерживается от обрушения весьма сомнительными подпорками»[6].

Разработанный в 1982 г. проект реставрации памятника (главный архитектор – А. М. Макашин, утвержден к производству 25 октября 1982 г.) предусматривал понижение уровня грунта и создание цокольного этажа, вход в который планировалось организовать в юго-западном углу при помощи винтовой лестницы. Изготовлены новые перекрытия крыши мечети, реставрированы фасады, предписывалось «выполнить заново столярку»[7]. Запланирована очистка резной поверхности основания шерфе и самого столба минарета. Интерес представляют промеры высот минарета и его деталей: высота минарета с алемом – 16,38 м, без алема – 15,32 м; высота шерфе вместе с фигурным основанием – 1,80 м, высота ствола минарета до основания шерфе – 7,77 м, высота башни – 2,75 м, высота остроконечной крыши – 3 м. Вокруг здания сделана каменная отмостка.

В 1989 г. разработан проект благоустройства прилегающей к мечети территории (площадь 32 м^2), включая реконструкцию фонтана у портала (главный архитектор – С. С. Канев, автор проекта – В. Н. Борисов, утвержден к производству 20 октября 1989 г.)[8]. После завершения работ отреставрированная мечеть передана мусульманской общине города и спустя два года была открыта для богослужений. В 1991 г. сотрудниками кафедры истории древнего мира и средних веков Симферопольского государственного университета в рамках научно-исследовательской темы «Разработка и обоснование охранных зон на территории Бахчисарайского государственного историко-культурного заповедника» (№ 494-01, ответственный исполнитель – А. Г. Герцен) по заказу Бахчисарайского заповедника подготовлен «Проект охранной зоны памятника архитектуры мечети Тахталы-Джами»[9]. Согласно проекту, определены охранная зона (составила 0,15 га), зона регулируемой застройки, зона охраны ландшафта и культурного слоя.

Тахталы-Джами относится к «мечетям с плоским перекрытием, зальным, прямоугольным в плане» [8, с. 70; 9, с. 896]. Подобные мечети являются, по мнению Э. Д. Зиливинской,

[6] БИКАМЗ НА. Методические обоснования проекта реставрации памятника архитектуры XVIII века мечети Тахталы-Джами в г. Бахчисарае. 1981 г., л. 2–3.

[7] БИКАМЗ НА. Памятник архитектуры XVII века мечеть Тахталы-Джами в г. Бахчисарае. Проект реставрации (главный архитектор А. М. Макашин) / Украинский специальный научно-реставрационный проектный институт «Укрпроектреставрация» Украинского специального научно-реставрационного производственного управления Государственного комитета Совета Министров УССР по делам строительства. 1982 г., л. 4.

[8] БИКАМЗ НА. Мечеть Тахталы-Джами XVIII века в г. Бахчисарае. Проект ремонтно-реставрационных работ (главный архитектор С. С. Канев, автор проекта В. Н. Борисов) / Украинский специальный научно-реставрационный проектный институт «Укрпроектреставрация» Украинского специального научно-реставрационного управления Государственного комитета УССР по делам строительства. 1989 г.

[9] БИКАМЗ НА. Тема № 494-91: Разработка и обоснование охранных зон на территории Бахчисарайского государственного историко-культурного заповедника / Кафедра истории древнего мира и средних веков СГУ им. М. В. Фрунзе. Том 4: Историко-архитектурный опорный план г. Бахчисарая. Книга 2, приложение 1: Проект охранной зоны памятника архитектуры мечети Тахталы-Джами в г. Бахчисарае (охр. № 1229). 1991 г., л. 1–13.

генетически связанными с мечетями с плоским перекрытием базиличного типа и имели распространение на территории Османской империи и в Крыму (например, Орта-Джами в Бахчисарае, мечеть при текие Шукурла-Эфенди в Евпатории) [9, с. 896–899]. Название памятника – Тахталы-Джами, т. е. «Деревянная», вероятнее всего, связано с конструкцией здания, ее деревянным каркасом, который был выявлен в результате зондажей 1979 г. Не исключено, что поименование мечети может указывать на материал более ранней постройки, а также было связано с широким применением дерева в интерьере. Вполне вероятно, что с момента постройки мечеть получила новое, принятое в обиходе название («Тахталы-Джами») вместо прежнего («мечеть Осман-Ага»).

Здание мечети Тахталы-Джами расположено на центральной улице исторической части Бахчисарая, вблизи от входа в ханский дворец. Сформировавшаяся в течение длительного времени топография этого района с плотной городской застройкой отразилась на архитектурном облике и планировочном решении здания: мечеть не обособлена как отдельное строение, выделяется среди других зданий узкой средневековой улицы лишь с близкого расстояния.

Участок, на котором построена мечеть, имеет крутой уклон к югу, к берегу р. Чурук-Су, падение рельефа в месте строительства является значительным: по длине здания оно составляет около 5 м. В связи с этим цоколь в южной стороне здания является более высоким[10]. Стены мечети каменные, внешние – с облицовкой тесаным, хорошо пригнанным камнем, внутренние – камнем с грубой поверхностью. Основу кладки составляет забутовка в деревянном каркасе. Применение в кладке деревянных поясов не только способствует укреплению кладки, но и создает декоративный эффект. Использование деревянных балок является одной из отличительных черт национальной средневековой архитектуры полуострова.

В первом профессиональном архитектурно-градостроительном описании мечети указаны размеры здания (10,23×7,56 м), его ориентировка: своей главной продольной осью направлена не перпендикулярно улице, а с незначительным отклонением в сторону центра города с севера-запада на юг-юго-восток (Методические обоснования…, л. 2–3). Минарет и михраб, находящиеся на продольной оси здания, расположены, соответственно, в северной и южной части здания.

Михраб представляет собой неглубокую нишу в южной стене, перекрытую конхой (рис. 15). Скромный резной декор конхи представляет собой пять полос резного орнамента, почти одинаковых по ширине. Нижняя полоса покрыта изображением стрельчатых арок, почти в центре, нарушая симметрию (5 арок с одной стороны, 6 – с другой), весьма схематичное (плохо сохранившееся?) изображение, по-видимому, лампы. Все пояса до верха конхи имеют декор в виде вытянутых ромбов с выпуклыми овалами внутри, поставленных в ряд. В центре верхнего ряда – схематичное изображение лампы, которое в декоре михраба весьма символично – указание на свет в душе молящегося. Конха обведена тонкой резной арочной полоской, завершает ее небольшая выпуклая полусфера. На плоской поверхности михраба над нишей изображение трех резных розеток (изображение сбито). С обеих сторон михрабной ниши установлены витые полуколонны с капителями и базами. Наружное обрамление михраба на плоскости стены, выполненное из гладко отесанного камня, по периметру (кроме нижней части) декорировано резной полосой геометрической плетенки, украшенной выпуклыми «горошинами». Невысокий художественный уровень орнаментации, малочисленность элементов геометрических мотивов выдает руку неискушенного исполнителя резьбы. Общий подход, выразившийся в применении ограниченного набора геометрических мотивов, можно увидеть в подобной декорировке аналогичной детали интерьера в мечети Эски-Джами в с. Пионерском (Симферопольский район Республики Крым) [11; 15].

Минарет встроен со смещением от оси стены во внутрь здания. Вход в него организован изнутри помещения через узкий проем с килевидной аркой. Винтовая лестница с 54 каменными ступенями выводит на балкон-шерфе (Методические обоснования…, л. 2). Кладка минарета выполнена из гладко отесанного известняка на известковом растворе. Балкон-шерфе минарета на фигурном основании огражден 12 (?) резными панелями с изображением раз-

[10] БИКАМЗ НА. Методические обоснования проекта реставрации памятника архитектуры XVIII века мечети Тахталы-Джами в г. Бахчисарае. 1981 г., л. 2.

личного вида многолепестковых и звездчатых розеток в прямоугольной рамке с угловыми сегментами розеток. Минарет увенчан остроконечной граненой кровлей с алемом, сохранился до настоящего времени в своем виде, по крайней мере, с 1913 г., что зафиксировано на фотоснимках до производства ремонта мечети в 1914 г. (рис. 2; 3). Розеточный орнамент панелей является излюбленным мотивом резного декора в османский период, восходящего к сельджукской стилистике. Минарет представляет собой распространенный тип подобных сооружений периода Крымского ханства от наиболее ранних, таких как минареты мечетей XV в. (?) Колеч-Мечеть и Карагоз, мечети Салачик-Асма-Кую (XVI в.), и до более поздних, близких по времени – постройки минаретов Текие Хан-Джами в Карасубазаре (1727 г.), бахчисарайской мечети Буюк-Хан-Джами (1740 г.), недатированного минарета прихода Кады-Маале г. Бахчисарая [17, с. 24–25, 34–35, 36–37, 60–61, 88–89, 94–95]. Большинство из них являются сооружениями на отдельно стоящем постаменте, различаются по масштабам, пропорциям, количеством граней столба, но в целом представляют собой один тип сооружений: столб с балконом-шерфе на фигурном основании, огражденном плитами с резьбой, и завершенный островерхой башенкой. Мусульманская архитектура периода Крымского ханства испытывала османское влияние, которое отразилось в тектонике и в декоре минаретов ряда культовых построек. К этому же типу минаретов османского времени относится и минарет рассматриваемого памятника.

Тахталы-Джами, поздняя мечеть периода Крымского ханства, представляет собой образец одного из типов культовых сооружений, который служит примером проявления устойчивого османского влияния в архитектуре на этой территории. Особенно это отразилось в конструкции каменного минарета столбообразного характера с декорированным балконом-шерфе, высоко поднятым над уровнем крыши здания, выделяющим его на общем фоне городской застройки. Ближайшим архитектурным образцом могли послужить построенные ранее в столичном городе подобные сооружения, например, Большая ханская мечеть (1532 г.) с ее стройными минаретами. Архитектурный декор – оформление михраба, входа в мечеть, балкона-шерфе – довольно скромный, использующий в основном геометрический орнамент и розетки, вероятно, был дополнением к цветовому решению интерьера. В нем проявилась традиция украшения архитектуры сельджукской орнаментикой.

В условиях Крыма эта мечеть стоит в одном ряду с другими постройками, появившимися благодаря женской мусульманской благотворительности, в которой участвовали представительницы ханского правящего дома. Несмотря на то, что мечеть была построена ханской дочерью, особой пышности в ее декорировке не наблюдается. Возможно, особое внимание строителей было обращено на качество сооружения: мечеть имела каркас из дубовых брусьев и облицовку тесаным камнем. Большое значение, по-видимому, имела для строительницы мечети близость к ханскому дворцу, этим можно объяснить не очень удачный выбор месторасположения здания.

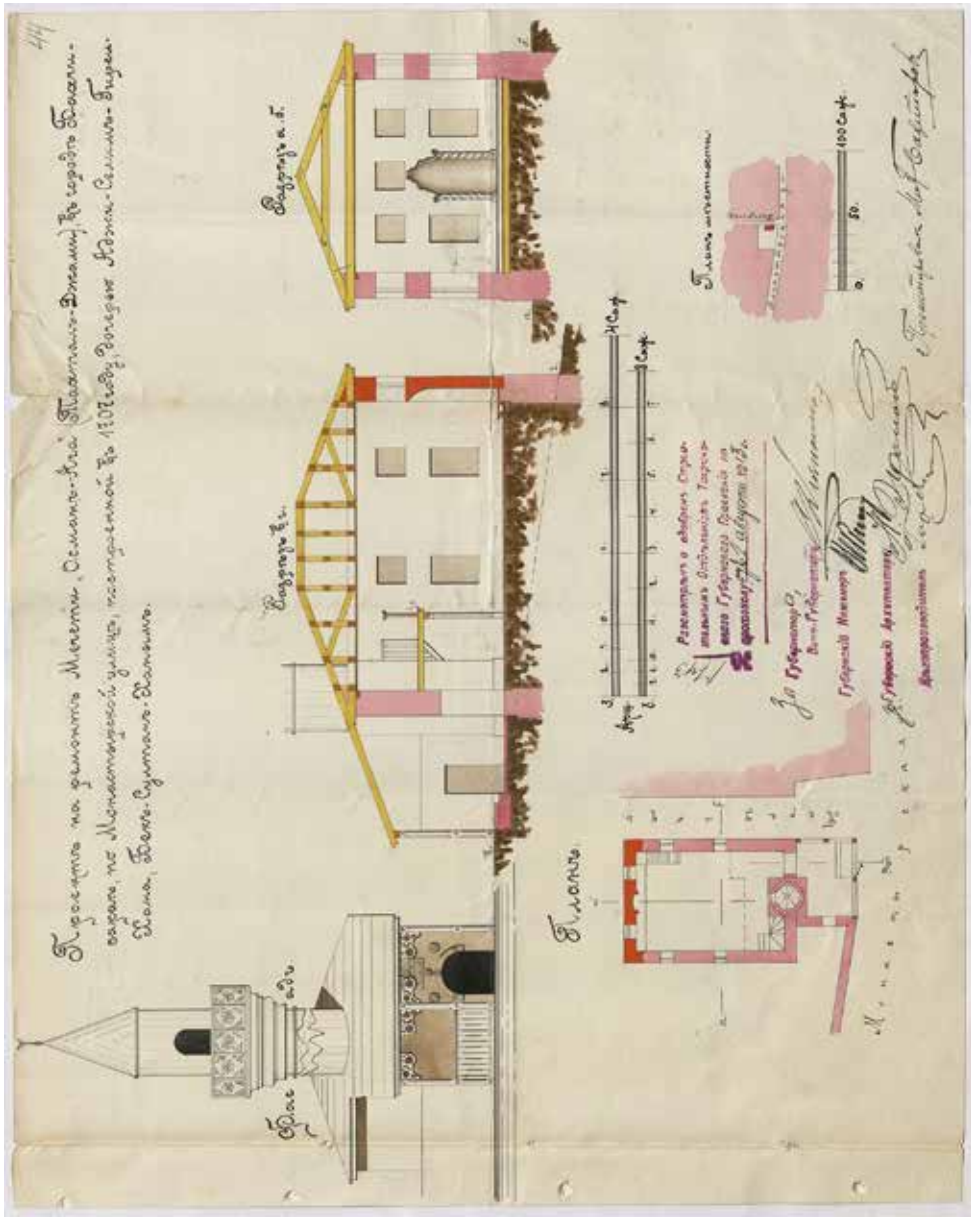


Рис. 1. «Проект на ремонт мечети Осман-Ага (Тахталы-Джами) в городе Бахчисарай по Монастырской улице…». Утвержден 2 августа 1913 г. [ГАРК, ф. 27, оп. 13, д. 4704, л. 44]

Рис. 2. Портал мечети Тахталы-Джами.
Фотоснимок, начало XX в. (до 1914 г.)

Рис. 3. Мечеть Тахталы-Джами. Портал.
Вид с северо-запада. Фотоснимок С. С. Некрасова. 1913 г.
[Фотоколлекция РЭМ, № 8989-10]

Рис. 4. Мечеть Тахталы-Джами. Портал. Вид с северо-запада. Фотоснимок С. С. Некрасова. 1915 г. [БИКАМЗ, КП-13959/14, инв. № Ф-704]

Рис. 5. Портал мечети Тахталы-Джами. Фотоснимок, 20–30-е гг. XX в.

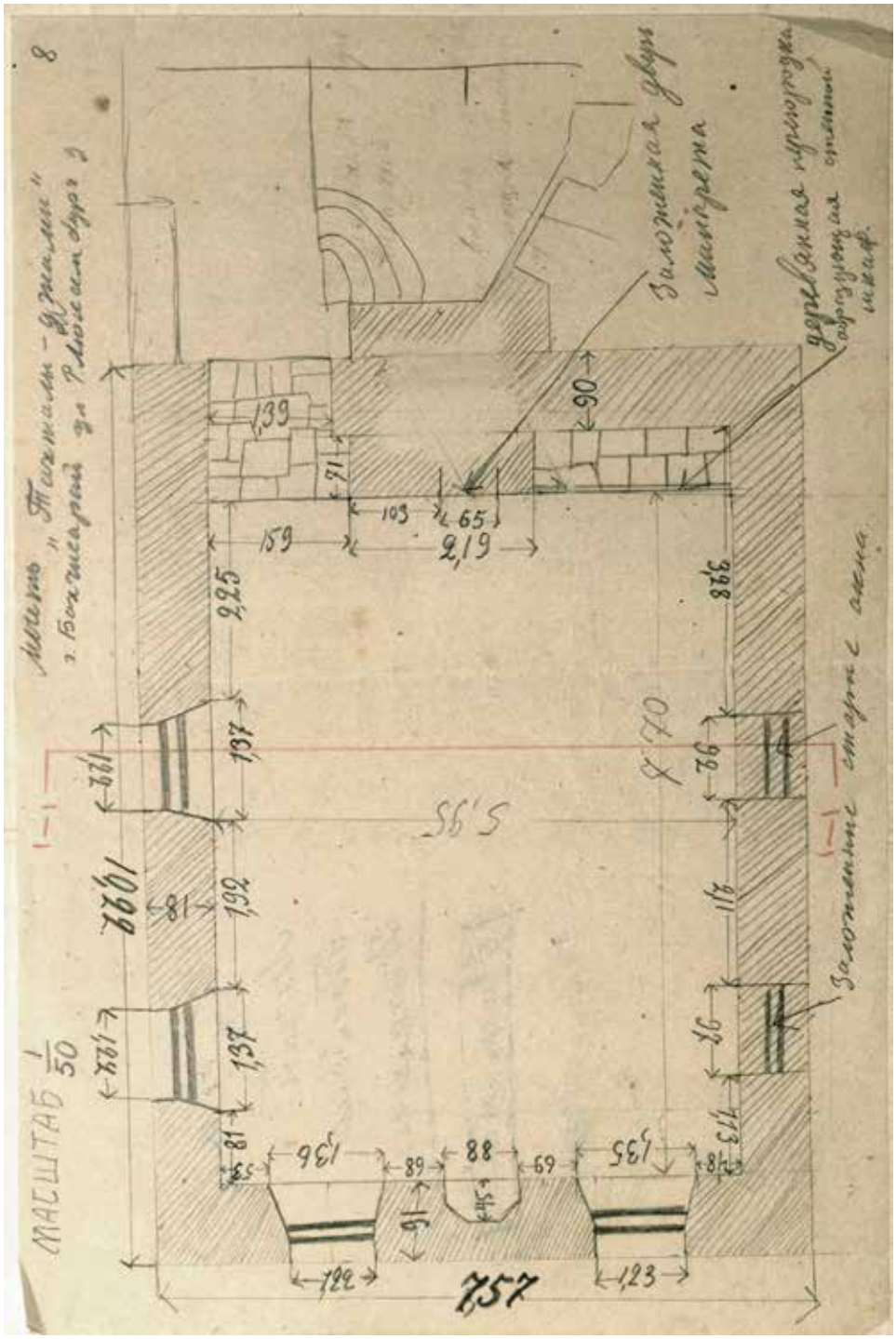


Рис. 6. «Мечеть Тахталы-Джами, г. Бахчисарай, ул. Р. Люксембург. Масштаб 1/50». Автор – А. Л. Ротач [ЦГАЛИ СПб, ф. Р-598, оп. 1, д. 169, л. 8]

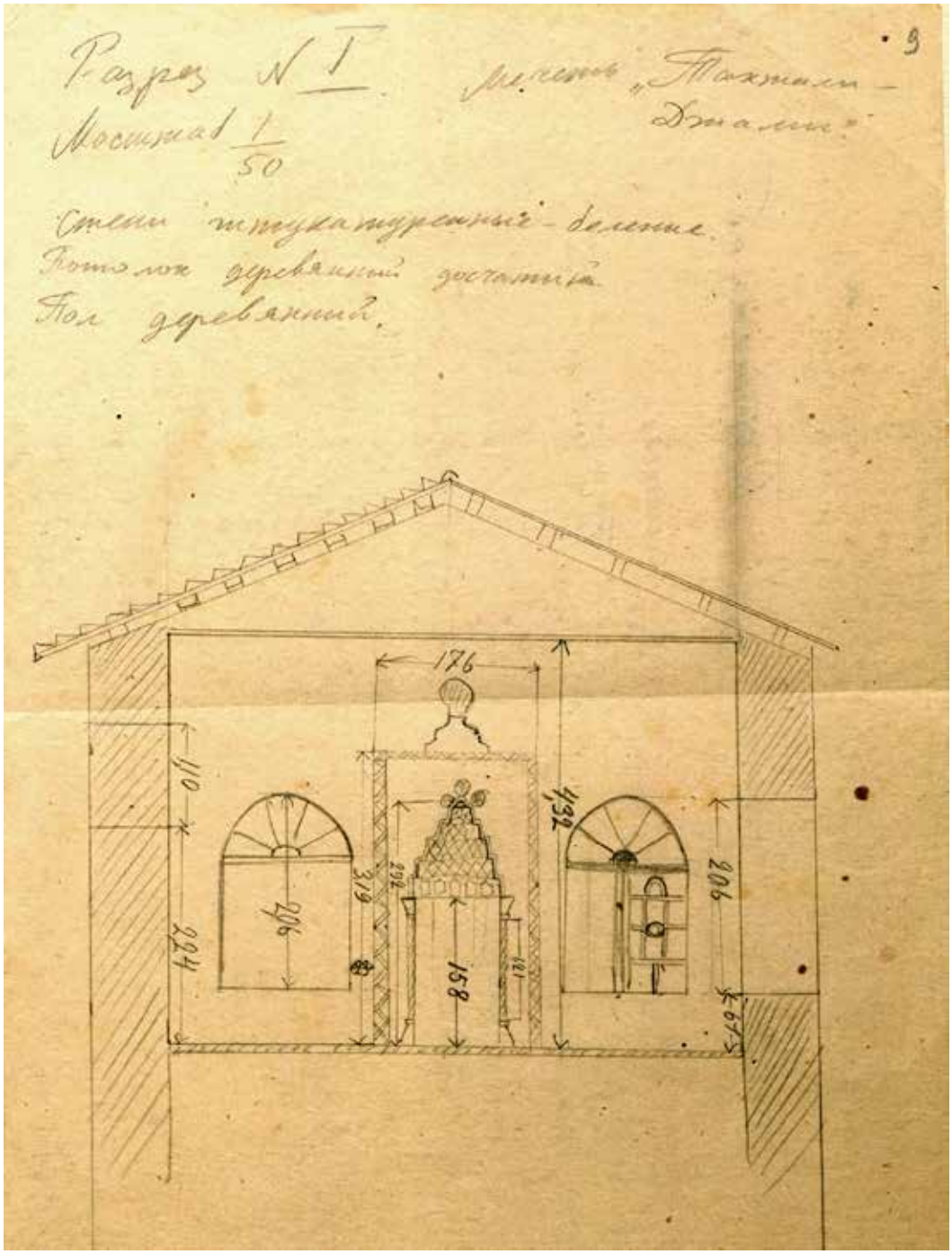


Рис. 7. «Разрез № 1. Мечеть Тахталы-Джами. Масштаб 1/50».
Автор – А. Л. Ротач [ЦГАЛИ СПб, ф. Р-598, оп. 1, д. 169, л. 9]

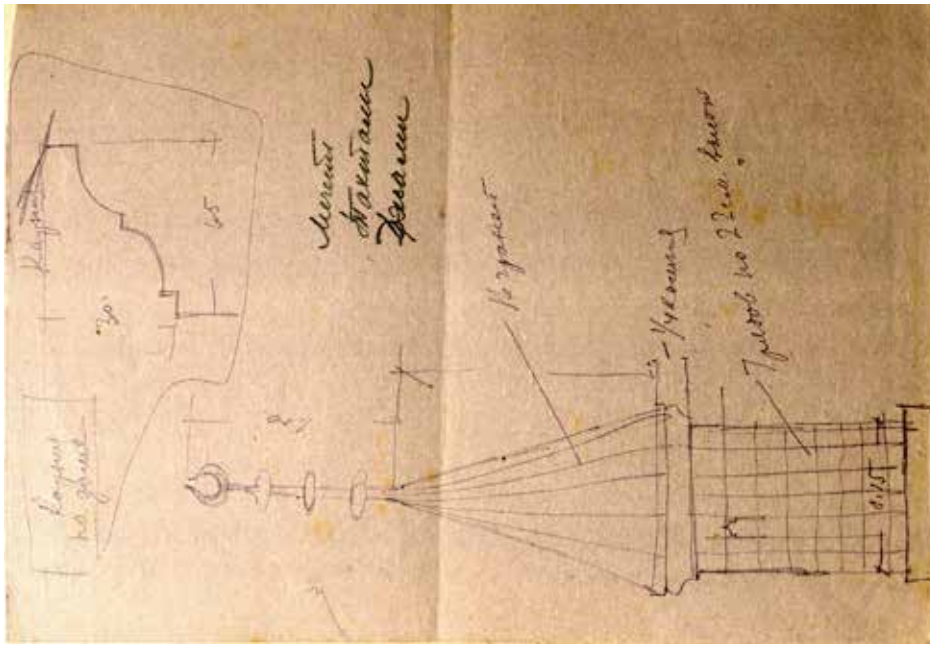


Рис. 9. «Мечеть Тахталы-Джами». Автор – А. Л. Ротач [ЦГАЛИ СПб, ф. Р-598, оп. 1, д. 169, л. 2об.]

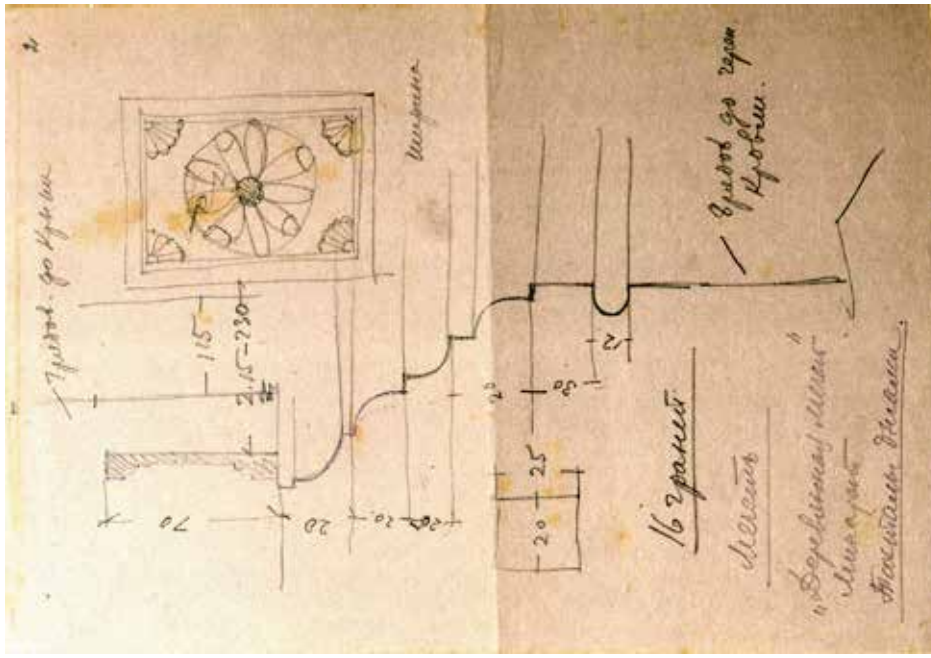


Рис. 8. «Деревянная мечеть. Минарет Тахталы-Джами». Автор – А. Л. Ротач [ЦГАЛИ СПб, ф. Р-598, оп. 1, д. 169, л. 2]

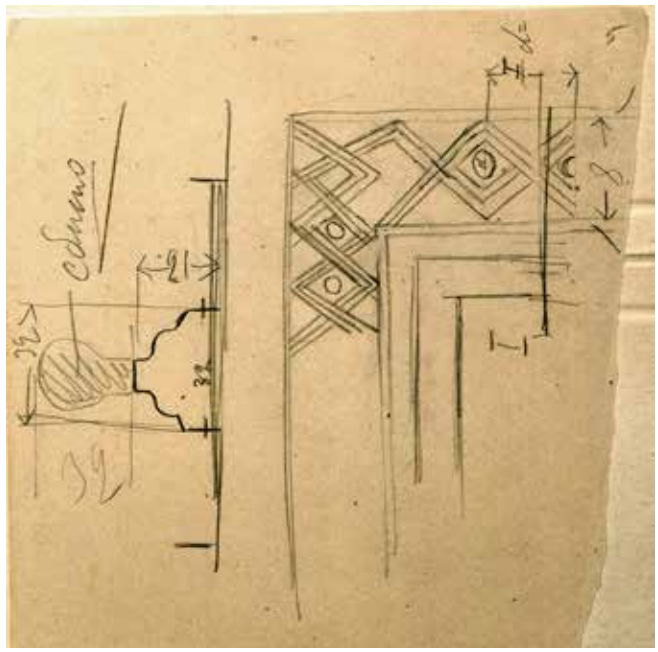


Рис. 10. Мечеть Тахталы-Джами. Профиль обрамления михраба с геометрическим орнаментом. Автор – А. Л. Ротач [ЦГАЛИ СПб, ф. Р-598, оп. 1, д. 169, л. 5]

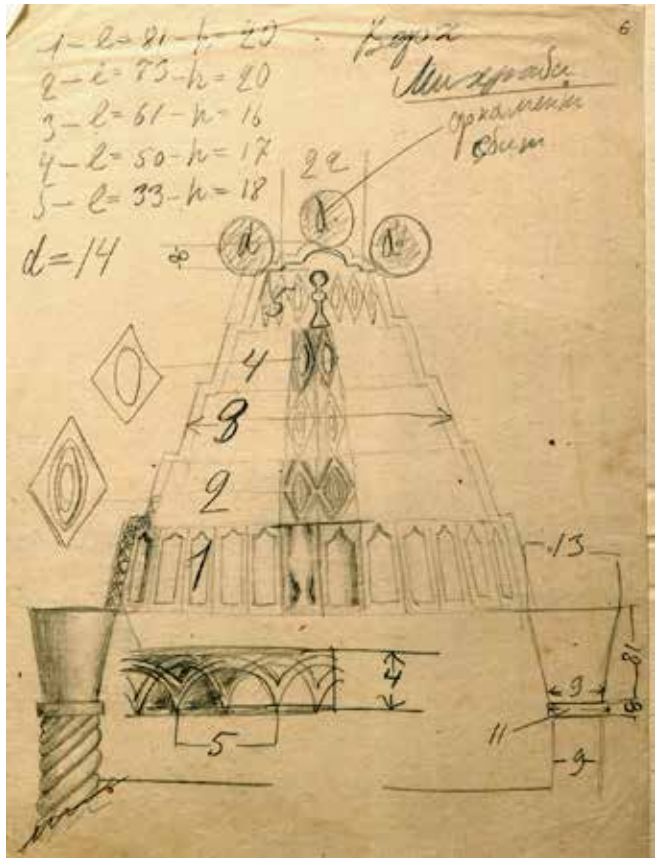


Рис. 11. «Верх михраба». Автор – А. Л. Ротач [ЦГАЛИ СПб, ф. Р-598, оп. 1, д. 169, л. 6]

Рис. 12. Мечеть Тахталы-Джами. Вид с юго-востока.
Фотоснимок периода Великой Отечественной войны

Рис. 14. Мечеть Тахталы-Джами. Северный фасад. Фотоснимок, 1977 г.

Рис. 13. Мечеть Тахталы-Джами.
Вид с северо-востока. Фотоснимок
К. В. Овчинникова, 1970 г. [ЦГАКФФД СПб.
Фотодокументы. Оп. 1АР-165. Ед. хр. 243623]

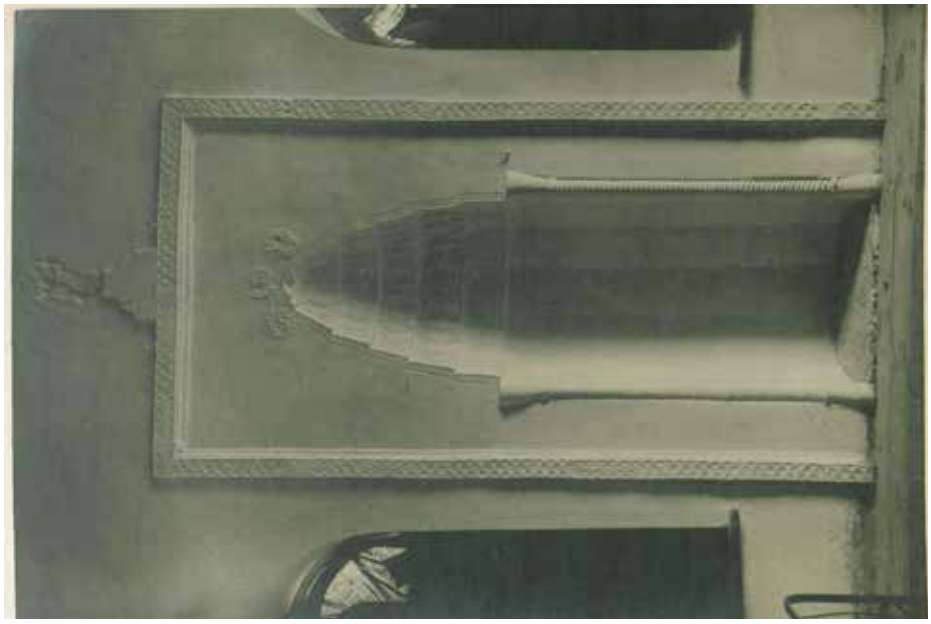


Рис. 15. Мечеть Тахталы-Джами. Михраб.
Фотоснимок А. Л. Ротача
[ЦГАЛИ СПб, ф. Р-598, оп. 1, л. 169, л. 10]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдулгаффар Кырыми. Умдет ал-ахбар: в 2-х кн. Кн. 1 / транскрипция Дерья Дерин Пашаоглу; под ред. Р.С. Хакимова. Казань, 2014. 420 с. (Сер.: «Язма Мирас. Письменное Наследие. Textual Heritage»; вып. 1).
2. Абдулгаффар Кырыми. Умдет ал-ахбар: в 2-х кн. Кн. 2 / пер. с османского Ю.Н. Каримовой, И.М. Миргалеева; под ред. Р.С. Хакимова. Казань: Константа-Принт, 2018. 200 с. (Сер.: «Язма Мирас. Письменное Наследие. Textual Heritage»; вып. 5).
3. Абибуллаева Э.Э. Махалле – территориальная единица средневекового Бахчисарая по материалам кадиаскерских тетрадей // Золотоордынское обозрение. 2015. № 2. С. 163–186.
4. Агеев В.В. Погребения Гераев в архитектурном комплексе Мурад Рейса // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. 2014. Вып. 6. С. 242–257.
5. Гайворонский О. Ханское кладбище в Бахчисарайском дворце: схема и каталог памятников. Симферополь: Доля, 2006. 64 с.
6. Зайцев И.В. Крымские ханы в ссылке на Родосе // Восточная Коллекция. 2009. № 2 (37). С. 96–101.
7. Заседание 24 апреля 1915 г. // ИТУАК. 1915. № 52. С. 249–262.
8. Зиливинская Э.Д. Мечети крымского ханства: опыт первичной классификации // Актуальные вопросы охраны и использования культурного наследия Крыма: материалы VII Всероссийской научно-практической конференции, г. Симферополь, 21–22 октября 2020 г. / Ред.-сост. В.Е. Науменко, Т.А. Гогунская, Н.В. Кармазина. Симферополь: Ариал, 2020. С. 66–71.
9. Зиливинская Э.Д. Мечети с плоским перекрытием эпохи Крымского ханства // Золотоордынское обозрение. 2021. Т. 9, № 4. С. 878–902.
10. История крымских татар: в 5-ти т. Т. 3: Крымское ханство XV–XVIII вв. / Отв. ред. И.В. Зайцев. Казань: Фолиант, 2021. 1024 с.
11. Кирилко В.П. Мечеть в Эски-Сарае (Пионерское) // Stratum plus. 2012. № 6. С. 261–297.
12. Кримський А. Сторінки з історії Крима та кримських татар: а) «Татари»; б) Кримське ханство; в) Хронологічна таблиця кримських ханів; г) Чуфут-Кале: д) Про долю українських полоняників у Крымському ханстві // Збірник історико-філологічного відділу Всеукраїнської академії наук. Київ, 1930. № 89: Філологічна катедра під керуванням А.Е. Кримського, тюркологічна комісія, № 2: Студії з Криму, I–IX. С. 1–17.
13. Ломакин Д.А. Азиз Гази Мансура в Бахчисарае по материалам личного фонда А.Л. Ротача из Центрального государственного архива литературы и искусства // XXIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Сакральное и материальное / Ред. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Симферополь, Керчь: Соло Рич, 2022. С. 213–221.
14. Ломакин Д.А. Крым в жизни и творческой деятельности Александра Лукича Ротача. По материалам личного фонда архитектора из Центрального государственного архива литературы и искусства // Исследования в центральной части города на плато Эски-Кермен в 2020–2021 гг. / Ред. А.И. Айбабин, Э.А. Хайрединова. Симферополь: Антиква, 2022. С. 222–337. (Материалы Эски-Керменской экспедиции. Вып. 2).
15. Ломакин Д.А. Мечеть Эски-Джами (с. Пионерское, Республика Крым) // МАИЭТ. 2024. Вып. XXIX. С. 359–383.
16. Ломакин Д.А., Айбабина Е.А. Мечеть в селении Шейх-Кой (Давыдово) по фотоматериалам из личного фонда А.Л. Ротача в Центральном государственном архиве литературы и искусства // МАИЭТ. 2022. Вып. XXVII. С. 684–709.
17. Мечети Крыма на старых фотографиях. Из фондов Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника. К 750-летию образования Золотой Орды / Сост. И.В. Зайцев, Ш.С. Сейтумеров, Р.Р. Эминов, М.: Медина, 2016. 112 с.
18. Османов Э.Э. Мечети Бахчисарая в XIX – начале XX вв. (по материалам Государственного архива Республики Крым) // Современная научная мысль. 2016. № 2. С. 79–89.
19. Османов Э.Э. Мечети Биюк Хан-Джами и Тахталы-Джами в Бахчисарае // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Сер.: «Исторические науки». 2014. Т. 27 (66), № 4. С. 65–75.
20. Османов Э.Э. Мечети старого Бахчисарая: к истории ремонтно-реставрационных работ // Современная научная мысль. 2015. № 4. С. 12–27.
21. Османов Э.Э. Мечеть «Тахталы-Джами» в Бахчисарае // Rocznik Tatarów Polskich [Ежегодник польских татар] / Najwyższe Kolegium Muzułmańskie [Высший мусульманский колледж]. Seria 2. 2014. T. 1 (XV). S. 151–160.
22. Ребриева Е.С. Архитектор А.Л. Ротач – исследователь памятников истории и культуры Крыма (по документам ЦГАЛИ СПб) // Вестник архивистов Крыма. 2019. Вып. 3. С. 94–102.
23. Свод памятников истории, архитектуры и культуры крымских татар. Т. 1: Бахчисарай / Ред. Р.С. Хакимов. Симферополь: Форма, 2016. 168 с.
24. Халитов Н.Х. Архитектура Крымского ханства // Крымское историческое обозрение. 2014. № 2. С. 243–281.
25. Хранитель памяти архитектуры А.Л. Ротач (1893–1990): к 125-летию со дня рождения. Сборник статей и документов / Государственный музей памятник «Исаакиевский собор»; сост. Е.С. Ребриева. СПб., 2019. 116 с.

26. Шаманаев А.В. Сохранение культурного наследия Крыма в условиях Первой мировой войны: деятельность Таврической ученой архивной комиссии // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 3. С. 494–513.
27. Çelikkol Z. Rodos'taki Türk Eserleri ve Tarihçe. Ankara: Türk Tarih Kurum Basımevi, 1986. 350 s.
28. Doğan A. Gerây Hânedanına Mensup Bir Kadın Sultan: Kaya Sultân ve Muhallefâtı // Osmanlı Medeniyeti Araştırmaları Dergisi. 2023. Sayi 19. S. 128–158.
29. Encyclopedia of the Ottoman Empire / Ed. by G. Agoston, B. Masters. New-York: Infobase Publishing, 2009. 650 p.
30. İbrahimgil A. Rodos, Murat Reis külliyesi, belgelemesi ve restorasyon önerisi. Yüksek lisans tezi mimarlik / Gazi üniversitesi, Fen Bilimleri Enstitüsü. Ankara, 2012. 485 s.
31. Kellner-Heinkele B. Aus den Aufzeichnungen des Said Giray Sultan. Eine zeitgenössische Quelle zur Geschichte des Chanats der Krim um die Mitte des 18 Jahrhunderts. Freiburg im Breisgau: Klaus Schwarz Verlag, 1975. 328 s. (Islamkundliche untersuchungen, Bd. 28).
32. Kırım'daki Kırım Tatar (Türk-İslâm) mimarî yadigârları / T. C. Başbakanlik Yurtdişi Türkler Ve Akraba Topluluklar Başkanliği Yayınları; ed. H. Kırımlı, N. Kançal-Ferrari. Ankara, 2021. 880 s.
33. Özçelik E. Köprülülerin Seraskeri: Kaplan Mustafa Paşa (1657–1680) // Tarih Tetkikleri Dergisi. 2024. Cilt 2, sayi 4. S. 110–132.
34. Öztuna Y. Devletler ve hanedanlar. Türkiye (1074–1990) / T. C. Kültür Başkanliği. Cilt: 2. Ankara, 1996. 1224 s.
35. Öztuna Y. Yavuz Sultan Selim / Ed. Ömer Kul. Istanbul: Babıali Kültür Yayıncılığı, 2006. 260 s.

REFERENCES

1. Abdulgaffar Kyrymi. *Umdet al-akhbar. Book 1.* Kazan, 2014, 420 p.
2. Abdulgaffar Kyrymi. *Umdet al-akhbar. Book 2.* Kazan, Konstanta-Print Publ., 2018. 200 p.
3. Abibullaeva E.E. Mahalle is a territorial unit of medieval Bakhchisaray based on the materials of the Kadiasker notebooks. *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde Review], 2015, vol. 2, pp. 163–186.
4. Ageev V.V. Burial of the Gerais in the Murad Reis Architectural Complex. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma* [Materials on the Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea], 2014, vol. 6, pp. 242–257.
5. Gaivoronskii O. *Khanskoe kladbishche v Bakhchisaraiskom dvortse: skhema i katalog pamiatnikov* [Khan's Cemetery in the Bakhchisaray Palace: Map and Catalog of Monuments]. Simferopol, Dolia Publ., 2006, 64 p.
6. Zaitsev I.V. The Crimean Khans in exile in Rhodes. *Vostochnaia Kollektsiia* [Oriental Collection], 2009, vol. 2 (37), pp. 96–101.
7. Meeting on April 24, 1915. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii* [Proceedings of the Taurida Learned Archival Commission], 1915, vol. 52, pp. 249–262.
8. Zilivinskaia E.D. Mosques of the Crimean Khanate: experience of primary classification. *Aktual'nye voprosy okhrany i ispol'zovaniia kul'turnogo naslediia Kryma: materialy VII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, g. Simferopol', 21–22 oktiabria 2020 g.* [Topical issues of protection and use of the cultural heritage of Crimea: materials of the VII All-Russian Scientific and Practical Conference, Simferopol, October 21–22, 2020], Simferopol, Arial Publ., 2020, pp. 66–71.
9. Zilivinskaia E.D. Mosques with a flat overlap of the era of the Crimean Khanate. *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde Review], 2021, vol. 9, iss. 4, pp. 878–902.
10. Zaitsev I.V. (Ed.). *Istoriia krymskikh tatar* [The history of the Crimean Tatars]. Vol. 3. Kazan, Foliant Publ., 2021, 1024 p.
11. Kirilko V.P. Mosque in Eski-Sarai (Pioneersky). *Stratum plus*, 2012, vol. 6, pp. 261–297.
12. Krims'kii A. [Pages from the history of Crimea and Crimean Tatars: a) «Tatars»; B) Crimean Khanate; C) chronological table of Crimean Khans; d) Chufut-Kale; e) About the fate of Ukrainian prisoners in the Crimean Khanate]. *Zbirnik Istoriko-filologichnogo viddilu Vseukraïns'koï akademiï nauk* [Collection of the historical and philological Department of the All-Ukrainian Academy of Sciences], Kyiv, 1930, vol. 89, pp. 1–17.
13. Lomakin D.A. Aziz Gazi Mansur in Bakhchisaray, based on materials from the personal collection of A.L. Rotach in the Central State Archive of Literature and Art. *XXIII Bosporskie chteniia: Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Sakral'noe i material'noe* [23th Bosporus Readings: Bosporus Cimmerian and Barbarian World during Antiquity and the Middle Ages. Sacred and material. Materials of the international scientific conference]б Simferopol, Kerch, Solo Rich Publ., 2022, pp. 213–221.
14. Lomakin D.A. Crimea in the life and creative activity of Alexander Lukich Rotach. Based on materials from the personal fund of the architect from the Central State Archive of Literature and Art. A.I. Aibabin, E.A. Khairedinova (eds.), *Issledovaniia v tsentral'noi chasti goroda na plato Eski-Kermen v 2020–2021 gg.* [Studies of the central part of the city on the Eski-Kermen plateau in 2020-2021: a collection of scientific articles], Simferopol, Antikva Publ., 2022, pp. 222–337. (Materials of the Eski-Kermen expedition. Vol. 2).
15. Lomakin D.A. Eski-Jami Mosque (Pionersky village, Republic of Crimea). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on archeology, history and ethnography of Tavria], 2024, vol. 29, pp. 359–383.
16. Lomakin D.A., Aibabina E.A. Mosque in the village of Sheikh-Koy (Davydovo) based on photographs from the personal fund of A. L. Rotach in the Central State Archive of Literature and Art. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on archeology, history and ethnography of Tavria], 2022, vol. 27, pp. 684–709.

17. Zaitsev I.V., Seitumerov Sh.S., Eminov R.R. (Eds.). *Mecheti Kryma na starykh fotografiiakh. Iz fondov Bakhchisaraiskogo istoriko-kul'turnogo i arkheologicheskogo muzeia-zapovednika. K 750-letiiu obrazovaniia Zolotoi Ordy* [From the funds of the Bakhchisarai historical, cultural and archaeological museum-reserve. To the 750th anniversary of the formation of the Golden Horde]. Moscow, Medina Publ., 2016, 112 p.
18. Osmanov E.E. The mosques of Bakhchisaray in the 19th and early 20th centuries (based on materials from the State Archives of the Republic of Crimea). *Sovremennaia nauchnaia mysl'* [Modern scientific thought], 2016, vol. 2, pp. 79–89.
19. Osmanov E.E. The Biyuk Khan-Jami and Takhtali-Jami Mosques in Bakhchisaray. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Ser.: «Istoricheskie nauki»* [Scientific Notes of V.I. Vernadsky Taurida National University. Historical Sciences Series], 2014, vol. 27 (66), no. 4, pp. 65–75.
20. Osmanov E.E. Mosques of old Bakhchisarai: to the history of repair and restoration work. *Sovremennaia nauchnaia mysl'* [Modern scientific thought], 2015, vol. 4, pp. 12–27.
21. Osmanov E.E. Takhtaly-Jami Mosque in Bakhchisarai. *Rocznik Tatarów Polskich* [Yearbook of Polish Tatars], Seria 2, 2014, vol. 1 (15), pp. 151–160.
22. Rebrieva E.S. Architect A. L. Rotach is a researcher of the historical and cultural monuments of Crimea (according to the documents of the Central State Archive of Literature and Art in St. Petersburg). *Vestnik arkhivistov Kryma* [Bulletin of archivists of Crimea], 2019, vol. 3, pp. 94–102.
23. Khakimov R.S. (Ed.). *Svod pamiatnikov istorii, arkhitektury i kul'tury krymskikh tatar* [Collection of Historical, Architectural, and Cultural Monuments of the Crimean Tatars]. Vol. 1. Simferopol, Forma Publ., 2016, 168 p.
24. Khalitov N.Kh. Architecture of the Crimean Khanate. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie* [Crimean Historical Review], 2014, vol. 2, pp. 243–281.
25. Rebrieva E.S. (Ed.). *Khranitel' pamiati arkhitektury A.L. Rotach (1893–1990): k 125-letiiu so dnia rozhdeniia. Sbornik statei i dokumentov* [Keeper of the memory of architecture A.L. Rotach (1893–1990): on the 125th anniversary of his birth. Collection of articles and documents]. St. Petersburg, 2019, 116 p.
26. Shamanaev A.V. Preservation of Crimea's Cultural Heritage during the First World War: Activities of the Taurida Scientific Archival Commission. *Nauchnyi dialog* [Scientific dialogue], 2022, vol. 11, no. 3, pp. 494–513.
27. Çelikkol Z. *Rodos'taki Türk Eserleri ve Tarihçe* [Turkish Artifacts and History in Rhodes]. Ankara, Turkish Historical Society Printing House, 1986, 350 p.
28. Doğan A. A Female Sultan from the Geray Dynasty: Kaya Sultan and Her Possessions. *Osmanlı Medeniyeti Araştırmaları Dergisi* [Journal of Ottoman Civilization Studies], 2023, vol. 19, pp. 128–158.
29. Agoston G., Masters B. (Ed.). Encyclopedia of the Ottoman Empire. New-York, Infobase Publ., 2009, 650 p.
30. İbrahimgil A. *Rodos, Murat Reis külliyesi, belgelemesi ve restorasyon önerisi. Yüksek lisans tezi mimarlik* [Rodos, Murat Reis complex, documentation and restoration proposal. Master's thesis, architecture]. Ankara, 2012, 485 p.
31. Kellner-Heinkele B. *Aus den Aufzeichnungen des Said Giray Sultan. Eine zeitgenössische Quelle zur Geschichte des Chanats der Krim um die Mitte des 18 Jahrhunderts* [From the writings of Said Girey Sultan. A modern source on the history of the Crimean Khanate in the mid-18th century]. Freiburg Im Breisgau, Klaus Schwarz Publ., 1975. 328 s.
32. Kırımlı H., Kançal-Ferrari N. (Ed.). *Kırım'daki Kırım Tatar (Türk-İslâm) mimarî yadigârları* [Crimean Tatar (Turko-Islamic) architectural monuments in Crimea]. Ankara, 2021, 880 p.
33. Özçelik E. Köprülülerin Seraskeri: Kaplan Mustafa Paşa (1657–1680) [Serasker Kepryulu: Kaplan Mustafa Pasha (1657–1680)]. *Tarih Tetkikleri Dergisi* [Journal of Historical Research], 2024, vol. 2, no. 4, pp. 110–132.
34. Öztuna Y. *Devletler ve hanedanlar. Türkiye (1074–1990)* [States and dynasties. Turkey (1074–1990)]. Vol. 2. Ankara, 1996, 1224 p.
35. Öztuna Y. *Yavuz Sultan Selim* [Yavuz Sultan Selim]. Istanbul, Babiali Cultural Publ., 2006, 260 p.

Информация об авторах

Ломакин Д. А. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, Researcher ID: Q-4428-2017.

Айбабина Е. А. – кандидат исторических наук, доцент кафедры градостроительства и архитектуры Института «Академия строительства и архитектуры» Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, Researcher ID: AAC-5735-2022.

Authors information

Lomakin D. A. – Candidate of Science (History), Senior Researcher at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: Q-4428-2017.

Aibabina E. A. – Candidate of Science (History), Associate professor of the Department of Urban Planning and Architecture of the Academy of construction and architecture of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: AAC-5735-2022.

DOI: 10.29039/2413-189X.2025.30.555-570

ПРИКЛЮЧЕНИЯ МАЙОРА СЕМПЛ-ЛАЙЛА НА ЮГЕ РОССИИ В 1783 ГОДУ

Никита Игоревич Храпунов
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Россия
khrapunovn@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-6141-9487

Аннотация. Статья вводит в научный оборот «крымский фрагмент» мемуаров шотландца Джеймса-Джорджа Семпла, называвшего себя «майором Лайлом», – одного из ярчайших авантюристов конца XVIII – начала XIX в. До настоящего момента его фигура остается практически неизвестной отечественной историографии. Один из эпизодов в яркой жизни надувателя, ловеласа, вымогателя, контрабандиста, военного и писателя связан с Россией. В 1783 г. Семпл-Лайл оказался в свите Г. А. Потемкина. Впоследствии, во время очередного пребывания в британской тюрьме, шотландец описал службу у Светлейшего князя, пришедшуюся на период присоединения Крыма и начала интеграционных мероприятий. Хотя авантюрист, очевидно, преувеличивал свою роль в окружении Потемкина, реформировании российской армии или муштровке «корсиканских» эмигрантов, его мемуары представляют собой оригинальный взгляд на события, происходившие в Причерноморском регионе, который в то время привлекал взгляды всей Европы. В приложении публикуется русский перевод фрагмента записок Семпл-Лайла, описывающий его похождения на Юге России.

Ключевые слова: записки путешественников, Джеймс-Джордж Семпл-Лайл, англо-русские связи, Юг России, Крым, историческая имагология, межкультурные коммуникации

Благодарности: Статья написана в рамках проекта Минобрнауки РФ, государственное задание FZEG-2025-0001 «Этнические трансформации в Крыму и Таврических степях в Средние века и Новое время».

MAJOR SEMPLE LISLE'S ADVENTURES IN SOUTH RUSSIA IN 1783

Nikita I. Khrapunov
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
khrapunovn@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-6141-9487

Abstract. This article introduces into Russian scholarship the "Crimean fragment" in the memoirs of James George Semple who called himself Major Lisle and was among the most outstanding adventurers in the late eighteenth and early nineteenth century. So far this person remains almost not known to Russian readers. One of striking episodes in the life of this diddler, lover, leech, smuggler, military man, and writer was related to Russia. It was 1783 when Semple Lisle became a man of Grigorii Potemkin's suite. Later on, when once against imprisoned in London, the Scot described his service to the Russian Prince, which continued in the days of the unification of the Crimea and the first integration works. Although the adventurer certainly exaggerated his role in Potemkin's retinue, his achievements in reforming Russian army or training "Corsican" emigrees, Semple Lisle's memoirs still presented original view of the events in the Black Sea Region, which in the said period attracted the attention of all Europe. The appendix is Russian translation of the fragment of Semple Lisle's book describing his adventures in South Russia.

Keywords: travelogues, James George Semple Lisle, English-Russian connections, South Russia, Crimea, historical imagology, intercultural communications

Acknowledgement: This article has been written as a part of the project supported by state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation no. FZEG-2025-0001 *Ethnic Transformations in the Crimea and the Tauria Steppe in the Middle Ages and the Modern Period*.

Одним из множества авантюристов, наводнивших Европу в эпоху Просвещения [об этом феномене см.: 24], был шотландец Джеймс-Джордж Семпл, называвший себя «майором», «полковником» или «лордом» Лайлом (ок. 1759–1815). Его жизнь была сплошным приключением: он участвовал в войне за независимость североамериканских колоний, был не раз

судим за различные аферы и сидел в тюрьме, объездил всю Европу, побывал в Бразилии и Марокко, имел скандальные любовные связи и, очевидно, пытался заниматься шпионажем, а также опубликовал автобиографию, с помощью которой пытался исправить свою дурную репутацию. Около года Семпл-Лайл провел в России. Шотландец утверждал, что стал «правой рукой» всесильного Григория Александровича Потемкина, в обществе которого, в частности, побывал в Херсоне и Крыму. Тем не менее, его мемуары фактически не известны отечественной историографии. Показательно, что они не упомянуты в сводах записок путешественников по нашей стране и Крыму [14; 17; 33]. Зато Семпл-Лайл фигурирует в двух знаковых исследованиях зарубежных авторов, переведенных на русский язык [15, с. 69, 80–82, 778, прим. 1–2; с. 780–781, прим. 28; 22, с. 196]. Практически все, что мы знаем о пребывании шотландца в России, известно из его воспоминаний, написанных во время очередного тюремного заключения. Автор полагался на память, к тому же явно преувеличивал собственные успехи и сводил счеты с другими людьми. При всем при том записки Семпл-Лайла отразили интерес к нашей стране и ее вновь приобретенным южным владениям, актуализировавшийся после событий 1783 г. Они показывают, как формировались образы и стереотипы, касавшиеся, например, фигуры Потемкина или же собирательного представления о неприхотливом и непобедимом русском солдате. Потому цель этой статьи – ввести в полноценный научный оборот информацию о Юге России, собранную в мемуарах Семпл-Лайла, и опубликовать соответствующий отрывок из воспоминаний шотландского авантюриста.

Джеймс-Джордж Семпл (рис. 1) родился в небольшом городе Эрвин на юго-западе Шотландии [биографические сведения изложены по: 30; 31]. Его отец, акцизный чиновник, впоследствии предъявил претензии на титул виконта Лайла, а наш герой попросту присвоил это имя. В юности молодой Семпл отправился в Северную Америку, где принял участие в только что начавшейся войне Британии против восставших североамериканских колоний (1775–1783), попал в плен к инсургентам, но был отпущен и в 1777 г. вернулся на родину. Не имея собственных средств, он предпочитал жить за счет других, в том числе женщин. Одной из его возлюбленных стала известная актриса и писательница Элизабет Гуч (1757–1807). Впоследствии Семпл-Лайл отправился на континент в поисках средств и покровителей, а в 1779 г. женился на юной Элизабет Гилберт (по другой версии, ее фамилия была Грант), родители которой безуспешно пытались откупиться от авантюриста. Крестной матерью девушки была герцогиня Элизабет Кингстон, урожденная Чадли (1720–1788) – английская авантюристка, осужденная судом за двоемужество, которая четыре раза бывала в России в 1777, 1779–1781, 1782–1783 и 1784–1785 гг., где удостоилась аудиенции у Екатерины II. Впрочем, британская община российской столицы была от герцогини не в восторге [см.: 34; 10, с. 389–392]. Биограф герцогини К. Джерват утверждает, что Семпл-Лайл попытался воспользоваться протекцией и деньгами соотечественницы в собственных интересах [34, с. 216–218]. Воспоминания самого шотландца излагают иную точку зрения – они наполнены жалобами на характер, вспыльчивость и самодурство герцогини. Как бы то ни было, супруга и дочь Семпл-Лайла несколько лет провели в резиденции герцогини в российской Нарве, проживая там за ее счет. Сам майор не только исполнял различные деликатные поручения леди Кингстон, но и по ее рекомендации оказался в Петербурге в конце 1782 или начале 1783 г. Его рассказ о прибытии в российскую столицу настолько же характерен, сколь и наполнен преувеличениями.

«*Достигнув столицы России*, – пишет Семпл-Лайл, – *я явился к сэру Джеймсу Харрису, в то время [бывшему] послом Его [Британского] Величества*[1] *при этом дворе, которого познакомили с моими приключениями в Риге; и которому так понравились мои действия, что он, без всякого отлагательства, представил меня князю Потемкину. После разговора с этим блистательным генералом о моем деле и в целом о военных предметах, тот спросил, не желаю ли я послужить в русской армии, на что я ответил согласием, и в тот же вечер*

[1] Джеймс Харрис (Гаррис, 1746–1820), впоследствии граф Малсбери), был послом Великобритании в России в 1778–1783 гг. [12, с. 186–214; 32, p. 118]. Английским королем в это время был Георг III (1738–1820, правил с 1760 г.).

был назначен капитаном. Мое назначение произошло исключительно быстро, ведь Князь[2], *послав за своим секретарем, сказал тому* <p. 10> *несколько слов по-русски, которые я не понял; последний вышел и через несколько минут вернулся с готовым патентом на мое имя, каковой передал Князю, который немедленно преподнес его мне, приобщив к тому, что он сделал мне честь, взяв меня в свою свиту*, *и что дает мне отпуск на два месяца для подготовки к будущей кампании*» [38, p. 9–10].

Далее утверждалось, что Семпл-Лайл был представлен Екатерине II и свел знакомство с Томасом Макензи (Фомой Фомичем Мекензи, 1740–1786), русским моряком шотландского происхождения [38, p. 10], который вскоре получил назначение на Черноморский флот и стал основателем Севастополя [о нем: 9, с. 29–35, 42; 15, с. 69–86]. По мнению М. Мелвина, Семпл-Лайл мог быть секретным агентом британского правительства. Посол Харрис способствовал его знакомству с Потемкиным и назначению на русскую службу, чтобы впоследствии получить сведения о Юге России, Крыме и Севастополе [15, с. 780–781, прим. 28]. Как бы то ни было, пока, воспользовавшись полученным отпуском, Семпл-Лайл ездил на встречу со своей семьей и герцогиней Кингстон, Потемкин отбыл на юг, оставив шотландцу распоряжение следовать за ним. «*Я тотчас же отправился ко двору, и получил инструкции ожидать депеши Ее Величества, с каковыми я должен был проследовать в Херсон за Князем, который избрал кружной путь через Варшаву*» [38, p. 14–15].

Это была весна 1783 г. – время, когда активно готовилось присоединение Крыма. Потемкин покинул столицу за несколько дней до того, как 8 апреля был подписан манифест о присоединении. Этот документ, однако, держали в тайне, чтобы обеспечить видимость мирного транзита полуострова, убедив последнего хана отречься от престола и организовав публичную присягу на верность России различных сословий крымского общества [13, с. 284–295]. Интенсивная переписка между императрицей и фаворитом касалась прежде всего крымских дел. Только когда необходимые мероприятия были осуществлены, манифест прочли в Сенате 20-го июля [11, с. 31], а на следующий день опубликовали в «Санкт-Петербургских ведомостях» [13, с. 294].

При всем своем своеобразии, записки Сепмл-Лайла отчасти отразили происходившие на Юге России перемены, лихорадочную деятельность Потемкина и быструю трансформацию «этнической карты» Северного Причерноморья. Научное исследование этнических процессов потребовало современного научного инструментария [3], а ценность сочинения шотландца, скорее, в том, что это – приукрашенные и субъективные воспоминания очевидца. Так, не существует опубликованных источников, передающих те детали переселения в окрестности Херсона так называемых корсиканцев, о которых поведал Семпл-Лайл. Весьма любопытны описания повседневной жизни русских солдат, образовавших определенную группу населения региона. Интересны и подробности того, как проходили путешествия по Крыму, нередко заставлявшие путника рисковать собственной жизнью – впрочем, эти описания соответствуют рассказам других иностранцев [29].

Разумеется, шотландец был пристрастен и сильно преувеличивал собственные заслуги. Вопреки его собственным словам, он никак не мог быть автором реформы обмундирования и гигиены русских солдат, действительно проходившей в 1783 г. Ее вдохновителем стал Потемкин, в частности, настоявший на введении короткой стрижки и отмене завивки, заплетения и пудрения волос, которые казались совершенно необходимым Семпл-Лайлу для поддержания дисциплины. Концепция солдатского мундира, предложенного Потемкиным, также заметно отличалась от описаний шотландца [см.: 7, с. 107–116; ср.: 38, p. 28–30]. По-видимому, не соответствуют истине и рассказы о том, что русские солдаты питались одной полусырой мукой [38, p. 34]. А впрочем, Семпл-Лайл явно не собирался описывать все именно так, как оно было; скорее, он пытался преувеличить свои заслуги, в частности, как одного из тех, кто приобщал к «цивилизации» полуотсталую страну. Свойственны ему и поверхностные суждения в отношении своих российских знакомых или обстоятельств местной жизни.

[2] В дальнейшем автор мемуаров нередко называет Потемина просто «Князем», подобно тому, как мадам Кингстон – просто «Герцогиней».

После нескольких месяцев в Крыму, Семпл-Лайл, по его собственным словам, сначала отправился вслед за Потемкиным в Кременчуг, потом в Петербург, а в конце 1783 или начале 1784 г. получил разрешение покинуть русскую службу. Вероятно, к тому времени Потемкина стала тяготить сомнительная репутация его протеже. В частности, Семпл-Лайл признавал, что не мог смирить свой азартный характер. Например, ожидая, пока подготовят экипаж для поездки из Петербурга в Крым, шотландец сел играть в карты с какими-то офицерами и проиграл не только отпущенное ему на дорогу, но и все свои собственные деньги, так что пришлось срочно занимать у Харриса [38, p. 18–19]. Не умел он и жить по средствам, так что, хотя он получал в России жалование и привык столоваться у Потемкина, к концу российского периода у шотландца наступил финансовый кризис [38, p. 51]. Впоследствии автор «Жизни Екатерины II, императрицы российской», британец Уильям Тук (1744–1820), который много лет провел в Петербурге и потому был в курсе тамошних новостей и сплетен [о нем: 27, с. 23–38], писал, что Семпл-Лайл шантажировал герцогиню Кингстон, что и стало причиной конца его русской карьеры. Но и после того, на пути в Англию, майор с помощью разнообразных надувательств выманил у петербургских и нарвских купцов значительные суммы денег [40, p. 299–300, n. ‡]. В свою очередь, Семпл-Лайл назвал эти обвинения клеветой и грозил Туку (имени которого он не знал или не хотел называть) всяческими карами, если бы им удалось встретиться в будущем [38, p. 30–31].

Уезжая из России, шотландец в очередной раз посетил Нарву, где в последний раз увидел свою жену, которая потом на протяжении многих лет лишь иногда получала сведения о своем беспутном муже. Тот же предпочел больше не упоминать свою семью (под этим словом он подразумевал жену и дочь) в автобиографии. В Англии Семпл-Лайл в конце концов предстал перед судом по обвинению в контрабанде, был приговорен к ссылке, замененной на обязательство покинуть родину (1786). В этот момент появилась изданная анонимно его первая биография, на титуле которой Семпл-Лайл был назван «северным героем», а также «знаменитым мошенником». Она выдержала несколько изданий, но о Крыме там не говорилось [39].

Уехав во Францию, Семпл-Лайл продолжил заниматься сомнительными предприятиями, а заодно стал свидетелем Революции и казни Людовика XVI (1793). Через два года наш герой вынужден был в очередной раз сменить место жительства, поскольку за ним тянулся шлейф афер и скандальных романов, причем некоторые дамы получили сомнительную честь именоваться «мадам Лайл», несмотря на то что первая (забытая) супруга майора пребывала в добром здравии. Тогда же в Лондоне вышла «История мошеннических и любовных приключений» нашего героя, ставшая продолжением его первой биографии [36], – очевидно, похождения шотландца пользовались интересом у публики. Эта книга изобразила Семпл-Лайла как выдающегося авантюриста, закрепив за ним прозвище «принца мошенников». Анонимный автор неплохо представлял себе обстоятельства биографии своего героя. Но, хотя несколько страниц посвящены похождениям самозваного майора в России, «крымский эпизод» его жизни не упоминался.

В это время Фортуна, кажется, начала изменять шотландцу – его вновь приговорили к ссылке, и, находясь в тюрьме в ожидании отправки в Австралию, он дважды пытался покончить с собой. Наконец, в 1798 г. Семпл-Лайл оказался на корабле, который должен был доставить его к месту отбытия наказания. На борту возник заговор, в результате которого шотландца и нескольких других пассажиров высадили на берег в Бразилии. Оттуда он, пережив очередной ряд приключений, добрался до Алжира, где снова был арестован и отправлен в Англию. Здесь в тюрьме он написал мемуары, выдержавшие два издания [37; 38]. Книге был предпослан латинский эпиграф из Горация, намекавший на судьбу автора – *...Aspera multa / Pertulit, adversis rerum immersabilis undis* («…много невзгод он изведал / В море широком, пока возвращенье в отчизну готовил»; пер. Н. Гинцбурга) (Hor. *Epist*. 2.2. 20–21) [5, с. 325]. Среди прочих сюжетов, в мемуарах нашлось место для рассказа о приключениях автора на Юге России.

О последних годах жизни авантюриста известно мало. Ясно только, что он вновь взялся за старое. Высланный из Англии во Францию, он «женился» на некой Софи Буасимен, ро-

дившей ему нескольких детей. Шотландец продолжал заниматься сомнительными делами, от мошенничества до шпионажа, живя на две страны и заимев нескольких «жен» (в 1813 г. родился его очередной ребенок от некой англичанки Анны Олтон), а также периодически попадая под суд. В конце концов, в очередной раз приговоренный к семи годам ссылки, он вновь бежал из Англии: Семпл-Лайл умер в Лиссабоне по пути в Марокко 18 декабря 1819 г. Пожалуй, лучшей эпитафией ему стали бы слова классика: «*Понятие "надувательства", – вернее, отвлеченная идея, заключающаяся в глаголе "надувать" – знакомо каждому. Но самый акт, надувательство как единичное действие, с трудом поддается определению. Впрочем, некоторой ясности в этом вопросе можно достичь, если дать определение не надувательству как таковому, но человеку как животному, которое надувает. Напади в свое время на эту мысль Платон, и ему не пришлось бы проглатывать оскорблений из-за ощипанной курицы*» [19, с. 560]. Семпл-Лайл, несомненно, был таким человеком, мастером надувательства, *diddler*'ом.

Предлагаемый ниже перевод отрывка из мемуаров Семпл-Лайла требует небольших вводных комментариев. Из сказанного выше следует, что они полны преувеличениями и фантазиями, хотя, конечно, и не в такой степени, как рассказы о похождениях современника шотландца – барона Мюнхгаузена [2]. По-видимому, Семпл-Лайл хотел очистить собственную репутацию от популярных обвинений в разных неблаговидных поступках, представив себя жертвой множества злосчастных обстоятельств. Мемуары должны были подчеркнуть разнообразные заслуги автора в военном деле, его выдающуюся роль в придворной жизни, а также развлечь читателя рассказами об «экзотических» странах Европы. Отсюда своеобразная структура повествования, где непропорционально много места уделено событиям из личной жизни Семпл-Лайла, бесконечные восхваления собственных успехов и излишне подробные описания конфликтов. Тем не менее, в предлагаемом отрывке отражен взгляд на Юг России в ключевом 1783 г., который содержит некоторую любопытную информацию, отсутствующую в других известных источниках. Это и является причиной публикации. Учитывая естественные ограничения журнальной статьи, для перевода был избран отрывок, связанный с пребыванием автора на Юге России, по второму изданию мемуаров [38, p. 22–41].

Как уже говорилось, автор сочинял свою книгу в лондонской тюрьме. Он, очевидно, не вел дневник, – этим можно объяснить минимальное количество встречающихся в тексте дат и некоторые не слишком точные описания, например, природных объектов. По мнению исследователей, ему помогал анонимный соавтор – «литературный негр» [15, с. 778, прим. 2; 31, p. 1, 6]. Тем не менее, стиль текста довольно тяжелый, с длинными предложениями и бесконечными придаточными, а также не всегда точными формулировками. При переводе он, по возможности, сохранен. Сам избранный подход к переводу исторического источника предполагает предпочтение точности перед литературностью. Страницы английского издания указаны в угловых скобках <> перед началом соответствующей части текста. Троеточиями в угловых скобках <…> отмечены выпущенные отрывки. Необходимые дополнения, сделанные переводчиком, отмечены квадратными скобками []. Подстрочные примечания, где раскрыты краткие сведения об упомянутых в тексте источника людях, событиях и географических объектах (если таковые не описаны выше в тексте статьи), принадлежат переводчику. Нужно отметить, что Семпл-Лайл немногие имена и географические названия передал довольно близко к современному написанию. Русские формы иностранных имен даны по академическому словарю [21].

Жизнь майора Дж.-Г. Семпл-Лайла, включающая достоверный рассказ о череде его злоключений и несчастий. Написана им самим. Вперемежку с интересными анекдотами и подлинными известиями о важных общественных деяниях

<p. 22>

ГЛ[АВА] IV

Автор прибывает в Херсон и доставляет депеши князю Потемкину. – Прибывает курьер от герцогини Кингстон с жалобой на него [автора] Князю, которого принимают и

[которому] отвечают весьма оскорбительным образом. – Некоторые сведения о Херсоне. – Corses Expulsés, [или] отряд, организацией которого должен был заняться автор. – Поразительные успехи императрицы в строительстве кораблей. – Способ спуска оных на воду и сплавления вниз по реке [Д]непру. – Адмирал Макензи и капитан Тейт. – Военные приготовления. – Бунт в Corses Expulsés.

Несмотря на задержки [в пути] и тяжелую карету, ведь при мне был весь походный багаж, я добрался до Херсона через двенадцать дней после того, как выехал из С[анкт]-Петербурга. Здесь я нашел Князя [Потемкина], прибывшего лишь за несколько часов до меня. Я представил ему пакет, который получил от военного министра графа Мусина-Пушкина[3], и письмо от Ее Величества, содержание которого было не менее приятно для меня самого, чем для Князя, ведь императрица заключила рассказ обо мне [следующими] словами: «Пусть у вас в сражении всегда будет человек <p. 23> вроде него на вашей стороне, и друг вроде меня, куда бы вы не отправились».

На следующий день к Князю прибыл курьер от Герцогини [Кингстон] с тяжкими жалобами на мое к ней отношение, мои задержки в дороге, долгое [путешествие] и пр. Это развлекло Князя, который ее не переносил, поскольку она, отчасти из-за незнания, что императрица позволила мне свернуть с пути, отчасти из-за злого умысла, настолько исказила эту историю, что та стала вызывать усмешку у всех, кто о ней слышал. Чтобы дополнительно ее унизить, он велел мне не только прочесть это [письмо], но и тотчас же дать ответ; что я и сделал по-французски следующим образом в один из дней месяца июля 1783 года: «Мадам, имею честь получить ваше послание от Его Высочества[4]; я также имел честь прочесть его ему; и остаюсь, по поручению Его Высочества, мадам, и пр., и пр., и пр.»

Херсон – город, построенный императрицей на реке [Д]непр в нескольких лигах[5] выше ее устья, с целью основать здесь новую колонию[6]; для этой цели она направила своему посланнику в Ливорно манифест к ссыльным корсиканцам, названным *Les Corses Expulsés*[7]; под этим именем людей из всех наций, собравшихся по ее повелению[8], перевозили через Дарданеллы и Черное море в <p. 24> Херсон. Из настоящих корсиканцев, [числом] около 250, которые все были военными, она сформировала корпус, известный под названием «Королевских корсиканцев», организовать который поручили мне. Здесь императрица на практике применила благородную схему сооружения военных судов для экспедиции в Черное море. Их строили на реке, едва проходимой на малой шлюпке, дерево и метал для их постройки везли через страну за 700 миль[9], а что-то и гораздо дальше, а каждая пушка

[3] *Minister of War Count Mouschkin Pouschkin*. В описываемое время место президента Военной коллегии, управлявшей сухопутной армией России, было вакантно [23, с. 33–34]. По-видимому, Семпл-Лайл имел в виду кого-то из русских военачальников, принадлежавших к известному древнему роду. Так, генерал Валентин Платонович Мусин-Пушкин (1735–1804), в дальнейшем дослужившийся до генерал-фельдмаршала, в описываемое время состоял при наследнике престола Павле Петровиче [1, с. 251–253].

[4] *his Highness*. Семпл-Лайл именовал так Потемкина, очевидно, потому, что передал его титул по-английски как Prince, то есть принц крови. Корректнее было бы обращение «его светлость», His Grace.

[5] Старинная английская мера длины. Сухопутная лига равняется 4828 м.

[6] *colony*. Очевидно, Семпл-Лайл видел параллели между деятельностью Екатерины II на юге империи и британской колонизацией Нового Света, Индии или Австралии.

[7] Корсиканские изгнанники (*франц.*). Незадолго перед описанными событиями (1769) остров Корсика, прежде принадлежавший Генуе, был присоединен к Франции, что привело к волне эмиграции. Однако, по словам Е. И. Дружининой, «корсиканцами» называли навербованных русским консулом в Ливорно жителей различных итальянских приморских городов, представлявших собой, в основном, антисоциальные элементы. Изначально их планировали поселить в окрестностях Херсона в качестве земледельцев, но результат сложно было признать удачным [6, с. 159–160]. Итальянцы бунтовали и разбегались, так что, по свидетельству испано-венесуэльского путешественника Франсиско де Миранды (1750–1816), в декабре 1786 г. «*из 1300 человек едва осталось 250, а их руководителя чуть было не повесили…*» [16, с. 39]. О военной службе херсонских итальянцев из других источников неизвестно.

[8] Буквально: *at her rendezvous*, то есть «на место встречи с ней». Характерный пример не всегда точных выражений Семпл-Лайла.

[9] Английская мера длины. Сухопутная миля равняется 1609 м, морская – 1852 м.

преодолевала не меньше, чем 1000 миль посуху. Способ, которым эти корабли спускали на воду и сплавляли в море был примечателен; [Д]непр, как отмечено выше, очень мелок и не слишком широк, так что для начала в речном дне напротив дока сделали своего рода бассейн, затем два больших плота, которые называли «камели»[10], установили так, чтобы на них поместился корабль, соскальзывавший со стапеля, откуда его спускали с небольшой скоростью; встав между камелей, словно в колыбели, он таким образом сплавлялся вниз по реке мимо турецкой крепости Очаков и [далее] в Черное море. Если бы я не был свидетелем этой колоссальной работы, я вряд ли осмелился бы ее описать; она действительно была достойна многогранного ума этой государыни; она в полной мере создала морской барьер против беспокойных соседей – <p. 25> турок, и открыла канал для торговли между ее владениями и Средиземноморьем.

Адмирал Макензи[11], чье имя, по справедливости, можно сказать, украсило раннюю часть этого повествования, прибыл в Ахтиарскую гавань, ныне называемую Севастопольской; здесь он со скоростью, которая отличала все его действия, начал строительство собственного дома, казарм для моряков, госпиталя, складов, возвел батареи и привел состояние обороны гавани в приемлемый вид.

Вице-адмирал оставался в Херсоне вместе с несколькими капитанами, среди которых был капитан, ныне адмирал Тейт[12], который, в то время как я пишу эти строки, вместе с русским флотом, находящимся под его командованием, стоит у Ярмута[13] – это милейший человек и мудрый офицер; к которому – подобно всем тем, кто его знает – я испытывал величайшее уважение; уважение, которое я выразил в своей обычной неосмотрительной манере, посетив его в то время, когда нам было приказано не приближаться к его дому, поскольку он был болен (как полагали, чумой, распространившейся среди нас) – предосторожность, предпринятая чтобы предотвратить распространение инфекции: но, независимо от его светских качеств, у него было другое сильное предубеждение против меня, ведь он был шотландцем[14]. За этот визит я получил строгий выговор от дежурного генерала Салтыкова[15], и на протяжении нескольких дней не осмеливался приближаться к Князю.

<p. 26> Ныне широко известный фельдмаршал Суворов[16] и граф Рамзи де Бальмен[17] уже находились в Крыму, куда проследовал Потемкин, оставив меня организовывать корпус ко-

[10] *Camels*, букв. «верблюды». Камели – род парного понтона, применявшегося для проводки судов по мелководью. Использовали их не только на мелководном Нижнем Днепре, но и, например, в Петербурге, чтобы проводить построенные там крупные военные суда в Кронштадт [26, с. 87–88].

[11] Рассказывая о своем знакомстве с Макензи, Семпл-Лайл назвал того «*офицером, который как дворянин, частное лицо и солдат всегда пользовался высочайшим уважением со стороны всех тех, кто имел счастье быть с ним знакомым*» [38, p. 10]. В обществе Макензи Семпл-Лайл ездил из Петербурга к герцогине Кингстон, поместье которой находилось близ Нарвы: «*Вечер, когда мы прибыли в резиденцию герцогини, оказался удачным для Макензи; ведь, пока мы сидели за бутылкой, посыльный доставил ему вице-адмиральский патент и уведомление о том, что он назначен командиром черноморского [флота]; поэтому он незамедлительно отправился в С[анкт]-Петербург и вскоре после того – к месту службы*» [38, p. 10–11].

[12] Джордж Тейт (Егор Егорович Тет, 1745–1821 или 1826) – российский адмирал английского происхождения, участник русско-турецкой войны 1768–1774 гг., русско-шведской войны 1788–1790 гг., а также Наполеоновских войн [35; 20, т. 20, с. 505]. Показательно, что его фамилию Семпл-Лайл записал как *Taite*, хотя следовало бы *Tate*.

[13] Город на северном берегу острова Уайт, что к югу от Англии, в проливе Ла-Манш.

[14] Семпл-Лайл ошибся. Предки Тейта происходили из Нортгемптоншира – графства в центральной Англии, причем трое из них были лорд-мерами Лондона.

[15] Не вполне ясно, кого из представителей этого многочисленного рода имел в виду автор.

[16] Знаменитый полководец Александр Васильевич Суворов (1729/1730–1800) в 1783 г. находился, главным образом, на Кубани и в Восточном Приазовье, где приводил к российской присяге и к покорности живших там ногайцев [18, с. 224–237]. Семпл-Лайл упомянул о нем, вероятно, потому что к концу XVIII в. фигура Суворова пользовалась популярностью в Англии благодаря его победам над французами в Итальянском походе 1799 г. [25, с. 200–239].

[17] *Ramsay Count of Balman*. Граф Антон Богданович де Бальмен (де-Бальмен, Дебальмен, 1741–1790), военачальник, представитель древнего шотландского рода, отец которого переехал в Россию. В описываемое время командовал российскими войсками в Крыму [20, т. 2, с. 456–457; 13, с. 283–294].

ролевских корсиканцев, чтобы я после этого присоединился в Крыму. Примерно в это же время в Херсон прибыл герцог Вюртембергский, сестра которого вышла замуж за русского великого князя[18]: в то время он был генерал-лейтенантом, и был оставлен Потемкиным там командовать резервом.

Мои корсиканцы, пусть и были бравыми молодцами, по характеру были довольно недисциплинированными; и, поскольку они были предметом интереса всей армии, наши маневры[19] прерывались, когда таким образом собиралась толпа; потому я перевел их с места, где располагались русские, на небольшую площадку на другой стороне города, между ним и епископским дворцом, где тренировал их ежедневно.

Чтобы продемонстрировать беспокойный нрав корсиканцев, приведу следующий пример: я дал им разрешение продать старые припасы и медную посуду, которые они привезли с собой на кораблях и применения которым мы не нашли. Они разошлись во мнении касательно доходности этих предметов. Однажды вечером, когда я был в русском лагере с визитом к командующему, мне принесли письмо от офицера, которого я оставил дежурным, которое я <p. 27> немедленно прочел. Оно сообщало, что мой лагерь пришел в беспорядок, и что люди стреляют друг в друга. Не сказав генералу ни слова, я немедленно встал из-за стола и, предварительно попросив пехотного полковника, полк которого находился ближе всего ко мне, направить отряд из его людей, чтобы окружить мой лагерь до рассвета, я поскакал домой со всей возможной скоростью. Ночь была темна, и мне предстояло пересечь обширное открытое пространство; однако я достиг своего лагеря, отчасти руководствуясь вспышками и треском мушкет[ных выстрел]ов. По прибытии я немедленно стал стрелять из пистолетов; а так как мой голос был хорошо известен, все затихли и разошлись по своим палаткам. Я отдал приказы, чтобы они собрались с рассветом; когда у гвардейского офицера спросили, заметил ли он что-либо вблизи лагеря, он ответил мне, что с трех сторон находятся небольшие отряды, четвертую же прикрывает река; после чего я приказал бить в барабаны сигнал «к оружию». Как только мои люди собрались на плацу, они были разоружены и расспрошены о причинах конфликта; когда же выяснилось, что все, из-за чего они поспорили, это посуда и пр., главарей тут же жестоко наказали: так было восстановлено спокойствие.

<p. 28>

ГЛ[АВА] V

Улучшения в русской армии, [сделанные] автором. – Замечания о военной форме. – Русские крестьяне. – Замечания о должном использовании штыка на маневрах. – Опровержение анонимного клеветника. – Автор, завершив обустройство корсиканцев, отправляется к армии в Крым. – Оказанный ему ласковый приём. – Характер командиров, Потемкина и Суворова. – Русские солдаты, их характер и стойкость.

Во время первых бесед с Потемкиным в Петербурге он спросил мое мнение о русской армии, и я честно сказал ему, что можно произвести улучшения как в платье, так и в маневрах.

Русское обмундирование состояло из зеленого мундира, отделанного и расшитого красным, очень тесного и такого длинного, что он мешал владельцу, ударяя по икрам его ног; короткие штаны, тоже тесные, едва прикрывали колени; а так как русские солдаты, и пехотинцы, и кавалеристы, носят башмаки, пусть и разной формы, между коленным манжетом штанов и башмаками неизбежно оставалось пустое место; шапка была очень мала и непригодна для <p. 29> холодной страны; по этой причине солдаты с каждой стороны прикрепля-

[18] Очевидно, имеется в виде Фридрих-Вильгельм-Карл, будущий король Вюртемберга Фридрих I (1754–1816), сестру которого Софию-Марию-Доротею-Августу (в православии Марию Федоровну, 1759–1828) выдали замуж за наследника российского престола Павла Петровича, будущего Павла I (1754–1801).

[19] *Manœuvres*. В современном русском и английском языках значение этого слова изменилось, относясь к передвижениям войск в ходе боевых действий. Однако еще в середине XIX в. в понятие маневров входило, в частности, «*в мирное время производство притворных военных движений и действий для обучения войска*» [4, с. 487]. В таком значении это слово использовано здесь и ниже.

ли по куску фланели, чтобы прикрывать уши и защищаться от суровой погоды. Поскольку эта одежда была очень неудобна, чтобы показать Князю свои мысли по этому поводу, я заказал платья для себя и для одного рядового – форму, которая сохранилась до сей поры без сколько-нибудь существенных перемен, и которая смогла быть одновременно изящной, удобной и хорошо приспособленной к суровому климату. Здесь я должен отметить, что изящество должно всегда, до определенной степени, учитываться при изготовлении военной формы; ведь если мы вместе с солдатом хотим соблюсти внешнюю красоту, которая столь свойственна военным, то мы должны будем заставить его гордиться своим видом. В России это было необходимо более чем где бы то ни было, ведь крестьяне (которые дают рекрутов в армию) – самые неопрятные из смертных; их верхняя одежда сделана из овечьих шкур, которые они носят шерстью наружу, за исключением редких случаев, когда, вблизи резиденций знати, у некоторых из них есть грубая одежда; однако если сделать людей довольными самими собой, то результат будет таков: сейчас русская армия может соперничать с любой армией мира своим внешним видом и дисциплиной. Князь, задумав превзойти меня, отдал (без моего ведома) приказ, что волосы солдат должны быть <p. 30> острижены, и что штык следует примкнуть, лишь когда собираются атаковать врага. Поскольку я был признанным автором переделок военной формы, эти новшества также приписали мне, и меня единодушно бранили за все вместе. Я всегда был противником стрижки солдатских волос (за исключением редкого случая партизанских отрядов), ведь поощряя неряшливость, она способствует появлению разгильдяйства; и если всего одну секунду поразмыслить над тем, что мушкет с примкнутым штыком и без такового имеет разный баланс, а также и о том, что научиться заряжать и стрелять с примкнутым штыком абсолютно необходимо, уверен, всякий поймет, что я неспособен следовать столь ошибочным принципу, и вместе со мной решит, что мушкет и штык должны быть неразделимы. Соответственно, через несколько дней к *стриженным волосам* добавились фальшивые косы; но у меня возникли некоторые трудности с тем, чтобы убедить Князя вернуть штык на подходящее для него место.

До сего момента я не знал, что автор «Жизни императрицы Екатерины II»[20] (опубликованной Лонгманом с улицы Патер-Ностер и Дебреттом с Пикадилли[21]) счел нужным сказать обо мне (т. III, стр. 20 во 2-м издании) в отношении моих отношений с князем Потемкиным и герцогиней Кингстон [следующее]:

«По *его* совету Князь ввел несколько новых <p. 31> правил в армии, касавшихся как платья, так и маневров; и если бы это не касалось маневров другого вида, как-то писаний к герцогине Кингстон[22] о том, что он будто бы явится среди ночи с несколькими солдатами и ворвется в ее дом, если она не пришлет ему некоторую сумму денег и пр., то нет сомнений, что его вскоре повысили бы до звания штаб-офицера или назначили бы консулом в [любое] место по его выбору»… Он продолжает следующими словами: «Выйдя из доверия у князя Потемкина, по пути в Англию, майор Семпл с помощью множества надувательств сделал купцов из Петербурга, Нарвы, Риги и пр. [городов объектом] вымогательства».

Вечная судьба лжи – противоречить себе самой: и хотя на предшествующих страницах я дал отчет о своем деле с герцогиней Кингстон[23], и пусть небо или ад осмелятся его оспорить, тем не менее нашелся недостойный писака, которого повергнет в трепет даже моя тени, но который может завоевать доверие у некоторых, а потому я потрачу мгновенье, чтобы указать на нелепость [сказанного] им. Если бы, как он утверждает, я осмелился угрожать герцогине Кингстон, хорошо обоснованная жалоба ([приложенное] к которой

[20] Как сказано выше, автором этой книги был Уильям Тук, много лет проживший в Петербурге и потому, очевидно, знакомый с тамошними сплетнями.

[21] Известные издатели, предприятия которых находились в центре Лондона.

[22] В книге Тука утверждалось, что источником этой информации была сама герцогиня Кингстон («*как она открыла автору этих строк*»), но Семпл-Лайл соответствующие слова опустил [ср.: 40, p. 299, n. ‡].

[23] См.: [38, p. 6, 8–21]. Пересказывать это пространное повествование, наполненное жалобами на дурное обращение, лицемерие и деспотизм герцогини, нет особого смысла. Ясно, что Семпл-Лайл какое-то время пользовался покровительством знатной дамы в собственных интересах, а потом их пути разошлись. Что между ними произошло на самом деле, вряд ли можно установить достоверно, но ясно, что стороны остались, так сказать, сильно недовольными друг другом.

мое собственное письмо должно было придать ей неопровержимую силу) обеспечила бы мне пожизненную ссылку в Сибирь; кроме того, этот спор случился до того, как я присоединился к Князю в Херсоне; <p. 32> и возможно ли – спрошу я, – чтобы он принял меня под свою протекцию, доверил бы мне организацию нового подразделения и впоследствии обращался со мной так, как будет показано ниже, если бы я запятнал себя кражей? Что же до обманутых купцов, это было бы возможно, *пока я был в фаворе*; но *для обесчещенного человека*, такое совершенно невозможно. Кроме того, я не стал ехать через Ригу или ее окрестности, но отправился из Петербурга в Нарву, где погрузился на корабль и отплыл по Восточному морю[24] в Копенгаген.

Столь вредоносных клеветников в этом мире терпеть нельзя. Так я был погублен; и автор сказанного выше, который, как мне сообщили, служит священником, несомненно, сам является скандальным доказательством того порока, которому – если я доживу до встречи с ним – его мантия вряд ли станет надежной защитой. Если у него есть честь, пусть опровергнет свои беспочвенные утверждения; но почему я должен его [об этом] просить? Если бы у него была честь, он бы этого не писал. Однако его непристойные замечания имели одно доброе [следствие] – эти анекдоты о себе самом позволяют мне судить о достоверности всех тех частей его истории, изучить которые до сей поры мне не доставало времени.

Вышколив и обучив моих корсиканцев, я отправился в армию и присоединился к Князю на высотах у города Карасубазара[25] <p. 33> в Крыму, где моей гордости немало польстило, когда оказалось, что униформу, образец которой я разработал, носит огромная армия, а [придуманные] мною маневры приняты и встречены рукоплесканиями. Тогда мне было около двадцати пяти [лет], и учитывая мое природное тщеславие, такие почести почти совершенно вскружили мне голову, что, вероятно, случилось бы и с человеком гораздо более старшим и мудрым чем я; и если прежде я не проявлял особого благоразумия в денежных вопросах, то в результате этого [случая] я совершенно перестал о них заботиться.

Теперь днем и ночью я был правой рукой Князя; он покрыл меня славой, чтобы заслужить которую, я не оставлял неисполненным ничего, что должен был [сделать] по службе. Потемкина справедливо считали одной из первых фигур и нашего, и всех прочих времен; смелый, открытый, резкий и горячий, он был первым при всяком опасном случае; резкий в движениях, он затевал и исполнял свои планы с беспримерной быстротой; в поле он не думал ни о ком, кроме солдат, и ни возраст, ни звание не могли в его глазах извинить невыполнение того, что требовала служба.

С нами был Суворов, уже игравший выдающуюся роль. Храбрый и горячий, как и его командир, он был неутомим на службе и, казалось, стремился преуспеть, копируя начальника в столь большой степени, в соперничестве за славой, которой он сейчас достиг.

<p. 34> Кажется, русские солдаты [самой] природой приспособлены к войне; их стойкость не знает себе равных, что легко можно вообразить по тому, в каких условиях они живут. Их склады не такие, как в других армиях, где [те] сохраняют с щепетильной тщательностью; их провизию, представляющую собой ржаную муку, складывают в кучи наподобие пирамид в мешках под открытым небом, где, попеременно подвергаясь действию дождя и палящего солнца, она спекается до такой степени, что я видел, как приходилось рубить ее топорами. Сырую муку выдают поротно; а там, где нет леса (как было у нас в окрестностях Херсона, где лес не растет, а щепок из корабельных доков едва хватает для госпиталя и генералов), они собирают сорняки и коровий навоз, которым нагревают [пищу] насколько смогут, и едят ее полусырой. Они не менее закалены своими палатками, чем в своей едой; русский солдат никогда не думает о соломе или одеялах – одежда служит ему одновременно постелью и покровом; завернувшись в нее, он, довольный, ложится на голую холодную землю. Вот пример их презрения к *удобствам*: я поручил одному солдату позаботиться о большом количестве ценных вещей, на время пока я находился вдалеке от Князя. У меня была выкопанная в земле канава, которая служила мне погребом; <p. 35> над ней поставили палатку, чтобы служить отчасти складом, отчасти жильем честному ветерану, который

[24] *East See*. Это буквальный перевод немецкого топонима *Ostsee*, обозначающего Балтийское море.

[25] Ныне Белогорск, город районного подчинения Республики Крым.

должен был охранять мое имущество. Желая, чтобы он полюбил свою службу, я приказал сделать для него деревянную лавку с матрасом, чтобы там спать, раздобыть который, пусть он и был самого скверного качества, мне, разумеется, пришлось приложить не мало усилий; но каким бы дурным тот ни был, я заключил, что он счел бы его за роскошь. Однако я ошибся; ведь примерно через неделю, отправившись посмотреть на свои повозки и [все] пр[очее], я увидел матрас, лежавший среди мусора. На вопрос как он здесь оказался, мне сообщили что он принадлежал солдату, которого я посадил в свой погреб, за которым я немедленно послал. Будучи спрошенным, почему он решил выбросить свой матрас, он холодно сказал, что тот не пригоден для солдата, и что он не будет на нем спать. Затем я пошел посмотреть, чем он заменил эту презренное ложе, и обнаружил подстилку из обычной жесткой соломы, сплетенную им самим.

Таков истинный характер русского солдата, и к этому портрету я могу лишь прибавить, что их верность равна их прочим качествам, ведь дезертирство среди них едва ли известно; короче говоря, природа и обучение приспособили их к военному делу, ведь пока их закаляет привычный образ жизни, их разум не сбивают с пути <p. 36> покорности те поверхностные знания, что только и приводят к неповиновению и мятежу.

ГЛ[АВА] VI

Г-н Фицхерберт, ныне лорд С[ент]-Эленс, прибывает в С[анкт]-Петербург. – Автора отправлен из Карасубазара в Ахтиар, где он снова встречает адмирала Макензи. – Посещает там интересную старинную постройку. – Макензи и он [сам] получают подарки от некоторых татарских вождей. – Возвращается в штаб-квартиру и едва спасается [от смерти]. – Потемкин отправляется на отдых в Кременчуг по причине здоровья. – Прибытие туда черкесского князя-заложника. – Равнинна, на которой произошла Полтавская битва. – Блеск вице-короля Москвы[26]. – Анекдоты о Потемкине, императрице Екатерине [II] и других замечательных людях. – Автор готовится к отъезду из России, покидает русскую службу и отплывает в Копенгаген.

Поскольку в будущем я собираюсь опубликовать историю своих походов, здесь об этом предмете я расскажу очень немногое. Однажды в августе 1783 года мы в армии узнали о том, что г-н Фицхерберт (ныне лорд Сент-Эленс) <p. 37> прибыл в С[анкт]-Петербург на замену сэру Джеймсу Харрису[27]. Князь был особенно заинтересован в сведениях о его характере, и я много беседовал с ним об этом предмете; ведь сэр Джеймс был одним из самых близких друзей и доверенных лиц Потемкина. Не соблюдались ни церемонии, ни платье, ни этикет, как бы ни был занят Князь. Сэра Джеймса, [прямо] в шубе и шапке, всегда тотчас же проводили к нему, даже если другие иностранные послы уже некоторое время ожидали в приемной[28] и, вероятно, в конце концов так и не получали аудиенции.

Из Карасубазара меня отправили по армейским делам в Ахтиар[29], где я встретил своего старого друга адмирала Макензи с его небольшим флотом. [Строительство] укрепления и других сооружений продвинулись весьма далеко, и все [вокруг] выглядело гораздо лучше. Мы поехали посмотреть древнюю постройку, называвшуюся, как мне кажется, «древним Херсонесом», которая находится недалеко от Ахтиара, в почти неприступной бухточке[30].

[26] *Viceroy of Moscow*. Здесь, как и в некоторых других случаях, Семпл-Лайл пытается передать значение русских титулов и должностей через понятные ему британские параллели, но делает это не слишком удачно.

[27] Аллейн Фицхерберт (Фитцгерберт, позже барон Сент-Эленс, 1753–1839), чрезвычайный и полномочный посол в России в 1783–1787 гг., прибыл в Петербург 12 октября 1783 г. [32, p. 118].

[28] *anti-chamber*, то есть буквально «прихожая», вестибюль. Позднее Семпл-Лайл отметил, что петербургские покои Потемкина состояли из «*маленькой убогой приемной и прилегающей [к ней] бильярдной*». Именно там поутру собирались посетители, ожидавшие светлейшего князя. «*Эти покои, и еще спальня, – вот и все его обычное жилище, хотя у него есть несколько величественных комнат в том же здании: путь в те, что занимает он, ведет через анфиладу больших комнат*» [38, p. 43].

[29] Ныне Севастополь.

[30] По мнению М. Мелвина, путешественники посетили Херсонесское городище [15, с. 81]. Однако указание на крутые скалы и высеченные в них искусственные пещеры заставляет предположить, что Семпл-Лайл

Тщетно пытались мы достичь ее по морю, ведь скалы были такими крутыми, что тщетны оказались наши попытки, и с большим трудом мы вскарабкались на вершину со стороны суши. Постройка, если ее можно так назвать, искусна и почти целиком высечена в скале; но она необитаема, за исключением одного человека; живет он там по религиозным причинам или скрывается, <p. 38> сказать не могу. Однако немногие оставшиеся местные жители выказывали ему большое уважение и снабжали всем необходимым, а адмирал Макензи строго-настрого приказал не досаждать ему.

Когда я был в Ахтиаре, мы с Макензи получили подарки от одного из татарских вождей этой страны, причем каждому из нас поднесли по лошади. У моей была действительно очень богатая упряжь, но его [коня] почти полностью покрывало серебро. Седло было из пурпурной ткани, в которую повсюду вбиты серебряные гвоздики, а с каждой его стороны свисало большое стремя из того же материала, сделанное, по моде этой страны, в размере и форме стопы ноги; ремень на крупе и уздечка не остались без своей доли украшений, которые при каждом шаге издавали такой шум, как четверка лошадей в упряжке английского фургона. Макензи осмотрел удивительное животное с большим удовольствием и в присутствии всей компании тронул меня за локоть и, указав на стремя в своей руке, сказал: «Возьмите себе лошадь, я же, ей-богу, оставлю себе стремена; каждое из них можно превратить в пару подсвечников»; – если бы он сказал «[в] две пары», то я бы не счел эту оценку чрезмерной.

В Ахтиаре я заболел чем-то вроде лихорадки, [эпидемия] которой распространилась в армии, а по <p. 39> возвращении в Карасубазар мое состояние значительно ухудшилось; однако обнаружив, что Князь только что сменил свое место пребывания, [и] значительная часть армии и большая часть моего багажа уже уехали, я решил не отставать. Будучи слишком болен, чтобы взобраться на коня, я погрузил постель на одну из тех повозок, что обычно встречаются в тех [краях], и приказал [подать] лошадей. Но смог получить таковых лишь из нерегулярных казачьих [отрядов], которые были совершенно дикими и вряд ли когда-либо видели повозку, не говоря уже о том, чтобы прежде ее возить. Упряжь состояла из веревки, за которую я мог ухватиться, а вез меня парень, точно также непривычный к своему делу. Мой забавный экипаж почти заставил меня нарушить общее правило, согласно которому нам воспрещалось посещение каких бы то ни было домов или городов по случаю чумы; ведь когда слуга уложил меня в постель (честный преданный вюртембержец, которого я получил от принца из тех мест, в то время бывшего среди нас[31]), наша скотина понеслась с бешеной скоростью. Некоторое время [лошади скакали] галопом по склону, который почти нависает над городом Карасубазаром, пока, наконец, повозка не перевернулась, и мы все не покатились вниз с откоса, а если бы проехали немного дальше, то точно сверзились бы прямо в город. Две из трех запряженных в экипаж лошадей погибли на месте, а мой бедный лакей сломал руку; я спасся, буквально выпав <p. 40> вместе с постелью в кусты; мой русский возчик, не получивший никаких повреждений, утешил меня, как он поступил бы и в том случае, если бы все переломали себе шеи, словами «*Небось! Небось!*»[32], что означало – «это ничего! это ничего!» Казаки продолжали скакать, не уделив [происшедшему] ни малейшего внимания и полагая, что все мы точно погибли, спокойно сообщили офицерам в штабе, что английский адъютант и его *кибитка* свалились с обрыва. Эта новость достигла ушей Князя, и один офицер с одним из экипажей его светлости был послан мне на помощь. Я встретил этого офицера на дороге; ведь, решив показать русским, что я настолько же безразличен к

имел в виду крепость византийского времени Каламита (позднее Инкерман), находившуюся в истоке Севастопольской бухты, у места впадения реки Черная. После того, как последние жители оставили Херсонес, его местоположение забылось, и в XVII–XVIII вв. древний город пытались отыскать во многих местах, причем не только на Крымском полуострове, но и за его пределами [28, с. 115–156]. Если Макензи и Семпл-Лайл действительно плавали к Каламите-Инкерману, перед нами – новая, оригинальная попытка локализовать Херсонес.

[31] Семпл-Лайл намекает на принца из Вюртембергской династии, шурина наследника русского престола, о котором речь шла выше, но, не исключено, в очередной раз сообщает неверную информацию, чтобы подчеркнуть свой статус.

[32] Букв.: *Nebos! Nebos!*

дорожным происшествиям, как и они сами, спокойно лежал в кустах, пока не смог воспользоваться новым экипажем, а затем, погрузившись в него вместе с моим несчастным слугой, я продолжал свой путь со всем возможным *sang froid*[33].

В конце зимы 1783 года[34] Князь, сильно изнуренный тяжелыми трудами, уехал из Крыма в Кременчуг для восстановления сил. <…>

<p. 41> В Кременчуге мы некоторое время оставались в барачном лагере; когда дела в Крыму были урегулированы[35], Потемкин вернулся в столицу. Поскольку мне хотелось посетить некоторые районы этой страны, <p. 42> он позволил мне оставить его и действовать по собственному разумению. <…>

Рис. 1. Эдвард Хардинг. Майор Джеймс-Джордж Семпл-Лайл (1799) [37, countertitle]

[33] хладнокровием (*франц.*).

[34] Вероятно, Семпл-Лайл имел в виду или декабрь 1783, или конец зимы 1783–1784 гг. В любом случае, или память его подвела, или он намерено исказил факты. Судя по переписке с Екатериной II, Потемкин переехал из Крыма в Кременчуг в августе 1783 г., а затем последовал в Нежин и Чернигов [8, с. 181–187, также 747–748, прим. 1]. В Крым в этом году он более не возвращался, зиму же провел в столице [13, с. 299–308].

[35] Это произошло летом 1783 г., то есть Семпл-Лайл запутался в хронологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. Ч. 2. СПб.: Типография Третьего департамента Министерства государственных имуществ, 1840. 268 с.
2. Бюргер Г.А., Распе Р.Э. Удивительные приключения на суше и на море, военные походы и веселые приключения Барона Фон Мюнхгаузена, о которых он обычно рассказывает за бутылкой в кругу своих друзей / пер. с нем. В.С. Вальдман. М.: Наука, 1985. 367 с.
3. Водарский Я.Е., Елисеева О.И., Кабузан В.М. Население Крыма в конце XVIII – конце XX веков (численность, размещение, этнический состав). М.: ИРИ РАН, 2003. 157 с.
4. Военный энциклопедический лексикон. Т. 8: Л – Михайловское. 2-е изд. СПб.: Типография Главного штаба, 1855. 722 с.
5. Гораций. Оды, эподы, сатиры, послания / пер. с лат. М.: Художественная литература, 1968. 478 с.
6. Дружинина Е.И. Северное Причерноморье в 1775–1800 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 277 с.
7. Дубровин Н. А.В. Суворов среди преобразователей екатерининской армии. СПб., 1886. 196 с.
8. Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка, 1769–1791 / подгот. В.С. Лопатин. М.: Наука, 1997. 989 с.
9. Коваленко В.В. Основание и ранняя история Севастополя (1783–1800 гг.) // История Севастополя. Т. 2. 2-е изд. М.; Севастополь: Альбатрос, 2021. С. 15–93.
10. Кросс Э. Британцы в Петербурге. XVIII век / пер. с англ. Н.Г. Беспятых, Ю.Н. Беспятых. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 528 с.
11. Крым в истории России / сост. Н.Ю. Болотина. М.: Кучково поле, 2016. 120 с.
12. Лабутина Т.Л. Британские дипломаты и Екатерина II. Диалог и противостояние. СПб.: Алетейя, 2019. 458 с.
13. Лопатин В.С. Повесть о Потемкине, князе Таврическом. М.: Академический проект, 2018. 537 с.
14. Маркевич А.И. Taurica: опыт указателя сочинений, касающихся Крыма и Таврической губернии вообще // ИТУАК. 1894. № 20. С. 1–394; 1898. № 28. С. 92–185 (1–94); 1902. № 32–33. С. 47–128.
15. Мелвин М. История Крыма и Севастополя от Потемкина до наших дней / пер. с англ. Ю. А. Гольдберга. М.: Колибри, 2020. 880 с.
16. Миранда Ф. де. Путешествие по Российской империи / пер. с исп. М.С. Альперовича, В.А. Капанадзе, Е.Ф. Толстой. М.: Наука/Интерпериодика, 2001. 364 с.
17. Непомнящий А.А. Записки путешественников и путеводители в развитии исторического краеведения Крыма (последняя треть XVIII – начало XX века). Киев, 1999. 211 с.
18. Петрушевский А. Генералиссимус князь Суворов. Т. 1. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1884. 486 с.
19. По Э.А. Надувательство как точная наука / пер. с англ. И. Бернштейн // Полн. собр. соч.: в 1 т. М.: Альфа-книга, 2022. С. 560–572.
20. Русский биографический словарь. Т. 2: Алексинский – Бестужев-Рюмин. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1900. 796 с.; Т. [20:] Суворов – Ткачев. СПб.: Общественная польза, 1912. 600 с.
21. Рыбакин А.И. Словарь английских фамилий. Около 22 700 фамилий. М.: Русский язык, 1986. 576 с.
22. Себаг-Монтефиоре С. Потемкин / пер. с англ. Н. Сперанской, С. Панова. М.: Вагриус, 2003. 558 с.
23. Столетие Военного министерства. 1802–1902. Исторический очерк развития военного управления в России / ред. Д.А. Скалон. СПб.: Типография П. Ф. Пантелеева, 1902. 679 с.
24. Строев А. Авантюристы Просвещения. 2-е изд. М.: НЛО, 2023. 432 с.
25. Успенский В.М., Россомахин А.А., Хрусталёв Д.Г. Имперский шаг Екатерины. Россия в английской карикатуре XVIII века. СПб.: Арка, 2016. 288 с.
26. Форсия де Пилес. Прогулки по Петербургу Екатерины Великой. Записки французского путешественника / пер. с фр. А.Н. Спащанского. СПб.: Паритет, 2014. 384 с.
27. Храпунов Н.И. Английские путешественники и Крым. Конец XVIII – первая треть XIX в. Севастополь: Альбатрос, 2022. 324 с.
28. Храпунов Н.И. В поисках Херсонеса: исследования по истории, топонимике и исторической памяти. Симферополь: Антиква, 2023. 256 с.
29. Храпунов Н.И., Храпунова С.Н. Практические особенности поездки в Крым на рубеже XVIII–XIX веков: свидетельства Реджинальда Хебера и других путешественников // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: Материалы научной конференции. Т. 2. М.: ИВ РАН, 2023. С. 158–164.
30. A[lger] J.G. Semple alias Semple-Lisle, James George // Dictionary of National Biography / ed. S. Lee. Vol. 51: Scoffin – Sheares. London: Smith, Elder, & Co., 1897. P. 241, col. 1.
31. Backman C. Major James George Semple Lisle and his Wives. URL: http://www.tufftuff.net/Semple181127.pdf (accessed: 05.09.2025).
32. British Diplomatic Representatives, 1689–1789 / ed. D.B. Horn, D. Litt. [London]: Royal Historical Society, 1932. 177 p.

33. Cross A. G. In the Land of the Romanovs: An Annotated Bibliography of First-hand English-language Accounts of the Russian Empire (1613–1917). Cambridge (UK): Open Book Publishers, 2014. 419 p.
34. Gervat C. Elizabeth: The Scandalous Life of the Duchess of Kingston. London: Arrow Books, 2003. 306 p.
35. L[aughton] J.K. Tate, George // Dictionary of National Biography / ed. S. Lee. Vol. 55: Stow – Taylor. New York: The Macmillan Company; London: Smith, Elder, & Co., 1898. P. 377, col. 1–2.
36. The History of the Swindling and Amorous Adventures of James George Semple, &c. &c., since His Liberation from the Hulks. [London]: Mason, [1795]. 146 p.
37. The Life of Major J.G. Semple Lisle; Containing a Faithful Narrative of His Alternative Vicissitudes of Splendour and Misfortune. Written by Himself. London: W. Stewart, 1799. 382 p.
38. The Life of Major J.G. Semple Lisle; Containing a Faithful Narrative of His Alternative Vicissitudes of Splendour and Misfortune. Written by Himself. 2nd ed. London: W. Stewart, 1800. 382 p.
39. The Northern Hero; Minutely and Impartially Delineated in The Life of Major S…le, alias Harrold, Kennedy, &c. the Celebrated Swindler. 4th ed. London: P. McQueen, 1786. 66 p.
40. Tooke W. The Life of Catharine II, Empress of Russia. 5th ed. Vol. 2. Dublin: J. Moore, 1800. 365 p.

REFERENCES

1. *Biografii rossiiskikh generalissimusov i general-fel'dmarshalov* [Biographies of Russian generalissimos and field marshals]. Vol. 2. St. Petersburg: Tipografiia Tret'ego departamenta Ministerstva gosudarstvennykh imushchestv Publ., 1840, 268 p.
2. Bürger G.A., Raspe R.E. *Udivitel'nye prikliucheniia na sushe i na more, voennye pokhody i veselye prikliucheniia Barona Fon Miunkhgauzena* [Wonderful adventures on land and sea, military campaigns and amasing adventures of Baron Munchusen]. Moscow, Nauka Publ., 1985, 367 p.
3. Vodarskii Ia.E., Eliseeva O.I., Kabuzan V.M. *Naselenie Kryma v kontse XVIII – kontse XX vekov* [Population of the Crimea from the late eighteenth to late twentieth century]. Mosscow, IRI RAN Publ., 2003, 157 p.
4. *Voennyi entsiklopedicheskii leksikon* [Military encyclopaedic lexicon]. 2nd ed. Vol. 8. St. Petersburg, Tipografiia Glavnogo shtaba Publ., 1855, 722 p.
5. Horace. *Ody, epody, satiry, poslaniia* [Odes, epodes, satyrs, epistles]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1968, 478 p.
6. Druzhinina E.I. *Severnoe Prichernomor'e v 1775–1800 gg*. [Northern Black Sea Area, 1775–1800]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1959, 277 p.
7. Dubrovin N. *A.V. Suvorov sredi preobrazovatelei ekaterininskoi armii* [A.V. Suvorov and the reforms of the Catherinian army]. St. Petersburg, 1886, 196 p.
8. *Ekaterina II i G.A. Potemkin. Lichnaia perepiska, 1769–1791* [Catherine II and G.A. Potemkin. Personal correspondence, 1769–1791]. Mocow, Nauka Publ., 1997, 989 p.
9. Kovalenko V.V. Foundation and early history of Sevastopol, 1783–1800 gg. *Istoriia Sevastopolia* [A history of Sevastopol]. Vol. 2. 2nd ed. Moscow, Sevastopol, Al'batros Publ., 2021, pp. 15–93.
10. Cross A. *Britantsy v Peterburge. XVIII vek* [The Britons in Petersburg: Eighteenth century]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2005, 528 p.
11. *Krym v istorii Rossii* [Crimea in Russian history]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2016, 120 p.
12. Labutina T.L. *Britanskie diplomaty i Ekaterina II. Dialog i protivostoianie* [British diplomats and Catherine II: dialogue and confrontation]. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2019, 458 p.
13. Lopatin V.S. *Povest' o Potemkine, kniaze Tavricheskom* [Tale of Potemkin the Prince of Taurida]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2018, 537 p.
14. Markevich A.I. Taurica: an experience in indexing the works concerning the Crimea and the Taurida governorate in general. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii* [Proceedings of the Taurida Learned Archival Commission], 1894, vol. 20, pp. 1–394; 1898, vol. 28, pp. 92–185 (1–94); 1902, vol. 32–33, pp. 47–128.
15. Melvin M. *Istoriia Kryma i Sevastopolia ot Potemkina do nashikh dnei* [A history of the Crimea and Sevastopol from Potemkin to these days]. Moscow, Kolibri Publ., 2020, 880 p.
16. Miranda F. de. *Puteshestvie po Rossiiskoi imperii* [Travel through the Russian Empire]. Moscow, Nauka/ Interperiodika Publ., 2001, 364 p.
17. Nepomniashchii A.A. *Zapiski puteshestvennikov i putevoditeli v razvitii istoricheskogo kraevedeniia Kryma* [Travelogues and guidebooks in the development of historical regional studies]. Kiev, 1999, 211 p.
18. Petrushevskii A. *Generalissimus kniaz' Suvorov* [Generalissimo Prince Suvorov]. Vol. 1. St. Petersburg, Tipografiia M. M. Stasiulevicha Publ., 1884, 486 p.
19. Poe E.A. Diddling Considered as One of Exact Sciences. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works] in 1 vol. Moscow, Al'fa-kniga Publ., 2022, pp. 560–572.
20. *Russkii biograficheskii slovar'* [Russian dictionary of biography]. Vol. 2. St. Petersburg, Tipografiia Glavnogo upravleniia udelov Publ., 1900, 796 p.; Vol. 20. St. Petersburg, Obshchestvennaia pol'za Publ., 1912, 600 p.
21. Rybakin A.I. *Slovar' angliiskikh familii* [Dictionary of English surnames]. Moscow, Russkii iazyk Publ., 1986, 576 p.

22. Sebag Montefiore S. *Potemkin* [Potemkin]. Moscow, Vagrius Publ., 2003, 558 p.
23. *Stoletie Voennogo ministerstva. 1802–1902. Istoricheskii ocherk razvitiia voennogo upravleniia v Rossii* [One hundred years of the Ministry of War, 1802–1902: An historical essay on the development of military administration in Russia]. St. Petersburg, Tipografiia P.F. Panteleeva Publ., 1902, 679 p.
24. Stroev A. *Avantiuristy Prosveshcheniia* [Adventurers of the Enlightenment]. 2nd ed. Moscow, NLO Publ., 2023, 432 p.
25. Uspenskii V.M., Rossomakhin A.A., Khrustalev D.G. *Imperskii shag Ekateriny. Rossiia v angliiskoi karikature XVIII veka* [Catherine's imperial steps: Russia in the eighteenth-century English caricature]. St. Petersburg, Arka Publ., 2016, 288 p.
26. Fortia de Piles. *Progulki po Peterburgu Ekateriny Velikoi* [Walking in Catherine the Second's Petersburg]. St. Petersburg, Paritet Publ., 2014, 384 p.
27. Khrapunov N.I. *Angliiskie puteshestvenniki i Krym. Konets XVIII – pervaia tret' XIX v.* [English travellers and the Crimea: late eighteenth and the first third of the nineteenth century]. Sevastopol, Al'batros Publ., 2022, 324 p.
28. Khrapunov N.I. *V poiskakh Khersonesa: issledovaniia po istorii, toponimike i istoricheskoi pamiati* [Searching for Chersonese: Studies in history, toponymy, and historical memory]. Simferopol, Antikva Publ., 2023, 256 p.
29. Khrapunov N.I., Khrapunova S.N. Practical features of travel to the Crimea ca 1800 according to Reginald Heber and other travellers. *Istoricheskie, kul'turnye, mezhnatsional'nye, religioznye i politicheskie sviazi Kryma so Sredizemnomorskim regionom i stranami Vostoka: Materialy nauchnoi konferentsii* [Historical, cultural, international, religious, and political connections of the Crimea, Mediterranean, and Oriental countries: Materials of the scholarly conference]. Vol. 2. Moscow, IV RAN Publ., 2023, pp. 158–164.
30. A[lger] J.G. Semple *alias* Semple-Lisle, James George. *Dictionary of National Biography*, vol. 51. London, Smith, Elder, & Co., 1897, p. 241, col. 1.
31. Backman C. *Major James George Semple Lisle and his Wives*. URL: http://www.tufftuff.net/Semple181127.pdf (accessed: 05.09.2025).
32. *British Diplomatic Representatives, 1689–1789*. [London], Royal Historical Society, 1932, 177 p.
33. Cross A.G. *In the Land of the Romanovs: An Annotated Bibliography of First-hand English-language Accounts of the Russian Empire (1613–1917)*. Cambridge (UK), Open Book Publ., 2014, 419 p.
34. Gervat C. *Elizabeth: The Scandalous Life of the Duchess of Kingston*. London, Arrow Books, 2003, 306 p.
35. L[aughton] J.K. Tate, George. *Dictionary of National Biography*, vol. 55. New York, The Macmillan Company; London, Smith, Elder, & Co., 1898, p. 377, col. 1–2.
36. *The History of the Swindling and Amorous Adventures of James George Semple, &c. &c., since His Liberation from the Hulks*. [London], Mason, [1795], 146 p.
37. *The Life of Major J.G. Semple Lisle; Containing a Faithful Narrative of His Alternative Vicissitudes of Splendour and Misfortune. Written by Himself*. London, W. Stewart, 1799, 382 p.
38. *The Life of Major J.G. Semple Lisle; Containing a Faithful Narrative of His Alternative Vicissitudes of Splendour and Misfortune. Written by Himself*. 2nd ed. London, W. Stewart, 1800, 382 p.
39. *The Northern Hero; Minutely and Impartially Delineated in The Life of Major S…le, alias Harrold, Kennedy, &c. the Celebrated Swindler*. 4th ed. London, P. McQueen, 1786, 66 p.
40. *Tooke W. The Life of Catharine II, Empress of Russia*. 5th ed. Vol. 2. Dublin, J. Moore, 1800, 365 p.

Информация об авторе

Храпунов Н. И. – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник НИЦ истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского; профессор кафедры основ российской государственности Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Researcher ID: Q-8101-2017.

Author information

Khrapunov N. I. – Doctor of Sciences (History), Leading Researcher at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University; Professor of the Department of Fundamentals of Russian Statehood of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University; Researcher ID: Q-8101-2017.

DOI: 10.29039/2413-189X.2025.30.571-580

КРЫМСКИЕ СЮЖЕТЫ В БРИТАНСКОЙ ПРЕССЕ 30-40-х ГОДОВ XIX ВЕКА

Илья Александрович Айбабин
Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия
aibabin23@gmail.com

Аннотация. Британская пресса XIX в. является уникальным феноменом, выделяющим ее на фоне периодической печати других стран. В Англии журналистика имела большое влияние на общественное мнение. Внимание журналистов привлекли не только местные события, но и новости со всего света. Неоднократных упоминаний удостоился и Крымский полуостров, привлекавший европейцев своей богатой природой и интереснейшей историей. В статье рассматриваются заметки, посвященные Крыму, опубликованные в 1837 и 1847 годах в двух лондонских газетах, совершенно разной тематической направленности – *True Sun* и *Lady's Newspaper*. Судя по публикациям, англичан интересовали любые сведения о полуострове: достопримечательности, быт и повседневная жизнь местного населения, археологические открытия. Информация газетных заметок о Крыме безусловно, соответствовала уровню исторических знаний той эпохи. Авторы заметок формировали позитивное представление о Крыме. Они дополняли записки путешественников, побывавших на полуострове.

Ключевые слова: Британская пресса, Крым, *True Sun*, *Lady's Newspaper,* история, археология

CRIMEAN THEMES IN THE BRITISH PRESS OF THE 1830s-1840s

Ilya A. Aibabin
State Academic University of Humanities, Moscow, Russia
aibabin23@gmail.com

Abstract. The British press of the 19th century is a unique phenomenon, setting it apart from the periodical press of other countries. In England, journalism had a significant influence on public opinion. Journalists' attention was drawn not only to local events but also to news from around the world. The Crimean Peninsula, which attracted Europeans with its rich nature and fascinating history, was also mentioned repeatedly. This article examines notes dedicated to Crimea, published in 1837 and 1847 in two London newspapers with entirely different thematic orientations – the True Sun and the Lady's Newspaper. Judging by the publications, the English were interested in any information about the peninsula: its attractions, the daily life and routines of the local population, and archaeological discoveries. The information in the newspaper notes about Crimea undoubtedly corresponded to the level of historical knowledge of that era. The authors of these notes shaped a positive perception of Crimea. They supplemented the accounts of travelers who had visited the peninsula.

Keywords: British press, Crimea, True Sun, Lady's Newspaper, history, archaeology

Британская пресса XIX в. является уникальным феноменом, выделяющим ее на фоне периодической печати других стран. В Англии журналистика имела большое влияние на общественное мнение, являлась «руководительницей государственных деятелей и служила выражением идей нации» [2, с. 310–311]. Пресса не испытывала цензурного гнета, ее развитие сдерживали лишь высокие налоги – так называемый штемпельный сбор (*Stamp duty*), до отмены в 1855 г. не позволявший развиваться дешевой периодической печати [11, с. 492]. Газеты выпускались не только в Лондоне и крупных городах, свои самостоятельные издания, составлявшие конкуренцию столичным, имелись и в провинции [2, с. 315]. Поражает обилие и разнообразие периодической печати: газеты и журналы отличались по кололичеству выпусков (ежедневные, воскресные, еженедельные, ежемесячные или квартальные), по формату (ревью и магазины) и тематической направленности (сугубо политические, новостные, развлекательные, научные, для духовенства или спортсменов, женские и т.п.) [2, с. 320]. Раз-

нообразием отличались и темы, затрагиваемые в публицистике. Внимание журналистов привлекли не только местные события, но и новости со всего света. Неоднократных упоминаний удостоился и Крымский полуостров, привлекавший европейцев своей богатой природой и интереснейшей историей. Так, в 1785-1787 годах в популярном журнале *Gentlemen's Magazine* были опубликованы письма, подписанные инициалами M.M.M., сочиненные историком и писателем Уильямом Туком. Два из них были посвящены описанию Крыма, вызывавшего повышенный интерес у англичан после событий, связанных с вхождением региона в состав Российской империи [10, с. 23].

Наше внимание привлекли заметки, посвященные Крыму, опубликованные в 1837 и 1847 годах в двух лондонских газетах, совершенно разной тематической направленности – *True Sun* и *Lady's Newspaper*. Авторы заметок не известны. Согласно традиции британской журналистики, статьи зачастую не подписывались, поскольку выражали мнение всей газеты [2, с. 316].

True Sun – газета, поддерживающая вигов, выпускалась каждый день, кроме воскресенья в период с 5 марта 1832 по декабрь 1837 года. Она появилась вследствие вражды между Патриком Грантом и Мурдо Янгом, издававшими *The Sun (Солнце).* После того, как М. Янг завладел газетой, П. Грант в отместку запустил свое, «истинное солнце» – *The True Sun*.

Именно в *True Sun* начал свою журналистскую карьеру Чарльз Диккенс, став штатным сотрудником, в качестве парламентского корреспондента, в течение нескольких месяцев освещавшим дебаты по поводу Избирательной реформы в 1832 году [17, p. 46–47]. Ч. Диккенс был лишь одним из нескольких известных литературных и политических деятелей, связанных с газетой; среди других можно назвать публициста Уильяма Карпентера, а также эссеиста, поэта, драматурга и литературного критика Джеймса Генри Ли Ханта.

True Sun славилась оперативностью освещения различных событий, иногда печатая специальные экспресс-выпуски. В них включались фрагменты из других газет, рассказывающие о том, как быстро они могли перепечатывать самые свежие новости благодаря репортажам *True Sun*. Газета позиционировала себя как источник своевременных парламентских новостей, выпуская второй выпуск «к концу дня, включая дебаты в парламенте до половины четвертого вечера». В те дни, когда события развивались особенно быстро и требовали мгновенного освещения в прессе, *True Sun* часто выпускала до четырех номеров в день, а ее парламентские корреспонденты работали до поздней ночи, чтобы предоставлять самую свежую информацию.

Газета привлекала внимание общественности не только публикациями, но и обильными тратами на свое содержание. Предметом пересудов часто становились расточительное управление *True Sun* П. Грантом, роскошное оформление здания и большое количество сотрудников редакции, получавших высокое жалование. У газеты возникли юридические проблемы, связанные с законом против клеветы, фокусировавшимся в то время, в основном, на нанесении ущерба репутации независимо от того, были ли заявления правдивыми или ложными. Один из исков о клевете, поданный против газеты в 1833 году, привел к шестимесячному заключению в тюрьме издателя Патрика Гранта и редактора Джона Белла. В декабре 1837 года финансовые трудности достигли критической точки, и *True Sun* была продана Мурдо Янгу, войдя в состав газеты *The Sun* (1792-1871 гг.), в противовес которой она изначально создавалась. В последнем номере *True Sun* в качестве причины продажи издания назывались низкие зарплаты читателей, которые помешали высоким продажам тиража для поддержания предприятия [14].

Незадолго до закрытия газеты, 20 октября 1837 г. в вечернем пятничном выпуске появилась заметка «Antiquitiies of the Crimea in Russia» (Древности Крыма в России) (рис. 1; 2) [12]. Автор называет Крым Херсонесом Таврическим[1] и отмечает, что на его территории сохранилось больше древностей, чем во всех вместе взятых других провинциях Российской империи. Обзор древностей предваряет подобие исторического очерка, сведенного к перечислению живших на полуострове народов – от киммерийцев до генуэзцев. Перечень

[1] Название Херсонес Таврический для обозначения всего Крыма встречается в сочинении П. С. Палласа о предпринятом им в 1793–1794 гг. путешествии по Крыму [7, с. 20].

изобилует ошибками, отражающими представление об истории Крыма, существовавшее в первой трети XIX века в Англии: в течении первых двух или трех столетий христианской эры полуостров подвергался опустошению «*племенами германского происхождения, вышедшими из центра Азии и хлынувшими в Западную Европу*»; хазары являются «*потомками народа, исповедовавшего религию Моисея*», а генуэзцы «*отважились оспорить несколько пунктов на побережье и атаковали несколько готских крепостей, возведенных на неприступных скалах*».

Затем автор констатирует, что Крым преобразился под управлением России: «*цивилизация достигла определенного прогресса; трудолюбивые колонисты превратили склоны гор в цветущие виноградники; русские церкви и просторные современные дома ежедневно вырастают посреди татарских деревень и в непосредственной близости от руин древнегреческих храмов*». Города классической древности и средневековые руины привлекали внимание многочисленных путешественников, оставивших их описания. Особого внимания, по мнению автора, заслуживают развалины «*Неаполя, города, основанного Скилуром, царем Скифов, о котором Страбон упоминает в своей «Географии». На берегах Салгира немого выше Симферополя все еще можно обнаружить некоторые следы канавы и стен. Внутри этого ограждения мы находим несколько неправильных возвышений, образованных руинами домов и храмов и все они покрыты травой. Эти груды не позволяют судить о форме зданий но при тщательном рассмотрении в них, вероятно, можно было бы обнаружить какие-нибудь фрагменты скульптуры или надписи, монеты и другие остатки древности, представляющие неоценимую ценность с исторической точки зрения*».

Отдельно автор останавливается на знаменитых находках 1827 года, с которых началось изучение столицы поздних скифов, – двух фрагментов барельефов: «*на одном из них представлен молодой скиф верхом на коне; на другом – рукой художника изображены старик и юноша, оба в скифских костюмах*». О находке первого рельефа англичанам было хорошо известно по запискам Джеймса Уэбстера о своих путешествиях, опубликованным в Лондоне в 1830 году. По свидетельству путешественника, в 1827 г. во время его пребывания в Симферополе, А. Султан-Крым-Герей показал грубо исполненный рельеф скифского воина верхом на коне, найденный среди развалин городища [10, с. 234-235]. Вторую плиту, с рельефным изображением двух всадников, старика и молодого, обнаружил в ходе раскопок директор Одесского городского музея древностей И. П. Бларамберг, приехавший в Симферополь для ознакомления с находками. Информация о первых находках появилась в 1827 году в трех номерах французского издания «Одесский вестник» [3, с. 14; 8, с. 537-540].

Более подробно в заметке описана Керчь – древний Пантикапей, исследования которого «*проводятся по распоряжению правительства и ежедневно приводят к новым открытиям*». Отмечается, что от богатого и могущественного города, резиденции великого Митридата и столицы Боспорского царства сохранилось много ценных остатков, и «*Музей Керчи*[2]*, основанный в 1826 году, уже богат надписями вазами и статуями, обнаруженными в разное время в непосредственной близости. Уже существует почти полная коллекция монет боспорских царей, и среди других любопытных предметов – два замечательных черепа продолговатой формы, которые свидетельствуют о существовании ныне вымершей человеческой расы и подтверждают точность тех древних авторов, которые упоминали о них*». Речь, безусловно, идет об искусственно деформированных черепах. В заметке приводятся свидетельства древних авторов – Гиппократа, Плиния и Помпония Мелы о существовании у древних народов практики искусственной деформации черепа. «*Гиппократ, среди прочего говорит, что на берегах Меотиды в незапамятные времена жил народ, называемый макрокефалами из-за необычайно удлиненной формы их голов. Подобно некоторым племенам Бразилии, эти древние аборигены Восточной Таврии заставляли головы своих новорожденных младенцев принимать такую утонченную форму, которая считалась у них своего рода символом красоты*».

Останавливается автор и на раскопках курганов в окрестностях Керчи. Подробно описывается открытый в 1830 г. курган Куль-Оба, названный в заметке Золотым курганом (*Golden*

[2] Керченский музей древностей, официально открытый 2 июня 1826 года [8, с. 220].

Koorgan). Путанница в названиях произошла после открытия знаменитых богатых погребений – тогда местные жители стали называть Куль-Обу Золотым курганом. Из-за этого заезжие путешественники часто путали Куль-Обу с другим, традиционно называвшимся Золотым курганом, так что всегда приходилось уточнять, о каком из них идет речь – о ближнем или дальнем от Керчи [9, с. 58, прим. 3].

Еще две знаменитые находки, упомянутые в заметке из *The Sun*, - мраморные саркофаги из Мирмекия, один из которых отличается прекрасным декором. Время находки отнесено автором к 1835 году, хотя на самом деле, открытие состоялось гораздо раньше, при случайных обстоятельствах. Тогда на на территории городища располагался Керченский карантин, где раскопки запрещались. В июне 1834 года было решено перенести флагшток с прежднего места на возвышенный мыс. Во время его установки обнаружились куски мрамора. Раскопки, в ходе которых выявили два склепа с установленными в них саркофагами, провел А. Б. Ашик, а в сентябре 1834 года, П. Дюбрюкс, почти «по горячим следами» открытия написал статью, посвященную этому событию [4, с. 399, прим. 1].

В завершении обзора археологических открытий в окрестностях Керчи, автор подробно останавливается на находках из двух курганов, сделанных в 1837 г. на Глинище. В одном из них «*находился мраморный саркофаг, окруженный ценными предметами и наполненный ими. Среди прочих был небольшой квадратный мраморный алтарь, высотой в четыре вершка, с изящной барельефной фигурой Вакханалии (?); серебряный скипетр, деревянное веретено, покрытое золотыми пластинами; остатки уздечки и серебряные удила, и золотая маска, повторяющая лицо человека, похороненного там. Некоторые вазы из бронзы, серебра и золота, отличаются не только изяществом своих форм, но и изысканными барельефами, котрыми они украшены. Из греческой надписи на одной из пяти серебряных ваз следует, что этот саркофаг был усыпальницей жены царя Рескупорида. Известно, что в Пантикапее правило неского монархов с таким именем; но стиль некоторых скульптур наводит нас на мысль, что погребенная здесь царица была женой Рескупорида V, современника Каракаллы, жившего в III веке христианской эры*». Безусловно, речь идет о знаменитом погребении с золотой маской, открытым А. Б. Ашиком, которое современными исследователями интерпретируется как захоронение самого Рискупорида V [1, с. 41-44].

Второй крымский сюжет, нашедший отражение в британской прессе, связан с выходом в свет английского перевода опубликованного в 1843-1845 гг. трехтомного издания сочинения Ксавье Омер де Гелля «Степи Каспийского моря, Кавказа, Крым и южная Россия. Путешествие живописное, историческое и научное» [5; 6; 15]. Заметка, посвященная этому сочинению, появилась в *Lady's Newspaper* (буквально – Женская газета) (рис. 3), в одном из первых изданий, ориентированных, прежде всего, на женскую аудиторию. По своему содержанию газета не отличалась от остальных британских новостных изданий, однако в ней размещались статьи, специально написанные для женской аудитории. Кроме классических для газет тем, на ее страницах активно обсуждалась мода, и жизнь процветающих в империи женщин. Она позиционировала себя как общественная газета, содержащая все новости дня, но представленные в форме, считавшейся подходящей и приятной для чтения женщинами. В первом вышедшем в свет номере провозглашались основные принципы и задачи нового издания: знакомить читательниц со всеми главными событиями дня, не утомляя и не вызывая отвращения длинными рассуждениями, сообщать о победах или поражениях в войнах, не шокируя чувства болезненными подробностями. «*Мы можем сообщить вам об отставке министра, и при этом опустить длинные скучные речи, предшествовавшие этому*» [13]. В газете регулярно публиковались материалы о моде в Лондоне и Париже, схемы для рукоделия, рецензии на книги и театральные постановки, а также серийные художественные произведения, которые выходили наряду с удивительно подробными описаниями войн и имперских восстаний, а также углубленным политическим анализом и статьями о текущих событиях. Газета придерживалась проимперской позиции и регулярно публиковала материалы об эмиграции и жизненных перспективах женщин в империи [13].

Интересующая нас заметка опубликована в выпуске № 27 *Lady's Newspaper* от 3 июля 1847 года, в разделе «Литература» [16, p. 14]. В ней сообщается, что Ксавье Оммер де Гелль

провел в южной России около пяти лет. От других путешественников Оммер де Гелль отличался заинтересованностью в науках. Он был географом, членом Французского географического общества и путешествия его интересовали, прежде всего, с научной точки зрения. Помимо географии, Оммер де Гелля занимали вопросы, связанные с историей, индустриальным прогрессом и статистикой. По мнению автора заметки, одним из самых очевидных качеств сочинения Оммер де Гелля является «*чрезвычайная искренность, столь редкая в работах, посвященных России, и вряд ли какая-либо другая из современных работ хотя бы приблизительно соответствует истине*». Несомненным достоинством сочинения, по мнению редакции *Lady's Newspaper*, является то, что соавтором произведения стала супруга Адели Оммер де Гелль, разделившая с супругом все тяготы путешествия [6].

Для женской английской аудитории из сочинения французских путешественников выбрана глава, посвященная посещению Бахчисарая: "*Нам не терпелось увидеть Бахчисарай, его дворец и его фонтаны, которые были воспеты Пушкиным, русским соловьем; и это нетерпение которое увеличивалось, с нашим приближением к концу путешествия, не дало нам посетить различные места которые менее торопливые путешественники не пренебрегли посетить. Каждая гора, долина, или деревня представляет собой особый интерес. Там были акведуки, старые мосты, и полуразрушенные башни, смотрящие во все стороны, и говорящие о наличии тут древней цивилизации; но все это интересовало нас в меньшей степени, чем самое скромное жилище, котором жил правитель, и в котором он скорее всего провел свои последние годы*".

Приводится и цитата с размышлениями о том, как на Бахчисарай повлияло вхождение полуострова в состав Российской империи: «*Бахчисарай полностью сохранил свой национальный характер, благодаря указу Екатерины II, который позволил татарам сохранить полное владение их столицей*». Само описание города наполнено очарованием Востока: «*Вы окажетесь в сердце востока проходя сквозь узкие улицы в городе, мечети магазины, и кладбища, которые похожи на те самый старые кварталы Константинополя, вы могли бы вообразить себя в самом сердце Востока. Но особенно во дворах и садах и в беседках гарема старого дворца, находясь в котором путешественник может поверить, что он перенесся в какую-нибудь восхитительную обитель Алеппо или Багдада*». Дается и подробное описание Бахчисарайского дворца: «*Нелегко описать шарм этого таинственного и роскошного жилища, в котором сладострастный хан забывал о всех своих заботах. Это нельзя сделать, так же легко как и с одним нашим дворцом, лишь анализируя стиль, расположение, и детали богатой архитектуры, читая мысли создателей в их постоянстве, благодати, и в благородной простоте зданий. Все это легко понять и объяснить: такая красота, воспринимаемая более-менее каждым. Но человек должен быть поэтом для того, чтобы проникнуться Турецким дворцом; его шарм должен быть увиден, не в том, что человек видит, а в том, что человек чувствует*».

Особое место уделено в заметке характеристике самих жителей Бахчисарая – крымских татар: «*Будет сложно распознать в простых, аккуратных, современных татарах тех самых потомков, яростных монголов, которые установили свою власть над частью Западной Европы. Есть огромная разница между татарами, живущими на побережье и теми что живут в горах. Первые стали алчными, плутоватыми и вероломными из-за постоянного общения с русскими. В то время, как их горные братья сохранили патриархальные нравы, отличающие восточных людей. Их гостеприимство самое щедрое. Лучшая комната в доме, и лучший стол, который могут себе позволить хозяева, предложены гостям с сердечным рвением, не допускающим саму мысль об отказе. И хозяин будет оскорблен если его гостеприимство будет оплачено чем-то кроме дружеского рукопожатия*».

Поскольку газета *Lady's Newspaper* ориентировалась на женскую аудиторию, то из сочинения супругов Оммер де Гелль выбраны эпизоды, касающиеся крымских татарок. По мнению путешественников, они, не обладая особой красотой, демонстрируют робкую грацию, которая делает их необычайно привлекательными. Приводится и описание деталей традиционного женского крымско-татарского костюма: «*На публике они носят длинную белую вуаль, оба конца которой свисают с их плеч, и они особенно примечательны из за полного*

отсутствия в их внешности какой-либо вульгарности. В Бахчисарае мы не видели никого кроме представительниц бедного населения. Жены мурз и беев живут в уединении и никогда не показываются на людях».

На протяжении первой половины XIX века информация о Крыме периодически появлялась на страницах британской прессы. Судя по публикациям, англичан интересовали любые сведения о полуострове: достопримечательности, быт и повседневная жизнь местного населения, археологические открытия. Информация газетных заметок о Крыме безусловно, соответствовала уровню исторических знаний той эпохи. Авторы заметок формировали позитивное представление о Крыме. Они дополняли записки путешественников, побывавших на полуострове.

John Ager, 366

The True Sun.

No. 387—New Series] LONDON, FRIDAY EVENING, OCTOBER 20, 1837. Price 5d.

SPORTING.

NEWMARKET SECOND OCTOBER MEETING.

QUEEN'S COUNTY.

ANTIQUITIES OF THE CRIMEA IN RUSSIA.

The Crimea, the ancient Chersonesus Taurica, abounds more in remains of antiquity than any other of the many provinces of which the Russian empire is composed. Inhabited in remote ages by the Cimmerians, by Greek

DINNER to the HON. W. B. BARING, at BURTON-ON-TRENT.

[Abridged from the Derby Reverly.]

Рис. 1. Деталь первой страницы газеты *The True Sun* от 20 октября 1837 г. (вечерний пятничный выпуск)

ANTIQUITIES OF THE CRIMEA IN RUSSIA.

The Crimea, the ancient Chersonesus Taurica, abounds more in remains of antiquity than any other of the many provinces of which the Russian empire is composed. Inhabited in remote ages by the Cimmerians, by Greek colonists, and by the Scythians, this peninsula was laid waste more than once during the first two or three centuries of the Christian era by tribes of German origin, who, proceeding from the centre of Asia, came pouring upon western Europe. At a later period the Khazares, descendants of a people professing the Mosaic religion, who had founded a new monarchy on the banks of the Don, came to mingle with a population already of so varied a character, while the lieutenants of the Eastern Emperors delighted to embellish the cities with churches built in the Byzantine style. A new race of conquerors, the Tartars, invaded these regions in the thirteenth century, and these, having embraced Islamism, elevated mosques on the ruins of the Ionic temples and Christian churches. The Genoese alone ventured to dispute a few points along the coast, and to brave their attacks on a few gothic fortresses erected on inaccessible rocks; the battlements and turrets of these castles, adorned with the heraldic effigies of the houses of Spinola, Giustiniani, Lomellini, and of so many other illustrious families of Genoa, will long continue to brave the withering effects of time.

Since the country has been placed under the Russian government civilization has made some progress; industrious colonists have converted the sides of the mountains into flourishing vineyards; Russian churches, and spacious modern houses, are daily rising in the midst of Tartar villages, and in the immediate vicinity of the remains of ancient Greek cities. Of late years, these cities of classical antiquity, these ruined castles of the middle ages, have been visited by numerous travellers, by whom they have frequently been described. Still many remain to be noticed, and among these the remains of Neapolis, the city founded by Skilour, King of the Scythians, mentioned by Strabo in his "Universal Geography," are particularly deserving of attention. On the banks of the Salghir, a little above Simpheropol, some traces of the ditch and wall may still be discovered. Within this enclosure we find a number of irregular elevations, formed of the ruins of houses and temples, the whole being covered with luxuriant grass. These heaps afford us no means of judging of the form of the edifices; but, if carefully examined, they would probably be found to contain some pieces of sculpture, or inscriptions, coins, and other remains of antiquity, of inestimable value in a historical point of view. In 1827 two very remarkable fragments of bas-reliefs were discovered. One represents a young Scythian on horseback; on the other the artist's hand had traced the figure of an old man and a youth, both arrayed in Scythian costume.

The researches which continue to be made in the vicinity of Kertsh, by order of Government, are daily leading to new discoveries. This city, the ancient Panticapeum, the origin of which is lost in the darkness of antiquity, was rich and powerful in the time of the Scipios, the favourite residence of the great Mithridates, and for many years the capital of the Kings of the Bosphorus. Although the temples and palaces have disappeared, many valuable remains have been dug up, and the museum of Kertsh, founded in 1826, is already rich in inscriptions, vases, and statues, discovered at various times in the immediate neighbourhood. An almost complete series of coins of the Bosphorian Kings already exists, and among other objects of curiosity are two remarkable skulls, of an oblong form, which attest the existence of a race of men now extinct, and prove the accuracy of those ancient writers who have mentioned them. Hippocrates, among others, says, that on the banks of the Lake Maotis (Sea of Azoff) there dwelt in his time a people to whom he gives the name of Macrocephali, on account of the singular long conformation of their heads. Like certain tribes in the Brazils, these ancient inhabitants of eastern Tauris forced the heads of their new-born infants to assume this elongated form, which was looked upon as a kind of beauty. A similar account is given by the younger Pliny and by Pomponius Mela, and the discovery of the before-mentioned skulls may serve to establish the truth of statements which have generally been deemed fabulous.

In the environs of Kertsh, as throughout the whole of the Crimea, we generally find by the side of the ruins of cities built by the Greek colonists other monuments, proceeding from a people of a different origin, and destined to perpetuate other recollections. Of this number is the immense koorgan or tumulus, generally called the Golden Koorgan, situated six versts from the city. In 1830, in the interior of this pyramid of stones, which might fairly be called an artificial mountain, a kind of square chapel was discovered, having apparently served as the tomb of a Royal pair. Two skeletons—one male, the other female—were found stretched on the ground, their feet pointed towards the south, and their heads encircled by golden diadems. The mortal remains of this unknown king were reposing in the centre of the chapel, under a kind of canopy, which had crumbled to pieces; golden rings and bracelets still adorned the bones, and an enamelled chain was hung around the neck, with the figure of a Scythian on horseback at either end. Some bronze vases, a sword, a lance, the central part of a shield, and a riding whip were found near the skeleton. Near the head were four small golden statues of the Scythian Hercules, and a group of two Scythians embracing each other, likewise in gold. The skeleton of the queen was likewise covered with valuable ornaments. The number of interesting objects found in this tomb, some of which have enriched the collection of the Hermitage at St. Petersburg—others the Museum of Kertsh—is too great to allow of a detailed enumeration being here given. We must not, however, leave unmentioned a circumstance which serves, in some measure, to characterise this monument. In one of the corners of the chapel, in a kind of well of no great depth, was found the skeleton of a horse.

Some years later, in 1835, the collection of ancient sculptures preserved in the Museum of Kertsh was enriched by the acquisition of a marble sarcophagus, which, in the opinion of good judges, may be considered among the most beautiful monuments of the kind. It was found near the seashore, at three versts from Kertsh, on the spot where formerly stood the little city of Mirmykione, erected by a colony of Ionians. This sarcophagus was found in the centre of a small edifice of Cyclopean architecture, somewhat similar to the Royal tomb just described. By its side was another sarcophagus, likewise of marble, but which, as it bore few ornaments, was not considered equally interesting.

During the present year, in two koorgans, near the village of Glinitshé, two monuments have been discovered, one of which appears to be seven centuries older than the other. The more modern of these tombs enclosed a marble sarcophagus, surrounded and filled with objects of value. Among others was a small square marble altar, four vershoks in height, with a fine bas-relief figure of a Bachanalian; a silver sceptre; a wooden spindle, covered with plates of gold; the remains of a bridle, and a silver bit; and a golden mask, placed on the countenance of the individual buried there. Some of the vases of bronze, silver, and gold are as remarkable for the elegance of their forms as for the exquisite bas-reliefs with which they are adorned. From a Greek inscription on one of the silver vases it would appear that this sarcophagus had been the sepulchre of the wife of a King Reskouporis, several sovereigns of that name are known to have reigned at Panticapeum; but the style of some of the sculptures leads us to believe that the Queen here interred was the wife of Reskouporis the Fifth, a cotemporary of the Emperor Caracalla, in the third century of the Christian era.

The other koorgan, evidently of a far more remote period, contained a small cell built of bricks, and here an earthen vase was found, containing ashes and burnt bones. This vase was six vershoks in height and four and a half in breadth, and excites peculiar interest on account of the designs which embellished it. An Amazon on horseback, armed with a lance, is seen attacking two warriors on foot, one wearing a helmet, the other a Phrygian bonnet. On no other vase hitherto discovered in Taurus has such a picture been found. The horse is white, but the rest of the figures are red, upon a black ground. The armour of the Amazon is very different to that generally assigned to these warlike ladies by the artists of the time of Pericles, resembling rather the scaly armour worn by the knights of the middle ages. This circumstance and the extreme simplicity of the whole design have led to a belief that the origin of this tomb dates back to about the fifth century before the Christian era.

Рис. 2. *The True Su* от 20 октября 1837 г. Заметка «Древности Крыма в России»

Рис. 3. Титульный лист газеты *Lady's Newspaper.* Выпуск № 27 от 3 июля 1847 года

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар, 1999. 352 с.
2. Булгаков Ф.И. Из общественной и литературной хроники Запада // Вестник иностранной литературы. 1893. № 10 (октябрь). С. 289–324.
3. Высотская Т.Н. Неаполь – столица государства поздних скифов. Киев: Наукова думка, 1979. 214 с.
4. Дюбрюкс П. Подробное описание саркофагов, недавно открытых в акрополе Мирмекия // Поль Дюбрюкс. Собрание сочинений: в 2-х т. Т. 1. Тексты / Сост. и отв. ред. И.В. Тункина. СПб.: Коло, 2010. С. 396–400.
5. Орехов В.В. В лабиринте крымского мифа. Симферополь, Нижний Новгород: Растр, 2017. 579 с.
6. Орехов В.В. Путешественники по Крыму супруги Омер де Гелль: опыт биографической реконструкции // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки. 2017. Т. 3 (69), № 1. С. 79–104.
7. Петр Симон Паллас. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах / Пер. с нем. С.Л. Белявской и А.Л. Бертье-Делагарда. М.: Наука, 1999. 246 с. (Научное наследство. Т. 27).
8. Тункина И.В. Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб.: Наука, 2002. 675 с.
9. Тункина И.В. «Отец Боспорской археологии» Поль Дюбрюкс // Поль Дюбрюкс. Собрание сочинений: в 2-х т. Т. 1. Тексты / Сост. и отв. ред. И.В. Тункина. СПб.: Коло, 2010. С. 13–101.
10. Храпунов Н.И. Английские путешественники и Крым. Конец XVIII – первая треть XIX в. Севастополь: Альбатрос, 2022. 324 с.
11. Чернявская Н.Э., Колтунова С.В. Особенности развития английской журналистики в викторианскую эпоху и оценка ее в русской периодике конца XIX века // Мир науки культуры и образования. 2018. № 5. С. 491–493.
12. Antiquitiies of the Crimea in Russia // The True Sun. 1837. 20 October. № 387.
13. Gaskell B. Lady's Newspaper and Pictorial Times // The British Newspaper Archive [site]. URL: https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/titles/ladys-newspaper-and-pictorial-times (date of access: 15.09.2025).
14. Gaskell B. True Sun // The British Newspaper Archive [site]. URL: https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/titles/true-sun (date of access: 15.09.2025).
15. Hommaire de Hell X. Les Steppes de la Mer Caspienne, le Caucase, la Crimée et la Russie méridionale. Voyage pittoresque, historique et scientifiqu. Vol. 1–3. Paris: Chez P. Bertrand, 1843–1845.
16. Lady's Newspaper. 1847. 3 July. № 27.
17. Mackenzie R.S. Life of Charles Dickens. Philadelphia: T.B. Peterson & Brothers, 1870. 510 p.

REFERENCES

1. Aibabin A.I. *Etnicheskaia istoriia rannevizantiiskogo Kryma* [Ethnic History of Early Byzantine Crimea]. Simferopol, Dar Publ., 1999, 352 p.
2. Bulgakov F.I. From the Social and Literary Chronicle of the West. *Vestnik inostrannoi literatury* [Bulletin of Foreign Literature], 1893, no. 10 (October), pp. 289–324.
3. Vysotskaia T.N. *Neapol' – stolitsa gosudarstva pozdnikh skifov* [Naples – the Capital of the Late Scythian State]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1979, 214 p.
4. Dubrux P. Detailed Description of the Sarcophagi Recently Discovered in the Acropolis of Myrmekion. *Paul Dubrux. Sobranie sochinenii: v 2-kh t. T. 1. Teksty* [Paul Dubrux. Collected Works: in 2 volumes. Vol. 1. Texts]. Comp. and ed. I.V. Tunkina. St. Petersburg, Kolo Publ., 2010, pp. 396–400.
5. Orekhov V.V. *V labirinte krymskogo mifa* [In the Labyrinth of the Crimean Myth]. Simferopol, Nizhny Novgorod, Rastr Publ., 2017, 579 p.
6. Orekhov V.V. Spouses Hommaire de Hell – travelers across the Crimea: an attempt at biographical reconstruction. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki* [Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Historical science], 2017, T. 3 (69), no. 1, pp. 79–104.
7. Peter Simon Pallas. *Nabliudeniia, sdelannye vo vremia puteshestviia po iuzhnym namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793–1794 godakh* [Observations made during a journey through the southern viceroyalties of the Russian state in 1793–1794]. Transl. from German by S.L. Belyavskaya and A.L. Berthier-Delagarde. Moscow, Nauka Publ., 1999, 246 p. (Scientific Heritage. Vol. 27).
8. Tunkina I.V. *Russkaia nauka o klassicheskikh drevnostiakh Iuga Rossii (XVIII – seredina XIX v.)* [Russian science on the classical antiquities of Southern Russia (18th – mid-19th centuries)]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2002, 675 p.
9. Tunkina I.V. "The Father of Bosporos Archaeology" Paul Dubrux. *Paul Dubrux. Sobranie sochinenii: v 2-kh t. T. 1. Teksty* [Paul Dubrux. Collected Works: in 2 volumes. Vol. 1. Texts]. Comp. and ed. I.V. Tunkina. St. Petersburg, Kolo Publ., 2010, pp. 13–101.

10. Khrapunov N.I. *Angliiskie puteshestvenniki i Krym. Konets XVIII – pervaia tret' XIX v.* [English Travelers and the Crimea, Late Eighteenth to the First Third of the Nineteenth Century]. Sevastopol, Al'batros Publ., 2022, 324 p.
11. Chernjavskaya N.E., Koltunova S.V. Specifics of the development of English journalism in the Victorian epoch and its evaluation in the Russian period in the late 19th century. *Mir nauki kul'tury i obrazovaniia* [The World of Science, Culture and Education], 2018, no. 5, pp. 491–493.
12. Antiquitiies of the Crimea in Russia. *The True Sun*, 1837, 20 October, no. 387.
13. Gaskell B. *Lady's Newspaper and Pictorial Times*. The British Newspaper Archive [site]. URL: https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/titles/ladys-newspaper-and-pictorial-times (date of access: 15.09.2025).
14. Gaskell B. *True Sun*. The British Newspaper Archive: [site]. URL: https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/titles/true-sun (date of access: 15.09.2025).
15. Hommaire de Hell X. *Les Steppes de la Mer Caspienne, le Caucase, la Crimée et la Russie méridionale. Voyage pittoresque, historique et scientifiqu*. Vol. 1–3. Paris, Chez P. Bertrand, 1843–1845.
16. *Lady's Newspaper*, 1847, 3 July, no. 27.
17. Mackenzie R.S. *Life of Charles Dickens*. Philadelphia, T.B. Peterson & Brothers, 1870, 510 p.

Информация об авторе

Айбабин И. А. – магистрант исторического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук.

Author information

Aibabin I. A. – Master's student of the Faculty of History of the State Academic University for the Humanities.

DOI: 10.29039/2413-189X.2025.30.581-588

ИНКОРПОРАЦИЯ КРЫМСКИХ ТАТАР В СОСЛОВНУЮ СТРУКТУРУ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX В. (ПО АРХИВНЫМ ДОКУМЕНТАМ)

Зарема Зудиевна Хайрединова
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия
hzarema2@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-8334-7688

Аннотация. В статье рассматривается сословная структура крымских татар периода Крымского ханства, а также изменения, связанные с инкорпорацией в сословную структуру Российской империи. В период Крымского ханства произошло укрепление сословной иерархии. Во главе государства находились ханы с обширным двором, влиятельная аристократия, мусульманское духовенство, свободное мусульманское население: ремесленники, торговцы, крестьяне. Особую роль в мусульманском духовенстве играли кадии – мусульманские судьи-чиновники, возглавлявшие судебные округа (кадылыки, каза). С присоединением Крыма к России изменился статус и круг обязанностей кадия. На рубеже XVIII–XIX вв. произошла определенная трансформация крымскотатарских сословий, связанная, прежде всего, с включением Крыма в российское законодательное поле. В статье представлены материалы результатов V ревизии 1796 года и отчета Таврического губернатора за 1816 года, в которых выявлены статистические данные по крымскотатарским сословиям в рассматриваемый период. Инкорпорация крымских татар в сословную структуру Российской империи для части крымскотатарских сословий к середине XIX в. была не завершена. На данном этапе исследования выявлено, что в соответствии с российским законодательством в среде крымских татар на рубеже XVIII–XIX вв. начинает оформляться купеческое сословие.

Ключевые слова: крымские татары, сословная структура, крымскотатарская знать, мусульманское духовенство, ремесленничество, купечество, крымскотатарское крестьянство

THE INCORPORATION OF CRIMEAN TATARS INTO THE ESTATE STRUCTURE OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE LATE EIGHTEENTH AND EARLY NINETEENTH CENTURIES (ACCORDING TO ARCHIVAL DOCUMENTS)

Zarema Z. Khayredinova
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
hzarema2@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-8334-7688

Abstract. This article examines the estate structure of the Crimean Tatars in the age of Crimean Khanate, as well as its changes in result of the incorporation into the estate structure of the Russian Empire. Through the age of the Crimean Khanate, the estate hierarchy strengthened, comprising of the khans and their extensive courts at the head of the state, and also influential aristocracy, Muslim clergy, and free Muslim population consisting of artisans, merchants, and peasants. Special role among the Muslim clergy was played by *kadi* (pl. *kadiler*), or judges and officials who headed judicial districts (*kadılık,* pl. *kadılıklar*; kaza, pl. *kazalar*). The Russian annexation of the Crimea changed *kadi*'s status and responsibilities. At the turn of the eighteenth and nineteenth centuries, there was a certain transformation of the Crimean Tatar estates, primarily related with the incorporation of the Crimea into the Russian legal system. This article presents the results of the V census of 1796 and the 1816 Taurida governor's report, uncovering statistical data on the Crimean Tatar estates during the period under study. By the mid-nineteenth century, the incorporation of the Crimean Tatars into the estate structure of the Russian Empire was not completed for the case of some of the Crimean Tatar estates. This stage of the research has revealed that, in accordance with Russian legislation, merchants' estate began to emerge among the Crimean Tatars at the turn of the eighteenth and nineteenth centuries.

Keywords: Crimean Tatars, estate structure, Crimean Tatar nobility, Muslim clergy, craftsmen, merchants, Crimean Tatar peasantry

История формирования и развития сословной структуры крымских татар остается одной из малоисследованных тем. Несмотря на большое количество публикаций, посвященных отдельным аспектам истории крымских татар, исследование сословий внутри крымскотатарского общества остается малоизученным. Особую актуальность приобретает изучение изменений сословной структуры крымских татар в переломные эпохи – начиная с обретения государственности (период Крымского ханства) и присоединения Крыма к России (период Российской империи). Как считают исследователи, «именно в такие эпохи, когда меняются социально-экономические и политические ориентиры, сословиям приходится искать свое место в новых для них окружающих реалиях» [26, с. 5].

С формированием Крымского ханства как государственного образования происходит закрепление сословных групп уже в законодательном поле. Сословная стратификация в крымскотатарском обществе становится оформленной и структурированной. В первую очередь, это связано с тем, что в период независимости в 1443–1475 гг. в ханстве утвердился суннитский вариант ислама ханифитского мазхаба в качестве государственной религии. Несмотря на то, что с 1475 г. «вассалитет Крымского ханства от Османской империи носил весьма своеобразный характер и отличался рядом особенностей» [9, с. 413], сословная стратификация имела тенденцию к укреплению.

Формирование системы власти и управления под эгидой Гераев дает возможность проследить развитие сословий в крымскотатарском обществе периода Крымского ханства. Являясь одним из преемников Золотой Орды, Крымское ханство унаследовало ее основные государственные институты и традиции управления. По мнению Р. Ю. Почекаева, «особенности как внутреннего, так и внешнего положения этого государства обусловили их значительную трансформацию, восприятие иностранного опыта в государственной сфере, а также учет местных особенностей Крыма и прилегающих территорий, что позволяет говорить о самобытности структуры власти в Крымском ханстве» [9, с. 409].

Во главе государства находились ханы из династии Гераев – потомков Хаджи Герая. При хане существовал обширный двор, в который входили *калга-султан*, *нураддин*, как правило близкие родственники хана – братья, сыновья, племянники. Большим влиянием при дворе пользовались представительницы ханского рода – матери, жены и дочери ханов.

Следующую ступень сословной структуры занимала влиятельная аристократия, которую условно можно разделить на две основные группы: «старая знать» и рода, ставшие знатью во время существования ханства. К «старой знати» относили четыре самых крупных и влиятельных аристократических родов, главы которых формировали при хане так называемый совет карачи-беев. Если во второй половине XV в. в совет карачи-беев входили Ширины, Барыны, Аргыны и Кипчаки, то в первой половине XVI в. ханы предоставили аналогичный статус предводителям еще двух родов – Мансур (Мангыт) и Сиджеут [9, с. 413]. Вот, что об этом писал Сейид-Мухаммед Риза: «…До тех пор из татарских родов роды Ширин, Барын, Аргын и Кыпчак отличались от прочих тем, что их беки были *карачиями*. Хан [Сахиб-Герай] возвысил и представителей рода Седжеут. Вместе с тем, в награду за услугу, оказанную Баки-биком, убившим Ислям Герай-хана, отдал он ему в распоряжение род Атай-ходжа; таким образом, почтил он и род Мансуров…» [17, с. 16–17; 8, с. 415]. К «старой знати» можно отнести также род Яшлавских, которые достигли наибольшего могущества в XVI в. и «к середине XVIII в. позиции рода, по-видимому, ослабели, хотя он все еще занимал важные позиции при дворе» [9, с. 474].

Вторую группу составляли рода, ставшие знатью уже во время существования ханства. Как правило, это те рода, которые прибыли на полуостров из Турции, Кавказа и Средней Азии, поступая на службу непосредственно ханам (*капы-халки, капы-кулу*). Так, «к концу истории существования крымскотатарского государства наиболее влиятельные рода служилой знати сравнились или даже превосходили по влиянию отдельные рода *карачи*», отмечает А. А. Шейхумеров [9, с. 472].

Значение и статус служилой знати существенно изменились, когда крымский корпус *капы-кулу* стали формировать представителями иноэтничного населения (преимущественно черкесами) [9, с. 476]. Всего в Крымском ханстве существовало как минимум 48 родов *капы-кулу* [18, с. 56; 9, с. 476].

Одними из наиболее влиятельных родов *капы-халкы* черкесского происхождения были род Аратук (Аратук-Едилер) и род Салгир (Салгирские); кавказского происхождения род Балатуковых; турецкого происхождения род Булгаковых; кумыкского происхождения роды Бораганские и Узденниковы; туркменского происхождения род Крымтаевых, «из древних ногайских мурз» род Меркитских; «одна из ветвей знаменитого рода Мангытов» Ногай-оглу (Ногайские) и др. [21, с. 35, 40–41; 14, с. 24; 11, с. 98; 12, с. 80; 14, с. 344–349; 18, с. 55–56; 22, с. 165; 9, с. 476–477].

К аристократии Крымского ханства можно также отнести *аталыков*, которые, как и карачи-беи, пользовались большим влиянием при ханском дворе. Аталыки, являясь бывшими воспитателями царевичей из рода Гераев, даже после их взросления (и вступления на престол) сохраняли статус своеобразных наставников-советников.

Особое место в сословной иерархии крымскотатарского общества занимало мусульманское духовенство. Являясь государственной религией, ислам влиял на все стороны жизни Крымского ханства, как в системе власти и управления, так и на уровне местного самоуправления и повседневной жизни. Значительное влияние в Крымском ханстве имели представители высшего мусульманского духовенства – *сейиды*, *муфтии*, *шейх-уль-исламы* и *кади-аскеры*. Как правило, они обладали соответствующим авторитетом в политических делах и упоминались в ханских ярлыках среди представителей власти [9, с. 413; 10, с. 114–130; 7, с. 54].

Согласно административно-территориальному делению Крымского ханства на каймаканства (наместничества, уезды) и кадылыки (каза), формировались судебные округа. Во главе кадылыков (или каза) стояли *кадии* – мусульманские судьи-чиновники. *Кади-аскер* – войсковой судья или великий судья, эта духовная должность давала право в дальнейшем получить звание муфтия. Кади-аскер утверждал решения особых дворянских судов, руководствуясь советами муфтия.

В целом, судейская правовая культура Крымского ханства была основана на деятельности шариатских судов, главную роль в которых играли преимущественно мусульманские правоведы. Согласно «Кадиаскерским тетрадям» XVII в. (оригинальное назнавание – Алсукук аш-шарият ва с-сиджилят аль-марийят), в ведении шариатских судей находились земельные споры, семейные (брак и развод) и наследственные дела, случаи приобретения и отпуска на волю рабов (крепостные акты), вопросы опеки и попечительства, оформление вакфов и т.д. [9, с. 446].

Следует отметить, что формированию духовного сословия предшествовали появление и распространение суфийских идей, начиная с середины XIII века. Позднее, по описаниям турецкого путешественника Эвлии Челеби, в Крыму было уже большое количество *текие* (обители дервишей). Например, в Бахчисарае и в Кефе он насчитал по девять текие, а в Акмечети и Гезлеве – по три. По его данным, три акмечетские текие были основаны представителями разных суфийских орденов и содержались ими. Одно из них – *хальвети* – представляло собой суфийское братство, сложившееся в конце XIV в. в Иране. Другое – братство *чуюнджили* – объединяло последователей Мехмеда-эфенди из селения Чуюнджи. И, наконец, *колечли* – орден приверженцев идей известного суфия Ахмеда-эфенди из селения Колеч близ Кефе. Малоисследованной остается история формирования внутри духовенства ученого сословия и суфийских шейхов [2].

Свою нишу в сословной структуре ханства занимало и крымскотатарское ремесленничество, которое, как известно, составляло основу городского населения Крымского ханства. Ремесленники объединялись по цеховому принципу, так же как и во многих исламских землях [9, с. 494]. Основной ячейкой такой организации были *эснафы* **(**от арабского – сословие, цех, разряд) – ремесленно-религиозные объединения – цехи, получившие распространение на территории Османской империи и в Крыму. Как отмечает И. В. Зайцев, «этот принцип пережил на полуострове падение ханства, просуществовав до начала XX века» [9, с. 494]. Цеховые корпорации, в которые объединялись ремесленники, защищали, в первую очередь, интересы производителей и способствовали благоприятным условиям развития ремесла [1, с. 17]. Ремесленники пользовались широкими правами и привилегиями, нередко они же являлись торговцами [14, с. 8].

Ремесленники пользовались уважением в обществе, а их деятельность приносила стабильный доход. Существовали целые корпорации ремесленников, которые специализировались на конкретных видах товара. Так, в Крыму сформировались цехи земледельцев, пастухов, кожевников, плотников, кузнецов, литейщиков (мастера-литейщики – тёкмеджилер – железные казаны всех размеров славились далеко за пределами Крыма), медников-лудильщиков, сапожников-сафьянщиков, золотых дел мастеров, пекарей и многих других. По заключению У. Боданинского, число их доходило до 50 [6, с. 22; 9, с. 495]. Каждый цех имел свой устав «Селеф-наме», а в состав цеха входил *уста* (мастер), *калфа* (подмастерья), *шергит* (ученики-мальчики), во главе стоял главный мастер – *уста-баши*, с двумя помощниками: *гигит-баши* (по административной части) и *чауш* (нечто в роде курьера) [9, с. 496].

Путешествовавший по Крыму в 1793 г. академик П. С. Паллас насчитал в Бахчисарае 517 лавок, «из них 121 с шелковыми и другими красными товарами, 41 лавка с седлами и другими кожаными вещами очень красивой работы, лавок со съедобными вещами 135, с обувью 24. 23 лавки, где продаются большие и малые татарские ножи, которые очень ценятся по своей прочности … пять лавок с котлами и металлической посудой <…> 19 лавок портных, шесть серебрянщиков, пять оружейных мастеров, восемь башмачников, девять лавок с деревянной посудой и другими местными поделками, пять, где делают шерстяные канаты и другие веревки, восемь бондарен, семь лавок с бурками, плащами от дождя и пр., четыре горшечника, восемь лавок с трубками и чубуками <…> 13 кожевенных заводов, шесть кузниц <…> семь лавок, где производится резная работа на дереве» [15, с. 77].

В период Крымского ханства крымские татары-крестьяне представляли собой весьма значительную часть крымскотатарского общества. Они вели собственное хозяйство и соотносили себя с общиной (*джемаат*). Основными занятиями оставались овцеводство, виноградарство и садоводство.

После присоединения Крыма к России в 1783 г. сословная структура крымских татар претерпела некоторые изменения, вызванные необходимостью легитимации сословных групп населения в российском правовом поле.

Так, правительством были предоставлены существенные льготы мурзам и беям, которых причислили к дворянскому сословию, однако лишь при условии предъявления ими ханских грамот, подтверждавших их благородное происхождение. Имения мурз и беев становились наследственными. Процесс причисления крымскотатарских мурз и беев к российскому дворянству осуществлялся постепенно, и лишь к середине XIX в. был в целом урегулирован.

В архивных документах сохранились важные сведения о численности крымскотатарского дворянства. Так, в отчете таврического губернатора за 1816 г. приведены следующие данные о количестве мурз. Например, в Евпаторийском уезде мурз было 184, в Феодосийском уезде – 35, в Перекопском уезде – 73, в Днепровском уезде – 88, в Мелитопольском уезде – 227, в Бахчисарае – 22, в Карасубазаре – 13. В общей сложности в вышеперечисленных уездах насчитывалось 642 мурзы. Вместе с тем очевидно, что выявленные показатели все же выглядят неполными, так как отсутствуют данные по Симферополю и Симферопольскому уезду [ГАРК, ф. 26, оп. 1, д. 2486, л. 16, 35, 48, 85, 193, 247, 251].

Мусульманское духовенство после присоединения Крыма к России оставалось «на прежних основаниях». Духовное сословие, так же как и мурзы и беи, находилось в привилегированном положении. В отчете по Таврической губернии за 1816 г. приведены следующие сведения о численности мусульманского духовенства. Так, в Евпаторийском уезде улемов числилось 1062 человека, в Феодосийском уезде – 926, в Перекопском уезде – 1410, в Днепровском уезде – 161, в Мелитопольском уезде – 531, в Евпатории – 175, в Перекопе – 16, в Бахчисарае – 245, в Карасубазаре – 144 [ГАРК, ф. 26, оп. 1, д. 2486, л. 16, 35, 48, 85, 193, 203, 223, 247, 251]. Согласно данной ведомости, в 1816 г. в Таврической губернии было зафиксировано 6170 представителей мусульманского духовенства. Относительно численности улемов по Симферополю и Симферопольскому уезду в архивных документах данные отсутствуют.

После 1783 г. в отдельное сословие были выделены купцы. Известно, что сословные права и привилегии купечества законодательно были утверждены в 1785 г. в «Жалованной

грамоте городам» [16, с. 344–358; 23, с. 209]. Так, согласно ведомости 1792 г., сохранились сведения о количестве купцов-крымских татар. Следует заметить, что купцов 1-й и 2-й гильдий среди крымских татар не было. Купцов 3-й гильдии в городах Таврической губернии всего насчитывалось 431, из которых 117 – крымские татары (27,1% от общего числа купцов в данной гильдии) [ГАРК, ф. 792, оп. 1, д. 208, л. 110–110об.].

В 1796 г. по результатам V ревизии населения была представлена выписка экспедиции о числе купцов, мещан и помещичьих крестьян в Таврической губернии [ГАРК, ф. 792, оп. 1, д. 512, л. 20–27]. Как и четырьмя годами ранее, купцов 1-й и 2-й гильдий среди крымских татар не было зафиксировано. В архивной ведомости крымские татары представлены только в 3-й гильдии. Так, в Симферополе их было всего 4, в Бахчисарае – 141, Карасубазаре – 17, в Евпатории – 44, в Перекопе – 87. Таким образом, купцов из числа крымских татар в Таврической губернии на 1796 г. уже насчитывалось 293 человека. За четыре года количество купцов-крымских татар увеличилось на 176 человек, что примерно составило 25,5% от общего числа купцов 3-ей гильдии [там же].

В этом же документе выявлены сведения о крымских татарах, представителях мещанского сословия. Так, в Симферополе к нему было причислено 280 человек, в Бахчисарае – 1672, в Карасубазаре – 850, в Евпатории – 1116, в Перекопе – 340. Таким образом, крымских татар-мещан (или городских обывателей) в 1796 г. в Таврической губернии всего насчитывалось 4258 человек [там же].

В 1796 г. по результатам V ревизии населения была составлена выписка о количестве ремесленников, однако сведения также носят фрагментарный характер. Например, «цеховые» указаны лишь в Евпатории и Перекопе. В частности, в Евпатории крымских татар-ремесленников проживало 115 человек, а в Перекопе в число ремесленников в ведомость внесены только 17 ремесленников-крымских татар [ГАРК, ф. 792, оп. 1, д. 512, л. 23–23об.].

В отчете Таврического губернатора за 1816 г. приведены следующие сведения. В ведомости по городу Бахчисараю показаны 20 заводов, принадлежащих крымским татарам [ГАРК, ф. 26, оп. 1, д. 2486, л. 246], при этом количество ремесленников доходило до 375 человек, а в Карасубазаре ремесленников было 308 [там же, л. 247–251].

Крымские татары-ремесленники показаны и в поуездной ведомости в трех уездах: в Симферопольском уезде их было 715, в Евпаторийском – 87 и в Перекопском – 317. Всего же в уездах Таврической губернии значилось 1119 ремесленников из числа крымских татар [там же, л. 273]. Вместе с тем, вопрос о численности ремесленников требует дополнительного исследования.

Основу крымскотатарского общества составляли крестьяне, которые и в период присоединения Крыма к России оставались лично свободными, но были «переданы» в казенное ведомство и в документах значились как «казенные поселяне татары».

Численность крымских татар-поселян показана в ведомости 1796 г., в которой представлены категории жителей Таврической губернии «казенного ведомства неположенных в оклад». Например, численность крымских татар-крестьян по уездам представлена следующими цифрами: в Симферопольском уезде – 17 116 человек, в Евпаторийском уезде – 11 226, в Феодосийском – 11 455, в Перекопском – 16 920, в Днепровском – 2 832. Всего же во всех уездах общее число крестьян-крымских татар составило 59 549 человек [ГАРК, ф. 792, оп. 1, д. 512, л. 26–27].

В отчете по Таврической губернии за 1816 г. приведены сведения о численности крымских татар крестьян-поселян. В Евпаторийском уезде крестьян-крымских татар числилось 15 236 человек, в Феодосийском уезде – 18 589, в Перекопском уезде – 22 117, в Днепровском уезде – 7 106, в Мелитопольском уезде – 15 696, в Перекопе – 91, в Карасубазаре – 155 [ГАРК, ф. 26, оп. 1, д. 2486, л. 16, 35, 48, 85, 193, 223, 251]. Таким образом, крестьян-поселян из числа крымских татар в 1816 г. всего по губернии насчитывалось 78 990 человек.

Проанализированные материалы позволяют сделать вывод о том, что развитие сословной структуры крымских татар происходило в период Крымского ханства и подверглось определенной трансформации после присоединения Крыма к России. В период существования Крымского ханства наряду с укреплением государственных институтов значительную роль

в формировании сословий и сословных групп играли не только ханский двор, мурзы и беи, но и высшее мусульманское духовенство. Можно сделать вывод о том, что определенные трансформации в сословной структуре крымских татар с присоединением Крыма к России были связаны, прежде всего, с тем, что в Российской империи процессы законодательного регулирования сословных прав и привилегий происходили примерно в это же время. Так, в конце XVIII – начале XIX в. в среде крымских татар в соответствии с российским законодательством оформляется купеческое сословие 1-й, 2-й и 3-й гильдий, а крестьяне-поселяне продолжают оставаться лично свободными, при этом за ними закрепляется статус государственных крестьян.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдулла Г. Ремесленные производства в Крымском ханстве // Qasevet. 2012. № 40. С. 15–17.
2. Абдульваапов Н.Р. Актуальные проблемы изучения истории суфизма в Крыму // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. 2005. № 3. С. 179–192.
3. Абдульваапов Н.Р. К истории науки, образования и литературы в Крыму в период Золотой Орды. // Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры. 2015. № 1. С. 30–45.
4. Абдульваапов Н.Р. Мусульманские ученые Крыма // Qasevet. 2011. № 38. С. 44–48.
5. Абдульвапов Н.Р. Суфизм и начальный этап активного распространения ислама в Крыму // Культура народов Причерноморья. 2006. № 79. С. 140–149.
6. Боданинский У. Археологическое и этнографическое изучение татар в Крыму. Реконструкция народного хозяйства в Крыму. Вып. 2. Симферополь, 1930. 31 с.
7. Бойцова Е.Е. Ислам в Крымском ханстве. Севастополь: НПЦ «ЭКОСИ-Гидрофизика», 2004. 160 с.
8. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о Касимовских царях и царевичах. СПб.: В типогр. Императорской АН, 1864. Ч. 2. 498 с.
9. История крымских татар: в 5-ти т. Т. III. Крымское ханство XV–XVIII вв. / Отв. ред. И.В. Зайцев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021. 1024 с.
10. Исхаков Д.М. Институт сейидов в Улусе Джучи и позднеордынских турко-татарских государствах. Казань: Фэн, 2011. 228 с.
11. Мавріна О.С. Матеріали щодо дворянства ногайців у фонді Таврійського губернського дворянського депутатського зібрання Державного архіву АР Крим // Сходознавство. 2011. № 55–56. С. 93–104.
12. Мавріна О.С. Кримський рід мурз Меркітських у XIX столітті // Сходознавство. 2012. № 60. С. 76–88.
13. Маврина О.С. Мурзы рода Аратук в Крыму в первой половине XIX века // Боспорские исследования. 2014. Вып. XXX. С. 344–351.
14. Муфтийзаде И. Очерк военной службы крымских татар с 1783 по 1899 год: по архивным материалам // ИТУАК. 1899. № 30. С. 1–24.
15. Паллас П.С. Путешествие по Крыму академика Палласа; в 1793 и 1794 годах (перевод с немецкого) // ЗООИД. 1881. Т. 12. С. 62–208.
16. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 22 (1784–1788). СПб.: тип. II Отд-я Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830.
17. Сейид-Мухаммед Риза. Семь планет в известиях о царях татарских. Книга 1: Транслитерация / авт. предисл., транслитерация, подготовка к изданию Р.Р. Абдужемилев; под общ. и науч. ред. И.М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 364 с.
18. Сичаева Г.А. Формирование и становление крымскотатарского дворянства // Приволжский научный вестник. 2015. № 6–1(46). С. 53–57.
19. Смирнов В.Д. Крымское ханство XIII–XV века. М.: Вече, 2011. 336 с.
20. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887. 768 с.
21. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII веке. Одесса, 1889.
22. Хайрединова З.З. Крымскотатарские мурзы и беи на страницах дворянских родословных книг Таврической губернии // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2015. Т. 1(67), № 3. С.163–171.
23. Хайрединова З.З. Крымскотатарское купечество в конце XVIII – начале XIX вв.: по материалам архивных источников // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2016. Т. 2(68), № 3. С. 209–214.
24. Хайрединова З.З. Крымскотатарское ремесленничество как сословие в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2017. Т. 14. № 1. URL: http://j-spacetime.com/actual%20content/t14v1/2227-9490e-aprovr_e-ast14-1.2017.22.php (дата обращения: 24.10.2025)

25. Челеби Э. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века / Пер. и ком. Е. В. Бахревского. Симферополь: Доля, 2008. 272 с.
26. Эволюция сословной структуры общества Центрального Черноземья в пореформенный период (на примере Курской губернии) / Под ред. В.А. Шаповалова. Белгород: Изд-во Бел-ГУ, 2005. 428 с.

REFERENCES

1. Abdullah G. Handicraft production in the Crimean Khanate. *Qasevet*, 2012, no. 40, pp. 15–17.
2. Abdulvaapov N.R. Actual problems of studying the history of Sufism in the Crimea. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo* [Scientific Notes of V.I. Vernadsky Tauride National University], 2005, no. 3, pp. 179–192.
3. Abdulvaapov N.R. On the History of Science, education and Literature in the Crimea during the Golden Horde. *Voprosy krymskotatarskoi filologii, istorii i kul'tury* [Questions of Crimean Tatar philology, history and culture], 2015, no. 1, pp. 30–45.
4. Abdulvaapov N.R. Muslim scholars of Crimea. *Qasevet*, 2011, no. 38, pp. 44–48.
5. Abdulvapov N. Sufism and the initial stage of the active spread of Islam in the Crimea. *Kul'tura narodov Prichernomor'ia* [Culture of the peoples of the Black Sea region], 2006, no. 79, pp.140–149.
6. Bodaninsky U. *Arkheologicheskoe i etnograficheskoe izuchenie tatar v Krymu. Rekonstruktsiia narodnogo khoziaistva v Krymu* [Archaeological and ethnographic study of the Tatars in the Crimea. Reconstruction of the national economy in Crimea]. Vol. 2. Simferopol, 1930, 31 p.
7. Boitsova E.E. *Islam v Krymskom khanstve* [Islam in the Crimean Khanate]. Sevastopol, ECOSI-Hydrophysics Publ., 2004, 160 p.
8. Velyaminov-Zernov V.V. *Issledovanie o Kasimovskikh tsariakh i tsarevichakh* [Research on Kasimov tsars and tsarevichs]. Part 2. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ., 1864, 498 p.
9. Zaitsev I.V. (ed.), *Istoriia krymskikh tatar: v 5-ti t. T. III. Krymskoe khanstvo XV–XVIII vv.* [The history of the Crimean Tatars. In 5 volumes. Vol. III. The Crimean Khanate of the XV–XVIII centuries]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan Publ., 2021, 1024 p.
10. Iskhakov D.M. *Institut seiidov v Uluse Dzhuchi i pozdneordynskikh turko-tatarskikh gosudarstvakh* [The Seyid Institute in the Jochi Ulus and the Late Horde Turkish-Tatar states]. Kazan, Feng Publ., 2011, 228 p.
11. Mavrina O.S. The Crimean Merkit family in the 19th century. *Skhodoznavstvo* [Oriental studies], 2012, no. 60, pp. 76–88.
12. Mavrina O.S. Materials of the nobility of nogaitsi at the foundation of the Taurian Provincial Noble Deputy Council of the Sovereign Archiv AR Krim. *Skhodoznavstvo* [Oriental studies], 2011, no. 55–56, pp. 93–104.
13. Mavrina O.S. Murzas of the Aratuk family in the Crimea in the first half of the 19th century. *Bosporskie issledovaniia* [Bosporos Studies], 2014, vol. 30, pp. 344–351.
14. Muftizade I. An essay on the military service of the Crimean Tatars from 1783 to 1899: based on archival materials. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii* [Proceedings of the Taurida Lerned Archival Commission], 1899, no. 30, pp. 1–24.
15. Pallas P.S. The journey through the Crimea of Academician Pallas; in 1793 and 1794 (translated from German). *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei* [Proceedings of the Odessa Society for History and Antiquities], 1881, vol. 12, pp. 62–208.
16. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe* [The Complete Collection of laws of the Russian Empire. The first meeting]. St. Petersburg, 1830. Vol. 22 (1784–1788).
17. Sayyid-Mohammed Riza. *Sem' planet v izvestiiakh o tsariakh tatarskikh. Kniga 1: Transliteratsiia* [Seven planets in the news about the Tartar Tsars. Book 1: Transliteration]. Author's preface, transliteration, preparation for publication by R.R. Abduzhemilev; under total. and scientific editorship by I.M. Mirgaleev. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan Publ., 2019, 364 p.
18. Sichaeva G. A. Formation and formation of the Crimean Tatar nobility. *Privolzhskii nauchnyi vestnik* [Volga Region Scientific Bulletin], 2015, No. 6-1(46), pp. 53–57.
19. Smirnov V.D. *Krymskoe khanstvo XIII–XV veka* [The Crimean Khanate of the 13th – 15th centuries]. Moscow, Veche Publ., 2011, 336 p.
20. Smirnov V.D. *Krymskoe khanstvo pod verkhovenstvom Ottomanskoi Porty do nachala XVIII veka* [The Crimean Khanate under the rule of the Ottoman Porte until the beginning of the XVIII century]. St. Petersburg, 1887, 768 p.
21. Smirnov V.D. *Krymskoe khanstvo pod verkhovenstvom Ottomanskoi Porty v XVIII veke* [The Crimean Khanate under the rule of the Ottoman Porte in the XVIII century]. Odessa, 1889.
22. Khayredinova Z.Z. Crimean Tatar murzas and beys on the pages of noble genealogical books of the Taurida province. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki* [Scientific Notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Cultural studies], 2015, vol. 1 (67), no. 3, pp.163–171.
23. Khayredinova Z.Z. Crimean Tatar merchants in the late XVIII – early XIX centuries: based on archival sources. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki* [Scien-

tific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences], 2016, vol. 2(68), no. 3, pp. 209–214.
24. Khayredinova Z.Z. Crimean Tatar handicraft as a class at the end of the XVIII – first half of the XIX centuries. *Elektronnoe nauchnoe izdanie Al'manakh Prostranstvo i Vremia* [Electronic scientific publication Almanac Space and Time], 2017, vol. 14, no. 1, p. 8. URL: http://j-spacetime.com/actual%20content/t14v1/2227-9490e-aprovr_e-ast14-1.2017.22.php
25. Chelebi E. *Kniga puteshestviia. Krym i sopredel'nye oblasti. Izvlecheniia iz sochineniia turetskogo puteshestvennika XVII veka* [The Book of Travel. Crimea and adjacent regions. Extracts from the writings of a Turkish traveler of the 17th century]. Translated and edited by E.V. Bakhrevsky. Simferopol, Dolya Publ., 2008, 272 p.
26. Shapovalov V.A. (ed.). *Evoliutsiia soslovnoi struktury obshchestva Tsentral'nogo Chernozem'ia v poreformennyi period (na primere Kurskoi gubernii)* [The Evolution of the Social Structure of the Central Chernozem Region in the Post-Reform Period (Based on the Kursk Province)]. Belgorod, Belgorod State University Publ., 2005, 428 p.

Информация об авторе

Хайрединова З. З. – кандидат исторических наук, доцент кафедры религиоведения и философии культуры философского факультета, института «Таврическая академия» Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.

Author information

Khayredinova Z. Z. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Religious Studies and Philosophy of Culture, Faculty of Philosophy, Acting Dean of the Faculty of Philosophy, Institute "Taurida Academy", V.I. Vernadsky Crimean Federal University.

DOI: 10.29039/2413-189X.2025.30.589-596

НОВОРОССИЙСКИЙ ВОЕННЫЙ ГУБЕРНАТОР И. И. МИХЕЛЬСОН И ЕГО «ЗАПИСКА О ЗЕМЛЕВЛАДЕНИИ В КРЫМУ» (1802 Г.)

Денис Валериевич Конкин
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Россия
denis_konkin@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-6966-9963

Аннотация. В статье впервые вводится в научный оборот «Записка генерала от кавалерии Михельсона И. И. о землевладении в Крыму» (1802 г.). Автор документа известен, прежде всего, как военачальник, ключевой участник подавления пугачевского восстания. Но помимо военной карьеры некоторое время являлся военным губернатором Новороссийской губернии. В качестве регионального начальника большое внимание уделял проблеме крымского землевладения, связанной с нелегитимными раздачами земель российским помещикам. В представленной «Записке» Михельсон излагает суть проблемы и предлагает свои варианты по ее решению, квалифицированно апеллируя к законодательным инициативам Екатерины II и Павла I, а также к исторически сложившимся обычаям и порядкам в системе землевладения времен Крымского ханства. Важным обстоятельством является тот факт, что «Записка» была прочитана императором Александром I, а затем передана в специализированный орган по преобразованию региона – Новороссийский Комитет – для дальнейшего обсуждения.

Ключевые слова: Российская империя, Крым, крымские татары, проблемы землевладения, Александр I, И. И. Михельсон

Благодарности: Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда и Республики Крым, проект № 25-28-20072 «Инструментализация истории: использование прошлого Крыма в России и за рубежом, 1783–1853 гг.», https://rscf.ru/project/25-28-20072/.

NEW RUSSIA GOVERNOR I. I. MIKHEL'SON AND HIS "MEMOIR OF THE LAND-OWNERSHIP ON THE CRIMEA" (1802)

Denis V. Konkin
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
denis_konkin@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-6966-9963

Abstract. This article introduces the "Cavalry General I. I. Mikhel'son's "Memoir on the Land-Ownership in the Crimea" (1802) into the scholarly circulation. The author of the document is known primarily as a military commander and a key participant in the suppression of the Pugachev Rebellion. Apart from the military career, for a time he was the military governor of the New Russia Governorate. As regional administrator, Mikhel'son paid much attention to the issue of land-ownership in the Crimea, which was related to illegal land distributions to Russian land-owners. In this "Memoir," Mikhel'son outlined the essence of the matter and proposed possible solutions, expertly citing the legislative initiatives of Catherine II and Paul I, as well as the historically established customs and practices of the land-ownership system from the age of the Crimean Khanate. Importantly, the "Memoir" was read by Emperor Alexander I and then submitted to the specialized body responsible for reforms in the region, or the New Russia Committee, for further discussion.

***Keywords*:** Russian Empire, Crimea, Crimean Tatars, land-ownership problems, Alexandre I, I. I. Mikhel'son

Acknowledgments: This study was funded by the Russian Science Foundation and the Republic of the Crimea, project no. 25-28-20072 *Instrumentalization of History: The Use of the Past of the Crimea in Russia and Abroad, 1783–1853,* https://rscf.ru/project/25-28-20072

Известный российский военачальник немецкого происхождения Иван Иванович Михельсон (1740–1807) в исторической ретроспективе наибольшую известность получил в качестве эффективного боевого офицера, командира подразделения, нанесшего ряд фатальных пора-

жений армии Пугачева в заключительный период крестьянской войны 1773–1775 гг. [11; 10, с. 501]. Между тем, в жизни И. И. Михельсона вполне предсказуемо, помимо яркого эпизода связанного с Пугачевым, значилось достаточно много иных событий, которые нешаблонно характеризуют личность данного исторического персонажа. В некоторых случаях убеждения Михельсона, его видение проблемных ситуаций оказывали определенное влияние и на внутриполитические процессы в российском государства, в том числе и связанные с Крымом.

В феврале 1800 г. заслуженный генерал по распоряжению императора Павла I был назначен военным губернатором (отвечавшим и за управление гражданской частью) обширной Новороссийской губернии [9, с. 226], объединявшей в себе в это время северопричерноморские территории России [12, т. 24, № 17634, с. 229–230]. И. И. Михельсон сразу же глубоко и добросовестно погрузился в изучение региональных дел, важной частью которых являлся обострившийся землевладельческий кризис в Крыму. Проблема состояла в том, что начавшиеся на полуострове после 1783 г. массовые раздачи земель российским помещикам осуществлялись порой без учета прав на эти земли местного мусульманского населения, хотя права эти, пусть и в декларативной форме, но были изначально гарантированы манифестом о присоединении Крыма к Российской империи и дальнейшими указами Екатерины II [5]. Военный губернатор незамедлительно обратил внимание на слабую эффективность действовавшей в Крыму с 1798 г. «Комиссии, учрежденной для разбирательства претензий татарских поселян на земли, отданные владельцам» и распорядился активизировать ее деятельность [8, № 25, с. 131]. Причем заставить членов комиссии заняться разбором дел И. И. Михельсону удалось только после обращения в Акмечетский нижний земской суд, который обязал ее членов приступить к исполнению своих обязанностей [7, с. 67]. Серьезным препятствием для плодотворной работы Комиссии являлись недобросовестные свидетельства крымских татар по поводу собственнических прав на спорные земли. Для устранения таких проблем И. И. Михельсон заручился разрешением таврического муфтия Сеит Мегмет эфенди при освидетельствовании мусульман на заседаниях Комиссии использовать традиционную исламскую присягу «*талак*»[1], что должно было предостеречь местное население от дачи ложных показаний российским чиновникам [8, № 25, с. 131]. В результате исламский правовой обычай стал важным инструментом для решения актуальных вопросов в рамках официального российского имперского учреждения. Инициировал данное новшество именно И. И. Михельсон.

С восшествием на престол императора Александра I проблемы Новороссийского региона и Крыма продолжали оставаться в орбите первостепенного внимания столичной власти. В конце 1801 г. в Санкт-Петербурге был учрежден «Комитет о устроении Новороссийской губернии» (далее – Новороссийский Комитет), целью которого являлся поиск путей развития причерноморских провинций Российской империи. В состав совещательного органа вошли ключевые государственные деятели эпохи (В. П. Кочубей, Н. П. Румянцев, Г. Р. Державин, П. А. Зубов, А. Н. Оленин), ведущие эксперты по региону (К. И. Габлиц, Н. С. Мордвинов), а также местное начальство, включая и губернатора И. И. Михельсона [6]. В рамках Новороссийского Комитета дискуссии по поводу крымского землеустройства велись регулярно. Собственные мнения по данной проблеме предлагали Кочубей, Габлиц, Мордвинов [РГИА, ф. 1307, оп. 1, д. 4, 9, 13]. Не остался в стороне и Михельсон, донесение которого о земельных проблемах в Крыму было зачитано уже на втором заседании, состоявшемся 7 декабря 1801 г. [там же, д. 1, л. 5 об.].

В общих чертах можно констатировать, что все члены Новороссийского Комитета были едины в том, что осуществлявшаяся сразу после присоединения Крыма к Российской империи раздача земельных угодий новоприбывшим помещикам сопровождалась массовыми нарушениями. Но ключевая дилемма, кардинальным образом разделившая участников дискуссии, заключалась в том, стоило ли возвращать спорные земельные участки прежним хозяевам (главным образом, крымскотатарским крестьянам) или можно было компенсировать им утрату каким-либо иным способом.

[1] По-видимому, имелся в виду стандартный вариант мусульманской клятвы: «Валлахи, Биллахи, Таллахи» [14, с. 368–371; 1, с. 252–254], в официальном российском законодательстве зафиксированный только в середине XIX в., см.: [13, № 24117, с. 410–411].

Мнение И. И. Михельсона по этому поводу было предельно понятным. Он считал, что «неправильно взятые» земли необходимо «возвратить настоящему хозяину», то есть крымским татарам, лишившимся собственных владений [там же, д. 8, л. 2]. Причем в аргументации столь лояльной по отношению к местным мусульманам позиции важную роль играли апелляции к недавнему прошлому, связанному с процессами правовой интеграции полуострова в состав Российской империи. Например, новороссийский военный губернатор свою точку зрения подтверждал отсылками к манифесту Екатерины II «О принятии полуострова Крымского, острова Тамана и всей Кубанской стороны под Российскую Державу» от 8 апреля 1783 г. [12, т. 21, № 15708, с. 898] и более позднему сенатскому указу от 9 ноября 1794 г. [12, т. 23, № 17265, с. 585–589], в которых, по его мнению, было «свято обещано, даровано и утверждено, всем и всякого звания обитателям крымским свободное владение всеми им принадлежащими имениями…» [РГИА, ф. 1307, оп. 1, д. 8, л. 1]. И как раз для объяснения, в чем эти владения заключались и на какие категории татарского населения распространялись, важным иллюстративным элементом служили примеры из более отдаленного прошлого, официальные обращения к исторически сложившимся обычаям и порядкам времен Крымского ханства, которые российская власть обязалась соблюдать. К числу подобных традиций крымскотатарского землевладения относилась распространенная в исламе возможность любого мусульманина занимать пустопорожние участки с целью их обработки, обретая в дальнейшем собственнические права на них (т.н. *мева*т, «оживление мертвой природы» [2]), аналогов чему просто не существовало в действовавшем в России законодательстве. Именно такие земли, по-видимому, составляли «второй род» татарской собственности, о которых упоминал И. И. Михельсон в своей «Записке», согласно которой «…во всем прочем пространстве Крыма [*за исключением Горной и южнобережной части полуострова, принадлежавшей турецкому султану, а затем крымскому хану – Д.К.*] владеемая мурзами и татарами земля, доставшаяся им от предков сначала поселившихся на ней … принадлежала в собственность им не только вечно и потомственно, но и независимо ни от Султана, ни от Хана, ибо и никакими податьми не были им обязаны» [РГИА, ф. 1307, оп. 1, д. 7, л. 3об.].

Таким образом, адресные апелляции к прошлому (как к новообретенному российскому, так и малоизученному ханскому) являлись ключевым инструментом в попытках сформировать оптимальную крымскую действительность. В данном случае историческая инструментализация должна была послужить выполнению важной задачи по нормализации земельных отношений на полуострове, что было крайне актуально, поскольку предпринятые ранее радикальные инициативы Г. А. Потемкина по преобразованию Крыма не дали желаемого экономического эффекта.

«Записка» была адресована непосредственно императору Александру I. После царского прочтения документ был передан в Новороссийский Комитет для обсуждения. По этому поводу в протоколе заседания № 8, состоявшемся 28 января 1802 г., зафиксирована следующая запись: «Комитет … обратил внимание на вынесенное по Высочайшему Повелению действительным тайным советником графом Кочубеем представление, сделанное Его Императорскому Величеству генералом от кавалерии Михельсоном, о завладенных землях в Таврическом полуострове» [РГИА, ф. 1307, оп. 1, д. 1, л. 38]. Накануне этого заседания у И. И. Михельсона была возможность непосредственно пообщаться с Александром I и устно изложить свое видение проблемы, поскольку он оказался в числе приглашенных на званый императорский обед, состоявшийся 26 января 1802 г. [3, с. 53].

Автор представленного к публикации документа достаточно ясно изложил суть земельной проблемы в Крыму и предложил свой вариант её решения. При этом следует отметить, что у И. И. Михельсона отсутствовали земельные владения на полуострове, что давало ему возможность независимо от личных предпочтений анализировать крымскую ситуацию, не поддаваясь влиянию мощного лобби местных помещиков, главным спикером которых выступал еще один член Новороссийского Комитета Н. С. Мордвинов.

Оригинал «Записки генерала от кавалерии Михельсона о землевладении в Крыму» хранится в Российском государственном историческом архиве [РГИА, ф. 1307, оп. 1, д. 7, л. 1–4 об.]. Автор публикации выражает искреннюю признательность работникам архива за

возможность плодотворно и беспрепятственно работать с хранящимися там уникальными документами. При публикации сохранены особенности оригинальной орфографии, синтаксиса и пунктуации, а также специфика написания терминов, понятий, имен и топонимов.

(**л. 1**)

«Записка генерала от кавалерии Михельсона И.И. о землевладении в Крыму. 28 января 1802 г.».

Высочайшим именным указом от покойной Государыни Императрицы 1796 г. сентября 17-го бывшему генерал-губернатору Екатеринославскому и Таврическому князю Зубову данным по поводу всеподданнейшего представления депутатов крымских о неправильном завладении помещиками земель татарских, было повелено: «что касается отдачи некоторым владельцам, под видом оставшихся после вышедших заграницу татарских мурз и лежащих впусте земель, кои принадлежали татарским поселянам, о сем прикажете вы, чрез кого рассудите, учинить надлежащее рассмотрение и неправильно взятое настоящему хозяину возвратить или другим пристойным образом сделать удовлетворение»[2].

Повеление сие и от покойного Государя Императора [*Павла I – Д.К.*] указом бывшему Новороссийскому военному губернатору графу Коховскому[3] 2 декабря 1797 г. данным подтверждено и на попечение военного губернатора возложено к скорейшему концу привесть оное дело[4]. Для дела сего наряжена Комиссия из предводителя дворянства Акмечетского уезда и дворян тамошних; и Комиссия к делу приступила[5]. Но существо дела оказывается (**1 об.**) в обстоятельствах свыше возможности Комиссии решить оные, а именно:

С покорением Крыма под державу Российскую, когда казна приобрела земли одни прежде бывшие Ханские и Султанские, другие оставшиеся после выехавших за границу мурз и татар, из земель тех одни пустопорожие, другие с живущими на них селениями татарскими; тогда татары, кои были всегда народ вольный, частно никому не принадлежавший, сделались поселянами казенными, а земли пустопорожие угодно было раздать помещикам, как видно с намерением тем, чтобы они их заселили и другие полезные обзаведения на них сделали.

– В последовавших о раздаче земель сих ордерах князя Потемкина Таврического писано: в одном: отдать такую то деревню с ея округою [*здесь и далее подчеркнуто в оригинале – Д.К.*], в другом: отвесть дачу из казенных земель; в некоторых ограничивалось: из порожжих и никому не принадлежащих, и именно: для поселения, или для иных каких-либо заведений, говоря в некоторых: (**2**) и с тем, чтобы жителям ни малейшего утеснения оказано не было. Равномерно и в именных блаженной памяти Государыни Императрицы указах писано было с ограничением: под поселение, из казенных праздных земель, или при таких то деревнях земли и леса; а в других без ограничения, именуя просто дачу. Ни в одном не было сказано, чтобы отдать татар в чье-либо владение; а посему и кажется очевидно, что изъясненные повеления, имея единую цель умножение заселений, имели в виду округи и дачи одни пустые, после выехавших заграницу татар в пусте оставшиеся. Напротив, в следствие повелений оных розданы земли, и в числе земель и леса, не пустопорожие, кои бы заселения требовали, а такие, на коих целые селения казенных татар жили и живут. Под предлогом, что земли де те не собственные тех татар, а казенные (**Прим. а)** [*см. в конце текста – Д.К.*]). В иных же местах и собственные татарские в число розданных казенных помещиками присвоены.

– Таким образом помещики вместо заселения земель пустопорожих или заведений, для коих предназначена была дача оных, получив к селениям земли прилежащие, начали присваивать себе права, каковы прежние владельцы земель имели над татарами, неимеющими своих земель (**Прим. b)** [*см. в конце текста – Д.К.*]), а иные (**2 об.**) и увеличили уже сами собой сии права, требуя с татар повинностей, как с своих подданных, простирая право свое и на самые усадьбы татар, на их домы, сады, огороды, исконне во владении их бывшие.

[2] Полный текст указа, см.: [4, с. 16–17; 8, № 25, с. 95–97]. Данный указ не вошел в ПСЗРИ.

[3] М. В. Коховский, занимал пост Новороссийского военного губернатора с 29 ноября 1797 г. по 13 февраля 1800 г. [9, с. 226].

[4] Полный текст указа, см.: [8, № 25, с. 115]. Данный указ не вошел в ПСЗРИ.

[5] О данной Комиссии, см.: [7, с. 65–66].

Татары сами по себе считались поселянами казенными и неся повинности поселян, а по землям привлекаемы в повинность помещикам, вошли в споры против помещиков. Одни, отыскивая действительную собственность свою, которую они и при прежнем владении имели, а другие, претендуя собственностию их на то, что хотя принадлежало ранее [*т.е. до 1783 г. – Д.К.*] частным владельцам, коим платили они десятину, но по поступлении земель тех в казну [*после присоединения Крыма – Д.К.*], считают принадлежащими им, яко поселянам казенным к селениям их принадлежащим. Помещики же, одни, получив земли те от казны, другие – достав по купле уже от получивших, а иные и самовольно присваивая от татар в число им данного, все вообще на неповиновение татар, как бы их подданных, жалуются **(Прим. о Мордвинове)** [*см. в конце текста – Д.К.*].

В Высочайшем Манифесте блаженной памяти Государыни Императрицы по случаю присоединения Крыма под державу Российскую 1783 г. 8 апреля Императорским словом обещано свято всех жителей Тавриды охранять и защищать лица и имущество[6] (**3**); а соответственно сему и в высочайше конфирмованном в 1794 г. докладе Правительственного Сената сказано: «всех Таврической Области обывателей, как Магометанского духовного звания, так разных наций купцов, мещан, простых Татар и других, кои ныне имеют у себя поместья, вотчины и тому подобные дворянские имения, принадлежащие им в собственность по наследству или по иным законным правам, оставить в свободном владении, распространяя сию свободу и на наследников их: за коими оные и утвердить»[7]. Собственность же у татар была ***двух*** родов:

Первая в побережной стороне в бывших Судакском и Мангупском кадалыках (то есть уездах), и в части Кефинского, где все пространство земли считалось принадлежащим сперва Султану потом хану Крымскому, жители имели каждый свой участок собственно, вечно и потомственно, и имея право продавать из рук в руки. Но обязаны были не только простые татары, но и мурзы, коим земли там были пожалованы, платить в казну Султанскую или Ханскую положенную подать, какая выше объяснена [*см.* ***Прим. b)*** *– Д.К.*]. ***Вторая*** во всем прочем (**3 об.**) пространстве Крыма владеемая мурзами и татарами земля, доставшаяся им от предков сначала поселившихся на ней, или по купле принадлежала в собственность им не только вечно и потомственно, но и независимо ни от Султана, ни от Хана, ибо и никакими податьми не были им обязаны.

Да ***третий*** род собственности выходит ныне от того, что когда кто из татар или мурз по какому-либо случаю не имел собственного куска земли, то жил на чужой и пользовался ею, платя за то хозяину с посева десятину и другие некоторые повинности, как выше изъяснено по ихнему обычаю [*см.* ***Прим. b)*** *– Д.К.*]. Из хозяев же таковых земель некоторые при бывшей перемене вышли заграницу, а на землях их помянутые татары остались, кои поступив в состояние казенных поселян, следственно, вступили и в поселянское право собственности на владеемые ими земли.

Посему и по вышеизображенным узаконениям хотя следовало бы бывшее во владении татар в оном свободно и оставить; но как таковы земли, как то выше (**4**) изъяснено, розданы уже – от Губернского начальства многим помещикам и формальным образом утверждены, и казенные татары остаются без земель в зависимости от помещиков, – то решение сих обстоятельств поставляю от единой Монаршей власти зависящим, чтобы и помещиков удовлетворить, и татар яко казенных поселян, снабдив нужною землею, сделать независимыми от помещиков и к понесению повинностей поселян удобными.

Для того, и как ныне благоугодно Вашему Императорскому Величеству в особенное уважение принять состояние тамошнего края, обязанностью поставляю и оные обстоятельства, яко с общим состоянием края сопряженные, к Высочайшему благоусмотрению всеподданнейше представить.

– Осмеливаюсь при сем доложить и то, что ежели бы предположено было татар лишить земель тех, на коих они живут, как то желающие собственностью их обладать ласкаются, то, во-первых, чувствительно потерпят верноподданные Вашего Императорского Величества,

[6] Полный текст Манифеста, см.: [12, т. 21, № 15708, с. 897–898].

[7] Полный текст, см.: [12, т. 23, № 17265, с. 585–589].

кои должны будут лишиться своих домов, садов, огородов и иных владений (**4 об.**) исконне руками предков их возделанных; потерпит и весь край, чрез удаление от лесов татар, кои занимаясь изделиями лесными к хозяйству необходимыми, всех степных обывателей за сходную цену оными снабжают; ныне потерпит и сама казна чрез удаление казенных поселян от мест, где кроме различных надобностей по земству, и для войск, расположенных там, беспристанно встречаются надобности, кои никем иным, как казенными поселянами исправляются.

В прочем всеподданнейше предаю во всевысочайшее благорассмотрение Вашего Императорского Величества, Генерал и Кавалер Михельсон.

Прим. a) Полагая казенными: *Во-первых*, бывшие прежде Султанские, потом Ханские на Полуденном берегу Крыма, на коих живущие селениями татары и других наций люди, хотя владели вечно и потомственно землями и всеми угодьями, но должны были платить в казну с владения своего подать. – *Во-вторых*: бывшие земли частных владельцев, кои вышли заграницу, а земли их остались, – в том числе и такие, на коих остались жителями татары, плативше прежним владельцам десятину.

Прим. b) Права прежних владельцев были:

1-е, Султана или Хана, за земли на Полуденном берегу со всех произрастений и прибытков земных, ушур, то есть десятина, да деньгами от каждой овцы по две пары[8], да поземельного сбора от каждого тягла по 940 акчи[9], что значит на российский счет: за овцу по 3 копейки, поземельных – по 1 руб. 70 коп.

2-е, частных владельцев, за земли, коими неимеющие собственных земель от них пользовались: с посева – десятина, за сенокос – как кто условится, да 5 или 6 дней в году работы, называемой по ихнему обычаю *толока*, что зависело более от доброй воли, а не от обязанности.

Прим. о Мордвинове) Между прочим жалуется г. адмирал Мордвинов, коего дело состоит в следующем:

Покойный князь Потемкин Таврический, искупив у некоторых мурз принадлежавшие им в называемой долине Байдарской состоявшие в числе земель Ханских сады и участки земель в околичности шести деревень в чрезполосном владении с татарами, в 1787 г. дал ордер бывшему губернатору Таврическому, в коем написано: Как поблизости Байдарской дачи его находятся удобные к разведению садов места, а именно дер. Форос, Мшатка и Михалатка[10], около коих в рассуждение отлично теплого климата имеет он намерение насадить масличных дерев знатное количество и других такому положению свойственных растений; для того означенные три деревни отмежевать ему совокупно с Байдарскою дачею, наблюдая, однако же, чтобы окрестным жителям ни малейшего утеснения не было. [*подчеркнуто в оригинале – Д.К.*] – Неизвестно почему и каким образом оный ордер князя Потемкина Таврического невыполненным остался, что не вышеупомянутая искупленная им в Байдарской долине дача, ни предписанные три деревни не отмежеваны и на владение никаких законных документов не дано. И оные три деревни в казне состоят. – Но по кончине князя, когда при разделе наследников его имение под именем Байдарское досталось Господину Высоцкому[11], а Высоцкий продал Господину Мордвинову, то Мордвинов вместо тех частей, кои по покупке князю Потемкину принадлежали, овладел всею долиною Байдарскою, с состоящими в ней 12-ю деревнями татарскими, в коих более 1000 муж. пола душ, требуя с них повинностей подданных и присваивая все земли, кои казенным татарам всегда принадлежали, и леса, из коих казна в прошедшую турецкую войну для кораблестроений лес употребляла.

[8] Пара – чеканившаяся с конца XVII в. в османской Турции и Крымском ханстве серебряная монета, к концу XVIII в. состоявшая уже почти из чистой меди [15, с. 204].

[9] На последнем этапе существования Крымского ханства в 1780 г. поземельный сбор составлял 340 акчи от каждого тягла, см.: [8, № 22, с. 108].

[10] Деревни, располагавшиеся на самом юге Крымского полуострова, в районе мыса Сарыч.

[11] Генерал-майор Н. П. Высоцкий – племянник Г. А. Потемкина.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арапов Д.Ю. Присяга мусульман в российских законодательных актах и юридической литературе XIX в. // Древнее право. IVS ANTIQVVM. 2002. № 2 (10). С. 252–262.
2. Ваниев Э. Правовое регулирование института мевat в Крымском ханстe // Legea şi Viata. 2014. № 6. С. 20–22.
3. Камер-фурьерский церемониальный журнал. Январь – июнь 1802 года. СПб., 1902. 741+30 с.
4. [Киреенко Г.К.] О прошении депутатов Таврической области на Высочайшее имя в 1796 году и Высочайшем указе 17 сентября 1796 года // ИТУАК. 1887. № 2. С. 9–19.
5. Конкин Д.В. Законодательное оформление земельной собственности в Крыму (1783–1796 гг.) // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. С. 627–640.
6. Конкин Д.В. Обзор деятельности Новороссийского комитета (1801–1803 гг.). По материалам из фондов Российского государственного исторического архива // Вестник архивиста. 2021. № 4. С. 1203–1216. DOI: 10.28995/2073-0101-2021-4-1203-1216.
7. Лашков Ф.Ф. Исторический очерк крымскотатарского землевладения. (Продолжение) // ИТУАК. 1896. № 24. С. 35–71.
8. Лашков Ф.Ф. Сборник документов по истории крымскотатарского землевладения. (Продолжение) // ИТУАК. 1895. № 22. С. 82–115; 1896. № 25. С. 89–158.
9. Макидонов А.В. Персональный состав административного аппарата Новороссии XVIII века. Запорожье: Просвита, 2011. 336 с.
10. Михельсон (Иван Иванович) // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. XIX-А. СПб.: Типо-Литография И.А. Эфрона, 1896. С. 501.
11. Ореус И.И. Иван Иванович Михельсон, победитель Пугачева // Русская старина. 1876. Т. 15. Январь. С. 192–209.
12. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. СЕИВ Канцелярии, 1830.
13. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 25. Отд. 1-е. СПб.: Тип. II-го Отделения СЕИВ Канцелярии, 1851.
14. Торнау Н.Е. Изложение начал мусульманского законоведения. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1850. 482 с.
15. Фенглер Х., Гироу Г., Унгер В. Словарь нумизмата / пер. с нем. М.: Радио и связь, 1982. 328 с.

REFERENCES

1. Arapov D.Iu. The oath of Muslims in Russian legislation and legal literature of the 19th century. *Drevnee pravo. IVS ANTIQVVM* [Ancient law. IVS ANTIQVVM], 2002, no. 2(10), pp. 252–262.
2. Vaniev E. Legal regulation of the Mevat Institute in the Crimean Khanate. *Legea şi Viata*, 2014, no. 6, pp. 20–22.
3. Kamer-*fur'erskii tseremonial'nyi zhurnal. Ianvar' – iiun' 1802 goda* [Camer-Fourier ceremonial magazine. January – June 1802]. St. Petersburg, 1902, 741+30 p.
4. [Kireenko G.K.] On the petition of the deputies of the Taurida region to the Highest name in 1796 and the Highest decree of September 17, 1796. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii* [Proceedings of the Taurida Learned Archival Commission], 1887, no. 2, pp. 9–19.
5. Konkin D.V. Legalization of Land Property in Crimea (1783–1796). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2006, vol. 12, pp. 627–640.
6. Konkin D.V. A Review of the Works of the New Russia Committee (1801–1803) (According to the Russian State Historical Archive Collection). *Vestnik arkhivista* [Herald of Archivist], 2021, no. 4, pp. 1203–1216. DOI: 10.28995/2073-0101-2021-4-1203-1216.
7. Lashkov F.F. A Historical Essay on Crimean Tatar Landownership (Continued). *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii* [Proceedings of the Taurida Learned Archival Commission], 1896, no. 24, pp. 35–71.
8. Lashkov F.F. Collection of documents on the history of Crimean Tatar land ownership. (Continued). *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii* [Proceedings of the Taurida Learned Archival Commission], 1895, no. 22, pp. 82–115; 1896, no. 25, pp. 89–158.
9. Makidonov A.V. *Personal'nyi sostav administrativnogo apparata Novorossii XVIII veka* [The personnel of the administrative apparatus of Novorossiya in the 18th century]. Zaporozh'e, Prosvita Publ., 2011, 336 p.
10. Mikhel'son (Ivan Ivanovich). *Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona* [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary], vol. XIX-A, St. Petersburg, I.A. Efron Publ., 1896, p. 501.
11. Oreus I.I. Ivan Ivanovich Mikhelson, Pugachev's winner. *Russkaia starina* [Russkaia starina], 1876, vol. 15, pp. 192–209.
12. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe* [Complete collection of Laws of the Russian Empire. The first meeting]. St. Petersburg, SEIV Kantseliarii Publ., 1830.
13. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie vtoroe* [Complete collection of Laws of the Russian Empire. The second meeting], vol. 25, part 1, St. Petersburg, II Otdelenie SEIV Kantseliarii Publ., 1851.

14. Tornau N.E. *Izlozhenie nachal musul'manskogo zakonovedeniia* [The Presentation began Muslim laws]. St. Petersburg, II Otdelenie SEIV Kantseliarii Publ., 1850, 482 p.
15. Fengler Kh., Girou G., Unger V. *Slovar' numizmata* [The Numismatist's Dictionary]. Moscow, Radio i sviaz' Publ., 1982, 328 p.

Информация об авторе

Конкин Д. В. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новой истории НИЦ истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, Researcher ID: AAC-3468-2019.

Author information

Konkin D. V. – Candidate of Science (History), Senior Researcher of the Department of Modern History, Research Center for History and Archaeology of Crimea, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: AAC-3468-2019.

DOI: 10.29039/2413-189X.2025.30.597-605

ИСТОРИЯ СЕВАСТОПОЛЬСКОГО КАРАНТИНА В XIX ВЕКЕ

Наталья Дмитриевна Борщик
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия
arktur4@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0001-8234-4381

Аннотация. В статье рассмотрена эволюция отечественных карантинных учреждений Российской империи, начиная с их зарождения и заканчивая формированием комплексной государственной системы эпидемиологического контроля. Показано, что Севастопольский карантин, имевший свою специфику, был значимой частью этой системы. Развиваясь как главный черноморский военный порт страны, Севастополь в 1830-е гг. стал местом главных событий крупнейшего «холерного бунта» в России, в 1850-е гг. – эпицентром военных действий в ходе Восточной (Крымской) войны 1853–1856 гг., последствия которой оказали большое влияние на изменение российского карантинного законодательства. Установлено, что Севастопольский карантин во время своего существования был важным форпостом в предотвращении распространения инфекционных заболеваний. Привлеченные источники, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, позволяют достоверно реконструировать структуру и деятельность Севастопольского карантина на протяжении XIX столетия.

Ключевые слова: Российская империя, Крымский полуостров, Севастополь, санитарные учреждения, карантины

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01285 «Таможенные органы, пограничная стража и карантины Крымского полуострова в системе государственного управления Российской империи (вторая половина XIX в.)», https://rscf.ru/project/24-28-01285/.

HISTORY OF SEVASTOPOL QUARANTINE IN THE NINETEENTH CENTURY

Natal'ia D. Borshchik
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
arktur4@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0001-8234-4381

Abstract. This article examines the evolution of domestic quarantine institutions of the Russian Empire from their origin to the formation of a comprehensive state system of epidemiological control. It has been shown that the Sevastopol quarantine with its own specifics was a significant part of this system. Developing as the main Black Sea military port of the country, in the 1830s Sevastopol became the scene of the main events of the biggest "cholera riot" in Russia, and in the 1850s the epicenter of military operations of the Eastern (Crimean) War of 1853–1856, the consequences of which greatly influenced the changes in Russian quarantine legislation. It has been discovered that the Sevastopol quarantine was an important outpost in preventing the spread of infectious diseases. The sources attracted, many of which are introduced into the scholarly circulation for the first time, make it possible to reconstruct with reliability the structure and activities of the Sevastopol quarantine throughout the nineteenth century.

Keywords: Russian Empire, Crimean Peninsula, Sevastopol, sanitary institutions, quarantines

Acknowledgments: The study was financed by the grant from the Russian Science Foundation with the project no 24-28-01285 *Custom Bodies, Border Guards, and Quarantines in the Crimean Peninsula within the State Government System of the Russian Empire (Second Half of the Nineteenth Century)*, https://rscf.ru/project/24-28-01285/.

История борьбы с эпидемиями инфекционных заболеваний в нашей стране насчитывает не одно столетие. Изучение деятельности санитарно-карантинных учреждений актуально и в наши дни при совершенствовании взаимодействия различных государственных служб, в обязанности которых входит защита жителей страны от инфекций. В современных условиях, после недавней пандемии коронавируса (COVID-19), изучение успешного досоветского

опыта деятельности соответствующих органов и разрабатываемых ими профилактических мер является своевременным и социально значимым.

Важные для социума вопросы противодействия инфекциям обусловили достаточно обширную историографию изучения эпидемий в стране и за рубежом. Проблемами распространения инфекционных заболеваний и борьбы с ними в дореволюционный период занимались в основном историки медицины. И в наши дни исследователи вновь обращаются к изучению организации дореволюционных карантинов как действенного способа профилактики вирусных инфекций. Эта тема стала предметом и авторских исследований [2; 3; 4; 10].

Источниками для настоящей статьи выступили документы из Российского государственного исторического архива (далее РГИА), Государственного архива Республики Крым (далее ГАРК) и ГКУ «Архив города Севастополя» (далее АГС). Привлечены также нормативно-правовые акты, регулирующие сферу медицинского и карантинного законодательства из «Полного собрания законов Российской империи» (далее ПСЗРИ), опубликованные письма первого правителя Таврической области В. В. Каховского за 1784–1787 гг., мемуары русского писателя и дипломата А. С. Грибоедова за 1819–1825 гг. и севастопольского врача морской службы Н. И. Закревского за 1830–1831 гг., отчеты градоначальников Севастопольского градоначальства за 1870-е гг.

Попытки организации отдельных «карантинных домов», «карантинных застав» властями Российской империи предпринимались неоднократно, но только в конце XVIII – начале XIX в. был взят курс на создание единой государственной карантинной службы со своими штатами, финансированием, материально-техническим оснащением и т.д. Для Крымского полуострова, вошедшего в состав Российской империи в 1783 г., катастрофичные по своим последствиям вспышки чумы, холеры, тифа и других болезней не были редкостью; в научной литературе есть сведения о подобных «моровых поветриях», начиная с XIV в. [9]. Установлено, что еще в ходе русско-турецкой войны 1768–1774 гг., после присоединения османских территорий в Крыму, солдаты русской армии массово заболевали, в результате чего князь Г. А. Потемкин даже обращался к Екатерине II с просьбой открыть «карантинные дома» в Керчи и Еникале [3; 8]. В 1776 г. вышел указ Екатерины II «Об учреждении в Новороссийской и Азовской губерниях портовых и пограничных таможен и застав по прилагаемому у сего штату» [ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 20. № 14473, с. 385–387], согласно которому во всех открываемых портовых таможнях были организованы и карантины. В Крыму, таким образом, в 1776 г. впервые начали действовать два государственных карантина (при Керченской и Еникальской таможенных заставах), которым «полагается лекарей в каждой 1 (пользовать не токмо таможенных служителей, но и всех прибывающих в карантин), подлекарей 1, цирюльников 1, копиистов 1». Предполагалось израсходовать «на построение таможен и карантинов … единовременно в Новороссийскую 16000, в Азовскую 20000, а в обе губернии 36000 [руб.]», ежегодные траты из казны на каждый карантин составляли 1400 руб., включая жалование сотрудникам и «на дрова для окуривания и топление печей, деготь, уксус, курительные порошки, лекарства, на починку самого карантина и прочее» [ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 44. Книга штатов. Ч. 2, с. 239].

Известно, что в первые годы после присоединения Крыма к России, в 1784–1785 гг., здесь была эпидемия т.н. «желчной горячки», симптомы которой первый правитель Таврической области В. В. Каховский описывал следующим образом: «страждущие оной вначале чувствуют небольшой озноб, тоску и потом подвержены сильным рвотам со спазмами» [1, с. 257]. В своих письмах правителю канцелярии В. С. Попову он сообщал в августе 1784 г.: «из отставных солдат при Ахтмечете 28 человек в лазарете, из письмоводителей трое, из моих людей шестеро больных» [1, с. 238]. Из текста писем В. В. Каховского следует, что успешность всех мероприятий по хозяйственному освоению полуострова, строительству новых городов, портов, дворцов, дорог, подготовке к визиту в Крым императрицы Екатерины II была сильно осложнена из-за неблагоприятной эпидемиологической обстановки. Он с горечью писал о болезни и смерти близких ему людей: «Андрей Андреевич [Шостак] опаснейше был болен, комиссионер Теперов умре», «Алекс. Яков. Трегубов, который ездил со мной в Кинбурн, нас оставил. Какое соболезнование причиняет нам утрата сего достой-

нейшего мужа я не могу вам описать», «полковник Евкин от такой же болезни 17 числа сего месяца умре», «пишу к вам из квартиры брата Михайлы Васильевича [М. В. Каховский, старший брат В. В. Каховского, прибыл в Крым в конце 1784 г. – *Авт.*]. Он совершенно еще не выздоровел, а жена его больна отчаянно. Пользующие ея гг. медики объявили мне, что не имеют ни малейшей надежды на ее выздоровление» [1, с. 244–245, 248]. Болел и сам В. В. Каховский: «По причине моего нездоровья до сих пор в Карасу-Базаре. <…> После моей болезни начинаю приходить в силы, но ходить и сидеть еще не могу» [1, с. 245].

Хотя прибывший 31 января 1786 г. в Севастополь из Константинополя «английский офицер Иоганн Гендерсон с двумя своими племянниками» для «заведения в Тавриде ботанического сада и делания сыра» сообщал В. В. Каховскому, что «во всех жарких климатах сия болезнь почти всеобща и нимало не опасная», и якобы он лично лечил многих «и всех спас, давая рвотное и привезенную им хину», а «симферопольский стаб-лекарь Полторацкий хвастает, что из его больных все выздоравливают» [1, с. 251, 257], было решено 7 марта 1887 г. просить Г. А. Потемкина «учредить на Тамане строгий карантин <…> тем паче что в прошедшие два года <…> сильная была язва» [1, с. 262]. В дальнейшем на полуострове была организована система государственно-карантинных учреждений, где Севастопольский карантин играл важную роль.

Законодательное оформление карантинных учреждений в Севастополе началось с указа Екатерины II «О устроении карантинов в Екатеринославской губернии и Таврической области» от 7 июня 1793 г., провозглашавшем создание карантинных учреждений в Севастополе, Феодосии, Евпатории, Керчи и на Таманском полуострове [ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 23. № 17131, с. 436–437]. В РГИА в деле «Об учреждении на Таврическом полуострове порто-франко» сохранились сведения «об устройстве» Севастопольского карантина согласно этому указу [РГИА, ф. 1341, оп. 1, д. 161, л. 59–59об.]. Всего в штате карантина числилось множество гражданских и военных должностей: 1 карантинный пристав, 2 карантинных надзирателя, писарь, лекарь, подлекарь, переводчик, таможенный служитель, квартирмейстер, 2 обер-офицера, 24 рядовых солдата, карантинный сержант, 20 гребцов на шлюпки, 6 солдат для охраны, 4 рабочих.

При Севастопольском карантине была организована «брандвахта» – досмотр судов на внешнем рейде, до их захода в порт. Как правило, в состав брандвахты входили военные корабли или шлюпки, стоящие на карауле в акватории порта, на борту которых были и медики. В данном случае все прибывающие суда обязаны были останавливаться примерно 0,5 км от севастопольского берега, к ним на шлюпках отправлялись «команда брандвахты»: карантинный надзиратель, переводчик, лекарь, таможенный служитель, офицер с солдатами для досмотра состояния экипажа и ввозимых товаров на предмет выявления заболевших, преступников или контрабанды. Практика досмотра судов непосредственно в морских акваториях, без их предварительного контакта с прибрежной зоной, была инициирована властями с целью предотвращения распространения инфекционных заболеваний, пресечения контрабандной деятельности, предотвращения проникновения лиц, находящихся в розыске, а также минимизации рисков возникновения беспорядков, которые потенциально могут быть привнесены судном в порт [ГАРК, ф. 242, оп. 1, д. 127, л. 4].

Государство планировало отпускать из казны по 3288 руб. в год на жалование сотрудникам Севастопольского карантина, покупку необходимого оборудования и расходных материалов. Сюда же были отнесены траты на «содержание писаря и канцелярские расходы», «ящик с хирургическими инструментами», «порошки, уксус и смолу для окуривания платья», «медикаменты из Таврической полевой аптеки», «мундиры и провиант для солдат», «муку и крупу для продовольствия нижним служителям» и т.д. [ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 44. Книга штатов. Ч. 2, с. 213–214].

В 1800 году был принят первый «Устав пограничных и портовых карантинов», в котором четко определялись цели и задачи государственной карантинной службы Российской империи: «Учреждение карантинов при портах и на сухой границе есть одно из самых благонадежнейших средств, избавляющих Государство от опасности, моровою язвой наносимой» [ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 26. № 19476, с. 198–224]. Согласно этому документу, Севастопольский

карантин состоял из карантинного дома, карантинной конторы и карантинной брандвахты, в составе которой были два катера и одна восьмивесельная шлюпка. Общая численность сотрудников карантина была увеличена до 75–80 чел. [ПСЗРИ. Т. 44. Книга штатов. Ч. 2, с. 359–360].

Но такое положение дел продолжалось недолго, в 1804 г. был принят указ «О бытии в Севастополе главному военному порту и о снятии находящейся там портовой таможни» [ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 28. № 21172, с. 148]. Теперь Севастопольский порт был закрыт для купеческих судов, а все торговые операции (в том числе международные) проводились через Феодосийский и Керченский порты, которые планировалось отстроить заново с необходимой инфраструктурой. Уже с 1805 г. в нормативных документах есть упоминания о действующем Феодосийском карантине, с 1821 г. начал работу Керченский карантинный округ [ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 37. № 28776, с. 874–878].

В результате утраты торговых связей город практически не развивался, доставка необходимых грузов стала проблематичной. И Севастопольский карантин в связи с отсутствием пассажиропотока и товарооборота почти утратил свое значение. В очередном карантинном уставе от 1818 г. сообщалось, что нужно «Севастопольский карантин ввести в общую зависимость карантинов и подчинить его Министерству полиции» [ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 35. № 27490, с. 474]. А. С. Грибоедов во время своего посещения Крыма так описывал Севастопольский карантин: «Часов в 5-ть после обеда еду к карантину. Стена, в которой пролом, прилежит к нынешним зданиям и тянется к заливу направо и по возвышениям югом, где обращается вдавшимися углами многоугольника к западу, возле Песчаной бухты упирается в море, и тут пролом и части стен и башен. К сей стороне, внутри, насыпной холм. Тут, теперь, наравне с землею основание круглой башни и четвероугольной площади к Стрелецкой бухте» [5].

В 1820 г. был принят очередной правительственный норматив, в котором «желая поколику восстановить внутреннюю торговлю в Севастополе, стесненную от запрещения привоза в оный товаров морем» власти решили разрешить Севастопольскому военному порту принимать российские торговые суда, а Севастопольскому военному карантину «поставить в обязанность исполнять во всей точности те же самые правила карантинного устава, коими повелено руководствоваться и другим портам нашим в принятии таковых судов». В штат карантина дополнительно вводились подчиненные Феодосийскому градоначальнику «таможенный надзиратель с двумя досмотрщиками», которые должны были присутствовать «при всякой выгрузке и вскрытии мест, без чего никакие товары не должны быть в карантин приняты и из него выпущены» [ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 37. № 28164, с. 71]. Интересно, что запрет на принятие в Севастополе иностранных торговых судов оставался в силе.

В научной литературе есть сведения, что в 1830-е гг. в разных регионах России фиксировались массовые вспышки холеры, чумы, тифа и др., по стране прокатилась волна народных мятежей против вводимых правительством карантинных и изоляционных мер, отсутствием подвоза необходимых продуктов и товаров в места «карантинного оцепления» и связанных с ними ростом цен и спекуляции [11]. Одним из самых массовых был «холерный бунт» в Севастополе в 1830 г., о масштабности которого известно из воспоминаний Н. И. Закревского, врача морской службы. Он сам заразился холерой, содержался в «чумном бараке» и очень эмоционально повествовал об ужасных условиях существования: отсутствии элементарных удобств, воды и лекарств, фактах взяточничества и спекуляции местных чиновников, бездействия властей в обеспечении населения продовольствием и топливом, что в итоге и стало причиной народного восстания. Его мемуары были опубликованы в начале 1860-х гг. в нескольких выпусках «Морского журнала» [6].

В другом случае историк Ф. Хартахай, опубликовавший в 1865 г. в журнале «Современник» большую статью «Женский бунт в Севастополе (1830)», считал, что определить «точную причину севастопольского возмущения довольно трудно» [12, с. 363]. Он отмечал, что «карантинная линия, оберегавшая город от внесения в него чумы с моря, не была содержима с надлежащей строгостью, от чего берег, где находились зачумленные, мог без особенных затруднений сообщаться с городом и время от времени заражать его жителей» [12, с. 371]. Начальник «карантинных линий» полковник Херхуладзев все необходимые меры ввел «совершенно несвоевременно», поэтому они «были лишены всякого практического смысла».

Возмущало народ и откровенное взяточничество чиновников Севастопольского карантина [РГИА, ф. 1151, оп. 2, д. 48]. События развивались быстро и драматично: в результате народного бунта восставшими были убиты Севастопольский и Николаевский военный губернатор Н. А. Столыпин, инспектор Севастопольского военного карантина Стулли, медик Каменский, карантинный комиссар Боронич с супругой; разграблены и разрушены дома «начальника флота в Севастополе» Патаниоти, контр-адмирала Примо, других «начальственных лиц» [12, с. 380–390].

«Печальные события, свершившиеся в Севастополе», как назвал их император Николай I, привели правительство к идее пересмотра карантинного законодательства и ужесточения карантинных мер. Все участники севастопольского мятежа «для истребления духа своеволия и непокорности» подверглись различным видам наказания, начиная со смертной казни и заканчивая публичными порками. Помимо этого, женатые «нижние чины» были высланы в Херсон, отставные военные, жившие в Севастополе, отправлены в Керчь «для поселения в окрестностях города сего»; в Севастополе запрещалось военным морякам иметь собственные дома и семьи, «жены и все прочие женщины, живущие в слободках», были высланы из города «куда кто пожелает».

В отношении Севастопольского карантина было решено его переподчинить штабу Черноморского флота [ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 6. Ч. 2. № 4892, с. 158–159], а фактически военному губернатору Севастополя. М. П. Лазарев, бывший главой Севастополя в 1833–1851 гг., немало сделал для обустройства карантинных сооружений и нормализации их работы [13]. Он же инициировал запрос властям о статусе Севастопольского карантина, поскольку новый карантинный устав 1832 г. все подобные учреждения «разделял на карантины центральные и частные, и на заставы сухопутные и береговые» [ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 8. Ч. 1. № 6367, с. 452]. Другими словами, Севастопольский карантин был «не поставлен ни в какой из вышеупомянутых разрядов», что создавало определенные сложности при утверждении его штатного расписания, объемов выполняемых функций и пр. В результате 1 августа 1833 г. было Высочайше утверждено Положение комитета министров «О применении карантинного устава 1832 года по Севастопольскому карантину», где ему предписывалось принимать и обслуживать не только военные суда, но и «все таковые суда сомнительные и даже зараженные, с состоящими на оных людьми и животными, и производить над ними очищение» [ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 8. Ч. 1. № 6367, с. 452].

В новом карантинном уставе 1832 г. специально оговаривался штат Севастопольского военного карантина, состоящий из карантинного дома и карантинного правления. Всего числилось 12 должностей: инспектор, комиссары, лекари, переводчики, казначей, канцелярские служители и пр. Впервые кроме должностных лиц, военных и медиков в штат Севастопольского карантина вошли на общественных началах «член от флота штаб-офицерского чина» и «член от жителей города по выбору» [ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 7. Штаты и табели, с. 148].

Вместе с карантинным уставом 1832 г. был принят документ о карантинной страже – специальных воинских подразделениях, служивших при карантинах. Из солдат и офицеров карантинной стражи создавали при необходимости оцепление населенных мест, где выявлялась инфекция; они охраняли периметр карантинных учреждений, препятствовали доступу в «чумные бараки», поддерживали режим изоляции в целом. Для Севастопольского карантина была создана отдельная Севастопольская рота, в составе которой в совокупности было 165 человек: военные (офицеры, солдаты), медики (лекари, фельдшеры, цирюльники), гражданские специалисты (делопроизводители, строители, конюхи, разнорабочие) [ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 7. Штаты и табели, с. 153–154].

Необходимо отметить, что сведения о Севастопольском карантине в первой половине XIX в. в ГАРК крайне скудны, самостоятельный фонд этого учреждения не сохранился. Отдельные упоминания о деятельности Севастопольского карантина и его должностных лицах есть в РГИА [РГИА, ф. 560, оп. 11, д. 557, 594].

Восточная (Крымская) война 1853–1856 гг. внесла свои коррективы в существование крымских карантинов вообще и Севастопольского в частности. Как известно, город очень пострадал и обезлюдел в ходе военных действий и осады войсками неприятеля; большин-

ство зданий, в том числе и карантины, было разрушено и разграблено. Но эпоха Великих реформ 1860-х гг., визиты Августейших особ в Крым и оживление здесь деловой жизни на повестку дня ставили вопросы введения противоэпидемиологических мер, в том числе и возобновления карантинной системы. Об этом известно из переписки управляющих крымских карантинных округов с Таврическим губернатором и вышестоящим начальством [ГАРК, ф. 195, оп. 1, т. 3, д. 1639; ф. 242, оп. 1, д. 1, 10]. Особое беспокойство по вопросу «возобновления» крымских карантинов выказывал управляющий Керченским карантинным округом А. П. Савицкий, грозя повторением севастопольского «холерного бунта» 1830 г. [3].

Согласно принятому в 1866 г. новому карантинному уставу Севастопольский карантин был преобразован в Севастопольское карантинное агентство 1-го класса в составе Феодосийского карантинного округа [ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 41. Ч. 2: Штаты и табели, с. 243–245], в связи с чем управляющий Феодосийского карантинного округа Пекарский распорядился уничтожить дела Севастопольского военного карантина и упразднить самостоятельную Севастопольскую карантинную полуроту [АГС, ф. 22, оп. 1, д. 4]. В результате анализа его переписки с начальником Одесского военного округа установлена точная дата основания агентства – 29 января 1867 г., что является важным хронологическим ориентиром в контексте формирования системы карантинных мероприятий в Российской империи [АГС, ф. 22, оп. 1, д. 1, 96]. Отныне при Севастопольском карантинном агентстве служили военнослужащие Феодосийской полуроты карантинной стражи. Сохранился «Список нижним чинам на 1869 г.», согласно которому службу в Севастополе проходили: «Старший гвардион Василий Печенкин, младшие гвардионы Андрей Назаренко, Филип Сабловский, Тимофей Кравцов, рядовые: Харитон Кузменко, Лаврентий Денисюк, Андрей Микрюков, Тимофей Карчемный, Никита Николаев, Дмитрий Перминов, Илья Мальцов, Абрам Щур, Афанасий Гусенко». Возглавил Севастопольское карантинное агентство в 1876 г. карантинный агент А.А. Козелло, комиссаром был Деламуре, командовал полуротой Феодосийской карантинной стражи штаб-капитан Страхович, сменивший на этом посту майора Нестора Казанли [АГС, ф. 22, оп. 1, д. 6, л. 53, 60].

Первый Севастопольский градоначальник П. А. Перелешин в своем всеподданнейшем отчете за 1874 г. писал о бедственном положении города, лежавшем в руинах даже спустя 20 лет после окончания войны: «От недостатка населения в этой части территории многие участки земли, годные для садоводства, остаются неразработанными… Сельскохозяйственная промышленность находится в упадке, в таком же положении находится промышленность» [РГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 3795, л. 591–621]. Тем не менее, есть сведения о строительстве в это время каменной оградной стены и двух пристаней при Севастопольском карантинном агентстве [РГИА, ф. 1293, оп. 154, д. 3].

Указом императора в связи с начавшейся русско-турецкой войной 1877–1878 гг. «приморские уезды Херсонской и Таврической губерний, Крымский полуостров» объявлялись на военном положении, а Одесский градоначальник получал «права военного губернатора» в регионе, о чем Севастопольский градоначальник вице-адмирал Никонов извещал местных чиновников, в том числе и Севастопольского карантинного агента А. Козелло [АГС, ф. 22, оп. 1, д. 62, л. 12]. Карантинному агенту предписывалось «в случае объявления войны» упаковать «все дела агентства за 10 лет» и вывезти из города «под присмотром двух солдат» либо в Симферополь, либо в Феодосию. А. Козелло телеграфировал, что «квартира нанята Симферополе, уплачено 35 руб. месяц, дела почти готовы к отправке», на их «укупорку» потрачено 20 руб., «провиант двум нижним чинам для сопровождения документов заготовлен» [АГС, ф. 22, оп. 1, д. 62, л. 15].

Но карантинное агентство в военное время продолжало работать в штатном режиме. Сохранились циркуляры военного губернатора, управляющего Феодосийским карантинным округом, начальника приморской обороны города Севастополя, начальника береговых батарей и других должностных лиц с требованиями быть бдительными «относительно судов, пристающим к берегам», не допускать «их сообщения с расположенными по прибрежью войсками во избежание занесения эпидемических болезней». В свою очередь, майор Казанли сообщал, что вверенная ему Феодосийская полурота карантинной стражи следит, «чтобы войска, расположенные по прибрежью, не сносились и не соприкасались с коммерческими

судами и лицами, прибывающими с моря, в устранение эпидемических заболеваний» [АГС, ф. 22, оп. 1, д. 62, л. 28, 30].

К 1882 г. в штате карантинного агентства числились: карантинный агент Козелло, комиссар Деламуре, карантинный врач Куликов и «исправляющий дела комиссара не имеющий чина» Вриони [АГС, ф. 22, оп. 1, д. 110, л. 5]. Штат «Севастопольской карантинной команды, состоящей при агентстве», возглавляемой подпоручиком Тахтаевым, выглядел так: «По списку строевых: обер-офицеров 1, унтер-офицеров 1, рядовых 22; нестроевых: унтер-офицеров 1, рядовых 3» [АГС, ф. 22, оп. 1, д. 88, л. 28; д. 129, л. 18].

Командовал в это время Феодосийской полуротой карантинной стражи штаб-капитан Страхович, есть сведения о служивших в это время в Севастопольском карантине «унтер-офицере Ефиме Ивашковском, надзирателе Василии Таранове, фельдшере Петре Иванове, младших гвардионах Викентии Ткаче, Франце Хайницком, Гавриле Воронине» [АГС, ф. 22, оп. 1, д. 78, л. 57–57об.]; рядовыми при Севастопольском карантинном агентстве служили «Иван Мехейчик, Мартын Павлюк, Трофим Гонцов, Иван Польской, Оверьян Ковуненко, Илья Гейка, Трофим Овчаренко, Иван Дольченко, Прокофий Скибицкой, Федор Переверзев, Иван Резанов, Иван Желябовский, Василий Кирпо, Сергей Пенков, Павел Алексеев, Иван Лыков, Гаврил Карачевцов, Терентий Гавришов, Корней Добряков, Петр Морев, Тимофей Сафронов, Абрам Злобин». Средний возраст рядовых составлял 22–23 года [АГС, ф. 22, оп. 1, д. 110, л. 7; д. 88, л. 19].

В 1884 г. были несколько изменены карантинные правила в отношении судов, «пришедших из заграничных портов». Например, карантин приходящих из Египта судов заменялся сначала «простым медицинским осмотром всего вывозимого на судах с чистым патентом» [АГС, ф. 22, оп. 1, д. 125, л. 9], затем, с появлением случаев холеры был заменен «пятидневной обсервацией судов с чистым патентом, приходящих из Египта, Аравии, Индии и Китая», а суда «нечистым патентом по холере» подвергались двухнедельному карантину [АГС, ф. 22, оп. 1, д. 125, л. 13]. Севастопольский карантинный агент А. Козелло обращался к начальнику Феодосийского карантинного округа за разъяснениями по поводу карантинных мер по отношению к «мусульманским богомольцам», которые возвращались на пассажирских теплоходах из паломнических поездок в Мекку. В ходе длительной межведомственной переписки между Севастопольским градоначальником вице-адмиралом Рудневым, императорским посольством в Константинополе, медицинским департаментом и товарищем министра внутренних дел была достигнута договоренность для судов «с чистым патентом» устанавливать 24-часовой карантин [АГС, ф. 22, оп. 1, д. 125].

Из архивных документов известно о кадровом кризисе в агентстве середины 1880-х гг., о противостоянии руководства карантинного агентства (агента А. Козелло, комиссаров И. Гроначевского и В. Пьянкова) с карантинным врачом Куликовым. Конфликт разгорелся из-за новшеств Куликова во время временного исполнения им обязанностей карантинного агента: перенос канцелярии агентства, находившейся при квартире руководителя агентства, со всем имуществом и документами в порт, в опросный дом. Позже выяснилось, что несколько дел утрачено. Стороны взаимно обвиняли друг друга в «служебных упущениях», невыполнении должностных обязанностей, срыве сроков обследования заходящих в Севастопольский порт судов [АГС, ф. 22, оп. 1, д. 50, 129, 134].

О личности карантинного агента известно следующее: Александр Антонович Козелло, «из дворян, римско-католического вероисповедания», закончил курс в Московском университете, получил степень «лекарь с отличием, оператор-акушер» в 1862 г., начал свою трудовую деятельность в том же году в Санкт-Петербурге в должности врача-практиканта в больнице для чернорабочих. Во время «бывшей в Санкт-Петербурге холеры состоял в штате медицинских чинов, принимавших участие в прекращении оной в 1866 г.», служил «городским врачом-акушером при Санкт-Петербургской полиции», затем участковым врачом при Врачебно-полицейском комитете. В 1871 г. был командирован в Олонецкую (июль–август) и Екатеринославскую (август–октябрь) губернии «для прекращения холеры». Севастопольским карантинным агентом назначен 24 ноября 1876 г., 20 января 1891 г. «уволен от службы в отставку с мундира должности агента» [АГС, ф. 22, оп. 1, д. 148].

В Памятной книжке Таврической губернии за 1896 г. есть сведения о персональном составе Севастопольского карантинного агентства: «Карантинный агент лекарь надв. сов. Л. М. Козловский, комиссары кол. ас. Л. Я. Езерский, кол. ас. В. А. Рукавишников» [7]. В формулярном списке о службе Л. М. Козловского сохранились такие данные: Лев Михайлович Козловский, православный, из священнослужителей. По окончанию курса наук в Императорском университете Св. Владимира в Киеве утвержден в степени лекаря, о чем выдан диплом в 1884 г. С 1 января 1891 г. назначен Севастопольским карантинным агентом [АГС, ф. 22, оп. 1, д. 50, л. 62]. О комиссаре Севастопольского карантинного агентства Езерском известно: «Людвиг Яковлевич Езерский, из штаб-капитанов, римско-католического вероисповедания», «воспитывался в Гродненской гимназии, но курс наук не закончил», в 1874 г. «вступил в штат Екатеринославского губернского правления» в должности помощника делопроизводителя, в конце 1870 – начале 1880 гг. работал в губернских правлениях Нижегородской, Пермской и Таврической губерний. В 1882 г. в Таврической губернии был назначен «начальником газетного стола» и редактором официальной части «Таврических губернских ведомостей», 29 июля 1886 г. «определен комиссаром Севастопольского карантинного агентства» [АГС, ф. 22, оп. 1, д. 149]. К сожалению, приходится констатировать, что в описи фонда Севастопольского карантинного агентства в ГКУ «Архив города Севастополя» последнее дело датируется 1888 г. [4], остальные документы не сохранились.

Таким образом, проанализировав данные архивных и печатных источников, можно прийти к следующим выводам. Севастопольский карантин на протяжении всего XIX столетия выступал составной частью государственной карантинной системы на южных границах Российской империи, что позволило эффективно противодействовать эпидемическим угрозам и минимизировать их негативные последствия для населения и экономики региона. После вхождения полуострова в состав Российской империи в 1783 году, Севастополь (как и Крым в целом) не только обеспечил геополитическую стабильность, но и стал важным форпостом по предотвращению инфекционных заболеваний и их распространения вглубь России. Слова А. С. Грибоедова, написанные им во время путешествия по Закавказью в 1819 г.: «Карантин ваш очень мудро устроен, чтобы чумы далее не пропускать» [5, с. 67] верно отражают историческую повседневность того времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. [Мурзакевич Н.Н.] Письма правителя Таврической области Василия Васильевича Коховского правителю канцелярии В.С. Попову, для доклада Его Светлости Князю Григорию Александровичу Потемкину-Таврическому // ЗООИД. 1877. Т. 10. С. 235–361.
2. Борщик Н.Д., Прохоров Д.А. Пограничная и карантинная стражи Таврической губернии (конец XVIII – середина XIX в.) // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2019. № 3 (51). С. 8–16.
3. Борщик Н.Д. Всеподданнейшие отчеты губернаторов и градоначальников в фондах Государственного архива Республики Крым // Библиография. Археография. Источниковедение: Сб. статей и материалов. Вып. 5 / Ред.-сост. А.И. Раздорский, Д.Н. Шилов. СПб.; М.: Старая Басманная, 2021. С. 130–139.
4. Борщик Н.Д. Карантинные учреждения Крымского полуострова во второй половине XIX в. (по материалам ГКУ «Архив города Севастополя») // История и архивы. 2025. № 7 (2). С. 12–21. DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-2-12-21.
5. Грибоедов А.С. Путевые записки: Кавказ – Персия. [Тифлис]: Заккнига, 1932. 90 с.
6. Закревский Н.И. Севастополь, 1831 год (Записки врача морской службы) // Морской журнал. 1862. Т. 54, № 3–4. С. 44–86.
7. Календарь и памятная книжка Таврической губернии на 1896 год / издание Таврического губернского статистического комитета. Симферополь: Тавр. губ. тип., 1896. 200 с.
8. Об учреждении карантинных домов в Керчи и Еникале // ИТУАК. 1893. № 19. С. 26–27.
9. Прохоров Д.А. О стихийных бедствиях на Крымском полуострове // Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825 / под ред. Н.И. Храпунова, Д.В. Конкина. Севастополь, 2017. С. 57–75.
10. Прохоров Д.А., Борщик Н.Д. Деятельность таможенных и карантинных учреждений Российской империи во второй половине XIX в. в документах Государственного архива Республики Крым // МАИЭТ. 2024. Вып. XXIX. С. 491–499. DOI: 10.29039/2413-189X.2024.29.491-499.

11. Смирнова Е.М., Ерегина Н.Т. «Карантины чуть не взбунтовали 16 губерний»: Власть, врачи и общественность России в борьбе с эпидемиями холеры (XIX – начало XX веков) // Новый исторический вестник. 2021. № 2 (68). С. 33–47.
12. Хартахай Ф.А. Женский бунт в Севастополе. (1830) // Современник: журнал литературный и политический. 1865. Т. 110, № 9–10. С. 363–395.
13. Черноусов А.А. Деятельность адмирала М.П. Лазарева на посту Военного губернатора Николаева и Севастополя // Причерноморье. История, политика, культура. Новая и новейшая история. Вып. I. Избранные материалы Международных научных конференций «Лазаревские чтения» / Под общ. ред. В.И. Кузищина. Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2009. С. 10–20.

REFERENCES

1. [Murzakevich N.N.] Letters from Vasily Vasilyevich Kochovsky, Ruler of the Tauride region, to V.S. Popov, Ruler of the Chancellery, for a report to His Serene Highness Prince Grigory Alexandrovich Potemkin-Tavrichesky. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostej* [Notes of the Odessa Society of History and Antiquities], 1877, vol. 10, pp. 235–361.
2. Borshhik N.D., Prohorov D.A. Border and quarantine guards of the Tauride province (late 18th – mid 19th centuries). *Uchenye zapiski. Elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University], 2019, no. 3 (51), pp. 8–16.
3. Borshhik N.D. The most loyal reports of governors and mayors in the funds of the State Archive of the Republic of Crimea. A.I. Razdorskij, D.N. Shilov (Eds.), *Bibliografija. Arheografija. Istochnikovedenie: Sbornik statej i materialov* [Bibliography. Archaeography. Source study: Collection of articles and materials], Iss. 5, St. Petersburg, Moscow, Old Basmannaya Publ., 2021, pp. 130–139.
4. Borshchik N.D. Quarantine institutions of the Crimean Peninsula in the second half of the 19 th century (based on the materials from the Archives of the city of Sevastopol). *Istoriya i arhivy* [History and Archives], 2025, no. 7 (2), pp. 12–21.
5. Griboyedov A.S. *Putevye zapiski: Kavkaz – Persiia* [Travel notes: Caucasus – Persia]. Tiflis, 1931, 90 p.
6. Zakrevsky N.I. Sevastopol, 1831 (Notes of a doctor of the naval service). *Morskoj zhurnal* [Marine Journal], 1862, vol. 54, no. 9–10, pp. 44–86.
7. *Kalendar' i pamiatnaia knizhka Tavricheskoi gubernii na 1896 god* [Calendar and commemorative book of the Tauride province for 1896]. Simferopol, 1896, 200 p.
8. On the establishment of quarantine houses in Kerch and Yenikale. *Izvestiya Tavricheskoj uchenoj arhivnoj komissii* [News of the Taurida Archival Commission], 1893, no. 19, pp. 26–27.
9. Prokhorov D.A. On natural disasters on the Crimean peninsula. N.I. Khrapunov, D.V. Konkin (Eds.), *Problemy integracii Kryma v sostav Rossii, 1783–1825* [Problems of integration of Crimea into Russia, 1783–1825], Sevastopol, 2017, pp. 57–75.
10. Prokhorov D.A., Borshchik N.D. Works of the Russian Empire's Customs and Quarantine Offices in the Second Half of the Nineteenth Century according to the Documents from the State Archive of the Republic of the Crimea. *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2024, vol. 29, pp. 491–499.
11. Smirnova E.M., Eregina N.T. "Quarantines Nearly Incited Revolt in 16 Provinces": Government, Physicians, and the Russian Public in the Fight against Cholera Epidemics (19th – Early 20th Centuries). *Novyj istoricheskij vestnik* [The New Historical Bulletin], 2021, no. 2 (68), pp. 33–47.
12. Khartakhai F.A. Women's riot in Sevastopol (1830). *Sovremennik* [The Contemporary], 1865, vol. 110, no. 9–10, pp. 363–395.
13. Chernousov A.A. Admiral M.P. Lazarev's activities as Military Governor of Nikolaev and Sevastopol. *Prichernomor'e. Istoriya, politika, kul'tura* [The Black Sea region. History, politics, culture], vol. 1, Sevastopol, 2009, pp. 10–20.

Информация об авторе

Борщик Н. Д. – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры управления документами, архивами и организации работы с молодежью исторического факультета, Институт «Таврическая академия», Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Researcher ID: D-1497-2017, Scopus Author ID: 57202778422.

Author information

Borshchik N. D. – Doctor of Science (History), Professor of the Department of Document Management, Archives and Organization of Work with Youth, Faculty of History, Institute "Taurian Academy", V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: D-1497-2017, Scopus Author ID: 57202778422.

DOI: 10.29039/2413-189X.2025.30.606-615

ФОРМИРОВАНИЕ КАДРОВОГО СОСТАВА СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ ТАМОЖНИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Дмитрий Анатольевич Прохоров
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия
prohorov1da@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-9162-4705

Аннотация. В статье проанализирована история формирования чиновничье-бюрократического аппарата одного из центральных таможенных учреждений Крымского полуострова, действовавшего во второй половине XIX – начале XX в. на территории Севастопольского градоначальства, а именно Севастопольской таможни. Важным компонентом исследования стало выявление на основе архивных документов (часть из которых впервые вводится в научный оборот), а также опубликованных источников особенностей административной коммуникации, данных о кадровом составе этой инстанции. Изучены документы о модернизации Севастопольской таможни во второй половине XIX в., об этапах формирования ее структуры и особенностях комплектования штатов. Среди изученных материалов – рапорты представителей региональной таможенной администрации, распоряжения вышестоящего начальства, списки служащих и иная документация. Все это позволило осуществить комплексный анализ данного вопроса. Сделан вывод о том, что Севастопольская таможня во второй половине XIX в. являлась одним из ключевых таможенных пунктов на Крымском полуострове, через который Россия осуществляла экспортно-импортные операции в Северном Причерноморье. Она оставалась на лидирующих позициях по торговому обороту в регионе вплоть до начала XX в. Чиновничье-бюрократический аппарат таможни составляли опытные служащие, не протяжение многих лет работавшие в различных структурах таможенного ведомства. Вместе с тем в ходе ревизий, проводившихся в Севастопольской таможне вышестоящим начальством, был выявлен ряд нарушений, допущенных таможенными чиновниками при выполнении ими служебных обязанностей.

***Ключевые слова*:** Российская империя, Таврическая губерния, Крымский полуостров, Севастопольская таможня, чиновничье-бюрократический состав

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01285 «Таможенные органы, пограничная стража и карантины Крымского полуострова в системе государственного управления Российской империи (вторая половина XIX в.)», https://rscf.ru/project/24-28-01285/

THE FORMATION OF PERSONNEL OF THE SEVASTOPOL CUSTOMS IN THE SECOND HALF OF THE NINETEENTH AND EARLY TWENTIETH CENTURY

Dmitry A. Prokhorov
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
prohorov1da@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-9162-4705

Abstract. This article analyzes the development of the bureaucratic apparatus of one of the central customs institutions in the Crimean Peninsula, namely the Sevastopol Customs, which operated in the second half of the nineteenth and early twentieth century within the Sevastopol city administration. An important component of the research is the identification of administrative communication features and personnel data according to archival documents (some of which are introduced into the scholarly circulation for the first time) and published sources. Documents on the modernization of the Sevastopol Customs in the second half of the nineteenth century, the stages of its structural development, and staffing practices have been examined. Among the researched materials are the reports from representatives of the regional customs administration, orders from superior authorities, lists of employees, and other documents. The whole set of attracted materials allowed the author to make comprehensive analysis of the topic under study. The conclusion is that in the second half of the nineteenth century the Sevastopol Customs was one of the key customs points in the Crimean Peninsula, through which Russia conducted export and import operations in the Northern Black

Sea Area. These customs continued its leadership in trade turnover in the region as late as the early twentieth century. The customs bureaucracy consisted of experienced employees who worked for many years in various departments of the customs agency. However, audits conducted by senior management at the Sevastopol Customs revealed a number of violations committed by customs officials in the performance of their duties.

***Keywords*:** Russian Empire, Taurida Governorate, Crimean Peninsula, Sevastopol customs, personnel of officials and bureaucrats

Acknowledgments: This research has been funded by the grant from the Russian Science Foundation no 24-28-01285 *Custom Bodies, Border Guards, and Quarantines in the Crimean Peninsula within the State Government System of the Russian Empire (Second Half of the Nineteenth Century)*, https://rscf.ru/project/24-28-01285.

Изучение вопросов, связанных с историей развития таможенных и карантинных учреждений в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в., сегодня является одним из приоритетных направлений в соответствующей области исторических исследований. Среди основных сюжетов, разрабатываемых большинством специалистов – этапы создания и деятельности таможен и карантинов, анализ специфики организации их повседневной работы, изучение экспортно-импортных операций, осуществлявшихся таможенными учреждениями, борьба с контрабандным ввозом товаров на территорию империи, реализация мер по карантинному контролю на морских и сухопутных границах России. В числе публикаций, в которых затрагивается данная проблематика, необходимо указать на разработки как отечественных [4; 8, с. 3–7; 9, с. 38–46; 13, с. 118–119; 16, с. 462–470; 17, с. 572–581; 20], так и зарубежных авторов [6, с. 218–221; 7, с. 154–160; 24, p. 181–196; 25]. Вместе с тем следует заметить, что история таможенных и карантинных учреждений, действовавших в рассматриваемый период в Таврической губернии (как непосредственно на самом Крымском полуострове, так и на территории ее материковых уездов, а также в Севастопольском, Феодосийском и Керчь-Еникальском градоначальствах) практически не исследовалась. Определенный вклад в изучение этой темы внесла группа авторов, осуществивших научную реконструкцию истории деятельности крымских таможен конца XVIII – второй половины XIX в. [5, с. 8–16; 22, p. 528–537; 23, p. 1506–1513].

Целью предлагаемой статьи является анализ деятельности одного из региональных таможенных учреждений Российской империи, Севастопольской таможни, и, в частности, этапы и особенности формирования ее кадрового состава во второй половине XIX – начале XX в. Для исследования были привлечены опубликованные материалы, различные сборники распоряжений и постановлений таможенного ведомства Российской империи, а также материалы Государственного архива Республики Крым (ГАРК, г. Симферополь) и Архива города Севастополя (АГС, г. Севастополь), при этом большинство выявленных документов ранее не вводились в научный оборот.

Во второй половине XIX в. объемы торговли в черноморских портах Крыма существенно увеличились, что потребовало пересмотра функционала ряда таможенных учреждений полуострова. Поэтому 18 марта 1860 г. высочайшим указом № 35570 Правительствующему сенату «О переводе Балаклавской таможенной заставы в Севастополь, и Севастопольского таможенного надзора в Балаклаву» император Александр II распорядился: учредить в Севастополе таможенную заставу вместо ранее действовавшего там пункта таможенного надзора при карантине. Подобная модернизация, согласно пунктам текста указа, должна была быть осуществлена при соблюдении «всех нынешних прав и обязанностей сих таможенных мест». Таким образом таможня в Севастополе получила статус Севастопольской таможенной заставы, а в Балаклаве появился пункт Балаклавского таможенного надзора [14, 1862, Т. 35, отд. 1, с. 243].

Тогда же, в 1860 г., были учреждены должности начальников Феодосийского (Феодосийская, Евпаторийская таможни, Севастопольская и Ялтинская таможенные заставы) и Таганрогского таможенных округов (Керчь-Еникальский и Таганрогский таможенные округа объединили в один, с местопребыванием начальника округа в Керчи), причем указанные должностные лица первоначально подчинялась начальнику Феодосийского таможенного округа. В 1876 г. управление Феодосийским таможенным округом перевели в Севастополь,

но уже в 1881 г. Феодосийский таможенный округ был переименован в Крымский, а Таганрогский – в Азовский. Впоследствии Феодосийский и Таганрогский таможенные округа объединили в Южный таможенный округ, управление которым с 1887 г. находилось в Одессе [19, с. 32].

5 ноября 1863 г. последовал высочайший указ № 40225 «Об учреждении в Севастополе таможни 1-го класса 2-го разряда и об упразднении в Севастополе и Ак-Мечети таможенных застав», в соответствии с которым повелевалось: вместо действовавшей в Севастополе таможенной заставы учредить таможню 1-го класса 2-го разряда с теми же правами, которые были ранее предоставлены таможне в Николаеве Херсонской губернии. Для ежегодного содержания вновь открытого таможенного учреждения государственное казначейство выделило сумму в размере 9783 руб. [14, 1866, Т. 38, отд. 2, с. 176–177]. Штат таможни предполагал наличие таких служащих, как: управляющий таможней (чиновник VI класса с годовым жалованием 858 руб. серебром, с выдачей столовых денег в сумме 800 руб.); член правления, он же казначей (чиновник VIII кл., с жалованием 571 руб., столовых денег – 500 руб.); секретарь (чиновник IX кл., жалование – 325 руб., столовых денег – 300 руб.); переводчик (чиновник X кл., жалование – 228 руб., столовых денег – 200 руб.); бухгалтер-«выкладчик пошлин» (чиновник X кл., жалование – 285 руб., столовых денег – 250 руб.); пакгаузный надзиратель (чиновник IX кл., жалование – 343 руб., столовых денег – 300 руб.); вагстемпельмейстер (чиновник XII кл., в обязанности которого входило взвешивание товаров; с жалованием 200 руб., столовых денег – 200 руб.) и корабельный смотритель (чиновник IX кл., жалование – 343 руб., столовых денег – 300 руб.). Помимо вышеперечисленных сотрудников предполагался наем эксперта для освидетельствования провозимых через таможню аптекарских материалов и красок (чиновник XII кл., с жалованием 350 руб. в год). Канцелярским служащим (эти должности должны были занять чиновники XII кл.) было определено жалование 900 руб. в год, на канцелярские расходы выделялось 530 руб., а досмотрщикам и сторожам (они привлекались в таможню на сезонные работы) штатным расписанием предписывалось платить 2 тыс. руб. ежегодно [14, 1866, Т. 38, отд. 2, с. 327].

Вскоре бюджетная часть севастопольских таможенных и карантинных учреждений по решению правительства была увеличена. С 1 марта 1866 г. в соответствии с высочайше утвержденным «Уставом о карантинах» (указ № 43061) все корабельщики (начальники или владельцы торговых судов, провозивших товары через таможни, а также шкипера и пр.) обязаны были платить по установленной местным карантинным управлением таксе, ранее утвержденной губернатором или градоначальником: в карантинах переводчикам – за консаменты, реестры и объявления; писцам – за изготовление копий документов, а гвардионам (служителям при карантинной страже, которые назначались на определенные в карантин суда, где находились пассажиры) и рабочим – за труды их по установленной таксе [14, 1866, Т. 41, отд. 1, с. 201]. Тем же указом утверждались штатные расписания Феодосийской и Керченской полурот карантинной стражи, а также карантинных учреждений в Новороссийской крае и Бессарабии в целом.

3 июля 1874 г. было опубликовано высочайше утвержденное мнение Государственного совета № 55696 «О преобразовании существующих в Николаеве и Севастополе таможен 2-го класса в таможни 1-го класса», которое было объявлено Сенату управляющим Министерством финансов 18 июля 1874 г. Этим документом устанавливалось, что к Севастопольской таможне было применено штатное расписание Либавской таможни, а к Николаевской – Ревельской. В Севастопольской таможне теперь по штату полагались следующие должности: управляющего, двух членов правления (причем один из них – на должности казначея), секретаря, бухгалтера и «выкладчика пошлин», пакгаузного надзирателя, двух его помощников, корабельного смотрителя и его помощника [14, 1876, Т. 49, отд. 2, с. 8–9].

По окончании мероприятий, связанных с преобразованием Николаевской и Севастопольской таможен в таможенные учреждения 1-го класса, по определению Госсовета было решено отпускать из государственного казначейства ежегодно на содержание личного состава: для Николаевской таможни – 12 850 руб. в год (вместо ассигнованных ранее на эти цели 4390 руб.) и Севастопольской таможни – 10 900 руб. ежегодно (ранее эта сумма составля-

ла 3130 руб.). Помимо этого, Госсовет принял решение ежегодно, в дополнение к суммам, назначенным в соответствии со сметой Департамента таможенных сборов, выделять: а) на содержание канцелярских чиновников – 3078 руб.; б) на канцелярские и хозяйственные расходы – 1460 руб.; в) на наем досмотрщиков – 6893 руб.; г) на награды и пособия должностным лицам таможенных учреждений – 6132 руб. [14, 1876, Т. 49, отд. 2, с. 8–9].

В том случае, если модернизированные, в соответствии с законом № 55696, таможни в Николаеве и Севастополе открылись бы уже в 1874 г., то на эти цели предусматривались дополнительные расходы на их содержание, а именно на счет остатков от кредитов, назначенных по действовавшей смете Департамента таможенных сборов. С 1875 г. вышеуказанные суммы должны были быть внесены в установленном порядке в составленную и утвержденную ранее правительством смету [14, 1876, Т. 49, отд. 2, с. 9].

Большинство должностных лиц, назначавшихся в Севастопольскую таможню, считались опытными чиновниками, ранее проходившими службу в различных подразделениях таможенного ведомства. В 1865 г. пост управляющего Севастопольской таможней занимал кол. ас. К.И. Трувеллер, членом правления и казначеем значился шт.-кап. М.В. Елагин (через год возглавивший эту таможню, а на должности казначея его сменил кол. секр. Г.Я. Сосновский), секретарем – тит. сов. А.П. Тамара. В 1869 г. таможенное учреждение в Севастополе возглавил уже Г.Я. Сосновский, а членом правления и казначеем стал кол. сов. Ф.Ф. фон Минстер (которого, в свою очередь, в 1870 г. сменил н. сов. Д.С. Тинтул, а в 1873 г. – кол. секр. Е.С. Бабанин). В последующие годы Севастопольской таможней руководили: тит. сов. Н.А. Лисенко (1874–1875), ст. сов. К.Т. Никитенко (1875–1879), И.М. Мессарош (1880–1884), кол. сов. Н.Н. Броневский (1885–1892), ст. сов. К.Г. Рогуль (Рогуля) (1892–1908), кол. сов. С.А. Кущ (1909–1910), кол. сов. С.Р. Габрилович (с 1911 г.; по другим сведениям – с 1913 г.). В должности членов правления и казначея при таможне в разное время служили: кол. ас. Ф.А. Евреинов (1875), ст. сов. К.Г. Рогуль (Рогуля) (1876–1882), Н.Н. Броневский (1878–1884), н. сов. А.Л. Вельяшов (1882–1885), кол. сов. Л.В. Исаков (1885–1893), кол. ас. (затем – кол. сов.) С.Г. Лейбин (1887–1895), кол. сов. Н.А. Григоровский (1894–1898), кол. секр. Ю.А. Нератов (1895–1901), кол. сов. Н.А. Циммерман (1900–1907), кол. ас. Г.Н. Стратанович (1901–1906), н. с. В.М. Лебедев (1907–1911), тит. сов. А.А. Соболев (1907–1912), ст. сов. Т.Н. Чаплин (1911–1912). Секретарскую должность в разное время занимали: кол. секр. (затем – тит. сов.) С.Ф. Творковский (1881–1892), н. сов. П.В. Безруков (1885), губ. секр. С.А. Кущ (1893–1894), губ. секр. А.А. Околович (1894–1895), кол. ас. А.В. Пещанский (1895–1896), кол. секр. Д.К. Лаврентьев (1896–1897), кол. секр. Н.С. Петров (1897–1898), кол. секр. А.Ф. Бартошинский (1897–1907), губ. секр. А.И. Панащатенко (1907) [1, 1865, стб. 439–440; 1, 1867, стб. 457; 1, 1869, стб. 517; 1, 1870, стб. 550; 1, 1873, стб. 498; 2, 1874, стб. 497; 2, 1875, стб. 503; 2, 1876, стб. 509; 2, 1878, стб. 510; 2, 1880, стб. 510; 2, 1881, стб. 538; 2, 1882, стб. 534; 2, 1885, стб. 525–526; 2, 1887, стб. 520; 2, 1893, стб. 656; 2, 1894, стб. 663; 2, 1895, стб. 688–689; 2, 1896, стб. 703; 2, 1897, стб. 383; 2, 1898, стб. 396; 3, 1900, стб. 419; 3, 1901, стб. 429; 3, 1906, стб. 439; 3, 1908, стб. 469; 3, 1909, стб. 508; 3, 1911, стб. 568; 3, 1912, стб. 628; 11, с. 190].

Многие из вышеназванных чиновников смогли продолжить свою карьеру и в других таможенных учреждениях Российской империи. Например, ст. сов. И.В. Мессарош по решению руководства ведомства был перемещен на должность члена правления в Варшавскую таможню; ст. сов. Н.А. Лисенко – назначен управляющим Ростовской таможней; н. сов. К.Г. Рогуль (Рогуля) – управляющим Евпаторийской таможней (он был назначен туда в 1881 г., а с 1892 г. возглавил Севастопольскую таможню); кол. сов. майор Ф.А. Евреинов впоследствии служил казначеем в Таганрогской таможне, а затем – помощником управляющего в Московской таможне и т.д. [15, с. 18].

Детальная информация о служащих таможенных учреждений приведена в послужных списках чиновников таможенного ведомства за разные годы. Вот как выглядел штат Севастопольской таможни 1-го класса 3-го разряда в 1907 г. В должности управляющего находился ст. сов. К.Г. Рогуль (Рогуля) (1840 г.р., православный), ранее отучившийся в Черноморской гардемаринской роте. В гражданскую службу он вступил в 1855 г., а по та-

моженному ведомству числился с 1874 г. Пост управляющего Севастопольской таможни он занял в 1892 г. (где находился вплоть до 1908 г.). Имел VI-классный чин, был награжден орденом св. Станислава 2-й ст. Жалование управляющего составляло 3 тыс. руб. в год. В штате таможни числились также члены правления: тит. сов. А.А. Соболев (1873 г.р., православный, окончил Императорский Новороссийский университет. В гражданской службе и по таможенному ведомству – с 1899 г.; в Севастопольской таможне – с 1907 г. Чиновник VII кл., жалованье – 2200 руб.; был награжден орденом св. Станислава 3-й ст.); В.М. Лебедев (1854 г.р., православный, окончил учительскую семинарию. В гражданской службе – с 1875 г., по таможенному ведомству – с 1883 г., в Севастопольской таможне – с 1904 г. Был награжден орденом св. Станислава 3-й ст.).

Должность пакгаузного надзирателя при Севастопольской таможне занимал н. с. Л.Д. Загоровский (1844 г.р., католического вероисповедания, окончил Херсонское училище торгового мореплавания, в гражданской службе с 1869 г. По таможенному ведомству – с 1877 г., в Севастопольской таможне – с 1898 г. Чиновник VIII кл., жалование – 1800 руб. в год; наград не имел). На посту корабельного смотрителя служил к. секр. Ф.Л. Тухолка (1872 г.р., православный, окончил 7 классов гимназии. В службе с 1893 г., по таможенному ведомству – с 1899 г., в Севастопольской таможне – с 1904 г. Чиновник VIII кл., жалованье – 1800 руб.; наград не имел). Помощником пакгаузного надзирателя был назначен к. секр. С.С. Белкин (1866 г.р., православный, окончил 6 классов гимназии. В службе с 1887 г., по таможенному ведомству – с 1887 г., в Севастопольской таможне – с 1905 г. Чиновник IX кл., жалованье – 1300 руб.; наград не имел). Бухгалтером при Севастопольской таможне с 1898 г. служил чиновник VIII кл. н. сов. Я.С. Тимецкий (1852 г.р., православный, окончил духовное училище, в службе с 1870 г., по таможенному ведомству – с 1881 г., в Севастопольской таможне – с 1898 г. Жалование – 1400 руб.; наград не имел). Наконец, секретарские обязанности исполнял кол. ас. А.Ф. Бартошинский (1861 г.р., католического вероисповедания, окончил Императорский Новороссийский университет. В гражданской службе и по таможенному ведомству – с 1894 г., в Севастопольской таможне – с 1897 г. Чиновник IX кл., жалованье – 1200 руб.; наград не имел) [10, с. 139–140].

В 1913 г. Севастопольскую таможню 1-го класса 4-го разряда возглавил ст. сов. С.Р. Габрилович (1863 г.р., католического вероисповедания), окончивший Санкт-Петербургский императорский университет. В гражданскую службу он вступил в 1889 г., тогда же началась его карьера по таможенному ведомству. Состоял в чине VI класса, с жалованием 3 тыс. руб. в год. Был награжден орденом св. Станислава 2-й ст. Должность контролера 3-го разряда (чиновник VII класса, 2500 руб. в год) занимал межевой инженер н. сов. М.А. Гринвальд (1870 г.р., православный, в гражданской службе с 1890 г., в таможенной службе – с 1903 г., в Севастопольской таможне – с 1913 г.). Контролерами 5-го разряда (чиновники VIII класса, с окладом 1700 руб. в год) служили: нижний чин В.И. Кребсбах (1870 г.р., евангелическо-лютеранского вероисповедания, магистр фармации; в гражданской службе и по таможенному ведомству – с 1907 г., в Севастопольской таможне – с 1913 г.), н. сов. Ф.И. Тишко (1850 г.р., православный, окончил уездное училище; в гражданской службе с 1869 г., по таможенному ведомству – с 1873 г., в Севастопольской таможне – с 1913 г.).

Секретарскую должность в 1913 г. занимал кол. асс. Л.К. Гейсман (1874 г.р., католического вероисповедания, окончил Императорский Новороссийский университет). К 1899 г. относится начало его службы по гражданскому ведомству; с 1908 г. он – в таможенном ведомстве, а с 1913 г. – в Севастопольской таможне (чиновник VIII класса, с окладом 1500 руб. в год). Бухгалтером служил кол. асс. Г.В. Савицкий (1858 г.р., православный, окончил духовное училище). На гражданскую службу он поступил в 1878 г., «по таможенной части» – с 1885 г., в Севастопольской таможне – с 1913 г. Имел чин VIII кл., годовое жалование составляло 1500 руб. Пакгаузным и корабельным смотрителем числился кол. асс. С.С. Белкин (1866 г.р., православный, окончил 6 кл. гимназии; на таможенной службе с 1887 г., с 1913 г. – в Севастопольской таможне. Чиновник VIII кл., жалование 1600 руб.). Наконец, помощником пакгаузного и корабельного смотрителя числился н. сов. Н.В. Потоцкий (1861 г.р., православный, окончил Кавказское юнкерское училище; на гражданской службе с 1880 г., по

таможенному ведомству – с 1908 г., в Севастопольской таможне – с 1913 г. Чиновник IX кл., жалование 1200 руб. Был награжден орденом св. Анны 3-й ст.) [12, с. 272–271].

Уставом о таможенной службе 1904 г. в ряде таможен Российской империи вводилась должность так называемого «чайного контролера». В обязанности чиновников, занимавших данную вакансию, входил контроль за правильностью упаковки чая в бандероли в специальных «рассыпочных» помещениях при таможнях. Чайные контролеры, имевшие право на вступление в государственную службу, определялись по распоряжению управляющих главных складочных и первоклассных таможен. Лица, претендовавшие на замещение таковой должности, должны были обладать необходимым опытом в службе по таможенному ведомству, а также отличаться «своими долговременными и вполне безупречными занятиями по вольному найму или в прежде занимаемых ими должностях». Чайные контролеры по статусу «состоящих при таможне» никакого специального содержания от казны не получали, в соответствии с циркулярами Департамента таможенных сборов №№ 12626 и 12627 от 12 июня 1896 г. Единственной таможней на Крымском полуострове, где была введена эта штатная единица, стала Севастопольская таможня [21, с. 1, 16–17].

Параллельно с организацией таможни в Севастополе осуществлялись мероприятия по усовершенствованию карантинной службы. Севастопольскому карантину, обустроенному в Александровской бухте (все прибывшие суда проходили карантинную обсервацию в Карантинной бухте) [АГС, ф. 22, оп. 1, д. 96, л. 2], в соответствии с «Уставом о карантинах» присвоили статус карантинного агентства 1-го класса, а его штатный состав составляли: агент (чиновник VII класса, с годовым жалованием 600 руб., квартирных и столовых денег – по 300 руб.) и комиссар (чиновник IX класса, с годовым жалованием 400 руб., квартирных и столовых денег, соответственно, 200 и 120 руб.). На «разъездные надобности» полагалось 300 руб., на наем писца и канцелярские расходы – 300 руб. Бюджетная часть Севастопольского карантинного агентства 1-го класса, официально начавшего свою деятельность 29 января 1867 г., ежегодно составляла 2250 руб. Всего же на карантинные учреждения Феодосийского округа (Феодосийский карантин, Евпаторийское и Севастопольское карантинные агентства 1-го класса) государством выделялось 18 770 руб., а Керченскому карантину (Керченский карантинный округ) – 15 190 руб. в год [14, 1866, Т. 41, отд. 2, с. 244–245]. Таким образом, ранее действовавший в Севастополе военный карантин, должность таможенного смотрителя при нем и карантинная полурота как штатные единицы в 1866 г. упразднялись (дело об ликвидации их архивов датировано декабрем 1867 г.) [АГС, ф. 22, оп. 1, д. 4, л. 1–34].

Деятельность Севастопольского карантинного агентства (а именно: досмотр судов, их обсервация, прочие карантинные «обрядности и меры») регламентировалась не только «Уставом о карантинах» 1866 г., но и «Уставом врачебным» 1857 г. [19, с. 55]. За проведение карантинных мероприятий взимались установленные этими документами суммы. Так, например, в январе 1883 г. в соответствии с ведомостью о судоходстве и карантинных сборах по Севастопольскому карантинному агентству из-за границы прибыло 21 судно, отбыло – 10, из российских портов – 24 судна, а общая сумма карантинных сборов составила 158 руб. 86 коп. В феврале 1883 г. в Севастополь прибыло 13 судов, отбыло – 14, из российских портов – 13 судов; сумма сборов составила 112 руб. 28 коп. С началом морской навигации в марте 1883 г. эти цифры выглядели так: прибыло 23 судна, отбыло – 12, из российских портов – 39 судов; сумма сборов составила 114 руб. 37 коп. [АГС, ф. 22, оп. 1, д. 115, л. 4–6].

В октябре 1901 г. начальник Южного таможенного округа ст. сов. А.А. Нарбут подготовил отчет о состоянии таможенных учреждений вверенного ему округа (всего на тот момент у него в подчинении значились 32 таможни и таможенных переходных пункта, 9 из которых были локализованы на Крымском полуострове). В частности, в ходе проведения этой инспекции чиновник выявил ряд нарушений в работе Севастопольской таможни. Прежде всего, нарекания у А.А. Нарбута вызвала деятельность хозяйственной комиссии, сформированной из состава чиновников таможни. Так, практически в течение полугода ими не велась материальная книга, в ней имелись существенные пропуски, отсутствовали записи о стоимости приобретенных материалов, а также о том кому, когда и сколько их было выдано. В т.н. «кладовой денежной книге» (а также в некоторых бухгалтерских книгах) были выявлены

исправления, что запрещалось делать без соответствующего согласования. В клеймильной книге (книге учета клеймения товаров) не были заполнены графы, в которых должны были быть отражены показатели уплаты за пломбы денежных сумм; не указывался и разбор пломб [ГАРК, ф. 223, оп. 1, д. 4, л. 57, 57 об.].

Одним из грубых нарушений действовавшего распорядка стало то, что в отделении с пассажирскими вещами в течение 5 лет хранилось ружье, проданное на аукционе, но не переданное его приобретателю в силу того, что тот не предоставил свидетельство на право ношения оружия (при провозе через таможню оружия и патронов к нему таможенные служащие руководствовались предписаниями, сделанными на имя начальников таможенных округов Министерством финансов от 30 апреля 1863 г. № 5465, от 12 марта 1868 г. № 3085, а также циркуляром по таможенному ведомству от 20 апреля 1879 г. № 6464) [18, с. 204].

Инспекция начальника Южного таможенного округа обнаружила, что Севастопольская таможня задерживает отправку описей по тем товарам, которые требовали переоценки и предоставления в Департамент таможенных сборов. А.А. Нарбут отметил и недостаточно внимательное ведение пакгаузной книги; неаккуратно заполнялась книга по расходу транзитных замков. Архивные дела и книги хранились в беспорядке: в частности, не было архивной описи по делам 1-го разряда. Что касается разрешений на дела, подлежащих уничтожению, то они не были подписаны в Департаменте таможенных сборов, а сами архивные дела – не разобраны по своим разрядам. В журналах исходящих и входящих бумаг имелись пропуски в отметках. В деле о торгующих при таможне лицах инспекция выявила доверенность, не соответствовавшую установленным требованиям (а именно циркулярному распоряжению Департамента таможенных сборов от 8 марта 1893 г. № 4516). Наконец, А.А. Нарбут отмечал, что конфискационное производство велось неправильно, несмотря на то обстоятельство, что в штате Севастопольской таможни числился секретарь с юридическим образованием (на тот момент в этой должности состоял кол. секр. А.Ф. Бартошинский) [ГАРК, ф. 223, оп. 1, д. 4, л. 57 об.].

Таким образом, можно констатировать, что статус Севастопольской таможни во второй половине XIX – начале XX в. претерпел ряд изменений. При создании в Севастополе таможенного учреждения ему был присвоен статус 1-го класса 2-го разряда, и вплоть до конца XIX в. она оставалась основным пунктом, через который велась оживленная торговля с другими регионами России и с зарубежными странами. Затем Севастопольская таможня функционировала уже в рамках присвоенного ей 2-го класса, однако в 1874 г. по решению Госсовета ей был возвращен статус таможни 1-го класса. В начале XX в., в связи с завершением модернизации Феодосийской таможни и направлением основного грузопотока через феодосийский порт, Севастопольская таможня получила сначала статус 1-го класса 3-го разряда, а затем была переведена в 4-й разряд.

Что касается штатного состава этого таможенного учреждения, то с момента его формирования в 1863 г. он тоже несколько раз видоизменялся. Пост управляющего Севастопольской таможни в разное время занимали должностные лица, которых отличали большой опыт работы в различных таможенных структурах Российской империи. Чиновники, состоявшие в штате Севастопольской таможни, являлись высококвалифицированными специалистами, а в их задачи входило не только оформление поступавших и отправляемых товаров, но и досмотр приходящих и отходящих судов и выявление контрабанды. Вместе с тем таможенное начальство при проведении в начале XX в. инспекционных мероприятий подвергло критике состояние делопроизводства в Севастопольской таможне и указало на недостаточно ответственное исполнение чиновниками их служебных обязанностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи, и по главным управлениям в Царстве Польском и в Великом княжестве Финляндском [на 1865–1873 гг.]. Ч. 1. Власти и места Центрального управления и ведомства их. СПб.: тип. Имп. Академии наук, [1865–1873].
2. Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи [на 1874–1898 гг.]. Ч. 1. Власти и места Центрального управления и ведомства их. СПб.: тип. Правительствующего Сената, [1874–1898].
3. Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи [на 1900–1912 гг.]. Ч. 1. Власти и места Центрального управления и ведомства их. СПб.: Сенатская тип., [1900–1912].
4. Алексушин Г.В., Семин Ю.А. Таможня Российской империи на море. СПб.: Издательско-полиграфический комплекс «Гангут», 2023. 312 с.
5. Борщик Н.Д., Прохоров Д.А. Пограничная и карантинная стражи Таврической губернии (конец XVIII – середина XIX в.) // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2019. № 3(51). С. 8–16.
6. Гаффори Н.У., Кадирзаде Х.С. Таможенная деятельность в Центральной Азии во второй половине XIX – начале XX века // Вестник Педагогического университета. 2021. № 2(91). С. 218–221.
7. Горак А.Г. Документы российских таможенных учреждений западной окраины Российской империи (Царства Польского) // Документ. Архив. История. Современность: Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Екатеринбург, 16–18 ноября 2018 года / Отв. ред. Л.Н. Мазур. Екатеринбург: Уральский федеральный университет, 2018. С. 154–160.
8. Гриценко Е.Н. Общая характеристика таможенного регулирования кяхтинской торговли во второй половине XIX в. // Юридическая гносеология. 2017. № 3–4. С. 3–7.
9. Доржиев Н.Ж.Б. Контрабанда драгоценных металлов в XIX в.: условия, специфика и способы противодействия в кяхтинском приграничье // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2024. Т. 49. С. 38–46.
10. Личный состав Департамента таможенных сборов и учреждений Таможенного ведомства по сведениям до 25 мая 1907 г. СПб.: тип. Отд. корп. погр. стражи, 1907. IX, 228 с.
11. Личный состав Департамента таможенных сборов и учреждений Таможенного ведомства по сведениям до 1 сентября 1908 г. СПб.: тип. Отд. корп. погр. стражи, 1908. X, 252 с.
12. Личный состав Департамента таможенных сборов и учреждений Таможенного ведомства по сведениям до 9 января 1913 г. СПб.: тип. Отд. корп. погр. стражи, 1913. IX, 365 с.
13. Пирова Р.Н. Специфика таможенного досмотра при Астраханской таможне в 1840-е гг. // Евразийский юридический журнал. 2018. № 6(121). С. 118–119.
14. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание второе. СПб., 1825–1881.
15. Приказы управляющего Министерства финансов от 12 ноября 1881 г., за № 17 // Санкт-Петербургские Сенатские ведомости. 1882. № 5. 12 января. С. 18.
16. Прохоров Д.А., Борщик Н.Д. Деятельность таможенных и карантинных учреждений Российской империи во второй половине XIX в. в документах Государственного архива Республики Крым // МАИЭТ. 2024. Вып. 29. С. 462–470.
17. Прохоров Д.А. Морские таможни и таможенные заставы Таврической губернии в 50–60-х годах XIX века // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2024. Т. 18, № 4(70). С. 572–581.
18. Сборник распоряжений по таможенному ведомству по пропуску товаров и отчетности таможен. За 1870–1880 года. СПб.: тип. В. Киршбаума, 1881. XXIII, 251, XXIV, 248, [2] с.
19. Свод законов Российской империи. Т. 6. Уставы таможенные. С 1 января 1864 по 31 декабря 1868 года. Ч. 2. Статьи к VI, VII, VIII и IX томам Свода. СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1868. 853 с.
20. Солонченко Е.А. Таможенная политика на юго-востоке России и ее реализация в Оренбургском крае в 1752–1868 гг. Оренбург: Оренбургский государственный педагогический университет, 2007. 312 с.
21. Устав таможенный (Св. зак. т. VI, изд. 1904 г.): издание неофициальное с инструкциями, правилами, списками и разъяснениями, а также извлечениями из других частей Свода законов, необходимыми в таможенном деле / Под ред. С.С. Антонова и А.В. Добротина. СПб.: Гос. тип., 1905. VI, 1107 с.
22. Borshchik N.D., Latysheva E.V., Prohorov D.A. Formation and Operation of Customs Agencies in Crimea at the Initial Stage (1783–1822) // Bylye Gody. 2018. Vol. 48. Is. 2. P. 528–537.
23. Borshchik N.D., Latysheva E.V., Prohorov D.A. Customs, Border and Quarantine Control Bodies of the Crimean Peninsula in the Late 18th – first half of the 19th century: Regulatory Framework and Personnel Structure // Bylye Gody. 2019. Vol. 54. Is. 4. P. 1506–1513.

24. Latawiec K. Religious Activities of Clerks of Russian Origin Employed in the Regional Branches of Customs Tariff Department in the Kingdom of Poland Between 1851 and 1914 // Res historica. 2019. No. 47. P. 181–196.
25. Latawiec K., Górak A., Legieć J., Bogdanov S. Naczelnicy organów rosyjskiej administracji specjalnej w Królestwie Polskim w latach 1839–1918. T. II. Słownik biograficzny. Lublin: UMCS Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2016. 282 p.

REFERENCES

1. *Adres-kalendar'. Obshhaja rospis' nachal'stvujushhih i prochih dolzhnostnyh lic po vsem upravlenijam v Rossijskoj imperii, i po glavnym upravlenijam v Carstve Pol'skom i v Velikom knjazhestve Finljandskom [na 1865–1873 gg.]. Ch. 1. Vlasti i mesta Central'nogo upravlenija i vedomstva ih* [Calendar address. General list of commanding and other officials in all departments in the Russian Empire, and in the main departments in the Kingdom of Poland and in the Grand Duchy of Finland [for 1865–1873]. Part 1. Authorities and places of Central Administration and their departments]. St. Petersburg, Printing house of Imp. Academy of Sciences, [1865–1873].
2. *Adres-kalendar'. Obshhaja rospis' nachal'stvujushhih i prochih dolzhnostnyh lic po vsem upravlenijam v Rossijskoj imperii, i po glavnym upravlenijam v Carstve Pol'skom i v Velikom knjazhestve Finljandskom [na 1874–1898 gg.]. Ch. 1. Vlasti i mesta Central'nogo upravlenija i vedomstva ih* [Calendar address. General list of commanding and other officials in all departments in the Russian Empire, and in the main departments in the Kingdom of Poland and in the Grand Duchy of Finland [for 1874–1898]. Part 1. Authorities and places of Central Administration and their departments]. St. Petersburg, Printing house of the Governing Senate, [1874–1898].
3. *Adres-kalendar'. Obshhaja rospis' nachal'stvujushhih i prochih dolzhnostnyh lic po vsem upravlenijam v Rossijskoj imperii, i po glavnym upravlenijam v Carstve Pol'skom i v Velikom knjazhestve Finljandskom [na 1900–1912 gg.]. Ch. 1. Vlasti i mesta Central'nogo upravlenija i vedomstva ih* [Calendar address. General list of commanding and other officials in all departments in the Russian Empire, and in the main departments in the Kingdom of Poland and in the Grand Duchy of Finland [for 1874–1898]. Part 1. Authorities and places of Central Administration and their departments]. St. Petersburg, Senate Printing house, [1900–1912].
4. Aleksushin G.V., Semin Ju.A. *Tamozhnja Rossijskoj imperii na more* [Customs of the Russian Empire at sea]. St. Petersburg, Publishing and printing complex "Gangut", 2023, 312 p.
5. Borshhik N.D., Prokhorov D.A. Border Guards and Quarantine Officials of the Taurida Province in the Late 18th – Mid 19th Centuries *Uchenye zapiski. Jelektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes. Electronic Scientific Journal of Kursk State University], 2019, No. 3(51), pp. 8–16.
6. Gaffori N.U., Kadirzadeh H.S. Customs activities in central Asia in the second half of the 19th century – the beginning of the 20th century *Vestnik Pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Pedagogical University], 2021, No. 2(91), pp. 218–221.
7. Gorak A.G. Documents of the Russian customs institutions of the western outskirts of the Russian Empire (Kingdom of Poland). L.N. Mazur (ed.), *Dokument. Arhiv. Istorija. Sovremennost': Materialy 7 Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, Ekaterinburg, 16–18 nojabrja 2018 goda* [Document. Archive. History. Modernity: Proceedings of the 7th All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation, Yekaterinburg, November 16–18, 2018], Ekaterinburg, Ural Federal University Publ., 2018, pp. 154–160.
8. Gricenko E.N. General characteristics of the customs regulation of the Kyakhta trade in the second half of the 19th century. *Juridicheskaja gnoseologija* [Legal Epistemology], 2017, No. 3–4, pp. 3–7.
9. Dorzhiev N.Zh.B. Smuggling of precious metals in the 19th century: conditions, specifics and methods of counteraction in the Kyakhta borderland. *Izvestija Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija* [Izvestiya Irkutsk State University. Series: History], 2024, vol. 49, pp. 38–46.
10. *Lichnyj sostav Departamenta tamozhennyh sborov i uchrezhdenij Tamozhennogo vedomstva po svedenijam do 25 maja 1907 g.* [Personnel of the Department of Customs Duties and institutions of the Customs Department according to information before May 25, 1907]. St. Petersburg, Printing House of the Separate Corps of the Border Guard, 1907. IX, 228 p.
11. *Lichnyj sostav Departamenta tamozhennyh sborov i uchrezhdenij Tamozhennogo vedomstva po svedenijam do 1 sentjabrja 1908 g.* [Personnel of the Department of Customs Duties and institutions of the Customs Department according to information before September 1, 1908]. St. Petersburg, Printing House of the Separate Corps of the Border Guard, 1908. X, 252 p.
12. *Lichnyj sostav Departamenta tamozhennyh sborov i uchrezhdenij Tamozhennogo vedomstva po svedenijam do 9 janvarja 1913 g.* [Personnel of the Department of Customs Duties and institutions of the Customs Department according to information before January 9, 1913]. St. Petersburg, Printing House of the Separate Corps of the Border Guard, 1913. IX, 365 p.
13. Pirova R.N. The specifics of customs inspection at Astrakhan customs in the 1840s. *Evrazijskij juridicheskij zhurnal* [The Eurasian Law Journal], 2018, No. 6(121), pp. 118–119.
14. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (PSZRI). Sobranie vtoroe* [Complete collection of laws of the Russian Empire (CCLRE). Coll. Second]. St. Petersburg, 1825–1881.

15. Orders of the Governor of the Ministry of Finance dated November 12, 1881, No. 17. *Sankt Peterburgskie Senatskie vedomosti* [St. Petersburg Senate Gazette], 1882, No. 5, January 12, P. 18.
16. Prokhorov D.A., Borshhik N.D. The activities of customs and quarantine institutions of the Russian Empire in the second half of the 19th century in the documents of the State Archive of the Republic of Crimea. *Materialy po arheologii, istorii i jetnografii Tavrii* [Materials in archeology, history and ethnography of Tavria], 2024, vol. 29, pp. 462–470.
17. Prokhorov D.A. Maritime customs and customs outposts of the Taurida province in the 50s and 60s of the 19th century. *Vestnik Jaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta im. P.G. Demidova. Serija Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Yaroslavl State University named after P.G. Demidov. The Humanities series], 2024, Vol. 18, No. 4(70), pp. 572–581.
18. *Sbornik rasporjazhenij po tamozhennomu vedomstvu po propusku tovarov i otchetnosti tamozhen. Za 1870–1880 goda* [Collection of orders for the customs department on the passage of goods and customs reporting. For the 1870–1880]. St. Petersburg, V. Kirshbaum Printing House, 1881. XXIII, 251, XXIV, 248, [2] p.
19. *Svod zakonov Rossijskoj imperii. T. 6. Ustavy tamozhennye. S 1 janvarja 1864 po 31 dekabrja 1868 goda. Ch. 2. Stat'i k VI, VII, VIII i IX tomam Svoda* [Code of Laws of the Russian Empire. Vol. 6. Customs regulations. From January 1, 1864 to December 31, 1868. Part 2. Articles to volumes 6th, 7th, 8th and 9th of the Code]. St. Petersburg, The Second Department of Its Own H. I. M. Chancellery Printing House, 1868, 853 p.
20. Solonchenko E.A. *Tamozhennaja politika na jugo-vostoke Rossii i ee realizacija v Orenburgskom krae v 1752–1868 gg*. [Customs policy in the South-East of Russia and its implementation in the Orenburg Region in 1752–1868]. Orenburg, Orenburg State Pedagogical University Publ., 2007, 312 p.
21. *Ustav tamozhennyj (Sv. zak. t. VI, izd. 1904 g.): izdanie neoficial'noe s instrukcijami, pravilami, spiskami i raz'jasnenijami, a takzhe izvlechenijami iz drugih chastej Svoda zakonov, neobhodimymi v tamozhennom dele* [The Customs Statute (Code of laws, vol. 6, ed. 1904): an unofficial publication with instructions, rules, lists and explanations, as well as extracts from other parts of the Code of Laws necessary in customs]. Eds. by S.S. Antonov, A.V. Dobrotin. St. Petersburg, State printing house, 1905. VI, 1107 p.
22. Borshchik N.D., Latysheva E.V., Prohorov D.A. Formation and Operation of Customs Agencies in Crimea at the Initial Stage (1783–1822). *Bylye Gody* [Older years], 2018, vol. 48, is. 2, pp. 528–537.
23. Borshchik N.D., Latysheva E.V., Prohorov D.A. Customs, Border and Quarantine Control Bodies of the Crimean Peninsula in the Late 18th – first half of the 19th century: Regulatory Framework and Personnel Structure. *Bylye Gody* [Older years], 2019, vol. 54, is. 4, pp. 1506–1513.
24. Latawiec K. Religious Activities of Clerks of Russian Origin Employed in the Regional Branches of Customs Tariff Department in the Kingdom of Poland Between 1851 and 1914. *Res historica*, 2019, no. 47, pp. 181–196.
25. Latawiec K., Górak A., Legieć J., Bogdanov S. *Naczelnicy organów rosyjskiej administracji specjalnej w Królestwie Polskim w latach 1839–1918. T. II. Słownik biograficzny*. Lublin, UMCS Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2016, 282 p.

Информация об авторе

Прохоров Д. А. – доктор исторических наук, профессор кафедры управления документами, архивами и организации работы с молодежью исторического факультета, институт «Таврическая академия», Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Researcher ID: AAC-6172-2019, Scopus Author ID: 57198003012.

Author information

Prokhorov D. A. – Doctor of Science (History), Professor of the Department of Document Management, Archives and Organization of Work with Youth, Faculty of History, Institute "Taurian Academy", V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: AAC-6172-2019, Scopus Author ID: 57198003012.

DOI: 10.29039/2413-189X.2025.30.616-623

НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ АРХИВНОГО ДЕЛА В КРЫМУ: ПО МАТЕРИАЛАМ ЦГИА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Андрей Анатольевич Непомнящий
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия; Институт истории имени Ш. Марджани АН Республики Татарстан, Казань, Россия
dr.aan@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-4031-232X

Аннотация. Развитие чиновничьей бюрократии в Таврической области (с 1802 г. – губернии) закономерно привело к отложению значительного числа делопроизводственной документации. Остро стоял вопрос об организации государственных архивов и передачи туда для постоянного хранения важных с исторической точки зрения бумаг. На регулярно проходивших в Российской империи археологических съездах впервые был налажен постоянный диалог историков «провинция – центр» в области не только исследования памятников материальной культуры, но и сохранности бумажных документов, проблемы архивной реформы, приведения исторических источников в известность и их систематизации. Организация первых в России губернских ученых архивных комиссий, открытых по инициативе археографа Н. В. Калачова, стимулировала просвещенную интеллигенцию Таврической губернии для открытия аналогичного ученого сообщества. Освещение истории создания и деятельности ТУАК в Крыму далеко от полноты. Значительный интерес представляет выявленный автором корпус новых документальных материалов в фонде «Петроградский археологический институт» Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга. В частности, дело «Об образовании и деятельности Таврической губернской ученой архивной комиссии» (1886–1921 гг.). Эти документы позволяют увидеть роль местной власти в организации архивного дела на полуострове. Анализируется служебная переписка губернатора А. Н. Всеволожского с директором Археологического института И. Е. Андреевским по вопросу открытия в Симферополе губернской ученой архивной комиссии.

Ключевые слова: Таврическая губерния, архивы, Таврическая ученая архивная комиссия, Археологический институт, Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга, А. Н. Всеволожский, И. Е. Андреевский

NEW DOCUMENTS ON THE HISTORY OF DEVELOPMENT OF THE ARCHIVAL WORKS IN THE CRIMEA: ACCORDING TO THE MATERIALS FROM THE CENTRAL STATE HISTORICAL ARCHIVE IN SAINT PETERSBURG

Andrei A. Nepomniashchy
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia; Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia
dr.aan@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-4031-232X

Abstract. The development of bureaucracy machinery in the Taurida *oblast'* (from 1802 on, governorate) naturally led to the accumulation of a significant amount of record-keeping documentation. Especially important was organization of state archives and transferring historically important documents there for permanent safekeeping. Regular archaeological congresses of the Russian Empire were the first to arrange the dialogue between "provincial" and "central" historians concerning not only the study of material culture monuments but also the preservation of paper documents, the problems of archival reform, and the retrieval and systematization of historical sources. The organization of the first provincial scholarly archival commissions in Russia, initiated by archaeographer N. V. Kalachov, stipulated the enlightened intellectuals of the Taurida Governorate to establish a similar scholarly community. The research of the history of the creation and activities of the Taurida State Learned Archival Commission (*TUAK*) is far from being complete.

Of considerable interest is the corpus of new documentary materials discovered by the author in the Collection “Petrograd Archaeological Institute” residing at the Central State Historical Archive in Saint Petersburg, particularly the file “On the Formation and Activities of the Taurida Governorate Scholarly Archival Commission” (1886–1921). These documents provide insight into the role of local authorities in the organization of archival works in the peninsula. The official correspondence between Governor A. N. Vsevolozhskii and the Director of the Archaeological Institute I. E. Andreevskii regarding the establishment of the governorate scholarly archival commission in Simferopol has been analysed.

***Keywords**:* Taurida Governorate, Taurida State Learned Archival Commission, Archaeological Institute, Central State Historical Archive in Saint Petersburg, A. N. Vsevolozhskii, I. E. Andreevskii

Закономерным результатом деятельности государственных учреждений в сформированной административной единице Российской империи – Таврической области (1784–1796), а позже – в Таврической губернии (с 1802 г.) стало накопление материалов делопроизводства. Часть бумаг имела лишь временный интерес, но было и немало документов, которые были интересны для реализации последующих мероприятий местной администрации. То, что нужно было решать вопрос об условиях хранения ведомственных документов, было понятно изначально. Интересно, что еще 28 февраля 1791 года в Таврическом областном правлении слушался доклад по этому поводу экспедитора К. Бреусова [ГАРК, ф. 799, оп. 1, д. 293, л. 1–1 об.]. На том же заседании было определено назначить архивариусом «регистратора Турчанинова, коего на должность привести к присяге и снабдить его о порядке, каким образом иметь архив» [ГАРК, ф. 799, оп. 2, д. 34, л. 342–342 об.]. Планомерное развитие крымской бюрократии, как и делопроизводства, нарушил приход к царствованию императора Павла I. В ходе административной реформы Таврическая область с ее администрацией были ликвидированы. Соответственно, неактуальным стал и вопрос об организации на местах архивов различных канцелярий. Только через два десятилетия после учреждения губернии – 30 мая 1833 г., уже значительно позже административных преобразований императора Александра I, при Николае I, в Таврической губернии открылись присутственные места: губернское правительство, Таврическая губернская палата гражданского и уголовного суда, Таврический губернский приказ общественного призрения, врачебная управа. Одновременно оформлялись и подчиненные им уездные учреждения. Тогда вновь продолжилось активное делопроизводство. Характерное для империи того периода отсутствие единого стандарта для формирования архивов министерств отразилось и на местных архивах. Бесконтрольность глухой российской глубинки, безусловно, порождала массовые утраты документов (из-за несоблюдения условий хранения и целенаправленного уничтожения, из-за нехватки площадей для размещения архивов). Обычной практикой было складирование архивных материалов ведомств в чердачных и подвальных помещениях [7, с. 75–76].

Несмотря на указы Сената от 18 февраля 1798 г. и 18 июня 1800 г., которые предписывали в каждой губернии организовывать три архива, в российской провинции эти решения во многом оставались на бумаге. Финансово экономические документы предполагалось сосредотачивать в архиве Губернской казенной палаты. Для хранения решенных судебных дел назначался архив губернской судебной палаты, а основу архива Таврического губернского правительства должны были составить документы упраздненных еще в 1796 г. областных учреждений. Тем не менее, последний из обозначенных архивов в Крыму систематически пополнялся. В 1814 г. туда поступили дела канцелярий бывших таврических губернаторов Г. П. Милорадовича и Д. Б. Мертваго за 1803–1808 гг. Помещение для архива было отведено в частном доме штабс-капитана М. Нотары. Однако после его осмотра стало ясно, что оно непригодно для хранения бумаг [1, с. 12]. Таким образом, проблема с местом для хранения архивных документов в Крыму существовала изначально. В 1828 г. на правительственном уровне было принято решение об ассигновании 36 000 рублей на строительство отдельного здания архива Таврического губернского правительства [ГАРК, ф. 27, оп. 13, д. 241, л. 43]. Проект первого официального здания архива был согласован с новороссийским и бессарабским генерал-губернатором М. С. Воронцовым и 10 сентября 1829 г. был утвержден Николаем I. Строительство шло под руководством архитектора И. Ф. Колодина и было завершено в мае 1832 г.

Официальный надзор за ведением делопроизводства и организации архива лежал на вице-губернаторе. Так как именно в этот архив постепенно отправлялись дела из других учреждений, ведомственный архив губернского правления все чаще в документах именовался «губернским». Данное хранилище соответствовало предъявляемым требованиям времени. Однако, этого нельзя было сказать про архивы других губернских и уездных учреждений, где вышедшие из делопроизводства бумаги часто были свалены в беспорядке в подвальных и чердачных помещениях.

Быстрая наполняемость ведомственных архивов к середине XIX в. в дальнейшем была связана с развитием бюрократии в стране. Выделенные в Симферополе для хранения старых бумаг помещения были переполнены. Строительство специального нового здания для архива или же аренда помещений для расширения площадей мест хранения требовала и привлечения новых служащих, и значительных финансовых вложений. Средств для этого не находилось. Чтобы минимизировать казенные траты правительство узаконило официальное уничтожение так называемых «ненужных» дел. Порядок определения ценности сохраняемых документов и сроков их хранения регламентировался документами отдельных министерств, составленных по их собственному усмотрению. Общего согласования типовых критериев оценки документов не было, а иногда инструкции противоречили друг другу.

На отобранные комиссиями к уничтожению дела с временным сроком хранения составлялись описи. Они представлялись для утверждения губернатору. Последний отправлял их в Комитет Министров, где по ним практически автоматически выносилось окончательное решение. В 1854 г. это право передали министерствам. В 1857 г. решение об уничтожении бумаг могли принимать уже власти на местах. Пришли к мнению, что секретные дела следует сжигать, а документы общего пользования продавать населению в виде материала для растопки печей. Вырученные средства отправлялись на покрытие канцелярских расходов и поощрение чиновников, которые занимались разбором документов.

Не лучшая, а зачастую худшая ситуация с сохранностью архивов при ведомствах наблюдалась и в иных губерниях огромной империи. На этом фоне лучшие представители российской интеллигенции предлагали свои варианты реформирования системы архивных учреждений, что обеспечило бы сохранение уникального пласта документов российской провинции. Один из проектов принадлежал ученому-историку, археографу Николаю Васильевичу Калачову (1819–1885). Он имел опыт работы библиотекарем в Московском главном архиве Министерства иностранных дел, чиновником Археографической комиссии. Издаваемый им с 1850-го года «Архив историко-юридических сведений о России» стал уникальным явлением тогдашней исторической литературы. Став в 1865 г. управляющим Московским архивом министерства юстиции, Н. В. Калачов сформировал при нем особое «ученое отделение» для систематического описания документов архива. Он же поставил вопрос о подготовке профессиональных архивистов. С этой целью был открыт Археологический институт в Москве (1877 г.), который Н. В. Калачов и возглавил.

Единственной действенной платформой для обсуждения передовых идей в области архивоведения и археографии в России во второй половине XIX – начале XX в. стали проводимые в стране археологические съезды. На этих форумах, проходивших раз в три года в разных академических центрах империи, собирались столичные и ведущие провинциальные историки. Практически впервые был налажен постоянный диалог историков «провинция – центр» в области не только исследования памятников материальной культуры, но и сохранности бумажных документов, приведения их в известность и систематизации [8, с. 580–587]. На III Археологическом съезде, который проходил в Киеве в 1874 г., Н. В. Калачов выступил с идеей организации в губерниях по всей империи исторических обществ с целью спасения провинциальных документов. Разграничивая функции этих обществ и архивов, Н. В. Калачов считал, что архивы должны собирать и хранить исторические документы, а исторические общества – разрабатывать их и «приводить в известность». За прошедшее после киевского съезда трехлетие, наблюдая полное отсутствие каких-либо изменений в устройстве российских архивов, да и вообще реакций на свои предложения, усугубляющееся состояние архивного дела на местах, Н. В. Калачов в качестве «временной меры» предложил на

IV Археологическом съезде, работавшем в 1877 г. в Казани, создавать на местах не просто просветительские исторические общества, а возложить на них задачу по спасению от гибели документальных материалов в провинции. В последующем предполагалось создание из этих документов губернских исторических архивов [2, с. 80–114; 5, с. 111–113].

Последняя инициатива археографа и архивиста Н. В. Калачова нашла отклик у передовых представителей провинциальной интеллигенции. 22 июня 1884 г. состоялось учредительное собрание первой в России ученой архивной комиссии – Тверской. Решение об ее открытии было получено от управляющего министерством внутренних дел 3-го мая того же года. До этого император всероссийский по предложению Комитета Министров 13 апреля 1884 г. распорядился об учреждении «в виде опыта» в губерниях Тверской, Тамбовской, Рязанской, Орловской «Губернских ученых архивных комиссий и исторических архивов» [3, с. 161–162]. Так внезапно стала создаваться в Российской империи «общественно-архивная служба, нигде в мире не существовавшая до этого» [10, с. 15].

Статус губернских ученых архивных комиссий в системе научно-исторических обществ и учреждений определялся «Основаниями», которые были приняты 13 апреля 1884 г. Эти утвержденные инструкции о деятельности обществ на местах состояли из 8 пунктов. Первый из них определял, что комиссии создаются для «сосредоточения и вечного хранения архивных дел и документов», не требующихся для текущего делопроизводства, но более или менее важных в историческом отношении. Тем самым четко обозначалась основная задача деятельности комиссий. А именно – собирание и приведение в порядок архивной документации. Эти обязанности подробнее расписывал пункт пятый: «разбор дел и документов, предназначенных в губернских и уездных архивах разных ведомств к уничтожению для выделения из их числа тех, которые представляют научный интерес и подлежат передаче в исторический архив; составление к таковым документам и делам надлежащих описей и указателей; расположение их в таком порядке, чтобы они были доступны для научных занятий» [4, с. 54–67; 6, с. 26–27].

В «Основаниях» оговаривалось, что на местах архивные комиссии создаются по взаимному согласию, с одной стороны, директора Археологического института, в подчинении которого эти научные общества находились, а с другой – губернатора, представлявшего на месте Министерство внутренних дел. Общественные организации формировались «как из служащих, так и не состоящих на службе в губернии лиц, могущих быть полезными своими познаниями и усердием к делу». Непременным попечителем ученой архивной комиссии являлся местный губернатор. Ежегодные отчеты о своей деятельности комиссии обязаны были предоставлять в Археологический институт в Санкт-Петербурге. Институт, в свою очередь, формировал сводные отчеты о деятельности комиссий для Академии наук. Двойной контроль над комиссиями со стороны Академии наук, через Археологический институт, и МВД, через губернаторов, обеспечивал правительству информацию об их деятельности. Пункт седьмой «Оснований» предоставлял губернским ученым архивным комиссиям определенные права на инициативную работу. Им предоставлялась возможность «по местным обстоятельствам включать в круг своих занятий разыскания, описания и объяснения всяких других памятников старины» [3, с. 161; 11, с. 157–170].

Губернские ученые архивные комиссии создавались в России с 1884 по 1921 гг. В их возникновении не прослеживается какой-либо ритмичности. Они образовывались по мере готовности местной интеллигенции при наличии материальных средств и содействии властей. Последней из образованных в России комиссий стала Приморская (1921 г.). Грандиозный опыт по созданию в империи общественной архивной службы и сохранению исторического достояния российских провинций с успехом удался. Причиной стала не «сила высочайших» указов, а необыкновенный общественный подъем – активность и инициатива многочисленных деятелей провинциальной исторической мысли, которые объединялись в эти общественные организации.

Седьмой из 39 существовавших в России ученых архивных комиссий стала Таврическая. Несмотря на обилие публикаций о деятельности Комиссии [9, с. 5–10], до настоящего времени продолжают выявляться новые содержательные документы, проливающие свет на

различные стороны ее многогранной работы. Так, не восстановлена полностью история организации сообщества крымских архивистов. В этой связи большой интерес представляет выявленный корпус новых документальных материалов в фонде «Петроградский археологический институт» Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга. Среди прочих бумаг там отложилось дело «Об образовании и деятельности Таврической губернской ученой архивной комиссии», которое датируется 21 июня 1886 – 1921 г. Эти документы позволяют увидеть роль местной власти в организации архивного дела на полуострове.

Крымская ученая общественность, воодушевленная открытием первых губернских ученых архивных комиссий в стране, осаждала местного губернатора ходатайствами об открытии аналогичного сообщества в Симферополе. Согласно с пунктами «Оснований», ходатайство с просьбой о разрешении открыть в Симферополе губернскую ученую архивную комиссию таврический губернатор Андрей Никитич Всеволожский (1840–1893) отослал в июне 1886 г. министру внутренних дел Дмитрию Андреевичу Толстому (1823–1889). 21 июня 1886 г. начальник губернии обратился с аналогичным письмом и к директору императорского Археологического института, известному историку права, юристу Ивану Ефимовичу Андреевскому (1831–1891). Там отмечалось: «Господин министр внутренних дел циркулярным предложением от 6 мая 1884 года за № 10 уведомил меня об учреждении, по Высочайшему повелению, в виде опыта в некоторых губерниях ученых архивных комиссий и исторических архивов, на предложенных в упомянутом циркуляре основаниях.

Находя учреждение в Таврической губернии ученой губернской архивной комиссии крайне желательным и вполне осуществимым, я, вследствие означенного циркуляра, предоставил об этом 9 октября 1884 года № 70, господину министру внутренних дел [служебную записку], доложив его сиятельству, что по богатству производительных сил по историческому своему прошлому, всегда бывший предметом особого попечения правительства, имеющий глубокий интерес в научном отношении, Крым, до сих пор не имеет ни одного капитального труда, посвященного собранию и описанию актов и документов исторического содержания; между тем, не говоря уже об архивах различных ведомств Таврической губернии, архивы Губернского правления и Таврического магометанского духовного правления при поверхностном даже обозрении по своему количественному и качественному обилию представляют достаточные материалы для разнообразных научных исследований, до настоящего времени никем не разработанные. Систематический разбор накопившегося архивного материала, раскрытие и описание существующих исторических документов и издание их в свет, облегчив способы ученому труду, несомненно открыли бы путь к восполнению замечаемого ныне пробела в истории Крымского полуострова.

Вследствие упомянутого моего представления г. министр поручил мне вопрос об учреждении в Симферополе Ученой архивной комиссии направить в дальнейшем ход порядком, указанным в циркуляре министерства от 6 мая 1884 года за № 10, а потому и согласно 3 пункта этого циркуляра имею честь покорнейше просить распоряжений Вашего Превосходительства к учреждению в Симферополе Ученой архивной комиссии.

При этом имею честь препроводить к Вашему Превосходительству список лиц, приглашенных мной принять участие в трудах предполагаемой к учреждению Ученой губернской архивной комиссии» [ЦГИА СПб., ф. 119, оп. 1, д. 151, л. 1–2].

20 августа 1886 г. И. Е. Андреевский отписал в МВД, поинтересовавшись мнением министра [Там же, л. 3–3 об.]. Однако письмо из МВД пришло директору Археологического института еще раньше. Так в министерстве отреагировали на обращение туда губернатора А. Н. Всеволожского. Товарищ министра внутренних дел на основании полученного обращения губернатора обратился 28 августа 1886 г. к директору Археологического института:

«Вследствие отношения за № 132 имею честь уведомить Ваше Превосходительства, что в виду приведенных в означенном отношении оснований, я с своей стороны не встречаю препятствий к открытию в гор. Симферополе Ученой архивной комиссии, с тем, чтобы согласно 8-го циркулярного приложения Министерства внутренних дел от 6 мая 1884 г. за № 10 расходы, необходимые на содержание и занятие предполагаемой Комиссии были по-

крыты из средств, имеющихся в распоряжении Вашего Превосходительства или из местных пожертвований на пользу науки» [Там же, л. 4–4 об.].

Решением центральных властей уже в сентябре 1886 года было получено разрешение об открытии ученого сообщества в Симферополе. 11 сентября 1886 г. директором Археологического института на имя таврического губернатора был отправлен официальный ответ, в котором сообщалось в Симферополь, что МВД и Археологический институт не возражают против открытия «Симферопольской губернской ученой архивной комиссии» [Там же, л. 5]. В личном письме на имя Андрея Никитича Всеволожского, написанном в тот же день, И. Е. Андреевский поздравил губернатора с успешным завершением организационных мероприятий по открытию Комиссии. Он отметил: «Прелестный уголок России, носящий на каждом шагу печать истории, следы и тяжких для России воспоминаний, и могучих русских дел, Крым давно ожидал систематической работы архивистов. Исторический архив Таврической губернии, когда его составит открывающаяся теперь Ученая архивная комиссия, будет богатым ключом для русской истории и истории русского права». Иван Ефимович оговорил свое вынужденное отсутствие на предстоящей церемонии торжественного открытия Общества: «Весьма сожалею, что мои занятия не дозволяют мне лично явиться на открытие Вашей Комиссии. Но всеми помыслами я с Вами. Постараюсь заслужить у почтенных членов Таврической комиссии то расположение к Археологическому институту, без которого не может родиться единение нашего в этом общем служении этому русскому делу. Вместе с сим я отправляю Вашему Превосходительству для Таврической комиссии все труды Археологического института. Естественно, что институт будет следить за всей деятельностью Комиссии, будет радоваться ее успехам и постарается устранять затруднения, если бы таковые случались» [Там же, л. 5 об.–6 об.].

25 января 1887 г. губернатор А. Н. Всеволожский отбил телеграмму директору Археологического института И. Е. Андреевскому в Санкт-Петербург: «Таврическая губернская ученая архивная комиссия в своем первом заседании в составе 59 человек просит меня выразить Вашему Превосходительству благодарность. Члены комиссии благодарны за любезное пожелание Ваше, выраженное в письме Вашем» [Там же, л. 7–7 об.].

6 февраля 1887 г. губернатор А. Н. Всеволожский официально сообщал И. Е. Андреевскому: «24 минувшего января открыта мной Таврическая губернская ученая архивная комиссия. Хотя разрешение на открытие означенной Комиссии получено мной еще в сентябре прошлого 1886 года, но я признал за лучшее отложить это до января, так как в этом месяце в Симферополе обыкновенно бывает Губернское земское собрание и я рассчитывал с одной стороны на материальную поддержку Комиссии земством, а с другой на привлечение в число членов Комиссии некоторых из губернских гласных, могущих оказать влияние и в будущем на развитие деятельности Комиссии. Ожидания мои вполне оправдались. Губернское земство предоставило Комиссии помещение как для ее заседаний и занятий, так и для Исторического архива и приняло на себя расходы по приспособлению этого помещения; в число членов вступило несколько гласных, которые могут в будущем быть главными основателями музея при архиве и служить к поддержке и развитии его.

Прочитанное мной собравшимся к открытию Ученой архивной комиссии письмо Вашего Превосходительства от 11 сентября, в котором Вы изволили выразить Ваши благопожелания будущим деятелям к образованию Исторического архива и обещать Вашу поддержку, произвело глубокое на слушавших впечатление и вызвало у большинства собравшихся искреннее желание присоединиться к этим деятелям и принести свой посильный труд на пользу Отечества и науки.

Положенные в основание открытия Таврической ученой архивной комиссии: материальное содержание Губернского земства, добровольные взносы вступивших членов на первоначальные расходы Комиссии и единодушно выраженное желание записавшимися в члены предоставить свои свободные часы на труды по Комиссии, позволяют мне выразить Вашему Превосходительству уверенность, что ожидания Ваши – получить богатый материал для русской истории от Исторического архива в Симферополе, который составит Губернская архивная ученая комиссия, вполне оправдаются.

Приложенные при письме Вашем труды Археологического института я имел честь получить и передал председателю Комиссии А. Х. Стевену.

Вполне за сим рассчитывая на дальнейшее покровительство и внимание Вашего Превосходительства к трудам открывшейся Комиссии, я с своей стороны поставляю себе задачи близкого и постоянного своего личного участия в деятельности Комиссии как по обязанности непременного попечителя оной, так и по искреннему желанию принести посильную пользу науке.

С истинным почтением и совершенной преданностью имею честь быть Вашего Превосходительства покорнейший слуга Всеволожский» [Там же, л. 8–10 об.].

А. Н. Всеволожский приложил к письму и отпечатанный в типографии «Протокол открытия Таврической ученой архивной комиссии в г. Симферополе 24 января 1887 года».

Уже на первом организационном заседании ТУАК по вопросу об обозначении места для занятий комиссии и о размещении Исторического архива избранный председатель А. Х. Стевен заявил, что он уполномочен Таврическим губернским земским собранием предложить комиссии дом, занимаемый губернской земской управой. Причем земство брало на себя расходы произвести необходимые приспособления для исторического архива. Собравшиеся обозначили архивы, которые требовали первостепенного внимания. Это архивы Губернского правления, Дворянский, Окружного суда, Казенной палаты, Управления государственных имуществ, Магометанского духовного правления, Таврической духовной консистории, Военный архив [Там же, л. 15].

10 июля 1887 г. А. Х. Стевен сообщал директору Археологического института И. Е. Андреевскому, что члены комиссии были воодушевлены сообщением об ассигновании Министерством юстиции трехсот рублей «на расходы по разбору и описанию дел и документов, хранящихся в сосредоточенном архиве упраздненных судебных мест Таврической губернии» [Там же, л. 16–18].

Уже 15 сентября 1887 г. А. Х. Стевен выслал в Археологический институт первый выпуск «Известий Таврической ученой архивной комиссии». Он заметил в сопроводительном письме, что ученое общество «льстит себя надеждой, что Археологический институт не откажет Таврической ученой архивной комиссии в своем просвещенном содействии, посылая ей свои труды и издания, столь ценные и необходимые при археологических занятиях, в обмен за «Известия», которые комиссия будет иметь честь препровождать и на будущее время» [Там же, л. 19]. Так начиналась в Симферополе грандиозная работа по организации книгообмена, благодаря которому библиотека Комиссии пополнялась новинками монографических и периодических изданий из столицы и различных регионов империи, а крымский научный сборник, в свою очередь, рассылался в библиотеки различных обществ и научных организаций страны.

Таким образом, таврические власти в лице губернатора А. Н. Всеволожского стали важной организационной составляющей открытия в Крыму общественной организации, которая на три десятилетия взяла на себя ответственность не только за разбор и сохранение многочисленных ведомственных архивов, но и за развитие крымоведческой археографии и всестороннее изучение истории региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андросов С.А. Архивы Крыма в конце XVIII – первой половине XIX вв. // XXIV Таврические научные чтения: Всерос. науч.-практ. конф. «Крымское историческое краеведение» (г. Симферополь, 10–11 октября 2024 г.) / Ред.-сост. Н. Н. Колесникова. Симферополь: Антиква, 2024. С. 7–20.
2. Бржостовская Н.В. Деятельность губернских ученых архивных комиссий по созданию исторических архивов // Труды Московского гос. историко-архивного института. М., 1954. Вып. 5. С. 79–116.
3. Макарихин В.П. Губернские ученые архивные комиссии и их роль в развитии общественно-исторической мысли России в конце XIX – начале XX века // История СССР. 1989. № 1. С. 160–170.
4. Макарихин В.П. Губернские ученые архивные комиссии в России. Нижний Новгород: Волго-Вятское книжное изд-во, 1991. 120 с.
5. Макарихин В.П. Историческая мысль российских провинций на рубеже XIX – XX вв. // Россия в XX

веке: судьбы исторической науки / Под ред. А. Н. Сахарова. М.: Наука, 1996. С. 109–115.
6. Непомнящий А.А. Новые источники о развитии исторического краеведения Крыма // Отечественные архивы. 1998. № 4. С. 25–28.
7. Непомнящий А.А. Очерки развития исторического краеведения Крыма в XIX – начале XX века. Симферополь: Таврида, 1998. 208 с.
8. Непомнящий А.А. Крымоведческие исследования на всероссийских археологических съездах (вторая половина XIX – начало XX века) // МАИЭТ. 2002. Вып. IX. С. 579–590.
9. Непомнящий А.А. Арсений Маркевич: страницы истории крымского краеведения. Симферополь: Бизнес-Информ, 2005. 432 с.
10. Самоквасов Д.Я. Архивное дело в России: В 2-х кн. М., 1902. Кн. 1. 173 с.
11. Хорхордина Т.И. Архивы личного происхождения в России. М.: Весь мир, 2024. 808 с.

REFERENCES

1. Androsov S.A. Archives of Crimea in the late XVIII - first half of the XIX centuries. *XXIV Tavricheskie nauchnye chteniia «Krymskoe istoricheskoe kraevedenie»* [XXIV Taurida scientific readings “Crimean historical local history”], Simferopol, Antikva Publ., 2024, pp. 7–20.
2. Brzhostovskaia N.V. Activities of provincial scientists of archival commissions on the creation of historical archives. *Trudy Moskovskogo gosudarstvennogo istoriko-arkhivnogo instituta* [Proceedings of the Moscow State Historical and Archival Institute], 1954, vol. 5, pp. 79–116.
3. Makarikhin V.P. Provincial scientific archival commissions and their role in the development of socio-historical thought of Russia in the late XIX – early XX centuries. *Istoriia SSSR* [History of the USSR], 1989, vol. 1, pp. 160–170.
4. Makarikhin V.P. *Gubernskie uchenye arkhivnye komissii v Rossii* [Provincial scientists archival commissions in Russia]. Nizhny Novgorod, Volga-Vyatka Publ., 1991, 120 p.
5. Makarikhin V.P. Historical thought of the Russian provinces at the turn of the XIX – XX centuries. *Rossiia v XX veke: sud’by istoricheskoi nauki* [Russia in the twentieth century: the fate of historical science]. Moscow, Nauka Publ., 1996, pp. 109–115.
6. Nepomniashchy A.A. New sources on the development of historical local history of Crimea. *Otechestvennye arkhivy* [Domestic archives], 1998, vol. 4, pp. 25–28.
7. Nepomniashchy A.A. *Ocherki razvitiia istoricheskogo kraevedeniia Kryma v XIX – nachale XX veka* [Essays on the development of historical local history of Crimea in the 19th – early 20th centuries]. Simferopol, Tavrida Publ., 1998, 208 p.
8. Nepomniashchy A.A. A Crimean local lore, History and Economy studies at all-Russia Archaeological congresses. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archeology, history and ethnography of Tavria], 2002, vol. 9, pp. 579–590.
9. Nepomniashchy A.A. *Arsenii Markevich: stranitsy istorii krymskogo kraevedeniia* [Arseny Markevich: pages of the history of Crimean local history]. Simferopol, Biznes-Inform Publ., 2005, 432 p.
10. Samokvasov D.Ia. *Arkhivnoe delo v Rossii* [Archival affair in Russia]. Moscow, 1902, book 1, 173 p.
11. Khorkhordina T.I. *Arkhivy lichnogo proiskhozhdeniia v Rossii* [Archives of personal origin in Russia]. Moscow, Ves’ mir Publ., 2024, 808 p.

Информация об авторе

Непомнящий А. А. – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и всеобщей истории Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского; ведущий научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан, Researcher ID: A-4928-2019.

Author information

Nepomniashchy A. A. – Doctor of Science (History), Professor of the Department archaeology and world history of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University; Leading Researcher of the Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Researcher ID: A-4928-2019.

DOI: 10.29039/2413-189X.2025.30.624-644

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ХУДОЖНИКА К. Ф. БОГАЕВСКОГО

Мария Александровна Ломакина
Крымский этнографический музей, Симферополь, Россия
Aibabina87@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0214-7033
Елена Акимовна Айбабина
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия
Aibabinae@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-9965-7234

Аннотация. На основе архивных материалов выявлены сведения о предках художника К. Ф. Богаевского: его деде – Константине Григорьевиче и отце – Федоре Константиновиче. Установлены основные моменты их биографий, включающие в себя даты жизни, места проживания и службы, семейное положение и ряд иных сведений. Род Богаевских, проживавших в первой половине XIX в. в Миргородском уезде Полтавской губернии, имел ряд потомков: у деда художника был брат, у отца – двое братьев и две сестры, о дальнейшей судьбе которых ничего не известно. Вероятно, предки художника по мужской линии получили среднее образование, позволившее им занимать соответствующие чиновнические должности. Возможно, прадед художника имел личное дворянство. Доходы семей Константина Григорьевича и Федора Константиновича были скромными, что отразилось в прошениях о назначении пенсий после их кончины. Связь семьи Богаевских с Крымом началась, в соответствии с исследованными документами, с дяди художника – Николая Константиновича. Он обучился в 1848 г. в Таврической губернской гимназии, которая находилась в г. Симферополе и в этот период отличалась передовым подходом к образованию и широким составом квалифицированных преподавателей. Отец художника, Федор Константинович, переехал в Симферополь, в 1869 г. – в Феодосию, затем – в Ялту, где жил до своей смерти. Художник Константин Федорович Богаевский родился 12 января (25 января по новому стилю) 1872 г. в Феодосии, где окончил в 1891 г. мужскую гимназию и прожил большую часть жизни.

Ключевые слова: Константин Григорьевич Богаевский, Михаил Григорьевич Богаевский, Федор Константинович Богаевский, титулярный советник, формулярный список, метрическая книга, архивные материалы

ON THE ORIGINS OF ARTIST K. F. BOGAEVSKII

Mariia A. Lomakina
Crimean Ethnographic Museum, Simferopol, Russia
Aibabina87@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0214-7033
Elena A. Aibabina
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
Aibabinae@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-9965-7234

Abstract. This article uses archival materials to reveal information about the ancestors of artist K. F. Bogaevskii: his grandfather Konstantin Grigor'evich and his father Fedor Konstantinovich. Key biographical details have been uncovered, including their life dates, places of residence and service, marital status, and other information. The Bogaevskii family, who in the first half of the nineteenth century lived in the Mirgorod district of Poltava governorate, had several descendants: the artist's grandfather had a brother, and his father had two brothers and two sisters, whose fate remained unknown. The artist's male ancestors probably got secondary education, allowing them to get corresponding government positions. The artist's great-grandfather might have a personal nobility status. Konstantin Grigor'evich and Fedor Konstantinovich's families had modest incomes, therefore pension applications appeared when they passed away. According to the documents examined, the Bogaevskii family's connection with the Crimea started from the artist's uncle Nikolai Konstantinovich. He studied in 1848 at the Taurida Provincial Gymnasium, which was located in Simferopol and, at the time, was distinguished by its progressive approach to education and its wide range of qualified teachers. The artist's father, Fedor Konstantinovich, moved to Simferopol, then to Feodosia in

1869, and then to Yalta, where he lived until his death. Artist Konstantin Fedorovich Bogaevskii was born on January 12 (January 25, New Style), 1872, in Feodosia, where he graduated from the boys' gymnasium in 1891 and lived most of his life.

***Keywords*:** Konstantin Grigor'evich Bogaevskii, Mikhail Grigor'evich Bogaevskii, Fedor Konstantinovich Bogaevskii, titular councillor, formulary list, metrical book, archival materials

Сразу же следует отметить: среди предков Константина Федоровича Богаевского художников не было, по крайней мере, ничего не известно о том, чтобы кто-либо из них занимался художеством. Мало того, нет сведений о том, что кто-либо имел к этому склонности и способности. Как показывает изучение документов, фиксирующих происхождение, занятия, некоторые биографические истории, прослеживаемые линии, включая поколение деда художника, в предыдущих поколениях были чиновники, владельцы поместий и городские обитатели разных мест юга России. Рассмотрим более подробно сведения о них, к сожалению, отрывочные, но достаточные для того, чтобы составить мнение о некоторых сторонах уклада жизни, занятий, характеров.

Подчеркнем, что речь пойдет о предках по мужской линии. Комплекс документов, изученных нами до настоящего времени, не дает возможности проследить не только родословную линию матери художника, Александры Михайловны, но установить даже ее фамилию до брака. Лишь некоторые сведения, полученные из воспоминаний современников, позволяют создать образ неординарной личности и тонкой натуры, воспитывавшей в своих детях способность к поэтичному, художественному восприятию природной среды. Есть предположения о ее происхождении, основанные на косвенных данных, догадках, сведениях о взаимоотношениях ряда кланов и семей Феодосии второй половины XIX – начала XX в.

Отец К. Ф. Богаевского, Федор Константинович, родился, вероятнее всего, в г. Александровске Екатеринославской губернии (в настоящее время – г. Запорожье) в 1837 г. В «Прошении» о назначении пенсии на имя Таврического гражданского генерал-губернатора В. И. Пестеля от 16 октября 1847 г. от Александры Ивановны Богаевской, бабушки художника, указан возраст ее детей – братьев и сестер отца: Николай – 15, Иван – 12, Федор – 10, Вера – 8, Неонила – 7 лет. В документе отмечено, что Константин Богаевский, дед художника, служил почти 30 лет, последние шесть лет в Бердянской городовой ратуше секретарем, получил чин титулярного советника, умер 29 июня 1847 г. [ГАРК, ф. 26, оп. 1, д. 15871, л. 1]. Федор Константинович был одним из пятерых детей, оставшихся с матерью без средств к существованию после смерти отца. Бабушка, Александра Ивановна, была неграмотной, что и отмечено в прошении подписью «свидетеля» – некого капитан-лейтенанта Дракатура (инициалы неразборчиво).

В «Свидетельстве», подписанном Таврическим генерал-губернатором В. И. Пестелем и Таврическим губернским предводителем дворянства, тайным советником А. И. Казначеевым, от 8 марта 1848 г., сообщается, что вдова Александра Ивановна Богаевская (38 лет) с детьми владеет кирпичным домом в г. Бердянске, подчеркнуто отсутствие у семьи какого-либо другого «движимого и недвижимого имения». Отмечено поведение самой Александры Ивановны и ее мужа как «хорошее». Старший сын Николай, которому уже было 16 лет, учился в Таврической губернской гимназии «на собственном иждивении», а все остальные дети, в том числе и Федор, находились «по малолетству» при матери [там же, л. 25, 25об.].

К прошению на имя Таврического генерал-губернатора и свидетельству Александрой Ивановной был приложен «Формулярный список о службе и достоинстве бывшего секретаря Бердянской городовой ратуши титулярного советника Константина Богаевского» от 18 февраля 1848 г. (рис. 3), в котором представлены следующие сведения: возраст – 46 лет (на момент смерти), православного вероисповедания, указано отсутствие у него дворянского звания, родового и «благоприобретенного» (у него и его родителей), имений, а также и у его жены [там же, л. 6–7]. Таким образом, установлен год рождения Константина Григорьевича, деда художника – 1801 г. Документ позволяет не только уточнить и определить некоторые даты его жизни, но и проследить перемены местожительства: от г. Миргорода Полтавской губернии до г. Мариуполя, от г. Александровска до последнего места проживания в г. Бердянске. Начав службу в июне 1817 г., т. е. в возрасте около 16 лет, в декабре 1823 г. он пе-

решел в Мариупольский греческий суд и прослужил там до апреля 1836 г., в декабре 1832 г. ему присвоен чин титулярного советника (в Табели о рангах Российской империи – гражданский чин IX класса).

Вероятно, там же, в г. Мариуполе, Константин Григорьевич женился в 1831 г., т. е. в возрасте около 30 лет, в 1832 г. родился его первенец – Николай. Супруге Константина Григорьевича, Александре Ивановне, было в то время около 20 лет. В Формулярном списке всплывает имя Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора графа М. С. Воронцова, по распоряжению которого К. Г. Богаевский в декабре 1841 г. был «перемещен» в «настоящую должность», т. е. в г. Бердянск. В феврале 1838 г. чиновник по выслуге лет награжден «знаком отличия» за «беспорочную» службу по представлению Александровского земского суда, в котором он в ту пору служил. Скончался К. Г. Богаевский, находясь в должности, после болезни и был погребен на общем Бердянском кладбище по христианскому обряду, о чем вдове выдано «Свидетельство» церковными служителями Бердянского молитвенного дома [там же, л. 26].

Назначение А. И. Богаевской и детям пенсии после смерти мужа и отца было поддержано Бердянской городской ратушей, предложившей «ассигновку денег в пенсион Богаевской производить из бердянских городовых доходов (подпись городского головы и бургомистра) [там же, л. 4]. Хлопоты вдовы чиновника увенчались успехом. Управлением Новороссийского и Бессарабского генерал-губернаторства (г. Одесса) 20 января 1849 г. Таврическому гражданскому губернатору направлено письмо о том, что «назначена пенсия семейству служившего секретарем Бердянской городовой ратуши титулярного советника Богаевского вдове Александре Богаевской и детям, сыновьям: Николаю, Ивану, Федору; дочерям: Вере и Неониле по 28 руб. 50 коп. серебром в год с 29 июня 1847 года с производством сей пенсии из бердянского уездного казначейства» [там же, л. 24, 24об.].

Николай, старший брат Федора Константиновича Богаевского, дядя художника, как указывалось выше, учился в 1848 г. в Таврической губернской гимназии, которая находилась в г. Симферополе (в самом Бердянске мужская гимназия открылась в 1872 г.), с 1841 г. располагалась в особняке, купленным казной у генерала Ф. Д. Ревелиоти на ул. Екатерининской, была в тот период ближайшей гимназией от места проживания семьи Богаевских. Преподававшееся с 1849 г. русское законоведение давало право выпускникам, проявившим «особенные и отличные познания» в этом предмете, получить чин чиновника XIV класса и поступить на государственную службу. При гимназии был пансион [5, с. 36–39]. В настоящее время в здании находится Гимназия № 1 им. И. В. Курчатова (Симферополь, ул. Екатерининская, 32).

Курьезная история связана с братом Константина Григорьевича – Михаилом, проживающем в Миргородском уезде Полтавской губернии. Сохранившиеся документы свидетельствуют о проживании в семье Богаевских некой девицы Степаниды Игнатьевны Кущовой: «Прошение» «о неправильном владении ее помещицею титулярной советницей Богаевской», датируемое 7 августа 1847 г., составленное на имя Таврического гражданского губернатора В. И. Пестеля [ГАРК, ф. 27, оп. 1, д. 5360, л. 1], и «Рапорт» Бердянской градской полиции в «Таврическое губернское правление по 7 столу», датируемый 17 ноября 1847 г., в котором отмечено: «В исполнение указа оного правлении от 15 октября за № 8998 полиция честь имеет донести о начавшемся в сей полиции деле об отыскивающей вольности…» [там же, л. 4, 4об.]. Дело было открыто полицией в связи с прошением Степаниды Кущовой, отданной «в малолетстве» «титулярному советнику Богаевскому» в подарок помещиком Барановым на 10 лет, «с тем, чтобы по истечении сего времени дана была мне», как указывает она в прошении, «от Богаевского свобода». К. Г. Богаевский имел «вольную» от помещика Баранова на руках и при жене обещал Кущовой по истечении срока ее предоставить. В подошедший срок его кончина помешала это сделать, а жена титулярного советника, Александра Ивановна, отказалась отпустить помощницу на свободу – по утверждению девицы, она ее «держит неподобающе и бумаги, мне принадлежащие, не отдает».

Приняв во внимание «слезное» прошение девицы, Таврическое губернское правление издало указ, и полиция открыла дело. Интерес представляет следующее: указание в прошении Кущовой на личное дворянство К. Г. Богаевского, который «согласно Высочайше дарован-

ной милости» не имел вообще права на владение крестьянами, а также роль в этом деле брата Константина Григорьевича Михаила. Согласно полицейскому рапорту именно коллежским секретарем Михаилом Богаевским, живущим в Миргородском уезде Полтавской губернии, отдана была брату «девка» для «приучения ведения дел по хозяйству». Таким образом, эта несколько драматическая история указывает на проживание, а, вероятно, и происхождение предков художника из местности в Малороссии – Миргородского уезда.

Бердянск, который получил статус города в 1835 г., а в 1842 г. стал центром Бердянского уезда Таврической губернии Российской империи, в 40-х годах был развивающимся городом с портом, построенным для экспорта пшеницы из Приазовья и Левобережья Днепра за границу. В 1842 г. население Бердянска составляло 5 тысяч человек. В 1849 г. в Бердянске насчитывалось 7058 жителей [8, с. 66]. В соседнем Александровске Екатеринославской губернии, где в 1836–1841 гг. служил глава семьи Константин Григорьевич Богаевский, в 1859 г. население составляло 3729 человек [9]. Перевод К. Г. Богаевского в г. Бердянск из Александровска означал переезд в более крупный населенный пункт с коммерческим и курортным потенциалом.

Федор Константинович Богаевский, отец художника – третий ребенок Константина Григорьевича и Александры Ивановны, родился в 1837 г. Местом рождения, вероятнее всего, был г. Александровск Екатеринославской губернии: предположительно, семья находилась вместе с отцом, служившим там в то время. В этом же городе в семье Богаевских родились сестры Вера (1839 г. р.) и Неонила (1840 г. р.), двое старших братьев, Николай и Иван (1832 и 1835 г. р.) появились на свет в г. Мариуполе [ГАРК, ф. 26, оп. 1, д. 15871, л. 6–7]. О дальнейшей судьбе членов семьи Богаевских данных в архивах пока не обнаружено.

Сведения о полученном образовании Ф. К. Богаевского, продвижении по службе содержит «Аттестат» Феодосийского городского полицейского управления, основанный на его формулярном списке, выданный 7 февраля 1891 г. [ГАРФ, ф. 102, оп. 11 (1891), д. 129, л. 3, 3об.]. Федор Константинович Богаевский окончил «курс наук» в Ореховском уездном училище. Начало службы было связано с г. Бердянском, где 9 марта 1856 г., в возрасте около 19 лет он поступил в Бердянское уездное казначейство, через три месяца перемещен в Бердянскую портовую таможню. Здесь он получил первое повышение по службе – произведен «за выслугу лет» в коллежские регистраторы 9 марта 1860 г.

Следующий период жизни Федора Константиновича связан с Крымом, с Симферополем: «по прошению» он был определен в штат канцелярии Таврического губернатора 13 апреля 1862 г., где через год произведен «в губернские секретари», затем – «в коллежские секретари» в 1866 г. С апреля 1869 г. начата его служба в Феодосии в должности помощника пристава одновременно с присвоением ему нового чина – титулярного советника, затем – в должности секретаря Феодосийского городского полицейского управления. Со службы был уволен «по расстроенному здоровью» 19 октября 1882 г. «Женат на Александре Михайловне, имеет детей: сыновей – Константина, родившегося 12 января [25 января по новому стилю – *авт.*] 1872 г., и Александра, родившегося 15 июня 1873 г.». В «Аттестате» указаны также размер получаемого Федором Константиновичем жалования: «в год 200 руб. и столовых 200 руб., всего 400 руб.». Дату рождения Александры Михайловны Богаевской, жены Федора Константиновича и матери художника, можно установить предположительно, вероятно, начало 50-х гг. XIX в.: в воспоминаниях современников сохранились лишь сведения о том, что она была значительно моложе своего мужа.

Скончался Федор Константинович 19 сентября 1890 г., на следующий день был погребен на Аутском церковном кладбище[1], что засвидетельствовано в «Выписи из метрической

[1] Земли церковного кладбища вместе с участком, добавленным для расширения православного кладбища в 1860-х гг., в настоящее время (с 1970-х гг.) входят в территорию городского сквера им. Н. Н. Батурина [2, с. 128–129]. Место погребения Ф. К. Богаевского – Аутское церковное кладбище в деревне Нижняя Аутка (Фарфара), вероятно, находилось при церкви Успения Божьей Матери или, скорее, на вновь отведенной территории. Оно было избрано как ближайшее к дому семьи Богаевских в Ялте – в местности Чукурлар. Церковь была окончательно закрыта в 1934 г. и разрушена в 1938 г. (былое местонахождение церкви – г. Ялта, ул. Кирова, 35). Погребение не сохранилось.

книги Ялтинского уезда селения Аутки Успенской церкви Таврической епархии за 1890 г.» (рис. 7) [ГАРФ, ф. 102, оп. 11 (1891), д. 129, л. 4; ГАРК, ф. 142, оп. 1, д. 280, л. 298 об.–299]. В документе указана причина смерти Ф. К. Богаевского – «от спинной сухотки и хронического катара», а также его возраст – 49 лет. В документе возраст указан неверно, Ф. К. Богаевский родился в 1837 г. [ГАРК, ф. 26, оп. 1, д. 15871, л. 6–7], скончался в 53 года. Константин потерял отца в возрасте 18 лет, брат Александр – 16-ти с половиной. Александрой Михайловной Богаевской были направлены документы в Министерство Внутренних дел с «Прошением» о назначении пенсии в связи со смертью мужа. В комплекте документов, помимо «Аттестата» и церковной «Выписи», содержится «Свидетельство от Ялтинского уездного полицейского управления» от 18 января 1891 г. на имя А. М. Богаевской, «живущей в 1 участке г. Ялты», удостоверяющее в том, что она «под судом и следствием не состояла, право на получение пенсии не утеряла», а также, что «имущества движимого и недвижимого в г. Ялте и Ялтинском уезде не имеет», сыновья «воспитываются на ее счет». Выявлено письмо Департамента полиции Таврическому губернатору, в котором сообщается о назначении пенсии вдове бывшего титулярного советника Федора Богаевского Александре Богаевской в размере 85 руб. 80 коп. в год с 19 сентября 1890 г. с ассигнованием этой пенсии из Ялтинского уезда казначейства (рис. 9) [ГАРФ, ф. 102, оп. 11 (1891), д. 129, л. 22].

Новое место жительства семьи Богаевских – г. Ялта, 1 участок (Чукурлар[2]) (рис. 10; 11) – связано с получением в начале 80-х гг. XIX в. в наследство дома с участком, за которым последовал отъезд из Феодосии. Р. Д. Бащенко считала, что наследство получил Ф. К. Богаевский, иное мнение: наследство было получено Александрой Михайловной от дяди [1, с. 11; 4, с. 12]. Вероятно, отставка Ф. К. Богаевского была обусловлена и переездом в новое владение. Дом был небольшим, одноэтажным. Виноградники сдавались в аренду. Впоследствии, после смерти Федора Константиновича виноградники ушли за долги. Александра Михайловна проживала в доме до своей кончины в 1925 г. [1, с. 102, сноска 10]. Константин Федорович, будущий художник, продолжал жить в Феодосии, в доме взявших его на воспитание И. Е. Шмитта (1829–1896) и С. А. Шмитт (1847–1928; урожд. Дуранте) [3, с. 209–210; 7, с. 8], окончил Феодосийскую мужскую гимназию в 1891 г. [6, с. 8–10].

[2] Чукурлар (от тюрк. «ямы») – приморская местность в юго-западной части г. Ялта, получила свое название в связи с сильно пересеченным рельефом (Чукурларская балка, холмистые возвышенности). В конце XVIII – начале XIX вв. территория принадлежала в разное время генералу Ф. Д. Ревелиоти, графу Л. С. Потоцкому, В. С. Корсакову, мелким владельцам. В 20-х гг. XIX в. здесь начали высаживать виноградные плантации. В 80-х гг. XIX в. в Чукурларе М. П. Ограновичем организовано первое лечебное учреждение «Чукурларская климатическая станция», просуществовавшее до 1887 г. Застройка местности началась в 1890 г., в 1896 г. район вошел в городскую черту Ялты вместе с другими селениями и слободами. Богаевские, получившие в наследство дом с виноградниками в 80-х гг. XIX в., вероятно, стали владельцами одного из небольших участков, существовавших одновременно с крупными имениями, в близости к юго-западной границе города. Со второй половины XIX в. на участках начали высаживать древесно-кустарниковые растения, заложена основа будущего парка. Местность стала приобретать дачно-курортный характер. В 1951–1957 гг. на территории Чукурлара построен первый в стране санаторий («Россия»), вдоль берега располагается городской Приморский парк им. Ю. А. Гагарина.

Приложение 1

ГАРК. Ф. 26. Канцелярия Таврического губернатора. Оп. 1. Д. 15871. Об исходатайствовании пенсии вдове титулярного советника Александре Богаевской. 16 октября 1847 г. – 20 января 1849 г. Л. 1–26.

Л. 1. (рис. 1)

Его Превосходительству
господину Таврическому гражданскому губернатору генерал-лейтенанту и кавалеру
Владимиру Ивановичу Пестелю

Жительствующей в городе Бердянске вдовы, титулярной советницы Александры, Ивановой дочери, Богаевской

Прошение

Покойный муж мой титулярный советник Константин Богаевский продолжал статскую Его Императорского Величества службу около тридцати лет, служа последнее время в Бердянской городовой ратуше секретарем, 29 числа июня текущего 1847 года волею Божьей умер, оставя после себя меня и пятерых малолетних детей, а именно: сыновей Николая (15), Ивана (12), Федора (10) и дочерей: Веру (8) и Неонилу (4) лет без всякого состояния. По сему я не имею средств содержать себя и их, а также дать им приличного их званию воспитания, а потому, представляя при сем Вашему Превосходительству выданную мне 4 сентября за № 1135 из бердянской

Л. 1 об. городовой ратуши копию формулярного списка службы покойного мужа моего и свидетельство о состоянии и поведении меня, выданные мне от исправляющего должность Предводителя дворянства Бердянского уезда 7 октября за № 339. Честь имею, Ваше Превосходительство, всепокорнейшее просить о рассмотрении представляемых мной документов, исходатайствовать через кого следует мне и пятерым малолетним сиротам за двадцатидевятилетнюю службу покойного мужа моего по всем существующим для того узаконениям пенсион и о распоряжении своем не оставить почтить меня своим извещением. По миновании не надобности в подлинной копии формулярного списка мне возвратить, как весьма необходимую при определении малолетних сирот в учебное заведение.

[Ниже другим почерком]

К сему прошению вдова титулярного советника руку приложила, а вместо ее неграмотной подписал капитан [Подпись]

9 октября 1847 года
прошение сие сочинил с подписанных
бумаг и со слов просительницы
коллежский регистратор
Лука Григорьев сын Волчанский
[Подпись]

Л. 4.

Канц[елярия] та[врического] губ[ернатора]
26 февраля 1848 г.

Его Превосходительству
господину Таврическому гражданскому
губернатору генерал-лейтенанту и кавалеру
Владимиру Ивановичу Пестелю

Бердянской городской ратуши

Рапорт

Вашему Превосходительству вследствие предписания от 27 октября прошлого 1847 года за № 10824 городовая ратуша, составив сведения, необходимые для исходатайствования вдове титулярной советницы Богаевской пенсии, вместе с копией формулярного списка о службе покойного мужа и свидетельством городового врача о времени смерти, последовав-

шей мужу, при сим представив, имеет честь доложить, что ратуша эту ассигновку денег в пенсион Богаевской производить из бердянских

Л. 4 об. городовых доходов признает возможным.

Градской голова [Подпись]

Бургомистр [Подпись]

Л. 5. (рис. 2)

Свидетельство

По надлежащим удостоверении сим свидетельствую, что Александра, Иванова дочь, вдова титулярного советника Константина, Григорьева сына, Богаевского, служившего в последнее время Таврической губернии в Бердянской городовой ратуше секретарем и умершего на службе, действительно не имеет никакого состояния и особенных средств к приличному их содержанию кроме одного в городе Бердянске дома, выстроенного из жженого кирпича, дохода не приносит, потому что она сама с семейством своим имеет в нем жительство. Означенная вдова Александра Богаевская имеет пятерых детей: сыновей Николая 15, Ивана 12, Федора 11 и дочерей Веру 8 и Неонилу 7 от роду лет. Из них Николай находится в Таврической губернской гимназии, а последние по малолетству находятся при ней. За вдовой Богаевской и детьми ее движимого и недвижимого имения кроме вышепоказанного дома не состоит, равным образом, и ожидаемого в свое время в наследство не имеется. Поведение сие она отличного, равномерно и спокойный муж ее был поведения хорошего от

Л. 5 об. роду. Ей 37 лет. Жительство имеет в городе Бердянске. Умерший чиновник по выборам дворянства не служил. Родителей после него не осталось. В удостоверение чего и дано сие ей г. Богаевской в городе Бердянске за подписом моим с приложением печати. 4 октября 1847 г.

За предводителя дворянства Бердянского уезда уездный судья [подпись]

[Печать]

Л. 15.

Ваше Превосходительство!

По воле Всемогущего я лишилась 29 июня 1847 года мужа моего, бывшего секретаря в Бердянской городовой Ратуше. Несчастная, я осталась с 5-ю малолетними детьми, одно другого меньше, и в самой бедности, так, что если бы не попечения еврейского Главы, благодетельного попечителя вдов и сирот, то досталось бы жить подаяниями. Вот уже скоро год, как я пью горькую

Л. 15 об. чашу несчастья, жду пенсиона как одного из лучших счастий для бедности. Бердянская ратуша сделала представление Вашему Превосходительству и ходатайствует милостивого отеческого попечения о мне и сиротах моих.

На коленях умоляю Ваше Превосходительство, не откажите мне, несчастной, в том благодеянии, которого ждут от Вас тысячи подобных мне.

Л. 16. А благодеяние это для особы Вашей также легко оказать, как подать Вам первому встречному нищему милостыню.

В ожидании уважения этой слезной моей просьбы имею счастье именоваться Вашего Превосходительства всепокорнейшей слугой, вдова титулярного советника А. Богаевская.

29 марта 1848 г.

Бердянск

Л. 24.

Управление Новороссийского и Бессарабского генерал-губернаторства

20 января 1849 г.

№ 674, Одесса

Господину Таврическому гражданскому губернатору

г. Министр юстиции уведомляет меня, что по Высочайше утвержденной в 21 день минувшего декабря ведомости за майскую треть 1848 года назначена пенсия семейству служив-

шего секретарем Бердянской городовой ратуши титулярного советника Богаевского вдове Александре Богаевской и детям, сыновьям: Николаю, Ивану, Федору; дочерям: Вере и Неониле по 28 руб. 50 коп. серебром в год с 29 июня 1847 года с производством сей пенсии из бердянского уездного казначейства, о чем сообщено уже из Комитета министром г. министру финансов.

Имею честь сообщить об этом Вашему Превосходительству в ответ

Л. 24 об. на представление ко мне от 24 мая прошлого года № 5472 для объявления вдове Богаевской, возвращая принадлежащие ей два документа.

Исправляющий должность Новороссийского и

Бессарабского генерал-губернатора, генерал-лейтенант [подпись]

Л. 25. (рис. 4)

№ 2475

Свидетельство

По надлежащем удостоверении сим свидетельствуем, что Александра, Иванова дочь, вдова титулярного советника Константина Богаевского, служившего в последнее время Таврической губернии в Бердянской городовой ратуше секретарем и умершего на службе, кроме одного в городе Бердянске дома, выстроенного из жженого кирпича, в котом сама жительствует, действительно не имеет особенных средств к приличному себя с семейством содержанию. Означенная вдова Александра Богаевская имеет пятерых детей: сыновей Николая 16, Ивана 13, Федора 12 и дочерей Веру 9 и Неонилу 8 от роду лет. Из них Николай находится в Таврической губернской гимназии на собственном

Л. 25 об. иждивении, а последние по малолетству находятся при ней. За вдовой Богаевской и детьми ее движимого и недвижимого имения кроме вышепоказанного дома не состоит, равным образом, и ожидаемого в свое время в наследство не имеется. Поведение сие она хорошего, равномерно и спокойный муж ее был такого же. От роду ей 38 лет. Жительство имеет в городе Бердянске. Умерший чиновник по выборам дворянства не служил. Родителей после него не осталось. В удостоверение чего и дано сие в городе Симферополе марта 8 дня 1848 года

Таврический губернатор

Генерал-лейтенант [подпись]

[Печать]

Таврический губернский предводитель

дворянства, тайный советник [подпись]

[Печать]

Л. 26. (рис. 5)

Свидетельство

Бердянского Молитвенного дома, священно- и церковнослужители сим свидетельствуем, что служивший в Бердянской городовой ратуше секретарем титулярный советник Константин, Григорьев сын, Богаевский, после болезни умер 29-го июня прошлого 1847 года и погребен в указанное время по христианскому обряду на общем бердянском кладбище, в чем сие свидетельство вдове г. Богаевской за подписом нашим и приложением церковной печати дано марта 28 дня 1848 года.

Священник <не разб.> Андрей <не разб.>

Диакон Василий Петров

Указный диакон Иаков Грушецкий

Указный пономарь Гавриил <не разб.>

ГАРК. Ф. 27. Таврическое губернское правление. Оп. 1. Д. 5360. По прошению Степаниды Кущовой о неправильном владении ее помещицею титулярной советницей Богаевской. 18 августа – 30 сентября 1847 г. Л. 1–179.

Л. 1.

Его Превосходительству
господину Таврическому гражданскому губернатору
генерал-лейтенанту и кавалеру

проживающей в городе Бердянске в доме титулярной советницы Богаевской девицы Степаниды Игнатьевой дочери Кущовой

Прошение

В малолетстве еще моем отдана я Полтавской губернии помещиком Барановым умершему в недавнем времени титулярному советнику Богаевскому в подарок для служения на 10 лет с тем, чтобы по истечении сего времени дана была мне от Богаевского свобода, каковую он покойник по случаю более

Л. 1 об. тому, что ему поныне его крестьянами пользоваться невозможно по личному их дворянству. Обещал дать мне, что и при жене своей он лично говорил: «Вольноотпускная у меня от Баранова имеется» и «Я тебе ее отдам». Но смерть прекратила привести его желание в исполнение, как, между тем, прожила у него Богаевского более уже 10 лет и оставшаяся его жена Александра, не желая меня отпустить на свободу, держит неподобающе и бумаги, мне принадлежащие, не отдает. Дабы не прошли мои в молодости лета, в <не разб.> нахожусь прибегнуть под защиту и покровительство Вашего Превосходительства согласно Высочайше дарованной милости для отобрания всех крестьян от личных дворян,

Л. 2. не имеющих права пользования подобными мне. Покорнейше прошу Ваше превосходительство снестись с начальником города Бердянска об отобрании документов моих от титулярной советницы Богаевской, подачи мне свободы от крестьянства, учинить благоуважительное распоряжение.

Прошение сие с точных слов просительницы написал <не разб.>
коллежский регистратор Н. Яновский
7 августа 1847 г.

Л. 4.

№ 1660
Получено ноября 17 дня 1847 г.

В Таврическое губернское правление по 7 столу
Бердянской градской полиции

Рапорт

В исполнение указа оного правлении от 15 октября за № 8998 полиция честь имеет донести, что начавшемся в сей полиции

Л. 4 об. деле об отыскивающей вольности от умершего титулярного советника Константина Богаевского девкой Степанидой Кущовой, так как сея девка в малолетстве отдана была умершему Богаевскому родным его братом, живущим в Полтавской губернии в Миргородском уезде коллежским секретарем Михаилом Богаевским для приучения в доме по хозяйству.

ГАРФ. Ф. 102. Департамент полиции Министерства внутренних дел (1880–1917). Оп. 11 (1891). Д. 129. О вдове бывшего секретаря Феодосийского городского полицейского управления, отставного титулярного советника Богаевского – Александре Богаевской. Л. 1–22.

Л. 2. (рис. 6)

№ 806
12 февраля 1891 г.

В Министерство внутренних дел
Вдовы отставного титулярного советника Александры Михайловны Богаевской

Прошение

Представляя при этом копию аттестата о службе покойного мужа моего, метрическую выпись о его смерти, расчетный пенсионный лист и мои документы, имею честь покорнейше просить распоряжения Министерства о назначении мне и двум сыновьям моим пенсии, заслуженной умершим моим мужем.

Александра Богаевская
Января 24 дня
1891 года
г. Ялта

Л. 3.
Копия

Аттестат

По указу Его Императорского Величества дан сей Аттестат из феодосийского городского управления служившему в оном секретарем титулярному советнику Федору Константиновичу Богаевскому в том, что он, как видно из формулярного о службе его списка, имеет от роду 41 год, вероисповедания православного, знаков отличия не имеет. Окончил курс наук в Ореховском уездном училище. Вступил в службу в Бердянское уездное казначейство в 1856 году марта 9 дня, по прошению перемещен в Бердянскую портовую таможню 1859 г. июня 3 дня. Указом Правительствующего Сената от 31 января 1861 года за № 22 произведен за выслугу лет в коллежские регистраторы со старшинством с 1860 года марта 9 дня. Согласно прошению уволен от службы из таможни 1862 г. марта 8 дня. По прошению определен в штат канцелярии Таврического губернатора 1862 г. апреля 13 дня. За выслугу лет указом Правительствующего Сената от 27 августа 1864 года за № 174 произведен в губернские секретари со старшинством с 1863 года апреля 14 дня. Указом Правительствующего Сената от 11 мая 1867 года за № 77 произведен в коллежские секретари со старшинством с 1866 года 16 апреля. Назначен помощником пристава г. Феодосии 1869 г. 13 апреля, перемещен в секретари феодосийского городского полицейского управления того же 1869 года октября 19 дня. Указом Правительствующего Сената 6 мая 1874 года за № 37 произведен в титулярные советники со старшинством с 1869 года апреля 14 дня. Резолюцией Губернского Правления, утвержденной господином Таврическим губернатором, уволен от службы по расстроенному здоровью 19 октября 1882 года. Жалованья получал в год 200 руб. и столовых 200 руб., всего 400 руб. В походах, штрафах и отпусках не был, в отставке находился с 8 марта по 13 апреля 1862 года, без награждения чина. Женат на Александре Михайловне, имеет детей: сыновей – Константина, родившегося 12 января 1872 года, и Александра, родившегося 13 июля 1873 года.

Л. 3 об. Жена и дети православного вероисповедания. В чем и выдан сей аттестат за подписью и приложением казенной печати ноября 9 дня 1882 года. Подписи Феодосийского уездного исправника и полицмейстера Феодосии А. Изнарь и за секретаря Арфамов. На основании этого Аттестата и метрической выписи о смерти титулярного советника Федора Константиновича Богаевского, выданного Аутской Успенской церковью 22 ноября 1890 года, вдове умершего Александре Михайловне Богаевской с сыновьями ее Константином и Александром выдан 16 января 1891 года за № 107 билет на жительство в России сроком на один год января 16 дня 1891 года, г. Ялта. Подписи: помощника исправника <не разб.> и секретаря (подпись не разборчива) (М. П.).

Я, нижеподписавшийся, удостоверяю верность настоящей копии с подлинником ее, предоставленным мне, Алексею Федоровичу Фролову-Багреву. Ялтинскому нотариусу в конторе 1 моей 1 участка по Набережной улице в доме наследников <не разб.>, отставным подполковником Павлом Егоровичем Золотовым, жительствующем в имении <не разб.> Ялтинского уезда. При сличении мною этой копии с подлинником, в последнем почисток, приписок, зачеркнутых слов и никаких особенностей не было, а в сей копии во второй строке сей страницы исправленному «2» вторить. Февраля 7 дня 1891 года по реестру № 122.

Нотариус [Подпись]
[Печать]

Л. 4. (рис. 8)

Выпись
из метрической книги Ялтинского уезда селения Аутки
Успенской церкви Таврической епархии за 1890 год

В метрической книге Аутской Успенской церкви за 1890 год состоит в записи в числе умерших под № 48 акт следующего содержания: тысяча восемьсот девяностого года сентября девятнадцатого дня умер от спинной сухотки и хронического катара, а двадцатого погребен на Аутском церковном кладбище титулярный советник Федор Константинович Богаевский 49 лет. Погребение совершал священник Василий Соколов с псаломщиком Иоанном Григорьевым. Что акт сей действительно записан в показанном месте метрической книги Аутской Успенской церкви за 1890 год, в том подписью с приложением церковной печати удостоверяется.

Аутской Успенской церкви
священник Василий Соколов
Псаломщик Иоанн Григорьев
[Печать]
1890 года ноября 22 дня
г. Ялта, с. Аутка

Л. 5 об.

№ 103
Свидетельство

Дано сие от Ялтинского уездного полицейского управления вдове отставного титулярного советника Александре Михайловне Богаевской, живущей в 1 участке г. Ялты на предмет исходатойствования пенсии в том, что она, Богаевская, под судом и следствием не состояла, права на получение пенсии не утеряла, имущества, как движимого, так и недвижимого в г. Ялте и Ялтинском уезде не имеет, и сыновья ее, Константин и Александр, воспитываются на ее счет. Января 18 дня 1891 года, г. Ялта.

Помощник исправника [Подпись]
Секретарь [Подпись]

Л. 22.

МВД
Департамент полиции
По 1 делопроизводству
4 декабря 1891 г.
№ 7949

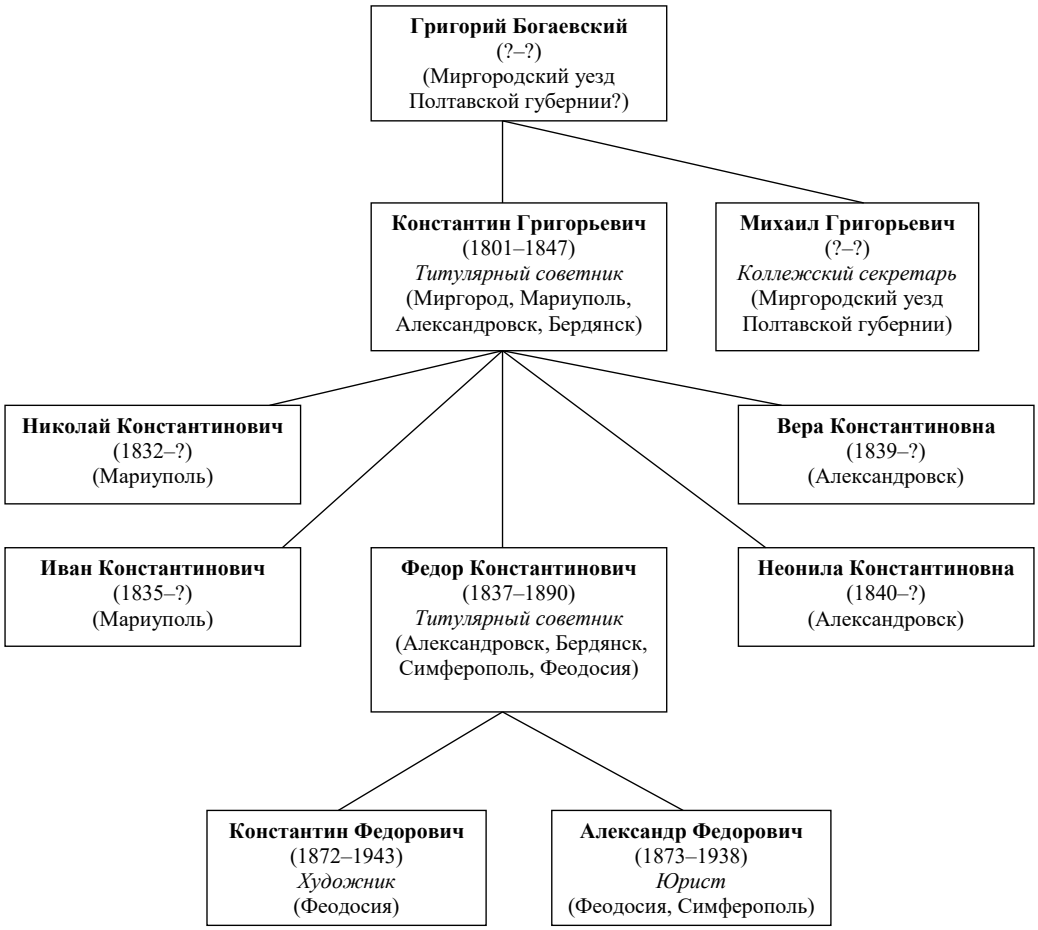
Господину Таврическому губернатору

Министерством внутренних дел на основании 34, 113, 118, 171, и 217 ст. Пенсионного устава, изданного в 1876 г., назначена пенсия вдове секретаря Феодосийского городского полицейского управления <не разб.> титулярного советника Федора Богаевского Александре Богаевской в размере 35 руб. 80 коп. в год с 19 сентября 1890 г. и об ассигновании этой пенсии из Ялтинского уездного казначейства сообщено Министру финансов. Об этом Департамент полиции имеет честь уведомить Ваше Превосходительство вследствие отношения за № 6729 для зависящих с Вашей, Милостивый Государь, стороны распоряжений.

Подписал: Вице-директор [Подпись]
Скрепил: Делопроизводитель [Подпись]
Верно: [Подпись]

Приложение 2

Родословное дерево К. Ф. Богаевского



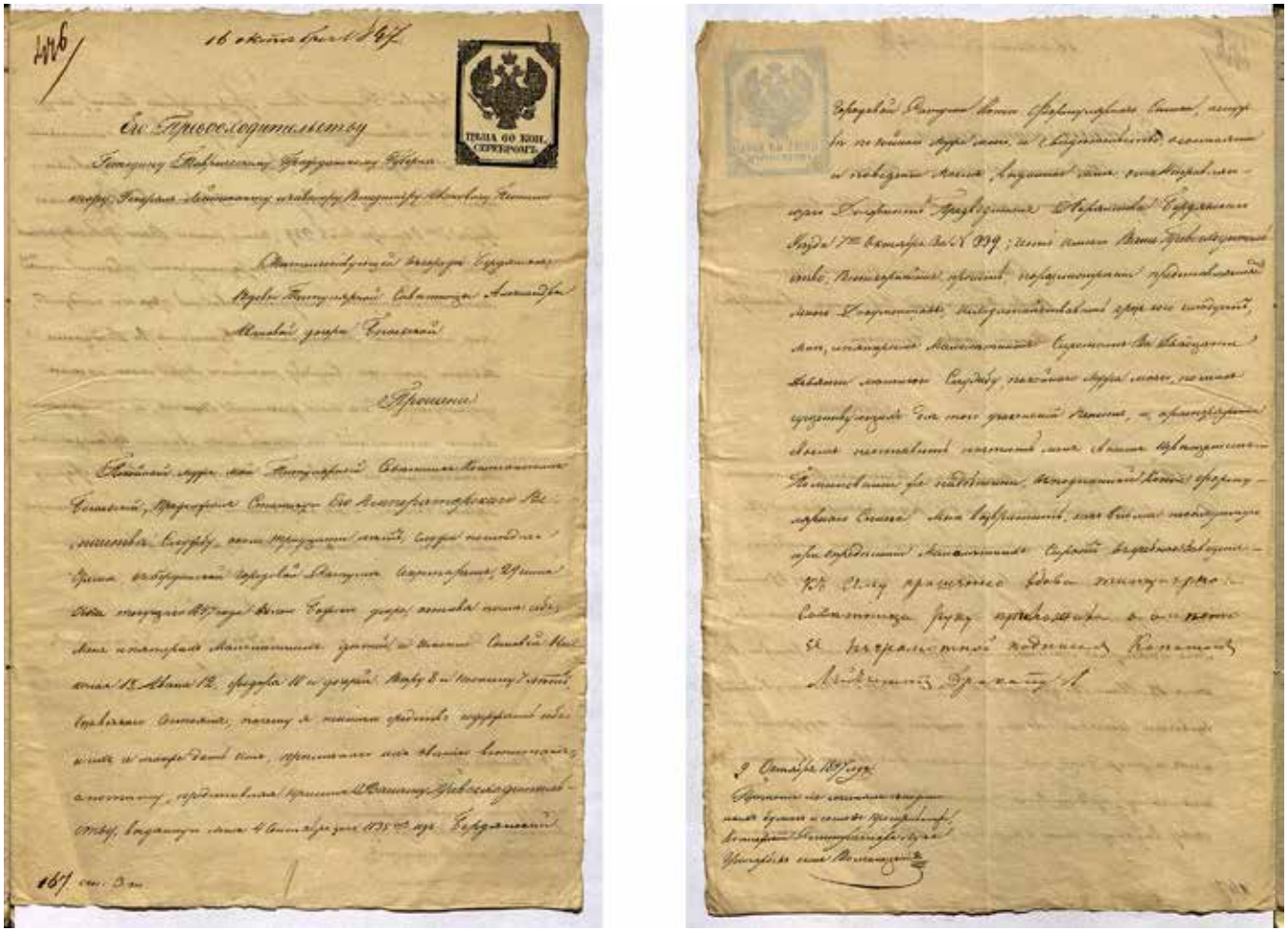


Рис. 1. Прошение А. И. Богаевской на имя Таврического гражданского губернатора В. И. Пестеля об «исходатайствовании» пенсии в связи со смертью мужа. 9 октября 1847 г. [ГАРК, ф. 26, оп. 1, д. 15871, л. 1, 1об.]

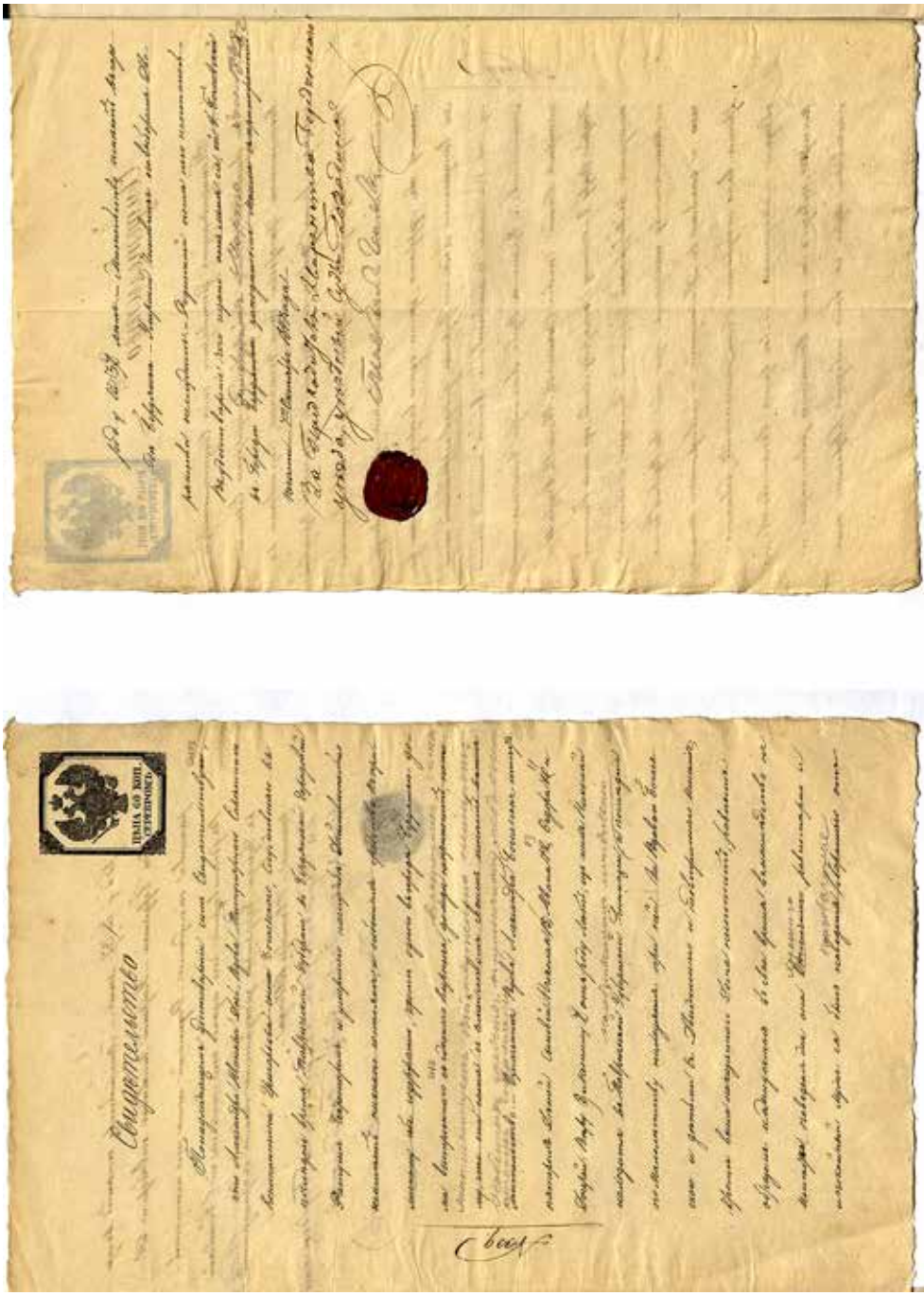


Рис. 2. Свидетельство Бердянского уездного суда о материальном состоянии А. И. Богаевской после смерти мужа. 4 октября 1847 г. [ГАРК, ф. 26, оп. 1, д. 15871, л. 5, 5об.]

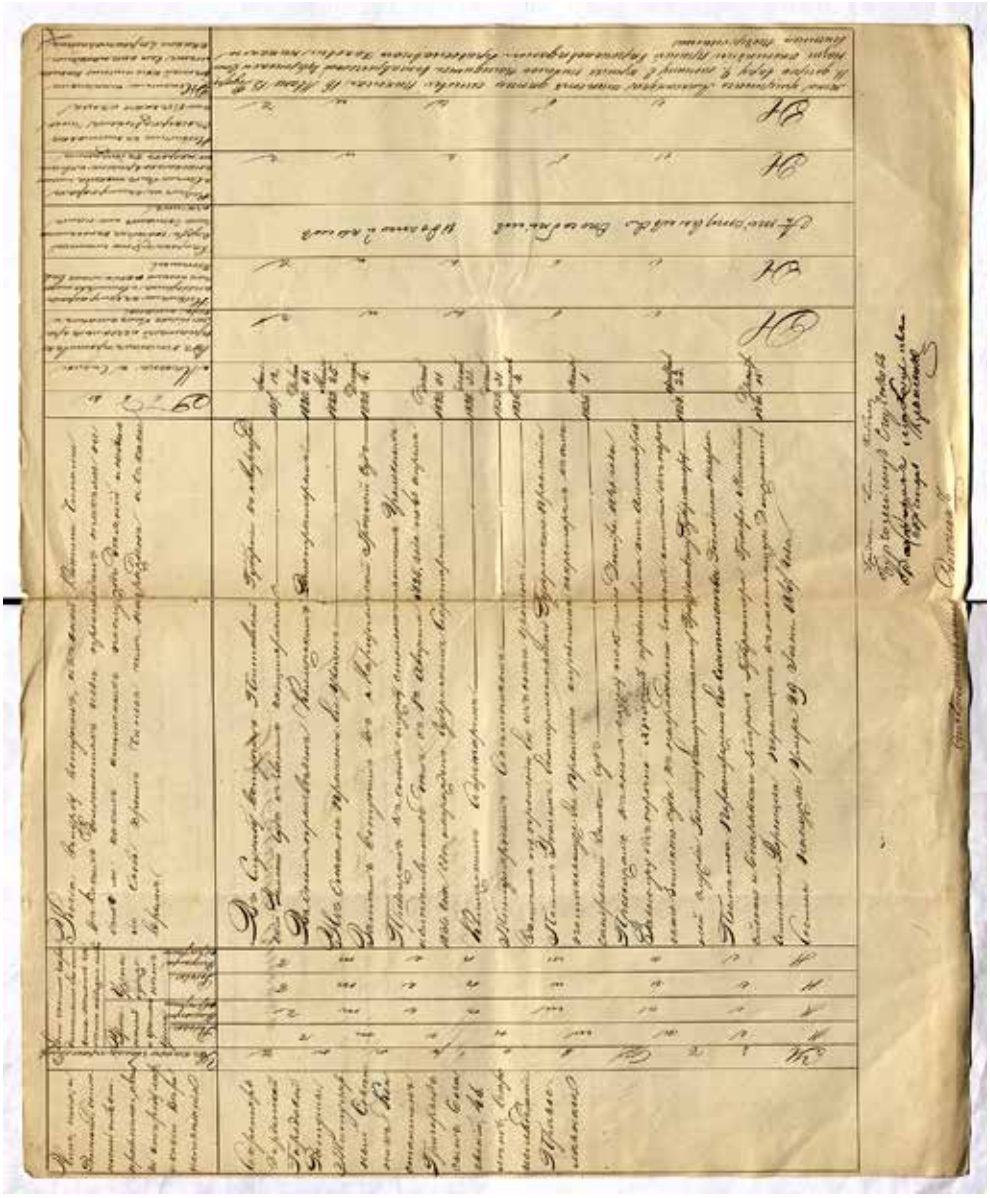


Рис. 3. «Формулярный список о службе и достоинстве бывшего секретаря Бердянской городовой ратуши титулярного советника Константина Богаевского». 18 февраля 1848 г. [ГАРК, ф. 26, оп. 1, д. 15871, л. 6об., 7]

Рис. 4. Свидетельство Таврического гражданского губернатора В. И. Пестеля о материальном состоянии А. И. Богаевской после смерти мужа. 8 марта 1848 г. [ГАРК, ф. 26, оп. 1, д. 15871, л. 25, 25об.]

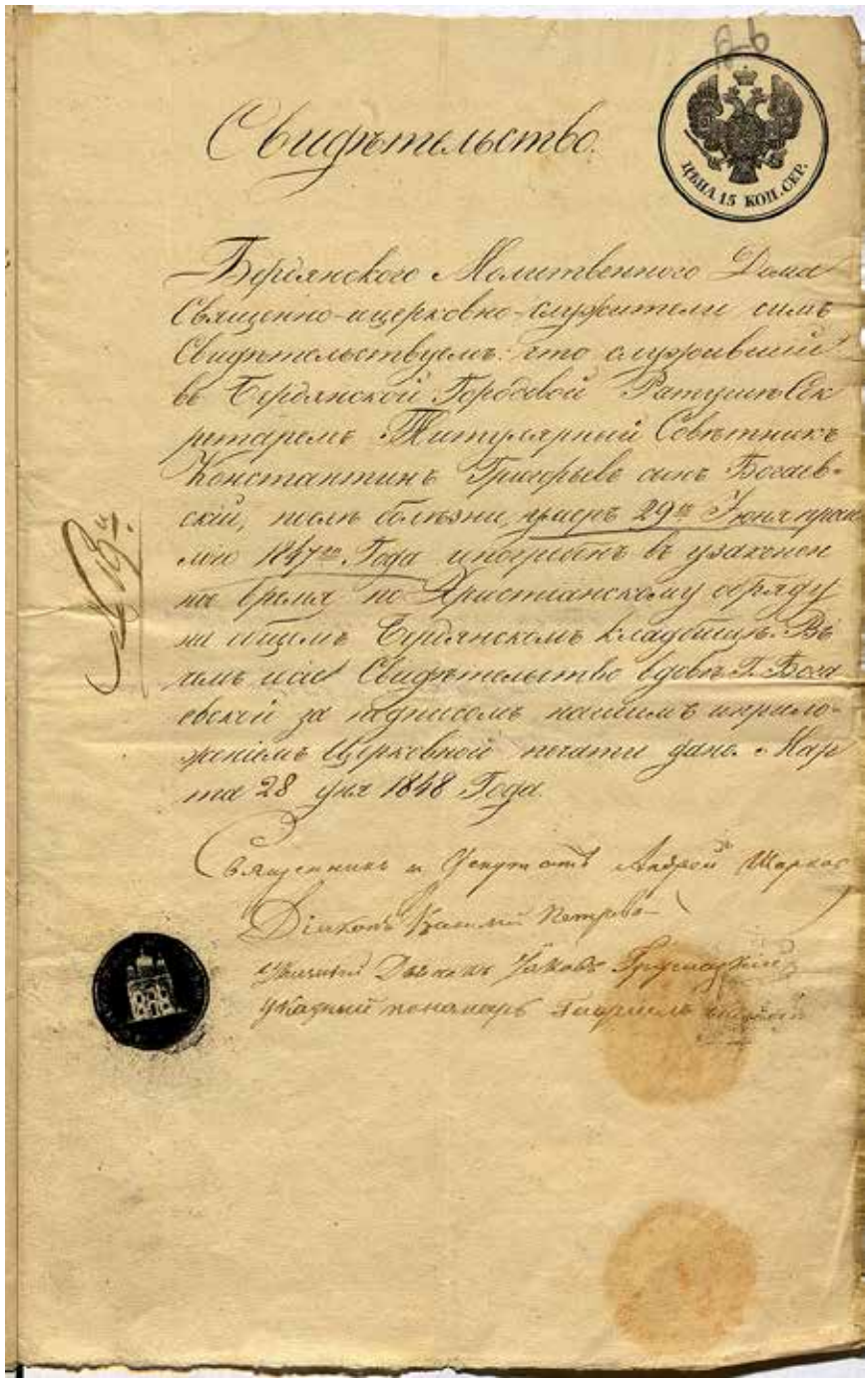


Рис. 5. Свидетельство Бердянского Молитвенного дома о смерти и погребении титулярного советника Константина Богаевского. 28 марта 1848 г. [ГАРК, ф. 26, оп. 1, д. 15871, л. 26]

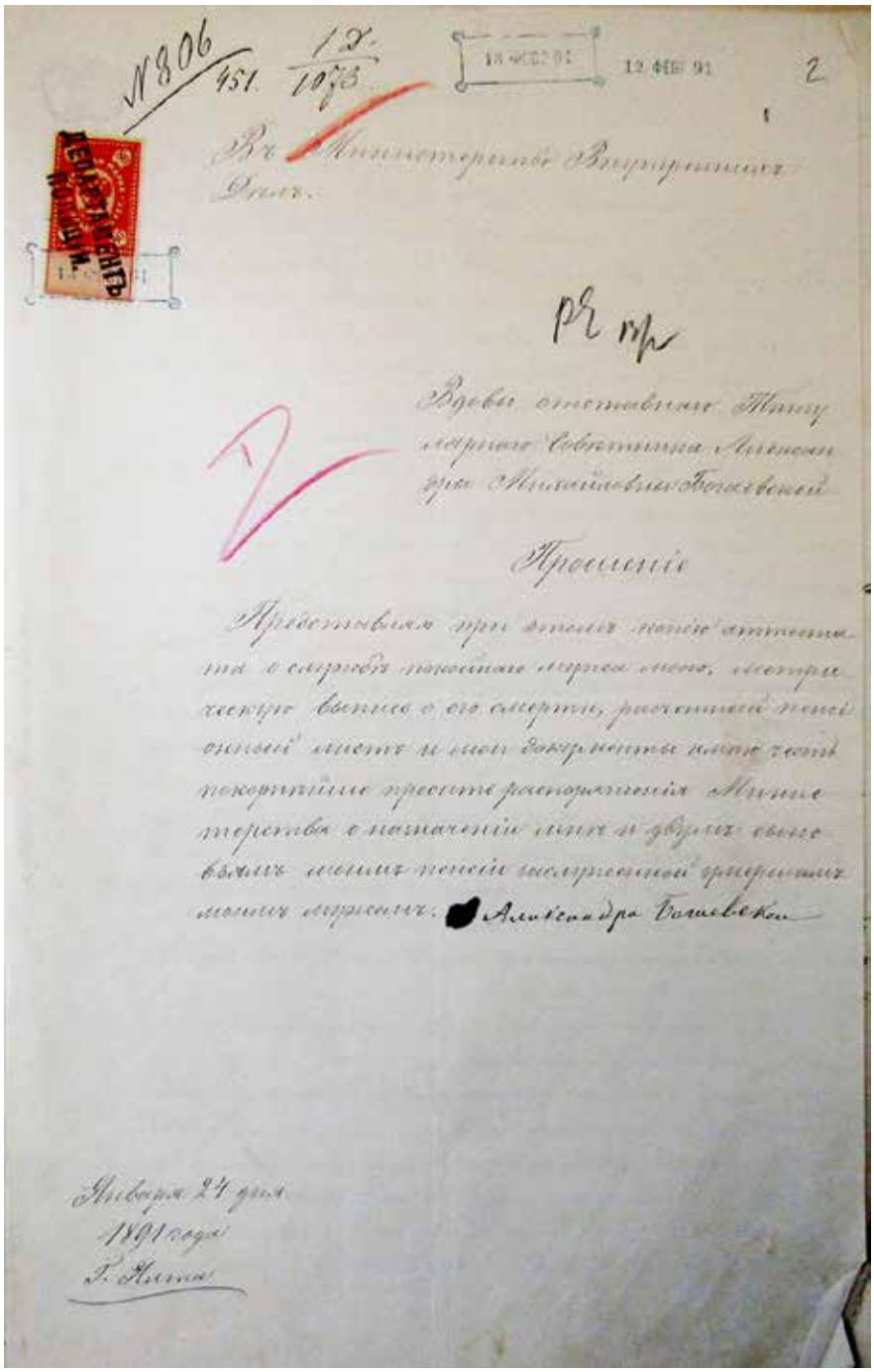


Рис. 6. Прошение А. М. Богаевской о назначении ей пенсии в связи со смертью мужа, направленное в Министерство внутренних дел. 24 января 1891 г. [ГАРФ, ф. 102, оп. 11 (1891), д. 129, л. 2]

Рис. 7. Разворот метрической книги Успенской церкви села Аутки Ялтинского уезда с записью о смерти титулярного советника Ф. К. Богаевского. 19 сентября 1890 г. [ГАРК, ф. 142, оп. 1, д. 280, л. 298об.–299]

4

ВЫПИСЬ

изъ метрической книги, Ялтинскаго уѣзда, селенія Аутки, Успенской церкви, Таврической епархіи, за 189 годъ.

Въ метрической книгѣ Аутской Успенской церкви, за 189 годъ, состоитъ въ записи въ числѣ умершихъ подъ № 11 актъ слѣдующаго содержанія: тысяча восемьсотъ [illegible] года [illegible] дня умеръ отъ [illegible] погребенъ на Аутскомъ церковномъ кладбищѣ [illegible]

Погребеніе совершалъ [illegible]

Что актъ сей дѣйствительно записанъ въ показанномъ мѣстѣ метрической книги Аутской Успенской церкви, за 189 годъ, въ томъ подписью, съ приложеніемъ церковной печати, удостовѣряется.

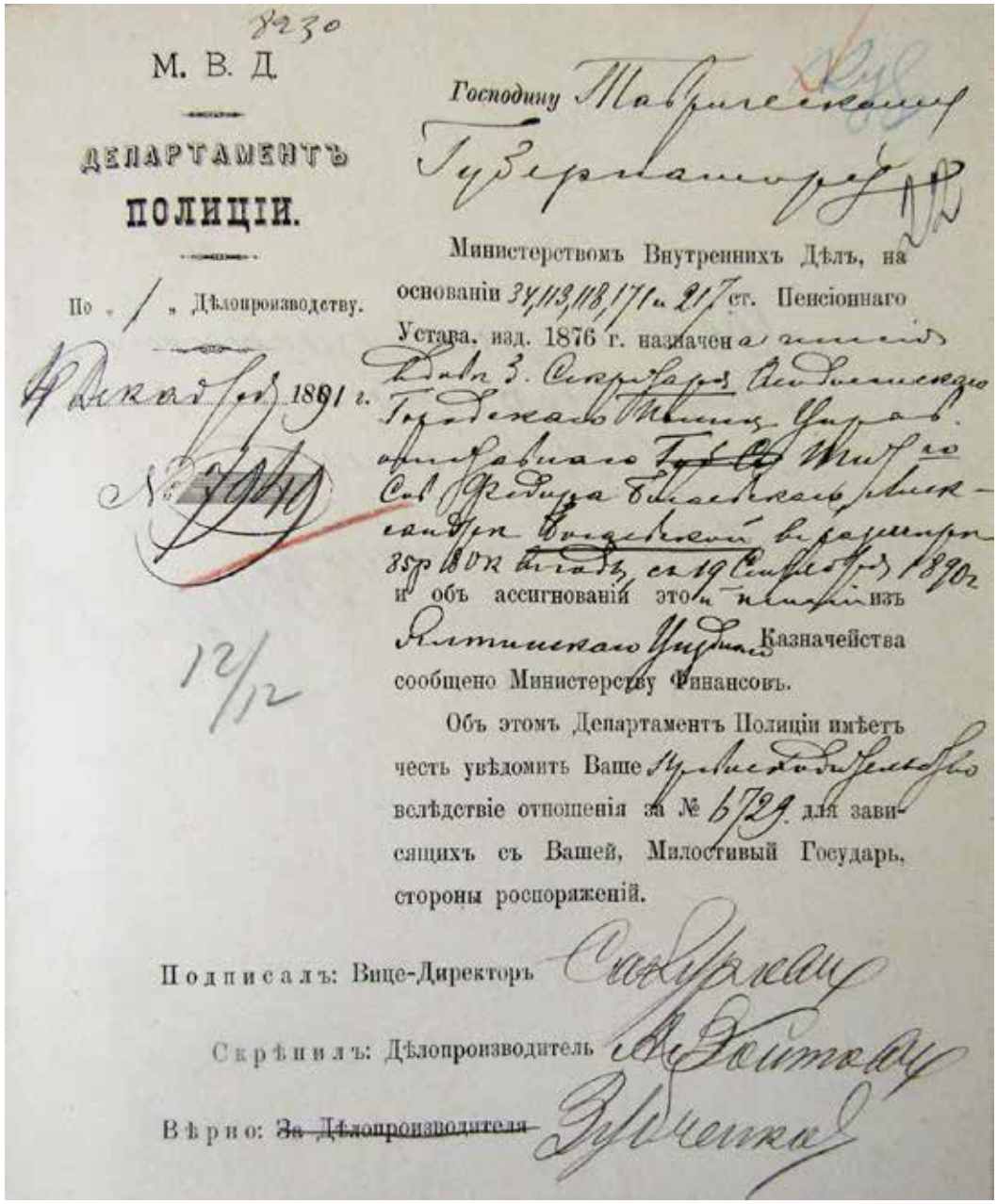
Аутской Успенской церкви: [illegible]

№

1890 года Ноября [illegible] дня.

Г. Ялта, с. Аутка.

Рис. 8. «Выпись» из метрической книги Ялтинского уезда селения Аутки Успенской церкви Таврической епархии за 1890 г. о смерти и погребении титулярного советника Ф. К. Богаевского. 22 ноября 1890 г. [ГАРФ, ф. 102, оп. 11 (1891), д. 129, л. 4]



М. В. Д.

ДЕПАРТАМЕНТЪ ПОЛИЦІИ.

По . / . Дѣлопроизводству.

Господину Таврическому Губернатору

Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, на основаніи 34, 113, 118, 171 и 217 ст. Пенсіоннаго Устава, изд. 1876 г. назначена

Вдова 3. Секретаря Симферопольскаго Городскаго Управ. Ивана Ивановича

Ст. Фридуна Константиновича

1891 г.

и объ ассигнованіи этой пенсіи изъ Ялтинскаго Уѣзднаго Казначейства сообщено Министерству Финансовъ.

Объ этомъ Департаментъ Полиціи имѣетъ честь увѣдомить Ваше Превосходительство вслѣдствіе отношенія за № 6729 для зависящихъ съ Вашей, Милостивый Государь, стороны распоряженій.

Подписалъ: Вице-Директоръ

Скрѣпилъ: Дѣлопроизводитель

Вѣрно: ~~За Дѣлопроизводителя~~

Рис. 9. Уведомление Таврическому губернатору от Департамента полиции о назначении пенсии А. М. Богаевской после смерти мужа [ГАРФ, ф. 102, оп. 11 (1891), д. 129, л. 22]

Рис. 10. Ялта, Чукурлар. Дореволюционная открытка

Рис. 11. Ялта, Чукурлар. Фотоснимок, конец XIX в., 24,4×33 см [Музей-заповедник «Дмитровский кремль», КП ОФ-3032/49, инв. № ФГ-175]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бащенко Р.Д. К.Ф. Богаевский. М.: Изобразительное искусство, 1984. 296 с.
2. Булавинцев А.А. К вопросу об истории городского кладбища Ялты // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2021. Т. 7, № 2. С. 116–139.
3. Волошина М.С. О Максе, о Коктебеле, о себе. Воспоминания. Письма / Сост. В.П. Купченко; под ред. Д.А. Лосева. Феодосия; М.: ИД «Коктебель», 2003. 367 с. (Сер.: «Образы былого»).
4. Воронова О.П. Над Понтом Эвксинским. К. Богаевский. М.: Советсткий художник, 1982. 184 с.
5. Историческая записка о Симферопольской гимназии с основания ее по 1 июля 1881 года. Симферополь: Таврическая губернская типография, 1881. 159 с.
6. Ломакина М.А. Крымские древности в акварелях К.Ф. Богаевского: к 150-летию со дня рождения художника. Симферополь: Н. Орианда, 2020. 448 с. (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 30).
7. Манин В.С. Константин Богаевский. Альбом. СПб.: Аврора, 2011. 200 с.
8. Новороссийский календарь на 1850 год / Ришельевский лицей. Одесса, 1849. 386 с.
9. Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861–1862 г. Ч. 1. СПб.: тип. К. Вульфа, 1863. 922 с.

REFERENCES

1. Bashchenko R.D. *K.F. Bogaevskii* [K.F. Bogaevsky]. Moscow, Izobrazitel'noe iskusstvo Publ., 1984, 296 p.
2. Bulavintsev A.A. On the History of the Yalta City Cemetery. *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia «Istoricheskie nauki. Iuridicheskie nauki»* [Bulletin of the Mari State University. Series «Historical Sciences. Legal Sciences»], 2021, vol. 7, no. 2, pp. 116–139.
3. Kupchenko V.P., Losev D.A. (eds.). *Voloshina M.S. O Makse, o Koktebele, o sebe. Vospominaniia. Pis'ma* [Voloshina Maria Stepanovna. About Max, about Koktebel, about myself. Memories. Letters]. Feodosiya, Moscow, Koktebel' Publ., 2003, 367 p.
4. Voronova O.P. *Nad Pontom Evksinskim. K. Bogaevskii* [Over Pont Euxinsky. K. Bogaevsky]. Moscow, Sovetstkii khudozhnik Publ., 1982. 184 p.
5. *Istoricheskaia zapiska o Simferopol'skoi gimnazii s osnovaniia ee po 1 iiulia 1881 goda* [Historical note on the Simferopol gymnasium from its foundation to July 1, 1881]. Simferopol, Tavricheskaia gubernskaia tipografiia Publ., 1881, 159 p.
6. Lomakina M.A. *Krymskie drevnosti v akvareliakh K.F. Bogaevskogo: k 150-letiiu so dnia rozhdeniia khudozhnika* [Crimean antiquities in watercolors by K.F. Bogaevsky: to the 150th anniversary of the artist's birth]. Simferopol, Nizhniaia Orianda Publ., 2020, 448 p.
7. Manin V.S. *Konstantin Bogaevskii* [Konstantin Bogaevsky]. St. Petersburg, Avrora Publ., 2011, 200 p.
8. *Novorossiiskii kalendar' na 1850 god* [Novorossiysk calendar for 1850]. Odessa, 1849, 386 p.
9. *Ekonomicheskoe sostoianie gorodskikh poselenii Evropeiskoi Rossii v 1861–1862 g.* [The economic state of urban settlements in European Russia in 1861–1862]. St. Petersburg, K. Vulf Publ., 1863, 922 p.

Информация об авторах

Ломакина М. А. – старший научный сотрудник Крымского этнографического музея, Researcher ID: Y-9364-2019.

Айбабина Е. А. – кандидат исторических наук, доцент кафедры градостроительства и архитектуры Академии строительства и архитектуры Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Researcher ID: AAC-5735-2022.

Authors information

Lomakina M. A. – Senior Researcher at the Crimean Ethnography Museum, Researcher ID: Y-9364-2019.

Aibabina E. A. – Candidate of Science (History), Associate professor of the Department of Urban Planning and Architecture of the Academy of construction and architecture of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: AAC-5735-2022.

DOI: 10.29039/2413-189X.2025.30.647-660

КОМИССИЯ ПОД РУКОВОДСТВОМ С. П. СУХОДОЛЬСКОГО 1905 Г.

Денис Валериевич Конкин
Институт археологии Крыма Российской академии наук, Симферополь, Россия
denis_konkin@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-6966-9963

Аннотация. В статье впервые раскрываются подробности создания и работы «Особой Комиссии для пересмотра действующих постановлений относительно древних памятников и зданий» под руководством С. П. Суходольского. Данная Комиссия была учреждена в 1905 г. в Санкт-Петербурге при МВД с целью систематизации и выработки единого законодательного проекта по охране памятников древности Российской империи. В ее работе были задействованы ведущие специалисты и ответственные чиновники, хорошо знакомые с данной тематикой, включая таких известных общественных, научных и государственных деятелей, как А. А. Бобринской, Н. П. Кондаков, Н. В. Султанов, П. Ю. Сюзор, Н. В. Покровский и др. Несмотря на краткость своего функционирования, несовпадение взглядов ее членов на ряд ключевых параметров проблемы, выработанные Комиссией «Особые Положения» стали важным заделом в последовавшие позднее попытки государственной власти создать всеобъемлющий законодательный документ по охране культурного наследия в Российской империи. Обсуждаемые на заседаниях вопросы являлись срезом общественных и государственных представлений по ключевой проблематике в рассматриваемый период. В качестве дополнительной характеристики значения работы Комиссии Суходольского, иллюстрации практического взаимодействия столичного учреждения с региональными субъектами задействован крымский контекст, богатый памятниками античности, средневековья и нового времени.

Ключевые слова: Российская империя, Крым, памятники археологии, охрана культурного наследия, Комиссия Суходольского, А. А. Бобринской, Н. П. Кондаков

P. S. SUKHODOL'SKII'S COMMISSION OF 1905

Denis V. Konkin
Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia
denis_konkin@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-6966-9963

Abstract. First in the scholarship, this article provides detailed research of the creation and work of the Special Commission for the Revision of Current Regulations Regarding Ancient Monuments and Buildings headed by S. P. Sukhodol'skii. This Commission was established in 1905 at the Home Ministry in St Petersburg with the aim of systematizing and developing unified legislative project for the protection of ancient monuments in the Russian Empire. Its work involved leading specialists and responsible officials familiar with the subject, including such renowned public, academic, and government figures as A. A. Bobrinskoi, N. P. Kondakov, N. V. Sultanov, P. Iu. Siuzor, N. V. Pokrovsky, and others. Despite the short period of existence and the divergence of its members' views on a number of key aspects, the Commission developed the "Special Provisions" which became an undertaking for later governmental efforts to create a comprehensive legislative document for the cultural heritage protection in the Russian Empire. The issues discussed at the meetings represented the "cross-section" of public and government views on key issues during the period under study. The case of the Crimea, with abundant ancient, mediaeval, and modern monuments and sites, has been attracted to supply an additional characteristic of the works done by the Sukhodol'skii's Commission and to illustrate practical interaction between the capital's institution and regional entities.

***Keywords*:** Russian Empire, Crimea, archaeological monuments and sites, cultural heritage protection, Sukhodol'skii's commission, A. A. Bobrinskoi, N. P. Kondakov

Проблема охраны культурного наследия в России, законодательной защиты исторических памятников имеет долгую историю и, по-прежнему, остается важным маркером общественного согласия в государстве. В настоящее время связанные с ней вопросы приобретают

особую актуальность, поскольку продолжаются не всегда удачные попытки оптимизировать действующее законодательство, в частности, в таких направлениях, как сохранение археологического наследия, порядок регламентации археологических работ [34, с. 187–195]. Для объективной оценки современного положения в деле охраны и учета историко-культурного наследия государства, как никогда важно знать и принимать во внимание правовые традиции в данной сфере, сформированные в предыдущие исторические периоды. В настоящей публикации будет раскрыт один из важных эпизодов проблемы, связанный с деятельностью сформированной в 1905 г. при Министерстве внутренних дел Российской империи (далее – МВД) «Особой Комиссии для пересмотра действующих постановлений относительно древних памятников и зданий» под председательством С. П. Суходольского (далее – Комиссия Суходольского). Ссылки на работу Комиссии Суходольского неоднократно встречаются в историографии, но, как правило, события упоминаются вскользь [см., напр.: 27, с. 102; 18, с. 117–119; 13, с. 364; 16, с. 35; 32, с. 46; 4, т. 1, с. 225–227] или в контексте общей проблематики формирования законодательства по охране памятников древности в Российской империи [10, с. 102–110; 5, с. 94–97]. Между тем, предыстория создания Комиссии Суходольского, состав входящих в нее ведомств, личная мотивация конкретных участников достаточно выпукло характеризуют общее состояние проблемы сохранения культурного наследия в Российской империи в рассматриваемый период, демонстрируют позицию государства по этому поводу во время острейших внешне- и внутриполитических кризисов. В настоящей публикации впервые будут изложены подробности создания и деятельности Комиссии Суходольского. В качестве дополнительной характеристики значения ее работы, иллюстрации практического взаимодействия столичного учреждения с региональными субъектами, при необходимости, задействован крымский контекст, богатый памятниками античности, средневековья и нового времени.

Попытки систематизировать и обобщить в рамках единого юридического документа разноплановые законы и постановления, направленные на сохранение и учёт памятников старины неоднократно предпринимались в Российской империи, начиная со второй половины XIX века. Научные сообщества, общественные организации, региональные чиновники регулярно обсуждали, обращались в органы центральной власти с просьбами и воззваниями внести корректировки в действующие законодательные акты в данной сфере, конкретизировать их использование [см.: 18; 29, с. 103–106; 16, с. 113–122, 224–237; 10, с. 84–95; 31; 4, т. 2, с. 1237–1400]. Применительно к Крыму можно указать, например, на доклад Ал. И. Маркевича «О сохранении старинных памятников», представленный в 1899 г. на XI Археологическом съезде в Киеве, где краевед обратил внимание на происходившее разрушение укреплений Чобан-Куле около Судака и Арабатской крепости, «неприличном виде» керченской горы Митридат и предложил распределить обязанности по охране памятников старины среди научных историко-археологических учреждений, а также, в целом, оптимизировать законодательство «о сохранении памятников древности» [8, с. 159–161]. Доклад этот получил сочувственные отклики от председателей Московского археологического общества (далее – МАО) П. С. Уваровой и Императорской археологической комиссии (далее – ИАК) графа А. А. Бобринского. Кроме того, в рамках обсуждения доклада обговаривалась проблема отсутствия общероссийского реестра подлежащих охране древностей, в связи с чем было предложено обратиться в МВД с просьбой «подтвердить циркулярно» необходимость сохранения исторических объектов [8, с. 161].

В самом МВД вопросы, связанные с охраной памятников старины, были хорошо известны. Общее видение ситуации внутри министерства по состоянию на конец XIX в. помогают осветить ведомственные архивные документы. В хранящемся в Российском государственном историческом архиве (далее – РГИА) объемном деле «Об охранении памятников древности и о пересмотре действующих постановлений относительно охранения и ремонта древних зданий и памятников. 1901–1916 гг.» [РГИА, ф. 1284, оп. 186, 1901 г., д. 11а] находится, предварявшая всю последующую документальную коллекцию, особая записка «Для памяти. По вопросу об охране древних памятников», в которой были зафиксированы основные, с точки зрения чиновников министерства, проблемы сохранения историко-культурных объек-

тов России, актуализировавшиеся после воцарения Николая II. В частности, отмечалось, что утвержденное в 1889 г. «Высочайшее повеление», согласно которому ИАК получила исключительное право выдавать разрешения на проведение археологических раскопок на казенных и общественных землях, а также согласовывать, после консультации с Императорской Академией художеств, все планы по реставрации монументальных памятников древности [15, т. 9, № 5841, с. 95], соблюдалось только в правление Александра III. «Ныне (то есть в самом конце XIX в. – *Д.К.*) обращаются в Археологическую Комиссию только те Ведомства, которые того пожелают. Иные реставрационные планы направляются в Московское археологическое общество, которое их в Комиссию не пересылает. Другие направляются в Особую комиссию при Синоде, где также не испрашивается мнение Археологической Комиссии. Большинство реставраций производится без разрешения, по усмотрению местных властей, а так как главное число русских древних монументальных памятников составляют церкви, то на деле духовенство беспрепятственно уничтожает, замазывает и переделывает старину часто самым грубым образом. Отсутствует надзор, отсутствует власть, которая бы запрещала приступать к ремонту до утверждения плана законным порядком» [РГИА, ф. 1284, оп. 186, 1901 г., д. 11а, л. 2об.–3][1]. В связи с чем предлагалось («Что желательно») создать «местные комитеты, которые описали бы все древние памятники района, вели бы им списки, следили бы за их сохранностью». Учредить их можно было на основе действовавших статистических комитетов, усиленных представителями архивных комиссий или археологических обществ, под кураторством ИАК [там же, л. 3]. Ближайшим же действием для выполнения обозначенных планов («Ныне желательно») значилось учреждение Комиссии при МВД из представителей ИАК, Св. Синода, Академии Художеств и министерства народного просвещения «с целью установить правильное отношение всех ведомств к делу надзора и реставрации памятников старины», при этом, как специально отмечалось в записке, обязательно под председательством «крупного чина министерства (дабы сохранить дело надзора за памятниками в МВД)» [там же, л. 3–3об.].

Именно в развитие данной идеи 12 декабря 1897 г. товарищ министра внутренних дел князь А. Д. Оболенский (человек влиятельный, в недалёком будущем обер-прокурор Святейшего Синода) направил председателю ИАК Бобринскому письмо по поводу сложившейся ситуации с системой охраны и учёта памятников древности в России. В частности, отметил, что по действовавшему на тот момент законодательству (ст. 181–183, Строительного Устава 1857 г. [20, с. 41]) на МВД и подведомственные ему губернские начальства было возложено «попечение об охранении от разрушения остатков древних замков, крепостей, памятников и др. зданий древности, а также об исправлении и поддержании их» [РГИА, ф. 1284, оп. 186, 1900 г., д. 30, л. 1]. Но для успешного выполнения этих обязанностей у министерства не имелось ни точных сведений «о всех находящихся в государстве памятниках древности», ни компетентных лиц для определения, какие здания имеют «особенно важное значение» и потому «требуют преимущественного … охранения и поддержания» [там же, л. 1об.]. Эти причины не позволяли своевременно принимать меры по сохранению памятников от разрушений. В то же время ИАК, согласно утвержденному ещё в 1859 г. «Положению», своей целью имел сбор сведений о памятниках древности и их «ученую оценку» [14, т. 3, ч. 1, с. 70]. Поэтому Оболенский просил Бобринского прислать имеющиеся в ИАК сведения о древних памятниках и сооружениях, «с указанием, какие из них подлежат сохранению … путем лишь наблюдения со стороны местных властей», а какие требуют «исправлений и починок», а также информацию, в чем должны заключаться эти исправления «и в какой постепенности, соответственно историческому значению и современному состоянию каждого отдельного здания и сооружения, следовало бы производить работы» [РГИА, ф. 1284, оп. 186, 1900 г., д. 30, л. 2–2об.].

В ответ Бобринской пообещал Оболенскому, что «ИАК озаботится всесторонним обсуждением предложенного ей вопроса» [там же, л. 6] и 4 марта 1898 г. представил на рассмотрение в МВД развернутый обзор правительственных мер, предпринятых ранее для учёта и сохранения древних памятников, а также «соображения Комиссии по этому предмету» [там

[1] Об исполнительной дисциплине указа 1889 г., см.: [4, т. 1, с. 218–223]; о действиях Синода: [4, с. 213–216].

же, л. 7–11об.; см. также: 12, с. 143–150; 11, с. 181–185]. В присланном обзоре, помимо всего прочего, было отмечено, что «вопрос о мерах к приведению в полную известность наших древних памятников (к числу прежних присоединились теперь ещё множество интереснейших памятников в среднеазиатских владениях России), равно как и к охране их, все ещё остаётся открытым» [РГИА, ф. 1284, оп. 186, 1900 г., д. 30, л. 10]. В связи с чем Бобринской предложил создать при МВД «особую Комиссию» для выработки всеобъемлющего законопроекта по охране памятников старины [там же, л. 7об.]. Проведенная тогда же ревизия архивных материалов МВД в поисках каких-либо списков, чертежей и планов древних памятников показала отсутствие упорядоченного реестра и системных сведений о многочисленных уникальных объектах, расположенных на просторах необъятной империи [там же, л. 17–30; 28, с. 82–83]. Например, никакой информации в ведомственном хранилище не было о многочисленных крымских древностях [там же, л. 20–22, 28, 30, 32].

К началу XX в. проблема сохранения памятников старины получила более широкий общественный резонанс. В августе 1901 г. на страницах столичных («Биржевые ведомости» от 7 авг. 1901 г.) и московских («Новости дня» от 25 авг. 1901 г.) периодических изданий вышли публикации, в которых поднималась проблема уничтожения культурно-исторического наследия в провинции. На эти статьи обратил внимание уже непосредственно министр внутренних дел Д. С. Сипягин, который к проблемам исторического наследия России относился с большим сочувствием, вращался в кругу ценителей русских древностей, сам являлся автором нескольких исторических брошюр и коллекционером русского антиквариата [3; 7, с. 117], к тому же был женат на дочери известного археографа и коллекционера П. П. Вяземского [2, с. 383]. Как результат, 6 сентября 1901 г. за подписью министра Сипягина всем российским губернаторам, градоначальникам и обер-полицмейстерам был разослан Циркуляр под № 10 (опубликован в «Правительственном вестнике» от 12(25) сентября 1901 г.), где было отмечено, что «о многих древностях и памятниках … новейшего времени … в Министерстве не имеется достаточно полных сведений, причем имеются указания, что некоторые древности по отсутствию надлежащего надзора и охранения их, совершенно разрушаются». В связи с чем «признавая необходимость сосредоточить в Министерстве сведения о всех существующих древних зданиях и памятниках старины, а равно о памятниках новейшего времени, воздвигнутых или воздвигаемых в честь высочайших особ или в память разных событий», губернским начальникам предписывалось в срок до 1 апреля 1902 г. составить и прислать «точный список, имеющихся во вверенной Вам губернии, таковых памятников» [33, с. 1].

Следует напомнить, что рассматриваемый период был чрезвычайно сложным с точки зрения внутриполитических процессов в Российской империи. В устоявшуюся систему функционирования государственного бюрократического механизма постоянно вмешивались трагические экстраординарные происшествия. Так и в нашем случае, инициатор и куратор процесса министр Сипягин 2 апреля 1902 г. был убит террористом-эсером. Тем не менее, решение проблемы не было отложено, а напротив, вскоре после убийства Сипягина, 13 мая 1902 г. вопрос о сохранении памятников старины был рассмотрен на Общем Собрании Государственного Совета – высшего законосовещательного учреждения Российской империи, возглавляемого великим князем Михаилом Николаевичем (сыном Николая I).

Событием, заставившим обратить внимание на проблему уже на самом высоком государственном уровне, стала история с перестройкой церкви свв. Косьмы и Дамиана, расположенной в г. Муроме на берегу р. Ока, которая, по преданию, была заложена в 1552 г. царём Иваном Грозным [30]. Эта шатровая церковь находилась в запущенном состоянии. С начала XIX в. регулярная служба в ней не проводилась [РГИА, ф. 1284, оп. 186, 1901 г., д. 11а, л. 22], храм постепенно ветшал и в 1868 г. утратил свой шатёр в результате естественного обрушения [9, с. 129]. На плачевное состояние полуразрушенного памятника указывал председатель МАО граф А. С. Уваров, затем и его преемница П. С. Уварова. В результате, городской думой Мурома стали выделяться средства на поддержание постройки, впрочем, направленные в первую очередь на берегоукрепительные работы, также был подготовлен план восстановительных работ церкви [30]. Но в 1901 г. городская дума Мурома неожиданно решила прекратить финансирование памятника старины и вынесла соответствующее

постановление, на которое незамедлительно был наложен запрет Владимирским губернским присутствием, посчитавшим, что поддержание церкви – прямая обязанность городских властей. Этот запрет городской голова Мурома И. М. Каратыгин решил обжаловать в столице, но итог получился совсем не таким, на который рассчитывал чиновник. Весной 1902 г. обращение Каратыгина было рассмотрено на заседании Госсовета. Разобравшись в законодательных дебрях, касавшихся ответственности властных структур в отношении памятников старины, высший законосовещательный орган империи подготовил подробное «Мнение» (от 13 мая 1902 г.) по этому поводу, согласно которому жалобу городского головы Мурома было решено «оставить без последствий», обязав городские власти, по прежнему, заботиться о сохранности Космодамианской церкви [РГИА, ф. 1284, оп. 186, 1901 г., д. 11а, л. 24–25].

Важным обстоятельством стал то факт, что данное Мнение Госсовета 27 мая 1902 г. было утверждено императором Николаем II [там же, л. 24]. И далее последовало уведомление Госсекретаря В. Н. Коковцева к новоназначенному министру внутренних дел В. К. фон Плеве и министру юстиции Н. В. Муравьёву с поручением уже не просто собрать сведения об историко-культурных объектах, как было предписано в Циркуляре № 10, а в соответствии с «Высочайшим повелением» целиком пересмотреть «действующие постановления относительно древних памятников и зданий» и внести собственные предложения для законодательного разрешения вопроса [там же, л. 23; 18, с. 117]. Именно после этого «высочайшего повеления», министр фон Плеве, подробно ознакомившись с обстоятельствами дела, 19 июля 1902 г. приказал «образовать Комиссию» под председательством тайного советника, члена совета министра внутренних дел Сергея Петровича Суходольского[2] [там же, л. 31–31об.].

Но фактическому началу работы Комиссии ещё долгое время препятствовало отсутствие необходимых сведений о памятниках старины. Как говорилось выше, в соответствии с Циркуляром № 10 реестры историко-культурных объектов региональными начальниками должны были быть предоставлены в МВД к 1 апреля 1902 г. По состоянию же на 5 июня 1902 г. такие сведения были получены только из 51 региона (в том числе от Керчь-Еникальского и Севастопольского градоначальников) [там же, л. 26, 27], в связи с чем министерство вынуждено было разослать повторный запрос губернаторам-должникам, в том числе и Таврическому [там же, л. 30]. К 23 сентября 1902 г. были получены ответы еще от 18 губерний (включая уже и Таврическую). Не приславшими списки числилось 23 региональных начальника, к которым было направлено очередное обращение «в непродолжительное время» предоставить недостающие сведения [там же, л. 26, 31об., 32].

В итоге отчеты были получены более чем из 80 губерний и областей, 9 городов и отдельно с о. Сахалин. Общее количество зафиксированных объектов, с учетом размеров государства, было впечатляющим. Согласно присланной информации, на начало XX в. в Российской империи насчитывалось 2456 «древних памятников, зданий и сооружений» и 1652 «исторических памятника», всего же 4 108 объектов, подлежащих сохранению [11, с. 188–189]. Лидерами оказались такие регионы, как Курская, Нижегородская, Московская губернии (228, 204, 201 древних и исторических памятников, зданий и сооружений, соответственно). В Москве и вовсе насчитали 433 подобных объекта. На этом фоне показатели Таврической губернии выглядели достаточно скромно: 20 «древних памятников, зданий и сооружений» и 11 «исторических памятников», кроме того, в Севастополе таких объектов числилось 14 и 23, соответственно, также по 5 тех и других зафиксировали в Керчи-Еникале [там же].

По замечанию А. М. Разгона, это были, конечно, условные данные, поскольку не существовало единого критерия оценки памятников и их историко-культурной значимости, многие из них попали в реестр случайно [18, с. 99]. Данный вывод хорошо иллюстрируется крымскими эпизодами. Например, чиновник особых поручений при Керчь-Еникальском градоначальнике А. М. Гринкевич-Мочульский в соответствии с прямым указанием циркуляра № 10 настойчиво требовал от керченской городской управы «сведений и фотографий» не только о древних объектах, но и о постройках, «воздвигнутых в честь Высочайших Особ

[2] Потомственный дворянин, юрист по образованию, профессионально и много работал в различных государственных правовых учреждениях: был и прокурором, и судьёй, Волынским, а затем Ковенским губернатором, с 1901 г. тайный советник, член совета министра МВД [1, с. 739–740].

и в память разных событий». В число последних, по мнению чиновника, помимо памятника-часовни на могиле И. А. Стемпковского или бывшего музея древностей на горе Митридат («Тезеев храм»), входили и здания городских школ, воздвигнутых в честь «Высочайших Особ», и даже ночлежные дома [ГАРК, ф. 455, оп. 1, д. 5466, л. 1–3]. В результате в отчет керчь-еникальского градоначальства, наряду с известными памятниками, попали подробные сведения о таких «объектах культурного наследия», как построенные на рубеже XIX–XX вв. совершенно типовые здания Катерлезской, Аджимушкайской, Капканской, Баксинской и Булганакской народных школ [там же, л. 10], важным достоинством которых являлось то обстоятельство, что возведены они были в честь императора Александра III. Схожая ситуация присутствовала и в других регионах, например, в среднеазиатских или кавказских провинциях [28, с. 87–90].

Когда все сведения о памятниках были собраны в столичном ведомстве, в ход событий вновь вмешался террористический акт: 15 (28) июля 1904 г. с помощью бомбы был убит очередной министр внутренних дел В. К. фон Плеве. Новым министром был назначен князь П. Д. Святополк-Мирский, который не стал сворачивать планы предшественников и письменно уведомил глав заинтересованных ведомств (Святейший Синод, министерство императорского двора, министерство народного просвещения, военное министерство и др.) о необходимости назначить квалифицированных участников для работы в составе Комиссии [РГИА, ф. 1284, оп. 186, 1901 г., л. 51–58], а также согласовал на должность ее председателя выдвинутую ранее кандидатуру Суходольского [там же, л. 48].

В итоге учрежденная при МВД «Особая Комиссия, для пересмотра действующих постановлений относительно древних памятников и зданий» под председательством Суходольского на своё ***первое заседание*** собралась ***22 февраля 1905 г.*** Накануне этой даты, после событий «кровавого воскресенья», подал в отставку очередной глава МВД Святополк-Мирский, и к моменту открытия Комиссии министерство внутренних дел возглавлял уже новый, четвертый по счету с момента возникновения идеи ее учреждения, руководитель ведомства А. Г. Булыгин.

Целью создания Комиссии Суходольского, как можно понять из её названия, являлся анализ действовавшего законодательства Российской империи в отношении памятников древности, представлявшего собой на тот момент «отрывочные постановления» различных государственных структур, дальнейшая его систематизация с целью подготовки единого и актуального законопроекта. Для профессионального и аргументированного обсуждения проблемы в её состав вошли подготовленные чиновники и авторитетные исследователи от профильных государственных учреждений и представители общественных и академических организаций: от министерства народного просвещения – колл. сов. С. В. Рождественский (историк, будущий член-корреспондент АН СССР); от военного министерства – проф. Николаевской Академии Генштаба, генерал-майор Б. М. Колюбакин; от министерства Императорского двора – от Академии Художеств действительный член Академии, тайный советник Н. П. Кондаков, от Императорской археологической комиссии её председатель, гофмейстер, граф А. А. Бобринской; от ведомства Православного Исповедания – заслуженный профессор Санкт-Петербургской Духовной академии, директор Санкт-Петербургского Археологической института, тайный советник Н. В. Покровский; от МВД – председатель Техническо-Строительного Комитета (далее – ТСК), член Академии Художеств, архитектор, тайный советник Н. В. Султанов; а также состоящий при министерстве академик архитектуры действ. ст. сов. П. Ю. Сюзор, вице-директор Департамента Общих Дел (далее – ДОД) МВД, ст. сов. В. В. Владимиров и начальник отделения, колл. сов. Д. Г. Явленский. Делопроизводителем был назначен столоначальник ДОД, колл. асс. М. К. Якимов [РГИА, ф. 1284, оп. 186, 1901 г., л. 107–107об.].

Повестка дня и подробности обсуждения первых двух заседаний (***второе заседание*** состоялось ***7 марта 1905 г.***) были зафиксированы в особом «Журнале» [там же, л. 80–87]. При открытии первого заседания, на котором присутствовали все члены Комиссии, Суходольский сделал краткий доклад-очерк «о современном положении в России дела охранения памятников старины». В частности отметил, что «на великом пространстве Российской Им-

перии сохранилось до наших дней множество различного рода памятников древности, являющихся красноречивыми свидетелями тысячелетней исторической жизни русского народа и племен, населяющих Россию, или некогда в ея пределах обитавших», и эти памятники «по своему разнообразию, многочисленности и важному историческому значению, составляют ценный материал, не только для отечественной истории, но и для науки вообще», то есть имеют мировое значение. При этом, хотя стремление к сохранению «драгоценных остатков» в Российском государстве наблюдалось еще в «самые отдаленные времена», но в современном российском законодательстве «не содержится сколько-нибудь серьезных постановлений, направленных к охранению памятников древности» [там же, л. 80об.].

Далее Суходольский перечислил актуальные на тот момент статьи из Свода Законов в названной сфере: во-первых, п. 10, ст. 372 из «Учреждения министерств» (1892 г.), согласно которому «дела по собранию сведений о древних зданиях и вообще находимых древностях» находились в ведении ДОД МВД [21, с. 52]; во-вторых, ст. 328 из «Общего Учреждения Губернского» (1892 г.), в которой на губернаторов возлагалась обязанность немедленно доносить в МВД «о всех находимых в губерниях древностях … с надлежащею точностию и подробностию» [22, с. 32]; и в третьих, ст. 76–79 Строительного Устава (1900 г.), где, среди прочего, был зафиксирован «строжайший запрет» на разрушение «древних, замков, крепостей, памятников и других зданий древности» под ответственность губернаторов и местной полиции [24, с. 64–65].

Эти «немногие правила», по мнению Суходольского, не достигали своей цели, поскольку местные полицейские чиновники и городские власти элементарно не умели различить «старое от нового, достопримечательное от неимеющего значения» [РГИА, ф. 1284, оп. 186, 1901 г., д. 11а, л. 81]. В связи с чем, помимо выработки системного и понятного законодательства в сфере охраны культурного наследия, актуальной задачей оставалось составление общегосударственного реестра памятников, предметного определения, «какие именно памятники древности заслуживают охранения». Именно с целью решения этой задачи и была в 1901 г. инициирована министром Сипягиным рассылка Циркуляра № 10 во все регионы Российской империи [там же, л. 81об.]. И вот, наконец, «по собирании Министерством всех сведений … и была образована настоящая Комиссия», – резюмировал Суходольский свой доклад [там же, л. 82].

Но именно качество собранных в результате рассылки циркуляра материалов вызвало острое нарекание среди членов Комиссии. Даже беглый предварительный осмотр присланных губернскими начальниками отчетов выявил «крайнюю неполноту этих сведений и значительные в них погрешности». И, например, информация о таких насыщенных памятниками древности регионах, как Кавказ и Средняя Азия, полностью отсутствовала. Поэтому составление качественного и подробного каталога памятников старины оставалось, по мнению членов Комиссии, первостепенной задачей, «…ибо нельзя охранять того, что не приведено еще в известность» [там же, л. 82–82об.].

Объем и характер стоявших перед Комиссией задач представлялся настолько велик и специфичен, что вынудило даже двух ее участников, тайных советников Кондакова и Султанова, которые оба являлись членами Академии Художеств, выступить с особым мнением. Известные деятели науки и искусства, не понаслышке знавшие все нюансы проблемы, отметили, что нужно профессионально дополнить собранный ранее археологический материал, в том числе с использованием письменных источников [там же, 82об.]. Прежде всего, это должно было касаться «таких драгоценных пунктов, хранящих древности нашего отечества», как Москва, Киев, Новгород, Ярославль и Ростов, Владимир и Суздаль, Тверь и Вологда, Нижний Новгород и Кострома. Отдельно оговаривали необходимость составить «хотя бы краткий список древних памятников Крыма, Кавказа и Средней Азии» [там же, л. 82об.]. Далее специалисты указали на необходимость при разработке российских правил по охране памятников историко-культурного наследия воспользоваться опытом западноевропейских государств, справочными материалами и пособиями иностранного законодательства. Обратили внимание и на отсутствие в составе Комиссии целого ряда общественных организаций, давно и надежно зарекомендовавших себя в деле сохранения памятников ста-

рины: Московского археологического общества, Одесского общества истории и древностей, Казанского и Кавказского археологических обществ и др. В целом же, с учетом масштаба проблем и количества поставленных перед Комиссией задач, необходимости высоких затрат при внедрении разрабатываемого законопроекта, обременительного для государства в условиях военного времени, Кондаков и Султанов посчитали занятия Комиссии несвоевременными и предлагали отложить ее работу до осени 1906 года [там же, л. 88–89].

Но данное предложение не нашло отклика у остальных участников Комиссии. Большинством голосов (6 против 2, последними предсказуемо стали Кондаков и Султанов) было принято решение продолжить ее работу, сосредоточившись на определении порядка и способов охраны древних памятников [там же, л. 85]. При этом договорились вывести за пределы будущего законопроекта вопросы, связанные с архивными документами, поскольку архивная реформа составляла «отдельную заботу правительства» и уже обсуждалась в 1903 г. в рамках «Особого Совещания» под руководством состоявшего на тот момент директором ДОД Б. В. Штюрмера.

Важным, по мнению членов Комиссии, являлся вопрос хронологического критерия: начиная с какого периода памятник должен подлежать обязательной охране? Относительно скульптурных, мемориальных объектов ответ был очевиден: «Всякий памятник, даже недавно воздвигнутый, как например, памятник тысячелетия России или Екатерине II, имеет историческое значение и свое место в истории искусств». Но степень историко-культурного значения у каждого объекта могла разниться и подлежала обсуждению уже в рамках будущего органа, ответственного за охрану памятников старины. Пока такое учреждение не было образовано и адекватный реестр объектов культурного наследия не был составлен, Комиссия посчитала целесообразным в отношении недвижимых памятников и архитектурных объектов в качестве ключевого критерия установить 150 летний период их существования, по истечении которого «историческое сооружение *eo ipso* становится памятником древности, подлежащим охранению» [там же, л. 87].

Действие выработанных Комиссией законоположений предлагалось сделать универсальным для всех государственных учреждений и структур. Но одной из ключевых проблем оставался вопрос историко-культурных ценностей, объектов недвижимости, находившихся в частной собственности. Изначально, еще с появлением первых «высочайше утвержденных» законодательных инициатив по охране памятников старины, неизменно подчеркивалось, что ограничения и запреты относились исключительно к предметам и объектам, относящимся к казенному ведомству [19, с. 351–352]. И, например, даже в проекте особых статей Строительного Устава, регламентировавших действия по охране архитектурных объектов культурного значения, разработанном в 1903 г. «Особой Комиссией» при МВД под руководством вышеупомянутого Б. В. Штюрмера (и в составе которой работали Бобринской и Султанов, отлично понимавшие всю глубину проблемы), в отношении древних памятников, находившихся в частном владении, предусматривалась только возможность их отчуждения за определенное вознаграждение (ст. 8) [11, с. 192–195], в соответствии с действовавшими статьями (ст. 577–578) Законов Гражданских [23, с. 62]. На фоне предусмотренных в том же законопроекте обязательных условий и ограничений в отношении объектов, расположенных на казенных, общественных, церковных землях, это выглядело очень лаконично и лояльно по отношению к частным собственникам. По этому поводу в протоколе первых заседаний Комиссии Суходольского специально было отмечено: «вопрос … о праве частного владельца свободно распоряжаться принадлежащими ему древними вещами и сооружениями и праве будущего охранительного органа вмешиваться в эти распоряжения, представляется столь сложным», что для окончательного вердикта членам Комиссии потребуется, как минимум, предварительно ознакомиться с актуальными иностранными постановлениями [РГИА, ф. 1284, оп. 186, 1901 г., д. 11а, л. 87].

На третьем по счету ***заседании***, которое состоялось ***14 марта 1905 г.***, как раз и было заслушано сообщение члена Комиссии Сюзора об охране исторических памятников в Западной Европе. Докладчик отметил, что апробированной практикой в части европейских стран являлась ситуация, когда существовал единый орган, ответственный за охрану памят-

ников старины [там же, л. 100]. Наиболее действенным был признан австрийский вариант, где «Императорская Королевская Центральная Комиссия художественных и исторических памятников» ведала не только охраной исторических объектов, но и их исследованием. В провинциях это учреждение имело местных представителей: окружных консерваторов (в количестве 164 человек) и их помощников-корреспондентов (215 чел.). Схожие учреждения с региональными филиалами имелись и в других европейских государствах: Франции, Италии, Дании, Бельгии, Голландии, Испании, Пруссии и др. [там же, л. 101об., 102]. По мнению членов Комиссии, именно по этому принципу необходимо было выстраивать систему и в Российской империи, где отсутствовал централизованный орган, единолично ответственный за охрану памятников старины. При этом «некоторые члены Комиссии», еще даже не приступая к обсуждению конкретных параметров будущего общероссийского учреждения, предложили включить в его структуру такие частные археологические общества, как МАО, ООИД и др., учитывая их «широкую и плодотворную деятельность по охранению нашей старины» [там же, л. 102]. Данная, зафиксированная в журнале заседания характеристика деятельности частных археологических обществ вызвала нарекания со стороны председателя ИАК Бобринского. К приложению к журналу он специально отметил: «На стр. 5 журнала подчеркнутые карандашом слова «широкую и плодотворную», полагал бы заменить словом «некоторую»» [там же, л. 103]. Это предложение, в свою очередь, уже не нашло отклика у Кондакова, который отказался утвердить данную корректуру [там же, л. 104]. В итоге журнал заседания Особой Комиссии от 14 марта 1905 г. остался без подписи председателя ИАК [там же, л. 102об.].

Следует заметить, что личная неприязнь между Кондаковым и Бобринским тянулась еще со времен назначения последнего председателем ИАК [4, т. 1, с. 245, 247–249], членом которой Кондаков являлся с 1876 по 1891 г., и продолжилась в дальнейшем [там же, с. 301, 304, 332], когда Кондаков состоял уже действительным членом Академии Художеств (с 1893 г.) и возобновил свое членство в МАО (с 1899 г.) [25, с. 365]. Равно как сохранялись и ревностные отношения со стороны археологических обществ, церковных учреждений, государственных ведомств и чиновников по поводу первенствующей роли ИАК в деле систематизации археологических исследований, охраны и учета памятников старины [4, т. 1, с. 183–194, 219–224], в особенности, обострившиеся после закрепления за ИАК права на выдачу Открытых листов [26; 6, с. 549]. Как видно, шлейф былых недопониманий отразился и на работе Комиссии Суходольского, даже несмотря на благую итоговую цель учреждения.

После бурного третьего заседания удалось провести еще три собрания. С учетом того, что одним из ключевых являлся вопрос финансирования проектируемой системы охраны памятников в России, всеми членами Комиссии еще в самом начале своей работы было решено пригласить в ее состав представителя министерства финансов [РГИА, ф. 1284, оп. 186, 1901 г., д. 11а, л. 98–98об.]. В итоге им стал член Совета министра финансов, тайн. сов. А. А. Савей-Могилевич [там же, л. 105].

На ***четвертом и пятом заседаниях***, состоявшихся, соответственно, ***28 апреля и 4 марта 1905 г.***, продолжились обсуждения функций будущих органов по охране памятников (наблюдение, фиксация, ремонт и т.д.). Было отмечено, что в сложившихся внешне- и внутриполитических условиях (русско-японская война, революционные события 1905 г.) препятствием к выполнению ремонтно-реставрационных работ являлось тяжелое финансовое положение России, когда «Государственное Казначейство, обремененное расходами на военные нужды, не в силах давать сколько-нибудь значительных средств делу охранения памятников старины» [там же, л. 118]. Этому имелись практические подтверждения на местах, включая и Крым. Например, в 1904 г. вице-губернатор Таврической губернии Н. Л. Муравьев обратился в МВД с просьбой выделить дополнительное финансирование на ремонт имевших «значительный археологический интерес» мечети Узбека и средневековой церкви в Старом Крыму. Но получил категорический отказ, поскольку согласно «Высочайшему повелению» от 12 июля 1904 г. в условиях военного времени все государственные расходы Российской империи по строительству и капитальному ремонту ограничивались теперь размерами «крайней необходимости, не выходя из тех пределов, в коих они производились в последнее время»

[РГИА, ф. 1284, оп. 186, 1902 г., д. 29, л. 11–11об.]. Тем не менее, члены Комиссии Суходольского посчитали, что «культурная жизнь страны не должна и не может стоять в зависимости от различного рода преходящих обстоятельств времени» и большинством голосов[3] приняли решение, что будущие памятникоохранительные органы, помимо наблюдательных, должны заниматься и исполнительными функциями, включавшими в себя ремонт и восстановление ветхих построек [РГИА, ф. 1284, оп. 186, 1901 г., д. 11а, л. 118–118об.].

Принципиальным моментом стало определение, в рамках какого министерства следовало учреждать «центральный охранительный орган», при том, что всячески подчеркивалась необходимость придать ему как можно большую самостоятельность и независимость от действовавших учреждений, интересы которых в обязательном порядке затрагивались в результате его работы [там же, л. 120об.]. Вневедомственный статус заранее был отвергнут, поскольку для этого требовалась сложная законодательная процедура утверждения, на успешное проведение которой в условиях нестабильной социально-политической обстановки сложно было рассчитывать. Поэтому большинством голосов было принято решение рекомендовать высший памятникоохранительный орган учредить в составе министерства Императорского двора, где уже вполне успешно функционировали такие структуры, как ИАК и Академия Художеств. Преимуществом такой субординации среди прочего посчитали близость главы данного ведомства к особе императора, что при необходимости «способствовало бы скорейшему и наиболее полному удовлетворению его насущных нужд» [там же, л. 121].

Шестое заседание состоялось ***5 июня 1905 г.*** и оказалось последним, хотя изначально планировалось продолжение работы Комиссии Суходольского после «летних вакантов», то есть по окончании сезона отпусков [там же, л. 128–129]. На этом заседании присутствовало всего трое постоянных членов: Бобринской, Султанов и исполнявший обязанности председателя Владимиров. Участники признали, что важным результатом первых пяти собраний стала выработка постановлений о предполагаемых мерах по охране памятников в Российской империи. Эти постановления были оформлены в виде «Основных Положений», состоявших из 11 пунктов, и среди прочего предполагали разделение Империи на 15 археологических округов [там же, л. 131–135; 12, с. 162–167; 11, с. 198–201]. В итоге было принято решение разослать данный проектный документ в максимальное количество заинтересованных правительственных учреждений и общественных организаций (включая Губернские Ученые архивные комиссии) по всей России с целью получения от них квалифицированных откликов и предложений [РГИА, ф. 1284, оп. 186, 1901 г., д. 11а, л. 128–129об.]. На этом работа последнего заседания закончилась.

Основной причиной краткосрочности функционирования Комиссии Суходольского (менее 4-х месяцев в совокупности) называлась болезнь её председателя, который начиная с июня 1905 г. был вынужден отсутствовать в Санкт-Петербурге, находясь на лечении минеральными водами за границей [там же, л. 189, 201об.]. Но помимо недуга, звучало мнение и о личных обидах некоторых её членов, не желавших посещать заседания «из-за неудовлетворительного резюмирования» Суходольским ведущихся прений «под влиянием болезненного состояния» [там же, л. 201об.–202]. Кроме того, хронической проблемой оставалась и медленная реакция археологических и исторических обществ на запросы, рассылаемые из МВД. Например, когда в 1906 г. Суходольский выздоровел и был готов возобновить свои председательские обязанности, выяснилось, что из разосланных ранее ДОД МВД по соответствующим организациям 66 циркуляров с «Основными Положениями» ответы были присланы только от трети из них. И это несмотря на повторную рассылку. В связи с чем, решено было отложить созыв Комиссии до получения сведений «по крайней мере, от большинства местных учреждений» [там же, л. 193–193об.].

По Поручению ДОД МВД и при посредничестве таврического губернатора Е. Н. Волкова, 6 июля 1905 г. «Основные Положения» были переданы и в Таврическую учёную архив-

[3] Семь голосов против трех. Среди последних традиционные «оппозиционеры» Кондаков и Султанов, а также прямо заинтересованный в минимизации расходов представитель минфина Савей-Могилевич [РГИА, ф. 1284, оп. 186, 1901 г., д. 11а, л. 118об.].

ную комиссию (далее – ТУАК) [ГАРК, ф. 27, оп. 13, д. 3427, л. 2; 17, с. 124–125]. В сопроводительном письме губернатор просил ТУАК прислать свои соображения по этому поводу не позднее 1 октября 1905 г. [ГАРК, ф. 27, оп. 13, д. 3427, л. 3]. В отличие от многих других научных сообществ, таврические архивисты проявил бóльшую дисциплинированность и практически вовремя отреагировали на запрос из министерства. Заседание, на котором был подробно рассмотрен присланный проект, состоялось 29 сентября 1905 г., а уже 3 октября того же года председатель ТУАК А. Н. Ильин и правитель дел ТУАК А. И. Маркевич направили развернутое представление «о мерах к охранению памятников древности и о разделении Империи на археологические округа» на имя таврического губернатора [там же, л. 5–7]. В свою очередь, губернатор Волков 8 октября 1905 г. полученные из ТУАК документы переслал в столичный департамент общих дел при МВД [там же, л. 4].

В целом, крымские краеведы согласились со всеми пунктами «Основных Положений», в том числе и с отнесением Таврической губернии к 10-му археологическому округу во главе с «Одесским обществом истории и древностей». Но при этом указали на уникальную насыщенность полуострова памятниками старины, имеющими «особо выдающееся значение, как например древности Херсониса, Керчи, Феодосии и многих других мест» и предложили рассмотреть возможность формирования в Таврической губернии отдельного археологического округа [ГАРК, ф. 27, оп. 13, д. 3427, л. 5–7; 17, с. 132].

Особую заинтересованность члены ТУАК высказали в отношении вопроса, стоит ли разрабатываемые правила по охране памятников старины распространять на объекты, расположенные на частных владениях. Ответ местных краеведов был однозначен – «весьма желательно», поскольку в Крыму в частной собственности находилось значительное количество ценных исторических объектов. Например, пещерные церкви на Мангуп-кале и Черкес-Кермене с остатками стенной живописи, сооружения в Старом Крыму, Эски-Сарае, катакомбы в Керчи, многочисленные курганы, древние пещеры, остатки городищ и т.д. При этом большинство частных владельцев «не придает древним памятникам никакого значения и они гибнут». В связи с чем, члены ТУАК предлагали письменно обязывать собственников следить за сохранностью расположенных на их территории памятников древности, ограждать заборами, не использовать для хозяйственных нужд, не раскапывать самостоятельно курганы, городища и могилы без уведомления ответственных учреждений [17, с. 132–133]. Целесообразным посчитали и предложенное Комиссией Суходольского уголовное наказание за умышленную «порчу, присвоение, похищение или уничтожение памятников древности» [17, с. 134]. Столичными заседателями вопрос о наказании за подобные действия был отнесен к числу «неразрешенных» и поэтому они запрашивали мнения провинциального научного сообщества, не следует ли за подобного рода действия сажать виновных в тюрьму на срок от одного до четырех месяцев, а также, независимо от ограничения свободы, обязывать их за свой счет восстанавливать поврежденные памятники [РГИА, ф. 1284, оп. 186, 1901 г., д. 11а, л. 134; 17, с. 132].

В заключение следует отметить, что, несмотря на краткосрочность своей деятельности, подготовленные Комиссией Суходольского «Основные Положения» стали важным заделом в последовавшие позднее попытки государственной власти выработать всеобъемлющие законодательные принципы по охране культурного наследия в Российской империи. Эти «Положения» можно считать главным результатом работы Комиссии Суходольского, которые получили позитивный отклик и со стороны научного сообщества Таврической губернии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альманах современных русских государственных деятелей. СПб.: Тип. Исидора Гольдберга, 1897. 15, XXXIX, 1250 с.
2. Вельяминов Н.А. Воспоминания Н.А. Вельяминова о Д.С. Сипягине // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Вып. 6. М., 1995. С. 377–392.
3. Зверев С.В. Дмитрий Сипягин: «Я никому не желал зла». 1853–1902. URL: https://stzverev.ru/archives/638 (дата обращения: 24.09.2025).
4. Императорская археологическая комиссия (1859–1917): история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы: в 2 т. / Науч. ред.-сост. А.Е. Мусин, М.В. Медведева. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: ИИМК РАН, 2019. 1616 с.
5. Карапетян Л.А. Охрана культурного наследия в пореформенной Российской империи через призму деятельности парламента начала XX в. Краснодар: Экоинвест, 2023. 286 с.
6. Клейн Л.С. История российской археологии: учения, школы и личности. Т. 1. Общий обзор и дореволюционное время. СПб.: Евразия, 2014. 704 с.
7. Крыжановский С.Е. Заметки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. № 4. С. 107–127.
8. Маркевич Ал.И. О сохранении старинных памятников // Труды XI археологического съезда в Киеве. 1899. Т. II. Отд. III. Протоколы. М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1902. С. 159–161.
9. Мельник А.Г. Интерьер церкви Козьмы и Дамиана в Муроме // Проблемы истории и культуры: Сб. статей / под ред. А.Г. Мельника. Ростов, 1993. С. 129–137.
10. Михеева И.В. Правотворческая деятельность Министерства внутренних дел Российской империи по охране памятников истории и культуры в XIX – начале XX века. Нижний Новгород, 2009. 154 с.
11. Охрана культурного наследия в документах XVII–XX вв. Хрестоматия. Т. I / Авт.-сост. Л.Б. Карпова, Н.А. Потапова, Т.П. Сухман. М.: Изд-во «Весь мир», 2000. 528 с.
12. Охрана памятников истории и культуры в России. XVIII – начало XX вв.: Сборник документов / Сост. К.М. Пескарева и др. М., 1978. 356 с.
13. Памятники архитектуры в дореволюционной России: Очерки истории архитектурной реставрации / Под общ. ред. А.С. Щенкова. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2002. 528 с.
14. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб., 1830–1881.
15. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб.: Гос. тип., 1885–1916.
16. Полякова М.А. Охрана культурного наследия России: учеб. пособие для вузов. М.: Дрофа, 2005. 271 с.
17. Протокол заседания Таврической ученой архивной комиссии 29 сентября 1905 года // ИТУАК. 1906. № 39. С. 124–141.
18. Разгон А.М. Охрана исторических памятников в дореволюционной России (1861–1917) // Труды НИИ музееведения. Вып. 1: История музейного дела в СССР. М., 1957. С. 73–128.
19. Разгон А.М. Охрана исторических памятников в дореволюционной России (XVIII – первая половина XIX в.) // Труды НИИ культуры. Вып. 7: Очерки по истории музейного дела в России. М., 1971. С. 292–365.
20. Свод законов Российской империи. Издание 1857 г. Т. 12. Ч. I. Уставы путей сообщения, почтовый, телеграфический, строительный и пожарный. СПб.: Тип. II-го Отд. СЕИВ Канцелярии, 1857.
21. Свод законов Российской империи. Издание 1892 года. Т. 1. Ч. 2. Свод учреждений государственных. Кн. 5. Учреждения министерств. СПб., 1892.
22. Свод законов Российской империи. Издание 1892 года. Т. 2. Свод губернских учреждений. СПб., 1892.
23. Свод законов Российской империи. Издание 1900 года. Т. 10. Ч. 1. Свод законов гражданских. СПб., 1900.
24. Свод законов Российской империи. Издание 1900 года. Т. 12. Ч. 1. Устав строительный / Издание неофициальное. Сост. О.П. Бертинский. СПб.: Изд. Я.А. Канторовича, 1902. 343 с.
25. Словарь петербургских антиковедов XIX – начала XX века: в 3 т. / Отв. ред. А.К. Гаврилов. Т. 1: А–К. СПб.: Bibliotheca classica Petropolitana, 2021. xxxvi+426 с.
26. Смирнов А.С. «Признать в Императорской Археологической комиссии правительственный центр» // ПИФК. 2011. № 2. С. 395–408.
27. Смолин В.Ф. Краткий очерк истории законодательных мер по охране памятников старины в России // ИАК. 1917. Вып. 63. С. 121–148.
28. Филюшкин А.И. Чужое прошлое? Какие памятники истории искала Россия на своих восточных окраинах // Новое прошлое. 2018. № 1. С. 79–96.
29. Формозов А.А. Очерки по истории русской археологии. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 128 с.
30. Чернышев В.Я. Шатровая церковь Козьмы и Дамиана в Муроме. Исторический очерк. Муром, 2008. URL:: http://www.rusarch.ru/chernyshev_v5.htm (дата обращения: 24.09.2025).
31. Шаманаев А.В. Вопросы охраны культурного наследия на всероссийских археологических съездах (вторая половина XIX – начало XX в.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. 199 с.
32. Шаманаев А.В., Зырянова С.Ю. Охрана культурного наследия в Российской империи: учебное пособие / науч. ред. А.С. Мохов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. 132 с.

33. Циркуляр министра внутренних дел губернаторам, градоначальникам и обер-полицмейстерам. 6-го сентября 1901 г. № 10 // Правительственный вестник. 1901. № 200. 12(25) сент. 1901 г.
34. Энговатова А.В., Сазанов А.В. Актуальные проблемы сохранения археологического наследия и современное законодательство // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: Материалы IX Международной научной конференции (Севастополь, 2–7 июня 2025 г.) / отв. ред. Ю.А. Пронина; ред.-сост. Н.В. Гинькут. М., 2025. Т. 2. С. 187–195.

REFERENCES

1. *Al'manakh sovremennykh russkikh gosudarstvennykh deiatelei* [The Almanac of modern Russian statesmen]. St. Petersburg, Isidor Gol'dberg Publ., 1897, 1250 p.
2. Vel'iaminov N.A. Memoirs of N.A. Velyaminov about D.S. Sipyagin. *Rossiiskii Arkhiv: Istoriia Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv.* [The Russian Archive: The History of the Fatherland in the certificates and documents of the XVIII–XX centuries]. Vol. 6. Moscow, 1995, pp. 377–392.
3. Zverev S.V. *Dmitry Sipyagin: "I did not wish harm to anyone.". 1853–1902*. URL: https://stzverev.ru/archives/638
4. Musin A.E., Medvedeva M.V. (Eds.). *Imperatorskaia arkheologicheskaia komissiia (1859–1917): istoriia pervogo gosudarstvennogo uchrezhdeniia rossiiskoi arkheologii ot osnovaniia do reform* [The Imperial Archaeological Commission (1859–1917): the history of the first state institution of Russian archeology from its foundation to its reform]. St. Petersburg, IIMK RAN Publ., 2019, 1616 p.
5. Karapetian L.A. *Okhrana kul'turnogo naslediia v poreformennoi Rossiiskoi imperii cherez prizmu deiatel'nosti parlamenta nachala XX v.* [Protection of cultural heritage in the post-Reform Russian Empire through the prism of the activities of the Parliament of the early 20th century]. Krasnodar, Ekoinvest Publ, 2023, 286 p.
6. Klein L.S. *Istoriia rossiiskoi arkheologii: ucheniia, shkoly i lichnosti. T. 1. Obshchii obzor i dorevoliutsionnoe vremia* [The history of Russian archaeology: teaching, school, persons. Vol. 1. Overview and pre-revolutionary times]. St. Petersburg, Evrazia Publ., 2014, 704 p.
7. Kryzhanovskii S.E. Notes of a Russian conservative. *Voprosy Istorii* [Voprosy Istorii], 1997, no. 4, pp. 107–127.
8. Markevich Al.I. On the preservation of ancient monuments. *Trudy XI arkheologicheskogo s"ezda v Kieve. 1899* [Proceedings of the XI Archaeological Congress in Kiev. 1899]. Vol. 2. Moscow, Pechatnia A.I. Snegirevoi Publ., 1902, pp. 159–161.
9. Mel'nik A.G. Interior of the Church of Kozma and Damian in Murom. A.G. Mel'nik (ed.), *Problemy istorii i kul'tury* [Problems of history and culture], Rostov, 1993, pp. 129–137.
10. Mikheeva I.V. *Pravotvorcheskaia deiatel'nost' Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi imperii po okhrane pamiatnikov istorii i kul'tury v XIX – nachale XX veka* [Law–making activities of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire for the protection of historical and cultural monuments in the XIX – early XX century]. Nizhniy Novgorod, 2009, 154 p.
11. Karpova L.B., Potapova N.A., Sukhman T.P. (Eds.). *Okhrana kul'turnogo naslediia v dokumentakh XVII–XX vv. Khrestomatiia* [Protection of cultural heritage in documents of the XVII–XX centuries]. Vol. 1. Moscow, Ves' mir Publ., 2000, 528 p.
12. Peskareva K.M. (Ed.). *Okhrana pamiatnikov istorii i kul'tury v Rossii. XVIII – nachalo XX vv. Sbornik dokumentov* [Protection of historical and cultural monuments in Russia. XVIII – early XX centuries]. Moscow, 1978, 356 p.
13. Shchenkov A.S. (Ed.). *Pamiatniki arkhitektury v dorevoliutsionnoi Rossii: Ocherki istorii arkhitekturnoi restavratsii* [Architectural Monuments in Pre-Revolutionary Russia: Essays on the History of Architectural Restoration]. Moscow, TERRA-Knizhnyi klub Publ., 2002, 528 p.
14. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie vtoroe* [Complete collection of Laws of the Russian Empire. The second meeting]. St. Petersburg, 1830–1881.
15. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie tret'e* [Complete collection of Laws of the Russian Empire. The third meeting]. St. Petersburg, Gosudarstvennaia tipografiia Publ., 1885–1916.
16. Poliakova M.A. *Okhrana kul'turnogo naslediia Rossii: ucheb. posobie dlia vuzov* [Protection of cultural heritage of Russia]. Moscow, Drofa Publ., 2005, 271 p.
17. Minutes of the meeting of the Taurida Scientific Archival Commission on September 29, 1905. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii* [Prceedings of the Taurida Learned Archival Commission], Simferopol, 1906, no. 39, pp. 124–141.
18. Razgon A.M. Protection of historical monuments in pre-revolutionary Russia (1861–1917). *Trudy NII muzeevedeniia. Vyp. 1: Istoriia muzeinogo dela v SSSR* [Proceedings of the Research Institute of Museology. Issue 1: The history of Museology in USSR], Moscow, 1957, pp. 73–128.
19. Razgon A.M. Protection of historical monuments in pre–revolutionary Russia (XVIII – the first half of the XIX century). *Trudy NII kul'tury. Vyp. 7: Ocherki po istorii muzeinogo dela v Rossii* [Proceedings of the Research Institute of Culture. Issue 7: Essays on the history of museum business in Russia], Moscow, 1971, pp. 292–365.

20. *Svod zakonov Rossiiskoi imperii. Izdanie 1857 g.* [The Code of Laws of the Russian Empire. Edition of 1857]. Vol. 12, part 1. St. Petersburg, Tipografiia II-go Otdeleniia SEIV Kantseliarii Publ., 1857.
21. *Svod zakonov Rossiiskoi imperii. Izdanie 1892 goda* [The Code of Laws of the Russian Empire. Edition of 1892]. Vol. 1, part 2. St. Petersburg, 1892.
22. *Svod zakonov Rossiiskoi imperii. Izdanie 1892 goda* [The Code of Laws of the Russian Empire. Edition of 1892]. Vol. 2. St. Petersburg, 1892.
23. *Svod zakonov Rossiiskoi imperii. Izdanie 1900 goda* [The Code of Laws of the Russian Empire. Edition of 1900]. Vol. 10, part 1. St. Petersburg, 1900.
24. Bertinskii O.P. (Ed.). *Svod zakonov Rossiiskoi imperii. Izdanie 1900 goda. Izdanie neofitsial'noe* [The Code of Laws of the Russian Empire. Edition of 1900. The publication is unofficial]. Vol. 12, part 1. St. Petersburg, Y.A. Kantorovich Publ., 1902, 343 p.
25. Gavrilov A.K. (Ed.). *Slovar' peterburgskikh antikovedov XIX – nachala XX veka* [Dictionary of St. Petersburg antiquarians of the XIX – early XX century]. Vol. 1. St. Petersburg, Bibliotheca classica Petropolitana Publ., 2021, 426 p.
26. Smirnov A.S. "To recognize the government center in the Imperial Archaeological Commission". *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of historical, philological and cultural studies], 2011, no. 2, pp. 395–408.
27. Smolin V.F. A brief outline of the history of legislative measures for the protection of ancient monuments in Russia. *Izvestiia Imperatorskoi Arkheologicheskoi komissii* [News of the Imperial Archaeological Commission], 1917, vol. 63, pp. 121–148.
28. Filyushkin A.I. Strange foretime? What historical monuments Russia was looking for on its Eastern boundaries. *Novoe proshloe* [The New Past], 2018, no. 1, pp. 79–96.
29. Formozov A.A. *Ocherki po istorii russkoi arkheologii* [Essays on the history of Russian archeology]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1961, 128 p.
30. Chernyshev V.Ia. *Shatrovaia tserkov' Koz'my i Damiana v Murome. Istoricheskii ocherk* [Tent church of Kozma and Damian in Murom. Historical Essays]. Murom, 2008. URL: http://www.rusarch.ru/chernyshev_v5.htm
31. Shamanaev A.V. *Voprosy okhrany kul'turnogo naslediia na vserossiiskikh arkheologicheskikh s"ezdakh (vtoraia polovina XIX – nachalo XX v.)* [Issues of protection cultural heritage at All–Russian Archaeological congresses (the second half of the 19th – early 20th centuries)]. Ekaterinburg, Ural University Publ., 2017, 199 p.
32. Shamanaev A.V., Zyrianova S.Iu. *Okhrana kul'turnogo naslediia v Rossiiskoi imperii: uchebnoe posobie* [Protection of cultural heritage in the Russian Empire]. Ekaterinburg, Ural University Publ., 2018, 132 p.
33. Circular from the Minister of the Interior to the governors, mayors and chief police officers. On September 6, 1901, No. 10. *Pravitel'stvennyi vestnik* [Government Bulletin], 1901, 12(25) sept., no. 200, p. 1.
34. Engovatova A.V., Sazanov A.V. Current problems of preservation of archaeological heritage and modern legislation. *Istoricheskie, kul'turnye, mezhnatsional'nye, religioznye i politicheskie sviazi Kryma so Sredizemnomorskim regionom i stranami Vostoka: Materialy IX nauchnoi konferentsii* [Historical, cultural, international, religious, and political connections of the Crimea, Mediterranean, and Oriental countries: Materials of the scholarly conference]. Vol. 2. Moscow, Institute of Oriental Studies of RAS Publ., 2025, pp. 187–195.

Информация об авторе

Конкин Д. В. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела средневековой археологии Института археологии Крыма РАН, Researcher ID: AAC-3468-2019.

Author information

Konkin D. V. – Candidate of Science (History), Senior Researcher of the Mediaeval Archaeology Department of the Institute of Archaeology of the Crimea of RAS, Researcher ID: AAC-3468-2019.

DOI: 10.29039/2413-189X.2025.30.661-683

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СТАНОВЛЕНИЕ П. Н. ШУЛЬЦА В 1920-е ГГ.

Николай Николаевич Чемодуров
Институт археологии Крыма Российской академии наук, Симферополь, Россия
hombre_sin_nombre@bk.ru, https://orcid.org/0000-0003-0277-4862

Аннотация. Подлинное понимание многогранного развития науки невозможно без контекстуального учета мотивов, решений и поступков его основных движущих сил – ученых. Представляется, что от правильности современного восприятия личности исследователя прошлого зависит истинность и обоснованность суждений о его вкладе, а также месте в истории научного познания. П. Н. Шульца (1901–1983) называют археологом или историком искусства. Насколько верно одно или другое определение? Очевидность ответа на этот вопрос мнима. На самом деле, в нем скрывается важная проблема модернизации профессиональной специализации ученого XX в. Виденье археолога столетней давности существенно отлично от принятого в наши дни. На рубеже XIX–XX вв. в России продолжалось теоретическое осмысление археологии как самостоятельной научной дисциплины, предлагались варианты ее предмета, задач и методов. Усилиями ученого сообщества создавались предпосылки возникновения системы подготовки специалистов-археологов в университетах. Революция 1917 г. ускорила эти процессы. Государственная идеология материализма определила новые задачи исторической науки, в инструментарии которой важнейшее место заняло изучение вещественных источников. В 1919 г. в Петрограде на организационном фундаменте бывшей Императорской Археологической комиссии создается Российская академия истории материальной культуры. Ее штат составили деятели дореволюционной науки, но их число было невелико. Последующие административные преобразования советской власти в системе высшего образования были призваны обеспечить подготовку новых кадров археологов-марксистов. В их числе оказались представители поколения ученых, родившихся в 1890–1900-е гг. Среди ровесников века выделим фигуру П.Н. Шульца. Эпизод его ранней биографии – показательный пример профессионального становления в обстановке 1920-х гг. Кем готовился стать и кем в итоге стал наш герой, предстоит узнать в результате настоящего исследования.

Ключевые слова: П. Н. Шульц, археолог, Петроград, университет, поколение 1890–1900-х гг.

P. N. SCHUL'TS' PROFESSIONAL DEVELOPMENT IN THE 1920s

Nikolai N. Chemodurov
Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia
hombre_sin_nombre@bk.ru, https://orcid.org/0000-0003-0277-4862

Abstract. Pure understanding of the multifaceted development of research would not be possible without contextual consideration of the personal motives, decisions, and actions of the main driving forces, or scholars. It seems that modern perception of past researcher's personality deeply influences the correctness and foundation of the evaluation of his contribution and his place in the history of academic research. P. N. Schul'ts (1901–1983) is called an archaeologist or art historian. Is this or that interpretation true? One-way answer to this question is nothing but fiction. In fact, such an answer hides the important aspect of modernization of the professional specialization of a twentieth-century scholar. A century ago, archaeologist's vision significantly differed from today's. At the turn of the eleventh and twentieth century, Russia continues theoretical understanding of archaeology as an independent academic discipline suggesting variants of its subject, tasks, and methods. The efforts of the academic community created the background for the system of training archaeologists at universities. The 1917 revolution accelerated these processes. The state ideology of materialism defined new tasks of history as discipline, with the study of material sources as the main task. In 1919, the Russian Academy for the History of Material Culture was established in Petrograd on the background of the former Imperial Archaeological Commission. Its personnel comprised of a very few persons of pre-Revolution scholarship. Later administrative reforms of the Soviet government in the higher education system were designed to ensure the training of new personnel of Marxist archaeologists. Among

them were representatives of the generation of scholars born in the 1890–1900: let us stand out the figure of P. N. Schul'ts. The episode of his early biography under present study would be an illustrative example of his professional development in the 1920s. His supposed career and his actual career will be uncovered by present research.

Keywords: P. N. Schul'ts, archaeologist, Petrograd, university, 1890–1900s generation

В конце XIX столетия в России под словом «археология» в широком смысле понималась история классического искусства. Конкретного обозначения для человека, занятого в такой сфере, не существовало[1]. Ни один университет Российской империи не готовил специалистов «археологов», хотя соответствующие теоретические дисциплины преподавались во многих учебных курсах [31]. В 1910 г. важным достижением стало написание А. А. Спицыным первого специального пособия, основанного на лекционном цикле [30]. Необходимость введения археологии в число направлений университетской подготовки становилась предметом обсуждения дореволюционных археологических съездов [32, с. 361]. Вместе с тем, практические навыки по-прежнему можно было получить, лишь став частью научных школ, сложившихся в конце XIX в. вокруг Н. П. Кандакова, Н. И. Веселовского, М. И. Ростовцева, Б. В. Фармаковского и других ученых, совместивших в своей работе кабинетные и полевые методы.

Перемены в России после 1917 г. не привели к быстрой трансформации археологической науки. Первые преобразования коснулись формы организации археологической службы: бывшая Императорская Археологическая комиссия стала Российской академией истории материальной культуры, многочисленные губернские архивные комиссии продолжили свою краеведческую и памятникоохранную деятельность в статусе обществ истории, археологии и этнографии, не прекратили активной работы, но объединились вокруг музеев, библиотек и университетов члены упраздненных МАО, РАО, ООИД и др. Одновременно нововведения советской власти затронули сферу образования. В университетах Москвы и Ленинграда в 1920-е гг. появляются археологические отделения, попытки организации таких подразделений предпринимались и в других крупных городах РСФСР [32, с. 363–365]. Вскоре начинает складываться система подготовки соответствующих научных кадров. Действительные реалии этих перемен отразились в страницах судеб представителей поколения исследователей, родившихся в конце 1890-х – начале 1900-х гг., деятельность которых определила развитие советской науки о прошлом на десятилетия вперед. В историко-научной литературе их традиционно объединяют под знаменателем «археолог». Но, кажется, не все так однозначно.

К числу ровесников века принадлежал П. Н. Шульц (1901–1983). Его детство и юность прошли в обстановке жизненного уклада последних десятилетий существования Российской империи. Ориентиры взросления и складывания личности П. Н. Шульца, главным образом, человеческое окружение, вскоре были разрушены революцией и Гражданской войной. Затем наступила новая эпоха, в которой прежнее оказалось в корне неверным. Поколению 1890–1900-х гг. предстояло стать строителями фундамента будущего справедливого, счастливого и правильного мира. П. Н. Шульц в 1918–1919, 1920–1923 гг. учился в Петроградском университете. В одно время с ним в Петрограде/Ленинграде готовились стать археологами, историками и искусствоведами М. И. Артамонов, А. А. Иессен, С. Н. Замятнин, М. Г. Худяков, М. К. Каргер, В. Ф. Гайдукевич, С. С. Гейченко, Т. Н. Книпович, К. М. Колобова, Г. Д. Белов, А. Н. Карасев, Е. И. Леви и еще немало ярких фигур будущей советской науки. Уделяя главное внимание становлению П. Н. Шульца, время от времени мы будем обращаться к подробностям судеб его сверстников. Личный пример каждого из них, конечно, уникален. Но в выборке оригинальных траекторий можно проследить некоторые общие закономерности.

Происхождение П. Н. Шульца. В досоветской России традиция празднования дня рождения не была ни устойчивой, ни массовой. Более значимыми считали именины. Статус праздника день рождения приобретает к 1930-м гг. [16, с. 10]. В том числе и поэтому в опреде-

[1] Как, впрочем, и сейчас. В современном российском классификаторе профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов отсутствует такая специальность как «археолог».

лении точной даты появления на свет отдельных представителей поколения 1890–1900-х гг. возникает путаница. Годами жизни П. Н. Шульца обычно называют: 1899–1982[2] [29, с. 59], 1900–1983 [36, с. 285, 22, с. 150, 18, с. 122, 38, с. 272] или 1901–1983 гг. [6, с. 4; 37, с. 191]. Видятся две причины разницы в мнениях. Во-первых, сам Павел Николаевич в официальных документах (автобиографиях, анкетах, листках учета кадров) указывал год рождения по-разному[3]. Вторая причина связана с первой и заключается в том, что 1900 г. был записан в документах воинского учета, данные из которых автоматически переносились в выданные впоследствии удостоверения, свидетельства и прочие официальные бумаги. Проясняет дело документ из личного фонда П. Н. Шульца – метрическое свидетельство его сестры Надежды, появившейся на свет, согласно записи, 24 июня 1900 г. [НА ИАК РАН, ф. Л-9, оп. 1, д. 10, л. 9]. Родиться в тот же год археолог по понятным причинам не мог. К сожалению, выписки из метрической книги о его рождении в личном фонде не сохранилось. Но из двух основных версий мы уверенно можем выбрать единственную – 1901 г.[4]

Первые годы жизни Павла Шульца прошли в атмосфере домашнего воспитания в Санкт-Петербурге, где его дед по отцовской линии – Павел Антонович Шульц (1831–1905), сенатор, писатель, публицист, имел большой особняк с собственной библиотекой и картинной галереей. Думается, основы исторического мировоззрения в раннем возрасте у Павла Шульца заложила мать – Надежда Николаевна (1875–1941), выпускница Смольного института благородных девиц, дочь Николая Яковлевича Аристова (1834–1882), действительного статского советника, профессора Варшавского и Харьковского университетов, специалиста по русской истории, рано ушедшего из жизни. Отец будущего ученого, Николай Павлович Шульц (1873–1942), по окончании Петербургского университета в 1896 г. был оставлен на кафедре ботаники и анатомии растений для приготовления к профессорскому званию. Помимо исследовательской работы в университете он преподавал в Санкт-Петербургском народном университете, Санкт-Петербургском Мариинском институте, Павловском женском сиротском институте, Педагогической академии, а в 1910 г. принял деятельное участие в открытии и работе Коммерческого училища А. П. Нечаева, впоследствии – Коммерческого учебного общества экспериментальной педагогики [18, с. 124–125].

Филиал этого учреждения в Ржевском уезде помещался в имении Петровское, принадлежавшем семье Шульцев (рис. 1). По замечанию одного биографа, там будущий ученый получил среднее образование [17, с. 124], но сам П. Н. Шульц писал, что учился в Санкт-Петербурге [НА ИАК РАН, ф. Л-9, оп. 1, д. 3, л. 12]. Оконченное им коммерческое училище, основанное психологом, педагогом и публицистом А. П. Нечаевым, соединяло в своей работе образовательную и исследовательскую функции. Организатор учебного заведения обосновал необходимость введения в практику преподавания инструментария психологии, наблюдения душевной жизни учащихся, использования педагогического эксперимента [20, с. 72]. При этом подходы должны были постоянно совершенствоваться в соответствии с результатами непосредственной работы учителя с учениками. Согласно Уставу училище давало общее и коммерческое образование. В распоряжении учеников были библиотека (ученическая и фундаментальная), физический кабинет, музей образцов товаров и лаборатория для экспериментов по химии и товароведению [34, с. 2–3]. Содержание программы обучения приоткрывает аттестат[5] П. Н. Шульца об окончании училища в 1918 г. (Приложение 1). Обязательными для изучения были два современных (французский и немецкий) языка, технические (арифметика, алгебра, геометрия, тригонометрия, аналитическая геометрия и анализ), естественные (естествоведение, физика, химия, космография) и коммерческие (коммерческая арифметика, бухгалтерия, коммерческая корреспонденция, политэкономия, товароведение) дисциплины, а также история, география, законоведение, психология, рисо-

[2] Затруднительно объяснить выбор авторов. Ни один известный нам документ не фиксирует таких лет жизни П. Н. Шульца.

[3] Или 1900 г., или 1901 г.

[4] Именно этот год выбит на могиле П. Н. Шульца на кладбище Новодевичьего монастыря в Санкт-Петербурге.

[5] Судя по успехам, П. Н. Шульц с гимназических лет тяготел к гуманитарной стезе.

вание, черчение и лепка. Дополнительно учащиеся могли пройти курсы обучения древнему языку (латинскому), пению, ручному труду и физических упражнений. Совокупность этих дисциплин в соединении с инновационными методиками преподавания, ориентированного на индивидуальный подход, должны были сформировать у обучающегося комплексные и многосторонние знания [34, с. 7]. Аттестат об окончании училища открывал возможность продолжения учебы в университете.

Сопоставим исходные возможности П. Н. Шульца и его будущих коллег. Вопреки распространенному, в том числе и в научной литературе, мнению о сословных ограничениях в средней и высшей школе Российской империи, современные исследования для периода второй половины XIX – начала XX в. показали устойчивую динамику роста доступности всех ступеней образования вне зависимости от половой, социальной и этно-конфессиональной принадлежности учащихся [26; 17]. В первое десятилетие XX в. в гимназиях насчитывалось примерно равное число мальчиков и девочек (с существенным преобладанием девочек в некоторых регионах); дети мещан, ремесленников и крестьян составляли более половины, в то время как потомки дворян – не более четверти[6]. Похожая картина складывалась и в высших учебных заведениях [26, с. 520, 524]. Обучение в гимназии, а затем в институте или университете было платным, потому главным препятствием для ребенка из любого сословия становилась материальная необеспеченность. Приведенным фактам не противоречит ситуация, сложившаяся для поколения родившихся в 1890–1900-е гг. Из перечисленных выше 12 персоналий, только двое – П. Н. Шульц и А. И. Иессен – имели дворянское происхождение, С. Н. Замятнин и Е. И. Леви родились в семьях юристов, М. Г. Худяков – в купеческой семье, отец С. С. Гейченко был военным, а В. Ф. Гайдукевича – врачом, Т. Н. Книпович – дочь известного ученого-зоолога, М. М. Колобова – священника, М. К. Каргер – сын сельского учителя, наконец, М. И. Артамонов, Г. Д. Белов и А. Н. Карасев – дети крестьян. Четверо не имели гимназического образования: В. Ф. Гайдукевич отучился в трудовой школе, Г. Д. Белов – в учительской семинарии, М. И. Артамонов окончил начальную школу и вечернее четырехклассное училище, А. Н. Карасёву пришлось оставить гимназию после 5 класса, чтобы содержать двоих младших братьев. Среди учителей будущих представителей первого поколения советских археологов можно назвать имена М. И. Ростовцева, А. А. Миллера, Н. П. Сычева, Д. А. Шмидта (имевших дворянство), Д. В. Айналова, С. А. Жебелева (из купеческих семей), А. А. Спицына (сына мещанина), А. А. Васильева (сына военного), О. Ф. Вальдгауэра (сына врача), Б. В. Фамаковского (сына учителя), Д. А. Золотарева (сына священника). Видим, что в старшей генерации специалистов, сформировавшихся задолго до революции, также далеко не все относились к высшему сословию. Затруднительно назвать среди них разве только выходцев из крестьян[7].

Студенчество П. Н. Шульца. В конце XIX – начале XX в. условием получения высшего образования было наличие гимназического аттестата. И лишь выпускники классических училищ могли претендовать на обучение в императорских университетах. Так, В. И. Равдоникас, без учета личности которого немыслима история советской археологии, кстати, тоже учившийся в Петроградском университете в одно время с П. Н. Шульцем, окончил до революции реальное училище, в 1915 г. смог попытать удачи только на экономическом отделении Санкт-Петербургского Политехнического института, мог стать коммерсантом. Но стремление к занятию археологией возобладало, хотя путь к специальному университетскому образованию оказался долгим [25, с. 150]. В системе образования Российской империи М. И. Артамонов, Г. Д. Белов, В. Ф. Гайдукевич и А. Н. Карасев не имели бы возможности учиться в Петроградском университете. Но революционные перемены 1917–1918 гг. сделали высшее образование общедоступным. Декрет СНК РСФСР «О правилах приема в высшие учебные заведения» от 2 августа 1918 г. позволил принимать в ВУЗы всех желающих без

[6] Следует принимать во внимание, что эта статистика не отражает соотношения учившихся/не учившихся в каждом отдельном сословии. Разница в проценте грамотности среди детей дворян и крестьян/мещан все же оставалась существенной.

[7] Впрочем, Н. П. Кондаков, относившийся к еще более старшему поколению, родился в семье «дворового человека». Это никак не помешало ему учиться в Московском университете.

предъявления документов о среднем образовании и, что важно, на бесплатной основе. Этим актом отменялись результаты приемной кампании на первый курс 1918/1919 гг. Должно было организовать новый набор без проведения экзаменов. Нарушения декрета рассматривались судом революционного трибунала [1]. В 1918–1920 гг. для абитуриента в Петрограде открывались двери десятков старых и новоучрежденных учебных заведений. Кажущееся на первый взгляд благополучие имело и обратную сторону. Процесс приема в университет в 1918–1919 гг. приобрел хаотичный характер (многие поступившие быстро разочаровывались в реалиях студенческой жизни), ни один университет не был готов материально обеспечить значительно возросшее количество обучающихся (в силу невозможности совмещать учебу и заработок, малоимущие учащиеся оставляли университет), наконец, качество преподавания катастрофически снизилось пропорционально уровню подготовленности новых обучающихся [13, с. 138–142]. Следует помнить, что эти обстоятельства отягчались продолжавшейся Гражданской войной и связанными с ней гуманитарными трудностями.

Существование студента в таких условиях рельефно отражают страницы биографии П. Н. Шульца (рис. 2). Окончив коммерческое училище, он не успел поступить в университет по старым правилам. В декабре 1918 г. составил прошение о зачислении на историко-филологический факультет Петроградского университета. Его персональные интересы в это время в очень широком смысле можно было определить как стремление изучать искусство древности [ЦГА СПб, ф. Р-7240, оп. 2, д. 4048, л. 1]. В согласии с положением Декрета от 2 августа 1918 г. прием осуществлялся в течение всего учебного 1918/1919 года, и заявление было удовлетворено. Кроме того, весной 1919 г. П. Н. Шульц успел пройти программу Живописных курсов при Рабоче-крестьянском доме в Петрограде. Все же долго учиться ему не пришлось, об этом он писал: «В мае 1919 г. я был мобилизован и вплоть до октября 1920 г. находился в Красной армии за пределами Петрограда. В октябре 1920 г. мне удалось откомандироваться в Военную часть, стоявшую в Петрограде. Одновременно я был командирован в Университет Союзом пролетарских культурно-просветительских организаций (Пролеткульт) г. Ржева, где работал в качестве инструктора и затем заведующего отделом ИЗО. В 1921 г. по статьям 26 и 39 (туберкулез) я вовсе был уволен из Красной армии и целиком отдался учебному делу. В октябре 1921 г. я вторично был командирован в Университет Петропрофобром (командировка при анкете)» [там же, л. 44]. Пока будущий археолог служил в рядах Красной армии, не стало факультета, на который он поступал: решением Наркомпроса РСФСР от 3 июня 1919 г. историко-филологические факультеты вошли в систему организуемых факультетов общественных наук (ФОН).

Судя по сохранившимся документам, П. Н. Шульц в это время не был полностью уверен, что ему вообще удастся продолжить обучение в Петроградском университете. До окончательного увольнения из армии, оказавшись в Петрограде, 8 ноября 1920 г. он поступил на гуманитарный факультет историко-филологического отделения Педагогического института [там же, л. 39]. Совершенно неожиданным в биографии ученого выглядит следующий факт: 24 ноября 1920 г. он пишет заявление о зачислении в слушатели Центрального Института живых восточных языков (далее – ЦИЖВЯ) по отделению сартского языка. Истинные мотивы может раскрывать приписка: «Желаю пользоваться довольствием и интернатом и при сем прилагаю удостоверение об окончании училища и выписку из домовой книги». Но проучившись месяц на сартском отделении в начале декабря того же года П. Н. Шульц написал очередное заявление ректору ЦИЖВЯ, в котором его интенции не кажутся обусловленными исключительно желанием поправить материальное положение: «Совместно со слушателем Сартского отделения Михаилом Крутиковым, уже в продолжение полутора недель я посещаю занятия санскритского отделения и почти нагнал слушателей последнего. Слушатель санскритского отд. Крутиков и я брали урок по санскриту у М. И. Тубянского и предполагали взять второй. Знание санскрита, в целях изучения искусства Индии, всегда являлось моею основной целью. В настоящее время я веду занятия в Университете и на Дальневосточном отделении Института Истории Искусств в целях приобретения общей подготовки для означенных заданий» [ЦГА СПб, ф. Р-7222, оп. 30, д. 2898, л. 1–2]. Может быть, в П. Н. Шульце наука потеряла индолога.

Несмотря на некоторую рассеянность внимания П. Н. Шульц не оставлял попыток вернуться в Петроградский университет. Помог случай: в структуру высшего учебного заведения в начале 1921 г. оказался включен Педагогический институт. Заручившись характеристикой Петропрофобра, а также отзывами своих учителей О. Ф. Вальдгауэра и Б. В. Фармаковского, П. Н. Шульц обратился к проректору Единого Петроградского университета с просьбой о возбуждении ходатайства о переводе на ФОН. В письме он перечислил сданные ранее дисциплины и отметил, что под руководством О. Ф. Вальдгауэра выполнил работу «Мадонна Бенуа и ее автор». В личном студенческом деле сохранилась выписка о решении президиума ФОН: «Ввиду поступивших отзывов о незаурядных способностях и интересах к науке студента Шульца, Педоуч просит считать его командированным для продолжения образования» [ЦГА СПб, ф. Р-7240, оп. 2, д. 4048, л. 7]. Свою роль в этом решении сыграло включение П. Н. Шульца в льготную категорию Главпрофобра для детей профессоров и преподавателей. ФОНы имели сложную внутреннюю структуру. П. Н. Шульц был восстановлен в качестве студента литературно-художественного отделения музейного цикла ФОН Петроградского университета в конце осени 1921 г. [там же, л. 2].

К этому времени спокойному обучению в очередной раз помешали внешние обстоятельства: 21 июня 1921 г. вступили в силу новые правила приема в высшие учебные заведения, провозгласившие классовый принцип комплектования обучающихся [13, с. 140]. Теперь учеба в университете для имевших дворянское происхождение вновь становилась платной. В 1918 г. П. Н. Шульц уже имел опыт отвлечения на подработку в педагогической и культурно-просветительской деятельности в Ржевском пролеткульте и Губполитпросвете [ЦГА СПб, ф. Р-7240, оп. 2, д. 4048, л. 15]. И теперь такая занятость вновь могла сильно помешать продолжению образования. Он неоднократно обращался в Комиссию по платности университета. Отмечал, что платить абсолютно не в состоянии. Прилагал сведения о своей занятости: так, в первой половине 1922 г. работал по ночам грузчиком, получая 20–25 миллионов руб. в месяц[8]. П. Н. Шульц в это время занимал активную гражданскую позицию, в 1921 и 1922 гг. избирался членом академического правительства университета, председателем ячейки правительства на ЛХО ФОН. Несмотря на происхождение, его общественно-политические взгляды были далеко не реакционными, о своем отношении к власти он писал: «Будучи целиком поглощенным научными интересами и учебной работой и не обладая достаточной политической подготовкой, не считаю себя вправе иметь определенное суждение о партии, но во всяком случае считаю РКП(б) единственно возможной и приемлемой партией в настоящий момент. Поскольку приходилось сталкиваться, мне симпатичны некоторые [идеи] «смено-веховцев» и анархистов. Отношение к Советской власти: во многом преклоняюсь перед Советской властью, но не закрываю глаза на ее отрицательные стороны. Считаю единственно возможной и приемлемой властью в России в настоящее время» [там же, л. 45–46].

Облегчить трудное материальное положение студенчества 1920-х гг. могла стипендия. Однако круг ее получателей был чрезвычайно узок, и, согласно декрету 2 августа 1918 г., преимущество в наделении стипендией предоставлялось выходцам из «среды пролетариата и беднейшего крестьянства». Впрочем, побороться за право получения выплаты мог каждый. Решительную, хотя и не первую попытку, предпринимал и П. Н. Шульц, обратившийся 21 сентября 1922 г. в Комиссию по зачислению стипендий Петроградского университета. Неизвестно, удалось ли ему добиться успеха, но материалы заявления раскрывают любопытные подробности личной судьбы П. Н. Шульца в это время (Приложение 2). К заявлению прилагались отзывы научных наставников – Б. В. Фармаковского, Д. А. Шмидта и О. Ф. Вальдгауэра, высоко оценивших способности своего ученика (Приложение 3).

Несмотря на трудности студенческих лет, П. Н. Шульц сформировался в профессиональном отношении как разноплановый специалист по истории древнего и современного искусства. Особенное внимание в его образовательной траектории оказалось сфокусировано на классической античной археологии, живописи и скульптуре. В одной из ранних автобиографий, в 1924 г. он писал о своих университетских штудиях:

[8] В условиях гиперинфляции этого едва хватало на пропитание.

«Специальностью я избрал античное искусство и классическую археологию. Интересовался больше всего греческой скульптурой и римским портретом. Параллельно, для приобретения сведений по всему разрезу истории искусства, я занимался искусством и археологией Египта, Эгейским искусством, искусством и археологией Передней Азии, Византийским и Древнерусским, Средневековым и Новым Европейским искусством <…>

У О. Ф. Вальдгауэра мной пройдены следующие семинарские занятия: 1) по античной скульптуре (1920–21 год); по скульптуре Эрмитажа (1921–23 год, прочтено устное сообщение “Статуэтка Тихе в Эрмитаже”; по Римскому портрету (1923–24 год), прочтен доклад “Портрет и копии эпохи Антонинов”.

У проф. Б. В. Фармаковского пройдены следующие семинарии: 1) греческий классический рельеф (1921–22 год); 2) греческая скульптура (1921–22 год), прочтен доклад “Статуя Дельфийского Возницы”; 3) египетские города и храмы, прочтен доклад “Фарос Александрийский”.

По Новому Европейскому искусству я работал у проф. Д. А. Шмидта и принимал участие в следующих семинариях: 1) по голландской живописи (Рембрандт) (1921–22 год); 2) по фламандской живописи (Рубенс) (1922–23 год), сделано устное сообщение “Венера и Адонис Рубенса”.

По древнерусскому искусству я занимался у проф. Н. П. Сычева, у него я работал в следующих семинариях: 1) Древнерусские монументальные росписи (1922–23 год), остался неоконченным доклад “Композиция Нерушимой Стены и ее происхождение”; 2) Русская икона (1923–24 год), прочтен доклад “Икона Спас Мокрые Брада в Русском музее”.

По искусству Египта я вел занятия под руководством Н. Д. Флиттнер, по Эгейскому искусству под руководством М. И. Максимова» [НА ИАК РАН, ф. Л-9, оп. 1, д. 7, л. 4–5].

18 сентября 1923 г. П. Н. Шульц получил свидетельство об окончании ЛХО ФОН Петроградского университета с отметками об исключительно высоких успехах в освоенных дисциплинах (рис. 3).

Студенческие годы многих будущих коллег П. Н. Шульца схожи. Почти идентичным оказался путь в Университет А. А. Иессена: в 1918 г. первая попытка начать учебу в Петроградском университете, нужда и подработка отвлекали от занятий, в 1919 г. призван в ряды Красной армии, демобилизовался и вернулся на ФОН лишь в 1922 г. [2, с. 163]. Г. Д. Белов в 1920 г. смог поступить в Педагогический институт им. Некрасова, а только в 1921 г. перевелся на ФОН в Петроградском университете [ЦГА СПб, ф. Р-7240, оп. 5, д. 358, л. 3]. Учебу вынужденно совмещал с преподаванием в школе, а после окончания обучения в 1924 г. охотно согласился уехать из Петрограда в Севастополь [8, с. 299]. Г. В. Подгаецкий, будущий известный специалист по археологии эпохи бронзы, в годы обучения в Ленинградском университете подготовил дипломную работу «Вооружение причерноморских скифов». Обучение давалось нелегко: имея дворянское происхождение, должен был учиться на платной основе. Неоднократно просил об освобождении от платы как безработный и происходивший из многодетной семьи [ЦГА СПб, ф. Р-7240, оп. 10, д. 564, л. 29]. Начала высшего образования М. К. Каргер получал в Самарском государственном университете. Одновременно приходилось зарабатывать на жизнь. Но когда к этим трудностям добавился ужасный голод в Поволжье в 1922 г., будущий ученый вынужденно перевелся в Петроградский университет. Это оказалось возможным благодаря тому, что отец М. К. Каргера, как и у П. Н. Шульца, занимался преподавательской работой [21, с. 26].

А. Н. Карасеву достаточно поздно довелось начать обучение в Университете. С 1919 г. больше пяти лет он по собственному желанию провел в рядах Красной армии. Будучи призванным на срочную службу в 1924 г., в январе 1925 г. поступил на факультет языкознания и материальной культуры Ленинградского университета [11, с. 236]. Совмещение армейской службы и студенческой скамьи кажется по современным представлениям невероятным. И тем не менее, А. Н. Карасеву это удалось. Более того, он даже пытался добиться разрешения на отпуск для участия в раскопках. В мае 1925 г. обращался к руководству факультета: «Занимаясь в семинарии по изучению Херсонеса у проф. [К. Э.] Гриневича и как участник семинария, я должен участвовать в раскопках в Херсонесе. Мне как занимающе-

муся на Восточно-Классическом цикле и желающему специализироваться по Югу России, присутствие на раскопках является необходимым. Но так как в настоящее время я служу в Красной Армии красноармейцем, то разрешение на поездку зависит от Командира отряда, поэтому я убедительно прошу Вас о ходатайстве перед ком. отряда». И действительно, в адрес командования части, в которой проходил службу А. Н. Карасев, было направлено обращение: «Правление Ун-та, принимая во внимание его отличные успехи, прилежание в научных занятиях и большую академическую активность, в заседании своем от 14 мая сего года, постановило ходатайствовать перед Вами, тов. Командир о предоставлении тов. Карасеву разрешения на упомянутую поездку для участия в практических работах в летнее время (с 15 июня по 15 июля) дабы тем самым не прерывать начатые им академические работы, что крайне неблагоприятно отразится на его дальней подготовке к получению зачетов и вызовет лишнюю потерю времени в Ун-те» [ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 8, д. 237, л. 7–8]. Насколько известно, поучаствовать в экспедиции К. Э. Гриневича в 1925 г. А. Н. Карасеву все же не удалось. Спустя год он демобилизовался, но не окончил университет «из-за несогласия с программой и постановкой преподавания», в 1928 г. продолжил свое становление в качестве практиканта ГАИМК под руководством Б. В. Фармаковского [11, с. 237]. Относительно благополучны оказались годы студенчества М. И. Артамонова, Е. И. Леви, В. Ф. Гайдукевича, Т. Н. Книпович. Впрочем, так можно утверждать, опираясь на опубликованные подробности их биографий. Даже К. М. Колобовой, дочери священника, удалось без конфликтов с новой властью получить высшее образование. Думается, помогло и то, что получила она его в Баку, далеком от революционного Петрограда.

Аспирантура П. Н. Шульца. В российской дореволюционной высшей школе применялась практика оставления при университете для подготовки к профессорскому званию. «Оставленный» защищал диссертационное исследование и получал степень магистра или доктора наук [14, с. 146–147]. Декретом СНК РСФСР «О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных ученых и высших учебных заведений Российской республики» от 1 октября 1918 г. присвоение ученых степеней было отменено. Какое-то время в гуманитарной научной среде сосуществовали старый принцип «оставления» и новый – подготовки кадров высшей квалификации в научно-исследовательских институтах [27, с. 177]. Последние создавались при факультетах общественных наук университетов (например, Институт истории при МГУ) и как самостоятельные организации (Институт красной профессуры). Целью таких учреждений было формирование специалистов-марксистов. Но довольно скоро наступило осознание необходимости большей определенности в деле пополнения научных кадров. Поэтому в середине 1920-х гг. утверждается институт аспирантуры. Рядом правительственных постановлений регламентировался порядок трехлетнего обучения, в процессе которого аспирант должен был подготовить диссертационное исследование, пройти необходимые экзаменационные испытания, продемонстрировать владение одним иностранным языком, по возможности ввести в научный оборот некоторые результаты своего труда [7, с. 15–16]. В масштабах страны ведущим центром подготовки марксистских кадров в археологии стала РАИМК/ГАИМК, где первый набор в аспирантуру состоялся в начале 1926 г.

На последних курсах университета П. Н. Шульц состоял в числе слушателей научных курсов при Российском институте истории искусств (далее – РИИИ), бывшем Зубовском институте. С лекциями здесь выступали именитые искусствоведы О. Ф. Вальдгауэр, Э. К. Липгарт, Д. А. Шмидт и другие [3, с. 130]. Учебные занятия рассматривались участниками как дополнительная возможность приобрести профессиональные навыки. Существовала прямая связь Петроградского университета и РИИИ. В ноябре 1923 г. академическое представительство студентов ЛХО ФОН подготовило докладную записку «К проекту изменений в учебном плане», в которой среди прочего подчеркивалась необходимость взаимодействия с РИИИ, где углубленное изучение искусства «проходится без фона общеобразовательной подготовки». Крайне желательной виделась возможность для обучающихся ЛХО самостоятельно формировать индивидуальный учебный план, в который бы включались занятия при РИИИ [НА ИАК РАН, ф. Л-9, оп. 1, д. 6, л. 10]. Выпускник ЛХО П. Н. Шульц осенью 1923 г. защитил при РИИИ работу «Статуя Дельфийского Возницы», готовившуюся им еще в

студенческие годы под руководством О. Ф. Вальдгауэра [НА РАХ, ф. 7, оп. 3, д. 420, л. 19]. Выше приводился высокий отзыв об этом исследовании другого научного наставника – Б. В. Фармаковского (Приложение 3).

Поскольку РИИИ являлся научно-исследовательским центром, в результате успешной защиты П. Н. Шульц был зачислен научным сотрудником II категории (рис. 4). В таком статусе закреплялись оставленные для подготовки к исследовательской и преподавательской работе в учреждениях науки и высшего образования. В чем именно должна была заключаться такая подготовка, сегодня не до конца ясно. До середины 1920-х гг. четкой регламентации сроков и порядка работы сотрудников II категории не существовало [23, с. 25]. Думается, как и в случае Исторического института при Петроградском университете или историческом отделении РАНИОН, для поступившего в РИИИ оформлялась индивидуальная программа повышения квалификации [28, с. 60]. В течение 1923/1924 учебного года сотрудники II категории РИИИ являлись слушателями ряда семинаров, готовили индивидуальные научные работы. Отдельные источники позволяют утверждать, что содержание подготовки нередко определяли демократическим способом. В апреле 1924 г. сформировалось Бюро научных сотрудников II категории: «За осуществление этого объединения взялась инициативная группа, в состав которой вошли М. З. Крутиков, В. Ф. Миллер и я [П. Н. Шульц – *Н.Ч.*] из нашего разряда [изобразительных искусств] и из музыкального разряда был привлечен Г. П. Орлов». Со временем в бюро вошли представители всех разрядов Института[9]. В 1924 г. была предпринята неудачная попытка официального оформления положения Бюро путем утверждения устава в президиуме Института. Создание подобного объединения стало веянием эпохи коллективизации управления в учреждениях науки и высшей школы. Участники Бюро недвусмысленно выделяли себя из среды Института: «Мы очень мало были связаны с администрацией Института и с Разрядом. Мы жили своей жизнью, своими интересами и своей работой. Корпорация научных сотрудников II разряда образовала в Институте государство в государстве. Многим мы мешали, иногда казались лишними. Когда обстоятельства прижимали нас, мы шумели, на нас готовы были смотреть как на взбунтовавшихся пролетариев» [НА ИАК РАН, ф. Л-9, оп. 1, д. 11, л. 8]. В своей деятельности Бюро пыталось влиять на формирование учебной программы: «Первое дело, за которое взялось бюро по поручению общего собрания, это – отсрочка и отмена 2 экзаменов – Дальнего и Мусульманского Востока. Это был первый вопрос, с которым мы выступили в Разряде и сразу же встретили со стороны Разряда резкий отпор». К теме отсрочки представители Бюро вернулись на следующем заседании Президиума Института и сумели добиться своего, хотя «тяготеющие нас своей ненужностью 2 экзамена все же были оставлены» [там же, л. 4].

Применить теоретические познания на практике научные сотрудники II категории смогли в рамках масштабной программы РИИИ по изучению, сохранению и музеефикации памятников дворцовой архитектуры в пригородах Петрограда. Летом 1924 г. после окончания лекционных и семинарских занятий для начинающих искусствоведов руководством Института во взаимодействии с Бюро была организована серия дальних поездок в Псков, Старую Ладогу, Москву и Киев, задачей которых являлось не только ознакомление с объектами прошлого, но и практика проведения экскурсий: «Значение этих экскурсий велико. Помимо того, что они сплотили наших сотрудников и связали их со слушателями, они позволили нам завязать связь с местами» [там же, л. 5]. Во второй половине лета сотрудников II разряда ожидала работа в пригородах Петрограда: для двоих она проходила в Гатчине, одиннадцать, включая П. Н. Шульца, отправились в Петергоф[10]. Распределение практикантов осуществлялось таким образом, чтобы каждый самостоятельно осуществил порученные задания на базе одного дворца или павильона. Помимо хозяйственно-административной работы в число обязанностей входили: 1) проверка имущества по старым дореволюционным описям; 2) восстановление убранства времени создания конкретного дворца или павильона; 3) составление новых описей. Так, во дворце «Коттедж» занимались Е. Ю. Фехнер и М. А. Крив-

[9] Факультеты РИИИ с 1921 года стали называться разрядами, а с 1926 года – отделами [19, с. 14]. В это время действовали разряды изобразительного искусства, музыки, словесности и театра.

[10] Подробнее об этой практике и ее участниках по материалам архивов Санкт-Петербурга: [4].

цова (с 15 апреля по 15 сентября) и А. А. Передольская (с 6 августа по 1 октября), последняя также оформила опись Ольгинской половины в Большом дворце (с 1 июля по 1 августа); для П. Н. Шульца практика проходила в изучении садовой скульптуры Петергофа (с 1 августа по 15 сентября), а затем в усадьбе Лейхтенбергских (с 15 сентября по 1 октября); Е. А. Тарковская работала в Монплезире, Марли и Эрмитаже (с 15 июля по 1 октября), Р. А. Сабинина составляла опись портретов Большого Дворца, зала Ротари (с 1 августа по 15 сентября), В. Н. Кнохе восстановила павильоны в Царицыне и на Ольгином острове; Н. Н. Базырина обустроила экспозицию Собственной дачи; М. З. Крутиков обследовал и музеефицировал Розовый павильон, Никольский домик и Бельведер, Е. Н. Грицкевич достался Нижний дворец, наконец, Т. И. Лапина занималась описью в Фермерском дворце. В Отчете о летней практике в Петергофских Дворцах-Музея отмечалось: «…вчерне работа по приведению Петергофских дворцов-музеев в порядок в значительной мере проделана». На время практики пришлось осеннее наводнение и сотрудники РИИИ приняли деятельное участие в спасении и охране объектов дворцов-музеев: «Е. Н. Грицкович спасала мебель вестибюля из воды; сотрудники Фехнер, Кривцова и Тартаковская вместе с начальником милиции и пожарными вброд перебрались в затопленный Монплезир и оказали первую помощь затопленным историческим предметам. Составили акт о повреждении и организовали первую охрану, которую помимо сторожей несли Базырина, Лапина, Кнохе и Сабинина[11]. В следующие дни сотрудники приняли участие как в охране, так и по просушке Эрмитажа, Марли, Монплезира и Нижнего дворца» [там же, л. 16–18].

Результаты деятельности сотрудников РИИИ в изучении дворцовых памятников Петергофа рассматривались его участниками как исключительно успешные: «Это лето для Института было порывом свежего ветра. В нем есть искры, которые в дальнейшем дадут богатые всходы». Вместе с тем, «…после лета приходит осень». С окончанием практики сотрудники II категории возвращались в стены Института по-прежнему без определенного статуса. Их труд рассматривался как деятельность «лиц свободной профессии». Официально они не были оформлены в штате Института, а значит не могли претендовать на оплату своего труда. В этой ситуации в сентябре 1924 г. Бюро настояло перед Президиумом на создании комиссии по оформлению положения сотрудников II категории. В ее состав вошли В. П. Зубов, Казанский и В. А. Лебедев. Комиссии удалось подать в Наркомпрос РСФСР проект декрета, который бы регламентировал положение внештатных сотрудников. Впрочем, его судьба неясна. Одновременно представители бюро обратились в Ленинградское отделение Главнауки: «Зная тяжелые отношения Института с отд. Главнауки в Ленинграде [секретарь отделения] Баскин предложил нам держать твердую деловую связь с Москвой. Говорил о том, что считал бы крайне важным предоставление хотя бы минимального количества штатных мест в Институте для научных сотрудников II кат., о чем рекомендовал поднять вопрос в Институте. Говорил он о том, что центральное внимание сейчас в Москве лежит на молодых силах, что от настроения этих молодых сил зависит будущее Института, что Москва склонна смотреть на Институт как на резерв молодых искусствоведов и музееведов и что необходимо с местным отделением и с Москвой на этой почве затеять организованную связь». Общие заверения ленинградского отделения Главнауки не помогали делу [там же, л. 18–19].

При неблагоприятных внешних условиях молодежью РИИИ были организованы практические объединения: Секция лабораторных исследований по искусству (возглавить которую пригласили М. В. Фармаковского) и Секция социологии искусства. В Отчете о деятельности бюро научных сотрудников второй категории говорилось: «Мы откровенно заявляем: “Нами проделана большая работа, а во всякой большой работе неизбежны ошибки. Мы их охотно за собой признаем. Работать нам пришлось в трудных условиях. Извне – нам не доверяли. Изнутри нас мало замечали, и не всегда с нами считались. Быть может, в этом мы виноваты сами”» [там же, л. 5]. Представители бюро настаивали на том, что кроме моральной связи Института и сотрудников 2 категории, в их отношениях должна появиться материальная и юридическая составляющая, «и тогда, быть может, отпадет надобность в существовании особого органа научных сотрудников 2 категории». Для этого требовались благоприятные

[11] Любопытно, что среди участников спасения и охраны названы лишь сотрудники-женщины.

административные изменения. В то время как отношение советской власти к учреждениям высшего образования и науки в 1920-е гг. нельзя назвать доверительным. Едва ли следовало ожидать поддержки Института, основанного до революции и возглавляемого потомственным дворянином. Несмотря на попытки сохранить РИИИ руководством страны (его деятельность признавалась полезной даже наркомом образования А. В. Луначарским [24, с. 61]), смену руководства (в 1925 г. новым директором становится Ф. И. Шмит), изменение содержательной стороны работы (одним из ключевых направлений исследований становится социология искусства), даже перемена в названии (место слова «Российского» в 1925 г. занимает «Государственный»), Институт продолжал восприниматься как ядро старорежимной интеллигенции, противников революции. Как отмечали сами сотрудники Института: «В “зубовцах не хотели видеть серьезных работников”» ни представители Главнауки Наркомпроса, ни музейные деятели, ни экскурсанты [НА ИАК РАН, ф. Л-9, оп. 1, д. 11, л. 6]. В связи с необходимостью существования Институт начинает поиски новой цели своей деятельности, в которой, помимо социологических разработок разнообразных аспектов культуры и искусства, значительное место во второй половине 1920-х гг. занимает марксистская критика. Во всем этом археологии находилось мало места. Должно быть, П. Н. Шульц ощущал отсутствие перспектив персонального научного роста. И хотя его активная вовлеченность в работу музейного цикла секции социологии искусства ГИИИ продолжилась в 1925–1926 гг., профессиональное становление он продолжил в другом учреждении.

В декабре 1925 г. в РАИМК объявили о наборе в аспирантуру. Известно, что в число первых штатных обучающихся попали М. И. Артамонов, В. А. Богусевич, А. А. Иессен, С. Н. Замятнин, М. И. Николаева, М. Г. Худяков, П. Н. Шульц (рис. 5) и «за счет другого учреждения»[12] Е. И. Леви [14, с. 186]. В 1926–1928 гг. аспирантами Академии также стали Л. А. Динцес, Н. Н. Воронин и Г. Ф. Корзухина-Воронина. В настоящее время еще много неясного в том, как проходил прием в аспирантуру, каким образом выстраивалась образовательная программа, какие ставились требования к результатам работы обучающихся и другие аспекты этого раннего этапа существования института подготовки будущих специалистов-археологов при ГАИМК. Представляется, что относительно цельное впечатление удастся сложить только после привлечения с одной стороны достаточной организационной документации РАИМК/ГАИМК, а с другой – личных материалов всех или хотя бы большинства первых аспирантов. Нам известна лишь одна специальная работа, посвященная раннему периоду биографии С. Н. Замятнина [15]. В другом исследовании привлечены некоторые документы времени обучения П. Н. Шульца [27, с. 181]. Примечательно, что представления об аспирантуре ГАИМК в этих двух работах расходятся в принципиальных точках. В случае с П. Н. Шульцем оказывается, что становление системы подготовки «проходило во многом стихийно», «отсутствовали четкие представления об обязанностях аспирантов и задачах аспирантуры», программы не включали изучение иностранных и древних языков, обучающиеся, перегруженные общественной работой[13], нередко теряли интерес, не успевали подготовить итоговое сочинение [27, с. 181–182]. В то же время, С. Н. Замятнин пришел в аспирантуру с заранее подготовленной программой обучения, последовательно осваивал

[12] Неясно, за счет какого. Сама Е. И. Леви в автобиографии в 1929 г. объясняла, что после окончания университета в 1924 г. была направлена в качестве практикантки в РАИМК к Б. В. Фармаковскому. С 1925 по 1927 гг. (время начала аспирантуры) работала в музее Академии художеств [НА ИИМК РАН РО, ф. 2, оп. 3, д. 48, л. 3–5]. Логично предположить, что на обучение Е. И. Леви была направлена именно от Академии.

[13] Трудно согласиться с мнением автора о том, что общественная работа П. Н. Шульца в системе Пролеткульта и ИЗО-самодеятельности, взаимодействие с краеведческим движением была вынужденной. Судя по значительному корпусу источников, отложившемуся в личном фонде ученого в научном архиве Института археологии Крыма РАН, эта сторона деятельности, скорее, наоборот являлась искренним и большим увлечением. Первая запись трудовой книжки П. Н. Шульца: «Заведующий ИЗО-мастерской Ржевского Пролеткульта». Вплоть до середины 1960-х гг. в его творческой работе важное место занимало содействие развитию советского искусства. Что же касается сотрудничества с ржевскими краеведами, такой факт не кажется удивительным в свете первых самостоятельных археологических исследований, проведенных П. Н. Шульцем в районе Тверского Верхневолжья в 1924–1927 гг. Таким образом, пример П. Н. Шульца нельзя считать удачным в доказательстве общественной загруженности аспирантов ГАИМК.

учебную нагрузку (совмещая ее с полевыми изысканиями), участвовал в семинарии по методологии марксизма, практикуме по фотографии и музейной работе, «её обязательным компонентом было изучение иностранных языков, которое в данном случае предполагало чтение и анализ иностранной литературы по теме» [15, с. 185]. Другой аспирант, А. А. Иессен, при поступлении также представил план будущей квалификационной работы, был закреплен за научным руководителем А. А. Миллером, принимал активное участие в полевых исследованиях последнего [2, с. 164]. П. Н. Шульц, С. Н. Замятнин и А. А. Иессен учились вместе, поэтому больших отличий в условиях их аспирантуры быть не может.

По-видимому, истину необходимо искать посередине. Становление института аспирантуры при РАИМК/ГАИМК – важный и практически неизученный аспект. Имеются основания полагать, что в известной мере руководство Академии оказалось неготовым осуществлять подготовку новых специалистов. Следует подчеркнуть: РАИМК/ГАИМК со времени своего создания не мыслилась как образовательное учреждение, таким не служила и её дореволюционная предшественница – Императорская Археологическая комиссия. И хотя в штате Академии было немало специалистов с богатой практикой преподавания в высшей школе, лишь немногие имели опыт администрирования в образовательной сфере. Думается, эффективные модели учебного процесса нередко достигались путем компромиссов между научными наставниками и их учениками. Своевременными оказались характерные для второй половины 1920-х гг. инициативы организации в ведущих образовательных учреждениях страны коллективных форм управления. В таких условиях в ГАИМК начало работу Бюро по подготовке аспирантов. Вслед за решением заседания РАНИОН от 16 декабря 1927 г. правление ГАИМК 2 января 1928 г. утвердило организацию такого Бюро, в которое от аспирантов были избраны С. Н. Замятнин и П. Н. Шульц, от научных сотрудников А. А. Миллер и Н. П. Сычев. Последний подчеркивал: «Бюро является органом академического характера, а одной из ближайших задач бюро является обсуждение вопроса о порядке и формах представления аспирантами научно-исследовательских отчетных работ» [НА ИАК РАН, ф. Л-9, оп. 1, д. 3, л. 16].

Главным образом, Академия истории материальной культуры являлась крупным исследовательским центром. В то время как перед учреждением постоянно возникала необходимость организации археологических работ на всей территории РСФСР, в середине – второй половине 1920-х гг. его научный состав нельзя было назвать обширным. Восполнить недостаток специалистов удавалось за счет обучающихся аспирантуры, чьи частые служебные командировки отражают широкий спектр направлений исследований Академии. С одной стороны, аспиранты получали значительный опыт практической работы. В то же время, формировались коммуникации и формы взаимодействия обучающихся и их наставников, которые нельзя характеризовать в понятиях подчиненности или иерархии. Представляется, что их взаимодействие протекало «на равных»: старшие сотрудники воспринимали молодых как коллег. Это проявилось в активной вовлеченности обучающихся в экспедиционные исследования своих руководителей. Так, П. Н. Шульц в 1924–1927 гг. принимал участие в Верхневолжской палеоэтнологической экспедиции Д. А. Золотарева, в 1928 г. – в Северо-Кавказской экспедиции А. А. Миллера, в 1928–1929 гг. обследует памятники Гдовского и Лужского уездов Ленинградской губернии, в то же время является деятельным сотрудником Ольвийской экспедиции Б. В. Фармаковского. Похожий географический разброс наблюдался в ранней биографии А. А. Иессена (Нахичеванская, Северо-Кавказская и Таманская экспедиции А. А. Миллера (1926 – начало 1930-х гг.)), Волго-Донская экспедиция (1929 г.)) [2, с. 164] и М. И. Артамонова (Верхневолжская палеоэтнологическая (1922 г.), Северо-Кавказская экспедиции).

Важной задачей организованной при ГАИМК аспирантуры стало формирование марксистских кадров. По имеющимся данным, большинство (если не все) аспирантов конца 1920-х гг. являлись активными участниками специального марксистского семинария. О серьезной значимости этого курса для его слушателей сообщает любопытный пассаж из письма П. Н. Шульца к жене от 11 октября 1929 г.: «У нас в Академии неожиданное событие. Сняли с преподавания Плотникова и посадили на его место [Ф. В.] Кипарисова. Разгон нашего

марксистского семинария очень взволновал аспирантов. Кипарисов, по-видимому, не знает, что с нами делать. Он предложил нам читать вместе с ним глава за главой Маркса. Мне при этом вспомнился Михаил Федорович Болтенко. Когда Михаил Илларионович [Артамонов] попытался пожелать, чтобы занятия велись иным путем, Кипарисов грозно заметил: “Ах так, значит, Вы не хотите изучать Маркса.” Вчера Кипарисов открывал свой парт-марксистский семинарий. Было свыше 150 человек. Пришли [Н. П.] Лихачев, [Д. В.] Айналов и др. В президиум семинария среди других избран Г. О. Боровка. Секретарь Марья Александровна [Тиханова]. Кипарисов торжествует, что в семинарии и во главе его такие силы. Мы с Плотниковым думаем организовать в Институте марксизма секцию материальной культуры и продолжить там свои занятия. С Плотниковым поступили по-свински. Ему даже не сообщили о том, что он выставлен. Говорят, что это все сделала Вера Андреевна [Миханкова]» [НА ИАК РАН, ф. Л-9, оп. 2, т. 4, д. 16, л. 12]. В семинарии обсуждались проблемы использования марксистско-ленинского подхода к изучению конкретных вопросов истории материальной культуры. Личные научные интересы аспирантов приобретали правильное идеологическое выражение. Известны названия и краткие тезисы докладов П. Н. Шульца, позволяющие судить о развитии персональной исследовательской траектории на момент последнего года обучения в аспирантуре. В 1929 г. им были сделаны сообщения «Борьба классов и художественных течений в императорском Риме», «О некоторых провинциальных течениях в римской портретной скульптуре», «Некоторые наблюдения над портретной скульптурой Причерноморских музеев» и «Портретная скульптура эпохи Антонинов» [НА ИАК РАН, ф. Л-9, оп. 4, д. 6, л. 4, 7–10].

Если в первый год существования аспирантуры при ГАИМК действительно могли иметь место определенные изъяны – на это в своем отчете 1926–1927 гг., в частности, сетует П. Н. Шульц [27, с. 181], его же отчет следующего года лишен критики организационной составляющей обучения. Среди прочего отмечался выбор конкретной специализации: «Естественно, что главное внимание я уделил изучению культуры греко-римских колоний Северного Побережья Черного моря, в частности Ольвии. При изучении материальной культуры Ольвии, Херсонеса, Пантикапея меня, прежде всего, интересовал вопрос взаимоотношения и взаимодействия между импортной завозной и туземной культурой. Это взаимодействие с чрезвычайной яркостью прослеживается на местном Ольвийском керамическом производстве, изучению которого я уделил специальное внимание» [5, с. 26]. Увлечение не было случайным. Во все времена в становлении молодого специалиста ключевое значение имел научный наставник. В ходе ученого формирования П. Н. Шульца таких было два. В 1926 г. П. Н. Шульц впервые попал на раскопки Ольвии, единственный и последний раз работал в поле под непосредственным руководством Б. В. Фармаковского. Здесь он прошел высококлассную школу практической археологии и продолжил оттачивание навыков в последующие годы, но уже в другой обстановке. Как известно, с 1927 г. управлением Ольвийской экспедиции занимался Ученый совет. Летом 1928 г. вся советская античная археология понесла большую потерю – Б. В. Фармаковский ушел из жизни. П. Н. Шульц лишился своего руководителя. Эта перемена, безусловно, повлияла на линию профессионального развития молодого археолога. Вместе с тем, еще до аспирантуры в ГАИМК, два года он работал[14] в Отделе древностей Государственного Эрмитажа, под началом О. Ф. Вальдгауэра занимался искусствоведческими изысканиями. Результаты наставничества выразились в том, что к времени окончания своего обучения в аспирантуре П. Н. Шульц готовил именно искусствоведческое исследование. В 1929 г. из печати вышли два сборника научных работ: «Античный портрет», приуроченный к 25-летию научной деятельности О. Ф. Вальдгауэра и «Сборник», подготовленный Бюро по делам аспирантов ГАИМК [12]. Среда авторов последнего были преимущественно ученики А. А. Миллера (А. А. Иессен, М. И. Артамонов) и Н. П. Сычева (Л. А. Динцес, Г. Ф. Корзухина-Воронина, Н. Н. Воронин, В. А. Богусевич). В то время как итоговое сочинение П. Н. Шульца оказалось помещено на страницах юбилейного сборника

[14] Уход по собственному желанию не мотивирован ни в одной известной автобиографии П. Н. Шульца. Вероятно, главной причиной оказалось стремление получить высшую квалификацию. Как известно, Эрмитаж не готовил аспирантов.

в честь О. Ф. Вальдгауэра и называлось «Одно из течений в портретной скульптуре Антониновской эпохи» [35].

Все вышесказанное убеждает в том, что П. Н. Шульц в 1920-е гг. целенаправленно формировался как историк искусства. В пользу этого свидетельствует четкая образовательная траектория: выбор литературно-художественного отделения ФОН Петроградского университета, опыт приобретения высшей квалификации в РИИИ, два года службы в Эрмитаже, наконец, итоговое сочинение в аспирантуре ГАИМК. Выяснение этой истины немаловажно в контексте общего понимания дальнейшей научной карьеры ученого. Искусствоведческая специализация в 1920-е гг. объясняет увлечение П. Н. Шульца в 1930-е гг. проблематикой скифо-сарматской монументальной скульптуры, а затем постепенное переключение на преемственную тему образования скифского государства в Крыму, блестяще разработанную им в 1940–1950-е гг.[15] Неудивительным покажется факт: 17 из 52 известных печатных работ П. Н. Шульца имеют сугубо искусствоведческую направленность. Эти выводы ни в коей мере не умаляют значимости вклада ученого в археологии. Просто это другая страница его деятельности.

***

В заключение хотелось бы опубликовать строки письма отца П. Н. Шульца Николая Павловича, в которых так емко и рельефно охарактеризованы первые четверть века жизни сына:

«5/18 октября 1926 г.

Лызлово. Ржев. Советская ул., 28.

Милый Павлуша

Поздравляю Тебя с наступающим днем ¼ векового юбилея Твоего существования на свете. Кажется Тебе можно пожелать в дальнейшей жизни такой же счастливой обстановки и такой же удачи, какими Ты пользовался до сих пор; так как несмотря на довольно трудную и тяжелую эпоху, в которую Тебе пришлось начинать свою деятельность, несмотря на Твои болезни, которые служили известным тормозом, задерживающим нормальное течение твоей жизни, а главное, служащие постоянной угрозой, Ты кажется был доволен своей судьбой, умел достигнуть того, чего хочешь, и удовлетворялся той обстановкой, в которой Тебе приходилось жить, несмотря на известные беспорядки и лишения. Да и правда Тебе пришлось вырасти в светлой семейной обстановке, где все члены были связаны взаимной дружбой и любовью, что теперь нечасто встречается; найти себе род деятельности, который соответствует вполне Твоим силам, способностям и вкусам, и в общем приятный той обстановке, в которой приходится работать, что сейчас еще реже достигается; и, наконец, нашел человека[16], с которым Ты связал свою жизнь. О результатах этого шага сейчас еще с уверенностью судить трудно, но от него зависит главным образом Твое дальнейшее счастье. Потому, прежде всего желаю Тебе и Люсе здоровья и семейного счастья; в успехе Твоей научной деятельности я почти не сомневаюсь, хотя, по правде, и не жду от нее чего-нибудь особенно ценного; что же касается материального благосостояния, то при наличии всего прочего, оно имеет второстепенное значение, и, при наличии Вашего благоразумия, оно скоро достигнет известного необходимого минимума, а максимума оно все равно не достигнет, так как ни в Ваших личных качествах, ни в той обстановке, в которой Вам приходится жить и работать, для этого никаких решительно данных» [НА ИАК РАН, ф. Л-9, оп. 2, т. 1, д. 63, л. 21].

[15] В 1934 г. в ГАИМК П. Н. Шульц защитил работу «Монументальная скульптура скифо-сарматского общества», в которой предметы искусства рассматривались как специфический источник реконструкции социально-экономических процессов в Северном Причерноморье в раннем железном веке. Отдельные выводы натолкнули ученого на мысль о возможности применения такой методики в изучении вопроса о генезисе скифского государства в Крыму.

[16] В 1925 г. П. Н. Шульц женился на В. А. Головкиной (1903–1993).

Приложение 1

[ЦГА СПб, ф. Р-7240, оп. 2, д. 4048, л. 42]

Приложение к свидетельству об окончании училища

Успѣхи его следующіе	
Въ Законѣ Божіемъ	—
“ русскомъ языкѣ и словесности	Пять (5)
“ французскомъ языкѣ	Пять (5)
“ нѣмецкомъ языкѣ	Пять (5)
“ англійскомъ языкѣ	—
“ исторіи	Пять (5)
“ географіи	Четыре (4)
“ математикѣ, а именно:	
въ арифметикѣ	Четыре (4)
“ алгебрѣ	Четыре (4)
“ геометріи	Четыре (4)
“ тригонометріи	Четыре (4)
“ аналитической геометріи и анализѣ	—
“ естествовѣдѣніи	Пять (5)
“ физикѣ	Четыре (4)
“ химіи	Пять (5)
“ космографіи	Пять (5)
“ коммерческой арифметикѣ	Четыре (4)
“ бухгалтеріи	Четыре (4)
“ коммерческой корреспонденціи	—
“ политической экономіи	—
“ законоведеніи	Четыре (4)
“ товароведеніи	—
“ коммерческой географіи	—
“ рисованіи, черченіи и лѣпкѣ	Пять (5)
“ психологіи	Пять (5)
“ латинскомъ языкѣ	Четыре (4)

Сверхъ того обучался пению, ручному труду и физическимъ упражненіямъ

Приложение 2

[ЦГА СПб, ф. Р-7240, оп. 2, д. 4048, л. 44–44 об.]

«Заявление

Ввиду того, что сколько мне представляется, я целиком подхожу под нормы для зачисления на стипендии установленные Главпрофобром (п 7 пункт в) убедительно прошу стипендиальную комиссию пересмотреть мою анкету и зачислить меня на стипендию по университету.

Как указано в анкете, родители мои живут в провинции, где отец учительствует и разумеется не имеет достаточных средств, чтобы помочь мне. Приехав в Петроград, я сразу же всецело был предоставлен самому себе. Средства я изыскивал до последних месяцев государственным снабжением и отчасти грузкой в порту. Ныне, не имея поддержки от государства, я нахожусь в безвыходно тяжелом материальном положении. Грузка пагубно отразилась на занятиях и здоровье, не является постоянным средством заработка и всегда может прекратиться на зиму.

Комиссией по перерегистрации я зачислен на 3 курс и должен закончить университет к 1 июня 1923 г. Для окончания мне необходима напряженная экзаменационная работа. Должен заметить, что занятия в Университете я начал фактически лишь в октябре 1920 г. В 1918–1919 гг. мной работа в Университете почти не велась. Я имел лишь один семинарский зачет.

Фактически я кончаю университет в три года. Что касается моей академической работы, я смело могу сказать, что являюсь одним из активнейших, если не самых активных студентов ЛХО. С первых же лет учебной работы я уяснил свои профессиональные интересы и призвание и уже третий год специализируюсь по кафедре древнего искусства под ближайшим руководством проф. Вальдгауэра О. Ф. и Б. В. Фармаковского.

Не ограничиваясь специализацией, я работаю по западно-европейскому искусству под руководством проф. Д. А. Шмидта. Под руководством проф. О. Ф. Вальдгауэра я пишу сочинение «Эволюция форм в античной сидящей статуе». По различным семинариям Университета мной написан ряд рефератов. Кроме того я веду и самостоятельные исследования, каковые частично предполагаю доложить в кружке истории и теории искусств Университета, и готовлю к печати исследования о современном искусстве.

В случае надобности могу предоставить подробный отчет о своей академической работе, заверенной профессорами. Все изложенное заставляет меня вторично обращаться с просьбой о предоставлении стипендии.

Отказ в поддержке помимо безвыходного материального кризиса не позволит мне к сроку закончить Университет, что грозит исключением и полным крушением моих планов на будущее. Зачисление на стипендию позволит к сроку выполнить возложенные на меня требования и уже целиком отдаться применению моих сил и знаний в научном строительстве Государства».

Приложение 3

[ЦГА СПб, ф. Р-7240, оп. 2, д. 4048, л. 47–49]

Отзывы научных наставников П.Н. Шульца

Студент П. Н. Шульц все время учебы работает под моим руководством, изучает античное искусство. Им выполнена большая работа о дельфийской статуе «Возницы», – очень важном памятнике, бросающем свет на всю эпоху около 460 г. до р. Хр. Ныне П. Н. Шульц выполняет работу по этрусскому искусству и по древностям Александрии (вопрос об архитектуре «Фароса» и влияние ее в архитектуре башнеобразных сооружений последующих эпох. П. Н. Шульц в высокой степени усердный и талантливый работник и принадлежит к тому ряду слушателей, которых должно считать повышенной активности. Возможность П. Н. Шульцу заниматься, представляется с назначением ему стипендии, так как из него, вне сомнений, вырастет видный деятель в области истории искусств.

27.11.1922. Б. В. Фармаковский.

Сим удостоверяю, что студент Петроградского Университета приема 1918 г. Павел Николаевич Шульц занимался под моим руководством по истории западно-европейского искусства в течение 1921/22 ак. года и продолжает эти занятия в текущем ак. году, причем, проявляя большое усердие и обнаружил весьма удовлетворительные успехи, что свидетельствует о том, что он подает нерядовые надежды для будущего и что ему следует всякого рода поощрение и поддержку, как в научном, так и в материальном положении.

20.11.1922. Д. А. Шмидт.

Студент Павел Николаевич Шульц занимался под моим руководством в течение двух лет и обнаружил не только выдающиеся способности, но и усердие в занятиях. Представленные им работы, как и «Дельфийская Возница» и др. после некоторой переработки будут напечатаны и составят вклад в науку. Поэтому прошу не отказать в представлении П. Н. Шульцу стипендии.

08.11.1922. О. Ф. Вальдгауэр.

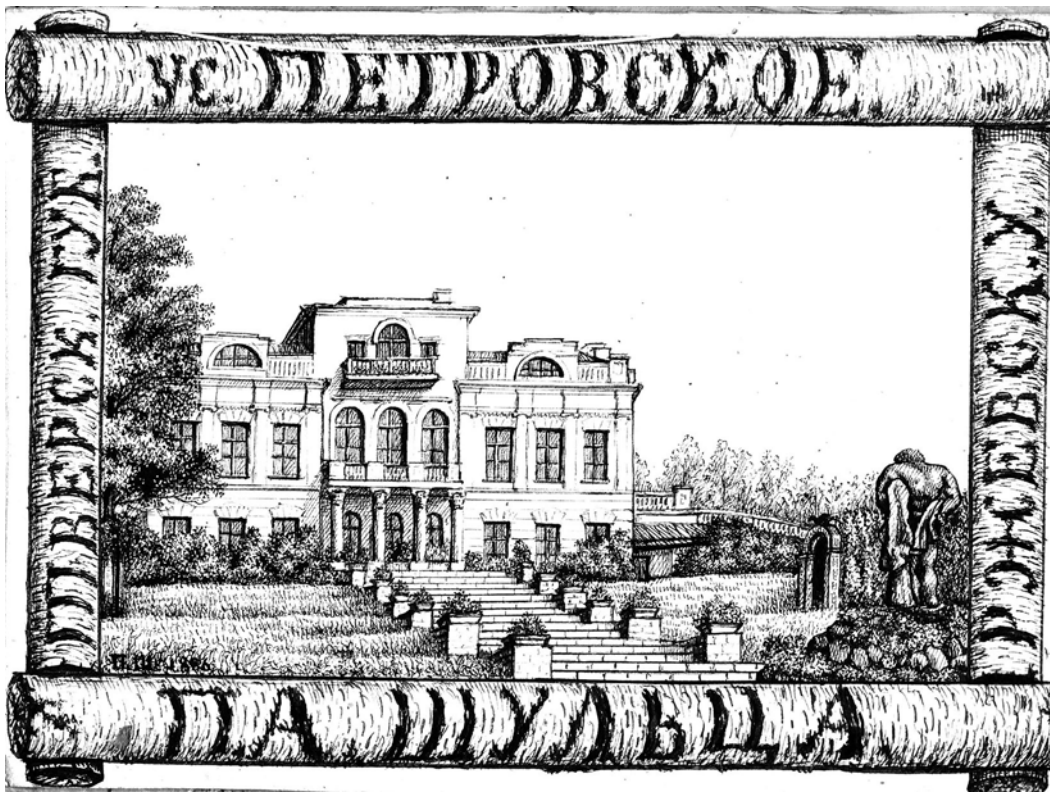
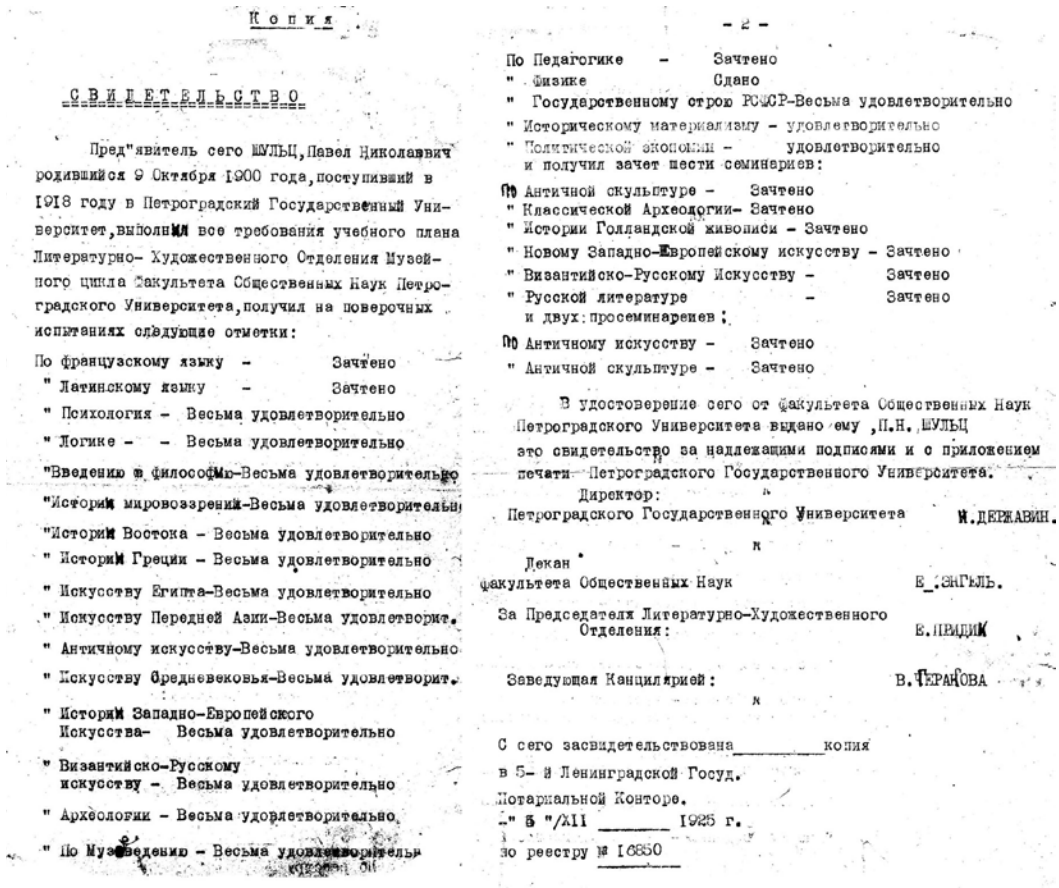


Рис. 1. Гравюра с изображением усадьбы семьи Шульцев в с. Петровское Ржевского уезда [НА ИАК РАН, ф. Л-9, оп. 1, д. 3, л. 1]

Рис. 2. Фото П. Н. Шульца из личного дела студента Петроградского университета [ЦГА СПб, ф. Р-7240, оп. 2, д. 4048, л. 1об.]



Копия.

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Пред"явитель сего ШУЛЬЦ, Павел Николаевич родившийся 9 Октября 1900 года, поступивший в 1918 году в Петроградский Государственный Университет, выполнил все требования учебного плана Литературно- Художественного Отделения Музейного цикла Факультета Общественных Наук Петроградского Университета, получил на поверочных испытаниях следующие отметки:

По французскому языку – Зачтено
" Латинскому языку – Зачтено
" Психология – Весьма удовлетворительно
" Логике – – Весьма удовлетворительно
"Введению в философию-Весьма удовлетворительно
"Истории мировоззрений-Весьма удовлетворительно
"Истории Востока – Весьма удовлетворительно
" Истории Греции – Весьма удовлетворительно
" Искусству Египта-Весьма удовлетворительно
" Искусству Передней Азии-Весьма удовлетворит.
" Античному искусству-Весьма удовлетворительно
" Искусству Средневековья-Весьма удовлетворит.
" Истории Западно-Европейского Искусства- Весьма удовлетворительно
" Византийско-Русскому искусству – Весьма удовлетворительно
" Археологии – Весьма удовлетворительно
" По Музееведению – Весьма удовлетворительно

– 2 –

По Педагогике – Зачтено
" Физике Сдано
" Государственному строю РСФСР-Весьма удовлетворительно
" Историческому материализму – удовлетворительно
" Политической экономии – удовлетворительно
и получил зачет шести семинариев:

По Античной скульптуре – Зачтено
" Классической Археологии- Зачтено
" Истории Голландской живописи – Зачтено
" Новому Западно-Европейскому искусству – Зачтено
" Византийско-Русскому Искусству – Зачтено
" Русской литературе – Зачтено
и двух: просеминариев;

По Античному искусству – Зачтено
" Античной скульптуре – Зачтено

В удостоверение сего от Факультета Общественных Наук Петроградского Университета выдано ему, П.Н. ШУЛЬЦ это свидетельство за надлежащими подписями и с приложением печати Петроградского Государственного Университета.

Директор: Петроградского Государственного Университета И.ДЕРЖАВИН.

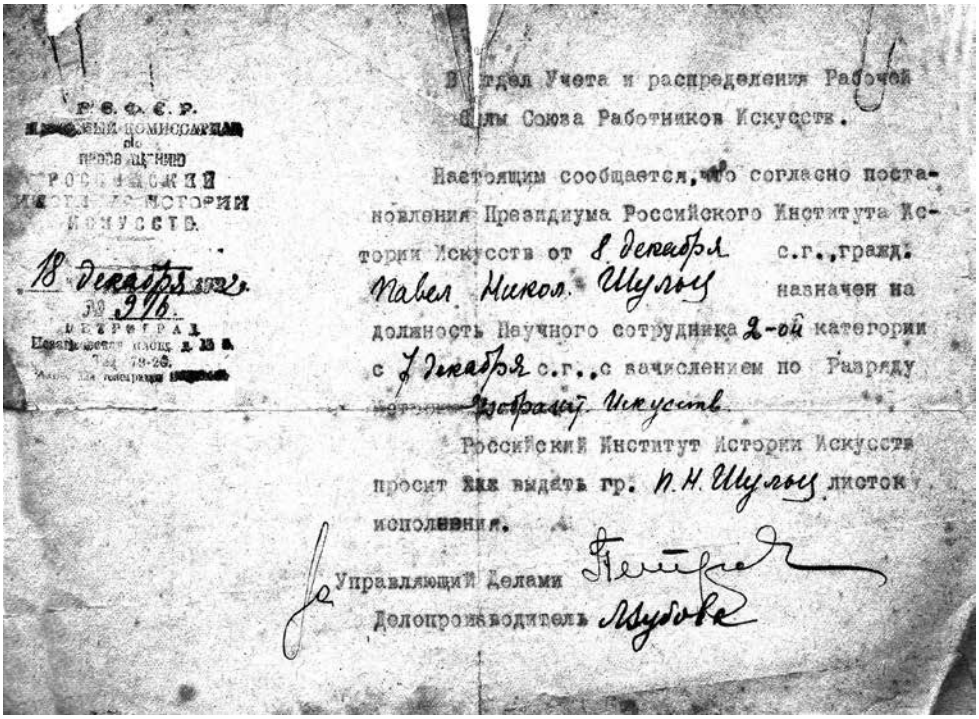
Декан факультета Общественных Наук Е. ЗАГЕЛЬ.

За Председателя Литературно-Художественного Отделения: Е.ПРИДИК

Заведующая Канцелярией: В.ЧЕРАНОВА

С сего засвидетельствована копия в 5- й Ленинградской Госуд. Нотариальной Конторе. "5"/XII 1925 г. по реестру № 16850

Рис. 3. Копия свидетельства П. Н. Шульца об окончании ЛХО ФОН Петроградского университета [НА ИАК РАН, ф. Л-9, оп. 1, д. 3, л. 12]



Р. С. Ф. С. Р.
[illegible] КОМИССАРИАТ
по
[illegible] ПРОСВЕЩЕНИЮ
РОССИЙСКИЙ
[illegible] ИСТОРИИ
ИСКУССТВ.
18 декабря [illegible] г.
№ 396.
ПЕТРОГРАД.
[illegible] д. 13 а.
Тел. 78-26.

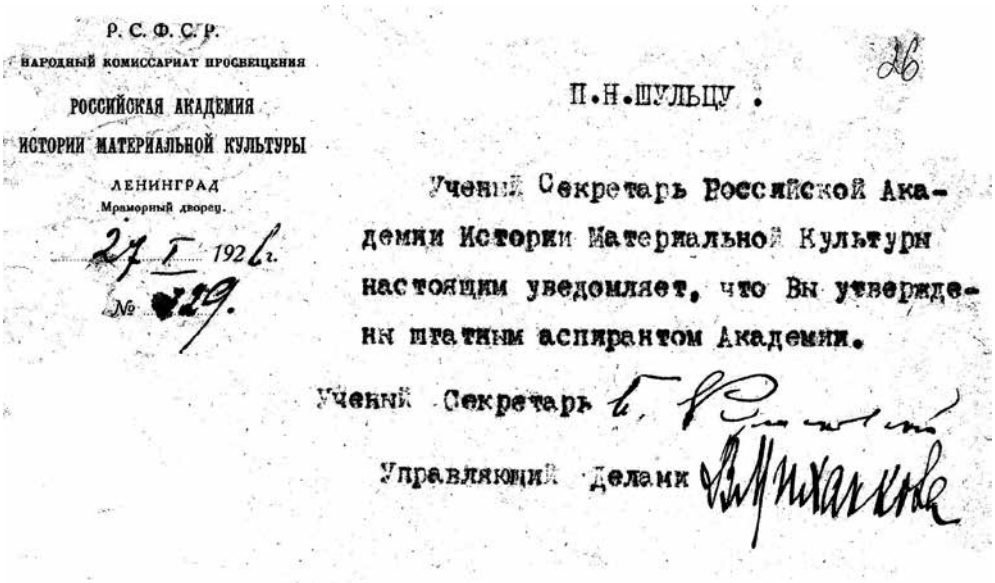
Отдел Учета и распределения Рабочей
Силы Союза Работников Искусств.

Настоящим сообщается, что согласно постановления Президиума Российского Института Истории Искусств от 8 декабря с.г., гражд. Павел Никол. Шульц назначен на должность Научного сотрудника 2-ой категории с 1 декабря с.г., с вачислением по Разряду [illegible] Искусств.

Российский Институт Истории Искусств просит Вас выдать гр. П.Н. Шульцу листок исполнения.

Управляющий Делами [illegible]
Делопроизводитель [illegible]

Рис. 4. Удостоверения П. Н. Шульца сотрудника II категории РИИИ
[НА ИАК РАН, ф. Л-9, оп. 1, д. 3, л. 16]



Р. С. Ф. С. Р.
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ПРОСВЕЩЕНИЯ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ
ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ЛЕНИНГРАД
Мраморный дворец.
27 I 192[illegible] г.
№ 129.

26

П.Н.ШУЛЬЦУ.

Ученый Секретарь Российской Академии Истории Материальной Культуры настоящим уведомляет, что Вы утверждены штатным аспирантом Академии.

Ученый Секретарь [illegible]
Управляющий Делами [illegible]

Рис. 5. Уведомление о принятии П. Н. Шульца в число штатных аспирантов РАИМК
[НА ИАК РАН, ф. Л-9, оп. 1, д. 3, л. 26]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. 2 августа. Декрет о правилах приема в высшие учебные заведения РСФСР // Проект, с подписью В.И. Ленина после утверждения в СНК; пометки: Н.П. Горбунова – редакция т. Покровского и другой рукой – пр. 170, п. 3. Архив, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 6798, л. 2. Декрет: Подлинник; пометка: Протокол 170, пункт 3-й. Архив, там же, л. 1. «Известия» № 166, 6 августа; «Собрание Узаконений» № 57, ст. 632; «Известия» № 165, 4 августа (сообщение). URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/12389-2-avgusta-dekret-o-pravilah-priema-v-vysshie-uchebnye-zavedeniya-rsfsr#mode/inspect/page/4/zoom/4 (дата обращения 20.09.2025).
2. Алекшин В.А. А.А. Иессен – выдающийся исследователь древностей Кавказа // Записки ИИМК. 2017. № 16. С. 160–172.
3. Ананьев В.Г. Институт истории искусств и пригородные дворцы-музеи в 1920-е годы // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2014. № 3. С. 128–144.
4. Ананьев В.Г. «Барчуки из института Зубова» и «первое возрождение» Петергофа: К истории музейной практики Института истории искусств 1924 г. // Петербургский исторический журнал. 2018. № 2 (18). С. 231–241.
5. Чемодуров Н.Н., Власов В.П., Денисенко Н.Д. Античное поселение Варваровка I в Нижнем Побужье: материалы раскопок 1938–1939 гг. СПб., Симферополь: ИИМК РАН, Институт археологии Крыма РАН, 2023. 344 с. (Археологические памятники Северного Причерноморья).
6. Археологические разведки на полуострове Тарханкут / под ред. Т.Н. Смекаловой. Симферополь: Доля, 2010. 179 с.
7. Басюк В.С., Краснощеков Н.А. Особенности организации подготовки научных и научно-педагогических кадров в России: исторический опыт и современное состояние // Вестник Московского университета. Серия 20: Педагогическое образование. 2023. Т. 21, № 4. С. 7–42.
8. Беляев С.А. Памяти Григория Дмитриевича Белова // СА. 1982. № 1. С. 299–300.
9. Виноградов Ю.А. Памяти В.Ф. Гайдукевича // Боспорские исследования. 2006. Вып. XIII. С. 3–15.
10. Виноградов Ю.А. Елена Ивановна Леви (1903–1996) (по поводу 110-й годовщины со дня рождения) // Записки ИИМК. 2014. № 9. С. 187–196.
11. Виноградов Ю.А. А.Н. Карасёв. К 120-летию со дня рождения // Археологические вести. 2021. № 33. С. 236–244.
12. Государственная Академия истории материальной культуры им. Н.Я. Марра (Ленинград). Бюро по делам аспирантов. Сборник. Т. 1. Л.: Гос. акад. матер. культуры, 1929. 106 с.
13. Ермошко А.Г. Изменение социального облика студенчества Петроградского/Ленинградского университета в первые годы советской власти (1917–1925) // Вестник Пермского университета. История. 2011. № 2(16). С. 137–144.
14. Жебелёв С.А. Учёные степени в их прошлом, возрождение их в настоящем и грозящая опасность их вырождения в будущем // Очерки истории отечественной археологии. Вып. III. М.: ИА РАН, 2002. С. 146–194.
15. Захарова Е.Ю., Пахомов Р.В. Сергей Николаевич Замятнин – аспирант ГАИМК (по материалам архива ВОКМ) // Археология Евразийских степей. 2021. № 5. С. 175–182
16. Калачева О.В. Формирование индивидуальной и коллективной идентичности в контексте неофициального праздника (на примере празднования Дня рождения в России советского и постсоветского периодов): Автореф. дисс. … канд. социологич. наук. М., 2003. 22 с.
17. Килячина А.И. Спорные вопросы в анализе идей доступности образования в России в начале XX века // Национальное единство и региональное многообразие историко-педагогических интерпретаций прошлого и настоящего в развитии педагогической науки, системы образования и семьи: Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции – XXXVII сессии Научного совета по проблемам истории образования и педагогической науки при отделении философии образования и теоретической педагогики РАО, Калуга, 26–28 сентября 2024 года. Калуга, 2024. С. 325–332.
18. Кузьмина О.М. Археолог и исследователь П.Н. Шульц: страница истории Ржевского Верхневолжья // Родная словесность в современном культурном и образовательном пространстве: Сборник научных трудов / Под ред. Е.Г. Милюгиной. Вып. 10 (16). Тверь: Тверской гос. ун-т, 2021. С. 122–128.
19. Кумпан К.А. Институт истории искусств на рубеже 1920–1930-х годов // Конец институций культуры двадцатых годов в Ленинграде: По архивным материалам. М.: Редакция журнала «Новое литературное обозрение», 2014. С. 8–128.
20. Мерешкова З.И. Методы исследования экспериментальной педагогики (начало XX–го века) // Lingua-Universum. 2010. № 3. С. 70–75.
21. Михайлов К.А. Михаил Константинович Каргер (1903–1976): Биографические очерки. СПб.: ИИМК РАН, 2023. 114 с.
22. Нессельштраус Ц.Г. Павел Николаевич Шульц (1900–1983) // К юбилею факультета теории и истории искусств Института имени И.Е. Репина. 75 лет: Сб. науч. трудов. СПб., 2012. С. 1101.

23. Никуленкова Е.В., Скворцов В.Н. Поиски новых форм подготовки научных кадров в Советской России в 1920-е гг. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2016. № 4–2. С. 21–30.
24. Новиков А.Ф. По поводу Российского Института истории искусств: письмо к Ф.Н. Петрову 6 декабря 1923 г. // Литературное наследство. 1970. Т. 82. С. 61–62.
25. Платонова Н.И., Бондарева В.В., Жервэ Н.Н., Титова А.А. «В археологию ворвался, как Метеор…»: В.И. Равдоникас и его деятельность на начальном этапе // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре: в 3-х томах, Самара, 01–02 октября 2020 года. Том III. Самара: Самарский гос. социально-педагогический ун-т, 2020. С. 149–151.
26. Рыжов А.Н. К вопросу о доступности среднего и высшего образования в Российской империи в начале XX в. // Источники исследования о педагогическом прошлом: интерпретация проблем и проблемы интерпретации: Сборник научных трудов международной научно-практической конференции, Москва, 20–21 сентября 2019 года. М.: Московский педагогический гос. ун-т, 2019. С. 517–532.
27. Скворцов А.М. Подготовка кадров высшей квалификации по античной истории в СССР 1920-х – начале 1930-х гг. // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2016. № 2. С. 177–184.
28. Скворцов А.М. От научных сотрудников II разряда к аспирантам: подготовка кадров высшей квалификации по медиевистике в Ленинграде (1920–1930-е гг.) // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2023. Т. 10, № 4(40). С. 59–65.
29. Смекалова Т.Н., Кутайсов В.А. Археологический атлас Северо-Западного Крыма. Эпоха поздней бронзы. Ранний железный век. Античность. СПб.: Алетейя, 2017. 448 с. (Археологические атласы Северного Причерноморья. Вып. 2).
30. Спицын А.А. Археологические раскопки / Имп. Археол. комис. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1910. 125 с.
31. Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете: Историографические очерки. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. 332 с.
32. Тихонов И.Л. Археологическое образование в российских университетах в 1920-е годы // Очерки истории Отечественной археологии. Вып. V. М.: ИА РАН, 2019. С. 361–379.
33. Тункина И.В. Из научного наследия: Записка о присуждении учёных степеней С.А. Жебелёва. Предисловие публикатора // Очерки истории отечественной археологии. Вып. III. М.: ИА РАН, 2002. С. 142–145.
34. Устав Коммерческого училища Общества экспериментальной педагогики в С.-Петербурге: [Утв. 4 февр. 1913 г.]. СПб., 1913. 24 с.
35. Шульц П.Н. Одной из течений в портретной скульптуре Антониновской эпохи // Античный портрет. Л.: Изд. ГИИИ, 1929. С. 94–106.
36. Щеглов А.Н. Памяти Павла Николаевича Шульца // СА. 1984. № 3. С. 285–287.
37. Юрочкин В.Ю. “Славянский вопрос” и академическая археология в послевоенном Крыму. К 120-летию Павла Николаевича Шульца (1901–1983 гг.) // РА. 2021. № 4. С. 191–201.
38. Юрочкин В.Ю. Крымская сессия 1952 г. – рубежное событие в крымской археологии // ПИФК. 2024. № 3(85). С. 272–284.

REFERENCES

1. *August 2nd. Decree on the rules of admission to higher educational institutions of the RSFSR*. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/12389-2-avgusta-dekret-o-pravilah-priema-v-vysshie-uchebnye-zavedeniya-rsfsr#mode/inspect/page/4/zoom/4.
2. Alekshin V.A. A.A. Iessen – is an outstanding researcher of the antiquities of the Caucasus. *Zapiski Instituta istorii material'noi kul'tury* [Notes of the Institute of the History of Material Culture], 2017, no. 16, pp. 160–172.
3. Ananyev V.G. Institute of Art History and suburban palaces-museums in the 1920s. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriia* [Bulletin of St. Petersburg University. History], 2014, no. 3, pp. 128–144.
4. Ananyev V.G. “Barchuki from the Zubov Institute” and the “first renaissance” of Peterhof: Towards the history of museum practice at the Institute of Art History in 1924. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal* [St. Petersburg Historical Journal], 2018, no. 2 (18), pp. 231–241.
5. Chemodurov N.N., Vlasov V.P., Denisenko N.D. *Antichnoe poselenie Varvarovka I v Nizhnem Pobuzh'e: materialy raskopok 1938–1939 gg.* [Antique settlement Varvarovka I in the Lower Bug region: materials of excavations in 1938–1939]. St. Petersburg, Simferopol: Institute of the History of Material Culture of RAS, Institute of Archeology of the Crimea of RAS Publ., 2023, 344 p. (Archaeological sites of the Northern Black Sea region)
6. Smekalova T.N. (Ed.). *Arkheologicheskie razvedki na poluostrove Tarkhankut* [Archaeological exploration on the Tarkhankut peninsula]. Simferopol: Dolya Publ., 2010, 179 p.
7. Basyuk V.S., Krasnoshchekov N.A. Features of the organization of the training of scientific and scientific-pedagogical personnel in Russia: historical experience and current state. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 20: Pedagogicheskoe obrazovanie* [Bulletin of the Moscow University. Series 20: Teacher education], 2023, vol. 21, no. 4, pp. 7–42.

8. Belyaev S.A. In memory of Grigory Dmitrievich Belov. *Sovetskaia arkheologiia* [Soviet Archaeology], 1982, no. 1, pp. 299–300.
9. Vinogradov Yu.A. In memory of V.F. Gaidukevich. *Bosporskie issledovaniia* [Bosporos Studies], 2006, vol. 13, pp. 3–15.
10. Vinogradov Yu.A. Elena Ivanovna Levi (1903–1996) (on the occasion of the 110th anniversary of his birth). *Zapiski Instituta istorii material'noi kul'tury* [Notes of the Institute of the History of Material Culture], 2014, no. 9, pp. 187–196.
11. Vinogradov Yu.A. A.N. Karasev. On the 120th anniversary of his birth. *Arkheologicheskie vesti* [Archaeological news], 2021, no. 33, pp. 236–244.
12. *Gosudarstvennaia Akademiia istorii material'noi kul'tury im. N.Ia. Marra (Leningrad). Biuro po delam aspirantov. Sbornik* [Marr State Academy of the History of Material Culture (Leningrad). Bureau for Postgraduate Students. Collection]. Vol. 1. Leningrad, 1929, 106 p.
13. Ermoshko A.G. Changing the social appearance of students at Petrograd/Leningrad University in the early years of Soviet power (1917–1925). *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriia* [Bulletin of Perm University. History], 2011, no. 2(16), pp. 137–144.
14. Zhebelev S.A. Academic degrees in their past, their revival in the present and the looming danger of their degeneration in the future. *Ocherki istorii otechestvennoi arkheologii* [Essays on the history of Russian archeology]. Vol. III. Moscow, Institute of Archaeology RAS Publ., 2002, pp. 146–194.
15. Zakharova E.Yu., Pakhomov R.V. Sergey Nikolaevich Zamyatnin — postgraduate student at GAIMK (based on the materials of the VOKM archive). *Arkheologiia Evraziiskikh stepei* [Archeology of the Eurasian Steppes], 2021, no. 5, pp. 175–182.
16. Kalacheva O.V. *Formirovanie individual'noi i kollektivnoi identichnosti v kontekste neofitsial'nogo prazdnika (na primere prazdnovaniia Dnia rozhdeniia v Rossii sovetskogo i postsovetskogo periodov)* [Formation of individual and collective identity in the context of an unofficial holiday (on the example of birthday celebrations in Russia of the Soviet and post-Soviet periods)]. Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Sociological Sciences. Moscow, 2003, 22 p.
17. Kilyachina A.I. Controversial issues in the analysis of the ideas of accessibility of education in Russia at the beginning of the 20th century. *Natsional'noe edinstvo i regional'noe mnogoobrazie istoriko-pedagogicheskikh interpretatsii proshlogo i nastoiashchego v razvitii pedagogicheskoi nauki, sistemy obrazovaniia i sem'i: Sbornik nauchnykh trudov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii – XXXXVII sessii Nauchnogo soveta po problemam istorii obrazovaniia i pedagogicheskoi nauki pri otdelenii filosofii obrazovaniia i teoreticheskoi pedagogiki RAO, Kaluga, 26–28 sentiabria 2024 goda* [National unity and regional diversity of historical and pedagogical interpretations of the past and present in the development of pedagogical science, the education system and the family: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference – XXXXVII session of the Scientific Council on the History of Education and Pedagogical Science at the Department of Philosophy of Education and Theoretical Pedagogy of the Russian Academy of Education, Kaluga, September 26–28, 2024], Kaluga, 2024, pp. 325–332.
18. Kuzmina O.M. Archaeologist and researcher P.N. Schultz: a page in the history of the Rzhev Upper Volga region. E.G. Milyugina (ed.), *Rodnaia slovesnost' v sovremennom kul'turnom i obrazovatel'nom prostranstve: Sbornik nauchnykh trudov* [Native literature in the modern cultural and educational space: Collection of scientific papers]. Vol. 10 (16). Tver, Tver State University Publ., 2021, pp. 122–128.
19. Kumpan K.A. Institute of Art History at the turn of the 1920s–1930s. *Konets institutsii kul'tury dvadtsatykh godov v Leningrade: Po arkhivnym materialam* [The end of cultural institutions of the twenties in Leningrad: Based on archival materials]. Moscow, Editorial Office of the journal "New Literary Review", 2014, pp. 8–128.
20. Mereshkova Z.I. Research methods of experimental pedagogy (the beginning of the 20th century). *Lingua-Universum*, 2010, no. 3, pp. 70–75.
21. Mikhailov K.A. *Mikhail Konstantinovich Karger (1903–1976): Biograficheskie ocherki* [Mikhail Konstantinovich Karger (1903–1976): Biographical essays]. St. Petersburg, Institute of the History of Material Culture RAS Publ., 2023, 114 p.
22. Nesselstrauss Ts.G. Pavel Nikolaevich Schultz (1900–1983). *K iubileiu fakul'teta teorii i istorii iskusstv Instituta imeni I.E. Repina. 75 let* [On the anniversary of the Faculty of Theory and Art History of the I.E. Repin Institute. 75 years]. St. Petersburg, 2012, p. 1101.
23. Nikulenkova E.V., Skvortsov V.N. The search for new forms of scientific personnel training in Soviet Russia in the 1920s. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* [Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin], 2016, no. 4–2, pp. 21–30.
24. Novikov A.F. Concerning the Russian Institute of Art History: a letter to F.N. Petrov on December 6, 1923. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage], 1970, vol. 82, pp. 61–62.
25. Platonova N.I., Bondareva V.V., Gervais N.N., Titova A.A. "He burst into archaeology like a Meteor...": V.I. Ravdonikas and his activities at the initial stage. *Trudy VI (XXII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Samare, Samara, 01–02 oktiabria 2020 goda* [Proceedings of the sixth (XXII) All-Russian Archaeological

Congress in Samara, Samara, October 01–02, 2020]. Vol. III. Samara, Samara State Socio-Pedagogical University Publ., 2020, pp. 149–151.
26. Ryzhov A.N. On the issue of accessibility of secondary and higher education in the Russian Empire at the beginning of the 20th century. *Istochniki issledovaniia o pedagogicheskom proshlom: interpretatsiia problem i problemy interpretatsii: Sbornik nauchnykh trudov mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Moskva, 20–21 sentiabria 2019 goda* [Sources of research on the pedagogical past: interpretation of problems and problems of interpretation: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Moscow, September 20–21, 2019], Moscow, Moscow Pedagogical State University Publ., 2019, pp. 517–532.
27. Skvortsov A.M. Training of highly qualified personnel in ancient history in the USSR in the 1920s – early 1930s. *Magistra Vitae: elektronnyi zhurnal po istoricheskim naukam i arkheologii* [Magistra Vitae: an electronic journal of historical sciences and archeology], 2016, no. 2, pp. 177–184.
28. Skvortsov A.M. From second-class researchers to postgraduates: training highly qualified personnel in medieval studies in Leningrad (1920–1930s). *Vestnik Omskogo universiteta. Seriia: Istoricheskie nauki* [Bulletin of Omsk University. Series: Historical Sciences], 2023, vol. 10, no. 4(40), pp. 59–65.
29. Smekalova T.N., Kutaisov V.A. *Arkheologicheskii atlas Severo-Zapadnogo Kryma. Epokha pozdnei bronzy. Rannii zheleznyi vek. Antichnost'* [Archaeological atlas of the North-Western Crimea. The Late Bronze Age. The Early Iron Age. Antiquity]. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2017, 448 p. (Archaeological Atlases of the Northern Black Sea region, vol. 2).
30. Spitsyn A.A. *Arkheologicheskie raskopki* [Archaeological excavations]. St. Petersburg, R. Golike and A. Vilborg Publ., 1910, 125 p.
31. Tikhonov I.L. *Arkheologiia v Sankt-Peterburgskom universitete: Istoriograficheskie ocherki* [Archeology at St. Petersburg University: Historiographical essays]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2003, 332 p.
32. Tikhonov I.L. Archaeological education in Russian universities in the 1920s. *Ocherki istorii Otechestvennoi arkheologii* [Essays on the History of Russian Archeology]. Vol. V. Moscow, Institute of Archaeology RAS Publ., 2019, pp. 361–379.
33. Tunkina I.V. From the scientific heritage: A note on the awarding of academic degrees by S.A. Zhebelev. Preface by the publisher. *Ocherki istorii otechestvennoi arkheologii* [Essays on the history of Russian archeology]. Vol. III. Moscow, Institute of Archaeology RAS Publ., 2002, pp. 142–145.
34. *Ustav Kommercheskogo uchilishcha Obshchestva eksperimental'noi pedagogiki v S.-Peterburge* [The Charter of the Commercial College of the Society of Experimental Pedagogy in St. Petersburg]. St. Petersburg, 1913, 24 p.
35. Schultz P.N. One of the trends in portrait sculpture of the Antonin era. *Antichnyi portret* [Antique portrait], Leningrad, 1929, pp. 94–106.
36. Shcheglov A.N. In memory of Pavel Nikolaevich Schultz. *Sovetskaia arkheologiia* [Soviet Archaeology], 1984, no. 3, pp. 285–287.
37. Yurochkin V.Yu. The Slavic Question and Academic archaeology in the post-war Crimea. Dedicated to the 120th anniversary of Pavel Nikolaevich Schultz (1901–1983). *Rossiiskaia arkheologiia* [Russian Archaeology], 2021, no. 4, pp. 191–201.
38. Yurochkin V.Yu. The Crimean session of 1952 is a milestone event in Crimean archeology. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of history, philology, culture], 2024, no. 3(85), pp. 272–284.

Информация об авторе

Чемодуров Н. Н. – научный сотрудник отдела археологии раннего железного века Института археологии Крыма РАН, Researcher ID: ODK-0773-2025, Scopus ID: 57210161131.

Author information

Chemodurov N. N. – Researcher of the Mediaeval Archaeology Department of the Institute of Archaeology of the Crimea of RAS, Researcher ID: ODK-0773-2025, Scopus ID: 57210161131.

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия на: The Routledge Handbook of the Byzantine City. From Justinian to Mehmet II (ca. 500 – ca. 1500) / Eds. N. Bakirtzis, L. Zavagno. – London, New York: Routledge, 2024. – 508 p.

Александр Сергеевич Козлов
Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия
alarich@olympus.ru, https://orcid.org/0000-0002-9203-9169

Review: The Routledge Handbook of the Byzantine City. From Justinian to Mehmet II (ca. 500 – ca. 1500). Eds. N. Bakirtzis, L. Zavagno. London, New York, Routledge, 2024, 508 p.

Alexander S. Kozlov
Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia
alarich@olympus.ru, https://orcid.org/0000-0002-9203-9169

Подход к исследованию византийского города, в разной степени присущий всем авторам рецензируемой книги, может удивить российского специалиста, привыкшего воспринимать такой город как аксиоматичную историческую данность. Уже в вводной статье издатели рассматриваемого сборника, Н. Бакирцис и Л. Заваньо, по сути заявляют о том, что с понятием «византийский город» не все так просто (p. 3, 10–11, 14), а далее, в разделе «Теория и историография» тот же Л. Заваньо, а потом в соответствующих статьях М. Вейку и Ч. Саради говорят о необходимости ревизии выводов тех археологических изысканий, которые подвергали сомнению существование *византийского* города. В самом деле, до систематических раскопок, результаты коих обобщались такими специалистами как Д. Клод, К. Фосс, В. Брандес и др., западные византинисты, обращаясь к темам урбанистки, оперировали в основном данными письменных источников. Позже, как известно, археологи стали подвергать сомнению прежние исторические сценарии и начали констатировать экзистенцию чуть ли не запредельного многообразия византийских полисов – старых или новых, с древними зданиями или без них, укрепленных или нет, с епископами или без них, и с очень разными формами развития, в зависимости от того, где в империи они находились. Подобное состояние проблемы отражает и рецензируемая книга.

Например, Майкл Дж. Деккер презентует как раз такую ситуацию в соответствующей историографии, заявляя о плюрализме «методологий (именно так! – *А. К.*) византинистских урбанистических исследований» (p. 73–90). Различия между регионами державы ромеев и историческими периодами ее развития, по его мнению, стали казаться специалистам настолько большими, что большинство последних исследований ограничились регионально и хронологически, например, Малой Азией до появления турок или Грецией после прибытия славян: первая стала характеризоваться как сельская местность, вторая – как городской процветающий регион.

Между тем редакторы сборника демонстрируют намерения отойти от таких «ограниченных подходов» (partial approaches). Благодаря своему опыту в эвристике и герменевтике археологических материалов византийской Эллады и Малой Азии они, как следует из логики рецензируемой книги, обладают серьезными возможностями преодолеть региональные различия в этих материалах, а потому привлекают в качестве соавторов специалистов по другим аспектам развития Византии и сопредельных с ней регионов, включая всю Италию и Ближний Восток, – используя новейшие методики изысканий в областях политической истории и филологии, искусства и архитектуры, не стесняясь вторгаться в тонкости цивилизаций Османской империи и итальянских торговых республик. Однако в силу подобного размаха цель и методики книги выглядят, с одной стороны, расплывчато, а с другой – построены не

на конструировании, а на отрицании: «избежать довольно традиционного таксономического анализа городского феномена в соответствии с четкими линиями интерпретациями политики, экономики, административной и военной сферы» (p. 2). Правда, далее следует некоторое уточнение: проект «предусматривает их (т.е. «линий интерпретации» – *А. К.*) полное включение в хронологические и междисциплинарные рамки, которые охватывают как воображаемое, так и воспринимаемое, идеальное и прагматичное, монументальное и социокультурное течение жизни, характерное для византийского городского опыта» (p. 3). Содержание перечисленных здесь объектов внимания исследователей редакторы расшифровывать не спешат, и читателю приходится зачастую проделывать это самому, по мере чтения сборника.

Не менее важным представляется тяготение большинства авторов книги к мысли, что хотя византийский мир и не был «городским» в современном понимании этого слова, его πόλις играл гораздо более весомую роль, чем город его европейских соседей. Для доказательства этого в рецензируемом объемном томе, состоящем из 24 работ, делаются попытки, во-первых, рассмотреть как можно больше аспектов обозначенной темы и, во-вторых, применить весьма многообразные, в том числе и спорные, подходы к познанию византийского урбанизма (в основном раннего и поздневизантийского периодов). Это, по мнению Н. Бакирциса и Л. Заваньо «обеспечивает как хронологическую, так и тематическую перспективу изучения византийских городов, объединение литературных, документальных и архивных источников с учетом археологических раскопок, материальной культуры, искусства и структуры, что приводит к богатому синтезу средних региональных и субрегиональных трансформаций византийских традиционных ландшафтов» (p. 4–5). Подобный масштаб задачи объясняет, почему рецензируемая книга расчленена на четыре раздела, предполагающих к рассмотрению следующие четыре группы вопросов: теоретический аспект проблемы и ее историографию, географию и ее влияние на византийский урбанизм, архитектуру и искусственную среду (sic! – *А. К.*), повседневную жизнь и материальную культуру. Как мы видим, специальных, привычных для российских византинистов, разделов, посвященных городской экономике, социальной структуре и ее динамике, менеджменту города и т.п. композиция книги не предусматривает. Однако, следует заметить, в отмеченные разделы включены, кроме всего прочего, и специализированные, весьма узкопредметные статьи, о которых следует сказать отдельно.

Здесь уместно оговориться, что заявленные масштаб и широта предмета исследования, явно превышающие объем презентуемой книги и эрудицию самого квалифицированного рецензента, как ни странно, мешают рассмотрению таких аспектов темы, которые в последнее время стали весьма актуальны для понимания византийского урбанизма, – тема многообразия форм сельской глубинки, тема уровней насыщенности городами (и селами) разнообразных территориальных ниш, тема конкретной природной среды.

Результат такого рода тематического нонсенса в сочетании с фокусированием на urban phenomenon и вышеупомянутом «опыте» более всего заметен в довольно скрупулезном исследовании У. Серин «Византийский город Малой Азии» (p. 139–171). В самом деле, будучи сориентирован на концепцию сборника, автор не может не преподнести процветание центров Антальи и Трапезунда как типичное явление, хотя корректнее было бы говорить об его исключительности (ср.: p. 156–159). В итоге турецкая исследовательница упускает из виду упадок и заброшенность городов, очевидные во многих регионах Малой Азии уже в конце средневизантийского периода, – контрастом чему было укрепление и рост сел [см. об этом: 4, p. 13–15; 3, p. 1010–1043; 6, p. 171–194].

Напротив, выводы Н. Бакирциса («Фортификации и формирование византийского города», p. 272–289), видимо, применимы в основном к Греции, где цивилизация ромеев нуждалась в упрочении обороны городов, чтобы удержаться в обстановке славянских вторжений в сельскую хору. «Оборонительные сооружения, как считает Бакирцис, обеспечивали континуитет (continuity) и играли решающую роль в адаптивной устойчивости византийских сообществ. Отделенные от сельской местности защитными сооружениями, организация и топография городов отражали их роль как административных центров и центров религиозной, социальной и экономической жизни» (p. 283). Как мы видим, в понимании функций города

Бакирцис близок М. Я. Сюзюмову, хотя работы уральского византиниста ему неизвестны.

В связи с этим уместно обратить внимание на то, что в средневизантийской Малой Азии такие центры как Милеет были просто заброшены, как только исчезла потребность в их укреплении для защиты от арабов (см. ниже). Однако Малая Азия в данном аспекте все равно представляет для Бакирциса меньшую проблему, если судить по характеру его аргументации в отношении истории Анкиры (p. 282–283), поскольку он ссылается на монографию К. Фосса «Византийская Анкира» (p. 289, n. 61), игнорируя обширную более позднюю литературу, которую можно найти в работе, написанной Серин (p. 154–155, fig. 7.6) [ср., например: 5, S. 44–45].

В связи с подобными наблюдениями над судьбами конкретных византийских центров объективно напрашивается старая проблема – степень корректности использования совокупностей археологических и письменных данных о том или ином регионе Византии. Здесь надо заметить, что въедливый читатель рецензируемой книг обнаружит себя вознагражденным прежде всего каскадом эмпирики, не касающейся обобщений в стиле справочника о некоем «византийском городе», но презентующей и препарирующей недавние и новейшие результаты исследований конкретных полисов, а также новейшую методику анализа отдельных мест или памятников. А. Гандила делает смелые выводы из анализа находок монет в городах по всему (!) побережью Черного моря (p. 107–138), Н. Каридис предполагает, что храмы святых Сергия и Вакха в Константинополе изначально могли быть не купольными, а с деревянной кровлей (p. 247–271), М. Харпстер и М. Джонс обобщают археологические, текстологические и геоморфологические данные для моделирования и понимания того, как с течением времени менялся прибрежный ландшафт между Салерно и Пунта Кампанелла (часть хоры византийского Амальфи) (p. 352–367), А. Кутупас рисует яркую картину сохранившейся поздней античности в арабской Александрии (p. 368–383), а Д. Врум предоставляет познавательную информацию о «коммерческой деятельности и керамических находках в Константинополе (ок. 500–1000 гг.)» (p. 427–450). Эти и многие другие работы (всего 21) демонстрируют изрядное разнообразие тем и исследовательских методик, и если этот принцип комплектования сборника принять как сильную сторону подхода к византийскому урбанизму и особенно к проблемам синтеза данных археологии и нарратива, то рецензируемая книга оставит свой след в византинистике не вопреки, а потому, что в ней не удается описать «византийский город» как *единое* «урбанистское явление» и «опыт».

При ознакомлении с суждениями Бакирциса, однако, возникает проблема поиска ключа к аббревиатурам, присутствующим в приводимой библиографии, поскольку ни одна из этих аббревиатур в рецензируемой книге не расшифрована, а каждая из глав (статей) сборника оформлена по собственным правилам. Исходя из подобного казуса, оптимальный выход представляется во внимании к оформлению ссылки 14 (p. 287): «Foss, Late Antique and Byzantine Ankara. (DOP 31, 1977, pp. 27–87)». Однако, поскольку К. Фосс в 70–90-х гг. часто занимался лишь византийской Анкирой, то такая ссылка помогает только частично. К тому же ситуация усугубляется при чтении других работ сборника, где используются другие аббревиатуры, причем такие, которые включены в весьма неполные библиографические ссылки. Классический пример – глава 15 под авторством Д. Кроу. Читателю приходится гадать, о каких работах ученого идет речь, когда приведена ссылка «Crow. Walls» (p. 349, n. 1), – поскольку Джеймс Кроу опубликовал довольно много работ о самых разных византийских стенах, валах и вообще об укреплениях.

Схожие недоразумения можно увидеть и в подписях к иллюстрациям, – например, в гл. 15, fig. 15.4 (p. 339), где подпись гласит: «A nineteenth-century by Sebah and Joaillier and comes from the author's archive». К счастью, на самом изображении есть подпись «N. 8. Brousse – Vue panoramique du fauburg de Tchékirgué. Sébah and Joaillier 1894» («N. 8. Бурса – Панорамный вид на пригород Чекирге. Себах и Жоайе 1894»). Ясно, что фотография была частью серии фото или альбома (как было модно в то время), что она была сделана в 1894 г. и что на ней изображен Чекирге, тогда пригород, а сегодня квартал Бурсы (запад Малой Азии). Эту небрежность, конечно, можно игнорировать как тривиальную, – если учитывать, что в ряде глав выводы вообще не вызывают споров. Например, в исследовании М. К. Ка-

риле «Монументальность и византийский город» (p. 290–310) делается вывод о том, что «не только византийцы обладали чувством монументальности и реализовывали его, но и сами построенные ими города, став монументальными, продолжают оставаться таковыми и сегодня» (p. 304). То же можно сказать о работе Э. Георги «Вода и византийский город» (p. 311–333), где управление водными ресурсами характеризуется как относительно более утилитарное по сравнению с предыдущим римским периодом.

Некоторые случаи исследовательской небрежности в сборнике потенциально более серьезны, нежели отмеченные раньше. Например, на рисунке 18.1 с примечанием 28 (p. 104) присутствует знаменитая трирская поделка из слоновой кости, подпись указывает на «четвертый век», но библиографические ссылки по поводу сего артефакта устарели на четверть столетия, игнорируя многие более поздние публикации и вероятную дату – VIII в. [из недавних работ см.: 1, p. 28–47; 2, p. 93–98; 6, p. 224–227]. Еще пример – в работе М. Ангар (p. 452) презентует храм Св. Бенуа, «построенный в 1427 году» в качестве примера памятников «Генуэзской Перы», хотя эта церковь была фактически построена примерно столетием ранее как типично византийский храм для греческой православной общины за пределами генуэзских владений.

Характеристика судьбы Бурсы еще более запутана. В самом деле, большая часть османской строительной деятельности оставила «соблазнительно смутные следы» (tantalizingly vague traces) более ранних, античных и византийских зданий, которые С. Чагаптай исследует в своей статье (p. 334–351), стараясь показать, как «ранний османский город Бурса вырос из поздневизантийской Прусы, которая, в свою очередь, выросла из классической Прусы» (p. 334). Чагаптай приводит доводы в пользу континуитета урбанистских состояний этого центра и сравнивает данный феномен с более обеспеченным источниками случаем «Милеет – Палатия – Балат», стараясь увидеть подобные явления в пространстве далее на юге в западной Малой Азии (p. 346–347, fig. 15.10), – но, полагаю, это ошибочный метод. Ранневизантийский Милет был в упадке и оказался полностью заброшен в средневизантийский период. Что же до поздневизантийской Палатии, то она была новым поселением под новым названием на Театральном холме, отдельным от того, что раньше было ранневизантийским Милетом (см. исследование Серин, p. 151), а турецкий Балат был построен за пределами своего поздневизантийского предшественника и не связан с ранневизантийским Милетом. Если уж на то пошло, агломерация Милеет – Палатия – Балат является примером разрыва, а не континуитета, и этот разрыв ставит вопрос, могли ли Бурса или любой другой город испытать подобную судьбу?

Так или иначе, но многопрофильное и относительно упорядоченное содержание сборника вкупе с плюрализмом методик исследований позволяет авторам изрядно поколебать историографический баланс между «окраинами» и «метрополией» Византии, а также не ослаблять внимания к территориям, которые часто называются периферийными, – к таким как полисы-эмпории Черного моря, а также города на Крите, Кипре и Сицилии, где в последние десятилетия проводились и проводятся впечатляющие по результатам раскопки. В итоге можно констатировать, что назвать Handbook коллективной монографией или справочником в привычном для нас смысле затруднительно, хотя здесь вроде бы как соблюдается оптимальное соотношение между историко-теоретическими обзорами и детальными наблюдениями над солидными группами эмпирики. Этим такая книга и способна привлечь внимание ученых-специалистов, студентов и энтузиастов, а, следовательно, может быть интересна всем, кто хотел бы глубже понять не только византийский урбанизм, но и цивилизацию ромеев вообще.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Chatterjee P. Iconoclasm's Legacy. Interpreting the Trier Ivory // Art Bulletin. 2018. Vol. 100, No. 3. P. 28–47.
2. Cutler A., Niewöhner Ph. Towards a History of Byzantine Ivory Carving from the Late Sixth to the Late Ninth Century // Mélanges Catherine Jolivet-Lévy / Eds. S. Brodbeck, A. Nicolaïdès, P. Pagès, B. Pitarakis, I. Rapti, É. Yota. Paris, 2016. P. 89–107. (Travaux et Mémoires, 20).
3. Fildhuth J. Pergamon // Reallexikon zur byzantinischen Kunst. Vol. VII. Fasc. 55. Stuttgart, 2023. S. 1010–1043.
4. Hugh G. J. Middle Byzantine Aphrodisias. The Episcopal Village, AD 700–1200. Wiesbaden, 2022. (Aphrodisias, 12).
5. Izdebski A. Ein vormoderner Staat als sozioökologisches System. Das oströmische Reich 300–1300 n. Chr. Dresden, 2022. (Forschungen zur Geschichte und Kultur des östlichen Mitteleuropa, 59).
6. Niewöhner Ph. Not a Consumption Crisis. Diversity in Marble Carving, Ruralisation, and the Collapse of Urban Demand in Middle Byzantine Asia Minor // Feeding the Byzantine City. The Archaeology of Consumption in the Eastern Mediterranean (ca. 500–1500) / Ed. J. Vroom. Turnhout, 2023. P. 171–194. (Medieval and Post-Medieval Mediterranean Archaeology. Series 5).
7. Niewöhner Ph. The Signifcance of the Cross before, during, and after Iconoclasm. Early Christian Aniconism in Constantinople and Asia Minor // Dumbarton Oaks Papers. 2020. Vol. 74. P. 185–242.

REFERENCES

1. Chatterjee P. Iconoclasm's Legacy. Interpreting the Trier Ivory. *Art Bulletin*, 2018, vol. 100, no. 3, pp. 28–47.
2. Cutler A., Niewöhner Ph. Towards a History of Byzantine Ivory Carving from the Late Sixth to the Late Ninth Century. S. Brodbeck, A. Nicolaïdès, P. Pagès, B. Pitarakis, I. Rapti, É. Yota (eds.), *Mélanges Catherine Jolivet-Lévy*, Paris, 2016, pp. 89–107. (Travaux et Mémoires, 20).
3. Fildhuth J. Pergamon. *Reallexikon zur byzantinischen Kunst,* Stuttgart, 2023, *v*ol. VII, fasc. 55, S. 1010–1043.
4. Hugh G. J. *Middle Byzantine Aphrodisias. The Episcopal Village, AD 700–1200.* Wiesbaden, 2022, LXI, 238 pp. (Aphrodisias, 12).
5. Izdebski A. *Ein vormoderner Staat als sozioökologisches System. Das oströmische Reich 300–1300 n. Chr.* Dresden, 2022, 196 p. (Forschungen zur Geschichte und Kultur des östlichen Mitteleuropa, 59).
6. Niewöhner Ph. Not a Consumption Crisis. Diversity in Marble Carving, Ruralisation, and the Collapse of Urban Demand in Middle Byzantine Asia Minor. J. Vroom (ed.), *Feeding the Byzantine City. The Archaeology of Consumption in the Eastern Mediterranean (ca. 500–1500),* Turnhout, 2023, pp. 171–194. (Medieval and Post-Medieval Mediterranean Archaeology. Series 5).
7. Niewöhner Ph. The Signifcance of the Cross before, during, and after Iconoclasm. Early Christian Aniconism in Constantinople and Asia Minor. *Dumbarton Oaks Papers,* 2020, vol. 74, pp. 185–242.

Информация об авторе

Козлов А. С. – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Древнего мира и Средних веков Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, AuthorID: 769136.

Author information

Kozlov A. S. – Candidate of Sciences (History), Associate Professor of Department of History of the Ancient World and the Middle Ages of Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

Рецензия на: Алфьоров О. Печатки київської митрополії XI–XIV ст.: клір та інституції. Каталог колекції Музею Шереметьєвих. – Киев: ИД «Антиквар», 2021. – 240 с.

Валерий Павлович Степаненко
Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия
v.stepanenko49@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-8399-5530

Review: Alf'orov O. Seals of the Kyiv Metropolis of the 11th–14th Centuries: Clergy and Institutions. Catalog of the Collection of the Sheremetiev's Family Museum. Kyiv, "Antikvar" Publ., 2021, 240 p.

Valery P. Stepanenko
Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia
v.stepanenko49@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-8399-5530

В связи с известными событиями данный каталог дошел до российского читателя лишь недавно. Автор известен как начинающий сигиллограф и активный борец за «Самостийну Украину». Естественно, это не могло не отразиться на его подходе к издаваемому материалу. Каталог открывается двумя обращениями к читателю. Первое – Ефимия, митрополита Православной церкви Украины, по-видимому, Константинопольского патриархата. Второе – собственника печатей, коллекционера и известного общественного деятеля Алексея Шереметьева с их фотографиями. Каталог состоит из пяти разделов: I. Печати митрополитов, II. Печати епископов, III. Анонимные, в т.ч. владычные печати, IV. Печати клира (игумены, монахи), V. Печати институций (монастырей, церквей, таможенные пломбы).

В предисловии автор повторяет господствующий в современной украинской историографии тезис об «Украинском средневековом государстве». Столь же спорно его утверждение о том, что «во второй половине XX в. сфрагистика все же принадлежала к "монополизированным" дисциплинам. Центральные всесоюзные музеи и "первостоличные" исследователи были обладателями этой "феодальной вотчины"» (с. 12). Автор забыл упомянуть, что печати с территории Древней Руси к концу XIX в. интересовали крайне узкий круг академических исследователей преимущественно столицы Российской империи и первые известные находки происходили не из Киева, но из Новгорода. Печатей киевского происхождения было относительно мало и концентрировались они преимущественно в частных коллекциях, крупнейшей из которых было собрание Н. П. Лихачева, позже стараниями А. В. Банк, В. С. Шандровской и М. П. Сотниковой в большей части сконцентрированное в Эрмитаже. Этапом в исследовании древнерусской сфрагистики явились труды В. Л. Янина, в том числе монументальный каталог всех известных на время его издания печатей [10 –12].

Говорить об украинской школе сфрагистики, и тем более о ее восстановлении, на наш взгляд, преждевременно. Отдельные публикации единичных памятников не делают погоды. Тем более, что до недавнего времени специально этим никто не занимался[1]. Но значительный материал, накопленный в последние годы и постепенно вводимый в научный оборот во многом благодаря энтузиазму А. Шереметьева, дает основание предположить, что со временем она все же появится[2]. «В этом контексте, конечно, нельзя обойти стороной несколько

[1] Фактически до появления каталога В. Булгаковой [13]. Судя по количеству публикаций автора каталога, в основном после сигиллографического симпозиума в Киеве 2013 г., становление украинской школы сигиллографии как науки пришлось на последующие годы и определенную роль в этом сыграли собирательская и издательская деятельность А. Шереметьева и позже – научный патронаж известного австрийского исследователя В. Зайбта. См. издаваемый в Киеве музеем Шереметьевых «Сфрагістичний щорічник» (2011–2013. Вып. 1–4).

[2] Отметим, что в 2013 г. вышли из печати 2 тома каталога В. В. Нечитайло, тематически близкие и, возможно, аналогичные по использованному материалу рецензируемому изданию и каталогу В. Л. Янина [5; 6],

раздражающих тенденций последнего десятилетия. Первая – это сознательное пренебрежение частью исследователей отечественным сфрагистическим материалом периода Киевской Руси. Вторая – широкое привлечение украинских по происхождению печатей российскими музеями, частными сборниками и учеными. Последние публикуют эти материалы в многочисленных трудах, кое-где даже называя находки с территории Крыма "южной Россией"» (с.10). Что касается печатей «украинского происхождения», стоит напомнить автору, что матрицы печатей с греческими надписями создавались в Константинополе, откуда приезжали на Русь митрополиты-греки и большинство епископов. Это печати, найденные на территории современной Украины, и не более того. Сколь же неоправдан упрек автора в адрес российских исследователей. Хотя с точки зрения извечной принадлежности Крыма Украине он вполне объясним, но уж Приазовье и Тамань Украине никогда не принадлежали, как, впрочем, и т.н. Тмутараканское княжество [см.: 8]. Как следствие, не понятны обвинения в адрес А. Виноградова и В. Чхаидзе [3], ибо публикуемый ими материал к истории Украины, даже в трактовке ее составителем каталога, никакого отношения не имеет. Если следовать его логике, то следовало объявить похитителями ее истории Н. Алексеенко, издавшего херсонесский архив, ныне входящий в состав собрания А. Шереметьева, и рецензента сего каталога, считающего и писавшего, что т.н. Тмутараканское княжество имело предельно косвенное отношение к собственно Руси.

Структура каталога традиционна. Во введении автор объясняет читателю, что есть моливдовул, какова технология его изготовления (с. 11), со ссылками на мнения Н. П. Лихачева, Н. Икономидиса, И. Иорданова, Ж.-Кл. Шене, после чего обращается к хронологии правления митрополитов России, перечисляя подчиненных им епископов с указанием их имен и дат правлений[3] (с. 12). Далее дается краткое же описание иконографии изображений л.с. печатей. Отмечаются более ранние публикации как издаваемых печатей, так и параллельных экземпляров. Следует отметить, что содержание каталога много шире его тематики, указанной в названии, так как изданы ВСЕ церковные печати собрания, в том числе и католических иерархов, а также таможенные пломбы, к заданной проблематике отношения не имеющие.

ПЕЧАТИ МИТРОПОЛИТОВ (с. 20–67)

1.1.1. Иоанн (I), упоминаемый в источниках между 1008–1017 гг. На л.с. Богоматерь в иконографии Minimalorantengestus. На об.с. традиционная греческая формула «Богоматерь, помоги мне рабу своему Иоанну митрополиту России».

1.2.1. Феопемпт. Упомянут между 1037–1039 гг. На л.с. Иоанн Предтеча погрудно. Надпись об.с. «Господи, помоги Феопемпту митрополиту России».

1.3.1–3. Георгий. Вторая половина XI в. 1 экз. – на л.с. Богоматерь Епископсис (Знамение) погрудно и часть надписи, переходящей на об.с. Уникальна. 2 экз. – на л.с. патрональный святой митрополита – Георгий-воин в рост. Об.с. «Георгий митрополит Руси». Отметим, что образ св. Георгия-воина на церковной печати довольно редок. Сан синкелла в надписи первой печати отсутствует, но появляется на второй. Как следствие, печати, скорее всего, отражают различные этапы карьеры митрополита.

1.4.1. Николай проедр. Конец XI в. На л.с. Богоматерь Одигитрия погрудно. На об.с. традиционная формула «Печать проедра России Николая».

1.5.1–2. Никифор. 1104–1021 гг. Л.с. Богоматерь Епископсис погрудно. Об.с. «Пречистая дева. Защити меня (митрополита) России Никифора».

1.6.1–3. Никита. 1122–1226 гг. (так в тексте). На л.с. Богоматерь Епископсис погрудно. Надпись об.с. «Печать Никиты епископа России».

1.7.1–8. Михаил. 1130–1145 гг. Л.с. Богоматерь Епископсис погрудно. Об.с. «Печать Михаила пойменарха (пастыря) России».

1.8.1–5. Константин. 1156–1159 гг. Л.с. Богоматерь с младенцем на троне без спинки. Об.с. «Константин Божьей милостью митрополит всей России». Все экземпляры печати крайне плохой сохранности, фрагментированы.

а также в 2021 г. каталог печатей собрания А. Шереметьева [15].

[3] Отметим, что хронология их правления временами предельно гипотетична и может быть принята с определенными оговорками.

1.9.1. Иоанн. 1164–1166 гг. Л.с. Богоматерь с младенцем, сидящая на подушках на троне без спинки. Об.с. [+Σὴ ψ]ῆφ[ος, ἁγνή,] καὶ σ[κέπ᾽] ἔσθω ᾧ κρ[ά]τ(ει)σ ᾽Ιω(άννης) σὸς ῾Ρωσ[ι]κοῦ ποιμὴ[ν] ἔθνους.

1.10.1–2. Константин. 1167–1170 гг. Л.с. Богоматерь, сидящая на престоле без спинки. Об.с. «Печать проедра России Константина».

1.11.1. Михаил. 1171 (?) г. Л.с. Богоматерь Одигитрия погрудно. Об.с. «Печать Михаила пойменарха России».

1.12.1–5. Никифор. 1182–1198 гг. Надпись на обеих сторонах печати: Νικηφόρον σκέποις με τὸν τοῦ πρὸ Μύρου τὸν ποιμενάρχην Ρωσίας πάσης, Λόγε. Σκέποις, Τριὰς τρίφωτ[ε], τὸν τοῦ πρὸ Μύρων ὑπέρτιμόν τε ῾Ρω[σ]ίας Νικη[φ]όρον.

1.1. Иосиф 1236/7 г. Половина печати. Л.с. Богоматерь на престоле с высокой спинкой. Об.с. Надпись «+Τὸν π[οιμεν]άρχην [Ἰωσὴφ] τῆς Ῥω[σίας,ἐ]πισκ(ο)π[ῆς σῆς, ᾧ] κόρ[η, κατα] ξ[ίου]».

13.1.1–9. Кирилл. 1241–1281 гг. Л.с. Богоматерь Епископсис в рост. Надпись МФ ἡ Ἱερά. Два типа матриц.

13.2.1–2. Надпись МФ ΣΟΦΙΑ – Матерь Божья София [7]. Крайне редкая формула. Об.с. +Κύριλλος μοναχὸς ἐλέῳ Θ(εο)ῦ ἀρχιεπίσκοπος τῆς μ(ητ)ροπόλεως ῾Ρωσίας – «Кирилл монах милостью Божьей архиепископ митрополии России». Из херсонесского архива. Вариант 2 – ближе к 1270-м гг. Русская надпись: +[К]ю[р]илъ манахwс[ъ м]ілwстью Б(о)жьıє[ю а] рхиєпискwп[ъ] и всеѣ Роуси[и] м[ит]ропол[итъ].

1.14.1. Никифор (III?). Время правления 1282 (?) г. Л.с. Поясное изображение святого. Круговая надпись «Св. Полиевкт патриарх Константинополя».(Чтение В. Зайбта). Об.с. «Печать Никифора митрополита всей России». Из херсонесского архива.

15.1. Максим. 1283–1307 гг. Л.с. Знамение в рост. Надпись МФ ΣΟΦΙΑ Об.с. «+Максим, Божью милостью митрополит всей России и ипертим».

Вне этого ряда стоят:

1.1–2. Нифонт как митрополит Новой России (2 экз.). Чернигов. Ок. 1071 г. На л.с. св. мученик Неофит погрудно. На об.с. «Нифонт монах и митрополит Новой России». Образ св. Неофита уникален и более нигде не встречается, как и термин «Новая Россия» [4].

1.1. Печать Ефрема монаха (?), протопроедра и митрополита. Переславль. 1089–1096 гг. Л.с. Архангел Михаил лоратный в рост со скипетром и державой в руках. Об.с. «Господи помоги Ефрему, монаху (?), протопроедру и митрополиту России» [1].

РАЗДЕЛ II. ПЕЧАТИ ЕПИСКОПОВ (с. 70–103)

1.1–4. Лука епископ Белгорода (?). Конец XI – начало XII вв. 4 экз. Л.с. Ап. Петр и Павел погрудно. Над головами колончатые надписи. с именами апостолов. Круговая плохо читаемая метрическая надпись [16, № 2561 б–в]. Об.с. «Печать Луки монаха и епископа»

2.1. Николай епископ Белгорода. 50–70-е гг. XII в. Л.с. Св. Николай погрудно. Об.с. «Печать Николая епископа Белгорода».

1.1.1–2. Максим прототрон и епископ Брянска (?). Середина XIV в. (?). Л.с. Апостолы Петр и Павел в рост. Об.с. «Печать Максима (прото)прототрона и проедра Вран(ίσκου)». Чтение крайне сомнительно, особенно византийского сана.

1.1. Фома монах и епископ. Л.с. Богоматерь Агиоситисса погрудно, обращенная влево. Об.с. «+Богородица, помоги своему рабу Фоме монаху и епископу». Ок. 1050–1090 гг. Иконография изображения л.с. крайне редка даже для Византии [9]. Атрибуция печати епископу Галича возможна, но недоказуема, так как основана лишь на локализации места находки печати.

2.1–3. Нестор. Рубеж XI–XII вв. Л.с. Св. воин Георгий (?) погрудно. Об.с. «Деньслово».

1.1.1 – 1.2.1–2. Козьма епископ Галича. 50–60-е гг. XII в. Л.с. Богоматерь Епископсис погрудно Об.с. «+Матерь Божья, защити меня Козьму епископа (Галича)». Два типа матриц.

2.1–2. Иоанн епископ Галича. Конец XII в. 3 экз. Л.с. Богоматерь Епископсис погрудно. Об.с. «+Печать Иоанна, єпископа Галича».

1.1.1–3. Иоанн (?) епископ Новгорода. Первая половина XII в. Л.с. Иоанн Богослов погрудно. Надпись на об.с. «+Дева охрани меня (епископа) Новгорода».

2.1. Нифонт епископ Новгорода. 1130–1147 гг. Л.с. Богоматерь Епископсис погрудно. Об.с. «+Дева защити меня Никифора (епископа) Новгорода».

3.1. Митрофан епископ Новгорода. 1200–1211, 1219, 1123 гг. Л.с. Богоматерь Епископсис (?) в рост. Об.с. Русская надпись «Митрофан епископ Новгорода».

1.1. Лазарь епископ Переславля. Ок. 1105–1117 гг. Л.с. Богоматерь Оранта погрудно. Об.с. Русская надпись «Худой раб Богородицы Лазарь».

1.1. Мина епископ Полоцка. 13.12.1105 – 20.06.1116 гг. Л.с. Св. Мина погрудно. Об.с. «Деньслово».

2.1. Дионисий епископ Полоцка. До 1183 г. Л.с. Богоматерь Епископсис погрудно. Об.с. «Печать Дионсия епископа Полоцка».

1.1–2. Леонтий епископ Ростова. 1158–1183 гг. Л.с. Богоматерь Епископсис погрудно. Об.с. «Печать Леонтия епископа Ростова».

1.1. Мануил епископ Смоленска. 1137 – ок. 1167 гг. Л.с. Богоматерь Епископсис погрудно. Об.с. Русская надпись «Мануил епископ Смоленска».

2.1–2. Симеон епископ Смоленска. 1190–1197 гг. Л.с. Богоматерь Епископсис погрудно. Об.с. Русская надпись «Симеон епископ Смоленский».

2.1–3. Антоний епископ Чернигова. До 1159 г. Л.с. Христос Пантократор на престоле. Об.с. «Мой Спаситель! Защити меня Антония Черниговского».

1.1. Михаил монах и епископ Юрьева (?). 70-е гг. XI в. Л.с. Св. Георгий-воин погрудно. Круговая надпись «Господь помоги Михаилу монаху и епископу». Об.с. Архангел Михаил лоратный в рост с лабарумом и державой в руках. Атрибуция печати епископу Юрьева основана на изображении св. Георгия-воина лицевой стороны как патрона этой епископии.

РАЗДЕЛ III. АНОНИМНЫЕ ПЕЧАТИ (с. 106–115)

1.1.1–5. Аноним. 1139–1180 гг. Греческая надпись на двух сторонах: Εἷς Θ[(εὸ)ς] ἐκ Γενέταο δι᾽ Υἱ[έ]ος ἐς μέγα Πνεῦμα. Ἵστα]μένης [θε]ότητος [ἐ]νὶ τελέοι[σι] τελείης. Цитата Григория Богослова. Чтение В. Зайбта. Печать известна во множестве экземпляров, найденных преимущественно в Северной Руси (Новгород).

1.1.1. Аноним. Л.с. Богоматерь Оранта погрудно. Об.с. «Деньслово». 2 матрицы.

1.1.1. Аноним. Л.с. Богоматерь Епископсис (?) погрудно. Об.с. «Деньслово».

1.1.1–2. Аноним. Изображение на второй печати, учитывая его плохую сохранность, не может быть уверенно определено. Создается впечатление, что голова Богоматери в повороте влево, что присуще иконографии Агиоситиссы (см. печать монаха и епископа Фомы).

1.1.1–2. Аноним. Л.с. Богоматерь Елеуса погрудно Дексиократусса (?). Младенец на левой руке. Об.с. «Деньслово».

1.1. Аноним. Л.с. Христос Пантократор (?) погрудно. Об.с. Процветший крест. Матрицы явно русского мастера. Канал для шнура отсутствует. Титлы и крестчатый нимб с перлами указывают на то, что он пытался изобразить Христа. Но его иконография заставляет усомниться в этом. Изображение волос в виде плотных завитков присуще образу св. Георгия, но не Иисуса. Атрибуты власти – скипетр, увенчанный крестом, изображенным в виде четырех перлов, и держава без креста – не вписываются в традиционную иконографию Пантократора (с. 112). Возможно, подделка. Печать с изображением великомученика Нестора как стилистическая аналогия также вызывает известные сомнения (с. 80).

2.1–2. Аноним. Л.с. Богоматерь Епископсис (?) погрудно. Об.с. Процветший крест.

1.1. Анонимная печать. Л.с. Великомученик Никифор погрудно. Об.с. Процветший крест.

РАЗДЕЛ IV. ПЕЧАТИ КЛИРА (с. 118–135)

1.1.1–12. Феодосий игумен Печерского монастыря (?). 12 экз. Л.с. Феодосий киновит в рост. Об.с. «Господи помоги рабу своему Феодосию монаху». Печати найдены на обширной территории от Киева до Новгорода, так что атрибуция печати игумену Печерского монастыря вполне вероятна.

2.1–2. Прохор игумен. Л.с. Богоматерь Епископсис погрудно. Об.с. «Богородица помоги Прохору игумену». Приписана игумену Печерского монастыря. 1112–1126 гг.

3.1. Филимона игуменья Л.с. Успение Богоматери. Об.с. «Богородица помоги мне Филимоне игуменье». Вторая половина XI – первая половина XII в.

4.1.1–2. Евфросинья игуменья. 1127–1173 гг. Л.с. Св. Евфросинья погрудно. Греческая надпись «Св. Евфросинья». Русская круговая надпись «Господи помоги рабе своей Евфросинье во многие лета». Об.с. Христос Пантократор на престоле. Греческая надпись «Христос Пантократор». 2 вариант – на об.с. Преображение с предстоящими Моисеем, Илией и павшими ниц Петром, Яковом и Иоанном. Атрибуция Евфросинье Полоцкой основана на месте находки одного экземпляра на территории Спасо-Преображенского собора в Полоцке.

1.1–2. Мария монахиня и благороднейшая архонтисса. Л.с. Св. Андрей погрудно Об.с. «Печать Марии монахини и благороднейшей архонтиссы». Вторая половина XI в. Атрибуция печати крайне гипотетична [напр.: 14], что признает составитель каталога, приводя обширную библиографию.

2.1. Леонтий Печерник (отшельник) монах. Л.с. Богоматерь Одигитрия в рост. Об.с. «Богоматерь помоги Леонтию монаху Спилиоту (τ(ῷ)Σπιλεώτῃ)». Вторая половина XI – первая половина XII в.

3.1. Михаил монах. Л.с. Михаил архангел лоратный погрудно. Об.с. «Печать Михаила монаха». Вторая половина XI – первая половина XII в.

4.1. Климент монах. Л.с. Оранта погрудно. Об.с. «Матерь Божья! Помоги Клименту монаху». Вторая треть XI в.

РАЗДЕЛ V. ИНСТИТУЦИИ (с. 138–147)

Монастыри и церкви, посвященные Христу:

1.1.1. Л.с. Христос Пантократор на престоле. «Иисус Христос Со[тер]». Об.с. Богоматерь с младенцем на престоле без спинки.

1.2.1. Л.с. Христос Пантократор погрудно. Об.с. Богоматерь Minimalorantengestus погрудно.

1.3.3. Л.с. Христос Пантократор в рост. Об.с. Шестиконечный крест. XII в.

Монастыри и церкви, посвященные Богоматери:

2.1.1. Печать XIII–XIV вв. с поясным изображением Богоматери Епископсис. Об.с. «Святая Богородица. Помоги».

2.2.1. То же изображение на обеих сторонах. XIII–XIV вв.

Монастыри и церкви, посвященные святым:

3.1.1. Аноним. Л.с. Распятие. О.б. Архангел Михаил лоратный в рост. XII–XIII вв.

3.2.1. Аноним. Л.с. Успение Богоматери. Об.с. Святой воин в рост. XII–XIII вв.

3.3.1. Аноним. Л.с. Успение Богоматери. Об.с. Богоматерь (?) в рост. XII–XIII вв. Греческая надпись реконструируется сугубо гипотетично – Агиа А[нна]. Так как сохранилась половина печати, то это может быть Одигитрия в рост. Утверждение, что это три варианта одной печати, представляется сомнительным.

3.4.1.1. Аноним. Л.с. Свв. Борис и Глеб погрудно. Об.с. Процветший крест.

3.4.1.2. Аноним. Л.с. Свв. Борис и Глеб погрудно. Об.с. Процветший крест.

3.4.2.1. Аноним. Л.с. Свв. Борис и Глеб погрудно. Об.с. Процветший крест. Все датированы концом XI – началом XII в., что крайне сомнительно, учитывая различные матрицы и предельно разнообразное их качество. Возможно, это печати Борисо-Глебского монастыря в различные периоды его существования.

ТАМОЖЕННЫЕ ПЕЧАТИ (с. 147)

1.1. Шестиконечные кресты на обеих сторонах печати. XII–XIV вв.

ПРИКЛАДНЫЕ ПЕЧАТИ (с. 152–158)

Часть вторая. Печати клира и институций

1.1–2. Печать Феодосия, брата владыки. Л.с. Григорий Богослов (?) в рост. Об.с. «Феодора брата владыки». 2 экз. Изображение и надпись на матрице были рельефны. Как следствие, на печати они оттиснулись в контррельефе. Дата XIII–XIV вв. не очевидна, быть может значительно более поздняя.

2.1. Печать клира Владимирской епархии. Л.с. Богоматерь Знамение поколенно. Об.с. «Печать собора крылоса Волод[имерского]». Дата XIV–XV вв. вновь не очевидна. Ср. печати монастырей Афона XVI–XVIII вв.

АНЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ПЕЧАТИ (с. 155–159)

С изображением Христа:

1.1. Пирамидальная миниатюрная печать 12×11 мм с изображением Христа погрудно. Дата X–XII вв. требует обоснования.

С изображением символов Христа:

2.1. Колоколообразная печать с процветшим крестом.

2.2, 2.3. Тот же тип с крестом.

2.4. Квадрифолий с круглым углублением в центре и 4 меньшими, расположенными крестообразно. Интерпретация в качестве символов Христа и евангелистов возможна, но не доказуема. Дата X–XII вв. сомнительна.

С изображениями святых:

3.1, 3.2. Миниатюрные печати с изображениями святых погрудно.

ПРИЛОЖЕНИЕ I (с. 162–163)

Печать Павла, митрополита Зихии. Л.с. Процветший крест. Надпись «Господи помоги рабу своему» Об.с. «Павлу митрополиту Зихии». Первая треть X в. Из Херсонеса.

Л.с. Матрицы печати Иакова митрополита Готии. «+Митрополит Готии Иаков» Вторая треть XIV в. Найдена в Крыму под Мангупом.

Булла папы римского Александра IV. 12.12.1254 – 25.05.1261 гг. Иконография папских печатей традиционна. На л.с. ап. Петр и Павел оглавно. Об.с. «Александр папа III». Найдена в Балаклаве.

Булла папы Мартина IV. 29.08.1261 – 2.10.1264 гг. Иконография традиционна.

Булла папы Мартина V. 11.11.1417 – 20.02.1431 гг.

ПЕЧАТИ КАТОЛИЧЕСКИХ ВЛАДЫК (с. 169)

Анонимная. Л.с. Епископ на престоле. Об.с. Распятие с предстоящими. XIII–XIV вв.

Фрагмент епископской печати XIII–XIV вв.

Заготовки печатей 5 экземпляров (с. 173).

ПРИЛОЖЕНИЕ II. Таблицы с перечнем публикуемых печатей с инвентарными номерами и размерами (с. 176–214).

Список сокращений и использованной литературы (с. 215–227).

Указатель греческих и русских надписей печатей (с. 228–229).

Указатель должностей и санов (с. 230).

Агиографический указатель (с. 231). Далек от традиционного, так как в нем перечислены как библейские персонажи, так и политические и религиозные деятели.

Географический указатель (с. 232–236). Здесь было бы желательно дать карту с указанием мест находок печатей.

Именной указатель (с. 237–239).

В целом работа довольно монументальна, но во многом вторична. Как отмечает автор (с. 14), по техническим причинам каталог печатей с греческими надписями, включающий большинство издаваемых здесь памятников, был издан ранее [15]. Отсюда постоянные ссылки на него и каталог В. В. Нечитайло [5–6]. Т.е., как следствие, значение рецензируемого каталога заключается уже в том, что он знакомит украиноязычную аудиторию с издаваемым материалом. А также демонстрирует фотосъемку и полиграфию издания традиционно высочайшего уровня.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бутырский М. Н. Печать Ефрема Печерского, епископа / титулярного митрополита Переяславского // АДСВ. 2019. Вып. 47. С.140–146.
2. Виноградов А. Ю., Чхаидзе В. Н. «Спаси великого Евмафия из рода достославного»: к прочтению легенды одной группы византийских печатей // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XII Международный Византийский семинар / Ред. Н. А. Алексеенко. Севастополь, 2020. С. 71–76.
3. Виноградов А. Ю., Чхаидзе В. Н. Феодор Гавра и его печати // АДСВ. 2020. Вып. 48. С. 254–269.
4. Назаренко А. В. Митрополии Ярославичей во второй половине XI века // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2007. Вып. 1. С. 85–103.

5. Нечитайло В. В. Каталог древнерусских печатей X–XIII веков. Том 1: Древнерусские печати великих князей Киевских и Митрополитов Руси. Киев, 2013.
6. Нечитайло В. В. Каталог древнерусских печатей X–XIII веков. Том 2: Печати князей русских, посадников, епископов, должностных лиц. Киев, 2013.
7. Степаненко В. П. Образ Софии Премудрости Божьей в византийской сфрагистике доиконоборческого периода // Труды Государственного Эрмитажа. 2014. Т. LXXI. С. 275–285.
8. Чхаидзе В. Н. Тмутаракань: печальный опыт историографии начала XXI века. Препринт. М., 2017.
9. Шандровская В. С. К изображению Богоматери Агиосоритиссы на византийских печатях // Византийская сфрагистика в трудах В. С. Шандровской / Ред. Е. В. Степанова. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2019. С. 448–452.
10. Янин В. Л. Актовые печати древней Руси X–XV вв. Т. 1. Печати X – начала XIII в. М.: Наука, 1970.
11. Янин В. Л. Актовые печати древней Руси X–XV вв. Т. 2. Новгородские печати XIII–XV вв. М.: Наука, 1970.
12. Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. 3. Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг. М.: Наука, 1998.
13. Bulgakova V. Byzantinische Bleisiegel in Osteuropa: Die Funde auf der Territorium Altrusslands. Wiesbaden, 2004.
14. Seibt W. War Maria ἠεὐγενεστάτη ἀρχόντισσα eines Siegeltypus aus der Rus' die gesuchte Monomachaina oder eher Maria Dobronega? // Byzantinoslavica. 2017. LXXV, 1–2. S. 116–122
15. Seibt W., Alf'orov O. Byzantine seals and Rus' seals in Byzantine manner found on the territory of Ukraine (Collection of the Sheremetiev's Family Museum, Kyiv). Kyiv, 2021.
16. Wassiliou-Seibt A.-K. Corpus der Byzantinischen Siegel mit metrischen Legenden. Teil 2: Siegellegenden von Ny bis inclusive Sphragis. Wien, 2016. (Wiener Byzantinistische Studien. Bd. 28/2).

REFERENCES

1. Boutyrskii M. N. A seal of Bishop Ephraim of Perstlaba / Titular Metropolitan of Pereyaslavl. *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2019, vol. 47, pp. 140–146.
2. Vinogradov A. Iu., Chkhaidze V. N. "Save Great Eumathios of the Glorious Family": Towards the Reading of the Legend of a Group of Byzantine Seals. Alekseenko N. A. (ed.), *XII mezhdunarodnyi vizantiiskii seminar "ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiia i polis"* [12th international Byzantine workshop "Chersonos Themata: the empire and the polis"], Sevastopol, 2020, pp. 71–76.
3. Vinogradov A. Iu., Chkhaidze V. N. Theodore Gabras and his seals. *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2020, vol. 48, pp. 254–269.
4. Nazarenko A. V. Metropolitanates of the Yaroslavichi in the second half of the 11th century. *Drevniaia Rus': Voprosy medievistiki* [Ancient Rus: Questions of Medieval Studies], 2007, vol. 1, pp. 85–103.
5. Nechitailo V. V. *Katalog drevnerusskikh pechatei X–XIII vekov. Tom 1: Drevnerusskie pechati velikikh kniazei Kievskikh i Mitropolitov Rusi* [Catalog of Old Russian Seals of the 10th–13th Centuries. Volume 1: Old Russian Seals of the Grand Dukes of Kyiv and Metropolitans of Rus]. Kiev, 2013.
6. Nechitailo V. V. *Katalog drevnerusskikh pechatei X–XIII vekov. Tom 2: Pechati kniazei russkikh, posadnikov, episkopov, dolzhnostnykh lits* [Catalog of Old Russian Seals of the 10th–13th Centuries. Volume 2: Seals of Russian Princes, Mayors, Bishops, and Officials]. Kiev, 2013.
7. Stepanenko V. P. Image of Sophia, the Wisdom of God, in Byzantine Sphragistics of the Pre-Iconoclastic Period. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha* [Proceedings of the State Hermitage Museum], 2014, LXXI, pp. 275–285.
8. Chkhaidze V. N. *Tmutarakan': pechal'nyi opyt istoriografii nachala XXI veka* [Tmutarakan: a sad experience of historiography of the early 21st century]. Preprint. Moscow, 2017.
9. Shandrovskaia V. S. On the image of the Mother of God Agiosoritissa on Byzantine seals. Stepanova E. V. (ed.), *Vizantiiskaia sfragistika v trudakh V. S. Shandrovskoi* [Byzantine sphragistics in the works of V. S. Shandrovskaya], St. Petersburg, State Hermitage Publ., 2019, pp. 448–452.
10. Yanin V. L. *Aktovye pechati drevnei Rusi X–XV vv. T. 1. Pechati X – nachala XIII v.* [Act seals of Ancient Rus' of the 10th–15th centuries. Vol. 1. Seals of the 10th – early 13th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1970.
11. Yanin V. L. *Aktovye pechati drevnei Rusi X–XV vv. T. 2. Novgorodskie pechati XIII–XV vv.* [[Act seals of Ancient Rus' of the 10th–15th centuries. Vol. 2. Novgorod seals of the 13th–15th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1970.
12. Yanin V. L., Gaidukov P. G. *Aktovye pechati Drevnei Rusi X–XV vv. T. 3. Pechati, zaregistrirovannye v 1970–1996 gg.* [Act seals of Ancient Rus' of the 10th–15th centuries. Vol. 3. Seals registered in 1970–1996]. Moscow, Nauka Publ., 1998.
13. Bulgakova V. *Byzantinische Bleisiegel in Osteuropa: Die Funde auf der Territorium Altrusslands*. Wiesbaden, 2004.
14. Seibt W. War Maria ἠεὐγενεστάτη ἀρχόντισσα eines Siegeltypus aus der Rus' die gesuchte Monomachaina oder eher Maria Dobronega? *Byzantinoslavica*, 2017, LXXV, 1–2, pp. 116–122

15. Seibt W., Alf'orov O. *Byzantine seals and Rus' seals in Byzantine manner found on the territory of Ukraine (Collection of the Sheremetiev's Family Museum, Kyiv)*. Kyiv, 2021.
16. Wassiliou-Seibt A.-K. *Corpus der Byzantinischen Siegel mit metrischen Legenden. Teil 2: Siegellegenden von Ny bis inclusive Sphragis*. Wien, 2016. (Wiener Byzantinistische Studien. Bd. 28/2).

Информация об авторе

Степаненко В. П. – доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков департамента «Исторический факультет» Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета, ScopusID: 57214225646.

Author information

Stepanenko V. P. – Doctor of Science (History), Professor of Ancient and Mediaeval History Department of Ural Federal University, ScopusID: 57214225646.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ / ABBREVIATIONS

АГС – Архив города Севастополя
АДСВ – Античная древность и средние века
БГИКЗ – Бахчисарайский государственный историко-культурный заповедник
БИКАМЗ НА – Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник, Научный архив
ВВ – Византийский временник
ВДИ – Вестник древней истории
ГАРК – Государственный архив Республики Крым (Симферополь)
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации (Москва)
ГИМ – Государственный исторический музей (Москва)
ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей
ИАК – Известия Императорской археологической комиссии
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР / РАН
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
ЛХО – Литературно-художественное отделение
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МАО – Московское археологическое общество
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
НА ИАК РАН – Научный архив Института археологии Крыма РАН (Симферополь)
НАО ГМЗ ХТ – Научно-архивный отдел Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» (Севастополь)
ОАК – Отчет Императорской археологической комиссии
ООИД – Одесское общество истории и древностей
ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры
РА – Российская археология
РАО – Российское археологическое общество
РО НА ИИМК РАН– Рукописный отдел Научного архива ИИМК РАН (Санкт-Петербург)
РЭМ – Российский этнографический музей (Санкт-Петербург)
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СГУ – Симферопольский государственный университет им. М. В. Фрунзе
ТУАК – Таврическая ученая архивная комиссия
УСНРПУ – Украинское специальное научно-реставрационное производственное управление
УССР – Украинская Советская Социалистическая Республика
ФОН – Факультет общественных наук
ХСб – Херсонесский сборник
ЦГАЛИ СПб. – Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга
ЦГАКФФД СПб. – Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга
ЦИЖВЯ – Центральный институт живых восточных языков
BAR IS – British Archaeological Reports, International Series
BCH – Bulletin de correspondence hellénique

СОДЕРЖАНИЕ

К публикации XXX выпуска МАИЭТ _____ 5

АРХЕОЛОГИЯ

Егорова Т.В., Смирнова В.С., Зубавичус Е.Я., Бакиров Б.А., Назаров К.М., Кичанов С.Е., Сапрыкина И.А. Первые результаты аналитического исследования чернолаковых миниатюрных сосудов из некрополя Волна 1 на Азиатском Боспоре _____ 7

Журавлев Д.В. Новая находка римского портретного медальона в Херсонесе_____ 30

Труфанов А.А. Лепные одноручные миски из позднескифских памятников Крыма ____ 36

Мульд С.А. Конструктивные особенности позднескифских склепов могильника Опушки в Центральном Крыму _____ 48

Максименков В.К. О связи курганных и грунтовых некрополей варварского населения Юго-Западного Крыма в римское время_____ 61

Зайцев Ю.П. Тарапан из некрополя Кара-Тау. К проблеме виноградарства и виноделия в Крымском Барбарикуме_____ 75

Зайцев Ю.П., Гавритухин И.О., Шкрибляк И.И. Клад эпохи Великого переселения народов с городища Кара-Тау _____ 85

Хайрединова Э.А. Поясной набор с инкрустацией первой половины VI века из Юго-Западного Крыма_____ 112

Смокотина А.В. Керамика последней трети VI в. в рыбозасолочном комплексе ранневизантийского Боспора_____ 138

Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Ранневизантийский комплекс из квартала IX Северного района Херсонеса _____ 158

Нидзельницкая Л.Ю., Безуглов С.И. Раннесредневековый крест из Танаиса _____ 203

Зайцев Ю.П., Хайрединова Э.А., Шкрибляк И.И. Элитное погребение раннесредневекового времени с городища Мелек_____ 219

Душенко А.А. Укрепления A.VI, A.VII, A.VIII и A.IX главной линии обороны Мангупа __235

Науменко В.Е., Набоков А.И. О хронологии и историко-культурной атрибуции раннесредневековых могильников Мангупа-Дороса _____ 277

Радочин В.Ю. Некоторые результаты исследований детских антропологических материалов из раскопок могильника у с. Лучистое_____ 310

Зинько В.Н., Зинько А.В., Пономарев Л.Ю. Новые салтово-маяцкие комплексы на городище Тиритака и в пос. Эльтиген _____ 320

Майко В.В. К вопросу о существовании подкурганного обряда погребения в Восточной Таврике во второй половине IX в._____ 347

Цапко С.А. Янтарные кресты XIII–XIV вв. из Крыма_____ 362

Смекалова Т.Н., Борисов А.В., Деваев А.С., Леонов Л.Л., Кецко Р.С., Савельев Д.О., Гаврилюк А.Н., Фридрихсон С.К. Средневековые пойменные поселения на левобережье озера Донузлав 370

Сейдалиева Д.Э. Об одной группе штампованных кувшинов из раскопок городища Солхат 385

Сейдалиев Э.И. Косторезное ремесло городища Солхат по материалам Старокрымской археологической экспедиции 396

Смекалова Т.Н., Масленников А.А., Сидоренко В.А. Караларское побережье в Крымском Приазовье в Средневековье и XVIII–XX вв. по данным картографии, дистанционного зондирования и археологии 412

НУМИЗМАТИКА

Шонов И.В. Новый дифферент на херсонесской драхме ок. 175 г. до н.э. 442

Алексеенко Н.А. Поддельный нидерландский флорин с территории южного пригорода Херсонеса 447

ЭПИГРАФИКА

Бехтер А.П., Ильина Ю.И. Граффити и дипинти из раскопок Е.И. Леви и А.Н. Карасева. 7. Магические. 8. Торговые. 9. Varia. 10. Incerta. 11. Материалы с теменоса 455

Евдокимова А.А. Византийские надписи с лексемой «σταυρός» и изображением креста. К вопросу о типологии 471

ИСТОРИЯ

Айбабин А.И. История Готии второй половины VIII в. по данным Жития Иоанна Готского 488

Карашайски К.М. Змеи и волки: тюркские наемники на византийской службе в середине IX – XI в. 501

Шалыга Д.А. Крымские топонимы в четвертом турецком письме Бусбека 516

Шульман К.Д. Комплекс мечети и медресе в средние века: всемирная традиция и крымский аспект 521

Ломакин Д.А., Айбабина Е.А. Мечеть Бекхан Султан в Бахчисарае 533

Храпунов Н.И. Приключения майора Семпл-Лайла на Юге России в 1783 году 555

Айбабин И.А. Крымские сюжеты в британской прессе 30-40-х годов XIX в. 571

Хайрединова З.З. Инкорпорация крымских татар в сословную структуру Российской империи в конце XVIII – начале XIX в. (по архивным документам) 581

Конкин Д.В. Новороссийский военный губернатор И.И. Михельсон и его «Записка о землевладении в Крыму» (1802 г.) 589

Борщик Н.Д. История Севастопольского карантина в XIX веке 597

Прохоров Д.А. Формирование кадрового состава Севастопольской таможни во второй половине XIX – начале XX века 606

Непомнящий А.А. Новые документы по истории становления архивного дела в Крыму: по материалам ЦГИА Санкт-Петербурга _____ 616

Ломакина М.А., Айбабина Е.А. О происхождении художника К. Ф. Богаевского _____ 624

Конкин Д.В. Комиссия под руководством С.П. Суходольского 1905 г. _____ 647

Чемодуров Н.Н. Профессиональное становление П.Н. Шульца в 1920-е гг. _____ 661

РЕЦЕНЗИИ

Козлов А.С. Рецензия на: The Routledge Handbook of the Byzantine City. From Justinian to Mehmet II (ca. 500 – ca. 1500) / Eds. N. Bakirtzis, L. Zavagno. – London, New York: Routledge, 2024. – 508 p. _____ 684

Степаненко В.П. Рецензия на: Алфьоров О. Печатки київської митрополії XI–XIV ст.: клір та інституції. Каталог колекції Музею Шереметьєвих. – Киев: ИД «Антиквар», 2021. – 240 с. _____ 689

Список сокращений _____ 697

CONTENTS

To the Publication of the 30th Volume of the MAIET 5

ARCHAEOLOGY

Egorova T.V., Smirnova V.S., Zubavichus E.Ya., Bakirov B.A., Nazarov K.M., Kichanov S.E., Saprykina I.A. First Results of the Analytical Research of Fine Black-Slip Pottery from the Cemetery of Volna 1 in the Asian Bosporos 7

Zhuravlev D.V. A New Find of a Roman Portrait Medallion in Chersonesos 30

Trufanov A.A. Hand-Made One-Handled Bowls from the Late Scythian Sites in the Crimea 36

Mul'd S.A. Construction Features of the Late Scythian Burial Vaults from the Cemetery of Opushki in the Central Crimea 48

Maksimenkov V.K. On the Connection of Barrow and Flat Cemeteries of the Barbarian Population of the South-Western Crimea in the Roman Period 61

Zaytsev Yu.P. Winepress from the Cemetery of Kara-Tau: For the Question of Vine-Growing and Wine-Making in the Crimean Barbaricum 75

Zaytsev Yu.P., Gavritukhin I.O., Shkribliak I.I. Great Migration Hoard from the Ancient Fortified Settlement of Kara-Tau 85

Khairedinova E.A. Inlayed Belt Set from the First Third of the Sixth Century from the South-Western Crimea 112

Smokotina A.V. Last Third of the Sixth Century Pottery in the Fish-Salting Complex of Early Byzantine Bosporos 138

Golofast L.A., Ryzhov S.G. Early Byzantine Deposit from Quarter IX in the Northern District of Chersonesos 158

Nidzelnitskaya L.Yu., Bezuglov S.I. An Early Mediaeval Cross from Tanais 203

Zaytsev Yu.P., Khairedinova E.A., Shkribliak I.I. The Early-Mediaeval-Period Elite Grave from the Fortified Settlement of Melek 219

Dushenko A.A. Fortifications A.VI, A.VII, A.VIII, and A.IX of the Main Defence Line of Mangup 235

Naumenko V.E., Nabokov A.I. On the Chronology and Historical and Cultural Attribution of the Early Mediaeval Cemeteries of Mangup-Doros 277

Radochin V.Yu. Some Results of the Investigation of Children's Palaeonthropological Materials Excavated at the Cemetery near the Modern Village of Luchistoe 310

Zin'ko V.N., Zin'ko A.V., Ponomarev L.Iu. New Saltovo-Maiak Assemblages at the Ancient Town of Tyritake and of the Modern Settlement of El'tigen 320

Maiko V.V. For the Question of the Barrow Mound Funeral Rite in the Eastern Taurica in the Second Half of the Ninth Century ____ 347

Tsapko S.A. Thirteenth- and Fourteenth-Century Amber Crosses from the Crimea ____ 362

Smekalova T.N., Borisov A.V., Devaev A.S., Leonov L.L., Ketsko R.S., Savelyev D.O., Gavriliuk A.N., Fridrikhson S.K. Mediaeval Floodplain Settlements on the Left Bank of Lake Donuzlav ____ 370

Seidalieva D.E. On a Group of Stamped Pitchers Excavated at the Ancient Town of Solkhat ____ 385

Seidaliev E.I. Bone-Carving Industry in the Ancient Town of Solkhat according to the Materials of the Staryi Krym Archaeological Expedition ____ 396

Smekalova T.N., Maslennikov A.A., Sidorenko V.A. Karalar Coast in the Crimean Azov Sea Area in the Middle Ages and from the Eighteenth to Twentieth Century according to Cartography, Remote Sensing, and Archaeology ____ 412

NUMISMATICS

Shonov I.V. New Countermark at the Chersonesan Drachma of 175 BC ____ 442

Alekseienko N.A. Counterfeit Florin from Netherlands from the Area of the Southern Suburb of Chersonese ____ 447

EPIGRAPHY

Bekhter A.P., Il'ina Yu.I. Graffiti and Dipinti from the Excavations of E. I. Levi and A. N. Karasev. 7. Magical Graffiti. 8. Trade Graffiti. 9. Varia. 10. Incerta. 11. Graffiti from the Temenos ____ 455

Evdokimova A.A. Byzantine Inscription with Lexeme "σταυρός" and Image of Cross. On the Issue of the Typology ____ 471

HISTORY

Aibabin A.I. History of Gothia in the Second Half of the Eighth Century according to the Life of John of Gothia ____ 488

Karashayski K.M. Serpents and Wolves: Turkic Mercenaries in the Byzantine Service from the Mid-Ninth to Eleventh Century ____ 501

Shalyga D. A. Crimean Toponyms in Busbecq's Fourth Turkish Letter ____ 516

Shul'man K.D. Mosque and Madrasah Complex in the Middle Ages: A Worldwide Tradition and the Crimean Aspect ____ 521

Lomakin D.A., Aibabina E.A. Bekhan Sultan Mosque in Bakhchisarai ____ 533

Khrapunov N.I. Major Semple Lisle's adventures in South Russia in 1783 ____ 555

Aibabin I.A. Crimean themes in the british press of the 1830s-1840s ____ 571

Khayredinova Z.Z. The Incorporation of Crimean Tatars into the Estate Structure of the Russian Empire in the Late Eighteenth and Early Nineteenth Centuries (According to Archival Documents) ____ 581

Konkin D.V. New Russia Governor I. I. Mikhel'son and His "Memoir of the Land-Ownership on the Crimea" (1802) ____ 589

Borshchik N.D. History of Sevastopol Quarantine in the Nineteenth Century 597

Prokhorov D.A. The Formation of Personnel of the Sevastopol Customs in the Second Half of the Nineteenth and Early Twentieth Century 606

Nepomniashchy A.A. New Documents on the History of Development of the Archival Works in the Crimea: According to the Materials from the Central State Historical Archive in Saint Petersburg 616

Lomakina M.A., Aibabina E.A. On the Origins of Artist K. F. Bogaevskii 624

Konkin D.V. P. S. Sukhodol'skii's Commission of 1905 647

Chemodurov N.N. P. N. Schul'ts' Professional Development in the 1920s 661

REVIEW

Kozlov A.S. Review: The Routledge Handbook of the Byzantine City. From Justinian to Mehmet II (ca. 500 – ca. 1500). Eds. N. Bakirtzis, L. Zavagno. London, New York, Routledge, 2024, 508 p. 684

Stepanenko V.P. Review: Alf'orov O. Seals of the Kyiv Metropolis of the 11th–14th Centuries: Clergy and Institutions. Catalog of the Collection of the Sheremetiev's Family Museum. Kyiv, "Antikvar" Publ., 2021, 240 p. 689

Abbreviations 697

Научное издание

МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ ТАВРИИ

Вып. XXX

Перевод на английский *Н. И. Храпунов*
Вёрстка *Е. С. Кутузова*
Технический и художественный
редактор *Е. В. Мажарова*
Корректор *С. И. Власова*

Подписано в печать 20.11.2025
Выход в свет 02.12.2025
Формат 70×100/16
Усл. печ. л. 57.2
Тираж 130 экз.

Распространяется бесплатно

Издательство-типография: ООО «Антиква», ИП Гальцовой Н. А.
295000, Российская Федерация, Республика Крым,
г. Симферополь, пер. Героев Аджимушкая, 6, оф. 3
Тел.: +7 978 891-37-01, e-mail: antikva07@mail. ru